

АРТУР ПРОСТ

ПЕРЕ
РОЖ
ДЕНИЕ

Россия, год 2222. Эпоха главенства научной мысли. Общество зажато в жесткие рамки свободы, установленные Институтом соционики. В авангарде прогресса возвышается грозная мощь Министерства науки. В его тени существует резервация, где борются с опасной болезнью — «белой язвой», ставшей причиной гибели десятков тысяч людей. Ничем не примечательное утро потрясло маленький научный городок Химград чудовищным взрывом. Атаке подвергся один из крупнейших биохимических центров. Над городом нависла угроза заражения и распространения облака со штаммами вирусов на ближайший Петрополис. На место трагедии прибывает глава специального отдела ФСБ майор Саврасов, который очень скоро понимает, что за взрывом стоит нечто большее. А теракт — попытка унести в могилу неприятные тайны?

I. ОПУСТОШЕНИЕ. Глава 1. Под куполом

Скрежет металла прорезал черноту. Содрогнулся невидимый сжатый воздух. По пустым коридорам быстро распространялся едкий запах. На нижних этажах обвалилось что-то огромное. По стенам волной прошла дрожь. Вновь скрежет! На сей раз нестерпимый и жуткий из чрева медленно проседающих этажей и скручивающихся коридоров. Все громче и громче. Стон рвущегося металла становился безобразнее, похожим на какофонию до ужаса бездарного, насмехающегося над слушателем, оркестра. По стенам, когда-то идеально ровным и выкрашенным в мягкий зеленый оттенок, рваной сетью расплзались трещины. Они ширились под натиском невидимого тесака, обнажая скелет и вываливая кишки из проводов.

Он очнулся в крошечной темноте, под титановым колпаком, заточившим его, но ставшим залогом его жизни. Выживший! Но этого он не осознавал. Как и того, что не помнит о ничем себе и месте куда зашвырнули его взрывы.

Память, подобно бликующим осколкам стекла, больно резала яркими вспышками. Сирена тревоги! Приказ об эвакуации! Его и еще нескольких человек настиг чудовищный натиск. Он разметал их в стороны и рушил под ними этажи. Бесконечное падение, удары о стены. Вспышка!

Здание дрожало, и он ощущал его нарастающую вибрацию. Где он находится? Что здесь делал? Что происходит? Снова вспышка!

Он пытался бежать. Вставал на изувеченные ноги и ковылял вперед — туда, где был выход. Там была лестница — нужно бежать к ней! Разбираться с происходящим некогда. Лишь бы поскорее убраться от жара, поднимающегося снизу. Он видел как красный раскаленный воздух опаляет стены, сдирает живьем кожу с тех, кто остался позади. Нужно бежать. Быстрее!

Но вокруг абсолютная тьма и вязкая тишина. Голова раскалывалась от боли. Горячий спертый воздух обжигал легкие. Он попытался вытянуть руку, но, натолкнувшись на преграду, отдернул ее. Корпус накрывшей его камеры был еще достаточно горячим.

— Где же я? — звонким эхом пронеслось у него в голове.

Откуда-то со стороны раздались крики двух людей: рваные, захлебывающиеся, но живые! Конечно же, откуда мысли будто он остался один? Мужчина и женщина, и ощущение будто знает их, а должен ли? Накрывавшая его камера приглушала их голоса. Здание трянуло. Выживший попытался встать, но его ослепила вспышка!

Он выбежал на лестницу и увидел их: мужчину и женщину в грязных, измазанных сажей белых халатах. Всего несколько часов назад на их лицах сияли радостные улыбки от того, что наконец-то их многомесячные испытания подходят к концу. Они пришли сегодня пораньше, чтобы подготовиться к решительному финалу, но стали свидетелями бесконечного кошмара, в который обратилось солнечное утро.

Позади них с перекошенными от ужаса на лицами бежали с десятков человек — уцелевшие на нижних уровнях комплекса.

«Беги же, Кир!», — что есть мочи он рванул от лестницы по коридору. Первое что он ощутил — удушающий жар, ударивший в спину, как опадают пеплом волосы и трескается кожа на лице.

Мощный взрыв разорвал внутренности здания. Сила удара была настолько огромной, что вырвала титановую камеру одной из лабораторий. Но Кир этого уже не помнил. Его оглушенное тело накрыло металлической скорлупой, увлекая хаосом рушащихся этажей под ржавую симфонию безумного оркестра. Она взбесившимся грохотом прорывалась через завалы, раздвигая вязкий разогревающийся мрак коридоров.

Этажи устремились вниз на несколько метров. Будто и не было под ними ничего, кроме пустоты. И бесконечные крики отовсюду. Живых еще было много, но значительно меньше, чем этим утром пришло на работу. И на смену трубному скрежету, из глубины вырвалась ударная волна. Она рвалась через этажи с бешенством раненного чудовища, вырывающегося на свободу. Его вой заглатывал стоны, отчаяние криков, тонущих в неистовой злобе одичалого зверя. Проламывая потолки и разрывая стены, раскаленный поток врвался в смятые коридоры, кроша их и пожирая всех, кто обнаружил себя криком.

Бледный грязно-оранжевый свет струился из-под вывернутых и просевших кусков арматуры. Разогревающийся полумрак трещал под всполохами дергающихся от напряжения проводов. Сноп искр с треском разлетались в стороны и вниз, откуда с нахальным напором сочилась удушающая раскаленная взвесь. Сухой и давящий поток стремительно наполнял рушащиеся помещения. Стонов было уже гораздо меньше. Ужас, сдавивший легкие когтями арматуры, крепко держал свою добычу: хрипящую и трепыхающуюся в агонии.

Оранжевая взвесь заполняла все пространство. Искрящиеся вспыхивающие мелкие частицы рассекали чернеющее нутро рушащегося здания. На нижних этажах огромного когда-то комплекса бушевало гнетущим ревом пламя. Оно спешило вырваться, стремилось вперед словно по жерлу вулкана, доедая тех, в ком трепетала искрами надежда что череда разрушений кончилась. Через две минуты прожорливый огненный монстр поглотил половину обломков, удушая тех, кто был выше, жгучим, отравляющим дыханием черного как смоль дыма. Температура росла очень быстро. Воздух плавился вместе с арматурой, проседавшей все ниже.

Здание задрожало. Откуда-то снаружи нарастал гул. Он стремительно ворвался в единоличную безобразную какофонию и обрушил на нее колоссальную мощь чудовищного удара. Снаружи тоже бушевал дикий монстр и он напал на того, что жрал всех внутри. Стены дрогнули; они валились друг на друга будто картонные. Разом смялись в один несколько пролетов. Вырванные кусками обломки здания разлетались горячими метеорами. Два чудовища, спущенных с поводка, схлестнулись за право дышать. Вонзая в невидимую плоть незримого врага когти и посылая градом обломков, они сотрясали кварталы города. И под натиском их схватки крошилось все, что было рядом.

И вот, на мгновение, в разрушенных коридорах здания воцарилась тишина. Два монстра решили передохнуть. И лишь бурлящий гул пламени, бушевавшего где-то глубоко, готовился к главному аккорду. Смертельное варево несколько раз грузно булькнуло, надув огромные пузыри газа. Подобно нутру огнедышащего монстра, у плавящегося озера было несварение от пожираемой пищи.

В эту же минуту здание подбросило. Чудовище очнулось! Толчок неистовой силы яростно ударил по основанию здания. Поднялся жуткий вой, стальные балки неумолимо гнулись под невиданной силой, этажи дробились в камень. Как вдруг с внешней стороны раздался гром, следом удар. Он тесаком вонзился в здание. Оно сильно накренилось, стены повело в стороны, перемалывая уцелевшее. Из глубины нарастал невыносимый писк. Пламя разгорелось подобно солнцу и огненным червем, всей своей мощью, рванулось вверх.

Стены тряслись. Потолки, и полы были полностью искрошены. Лишь плавающий каркас напоминал об этажах. Свирепствующий поток раскаленной плазмы кружил вокруг комплекса по кругу, словно сам демон земных глубин вырвался на свободу. Балки плавались в адском вихре и скручивались в огромную уродливую спираль. Нагретый до смертельных температур воздух, разносил по округе железный вой скелета здания.

Пламя над комплексом стихло лишь спустя несколько минут. Но раскаленный воздух еще долго кружил над каменным кладбищем, заметая следы. Огромные куски железобетона вперемешку с мелкими обломками высокими черными холмами лежали повсюду. Из черных глубин сквозь зияющие черные щели шел жгучий дым. Он поднимался широкими столбами до самого неба. Его серые облака, столпившиеся посмотреть на битву чудовищ, чернели, перекачивались увлекаемые вихрем горячего воздуха, поднимающегося от эпицентра схватки, и медленно опускались вниз.

«Куда идти?», — спросил пустоту Кир, опасаясь что от этого расколется деформированный свод камеры.

Сердце ответило глухим стуком. Откуда-то снизу доносился гул, будто что-то приближается. Камера вибрировала, издавая глухое мычание. Сверху что-то давило на нее. Вдруг плиту, на которой лежала камера, резко дернуло. Металлические стены прогибались под падающими со страшным грохотом обломками. И через секунду под камерой начал раскалываться пол.

Из трещин потянуло обжигающим жаром. Ухватиться не за что. Пол раскололся; камеру повело в сторону. Грохоча, все обрушилось вниз. Выжившего подмяла титановая стенка и его понесло под колпаком. От бессилия и ужаса Кир кричал и упирался ладонями в металл, впивавшийся в кожу раскаленными иглами. Несколько минут продолжалось его падение в никуда. Пока, наконец, его искореженную капсулу не прибило к огромному куску стены.

Тишина наступила не скоро. Обломки продолжали рушиться. Из-под упершейся в обломок камеры, сочился слабый оранжевый свет далекого огня.

— Какого черта я пришел сегодня сюда? — срываясь в истерику произнес он. — Куда сюда?!

Обломки продолжали сдавливать камеру, угрожая захлопнуть единственный просвет между стеной. Что делать?

— Иди или останься... — ответил он сам себе.

Кир с опаской просунул руку наружу через проход между камерой и стеной. Там хотя бы больше света. Можно разглядеть куда ползти. Несколько обломков съехали в сторону, заставив камеру «взвизгнуть».

«Иди же, Кир!», — пронеслось у него в голове. Опасаясь худшего, он полез в щель и оказался в небольшом «кармане» завала. Он медленно поворачивал голову из стороны в сторону. Лишь грязные оранжевые образы и ошметки памяти, ничего не разобрать. Обломки жались друг к другу и осыпались. Отовсюду слышался гул. Сверху что-то рушилось и с грохотом падало, угрожая придавить «карман». Далеко впереди пылало пламя, к нему вел небольшой проход среди обломков. По нему в сторону «кармана» сильным потоком шел горячий воздух с дымом, который начинал заполнять пустоты развалин. Кир пригляделся: дым просачивался в небольшую дыру между двумя крупными обломками.

Протиснувшись между кусками железобетона, Кир оказался в узком неровном тоннеле. Он полз подобно червяку вперед руками. Отовсюду торчали сияющие алым штыри арматуры и острые обломки. Но Кир не чувствовал того, как они впиваются в тело, как каленое железо

вспарывает ткань кожи и оставляет рваные борозды.

Очень скоро тоннель сузился; дальше ходу не было. Кир попытался назад, но что-то не пускало его. Ногой он нащупал непонятный штырь, съехавший откуда-то сверху. Он мешал обратному ходу. Кир попытался поднять голову выше, но узкие стены сковывали движения. От злости он ударил мешавший кусок железа. Штырь накренился. Тогда Кир начал неистово бить по нему ногами. Он прополз насколько мог вперед, а потом всем весом попытался давить на железку. Еще чуть-чуть и она поддастся. Еще несколько решительных толчков и штырь потянул за собой обломок, который с шумом запечатал лаз. Вслед за этим раздался грохот. Что-то сместилось сверху. Тоннель затрещал. Обломки начали давить на Кира, выдавив болью крик из сплюснутых легких. Последовал хлопок и Кир провалился вслед за обломками. На него рушились осколки и арматура.

Кир упал в слабо освещенную полость. Сверху, с пугающим грохотом, валились обломки. Из последних сил он попытался отползти в сторону света. Руками и ногами он долбил камень, из-под которого сочилось спасительное сияние. Вытолкнув его, Кир быстро прополз дальше. Вперед-вперед! Его нос уловил прохладный воздух. Кир полз, не разбирая пути, не сбавляя ходу за тусклой дымкой света, пока не сдвинул обломок, отделявший его от внешнего мира.

Ослепительно белый свет вонзился в глаза. Кир вскрикнул. Он зажмурил глаза и прикрыл их ладонью. Боль была нестерпимой и оглушающей. Голова разрывалась на части, и разум потерял нить реальности и пространства. Где верх, где низ? Черное и белое перемешалось. Жар и пламя. Кир потерял сознание.

В нескольких метрах что-то с грохотом рухнуло на землю. Раздавался непонятный шорох и возня среди обломков. Кир медленно открыл глаза. Грязные, перекатывающиеся облака висели очень низко. Еще немного и они коснутся вершины остова здания. Сделав усилие, Кир выполз из расщелины среди обломков и встал на ноги. Что-то хрустнуло. Посмотрев под ноги, он увидел, что стоит на осколках стекла. Отшатнувшись назад, пытаюсь сойти с них, Кир увидел, что его ноги полностью обгорели. Изорванные руки и пальцы, будто их грызли. На правой и левой кисти не было мизинцев. Все его тело было больше похоже на сторевший сухарь. Оно было в копоту и саже. Обугленная, багрово-черная кожа на правом плече и бедрах свисала ободраным шмотьем. Кир дотронулся до плеча и от страха отдернул руку — он не почувствовал боли. Ступни не чувствовали, как стекло вонзалось в них. Ничто не говорило ему об увечьях. Он провел рукой по лицу. По коже будто прошлись железным раскаленным наждаком. Обожжено было все. Кир дотронулся до макушки головы — волос не было, как и всей одежды, что могла бы скрыть его изувеченную наготу.

Он попытался подумать о том, что с ним произошло. Но мысли вязли в пустоте и непонятных обрывистых картинах, одна мерзостней другой. Кир не помнил ничего. Вдали что-то упало. Он посмотрел вперед и увидел выжженную, почерневшую от пламени землю. Дымящимися островками, черными от копоты, валялись обломки зданий и торчали скрюченные каркасы строений. Между ними стояли изломанные и почти истлевшие останки деревьев, испускающие дух в грязно-сером дыму. В нескольких метрах от Кира огромным холмом сгрудились полурасплавленные скелеты машин. В глубине груды металлолома еще тлело пламя, испуская черную нить дымного дыхания. Тучи, которые Кир принял за грязные облака, были плотной взвесью частиц, похожих на пепел. Куполом он накрыл место разрушения.

Кир отошел от здания на несколько шагов и обернулся. Из высокой горы черных кусков

бетона и железа торчал стальной остов былого замысла архитекторов. Он был закручен в спираль и сильно оплавлен. Застывшие металлические капли нитями свисали вниз. Наверху из-за сильного кругового ветра плавящиеся потоки застыли в незамкнутом круге. То и дело остов издавал металлический стон, исходящий вибрацией по токсичному воздуху, содрогающей все нутро. Куда идти Кир не знал. Он посмотрел на землю перед собой: все в осколках и мелких обломках; вздохнул, боли не чувствуется, и зашагал.

Вскоре он уже шел по расплавленному асфальту, который как и обожженная земля был «укатан» огромным жерновом. От разрушенного комплекса шли концентрические кольца. Они были повсюду: на остовах машин, на обгоревших камнях и полуразрушенных строениях, развалинах домов. Местами истерзанная и вспоротая земля тонкими струйками дыма отдавала скрытым небесам душу. Кир прибавил ходу. Чем дальше он уходил от бывшего комплекса, в чреве которого еще пылало адское варево, тем холоднее становилось. Но Кир не ощущал этого. Он устало перебирал ногами, справляясь со смогом, уплотняющимся из-за близости к стене пепла.

Вскоре Кир полностью обессилил. Он добрал до огромного куска железобетона и медленно сел на землю возле него. Ему на руку упала «снежинка» пепла. Кир поднял голову и увидел, как большие грязного серого цвета, хлопья оседают снегопадом. Они медленно кружились по кругу, покрывая все ровным слоем. Сначала их было совсем не много. Почти невесомые хлопья оседали на камнях и останках деревьев, отзывавшихся недовольным шипением. Пепел был жгучим. Кир увидел, как снежинка начала въедаться в кожу и сбросил ее. Он вскочил на ноги и, собрав силы в кулак, быстро заковылял к границе смога. Вскоре падающий пепел стал напоминать плотный февральский снегопад. Пеплопад за считанные минуты накрывал все вокруг плотным покрывалом. Сильное шипение доносилось отовсюду. Кир стоял под развалинами здания, пережидая ненастье. Он смотрел вокруг себя и вжимался в угол, медленно сползая вниз от усталости.

— Как хорошо, что нет ветра, — произнес он, глядя, как пепел медленно покрывает землю плотным ковром в метре от него.

Сейчас ему казалось, что он готов был остаться в этом углу навсегда. Он не чувствовал холода ранней весны. По-зимнему она еще была неприветлива и угрюма. Кир ощутил себя спрятанным от всего, сбежавшим. Он вдыхал тяжелый воздух и готов был закрыть глаза и забыться сном. Вдруг издали донесся скрип металла. Кир съежился. Доносящиеся звуки напоминали скрежеты и стуки разных частей машины. Это был не ветер.

Кир медленно подполз к левому краю стены. Оттуда шум было слышно яснее. Вдали виднелась темная фигура человека. Он ходит вокруг машины, догадался Кир. Непонятный человек рылся в ней и что-то искал. И, не находя, недовольно швырял оторванные куски в сторону, то и дело фыркая. Тело Кира предательски съежилось, уж очень сильно это фыркание походило на животное недовольство. И чем дольше он смотрел на него, тем больше он укреплялся в том, что не может оторваться. Что-то удерживало его пристальный взгляд, не давало даже шелохнуться. И в момент когда Кир готов был вскрикнуть, пытаясь разомкнуть невидимые оковы, фигура странного человека замерла. Размытый падающим пеплом силуэт приобрел четкую форму оборачивающейся головы. Кира передернуло. Ему понадобились все силы, чтобы заставить себя спрятаться за стену. Дрожь мешала сконцентрироваться. Он часто дышал, жадно хватая ртом грязный остывающий воздух.

Кир, было, попятился назад в свой угол, но вместо этого заглянул за край стены, чтобы убедиться, там ли еще человек в черном. Он медленно, жмурясь, выглянул из-за стены.

Пепел неслышно сыпал сверху, под его натиском шипели развалины и земля. Все та же еле различимая темная фигура стояла почти недвижимо возле остова машины. Дрожь пробрала Кира. Наверняка это кто-то из выживших... или спасатель. Но почему тогда внутри все сжимается и внутренности трясутся как на морозном ветру?! Киру стало еще больше не по себе. Он хотел выбраться из этого места. Все это было так неправильно и сплошной ошибкой... Как вдруг! Совсем рядом послышалось чье-то тяжелое дыхание. Кир, словно подстреленный, вскочил и рванул что есть сил прочь. Он бежал вперед, не обращая внимания на пепел, на обломки. Его ноги утопали в пепле, обжигавшем и без того сожженную кожу.

Кир остановился возле сломанного дерева. Он даже не обратил внимания на то, что на нем нет ни копоти, ни следов огня. Рукой Кир прикрывал рот от пепла. Он тяжело дышал и смотрел назад, но разглядеть никого не смог. Впереди, в паре метров, стена грязного тумана. Уже можно было разобрать, что это был никакой не смог. Лишь пепел стеной. Он медленно перемещивался, но не терял своей плотности. Идти через него или остаться здесь? Кир сомневался. Стоял и ждал неизвестно чего. За спиной послышалось вопросительное «хм». Кир шарахнулся в туман. Он зажмурил глаза и вытянул руки вперед. Его кто-то держал. Он дергался, мотал головой, бил руками. Перед ним кто-то стоял. Приоткрыв глаза, он увидел тот самый черный силуэт. На сей раз, он был гораздо четче и яснее. Это был человек одетый в какой-то черный костюм и маску с желтыми глазами. Из его руки торчали странные иглы, которые вот-вот воткнутся в плечо Киру. Он дернулся, пнул ногой. Зажмурив глаза, рванул изо всех оставшихся сил вперед. За спиной раздалось шарканье и недовольный вопль. Пепел прожигал костюм охотника. Кир споткнулся, упал, но глаз не открыл. Его схватили двумя руками и подняли. Он отбивался, барахтаясь как рыба, попавшая в сети.

— Успокоительное! — раздался приказной женский голос. — Живее!

Кир распахнул глаза и увидел, что его держит человек, одетый в белый защитный костюм. К нему подбежал другой с инжектором в руках. От Кира исходил кислотный пар, на нем было много пепла. Часть едкой взвеси попала на руку человека, державшего его, и прожгла защитный костюм.

— Отойди от него! — командовал все тот же женский голос. — Твой костюм! Изолировать!

Кира, положили на землю и, тут же к нему подошла женщина-врач. На ней тоже был защитный костюм, на котором он разглядел фамилию — Кроберг. «Воздух!», — приказом потребовала она и Кира несколько раз обдали сильным потоком воздуха из шлангов, сдувая остатки пепла. Наклонившись, Кроберг проверила его зрачки. Посмотрела на стену пепла. Все что смог различить Кир — ее глаза. Они выглядели старше, намного старше ее лица.

— У нас здесь выживший, — она продолжала беглый осмотр Кира и сообщала о нем кому-то по рации. — Вышел из-под купола на своих двоих. Сильно обожжен. Теряет сознание, — Кир погрузился в темноту. — Немедленно в Деревню.

— Почему? — к ней подошел ее коллега.

В ответ она указала на белую полосу ороговевшей кожи на ноге, проступающей через ожог.

— Живо в сохранную капсулу! В Деревню его. Он нужен живым! — заключила она.

Кира окружили люди в защитных костюмах. Несколько минут спустя, рядом с ними стояла медицинская капсула, которую называли сохранной. В нее положили Кира и запечатали.

Глава 2. Лагерь

Глава 2. Лагерь

Перед внешней стеной пепла, в нескольких метрах от нее, был развернут лагерь противобиологической защиты. Он был организован спустя семь часов после взрывов, полностью уничтоживших комплекс зданий Биологического научно-исследовательского центра имени Н. Ласара. Химград, в котором располагался БиоНИЦ, в настоящий момент брался в кольцо карантина. К этому были привлечены спецподразделения министерства внутренних дел. Населению наукограда было предписано оставаться в своих домах. Все они считались условно-зараженными и подлежали обследованию. Вокруг Химграда с помощью мобильных стен возводились три кольца изоляции. Первое, названное красной зоной, проходило по границе города, второе — желтая зона — в восьми километрах от него, третий периметр или зеленая зона, должен был находиться на расстоянии 20 километров. Министерство науки направило в зону поражения группу спецреагирования во главе с влиятельным профессором Еленой Кроберг. Она уже находилась с первой группой в гуще событий и оценивала ситуацию. Ей предстояло решить — насколько опасен воздух Химграда для Петрополиса и области.

На счастье, в районе научного города стояла тихая пасмурная погода. Профессор Кроберг находилась у приборного стола со своими коллегами. Они просматривали видеоданные, получаемые от робота-разведчика. Его послали за десять минут до того, как Кир прошел через стену пепла.

— Здравствуйте, профессор, — к Елене подошел высокорослый, худощавый мужчина в защитном костюме.

— Кто вы? — не отрываясь от экрана, спросила она. Саврасов улыбнулся чему-то своему.

— Майор ФСБ Саврасов — глава специального отдела биохимической безопасности. Теперь эта зона полностью под моим контролем, — после этих слов Кроберг резко развернулась и с ехидством посмотрела на упавшую не к месту «шишку» сверху.

Она была среднего роста, и едва доставала до плеча высокорослого майора. Его это забавляло, чего он не скрывал.

— Сомневаюсь, что ваши гончие смогут справиться с заражением, — фыркнула Елена. — Ваше дело расследовать теракт.

— Что известно о погибших? — не обращая внимания на колкости, спросил майор.

— Погибшие? — осеклась Кроберг. — Причем здесь погибшие, — стройный ряд размышлений вдруг начал сыпаться из-за неловкого движения, — я не занимаюсь мертвыми.

— Но там ведь были ваши коллеги...

— Я здесь, чтобы совладать с заражением. И думать о тех, кто сегодня расстался с жизнью я буду потом, — отрезала профессорша.

Холодный прием не удивил майора. Но другого от ученого величины Кроберг ожидать не приходится. Саврасов смотрел на массивную рыхлую стену пепла, за которой скрывалась братская могила.

— Что известно? — изо всех сил пытаюсь отогнать мысли о жертвах, спросил майор.

— Вот! — она рукой указала на купол пепла, кажущийся бесконечным. Он высоко

взмывал вверх. — Радиус этой штуки где-то около километра. Высота примерно двести метров. Из-за разницы давления высота и общий объем незначительно меняются.

— Робот уже что-нибудь толковое сообщил?

— Присоединяйтесь... — она пригласила его к мониторам. — По предварительным данным под куполом ничего целого не осталось. Во всяком случае, мы не встретили еще ни одного уцелевшего строения.

Майор нахмурился. Изображение на мониторе сильно размывалось из-за падающего пепла.

— Что это? — Саврасов указал пальцем.

Но на картинке было сложно что-либо различить. По указанию оператора робот-разведчик направился в заинтересовавшем майора объекту. Через несколько секунд на экране показался разорванный остов огромной машины. Елена посмотрела на офицера. Саврасов заметил это, но никак не прокомментировал.

— Это пар или дым? — майор пригляделся к изображению.

— Это плавится пластмассовый корпус робота, — пояснил оператор разведчика. — Пепел, из которого состоит купол, токсичен и крайне агрессивен.

— Что с заражением? — уточнял Саврасов.

— А защитный костюм на вас ни о чем не говорит? — съязвила Елена. — К сожалению, в городе очень большая концентрация всевозможных бактерий. Но, на наше счастье, они не смертельны. Но симптомы заражения скоро начнут проявляться.

— Что вы предприняли?

— Наши группы стали разворачивать мобильные посты биощитов на улицах города и вдоль границы зеленой зоны, — отчиталась Кроберг.

— Хорошо, быстро сработали. Нужно избежать еще больших жертв.

— Это не спасет, как только этот купол рассеется, — Елена взяла распечатки и небрежно передала их майору. — По данным робота-разведчика под куполом бульон из смеси смертельных вирусов.

— Вирусы из БиоНИЦ я полагаю? — Саврасов смотрел на монитор.

— А может их выпустили террористы? — парировала Елена.

— Может, — майор улыбнулся. — Но характер останков машины говорит об обратном.

Кроберг посмотрела на монитор. Робот-разведчик брал пробы с каркаса разорванной машины.

— Спасибо за информацию, профессор. Держите меня в курсе, — Саврасов развернулся и пошел по направлению к своей группе, расположившейся в палатке на соседней улице.

— Постойте! — окликнула его Елена. — Меньше получаса назад мы обнаружили выжившего.

— Где он?

— Он в крайне тяжелом состоянии: весь обгорел и болен «белой язвой». Я приказала доставить его в Деревню. Так что вам все равно не допросить его пока он не подлечится.

— Один из сотрудников или подрывник?

Елена пожала плечами.

— Будьте добры, сообщить мне, когда он сможет разговаривать.

— На скорые беседы с ним можете не рассчитывать. С такими ожогами не живут.

На этом они и распрощались. Кроберг всегда нужно было оставить последнее слово за собой и желательно, чтобы оно обрывало любую нить надежды. Майор направился к главной

палатке ФСБ, которая уже была установлена вместе с другими на Фонтанной площади, в полукилометре от пепельного купола. Саврасов шел по Малой улице, которая вела с легким изгибом прямо к институтскому скверу. Это было излюбленное место раздумий и вечерних прогулок для большого числа горожан из близлежащих домов. Но сейчас и сквер, и часть Малой улицы были поглощены пеплом. Саврасов остановился и оглянулся в сторону купола. Его громадные размеры давили на окружающие здания. Перемешивающиеся слои пепла делали его живым. Приглядевшись к верхним границам купола можно было заметить, как он «дышит»: вздымаясь и проседая. Он походил на гигантского спящего зверя, размеренно дышащего во сне. У самых ног огромного темно-серого монстра копошились люди в защитных костюмах и десятки маленьких роботов-разведчиков. Саврасова пугал дремлющий купол. Махина, пожравшая столько, все еще может выплеснуть из себя достаточное количество яда, чтобы забрать на тот свет еще больше. Руки майора потянулись за блокнотом, который по обычаю всегда находился во внутреннем кармане плаща, вместо которого был защитный костюм биозащиты. Спohватившись, майор с досадой махнул рукой и продолжил свой путь. Он рад был уйти от купола подальше, чтобы не чувствовать его дыхание.

До площади оставалось несколько десятков метров. Саврасов медленно обходил редкие куски обломков, которые лежали повсеместно. В некоторых жилых домах, стоявших на Гостиной улице, идущей параллельно куполу, были выбиты стекла. В стенах зданий иглами торчали железобетонные куски. Майор свернул немного вправо, к площади. Она уже хорошо просматривалась. Палатки, темно-синими грибами после дождя, выросли на брусчатке вокруг центрального фонтана. Он, как и все двенадцать малых фонтанов на площади, сейчас не работал. У подхода к главной палатке Саврасова встретил его давний приятель Иван Бобров. Он был капитаном спецотдела ФСБ по борьбе с терроризмом.

— Где же, как ни здесь, нам с тобой встретиться, — среднего телосложения, Бобров был одет в куртку и был без защитного костюма. Лицо с острыми и прямыми чертами, словно высеченными небрежно из глыбы камня, было бледным и помятым. Уставшими глазами, обычно жизнерадостный капитан, смотрел на друга. На уголках губ замерла едва заметная ухмылка.

— Бобер?! — Саврасов не верил глазам. — Почему без костюма?! — майор схватил друга за плечи. — Тут все заражено!

— Успокойся, Саврас, — Бобров хлопал его по руке, пытаясь сбить напор. — Я тут давно уже.

— Как?! — не унимался Саврасов.

— Я был тут на расследовании, когда произошел взрыв. Так что влезать в костюмчик мне уже поздновато.

— У тебя может и не быть заразы. Как можно быть таким беспечным?

— Дамочка-профессор меня уже обследовала — на мне есть зараза. Пока это не опасно. Скоро они развернут медблоки и начнут всех обкалывать по полной.

Саврасов смотрел на друга, едва заметно качая головой.

— Что здесь произошло? — спросил он.

— Пять взрывов, с промежутками в несколько минут. Один мощнее другого. Все произошло на территории БиоНИЦ, — рапортовал Бобров.

— Сейсмодатчики в Петрополисе их засекали, — добавил Саврасов.

— Я такого никогда не видел, — Бобров смотрел на купол. — И не ощущал. Толчки

такой силы, что сбивали с ног. Этот пепел и купол, они ведь закрыли все развалины, Саврас. Я все видел. Когда раздался первый взрыв, я был за два квартала отсюда. Когда выбежал на улицу, увидел, как возле парадного въезда разрастается белый шар света. Люди бежали от института, выбегали, выпрыгивали из домов. Они пытались спастись. Мы ринулись к ним, но уже через минуту нас всех подкосило. Из-под ног будто выдернули землю. Трясло так, что здания вокруг института рушились как картонные, — Бобров сел на коробку, стоявшую возле палатки. — Пытаясь встать, я увидел, как из земли бьет фонтан огня. Будто и не огонь это, а из вулкана хлещет лава. Через пару минут прогремел еще один взрыв. От него стало так светло, что больно было глазам. Я жар чувствовал через куртку. Ревело все. Земля дрожала так, что нельзя было бежать. Два последних взрыва прогремели один за другим. Что стало с центром, я уже не видел. В воздух поднялся пепел. Его кружило над округой. Потом все замерло. Появился купол.

Саврасов смотрел на уставшего друга, сжимая кулаки от злости. Он увидел на его ладони ожог.

— Что с рукой?

— Пытался пройти через пепел, — Бобров усмехнулся. — Я в своем репертуаре. Медики осмотрели. Жить буду.

— Ты уцелел — это главное, — выдохнул майор.

— Да уж, а толку-то с меня, — Бобров запрокинул назад голову, помотал ею. — Я, если честно, надеялся, что ты скоро объявишься здесь. Видишь, не зря.

— А как же иначе, — смотря на купол, отмахнулся Саврасов — Что ты здесь расследовал?

— Помнишь: два месяца назад, в некоторых районах Петрополиса, вроде как ритуальные сожжения повадился кто-то устраивать. Я еще тогда орал как бешеный.

— А как же. Твое лицо надо было видеть, — Саврасов улыбнулся.

— Да уж. Я ведь тогда злился, что пришлось заниматься этой ерундой из-за того, что те выродки, устроившие сожжения, были связаны с чистокровками. Так вот, я выяснил, что кровники причастны к серии похищений в разных городах России. Что интересно, они не требовали за своих жертв выкупов. Они их сжигали спустя какое-то время. А раз уж этим занимался мой отдел, то мы рассчитывали выйти на организаторов взрывов на севере Петрополиса.

— Твой отдел? — ухмыльнулся майор.

— Ильин ни хрена не делал по этому случаю, ты же знаешь. Мы были на подхвате и «оказывали содействие коллегам», — формальным голосом добавил Бобров, — но по сути... Это были чистокровки, а с ними никто, кроме нас, не умеет работать. И даже если они в этот раз ничего не взорвали, то все равно они — моя головная боль. И с причинами их жертвоприношений пришлось по большому счету, разобраться моему отделу.

— Они же чистокровки — убивали недостойных. В чем подвох? — не понимал Саврасов.

— В том, что лишь один из похищенных был в категории «недостойных». Технически, все остальные — чистокровные и претензий к ним быть не должно было вообще.

— Так что же тебя привело в Химград?

— Около года назад мы приступили к разработке материала о том, что чистокровки могут выбрать в качестве объекта для нападения БиоНИЦ.

Саврасов нахмурился. В голове он прокручивал возможные сценарии и спорил сам с

собой.

— Твой отдел сделал запрос к нам, — Саврасов выплыл из моря размышлений, — но мы не нашли связей кровников с химбатами.

— Да. Но зато мы нашли связь между чистокровками и падением космического истребителя на северной окраине Петрополиса.

— Анализ останков показал, что пилот был болен «белой язвой» и в момент приступа потерял контроль, — возразил Саврасов.

— То, что на нем были «белые язвы» ваш удел. А вот то, что они разрабатывали план атаки на БиоНИЦ с воздуха, подтвердилось несколько дней назад.

Саврасов расхаживал перед Бобровым вперед-назад, размышляя над сказанным. Версия о том, что радикальное террористическое движение, называвшее себя «Чистая нация», замешано в сегодняшнем происшествии хорошо подходило. Но, майор не ощущал в этой идее стержня, который бы подтверждал догадку Боброва.

— В чем смысл? — Саврасов остановился перед другом. — Я понимаю зачем они взорвали международный центр в Екатеринодаре, что ими двигало, когда они взорвали трибуны во Владивостоке. Но что они хотели доказать, взорвав БиоНИЦ?

— Пока это всего лишь моя догадка, дружище. Но основана она на полученных данных, о которых я сказал, — Бобров встал и посмотрел в сторону купола. — Да, они разрабатывали план атаки на исследовательский центр, но пока нет доказательств, что именно они взорвали его.

— Чистокровные располагали чем-нибудь, что могло произвести такие разрушения?

— Мы перепроверяем данные и трясем каналы, но не думаю, что мы что-то упустили.

— Пойдем, — безразлично произнес Саврасов и первым вошел в палатку.

К майору сразу же подошел капитан Травин. Он хотел было поздороваться, но вошедший без защитного костюма Бобров заставил его запнуться. И уже через мгновение, он узнал в помятом крепыше капитана ФСБ.

— Только что пришло сообщение из штаб-квартиры: министерство науки посылает к нам спецпредставителя, — начал Травин.

— Дай угадаю, — перебил Саврасов, — Винбург?

— Так точно.

— Наш старый знакомый, — ухмыльнулся Бобров. — Давно ли он стал представителем с приставкой «спец»?

Саврасов посмотрел на друга, пытаясь справиться со злостью, нахлынувшей от дурных новостей.

— Мы готовы запустить наших роботов под купол, господин майор, — продолжил Травин.

— Рано, — Саврасов встал в центре палатки. — Народ! Внимание! Пепел, из которого состоит купол, токсичен и агрессивен. Он легко прожигает пластик и способен прожечь тонкое железо. Так что всех наших роботы нужно защитить. Покройте их антикислотными щитами — это хоть немного защитит их. Сделать это нужно как можно быстрее.

Два офицера, ответственные за состояние робототехники, вышли.

— Далее, я хочу знать: в каком состоянии находится здание института? Есть ли еще живые? Постарайтесь найти хоть кого-нибудь. Сейчас на передовой уже работает спецгруппа ученых. Их задача: совладать с заразой, что сейчас в воздухе и под куполом, — после этих слов большинство взглядов обратилось на Боброва, разглядывающего приборы.

Он снял куртку и повесил на стул. — Ваша задача: выяснить, что именно здесь произошло. Был ли это обычный теракт, за которым стоят недомерки вроде чистокровок или же кто-то решил поиграть с химическим оружием. Найдите куда заложили бомбы! Было пять взрывов. На камере ученых я заметил раскуроченный взрывом грузовик. Наверняка он замешан в этом. Работать в тесном контакте с учеными. Первые результаты жду через час. И еще, появился один выживший, но он без сознания и пока бесполезен для нас.

Еще несколько офицеров вышли из палатки. Остальные приступили к сбору и обработке информации. Вдоль стен были расставлены приборные столы. У дальней стены стоял небольшой черный блок. На внутреннем сленге он назывался ящиком из-за своего угловатого вида. Главной его задачей была обработка поступающей информации. Его по праву можно было назвать мозгом отдела.

Саврасов, опять было потянулся за блокнотом, но остановил себя. Он нахмурил брови и с подозрением посмотрел на старого друга.

— Тоскуешь по своим бумажкам на проволоке? — подколол Бобров. На его лице сияла добродушная, но усталая улыбка. — Ты сказал, что есть выжившие?

— Выживший. Но его увезли в резервацию, где смогут его подлечить. Пока для нас он бесполезен, — Саврасов подошел к столу, где находился его портативный компьютер. — Что с периметром безопасности? — не поворачиваясь, майор обратился к Травину.

— Сейчас полностью укреплено кольцо красной зоны. Город заперт. По периметру желтой еще ведутся работы. Думаю, через минут сорок будут завершены. Третье кольцо закрыто лишь наполовину.

— Как только роботы будут готовы, можете запускать их под купол.

Капитан удалился.

— Ты упомянул грузовик. Откуда он? — поинтересовался Бобров.

— Видел на мониторе в лагере храбрых ученых. Их роботы уже под куполом.

— И ты уверен, что он перевозил бомбу? — удивился капитан.

— Пока у меня нет данных — я ни в чем не уверен, — Саврасов посмотрел на Боброва. — Холод собачий стоит, а тебя, я вижу, это не огорчает. Тебе пора в мобильную лабораторию для сдачи всех анализов.

— Ты же знаешь, я закаленный. Да и в палатке у вас душно, — объяснил Бобров.

Саврасов внимательно посмотрел на друга. Несмотря на усталость, он по-прежнему крепок. Как и прежде, ему хотелось нырнуть в самую гущу.

— Трепло, у тебя жар, но прогонять я тебя не стану, — Саврасов стиснул зубы, подумав о блокноте.

— Давненько у нас бомбы не гремели, — Бобров вальяжно прошелся мимо сотрудников ФСБ за компьютерами. — И все как по цепочке. Сначала взрывы в Петроградском, потом отравление воды в Красных борах, теперь здесь. Как думаешь, Саврас, они взаимосвязаны?

На секунду-другую майор Саврасов задумался. По его лицу скользнула тень улыбки. Ее уловить мог лишь тот, кто давно знал майора, его внезапные погружения в мысли. Иван Бобров был из тех приближенных. Призрачная, но говорящая улыбка-савраска легко выдавала своего хозяина его друзьям.

— Разве я сказал глупость? — Бобров следил за реакцией друга.

— По взрывам в Петроградском районе у нас нет окончательных выводов...

— Но ведь все сводится к чистокровкам? — перебил Бобров.

— Да. Но в Красных борах работали химбаты, — Саврасов сложил руки на груди и

оперся о стол. — Слишком противоречивые данные. Без информации о взрывах в исследовательском центре пока рано что-либо утверждать.

— Что-то ты часто стал прятать свои догадки за такими отговорками. Может кровники и химбаты объединились? — Бобров подошел ближе к Саврасову.

— Бобер, давайждемся первой информации?

— Работа кипит, что ж и я пойду кое-что разузнаю, — Боброва вдруг что-то осенило и он выбежал из палатки, схватив куртку.

Саврасова поведение друга успокоило. Он все такой же неутомимый. Раз так — с ним все в порядке. Уделив волнению за друга еще несколько драгоценных секунд, Максим приступил к анализу информации, которую ему пересылали со всех отделов, вовлеченных в расследование взрыва исследовательского центра. Майора не беспокоили мотивы террористов, словно они ему были известны. Все материалы с предполагаемыми фигурантами теракта он откладывал в сторону. Куда больше его интересовали файлы, в которых значилось имя профессора Александра Винбурга. С ним Саврасов познакомился около пяти лет назад, когда вел дело о заражении воды неизвестным вирусом сбросного канала, впадавшего в Волгу.

Дело было в Астрахани, где майор со своей группой выслеживал местную ячейку химических батальонов. Однако, именно вмешательство профессора Винбурга из Московского исследовательского института вирусологии накрыло всю операцию медным тазом. В результате химбаты получили необходимые реагенты из местной химлаборатории. И уже через неделю в водосбросной канал был выпущен вирус. Саврасов в своем отчете возложил всю ответственность за срыв операции на профессора, который посчитал неопасными реагенты, попавшие в руки террористов.

Уже тогда 37-летний профессор Винбург был на особом счету в министерстве науки. Он в свое время с профессором Данилевским сумел остановить распространение вируса гриппона мутировавшего из вируса гриппа. Именно поэтому на общем совещании, мнение Винбурга, подкрепленное исследованиями и анализами проб, оказалось куда весомее, чем слово, тогда еще капитана Саврасова. Тогда он настаивал на том, чтобы канал был перекрыт, заводы по очистке воды были остановлены, а лаборатории провели более глубокие анализы и исследования. Несмотря на заражение канала, угроза на водоочистных сооружениях не подтвердилась. Тревога, которую поднимал капитан оказалась ложной. Инцидент в водосбросном посчитали ошибкой следствия, за что сделали устный выговор команде Саврасова. Майор на всю жизнь запомнил широкую улыбку профессора, которую он никогда не снимал с лица. Она как уродливая маска всегда была при нем. Лживая доброжелательность Винбурга всегда делала свое черное дело. Он умел находить подход к людям. Для ученого он был весьма разговорчив и с трепетным участием относился к каждому, кого он выбирал себе в жертвы.

Перепрыгнуть «улыбку» профессора Винбурга Саврасов не мог. Ему приходилось мириться с тем, что для силовых структур химбаты не представляли весомой угрозы. К тому же, факт заражения не стратегического объекта говорил о плохой организованности и слабой подготовленности террористов. Ученые-эксперты установили, что выпущенный вирус никаким образом не оказал влияния на реку. Концентрация неизвестного микроба оказалась столь незначительна, что была растворена в водах реки еще до ее впадения в Каспийское озеро.

Однако, по мнению Саврасова, химбаты представляли собой куда более сложно

организованную структуру. Он не хотел верить в то, что организация, защищающая себя с таким тщанием и так деликатно подходящая к выполнению своих планов, может быть непрофессиональной. С его доводами соглашались видные руководители ФСБ, что давало ему, хоть и ограниченные, но хорошие возможности для действий. Но каждый раз, как только он доходил до двери, за которой находилась ячейка химбатов, появлялся Винбург. В момент, когда успех операции зависел от решительности действий, поступал приказ остановиться. Саврасов, встречая светящееся улыбкой лицо профессора, с трудом сдерживал себя от желания заехать кулаком по этой расплывшейся физиономии. Саврасов понимал, что Винбург без пяти минут министерская шишка. Доводы Винбурга всегда были разными. В одно время он говорил о том, что химбаты не располагают химическим оружием. Лаборатории, которые находили федералы, лишь слабые потуги террористов изготовить опасные яды. В другое время Винбург признавал, что химбаты могут создать яд, который может убить до тысячи или более людей.

Саврасов прекрасно понимал, что в действиях Винбурга все спланировано и продумано. За кажущейся простотой и доброжелательностью скрывался холодный расчет. Профессор заметил для себя удобное местечко в министерском ложе, рядом с министром, который больше времени проводил в сохранный капсуле, чем за рабочим столом. Вскоре о твердых политических амбициях Винбурга говорил весь научный свет. Кто-то полагал, что он сможет направить науку в прежнее русло и сделать ее непоколебимой и бескомпромиссной. Другие же считали, что Винбург метит в кресло министра и ничего, кроме жажды власти, им не управляет.

После повышения, Максима Саврасова назначили главой специального отдела биохимической безопасности. Такому повороту событий майор был несказанно рад. Наконец-то в его руках сосредоточилась вся широта действий.

В свою очередь, Винбург пробился в министерство науки, где стал заведовать биоинженерным департаментом. В качестве его главы, он усилил роль биологических центров. Кроме того, под его патронажем далеко продвинулась генетика. Через два года после своего назначения, Винбург объявил о победе над гриппом и синдромом нулевого иммунитета, когда дети рождались без защитных функций организма.

Получив по заслугам, и Саврасов и Винбург стали видеться реже. Даже особо важные встречи проводили их заместители и представители. Но вражда из года в год лишь набирала обороты. Апогей их противостояния произошел около двух месяцев назад, когда на совещании в министерстве науки, куда был приглашен майор, Саврасов заявил министру Терену, что Винбург ответственен за распространение гриппона в Петрополисе. Майор привел косвенные доказательства того, что распространение опасной болезни в городе началось после того, как в БиоНИЦ начались глубокие исследования гриппона.

Скандал был небывалой силы. Министерство науки и ФСБ гудели словно ульи, закидывая друг друга взаимными обвинениями. Все надежды были на президента, который мог занять чью-то сторону. Но верховный сохранял нейтралитет. Между тем, кто бы ни был прав, но факт был на лицо: в разных районах мегаполиса были взяты под карантин несколько кварталов. Часть жителей проявили признаки смертельного заболевания.

Но Винбург не желал брать всю вину на себя. Он обвинил отдел Саврасова в том, что они не смогли вовремя уничтожить подпольные ячейки химбатов, которые уже в открытую угрожали властям демонстрацией своей силы. Несмотря на противостояние министерства и ФСБ вовремя принятые меры заперли болезнь в карантине.

Время шло быстро. За поступающей информацией от роботов-разведчиков Саврасов следил по приборам и мониторам. Поступали данные и о взрывах в городе. Майор пытался понять: есть ли между ними взаимосвязь. Для себя он определил основных подозреваемых в подрыве БиоНИЦ — химбаты. Максим ходил между рядами аппаратуры и среди сотрудников. Он то и дело ощупывал защитный костюм, ловя себя на мысли, что с ним нет его блокнота. Простая вещица, а так не хватает. Он оставил его в плаще, во внутреннем кармане. Ему уже сотни раз предлагали электронные записные блокноты, и бросить старомодную привычку. Но, несмотря на всеобщий прогресс, Саврасов не желал отказываться от своего любимого дела — записывать на бумагу свои короткие мысли-вспышки. Для него ощущение через пальцы листков бумаги было во сто крат приятнее пластмассовых кнопок и холодных глянцевых мониторов. Больше всего он ненавидел заполнять цифровые отчеты и писать на прозрачных панелях. Любовь к бумажным изделиям прицепилась к нему еще в школе, когда в руки к нему попало раритетное издание Хиры Мероямы «Он — самурай», рассказывающее о жизни первого самурая 22-го века. В области неопсихологии разума, эта книга стала для Максима не только увлекательным чтивом. Тогда, в 14-летнем возрасте, он впервые ощутил бумагу. С тех самых пор он стал собирать редкие экземпляры книг. Его интересовало не столько содержание, сколько новые ощущения. Он перелистывал страницы с особой аккуратностью. Любовь к фактуре бумаги придавала трехмерность материалу, который был на них. К 27 годам Саврасов обзавелся обширной библиотекой бумажных изданий. В нее входили самые редкие издания прошлых столетий. Порой доставать их приходилось из самых неблагоприятных источников. Дома он подолгу мог находиться в своей библиотеке, которая одновременно служила ему и кабинетом. Вдыхая запах книг, он мог позволить себе полностью расслабиться и раствориться в своих размышлениях. Очень часто Максим медленно прохаживал возле стеллажей с книгами. Не редко он останавливался возле полок, на которых стояли 17 томов неопсихологии. В свое время Максим захлеб читал их. И вся эта любовь к бумаге сейчас причиняла ему щемящее неудобство из-за отсутствия столь важного инструмента в его размышлениях.

— Прибыл спецпосланник, господин майор, — Травин прервал его размышления.

О неприязни Саврасова к Винбургу слышал даже глухой. Травин едва заметно сжался. Какова реакция на красную тряпку будет у Саврасова, он не знал.

— Где он? — голос майора был слегка повышен. Вот-вот еще одна заноза вонзится ему под кожу.

— Он только что проехал КПП второго кольца, скоро будет здесь.

— Я пойду встречу его, — все естество Саврасова противилось Винбургу, но этой встречи он желал.

Как только майор вышел из палатки, Травин почувствовал себя гораздо лучше. Он расправил плечи. Вдохнул и пошел на свое рабочее место. «Пусть уж лучше Саврасов и Винбург грызутся где-нибудь в другом месте», — думал капитан.

Саврасов сел на припаркованный у площади электромобиль и направился к центральному КПП. Чем дальше он отъезжал от Фонтанной площади, тем меньше пыли и земли было на дороге. В обычные дни Химград бывал в это время малолюдным. Все работали и лишь немногие из горожан прогуливались по улочкам, живописным паркам и скверам. Сейчас же город был безлюден. Его жители выполняли предписание властей. Правила соблюдения карантина раздавались из громкоговорителей машин химзащиты. Они

разъезжали по городу. Биощиты были установлены, мобильные лаборатории развернуты — все было готово для принятия зараженных горожан. Однако Саврасов заметил, что ни одна мобильная лаборатория не принимала людей. Вокруг них сновали люди в защитных костюмах, много было людей с оружием.

Майор остановился возле одного из биощитов на улице Мирона. Из окон домов, жители с тревогой смотрели на снующих людей возле мобильных медблоков. Среди любопытствующих много детей, заметил Саврасов. Он сразу вспомнил, что Химград считался городом молодых. Ведь сюда приглашали работать самых многообещающих и талантливых молодых химиков и биологов. Майор обернулся назад, туда, где виднелся огромный пепельный купол. Он был так далеко, но по-прежнему поглощал все вокруг: дома, взгляды, мысли. Сейчас Максим подумал о том, что ведь во время взрывов в БиоНИИ находилось огромное количество людей. Все они направлялись на работу. Саврасов еще раз посмотрел на окна и заметил, что лишь некоторые смотрят на биощиты. Взгляды большинства направлены в сторону БиоНИЦ. И вместе с тревогой в глазах их были слезы не тем, кто отправился в это утро на работу. Саврасов надавил на педаль. Машина резко дернулась. Ему захотелось поскорее убраться от этих глаз, вопрошающих о судьбах тех, кого уже нет.

Вскоре он выехал на улицу Молохова. Ее еще называли парадной из-за ее назначения. По ней в город приезжало большинство людей из Петрополиса, до которого было меньше ста километров. Саврасов проехал площадь Столпов, на которой стояли 24 статуи ученых химиков и биологов. Улица Молохова, пересекая площадь, делила ее на две не равные части. С площади хорошо просматривался внешний периметр красной зоны, которой был объявлен весь Химград. Высокий забор с колючей проволокой. По периметру через каждые двести метров стояли вышки, на которых находились по трое часовых. С внутренней и внешней стороны периметр патрулировался на машинах. Через полкилометра Парадную перегородил КПП. Саврасов остановился возле одной из шести палаток. Вокруг суетились солдаты и отряды федеральной службы. Тут же были развернуты два биощита и две мобильные лаборатории. КПП представляло собой две башни по шесть метров каждая. На вершине находились по три наблюдателя. В левой башне находился пульт управления воротами. Они представляли собой метровой высоты преграду из стали.

Саврасова увидел капитан Месин, командующий спецподразделением внутренних войск. Он отдал последние распоряжения своим офицерам и поспешил к майору.

— Спецпосланник должен прибыть минут через пять, господин майор, — тараторил капитан. — Мы связались с его машиной — они скоро будут.

— Расслабьтесь, капитан, — Саврасова начинало раздражать слышимое «спецпосланник».

Он знал с какой любовью Винбург лелеет свои постоянные и временные регалии. Очередное спецзвание, наверняка придавало чиновнику крылатости. Так думал Саврасов. Подойдя к воротам, он увидел приближающийся электромобиль. Максим вздохнул. Ему захотелось сплунуть. Он усмехнулся, стукнув пальцем по защитному шлему.

После проверки документов машина, с Винбургом на заднем сиденье, проехала КПП. Водитель остановил ее возле ожидавшего майора Саврасова.

Винбург был полнее Саврасова, но того же высокого роста. Защитный костюм смотрелся на нем как брезентовый мешок и «изящно» подчеркивал небольшое пузо. Винбург, меж тем, помедлил выйти из машины. С минуту он рассматривал КПП и место, где

остановилась машина. Он демонстрировал свою брезгливость и сильно морщил нос, чтобы это было хорошо заметно. Но как только его взгляд упал на Саврасова, на лице Винбурга появилась ядовитая улыбка. Посмотрев на майора еще около минуты, он решил вылезти.

— Здравствуйте, майор, — Винбург поздоровался первым, даже в этом ему нужно было опередить Саврасова.

— Господин чиновник, — Максим стоял пренебрежительно расслаблено. — Прошу в мой лимузин.

Саврасов указал рукой на электромобиль, стоявший в паре метров. Винбург перестал морщиться, оставив на лице лишь небольшую ухмылку.

— Как любезно с вашей стороны меня встретить, — Винбург прошел мимо майора и начал усаживаться на пассажирское место рядом с водительским. — Сколько нам еще ехать до места?

— Минут десять, — Саврасов ухмыльнулся и пошел следом. Он сел за руль и, дождавшись, когда Винбург устроится, вдавил педаль в пол.

Машина дернулась. Винбург сделал вид, что не обратил на это внимание. Около минуты они ехали молча. Пока машина не вырулила на Малую улицу, с которой открывался идеальный вид на пепельный купол. Улыбка проиграла пораженному распахнутому рту. Винбург смотрел на темно-серый купол и не мог поверить, что он его действительно видит.

— Так это и есть... — он пальцем указывал вперед, — купол?

— Да, результат разницы давления, тонны отравленных газов и высокой температуры, — сухо объяснил майор.

— Вы уже знаете, что здесь произошло? — Винбург постарался совладать с трепетом, ширящимся в груди. Он выжал улыбку и посмотрел на Саврасова.

— В 8.30 утра на территории биологического исследовательского центра произошел теракт, а именно пять направленных взрывов. Основной их целью было полное уничтожение трех главных зданий комплекса: административного блока, центральной лаборатории и хранилища.

— Им удалось? — перебил Винбург.

Улыбка вновь исчезла с его лица, а его левая рука ухватилась за приборную панель. Чиновник хотел в порыве схватиться за руку майора, но в последний момент остановил себя и отвел свою руку в сторону.

Но Саврасов все равно заметил негодование Винбурга. Прищурившись, он посмотрел на чиновника. Ему захотелось узнать, в чем конкретно причина такой несдержанности.

— Боюсь, что да, — Саврасов сбавил ход машины, чтобы повнимательнее проследить за реакцией чиновника.

Винбург сидел хмурый как тучи, ползущие над городом. Он смотрел то перед собой, то уводил взгляд влево-вправо. Зрачки бегали, словно мухи по стеклу.

— Вы уверены? — не поворачиваясь, спросил Винбург из глубины своих раздумий.

— Это точные сведения. Роботы-разведчики передают нам видеоизображение. Все три главных здания полностью уничтожены. Но боюсь, террористы свой план перевыполнили.

— Что еще? — быстро спросил Винбург.

— От самого комплекса практически ничего не осталось. Основной удар был направлен на три главных здания комплекса, соседним тоже досталось. Большинство были сметены ударной волной, некоторые сильно пострадали от взрывов. Можете передать в министерство, что с БиоНИЦ им можно попрощаться.

Винбург медленно повернул голову и посмотрел на Саврасова. На лице чиновника сверкнули зубы, оскаленные в злобной улыбке.

— Это позвольте решать нам.

— Я констатирую факт, — Саврасов постарался придать своему голосу как можно более безразличный тон.

— Как обстоят дела с заражением?

— В городе медленно растет концентрация смертельных вирусов. Пока обстановку спасает отсутствие ветра...

— Меня не интересует город, господин майор, — Винбург был вновь мягок и дружелюбен. — Каковы данные под куполом?

Саврасов опалил чиновника злобным взглядом.

— Ученые рассчитали, что если сейчас купол рухнет, то при попутном ветре ядовитое облако накроет город в считанные минуты. До Петрополиса рукой подать — думайте сами.

— Уже есть какая-нибудь информация о том, кто мог совершить теракт?

— Лишь предположения.

— Поделитесь.

— Химбаты и чистокровки — основные претенденты.

— Как ФСБ могла пропустить приготовление столь крупного теракта? — Винбург смотрел на Саврасова.

— ФСБ не занимается охраной БиоНИЦ. По нашим данным два основных взрыв прогремели именно внутри зданий. Бомбы были заложены в районе станции метро под комплексом.

— Центр — это режимный объект, и на станции под ним действовали строжайшие меры безопасности, — Винбург пылал своей улыбкой.

— Вы пытаетесь меня в этом убедить? — Саврасов с иронией посмотрел на потуги чиновника вывести его из себя. — Развалины исследовательского центра куда красноречивее ваших слов. Моим отделом были получены сведения о том, что несколько группировок готовят крупный теракт и что БиоНИЦ возможная цель. Мы усилили контроль над городом. Эти меры позволили нам схватить несколько участников химбатов и чистокровок. Благодаря этому мы предотвратили серьезные последствия с заражением в Красных борах. Однако именно Вы, господин Винбург, противились тому, чтобы мой отдел принял активное участие в охране исследовательского центра.

— Потому что ваше дело — расследовать, — миловидно прошипел чиновник.

— Вот мы и расследуем, каким образом и кто взорвал Ваш любимый БиоНИЦ, — Саврасов радовался, что сказал об этом именно так. Он желал задеть Винбурга, ведь он возлагал на исследовательский центр большие надежды.

— Что говорит Кроберг?

— Ее и спросите.

Они проехали Фонтанную площадь. Саврасов остановил электромобиль в десяти метрах от палатки Елены Кроберг. Винбург уже не медлил. Как только машина остановилась, он вошел внутрь. Елена сидела за монитором и вместе со своим коллегой обсуждала варианты обеззараживания воздуха внутри купола.

— Елена? — Винбург остановился за спиной обсуждавших.

Кроберг, услышав знакомую «приветливость» немедленно встала и обернулась.

— Вы здесь? — на ее лице не было и тени радости. Она всегда славилась своей резкой

нагурой и не собиралась выдавливать из себя капли трепета перед спецпосланником. — Чем Вы можете нам помочь? — для Елены Винбург представлялся мохнатым огромным шмелем. Эдакий трутень, от которого лишь жужжание и ненужный сквозняк. Она была полевым работником и терпеть не могла, когда ее отвлекают.

— Меня прислал министр, чтобы ничто не ушло от его глаз, — учтиво заметил Винбург.

— От его или Ваших? — на этих словах в палатку вошел Саврасов. Елена замялась: услышал ли он ее слова или нет.

— Что с заражением? — Винбург посмотрел на майора, потом колкий взгляд скользнул по Елене. Он запомнит эту ее вольность.

— Под куполом находится половина всех штаммов, которые хранились в лаборатории. Среди них есть и гриппон. Его штамм видоизменен. Видимо это следствие проводившихся исследований. Как бы то ни было, но гриппон под куполом в сто раз агрессивнее. Он постоянно мутирует из-за контакта с вирусами вокруг него. Купол сохраняет внутри себя тепло и бактерии штаммов достаточно активно размножаются. Однако нам несказанно повезло. Кислотность пепла такова, что он пожирает некоторые вирусы. Там внутри сейчас идет пепел, он как сильный снегопад оседает на землю. Попутно он вступает с вирусами в реакцию. Большинство из них, как мы рассчитываем, будет уничтожено таким путем. Но это достаточно медленный процесс, а давление под куполом выравнивается с внешним гораздо быстрее. Это значит, что процесс разрушения купола начнется уже через четыре с половиной часа. Пепел не справится с уничтожением всех вирусов за это время, — Елена собрала какие-то бумаги в папку и передала Винбургу.

— Скажите, профессор, — Саврасов подошел к Елене, — а вот эта, скажем, функция пепла по уничтожению вирусов не кажется вам странной?

— Еще как, — Кроберг ответила сразу. Она давно решила для себя эту дилемму.

— И что думаете? — встрял Винбург.

— Мое мнение — пепел был специально создан для того, чтобы не дать вирусам из хранилища распространиться. Он достаточно токсичен и агрессивен, чтобы химически сжигать вирусы.

Винбург демонстративно хихикнул:

— Вы хотите сказать, что террористы сначала решили взорвать хранилище вирусов исследовательского центра, а потом, озаботившись жизнями людей, возвели экран из пепла? — на лице Винбурга злорадствовала насмешка. Уголки рта подергивались, словно от нервного тика. Елена начинала вскипать. Ее лицо медленно краснело. — Вы насмотрелись фильмов о романтических пиратах. Пепел не что иное, как результат чудовищного взрыва!

— Пяти взрывов, — Саврасов пилил взглядом чиновника. — Может, прежде чем судить о пепле, сначала понять природу взрывов?

— Просветите? — Винбург держал папку так, чтобы даже край бумаг не показывались наружу. Саврасов заметил это.

— Взрывов было пять. Чтобы уничтожить три главных здания исследовательского центра хватило бы и двух. Тех, что прогремели в самом начале.

— Значит, террористы подстраховались, — парировал Винбург.

— Черта с два, — обрубил Саврасов. — Дополнительные взрывы создали почву для выжигания воздуха и понижения давления. В результате чего в возникших условиях и составе бомб стало возможным образование химического пепла.

— И что же террористы тогда хотели, если не распространения ядовитого облака? —

Винбург был все также скептичен. Для большинства же, он был учтивым чиновником наивно непонимающим сути проблемы. Кроберг и Саврасов, напротив, выглядели как два коршуна, набросившиеся на невинную овечку.

— Уничтожить исследовательский центр. Распространения вирусов они не желали.

Винбург слегка прищурился, но улыбки не снял с лица.

— Вы в этом так уверены, — сделал вывод чиновник.

— Я уверен в наших специалистах, — Саврасов держал очную дуэль.

— И у кого же хватило гения на реализацию такого дерзкого плана? — Винбург посмотрел на Кроберг. — Я думал, что все гении давно найдены и идентифицированы соционикой?

— Видимо не все, — Саврасов жаждал сейчас свой блокнот как никогда. Кроберг и Винбург очевидно знают больше. Майор чувствовал это. Между ними была какая-то связь, помимо той, что объединяет министерских ученых.

— Видимо мне придется согласиться с Вашим мнением, майор, — Винбург благодушничал. — Что же мне надо изучить материалы, прежде чем связываться с министром. Вы позволите?

Винбург и Кроберг вышли. Они направились в личную палатку Елены. Почти следом за ними вышел майор Саврасов. Он видел, как Винбург учтиво открыл перед Еленой полотно палатки и вскоре они оба скрылись с глаз. Максим сопел и покрывался испариной. По лицу бегали вспышки. Через минуту он уверенным шагом шагнул к палатке профессорши.

— А не желаете ли Вы ответить еще на пару вопросов, господин спецпредставитель, — Саврасов пылал, словно бык на арене.

— Выйдите вон, — с неизменной улыбкой выдал Винбург.

Он стоял перед Еленой и держал раскрытую папку. Но, увидев злющего майора, закрыл ее и отвел руку за спину. Кроберг презрительно смотрела на Саврасова. Он посмел ворваться в ее палатку без приглашения. Для нее это было верхом оскорбления. Но переведя взгляд на чиновника, она увидела, как его глаза наливаются злостью. Лицо Елены украсила ухмылка. Ее нос слегка задрался. Она готова была наслаждаться назревающим противостоянием.

— Майор, выйдите! — приказывал чиновник.

— Я хочу знать истинную причину Вашего визита, — Саврасов демонстративно прошел к ближайшему столу и присел на угол.

— Вы забываетесь, — Винбург был как всегда, мелодичен.

— Послушайте, Вы вроде как не отдаете себе отчета где находитесь.

— Займитесь расследованием теракта, майор, — Винбург повернулся к Саврасову. Его правая рука плавно размещивала перед ним воздух, дополняя слова. — Вы мешайте мне заниматься внутренними делами министерства. Извольте...

— Дела министерства, я так понимаю, касаются взорванного исследовательского центра?

— Хоть бы и так. Вас это ни коим образом не должно касаться...

— Ошибаетесь, господин Винбург, — Саврасов едва заметно улыбнулся. — Вы забыли, что именно мне поручено заниматься расследованием. И если у вас двоих имеется какая-то информация, вы обязаны мне ее предоставить.

Винбург замолчал. Он размышлял. Улыбка то расходилась до ушей, то едва была заметна на его лице. В конце концов, он решил прикрыться последним доводом.

— Как спецпредставитель, я имею право не разглашать информацию... — на этом

слове Саврасов оборвал его, подняв правую руку.

— Режим чрезвычайной ситуации в Химграде, который установил президент, дает мне полное право, как главе отдела биохимической безопасности ФСБ взять вас обоих под стражу и подвергнуть допросу.

Кроберг не ожидала подобного поворота. От удивления она открыла рот.

— Допрос? — фыркнула Елена. — Что за ребячество?

— Господин Винбург, я прекрасно знаю, что БиоНИЦ занимался не только исследованиями вирусов, — Саврасов сбавил обороты. — Исследовательский центр находился под прицелом у нескольких группировок. И зная точно, чем занимались ученые в центре, я смогу понять, кто реально мог стоять за взрывами.

Ухмылка на миг прошла лицо Винбурга. Он посмотрел на Кроберг.

— Уважьте главу отдела ФСБ, — он передал ей папку, а сам пошел и сел за ее стол. Он стоял у дальней стены и был завален бумагами.

— БиоНИЦ был центром биоинженерии, как все знают, — Елена раскрыла папку и передала ее майору. — Вот уже несколько лет мы пытаемся реализовать обширную программу под названием «Регенерация».

Саврасов листал электронные бумаги. На некоторых были непонятные формулы, на других графики, расчеты. Несколько раз встречалось: «объект 7», «объект 3», «объект 9».

— Суть этой программы заключается в том, чтобы научить клетки нашего тела восстанавливаться после повреждений. Эту технологию можно было применять как тем, кто пострадал в катастрофах, так и при лечении некоторых болезней, — Кроберг бросила беглый взгляд на Винбурга. Он сидел к ним спиной и медленно покачивался в кресле. Елена подошла к Саврасову, ее раздражал его бессмысленный просмотр бумаг с ценными данными. — Вот, здесь, показаны наши успехи. Мы научились полностью восстанавливать человеческую кожу после ожога. Приступили к испытаниям по лечению кожных заболеваний. Вывели несколько вакцин, тонко регулирующих обмен веществ в организме, — голос профессорши звенел как у школьницы, сделавшей открытие. Она плескала руками и тараторила, едва не давась словами. — Когда мы узнали, что гриппон и «белая язва» каким-то образом взаимосвязаны, то начали активно работать в этом направлении.

— Что за объекты? Их тут несколько. Сказано, что первый умер от остановки сердечной системы, — Саврасов посмотрел на чиновника. Тот не поворачивался. — Вы что проводили испытания на людях?

— Да, то есть, нет, — запнулась Кроберг. — Испытания на людях мы стали проводить около года назад. А «объект 1» это искусственно выращенный организм. Мы начали его выращивать более 15 лет назад. Он имел кожный покров, органы схожие с нашими, но он был всего лишь многоклеточным организмом не более. Вместо сердца у него была сердечная система. Но принцип один и тот же. В общем, в результате долгих испытаний клетки сердечной системы стали отмирать и организм умер.

— А остальные объекты? — майор подозрительно посмотрел на Кроберг.

Она словно не поняла лукавого взгляда Саврасова и глянула на Винбурга.

— Может, Вы что-нибудь уже скажете? — настаивала она.

— Все объекты представляли и представляют собой живые неразумные формы жизни, — Винбург быстро повернулся, расплываясь в легкой улыбке. — Их можно было назвать примитивными, если бы не органы и не количество клеток. Это кожаный мешок с органами и кровеносной системой. Так Вам будет более понятно.

Винбург встал с кресла и подошел к Кроберг и Саврасову.

— В этих бумагах содержится необходимая информация по результатам исследований.

Их курирует лично министр науки, — Винбург полностью уравновесил свой гнев. Сейчас у него улыбаются даже глаза. — Как Вы знаете, министр особое внимание уделяет исследованиям о восстановлении клеток. К сожалению, на последних листах этого отчета содержится информация о том, что «объект 7» и «объект 9» скончались от неустановленной болезни. Террористы, взорвав БиоНИЦ, лишили нас возможности провести вскрытие и узнать точную причину. Оставшихся объектов у нас не много, и я вынужден приостановить исследования, так как ученые могут совершить те же самые действия что и в БиоНИЦ. Риск для объектов велик. — Винбург закрыл папку и взял ее в свои руки. — Вот и вся тайна. Вам это помогло в расследовании?

— «Белая язва», — Саврасов указал на папку, — я думаю, что она сыграла не последнюю роль в мотивации террористов.

— С чего вы взяли? — удивилась Кроберг. — Язвой нельзя заразиться через воздух.

— С нее началась вся цепочка странных событий, которые начали твориться в городе, — настаивал Саврасов.

— Все больные «белой язвой» находятся в Деревне, кому как не Вам это знать, — Винбург нахмурился. — Или Вы один из тех, кто видит в несуществующей угрозе опасность?

— Я один из тех, кто был в Петроградском районе, когда более полусотни человек начали задыхаться, а потом рассыпаться на куски, — Саврасов сверкнул глазами на Винбурга. Но его это не заботило, его ухмылка была на месте.

— Вы опять намекаете на то, что это был беглец из карантинной зоны? — вспыхнула Кроберг. Она руководила лабораторией в резервации. И когда в прошлый раз Саврасов обвинил ученых в халатности, она попала под раздачу. — Приезжайте и смотрите! Все больные учтены и находятся в своих домах.

— Я не хотел намекать на Деревню. Но «белая язва» остается угрозой. И эта угроза возникла именно тогда, когда БиоНИЦ начали исследования над связью гриппона и «белой язвы».

— Вы правы, майор, — Винбургу было нелегко согласиться с ним. — Но я бы не хотел марать честные имена наших ученых, которые погибли сегодня. Может террористы проникли в центр и выкрали штамм, — рассуждал чиновник.

— Это возможно? — уцепился Максим.

— Маловероятно, — тяжело вздохнув, Винбург опроверг сам себя. — Уровень защиты БиоНИЦ был чрезвычайно высок.

— И все же он не помог, — съязвил Саврасов.

— Вот и разберитесь.

Рация майора издала шипящий звук, заставив Кроберг дернуться от неожиданности. После чего раздался голос Травина. Он доложил Максиму, что у капитана Боброва есть какие-то сведения, и он ждет в главной палатке. Саврасов извинился перед учеными и быстро откланялся. Винбург проводил его взглядом, после чего повесил широкую улыбку на лицо и взглянул на Кроберг.

— Объект 3 успели доставить в Деревню? — спросил чиновник.

— Сегодня ночью. Мы как чувствовали неладное.

— Замечательно. Давайте же приступим к работе.

Они вышли из палатки и направились к куполу.

Саврасов никак не мог отделаться от мысли, что его водят за нос. Хроническое недоверие к Винбургу клеймом отпечаталось на майоре. Почему объяснялась Кроберг, а не чиновник и почему в ее словах так все складно выходит? Очевидно, что Винбург следил за каждым ее словом и действием. Недаром она поглядывала на него. Саврасова ели мысли. И чем дольше он размышлял, тем больше злился. Он недовольно поморщился. От всей этой истории тянуло дурным запахом. Хотя майор не исключал, что ему сказали правду или хотя бы ее часть.

В палатке Саврасова уже ожидал Бобров. Он вместе с капитаном Травиным просматривали какие-то снимки на экране монитора.

— Надеюсь у тебя что-то интересное, Бобер, — Саврасов подошел к столу и недовольно посмотрел на друга. — В противном случае ты лишил меня шанса прижать Винбурга к стенке.

— Еще представится, — Бобров был увлечен рассматриванием снимков и даже не посмотрел на Максима. — Помнишь те случаи вандализма?

Саврасов громко и протяжно выдохнул. Он готов был взорваться. «Случаи вандализма?!», — внутри майора все пылало.

— Я тут походил и выяснил, что все это звенья одной цепи, — Бобров оглянулся на Саврасова, и тут же вжал голову, словно опасаясь бомбежки. Кипящий взгляд Максима пытался прожечь в нем дырку.

— Какой цепи? — фыркнул Саврасов.

— Разборки малокровок в Петрополисе, вандализм и взрыв БиоНИЦ.

— С чего ты взял?

— Смотри, — Бобров показывал фотографию какого-то дома. Его торцевая стена была сильно опалена и на ней были оставлены глубокие и длинные борозды. — К этому дому я выезжал лично. Это внутренний двор на Старомосковской улице в Санкт-Петербурге. Вот еще фотографии, — Бобров показал другой дом. Одна из его парадных была сильно повреждена. Кирпичная кладка, также была изрезана бороздами и опалена. Майор показал другой снимок. На сей раз это была игровая площадка. Две лавочки были опалены и разломлены. Часть турников были расплавлены. На следующей фотографии было сожженное дерево. На его широком обгоревшем стволе четко просматривался контур человеческого тела.

— Занятные снимки, — где-то в глубине Саврасова привлекли эти фотографии. Но все же он считал, что Бобров тратит его время зря. — К чему это все?

— погоди, Саврас, — Иван улыбнулся, предвкушая реакцию друга. — Вот на закуску еще пара снимков.

На очередном снимке были запечатлены обгоревшие деревья. Они были исполосованы и изрезаны, как стены домов. На следующем снимке была видна уже целая аллея. Некоторые деревья были опалены, другие полностью сгорели. И на каждом из них были глубокие парные царапины: две глубокие полосы. На третьей фотографии: обугленная земля с отпечатком по форме напоминающим голову и плечи. Максим посмотрел на Боброва.

— И что?

— Не интересно, да? — Бобров выжидал с решающим аргументом. — А станет ли тебе интереснее, если я скажу, что три последних снимка сделаны на Речной аллее, что в квартале от БиоНИЦ?

Бобров торжествовал. Он готов был подпрыгнуть от радости. Внимание сурового

майора Саврасова было в его распоряжении.

— Тот же почерк и, даю гарантию, те же мотивы, — Бобров встал со стула, прихватив со стола две бумаги. — Вот данные о составе пепла во дворе Старомосковской и с аллеи.

Саврасов стал вчитываться. Заключение было выдано лабораторией БиоНИЦ. Среди обширного текста в глаза почти сразу бросилось предложение: в пепле обнаружены частицы человеческой ДНК. Посмотрев на бланк, Максим обратил внимание на число: 11 марта 2222 год. В голове пронеслись одна за другой мысли: как вовремя и быстро справилась лаборатория со своей работой — лаборатория выслала в ФСБ заключение за два дня до взрыва исследовательского центра. Подписан документ был заведующим лабораторией А. Мариинским. Эта фамилия Саврасову была знакома. В свое время он часто встречался с профессором Алексеем Владимировичем. Последний раз он видел его месяц назад, ведя расследование гибели людей в некоторых районах Петрополиса. Мариинский относился к числу ученых, которые недолго любили Винбурга. Но из-за своей гениальности ученый продолжал спокойно работать в БиоНИЦ.

— Ты по-прежнему считаешь, что это был кто-то из кровников? — уточнил Саврасов.

— Знаешь, чем больше я смотрю на снимки, тем больше убеждаюсь, что это никакой не вандализм, — Бобров тяжело вздохнул. — Больше похоже на какие-то непонятные разборки.

— Разборки, ведущие к БиоНИЦ, — заметил Саврасов.

— Может кто-то из профессоров центра был во всем этом замешан? — предположил Бобров.

— Может, но сейчас это будет крайне тяжело узнать, — в памяти Саврасова всплыл недавний случай. — Все пути ведут в БиоНИЦ.

— Ты о чем?

— Случай со смертью водителя автобуса на площади у исследовательского центра помнишь? — Максим смотрел на Боброва, едва заметно прищуривав левый уголок глаза. Он всегда смотрел так на Ивана, когда не мог о чем-то сказать открыто.

— Это тот, про который в прессе говорили? — Бобров понял намек. — Как же, ведь тогда всю трубили, что водила умер от «белой язвы».

— Официально это было опровергнуто, да и расследование мы все еще ведем, — Саврасов незаметно посмотрел на своих сотрудников. — Но то, что все эти события происходили до взрыва, создают впечатление со странным привкусом.

— Дело дрянь, — Бобров шлепнул ладонью о ладонь.

— Мои люди проводят опрос населения. Я распоряжусь, чтобы они расспрашивали о произошедшем на аллее, — предложил Саврасов.

— Я присоединюсь к их работе, если ты не против? — напросился Бобров. — Не сидеть же мне на одном месте.

Саврасов кивнул головой. Бобров схватил куртку и стремительно вышел из палатки. Столько вопросов по делу, но ни на один не удастся ответить. Тяжелый удар пришелся по ножке стола. Майор плюхнулся на стул под жалкий скрип ножек о поверхность. Несколько движений пальцев по планшету и на экране появились изображения разрушенного исследовательского центра. Первая разведка не принесла никаких зацепок об исполнителях и способах, которыми был осуществлен теракт. Слова Кроберг и Винбурга только запутывали больше, добавляя вопросов. Роботы обнаружили 15 погибших. Главной причиной их смерти стало отравление. Открытые участки кожи были опалены, но в местах, где их обнаружили, следов огня не было. Все они находились на удаленном расстоянии от

исследовательского центра. Роботы-разведчики вытащили все тела, пока пепел окончательно не разъел их. Теперь их удел — быть немymi свидетелями того, что творилось под куполом. Больше погибших роботам обнаружить не удалось. Температура и огонь уничтожили все улики. Федералы и ученые питали слабую надежду хоть на какие-то находки среди обломков. Тем более что один выживший в чудовищной катастрофе на своих ногах вышел в руки ученых.

Вскоре Саврасову сообщили о том, что данные с уличных камер обработаны. Майор был этому рад, хотя и не показывал этого. Что-то должно сдвинуться, сплошные вопросы и слои тайны один за другим лишь нервировали.

Максим подошел к оперативной группе за мониторами. Они вывели на экраны изображения с нескольких улиц.

— Мы сопоставляем данные о грузовике, который вы увидели, но пока ничего похожего, — сообщил лейтенант Симонов.

— Не может быть! Ищите лучше, — настаивал Саврасов.

— Но в расчетное время прибытия в город не въезжали ни военные, ни грузовые машины, майор, — лейтенант упирался. Ему не хотелось перепроверять огромный ворох данных.

— Значит, вы что-то упустили, — Саврасов смотрел на монитор. Запись показывала размеренную жизнь Химграда. Стабильный поток утреннего трафика и горожан, спешащих на работу. В памяти четко зафиксировался раскуроченный остов большой машины. — Она же как-то попала на территорию центра.

— Ничего похожего.

— Они могли изменить внешний вид машины, — майор цеплялся за соломинки.

— В город регулярно въезжают крупные трейлеры, — рассуждал лейтенант. — Некоторые доставляют необходимые реагенты, а некоторые аппаратуру.

— Сегодня должны были доставить новые капсулы для лабораторий биоинженерии, — вмешался Травин. — БиоНИЦ заказал их полгода назад.

Саврасов прищурился.

— Трейлеры, на которых доставляется груз в БиоНИЦ, принадлежат центру? — майор смотрел на капитана.

— Именно так. Они белого цвета с двумя эмблемами: министерства науки и БиоНИЦ, — Травин подошел к экранам. — Вот этот. — Он указал на крайний монитор находившийся ближе к нему.

Лейтенант-оператор тут же нажал на паузу, и картинка замерла. На ней была улица академика Николая Ферисара. Ее пересекала улица Комолова, к которой направлялся белый трейлер, застывший на стоп-кадре. Он был короче дальнемагистральных, но крупнее обычных грузовиков, занимал полторы полосы и двигался вдоль разделительной разметки.

— И вы его не заметили? — майор был грозен.

— Обижаете, — лейтенант недовольно посмотрел на шефа. — Он почти сразу попался нам на глаза. Мы проследили весь его путь: от въезда в город и до исследовательского центра он ехал 52 минуты. Остановивался лишь один раз у закусочной на Моховской улице. Водитель провел там около шести минут. Видимо стоял в очереди. Затем вновь сел за руль и без остановок до БиоНИЦ. Он подъехал к центральным воротам. Вот, — лейтенант указал на монитор сверху. Камера снимала издали. Стоявший у проходной, белый трейлер было плохо видно. — Офицер просит его выйти. Осматривает салон кабины, охрана проверяет

трейлер. Дальше у нас записи нет.

— Почему?

— Эта запись была сделана с камеры на ближайшей улице. На территории БиоНИЦ своя система видеонаблюдения.

— Тот раскуроченный каркас машины находился ближе к парадному входу в здание? — майор обратился в Травину.

— Да. Но наш робот-разведчик обнаружил под пеплом следы, по которым можно сказать, что каркас не всегда находился на нынешнем месте.

— И чем вам не бомба? Его могло отбросить взрывом, — предположил Саврасов.

— Но ведь по документам все сходится, — Травин пытался доказать, что они все проверили. — Трейлер везет оборудование именно в то время, когда положено. К тому же, трейлеры не подъезжают к парадному входу. Для них есть отдельный корпус.

Саврасов размышлял. В словах капитана есть логика.

— Но ведь каркас перед парадным входом? — настаивал майор. — Его могло отбросить сюда от технического корпуса?

— Исключено, — ответил капитан Малин. — Техблок находился за главным зданием и к тому же, все трейлеры, находившиеся там, погребены под обломками.

— И проверить по документам: было ли доставлено заказанное оборудование мы не можем, — Саврасов пристально смотрел на трейлер. — На завод звонили?

— Сразу, как обнаружили трейлер, — ответил Травин. — Там подтвердили и даже переслали все документы: договор с БиоНИЦ на поставку техники, счета, спецификации. Номера на трейлере сходятся с теми, что были зарегистрированы на заводе-изготовителе. Кроме того, машину визуально узнали по заводским камерам.

— И все-таки это бомба, — настаивал майор.

— Все говорит об обратном.

— Все подозрения трактуются в нашу пользу, — фыркнул майор. — Найдите эту закусочную. Узнайте все об этом водителе: что он заказывал и как выглядел. Немедленно! — Саврасов грянул словно гром.

Куда бы он ни посмотрел, его пылающий взгляд всюду видел испуганные глаза. Все они — сотрудники боялись его как огня, как черта. Они всегда отмалчивались, утаивая свои истинные таланты. Саврасова это раздражало. Он считал, что они работают медленно и неохотно. В момент, когда в его кабинете раздался звонок о теракте в Химграде, Максим почувствовал прилив адреналина. Наконец-то он сможет окунуть своих ребят в самое пекло. Они этого заслуживают. Все они настоящие гении в своих делах, ведь именно таких он отбирал в свою команду. Получить приглашение от майора Саврасова было настоящей удачей, но с тем и проклятием. Максим впивался в своих подчиненных как клещ. Ему нужна была их кровь, их мысли, действия. Он создал идеальный механизм, который перемалывал все, что ему попадалось. Саврасов очень тонко подходил к расследованию дел и выдрессировал своих подчиненных. Для него они не были семьей, как многим порой это казалось. Со стороны многие завидовали тем, кто работает с майором. Но когда им выпадал счастливый случай видеть, как работает Саврасов и его команда, зависть, почти всегда, отходила на второй план. И сейчас, Максим жаждет увидеть, как его офицеры выкладываются на тысячу процентов. Он очень часто и подолгу смотрит им в глаза. И сейчас Саврасов видел лишь страх. Лишь его он никак не смог подавить, растоптать, развеять. Для своих подчиненных он — непререкаемый авторитет. Он — царь и бог. Они возвели его на

этот пьедестал, и никто не желал сбросить его оттуда. Им мешал страх и неуверенность. Эти две черты он ненавидел больше всего. Травин отважился нарушить гневный покой шефа. Он доложил, что профессор Кроберг хотела срочно с ним переговорить и ждет его у купола.

Максим вылетел из палатки. Идеальный случай для того, чтобы вынырнуть из болота. Пусть они работают, стараются. Саврасов быстро дошел до палаток ученых. Защитный костюм все больше и больше напоминал майору смирительную рубашку. Он лишил его двух главных завоеваний: блокнота и свободы действий. С каждой минутой, проведенной в костюме, Саврасов все больше ненавидел его. Он ловил себя на мысли, что испытывает огромное удовольствие, когда снимет его. Возле приборного стола, рядом с границей купола стояла Кроберг. Она яростно спорила с Винбургом. Чиновник не изменял себе. Саврасов назвал бы его манеру спора мертвецким спокойствием, если бы покойники умели улыбаться. Кроберг же больше напоминала фурию. Она взбивала воздух перед чиновником руками, словно крыльями и постоянно указывала в сторону купола. Казалось, что его пепел волнами расходится от крика Елены. Чем ближе подходил Максим, тем яснее доносились слова спорящих. Громкие слова профессорши были куда понятнее, нежели спокойный тон Винбурга. Елена говорила об опасности купола и вмешательстве чиновника в ее работу. Знакомые претензии. Саврасов как никто понимал Елену, хотя что-то в ее сегодняшнем поведении ему не нравилось. Оно отличалось от того психологического портрета, который он составил во время их давних встреч.

— Ох, ну наконец-то, — Кроберг увидела подходящего майора.

— Мы бьем с Вами все рекорды, господин Саврасов, — Винбург миловидно раздвинул уголки губ, намекая на их частые встречи.

— Не знал, что вы считаете частоту наших встреч, — майор ухмыльнулся.

— Я полагал, что этот разговор касается исключительно нас двоих, — Винбург выказал недовольство Елене.

— Да, я его пригласила, — Елена уперлась глазами в чиновника и указала рукой на майора, — потому что знала, что Вас не интересует мое мнение.

— Что случилось? Вы передали, что это срочно, — Саврасов заинтересовался стычкой. Елена была смела. Она явно имела не один козырь, раз позволяла так разговаривать с Винбургом.

— Я отзываю своих роботов-разведчиков из-под купола в связи с его дестабилизацией. Это я прошу сделать и вашим операторам.

— А подробнее?

— Под куполом работает более 50 роботов. Они нарушают хрупкий баланс давления и плотности газов. Наши датчики зафиксировали резкий рост давления под куполом, — Елена подошла к столу и взяла электронный журнал. — Купол как живой организм реагирует на то, что внутри него происходит. В некоторых участках мы зафиксировали выброс зараженного воздуха. Давление выравнивается слишком быстро! — прикрикнула Елена.

Винбург надул щеки. Слова Кроберг для него утратили интерес. Хотя и в реакции Саврасова он был уверен.

— Вы уверены в том, что купол дестабилизируется из-за наших роботов?

— Нет, — она сверкнула глазами и злобно посмотрела на Винбурга.

— Но вы отзывате своих роботов? — уточнил майор.

— Да. Если и вы их отзовете, то мы почти сразу увидим ответную реакцию купола.

— Не вижу смысла Вам отказывать, профессор, — Саврасов согласился с Еленой. Хотя

он очень не хотел выводить роботов и останавливать исследование руин. Но Кроберг заронила в нем тревогу, еще когда в первый раз упомянула о падении купола. Винбург осуждающе посмотрел на Саврасова. Но Максим продолжал. — Как быстро мы сможем понять: вина роботов это или нет?

— В течение часа.

— Если через час после вывода роботов из-под купола выяснится, что Ваши опасения не оправдались — я верну всех разведчиков к работе, — на лице Саврасова дернулся мускул.

— Вы понимаете, как это опасно? — Кроберг пыталась убедить майора отказаться от затеи исследовать БиоНИЦ. — Почему не дожидаться, когда купол спадет естественным образом, а не провоцировать его на падение. Вы рискуете жизнями тысяч жителей.

— Потому что слишком многие заинтересованы в поимке столь быстро ускользающих деталей, — Саврасов сверкнул глазами и перевел взгляд на Винбурга. Надменность его за последний миг возросла многократно. Он не снимал легкой улыбки с лица, при этом морщил нос, глядя на майора. — Час, профессор, — уточнил Саврасов. — Если роботы будут не при чем, то они вернуться к своей работе. А если вы так уж сильно печетесь о здоровье граждан, то начните их лечить и вывозите из города. Вы бы могли этим заняться, не так ли, господин Винбург? Как спецпредставитель?

— Вы совершаете большую ошибку, майор, — Елена согласилась с условиями поражения.

Но Саврасову было начхать на Елену с ее псевдозаботой о жителях. Мысли о живущих возле купола, Максим отметал. Нужно было сфокусироваться на работе. Ученые, медики и спасатели — вот кто должен беспокоиться о горожанах. Однако все они по-прежнему бездействовали. Жителей в районах, примыкающих к исследовательскому центру, регулярно обследовали. К ним приходили лаборанты с приборами и датчиками. Они брали у них на пробы кожу, волосы, ногти и почти ничего не говорили. Людей держали в домах, и Саврасова начинало это раздражать. Когда он чувствовал, что его начинают брать в тиски, он действовал непредсказуемо и крайне агрессивно. У него не было ни жалости, ни сострадания, лишь тревога о том, что жителей используют. Мысли о том, что это может быть как-то связано с его работой Максим отгонял. Ему хватало думок. Но все же он дал указание своим людям во время опроса спрашивать и про «белую язву» и про гриппон, и про Винбурга. Если и есть здесь какая-то взаимосвязь, то пусть ее ищут. Но думать об этом Саврасов не желал. Ни единого нейрона он не желал тратить на то, что могло его отвлечь от основного потока размышлений.

Майор отдал приказ о выводе разведчиков из-под купола. На его лице висела хмурая мина. Прищурившись, он смотрел куда-то впереди себя. Он потянулся за блокнотом, но уже через секунду выругавшись, одернул руку. Ему не хватало любимого шуршания. Он смотрел на записи, сделанные разведчиками. В голове со злым азартом проносились мысли. Но нужно было смириться с часовой задержкой. Пусть это станет временем на обдумывание. «Но чего именно?», — задавался вопросом майор. Он смотрел то на один монитор, то на другой. Идеальная картина: покрытый снегом холм. Кое-где проступает земля. Ни ветра, полная тишина. Идеальный зимний день. Только вместо снега сыпал пепел, а землей служили искореженные развалины исследовательского здания. Уродливо изогнутый остов походил больше на кривые пальцы чудовища, так и не сумевшего вырваться из-под земли.

— Разрешите обратиться? — капитан Малин прервал размышления Саврасова.

Максим кивнул.

— У меня есть не совсем законная идея, — Малин замялся.

«Не совсем?», — ухмыльнулся про себя Саврасов. Подобные слова стали для него приятным сюрпризом. Майор принял позу и внимал.

— Спецпредставитель из министерства что-то скрывает, — Малин говорил в полголоса.

— Правда? С чего бы ему вдруг?

— Дело в том, что на прошлой сессии ученого совета он заявлял, что до испытаний вакцины от гриппона на людях еще далеко, — капитан оглянулся по сторонам. Рукой провел по защитному стеклу, пытаясь смахнуть каплю пота со лба.

Саврасова увлекали не слова, но поведение капитана.

— Но на самом деле они ведутся.

— И какое это имеет отношение к сегодняшнему дню?

— Во время опроса населения, в некоторых домах наши люди обнаружили странные датчики. Некоторые из них были спрятаны, некоторые замаскированы.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Мы выяснили, что все люди, в чьих домах мы обнаружили датчики, больны гриппом А1.

— Они дают этим людям лекарства и следят за ходом болезни, — размышлял Саврасов.

— И судя по тому, как установлены датчики — следят скрытно, — уточнил Малин. — Жители не знают, что их лечат.

Саврасов посмотрел в сторону палаток ученых, потом в сторону города.

— Или делают вид, что лечат, — предположил он.

— Винбург здесь наверняка не только из-за купола и угрозы заражения, — продолжил капитан. — Его явно интересуют жители. Мы проследили: как только появился Винбург врачи стали чаще посещать жителей.

— И все будут думать, что это он о них заботится, — Саврасов усмехнулся. — Что ты обо всем этом думаешь?

— Хм, зная то, что мы знаем, можно предположить, что Винбургу поручено проследить: не раскрылся ли секрет министерства. Или есть другой вариант, куда интереснее, — капитан загадочно смолк.

— Например? — Саврасов был в восторге от Малина, но виду не показывал.

— Что если в министерстве не знали об испытаниях и вообще не собирались их проводить до готовности вакцины? Ведь главный вирусолог страны профессор Данилевский утверждал, что лекарство крайне опасно в его нынешнем виде. Предположим, что, несмотря на это, Винбург решил приступить к тайным испытаниям. Ведь в прошлом он сумел повернуть подобное, еще не будучи министерским чиновником. Он переселяет в Химград людей больных гриппом и начинает испытания. А когда создается комиссия по выявлению допущенных нарушений в ходе разработки вакцины, Винбург решает замести следы.

Саврасов округлил глаза и глянул на осмелевшего капитана.

— Ты полагаешь, что взрыв это дело рук Винбурга?

Капитан осекся. Но, вспомнив первый год работы у Саврасова, выпрямился и, посмотрев ему в глаза, кивнул головой и добавил:

— Вы помните, что менее года назад министр Терен инициировал проверку? — Малин всеми силами пытался подавить дрожь в голосе. Он мысленно себя успокаивал, что делает все правильно. — Ведь это из-за профессора Данилевского все тогда началось. Хотя он сам

никогда не обвинял Винбурга в проведении незаконных испытаний. Но выступал с резкой критикой поспешного желания Винбурга приступить к ним.

Саврасов слегка кивнул головой в знак одобрения. Ему нравились версии капитана и то, как он их изложил. Не зря он сделал его старшим в группе по Винбургу.

— И в чем же заключается твой незаконный план?

— За Винбургом надо установить слежку, — не колеблясь, выдал капитан.

— Продолжай, — Саврасову нравилось напористость Малина.

— При чем не только слежку: мы и так знаем каждый его шаг. Нужно поставить жучки.

Саврасов был поражен. Но его лицо расплывалось в довольной ухмылке. Неожиданно он получил то, чего хотел.

— Я этого не слышал. Но мы будем слышать с кем и о чем говорит наш специальный гость, — майор несколько раз кивнул.

Капитан был собой доволен. Авантюра, которую он затеял, удалась. И великий федерал Саврасов дал свое благословение. Он направился к машине со спецоборудованием чуть ли не вприпрыжку, стараясь не привлекать излишнего внимания.

Максим был весьма доволен. За целый день это первое что заставило его гордиться собой. Нестандартный ход. Малин молодец! Саврасов хвалил капитана, глядя ему вслед. Он делает все идеально, как и всегда. Жучки будут поставлены в нескольких местах, включая и самого Винбурга. На этой мысли глаза майора блеснули. Малин был дотошным, как и сам Саврасов, а, значит, и жучки будут смастерены так, что никто не поймет, что они были установлены профессионалом. Тени на отделе не будет — это главное для Саврасова. Догадки и подозрения Винбурга будут бездоказательны. Малин осторожен и аккуратен. Максим успокаивал свое чутье. Он желал знать, что именно привело сюда Винбурга. В глубине своих мыслей Саврасов не согласился с доводами Малина о причастности чиновника к взрыву. Они казались ему пусть и имеющими право на жизнь, но все же домyslom. Он отнес их в категорию «возможностей». Тем более до официальных версий еще далеко. А вот гений Винбурга сейчас меньше чем в двухстах метрах. Он вынужден с ним считаться, как и с тем, что Министерство науки России занимает одно из главенствующих мест в управлении государством.

Глава 3. Пробуждение

Большой электронный циферблат на стене неярко заливал зеленкой небольшую комнату. На его гладком полированном экране мутно виднелись цифры: четверть двенадцатого ночи. Несколько раз поморгав, Кир посмотрел по сторонам. Слабого света часов хватало лишь на то, чтобы едва проникнуть за середину мрака комнаты. Справа, в метре от себя, он едва разглядел еще одну кровать. На ней кто-то спал.

Окончательно придя в себя, Кир попробовал приподняться, чтобы лучше осмотреть комнату, в которой он находился. Но стоило ему сделать небольшой упор на руки, как все тело содрогнулось, словно от разряда током. Острые колики пронзили грудину и мышцы сжались в судороге. Кир заскулил. Из всех сил он пытался сделать вздох, но спазм все больше сковывал его.

— погоди, — справа донесся мужской тяжелый бас.

Кир не мог повернуть голову и посмотреть на незнакомца, но слышал, как тот включил ночник и что-то достает из прикроватной тумбы.

Через пару минут к правой руке Кира подошел седовласый мужчина. Он положил шприц на тумбу рядом с кроватью и начал резкими движениями готовить руку соседа к введению иглы. Нашупать вену было не сложно, а вот проткнуть скованную спазмом кожу, напротив. Кир вскрикнул.

На лице седовласого даже не дернулась морщинка. Он ввел до конца препарат и осторожно вынул иглу. Еще с минуту незнакомец смотрел на Кира без отрыва. Глаза седовласого искрились зеленым. Он внимательно осматривал своего пациента: проводя взгляд от лица на руки и снова на лицо. В зеленоватом оттенке ожоги Кира были похожи на кожу ящерицы, лишённую матового блеска. Когда же седовласый вновь взглянул в глаза Киру, то смог прочитать единственный вопрос: «Что со мной?». Но он не собирался на него отвечать.

— Через тридцать минут тебя начнет отпускать, — прохрипел незнакомец. — Если не будешь сопротивляться спазму, то лекарство подействует быстрее. Хотя поначалу будет больнее.

После этих слов седовласый скрылся с глаз. Кир остался наедине с потолком. Боли не оставляли бедолагу около часа. Он не мог заставить себя расслабиться и позволить волне спазма сойти на нет. Лекарство действовало медленно, с трудом пробираясь в ткани, пораженные судорогой. Постепенно боль ушла, дыханию ничто не мешало и Кир смог безболезненно пошевелить конечностями. Когда же его ноги коснулись холодного пола, на циферблате часов было уже пять минут второго. И в эту же минуту Кир впервые увидел свои обгоревшие руки, покрытые сплошным багрово-черным ожогом. Он смотрел с ужасом на свои пальцы, вернее на то, что от них осталось. На некоторых из них кусками была оторвана кожа, а оба мизинца были ампутированы.

Кир медленно встал с кровати. Его немного шатало. Ноги отозвались колкой болью. Кир посмотрел на них. Он видел только обгоревшие пальцы, выглядывающие из-под халата. Кир огляделся. Он хотел увидеть себя. Но в комнате не было зеркал. Лишь три койки и столько же тумб. Он поднес руку к лицу и осторожно дотронулся до него. Но ничего не

почувствовал. Тогда он прикоснулся к щеке всей ладонью и провел ею, но никаких ощущений.

— Лицо у тебя тоже сожжено, — знакомый хриплый голос прервал тишину комнаты. Седовласый стоял у входной двери на крыльце дома. — И волос у тебя тоже нет, если тебя это интересует.

Кир смотрел на незнакомца, не находясь с ответом. Он лишь медленно провел по голове рукой, словно ища доказательства сказанному. Тем временем седовласый достал из широких синих штанин пачку сигарет, а из кармана легкой хлопчатой куртки зажигалку. Несмотря на быстрые движения рук, Кир заметил широкие полосы, тянущиеся по тыльной стороне правой ладони.

— Пойдем, это надо перекурить, — предложил он. Кир нахмурился. — Твое пробуждение, — пояснил незнакомец.

Кир решил присоединиться, хотя к курению тяги не ощущал. Он медленно вышел на крыльцо. Холодная ночь ранней весны неприветливо встречала шатунов. Небо, затянутое плотным покрывалом туч, тревожилось далекими вспышками грозы. В звенящей тишине отчетливо слышалось, как неподалеку гудят трансформаторы. Деревня была погружена в глубокий и тяжелый сон. Ее одинаковые незатейливые домики с плоскими крышами были похожи один на другой. Некоторые отличались наличием двух или трех комнат, но таких было не больше трех на небольшую улочку. Ни в одном доме на окнах не было ни штор, ни занавесок. В пустых глазницах мерцал тусклый зеленый. В доме напротив он на мгновение стал более ярким, после чего вернулся к прежней бледности.

Кир посмотрел на своего соседа. Тот тем временем спокойно делал очередную затяжку и медленно выпускал дым, уходивший за ветром вглубь деревни. Две белые полосы предстали во всей красе. Они не ровными линиями, переплетаясь, оплетали пальцы, спускались по тыльной части к кисти и исчезали в тени рукава куртки.

— Раз уж ты потревожил мой сон, то я позволю тебе поговорить со мной, — незнакомец заметил любопытный взгляд Кира, приковавшийся к его правой руке. — Я не очень-то люблю разговоры, но без этого мне, скорее всего, не уснуть. Так что валяй — задавай вопросы.

Кир задумался: о чем же спросить, о чем узнать прежде всего? В голове вертелось столько мыслей: как он сюда попал, что с ним произошло, что это за странное место и препарат, который ему ввел его сосед, а эти белые полосы — краска, оставшаяся на руках, или что хуже? И лишь один вопрос смог выбиться вперед, на который он не мог найти даже примерного ответа:

— Кто я?

Седовласый ухмыльнулся, — он явно ожидал другого.

— Видишь ли, парень, этого тебе сам господь Бог сказать не сможет. Даю руку на отсечение, что данные о тебе в небесной книге сгорели так же, как и твоя кожа.

Кир понурил голову. Он смотрел на руки.

— Да не волнуйся ты так, скоро кожа восстановится, — седовласый говорил с ухмылкой, — если, конечно, нашу болезнь принять как чудо исцеления.

— О чем ты? — Кир сделал шаг в сторону от незнакомца.

— О, видимо твоя культура общения также выгорела? — съязвил сосед.

— Кто вы? И что это за место? Как я сюда попал? — затараторил Кир.

— Да ты оживился, — нахмурился седовласый, — значит, все же какая-то память в тебе

осталась. Обычно беспамятные не такие активные.

Кир терялся, но продолжал смотреть на собеседника.

— Меня зовут Таш. Я что-то вроде главного среди здешних, — он запнулся, подбирая необходимое слово, — среди здешних обитателей. Находишься ты в Деревне. Это резервация для больных «белой язвой».

— Резервация? — переспросил Кир.

— Когда будешь разглядывать себя в зеркале в душевой, обрати внимание на язвы, что по всему твоему телу, — сухо произнес Таш. Он затянулся в последний раз и выкинул окуроч в урну, стоящую возле двери. После чего сильно задрал рукав куртки и выставил напоказ правую руку, демонстрируя ороговевшие белые пигментные линии, тянущиеся от пальцев к локтю.

— Это язвы?

— Что-то вроде того, — безразлично ответил староста.

— И у меня такие есть? — Кир потянулся к рукам, но ничего кроме ожогов не увидел.

— Откуда они?..

— Ожоги-то? Тебя уже доставили сюда такого. Откуда не знаю. Сказали, что зовут Кир, — седовласый пальцем указал на зеленую бирку на халате, на которой большими буквами было написано «3456.КИР.5.566.8.».

— Я не знаю этого имени, — вырвалось у Кира.

— Не знаешь или не помнишь? — Таш пристально смотрел на беспамятного соседа.

Кир помотал головой, не находя верного ответа.

— А что значат цифры? — Кир рассматривал бирку, проводил по ней пальцами, пытаясь ее нащупать.

— 3456 — это твой порядковый номер, — после этих слов Кир с удивлением посмотрел на соседа. — Да, головешка, нас тут много, — Таш продолжал смотреть Киру в глаза, пытаясь что-то уловить. — 5.556 твой адрес, где ты сейчас: номер круга и дома. А восемь — это диагноз, который тебе поставили.

— Может быть это какая-то ошибка? — у Кира дрогнул голос.

— Да нет. Твоя восьмерка означает, что ты близок к последней стадии заболевания. Двенадцатибальная шкала. Но с учетом того, что других надписей у тебя нет и бирка зеленая, ты ничем другим не отличился, — последнюю фразу Таш произнес для себя.

Кир развернулся к улице спиной и медленно сполз на корточки, держась за голову.

— Кто же я? — тихо произнес он.

— Завтра тебе придется идти в лабораторию...

— Идти? — перебил Кир.

— За тобой заедут. Думаю, что-то ты сможешь узнать уже завтра. Но мой тебе совет: особо не надейся. Мы для них лишь подопытное мясо, — Таш глубоко зевнул. Потирая глаза, он добавил, — ну вот и сон вернулся.

Седовласый вошел в комнату и, готовясь лечь на кровать, добавил:

— Лекарство не даст тебе уснуть. Потрать это время на воспоминания, — после чего Таш накрылся тонким одеялом.

Кир остался наедине с ночью. Голова гудела от мыслей, от услышанных слов, от увиденного. Он сидел на полу, опершись о перила и рассматривая руки. У края рукава халата он увидел белую полосу. Отодвинув его, Кир обнаружил, что все предплечье исполосовано белыми образованиями, разными по ширине. Некоторые из них соединялись и

переплетались, образуя рисунок, больше похожий на сеть. Кир скинул часть халата с другого предплечья и увидел ту же картину. Вскочив на ноги, он быстрым шагом направился в комнату. Он искал ванную.

Дверь в нее находилась рядом с третьей кроватью, которая была застелена. Кир вошел в комнату, попутно нащупывая выключатель. Раздался щелчок. В осветившейся комнате стоял незнакомец. Кир дернулся назад, но уткнулся в стену, остановившую его. Мгновение он стоял, оцепенев. Еще несколько минут он не мог заставить себя отойти от стены, понимая, что перед ним не незнакомец. Напротив входной двери ванной комнаты висело большое зеркало в человеческий рост. В нем отражался высокий худой мужчина в синеватом халате до пола с полностью обгоревшей багрово-черной кожей. Кир смотрел на себя, медленно подходя к зеркалу. Оказавшись в метре от него, он стал искать клипсы халата, молнию или веревки, на которых он был застегнут. И чем дольше он ерзал руками по халату, тем дерганее становились его движения. Как вдруг раздался звук отлепленной застежки-липучки. Кир замер на мгновение, но уже через секунду он расстегнул все застежки, идущие от правого плеча до пояса. Халат медленно сполз на пол, обнажив истерзанного хозяина, больше походившего на горелый кусок дерева в виде человека. По всему телу нитями тянулись белые жилки. Они словно белые веревки, прошивающие черную ткань, оплели все тело Кира. Самые широкие полосы были на ногах и на спине. Казалось, что их огонь не коснулся совсем, аккуратно обступив и даже не опалив. Яркие на фоне шершавой, покрытой алыми заплатами кожи, они расползались по всему телу.

Кир замотал головой из стороны в сторону. Он сделал шаг назад. Запнулся о халат. Схватив его и одевая на ходу, он вылетел из дома на улицу. Он бежал мимо домов не желая останавливаться. Прочь, прочь от того, что видел в зеркале. Этого не может быть! Так не должно быть. Бесконечная тропа не выпускала его. Куда бы Кир ни бежал всюду одно и то же. Те же дома, те же пустые зеленоватые глазницы окон и безмолвное черное небо. Он жадно хватал ртом воздух, словно цеплялся за другую невидимую жизнь, которая где-то там за домами.

Кир остановился; осмотрелся. И слева, и справа, улица плавно поворачивала и терялась в ночи. В темноте он нашел улочку между домами, ведущую в неизвестность. Слабый прохладный поток воздуха струился по земле, незаметно касаясь ног Кира. И он рванул ему навстречу. Он ничего не ждал, он ничего не видел, но ему нужно было найти место, где бы не было домов-клонов и не кончающихся улиц, уходящих в бесконечность. Кир проходил между домами. Они казались ему такими огромными. Он смотрел вверх и не видел где начинается крыша. Стены уходили ввысь и, растворяясь, сливались с мраком. Он продолжал идти, ускоряя шаг. Воздух становился холоднее и дул сильнее. Что-то твердило внутри Кира, что он уже почти на свободе, что все это скоро закончится. Но дома шли за домами, улицы сменялись улицами. В какой-то момент Кир, обессилив, остановился у одного из домов. Он смотрел вперед — крошечная тьма. Дома уходили вдаль и пропадали в ней. Кир обернулся назад — лишь темень. Даже бледный зеленый свет, исходивший из всех окон куда-то исчез. Отдышавшись, Кир пошел дальше. Он не желал возвращаться в дом, где очнулся. Не желал видеть странного Таша, который явно не испытывал ничего хорошего к нему. Вдруг откуда-то справа раздался треск, и непонятный звук по нарастающей промчался мимо Кира. Он ускорил шаг. Через несколько метров он оказался за последним кольцомзданий.

Впереди крошечная тьма и шорох листвы. Свежий холодный ветер ерошил деревья и врывался в круги деревни, бурным потоком пролетая по узким улочкам. В голове Кира

пронеслась шальная мысль, что в лесу можно хорошо спрятаться. Никто не найдет, а потом он выйдет на трассу и доберется до города. Но стоило ему подумать об этом, как Кир осознал, что ему на ум не приходит ни одно из названий. Он не помнил даже в какой стране находится. Он сделал шаг на пути к лесу, потом еще, пока его шаг не стал уверенным и твердым. И желания останавливаться у него не было. Все это лишь дикий кошмар, который должен закончиться.

Кир продолжал бежать, цепляясь за землю ногами, будто вырываясь из крепких лап, затащивших его в этот кошмар. От мыслей он уже ничего не слышал: ни ветра, ни шелеста листвы. Не услышал он и слов, доносящихся откуда-то из глубины ночи. Лишь резкий толчок справа и сильный удар о землю.

Кир лежал и не шевелился. Лишь черная земля у самых глаз и тьма под домами, спиной стоявшими к забору, на крепкий невысоких угловых опорах. Он не знал, как поступить и решил не делать никаких движений. Кир даже не нашел в себе сил посмотреть на того, кто сбил его с ног.

— Да что с тобой такое? — молодой парень, лет 16–17, одетый в светло красный спортивный костюм с банданой на голове встал на ноги. — Тебе жить надоело? — он только сейчас заметил, что Кир лежит недвижим.

Юноша наклонился к бегуну.

— Ты живой там? — он прислушался; дышит. — Ты уж извини, что я тебя на землю повалил, но ты бежал прямо на забор, а он под напряжением. Эй... — спаситель попытался дотронуться до Кира, но тот резко повернул голову и спросил дрожащим голосом.

— Как под током?

— Ну да, — не ожидая такого вопроса, парень не нашел других слов.

— Это же резервация, а не тюрьма, — Кир попытался встать. Его спаситель подал ему руку.

— Так, значит, правду говорят, что ты контуженный, — сделал вывод юноша.

— Что?

— У тебя амнезия. Это пройдет, — парень с опаской наблюдал за спасенным, пытающимся разглядеть забор.

Сделав несколько шагов в темноте, Кир шурился. Плетеные прутья 20-метрового забора мутной едва заметной нитью висели среди черноты.

— Ты же не будешь прыгать на него? — юноша не отходил ни на шаг, следя за каждым движением контуженного.

Кир не собирался прыгать на забор. Он понурил голову и закрыл глаза.

— Несправедливо, — едва слышно произнес он.

Парень развернул его в сторону домов и, держа за плечи, повел прочь от границы, защищавший внешний мир от этого. Он провел его через внешнее кольцо домов и вывел на слабоосвещенную улицу между кругами-секторами.

Они шли рядом, не говоря друг другу ни слова. Холодный застывший воздух цеплялся за кожу. Юноша вздрогнул: по телу пробежали мурашки. Он посмотрел на Кира, тот шел в одном больничном халате и, казалось, вообще не замечал холода.

— Мы кстати соседи по дому, — парню наскучило долгое молчание.

Кир очнулся и посмотрел на паренька, на худощавом лице которого сияла беззаботная улыбка.

— Я Каро.

— Кир, — он в ответ слегка кивнул головой.

— Как ты оказался возле забора? Ведь ты был в отключке, когда тебя привезли, — Каро посмотрел на спутника.

— После разговора с соседом мне стало как-то не по себе...

— Таш это умеет, — Каро снисходительно вздохнул. — Не обращай на него внимания. Он тут главный и поэтому, наверно, очень суровый. Пугать новичков у него получается лучше всего.

— Он сказал, что все, кто живет здесь, смертельно больны, — Кир смотрел на паренька глазами побитой собачонки.

Каро замялся.

— Раз уж ты очнулся раньше утра, то думаю, ничего не будет плохого, если я тебя введу в курс дела, — Каро немного сбавил тон. — Это резервация для тех, кто болен «белой язвой», — он выставил вперед две худые руки и перевернул ладони вверх.

Белые, матового отлива полосы от пальцев пронизывали кожу, образуя плетеную сеть, утолщающуюся вверх по руке.

— Такие у всех здешних. Выглядят не всегда так, но однозначно белые, и на руках и ногах. Нюансы я пропущу.

— Что это такое? — тихо спросил Кир.

— Это проявление опасной болезни, которая передается от человека человеку. Смертность от нее не то чтобы велика, но скоротечна и ужасна. Да ты успокойся, — Каро похлопал Кира по плечу. — Мы лишь носители. Наш организм по каким-то причинам адаптировался к болезни. А белые выступления на коже — ее проявление. Нам направо, — направлял Каро. Они уже дошли до самой широкой, главной улицы, проходящей радиусом до самого центра Деревни. Осветительные мачты позволили Киру разглядеть, что все дома возвышаются над землей примерно сантиметров на 40 и действительно стоят на квадратных сваях по углам. Он заметил это в момент, когда лицом поздоровался с землей, хотя сначала было подумал, что померещилось. Кир замедлился у края центральной дороги. Восемнадцать прожекторов, девять с одной и столько же с другой стороны, ярко освещали путь к центру поселения. Высокие столбы парами стояли у каждого круга. Далеко впереди яркой жемчужиной сияло центральное здание Деревни. Но Кир не обращал на все это никакого внимания. Он шел ведомый своим соседом, периодически посматривая на него и обдумывая сказанное им. Проходя мимо второй мачты освещения Кир разглядел на куртке соседа красную бирку: «0003.К-А-Р-О.5.566.10.А12».

Каро был невозмутим. Он беззаботно шагал, словно со своим давним приятелем, с которым так здорово побыть вместе и просто ни о чем не говорить.

— Да ты не волнуйся так, — Каро посмотрел на своего спутника. — Все образуется. Я с твоей памяти.

— Откуда ты знаешь? — с недоверием спросил Кир.

— Сюда попадали уже с амнезией. В лаборатории начнут ее тебе восстанавливать, если через месяц ты не начнешь ничего вспоминать, — пояснил Каро.

— Сосед тоже говорил что-то про утро и лабораторию, — Кир никак не мог запомнить имя сурового Таша.

— Завтра за тобой приедут и повезут в лабораторию, — Каро указал на здание в центре деревни. — Раз ты очнулся, то пора тебя обследовать.

— А что они со мной там будут делать?

Каро указал путь налево. Они дошли до своего, пятого, круга.

— Не переживай, — Каро пытался говорить ровно, подбирая нейтральные слова. — За тобой заедут два санитары, — он присмотрелся к бирке на халате Кира, — ну да, я и говорю два. Побеседуешь со здешним главным врачом, после чего у тебя возьмут несколько анализов и проведут тесты. Это не больно, — последние слова Каро произнес с едва заметной долей усмешки.

— Спасибо что спас меня, — Кир посмотрел на соседа.

— Пожалуйста, можешь обращаться, — Каро не удержался и широко улыбнулся.

Дальше они молчали, пока не дошли до дома. Каро клонило в сон, и он отправился спать. А Кир, как и предсказывал Таш, не смог уснуть. Он лежал на кровати и думал о сегодняшней ночи. Какая она странная и жуткая. Наполненная немymi страданиями и зеленоватыми глазницами окон домов-копий. От всего этого Киру становилось не по себе.

Он смотрел на свои обгоревшие руки и рваные пальцы. Они выглядели так, словно их кусали. Кир поворачивал ладонь и пытался представить, что с ним могло произойти и где же он побывал. Но ответов у него не было, хотя на сей раз он уже не чувствовал себя одиноким, как в ту минуту перед забором. Кир прокручивал в голове слова Каро и верил, что все будет в порядке. По-другому быть не может.

Глава 4. Первый день

До самого рассвета Кир продолжал рассматривать свою обгоревшую кожу. О сне он не желал даже вспоминать, ведь у него не было усталости, которая обычно свинцом тянет погрузиться в сновидения. Сначала он долго смотрел на свои руки и пальцы через пелену зеленоватого мрака комнаты. Но когда его интерес разгорелся с новой силой, он направился в ванную комнату. Там ему было удобнее, и он уже не боялся разбудить двух соседей. Когда Кир закрывал за собой дверь в ванную, ему бросилось в глаза, что и Каро и Таш спят в одной позе — на спине, а вместо подушек у них валики. Но желание заняться исследованием своей кожи пересилило, и Кир не заострил на этом внимание и осторожно без шума закрыл дверь.

Он смотрел на себя и по-прежнему не мог поверить, что он видит свое отражение в зеркале. Из зазеркалья на Кира глядел высокий, худощавый человек, одетый в лабораторный халат до пола с короткими рукавами. Багрово-черные голова и руки насмешкой выглядели на фоне светло-синей больничной накидки. Кир скинул халат и начал осматривать себя. Он медленно и аккуратно ощупывал кожу, особенно тщательное внимание он уделял белым пигментным участкам, проступающим через ожог.

Кир не ощущал какой была на ощупь белая кожа, но он видел, что она значительно тверже. Кир взял со столика ножницы и слегка постучал по ороговевшему участку. Раздался глухой звук, словно он стучал по панцирю. Не понимая природы того, что с ним произошло, ему на ум приходили непонятные и от того еще более жуткие мысли. Закончив осматривать себя, Кир оделся и вышел на веранду.

Где-то далеко должно было показаться солнце, но его лучи не могли пробиться через тяжелые неповоротливые тучи. Они словно были в стоворе с теми, кто прятал живущих в резервации. Ведь даже солнцу нельзя было здесь быть. Медленно рыхлые, наливающиеся свинцом, облака крутили над домами свой ленивый танец, подчиняясь неумолимому ветру. Он как невидимый пастух-надсмотрщик, его не видно, но он внимательно следит и гонит тучи туда, куда нужно ему. Деревня просыпалась. Из окон домов выглядывали ее жители. Из дома напротив вышел седовласый мужчина, лет сорока, одетый в пижаму. Он потер озябшие плечи от утреннего холода и сел на стул возле двери. Кир посмотрел на окно своего дома, оно было без стекла. Только сейчас Кир обратил внимание, что все дома были без стекол. Мужчина наклонился вправо и потянулся за газетой, лежащей на веранде. Взяв ее, он принялся перелистывать страницы. Из соседского дома, что стоял слева, донесся детский возглас. И уже через мгновение на улицу выбежала девочка. Она была в одних красных штанишках. Почти вся ее спина была белой. Следом за ней выбежала на улицу девушка.

— Катя, оденься! — прокричала она и пустилась за ребенком.

Улица постепенно наполнилась фоном голосов, доносящихся из окон домов. Их обитатели нехотя выходили на неприветливый холод. Кто-то здоровался и приветливо махал рукой. Среди усиливающегося гула улицы, до Кира донеслось сухое шуршание колес.

Малогабаритный электромобиль с двумя санитарами остановился возле дома 566 ровно в девять утра. Словно по мановению волшебной палочки улица затихла. Кир огляделся. На улице не было никого. Лишь из некоторых домов выглядывали любопытные. Мужчина, читавший газету, откинул край страницы и хмурыми глазами смотрел на высокорослых санитаров. Один из них вышел из машины и подошел к веранде, на которой стоял Кир.

— 3456? — грозно спросил санитар.

Кир замялся, не зная, что ответить.

— Он новенький! — крикнул напарник из машины.

— 3456 Кир? — санитар фыркнул.

— Это я, — нерешительно ответил он.

— Прошу в машину, — бескомпромиссно указал санитар.

Кир подчинился и послушно сел на заднее сиденье электромобиля. Один из санитаров сел рядом с ним. Машина развернулась и поехала по направлению к главной дороге.

В семи из девяти кругов уже всюду бурлила жизнь. По улицам бегали дети. На какой-то момент казалось, что малышей гораздо больше чем взрослого населения. Это сразу бросилось Киру в глаза. Кир пытался разглядеть, есть ли на их маленьких ручках белые отметины как у старосты или Каро. Неужели эти роговеющие полосы у всех, кто здесь находится? Машина доехала до главной, самой широкой, дороги и свернула направо к центру Деревни. По пути им встречались жители, переходившие улицу и мирно прогуливающиеся вдоль дороги. Все они были одеты в одинаковую одежду, отличавшуюся только по цвету. Все мужчины носили штаны, брючного покроя и широкие рубахи. На груди у каждого обитателя находились бирки с личными номерами. Несколько раз Киру попались в глаза те, у кого бирки были не слева, а справа. У нескольких человек Кир отчетливо рассмотрел белые кисти рук.

Дома бледно зеленого цвета, мимо которых проезжал электромобиль, не казались уже такими безмолвными. Но серая тень облаков все же неумолимо делала это место холодным. От этого еще непривычнее выглядели играющие дети, бегающие между домами. Откуда-то доносился женский крик. Это мать отчитывала ребенка за проступок. В ответ раздался детский плач. По лицу Кира проскользнула тень улыбки. Он вспомнил себя на месте того сорванца. Не успел он отпустить эту мысль, как поймал себя на ней. Он впервые что-то вспомнил о себе! Глаза забегали. Он обернулся назад, пытаясь уловить еще что-то знакомое. Но жильцы, напомнившие ему о детстве, были уже далеко.

Электромобиль выехал на центральную площадь Деревни. Она показалась Киру огромной. По ее периметру стояли высокие мачты, уходившие ввысь на тридцать метров. На них находились осветительные прожекторы и еще какие-то приборы, которые словно грибы на дереве облепили ствол мачты. Лаборатория находилась в центральном здании на площади. Оно было огромным, но по высоте не выше двухэтажного дома. Построено оно было в форме эллипса и было окрашено в идеальный белый. Без окон, без дверей. Огромный овальный короб из стали и цемента в центре Деревни.

Въезжая на площадь, Кир обратил внимание на группу из четырех человек. Они стояли на веранде одного из домов у места, где центральная дорога примыкает к площади. Они внимательно наблюдали за всем, что происходит на улице. Один из них не спускал глаз с машины и с того, кого в ней везут. Впереди раздался звук открывающихся ворот. Кир посмотрел на здание лаборатории. Огромные двери отворились ровно настолько, чтобы электромобиль смог проехать, после чего достаточно быстро захлопнулись.

Кир зажмурился. Зачем он это сделал, он сам не понял, но где-то в глубине его встрепенулся страх перед тем, что внутри ангара. Ему показалось, что он лишь на миг закрыл веки, а когда открыл, то увидел перед собой улыбающуюся женщину в белом халате. Она с интересом смотрела на Кира, как воспитатель на новоприбывшего ребенка.

— Здесь не так уж страшно, — закрытые глаза Кира усилили ее интерес к

подопечному. — Меня зовут Елена Кроберг, я здешний главный врач. По всем вопросам вы смело и без опасений можете ко мне обращаться, — она пыталась быть как можно снисходительней.

На вид Елене никто не давал больше тридцати лет, что не могло не тешить ее женское самолюбие. Но причина этого крылась отнюдь не в силе генов или сбалансированном питании. Кроберг, как и многие женщины России была счастливой обладательницей новомодных биоимплантатов. Они придавали ее 50-летнему лицу силуэты женщины, которой едва за тридцать. Она сияла улыбкой, а глаза искрились в свете прожекторов, хотя и выглядели намного взрослее, на фоне млажавого лица. Встречая нового «постояльца», Кроберг больше походила на детсадовского ребенка, которому дали новую погремушку.

— Я тут уже бывал? — Кир огляделся. Его не покидало чувство, что здесь ему все очень знакомо. Он находился в так называемом «парадном» уровне, куда прибывают все машины с оборудованием или больными. Просторное светлое помещение освещалось с нескольких сторон прожекторами. В нескольких метрах от электромобиля, который привез Кира, дюжина человек в оранжевых робах разгружали два трейлера. Из одного прицепа рабочие выгружали небольшие коробки и складывали их на тележку, прицепленную к грузовому электромобилю. Из второго трейлера рабочие на погрузчиках выгружали огромные ящики и сразу увозили их вглубь комплекса.

— Да, мы с вами уже виделись, — Елена жестом пригласила Кира отправиться с ней; он подчинился. Кивком головы она отправила санитаров прочь. — Вас доставили к нам чуть менее трех недель назад. Сейчас на дворе конец весны, хотя по погоде этого не скажешь, число пятнадцатое мая.

— К нам? — переспросил Кир.

— Ох, вы же ничего не помните, — Елена с интересом принялась рассказывать. — Это место называется спецрезервацией. Сюда доставляют больных «белой язвой», — Елена остановилась возле двери с цифровой панелью. Быстро введя код, они продолжили путь. — Когда больные попадают сюда, им предоставляются в пользование дома, где они проживают. К сожалению, на сегодняшний день от язвы нет вакцины. Из этого следует что ни вас, ни кого бы то еще, мы не можем выпустить отсюда.

Они шли по широкому коридору, выкрашенному в бледный зеленый цвет. Пройдя до развилки, Елена свернула направо. Кир едва оглянулся, чтобы посмотреть в другой конец коридора, но слова Елены приковали его внимание.

— Вас доставили к нам в начале марта в критическом состоянии. Жизнь ваша была на грани смерти, но мы выходили вас, — вдруг Елена резко обернулась. Ее голова была на уровне его груди. Она смотрела на руки Кира, оказавшегося у самого лица профессорши.

— Быть может действие высоких температур так изменило характер мии, — Елена рассуждала сама с собой. — Так вот, — она опомнилась и продолжила путь.

Дойдя до очередного перекрестка, они свернули налево. Кир едва успевал за профессоршей, несмотря на ее маленький рост. Попутно он осматривал коридор, в котором не было ни единой двери — лишь идеально ровные зеленоватые стены.

— Это административный отдел, — пояснила Елена. — К сожалению, у меня нет полномочий рассказывать, что именно с вами произошло, Кир. Федералы сначала хотят сами вас допросить.

— А вы знаете кто я? — Кир почти выкрикнул вопрос в образовавшуюся паузу между словами Елены.

— Понятия не имею, — она отбила вопрос словно стена. — Но вашей памятью мы займемся в самое ближайшее время. В вашей голове хранятся секреты, которые нужны федеральному расследованию.

— Расследованию чего?

— Не спешите, дорогой, не спешите. Всему свое время. Могу лишь посоветовать: напрячь мозги и вспомнить все самому, — Елена вынула из-под футболки брелок, висящий на цепочке.

Они подошли к прозрачной двустворчатой двери, за которой находился небольшой холл с тремя кабинетами и коридор. Профессор вставила брелок-ключ в замочную скважину. Набрала свой личный код и двери открылись. Только Кир попытался сделать первый шаг к порогу, как раздалась сирена, зажегся красный. Кира ударило током! После чего он упал без сознания.

Елена кричала благим матом на систему безопасности и клеймила себя за забывчивость.

— Да с гостем, с гостем я, — она била в дверь кулаком и пинала ее ногой, видя, как Кира бьет током.

Через тридцать секунд по обеим сторонам двери показались санитары. Она пыталась им что-то объяснить, но больше это походило на базарный ор. В льющейся ругани своего босса санитары поняли, что она требует немедленно привезти каталку и открыть эти чертовы двери.

Кир пролежал без сознания полчаса. Когда он стал приходить в себя, то первое что он услышал — голос Елены.

— Совсем из ума выжила, — говорила она кому-то. — Знала ведь, что надо ввести, что «со мной +1». Нет ведь.

— Надо чаще водить к себе посетителей, профессор, — отвечал ей второй заискивающий женский голос.

Кир повернул голову на бок и увидел мутные образы беседующих.

— Он приходит в себя, — Елена подскочила на месте и быстро подбежала к Киру.

Девушка-помощница начала делать какие-то замеры и вводить что-то в капельницу.

— Что со мной? — зрение Кира почти восстановилось. Он быстро моргал.

— Это я виновата, ты уж извини меня, — голос Елены был не столь уверенным как полчаса назад. — Тебя ударило шоковой оградой. Ты как? Можешь встать?

— В порядке, — Кир окончательно проморгался и попытался поднять голову.

— Так, молодец, — Елена лишь слегка придерживала сзади, пока Кир не сел.

Помощница профессорши следила за капельницами и показателями.

— Все в норме, профессор, — огласила она, — даже подозрительно в норме.

На лице Елены сверкнула белозубая улыбка. Кир хорошо себя чувствовал. Ничто не напоминало о том, что с ним приключилось.

Кир находился в небольшой лаборатории. Елена называла ее личной, так как часто проводила опыты здесь. Она настояла, чтобы ей оборудовали это помещение, чтобы не спускаться на нижние уровни для мелкой работы. В министерстве пошли на уступки, но разрешение на проведение особо опасных опытов все же не дали. Но и того малого Елене было достаточно, и она часами могла засиживаться здесь за опытами. Все это помогало ей совмещать рутинную бумажной работу с лабораторной.

— Профессор, пришли из ФСБ, — раздался голос лаборанта по громкоговорителю из

интеркома у двери.

— Ох, черт, — Елена всплеснула руками, — а мы еще тесты на память не провели.

Она на мгновенье погрузилась в мысли, но уже через секунду велела занять офицеров чем-нибудь и вкратце объяснить, что еще ведется тест. Тем временем она со своей помощницей стала готовить оборудование и препараты. Елена попросила Кира сесть за приборный стол, на специальное сенсорное кресло. Помощница быстро подключала оборудование, Елена раскладывала перед собой бумаги, попутно подгоняя нерасторопную, как ей казалось, лаборантку. Помощница попросила Кира расслабить руки. После этого, немного опасаясь причинить ему боль, не решалась воткнуть иглу.

— Да втыкай ты уже, он ничего не чувствует! — прикрикнула Елена.

Лаборантка пыталась отыскать вену. Но поврежденная кожа скрывала все.

— Напряги мышцы предплечья, — приказала Елена Киру.

Кир сделал несколько усилий, и сосуды начали проступать один за другим. Лаборантка даже улыбнулась от счастья, что наконец-то воткнет иглу. Между тем ей предстояло воткнуть еще одну в другую руку и семь датчиков с острыми наконечниками: два в виски, пару в оба запястья, три в район шеи. Ладони он положил на специальные подлокотники, на которых были держатели для ладоней с биодатчиками.

— Ставь ноги на подставки, и начнем, — командовала Елена. Кир сделал как велели. — Расслабься.

Кресло слегка наклонилось назад. Через маленькие шланги, и иглы пошел раствор. Кир дернулся.

— Это интересно, — сухо произнесла Елена и начала непринужденную беседу с Киrom, которая должна была помочь в установлении ложной потери памяти. Кир был настроен решительно. Легкая беседа с профессоршей ему даже нравилась. Елена была крайне осторожна и точна в своих словах. Ее голос мелодично разливался волнами вокруг Кира, окутывая его, создавая образ нерушимой защиты. К пятой минуте разговора Кир был полностью расслаблен. Для большего успокоения он закрыл глаза и отвечал на вопросы односложно.

Через тридцать минут тест был завершен. Кир выходил из полусонного состояния. Тем временем Елена, заскочив в свой кабинет, отправилась в зал заседаний, где ее ждали два офицера ФСБ. В руках она несла папку с электронными листами.

— Здравствуйте, господа, — Кроберг стремительно влетела в зал. Два офицера: один в плаще с высоким воротом, другой в длинной куртке, стояли возле большой карты-схемы Деревни. — Прошу прощения: с тестом провозились дольше обычного.

Она уже сидела за большим круглым столом в центре зала и раскладывала перед собой бумаги. Офицеры переглянулись.

— Майор Саврасов, — напомнил офицер в длинном плаще. Он и его напарник сели через стул от профессорши, — это мой коллега капитан Травин.

— Да-да, я помню вас. Можно без любезностей, — профессорша взглядом проехала по лицу Саврасова и уткнулась в бумаги. — Мы выполнили требования и никоим образом не намекнули пациенту о том, каким образом он получил свои ожоги. Так что вы получите его «чистым».

— Что показал тест? — Саврасов достал блокнот и стал что-то записывать.

— Бумага и ручка? — Елена поразилась увиденному. — А вы не самый обычный федерал, могу посудить.

— Вас это напрягает? — Саврасов продолжал смотреть в блокнот и делать пометки.

— Что вы, — Кроберг уткнулась в бумаги. — Мы провели наш стандартный тест для таких случаев. Однако ваш клиент достаточно интересный объект, и мы немного углубились в поисках истины.

— Что это значит? — Травин был полностью расслабленным, демонстрируя показное безучастие.

— Больные «белой язвой» совершенно по-другому реагируют на биорастворы, которые расслабляют их мозг, — Елена посмотрела на офицеров, желая увидеть на их лицах вопросительные мины. Но они оба внимательно слушали ее. — Наш же новый пациент принял биорастворы за инфекцию, но его организм не предпринял никаких действий для ее локализации.

— И это делает его уникальным? — сухо спросил Саврасов и снова сделал пометку в блокноте. Елена пристально за этим наблюдала. Отчего вокруг повисла секундная пауза.

— Это лишь часть... — профессорша переключилась взглядом на коллегу Саврасова, — ...его уникальности. Во-первых, с такими ожогами, как у него, не живут. Он ведь остался практически без верхнего слоя кожи! У него крайне нестабильно функционируют нервные окончания.

— Насколько нам известно, все больные «белой язвой» обладают нестабильной нервной системой, — возразил Саврасов.

— Во-вторых! — Елена повысила голос. — Сама болезнь у пациента протекает весьма агрессивно. С момента его поступления, ороговения «белой язвы» заняли уже треть его тела!

Саврасов задумался. Он прикусил колпачок ручки и смотрел на профессоршу, хмуря брови.

— Ваши последние исследования показали, — начал Саврасов, — что некоторые из заболевших обладают способностью...

— Уменьшать степень ороговения и распространения язвы! — перебила Елена. — Это так! Но на это способны лишь единицы.

— Так может наш объект из их числа? — Травину стало интересно.

— В том то и дело что нет! — Елена была поражена своему открытию не меньше своих собеседников. — Определенные способности у больных «белой язвой» наблюдаются к седьмой стадии болезни, а у нашего подопечного полное отсутствие каких-либо выдающихся умений. Вследствие этого говорить о том, что он сам заблокировал свою память, не приходится. Он достаточно быстро исцеляется. Клетки белой язвы заменяют пораженные и ему становится лучше. Однако повышенная регенеративная функция наблюдается у всех язвенников.

— Как вы думаете, профессор, — Саврасов просмотрел свои прошлые записи в блокноте, — может ли это быть из-за инородности «белой язвы» у объекта?

— То есть вы намекаете, что он приобрел болезнь уже развитой? — Кроберг высокомерно ухмыльнулась.

— Да. Во время взрыва в БиоНИЦ, в воздух могли попасть тысячи всевозможных вирусов. Он был в эпицентре. Выглядит вполне логично, — резюмировал Саврасов.

— Науке неизвестны случаи, чтобы перерождающуюся язву можно было приобрести, — возразила Кроберг, но хоровод жужжащих мыслей окружил ее. Елена встала из-за стола и медленно направилась к карте.

— Но вас что-то взволновало... — Травин попытался было вставить ремарку.

— Взволновало? — отмахнулась профессорша. — Не говорите ерунду.

— Вам кажется моя идея слишком нереальной? — Саврасов наблюдал за профессоршей.

— Она мне кажется нелепой, но меня заинтересовало другое, — Елена смотрела на карту Деревни, словно пытаясь найти что-то. — Подцепить язву в вареве под куполом в Химграде он не мог. Но о чем я действительно не думала — о цепочке возможного пути, по которому язва могла быть привита искусственно.

— То есть это возможно? — осторожно спросил Травин.

— Возможно? Нет! Исключено. Я не думала об этом потому что все гипотезы о том, что «белую язву» можно привить были отмечены. Ведь все испытания на животных, которых пытались заразить язвой, проваливались. Но характер его моний, скорость перерождения... Словно они были в инкубационном периоде, а сейчас одна за другой они вскрываются. Вот что интригует. Давайте так, — Елена без отрыва смотрела на карту, а именно на квадрат с номером 566. — Я санкционирую углубленные испытания над пациентом, чтобы выяснить: правы вы или нет.

— Вы сможете сказать, как он был заражен? — уточнил Травин.

— Если он был заражен, — поправила его Елена. — Хотя более чем уверена, что мы лишь получим открытие новой формы инкубационной монии. Об этом рано сейчас говорить, — Елена повернула голову назад, а после развернулась сама. — Тем более, как я понимаю, подобные нюансы не особо вашего... ума дело. Вы думаете, что он причастен к взрыву?

Саврасов улыбнулся.

— Подобные нюансы не вашего... — сверкнул глазами майор.

— Понимаю. Его приведут, как только вы распорядитесь, — Елена подошла к столу со своими бумагами. — Тест памяти показал, что пациент действительно страдает амнезией. Он не помнит ни себя, ни страну, в которой находится. Однако говорить о полном затирании памяти не приходится. Она лишь временно блокирована. Частично он помнит свою семью: единственное, что мы сумели установить это то, что у него есть мать и сестра. Его прошлое будет потеряно до тех пор, пока клетки «белой язвы» не приступят к регенерации мозга. Как только дадите команду — мы приступим к восстановлению памяти.

Елена собрала все бумаги в папку, протянула ее Саврасову и добавила:

— Вашими играми с картинками вы все равно ничего не добьетесь.

Майор встал со стула. Медленно подойдя к Кроберг, он взял папку. Профессорша быстро погружалась в раздумья и, не попрощавшись, поспешила удалиться из зала.

— А я думал, что это дело будет скучным, — Травин попытался пошутить.

Но Саврасов не отреагировал. Он кивнул головой в сторону двери, дав понять, что хочет видеть того, ради кого прибыл сюда. Его подчиненный вскочил со стула и быстро подошел к двери. В коридоре стоял санитар, которого Травин попросил привести пациента.

— А может мы все же зря приехали? — Травин встал за спинкой стула, на который сел Саврасов.

— Нам нужно его допросить, — напомнил майор.

— Мчались за триста километров, чтобы задать человеку вопрос о его имени, которого он не помнит?! — Травин всплеснул руками. — Лучше бы вернулись в Химград.

— Тебе так понравилось носить защитный костюм? — Саврасов слегка вздернул правую бровь.

— Там хоть было что-то реальное, а не погоня за тенью, — Травин подошел к майору и, наклонившись, добавил. — Этому малому, кто бы он ни был, уже не выбраться отсюда. А там у нас улики растаскивают.

— Отставить, — начальствующе потребовал Саврасов. — Обследовать завалы есть кому. Наша задача — быть здесь.

— Но почему мы?

— Почему ты? — злобно парировал майор. — Потому что я так захотел. Потому что у этих белых халатов есть что скрывать. Умерь свой пыл и прекрати ныть.

В эту минуту дверь в зал совещаний открылась, и в помещение вошел Кир. За ним санитар. Саврасов встал со своего места и осмотрел долгожданного гостя. Кир был одет в штаны и широкую рубаху бледно зеленого цвета. Он смотрел перед собой, а как увидел федералов, то внимательно осмотрел каждого из них. Санитар указал Киру на стул за столом совещаний, в паре метров от того, который выбрал Саврасов. Затем поспешно вышел.

Кир поерзал на стуле, сев поудобнее. Он осмотрел зал, положил руки на стол и, остановив взгляд на самом заметном из офицеров, приготовился слушать.

— Майор Саврасов, — офицер смотрел на Кира сверху вниз. — Это капитан Травин.

Коллега Саврасова сел за стол, при этом он пытался выглядеть как можно грознее. Кир посмотрел на него и быстро отвел взгляд в сторону.

— А меня вроде как Киrom все зовут, — он посмотрел на майора.

— Вроде как? — переспросил Саврасов.

— Я не помню своего настоящего имени, — пояснил Кир.

— А кто сообщил вам о том, что вас именно так зовут? — Саврасов начал свой допрос.

— Мой сосед по дому, — Кир пытался вспомнить его имя, мысль о котором сейчас так лениво цеплялась за язык, — Таш, его зовут...

— Давно знакомы с ним? — майор сделал запись в блокноте.

— Несколько часов. Я очнулся ночью. Он вколол мне лекарство от спазма.

— Вы знаете, как сюда попали?

Кир посмотрел на Травина. Но тот был безучастен, лишь продолжал сверлить взглядом, сурово хмуря брови.

— Не знаю.

— Чем Вы больны?

— «Белой язвой», — к горлу Кира подступил комок.

— Вы боитесь? Почему? — Саврасов сделал запись на странице и подошел к столу.

— Я не знаю кто я, и почему здесь. Хотя мне сказали, что я болен, но я не ощущаю себя таковым. И ожоги, я полностью обгорел, — Кир смотрел на свои руки. — Вы знаете что со мной произошло? — он положил дрожащие руки на стол. Сбивчивое дыхание с небольшим хрипом вырывалось из ноздрей. Саврасов сжал губы и слегка потряс перед собой ручкой.

— Когда вы трогаете свои ожоги, ощущаете ли вы какой-либо эмоциональный всплеск? — майор изучающе смотрел на руки Кира. После этого вопроса, по ним пробежала дрожь и, на одной из них, дернулась мышца.

— Я вообще ничего не ощущаю, — Кир с обидой смотрел на офицера.

— Это потому что у вас повреждена нервная система, — пояснил майор.

— От огня?

— Почему от огня? — Саврасов нахмурил брови и слегка наклонился вперед.

— Ожоги ведь как-то появились, — голос Кира дрогнул.

— Вы знаете, что ожоги появляются от огня или вы помните, что получили их вследствие пожара? — Саврасов прищурившись, смотрел пациенту в глаза.

— Я... — Кир запинался, не мог подобрать слова.

Майор продолжал играть в гляделки, внимательно изучая реакцию объекта.

— Я знаю, что ожоги как у меня, появляются от огня. И я помню, как вокруг меня пылал огонь.

— Хорошо, — Саврасов сел за стол, положив перед собой блокнот. — Что скажете о моем блокноте? — вдруг спросил майор.

Кир смотрел на офицера, пытаясь понять, шутит ли он. Но Саврасов молчал, ожидая ответа. Кир посмотрел на блокнот. Это была перекидная маленькая книжка в твердом переплете, обычный маленький аксессуар 21 века. Если не брать во внимание, что к нынешнему 2222 году подобные записные книжки были полным анахронизмом, то блокнот мог придать своему владельцу серьезности.

Кир не нашелся с ответом и лишь развел руками.

— Хорошо, — Саврасов сделал еще одну пометку.

У Травина смазалась суровость, и он сам переставал понимать смысл вопросов своего босса. Но через пару секунд он снова устремил свой грозный взгляд на объект.

— Вернемся к огню, — Саврасов оторвался от блокнота, — Вы сказали, что помните, как он пылал вокруг. Что-нибудь еще?

Кир лишь помотал головой: он ничего не помнил. Лишь непонятные обрывки, которые нельзя было назвать воспоминаниями. Спиной он продолжает ощущать, как откуда-то идет сильнейший жар. Как он расходится и обволакивает его. Руки, особенно пальцы, иногда горят, хотя никакого пламени рядом нет, и они не чувствуют никакого прикосновения. Память говорит ему полунамеками о том, что жар идет сзади, о том, что надо обернуться и укрыться. Носом он периодически чувствует горячий воздух, но когда оборачивается, то никакого огня нет.

— Я выжил в какой-то катастрофе? — сделал вывод Кир.

— Да, — Саврасов кивнул Травину и тот достал из кейса, что стоял возле его стула, толстую папку и передал ее майору.

Саврасов открыл ее и, взяв несколько больших фотографий, разложил перед Киром в произвольном порядке. На пяти фотоснимках были изображены груды искореженного металла и развалины зданий.

— Вам что-нибудь говорят эти снимки? — тихо спросил Саврасов, пытаясь не сбить Кира с мыслей.

Кир медлил с ответом. Он переключал снимки с одного места на другое. Потом он взял один из них и поднес ближе.

— Вот этот, — Кир показал отобранную фотокарточку.

На ней было изображено частично обрушившееся здание ночного клуба «Невь-8». Саврасов поджал губы и посмотрел на капитана.

— А другие? — Травин рукой указал на остальные снимки.

— Нет, — Кир мельком оглядел их. Ничего знакомого. И его внимание уже нельзя было оторвать от снимка со знакомым зданием. — Что это за место? Я там получил ожоги?

— На других снимках изображены руины биологического научного центра имени Ласара, — пояснил Саврасов. — Этот же снимок ничего общего с ними не имеет, — майор сделал короткую запись на листе блокнота.

Кир отложил фотографию и вновь стал смотреть на снимки.

— Мне ничего не говорит это название, — Кир изо всех сил пытался вспомнить, в какой-то момент он даже стукнул кулаком по столу, напугав Травина.

— Ваши ожоги вы получили именно в том разрушенном центре около месяца назад, — добавил майор.

— Я там работал?

— Увы, мы не знаем, — Саврасов закрыл блокнот и положил его во внутренний карман плаща. — Что же, наша беседа на этом завершена.

Травин встал со стула. Он подошел к Киру, собрал фотографии и положил их обратно в кейс. После чего последовал за уходящим майором.

— Постойте, — окликнул Кир уходящих офицеров. — Но ведь такого не может быть, чтобы обо мне ничего не было известно?

Саврасов посмотрел на Кира. Ему показалось странным, что Кир не встал со своего места.

— Почему же ничего? — Саврасов кинул беглый взгляд на кейс в руках напарника. — Вы убедили нас в том, что вы единственный подозреваемый в организации взрыва научного центра. Мы еще встретимся.

Офицеры спешно удалились. Кир на мгновение остался наедине с собой. Слова Саврасова стали настоящим нокаутом. Он хотел встать и бежать за ними, чтобы еще раз переспросить. Но слова майора гудели в голове, вызывая острый приступ боли. Позже, когда его вели обратно в личную лабораторию Кроберг, он задавал себе вопрос: «Мог ли я сделать это?». Он смотрел на санитаря, идущего рядом, словно пытаясь по его лицу понять, как он к нему относится: негативно, зная, что он совершил преступление или с сочувствием. Но лицо санитаря ничего не выражало. Взгляд его был устремлен вперед, а спокойный размеренный шаг говорил о полной расслабленности и безынтересности к происходящему.

Санитар довел трясущегося Кира до лаборатории и передал помощнице Елены. Она уже ждала. Девушка посадила пациента в кресло и сделала ему успокоительный укол. После чего Кир стал медленно приходить в себя. Он заглянул ей в глаза. Ее звали Марина. На ее лице с небольшим шрамом на лбу, красовалась миловидная улыбка.

— Хватит заигрывать, — в лабораторию фурией ворвалась Кроберг.

Елена подлетела к своему столу и взяла какую-то папку и столь же стремительно вылетела вон. Марина стояла возле приборной панели и вносила какие-то данные. Оставшись наедине с Киrom, она решилась задать вопрос:

— Извините, а вам не больно? — по-детски поджимая губки, обернулась она.

— Нет, — безразлично ответил Кир. — Я практически ничего не ощущаю, а боли и подавно. Что со мной сейчас будут делать?

Марина пожала плечами.

— Профессор сейчас вернется и скажет, что она планирует. Она не ставит меня в известность, если речь идет о чем-то интересном, — лаборантка округлила глаза и отвернулась в противоположную сторону.

— Интересном? — насторожился Кир.

В лабораторию вернулась Кроберг. Не доходя до своего стола, она бросила на него толстую папку и подошла к пациенту. Выхватив из нагрудного кармана датчик, похожий на ручку, она приложила его к правой руке Кира. Елена нажала несколько раз на кнопку сверху, после чего в руку пациента вонзилась небольшая игла. Кир почти ничего не почувствовал.

— Что вы делаете?

— Проверяю, — профессорша посмотрела на небольшой экран датчика; обошла кресло и повторила свое действие на левой руке Кира. — Марина, приготовь раствор деактиваторов.

Кробрберг посмотрела в глаза Киру, отодвинула веки. Многозначительно хмыкнула. После чего попросила его несколько раз сжать ладони в кулаки.

— Тебе тяжело дышать? — протараторила она. — Как ты сейчас себя чувствуешь?

— Дышу нормально. Кости ломит немного, и кожа в некоторых местах зудит.

— Ты очень заинтересовал федералов, так что займемся восстановлением твоей памяти.

Они настаивали, чтобы я ускорила процесс.

— А это не опасно?

Елена не удержалась и рассмеялась.

— У тебя, мой дорогой, очень много схожего с «объектом 27», — профессорша взяла смех под контроль и улыбалась как школьница, отличившаяся на лабораторной по химии.

Кир смотрел на свою мучительницу широко открытыми глазами.

— Что вы хотите сказать?

— Хотя ты и ничего не помнишь, но ты достаточно интересный материал для изучения, — она, наконец, обратила внимание на ошарашенный взгляд Кира. — Ох, не пугайся. Тебе совершенно нечего бояться. Видишь ли, эта резервация создана для того, чтобы изучить и понять заболевание, которое условно называется «белая язва». Каждый из живущих в Деревне регулярно проходит обследования. Мы берем у них анализы...

— Если эта болезнь так заразна, то почему вы не в масках? — перебил Кир.

— Верно подмечено, — Елене понравился вопрос подопечного. — «Белая язва» не передается воздушно-капельным путем. Только через кровь и непосредственный контакт с поврежденной кожей больного, — к Елене подошла лаборантка с готовыми показаниями.

— Так в чем же она так опасна? — Кир вернул врача к разговору.

— Высокой смертностью и скоротечностью.

— Так я... — не успел он договорить, как Елена предугадала его вопрос.

— О, нет, — она улыбнулась. — Боже, с тобой как с ребенком. Ты такой забавный оттого что потерял память.

На лице у Кира ясно читалось отчаяние.

— Ох, прости меня. Что-то я сегодня крайне бестактна, — Елена прикрыла ладонью свою улыбку и попыталась собраться. — Просто я так долго изучаю эту болезнь, что твои слова невольно вызвали у меня смех. Еще раз прошу прощения. Ты не умрешь и успокойся.

— Но руки? — не уступал Кир.

— Вот ведь ты странный! — фыркнула она. — Ему говорят, что он не умрет, а он про руки. «Белая язва» по-разному проявляется у людей. Есть те, кто является ее носителями и те, кто от нее умирает. Ты — носитель. И они не умирают, если ты еще не понял.

— И эти белые язвы тому подтверждение?

— Это не язвы, а кожа, она становится грубее и белее. Так твой организм реагирует на инфекцию.

— Я могу стать полностью таким?

— Таких случаев не было еще. Мы не знаем.

— А лекарство? Вакцина?

— Нет. О них вообще еще рано говорить. Мы на начальном этапе наших исследований. Так что, голубчик, может и хорошо, что ты ничего не помнишь — тебе не ведомо, что ты

потерял.

— Раствор готов, профессор, — Марина подошла с автошприцем.

— Хотя скоро ты все вспомнишь, — Елена кивнула головой, и лаборантка сделала Киру укол в шею.

Через пару секунд его тело ответило на препарат дрожью.

— Что вы мне вкололи?

— Не бойся, все в порядке, — успокаивала Марина.

— Это деактиваторы, мы запускаем процесс восстановления твоей памяти. Процесс не самый приятный на первом этапе, — Елена медленно ходила туда-сюда перед Киром, пристально наблюдая за реакцией организма. — Деактиваторы временно снизят регенеративную функцию «белой язвы». Это нужно для того, чтобы клетки твоего мозга начали быстрее гибнуть.

У Кира округлились глаза, он попытался вскочить, но не смог пошевелиться.

— Мы все контролируем, — Елена кивала каким-то своим мыслям, — деактиваторы будут действовать сутки. За сутки клетки твоего мозга пострадают настолько, что когда «белая язва» вновь вернет контроль над регенерацией, она в первую очередь приступит к восстановлению мозга. И к тебе начнет возвращаться память, — последние слова, как и Кроберг с помощницей, провалились в чернеющую пустоту. Кир был без сознания.

Солнце высоко висело над горизонтом, безраздельно властвуя над небесами. Но даже его сила заканчивалась там, где небо было очерчено линией грязный облаков. Именно они оспаривали власть Солнца. Хмурые и ленивые они ползли над Деревней, заглядывая в каждое окно и цепляясь за вершины столетних тополей и елей, растущих вокруг поселения.

Таш сидел на крыльце дома и читал свежий номер «Петербурга». Он долго всматривался в заглавную статью номера и большую фотографию на первой странице, периодически поглядывая на гуляющих по улице. Дети играли друг с другом, бегая туда-сюда. Никто почти не смотрел в сторону Таши. Как только проходящий ловил на себе его холодный взгляд, то тут же ускорял шаг.

— Интересно, что страшнее: приезд лаборантов на дом или ты, читающий свежий номер газеты? — раздался голос Каро.

Таш резко отвел газету в сторону. Каро незаметно прокрадя мимо зоркого взгляда старосты и уже сидел на краю дальнего края крыльца. Сегодня он не надел бандану, и его безволосая, покрытая шрамами, голова блестела матовым серо-белым цветом. На лице Каро сияла миловидная улыбка. Увидев ее, Таш насупился и раскрыл газету. Каро увидел название статьи: «Появился клон «белой язвы». Он отвел взгляд от газеты и спрыгнул с крыльца.

— Что скажешь о новеньком? — спросил юноша.

— Как будто тебя это волнует, — Таш не отрывался от чтения.

Каро смотрел на проплывающие тучи. Сегодня было теплее, чем вчера и это его радовало. Легкая надежда на то, что запаздывающая весна вот-вот придет в Деревню. В нескольких метрах от их дома резвилась детвора, и прогуливались жители. Их лица были столь же серыми, как и тучи над домами. Лишь изредка детский смех или крик заставлял содрогнуться их лица в робкой улыбке. Она была скоротечна и пуглива, и в тот же миг исчезала. Но дети играли и смеялись. Половина из них попала сюда в малом возрасте и разницу потерянного там и имевшегося здесь они почти не чувствовали. Были среди босоногих деток и те, кто родился в Деревне. Их было легко отличить от других по босым белым ступням. Тень легла на лицо Каро. Брови сами по себе сдвинулись, взгляд стал

рассеянным, смотрящим в никуда. Всех детей он хорошо знал. Каждая минута их смеха давала надежду, а каждый новый день здесь ее отнимал. В какой-то из моментов он поймал взгляд одного из детей. Его звали Миша. Озорной мальчуган из тех, кто родился здесь. Ему недавно исполнилось четыре года и белые пигментные полосы начали появляться на его хрупком теле. Мальчик не задавал вопросов откуда они. Здесь они были у каждого. Другой жизни он не видел и не знает что существует там, по ту сторону изгороди. Его мать умерла при родах и сейчас его воспитывает отец, который живет с ним. Мальчуган был бездной доброты и нежности, что особенно странно для ребенка, воспитывающегося суровым отцом. Излишняя эмоциональность Миши не раз выставляла его в невыгодном свете. Из-за этого местная ребятня прозвала его «ревой». Но Миша не обижался. Плещущаяся доброта не позволяла видеть в постоянных окриках: «Эй, Миша Рева» что-то обидное. Прозвище настолько прицепилось к нему, что Ревой его стали называть и взрослые.

Миша помахал рукой и Каро очнулся от мыслей, глядя на бирку мальчика «2040.МИША.6.668.6D». Улыбка озарила его лицо, Каро вспомнил о том, как несколько дней назад впервые занимался с Мишей. Первое обязательное занятие, которое позволяло выявить у ребенка наличие каких-то экстраспособностей. Отметины на спине мальчика будут самыми яркими, пронеслось в голове Каро. Повернувшись к Ташу, он поймал на себе его пристальный взгляд: без злобы и наигранной надменности. Но опомнившись седовласый глава Деревни вновь спустил на лицо маску.

— Нам нужно подождать, — сказал Каро с улыбкой безысходности на лице.

Таш посмотрел на Каро со злостью. Но не на его соседа была она направлена.

— Согласен, — фыркнул главный и шумно перевернул страницу газеты.

— Пройдусь до склада. Узнаю, привезли ли мой заказ.

Каро бодро зашагал по улице. Неделю назад он попросил профессора Кроберг, чтобы ему привезли еще красок и бумаги. Те, что привезли пару месяцев назад, уже закончились.

Из переулка ему на встречу выскочила черноволосая девочка. На вид ей было не больше 12 лет. Одета она была в простое зеленоватое платье с зеленой биркой «2245.ТАНЯ.8.854.5D». На правой руке тонкая белая полоска аккуратной спиралью закручивалась вверх под рукав; на левой же три толстые линии почти полностью покрывали ручонку. Ее болезнь находилась на середине своего развития. Вирусологи называли такое состояние «золотым зенитом». «Белая язва» полностью овладевает организмом, но не оказывает фатального влияния на него. По сути же, в организме Тани сейчас шло противостояние двух иммунных систем: белых кровяных телец и клеток «белой язвы», называемых мониями. От результата этого противостояния будет зависеть дальнейшая судьба девочки. Либо «белая язва» поглотит иммунную систему организма и заменит ее собой, либо же проиграет в схватке и останется на задворках хронического заболевания.

— Я разгадала твой ребус, — Таня светилась как фонарик в ночи. В руке она держала альбомный лист, изрисованный непонятными фигурами и буквами.

Каро улыбнулся и потянулся за листком, но Таня отдернула руку и спрятала лист за спиной.

— Нет-нет, там сказано, чтобы я держала его всегда при себе и никому не отдавала.

— Правильно, Танюш. Он приносит удачу, ведь он волшебный.

— Каро, я знаю, что волшебства не бывает, — нахмурилась девочка.

— Но я ведь не о магии говорю. Волшебство бывает разным. А раз ты сомневаешься в моих словах, то разгадала загадку не до конца, — Каро улыбнулся, присел и протянул руку за

листком. — Дай я тебе немного подсказу.

Таня вручила ему рисунок, с нетерпением ожидая ответа на вопрос: что же она пропустила?

— Вот смотри, — Каро провел пальцем по изображению, напоминающему облако. — Как они нарисованы? Почему именно так?

Таня внимательно смотрела на рисунок и на облака. Что же в них такого?

— Ты поняла смысл: рисунок нужно держать у себя, но почему? — не унимался Каро. — Ты догадалась, что здесь изображено?

— Мой дом, — смело ответила Таня.

— Это так, но ведь кроме твоего дома тут есть и другие изображения, — Каро пальцем провел по желтым линиям.

— Я подумала это просто тропинки, — оправдывалась Таня.

— Не спеши, Тань. В поисках сокровищ не стоит торопиться. Но и отставать от других не стоит, — Каро посмотрел по сторонам. На них смотрели несколько пар глаз мальчишек и девчонок. Они стояли за домами и украдкой выглядывали, стараясь услышать, о чем Каро говорит с Таней. — И, судя по шорохам вокруг, не ты одна столкнулась с проблемой. Попробуй поговорить с ребятами, узнай, как у них дела обстоят. Не все загадки нужно разгадывать в одиночку. Поняла?

— Угу.

— Продолжай разгадывать. У тебя это хорошо получается. Скоро ты найдешь тайник со следующей загадкой, — подбодрил Каро.

Таня резво побежала в переулок. Через мгновение оттуда донеслись детские возгласы. Ребяшня резвилась в игру, которую предложил Каро. Он часто просил у Кроберг краску и бумагу. С их помощью Каро рисовал таинственные знаки и раздавал детям со словами, что где-то в деревне сокрыт удивительный клад. Для одних задачки с таинственными знаками были простыми: пойдя — найди. Другим же, как Таня, Каро рисовал куда более сложные ребусы. Следуя своей задумке, он наносил на углах домов «таинственные» знаки той же краской. И каждый из детей должен был найти свой символ. Некоторые символы Каро умудрялся наносить в самых труднодоступных местах. Под домами, на дне бочек и на спинках кроватей, приставленных к стенке. Каро был очень изобретателен. Он наслаждался, видя, как дети в одиночку или гурьбой проносятся мимо домов, разыскивая знаки, и пытаются раскрыть таинственную загадку Каро.

Не все дети были общительны, не до всех Каро мог сразу достучаться, но рано или поздно попытки разгадать загадку Каро предпринимал каждый. Время за поисками сокровищ проходило незаметнее. То и дело в домах дети находили изрисованные цветастыми красками альбомные листы. Поначалу не все относились к этой идее с пониманием. Даже некоторые родители не одобряли такого отношения к их детям. Для многих жизнь здесь настолько потеряла смысл, что цветастые картинки, с которыми носилась ребятня ничего кроме злости и раздражения не вызывали. Серые мысли, превращали их в истлевших манекенов, осыпающихся под громким смехом детей. И без того редкие рисунки иногда вырывались из детских рук и разрывались на куски теми, кто считал это глупостью.

Бумага и краски закончились неделю назад. Их давно должны были доставить. Однако почему-то произошла задержка. Докучать профессорше Каро не решался — слишком она была непредсказуема. Ему оставалось надеяться, что она не забудет, и в этот раз краски

привезли в Деревню. Тогда он сможет продолжить рисовать ребусы-загадки.

Каро почти дошел до площади, когда мимо него проехал электромобиль. Санитары везли Кира обратно в дом. Они заметили друг друга. Кир долго смотрел на Каро, обернувшись назад. Каро с минуту смотрел вслед удаляющемуся электромобилю. Уняв любопытство, он спокойно зашагал в прежнем направлении. Краски сейчас важнее. Каро вышел на площадь и быстро приближался к торцу здания лаборатории, где находилась дверь в складские помещения.

— Здравствуй, Каро, — дверь внезапно открылась, и на улицу вышел смотритель склада. Это был мужчина средних лет, невысокого роста, в белой робе. Он увидел на мониторах, как Каро подходит к двери и сам вышел ему на встречу.

— Добрый день, Владислав Александрович, — Каро улыбнулся от неожиданности. Сегодня была не его смена. — Вы здесь? Но сегодня не ваша смена.

— Подменился, знаешь ли, — развел он руки в сторону, — а ты за красками никак?

Каро кивнул головой. Если Владислав здесь, то наверняка повезет — думал он.

— Не привезли, — обрубил все надежды смотритель.

Каро только и смог что хмыкнуть с досады. Он потупил взгляд. Тихим эхом с улиц доносились детские голоса. Каро глубоко вздохнул, и собрался было пойти назад.

— Не расстраивайся. Я попробую напомнить профессорше, — Владислав попытался подбодрить.

— Не надо Владислав Александрович, — Каро вздохнул, — еще из-за меня не хватало Вам попасть под горячую руку Кробрберг. Спасибо.

— Ты это, — смотритель замялся, — когда будут раздавать почту, приходи сюда, хорошо?

Каро, слегка прищурившись, посмотрел на Владислава. Тот одобрительно кивал головой. За оградой у Каро нет никого, кто мог бы писать ему письма и слать посылки. По обыкновению, он не приходил на площадь во время получения ежемесячных писем. Но он кивнул головой в знак согласия и пошел своей дорогой.

С Владиславом Каро знаком давно. В какой-то степени у них сложились доверительные взаимоотношения. Смотритель склада был всегда учтив и приветлив. Чувствовалось, что он хочет облегчить для Каро пребывание здесь, но сделать ничего не может. Единственное, что всегда у него было, это доброе слово. Для многих здесь спокойное, добродушное отношение со стороны надзирателей, стоит больше чем тепло одеял. И так случилось, что Владислав заметил Каро в один из первых дней, как попал сюда на работу. Но по-настоящему общаться они стали спустя пару лет после того, как познакомились. Владислав был несказанно этому рад. И каждый раз, когда ему удавалось видеть Каро, он перекидывался с ним несколькими дополнительными фразочками.

Каро проходил мимо домов. С ним здоровались окружающие, интересовались делами и как там на складе, не будут ли задерживать выдачу писем. На прошлой неделе кто-то из санитаров пустил слух о том, что письма не доставят из-за проблем на распределительной станции. Для многих эта весть стала тяжелой ношей в ожидании почтового дня. Письма сюда приходили не часто, и они всегда были не многословны. Последние весточки от тех, кто отчаивался, живя по ту сторону изгороди. Для тех же, кто писем не ждал, почтовый день приносил новые газеты. Хотя их новости всегда отставали от реального течения жизни и доходили с задержками. О свежей корреспонденции тут не заботились. Официально это делалось для сохранения эмоционального равновесия больных, так как вирусологи не могли

понять природу перерождения «белой язвы» в новую фазу. Поэтому все газеты тщательно отбирались и для чтения выдавались лишь самые нейтральные из них.

— Все в порядке. Почту привезли, и сегодня все ее получают, — Каро успокоил Лиану. Она жила в третьем круге и очень ждала новостей от семьи. Каро знал это и, пожелав ей хороших новостей, пошел дальше.

Мысли о полунамеках Владислава вновь заполнили мыслительное пространство. На несколько минут Каро забыл даже о новом соседе по дому. Что же задумал Владислав? Отважился так прямо попросить о встрече. Что он желает от него? Вопросы, вопросы и ничего ясного. Каро улыбнулся мыслям. Его развеселило то, что все эти загадки как те ребусы, которые он рисует для детей. Невольно он сам стал участником какой-то тайны. Его не пугало это, лишь добавляло необычности в размеренные дни. По улице пронеслась волна свежего, но холодного воздуха. Каро шел и глубоко вдыхал леденящий аромат природы. «Весны не будет...», — грустную мысль надул морозный ветерок, холодивший легкие.

Завернув на свою улицу, Каро вскоре заметил Кира, стоявшего рядом с домом в окружении нескольких человек. Каро узнал их. Все они были соседями из ближайших домов. Один из них громко разговаривал. Звонкий голос выдавал своего хозяина. Это был Максим. Они над чем-то смеялись, хотя точнее смеялся один Максим. Самым крупным из всех, на голову выше остальных, был могучий Шакирд. Замкнутый здоровяк с невероятной физической силой, определившей кровавый оттенок его бирки. Его еще можно было узнать по белеющей полоске кожи, спускающейся по затылку к спине. Рядом с ним стояла его гражданская жена Надежда. Миниатюрная, по сравнению с великаном-мужем, не особо стройная, но ее формы ее красили. А белые длинные волосы сильно старили, накидывая добрый десяток лет на ее тридцатник, как и делали ее бирку красной. Болезнь наградила ее белыми кончиками пальцев. К Наде прижималась ее подруга Анна, по совместительству вторая половинка неугомонного Максима, который продолжал тараторить несмешные шутки, разбавляя пространство своим режущим голосом. У Макса и его возлюбленной был один цвет бирки — синий. Даже рисунок их белых пятен был до смешного схож, но в зеркальном отражении. У Максима белые полосы пятен шли вдоль левой стороны тела: от уха до пят, у Анны — вдоль правой. Ближе к крыльцу, опершись о лестницу, стояла Мария, с красной биркой на одежде. Иногда ее звали просто — Мари, так как это имя подходило ее легкому нраву больше. Ее белые печати болезни были сокрыты от глаз. Она, как и все не очень-то смеялась над шутками Макса. Куда больше ее интересовало расположение Таша, стоявшего на веранде и коршуном смотрящего на Сату, стоявшую ближе всех к новичку Киру. Все они относились друг к другу с большим доверием, чем к остальным. Завидев приближающегося Каро, толпа соседей оживилась. На лицах дам появились едва заметные улыбки, а в глазах блеснули искорки. Каро поймал на себе удивленный взгляд Кира. Даже тусклый дневной свет делал неестественно бледную кожу Каро матовой и серой. На фоне всех остальных Каро был похож на инопланетянина-дистрофика. Больше всего Кира напугали шрамы на голове, спускающиеся вдоль висков и затылка.

— Всем доброго дня, — Каро обнял женщин за плечи и широко улыбнулся им. — Знакомьтесь с новым членом нашего деревенского клуба?

Кир не ожидал что девушки с такой легкостью примут объятия Каро. Несмотря на их пигментные пятна, они все же были недурны собой. Тогда как внешний облик Каро отпугивал.

— Знакомство было бы результативнее, если бы наш сосед хоть что-то мог о себе

рассказать, — буркнул Таш.

— Когда тебя избили дубинкой, ты тоже мало чего мог о себе сказать, — съязвила Сата, похлопав себя по ноге. Она была одета в синие брюки и легкую куртку с красной биркой: 0857.САТА.5.550.9.А. Без преувеличения, она была самой красивой среди всех женщин, стоявших рядом. Кир не разглядел ее рук и не заметил пигментных пятен на других открытых участках кожи, что очень радовало. Несмотря на ее привлекательность, она стояла дальше всех остальных дам.

Каро не обратил внимания на колкости между друзьями.

— Как самочувствие, Кир? — поинтересовался он.

— Голова гудит сильно, — новичок пытался не заострять внимание на голове Каро, — мешанина какая-то. И слабость...

— Немудрено после таких-то травм, — Максим старался быть учтивым.

— Нет, они сказали, что так и будет, — Кир посмотрел по сторонам. Ему хотелось сесть.

— Тебе что-то вкололи? — спросил Каро.

— Мне начали восстанавливать память.

— Так быстро? — удивился Таш.

Кир оглядел всех. По их взглядам он понял, что это необычно.

— Видимо у тебя в голове есть информация, которая им нужна, — предположила Сата.

— Да, я вроде как свидетель... — здесь Кир смолк. Он же не свидетель, а главный подозреваемый.

— Свидетель чего? — мягко спросила Мария.

Ее голос сразу понравился Киру. Нежный и трогательный он как теплый воздух обволакивает замерзшего.

— Какого-то взрыва, — пряча взгляд, ответил он. — Но я ничего не помню. Приходили агенты, спрашивали меня, показывали фотографии.

После этих слов Шакирд повернул голову и пристально посмотрел на старосту. Едва заметно Таш несколько раз кивнул в ответ.

— Теперь понятно, что это была за машина, приехавшая сегодня, — прервал Таш, оглядев соседей. — Они вкололи ему деактиваторы. Ему надо лечь, иначе он свалится. Так, — командовал староста, — народ расходимся. Человеку нужен отдых. Деактиваторы это не шутка.

— Он прав ребят, — Каро подошел к лестнице, приглашая Кира подняться в дом, — после обеда еще встретимся. Почта сегодня будет. Не пропустите.

Расходящиеся соседи одобрительно встретили последнюю новость. Каждый из них ждал весточку с той стороны. Обернулась лишь Сата. Она посмотрела на Таша, словно он ждал ее вопросительного взгляда. Таш в ответ помотал головой. Кир и Каро вошли в дом и закрыли дверь.

— Тебе лучше прилечь, — посоветовал Каро. — Первая стадия восстановления, скажем так, протекает некомфортно. Вскоре у тебя будет ощущение будто твой мозг взбалтывают миксером.

Каро уселся на кровать. Он указал рукой на нее, чтобы Кир лег.

— Я все равно не помню, что такое миксер, — безразлично выдал Кир.

— К нам редко кого привозят, — начал Каро, — так что первое время тебе придется потерпеть всеобщее чрезмерное желание с тобой пообщаться. Ты с той стороны и все хотят

узнать последние новости: как там, чем живут люди, что происходит.

— Да я не против внимания, — Кир улегся поудобнее. — Оно меня не смущает, наверное так. Мне очень хочется понять, что вокруг меня происходит. Вспомнить. Какие я могу поведать новости, если я про себя ничего не помню?

— Не унывай. Мой совет: набраться терпения. Раз уж тебе начали восстанавливать память, то вскоре ты все вспомнишь, — твердо заявил Каро.

— Надеюсь. А как скоро?

— Около месяца, может больше. На деактиваторах тебя будут держать неделю. Так что состояние у тебя будет не самое хорошее. Зови, если понадобится вдруг помощь.

— Спасибо.

— Ты сказал, что был свидетелем взрыва... — осторожно интересовался Каро.

— Что за взрыв, я сам не знаю. Агенты разложили передо мной фотографии. Я указал на одну — она показалась мне знакомой. После этого они спешно все забрали и удалились. Правда, они перед этим сказали еще кое-что... — Кир не решался, но он очень хотел рассказать.

— Что?

— Что, вроде как, — я преступник.

Скрипнула дверь и в дом вошел Таш.

— Как неожиданно-то... — выдал староста. — Ребят у вас тут интимный разговор? Я помешал?

Но выходить Таш не собирался. Не дожидаясь ответа, он прошел к своей кровати, и сел на нее, опершись о стену.

— Не спеши с выводами, — остерег Каро. — Возможным преступником его назвали федералы. Они приходили допрашивать его.

Таш внимательно смотрел на Кира, пытаясь углядеть хоть какие-то эмоции. Но сделать это было невероятно сложно. Лицо было сильно обожжено и все мельчайшие игры лица были незаметны.

— Что скажешь? — Таш перевел взгляд на Каро.

— Что тут можно сказать? Мне все равно, — Каро потянулся к прикроватной тумбочке. Он достал из верхнего ящика батончик и начал разворачивать его. — Во-первых, методы федералов достаточно извращенны, и они могли нагнать напраслину на него, лишь бы он в чем-то сознался. Во-вторых, тебе ли не знать, — он посмотрел на Таша, — что вся наша жизнь остается на той стороне. На этой — Деревня. К тому же он ничего не помнит. Ты извини, — Каро посмотрел на Кира. — Мы обсуждаем тебя. У меня в твоём случае нет никаких секретов и, уж тем более, претензий к тебе. Сейчас ты здесь и скоро ты поймешь, что кроме этого у нас ничего нет, — Каро откусил батончик и направился за теплой водой к раковине у дальней торцевой стены, которая служила своего рода кухонным углом.

Кир проводил взглядом своего спасителя, опасаясь потерять его из виду. Каро словно парил над полом. Плавно обогнув узкую барную столешницу, отделявшую торцевую стену от остального пространства комнаты, Каро подошел к раковине, стоявшей рядом с холодильником в углу. Помимо них, вдоль всей стены располагались напольные шкафчики без ручек. Они, как и все в доме, были изготовлены под общий светлый тон комнаты и сливались со стеной. Если бы Каро не оперся о шкаф возле раковины, то Кир еще долго бы не замечал наличие кухонной мебели. Пустующей по большому счету. Лишь три вилки, столько же ножей и ложек, белая доска для нарезки, три прозрачных стакана и матовые

кружки, столько же по количеству неглубоких мисок. Вся утварь была сделана из пластикового полимера, который не обладал острыми гранями и его сложно было сломать. Если жильцам требовался дополнительный инвентарь, они могли обратиться к старосте, чтобы он сделал запрос на склад в лаборатории. В метре от барной стойки, у окна, стоял узкий стол с двумя стульями. В доме старосты он чаще выполнял чисто декоративную функцию поверхности для кружек и стаканов. Обедали за ним редко.

— Не виновен, — вынес приговор Таш. — В общем так приятель, слушай и запоминай. Ты попал в Деревню. Это большая резервация для тех, у кого нашли «белую язву». Живем мы здесь как в далеком древнем веке. У нас, как ты заметил, нет ни радио, ни телевидения: ничего информационно полезного. Мы отрезаны от цивилизации намеренно, дабы уберечь эту цивилизацию от нашего влияния.

— Таш хочет сказать, что мы очень опасны. Вирус, сидящий в нас, очень опасен, если попадает в воздух.

— Но в лаборатории, главврач сказала, что он не передается по воздуху, — не понимал Кир.

Каро и Таш усмехнулись, услышав слово «главврач».

— Он не передается по воздуху пока мы в состоянии покоя. У моний, клеток «белой язвы», есть агрессивный механизм перерождения. В наших телах он протекает нейтрально. Когда же это происходит у других людей, то монии становятся крайне агрессивны и передаются по воздуху.

— Хватит! — прервал староста. — Мы живем здесь общиной. Все друг друга знают. К любому ты можешь обратиться. Может тебя не встретят с объятиями, но не прогонят, если тебе плохо. В Деревне нет прямых надзирателей, но есть косвенные. Вот эта штука, — Таш показал на зеленоватую полосу на стене, — это камеры слежения. Они считывают наши параметры: голос, визуальная картинка, температура, давление и степень ороговения язвой. Они везде в доме, даже в туалете. Привыкай. Эта система слежения самая совершенная в своем роде.

— Наверное это необходимо... — пожал плечами Кир.

— Ха, — в голос усмехнулся Таш. — Наивный, я посмотрю, как ты запоешь, когда к тебе вернется память. Сейчас ты потерял и не понимаешь ничего. Поэтому ты принимаешь окружающий мир таким, какой он есть. Пусть он для тебя чужд, но тебе не с чем сравнить. Везунчик.

Кир лишь вздыхал. Он слушал и старался свыкнуться с гулом в голове.

— К этому тоже привыкнешь, — с сожалением произнес Каро. — У нас тут нет строгого режима. Спать ты можешь ложиться во сколько хочешь. Единственный запрет — это не нарушать сонного режима первого и второго кругов. Они в отличие от нас бодрствуют ночью, а днем спят. Поэтому на этих двух улицах всегда днем тихо. Со временем все усвоишь. Если из лаборатории планируют за тобой прийти, то у тебя над головой, из стены, появится небольшой экран с оповещением: когда, во сколько и для чего. За тобой пришлют санитаров. Они увезут и привезут. Но это ты уже знаешь.

— Значит, я учусь жить здесь. Постараюсь свыкнуться, кем бы я ни был, — последняя фраза вылетела едва слышимой. Кир погрузился в сон. Его мозг сейчас испытывал большое напряжение от деактиваторов.

— Эх, а я так и не рассказал про питание, — ерничал Таш.

Каро поморщился. Он направился к выходу, держа одноразовый стакан с водой в руке и

батончик в другой. Таш направился в душевую.

На улице стало многолюдно. Близился полдень, и большинство деревенских прогуливалось. Хмурости дня слабо противостоял тихий гул множества голосов. Обычная деревенская жизнь. Часть жителей направлялась к площади, к так называемым рабочим блокам, где они могли хоть чем-то заняться. Шесть зданий по периметру площади, окружавшие лабораторию, вмещали в себя библиотеку, столовую, импровизированный спортзал, мастерскую лепки из глины и оранжерею. Жителям Деревни не разрешалось заниматься делами, которые хоть как-то могут навредить их кожному покрову. Поэтому в Деревне не было ни одного острого и металлического предмета. Чтобы как-то отвлечь мысли от апатии и ничегонеделанья, Каро каждый день занимался зарядкой. Он пробегал несколько кругов по самой длинной улице, а потом выполнял упражнения. Вскоре его примеру стали следовать другие. Жители собирались по группам и разбавляли себе день такими упражнениями. Но что объединяло почти всех занимающихся упражнениями, так это массовая тренировка на площади, которой управлял Каро. Он показывал и учил жителей движениям и медитации, о которых прочитал в книгах из библиотеки. Но спустя время он дополнял их, исходя из того, что люди в Деревне мало двигаются и все физические усилия сводятся к нескольким часам прогулки. Он хотел компенсировать это упражнениями.

До почтового часа оставалось чуть меньше трех. Немного похолодало, но стало светлее. Это вселяло робкую надежду на то, что там, за толстым слоем серых туч, пылает горячее солнце. Каро намеревался увидеться с Сатой. Он направлялся вдоль улицы к ее дому.

Сата уже ожидала его. Как только Каро показался на улице, она спустилась с веранды и медленно пошла в сторону от него. Каро через минуту-другую нагнал ее, подкравшись сзади. Сата сделала вид что испугалась и расхохоталась.

— Твои шуточки уже оскомину набили, — она не сильно ударила его в грудь. — Сколько раз просила не делать так.

— Это же так весело, — Каро поравнялся с ней.

Сата театрально улыбнулась.

— Мы так долго к этому готовились, — произносила она едва слышно, — неужели все откладывается?

— Обстоятельства, конечно, не в нашу пользу. Новый сосед поперек влез, — голос Каро был встревожен.

— Мы не можем больше откладывать, ты же сам знаешь. Через шесть дней твой день рож...

— О котором я не желаю вспоминать чаще, чем это необходимо, — перебил Каро. Он сказал это резко, но продолжал шептать.

— Виновата, прости, — Сата посмотрела на Каро. В глазах ее была жалость и страх, но не за себя.

— Олег, как твоя нога? — выкрикнул Каро. — Перестань смотреть на меня так, — добавил он, едва шевеля губами.

Идущий впереди, грузный высокорослый мужчина в красном обернулся. Четверть его лица была бледной с сильно выступающей огрубевшей кожей.

— Сказали сам виноват, — Олег нес стопку книг в библиотеку. — Вкололи какой-то дряни и отпустили.

— Плохого не сделали ведь, — Каро хлопнул его по спине, поравнявшись с ним.

— Да, спасибо.

Они распрощались. Три дня назад Олег споткнулся на пробежке и потянул ногу. Но, как и многие, он боялся лишней раз обращаться в лабораторию за помощью. Травмы для больных язвой опасны тем, что доподлинно неизвестно как отреагируют мониин на них. Простой вывих мог стать причинной резкого ускорения мутации в тканях. Вскоре Каро узнал о небольшой беде Олега и настоял, чтобы он обратился за помощью. Каро умел убеждать, даже таких крепышей, которые любят терпеть боль. К тому же, в разговорах, Каро всегда использовал запрещенные приемы из своего мрачного опыта.

— Как же нам быть? — даже едва слышимый, голос выдавал волнение Саты.

— Никак. У нас новый сосед. Я и Таш как можно больше узнаем о нем. Кто он и почему подселили именно к нам. Есть риск, он всегда был. Всего лишь еще одна переменная, — Каро улыбнулся промчавшейся ребятне. — Вечеринку постараемся не откладывать. Но действовать нужно сейчас по обстоятельствам. Ты не хуже меня знаешь, что может случиться, если мы не успеем вовремя.

— Боже, — вырвалось у нее. — Если бы ты знал, как я этого боюсь.

— Знаю, — обреченно улыбнулся Каро, но быстро согнал мрачную тень с лица. — И я боюсь, что она, наконец-то, добьется своего. Изменит меня как того хочет. И я уже не смогу никого защитить.

— Мы должны успеть, — как можно тверже шепнула Сата.

— Сейчас нужно узнать Кира. Кто он?

— Могу заняться этим. Таш слишком неповоротлив, еще спугнет. Ведь он может быть ни при чем.

— У тебя это хорошо получится.

— Конечно, я же женщина, — Сата нарисовала на лице улыбку.

— Которая к тому же ему приглянулась, — Каро подавил улыбку и тихо добавил. — Есть одно небольшое дело.

— Все что угодно.

— Мне нужно, чтобы ты почувствовала эмоции зрителя склада Владислава, когда он будет раздавать почту жителям. Мне нужно знать, с какими намерениями он позвал меня.

— Ты же не ходишь получать почту.

— В этот раз пойду и мне нужна твоя помощь. Я буду рядом с тобой на площади. Договорились?

— Все сделаю.

На этом они разошлись. Каро поцеловал Сату в щеку и побежал вперед. Через пару домов он свернул в переулок. Через несколько минут он вышел за девятый круг. Каро бежал рядом с забором там, где никто никогда не гуляет. Здесь почти всегда было тихо. Никакого шума, кроме тихого жужжания изгороди. Деревенские голоса обрывками доносились издали и растворялись в кряхтении сухого мерзлого леса, заснувшего на зиму и не желавшего просыпаться несмотря на календарь.

Сата попала в Деревню в 25 лет. Во время медицинского осмотра, маммолог обнаружил странные маленькие светлые пятна у нее на груди. Проведенное в тот же день обследование показало, что у нее первая стадия «белой язвы». Домой она уже не вернулась. Ее определили в карантин, а через три дня за ней приехали из резервации. Врачи в Деревне были достаточно учтивы. Сате даже показалось, что ей оказывают излишнее внимание. Так и было. Ее внимательно исследовали. Более всего ей интересовались психологи и

нейрохирурги. Тесты продолжались около трех месяцев. После этого ее поселили в доме 857. Тогда на ее бирке вместо девятки была единица, а сама бирка была зеленого, а не красного цвета.

Когда ее привезли в дом, ее уже ждал Каро. Он стал ее проводником и утешителем, когда эмоции начали захлестывать. Это произошло после осознания того, что она уже никогда не окажется по ту сторону забора Деревни. Спасением для нее были письма родных, оставшихся в Петербурге. Привыкшая пользоваться электронным общением через интернет, она училась писать письма, у которых есть длительный срок доставки. Но вскоре письма от родных стали приходить реже. Страх людей перед «белой язвой» из года в год только усиливался. Даже думать о существовании этой болезни было страшно. И если о ней говорили, то только с ужасом и отвращением. Дискуссии были короткими и эмоционально емкими. О том, что твой родственник болен «белой язвой» никто не распространялся. Забвение и отчуждение ждало почти каждого, у кого мог оказаться запертый в резервации близкий человек. Это отражалось в письмах, приходящих жителям. Сата не стала исключением. Толстые конверты из сотен слов любви и надежды исхудали. Письма из месяца в месяц становились редкими и короткими. Сата перестала делиться с родными своими чувствами и по их примеру перестала писать им длинные письма. Через год с небольшим лишь Каро оставался источником ее сил. Мир для нее разделился на тот, что на этой стороне и на той.

Через три года болезнь Саты достигла золотого зенита. Для нее было два пути: либо она оставалась на пятой стадии болезни и «белая язва» прекращала свое разрушительное влияние на организм, войдя в стадию хронической; либо иммунная система организма проигрывала и поглощалась мониями «белой язвы». Болезнь полностью меняла организм и перестраивала его функции. В ходе исследований таких больных стали называть перерожденными.

Каро первым обнаружил начавшееся перерождение Саты. У него был дар подмечать любые изменения вокруг. И подобно тому, как он его хранил в тайне, он начал учить Сату до поры сохранять в секрете ее развивающиеся способности. Это произошло летним душным днем: Сата проснулась от предчувствия, что к ней приближается взволнованный Каро. Как только она открыла ему дверь, он накинулся на нее с объятиями и начал целовать ее. Сата отбивалась и готова была закричать, как вдруг услышала от Каро: «Молчи, глупая, иначе они узнают о тебе». Сата доверяла ему и приняла правила игры. Доиграв импровизацию до конца, Каро попросил Сату пройти с ним. Так он преподал ей первый урок маскировки своих возможностей.

Датчики, установленные повсюду, считывали отклонения в биоритмах жителей. Это позволяло выявлять перерожденных. Все они, без исключения обладали нейропсихическими способностями. И чем меньше о них знают в лаборатории, тем лучше — заверял Каро. Именно он стал для многих учителем в освоении своих возможностей. Однако даже его усилий не хватало для того, чтобы со временем его ученикам присваивали красный статус и меняли бирку на соответствующую. Но все же, это происходило гораздо позже чем могло бы быть.

К своему тридцатилетию Сата уже умела определять эмоции людей, находившихся от нее за десятки метров. Она узнала об этом, когда попыталась прочувствовать охранников в лаборатории. Однако она пренебрегла предостережением Каро об излишнем использовании возможностей. Любопытство ее сгубило. Датчики немедленно зафиксировали высокий

уровень нейронной активности. Подросшие лаборанты и охранники обнаружили Сату без сознания. Она две недели провела в лаборатории, где за ней наблюдали и проводили тесты. Но ее дар будто был стерт. Разозленная Кроберг вклеила ей красную бирку и велела за ней наблюдать. Однако за шесть месяцев никаких изменений не было. Кроберг не отличалась терпением и списала Сату со счетов глубоких исследований.

Но вместе с разочарованием Кроберг ужас от потерянных возможностей испытывала Сата. Она корила себя за то, что не послушала Каро и выдала себя. Более того: она сама себе нанесла травму и стала перегоревшей лампочкой, не выдержавшей напряжения.

— Ты готова вернуться к занятиям? — однажды спросил Каро.

Сата не понимала о чем он. Ведь уже восьмой месяц как она ничего не может и не ощущает. Да и самого Каро она не видела шесть месяцев после того случая.

— Ты не потеряла свои способности. Я лишь заблокировал их ото всех... и от тебя тоже, — голос Каро был спокоен, а взгляд напряжен. Он был готов к любой реакции.

Но Сата не верила своим ушам. В одно мгновение она хотела накинуться на него с кулаками и обнять от радости. Но она лишь кивнула головой, а из глаз хлынули слезы.

— Мне пришлось прибегнуть к шоковой блокаде твоих нейронов, чтобы в лаборатории ничего не обнаружили. Они должны были подумать, что ты сама вырубилась от перенапряжения. Травма мозга была как нельзя кстати. Уж извини.

Сата сжала кулак и не больно ударила Каро по плечу. Он еще раз напомнил ей о серьезности того, что происходит. И именно в тот день Сата дала ему слово, что будет всегда слушаться его наставлений. Тогда же она открыла для себя Каро с новой стороны. В ней заронила пригоршня страха от того, на что способен юнец 17 лет, так спокойно рассуждающий о жизни в Деревне.

Близилось время раздачи почты. Жители подтягивались к площади. У ворот склада санитары уже выставили столы, на которых лежали документы. Коробки с письмами и разрешенными посылками были аккуратно выставлены на столах. Смотритель вышел из ворот. Толпа деревенских оживилась. Все хорошо знали, что если старший на смене Владислав, то почту можно будет получить пораньше. Этот день не стал исключением. Смотритель занял свое место за главным столом. Санитары приступили к раздаче почты. И уже никто не обращал внимание на холод и поднимающийся ветер. Когда в руках уголек греющего письма, все вокруг отступает на второй план. Кому-то даже везло и им предназначалась целая посылка. Такое случалось крайне редко. Чаще всего родные пересылали фотографии, безделицы и книги. Подобные послания почти всегда успешно проходили проверку и передавались жителям. Сегодня волнение собравшихся на площади усиливалось тем, что на столах было разложено необычно много коробок разного размера. Почта не приходила уже три месяца и, видимо это накопившиеся, рассуждали жители. И каждому из них хотелось стать тем счастливчиком, которому достанется хотя бы маленькая посылка. Кто-то радостно вскрикнул: некоторые открывали письма сразу на площади. Владислав выдавал письма и оглядывал толпу. Каро нигде не было. Но ожидающих еще много — время еще есть. Выдача почты сегодня отличалась эмоциональностью. Владислав подметил, как сильно у некоторых дрожат руки, когда они расписываются в журнале. Затем, прижимая письмо или посылку к груди, они быстро бежали обратно в дом. Там, в обстановке тишины и спокойствия, жители читали краткие послания. Ведь если письмо пришло, то о них еще помнят. Пусть не ждут, но помнят.

На столе, перед журналом записей, лежало последнее письмо. Оно было перевернуто так, что не было видно адресата. Очереди уже не было. Владислав посмотрел на санитаров, потом оглядел площадь. Почти все жители разбрелись по домам. Вздохнув, смотритель вложил письмо между страниц журнала. Санитары затаскивали столы на склад. Спускались сумерки. Холод брал Деревню во влажные объятия. И лишь срывающийся на вой ветер нарушал спокойствие сгущающихся теней. Каро так и не появился.

Сата решила зайти в гости к старосте. Несмотря на сильный пронизывающий ветер, она была одета в легкую рубашу и штаны. Кир был рад видеть ее. Она отличалась ото всех: немного отстранена и ненавязчиво учтива. Ее движения были немного мальчишескими и где-то грубоватыми для женщины. Кир встал с кровати, пряча робкую улыбку.

— Ну как наш новый житель? — она махнула ему рукой. Сата оглядела комнату: никого, кроме Кира.

— Каро нет. Таш в душе, — рапортовал Кир.

— Наш староста опять мерзнет? — машинально бросила она. — А может я к тебе пришла? — Сата прошла в кухню.

— Да?! — смутился Кир.

— Так как твои дела, новенький? Осваиваешься? — она быстрым движением нажала на дверцу шкафа возле раковины, взяла стакан и скользнула в угол к холодильнику.

— Пытаюсь успевать за всеми. Много знакомств... даже слишком.

— Да, понимаю. Учитывая восстановление памяти, тебе, наверное, не сахарно, — Сата взяла графин с зеленоватой жидкостью и наполнила до половины свой стакан.

— Пока, кроме гула в голове и небольшой слабости, ничего нет.

— Это хорошо. Но ты же понимаешь, что это пока?

Кир пожал плечами. Он легко переносил небольшой дискомфорт и с тревогой ждал развития симптомов.

— Не бойся, — Сата допила напиток и шумно поставила бокал на высокую столешницу перед собой, — тебе, наверное, повезло как никому больше. Ты стал соседом старосты. Но я скажу больше, — она вышла из-за стола и подошла к Киру, — то, что ты сосед Каро — куда круче, — добавила она шепотом, оглядываясь на дверь в ванную комнату.

Кир улыбнулся.

— Каро здесь местный любимчик: держись его и многое станет для тебя проще. Хотя, как по мне он слишком строит из себя. Эдакого всезнающего ботаника, заботящегося обо всех. Но это реально помогает. Особенно когда тоска волком выть начинает. Ну и от Таша есть своя польза. Он тебя тоже чему-нибудь научит...

— Дисциплине, прежде всего, — раздался грозный бас старосты. Таш стоял в халате у двери в ванную комнату. И взглядом буравил незваную гостью, потирая руки.

— Смотри, крем из ушей вытечет, — съязвила Сата.

Таш лишь снисходительно хмыкнул. Он уже давно перестал реагировать на колкости Саты. Это был ее способ побега от реальности, и он не собирался ей мешать прятаться.

— Что ты здесь забыла? — голос старосты стал менее суровым. — Каро, как видишь, нет.

— Если подобный вопрос мне задаст Каро, то я точно запишу вас в список самовлюбленных парочек, — Сата села на кровать Кира. Тот от неожиданности сделал шаг в сторону. И уже через секунду потупил взгляд в пол от нахлынувшей вдруг неловкости. Сата улыбнулась. Таш прошел на кухню. — Я пришла не к вам, а к новенькому. Я не смогла

толком с ним побеседовать днем.

— Любопытство до добра не доводит, — Таш взял стакан, оставленный Сатой. — Я запрещаю брать тебе нашу посуду, если ты не научишься мыть за собой.

— Ой-ой, — Сата вскочила и побежала за стаканом. Выхватив его из рук старосты, она направилась в ванную комнату.

Через полминуты она уже сияла улыбкой в дверях, демонстрируя чистый стакан.

— А раковиной на кухне нам пользоваться не с руки...

Сата лишь фыркнула, стуча ногтем по стакану.

— Боюсь там осталась еще куча микробов, — язвил Таш.

— Боишься? Не пей из него, — Сата поставила стакан на высокий стол и снова села на кровать Кира. Но Таш уже не обращал на нее внимание. Сата быстро уловила это и переключилась на Кира.

— Располагайся, — она похлопала рукой по кровати. — Только без приставаний, а то Таш против романтики. Как тебе у нас?

Кир сел на кровать, развернув голову к Сате в пол оборота. Он медленно тер ладони друг о друга и старался почаще смотреть в окно.

— Многое непонятно, — он пожал плечами. — Не могу свыкнуться с мыслью, что мне не место здесь.

— А нам место? — Сата внимательно осмотрела смутившегося Кира.

— Нет. Не знаю, — Кир посмотрел с осторожностью на Сату и добавил, — я не хотел обидеть.

— Да ладно успокойся, — с улыбкой отмахнулась она. — Каждый попавший сюда думает о том, что он здесь по трагичной ошибке и ему здесь не место. Не он болен, а другие. Некоторые даже пытаются убедить в этом персонал. Я тоже пыталась одно время. Но мне быстро объяснили, что теперь здесь мой дом.

— Скверно звучит, — Кир придвинулся к спинке кровати и подложил под спину подушку.

— Не весело. И от этого пытаются сбежать, — Сата зафиксировала взгляд на зрачках Кира, — физически. Кто-то по-глупому: лезут через забор или делают подкоп, а кто-то долго планирует и прикидывается мертвым, надеясь, что его вывезут за внешний периметр.

— Когда хочешь свободы идешь на все, — рассуждал Кир.

— А тебе ее уже захотелось? — усмехнулась Сата.

— Не знаю... Мне здесь не место. Это самое определенное что я ощущаю.

— Понимаю. Я здесь уже пятый год. И это отстой, — она развела руки в стороны и откинулась назад. — И самое ужасное, когда замыкаешься в себе. Тогда никто тебе уже не поможет.

— Спасибо, что заботитесь обо мне.

— Брось. Когда меня определили сюда, ко мне вот также пришел в гости Каро. И мы очень долго с ним беседовали. Поначалу я, разумеется, не до конца понимала и принимала его слова. Наверное, и ты также сейчас. Так что если Таш нам ничего не запретит, то ты быстро адаптируешься.

Кир улыбнулся. Перед ним полулежа на его кровати, сидела милая девушка, и он всеми силами сдерживал волнение. Одновременно пытаюсь разобраться, что такое он испытывает.

— Кстати, как тебе наши санитары? — не унималась Сата.

— Никак, в общем-то, — Кир посмотрел на старосту. — Они как Таш: малословны,

неэмоциональны.

— А грубость?

— Странность, — поправил он.

Сата немного поморщилась.

— Все они как-то странно смотрят на меня. Может это из-за ожогов — не знаю.

— Может. Не знаю, наверное, давать советы тебе сейчас это лишнее. Но не доверяй здешнему персоналу.

— Почему? Они же врачи и лечат нас.

— Лечат — да. Но исцеленных здесь еще не было.

— На что ты намекаешь?

— Я лишь говорю, чтобы ты не доверял персоналу и был осторожен, говоря что-то вслух. Приглядись повнимательнее. И будь осторожен с теми, кого не знаешь.

— А я никого не знаю.

— Поэтому будь со всеми внимательным. Здесь много всяких людей: хороших, плохих, тихоней и бунтовщиков. Найдешь к кому прибиться.

— А вы, к каким относитесь?

— Дисциплинированным, — Сата улыбнулась и посмотрела на Таша. — Наш староста пытается сбавлять градус у жителей. И, наверное, спасибо ему — мы уже год живем без особых происшествий.

У Кира начали закатываться глаза, сознание стало покидать его.

— Кир?! — крикнул Таш.

— Все плывет, — Кир пытался совладать со своим состоянием.

— Не сопротивляйся. Это деактиваторы волнами накатывают на твой мозг.

— Дурно... белое... — язык блуждал во рту пытаюсь чеканить слова, — ... не белые руки.

Сата вскочила с кровати и, ухватившись за ноги Кира, потянула его на себя. Кир сполз с подушки, погрузившись в небытие.

— Если бы ты знал, что у меня белое, — едва слышно прошептала Сата, и поймала на себе взгляд старосты. — Мог бы и помочь, — огрызнулась она.

— Я в медсестры не нанимался. Ты перегрузила его — теперь укладывай его на кровати, — Таш скорчил плоскую улыбку и лег поудобнее.

Сата уложила Кира и направилась к выходу.

— Завтра я доложу о том, что ты беседовала с новеньким, — Таш безразличием глядел на Сату.

— Напугал.

— Чем дальше он остается в неведении об истинном положении дел в Деревне, тем лучше.

— Что же ты не прервал? Ладно, — Сата прервала попытку старосты возразить, — я пошла.

— Стой! — приказал Таш.

Сата вопросительно посмотрела на него. Крепкая фигура старосты немного нелепо смотрелась в белом халате.

— Зачем ты приходила? — едва слышно спросил Таш.

— Каро просил меня поглядеть на смотрителя склада, — улыбаясь, ответила Сата.

— Зачем?

— Какой-то интерес возник у него к нашему Каро.

— И?

— Я долго стояла в переулке у самой площади и считывала Владислава...

Таш посматривал на датчики на стенах.

— Он хотел увидеть Каро. Очень сильно и страстно этого желал, без агрессии и какой-либо угрозы. Я сообщила Каро...

— Не слишком ли вы заигрались с ним?

— О чем это ты? — осеклась Сата.

— Вы рискуете, пользуясь своими возможностями, — негодовал Таш, стараясь особо не выказывать эмоций.

— Не горячись, староста. Каро не мальчик и получше тебя знает, как тут все устроено, — Сата отбила нападение. — Каро не пришел на площадь. С чего бы ему там быть. Ему ведь никто не пишет. А Владислав был, как всегда, доброжелателен со всеми, — Сата говорила, осторожно подбирая слова.

— Я пригляжу за Владом. Попадусь ему на глаза, может что сумею выболтать из него, — рассуждал Таш.

Сата скептически смотрела на Таша. Староста не умел вытягивать информацию, не пользуясь своими коронными запугивающими методами. А смотритель склада был не из тех, кого мог запугать зверь на привязи у Кроберг.

Глава 5. Мытарства

Холод позднего вечера выползал из леса, пытаясь в очередной раз взять приступом незащищенные дома без окон. Шакирд спустился с крыльца. В руках у него был открытый конверт с тремя листами. Он прочел их, направляясь домой, после того как поставил свою подпись в книге учета почты. Шакирд знал, что там. Он ждал этого письма три месяца с тех пор, как отправил своему брату письмо о помощи.

С братом Шарамом они не виделись и не общались больше шести лет. Ровно столько Шакирд находится в резервации. Связь с единственным родным человеком на той стороне оборвалась в тот день, когда Шакирд получил первое и единственное письмо от брата, в котором тот отказывался от него и заклинал больше не писать ему. Шакирд дословно помнит то короткое письмо. На протяжении многих недель он перечитывал его, пытаясь понять мотивы своего брата, оставившего его здесь в одиночестве. В те дни у Шакирда перерождалась не только «белая язва», но и все его естество. Все, кем он дорожил, поступали также, как и Шарам — они не верили в его выздоровление и перестали писать. Шакирд старался не винить их в малодушии. Через что всем им пришлось пройти, после того как выяснилось, что он болен «белой язвой», можно было только представлять. Месяцы карантина, долгие и болезненные анализы для тех, кто контактировал с больным. Все работало на то, чтобы все, кто остался с внешней стороны забора, как можно быстрее забыли о тех, кто существует внутри него.

Шакирд достал из конверта мятый листок бумаги, исписанный мелким почерком с двух сторон. Это был путанный и такой родной почерк брата. Шакирд никогда не забывал его, хотя уже и не надеялся его увидеть. Свет из окна аккуратно падал на руку с письмом, едва освещая непонятный почерк путаных слов. Но Шакирду было достаточно смотреть на него и знать, что этого листа бумаги коснулась рука его брата. Он смотрел на письмо с каменным лицом, пытаясь осознать то, что в нем написано, пытаясь поверить тому, кто однажды отказался от него. Но это был ответ его брата на письмо, которое три месяца назад он отправил ему по старому адресу.

— Воздух гораздо теплее, когда в мире есть те, кто нас ждет, — из густого мрака улицы безликой тучей вынырнул Таш.

Его седые волосы заискрились в тусклом свете окна, когда староста прошел мимо Шакирда.

— Он ответил, — быстро поравнявшись с главой Деревни, тихо произнес Шакирд.

Несмотря на крепко сложенную фигуру Таша, Шакирд все же был глыбой, превосходившей старосту и по ширине и по высоте. Глыба камня на ножках шептала, сотрясая воздух, пытаясь справиться с басом, мешающим говорить тихо.

— Теперь я могу взять с собой Надю и Сашу, — великан провел рукой по белому затылку, пытаясь хоть как-то совладать с нарастающим волнением.

Таш поднял голову, чтобы заглянуть здоровяку в глаза. Во мраке, его зрачки поблескивали, и чем темнее становилось, тем сильнее искрились глаза.

— Твои глаза пугают, — безразлично констатировал Таш.

— Они повышают дозу с каждым разом. Тренировки с Каро — единственное, что сдерживает меня.

— О, а когда физические упражнения перестанут помогать, ты засияешь как праздничная елка? — едва слышимо говорил Таш.

— Я понял к чему ты клонишь, — в этой тишине у Шакирда не было шансов даже огрызнуться.

Он посматривал на датчики на стенах домов, которые наливались зеленым светом, как только они проходили мимо них.

— Во мне много активаторов не по моей вине...

— Тут ты ошибаешься, Голиаф.

Шакирд фыркнул.

— Я сглупил в тот раз, но Каро же сказал, что мы успеем.

— Каро наивен и верит в успех. Я же смотрю на тебя и вижу ходячую свечку, которая не может контролировать себя.

Таш заглядывал в окна домов. Он подолгу останавливался у некоторых из них и смотрел на то, что делают жильцы. Завидев пристальный взгляд старосты, деревенские пытались побыстрее уложиться в кровати или скрыться в кухне, куда взору старосты было не попасть.

— Я уже за все извинился, Таш, — грубо выпалил Шакирд, — и не тебе меня моськой тыкать в лужу.

— Не мне. Но вы сами уткнетесь, когда придет время.

— Каро сказал, что они не помешают.

— Если все произойдет как того хочет Каро, то с нами пойдет весь здешний детский зоопарк. Но ты не хуже меня знаешь, что это утопия.

— То есть я не могу их взять?

— Можешь, — вдруг ответил Таш.

Шакирд запнулся, не ожидая подобного ответа.

— Только сказал ли ты об этом своей жене? — Таш посмотрел Шакирду в глаза. — Сказал ли ты Наде о том, что есть крохотная, почти нереализуемая возможность изменить наше положение? О том, что никогда не отпускал мысль вырваться из резервации и спрятаться где-нибудь в лесу? О том, что для тебя жизнь в бегах и вечном страхе важнее сытого и мирного существования здесь? Ты, конечно, сказал ей о том, что ее ребенку, родившемуся в лаборатории, важнее жить там... в мире, где, увидев белые отметины на ее руках, ее быстрее пошлют на смерть, чем вновь вернут сюда? Ведь таких как мы сжигают.

У Шакирда тряслись руки. Он еле сдерживал свой гнев. Ему хотелось обрушить на старосту молот своего кулака, чтобы зазнавшийся цербер профессорши прекратил строить из себя короля положения.

— Ты ведь не сказал, — Таш не задавал вопроса.

Он знал, что у Шакирда так и не хватило смелости рассказать об их планах своей жене.

— Ты не сказал ей, потому что знаешь, что Надя не хочет того, чего хочешь ты. Ей не нужна жизнь, которую мы все оставили там. Ее жизнь здесь и ее зовут Саша, а не Шакирд. Зачем рисковать всем что ты имеешь ради тех, кому это не нужно?

— У меня есть письмо, — сжимая в руке конверт, произнес Шакирд как можно тверже, насколько позволял шепот. — И именно оно поможет нам скрыться.

Таш остановился возле очередного дома. Заглядывая в окна, он продолжил:

— Твоя весточка из внешнего мира — залог нашего спасения. И ты лучше меня знаешь, что ты не готов от него отказаться в угоду ее желанию остаться здесь. И если все действительно так, как ты сказал, то сегодня у нас появился реальный шанс уйти от ищеек,

когда за нами их пошлют. Думай, Шак.

Таш смотрел на него и отчетливо видел, как в искрах его светящихся зрачков злость мечется с безысходностью.

— Думай хорошо. Потому что времени у нас осталось очень мало.

Таш похлопал его по плечу и пошел дальше по улице.

Шакирд остался наедине с ночью, которая поглощала спящие дома, но даже ее прозорливости не хватало чтобы проглотить мечущегося Голиафа. Он стоял как скала посреди дороги, опасаясь даже шелохнуться. Мысли бились в такт тяжелым ударами сердца и письмо, долгожданное и желанное, жгло ему руку.

Шакирд оглянулся. Его дом остался далеко позади. Свет в окне горел зазывая. Нужно было идти. Ночь опасна для размышлений. Вцепится когтями и не отпустит до утра. А утром Шакирда ждет тренировка с Каро. Он надеялся убедить его увеличить нагрузку, чтобы активаторы, которые вводят в лаборатории каждые две недели, не сломили защиту иммунной системы. И скала цельного камня пошатнулась — медленными шажками Шакирд пошел к дому. Он тянул время, размышляя над тем, что сказать Наде, когда она в очередной раз спросит о письме. Она такая любопытная. Шакирд усмехнулся. Несмотря на свой пылкий ум, Надя так и не смогла догадаться о его замыслах. Шакирд не раз намекал ей на это. Часто заводил речи о том, как невыносимо жить в клетке подобно лабораторным мышам. Но Надя, всегда улыбаясь, уходила от выводов, которые ловушками были расставлены для нее. Будто нарочно не замечая попыток любимого человека достучаться. Она раз за разом заставляла думать о себе как о простушке, для которой лежать на боку и читать бесчисленные книги есть спасение.

Шакирд посмотрел в окно своего дома. Надя сидела на кровати и укладывала шестилетнюю Сашу, которая ласково гладила мамины длинные серебряные волосы. Они о чем-то весело беседовали. И холод ночи отступал под звон детского смеха и шутки рассказанной ее матерью. Их объятия были жарче, чем все фантазии деревенских о весне. И сейчас им не нужен был никто.

— Закрывай глаза, родная, — мягко произнесла Надя, убирая руки дочери от своих длинных волос.

— Но я еще не сказала спокойной ночи Шакиру, — надув губки произнесла девочка.

Он не мог стоять у окна и вошел. Немного хмурый, высокий лысый гигант — Шакир с мягкими чертами лица. Шак улыбнулся. Ему нравилось, как девочка коверкает его имя.

— Кто тут решил заснуть, не дождавшись меня?

— Никто-никто, — Саша протянула руки, усыпанные белыми пятнами, к грозному великану, всегда защищавшему ее.

Надя была рада увидеть его. Она встала с кровати дочери и подошла к Шакирду. Он схватил ее за талию и немного приподнял, чтобы она могла поцеловать его в щеку. Саша громко взвизгнула от нетерпения, когда же добрый великан подойдет и поцелует ее в лоб.

Саша засыпала всегда быстро. Она была из тех детей, кто дружил со сном и почти никогда не сопротивлялся нежным рукам Морфея. Убедившись, что дочь, наконец, уснула, Надя собрала волосы в конский хвост и спрятала под футболку. В отличие от дочери, она ненавидела свои серебряные локоны, накидывающие на ее тридцать два года дополнительный десяток лет. Но обрезать их ей не было позволено.

Шакирд сидел за столом, уставившись в письмо. Убранство их дома ничем не отличалось от множества других домов-копий. Только кухонной утвари было больше и две

из трех кроватей составляли одну.

— Что за тяжелый взгляд у моего великана? — Надя стояла у двери в ванную комнату.

Шак посмотрел на жену. Улыбнуться или закрыть глаза? Нужно сделать хоть что-нибудь необычное, что-нибудь намекающее, чтобы Надя поняла: в его голове гроза и она вот-вот накроет его. Он ругал Надю в мыслях, за ее непроницательность, за то, что она смотрит и не видит в его глазах смятения и жалости к самому себе.

— Рад, что брат объявился, — сказал он сухим каменным голосом.

— Напиши ему что-нибудь в ответ, — улыбнулась Надя. — И вот увидишь, он снова тебе ответит. Мне кажется, он примирился с тем, что ты здесь. И вы снова будете общаться. Это же хорошо?

— Да... Он там, а я здесь.

— Но зато вы будете общаться. У тебя снова появился брат.

Надя улыбнулась ему и вошла в ванную.

В который раз Шакирд смотрит на закрытую дверь. И мысли его и желания рассыпаются каждый раз, когда Надя смотрит на него. Он неслышно стукнул по столу, злясь на себя за то, что не может преодолеть молчаливую стену несогласия жены. Шакирд решил не дожидаться ее и направился спать. Еще один сигнал для нее. Он расправил кровать и грузно рухнул в белую бездну, быстро погружаясь в ее дурманящие ласки.

Деревня засыпала. Мутный и липкий холод инеем накрывал дома. Даже свет от центральных прожекторов на главной дороге мерк перед холодом и синеватым отливом сужался до узкого луча. Он отступал перед промозглым мраком ночи: тихим и застывшим во времени. Такими были и безликие улицы. И каждого, кто попадал сюда, рано или поздно окунало в болотистое озеро застывших мыслей и желаний. И не было среди деревенских никого, кто бы мог противиться этому. А кто роптал — их уже не было.

Утро в Деревню всегда прокрадывалось незаметно. Неслышно проходя между стволами черных деревьев, оно пролезало через прутья ограды. И каждый раз, наталкиваясь на окна без стекол, утренний свет с легкостью проникал в дома и отогревал тех, кто был закован в иней. Медленно и настойчиво он пробивал себе дорогу. И каждый раз, одерживая победу над холодом, он мерк перед теми, кто не желал встречать его. Жители спали. И свет утра они не видели.

Плотная пелена серых облаков напозла на Деревню.

В полной тишине бледного разогревающегося дня раздавались быстрые шаги. Ритмичные удары подошвы о мерзлую землю доносились со стороны изгороди. Лишь один человек из всех, кто жил здесь, встречал рассвет над Деревней. Лишь один он знал, как выглядит блеск первого мерзлого луча солнца. Каро проносился мимо домов за девятым кругом. Он совершал утреннюю пробежку и наслаждался видом повергнутой зимы. Она отступала, пусть и очень медленно. Каждый раз, когда он видел редкий рассветный луч, он наполнялся надеждой, как энергией заряжается аккумулятор. И вера в то, что наступит весна крепла, и он, в авангарде у Солнца, нес его светлое копьё, ускоряя свой бег. Ему становилось очень жарко. Шлепки его обуви было слышно даже на седьмом круге. И он продолжал бежать. Его глаза были закрыты. Мысли витали вокруг него и устремлялись в разные стороны. Он ощущал все вокруг, чувствовал, как в домах искрится жизнь. Она течет по жилам и накапливается в разных местах с большим переизбытком. Впереди он увидел яркий свет. Огромное яркое пятно застило ему взор и нахальным образом вмешалось в его видение.

Каро открыл глаза: перед ним стоял Шакирд.

— Ты решил подняться сегодня пораньше?

— Плохо спалось, — Шакирд почесывал затылок и разминал плечи.

— Но до тренировки еще почти час.

— Я помню, — немного поевшись, ответил великан. — Хотелось поскорее выйти из дома.

Каро сообразил в чем дело и одобрительно кивнул.

— Ну что же. Пробегка иногда хорошая альтернатива стенам. А быстрая пробегка еще и проветривает голову.

Шакирд был рад, что Каро не против его присутствия. Он знал о причине, по которой Каро бежит каждый день и не хотел мешать.

— Только я бегаю очень быстро, — учтиво предупредил Каро.

— Я знаю. Постараюсь угнаться.

Каро улыбающимися глазами посмотрел на хмурого атланта, сутулящегося под натиском мыслей.

— Меня так напичкали активаторами, что я тебя еще и перегоню, — нотки недовольства все же проскользнули.

— Ох, — усмехнулся Каро, — ну это мы еще поглядим. Сначала сбрось гору с плеч.

Каро заботливо коснулся руки великана, и они медленно стартовали. Шакирд радовался, но на лице сохранял неприветливость. Он хмурил брови так сильно, что они отбрасывали большую тень на глаза. Распыленный в воздухе свет был не в силах пробиться сквозь надвинутую серую ширму. Давид и Голиаф ускоряли темп. Грузные шаги Шакирда заглушали глухие шлепки Каро и вскоре они уже проносились мимо домов на крейсерской скорости, заставляя ветер свистеть в ушах. Но Каро лишь ускорялся. Он продолжал наращивать темп, держа глаза закрытыми. Он ощущал негодование Шакирда так, если бы он смотрел на доску, на которой маркером было о нем написано. Великан пыхтел и вот-вот готов был сдаться, но Каро чувствовал, как он борется. Он старается отыскать верный подход, войти в темп бега. Каро испытывал его. Они бежали так быстро, что камеры по периметру забора фиксировали лишь их размытые силуэты. Шакирд вошел в раж. Он дышал мерно и глубоко. Активаторы, сидевшие внутри него, выбрасывали огромное количество энергии в кровь, заставляя ее светиться. Каро видел, как тело Шака источает едва уловимое свечение. Его можно было назвать бескрылым ангелом, если бы не его угрожающие размеры. Каро и Шакирд бежали уже второй круг. А усталости ни у того, ни у другого как не бывало.

— Молодец, — произнес Каро, не открывая ни рта, ни глаз.

Шакирд немного оторопел от такой неожиданности. Он удивленно смотрел на Каро, едва не сбив темп.

— Продолжай бежать, — добавил Каро.

Шакирд пытался смотреть на датчики на стенах домов, сливающихся в одну сплошную бледно зеленую полосу. Их ровный цвет говорил о том, что они не фиксируют мозговую деятельность Каро.

Подходило время тренировки. Деревня понемногу пробуждалась. Деревенские выходили на крыльцо и встречали хмурое утро. Морозный воздух покалывал ноздри и легкие, но дарил нескончаемую свежесть. Повсюду лежал толстый слой инея. Кое-где у домов еще сохранился снег, который не растащили дети. Наступало деревенское утро.

Каро свернул на главную дорогу. Шакирд старался не отставать. Они медленно сбавляли темп бега и вскоре оказались на площади. Еще несколько кругов по ней и затем полная остановка.

— Я уж думал, что ты ничем не сможешь меня удивить, — Шакирд пытался совладать с дыханием и говорить как можно тише.

— В ящике Пандоры есть много тайн...

— Которые лучше не раскрывать.

Каро кивнул. Он делал разминку, готовясь к тренировке с Шакирдом.

— Сколько у нас времени? — тревожился Шак. — Мы вроде долго бегали.

— Тебе показалось. До десяти есть еще время. Разминайся.

— Ну, а как же другие?

— Ты о ком? — Каро выпрямился и, не отрывая пяток от земли, потянулся вверх.

Шакирд всегда с благоговейным страхом смотрел на то, как Каро растягивается на несколько сантиметров. Это всегда действовало ошарашивающее, хотя он столько раз это уже видел.

— Те, кто придет тренироваться, — пытаясь разобраться в мыслях, уточнил Шак. — Другие ведь тоже соберутся. И оранжерея откроется скоро.

— Библиотека открыта всю ночь, — разминаясь, отмахивался Каро, — а в цветник Аня иногда заходит даже ночью. При чем тут другие? Тренировка для них начнется лишь через полтора часа.

— Знаю... — Великан понурил голову.

— Вместо того чтобы разминаться, ты топчешь пыль ногами, — Каро указал пальцем ему на ноги.

Шакирд опомнился и начал делать растяжки.

— Я какой-то взвинченный, — подтягиваясь, объяснялся он. — Всю ночь проворочался. Смотрел на Надю и думал о письме.

— Таш рассказал мне. Это действительно хорошая новость, и не только для тебя, — Каро закрыл глаза и глубоко вздохнул. — Но ведь не из-за письма ты не спал почти всю ночь?

— Из-за Нади, письма, активаторов, — недовольно выдал Шак.

— Ты же понимаешь, что без каждого из нас план обречен на провал?

— Да, Каро, я понимаю. Я не собираюсь отказываться.

— И тебя больше беспокоит Надя, а не Саша?

Шак виновато посмотрел на Каро.

— Чертов ребенок, — процедил сквозь зубы Шакирд. — Она думает, что здесь у нее жизнь лучше. И ничего не видит вокруг. Столько детей бегают по улицам. Как она не видит? Не видит красных детей, что с ними делают?

— Не все дети красные, — напомнил Каро, указывая Шаку на место перед ним.

Тренировка начиналась.

— Многие живут в зеленой зоне и их почти не трогают. Можно сказать, райская жизнь, которой многие бы желали.

— Она тоже так считает. Каждый день осматривает ее, следит за пятнами. Считает, что Саше уготована жизнь в зеленой зоне.

— Судя по характеру рисунка и местам высыпания, это действительно так, — осторожно подтвердил Каро. — Но все решится, когда Саша войдет в зенит, — добавил он

чуть погодя.

Шак сделал упор на ноги и Каро, ухватившись за его руки, перекинул себя через него.

— Готов? — находясь в сцепке мостиком, сомневался Шак.

— Готов ли ты? — парировал улыбкой Каро.

Шакирд вцепился крепче в его руки, и огромный человек-скала замер в вертикальном положении над Каро. Они стояли как стол, сохраняя хрупкий баланс. Хрупкий и щуплый, по сравнению с Шаком, Каро держал массивную тушу великана. И по его лицу было видно, что юный учитель наслаждался обрушившемся на него давлением. Шакирд резко повернул голову в сторону, заметив, как датчики на фонарных столбах и домах рядом, стали ярче светиться зеленым. Каро выдохнул и слегка подкинул Шака. Тот спустился на землю.

— Ты не можешь решать за нее, Шак, — Каро протянул к нему руки.

— А я не решаю, — немного со злостью ответил тот, крепко ухватившись за руки Каро.

Они толкали друг друга, упираясь в землю; проверяли степень готовности друг друга.

— Сила возросла, — Каро глядел на Шака, и видел, что происходит у него внутри. —

Ткани...

Каро не успел договорить, как Шакирд провел маневр и ухватил его в жесткий захват.

— В тканях модифицированный актомиозин, — извиваясь как змея, Каро вынырнул из объятий великана.

— Что ты там лепечешь? — злился Шакирд.

Он обрушился несколькими мощными ударами на Каро. Но тот лишь парировал их и ставил непробиваемый блок. Шак был вне себя от того, что самые мощные его удары не пробивают защиту щуплого пацаненка, возмнившего себя мастером боя.

— И агрессия. Бег накопил стресс-гормон, — улыбаясь своим открытиям, рассуждал Каро.

Шакирд продолжал обрушивать на танцующего вокруг него Каро свои удары.

— Сколько же в тебя влили, — внимание Каро привлекла камера, уставившаяся на них.

Он увернулся от удара Шака и, схватившись за его руку, оказался на его плечах и резко прыгнул вниз. Красный маячок на камере внезапно погас. Каро прогнулся под мощью навалившегося Шакирда.

— Включай голову, великан, — пытаясь совладать с железобетонным Шаком, выкрикнул Каро.

— Ты — тренер, — пыхтел Шак, — ты и работой головой.

Шакирд сдавил его изо всех сил. И тут Каро стало невыносимо больно. Он закрыл глаза, стиснул зубы и надавил пальцем на точку под подбородком. Шак взвыл, на секунду ослабив хватку. Каро этого было достаточно, чтобы ухватиться и перекинуть амбала через себя. Шак не ожидал такого поворота. Он лежал, ожидая, что Каро даст время ему встать. Но его учитель только приступил к истязанию. Каро подбежал к Шакирду, резко дернув, перевернул на живот и, ухватившись за горло, потянул его корпус назад. Позвонки захрустели на шее и пояснице. Шакирд сопротивлялся, но не делал попыток вырваться.

— Терпи, боец, пусть трещат, — увлеченно приговаривал Каро, продолжая сгибать корпус назад.

Пытка продолжалась еще минуты три. После чего Каро резко отпустил Шака и тот рухнул на землю лицом вниз.

— Вставай, дылда напичканная, — улыбаясь, дразнил Каро.

Шакирд тяжело вздохнул и, пошатываясь, поднялся на ноги.

— Мне тебя как следует поломать надо. Иначе твои активаторы продолжают заполнять твои мышцы.

Шакирд улыбнулся. Злость начинала улетучиваться. Ведь он даже ничего не сказал ему, а его учитель уже знает какой подход применять. Каро знал, что делал.

— Поприседаем!

Каро резким толчком вскочил на широкие плечи Шака. Тот едва удержался на ногах.

— Держись, — Каро специально наклонялся в стороны, — приседай.

Шак повиновался. Каро давил сверху, увеличивая силу. С каждым новым приседанием Шакирд чувствовал, что Каро становится тяжелее и казалось, что он не знает меры.

— Шпагат, — приговорил Каро.

Шакирд приготовился медленно развести ноги и аккуратно сесть на шпагат. Абсолютно красный и вспотевший, словно бы над ним шел дождь, Шакирд опускался вниз.

Каро в прыжке слез с плеч здоровяка, хлопывая его.

— Молодец! Идеально.

Каро уселся на шпагат напротив него.

— Наклоны и подъем корпуса.

Они одновременно начали делать наклоны вперед. Каро настаивал, чтобы Шак, как и он, параллельно склонился к земле. Великан пытался как паровоз, но справлялся. Они растягивались, ухватившись за руки и касаясь ногами друг друга. После Каро и Шакирд медленно поднимали тела, опершись на руки. Завершив это упражнение, Каро велел Шаку лечь на спину и поднимать вверх сначала ноги, потом ноги и корпус, а потом отжиматься вертикально на руках. Все это дублировал Каро. Он показывал измотанному великану, что в его требованиях нет ничего невозможного. И Шак повиновался. Ему нравилось, как Каро выжимает из него все соки. Активаторы выходили наружу вместе с потом и сжигались внутри мышц. Каро видел результат и гордился успехами Шака.

— Продолжим? — голос Шака был усталым и слегка надрывистым.

Каро замер на здоровяке. Его ноги были перекинута через его плечи для отжиманий в воздухе.

— Мы уже закончили, — на лице Каро появилась задумчивая улыбка.

Он ловко соскочил с Шакирда, обрадовав вконец измотавшегося гиганта. Тяжело дыша, Шак опустился на землю и прилег. На площади показались первые ласточки для групповых тренировок. Каро кивал в их сторону. Тяжелая тренировка вымотала и его.

— Приятно видеть, что и ты устал, — глядя на согнувшегося от усталости Каро, вздохнул Шак.

— А ты думал я — сверхчеловек? — Каро устало смотрел на разминающихся учеников.

— Признаться, есть такие мысли.

Шакирд смотрел на медленно проплывающие тучи, раскинув руки в стороны. Напряжение медленно уходило. Злости, обуревавшей его, как небывало.

— Я просто очень быстро восстанавливаюсь, — отрешенно добавил Каро.

Шак понял, что внимание его молодого учителя что-то привлекло. Посмотрев в сторону главной дороги, туда, где было больше всего людей, он увидел сутулую фигуру Сергея Комарова. Не успел Шакирд задать себе вопрос о смысле появления Комарова на площади, как Каро уже направлялся к нему. Величественная глыба тут же вскочила на ноги. Он прекрасно знал с какой злостью Сергей любил нападать на Каро.

— ... красавица и чудовище.

Подойдя, Шакирд услышал последние слова из уст Комарова. Сергей жил на зеленой стороне Деревни. Ему немногим более сорока лет.

— Комар жужжит, но не жалит, — демонстративно разминая толстые пальцы, произнес Шак.

Комаров стоял как ни в чем ни бывало. Его не пугал грозный вид амбала за спиной у Каро. Ведь в Деревне действовал строгий запрет на любые драки. Любому, кто оказывался так или иначе вовлечен в конфликт, светил ледяной карцер на нижнем уровне лаборатории. Комаров провел рукой по волосам зачесанным, по обычаю, назад. Они были настолько редкими, что его лысина с белыми пятнами беззастенчиво выглядывала наружу. Несмотря на множество подколов от деревенских, Комаров не желал бриться налысо.

— Вы своей утренней пробежкой разбудили половину Деревни, — с нескрываемым недовольством он глядел в глаза Шаку.

— Тебе что тусы во сне намочило, что ты вредный такой? — риторически интересовался Шак.

— Ты зачем пришел, Комар? — учтиво спросил Каро, не выражая и тени недовольства присутствием Сергея.

Комаров недовольно поморщился.

— Мила хотела тебя видеть. Просила зайти.

— Ей было плохо сегодня? — уточнил Каро, немного прищурившись.

— Достаточно того, что я на посылках.

Комар прожужжал себе что-то под нос и, фыркнув, развернулся в обратную сторону.

— Не понимаю, как ты сохраняешь спокойствие при этой швали.

— Слабых нужно жалеть, а не злиться.

Деревенские собирались в группы и некоторые уже приступили к разминке. До общих занятий оставалось меньше тридцати минут. Каро распрощался с Шакирдом. Людмила была его хорошей подругой, несмотря на то, что она была вдвое старше его. И, несмотря на свой крутой нрав, она сдружилась с Каро и изредка просила его о помощи. Шакирд проводил взглядом своего учителя-мучителя и, заведя в толпе Аню, поспешил к ней. Она направлялась в оранжерею, стоящую на противоположной стороне площади. Несмотря на то, что Анна была ближайшей подругой Надежды, с Шаком она общалась крайне редко. Это всегда происходило нечаянно и на общих собраниях, когда Таш собирал близкий круг. Каро однажды уличил их в том, что они избегают прямого столкновения друг с другом. Его проницательность была легендарной. Шакирд и Аня старались не пересекаться друг с другом в его присутствии. Его влияние было слишком довлеющим.

— Здравствуй, Ань, — огромная масса человека приблизилась к испугавшемуся зверьку.

— Ох, какой ты, — от неожиданности выдала Анна.

Вид взмокшего и измятого тренировками Шакирда действовал отталкивающе.

Ее темные волосы неровными прядями касались плеч. Аня не любила уделять им много внимания, стараясь быть менее заметной для охраны, подсматривающей за всеми. Лучше быть неряшливой, чем желанной для похотливых малообразованных самцов, говорила она Наде не раз. Она заправила волосы за правое ухо, которое было деформировано сильным ороговением побелевшей кожи.

— Ой, привет. Прости, я не ожидала почему-то тебя здесь увидеть, — она обернулась на группу людей, готовящихся к занятиям.

— Я попросил Каро позаниматься со мной из-за увеличенной дозы активаторов...

— Их нужно сжигать, — Анна старалась подавить волнение в голосе. — Надя рассказывала о твоей агрессии.

Сказав это, она немного поморщилась, посчитав, что ляпнула лишнее.

— Да уж, — потирая шею, выдал Шак. — Как ты справляешься?

— С ускорителями? — уточнила Аня, говоря еще тише.

Шакирд кивнул.

— Тяжко. Очень тяжело быть безразличной ко всему. И я не о притворстве говорю. Если тебя что-то бесит и хочется послать кого-то, или наоборот, когда хочешь обнять или просто улыбнуться, то нет ничего проще, чем притвориться что тебе этого не хочется. Но ведь внутри-то все работает иначе. Понимаешь? Это как твоя агрессия. Важно ее скрывать, но важнее ее не ощущать. А чтобы ее не ощущать, нужно быть аморфным. И если дать слабину, то зеленые светлячки на стенах тут же загораются.

— Тренировки с Каро помогают?

— Мы занимаемся не так как вы, — она сделала попытку улыбнуться. — Амбала я из себя не строю. Каро как универсальный ключ к нам всем. Если тебе надо выжечь активаторы, — он станет для тебя подушкой для битья.

— Или я для него, — уточнил Шак.

— Или ты. А меня надо замедлять. Порой я даже завидую дурманам или сонным. Им даже не надо уметь быть черепахами. Они и есть черепахи. А меня так и норовит заставить все вокруг двигаться быстрее.

Аня нерешительно подняла голову и посмотрела на Шакирда. Но быстро отвела взгляд в сторону. Ей хотелось продолжить разговор. Ведь с Шаком они практически не общались и сейчас был самый подходящий момент. Но Аня вдруг испугалась того, куда может завести разговор об их тренировках.

— Мне показалось или тут был Комар? — она посмотрела на разминающуюся группу из десяти человек.

— Правда, был, — Шак глубоко вздохнул. — Ты шла, кажется, в оранжерею?

— Да... — облегченно вспомнила она.

— Можно я пройду с тобой? Мне передали, что у тебя эхинацея поспела, — Шакирд смотрел на Аню.

— В последнее время ее постоянно спрашивают. Хорошо, что у меня много семян, надо будет высадить еще. Правда места нет уже, — Анна чуть не пустилась в рассуждения о насущных проблемах, но вовремя опомнилась.

Она украдкой взглянула на Шакирда. И они пошли вместе.

— В лаборатории явно к чему-то готовятся, — тревожно произнесла Аня.

— Почему ты так решила?

— Ты не один кто хочет нейтрализовать активаторы эхинацеей. Даже зеленые ко мне заходили и тоже за ней. Я думала Комар опять ко мне пришел.

— Он передал Каро, что его ждет Мила.

— Передал?! — удивилась Аня. — Вот это да. Комар на посылках. Его нужно было в бараний рог свернуть, чтобы он добровольно подошел к Каро.

— А он и не подходил. С расстояния общался. Стоял у столба. Мерзостный прыщ.

— Что от него еще ждать? — недовольно резюмировала Аня. — Когда-то был в авангарде соционики и с таким рвением отлавливал «отклонившихся в минус». Но вот вдруг сам отклонился. Стал носителем белого порока. Ты только представь себе, каково было его

падение?

— Так он и продолжает всех делить на тех, кто достоин жить в зеленой зоне и остальных...

— Отбросы мы, — усмехнулась Аня. — В его неисправимом понятии. Такие как он не меняются. Я даже уверена, что он нисколько не усомнился в правильности работы соционики. Он фанатик, который, попав под раздачу собственной системы, с гордостью принимает наказание. Такие как он готовы сжечь своих детей, если они вдруг окажутся больными «белой язвой». Служение великой машине соционики — их цель. Это их религия.

— Ты много о нем знаешь, — отметил Шак.

— Мне довелось встречаться, не с ним, но с теми, кто работал в многочисленных департаментах Института соционики. Кстати, говорят, Мила помнит, когда этот Институт еще сам был департаментом при Министерстве науки. Я сама не спрашивала, ты же знаешь Милу.

— Да, характер у нее прескверный. Но Каро как-то терпит.

— Он и Комара терпит. Всех терпит. Все терпит, — обреченно заметила Анна.

— Самое смешное, что даже с ярлыком «отклонившегося в минус» и попав сюда, этот прыщ не получил по заслугам.

— Таким как он, всегда везет, — мрачно произнесла Аня. — Иначе как назвать то, что он в зеленой зоне? Да и вообще твоя идея, что, попав сюда, он должен был получить по заслугам граничит с чем-то нехорошим.

— С чем же? — не понял великан.

— С тем, что Деревня — это ад, и мы все здесь несем наказание за свои проступки.

Шакирд не нашелся с ответом. Впрочем, Деревня и правда была для него адом. И спорить с Аней ему не хотелось.

Они дошли до оранжереи. Это было полукруглое здание с прозрачной крышей и частью стен. Оно занимало четверть окружности площади, и было самым большим общественным строением. Возле двери стояли несколько человек. Главного цветовода Деревни уже ждали. Анна достала ключи из кармана штанов. Она улыбнулась кислой улыбкой ожидавшим ее и открыла дверь. Несомненно, по популярности она могла соперничать с Каро и даже превосходила его благодаря травам, за которыми приходят все в Деревне. Оранжерею Анна возглавила чуть больше шести лет назад. Тогда Таш посодействовал в том, чтобы имеющийся цветник был расширен. Потом, как-то незаметно, к растениям прикипел и ее ухажер Максим. Что положительно отразилось и на его персоне. Неуместные шутки его с тех пор воспринимались с большим терпением.

На самом же деле никто из деревенских не знал, что в прошлой своей жизни Максим работал на химическом заводе «СевКорп». После его банкротства, ему пришлось искать новую работу. И, несмотря на свою высокую квалификацию, занять желаемую позицию ему не удалось. Прозябать на задворках не хотелось, и он решил распрощаться с работой на химических воротах рынка и начать торговать. Сначала удобрениями, потом и самими растениями. Кардинальная смена курса не помогла ему обрести себя. Даже наоборот, именно из-за нее он и оказался в спецрезервации. Когда он попал в Деревню, Каро почти сразу нашел для него хорошее занятие. В тот же год с новым жителем Деревни познакомилась Анна. Лишь Таш в курсе, что Каро свел их.

Анна была лаборантом в Красноярском федеральном химическом институте. Даже принимала участие в съемках телевизионного шоу для подростков на местном канале.

Казалось бы, идеальней союза не может быть. Но умысел Каро был в другом. Видя людей насквозь, молодой наставник понимал, что вскоре обмен веществ в организме Анны возрастет в несколько раз и перерождение моний приведет к возникновению побочного умения — способность ускорять биохимические процессы вокруг. Излучение Анны увеличивалось и разгонялось с каждым месяцем. Конечно же, этого нельзя было скрыть. Все деревенские были частыми гостями лаборатории. Но, с появлением Максима, у Каро появился шанс уберечь Анну от более глубоких испытаний на ней.

Макс обладал достаточным потенциалом, чтобы стать уникальным глушителем способностей Анны. Для этого Каро стал тренировать его и Анну. Их нужно было настроить друг для друга. Одно время эта троица была не разлей вода, так часто их видели вместе. Хотя Аня периодически заявляла, что Максим не в ее вкусе, но влечению противостоять всегда сложно. В тайне она всегда подозревала Каро в том, что в этом повинен он. Как бы то ни было, но Таш разрешил съехаться Ане и Максиму в один дом, в котором они и живут по сей день. Максим обладал неагрессивным поглощающим полем, которое притягивало энергию Ани, и он впитывал ее как губка. Вместе с ее диетой и медитациями вскоре она стала угасать. Конечно же, это было видимостью для лабораторных гениев. План Каро сработал идеально. В оранжерею рядом с ней часто находился Макс. Его присутствие всегда благотворно на нее влияло. А ее избыточная энергия позволяла растениям расти быстрее, и так, как хотелось Анне.

И за годы жизни на этой стороне изгороди многие прикипели к бурно растущему цветнику и пытали силы в садоводстве. Жители разводили множество растений и карликовых деревьев. И не было среди растений ни одного погибшего, во всяком случае от рук цветоводов-любителей. Но истинная причина некоторых селекционных успехов крылась отнюдь не в удачливости доморожденных садоводов.

Цветник стал оазисом зелени, в благодатной тени которого отдыхали многие. В оранжерею, благодаря легкому характеру Максима и его умению разговорить охрану, все удобрения и разрешенные химикаты доставлялись вовремя. Где-то помог и Каро, когда пробивал через Кроберг разрешение о новых сортах растений и химикатов для них.

За несколько лет кропотливой работы под присмотром камер наблюдений и датчиков, Анне с Максимом удалось изготовить химический раствор, способный медленно разъедать металл. Единственным минусом препарата было медленное и не долгое воздействие. Но Каро это не огорчало. Времени у них было достаточно. Ему понадобилось несколько месяцев для поиска подходящего места для саботажа. После, дело было за малым — ежедневно наносить раствор на изгородь, компенсируя кратковременность действия химиката.

Оранжерея быстро наполнилась легким гулом голосов утренних посетителей. Некоторые из них прошли к дальним рядам, где располагались столы для садовников с инвентарем, оставленным со вчерашнего дня. Анна прошла за главный стол и начала открывать многочисленные ящики с засушенными травами. Повсюду стояли пластмассовые банки с листьями, корнями. Оранжерея впустила холодный воздух с улицы и выдохнула терпкий аромат цветника. Расставляя банки на стол, Аня заметила тяжелый взгляд Шакирда. Хмурый великан смотрел на то, как в оранжерею заходят люди, как они направляются к своим местам, где они любили работать. Кто-то брал пластмассовые маленькие лопатки и прочие инструменты и отправлялся в самую дальнюю часть, где было больше всего трав и всевозможной растительности. В их глазах не было радости от нового дня. Он явственно

читал усталость и привычку. Шак вновь нагружал плечи тяжестью мыслей. Повернув голову к Аниному столу, он натолкнулся на ее пристальный взгляд.

Анна смотрела на него бескомпромиссно, без осуждения, но ругая. Она вздохнула и резко протянула небольшой сверток бумаги, сложенный конвертом. Шакирд не сразу понял для чего это.

— Эхинацея, — хмурясь напомнила Анна.

Шак вспомнил зачем пошел с ней в это зеленое болото цветущих страданий. Но причина его прогулки была в другом. Аня видела его мытарства. Но язык ее был словно приклеен к небу, и она не могла первой начать говорить.

— Ты взял уже? — с тухлым недовольством донеслось справа.

Рядом стояла Марина. Она была одной из тех, кого называли дурманами. Они часто подмешивали себе в напитки различные смеси из трав, обладающих хоть каким-то наркотическим действием. На вид ей было не меньше пятидесяти, хотя по утверждению Ани ей было не больше тридцати пяти. Во всяком случае, Марина сама об этом заявила в один из редких дней, когда вышла из многодневного забытья. Ее руки покрывали прирывистые тонкие белые полосы. Почти все они шли параллельно друг другу.

Шакирд отодвинулся. Марина была противна ему. Но он не осуждал таких как она. В этом месте время тянулось до тошнотворности медленно. И заняться здесь было не ахти как много чем.

Анна выдала женщине очередную порцию разнотравья. Она оставила попытки отговорить их употреблять пять лет назад. Тогда она еще надеялась на то, что когда-нибудь выйдет отсюда. Но жизнь упрямо твердила, что это ее последний ад на Земле. Отпустив Марину с миром, Аня коснулась руки уходящего Шака. Гигант замер, посмотрев тусклыми глазами на ту, у кого молча пытался выпросить совет.

— Я знаю зачем ты ко мне подошел, — она говорила шепотом, но жестко, постоянно поглядывая на тех, кто находится за спиной у Шакирда. — Ты ищешь оправдания своим поступкам. Но на самом деле их нет. Ты думаешь над тем как тебе быть? Хватит искать ответы и подсказки. Лучше Нади тебе никто не ответит на твой вопрос. Мы делаем одно и то же. И могу тебе сказать то, что и все — от тебя мы зависим ровно настолько, насколько все зависят от моих химикатов. И тот факт, что я с Надей общаюсь на несколько слов больше чем все остальные, не даст тебе преимуществ в разрешении твоей проблемы. У нас осталось меньше пяти дней, — Анна поправила волосы за правым ухом.

— А как же новенький? Не опасно ли? — противился Шак.

— Ты ищешь повод, чтобы все затормозить или повод отложить разговор с Надей? У нас меньше пяти дней до дня рождения Каро, — Аня делала вид что работает и готовит порошок для Шака. — Глупо надеяться на то, что когда придет время, все произойдет так как тебе нужно. Сейчас все напряжены. Не усугубляй наше положение еще и своими сомнениями. В этом тебе никто не поможет.

Аня протянула еще один конверт с травами. Шакирд понял, что разговор на этом закончен.

Глава 6. Цветник

Близился полдень. На площади заканчивалась тренировка Каро с деревенскими. Спокойные на эмоции зараженные, выстроились по десять человек. Шесть групп стояли перед своим учителем полукругом. На площади раздавался лишь его голос. Каро говорил много и часто, но не громко, уважая покой ночных первого и второго кругов. Их жителям был положен крепкий сон. И за нарушение тишины следовало жесткое наказание. Поэтому, даже любители препираться со старостой, всегда стороной обходили эти круги днем.

Анне была видна лишь часть большого сборища. Через прозрачную стену, она смотрела, как деревенские наклоняются, принимают разные позы и стойки, медитируют, слушая дурманный голос Каро. Главный цветовод не одобряла этого массового псевдоспортивного помешательства. Ее жизнь здесь поддерживало бесконечное копанье в земле и уход за своим зеленым замком. И пусть у этой крепости стены были прозрачными, но по прочности они не уступали камню. И все же, Анне тоже приходилось обращаться к Каро за помощью. Последний раз это произошло около восьми месяцев назад. Тогда у Анны произошел эмоциональный взрыв на фоне введенных в ее организм активаторов. Ее бирка — 1020.АННА.5.567.12 была синего цвета. Но несмотря на это, Анна представляла не меньший интерес для изучения, чем те, у кого бирка эта была красной. Ее развитие «белой язвы» было на самой последней стадии. При этом электрохимический потенциал постоянно стремился к нулю. Поэтому в ее кодировке после цифры 12 отсутствовал буквенный индекс.

— Душенька, мне бы для сна, — к столу, за которым хозяйничала Анна, подошла Вероника Сергеевна.

Она была старше всех в резервации. Некоторые злые языки называли ее за глаза полупризраком или бабушкой-соней с клюкой, за то, что старушка передвигалась крайне тихо и незаметно. На сильно помятом белом платье висела синяя бирка. Вероника Сергеевна была на десятой стадии. А индекс СА — гласил, что в ее организме в избытке содержится мегатриптофан — аминокислота, названная так в честь своего обычного двойника. Из-за нее организм постоянно погружен в абсолютную или частичную расслабленность. Чувство сонливости и желания погрузиться в небытие не отпускают. Однако наличие возбуждающего фермента АТ-грессора действует противоположно и не позволяет Веронике Сергеевне погружаться в сон. Если бы не АТ-грессоры, то бабушка-соня по праву могла бы занять место сказочной спящей красавицы. Обмен веществ в организме Вероники Сергеевны крайне замедлен, что сказывается на ее мышлении, движениях. Ее кожа слабо отражает дневной свет, делая ее чуть ли не прозрачной. Серую бабушку часто не замечают именно из-за этой особенности ее серой кожи, а не из-за того, что она редко выходит из дома. Даже широкие белые полосы бледнее обычного. Хотя здесь-то никакого секрета и не было. Ведь именно моники сделали старушку такой.

Анна набрала в маленький конверт мяты и липы.

— Очень их люблю, — тихо, едва слышимо, произнесла бабуля. — Люблю заваривать с «фейерверком», — хитро улыбнулась она.

Говорила она медленно. Эмоций в словах почти не было, слишком растянутыми были ее фразы.

Аня смотрела на замершую вдруг старушку. Взгляд Вероники Сергеевны был устремлен

в никуда. Сама она не шевелилась. Стояла на полусогнутых, опираясь на пластмассовую клюку.

Мимо нее проходили те, кто также или почти также как Анна, тяготели к растениям. Среди них Лера Вольчина — милovidная блондинка с длинными волосами. Наверное, самыми ухоженными в Деревне. Во всяком случае, она придерживалась именно такого мнения. Она направилась к шкафу с нехитрым инвентарем из неломающегося пластика и простой рабочей одеждой — нарукавников и длинного синего фартука.

— Припозднилась ты, — с ухмылкой произнесла Анна.

— Да, — безразлично отмахнулась Лера, наиграно сотрясая белесыми пальцами воздух.

Она быстро накинула на себя фартук, не забывая стрелять глазами по сторонам. Лера вертела головой так резко, что ее не в меру длинный, но узкий носик был похож на флюгер, с которым резвится непослушный ветер.

— На тренировке, что ли, была? — не унимала любопытства Анна.

Лера направилась к ней, чтобы та помогла завязать ей узел за спиной.

— Тьфу ты, — девушка испуганно замерла в сантиметре от пошевелившейся бабули.

— Скоро будет весна, — неожиданно изрекла Вероника Сергеевна.

Лера недовольно посмотрела на испугавшую ее старуху и, обогнув стол, стала спиной к Анне.

— Вам бы почаще выходить из дома, — четко произнесла Аня.

— И еще больше пугать девственниц? — расплываясь в сонной улыбке, бабуля глянула на Леру.

Та, недовольно фыркнув на старушку, демонстративно отвернула острый носик. Анна довольно хихикнула. Старушка была не промах. И даже ей, с ее рассеянным вниманием было понятно, что Лера ищет взглядом мужчину.

— А где же твой Колокольчик? — направляясь к выходу, не глядя на Аню, спросила Вероника Сергеевна.

— Будет после обеда, наверное, кто ж его привяжет? — поглядывая на Леру, ответила Анна.

Колокольчиком бабулька прозвала Максима за его звонко льющйся голос. Но, несмотря на доброе отношение к нему, Вероника Сергеевна пару раз треснула его своей белой палкой по ноге за то, что трезвонит без меры, да не к месту.

Анна провожала взглядом неторопливую старушку и чувствовала на затылке взгляд Леры. Девушка была недовольна тем, что Максима не будет еще так долго. Ведь вчера она спрашивала у Ани о нем, и та заверила, что Макс объявится строго к одиннадцати. Он был всегда непредсказуем. Особо ничем в Деревне не занимался. Впрочем, таких как он, было большинство. Но и из большинства он все же разительно выделялся.

Аня отвлеклась от созерцания чувственных мучений Леры и вернулась к работе. Ей было необходимо приготовить несколько смесей для обработки растений. Заготовки для этого она подготовила со вчерашнего вечера. Здешние вредители очень агрессивны и прожорливы. В прошлом году Аня очень долго боролась с листоедом, который поел половину всех растений в оранжерее. Для многих это было шоком. Жители в тайне боялись, что Кроберг запретит выращивать растения, придумав для этого какой-нибудь повод. Впрочем, профессорше вообще не нужно было искать для этого повод. Подобное могло произойти и по прихоти. Именно благодаря прихоти, на нее подействовали уговоры Каро и она разрешила перестроить технический склад в цветник. И в прошлом году любители

живого зеленого едва не лишились единственной радости из-за прожорливых насекомых. Смотреть на гибнущие карликовые деревья, цветы и травы было невыносимо. Но Анна была стойкой. Она искала рецепт для яда, который бы убил листоеда, приспособившегося к обычной отраве. И упорства ей было не занимать. Она ночевала в оранжерее. Даже обнимала растение, если оно было на грани гибели. Она не мыслила себя без этих зеленых чудес природы.

Закончив смешивать порошки химикатов, Анна направилась в глубь оранжереи. К любимой ее части, где росло несколько карликовых деревьев. В проходе между деревцами стоял лоток с бутылками. В них находились не только яды, но и необходимые удобрения. Приготовленные смеси Анна аккуратно высыпала в прозрачные двухлитровые бутылки с водой, после чего тщательно взболтала каждый из них. Комочков быть не должно. Как и лишнего внимания. Аня незаметно бросила взгляд на датчики, расположенные на балках над окнами. В оранжерее их было больше, чем где бы то ни было. В прошлом некоторыми жителями предпринимались попытки отравиться ядохимикатами. Однако они не учли того, что концентрация отравляющих веществ очень мала. Потому-то они слабо действовали на вредителей, поедавших растения. Да и монии, поглотившие организм хозяина, успешно перерабатывали поступивший яд. Не без последствий, но от ядов так никто и не умер. Несколько суицидальных попыток повлекли за собой суровые последствия. Промыванием желудков в лаборатории заниматься не любили. И Кробрерг подвергла всех жителей стресстестам, которые длились в течение месяца и законсервировала цветник на три. Отсутствие ухода в течение длительного времени чуть не погубило его. Это был очевидный и очень громкий окрик для всех: желаете жить спокойно — контролируйте тех, кто хочет отправиться на тот свет без разрешения.

Лера работала через два ряда от Анны. Она обрабатывала листья. Аня строго контролировала всех, кто приходил сюда, желая уберечь цветник от ненужного внимания охраны и Кробрерг. Запретить приходиться и работать она не могла, но, пользуясь авторитетом, всегда требовала бережного отношения к растениям.

Через прозрачную стену Аня наблюдала за тем, что происходит на площади. Тренировки уже закончились, но некоторые остались позаниматься без учителя. Любимым местом для самостоятельных занятий служил участок площади между главной лабораторией и оранжереей. Некоторые просто расстилали коврики у прозрачных стен и медитировали. В глубине души Аня радовалась, что в обед в оранжерее почти никого не бывает. Тренировки Каро выматывали и все преспокойно дожидались обеда, после чего отдыхали минимум до трех часов дня.

Сейчас в оранжерее находилось четверо и лишь двое ухаживали за растениями. Присутствие Леры не беспокоило. Она сейчас была занята самыми высокими деревьями и не мешала мыслям Ани.

Завершив все дела с ядами, Анна собиралась осмотреть деревья. Нужно было удостовериться в том, что новая формула ядов не причиняет им вреда. Промыв желтые перчатки от возможных остатков химикатов, Аня приступила к осмотру. Пожалуй, это было ее любимым занятием. Внимательное и чуткое созерцание любых изменений, которые претерпевали растения. Копошась среди деревьев, Аня увлекаясь часто спускалась к корням и рылась в почве у самых стволов. Ее дурманил запах влажной почвы. Ее глаза блестели каждый раз, когда она подносила горсть земли к лицу, чтобы внимательнее осмотреть. Аня подбирала сучки и веточки, свернувшиеся листочки и подолгу рассматривала их. Она

медленно поворачивала веточку и всматривалась в жилки на коре, находила изъёмы и ощупывала сучок пальцами. Для этого она всегда снимала перчатки и пальцами проводила по растениям. После обязательного благословения и благодарения их, Аня закапывал сучки и листочки в землю.

Анне нравилось подолгу сидеть у карликовой вишни, хотя она любила абсолютно все растения, а не только те, что росли под сенью прозрачного купола. Но именно вишня была единственной в своем роде. И росла она в самой глубине среди других деревьев. Немного неказиста, с узкой нераскидистой кроной. Места в оранжерее было мало и деревья не могли в полной мере раскинуть ветви крон. Особо свободолюбивые ветви Аня подвязывала и обрезала. Даже вишня, находящаяся на особом счету, не избежала этой участи.

— Приснилась бабочка, — Аня сидела на земле у серого ствола вишни. — Я с ней играла. Рук своих не видела, но чувствовала ее лапки на коже. Белая такая, красивая бабочка, — Анна описала пальцами в воздухе несколько кругов, изображая полет крылатого насекомого. — Хорошо, что здесь их нет. Они ведь только когда с крыльями красивые. А так, жрут листья и не даются. Мне хватило и прошлогоднего прожорливого гостя. Но мне понравились ее крылья. Белые, большие. Я даже видела на их кончиках тонкие хрупкие волоски. И думала о ветре. Все время о нем думаю. Даже во сне вслушивалась: дует он сам или от ветрогенераторов вокруг. Ненавижу, когда их включают. Земля дрожит, словно по ней стадо какое несется. Максим обещал помочь с посадкой семян возле домов. Каро сказал, что профессорша не стала возражать против моей идеи. По его словам, она даже не обратила на это внимание. Когда он рядом — никто ни на что не обращает внимание. Жалко его. Пошла... — Аня проводила взглядом Леру, идущую к лотку с бутылками и удобрениями. — Пихает удобрения сверх меры. Хоть не перебарщивает с лекарствами. Влюбленная дурочка. Макс даже не хотел на нее обращать внимание, а она страдает. Слюни разводит. У нее даже есть дерево, которое она называет Максиком. Но знаешь: я так бы хотела с тобой распрощаться. Сказать уже «прощай» и быть уверенной, что не увижу ни твоих веток, ни красной листвы. Пусть ты не цветешь, но ты для меня красивое. Но мне не жаль будет сказать тебе «прощай». Главное знаешь что? Главное — сказать «прощай», а не «до встречи». Сегодня опять заходила Соня. Что-то мне подсказывает, что она просто не дошла вчера до дома и решила вернуться. Бледный призрак, как и все мы. Как я хочу с тобой попрощаться. Может Кроберг со злости тогда прикажет все тут сжечь. Выпотрошить цветник. Они будут все тут обыскивать, вынюхивать и найдут... Они найдут то, что помогло нам. Сожгут тут все, изрубят. Но я не увижу этого. Сказать «прощай» — вот что главное. Как же я хочу со всеми вами распрощаться...

Анна смотрела сквозь листву деревьев, пытаясь вернуть ощущение реальности. Она вслушалась — возни Леры не было слышно. Наклонившись к земле, Аня решила разглядеть хотя бы ноги молодой влюбленной. Но ничего не увидела.

— Наверное, сидит у дверей, — вывод напросился сам. — Ждет не дождется того единственного, ради кого вообще приходит сюда. Единственное ее утешение. Но и мне надо выбираться отсюда. А то чувствую себя как дурманы. Они тоже любят сидеть подолгу на одном месте. Надо проверить семена на улице и новые раскидать. Может уже пробились несколько ростков. Было бы замечательно. Значит, весна уже не отступится, — Аня встала с земли, упираясь о ствол дерева. — Ну что же, молчаливый друг. До встречи. Пока еще «до встречи».

Анна взяла ящик с удобрениями, оставленный в проходе между посадками, и вышла к

своему столу. В оранжерее было пусто. Кто-то дремал в импровизированной беседке, на другом конце цветника. Ее когда-то соорудил Максим. Три лавочки из пластмассовых панелей на камнях. Вокруг воткнутые в землю двухметровые палки, которые он выкрасил в зеленый цвет. Анна позаботилась, чтобы вьюны бережно свили вокруг всего этого пластмассового буйства зеленое гнездо. Вместе с другими садоводами она пересадила несколько растений к беседке. И, через три года, та полностью обросла, став излюбленным местом для сонных размышлений, которые ни к чему не могли привести. Однако, даже безысходные мысли всегда растворялись в этом зеленом уголке. Не было человека, кто бы ни приходил сюда и не дремал в убаюкивающей тишине. Она отличалась от ночной или обеденной тишины, которая, словно невидимый кисель, заполняла все пространство между домами. Нерушимая, нежная зеленая тишь скрашивала однообразность мыслей и заполняла разум. Что-то отходило на второй план. И на какое-то время становилось легко. Пустота переставала давить. И бесконечная петля существования здесь казалась не такой уж бесконечной прямой.

Аня вышла на улицу. Прохлада все еще напоминала о том, что где-то в лесу лежит мертвое тело зимы. Анна поправила пояс на талии, к которому были прикреплены четыре пластиковые коробочки. В них находились семена растений, несколько видов порошка, на случай если кто-то обратиться к ней, и лопатка. Отойдя от оранжереи на несколько метров, Аня обернулась вполборота. Ей хотелось знать: пойдет ли за ней Лера. Но девушки и след простыл. Довольная ухмылка украсила лицо главного цветовода. Аня заправила волосы за уши и неспешно зашагала вдоль первого круга.

Она любила это время. Середина дня. И даже густая пелена облаков не могла помешать свету сочиться вниз, пробиваясь через пыльную дымку поступью теплеющих дней. Это давало повод кроткой радости, но Аня не показывала ее. Она не представляла себя в роли веселушки с распростертыми объятиями, приветствующей долгожданную весну. Здесь подобное проявление чувств под негласным запретом. Тихие страдания не должны тревожиться флюидами даже бледной радости.

Аня остановилась возле одного из домов. Внутри все спали. Она старалась быть очень тихой. Осторожно расстегнула пластмассовые застежки на боксах и сняла маленькую лопатку с крючка на поясе. Наклонившись к ступенькам у крыльца, она начала осматривать землю. В прошлом году она по всему первому кругу рассыпала семена подорожника-царька, выведенного селекционерами больше шестидесяти лет назад. Ей хотелось, чтобы его листья с желтоватыми кромками, напоминавшие коронки, лопухами раскинулись по всему кругу. Тогда его можно будет называть не первым, а зеленым. Сметая корочку льда и рыхля землю, Аня обнаружила мертвое, почти сгнившее, коричневое семечко. Оно больше походило на бесформенный комочек гнили, чем на семечко. Очищая его от грязи, Аня обнаружила, что оно было расколото надвое. Будто специально кто-то разрезал его пополам. Она держала в раскрытой ладони то, что когда-то было пухлым семечком, а сейчас лишь гнилой кусочек загубленной жизни — прерванная возможность на цветение. Не самое красивое растение — подорожник-царек. Но такое нужное в их забытой всеми жизни. Аня сделала углубление обратной стороной лопатки. Вернула на место сгнившее семечко. Его место быть в земле и стать частью круговорота, частью другой жизни. Достав из коробочки несколько семян, Аня посадила их рядом. Невольно ее мысли рванулись к Каро. Ее дыхание сдавлено вырвалось из груди, уступая место пустоте. Несколько глухих, но очень сильных ударов сердца. Анна

смотрела на свежие семена и на то, что сгнило давным-давно. Справившись с эмоциями, она бережно накрыла их землей. Аня взяла небольшой кусочек льда из-под лестницы и, разломав его на несколько крошек, обсыпала место упокоения семян. После чего прошла к следующему дому.

Анна огляделась. Все тихо. Голоса деревенских здесь не были слышны. Площадь перед лабораторией не была любимым местом прогулок. Занятий уже не было и можно было не переживать, что кто-то заметил ее вспыхнувшие эмоции. Аня остановилась у следующего дома. Разрыла рядом с угловой опорой, на которой стоял дом, ямку и насыпала в нее несколько семян. Открыв другую коробочку на поясе, она вытащила бумажный конвертик, из которого поверх насыпала белого порошка. Спрятав конверт в коробку, Аня засыпала ямку и направилась к следующему дому. Семена не проросли в большинстве мест. Там, где посадки не были тронуты, Аня делала новые и засыпала белый порошок. Медленная кропотливая работа, которая всегда отнимала много времени. Но спешить было некуда, и Аня медленно шла по улице, довольная тем, что ее работа скоро принесет плоды. Возле одного из домов на втором круге, она увидела крохотный белый росточек подорожника. Здесь она задержалась надолго. Аня рассматривала юный побег, не тревожа его и даже не прикасаясь. Такой хрупкий и нежный. Ему не были страшны недавние морозы и прощальный разгул зимы. Он все равно решил показаться раньше всех и заявить, что ему не страшно.

— И почему тебя не называют кротом? — за спиной раздался смешливый голос Максима.

Совсем недавно он состриг свои длинные локоны, оставив лишь пару миллиметров волос. От этого улыбка на его лице делала его похожим на самодовольного сорванца. Аня стояла на четвереньках у боковой опоры дома, наклонившись почти до земли. Ему даже показалось на миг, что его возлюбленная не услышала его, и он подошел ближе.

— Я победила эту землю, — довольная, она подняла голову и посмотрела на Макса.

Он не понял, о чем щебечет его благоверная.

— Стоит ему подрасти, и я возьму один из его побегов для селекции, и скоро Кроберг завопит при виде зеленого ковра на улицах, — не таясь проговорила она.

Максим наклонил голову и увидел в тени маленький, мало заметный, побег молодого растения.

— Поздравляю! Твоей упертости можно только позавидовать, — Макс протянул ей руку, предлагая подняться. — А он не рано проклюнулся? Погубят его морозы...

— Рано конечно, но я надеюсь, что хорошо провела отбор среди семян. И если он проклюнулся, то сумеет и выдержать.

— Такой маленький, но вселил в тебя надежду, — наигранно сурово проговорил Максим.

Но Аня сделала вид, что не заметила.

— Я надеюсь, что ты уже закончила?

— Смеешься? — Аня сурово взглянула на него. — Мне еще половина второй улицы. Если тебе нечем заняться, лучше пойдешь помозоль глаза Лере.

— Ты опять за свое? — Максим скорчил недовольное лицо.

Разговоры Ани о девушках, вешающихся на него, — единственное, что могло стереть с его лица улыбку.

— Тебе надо поддерживать репутацию, — поднимаясь на ноги, шепотом произнесла

Анна.

Она поцеловала его в щеку и провела рукой по левой стороне лица, уделяя внимание широким гладким полосам, спускающимся вниз. Аня не раз ловила себя на мысли, что такой гладкой кожи она еще ни у кого не ощущала. Но, что ее пугало, так это то, что ей нравилось ощущать ее на Максиме.

— Мне очень идут рога, — прищурилась она, ожидая недовольной реакции мужа.

— Это гадко.

Аня поправила ремень, оторвавшись, наконец, от его лица.

— Гадко в первый раз; или твой уровень тестостерона начал падать? — с обидой в голосе произнесла Анна.

— А может мне еще Мари пригласить? Вот будет замечательно втроем-то: я, Лера и Мария.

— Делай все, чтобы камеры были прикованы к твоим похождениям, — безразлично ответила Аня и пошла дальше.

Максим поднял взгляд к датчикам. Они едва светили тусклым зеленым светом. Соглядатаи и безразличные свидетели его походов.

— Ты скоро на пятой появишься? — Макс пошел следом за Аней.

— Через полчаса, может час. Если обнаружу еще стойких зеленых удальцов, то точно не раньше, чем через час, — отмахиваясь от Максима, ответила Анна.

Макс остановился. Он знал, чего ждет от него любимая. Но этого ему больше всего не хотелось делать. Максим собрался с мыслями и нагнал Аню.

— Что ты думаешь о головешке?

— О ком?

— Ну, этот... тот, что полностью обгорел.

Аня недовольно посмотрела на Максима. Ей не хотелось отрываться от работы.

— Ничего не думаю. Не с ним я живу, а с тобой.

— Если бы что-то изменилось, Каро сказал бы? — сомневался Макс.

— А ты думаешь, что нет?

— Я, когда шел к тебе, увидел его идущим к воротам. Он был очень озабочен.

— Видимо, Мила была не в духе.

— А причем тут она? — Максим присел возле крыльца дома.

— Она звала его сегодня. До обеда это было.

— Странно. Она редко его зовет.

— Но зовет же, — Аня хмуро посмотрела на Макса.

Максим кивнул. Мила, действительно, изредка, но обращалась к Каро с различными просьбами, а то и вовсе приглашала зайти поболтать. Порой она делала это для того, чтобы позлить Комарова, ее соседа по дому.

— Ладно, я пойду, посмотрю на новенького.

— Иди к Лере, — отстраненно выдала Аня.

— Может и зайду, — отмахнулся Макс.

Он быстро скрылся в переулке между домами. Ему не хотелось мозолить глаза своей возлюбленной, равно как и углубляться в тему походов налево. Аня была рада, что Макс ушел. Она любила делать обход своих зеленых владений в одиночестве. Тогда можно быть самой собой и не притворяться. Ведь даже ее постоянные напоминания Максиму о том, что необходимо встретиться с той или иной девушкой, вызывали неподдельную бурю

негодования у Макса. Он не мог поверить в то, что его возлюбленная, названная жена, так просто подкладывает под него любую мало-мальски симпатичную девушку.

Аня шла мимо домов. Она закончила долгий осмотр своих посадок в ночных кругах Деревни. Ей не хотелось покидать того сонного спокойствия, которое царит в ночных районах. Они спят, когда все остальные медленно варятся в пресной жиже. Но дела звали неотложностью, и Аня направилась по переулку на третью улицу. Народу здесь было больше. Но, все же, не так шумно, как на других кругах, удаленных от ночных. Жизнь неспешно бурлила. Ее пузыри в липком, густом деревенском вареве, медленно лопались в огромном казане. До слуха доносились детские крики. Аня смотрела, как по переулкам бегают ребятня. Их вообще в резервации было много. Анна вспоминала, с каким особым рвением адепты соционики инспектировали школы и детские сады. В такие моменты в их глазах сверкали особые искры — с красным отблеском. Аня вслушивалась в детские возгласы. Кто-то явно с кем-то ругался. Осматривая очередную посадку, главный цветовод с удовлетворением обнаружила, что много семян так и остались не тронутыми. Это обнадеживало. Незаметно она подсыпала белый порошок в новые ямки и закапывала их, рыхля вокруг землю.

Крики усилились. Словно базар птичьей стаи, дети щебетали перебивая друг друга. Аня нырнула в переулок, следуя на звонкое чириканье взбудораженной ребятни. Через два дома от нее, на четвертой улице, стояла толпа из десяти детишек от восьми до двенадцати лет. У некоторых из них в руках была разрисованная бумага. Яркие краски заметно играли в тусклом дневном свете. Ребятня наперебой кричала на двоих мужчин, стоявших перед ним. Того что был среднего роста и с просвечивающей лысиной через волосы, Аня узнала сразу — Комаров. Второй, повыше, но постройнее, с лысиной синеватого цвета был мало ей знаком. Однако то, что он принадлежит к серебрянникам, сомнений не было. Слишком очевидным был факт его яркой макушки головы. Подходя ближе, Анна услышала, о чем так яростно спорят дети с мужчинами.

Речь шла о рисунках. Аня заметила пару листов в руках синелысого. Он крепко и небрежно держал их в кулаке. Улыбаясь, он нарочно демонстрировал презрение к детям. Ребятишки требовали вернуть им рисунки. Комаров распалился не на шутку. Он на полном серьезе отчитывал бесноватых, по его мнению, детей, за то, что они с криками носятся по округе, играя в бессмысленные игры. Чем дольше длилась нелепая перепалка, тем больше внимания она привлекала. Детей становилось больше. Кто-то просто наблюдал, кто-то присоединялся к молодецкой братии. Деревенские взрослые же стояли на верандах и молча наблюдали за звонким представлением.

Внезапно из толпы послышался громкий юношеский голос. Ребятня тут же стихла. Это был Костя Черенов. Ему было около шестнадцати, среднего роста, обычного телосложения, с невероятно глубоко посаженными глазами. Из-за этого казалось, что он всегда смотрит на всех исподлобья, а тень, всегда скрывавшая зрачки, таит на всех злобу. Для детей он был големом, уродцем и с ним почти никто не водился. Однако, когда возникали серьезные споры, откуда ни возмись, появлялся Черный, так его звали ребята. Одетый в широкую футболку и штаны, он шагал босыми ногами по мерзлой земле. Ступни его, как и вся голень, были белыми и ороговевшими. Хотя издали всегда казалось, что обут он в белые ботинки, это было не так. Жесткая и толстая кожа позволяли ему легко переносить холод.

Услышав голос своего третейского судьи, дети ступшевались. Чью сторону он займет на этот раз, они не знали. И потому притихли, ожидая скорой развязки. Черный с легкостью

провоцировал других на конфликт, пробуждая в них самые разные эмоции.

— Ты что тут забыл, червяк недокормленный? — Комаров был вне себя от того, что перепалка с детьми неожиданно стихла не по его воле.

Черный уставил свои маленькие, тонущие в тени глазниц, зрачки на Комара.

— Что ты зыркаешь на меня?

— Другого повода не нашел с детьми хреном померяться? — со злостью в голосе, но не громко, говорил Черный.

— Закрой пасть, недоросль, — встрял синелысый. — Или попадет также как и этим.

— Что, отшлепаете меня также как вы друг друга вчера?

Дети начинали хихикать. Впрочем, все, до кого долетели слова Черного, не скрывая улыбок, начали вспоминать как в доме Комарова вчера раздавались многозначительные крики.

— Пасть прикрой! — закричал Комаров. — Ты ни черта не знаешь!

— Может я не знаю, молод еще. Но вы-то, поди, уже все смогли друг о друге узнать. И куда бить и как долбить.

Округа заливалась неподдельным смехом. И больше всего смешила реакция Комарова на то, как он ведется на слова неоперившегося подростка.

— А теперь самоутверждаетесь с детьми. Два извращенца. Вас что, возбуждает детский крик? После этого хлестать друг друга приятнее? Так заводит, что ли?

Синелысый выронил рисунки и ринулся с кулаками на Черного. Разрезав толпу детей, он схватил подростка за грудки и начал трясти его.

— Малолетка, твой язык можно ведь и вырвать!

— Ну, попробуй. А потом всем расскажешь, как живется у ночных...

— Максимум меня посадят в карцер, — тряс парня как куклу, шипел синелысый. — И тебя со мной, как соучастника драки. Вот там и согреемся.

Зрачки Черного дрожали от напряжения. Он был немного напуган, но старался не выпускать уверенности из рук. Синелысый схватил парня за горло одной рукой и поднес к его лицу кулак.

— Ну что, где твоя удаль молодецкая?

Закричали дети. Внезапно они обрушились с кулаками на синелысого. Они пинали его по ногам, девочки щипали, дергали его за одежду. Синелысый опешил. Черный вырвался из его цепких рук и ухитрился оттолкнуть обидчика так, что тот грохнулся на землю. Дети рассыпались в стороны.

— Маленькие ублюдки, — шипел Комаров. — Староста на вас управу найдет.

— А ты пойд и его отшлепай, может тогда он тебя выслушает, — язвил Черный.

Он увидел, что дети держат помятые листки, которые недавно были в руках у синеголового.

— Гаденьш, — синелысый встал на ноги и готов был ринуться на детей.

— Может хватит уже? — за спиной раздался голос Саты.

Комар с синеголовым обернулись.

— А что без подружки? — язвительно пылал Комаров.

— Так вот из-за чего это все, — хмыкнула Сата.

Она заметила стоящую позади толпы Аню.

— Он своими жалкими рисунками разлагает этих маленьких выродков, — возмущался Комар.

— И чем же, интересно? Обилием желтого цвета?

— Они никого не уважают. Носятся туда-сюда, снуют как тараканы, кричат, смеются безумолку...

— Это дети, Комар, уймись. Дети иногда шалят.

— Здесь никто не шалит. Здесь положено жить тихо. А твоя подружка-гермафродит устраивает здесь парк развлечений.

— Видимо ты не очень в курсе, что значит слово «гермафродит», — подала свой голос Анна.

Она подошла ближе к детям.

— Еще одна змея выползла, — прошипел прихлебатель Комарова.

— Заткнулся бы, синяя башка, — Аня была невозмутима.

Она поправила свой пояс и с ухмылкой посмотрела на того, кто попытался противиться ей.

— Ты, наверное, запутался сейчас. Так я разъясню ситуацию: порошок, снимающий боль в твоей тыкве, делаю я. Может ты не на того гавкаешь сейчас?

— Бабы, — Комаров видел, как синелысый сел в лужу. — Одна выдающаяся правит резервацией, другие с цветочками возятся. Даже из мужика бабу слепили.

— Дети, идите, поиграйте где-нибудь, — Сата посмотрела на ребят, ставших невольными зрителями спектакля, устроенного Комаровым.

— Ты так жалок, Комар, — рассуждала Сата. — Что даже на подмогу позвал к себе своего лысого массажиста. Если у тебя претензии к Каро, то иди и разбирайся с Каро. Причем тут дети? Это всего лишь игра. Они играют. Не всем же жить в болоте.

— Болото? — фыркнул Комаров. — Да, это чертово болото! И мы все с вами в нем бултыхаемся. Куски говна на поверхности: не тонем, но и не плывем. И я здесь, потому что я такой. Я нужен здесь. И я живу в тишине! И желаю жить в тишине. Да, я желаю быть здесь! И ни вам, и ни этим маленьким засранцам не позволено нарушать мой покой. Пусть ваша воспитательница держит свой детсад возле себя и проблем не будет.

— Я тебя поняла, — Сата помотала головой.

— Только вот ты сейчас в нашей, красной, зоне, увалень, — добавила Аня.

— Может, разойдемся уже? — процедил сквозь зубы синелысый.

Анна прошла мимо них и, взяв под ручку Сату, зашагала вдоль улицы. Комаров быстрым шагом направился в противоположную сторону. Синелысый за ним. Проходя мимо Черного, он проговорил что-то шепотом. Черный огляделся, надеясь, что хоть кто-то еще услышал слова синеголового. Но на улице почти никого не осталось. Лишь вдалеке он увидел стоявшего человека с полностью сгоревшим лицом. Его черные пальцы выглядывали из-под рубахи. К нему подошли Сата и Анна.

— Наш новенький, — приветствовала Кира Сата.

— Ты почему босой? — глядя на его черные ступни, выглядывающие из-под штанов, удивилась Аня.

Кир посмотрел вниз.

— Я не чувствую. Забыл обувь, — он хотел улыбнуться, но жалость к себе захлестнула его.

— На шум слетаются, как мотыльки на огонь, — Сата взяла его под руку, и они втроем зашагали медленно вдоль улицы.

Глава 7. Ночные

Кир проснулся далеко за полночь. Он поднял голову и огляделся. Зеленая темень стояла в комнате. Каро и Таш мирно спали. Стоило Киру сделать еще движение и тусклые зеленые полосы засветились ярче. На них появились ярко-зеленые точки, следившие за каждым движением очнувшегося новичка. Но Кир не обращал на это внимание. Ему еще не было знакомо ощущение сдавленного существования, когда со всех сторон на тебя смотрят десятки камер, измеряющих параметры твоего поведения. Он был взаперти, но не еще не ощущал себя в клетке на лабораторном столе. Он потер глаза и встал с кровати.

Киру казалось, что его покрывает толстый слой пыли, который мешает дышать. Ему хотелось на свежий воздух. Его тянуло наружу. Но перед этим он заскочил в ванную комнату. Стараясь не смотреть в зеркало, сразу встал под холодный душ. Кир даже не заметил этого. Нервные окончания все еще слабо ощущали изменения температуры. Кожа на спине стала заметно светлее и тверже. Хоть монии и обновляли клетки хозяина, оказывая таким образом регенерационный эффект, настоящим чудом для Кира стала сохраняющая капсула, в которую его поместили сразу после выхода из-под купола пепла. Гениальное изобретение, позволившее сократить смертность в несколько раз.

Но Киру не было это известно. Он не думал о том, благодаря чему и кому остался жив. Его тянуло на улицу. Закончив смывать с себя мнимую пыль, забивающую поры обожженной кожи, он быстро нацепил бледно синего цвета штаны и широкую футболку со своей биркой и вышел на улицу. На этот раз он был внимательнее и обулся в серые ботинки, оставленные у двери. Холодный воздух тут же накинулся на дерзнувшего храбреца. Но Кир и не думал дрожать от холода: он не чувствовал вонзающихся ледяных гвоздей сопротивляющейся зимы. Спустившись с крыльца, он пошел в сторону главной улицы.

Дома спали, как и их хозяева. Из окон лилось зеленое сияние. Киру чем-то даже нравилась эта зеленая тишина. В ночном мраке дома больше походили на заснувших чудищ, неслышно смотрящих сновидения. Ночь плотной завесой висела над Деревней. Но слух Кира уловил слабые нотки разговоров. Они доносились со стороны главной площади Деревни. Интерес тут же повысил свой градус и Кир шагал уже быстрее. Кто может не спать в такую темную ночь?

Стоило ему выйти на главную улицу и посмотреть в сторону площади, как власть ночи тут же померкла перед бодростью и живыми разговорами жителей, прогуливавшихся по улицам первого и второго кругов. Кир сразу же вспомнил о том, что ему говорили вчера. В Деревне два режима дня и сейчас был яркий день для тех, кто жил ночью. Сделав для себя это неожиданное открытие, Киру захотелось во что бы то ни стало побывать среди тех, кто ночью не спит, и поболтать с ними.

Фонари на домах освещали первую и вторую улицу холодным синеватым светом. Среди живущих ночью было очень мало детей, но даже редкие их голосочки звенящими колокольчиками прорезали глушь мрака. Кир медленно приближался ко второй улице. Кто-то неспешно пересекал главную дорогу, держась за руки. По усталой и шаркающей походке можно было догадаться, что это пожилая пара. В голове у Кира сразу пронеслась мысль: «Неужели они здесь так долго?». Но он отринул этот вопрос. Он был слишком тяжел, чтобы отвечать на него сейчас.

— Здравствуйте! — он произнес издали пара, переходившей главную улицу. Пара остановилась. Они не сразу заметили под фонарной мачтой на главной дороге черного человека.

— Простите, — Кир сделал несколько осторожных шагов, не желая пугать стариков.

— Ты, видимо, Кир? — спросил хриплым голосом мужчина.

— Иди сюда, не бойся, — женщина помахала рукой. Ее голос был немногим громче.

Кир улыбнулся. Старики явно были из видавших эту жизнь со множества сторон. Он решительно и быстро зашагал прямо к ним.

— Откуда вы знаете мое... имя? — немного замаявшись на последнем слове, спросил Кир. Подойдя совсем близко, он увидел, что эта пара была не так уж стара. На вид им было не больше сорока. Но их лица были сильно изрезаны непонятными морщинами. Длинные линии шли от уровня глаз и ушей вдоль шеи, по горлу и дальше под воротник.

— Ты-то сам нас не испугайся, — хихикнув, прокряхтел мужчина.

— Я — Эльза, а это — Павел, мы муж и жена, — представилась она.

— Гражданские, — тут же уточнил мужчина, расплывшись в ехидной улыбочке.

— А имя твое знают, наверное, все в Деревне, — Эльза вернулась к вопросу Кира. — К нам уже год никого не привозили. Так что, как только торжественная процессия провезла тебя по главной дороге, все уже знали, что у нас пополнение. А дальше дело за малым: болтливые санитары тут же разнесли весть о том, что ты — Кир с провалами в памяти.

— Мы пойдем, ты не против? — прохрипел Павел.

— Я не хотел помешать, — Кир вжался в себя.

— Нет! Что ты, — Эльза протянула руку к Киру, — Павел имеет в виду, что нам тяжело стоять, и мы бы продолжили ходьбу.

— Да, и нам очень интересно поболтать с первым новеньким за последний год, — Павел говорил надрывисто, его слова сложно было различить. Но, как мог, он попытался реабилитироваться.

Пара пошла прежним курсом. Кир стоял, не решаясь следовать за ними. Он посмотрел на медлительных Эльзу и Павла, как они держатся друг за друга. И заметил, что на них нет белых отметин-язв. Единственным человеком, у кого он не увидел отметины, была Сата. Любопытство придало ему ускорение. Несколько шагов и он поравнялся с ними.

— Прости моего благоверного. Видишь ли, ему очень сложно говорить и иногда он говорит не совсем то, что на уме.

— Вот оно что. Ничего страшного, я все понимаю, — Кир непроизвольно улыбнулся, но тут же убрал яркую ниточку с лица, дабы не показаться нетактичным.

Около минуты они шли молча. На пути им встречались другие ночные жители. Их взгляды сразу приковывались к Киру. Такое резкое повышение внимания к нему смущало его, и он старался ни на кого не смотреть.

— Смотри, старый, сколько внимания, — Эльза посмотрела на сжимающегося Кира.

— Контраст большой, — ерничал Павел.

— Ты действительно ничего не помнишь, дружок? — голос Эльзы был спокойным.

— Ничего, — Кир продолжал прятать глаза.

— Да прекрати ты залезать в панцирь, — улыбалась Эльза. — У тебя его нет. Ты всего лишь новенький, это не на много отличает тебя от них. Расправь плечи и шагай по улице, как будто она твоя, — Эльза попыталась приободрить молодого спутника.

— Вы правы, я как ребенок в гостях, — Кир усмехнулся.

— Это пройдет, — поддержал Павел. — Мы все здесь со странностями.

— Много зараженных?.. — перефразировал Кир.

— Много странностей, — настоял Павел.

— Например?

— Ну, например, я чувствую твой волнообразный пульс, — Эльза вдохнула глубоко морозный воздух. Зеленые полосы наблюдения неожиданно стали немного ярче. — А такой пульс говорит о том, что тебе начали восстанавливать память. Я чувствовала подобное и не раз.

— Вам тоже восстанавливали память?

— Нет, глупенький, — Эльза улыбнулась, — я чувствовала такой же пульс и не только от тебя.

Кир прищурившись, поглядел на Эльзу.

— Как понять «чувствовали»?

— Она может чувствовать пульс на расстоянии, — прокряхтел Павел.

— Ничего, скоро ты узнаешь и не только об этих странностях, — Эльза взяла Кира под руку. — Моя язва оказала влияние на мои органы чувств. Слава Богу, не на все. Но я чувствую колебание жидкостей, их течение, давление.

— Но как?! — поражался Кир. Он смотрел на Эльзу и не мог понять, то ли она шутит, то ли таким странным образом издевается над ним.

— Ох, прошу, перестань волноваться, — она прижалась на пару секунд к его боку и погладила по руке. Киру вдруг ощутил, насколько мягкой и рыхлой была кожа на ее пальцах.

— Все такое умеют?

— Нет. Болезнь влияет на каждого индивидуально и предсказать, что кто-то станет более чувствителен, скажем, к свету, невозможно, — Эльза посмотрела на мужа. — Как ноги?

Они остановились. Павел несколько раз поочередно согнул одну затем другую ногу.

— Расходились вроде, — заключил он.

— Тогда я не против присесть, — Эльза неуверенно направилась к ближайшей лавочке. Она опиралась на руку Кира, пытаясь совладать с непослушными ногами. Он осторожно посадил Эльзу и, оглянувшись назад, прикинул в уме, сколько они прошли. Павел медленными шажочками пошел в дом. Это было жилище их хороших знакомых и, конечно же, он непременно должен был совершить дружеский визит. Эльза с ухмылкой взглянула на благоверного.

— Зачем вы так много ходите, если у вас так болят ноги? — Кир был искренен.

— Ах, не жалею мои ноги, — Эльза проводила взглядом мужа до веранды и взглянула на Кира. — Если совсем не ходить, то препараты превратят мои ноги в камень. Поверь мне на слово, что возвращать им подвижность будут не массажем.

— Эльза, можно вас спросить?

— Мы друг другу интересны, я вижу. Но позволь мне предложить способ «ты — мне, я — тебе»? Сначала ты мне вопрос — я отвечаю, потом я тебе и ты отвечаешь, — на лице Эльзы сияла усталая улыбка. Ей так хотелось, чтобы Кир согласился, что ее глаза стали поблескивать в свете синих фонарей.

— Я не против. Но, боюсь, я ничего не помню из того, что может быть вам интересно, — Кир сел рядом с Эльзой.

— Не переживай. Болтушка Эльза найдет о чем спросить.

Кир кивнул.

— Ну и?

Кир не понял.

— Ты же хотел о чем-то спросить? Я думала с кратковременной памятью у тебя все в порядке, — улыбнулась она.

— Да, простите, — Кир немного помялся. — Почему вас называют «ночными»? Почему вы ведете ночной образ жизни?

— Два вопроса? — Эльза прищурилась на один глаз и слегка покачала головой. — Это все из-за удивительной способности нашей болезни изменять наши биоритмы. Обмен веществ перестраивается так, что нам легче бодрствовать когда на небе луна, — Эльза посмотрела вверх. Но темень проплывающих туч едва различимыми грязными мазками плыла по небу. — Ученые, изучающие нас, решили отселить всех, кто бродит по ночам, в отдельные районы. К счастью, ночных не так много оказалось, и домов пока хватает на всех. Во всяком случае, мы живем по двое, а не по трое.

Кир обдумывал ответ. Наверное, хорошо жить по двое: больше места между кроватями, проще ходить между ними.

— Моя очередь, — Эльза приободрилась. Она прижала ладонь к подбородку, обдумывая свой вопрос. — Чтобы у тебя такое спросить? Ведь твоя потеря памяти слишком сильно сужает круг возможного, — с досадой отметила она.

Мимо них проходили другие ночные. Когда они видели с кем сидит Эльза, то они замедляли шаг и пытались вслушаться в их разговор. Но вдруг, как будто чего-то испугавшись, они ускоряли шаг и удалялись по прежнему курсу.

— Вот, — Эльза, наконец, определилась, — почему тебе начали восстанавливать память? Это очень интересно. Насколько я знаю, к этому процессу прибегают лишь через три и даже шесть месяцев.

Кир посмотрел на Эльзу. Ее глубокие морщины, исполосовавшие все ее лицо, немного розовели на морозе.

— Я свидетель какого-то преступления или... его исполнитель, — усмехнулся Кир, — поэтому мне нужно срочно все вспомнить.

— Тебе нужно или кому-то?

Кир задумался. Но приготовился ответить.

— Не стоит, — Эльза остановила его. — Это был второй вопрос и для меня не самый интересный. Твоя очередь.

— Почему у вас с Павлом отсутствуют белые язвы?

— Они не отсутствуют, они просто в тех местах, которые обычно у людей сокрыты, — Эльза загадочно закатила глаза.

— Но у всех в Деревне они на руках. Вы только вторые, кого я встретил без подобных отметин, — сбавил напор Кир.

— Как это ловко: уточняющий нюанс и мне придется отвечать еще раз, — хихикнула она. — Ты наблюдателен. За эту черту награжу тебя правдивым ответом. Отметины есть у всех и чаще на руках и ногах. И у нас с мужем были. Но в лаборатории очень интересуются свойствами монии изменять цвет нашей кожи. Мы с Павлом — главные кролики, — Эльза отвела взгляд в сторону. Она посмотрела на зеленые полосы слежения. Они были, как и прежде, бледного цвета.

Кир хмурил брови. Он смотрел на прохожих, рассматривающих его. Но их взгляд уже не

тяготил, он уже не чувствовал его. И только он попытался задать вопрос, как Эльза опередила его.

— Нет-нет, — она широко улыбнулась, — любопытство полезно тренировать терпением. Сейчас моя очередь.

Кир отступил.

— Я слышала, тебя поселили в дом к Ташу и Каро. Знаешь, это достаточно странно. Таш — деревенский глава, а Каро вроде крестного мальчика профессорши Кроберг и ты. Как тебе эти два малых?

— Видимо это для вас странно выглядит, — Кир пожал плечами, — я же ничего не знаю и многого не понимаю. Могу сказать лишь одно, что Таш угрюм и неприветлив как все здешние санитары. А Каро... он очень добр и учтив. Он ведь спас меня в первый день, когда я очнулся от наркоза в доме.

— Серьезно?

— Да, я чуть было не бросился на ограждение, а он оттолкнул меня.

— В этом весь наш Каро, — Эльза улыбнулась каким-то внутренним мыслям.

— Вы, наверное, давно знакомы?

— О, да! — она на мгновение закрыла глаза. — Раньше... давно, мы были соседями и часто занимались духовной практикой. Когда меня сюда привезли и определили в дом на пятом круге, то первый, кого я встретила, — был Каро. Удивительный человек. Он знал, как меня зовут. Его тембр голоса, движения рук. Он удивительно спокоен. Но не это заставило мое трепещущее сердце проникнуться к нему. Видимо от Кроберг он узнал, что я — гуру, практик духовного воспитания, и он попросил взять его в ученики. Боже это было чудесно! Ведь там, в той жизни, у меня было несколько классов. И я готова была лезть на стену от того, что потеряла с ними связь. И тут он — Каро, с протянутой крепкой рукой.

— Каро необычный подросток, — Кир листал набор свежих воспоминаний, в которых был запечатлен Каро. — Ему сразу хочется довериться.

— На мой взгляд, Таш просто ревнует...

— В каком смысле?

— Ревность власти. Каро имеет авторитета куда больше, чем староста. И за помощью, прежде всего, хотят обратиться именно к Каро, а потом уже к Ташу.

— Мне показалось напротив, что Таш не властный. Он просто закрыт сильно. Никого не желает впускать, лишь Каро. В нем его надежда, мысли и... Он привязан к нему сильно.

— Ты все это заметил за один день?

— Видимо это моя черта — наблюдательность.

— Или дар.

— Судя по бирке, нет. Кстати, а где же ваши с Павлом бирки?

— Их у нас сняли... несколько дней назад, — голос Эльзы сник.

— Вам стало грустно?

— Немного, лишь немного. Но, поверь, я не стала от этого менее счастливой.

— А разве здесь можно быть счастливым? — рассуждал Кир. — На улицах столько угрюмых лиц. Даже дома здесь наводят тоску. Все здесь, такое ощущение, направлено на то, чтобы нагонять уныние и выветривать остатки тепла.

— Это всего лишь погода, мой друг, — Эльза материнским взглядом смотрела на него.

— Да, быть может, но каждый из вас знает кто и что он. А мне лишь досталось сухое: «ты очнулся, наконец; ты смертельно болен, ты в резервации».

— Тебя сильно терзают сомнения.

— Меня мучают мысли о том кто я? И что я тут лишний.

— Абсолютно не важно кто ты и зачем ты сюда попал, Кир. Не в том счастье, чтобы знать это, — Эльза смотрела в небо и глубоко вдыхала холодный воздух.

— Разве?

— Счастье в том, чтобы быть собой, — она улыбнулась и посмотрела на Кира. Ее глаза искрились под фонарем и, казалось, что они источают тончайшее сияние.

— Вы говорите так, потому что вы никогда не теряли память. Вы не можете понять, что сейчас творится внутри меня.

— Понять, что с тобой как раз-таки не очень сложно. Некоторые функции «белой язвы» достаточно хорошо изучены. Но на тот случай, если ты говоришь об ощущении мира, то и тут нет лабиринта. Хотя, именно в него ты себя загоняешь.

— У вас все так легко.

— В мире нет ничего легкого, — Эльза немножко вздрогнула. Холод немного ее беспокоил, — как нет в нем и ничего сложного. То, что мы чего-то не понимаем, не значит, что это что-то архисложное. Я тебе говорю о терпении. То, что дает тебе твое нынешнее состояние, — понять в каком положении сейчас находится мир вокруг тебя. Посмотри, оглянись и забудь о том, что ты потерял память и где-то тебя ждет иная жизнь.

— Если я скажу, что это сложно, то вы наверняка скажете: это не так, — усмехнулся Кир.

— Ты сам это уже сказал. Ведь если взглянуть с другой стороны на твое нынешнее состояние, то это можно расценить как шанс взглянуть на мир иначе, другими глазами. Ты не утратил рассудка и способен мыслить, чувствовать и оценивать. Так вот он мир, смотри на него. Смотри какой он с этой, нашей, стороны.

— Как говорят, ко мне скоро вернется память. И ваш мир столкнется с моим. И кто-то определенно пострадает.

— Ты рассуждаешь. Ты понимаешь, что будет дальше, а, значит, ты можешь оценить тот малый срок, что дан тебе на изучение этого... совершенно нового мира.

— Эльза, а Вам не горько быть здесь? — Кир не стал прятать свой вопрос за ширмами осторожности и учтивости. Ему нравилась прямота Эльзы, и он хотел ответить ей тем же.

— Грустно, что я оставила своих учеников. У нас были потрясающие занятия, — она смотрела куда-то в сторону. И глаза ее золотились от каждого слова. — Среди них было много молодых людей, которые так тянулись к новому. Это удивительные люди: поэты, строители, студенты... Мне грустно от того, что я потеряла с ними физическую связь и у меня нет возможности слышать их голоса.

— Они, наверное, пишут вам?

— Раньше писали. Сейчас, увы, нет никого, кто бы писал мне или Павлу. У многих здесь разное прошлое, но как только ты попадаешь в Деревню, у всех появляются общие черты будущего.

— Родные и близкие стараются отгородиться от больных родственников и любимых? Неужели так со всеми?

— С некоторыми — да, другие сами рубят канаты мостов, а дальше в лабиринт забвения. Потом приходит смирение, и ты уже безропотный, бесплотный нечеловек... перерожденный. Красивое слово. Но здесь у него другие краски и красоту их ценят лишь в лаборатории.

— Но разве не лучше быть здесь, чем быть угрозой там? Зачем прятаться от родных?

— Незачем, — Эльза отвела взгляд в сторону. Посмотрела на датчики. Они светились зеленым; она усмехнулась. — Ответь честно: вчера в Деревню приезжали посетители, они встречались с тобой?

— Да. Они приезжали допрашивать меня.

— Из ФСБ, видимо? — Кира насторожил этот вопрос. Он кивнул в ответ.

Эльза взяла Кира за руку. Шершавая и черная она будто пучок обгоревших веток.

— Не думай о ранах. Это все пройдет.

— Да, мне сообщили о том, что у меня есть все шансы стать альбиносом, — взгляд Кира уперся в землю. Она блестела инеем и сверкала синими искрами.

— Уникальная сила моний в том, что они заменят собой все твои поврежденные клетки, — Кир не обращал внимания на объяснения, они канули втуне. — И это хреново.

Кира словно вытащили из пучины. Он смотрел на Эльзу с широко раскрытыми глазами.

— С визуальной точки зрения, — добавила она снисходительным тоном. — Но, черт подери, в тебе или во мне не больше угрозы, чем от большого гриппом. И да, если нас и нужно изолировать, то где же мягкая мебель? Где уход и чуткое лечение? Почему вместо всего этого мы в клетке? — Эльза добивалась ответа от Кира. Она вопрошающе смотрела на него, вздернув вверх брови.

— Потому что это тюрьма... — Кир произнес, удивительный для самого себя, ответ.

— Тюрьма с лабораторией, из которой никто еще не выходил, — уточнила Эльза.

— Вот почему мне не следует доверять персоналу.

Эльза кивнула.

— Но почему никто мне сразу не сказал? Таш? Каро?! — Кир немного повысил голос.

— У Каро своя философия жизни в Деревне. Он строит из себя учителя и старается по мере возможности оградить новичков от страшной правды до поры до времени. Таш — это санитар среди деревенских. Хоть он и заражен также, как и все мы, но он на короткой ноге с администрацией и следит за дисциплиной. К тому же в Деревне существует строгое распоряжение о том, чтобы новичкам не смели говорить о происходящем. Все ради того, чтобы поначалу они шли на сотрудничество.

— И неужели никто никогда не проговаривался?

— А зачем? Что это изменит? Ничего, — усмехнулась Эльза. — Ну, скажут тебе о том, что раз у тебя обнаружили монии «белой язвы» в стадии перерождения, то ты теперь подопытный кролик. Что ты будешь делать? Из всех вариантов самым приемлемым остается один — жить дальше. А тех немногих, кто все же открывал рот, и говорил новичкам об их злосчастной участи, ждала жестокая расплата, — глаза Кира округлились. — Нет, их не убивали. Их просто вне очереди переводили на ночную смену и очень короткую жизнь.

— Что это значит?

Послышался громкий шорох колес по мерзлой земле. На улицу въехали сразу два электромобилia с четырьмя санитарами в каждом. Они остановились у дома, где сидела Эльза и Кир. Она улыбнулась им и медленно поднялась со скамьи, пытаясь удержать равновесие.

— Отвыкла так долго сидеть, — двое санитаров резво оказались возле нее и схватили ее за руки. Еще четверо санитаров вбежали в дом. Они ждали сопротивления, но Павел уже ждал их. Они вели его так быстро, что он не успевал передвигать слабыми ногами по земле. Кир не верил, что все это происходит у него на глазах. Санитары затолкали Эльзу и Павла в

разные машины и сели рядом. Электромобили стали разворачиваться.

— Мы все здесь смертники, Кир, — Эльза последний раз обернулась в его сторону, и машина резко дернулась с места.

Кир вскочил, и было побежал за ней, но зеленые полосы системы слежения вспыхнули ярким зеленым по обеим сторонам улицы. Зеленые маленькие зрачки невидимого стражника уставились на возмутителя спокойствия. Кир смотрел на них около минуты, давась гневом. Потом заставил себя сесть на лавочку. Через несколько секунд зеленые полосы начали медленно тускнеть. Кир схватился за голову. В ней вертелись вопросы: что делать, что происходит, как же быть, у кого спросить?

— Каро? — шепотом произнес он.

Он вскочил со своего места, но, напомним себе о датчиках, не стал бежать. Он обычным шагом зашагал в сторону дома. Он проходил мимо ночных жителей. Никто не обращал на него внимания. Было лишь слышно, как они взволновано говорят об Эльзе и Павле. Каждый раз, когда Кир слышал их имена, он готов был пришпорить себя и нестись что есть мочи к дому. Но он сдерживал порыв. Когда он вышел на главную улицу, ему стало легче. Он уже не слышал тревожных голосов бодрствующих.

За десять минут он быстрым шагом дошел до своего дома. Он глубоко вдыхал воздух и, вбежав в комнату, Кир хотел вцепиться в Каро, но вид спящего паренька остановил его. Как же быть?! Желание знать, что произошло, было так сильно. Кир приблизился к нему и осторожно потряс за руку.

Каро резко открыл глаза. Он был чуток к прикосновениям и мог мгновенно пробуждаться.

— Что тебе нужно? — предчувствуя неладное, шепотом спросил Каро.

— Эльза и Павел! Их куда-то увезли прямо у меня на глазах.

— Ты ходил к ночным?! — Кир приподнялся.

— Да, я... мне не спалось. А потом встретил их, мы разговорились.

— Черт, — Каро быстро складывал в уме два плюс два и лицо его мрачнело. — Ложись спать Кир. Забудь. Ложись спать, — слегка повысив голос, приказал Каро.

— Хватит орать, ложитесь спать, — пробурчал сквозь сон Таш.

— Что с ними будет? — не унимался Кир.

— Не твоего ума дела, — Каро терял самообладание, голос его стал надрывистым и дрожащим. — Иди спать. Я тебе ничего не собираюсь говорить.

Кир не мог понять: почему Каро так груб и куда девалась вся его доброта. Но он видел, что того что-то сильно встревожило. Очевидно, об этом нельзя было говорить. И Кир заставил себя сделать шаг в сторону кровати.

Каро перевернулся на спину, уставившись в потолок. Он тяжело дышал и вслушивался в малейший шорох. Раздался мелодичный звук. Небольшая панелька над изголовьем кровати окрасилась в бледно-зеленый, и из стены высунулся небольшой узкий экран. На нем яркими зелеными буквами было написано: «С днем рождения! 9.00.».

Кир обернулся. Он почти дошел до кровати и увидел, как Каро смотрит на экран оповещения, едва дыша. Глаза его застыли, застыло все вокруг него. Зеленый свет циферблата потускнел и в комнате стало невыносимо душно. Кир вздрогнул. Пересохшее горло требовало воды, но он боялся иди мимо кровати Каро и старосты. Новичок быстро забрался на кровать и накрылся одеялом с головой, опасаясь потревожить еще и старосту. Кир зажмурился — никого не вижу, никто не смотрит на меня. Но на него были уставлены

глаза старосты. Лютый, наполненный ненавистью до краев взгляд. Звук открывшегося экрана с извещением разбудил его почти мгновенно. Каждый в Деревне знал его. Кошмар, приходивший наяву. Он смотрел на свернувшегося под одеялом Кира, желая всем сердцем обернуться и посмотреть на друга. Но одинокая хрупкая слеза предательски набежала на глаза.

Каро лежал, не шевелился. Лишь изредка моргая, уставившись в зеленую надпись на узком экране «С днем рождения! 9.00», он думал о том, что ждет его утром.

III. Рождение К.А.Р.О. Глава 8. Спящий лес

III. Рождение К.А.Р.О.

Глава 8. Спящий лес

Каро хорошо помнил каждый подобный день. Для него год начинался и заканчивался 20 апреля. И чем ближе был этот день, тем больше волнения и трепета было в сердце. Хотя год от года эти чувства разжижались, а их место заполняла усталость. С каждым разом она становилась все тяжелей и невыносимей. Год. Всего лишь год ему давался на то, чтобы жить и ровно день, когда он умирал. Но в этот раз все идет не по плану. Сегодня 17 апреля и год закончится сегодня — на три дня раньше обычного. Но почему и с чем это связано? Каро стоял на крыльце. Из одежды лишь широкие штаны и футболка с длинным рукавом. На ногах ничего. Часы показывали половину пятого утра. Морозный воздух охлаждал легкие, но Каро радовался его свежести. Он знал, что за ним наблюдает Таш. Он тоже не сомкнул глаз всю ночь, после того, как пришло оповещение. Каро не оглядывался, хотя ему очень хотелось посмотреть на настоящее лицо Таша. Он так давно не видел его чистых эмоций. Он их слишком хорошо умел прятать. Но в этот миг на его лице читался ужас перед тем, что грядет; злость от того, что не в силах схватить Каро и не пустить. В глазах его была жалость и любовь, сетью опутывающие легкие и мешающие дышать. Все было подлинным и чистым, но не правильным. Каро не поворачивался. Он ощущал его эмоции и впитывал их с жадностью, боясь, что, повернется и увидит на Таше маску. Ведь он должен быть сильным, во что бы то ни стало. Таш неслышно открыл дверь и встал в проеме. Каро закрыл глаза, пытаясь услышать, как бьется его сердце. Датчики слежения тут же раскалились до ярко-зеленого цвета. Сердце Таша билось очень часто, готовое вырваться из сдерживающих цепей. И пусть это будет мучительно больно, но нужно вырваться, нужно сказать очень важному человеку самое важное и нужное.

— Что я могу для тебя сделать? — Таш произнес это тихо и надрывисто.

Каро открыл глаза. Датчики побледнели.

— Не дай мне забыть, — Каро смотрел вверх, на тучи.

Серые громады. Их рыхлые щупальца цеплялись за ветки высоких тополей, пытаясь остановиться. Но слабый ветер отгонял их от деревьев.

— Я буду ждать, — Таш сделал шаг вперед.

— А я постараюсь вернуться...

Они не сказали друг другу больше ни слова. Каро спустился с крыльца. Часы показывали без четверти пять. Через пару шагов он резко обернулся, чтобы застать лицо Таша без маски. Староста стоял на крыльце, пальцами вцепившись в перила. От неожиданности он замер. Они смотрели друг на друга: на лице Каро засветилась улыбка. Он был счастлив от того, что сумел поймать миг, когда Таш смотрит на него не прячась. В этом черном пробуждающемся утре, седовласая фигура друга была маяком, возвышающимся над пропастью. Каро спиной отходил от дома. Он медленно перебирал ногами, продолжая смотреть на Таша. Тень маски медленно сползала на лицо старосты. Каро отвернулся. Ему не хотелось сегодня ее видеть. Он вдохнул воздух и пошел к главным воротам Деревни.

На страже у ворот стоял охранник. Новенький, — сразу понял Каро, так как тот поначалу испугался приближающегося лысого паренька с матово белой кожей. Он выбежал

ему наперерез, держа руку на поясе с дубинкой.

— Стой! — приказал он.

Каро подчинился. Он остановился в трех метрах от охранника и посмотрел на него, добродушно улыбаясь.

— Вы новенький? — немного прищурившись, Каро разглядел на форме охранника имя: Александр Троицкий.

— Вам... тебе сюда нельзя, — голос охранника дрогнул.

— Меня зовут Каро, — представился он. — И вам должны были оставить инструкции на мой счет.

И тут в голове охранника зажегся свет. Несколько дней назад им давали инструкции о том, что в Деревне есть некий Каро, которому предстоит прогулка. Начальник охраны напоминал всем и особенно двум новоприбывшим охранникам о том, что ему не должно оказываться никакого сопротивления и необходимо открыть ворота в красную зону, как только Каро подойдет к ним.

— Да! — замешкался охранник. — Извините, — он помчался в сторожку к панели управления.

Каро улыбнулся, посмотрел на сторожку. Все новенькие поначалу такие обычные и вежливые. Этот даже извинился. Охранник не решился больше выйти из здания и из окна наблюдал как перед Каро медленно открываются ворота. Часы свободы, мгновения радости для него наступали сейчас. Когда механизмы с тихим гулом раздвигали ворота и перед глазами возникал высокий черный лес. Его делила надвое засыпанная снегом дорога. Каро посмотрел на охранника за окном сторожки и показал ему четыре пальца. Привратник не понял и, немного помявшись, вышел на улицу.

— Четыре часа, — расшифровал Каро свое послание, — на прогулку.

— Да, — охранник стоял у двери, не решаясь подойти ближе.

— И не забудьте закрыть ворота за мной, — Каро вышел за ворота. Охранник побежал к панели управления и нажал на кнопку «Закреть».

Гул ворот, глухой стук стержней затвора; Каро остался наедине с миром за оградой. Он вздохнул и пошел прямо по дороге, через десять метров свернул в лес. Каро не спешил, он собирался превратить эти четыре часа в обычные шесть, что давались ему всегда. Странный день, думал он. Но данность он не желал оспаривать. Ведь у него есть всего четыре часа — мучительно короткие четыре часа для прогулки. Без давления зеленых датчиков слежения, спрятанных повсюду, без напряженных бесед соседей на улице. Здесь, среди высоких тополей, не было слышно ничего. Только ветер, раскачивающий голые ветви могучих исполинов. Каро подошел к самому высокому тополю. Его голая ветвистая крона медленно покачивалась, издавая глухой скрежет. Еще слишком холодно и по обыкновению тополь не источал свой неповторимый аромат — запах приближающейся весны. Зима никак не желала отступить. Лежащий местами снег лишней раз показывал, что до весны еще очень далеко.

Нет ничего отвратительнее снега. Каро не любил его всем сердцем. Холодный, бескомпромиссный. Снотворное для всего живого. В свой первый день свободы, 15 лет назад, когда Кроберг специальным приказом разрешила Каро совершить шестичасовую прогулку в красной зоне, он радовался подобно ребенку, никогда не видевшему пробуждающийся лес. Совсем юный, он бегал среди деревьев, хватаясь за ветки и вдыхая прохладный и свежий воздух ранней весны. Его дурманил запах разогревающейся земли. Каро подолгу стоял и зарывшись ступнями в землю, чтобы чувствовать ее. Он смотрел на

набухающие почки на ветках и как они медленно раскрываются жаркому солнцу. Шесть часов было у него, чтобы на долгий год запомнить этот миг, когда лес пробуждается. Когда аромат весны струится с потоком ветра и цепляется за волосы. И каждый год он наблюдал за тем, как пробуждаются деревья, и земля становится рыхлой. И каждый раз он замечал, что зимний сон становится длиннее. Стужа год от года была наглее и напористее, а снега обильнее. И сегодня не было весны. Лишь холодный ветер и голые ветви деревьев, по-прежнему дремлющих. Откуда им знать, что где-то уже весна и жаркое солнце дарит свое тепло. Лишь ленивые тяжелые тучи. С каждым часом они спускались все ниже и вот-вот норовят обрушиться на лес тяжелый ливень. Капли, как прозрачное железо, будут шумно бить по крышам и земле. В голове у Каро пронеслась мысль о том, что может у дождя получится пробудить деревья. Ведь он смывает остатки снега. Главное — чтобы не ударил мороз, иначе лес еще надолго останется мертвым. Вода станет щитом — надежным саркофагом, прячущим деревья от весны. Эта мысль заставила съежиться сердце.

Каро шел дальше по лесу. От дерева к дереву, дотрагиваясь до каждого ствола. Где-то застрекотала птица. Неожиданно. Она словно звала. Шорох крыльев и покачивающиеся ветви. Каро пошел на пение пернатой. Вдали, между деревьев, он увидел серую копошащуюся точку на ветке. Взмахнув крыльями, она слетела на землю, пропав из виду. Каро аккуратно ставил ноги, чтобы не издавать сильного шума. Что же она делает? Немного приблизившись, он увидел, как эта птичка взлетела вновь на дерево, неся что-то в клюве. Это, наверное, ветки. Возможно, она готовит себе гнездо. Птица зашагала по ветке до ствола и стала укладывать веточки в небольшое дупло. Каро улыбнулся. Он сел на землю, рядом с деревом. И принялся слушать. Он закрыл глаза. Нужно было погрузиться в тишину леса, чтобы услышать его.

Через полчаса медитации до слуха стали доноситься щебет и стук. Он слышал, как кто-то пробегает мимо деревьев, останавливается и аккуратно крадется. Ветер опутывал сухие ветви деревьев, завывая на поворотах. Совсем далеко послышались несколько голосов птиц. Разные по звонкости. Целое семейство. Лес жил, несмотря на сковывающий холод. Каро открыл глаза. В паре метрах от него, у старого тополиного пня, сутился заяц. Его шубка была уже не белой, но еще и не совсем серой. Он медленно обходил пень, обнюхивая его и землю. Потом вдруг замер и посмотрел в сторону Каро. Ушами он пытался уловить малейший звук. Усатый нос подергивался, вдыхая воздух. Каро сидел недвижим. Через минуту-другую заяц продолжил обследование территории. Он уходил в сторону и вскоре скрылся между деревьями, хотя приглушенный звук его лапок еще можно было уловить. Каро встал. Отряхнулся и зашагал дальше.

Он рылся в земле, завидев в ней что-то интересное. Собирал необычной формы ветки и камни. Здоровался и разговаривал с деревьями. Среди них у него были любимчики, которых он непременно посещал каждый год, обсуждая с ними события ушедших дней. Он внимательно осматривал их, залезал, сидел на толстых ветвях и ловил носом свежий ветер. После чего спрыгивал и у самых корней откапывал оставленный в прошлом году клад. Иногда он ничего не находил. Но иногда валуны, ветки и камни, и прочие лесные драгоценности были нетронутыми. Тогда он с интересом рассматривал их. Как они изменились и вновь закапывал. А после обнимал дерево, благодарил его за то, что оно уберегло его клад, и шел дальше.

Каро бегал между деревьев за животными, изредка попадавшимися ему. Он часто устраивал спринт и иногда даже выигрывал. После чего радовался, поднимая руки к небу и

выкрикивая, что он самый быстрый лесной бегун. Он валился от усталости на землю, зарывал руки и ноги в прошлогодние листья и смотрел на небо. Казалось, что ветви тополей — это проводники, касающиеся туч. Стало совсем светло. Лес наполнялся криками, стрекотанием и шорохами животных и птиц. Но этот шум слышал только Каро. Он присоединился к всеобщему ликованию нового утра. Громко болтал сам с собой. Потом, вдруг, срывался с места и бежал неведомо куда. Холодный ветер хлестал его по лицу. А Каро останавливался лишь тогда, когда у него заканчивались силы. От усталости он хватался за ствол дерева и сползал вниз, устраивая себе перерыв. На ветку тополя, под которым он отдыхал, сел ворон и, громко каркнув, слетел на землю рядом с Каро.

— Почему ты меня не боишься? — он протянул руку к птице.

Но черный пернатый не думал отпрыгивать. Он уверенно шел к вытянутой руке, осматривая ее то одним глазом, то другим. Когда ворон подошел совсем близко Каро уже не мог сдерживать удивленную улыбку. Ворон взмахнул крыльями, громко каркнул, подлетел и сел на руку. Каро медленно поднес другую руку и слегка погладил ворона по крылу. Тот громко каркнул. Птица еще с полминуты посидела на руке, после чего стремительно взмыла вверх. Каро вскочил и побежал за ней. Но ворон вскоре скрылся из виду. Каро был вне себя от счастья. Он смеялся и кричал вслед ворону. Отдышавшись немного, он посмотрел туда, где кончается лес. Туда полетел ворон. Постояв немного, он пошел в обратном направлении. Время неумолимо шло вперед. Скоро девять часов. И Каро не хотел нарушать давний уговор с профессором Кроберг. Ровно в 9.00 он должен был быть в лаборатории.

По дороге назад ему еще несколько раз встречались зайцы, лисицы. Все они бежали в противоположную сторону. И каждый из них, пробегая мимо Каро, останавливался, обнюхивал воздух вокруг него и вновь рвался наутек. Вдали показалась дорога. Каро не любил ходить по ней, поэтому шел параллельно. И вышел из леса к самим воротам. Они с тихим гулом отворились. Каро вошел. Охранников уже было трое, среди них тот самый, новенький Александр Троицкий. Он с интересом смотрел на Каро из-за плеч старших коллег. Каро сделал легкий поклон головой в знак приветствия. Ворота захлопнулись. Каро шел по главной дороге к лаборатории. Она, как крепость, особняком стояла впереди, за девятью кольцами домов. Он шел мимо улиц, на которых пробуждался обычный день. Кто-то уже вышел на утреннюю прогулку. Кто-то делал зарядку. Занималась жизнь. Каро слегка поворачивал голову и смотрел на тех, кто оказался среди его прощальных свидетелей. Среди них он увидел Мари. Она шла куда-то и не заметила его. Ему так хотелось увидеть кого-нибудь из детей! Сегодня он должен был дать им очередные указания по поиску тайного знака. Ребята были уже так близки к разгадке. Но никого из детей не было на улице. Они все еще спали в теплых постелях. Каро посмотрел на другую сторону улицы. Возле одно из домов, немного вдалеке, стояла Сата. Они пересеклись взглядами и Каро прочитал на ее лице страх. Но не за себя она боялась. Каро кивнул ей и попрощался. Он приближался к лаборатории. Первая и вторая улицы спали. Никто не тревожил их. Каро посмотрел на вторую улицу. В той стороне находился дом Эльзы и Павла. Но их так и не привезли обратно. Каро вздохнул, заслышав звук отпирающихся дверей. Широкая дверь в огромных воротах лаборатории открылась. Яркий свет бил изнутри. Каро нахмурился, он глубоко вдыхал воздух, думая об увезенных этой ночью друзьях. Он уверенно шел вперед, сжимая кулаки. Свет стал меркнуть. Каро подошел к двери, раскрыл ладони и, сделав безразличное лицо, шагнул за порог. Дверь с грохотом захлопнулась.

Глава 9. Крестная мать

Глава 9. Крестная мать

— Объект в здании, только что зашел в приемный бункер, — передал санитар по рации. Он рукой указал Каро путь следования. Однако тот и без него знал, куда ему следует идти. В приемном бункере было необычно мрачно. Как правило, здесь включены все прожекторы и светло, как днем.

— Еще раз назовешь его объектом, идиот, — по рации раздался скрипучий голос Кроберг, — будешь всю жизнь медбратом работать в районной больнице. Его зовут Каро!

Впрочем, слова профессорши не могли тронуть Каро. Он даже не обернулся и не взглянул на реакцию санитаря. Он проследовал к входу в здание лаборатории. Каро знал куда идти. Коридор встретил его сухим воздухом. Издали доносились торопливо брошенные фразы. Это суетился младший персонал. За первым поворотом направо, показались снующие лаборанты. Кто-то перетаскивал небольшие ящики, кто-то вез целую тележку со звенящими склянками. Много было в руках разных папок с бумагами, от которых некоторые ученые не желали отказываться. Среди множества голосов Каро узнал один. Это была Марина — помощница Кроберг. Самой ее не было видно. Однако голос выдавал волнение и страх. Хотя для лаборантов, на которых она сейчас кричала, он действовал совершенно по-другому.

Как только Каро приблизился к очередной развилке, снующие лаборанты на мгновение замерли в испуге. Все, кто был в коридоре, увидели Каро. Он слегка улыбнулся, но поспешил скрыться с глаз и не вызывать еще большей оторопи. Он свернул налево, и у самой двери в первый холл стояла Марина. Она разговаривала с кем-то по внутренней связи. Закончив разговор, обернулась.

— Каро! — воскликнула она и побежала к нему. Она обняла его при всех, вызвав волну оглядок и немых вопросов. — Прости-прости-прости, я должна была тебя встретить в приемном бункере. Но эти балбесы напрочь не могут работать в авральном режиме. Пойдем!

Марина развернулась и направилась к двери. Ловко пробежав тонкими пальчиками по панели с кнопками, ассистентка ввела код. После этого, свой код ввел Каро. И тут же система по громкоговорителю объявила: «Каро в лаборатории». Это было специальное сообщение для Кроберг. Она сама попросила техперсонал сделать его, чтобы всегда знать, когда ее Каро будет в лаборатории.

— Почему профессор перенесла день рождения? — спросил Каро.

— Ах, кто бы знал, — Марина всплеснула руками, они прошли мимо кабинета профессора и направились по коридору во внутренние лаборатории. — Она звонит мне сегодня утром и сообщает, что день рождения уже сегодня. Нет, ну ты представь себе, что тут началось! Мы готовимся с ночи, и все равно ничего не успеваем. А ведь еще тебя надо подготовить. Надеюсь ты ничего не ел. Ой, ну да, конечно, для тебя ведь это тоже сюрприз. Но мне очень хочется все успеть.

— Я вечерами не ем, не беспокойтесь. И давно научился готовить себя сам.

— Не говори профессору, что донимала тебя. Все так навалилось. Лавина просто.

— Не волнуйтесь, Марина. Все будет...

— Марина Владиславовна! — на встречу к ним быстрым шагом шел сотрудник лаборатории. Он был одет в защитный костюм, только без шлема. — Пробы по мониям,

извлеченным ночью, дали положительный результат.

По спине у Каро прошелся холодок.

— Замечательная новость. Я опасалась, что нам не хватит материала для профессора. Она будет рада, — Марина подписала бумаги и отпустила лаборанта. Он, довольный собой, еще быстрее убежал вперед.

— Она хочет видеть тебя, — продолжила Марина. — Она такая сентиментальная в последнее время. Наверное, предчувствует большой прорыв.

Каро немного понурил голову. Он старался не слушать Марину. Она никогда не могла соблюсти меру между подхалимажем и добродушием. Но сейчас Каро хотелось думать, что она просто заработалась и поэтому без умолку тараторила невесть что. Они свернули направо, и через пару метров Марина открыла дверь в лабораторию. Там их уже ждала Кроберг. Ее одевали три санитары. Они облачали ее в костюм сверхзащиты, который имитирует настоящую кожу. Он плотно прилегает к телу, что дает больше возможностей для маневров, не сковывая движения. Елена выставила одну руку в сторону, а другой поддерживала копну рыжих волос, чтобы они не мешались.

Увидев, что в дверях стоят Марина и Каро, Кроберг отослала санитаров.

— Шлем я сама надену, свободны, — Кроберг улыбнулась Каро. Она раскинула руки и направилась с объятиями к нему. Он подошел к ней; они обнялись. Кроберг посмотрела на Марину и взглядом приказала ей удалиться.

— Прости меня, мой дорогой, — сказала она без наигранности, — прости, что перенесла твой день рождения на три дня. Из-за этого ты на два часа меньше гулял в лесу. Прости меня, родной, — она вжалась в него.

Каро чувствовал, что она как-то по-другому его обнимает. И голос ее стал добродушнее обычного. Он обнимал ее и пытался понять, что с ней не так.

— Проходи, — она отошла от него, — присаживайся. Я знала, что ты, как всегда, вовремя придешь и, как обычно, не волновалась, — она стояла в двух шагах от него и улыбалась, словно мать, увидевшая сына после долгой разлуки.

Каро прошел и сел на самое удобное место — диван, между двумя книжными шкафами.

— Тебе не терпится, я знаю, — Кроберг опомнилась и подбежала к длинному столу со стеклянной столешницей. В защитном костюме, она была похожа на балеруна на сцене, без пуантов. Среди множества разложенных папок, она выбрала синюю и, порывшись немного в ней, достала какую-то диаграмму. Она была распечатана на длинной бумаге, сложенной в несколько раз. — Вот погляди, — она вручила ему длинную «портянку». Глаза ее сияли. Казалось, что от радостного волнения она сейчас запрыгает.

Каро раскрыл сложенный лист и стал всматриваться. Это диаграмма перерождения моний в разных средах. Кроберг регулярно показывала их ему, когда они размышляли у нее в кабинете об испытаниях. Она любила делиться с ним умозаключениями и всегда рассказывала об испытаниях. Каро смотрел на график и поражался. Несмотря на то, что он был почти похож на все предыдущие (Каро помнил параметры почти всех своих испытаний) он все же разительно отличался по некоторым существенным признакам. Судя по диаграмме, ученые в лаборатории вывели монии язвы на новый уровень регенерации.

— Ты видишь то же, что и я?! — прикрикнула Кроберг от нетерпения.

— Монии обладают невероятным потенциалом к регенерации, — выдал общую фразу Каро. Он не желал подтверждать то, что видел.

— Это мы и так знали, — Кроберг присела рядом. — Мы получили данные о том, что

монии «белой язвы» способны к сверхрегенерации. Мы докопались до потенциала. Ох, Каро... — профессорша вскочила. Она размахивала руками и хваталась за голову. Она рисовала в воздухе нить ДНК и бурно изливала открытие ученых. — Если наши догадки верны, то монии «белой язвы» способны не только на регенерацию поврежденных клеток и тканей организма хозяина, но и регенерировать ткани чужеродного организма.

Каро смотрел на Кроберг и на диаграмму. Со спины по всему телу разбежались холодящие мурашки.

— Самое смешное, что мы сумели это убедительно доказать только благодаря новому виду моний, — Кроберг сделала тон загадочным, напрашиваясь на вопрос.

— Что за новый вид?

— Я рада, что в тебе не угасла жажда познавать, — она прижала руки к груди. — Ты с самого детства был таким любознательным. Ах, — она дотронулась руками до висков, — новые монии, новый вид, он очень агрессивен, но на удивление спокоен. Мы получили этот образец два дня назад. Поместили в среду и... о чудо! — Пошла реакция! Но чистые монии достаточно редки. Тебе ли не знать, мой мальчик, — она подбежала к Каро и ткнула в диаграмму. — Смотри: эту реакцию нам удалось записать лишь с четвертой попытки и то, длилась она всего пятнадцать секунд. Варварство! — Кроберг сжала от злости кулаки.

— Но ведь для ученых и этого должно быть достаточно? — Каро протянул диаграмму профессору. В вопросе умирала надежда.

— Нет, мальчик мой, — Кроберг наклонила голову, она то обнимала себя, то держала руки в молитве, словно, не зная куда от них деться, — ты же знаешь, что нам нужны идеальные результаты. А их можешь дать только ты.

Каро нарисовал искусственную улыбку.

— Ты рад, — профессорша припала к нему и обняла, — ох, как я счастлива! Ты не осуждаешь меня. Боже, я так рада! Ты же знаешь какой ты у меня особенный? — она посмотрела ему в глаза и вновь обняла. — Ты особенный, ты самое потрясающее открытие в моей жизни. И у меня есть главная новость для тебя, — Кроберг отстранилась от Каро. — Я нашла все же способ как обойти эгоцитарную систему язвы в твоем мозгу и заблокировать память. Я нашла способ усмирить твой самый мощный нейроцентр монии! Теперь ты не будешь мучиться оттого, что помнишь все эти ужасы.

Она обняла его и, глядя по спине, то и дело приговаривала, что он — ее удивительное открытие. Каро смотрел куда-то вперед. Он изо всех сил пытался не дать слабину. Не показывать, что его это волнует. Как долго он оттягивал этот момент, как долго убеждал Елену в том, что воспоминания не мешают ему жить. Но у Кроберг не раз возникала идея фикс, которая должна была непременно воплотиться.

— Ты какой-то молчаливый сегодня, — Кроберг встала и отошла на пару шагов.

— Не спал всю ночь, профессор, — извинялся Каро. — А вы не боитесь, что блокада эгоцитарной системы может изменить...

— Твою личность? — перебила она.

Каро кивнул.

— Честно? Мне все равно кто внутри тебя, милый, — она старалась быть искренней и доброжелательной, — главное, чтобы память не причиняла тебе боли.

— Я постараюсь не измениться, — Каро понял, что профессор все решила и не намерена отступить. И риски ее не волнуют. Никогда не волновали. Главное — еще одно лабораторное испытание. Это он помнил.

Кроберг улыбнулась, сделала вид, что вытирает накатившуюся слезу. Она подошла к приборной панели и вызвала санитаров. Через минуту в помещение зашли двое.

— Мне будет больно? — вдруг спросил Каро.

— Не больше обычного, полагаю, — Елена обернулась к нему. — Группа Васанова нашла способ как полностью нейтрализовать все иммунные центры моний. Так что не переживай.

— Хорошо, — Каро встал с дивана и подошел к двери. — Тогда мне пора отправится на подготовку.

— Я рада, что ты понимаешь всю важность предстоящих дел, — Кроберг складывала волосы в медный узел, — нам предстоят большие открытия. Ступай, готовься.

Один из санитаров открыл дверь и Каро направился в главную лабораторию. Он шел впереди, санитары сзади. Дорога ему была известна лучше, чем любому из работающих здесь. Каро знал каждую стену, угол, поворот. Не было для него тут секретов и тайн. Каждая запертая дверь когда-то открывалась для него и не раз. Он не знал другого мира, он его не помнил, как не пытался вспомнить. С самого раннего детства, когда детям положен теплый и мягкий пол детских садов, Каро шлепал босыми ногами по холодным лабораторным. Он — первый житель резервации — он «объект № 3». Каро шел по направлению ко второму холлу. Чем дальше они заходили, тем спокойнее был персонал. Никто почти не обращал внимания на Каро и на двух санитаров, сопровождающих его. Именно они видели Каро чаще других. Они были участниками всех его перерождений и частью его жизни в Деревне. Каро знал всех по именам. Некоторых он знал годами и с ними он даже находил общие интересные темы для долгих бесед. Кроберг нравилось, что мальчик, легко адаптируется и не мешает, а даже помогает ей. Она разрешала персоналу общаться с ним. Некоторые лаборанты, ученые и даже именитые профессора обучали его своим знаниям. В Каро идеально сочетались две роли: идеальный ученик и подопытный кролик.

Они свернули налево. В конце коридора находилась лестница на первый уровень главной лаборатории. Святая святых — так называла ее Кроберг. К горлу Каро подступил ком. Мускулы на лице дрогнули и ноги стали похожи на ватные палочки. Неожиданно Каро оступися. Нога вдруг подкосилась, и он начал заваливаться. Но санитары сработали четко. Они успели подхватить его. Каро отделался испугом. Его сердце бешено колотилось. Рот с жадностью хватал воздух.

— Каро, что случилось? — встревоженно спросил один из санитаров. Они усадили его на ступеньку, чтобы парень отдышался. Беспокоились они больше не за него, а за себя. Ведь если с ним что-то случится, то Кроберг снимет с них головы.

Каро пытался успокоиться.

— Нормально все, — сказал он между глубокими вдохами. — Сейчас все пройдет, дайте пару минут.

Санитары облегченно выдохнули. Они отгоняли спящих лабораторных, заставляя их проходить мимо на цыпочках.

— Я говорил, что лучше на лифте, — санитары переговаривались между собой. Каро не вмешивался и не хотел облегчать их участь. Когда-то он сам попросил Кроберг, чтобы ему пешком позволили доходить до главной операционной. Это позволит разогреть кровь в жилах и справиться с волнением.

Отдышавшись, Каро встал и направился дальше вниз. Нужно было пройти еще несколько пролетов, прежде чем они окажутся в фойе второго, самого нижнего, уровня

главной лаборатории. Впереди длинный коридор. В самой дальней его части можно было различить большие створки дверей шлюзовой камеры, ведущей в главный зал операционного блока. Венчал его большой прозрачный купол — огромное окно для наблюдения за операцией. Это помещение над операционным залом иногда пафосно называют амфитеатром, или с издевкой «гляделькой», комнатой сотен глаз, но между собой большинство сотрудников называют этот наблюдательный пункт просто «Колпаком». Самое желанное место всех заинтересованных ходом операции. Но за колпак впускали не всех и только по особым случаям. Кроберг любила наблюдать за восторженными и пораженными взглядами. И в дни своего триумфа, особым распоряжением, открывала «Колпак» не только профессорам и ученым-практикам. За куполом в такие моменты всегда толпились и лаборанты, и даже охрана.

Каро с санитарями дошли от лестницы по коридору до перекрестка и свернули направо. Они шли по непрерывно поворачивающемуся длинному коридору мимо лаборатории профессора Кема, занимающегося электрохимическими исследованиями. Он никогда напрямую не участвовал в операциях, но тщательно собирал все данные во время их проведения. Каро шел уверенней. Он не ожидал от себя такой слабости на лестнице, и подобного повторения ему очень не хотелось.

За электрохимической лабораторией располагались палаты, куда помещали всех пред- и послеоперационников. В этой части находилась специальная палата, предназначенная специально для Каро. В последние годы он редко бывал в ней. Так как операционное вмешательство свелось к разовым масштабным исследованиям в году. И, по большей части, Каро находился в палате без сознания. Проходя мимо двух дверей, ведущих в до и после операционные блоки, Каро казалось, что он ощущает тяжелый запах крови, растворов для капельниц и гелей для перевязки. Этот стойкий аромат заботливой смерти, которая уже поставила галочку напротив твоего имени, но все еще нянчится с тобой. Каро сжал кулаки и ускорил шаг. Впереди его ждала двенадцатичасовая предоперационная подготовка в гигиенаторе или просто, гигиенической камере. Ее дверь, вскоре выплыла из-за плавного поворота.

Деревенские прозвали гигиенатор «камерой пыток». Прежде всего, за вечный холод идеальных отполированных бесшовных стен из композитных металлических листов серого цвета и холодную воду, которую там любят использовать. Гигиенатор оборудован тремя автоматизированными системами, которые производят очищение тела от загрязнений как снаружи, так и внутри. Такие камеры были изобретены специально для того, чтобы сократить время подготовки человека к операции и уменьшить накопление стресса. В мире за бором Деревни, гигиенаторы работают в паре с санитарями, которые руководят процессом механических рук-помощников. Но в условиях работы с зараженными «белой язвой» пришлось значительно доработать гигиенаторы, дабы свести участие санитаров в гигиенической обработке больных к минимуму. Так, гигиенатор для больных «белой язвой» превратился в небольшое помещение, квадратное по форме, в центре которого располагался механизм — скелет — на котором закрепляли тело человека. Механические руки-роботы находились в специальном вакуумном коробе под потолком. Когда санитары закрепляли тело в железном скелете, они запускали программу по очистке. Изначально предполагалось, что, как и обычных людей, всех больных «язвой» будут обезболивать, дабы свести дискомфорт до минимума от некомфортных процедур, таких как промывание кишечника. Однако позже выяснилось, что организм больных «белой язвой» не

воспринимает внешние обезболивающие, а также препараты, которые обычно используют для очищения. И несмотря на то, что гигиенаторы были призваны ускорить подготовку больных, с «язвенниками» вся эта гонка не имела смысла. Основной задачей «камеры пыток» стало удаление ненужных жидкостей и отходов и стерилизация кожного покрова больных.

Каро умело управлял своими внутренними процессами. Прогулка в лесу помогала ему настроиться на предстоящую операцию и ускорить метаболизм организма. И если у большинства деревенских подготовка к операции занимала больше суток времени, то Каро для очищения хватало до двенадцати часов. Половину этого времени он спокойно лежал, пристегнутый к скелету в камере гигиенатора, а механические руки-роботы исследовали, обрабатывали и обеззараживали его кожный покров.

Через десять часов Каро, бледнее обычного, вышел из гигиенатора в белом, почти прозрачном балахоне. Санитарам, тем что привели его, не терпелось передать его в предоперационную. Его уже ждали. Они вышли в коридор и скоро оказались в лифтовом холле. Справа находился лифт. Напротив, — двустворчатые двери шлюза, за которым предоперационная комната. Один из санитаров открыл своим кодом дверь.

Внутри Каро уже ждали анестезиолог Валерий Васанов и пять медсестер-лаборанток в защитных костюмах, как у Кроберг. Переступив порог, он поздоровался, как делал это всегда. Девушки сразу оживились. Они радостно приветствовали его. Ведь минуты долгого ожидания наконец-то завершились и можно больше не выслушивать нудные наставления гениального анестезиолога. Васанов, впрочем, не собирался оставаться в стороне. Увидев в дверях Каро, он тут же взял бразды правления в свои руки.

— Девочки, — анестезиолог окинул их хмурым взглядом, — приступаем.

Врач жестом пригласил Каро пройти ближе к кровати-каталке.

— Пойдем, — старшая из медсестер, Ольга Арно, взяла его за руку и проводила до каталки, — раздевайся. Ее милостивый голос выдал ее смущение. Затылком она ощущала недовольный взгляд анестезиолога. Не хватало еще при нем дать слабину. Она отвернулась за лекарствами и немного отошла. Каро полностью разделся и лег на кровать. Васанов руководил сестричками. Ему нужны были последние анализы и данные о состоянии больного. Девочки-лаборантки принялись за последние приготовления к операции и устанавливали датчики на коже. Некоторые из них больно впивались в кожу острыми короткими иглами. Их втыкала Ольга и каждый раз она извинялась за причиненную боль. Каро снисходительно улыбался.

— Что меня ждет? — сухо спросил он.

— Кроберг затеяла что-то большое, — Ольга украдкой посмотрела на Васанова, сверяющего показания с данными, присланными из верхней лаборатории. — Запросили тройные дозы и порции всех препаратов. Биоматериалов больше обычного и танкеров для наполнения.

— Ясно. Аншлаг профессора. Реквизит подан, — Каро закрыл было глаза.

— Да, парень, — анестезиолог наклонился к Каро, приковав его внимание. — Но, несмотря на это, ты в надежных руках. Я позабочусь о том, чтобы твои мышцы хорошенько расслабились и костные жилы «белой язвы» этому не мешали.

Каро молчал.

— Но ты ведь все всегда знаешь? — хмыкнул Валерий. — И раз уж ты так хорошо себя почистил, то помоги моему раствору тебя усыпить. Как всегда — работаем в паре. Я ввожу

жидкость, ты ее развозишь по клеткам.

Каро кивнул и закрыл глаза. Васанов направился к танкерам с растворами. Девочки даже не пытались ему помогать. Анестезиолог этого не терпел. Он и так считал, что в операции задействовано слишком много людей. И пусть это оправдано предполагаемым объемом работ, — ему это не нравилось.

В динамиках лаборатории раздалось сообщение о том, что на всем уровне установлен желтый уровень опасности. Приказ об этом устно отдает Кроберг с интерлинка операционного зала. Это означало, что над зараженным «белой язвой» началась операция. Всем сотрудникам, работающим на нижнем, втором, уровне, надлежало облачиться в защитные маски. Васанов подошел к окну двери шлюза в главный зал. Кроберг не было видно. Через несколько секунд по громкоговорителям раздалось оповещение, что главный операционный блок взят в карантин и блокирован на время операции. Под потолком, над зеленоватой линией датчиков, зажглись красные таблички. Все, кто задействован в операции, а это двадцать человек, могли перемещаться только по залам главной операционной лаборатории. «Чудно», — обрадовался Васанов. Теперь можно ставить катетеры и вводить растворы.

Пока Васанов высматривал Кроберг через шлюз, Ольга уличила момент и, наклонившись к уху Каро, прошептала:

— Я сделала двойное обезболивающее. Будет лучше, — она отошла от кровати за следующим прибором, пока никто не заметил ее порыва. Васанов уже подошел с катетерами и начал вводить их под кожу.

Ольга была одной из немногих равнодушных к тому, что делает Кроберг и старшей над остальными медсестрами. Кроберг даже считала ее наименее тупой из них, за что было позволено ассистировать Васанову. Как и все, Ольга была лишь тенью могучих ученых исполинов, полезной, не мешающей и безропотной. Но, несмотря на пристальный взор видеокамер и системы слежения, Ольга всегда находила слепую зону, чтобы подкормить Каро или вколоть дополнительную дозу снотворного. Она была смышленная и незаметно для всех делала свои растворы более действенными, увеличивая в них концентрацию обезболивающего. И после того, как Каро услышал ее слова, ему стало спокойнее. Дрожь в теле и взволнованное сердце они не успокоили, но вселили надежду, что будет не так больно.

Время шло. По распоряжению Васанова, Арно установила на лице Каро дыхательную маску, по которой подавалась первичная анестезия. Она должна была взять на себя первую линию обороны моний. Это не отключит Каро, но сделает его организм податливым на вводимые растворы через катетеры. Через шлюз, разделяющий предоперационную и главный зал, донесся командный голос Кроберг. Она отдавала последние указания бригадам хирургов.

Жизнь на верхних уровнях лаборатории замерла. Многие желали понаблюдать за главным событием года. Все профессора, некоторые лаборанты сидели на почетных местах «за колпаком». Другим же, не входившим в когорту важных персон, достались стоячие места.

Двери предоперационной отворились и двое санитаров ввезли каталку, на которой лежал Каро, в главный операционный зал. Васанов следовал рядом, держа руку на его запястье. За ним три медсестры с тележками, на которых стояли танкеры с растворами. Санитары, установили каталку по центру и слаженными движениями вывернули опорные

ножки в стороны, как у краба. Медленно поднимающийся из пола операционный стол, готов был подхватить пациента. Санитары приготовились раздвинуть половинки кровати в момент, когда стол окажется под Каро.

Десятки глаз любопытных тут же уставились на зараженного. Сотни мыслей обрушились на него. Каро поморщился. Усыпляющие препараты действовали, но они не могли заглушить воздействие мыслей извне. Датчики на стенах лаборатории мгновенно засияли ярко-зеленым. Все посмотрели на Каро. Он по-прежнему морщился.

— Видимо он пытается заглушить мысли любопытных, — Кроберг посмотрела наверх и кулаком погрозила персоналу наверху. Хоть профессорша не знала, как помочь Каро, но сама, не ведая, на мгновение сбавила поток мыслительных волн и Каро сумел оградиться от них. Датчики потускнели, но сохраняли зеленый окрас. Кроберг была спокойна.

Она подошла к Каро. На ее лице сияла светлая улыбка. Она гладила его по голове и рукам. Осмотрела маску, через которую подавался газ первичного наркоза. Проверила датчики, перепроверя надежность их крепления.

— Скоро все начнется, дорогой мой, — она смотрела в его глаза. Он — в ее. Она любила его сейчас и дарила всю свою нежность. Но глаза Каро не могли передать его эмоций. Они беспомощно тонули в ее взгляде. Медленно моргая, Каро перевел взгляд на купол. Все вокруг плыло. Он плохо различал речь. Скоро он полностью погрузится в искусственный сон.

Медсестры суетились вокруг островка, на котором лежал Каро, устанавливая танкеры и подключая дополнительные датчики по указанию Васанова. Арно руководила подключением защитного биоконтра от произвольных выбросов «язвы». К телу Каро подводили двенадцать шлангов. Часть из них подключалась к артериям, другая к венам. Их основной задачей была подача растворов, которые должны были расщеплять секрет монины, составляющий основу иммунной системы.

Все почти было готово к операции. Группа хирургов из трех бригад во главе с главным хирургом лаборатории Олегом Карцевым сверяли детали. Медсестры-ассистентки проверяли инструменты. Все было в идеальном состоянии. Валерий Васанов готовился к полному отключению Каро, постоянно сверяя показания с нормативами Каро. Медсестры, возглавляемые Арно внимательно следили за показаниями приборов. Растворы поступали и начинали действовать. Скоро сознание пациента полностью отключится, потом угаснут рефлексы и пациента можно будет переводить на искусственную вентиляцию легких. Но Каро не отключался. Васанов велел Арно держать руку на пульсе пациента, а сам направился к мониторам. Медсестры не ошиблись — показатели не меняются. Каро лишь частично погружен в сон. Васанов перепроверил соединения датчиков и подачу раствора. Сестрички перечисляли показатели давления, пульса, скорость реакции и чувствительность. Ничего не менялось уже несколько минут.

— Валера?! — грозно произнесла Кроберг. Она по-прежнему сидела рядом с Каро и видела, что он в сознании.

— Не понимаю, он должен был быть уже без сознания, — оправдывался анестезиолог.

— Значит, кто-то напортачил? — рычала Кроберг, выискивая жертву среди лаборанток и медсестер. Те пытались спрятаться за спинами Васанова и Арно.

— Не может быть, — Ольга Арно подала голос. Она все еще держала Каро за запястье. — Анестезию разработал Валерий Ирисович. Ошибки не может быть.

— Ты assistiруешь. Первичное обезболивание на твоей совести? — начала было

Кроберг.

— Препараты в норме, — отрезал Васанов. Он как раз смотрел на экран, на который медсестра вывела химанализ растворов в танкерах. — Афирмаций железистых многовато, но в целом все в порядке.

Кроберг смотрела на одурманенного Каро и нежно гладила его голову.

— Что же с тобой?

— Быть может маленькая доза? — рассуждал анестезиолог.

— Доза, как и положено, превышает концентрацию прошлогодней в три раза — возразила Ольга.

— Значит, что-то изменилось, — предположил один из хирургов. Это был Олег Карцев, первый хирург лаборатории.

Кроберг посмотрела на него. И подошла к приборам.

— Ты прав, — Кроберг понурила голову. И посмотрела в сторону Каро. — Его организм почти полностью переродился. А это значит, что лекарство усыпляет лишь его человеческую сторону.

— Переродился, — подтвердил Васанов. — Но пробы, которые мы три дня назад брали, адекватно реагировали на анестезию. И я учел его сезонные изменения, возрастные образования...

— Он пере-ро-дил-ся, — встрепелась Кроберг.

— Но показания...

— Значит, за эти три дня что-то изменилось! — крикнула Кроберг. Она сжимала пальцы в кулаки и медленно расхаживала между столами. Едва различимые слова вылетали из уст. Она взмахивала руками в воздухе. Вдруг останавливалась, смотрела со злостью в глазах куда-то вдаль. И снова ходила. — Значит, будем резать так.

Воздух замер на мгновение. Хирурги смотрели на Кроберг. Они еще надеялись, что она высказала это просто как предположение, как вероятность, и вот-вот исправится.

— В смысле «так»? — не выдержал анестезиолог.

— Именно, — но Кроберг уцепилась за идею. Он всплеснула руками. — Именно! Вы не видите. Это все свойства монии. Уникальные свойства, — профессорша медленно подходила к каталке и руками по воздуху объясняла свою идею. — Три дня назад организму носителя ничто не угрожало. И когда вы проводили свои тесты с новой анестезией, нейроцентр «белой язвы» был усыплен. Однако сейчас этого не происходит. Смотрите на показатели, — Кроберг указала на мониторы. — Ты сам указал. Мы редко обращали внимание на то, что в момент операции в организме больного резко увеличивается содержание железистых афирмаций с мониями в ядре. Мы считали, что это лишь реакция организма на стресс. Но именно они разжижают раствор анестезии. Смотрите, — Кроберг смеющимися глазами показывала на мониторы, — железистых афирмаций в полтора раза больше чем объем поступающего раствора.

— Мы увеличим скорость и концентрацию, — предложил Васанов.

— Да, давайте, — наигранно рассуждала профессорша, — опыт. Но смею предположить, что афирмаций станет еще больше.

— Анестезиолог здесь я.

— А я — исследователь.

— Все же мы попробуем, — Ольга подошла к танкам с растворами анестезии.

Несколько медсестер помогали ей. Они быстро сделали концентрат, усиливавший

действие анестезии и ввели в общий сосуд с раствором. После чего увеличили скорость поступления жидкости по трубке, введенной в вену.

Все внимательно смотрели на мониторы. Лекарство начинало действовать. Его становилось в разы больше. Но не прошло и минуты как концентрация железистых аффирмаций выросла в три раза. Приборы подали предупредительный сигнал.

— Ха! — воскликнула Кроберг. — Аффирмаций стало не только больше, но возросла их агрессивность — они нейтрализуют анестезию.

— Невозможно! — поражался анестезиолог. Он метался от мониторов к Каро. Осматривал его зрачки. Вслушивался в дыхание, перепроверял датчики.

— Верь показаниям своим. Это ведь чудо-ребенок... — Кроберг смотрела на Каро. — Надо резать так.

— Ты предлагаешь резать человека, который не погружен в сон, — Карцев взял в руки автоматическую пилу, — ты выжила из ума?

— Если мы не начнем резать сейчас, то через два часа он может уже полностью проснуться, — Кроберг стояла рядом с Каро с разведенными в стороны руками.

— Не слишком ли много ты на себя берешь, Елена? — Васанов возник перед ней, наклонив голову. — Ведь я еще здесь.

Кроберг посмотрела на ворочавшегося Каро. На ее лице появилась едва заметная улыбка.

— У меня есть право крестной матери решать за него, — она посмотрела на хирурга, — и он — не человек, — она выдержала паузу. — Ты анестезиолог. И твоя задача, — сделать все чтобы растворы действовали, и он перенес операцию. Приступайте.

Все стояли. Что-то держало их на своих местах. Первым двинулся Карцев.

— Приступаем, — обратился он к Васанову.

— Ты сошла с ума, — анестезиолог вплотную подошел к Елене, — или ты действительно думаешь, что я буду за это отвечать?

— Это твоя работа.

— Моя работа отключить тело и не дать ему умереть от этого. Тело не отключено!

На мгновение воцарилась абсолютная тишина. Многие впервые видели, как кто-то повысил голос на Кроберг. Рост позволял Васанову немногим возвышаться над Еленой и если не авторитетом, то физическим превосходством он намеревался воспользоваться на полную.

— Твои дальнейшие действия, Валера, — процедила сквозь зубы Кроберг.

— Прекратить операцию. Вывести пациента из недонаркоза и думать.

— Отличный план. И долго ты будешь думать? Твоя команда почти год искала способ преодолеть усиливающееся сопротивление моний наркозу. А когда нашла, то бактериям потребовалось три дня, чтобы превзойти его.

— Я не буду отвечать за его жизнь, — сопротивлялся Васанов. — Мы понятия не имеем, как организм поведет себя в новых условиях. Он умрет на столе и всех собак ты спустишь на меня.

— Ты этого боишься? — Елена брезгливо сморщила лицо. — Все мы знаем, что его с каждым годом сложнее оперировать. Делай свою работу... Моя лаборатория — моя ответственность.

Кроберг развернулась и направилась к мониторам. Васанов кусал губы и сжимал кулаки. Он видел недовольные взгляды коллег. Они наверно посчитали его трусом.

Человеком, не желавшим взять на себя ответственность. А может, они думали, что он сумасшедший, раз решил возразить воле Кроберг в ее научном королевстве. Васанов выругался и направился к операционному столу.

— Как ты собираешься его резать, когда он дышит? — он встал у изголовья Каро, держа в руках дыхательную трубку.

— Уникальный мальчик — уникальная операция. Будем действовать по обстоятельствам, — в глазах Кроберг не было злости, лишь исследовательский интерес.

— Стоп-стоп-стоп, — вмешался первый хирург. — Его нужно отключить. Как вы предлагаете вскрывать грудную клетку?

Карцев выражал общую обеспокоенность всех хирургов в зале.

— О, консилиум над телом пациента, — Елена всплеснула руками.

— Эта проблема, которую нужно решить, — бескомпромиссно заявил Карцев, глядя Кроберг в глаза.

— Вот и решайте.

Она обвела всех присутствующих врачей рукой.

— Вообще-то нам не обязательно вскрывать его, — за спиной Карцева раздался сухой голос второго хирурга. Им был Малко Сергей, старший нейрохирург. Маленького росточка, но крепкого телосложения.

После его слов все удивленно уставились на него. Ведь вскрытие и визуальное изучение мутировавших органов — одна из ключевых целей операции.

— Нет, позже мы его разрежем и вскрыем. Но, перед этим нам необходимо остановить дыхание. И раз уж анестезия нам не помощник, то придется перерезать канал нерва, по которому идут импульсы к легким.

Карцев одобрительно хмыкнул. Его коллега оказался прозорливее его самых смелых мыслей. Переведя взгляд на Елену, он заметил, что она взвешивает все за и против.

— Через микроразрез очевидно? — уточнила она.

— Для такого мелкого вмешательства вскрывать ничего не нужно. Обойдемся малой кровью. Операции по извлечению части легкого проводятся без погружения пациента в глубокий наркоз, — напомнил Малко.

— Может не стоит резать, — осторожничал Васанов, — и просто заморозить нерв?

— Я надеюсь, ты говоришь глупости из-за внезапного стресса, — с металлом в голосе произнесла Кроберг. — Нейроволоконные токи моний не реагируют на заморозку и, как мы только узнали, на твою анестезию. Так что перерезать их, очевидно, не самый хреновый вариант.

— А как дальше? — прищурился Карцев. — Там тысячи волокон в токе. Сшивать долго и сложно.

— И сложно и долго, — кивнул нейрохирург. — Мы здесь как раз для такой работы. — Малко сделал легкий наклон корпусом в сторону троих своих нейрохирургов-ассистентов. — Самое худшее что может случиться — Каро не сможет дышать сам и грудина будет парализована, — Сергей Малко проговаривал слова не спеша, взвешивая каждое слово. — Но как профессор нам всем напомнила, Каро оперировать сложнее год от года. И, возможно, это его последняя комплексная операция. И, если оценивать риски, то его можно вечно поддерживать на искусственном дыхании. Или вы будете скучать по общению с ним?

Елену окатил жар. Она видела, как врачи смотрят на нее, как их мысли окружают ее, ожидая решения. И второй раз за свою жизнь она пожалела, что за ней наблюдают десятки

пар глаз за колпаком. Главное не смотреть наверх и не выдать себя. Кроберг повернула голову к столу, на котором дернулся Каро. Ее чудо. Она должна рискнуть. Риск — дело благородное.

— Значит поступим так, — Елена подошла к столу. — Идея хорошая, исходя из обстоятельств. На данной стадии нейроток никогда еще не перерезался. Но раз Малко считает, что они с этим справятся, то будем рисковать. Во всяком случае мы добьемся отключения дыхания. Затем в дело вступает Васанов с девочками.

— Так зачем я вам, пусть мясники другие токи перережут, — огрызнулся анестезиолог.

— Придет время разрежут, — подхватил Карцев, под одобрительные смешки коллег.

— Время! — осекла Кроберг — Как только с дыханием будет все решено, вступает его величество Карцев с ребятами. Остальные по старому плану.

Всем оставалось лишь кивнуть. Спектакль для зрителей за колпаком продолжился.

Васанов приказал медсестрам дополнительно закрепить руки и ноги Каро. Его тело слабо реагировало на болевые уколы, однако не было отключено. Две сестрички следили за показаниями приборов. Васанов с Арно готовили Каро к проникновению роботизированного гибкого скальпеля, которым собирался управлять Малкин.

Место разреза определили с помощью сканера на правой стороне шеи, как можно ближе месту расхождения нейроток. Васанов стоял слева, контролируя состояние пациента. И лишь Арно, отходя от стола, заметила блеск набухающих слез, на прикрытых глазах Каро.

Малко приступил к работе. Впрочем, на данном этапе, сложности она не представляла. Нейрохирурги давно определили, что нейроток мутировал из ствола спинного мозга и постепенно брал на себя ту же функцию. Из-за неуживчивости моний с другими клетками, нейроток моний наслаивался с внешней стороны позвоночного хребта, образуя таким образом вторую независимую магистраль, но более плотную и разветвленную. По предположениям нейрохирургов из команды Сергея Малко, со временем спинной мозг Каро должен был полностью утратить свою значимость и нейроток поглотит его. Однако до этого еще было очень далеко. Сама нейросеть развивалась неравномерно, где-то даже спонтанно. Так, например, в районе шейных позвонков нейроток разделялся на три рукава, один из которых уходил в сторону от ствола мозга и пронизывал сеть грудную и брюшные полости. Именно эту ветку собирался обрезать Малко. Добраться до нее не составляло труда. Ломать не строить, и вскоре легкие Каро выдохнули в последний раз.

Васанов приступил к интубации. Арно ввела соответствующую команду в панель управления операционным столом, и голова Каро запрокинулась назад, облегчая Васанову введение специальных трубок для искусственной вентиляции легких. Система переливчато издавала множество сигналов. Мозг Каро впрыскивал стресс-гормоны в кровь. Через несколько секунд началась вентиляция. Малко сработал идеально, нейросеть, оплетающая сердце, не была затронута.

Арно промокнула марлей глаза Каро. Изо всех сил он сжимал веки. Его пальцы скребли о поверхность стола. Он непроизвольно дергался, но крепления жестко фиксировали его.

Настало время Карцеву сменить коллегу возле стола, рядом ассистирующая медсестра. Его ассистент с обратной стороны.

— Надеюсь крепления выдержат, — принимая скальпель, Карцев оглядел пациента.

Одна из младших медсестер пошатнулась и осела на пол. Две девушки, стоявшие рядом поспешили на помощь.

Карцев сделал первый надрез. Каро дернулся.

— Черт возьми! — ассистент отпрянул от стола.

— Спокойнее, — тихо пробормотал Карцев. — Сменим-ка инструмент.

Сверху спустился рукав роботизированного помощника. Первый хирург схватил лазерное лезвие. Бросив беглый взгляд на Каро, он еще раз посмотрел на множество ремней, держащих Каро, потом на Васанова у изголовья стола. Раздался тихий писк лазера. Через мгновение закричал Каро. Он кричал так громко, что его крик слышали даже за куполом. Несколько медсестер лишились чувств. Вопль был столь невыносим, что даже выдавшие виды санитары выбежали из «Колпака». Датчики на стенах то и дело вспыхивали ярко-зелеными всполохами. Кроберг приказала засунуть Каро кляп. Но стоило Арно приблизиться к столу, как она с ужасом обнаружила, что трубка, торчащая изо рта Каро не дает ему кричать. Лишь тихий пыхтящий писк, переходивший в вой. Она и Васанов ощутили один холод на двоих, когда оглянулись и поняли, что все вокруг слышат душераздирающий крик Каро. Лишь Карцев, сжав губы и хмурясь, продолжал резать плоть.

Тело Каро давало команды вырваться. Оно пыталось дергаться и трястись, ухватиться пальцами за что-нибудь. Но его еще крепче стягивали адаптивные ремни, которыми руководила программа операционного стола. Датчики регистрировали изменения в состоянии. Тело Каро испытывало перегрузку и яростно сопротивлялось, нагнетая давление. Васанов отдавал указания по стабилизации. Арно суетилась. Ей стало страшно от того, что она продолжала слышать крик Каро. Но гневные приказы Васанова плетью подгоняли ее и медсестер быстрее выполнять указания. Через несколько невыносимо долгих минут адский крик Каро сменился на вой, и все выдохнули.

— Я думала ты установил трубку, черт тебя подрал, — вспыхнула Кроберг и подлетела к столу. Настал ее черед поражаться.

— Охренеть, — оторопел Карцев, взглянувший на Каро с трубкой для вентиляции легких.

— Ты закончил? — на автомате спросила ошалевшая Кроберг.

— Первый разрез да, — на лбу Карцева проступил пот, раздражавший его. И маска со специальным микроклиматом не справлялась с ним.

Кроберг кивнула и молча вернулась на свой пост с датчиками. Карцев встретился взглядом с Васановым, подтверждавшим что они оба слышали то, чего слышать не должны были. Хирург отпустил рукоять лазера и отошел от стола, уступая место ассистенту. Дело за расширителем ребер. Медсестра передала его ассистирующему хирургу.

— Повысьте уровень подавителей, — командовала Кроберг. — И уберите эту с глаз.

Елена не забывала про тех, кто не угождал ей. И оплошность медсестры, в виде обморока, не затерялась в памяти даже после немого крика Каро. Напротив, она злилась из-за того, что не могла понять, как такое могло произойти и ей нужен был «козел отпущения».

Ассистент вставил инструмент в образующуюся щель. Карцев внимательно следил за действиями и реакцией Каро. Хирург задал угол разворота и инструмент начал разводиться ребра. Казалось, что глаза Каро вот-вот лопнут от боли. Слезы бежали ручьем. На коже обильно проступал пот и непонятная белая жидкость. Народ выбежал толпой из «Колпака». Наблюдать за разделкой человека в сознании оказалось многим не по силам. Через минуту Каро потерял сознание. Все вздохнули. Когда же грудина была открыта, все забыли про Каро. Перед ними предстала удивительная картина. Кроберг подошла к столу и принялась осматривать органы. В том году они пересадили Каро второе сердце. И сейчас они видели, что оно полностью поглощено монями «белой язвы» и полноценно функционирует. Однако

оно не срослось с «родным» сердцем Каро, а располагалось в тканевой сумке рядом. Легкие трансформировались так, что у второго создались условия для нормального функционирования. Сами легкие приобрели бело-сероватый оттенок. Место, из которого была удалена большая часть легкого, зарубцевалось новообразованием. Врачи брали из этого места пробы для анализов. Визуально врачи отметили сокращение площади легких и существенное их уплотнение. Однако Каро никогда не демонстрировал нехватку воздуха и проблем с дыханием из-за этого у него не было. Дальнейшее диагностическое вскрытие показало, что структура легких усложнилась в несколько раз и стала представлять собой многослойную губку в губке. Причем каждый слой был отделен от другого тонкой мембраной.

Кроберг же заинтересовалась функционированием нового сердца. Как оно устроено и почему оно отображалось при ультразвуковом исследовании как опухолевое образование. Профессорша совещалась с коллегами о возможности временной трансплантации сердца в другое тело. Однако существовал риск потерять второе сердце. Врачи не могли окончательно сделать вывод о зависимости сердца. После получаса споров и обсуждений было решено провести временную трансплантацию, но в конце операции. Когда все основные задачи будут выполнены.

— Он приходит в себя, — раздался голос Ольги с едва заметной дрожью в голосе.

Кроберг подбежала к Каро.

— Боец, — она погладила его по лицу, как мать гладит сына, — лучше тебе еще поспать, — произнесла она нежно и тихо, чтобы никто не слышал.

Васанов вопросительно смотрел на Елену.

— Продолжаем, — тихо утвердила она.

Хирурги отошли в стороны. Васанов начал вводить главный катетер в районе шейного отдела Каро для отвода секрета монии. Здесь, рядом с нейротоксом, находился один из основных узлов скопления секрета монии. Ольга Арно с медсестрами ставила дополнительные катетеры на руках и ногах. Она внимательно смотрела на то, как другие медсестры вставляют и подключают катетеры. Их лица были перекошены отвращением и ужасом. Арно готова была вцепиться в каждую, кто сделает неловкое движение и причинит ее пациенту дополнительные страдания. Через несколько минут все было готово. Дополнительные танкеры для чистой монии были установлены. Как только секрет начал в них поступать, заработала центрифуга для отделения его от крови.

Двери шлюза из криохранилища шумно распахнулись, заставив обернуться всех в зале. Санитар выкатил стол-каталку, на котором лежало бледное тело старого Павла. По всему его телу проходили глубокие рубцы. Такие же появляются у яблок, когда они высыхают. Тело выглядело старым и очень хрупким. Никаких отметин «белой язвы». На груди Павла выделялся черно-фиолетовым длинный шрам от операции на сердце.

Медсестры обработали левую руку Павла. К столу подошел хирург-трансплантолог Антон Сибур. Он вел за собой лазерный нож. Подойдя к телу, он прощупал руку. Многозначительно хмыкнул. Подозвал двух медсестер и нажал на кнопку «пуск» лазерного ножа. Через несколько минут он отрезал от тела руку до локтевого сустава. Перенеся руку на другой стол, Сибур принялся «раздевать» руку, разрезая на куски сморщенную кожу. Там, где поражение тканей было глубоким, Сибур аккуратно вырезал мышцы. Аккуратно и неторопливо, стараясь не задевать нервных узлов монии. Их было немного, но располагались они в хаотичном порядке. Хирург несколько раз выругался, вспоминая руки Каро, то что его

узлы находятся в идеальном состоянии и расположены строго в определенных местах.

Анестезиолог Васанов, тем временем, вводил усиленный раствор, который должен был расслабить мышцы Каро. Карцев радостно воскликнул возможности заняться руками Каро. Он аккуратно вырезал на левой руке все белые ороговевшие участки «белой язвы». Они сразу пошли на стол к Кроберг, которая проводила морфологические исследования тканей. Ей помогала Марина. Она принесла контейнер, в котором находилось несколько пакетов с биоматериалами для скрещивания. На крышке, на специальной этикетке, маркером было написано «Эльза». По лицу своей начальницы Марина поняла, что та очень довольна. Напряженная улыбка и легкий прищур глаз выдавал несказанную радость от того, что она видела на предметных стеклах через микроскоп.

Карцев продолжал разрезать мышечную ткань, добрался до узлов монии и аккуратно извлек их. Они напоминали белые мохнатые комочки. Хирург уже не обращал внимания на Каро. Рука лежала недвижима, как бы Каро не старался ее отдернуть. Его боль тонула. Он старался не открывать глаза, чтобы яркий свет не выжигал их. Мысли о врачах, хирургах и инструментах он пытался проглотить, задушить, заглушить другими мыслями. Но каждый раз новый укол скальпелем, новый разрыв мышц пронзал его мозг. Раздавался протяжный и режущий крик. Но кляп душил его. Он скулил и всхлипывал. По щекам стекали слезы. Они нескончаемым потоком обжигали их, оставляя едва заметную белую дорожку на лице.

Через два часа хирурги разрезали ноги Каро. Они внимательно изучали строение тканей, то и дело восклицая от увиденного. Мышечные ткани год от года становились сложнее для оперирования. Они походили на плотную скрученную эластичную ткань, сплетенную сеткой. Хирурги отрезали мышцы и трансплантировали в тело Павла. Вырезанные у него же образцы мертвых тканей они пересаживали Каро. Венцом всего этого действия стала трансплантация части органов Каро в тело Павла и наоборот. Хирурги пришили правую ступню Павла к ноге Каро, предварительно отрезав его собственную. Левая рука Каро была пришита к телу мертвеца. А его, высохшая и сморщенная, была пересажена Каро.

Напряженное лицо Карцева выдавало усталость. Но вместе с тем, он был весьма доволен. Он выверял каждое движение и вживлял нервные узлы монии в новую руку Каро, сшивал их с нервными окончаниями его тела. После, ассистенты Карцева занялись сшиванием сосудов.

Кроберг внимательно следила за своими врачами. Каждый раз, когда один из них на что-то ругался, она как гарпия оказывалась рядом. Для нее было важно проконтролировать: не повредили ли они тканей, не испортили ли образцы. После чего она осматривала контейнеры, где накапливался секрет монии, и возвращалась к столу, где проводила новые тесты с поступающими операционными материалами.

Хирурги приступили к голове Каро. Кроберг стояла рядом с Васановым, руководившим медсестрами. Они обрабатывали голову химическим раствором, который сжигал верхний слой кожи. Это было необходимо для того, чтобы стали видны заросшие рубцы от предыдущих разрезов. Каро начал сильно дергать головой, пытаясь смахнуть растекающийся раствор. Медсестры испугавшись, отступили. Кроберг гневно выругалась, назвав их трусихами и ни на что не способным отребьем.

На время действия раствора, персонал получил короткую передышку. Медсестры поспешили удалиться в соседние комнаты. Каро продолжал бешено дергать краснеющей головой. Раствор действовал. Остальные врачи сосредоточились возле столов с образцами.

Они оживленно обсуждали полученные результаты. Почти никто не оборачивался и не смотрел на дергающегося и хлюпающего носом Каро. Даже находившиеся за колпаком, коих стало многим меньше, больше интересовались врачами, препарирующими тело Павла.

Ольга вместе со своей коллегой, медсестрой Инной, которая осталась рядом из-за сострадания к ее переживаниям, бережно обрабатывали швы Каро. Каждый резкий всхлип или писк заставлял сжиматься сердце Ольги. Она аккуратно смачивала тампоном его губы и обтирала его лицо. Ей хотелось погладить его по голове, дотронуться, чтобы он почувствовал ее тепло. Но резкий возглас Кроберг быстро вернул ее мысли в пределы операционной.

Кроберг брезгливо махала рукой на медсестер, отгоняя их. Лицевые хирурги настояли на том, чтобы сначала им дали спокойно завершить их дело. Профессорша не возражала. Медсестры суетились вокруг стола Каро под короткие, хлесткие приказы Васанова. Ассистирующий хирург приступил к высверливанию отверстий для держателей. Необходимо было исключить любую возможность случайного подергивания. Васанов на всякий случай помогал держать голову пациента. Каро скулил и сдерживался, как мог. Он не хотел усложнять и тормозить процесс. Но боль была сильнее. И несколько раз он непроизвольно дернул головой, заставив выматериться Васанова от неожиданности. Когда все отверстия были готовы, в них ввинтили болты, которые закрепили держателями голову в одном положении. Каро с мутным облегчением посмотрел на Кроберг и врачей, наклонившихся над ним. В голове звенели слова Кроберг, сказанные перед операцией. Прокручивал в памяти все дни, прожитые здесь. Каро вспоминал каждую деталь, через боль и стоны, он мысленно возвращался и осматривал старые знакомые места Деревни. Вновь пытался вспомнить ощущения прикосновений, голоса друзей. Он не хотел с этим расставаться и как можно старательнее выжигал эти воспоминания в мозгу. Но яркий свет слепил глаза. От него становилось тошно и гадко. Свет слишком сильно бил из-под купола. Каро закрыл глаза.

Химический раствор прекратил свое действие. Медсестры обработали кожу успокаивающими мазями. Темно-синие рубцы хорошо виднелись на обожженной коже подобно линиям маркера, специально наносимым хирургами перед операцией. По овалу лица шел самый широкий шрам. С него хирурги и начали. Тело Каро слегка дернулся, но голова была недвижима. Он стиснул зубы и всеми силами терпел. Хирурги продолжали. Они разрезали лицо на небольшие участки. Сделав круговой разрез по контуру, они шли по рубцу, разделив лобную часть пополам. Дальше вниз вокруг глаз и носа, по скулам и подбородку. Из разрезов стала выделяться кроваво-белая жидкость. Это секрет мони, смешанный с кровью. Кроберг велела собрать все до последней капли. Этим занималась Ольга с напарницами. Они аккуратно, стараясь, не мешать хирургам, собирали тонкими шлангами драгоценную жидкость для исследований.

Взяв щипцы, врачи осторожно цеплялись ими за кусочки кожи и, разрезая сцепление с мышцами, снимали их с лица. После того как на нем не осталось ни одного участка, покрытого кожей, хирурги продолжили с кожей на голове. Несколько манипуляций с кнопками и стол расположил Каро в полусидячем положении. Следуя по рубцам, они разрезали ее на равные участки аккуратно снимали. Срезав кожу, хирурги обнаружили, что череп покрыт сложной сетью мелкой мышечной ткани. По сравнению с прошлым годом, она уплотнилась и стала невосприимчива к легким порезам. Кроберг рассматривала красные нити мышц с белыми прожилками и поражалась своей дальновидности. Она хотела сохранить тканевую структуру, строго настрого приказав не травмировать мышцы. Хирурги

с усталостью смотрели друг на друга. Но Кроберг не желала слушать иных мнений. Ей нужно было добраться до мозга, но и уникальность мышечной структуры ей представлялась очень интересной для будущих исследований. Что будет с мышцами через год?

Она уже строила планы и решала, как распорядиться подросшими клетками мышечных тканей Каро.

Когда хирурги сняли мышечную прослойку, Каро потерял сознание. Выяснилось, что в некоторых местах мышцы, а именно их белые жилы, крепко цепляются к черепу. Сканирование показало, что они проходят через черепную коробку внутрь. Перед вскрытием Кроберг убедилась, что медсестры успевают готовить кожу Павла и Эльзы к пересадке. Кожу с мертвого лица Павла уже почти полностью срезали. А те части, что принадлежали Эльзе, размораживались в специальных контейнерах.

Кроберг удостоверилась, что все в порядке, и принялась наблюдать за вскрытием черепа. Для этого использовался лазерный нож со сверхмощным лезвием. Черепная кость Каро была крайне устойчива к повреждениям и год от года все больше твердела. По мнению Кроберг, это происходило из-за хирургического вмешательства. Организму необходимо было как-то восполнить недостаток надежности кости, и он усиливал его кальциевую структуру, усложняя из раза в раз. Но, несмотря на все усилия организма, хирурги вскрыли череп. На это им понадобилось на двадцать минут больше обычно, удивлялась Кроберг. Она обернулась и стукнула Карцева по плечу. Олег поморщил нос и, пытаясь скрыть недовольство, отошел.

Перед врачами был венец творения «белой язвы». Удивительный серо-белый мозг Каро. Он был поделен на восемь частей, по четыре в каждом полушарии. Сверху находилась так называемая мозговая сумка. Она служила амортизационным слоем между черепом и мозгом, оберегая его от повреждений и сотрясений. Между тем, она была пронизана нервными окончаниями мозга, что по предположению лабораторных врачей-исследователей, означало умение мозга контролировать амортизационную сумку. Однако, из-за ее недостаточной развитости, это невозможно было проверить. Ученые ждали подходящего момента. Сейчас же их интересовали образцы тканей мозга, которые они пересадили Каро в прошлом году. Сканирование мозга до операции показали, что пересаженные участки полностью ассимилировались. Через несколько минут нейрохирурги убедились в этом сами. Удивлению их не было предела. Они хватались за маски руками и кричали: «Потрясающе!». Каро медленно приходил в сознание. Кроберг засуетилась. Васанов уже заметил это и приказал медсестрам изменить подачу растворов. Кроберг велела Марине немедленно принести раствор, который она лично приготовила для подавления памяти Каро. Нейрохирурги аккуратно пробирались через изгибы отделов мозга к эгоцитарному центру монии в мозгу.

Кроберг взяла ампулу у лаборантки и поместила ее в тонкий автошприц. Нейрохирурги тем временем делали надрезы в мозге, что позволит раствору повлиять на более глубокие слои. Через несколько минут все было готово. Кроберг передала шприц с тонким и длинной иглой нейрохирургу и поспешила к приборам. Вещество быстро заполняло надрезы в мозге, и создавала вместо поврежденных клеток новые связи. Образующиеся на глазах новые ростки клеток стремительно захватывали участки в эгоцитарных клетках. Каро взвыл. Его тело сильно дернулось и изогнулось, глаза широко раскрылись. Врачи и все, кто находился рядом, были потрясены. Его тело было напичкано несколькими литрами мышечных и костных подавителей. Механизмы операционного стола, управляющие ремнями, защелкали

и запищали. Голова, прикрученная болтами, скрипела и трещала в местах креплений. Датчики на стенах вспыхнули ярко-зеленым. Раздался сигнал тревоги. Панели над датчиками замигали красным. Приборы звенели наперебой. Врачи медленно отошли от стола, держа руки с инструментами на весу. Медсестры спрятались за спины, хирургов. Как вдруг все вокруг содрогнулось. По кругу будто пронесся мощный вихрь. Тело Каро резко дернулось. Несколько датчиков на стенах с треском лопнули; посыпались осколки. Кто-то из медсестер и врачей вскрикнули от испуга. Персонал проверял: не повреждены ли костюмы. Тело Каро медленно опустилось на поверхность стола. Глаза его были закрыты. Он был без сознания. Первым к нему подбежала Ольга. Она открыла ему глаза, чтобы понять в каком он состоянии. Зрачки сильно завалены назад. В ее действия вмешался Васанов. Он буквально отпихнул девушку. Дыхания нет, пульс отсутствует, приборы начали пищать о стремительном падении показателей. "Он умирает!", — громом выдал анестезиолог. Кроберг, все это время стоявшая за приборами, широкими распахнутыми глазами смотрела на Васанова, словно не слыша его. Арно подхватила клич анестезиолога и сорвалась за аппаратурой реанимации. Инна подвезла электростимуляторы. Васанов руководил. Стол принял горизонтальное положение. Быстрые указания, четкие действия.

— Стойте! — крикнула Кроберг.

Все смотрели на нее. Она что-то говорила, было видно, как шевелятся ее губы. Но никто не мог понять, о чем она.

— Может, дать ему умереть? — пробормотала она.

— Он же ваш ребенок, — Арно не верила услышанному.

Злое лицо Васанова показалось из-за плеча ассистентки.

— Елена опомнись, — прорычал он.

Но Кроберг словно не видела перед собой ничего. Ее глаза смотрели на стол, на умирающего Каро, но она не видела его.

— Это же твое чудо, — поддержал Карцев. Он подошел к Кроберг и взял ее за руку. — Приди в себя, Елена. Это твой ребенок, опомнись. Ты его создала, и ты всегда сможешь зверя загнать обратно в клетку.

Кроберг закивала. Васанову этого было достаточно. Ассистент Карцева по указанию немедленно развел ребра в стороны. К сердцу подключили стимулирующие электроды. Разряд! Еще разряд! Одновременно с этим анестезиолог прекратил подачу подавляющих растворов и приказал начать их выведение. Сердце сокращалось с помощью малых разрядов тока, заставляя искусственно качать кровь. В большое сердце вкололи адреналин. И когда уровень подавителей в организме стал снижаться, адреналину удалось вступить в реакцию с секретом мониин. Сердце Каро вновь забило самостоятельно.

Глава 10. Кома

Стояла глубокая ночь, когда санитары приступили к уборке операционной. Усталость взяла свое, и тяжелый сон правил всеми, кто принимал участие в операции. Каро находился в палате интенсивной регенерации без сознания.

Первой дежурить вызвалась Ольга. Ее, как и всех, напугало произошедшее в конце операции. Но несказанно радовал отказ Кроберг от пересадки второго сердца. На какое-то время Каро был вне опасности. Профессорша никогда не мешала восстановлению функций организма Каро. Она сильно дорожила им, чтобы позволить своему нетерпению нарушить хрупкий регенерационный процесс.

Ольга находилась на медсестринском посту и смотрела на изображения с камер наблюдения в палате Каро. Ей хотелось думать, что он просто спит и в его голове крутится мирный сон. Она старалась думать об этом, надеясь, что ее энергия передается ему и ему становится легче. В глубине себя она не верила в свои способности. Хотя неопсихологию читала всегда с большим тщанием, и выполняла все уроки, как ей казалось, на отлично.

Дверь зазвенела и в комнату вошла брюнетка Инна. Не красавица, но любимица многих лаборантов. Она провела рукой по плечам Ольги, поправив неаккуратные каштановые локоны.

— Ты это видишь? — указала она пальцем на скачущие цифры.

Ольга очнулась от мыслей и обратила внимание на повышение уровня адреналина в крови Каро.

— И долго так? — Инна посмотрела на подругу: ответ был ясен. Ольга не следила за показаниями. — Нужно разбудить Кроберг.

— Нет, стой! — Ольга схватила Инну за руку. — Это просто скачок адреналина, что с того?! После каждой такой операции у него были скачки. Пусть отдохнет от всех этих гениев.

— Кроберг раздавит тебя одним пальцем, — Инна пыталась напомнить подруге о здравом смысле.

— Зачем ее будить из-за простого повышения адреналина? — упорствовала Ольга.

Инна нахмурила брови. Она смотрела на монитор. Сейчас ей казалось, что это действительно не существенно. К тому же, уровень адреналина не на много превышал норму.

— Если он резко подскочит, я подниму тревогу, — Ольга привела последний аргумент. Инна вздохнула, окинула снисходительным взглядом подругу и поспешила удалиться.

Близилось время обхода. Ольга с нетерпением ждала назначенного часа, когда пойдет осматривать больных в палатах. Их было семеро вместе с Каро. Они не были тяжелыми и не вызывали сейчас большой озабоченности. Ольга стремилась к Каро. Его палата находилась дальше всех. И, несмотря на сильное желание поскорее оказаться в дальней палате, Ольга внимательно осматривала каждого пациента. Она считала себя профессионалом и просто не могла себе позволить поверхностно отнестись к своим обязанностям. Двадцати минут ей хватило на всех. Она ввела персональный код на панели у двери в палату Каро. Он лежал, как и прежде, умиротворенно. Но Ольга чувствовала напряжение вокруг него. Что-то вселяло тревогу и даже страх. Она поморщилась, по телу пробежала дрожь, будто от холода. Подойдя

ближе к кровати, Ольга окинула взглядом датчики на стенах палаты: зеленые. Значит, чувства ее не подвели.

Ее сердце сильно билось. Она смотрела на забинтованного Каро. Медленно она подходила к нему. Ее правая ладонь протянулась к нему. Ей так хотелось дотронуться до забинтованной ноги! Не от жалости. Она что-то чувствовала и не могла понять, что именно. Помотав немного головой, Ольга подошла к приборам. Проверила крепление датчиков. Параметры на том же уровне. Каро дышал ровно и спокойно. Ни хрипов, ни посторонних звуков. Лишь изредка по телу проходила волна дрожи. Ольга заметила это, когда оказалась совсем близко и прислушалась. Она опять взглянула на мониторы с показаниями: на них не было изменений. Лишь адреналин по-прежнему выше нормы. С момента визита Инны на медсестринский пост, показатели немного повысились. Раздался сигнал прибора. Датчики уловили резкий скачок адреналина. Ольга посмотрела на Каро. Он вдруг показался ей таким жутким и безобразным. Он напоминал побитое животное, которое подобрали в лесу. Из жалости ему сохранили жизнь, но все равно придет время и его усыпят. Ничего более отталкивающего она не видела. У нее на лбу выступила испарина, ей стало душно. Она начала тяжело дышать. Вдруг захотелось вырваться отсюда и поскорее. Она схватила историю болезни на спинке кровати: быстро сделала запись об осмотре. Почерк ее был крайне неразборчив и скор. Она небрежно повесила планшет обратно и выбежала из палаты. Ольга жадно хватала ртом воздух. Сильная дрожь в ногах мешала бежать. Она остановилась в нескольких метрах от палаты Каро, припав к стене. Глаза ее смотрели в сторону дальней палаты. Она провела по лицу рукой, пытаясь усмирить дыхание. Немного придя в себя, она сделала шаг по направлению к медсестринской, но ноги плохо слушались. По спине пробежал холод. Затылок чувствовал чей-то злобный взгляд. Словно ее кто-то пытается выгнать. Столько ненависти. Ольга не оглядывалась, пытаясь поскорее дойти до двери в медсестринскую. Чем ближе она была к цели, тем быстрее был шаг. Она стремительно подошла к двери. Нажала несколько кнопок на панели. — Красный! Раздался сигнал ошибки ввода. Ольга вскрикнула. Она стукнула кулаком по стене. Мурашки в панике разбежались по спине — ее что-то коснулось. Она зажмурилась, и сжалась как маленький ребенок. Не вижу — не страшно. По щекам потекли слезы. Она медленно набрала код и вбежала в открывшуюся дверь, с силой захлопнув ее за собой.

Ольга сползла на пол, едва сдерживая всхлипы, зажав рот рукой. Глаза смотрели в потолок. Ровным синим светом мониторы освещали помещение. Ольга посмотрела на экраны. К ногам вернулась крепость. Сделав усилие, она поднялась. Вытирая слезы с лица, Ольга подошла к мониторам. Она смотрела на лежавшего Каро. И снова он казался ей безвинно затравленным человечком, нуждавшимся в заботе. Она вдруг улыбнулась. Поправляя униформу, Ольга не могла понять: с чего вдруг перепугалась? Она посмотрела на дверь. Подошла к ней, набрала код на панели и решительно открыла ее. В коридоре никого. Тихо. Лишь едва мерцающий бледно-зеленый свет датчиков на стенах. Вернувшись за рабочий стол, Ольга принялась искать в компьютерных записях данные по прошлогодней операции.

Оставшийся час дежурства пролетел незаметно. Часы показывали девять. Ольгу пришла сменить ее коллега со сладким именем Ирис. Ольга взяла распечатанные данные по прошлогодним исследованиям. Подойдя к двери, она вкратце рассказала о том, что ночью никаких происшествий не было, показания в пределах нормы. Адреналин Каро снизился, и Ольга умолчала о его повышении. Пожелав коллеге спокойного дежурства, она удалилась.

Ирис удивленно посмотрела на закрывающуюся дверь: обычно Ольга была многословнее. Она по обыкновению всегда оставляла дополнительные инструкции о том, что с пациентами нужно быть очень внимательными. Особенно это касалось Каро: никаких резких движений и неосторожных действий с датчиками.

Кроберг спустилась на второй уровень лаборатории к десяти часам. Она плохо спала и никак не могла заставить себя проснуться. Мешки под глазами громко кричали о плохой ночи. Голова гудела. Любой резкий звук ее пугал. Если это был предупредительный сигнал об открывающейся двери, то она хваталась за грудь. Ругалась про себя и шла по коридору дальше. На персонал она старалась не реагировать, одаривая их мертвым безразличием. Санитары и лаборантки, завидев приближение королевы науки, старались спрятать глаза и, как можно быстрее, проследовать мимо нее. Она шла по коридору к послеоперационным палатам. Послышался тихий голос Марины. Кроберг была рада тому, что ее голос не пищал по обыкновению. Ассистентка профессорши кивнула начальнице, увидев ее в коридоре. Улыбка на лице Кроберг еще больше ее воодушевила. Марина несла в руках небольшую кипу бумаг.

— Здравствуйте, профессор, — звонко поздоровалась ассистентка.

Кроберг сморщилась. Счастье было не долгим. Ставший дребезжащим, голос помощницы расколол радость от встречи.

— Тише, — Кроберг остановилась, как только Марина приблизилась к ней. — Что у тебя?

Марина не поняла призыва начальницы. Но на всякий случай стала говорить на тон ниже. Она раскрыла папку и приготовилась передать несколько прозрачных электронных листов профессорше.

— Не хочу ни на что смотреть. Так говори, — отрезала Кроберг.

Марина на секунду замерла, соображая, как ей поступить.

— Но, — она пыталась совладать со сломанной схемой действий, — вот тут, поступили первые данные, — Марина смотрела в папку, — те что делались автоматически, — уточнила она. Помощница на автомате схватилась за листок, желая протянуть его, но быстро сообразила и отдернула руку.

— И? — Кроберг забавляла скомканная речь Марины. Она говорила тихо и медленно, что не причиняло неудобств. Профессорша была довольна.

— И... Уровень Т-лимфоцитов монии находится на крайне низком уровне, — Марина смотрела на Кроберг, пытаясь уловить: ту ли информацию она ей подает? Но глаза начальницы были уставлены куда-то вперед и, казалось, она даже не слушает, — железистых аффирмаций, несмотря на завершение операции, в организме по-прежнему много. На момент забора проб из организма их количество составляло примерно 12 тысяч на миллилитр кровяной жидкости. Иммунная система выдержала операцию, однако количество лейкоцитов медленно падает. Я сделала еще один анализ перед тем как направиться к вам, чтобы сравнить, — Кроберг немного повернула голову к Марине, но взгляд из пустоты не отвела, — т-так вот, автозабор система делала два часа назад — их было около четырех тысяч на миллилитр. Мой автозабор показал, что их число уже ниже четырех тысяч.

— А количество АТ-цитов?

— Неизменно. Я перепроверила. И показания по лейкоцитам тоже. Странно, система ведь должна была предупредить о таком понижении...

— Должна была, — шепотом проговорила Кроберг. Она закрыла глаза.

— Он умирает да? — дрожащим тихим голосом спросила Марина. Даже ее тонкие светлые волосы тряслись от напряжения.

— Что с конечностями? — Кроберг проигнорировала вопрос.

— Отторжение. Датчики демонстрируют формирование агрессивной клеточной среды. Она пока локализована АТ-цитами, но на фоне падения уровня лейкоцитов иммунная система не выдержит напора мертвых клеток и вскоре отмирать будут другие части тела.

— Пойдем, — Кроберг открыла глаза и направилась в противоположную сторону от палат.

Марина нахмурилась, пытаясь понять действия начальницы. Кроберг направилась к главному иммунологу лаборатории — Ростову Александру Павловичу. У него было в ведении целое хранилище с биообразцами больных «белой язвой». Он принципиально не принимал участия в операции. Кроберг не была против этого, они были давними знакомыми, и работал он здесь по ее настоятельному приглашению. Несмотря на некоторые разногласия, Ростов согласился работать на Кроберг, так как изучение иммунных способностей «белой язвы» было чрезвычайно важным. Зная замкнутость и нелюдимость Александра, Кроберг специально для него создала целый отдел иммунологии. Причем в ней была специальная лаборатория, где бы Ростов мог трудиться один, без вмешательства помощников. Но, несмотря на это, к видному ученому они все же были приставлены. Пять лаборантов, которых Кроберг позволила отобрать лично Ростову. Все они трудились когда-то с чудаковатым профессором и уже знали, чего от него ждать и как с ним взаимодействовать.

Кроберг с Мариной дошли до вотчины Ростова. Профессорша ввела код доступа — они вошли. Внутри кипела работа. Все пять помощников Ростова были на своих местах. Но изначально Кроберг увидела лишь двоих. Они сидели на высоких стульях за столами и смотрели в микроскопы.

— Он у себя? — хрипло спросила Кроберг.

Один из лаборантов указал рукой на внутренние помещения лаборатории. Профессорша проследовала дальше. Марина за ней, успев бросить кокетливый взгляд в сторону одного из лаборантов. Кроберг с помощницей вошли в коридор-шлюз, где они прошли первичное обеззараживание. Двери во внутренние покои открылись. С прохладными потоками воздуха до них доносился голос Ростова. Он был в своей лаборатории и с кем-то спорил. Кроберг не спеша направилась туда. Марина терла руки и пыталась не дать обрушившемуся холоду сковать их. Немного увлекшись согреванием, она отстала от профессорши. Но успела опомниться и нагнать ее.

Ростов стоял с обратной стороны двери в свою лабораторию. Он не спорил, но эмоционально разговаривал с ассистентом. Кроберг различила несколько четких слов: «объект номер три...», «...иммунитет ни к черту», «...она наконец-то его добила». На последнем слове Кроберг открыла дверь.

— Ты?! — пискляво выдал иммунолог. — Как всегда подслушиваешь, или тебя реально интересует судьба твоего подопытного?

— Доброе утро, — снисходительно улыбнулась профессорша, пытаясь не дать раздражению от громкого голоса ученого взять верх.

— Да иди ты к черту со своим добрым утром, — Ростов сделал шаг в сторону, пропуская Кроберг. Марина сжалась. Она впервые видела, чтобы Кроберг позволяла кому-то так с собой разговаривать. — Я предупреждал, что ты когда-нибудь доиграешься, и он умрет?

— Предупреждал.

— Я говорил, что он не выдержит больше экспериментов с пересадками? — Ростов ходил возле Кроберг, словно недовольный индюк.

— Говорил, — профессорша посмотрела на ассистента Ростова. Тот словно бы и не заметил вошедших гостей. Он стоял за столом и готовил какой-то раствор.

— Ты семь раз пересаживала ему руки, девять раз ноги. О том, сколько ты раз снимала с него кожу и забирала органы, я умолчу.

— Тебе не хватает материалов для твоих исследований? — поморщилась Кроберг.

— Сколько ты намерена еще пересаживать ему органы и конечности? Может вдохновишься уже и пересадишь ему, наконец, и голову?! — фыркнул Ростов, смотря профессорше в глаза.

— Так ты же сказал, что он вроде не жилец и я его добила? — Елена на несколько секунд закрыла глаза, справляясь со сверлом в висках.

— Пф, — ученый закатил глаза от злости и направился к столу, на котором были аккуратно разложены стопки обычных и электронных бумаг. — Через шесть часов иммунная система твоего любимого объекта станет не более чем призрачным напоминанием о былой силе. Количество лейкоцитов стремится к нулю, тогда как омертвление тканей в местах разрезов уже началось. Твой ребенок умирает, мамочка, — Ростов злобно смотрел на Кроберг, — что-то не вижу горести в твоих глазах.

— Марина мне уже сообщила о понижении лейкоцитов. Ты опоздал с сенсацией, — Ростов стал надуваться как шар. Он шумно и жадно вдыхал носом воздух так, что его ноздри раздувались словно два паруса. — Что ты предлагаешь? — Кроберг не дала ему шанса продолжить тираду.

— А я должен что-то предложить? — взвизгнул Ростов. Он округлил глаза и повесил на лицо беззаботную улыбочку.

— Знаешь, Саш, хватит, — Кроберг осмотрелась в поисках ближайшего стула и проследовала к нему. — Красивый спектакль, молодец. Что ты предлагаешь?

— Ты не послушала моих рекомендаций — сама и воскрешай, — Ростов сел на стул и сложил руки на груди.

— Если он умрет, то у тебя больше не будет базы для широкого исследования, а у меня не будет крестника, — Кроберг массировала пальцами виски, — и давай, пожалуйста, не будем выяснять для кого из нас это неприемлемо.

Ростов смотрел на нее и давился вырывающимися словами. Ему хотелось вцепиться в горло этой напыщенной эгоцентричной заучке, коей она была в университете.

— Как я уже говорил, — он сдерживал себя, но все еще держал повышенный тон, — АТ-цитов у объекта всегда одинаковое количество. Плюс-минус пара сотен не считается. Именно они составляют костяк его иммунной системы, — Кроберг с закрытыми глазами продолжала массировать виски. — Мы всегда знали, что лейкоциты находятся на второстепенных ролях. И сейчас мы получили превосходное тому доказательство: их количество резко сокращается, но иммунная система еще держится. Организм объекта перенес тяжелый стресс, в его крови сейчас стресс-гормоны превышают все мыслимые нормы. Плюс мертвечина, которую ты так настойчиво пихаешь в него.

— И? — Кроберг теряла терпение.

— Факт перерождения иммунной системы не подтвержден. АТ-циты находятся на прежнем уровне.

— Хорошо. Нет перерождения, — Кроберг посмотрела на Ростова. Боль в голове немного сбавила силу. — У нас не получилось стимулировать ее, но как ее поддержать? Удалось что-нибудь? — она посмотрела в сторону ассистента Ростова.

— Ничем не могу вас порадовать, профессор, — ассистент посмотрел на Ростова, затем на Кроберг. — Организм никогда не реагировал на иммуностимуляторы, которые мы давали ему.

— Он всегда восстанавливался сам, — кивнула Кроберг.

— Он умрет, — Ростов шумно встал со стула. — Мы с раннего утра пытаемся выявить хоть какую-нибудь восприимчивость к иммунным препаратам. Ты постаралась — образцов ткани, крови у нас в избытке.

— Замечательно, — Кроберг встала. Она подошла к столу, за которым сидел Ростов. — Знаешь, я пригласила тебя сюда не для того, чтобы ты закатывал мне истерики по поводу того, что у тебя могут закончиться материалы для исследований. У тебя блестящий ум, у тебя мальчишки-гении в услужении. Так найди мне решение!

— Ты просишь невозможного, — Ростов развел руки в стороны. — Ты сама довела объект до такого состояния. Вечно нетерпеливая, рвущаяся вперед, без тормозов. Я удивлен, как ты вообще раз в год операцию проводишь, а не каждый месяц.

Кроберг сверлила Ростова взглядом. Марина, все это время стояла тише воды у дверей, боялась даже пошевелиться. Ей казалось, что профессорша вот-вот вспыхнет адским огнем и разнесет тут все. И наверняка начнет с нее.

— Ты все время надеялась на чудо, — продолжал Ростов. — Каждый год убийственная операция и каждый раз чудо. Его иммунитет справлялся, а ты ликовала. Карцев обмолвился, что ты хотела его вчера убить. Так и будет. Ты убила его.

— Ты мой иммунолог...

— Не надо валить все на меня, — Ростов показывал пальцем на бумаги, — все здесь. Мои рекомендации, мои опасения, — он выкладывал из папок бумагу за бумагой. — Вот твои данные о состоянии иммунной системы Каро. Вот анализы, взятые за несколько дней до операции. Ты посмотри, чего же ты стоишь как истукан? Я четко дал тебе понять, что операционное вмешательство нежелательно. Но, зная тебя, я добавил приписку. Вот она видишь? Ограниченное, — по слогам процитировал он сам себя, — вмешательство. Неделю назад наши исследования подтвердили, что иммунная система объекта не претерпела никаких изменений с прошлого года. Она не показывала никаких признаков перерождения и по-прежнему зависима от лейкоцитов, которых у Каро с каждым годом все меньше. Учитывая паразитарный механизм иммунного механизма «белой язвы», лейкоцитов скоро и вовсе не останется. А количество АТ-цитов все еще очень мало, чтобы иммунная система опиралась на них. Но ты же светоч! Ты решила его переродить.

Видя патовое противостояние ученых, ассистент Ростова решил вмешаться.

— Есть вариант, — Кроберг посмотрела на лаборанта волком, — он, правда, до нелепости прост. Мы же кормим Каро едой. Что если вместо еды, или вместе с ней, давать витамины? Или еду, укрепляющую иммунитет. Его организм ведь поглощает пищу, а, значит, растворяет ее микроэлементы. Это не лекарства и отторжения не должно быть.

— Звать как? — рыкнула профессорша.

— Антон... Анатолий Грищев, — поправился ассистент.

— Приступайте, — Кроберг посмотрела на Ростова.

— Вы действительно думаете, что витаминки его поднимут на ноги? — негодовал

ученый.

Кроберг посмотрела на Марину, которая все это время жалась у дверей, давая ей понять, что они уходят. Покинув личные лабораторные покои Ростова, профессорша вновь схватилась за виски. Голова гудела. За спиной раздавался цокот каблуков Марины.

— Ты можешь... не ходить так громко? — Кроберг как можно сдержанней произнесла это. Но не нервы Марины она берегла, а боль в голове мешала ей прикрикнуть, как она обычно любила.

Они вышли из имунной лаборатории. Кроберг бросило в дрожь. В коридоре было очень холодно. Холоднее чем у Ростова, хотя там специально поддерживалась температура ниже. Увидев первого санитара, Кроберг приказала немедленно выяснить, что с системой охлаждения.

— Мне нужен Карцев, — Кроберг приказала Марине разыскать его. — Я буду в кабинете.

— Вы не пойдете к Каро? — удивилась ассистентка.

Кроберг посмотрела вдаль коридора. У нее гудела и раскалывалась голова. Она зажмурилась и немного наклонилась.

— Нет. Буду у себя. Через сорок минут, пусть Карцев зайдет ко мне, — Кроберг направилась к лифту. Марина хотела было пойти за ней, но слышать ее каблуки было невыносимо для профессорши. Она велела ассистентке куда-нибудь испариться.

Войдя в лифт, Кроберг ликовала. Она осталась одна и ничто не давит ей на мозг. Ей хотелось поскорее войти в свой кабинет и развалиться на ортопедическом диване. Голова, словно кусок чугуна, давила на плечи. Раздался мелодичный звук. Двери лифта открылись. Кроберг вышла и быстрым шагом направилась к кабинету. В первом холе было очень тепло. Профессорша готова была остановиться, чтобы укутаться в теплые потоки воздуха, но желание достичь заветного дивана подгоняло преодолеть несколько шагов до двери в кабинет. Пройдя половину пути, она заметила, что на диванчиках вдоль стен дремлют несколько санитаров. Кроберг остановилась и огляделась. Некоторые, казалось, спят очень крепко, другие просто отдыхают, глядя перед собой потерянным взглядом. Но появление Кроберг тут же концентрировало на себе рассеянные взгляды. Санитары ловили взгляд профессорши, но они не спешили вскакивать и убегать. Кроберг медленно шла до двери, изучая неожиданную аномалию: почему они не боятся ее. Взгляды бодрствующих санитаров были настолько безразличными и бессильными, что они просто безмолвно провожали Кроберг до двери. Она набрала личный код на панели и, бросив последний взгляд на персонал, зашла внутрь.

Комната отдыха находилась в дальнем конце кабинета. Но сил идти так далеко уже не было. Ноги шли к дивану, расположенному слева от двери. Она рухнула на него, не снимая халата. Одна рука касалась пола, другая у спинки, нелепо скрючившись. Кроберг отключилась.

Прошло около часа. Профессорша нехотя открывала глаза. Повернув голову, она увидела, как к ее руке приближается метровой высоты смоляной волк. Он открывал и закрывал зубастую пасть, морщился и глубоко вдыхал носом воздух. Кроберг закричала, она махнула рукой перед собой и со всего маху заехала Карцеву по лицу. Хирург шарахнулся в сторону, схватившись за нос, и громко ругаясь. Кроберг приходила в себя, увидела Олега и, пытаясь сообразить, что же такое произошло, вскочила с дивана.

— Ты что тут делаешь? — никак не могла опомниться Кроберг.

— Рехнулась что ли? — Карцев был вне себя. — Ты для этого меня вызвала?

Через полминуты Кроберг начала хохотать. Она почти пробудилась и со смеху села на пол. Карцев ощупал нос, не течет ли кровь. Удар был сильным.

— Прости, — сквозь смех выдавливала Кроберг.

Карцев, досадуя, поднялся и протянул руку Елене.

— Честное слово я не специально, — Кроберг присела на диван, чтобы отдышаться. Карцев нацепил на лицо осуждающую ухмылку.

— Я так крепко спала. Кошмар приснился, — профессорша совладала со смехом и направилась к столику, на котором стоял графин с водой. Ее мучила жажда.

— Ну, быть может, и мне чайку нальешь в утешение? — Карцев сел на диван вразвалочку.

— Секретутка твоя тебе нальет, — хрипло и сухо отрезала Кроберг. Она взяла графин и налила до краев самый большой стакан. — Что ты здесь делаешь? — между жадными глотками спросила профессорша.

— Вот тебе и раз, — поразился Карцев, он заложил ногу за ногу, — ты своей четвероногой приказала меня позвать. Знаешь, мне бы тоже сейчас спать да посапывать в подушку.

Кроберг допила воду и со стуком поставила стакан на стол. Она пыталась собраться с мыслями. Через пару секунд она вспомнила, что сама пригласила Карцева.

— Твой отдел уже закончил с отчетом по операции? — Кроберг прошла за свой стол.

— Заканчиваем. Работы много, не спеши, — Карцев сложил руки на груди, — плюс ночка-то не из легких была: все как в дурмане ходят. Вот если бы ты дала сутки отдохнуть всем, выспаться, то тогда работоспособность гораздо выросла.

Кроберг нахмурилась; посмотрела на часы: чуть больше одиннадцати. Она помнила, что в послеоперационной палате лежит ее крестник. Но ей не хотелось идти туда.

— Как образцы тканей и конечностей, взятые у Каро?

— Идеально, — довольно выдал хирург, — руки и ноги приживаются. Никакого отторжения. Кровеносная система пересаженных частей закупорилась. Мембраны образовались, как и положено — омертвения пока не происходит. Это прорыв, — Карцев сиял надменной улыбкой. — Если это состояние продлится еще два часа, то можно смело заказывать фуршет.

Кроберг не услышала последних слов. Самовлюбленность Карцева интересовала ее, когда он творил за операционным столом. Там он выкладывался и красовался.

— Что-нибудь слышал о состоянии Каро?

— Что-нибудь слышал, — Карцев встал с дивана и, сложив руки за спину, медленно направился к столу Кроберг. — Ростов с ассистентами трудится как пчелки на лугу, — Олег медленно произносил слово за слово. На его лице просвечивала ухмылка. Кроберг знала ее, она появлялась у Карцева каждый раз, когда он чувствовал свое превосходство. Но что на этот раз? Елена понимала, что он говорит не о том, что у него на уме. — Кормят его витаминами. Каро их переваривает. И через четыре часа мы либо похороним его, либо сделаем еще одно открытие, — Карцев остановился возле стола, слегка наклонившись к профессорше.

Кроберг смотрела на него, не отводя взгляда. На лице у нее расплылась ехидная улыбочка. Она думала о том, какой Карцев стал смелый. Хотя она часто давала ему понять, что не против закрутить служебную интрижку, но это было лишь игрой. «Неужели он

решился на нее ответить», — рассуждала про себя профессорша.

— Ну что вы, профессор, — Карцев медленно обходил стол справа, — даже не встанете и не протяните руки, страждущему кавалеру? — Хирург приблизился к Кроберг, медленно наклонился, шумно вдыхая ее аромат.

Елена сидела недвижима. Она сопровождала приближающегося Карцева взглядом, но головы не повернула. До ее ушей доносилось сопение Карцева, то, как громко он выдыхал воздух. Внутри нее что-то екало и дергалось с истомой, представляя, как его прямой нос касается ее кожи. Тепло его лица грело ее. Она чувствовала, как он наполняет воздухом свои легкие и собирается что-то сказать.

— Ведь скоро все может измениться и не кавалер, а профессорша будет протягивать ему руку. — Кроберг резко повернула голову и взглянула на Карцева. На его лице красовалась наглая ухмылка. — Что ты так смотришь на меня? — продолжал хирург. Он смотрел профессорше в глаза. — Твои дни тут сочтены, тобой яростно интересуются федералы, — Карцев выпрямился. Он смотрел на Кроберг сверху, не снимая улыбки укротителя.

Кроберг откинулась на спинку кресла, чтобы лучше видеть наглуую рожу того, кто секунду назад заставлял содрогаться клетки ее тела. Она поморщилась, как могла, сдерживала свое негодование и злость. Ей хотелось ударить его по лицу. Стервятник, он всегда был таким. Почувствовав гниль, тут же попытался надкусить. Но то, что гнилью пахнет от нее, никак не укладывалась в голове Елены.

— Что? Твоя дворняжка еще не донесла тебе? — Карцев продолжал подбирать самые емкие, как ему казалось, словечки. Но его мыслительный процесс прервала ухмылка Кроберг. Она приподнялась с кресла, опираясь на подлокотники.

— Пошел вон, — она сказала это бескомпромиссно, напирая и давя, как асфальтовый каток. От укротителя хищников Карцева не осталось и следа. Он не мог понять, что случилось и где он промахнулся. — Рано ты меня хоронишь.

— Елена, я...

— Все что мне нужно было, я узнала от тебя, дорогой.

— Это ведь игра, — попытался выровнять положение хирург.

— Можешь идти в свой уютный угол и забиться.

— Я ведь тебе понадобится, — парировал он.

— А ты и не уволен, милый, — цедила слова Кроберг, — лишь предлагаю подумать, каким адом для тебя станет следующий месяц пребывания здесь. Вон!

Карцев запнулся о край стола, но удержался от падения. Он ретировался. Кроберг стояла перед ним, как столп. На ее лице висела надменная маска, а ее зрачки как два сверла буравили череп Карцева. Хирург отступал. Он быстрым шагом добрался до двери и скомкано вынес себя из логова зверя.

Кроберг наклонилась к селектору на столе и нажала на кнопку вызова Марины. Через секунду раздался взволнованный голосок ассистентки.

— Да, профессор?

— Почему о федералах я узнаю не от тебя, а от Карцева?! — кричала Кроберг.

— Я рядом с кабинетом, профессор, — голос Марины дрожал подобно зверьку в норке, — скоро все объясню.

Кроберг плюхнулась в кресло. Зверь ждал свою зайчатину. На счастье Марины, Кроберг не ощутила двухминутного ожидания. Датчик на панели у двери прозвучал разрешающим сигналом, и в кабинет вошла Марина. Бумаги и папку она держала в руках за спиной.

Испуганный зверек сам готов был кинуться в пасть льву. Кроберг фыркнула. Наигранная жертвенность Марины нервировала ее. Она кивком головы указала на стул перед ее столом. Ассистентка рванула к нему; раскрыла папку и протянула листок начальнице. Это было официальное уведомление на плотной бумаге из Федеральной службы безопасности. В нем говорилось о том, что директор ФСБ Никитаев дает разрешение на осмотр строго охраняемого засекреченного объекта «Деревня». Кроберг обдумывала. Рой мыслей раскручивал шестеренки мозга. Такая формулировка может означать одно: осмотр будет проводиться в лаборатории. В противном случае они написали бы о Деревне, как о спецрезервации. Их интересует именно лаборатория. Их?! «Кого их?», — зацепилась Кроберг. Она читала дальше. В документе было четко прописано, что осмотр будет проведен по инициативе главы специального отдела биохимической безопасности майора Саврасова. Он же лично прибудет через три дня.

— Три дня, — шепотом произнесла Кроберг. Марина уловила обрывки слов и пыталась вслушаться. — Почему Карцев знает об этой бумажке, а я узнала только что?! — взгляд профессорши окатил жаром ассистентку.

— Я... я не знаю, профессор, — причитала Марина. — Я действительно понятия не имею, откуда Карцев мог узнать. Курьера я встречала лично. Никого рядом не было. О том, что это из ФСБ, я даже узнала не сразу. На ходу открыла к-конверт в коридоре, когда шла сюда.

Елена слушала скомканную речь ассистентки. По столу она стучала идеальным маникюром на тонких пальцах, стараясь построить свои размышления в ряд. Марина смотрела на скачущие пальцы, представляя, как новый и новый гвоздь вколачивается ей в голову.

— Не усидел майор у себя в кабинете; не дождался пока у подозреваемого восстановится память, — рассуждала Кроберг. Она смотрела в потолок, рассматривая неровные линии. — Что же тебе нужно здесь? Единственная связь с БиоНИЦ, это я и новенький. Хм...

Кроберг встала с кресла. Марина сжалась.

— Каро... — профессорша прошла мимо ассистентки. Она дошла до дивана и присела. В ее голове крутились осколки с изображениями. Некоторые из них быстро складывались в большие картины. Например, Кир и его прибытие. Она не чувствовала здесь тайны. Здесь для нее не было подвоха. Но внезапный визит майора ФСБ... Он открыто продемонстрировал свой интерес к делам лаборатории, — и что хуже, он достал разрешение на осмотр, — произнесла она вслух. — Что ему нужно? — Елена посмотрела на Марину. Ей нужен был диалог.

Марина сглотнула. Холодок пробежал по спине.

— Какое-то расследование? — осторожно предложила она.

— Какое-то, — презрительно повторила Кроберг. — У него тут одно расследование и ход ему будет дан только через месяц. О визите фсбэшника знает Карцев. У него свои связи. Гниль... нет, не вариант, — Кроберг замолкла. Она откинулась на спинку дивана и, запрокинув голову, снова смотрела в потолок.

— Он пытается что-то выяснить. Может с его помощью под кого-то копают? — с надеждой на прощание Марина смотрела на начальницу.

— Под меня? — не отрываясь от потолка, уточнила Кроберг. — Я никому дорогу не переходила. Работа делается. И если бы под меня начали копать, об этом бы знал Винбург.

Он давно был бы здесь. Нет. К тому же, — профессорша посмотрела на Марину, — этот майор слишком самостоятелен. Винбург не зря его опасается. Если он и копает, то по своему усмотрению, — не по заказу. Что тебе здесь нужно? — вновь задавая тот же вопрос, Кроберг чувствовала, как нервы в позвоночнике натягиваются струнами.

— Может это из-за Вики? — вдруг вспомнилось Марине. Кроберг перевела на нее взгляд. — Виктории Олеговны, — тут же поправилась помощница.

Сотова Виктория 13 лет назад была ассистенткой Кроберг. Тогда же, в 2209 году, произошел первый и единственный побег из резервации. Вика влюбилась в одного из первых жильцов Деревни. Это был юноша без определенного места жительства. Его подобрали под мостом стражи порядка. Во время медицинского осмотра была обнаружена белая ороговевшая кожа на руках. После, его определили в Деревню. Имени он своего не назвал ни в участке, ни в лаборатории. Когда он прибыл в Деревню, то сцепился с, встречавшей его, Кроберг. Елена была крайне возмущена поведением высокого худого дрыща с черными длинными волосами. Кроберг, со злости, приказала написать вместо имени — «объект 11». Но чаще его звали просто — Второй, из-за значимости в исследованиях после Каро. Он был частым гостем в лаборатории. С Каро Второй не ладил, также как и с другими. Однако их часто видели вместе. Что-то тянуло их друг к другу, но часто такие встречи заканчивались ссорами и порой могло доходить до кулаков. Второй был старше и сильнее, поэтому всегда доставалось юному Каро. Кроберг довольно быстро поняла, что бомжеватый паренек таит в себе скрытый потенциал. Она уделяла ему пристальное внимание, когда он приходил на очередную операцию. Однако Второй умело сопротивлялся. Он скрывал свои способности и со знанием противостоял химическим препаратам. Заносчивость парня и сопротивление исследованиям невероятно злило Кроберг. Она использовала Каро для того, чтобы пробить нейрозащиту «объекта 11». Борясь с ним, Кроберг и персонал не заметили, как он сумел склонить Викторию на свою сторону и влюбить ее в себя. Именно она помогла ему совершить побег. Красиво пройдя у охраны под самым носом, Второй оказался на свободе.

Чтобы задержать преследователей, он отдал им Вику. По его следу были пущены все ищейки области. Большой «белой язвой», сумевший пробиться через всю защиту Деревни представлял угрозу национальной безопасности. Одного единственного человека искали все военные части области. Были перекрыты абсолютно все дороги. Сама область была полностью заблокирована. Десятки тысяч людей искали его семь дней. И нашли. Во время задержания стало понятно, что Второй не собирается возвращаться в Деревню и не сдастся без боя. Предполагалось, что он безоружен. Однако во время спецоперации погибли четырнадцать бойцов. Потребовалось применение спецзащиты и биологическая блокада района, где он скрывался. При следующей попытке поймать Второго, он был убит выстрелом в сердце.

Кроберг перематывала старую историю и чувствовала, что это верная ниточка. Однако, несмотря на противоречия в отчетах военных и ученых, дело было закрыто. Тело Второго не было передано обратно в лабораторию. Кроберг тогда очень злилась из-за этого. Но ей пригрозили лишением поста главы лаборатории и она смирилась.

— Передай по отделам, чтобы привели в порядок бумаги и подобрали все хвосты, — Кроберг вскочила с дивана и направилась к столу. Марина раскрыла электронный блокнот и быстро записывала поручения. — Из криохранилищ надо убрать все биоматериалы Эльзы и Павла.

— Это нужно сделать сегодня? Ведь осмотр только через три дня, — уточнила Марина.

— У этого майора есть дурная привычка приходить раньше указанного срока, — Кроберг схватила некоторые бумаги со стола и направилась к выходу. — Я посмотрю как там Каро. Прикажи отключить камеры в палате, как только я войду, — на лице профессорши читалась легкая растерянность. Ей не хотелось идти туда, но она чувствовала, что должна. Мысли о том, что он может умереть, вновь возвращались в ее мыслительное пространство. — Отчеты о его операции нужно немедленно переделать, — дверь закрылась.

— Хорошо профессор, — но слова разбились о стену. Марина скрупулезно записывала все слова начальницы. А после того как та удалилась, схватила мобильный коммуникатор и начала обзванивать отделы и передавать поручения. Столько нужно было сделать! Марина схватилась за голову и, посмотрев на часы, выбежала из кабинета.

Кроберг подошла к лифту. Нажала на кнопку вызова. В голове крутились мысли о Каро, о федералах, о Виктории и «об объекте 11». Профессорша ухмыльнулась. На дворе календарная весна, а в ее голове сходит лавина за лавиной. За спиной кто-то шумно вздохнул. Она обернулась. Усталый персонал неохотно передвигался по своим делам. Санитары медленно толкали перед собой тележки, облакачиваясь на них. Девушки-лаборантки потирали глаза, будто они только проснулись. В голове у Кроберг пронеслось, что Карцев хоть и осел, но, наверное, прав был, когда говорил о времени на отдых для всех. Двери лифта открылись, и Кроберг поехала вниз.

Нижний уровень окупил ее в прохладу. По коже побежали мурашки. Кроберг запахнула халат. Ее приказ исправить систему охлаждения не исполнили. Она готова была сорваться на первом встречном. И таким несчастным оказался низенький профессор Кем. Он специализировался на электрохимических реакциях. Они встретились взглядами одновременно.

— Наконец-то я вас увидел, — Кем был очень взволнован.

— Какого черта техники еще не устранили проблему с климатом? — вспылила Кроберг. — Тупоголовые многоклеточные. Сколько можно возиться с техникой?!

— Я именно об этом и хотел с вами поговорить, — Кем пытался хоть как-то пробиться сквозь словесную атаку Кроберг. Но было напрасно. Она, увидев проходящего санитаря, начала допрашивать его: почему систему охлаждения до сих пор не починили.

Парень не знал, что ответить ей. Он виновато потупил голову, что еще больше злило Кроберг. Профессор Кем наблюдал за этой картиной и лишь развел руками. Бросив фразу о том, что он лучше подойдет позже, но будет поздно, скрылся за поворотом коридора.

Выместив злость на санитаре, Кроберг еще раз приказала ему заняться системой охлаждения.

— Ну что ты стоишь? — фыркала она. — Что фантазии не хватает додуматься что делать? Иди в техблок! — Санитар был рад хоть куда-нибудь скрыться от Кроберг.

Елена опомнилась. Посмотрела по сторонам, разыскивая профессора Кема. Но его и след простыл. Надо идти. До сектора, где находились лежащие пациенты, она дошла быстро. Было холодно. Кроберг обходила палаты. Проверяла приборы, датчики, читала последние записи в истории болезни. Убедившись, что все в порядке и федералам не к чему будет придрататься, она остановилась у дверей палаты Каро. Сейчас ей хотелось, чтобы внутри находился Ростов с ассистентами. И она сможет спросить их о состоянии Каро. Только выслушать доклад и ничего больше. Она пыталась убедить себя как можно быстрее покинуть это крыло. Кроберг ввела свой пароль на панели доступа. Дверь открылась.

Он лежал на кровати весь забинтованный. Несколько десятков проводов тянулось от

него в разные стороны. Окруженный аппаратурой, множеством считывающих пикающих приборов. Елена сделала шаг вперед. Дверь за ней закрылась. Она стояла и смотрела, как его грудная клетка медленно вбирала воздух, немного задерживалась и отпускалась вниз. На выдохе вырывался слабый, едва слышный, скрипящий стон. Ему было больно. Кроберг сморщила лицо. Глаза закрылись непроизвольно. Она продолжала стоять. Первый шаг так тяжело давался. Ее пробирала дрожь. В сгустившейся тишине казалось, что дыхание умирающего тела становилось все громче. В этот миг она увидела, как разрывает его на части. Как десятки людей смотрят на него через прозрачный купол и слезы... Белесые капли, обжигающее его кожу... и глаза, бесконечно усталые, понимающие.

Кроберг сделала шаг и открыла глаза. Она медленно шла к кровати. Приборы показывали количество лейкоцитов на опасно низком уровне. Ткани предплечья отмирали. Начиналось гниение. Елена уловила слабый запах разложения. Чем ближе она приближалась к Каро, тем отчетливее она чувствовала жуткий аромат. Елена остановилась у его головы. Такой беспомощный, забитый и искалеченный. Ее открытие, ее маленькое чудо. Прибор издал небольшой писк. Кроберг посмотрела на экран с показаниями. Небольшой кратковременный скачок адреналина. Она посмотрела на стены: датчики не меняли своего зеленого цвета. Что-то подсказывало ей, что Каро не борется за жизнь. Она злилась. На свое вдохновение, торопившее ее, на свои желания сделать открытие, на частые операции и бесчисленные пересадки.

— Мое чудо, — произнесла она шепотом. С тоской и нежностью она смотрела на свое дитя. Она знала каждую его клеточку, каждую цепочку его ДНК. Так долго и с такой жадностью она вгрызалась в нее, чтобы расшифровать, понять и приблизить науку к новым открытиям. — Мое яркое солнце, — Елена прикрыла рот рукой, пытаясь удержать эмоции. Они как бурлящая река, что стремится вырваться за край берегов. Но она не могла себе позволить этого даже здесь, когда она одна. Пусть отключены камеры, и никто не смотрит. Елена протянула другую руку к голове Каро. Как ей хотелось дотронуться до него! Его кожа: она изумительна на ощупь, такая адаптивная. Каждый раз, когда она касалась ее, она становилась бархатной, нежной как у того семилетнего мальчика, которого она когда-то взяла на руки.

Тогда, восемнадцать лет назад, вертолет БиоНИЦ приземлился рядом с местом аварии школьного автобуса. Испуганные глазки мальчугана бегали из стороны в сторону, а ручки цеплялись за ее защитный костюм. И когда он поймал ее уверенный взгляд, то уже не отпускал. Даже когда его передавали в другие руки, он искал ее: вертел головой, рыскал большими глазами. Среди десятков пар глаз искал ее.

Раздался звук открывающейся двери. Кроберг отдернула руку и со злобой посмотрела на того, кто осмелился помешать ей. Это была Марина. Войдя, она тут же прижалась к стенке. Ассистентка хорошо понимала, что, придя сюда, она может стать громоотводом для Кроберг. И она не заставит долго ждать удара. Марина держалась за себя, обнимая тонкую папку с бумагами.

— Выйди! — и в словах этих было столько ненависти и хищного.

— Это важно, — бледнеющая Марина тряслась как листок на осеннем ветру, осмелившийся задержаться на ветви дерева. Она протягивала папку, пытаясь как можно скорее оправдаться ею.

Кроберг посмотрела на папку. Потом на Марину. Она готова было раздавить ее как таракана, дерзнувшего появиться на косяке двери. Но другая ее часть была поражена

смелостью ассистентки. За столько лет работы с ней, она должна была полностью сломиться, изничтожиться. Но она принесла ей папку с бумагами. Кроберг сделала несколько тяжелых шагов великана, приближающегося к жертве. Выхватив бумаги, она вытащила листы и принялась изучать.

— Это данные с результатами анализов о составе АТ-цитов жителей деревни, — голос Марины дрожал словно струна. — Я перепроверила имеющиеся данные по АТ-цитам. И кое-что нашла. Я даже показала их Ростову, прежде чем идти с этим к Вам.

Кроберг с удивлением смотрела на ассистентку. Откуда у нее вдруг смелость зайти к Ростову? Ведь наверняка он оказал ей не самый теплый прием.

— Я попросила профессора проверить возможность переливания секрета моники с концентратами АТ-цитов от жителей к Каро. Сначала он отверг эту идею. Но я знала, что права. Ведь у последнего прибывшего точно такие же цепочки АТ-цитов, как и у Каро. Данные были самыми свежими, поэтому их еще толком никто не смотрел.

Кроберг слушала и смотрела на листы с результатами сравнения анализов. Она подошла к спинке кровати Каро.

— У нас есть шанс тебя вытащить, — в ее голосе вновь чувствовалась искра, из которой вот-вот разгорится пламя. — Я достану для тебя столько АТ-цитов, сколько потребуется.

Раздался протяжный сигнал датчика. Монитор показывал высокий выброс адреналина. Кроберг посмотрела на датчики на стенах — все по-прежнему без изменений. Профессорша осеклась. Ей некогда было думать об этом. Она направилась к выходу. У дверей стояла радостная Марина.

— Разберись с этим, — Кроберг указала рукой на пищаний датчик и пулей вылетела из палаты.

Марина осталась наедине с Каро. Она выдохнула и вдруг подпрыгнула от радости. Конечно, она только что совершила подвиг — помогла великому профессору Кроберг в решении сложной задачи. Марина хвалила себя и радостно танцевала. Какая она молодец, умница и гений: заметила то, что другие не заметили. Прибор по-прежнему пищал. Это немного остудило ее пыл. Она опомнилась. Перед ней лежит умирающий, а она танцует. Ей стало неловко. Улыбка слетела с лица. Неохотно она подошла к приборам, боясь посмотреть в сторону Каро. Звук датчика резал слух. Она выключила его. На мониторе мигал лишь красный прямоугольник. Цифры адреналина на нем быстро поднимались. Марина задумалась. Вдруг ее что-то ударило! Она с криком обернулась. Это было похоже на удар током. Она посмотрела на пол, не стоит ли на проводах. Все в порядке. Марина осмотрелась — никого. Датчик продолжал мигать. Цифры зашкаливали. Марина смотрела на стены. Датчики горели ровным зеленым. Нейроактивности у Каро нет. Ей стало холодно, она слишком долго находится на нижнем уровне и одета всего в легкий халатик. Она растерла немного руки, пытаясь согреть их. В кармане у нее что-то завибрировало. Марина вскрикнула. Потом поняла, что это ее телефон. Она быстро вытащила его. За годы работы она хорошо усвоила, что Кроберг не любит, когда рядом звонят мобильные телефоны. Они ее раздражали.

— Алло, — шепотом произнесла она. Голос в трубке был знаком ей. На лице быстро появилась довольная улыбка. Но вскоре ей на смену пришел ужас. Глаза налились тяжелыми слезами. Слова толпились на языке, мешая друг другу. Как вдруг все померкло. В палате стало невыносимо душно и тесно. Провода-паутины у кровати раскачивались. Но где же ветер? Так душно, нужно вдохнуть свежего воздуха. Нужно вырваться, сбежать отсюда —

сейчас! Она бежала по коридору, держа трубку возле уха. По щекам текли реки слез. Другой рукой она лихорадочно водила возле шеи и груди. Такой тяжелый воздух. Стоит на месте, что невозможно дышать. В глазах взорвались красным пламенем снопы искр. За болью пришел мрак. Она ничего не видела. Ноги едва плелись: такие тяжелые, как железо. Она почти дошла до лифта, но сил идти дальше не было. Она захлебывалась в слезах. Марина оперлась о стену и сползла вниз. Ей хотелось вырвать из головы этот голос. «Этого не может быть, — хрипя, повторяла она, — не может быть». Она закрыла глаза. Вокруг стало темно и тихо. Холод сковывал ее, но она уже не сопротивлялась.

Кроберг ворвалась в ординаторскую. Все необходимые ей умы находились там. Она приказала врачам готовить операционную. Старшему санитару в смене было велено немедленно доставить Кира в лабораторию и приготовить его к переливанию АТ-плазмы. Лаборатория гудела.

Кроберг ворвалась к Ростову. Тот заканчивал последние тесты. На его лице красовалась маска уверенности.

— Я ждал тебя, — не отрываясь от компьютера, опередил он. — Мы сможем подлить АТ-циты новенького к твоему крестнику.

— Но ведь есть подвох, не так ли?

— В реке всегда есть подводные камни, — улыбнулся Ростов. — Но их мы сумеем избежать, если ты не будешь спешить.

Кроберг фыркнула.

— Что такое?!

— При переливании АТ-плазмы иммунная система «объекта 3», в том состоянии, в котором она сейчас, скорее всего, отвергнет ее.

— Но ты нашел решение? — у Кроберг следка подергивались пальцы.

— Конечно, — Ростов посмотрел на ассистента.

Тот подхватил эстафету шефа и добавил.

— Чтобы АТ-плазма новичка не была отвергнута, необходимо сначала синтезировать ее с лимфо-мембранным секретом. Это защитит чужеродную плазму от разрушения, и лимфа-мембрана станет той комплементарной связью, которая сделает перелитую АТ-плазму с АТ-плазмой Каро одним целым.

— Надеюсь, вы выяснили, какая лимфа-мембрана нужна?

— Да, конечно, — Ростов протянул Кроберг две бумаги. — Думаю, по базам несложно будет пробить эти циферки?

Кроберг бегло просмотрела данные сравнения анализов. Это было не столь важно, пока ее взгляд не остановился на кодовом обозначении: 2245.ТАНЯ.8.854.5D. На ее лице появилась легкая улыбка. «Так легко», — пронеслось у нее в голове.

— Проконтролируй, чтобы никто ничего не напутал, — Кроберг посмотрела на Ростова. Он хмурил брови. — Головой отвечаешь, — прорычала она и вышла из лаборатории.

Тем днем из ворот лаборатории выехали два электромобиля с двумя санитарями каждый. Они на большой скорости проносились мимо улиц, оставляя за собой тяжелые клубы пыли, которые тут же оседали на землю. Жители переглядывались и старались не думать о том, что сразу две машины собирались увезти кого-то в лабораторию. Прятаться смысла не было, ведь некуда бежать. Но мысли о промчавшихся электромобилях тревожно засели в головах. Все ждали. Ждали, когда они поедут обратно, чтобы увидеть, кто сидит рядом с санитарями. На этот раз они были очень небрежны. Тормоза машин жутким

скрипом отозвались в умах жителей. Их было слышно за несколько улиц от места остановки. Все соседи чувствовали, как тяжелой поступью санитары заходят в дом. Кира взяла дремлющим из кровати. Он не мог разобрать поначалу, что происходит и даже выкрикнул: «Кнут, не надо...». Но никто не обратил внимания на это. Его посадили на заднее сиденье и повезли в лабораторию. Малышку Таню санитары вылавливали пятнадцать минут. Она бегала с ребятами по закоулкам, пытаясь найти последний артефакт к ребусу Каро. Увидев санитаров, смотрящих прицельно на нее, она рванула от них. Санитары побежали за ней. Но уже через пару метров она резко свернула в переулок. Санитар мчался к ней. Он тяжело дышал и готов был быком ворваться в узкий проулок. Но Таня сама вышла ему на встречу. Рослый здоровяк схватил ее одной рукой и оторвал от земли, словно маленькое деревце. И через пять минут они уже ехали по главной улице в лабораторию.

Кир протер глаза. Яркий свет освещения был нестерпим для недавно проснувшегося. Ворота закрылись. Рядом остановился второй электромобиль. Кир увидел Таню. Она испуганно смотрела то на одного, то на другого санитаров, стараясь найти хоть одно знакомое лицо. Так учил Каро: искать знакомых среди санитаров — «они будут к вам менее агрессивны». Но Таня никого не могла узнать. На лицах санитаров было полное безразличие к ней, но озабоченность происходящим. Они бежали, торопились и не обращали внимания на медленно перебирающую ногами девочку.

— Я так рад, что ты здесь! — громко произнес Кир, глядя на нее. Он сразу же привлек внимание Тани. Она расплылась в улыбке, но боялась сдвинуться с места.

Кир с опаской покосился на санитаров. В нем бурлил страх, а в груди разрасталась дыра. Нужно было шевелиться, иначе страх как льдом скует все тело. Он спросил разрешения у санитаров подойти к девочке.

— Пойдем туда вместе? — Кир взял ее за руку. Таня едва заметно кивнула. — Держи меня и мне будет не так страшно. Я ведь новенький здесь.

Таня схватила его за пальцы. Санитар толкнул Кира в спину. Они направились внутрь. Кир намеренно шел не спеша, несмотря на толчки сзади. Он все время смотрел на Таню и улыбался ей. Он корчил ей рожицы, передразнивая хамство санитаров. Таня улыбалась. Она крепче схватила руку Кира, когда они вошли в знакомый бледно-зеленый коридор. Она не любила это цвет. Его в ее жизни было в избытке. Даже из тех рисунков, что давал ей Каро, она любила больше те, в которых не было бледно-зеленого. Она поджимала руки к телу и прижималась к Киру. Таня посмотрела на него. Он улыбался. На лицах санитаров, идущих сзади, висели каменные маски: уродливые и одинаковые. Таня снова посмотрела на Кира, тот вновь скорчил рожицу, и она хихикнула. Они вошли в первый холл.

Возле кабинета Кроберг стояла охрана лаборатории. Кир видел их впервые. Одетые в серо-синюю форму. Их лица ничем не отличались от каменных физиономий санитаров. Напуганные лаборантки выходили из логова профессорши едва сдерживая слезы. Санитары, сопровождавшие Кира с Таней немного растерялись. Из открывающихся дверей кабинета доносился ее жуткий крик и плач лаборанток. Охранники, стоявшие рядом, посмотрели на санитаров и их добычу. Кроберг вылетела из кабинета. Таня спряталась за Кира. Бешеный взгляд профессорши бегал из стороны в сторону. Она громко дышала и держала руки на изготовке, словно выбирая жертву. За ней следом вышел начальник охраны Мамонтов. Он был среднего роста, немного полноват, с лицом как у бульдога. Школьный друг Кроберг.

— Какой-то дурдом, — рычала профессорша. Она увидела санитаров. Кир и Таня стояли у них за спиной. — Этих на второй уровень! Готовьте к операции. Потом все на допрос.

Скоты...

Санитары поспешили удалиться. Они подталкивали Кира с пушей силой. Он схватил Таню на руки, и они направились к лифту.

— Ты что стоишь?! — набросилась Кроберг на главу охраны.

— Ты сама приказала отключить камеры, — жестко ответил Мамонтов. — Истерикой делу не поможешь.

— Она, конечно, была душой, но, чтобы запутаться в проводах? — Кроберг размахивала руками по сторонам. — Слушай, Мамонт, скоро здесь будет самая назойливая муха из ФСБ... Черт! — Кроберг едва справлялась со злостью. Последние слова она сказала шепотом, наклонившись к нему. — Выясни, что это было. Но для всех — это самоубийство.

Начальник охраны несколько раз кивнул.

— Думаю так и есть.

Сделав знак помощникам, он направился дальше по коридору. Кроберг стреляла глазами по сторонам.

— Переливание, — собралась она с мыслями. Она определилась с приоритетом и направилась в свою малую лабораторию, чтобы переодеться.

Кроберг очень торопилась. В защитном костюме она вошла в лифт. Среди прочих мыслей в голове у нее возник профессор Кем. Она смутно помнила о том, что виделась сегодня с ним. Но факт того, что именно он хотел с ней встретиться, всплыло из ее памяти отчетливо. Дверь лифта открылась. Уже привычная прохлада обняла ее. Хотя было уже не так холодно, но то, что система охлаждения по-прежнему не в порядке, добавляла масла в костер имени Кроберг. В коридорах было необычно много санитаров и лаборанток. Всех их допрашивали первые люди Мамонтова. Кроберг не сомневалась в том, что он докопается до сути. Сейчас ей некогда было думать об этом и о том, что скоро здесь будет жужжать майор из ФСБ. Всеу свое время. Сейчас время Каро.

С появлением в операционной Кроберг, воздух начал быстро наэлектризовываться. И без того прохладный воздух щипался еще сильнее. Профессорша сделала небольшую переключку. Девочку и обгорелого мужчину на операционных столах она даже не заметила. Главное, что ее интересовало — здесь ли Ростов. Он присутствовал со всеми своими помощниками. Рядом с девочкой стояла Ольга Арно.

— Ольга?! — громко окликнула профессорша. — Заменишь мне Марину, — произнесла она это как нечто обыденное и разумеющееся. Испуг тенью висел на лицах персонала. Лаборантки переглядывались.

— Прекратите шептаться! — рявкнула профессорша. Она требовала абсолютного внимания. — Операция по переливанию довольна проста в обычных условиях. Однако здесь и сейчас решается судьба Каро. От ваших действий зависит: умрет ли мой крестник. Решение для его спасения найдено. Нам остается лишь грамотно и последовательно его выполнить. Старшим будет профессор Ростов. Профессор? — она передала ему слово. Кроберг внимательно слушала его и пристально следила за реакцией каждого. Она смотрела в глаза всем, ожидая неосторожной невнимательности, неточности восприятия слов: мельчайший промах любого из них сейчас мог стоять им будущего.

Пока Ростов спешно тараторил о сути операции, Ольга пыталась успокоить Таню. Она лежала на операционном столе. Ее давление подскочило, когда девочка услышала, что Каро может умереть. К глазам тут же подкатили тяжелые слезы. Взглядом она искала Каро. Но его не было в операционной. Кир находился рядом. Его стол был в метре от Тани. Он

оглядывался по сторонам, пытаясь оценить ситуацию. Все так быстро и пугающе. Слова Кроберг заставляли его сердце трепетать. Операционная напоминала ему роботизированный отсек завода с белыми стенами. Зеленые полоски датчиков горели ровным цветом. Кир смотрел на добродушную медсестру, которая шепотом разговаривала с Таней. Она пыталась привлечь внимание девочки, чтобы та не слушала, о чем говорит Ростов. Но Ольга не могла достучаться до нее. И даже когда Кир попытался привлечь внимание Тани, ничего не вышло. Ростов хлопнул в ладоши. Таня дернулась. В операционной объявили желтый уровень опасности.

Три медсестры окружили девочку. Ольга объясняла Тане что бояться не стоит, ничего опасного с ней не делают. Но малютка никак не реагировала. Она смотрела на двери, через руку одной из медсестер.

— Когда привезут Каро? — не отрывая взгляда от двери, спросила Таня.

Ольга посмотрела в ту же сторону.

— Ты, моя дорогая, уже будешь спать крепким сном.

— Нет, — возразила Таня. Она посмотрела на Ольгу впервые за все время. — Я должна его увидеть. Он злится, — она морщила лоб и ежилась.

Медсестры начали жаловаться, что Ольга отвлекает девочку разговорами и ее мышцы сжимаются.

— Несносная девочка, — нервно произнесла Арно, — вот видишь, к чему приводит твоя строптивость. Если ты и дальше будешь так себя вести, то медсестры сделают тебе больно, — Таня начала часто дышать, — а мы ведь не хотим, чтобы тебе было больно?

— Танцуйте, чтобы не замерзнуть, — произнесла Кроберг и направилась к двери, на которую смотрела Таня.

За дверью на мобильном столе-каталке лежал перебинтованный Каро. Вокруг него кружили медсестры во главе с ассистентом Ростова. Кроберг подошла к приборам, регистрирующим состояние Каро. Ассистент помотал головой: показатели были очень плохими. Заражение распространялось. Кинув мимолетный взгляд на крестника, профессорша вышла в основной зал. Малышку Таню погружали в сон. Кроберг обратила внимание, что девочка очень сильно сопротивляется. Но сильные руки медсестры держали ее голову, и постепенно газ погрузил в сон маленькую бунтарщицу.

— Меня вы тоже в сон погрузите? — несмело спросил Кир.

— Обычно мы погружаем в сон, — Ольга улыбнулась неестественной улыбкой, — но тебе, голубчик, мы восстанавливаем память. Поэтому не рекомендуется.

— Хватит болтать, — вмешалась Кроберг, — начинайте забор!

— Не стоит так нервничать, дорогая, — Ростов отошел от приборов и, подойдя к столу, на котором лежала Таня, принял от медсестры иглу. Он ощупал шейный отдел ребенка, бурча себе что-то под нос. — Ах! Вот, подходящее... да... — профессор аккуратно ввел иглу. Ассистент подал ему шприц. Ростов ввел его содержимое. — Готово, через пять минут ее кровь потечет бурным живительным потоком, — твердо объявил Ростов.

Он отошел в сторону, уступая место медсестрам. Они подсоединяли к катетеру шланги и трубки, по которым в кровь добавлялся реагент, облегчающий разделение крови в центрифуге. Все было готово. Стимулирующее вещество начало действовать. По телу Тани пробежала волна дрожи. Ее кровь разгонялась за счет агрессивного действия раствора, АТ-циты стремились к тому месту, откуда проникает агрессор. Кровь начала быстро заполнять резервуары.

Кира уже подсоединили к аппарату вывода крови. У него брали кровь из двух рук одновременно. Ростов также сам выбрал место, куда воткнуть иглу. Кровеносные сосуды больных язвой сильно отличались от здоровых. Их было сложно отыскать. Хитрость была в точном определении хрупкого, тонкого места, куда игла без особых усилий могла бы войти, не повредив тканей сосуда. Дело в том, что если сильно повредить сосуд, то свертывание крови будет настолько быстрым, что это помешает взять достаточное количество крови. Раз уж Кроберг приказала Ростову быть ответственным за переливание, то прокалывал сосуды он сам. Несмотря на приближающийся к преклонному возраст, Ростов идеально делал проколы. Кир не почувствовал бы боли, даже если б его кожа была здоровой. Отойдя от пациента, Ростов поспешил к приборам. Он следил за уровнем АТ-цитов девочки и их агрессивным поведением.

— Не стоит рисковать, — глядя на Кроберг, предупредил он, — еще сто миллилитров и с этой малютки будет достаточно.

— А если лимфо-мембраны будет недостаточно? — грозно уточнила Кроберг.

— Мы сольем полтора литра крови. Это достаточно для хорошей мембранной плазмы.

— Хоть все выкачайте...

— Не будем столь резки, — успокаивал Ростов. — Ты же меня поставила главным?

Кроберг смолчала.

— Тогда дай мне сделать все по-своему, — настоял профессор.

Как только приборы подали сигнал о наполнении танкеров, Ростов приказал прекратить забор крови. Медсестры подчинились. Арно наложила жгут. Тане вкололи сильную дозу успокоительного. Это должно было снизить потенциал иммунной системы на короткое время, чтобы на месте прокола катетером не образовался тромб. С Таней закончили. Ей перевязали руки и повезли в комнату, где находился Каро. Кроберг приказала везти его в центральный зал.

Кровь Кира текла медленно. Ее едва набиралось чуть больше литра. Ольга поинтересовалась о самочувствии. Голос ее хрипел, она не могла прокашляться. Кир кивнул — с ним все в порядке. Он пока не ощущал последствий отбора крови. Но уже через пять минут у него начала кружиться голова. Кроберг лично следила за его состоянием. Она брала у медсестер растворы и колола их ему.

Стол с Каро остановился в двух метрах от Кира. Он повернул тяжелеющую голову в его сторону, чтобы посмотреть. Но картинка мутнела. Кир часто моргал, но не помогало. Он хотел было помотать головой, но от легкого движения его понесло в сторону. Кроберг смотрела на цифры приборов: две тысячи триста миллилитров. Кир едва шевелил языком. Ему хотелось сжаться, скрючиться, но тело не слушалось его. Кроберг внимательно наблюдала за ним. За тем, как он морщится от яркого света, как пытается извиваться подобно змее.

— Его тошнит, — сообщила Кроберг. Одна из медсестер надела на Кира собирающую маску. Ему подали успокаивающий газ. Аромат должен был снизить риск рвотных рефлексов.

Кроберг смотрела на обгорелые руки Кира, на ноги. Она немного наклонилась, чтобы задрать край рубахи на груди. В ее памяти всплыл разговор с майором из ФСБ о приобретенности симптомов «белой язвы». Кроберг слабо верила в эту версию. Но вдруг в ней пробудился интерес. Она осмотрела его руки, хотя гораздо раньше это делала Марина. О чем составила подробный отчет. Елена осмотрела шею. Кроберг искала намеки на

регулярное введение возбудителя «белой язвы» — чистой моники. Ничего не было. Кир дернулся. Ростов командовал медсестрам остановиться. Кроберг увидела на обнажившемся левом плече небольшую вмятину. Она походила на продолговатую выемку длиной в два сантиметра. На рану она была не похожа: края аккуратные, углубление ровное.

— Мы можем приступать, — отвлек Ростов.

Кроберг отошла от провалившегося в бесчувствие Киры и подошла к Каро.

В операционной пахло разлагающейся плотью. Но маски защитных костюмов берегли нежное обоняние присутствующих. Медсестры разрезали бинты на руках и ногах Каро. Ростов осмотрел их. Он искал места для проколов. Но с каждой секундой профессор мрачнел. Он не мог хорошо прощупать грубую кожу, покрытую плотными роговыми выступами «белой язвы».

— Как растворы? — Ростов пытался отвлечься, продолжая ощупывать.

— Что, гений? — Кроберг стояла рядом. — Не можешь найти лазейку?

— Ты виновата, — бурчал профессор, — если бы ты не ускоряла перерождение...

— Он весь такой, — бескомпромиссно отрезала Кроберг. Кожа Каро была полностью ороговевшей, и искать в ней изъяны было напрасно. — Тебе чаще надо осматривать пациентов.

— Ты предлагаешь колоть наугад?! — Ростов всплеснул рукой с иглой у самого лица Кроберг.

— Паховая область, — произнесла Ольга. Кроберг посмотрела на нее. Вот уж кто чаще остальных перевязывает Каро.

— Ищи в паху, — Кроберг была серьезна. Она говорила быстро, время бежало вперед и против Каро. — Не бойся ты так, — она увидела смущенное отвращение на лице Ростова, — там уже давно нет ничего, чтобы тебе помешало.

Ростов округлил глаза и медленно сделал шаг в сторону. Медсестры ринулись разрезать бинты ниже талии. Через несколько минут все было готово и обработано. Ростов медленно подошел к Каро. Профессор вздохнул и начал ощупывать. Здесь действительно кожа была мягче. Хотя и ее вскоре ждало ороговение. Слабые признаки этого уже появились. Через полминуты Ростов воодушевленно громко произнес:

— Нашел!

Он ввел два катетера; остальным занялись другие. Персонал подключал аппараты синтеза и переливания. Все было готово. Когда в этом убедился Ростов, он приказал начать процесс. Кроберг посмотрела на Киру. Он был по-прежнему без сознания. Она приказала увезти его в другую комнату. Датчики на стенах немного ярче светили. Кроберг поморщилась. Утренняя головная боль эхом отозвалась в висках. Синтезированная кровь начала поступать в организм Каро.

Долгий процесс неспешного переливания крови: замена увядающей на новую. По замыслу ученых синтезированная кровь от Киры и Тани должна добавить к уже имеющимся АТ-цитами новые. Ростов планировал усилить иммунную систему Каро, что поможет ему справиться с отмиранием тканей. Кроберг же намеривалась убить двух зайцев: если способ Ростова окажется выигрышным, то Каро не только ассимилирует своим телом чужеродные конечности, но и перейдет в завершающую стадию перерождения. Профессорша страстно хотела видеть в действии уникальную способность организма Каро — регенерировать мертвые ткани. С внутренними органами Каро справлялся. Ему не раз пересаживали мертвые почки, легкие. В прошлом году ему пересадили желудочек мертвого сердца. И с

каждым разом Каро демонстрировал чудеса. Он как фокусник, все время находит чем удивить публику. Но сегодня Кроберг была на грани провала. Как никогда она зависела от удачного исхода простой операции по переливанию крови. Внутри нее сидел страх, если Каро умрет, ей придется держать ответ перед скользким Винбургом. Его яростный интерес к геному «белой язвы» мог в своем приступе лишить ее всего. Кроберг смотрела, как синтезированная кровь с белыми вкраплениями течет по трубкам. Она пыталась успокоить себя, переводя взгляд то на Ростова, который с упоением наблюдал за тем как темно-красная, почти черная, кровь вытекает по другим трубкам, то на датчики на стенах. Они то бледнели, то вновь светились зеленым. Но это мерцание не интересовало Кроберг. Она знала Каро как никто. Каждый раз, когда нарушался кожный покров, датчики вспыхивали ярким зеленым. Ученым давно был известен факт неприятия мониями «белой язвы» никакого дисбаланса в организме. Образуя в теле несколько эгоцитарных центров, монии излучали невероятное количество микроволн. Поэтому повсюду в деревне находились датчики, улавливающие их. После двух бунтов, которые поднимали особо одаренные больные, датчики должны были находить любое изменение в состоянии больных и выявлять особо ценные объекты для исследования.

Спустя несколько лет изучения моний, ученые стали все увереннее заявлять о разумности этих микрочеточных организмов. Это был паразит, который убивал одних, и преспокойно селился в других. На правах симбионта он усиливал функции мозга, усиливал мышечные ткани и крепость костей. На заре открытия удивительных бактерий ими спешили добровольно заразиться многие. И большинство из них были спортсменами. Антидопинговые комитеты молчали, не видя поначалу никакой угрозы в странных бактериях. Их сравнивали с пищевой добавкой. Разве что для ее потребления нужно было несколько раз посетить научные центры. Незаметно спортсмены стали улучшать свои результаты. Бегуны развивали невероятные скорости, атлеты проделывали умопомрачительные финты. Зрителям показывали красивейший спорт, спонсорам — результаты. Бизнес на спортсменах рос как на дрожжах. Но рано или поздно этот пузырь должен был лопнуть.

Вскоре в прессе начали публиковаться результаты исследований о том, что бактерия — мония, — не так уж и безобидна. Ее невозможно вывести из организма и даже обнаружить. Она бесследно пропадает. Но подобное невозможно. И вот, через время, в больницах в страшных муках умирают несколько спортсменов. Официально не было подтверждено, что они умерли в следствии воздействия моний на организм. Но факт того, что они проходили курс их введения в организм, не отрицался. Спортивные комитеты международного уровня проводили тщательные исследования. Необходимо было выяснить, являются ли монии причиной высоких результатов. Когда в игру вступил Олимпийский исследовательский институт, это означало одно — сомнения заронились на самом верху. Олимпийские функционеры желали выяснить природу высоких результатов спортсменов и отчистить свое имя от грязных нападков. И вскоре были объявлены первые результаты исследований. Использование бактерий-моний было запрещено Международным олимпийским комитетом. Наказанием за ослушание была пожизненная дисквалификация спортсмена. Между тем, МОК признавал, что на ранних этапах заражения монией, ее невозможно обнаружить. Однако через год с небольшим, из симбионта она развивается в паразита, заражающего весь организм, и спортсмен попадет на пробах. И его ждет изгнание и позорное распятие. Но за столь радикальным наказанием стояли причины серьезнее, чем просто допинговое

воздействие монии на организм.

2208 год стал началом массовой паники перед неизвестным вирусом. В этом году Объединенная Корея принимала на островах Кангва 79-е Олимпийские игры. Один из живописнейших уголков мира принимал гостей и спортсменов. К тому времени большая часть спортсменов отказалась от экспериментов с мониями. Однако были спортсмены, которым отступить было некуда. Это были именитые призеры разных лет и соревнований. Они продолжали тайно посещать научные центры, где занимались исследованиями монии. Одним из таких был Биологический научно-исследовательский центр в Химграде. Львиная доля открытий о свойствах монии основана на исследованиях, проводимых над Каро. Он жил в Деревне уже четвертый год. Ученые нашли способ маскировки монии, что позволяло победителям проходить дорогостоящий тест олимпийских лабораторий. Но эта мера была временной и вскоре у спортсменов начинали проявляться признаки чужеродного воздействия — белые пятна на кистях рук и ступнях. Спортсмены тщательно скрывали эти проявления. Они заматывали бинтами конечности, тонировали, прятали их под одеждой. Тогда было еще не известно, что подобный симптом говорил о начавшемся процессе перерождения бактерий-симбионтов.

И вот он, волнительный момент. Трибуны водного стадиона на острове Новый Куонджи, готовы затаить дыхание: десять пловцов готовились к заплыву. Его звали Вайнов Али и ему было 24 года. Блестящий спортсмен своего времени, прославивший Казахстан на мировой арене. Он испытывал небольшое недомогание: кружилась голова, а от воды тошнило. Тренер предложил отказаться от дальнейших соревнований. Но Али шел к абсолютной победе. Он разделся. Во время разминки старался не думать о соперниках, подобравшихся к нему так близко. К стартовой тумбе он подошел слегка пошатываясь. Это заметили стоявшие рядом пловцы. Но Али выдал все за шутку. Спортсмены приготовились. Последние секунды на старте. Трибуны смолкли: от Али ждали еще одного рекорда. Спортсмены смотрели на водную гладь: концентрация сил, мысли в сторону. Только победа, победа над Али. Старт! Крик трибун, плеск воды, брызги, все ринулись вперед... Капли крови падали в воду. Али стоял не шевелясь. Ему было тяжело дышать, он не мог пошевелиться. Из носа и рта шла кровь, он кашлянул и рухнул в воду. К нему на помощь прыгнул первым его тренер с ассистентами. За ними дежурившие спасатели. Спортсмены поняли, что что-то не так лишь спустя время, когда, возвращаясь к точке старта оказались в красной от крови воде. Они видели, что Али без сознания и помогали вытащить его из бассейна. Подбежали врачи. Когда они попытались сделать непрямой массаж сердца, грудная клетка Али с хрустом прогнулась. Врачи растерялись. Молодой спортсмен истекал кровью. Обильное кровотечение. Через десять минут стало понятно, что спасти его не удастся. Некоторые зрители в ужасе покидали стадион, но многие сидели и наблюдали. Интерес был слишком велик. Через полчаса, кровь из носа пошла у тренера. У него и его помощников раскалывалась голова. Ноги и руки сводило. Еще через несколько минут симптомы повторились у врачей, у всех, кто находился рядом с телом Али. Спортсмены, спасатели, судьи все начали валиться на пол от страшных болей. Зрители в панике бежали к выходам. Но было уже поздно. Через сорок минут похожие симптомы начались и у них. Словно невидимая коса срезала людей, подкашивая им ноги. Врачи, находившиеся на олимпийских объектах, успели констатировать обширное внутреннее кровотечение по всему телу у большого количества людей. Было поставлено оцепление. Людей просили оставаться внутри. Но нельзя оставить внутри то, что стало разлетаться по воздуху. Через три часа

власти приняли решение о введении на островах Кангва режима чрезвычайного положения. Мосты были разведены. Острова взяты под карантин. Спустя сутки на острове Новый Куонджи не осталось ни одного живого человека.

79-е Олимпийские игры так и не были завершены. Была объявлена полная эвакуация с прибрежной зоны всего населения. Люди на других островах архипелага Кангва оказались незаражены. Но ради перестраховки их также вывезли. Зона карантина спасла окрестности от распространения высокопатогенного вируса.

Спустя время, исследования дали имя новому заболеванию — «белая язва». Источником назвали бактерию монию, которой был заражен Али Вайнов. С того времени в людях поселился страх перед ужасной, бесконтрольной белой чумой, способной убить более тридцати тысяч человек за одни сутки.

После этого случая исследовательские центры были вынуждены раскрыть все имена спортсменов, кто подвергался заражению. Спортивный мир лишился множеств громких имен и не громких тоже. Для них были организованы резервации, где многие живут до сих пор.

Исследованиями моний занимались строго подконтрольные научные центры. И вскоре российские ученые сделали потрясающее открытие. Бактерии монии приводят к необратимым мутациям в организме и что некоторые из них можно контролировать.

В одночасье олимпийское движение потерпело крах. Люди боялись. Спонсоры сворачивали свою деятельность. Олимпийское движение впервые за триста лет остановилось.

Вокруг исследовательских центров поднялся скандал. Их обвиняли в гибели людей. Однако власти государств быстро перенаправили гнев народа на поиски внешних врагов. В мире поднялся градус напряженности. Государства обвиняли друг друга в заражении. И больше всего подвергались нападкам: Россия, США и Китай. Они открыто признавали наличие резерваций для больных «белой язвой». Но всячески отрицали какое-либо использование этого вируса кроме как для исследований. Спустя два года страсти стали утихать. Предположение о применении «белой язвы» как оружия ставилось под сомнение из-за ее неподконтрольного распространения. Других же данных у спорящих не было. И спорить вскоре было не о чем. Других заражений не было. Впрочем, как и новых Олимпийских игр.

Кроберг хорошо помнит то время. Как толпы журналистов осаждали БиоНИЦ. В России еще на памяти была эпидемия неизвестного вируса в пригороде Екатеринодара. Не требовалось особых усилий, чтобы связать эти события. Федеральная власть намерено не стала отрицать это. Напротив, через несколько дней с официальным заявлением выступил профессор Александр Винбург. Он откровенно рисовался и радовался, что для общения с прессой выбрали именно его. Он любил журналистов, и умело их использовал в своих играх.

На большой пресс-конференции Винбург рассказал о полной идентичности двух случаев эпидемии: в Екатеринодаре и на архипелаге Кангва. Вместе с тем Винбург особо отметил, что екатеринодарская трагедия не дала сколько-нибудь стоящих образцов. Министерство науки тогда обратилось ко всем странам за помощью в исследовании. Результатом этого стало открытие монии. Однако то, что именно она приводит к эпидемии, стало понятно лишь после трагедии на Олимпиаде в Объединенной Корее.

Используя дипломатические и научные каналы сотрудничества с Объединенной Кореей, Россия получила огромное количество останков тел погибших. Они были в ужасном

состоянии. Бактерии моники вызывали множественные повреждения тканей на клеточном уровне. Однако в тот день, когда самолет с останками приземлился в специализированном аэропорту, Кроберг впервые искренне поблагодарила Винбурга. Столько материалов и они направятся в БиоНИЦ! После чего лучшие из них попали к ней в Деревню. Так началась новая жизнь для ее крестника.

Кроберг почувствовала дрожь в руках. Она оторвалась от воспоминаний и осмотрелась. Переливание близилось к завершению. На лице Ростова висела довольная улыбка. Кроберг подошла к приборам. Они зафиксировали восстановление иммунной системы.

— Радоваться еще рано, но ты не хуже меня понимаешь, что это обнадеживает, — Ростов чувствовал напряжение Кроберг. — Эта ночь будет решающей.

Кроберг, в знак одобрения, провела ладонью по руке Ростова. Профессор удивленно посмотрел на нее. Но тут же отвернулся: лучше не заострять.

Кроберг подошла к Каро и встала рядом с Ольгой. Сейчас в них обеих было сильно желание снять бинты с его лица. Только причины у каждой были свои. Прибор прозвенел об окончании переливания. Медсестры оживились. Они вытащили катетеры, обработали места проколов. Как только они покрылись свернувшейся корочкой, образовав пробку, девушки приступили к перевязке. Датчики свидетельствовали об отсутствии в воздухе летучих моний. Желтый уровень опасности автоматически был снят системой защиты. Персонал вздохнул: скоро можно будет снять плотные костюмы. Кроберг напомнила о том, что Каро в срочном порядке нужно вернуть в палату и все могут быть свободны. Ростов заострил внимание на двух других кроликах в помещении. Елена пренебрежительно отмахнулась. Ольга подхватила:

— Их уже перевязали. Состояние девочки удовлетворительное, ее можно вернуть в дом. Погорелец плоховат. За ним нужно понаблюдать.

— Да, черт его возьми, — смягчилась вдруг Кроберг. — Он еще пригодится с его удивительными АТ-цитами.

Ростов прищурился: что она имела ввиду? Но, как и все, он был рад окончанию процедуры и стремился поскорее удалиться из операционной. Датчики на стенах несколько раз прозвенели. Кроберг дернулась. Но все было в порядке: они лишь зафиксировали резкое снижение биоактивности организма. Сердцебиение, дыхание и скорость обмена веществ упала почти до нуля. Ростов успокаивал Кроберг, но ей не требовались слова со стороны. Это состояние Каро хорошо было ей знакомо. Елена когда-то назвала его биологической медитацией. В организм Каро было влито три литра чужой крови, и он решал, что с ней делать: отвергнуть или принять.

— В палату его, — приказала Кроберг. — После, все могут быть свободны... до завтра.

Последняя фраза вызвала легкий ступор у всех. Но Кроберг молча вышла из операционной. Она чувствовала сильную усталость. С головы свалился давящий каменный ободок, и ей хотелось просто сесть, запрокинув голову назад. Свет сильно бил в глаза. Она направлялась в свой кабинет. Ей хотелось тишины. Окунуться в пустоту, чтобы ничего и никто не тревожил. По ощущениям, на улице уже глубокая ночь и очень хотелось спать. Сейчас ей в голову пришла мысль, что она давно, очень давно не выходила наружу: просто подышать. Копышающаяся научная мышь. От осознания этого ей стало противно. Она сама себя заперла в этой белой коробке. От ее настроения зависели все вокруг, но вот уже несколько месяцев она сама зависит от неизвестного обстоятельства.

Кроберг шла по коридорам и совершенно не обращала внимания на персонал. Ей было

не интересно. Те же испуганные, затравленные взгляды. Ничего нового, что могло бы привлечь ее. Чем ближе она подходила к своему кабинету, тем быстрее были ее шаги. Перед тем, как развалиться на кровати, нужно было снять тесный костюм. Он душил, ограничивал, сковывал все ее движения. И чем дольше она оставалась в нем, тем сильнее хотелось вырваться из него.

Не прошло и получаса — Кроберг сидела на диване в своем кабинете. Она заперла дверь, чтобы никто не мешал ей. Мысли о состоянии Каро неприятно давили. Время нужно было подождать. И самый идеальный способ — уснуть. Кроберг вздохнула: у нее не было сил встать с дивана. В голове пронеслась мысль о том, что опять придется спать здесь. Пришла мысль о профессоре Кеме. О чем он хотел поговорить с ней? Кроберг помотала головой: опять куча мыслей, все они отвлекают ее от единственно важного действия — поспать. Елена успокоила себя тем, что если у Кема было что-то важное, он бы, как и прежде, просто так не отстал. Он всегда мог добиться от Кроберг того, чего хотел. Назойливость его не знала границ. Он не любил отступать от цели, тем более, если впереди маячило какое-то открытие. Мысли успокоились. Елена задвинула их на полку, набралась сил и встала с дивана.

Глава 11. Визитер

Глава 11. Визитер

В помещении было темно. Кир очнулся за полночь. Протирая глаза, он не мог понять, где находится. Неясная мыльная картинка перед глазами, со слабо зелеными крапинками. Кир попробовал привстать, но его тут же повело в сторону. Ватные конечности и головокружение сводили все попытки на нет. В дальнем углу послышался стон. Кир прищурился: он не один. Возможно, это Таш сопит, думалось ему. Но как Кир не старался, он не мог понять в каком помещении находится. Он повернул голову, осматривая кровать. Он не в доме. Койка напоминает больничную. Он часто ее видел, ему хорошо был знаком ее механизм. Он нащупал кнопки управления. Пара нажатий и изголовье немного приподнялось, облегчая обзор палаты. Но и это не особо помогло. Кир слабо видел свои ноги. Вокруг темень и хриплый, едва слышимый стон. Кир попытался отмотать память назад, пытаясь вспомнить как попал сюда. В голове восстанавливалась картина прошедшего дня: как его привезли санитары, он был в лаборатории. Таня! Он был с малюткой и у них брали кровь для Каро.словно живительный сквозняк пронесся по отделам памяти — все прояснилось. Кир понял, что он в палате лаборатории. Теперь можно было не волноваться, хотя бы об этом.

Вдруг неведомый сосед по палате издал протяжный стон. Казалось, что он задыхается. Дыхание едва слышно. Кир непроизвольно напряг слух. Прерывистые вдохи, с едва различимыми содрогающимися всхлипываниями, заполняли темень палаты. Кир попытался сглотнуть ком, подступивший к горлу. Но сухость во рту приклеила язык к небу. Раздавшийся звук от панели доступа у двери заставил Кира втянуть голову.

В палате зажегся слабый свет, но даже его силы было достаточно, чтобы Кир поморщился от боли. В дверном проеме возникла медсестра. Она быстро подошла к Киру. Кроме него в палате никого не было. Это была одноместная маленькая больничная коморка. Медсестра проверила состояние Кира. Задала несколько вопросов. Она сменила ему капельницу, после чего поспешила удалиться. По просьбе Кира она оставила в палате слабое освещение. Пытаясь совладать с холодящими мурашками, он не отрывал взгляда от того места, откуда недавно доносились хрипы. Продавив тяжелый ком у горла обратно вниз, Кир ощутил, что его мысли начали стремительно блекнуть. Его что-то утягивало в темень и мрак... Но откуда был этот странный задыхающийся хрип? Он не мог справиться с наливающейся тяжестью в голове. Хрип, стон... кто-то был совсем рядом, кому очень больно. Совсем скоро Кир погрузился в сон.

Его разбудили в восемь часов утра. Это была Ольга. Он узнал ее. Ему было приятно видеть знакомое лицо. Но он помнил, что эта медсестра была очень резка вчера с его маленькой спутницей, отчего ему стало некомфортно.

— Как вы сегодня себя чувствуете? — миловидно улыбнулась она.

— Спасибо, гораздо лучше, — правдиво ответил Кир.

— Я очень рада. В ваших записях за эту ночь говорится, что вы просыпались, — Ольга листала электронный планшет с историей болезни.

— Да, — Кир немного прищурился. На вид Ольга была очень учтива. Хотелось верить, что это не наиграно, — у меня сильно кружилась голова.

— Это естественно, — Ольга подошла кизголовью кровати. — Мы вынуждены были взять у вас три литра крови. Это крайне много, но это было необходимо...

— Для Каро? — перебил Кир.

— Да, — добродушная улыбка сменилась тревогой на лице, — ваша кровь спасла ему жизнь.

— Как он?

— Он в коме. Состояние тяжелое, но стабильное. Надеемся, что он скоро пойдет на поправку.

Кир смотрел на Ольгу. Ее лицо было очень знакомо ему: плавные линии подбородка и скул, уверенный, но немного встревоженный взгляд, когда она говорила о Каро. Ему хотелось спросить: не встречались ли они, но вид его уродливых обгорелых рук с натянутой кожей оставил его губы сомкнутыми. Даже если предположить, что они в прошлом могли видаться, — сейчас она не смогла бы его вспомнить.

— А что со мной? — Кир перевел разговор. — Если мне лучше, значит, я скоро смогу вернуться домой... в дом, где я живу сейчас?

Ольга слегка наклонила голову. Она выдавила из себя улыбку, пытаясь как можно сильнее смягчить свои слова.

— К сожалению, вас мы не скоро сможем отпустить. Дело в том, что у вас уникальная кровь. Она единственная из всех подошла Каро. Профессор Кроберг хочет понаблюдать вас. Думаю, вскоре стоит ожидать ее визита. Также вас желает видеть майор Саврасов. Он прибыл полчаса назад.

Кир задумался. Где-то внутри него зрело непонятное чувство, из-за которого он не хотел видеть Кроберг. Он вспомнил Эльзу и Павла; нахмурился и стал погружаться в безрадостные размышления.

— Не волнуйтесь, он здесь не из-за вас, — Ольга пыталась поддержать, но Кир не отреагировал. — Поправляйтесь. Набирайтесь сил. Они вам понадобятся, — Ольга кинула последний взгляд на приборы. Сделала записи в истории болезни. Быстрым движением повесила планшет на спинку кровати и удалилась.

Киру хотелось спросить у девушки о том, что здесь происходит. Но в мыслях он видел Таша с вечно хмурым тяжелым взглядом. Доверять персоналу не стоит. И Кир сдержал свое любопытство. Он встал с кровати. Размялся и стал ходить по палате кругами, несколько в одну сторону, потом в другую. Ему становилось страшно. И виноват в этом был не майор из ФСБ. Бледно-зеленые стены окружали его и мешали вырваться.

Ольга проверила всех пациентов. Состояние стабильное. Некоторые уверенно шли на поправку. По приказу Кроберг, всем им было введено сильное успокаивающее, прогрузившее их в сон. Профессорше не хотелось, чтобы залетная майорская птица допрашивала ее подопечных. У нее было желание также поступить и с Киrom, но он был под прицелом у федералов, и лишний раз рисковать ей не хотелось. Если ему так уж захочется увидеть его — пусть беседует.

Майор Саврасов прибыл один. На нем было средней длины коричневое пальто с высоким воротником. Для отдаленной холодной глуши совсем легкая одежда. Но на ногах крепкие теплые ботинки темно-синего цвета без шнуровки. Увидев в прошлый раз блокнот, Кроберг было подумала, что этот любитель древностей непременно будет тяготеть к шнуркам. Встретив его, она отметила, что ошиблась. Впрочем, это было не столь важно,

однако то, что она не могла просчитать Саврасова, ее нервировало.

Всем своим видом майор демонстрировал, что его очень интересует работа лаборатории. За все время разговора с Кроберг, он словом не обмолвился о Кире. Он его не интересовал. Основная причина, по которой он находился здесь — проверка безопасности важного объекта Министерства науки. Кроберг была приветлива, но держала себя на почтительном расстоянии. Застегнутый белый халат, серые брюки, и завязанные в крепкий медный узел волосы, печатью лежали на ее образе. Она дала себе зарок, что никоим образом не даст себя спровоцировать и выдержит любые нападки. Через полчаса беседы, Кроберг сообщила о смерти Марины.

— Почему вы не спрашиваете о нашем ЧП, вам наверняка сообщили уже? — Кроберг сидела за своим столом, внимательно, но не без кокетства, прогуливаясь взглядом по майору.

— Жду, когда вы поделитесь этой важной информацией, — Саврасов сделал пометку в бумажном блокноте.

Он сидел перед ее столом на стуле. Несмотря на предложение, он не стал снимать пальто. Лишь расстегнул и широко распахнул.

— Странно вы ведете дела...

— Странно, когда перед запланированным визитом федерального агента, у вас происходит убийство, — майор намеренно сделал акцент.

— Вы слишком рано делаете выводы, — демонстративно недовольно произнесла Елена.

— Особый статус вашего заведения не позволяет полиции расследовать данный инцидент, — рассуждал Саврасов. — Однако вы должны понимать, что это первый случай смерти на территории Деревни, не считая деревенских.

— Смею заверить вас, майор, что служба безопасности тщательно расследует это происшествие. Марина была моим ассистентом достаточно долго, — Кроберг слегка наклоняла голову в сторону, будто вслушиваясь в едва слышимый посторонний звук, но быстро разворачивалась обратно к майору, — и никому не понять того, что почувствовала я, когда узнала о произошедшем.

— Но как это могло произойти? Лаборатория хорошо охраняется. Повсюду камеры, датчики. Если я не ошибаюсь, — угроза, прежде всего, исходит от деревенских жителей?

— Вы правы: Деревня, как и ее лаборатория, находятся под зорким оком. Это позволяет мне с уверенностью заявлять о том, что никакого убийства не было.

— Однако камеры во время инцидента в палате были отключены, — упорствовал Саврасов.

— Да...

— И вы уверены, что она сама себя задушила?

— Майор, думаю, я могу быть с вами откровенна, — Кроберг встала со своего кресла. Обошла вокруг стола и села напротив Саврасова. — Вы, как никто, должны понять меня. Ведь мы чем-то похожи друг на друга, — майор приподнял правую бровь, — своей страстью к работе. И в моменты особой близости к результатам своего труда мы очень... уязвимы. Можно сказать, ранимы. И вот, в подобный момент, когда я вошла в палату к объекту, я приказала выключить камеры.

На лице Саврасова появилась едва заметная ухмылка. Ручкой он выводил слово за словом на белоснежной бумаге. Кроберг даже стала вслушиваться в едва уловимый шелест пишущего пера.

— Мне импонирует ваша прямота, профессор, — Саврасов улыбнулся, — и в ответ я тоже буду с вами откровенен. Меня не интересует расследование смерти вашей ассистентки. Это сугубо ваше дело. Ваша служба охраны обладает всеми полномочиями и, вскоре мы ждем подробного отчета, который, я надеюсь, не заставит нас в чем-либо усомниться. Несмотря на то, что мой интерес в другом, смерть вашей ассистентки бросает тень на организацию безопасного периметра. Поэтому единственный совет вашей службе безопасности — внимательнее отнестись к расследованию. Не хотелось бы, чтобы эта смерть оказалась подтверждением наших опасений, а именно: у нас имеются причины полагать, что одним из следующих объектов нападения со стороны радикалов может стать Деревня. И как вы, наверное, догадываетесь, тут прослеживается прямая связь с недавним подрывом БиоНИЦ.

— Зачем террористам нападать на резервацию, где живут больные «белой язвой»? — удивлялась Кроберг.

— Среди населения много радикально настроенных групп, которые подогревают ненависть к здешним жителям. Вы это знаете не хуже меня. Недавние случаи заражения болезнью, похожей на «белую язву» в Петрополисе, лишь усиливают негативные настроения.

— Но никто не знает о местонахождении Деревни. Эти опасения беспочвенны.

— Вы право наивны, профессор. В прессе регулярно появляются публикации о резервации. Вы думаете, что за плотной полосой высаженного леса ваши пациенты в безопасности?

— А вы считаете, что нет?

— Менее двух недель назад к нам попали в руки сведения о том, что в особо радикальные группировки могла просочиться информация о том, что Деревня — это не просто спецрезервация для больных «белой язвой».

— На что вы намекаете?

— Бросьте, профессор, — ухмыльнулся Саврасов, — мне ли не знать, чем именно вы тут занимаетесь. Учитывая это, становится очевидной связь резервации со взорванным БиоНИЦ. Это, в свою очередь, дает нам серьезные основания полагать, что Деревня будет следующей целью.

— Версия, притянутая за уши, не находите? — сопротивлялась Кроберг. Она чувствовала, чего добивается майор. Если она признает существование прямой угрозы, значит, согласна открыть ему все тайны.

— БиоНИЦ был главным центром по исследованию «белой язвы». А лаборатория Деревни, последнее ее хранилище, — Саврасов утверждал, но в глазах читался вопрос. Он не был до конца уверен в том, что говорит. Он искал подтверждение у Кроберг.

Елена чувствовала, как из нее вытягивают то, что она так тщательно прячет. В голове крутилась мысль о том, что угроза нападения террористов может быть не просто фикцией, придуманной майором. Ведь она была у развалин БиоНИЦ и память до сих пор хранила жар исходящий от пепельного купола. Тогда ей было страшно, но она умело прятала эмоции.

— Чего вы добиваетесь? — Кроберг наклонилась к майору.

— Я осмотрю лабораторию. Все ее уровни, — Елена округлила глаза. Она не верила тому, что слышит, тому, что майор знает о лаборатории больше чем необходимо. — Видите, — майор чувствовал что зацепил ее, — я знаю гораздо больше чем должен.

Кроберг встала со стула и отошла. Она прятала глаза. Сейчас они были ее предателями.

— Мне известно это потому, что эта информация содержится в секретных документах

министерства. Что мешает узнать о ней террористам, уничтожившим БиоНИЦ? — майор смотрел в спину профессорше. Нужно было дожать. — Во время облавы подпольной ячейки террористов мы нашли сведения о контролируемой мутации «белой язвы»...

— Откуда вы это знаете? — Кроберг обернулась.

На ее лице дернулись морщинки. Глаза прицельно смотрели на майора, немного подрагивая под светом потолочных ламп.

— Откуда они это знают? — поправил майор.

Кроберг сверлила его взглядом. Пытаясь понять, блефует он или нет. Но даже если у него был личный интерес в осмотре лаборатории, она никак не могла понять, откуда у него информация наивысшей степени секретности.

— Признаюсь, вы заинтриговали меня, майор. И я не буду мешать осмотру.

— Дело не в интригах, профессор, а в вашей безопасности, — Саврасов встал. Поправил пальто и вытащил из внутреннего кармана бумагу на осмотр лаборатории и протянул Кроберг. — Это разрешение. Но я хотел, чтобы вы сами дали свое согласие. Это устраняет недопонимание.

Профессорша взяла документ. Она не стала его разворачивать.

— Что вы хотите увидеть?

— Почему, на ваш взгляд, у террористов возник интерес к лаборатории Деревни? Оттуда и начните экскурсию.

— Вам придется надеть халат, — Кроберг положила бумаги в карман своего и направилась к шкафу. Она достала запасной халат и протянула майору.

Саврасов на мгновение завис в нерешительности. Ему не хотелось снимать пальто и уж тем более оставлять его в кабинете. Но решение отыскалось быстро — накинуть халат сверху.

У входа в кабинет их встретила Ольга. На лице ее читалась небольшая озабоченность.

— Что тебе нужно? — грубо спросила Кроберг.

— Вы просили собрать с отделов отчеты по операции. Но профессор Кем до сих пор не сдал свой, — в голосе Арно Саврасов уловил дрожь.

— И что? Ко мне надо с этим идти? — нервозно спросила Елена. — Звоните ему, ищите в комнате, он наверняка опять выпил лишнего, — Кроберг соврала. Кем был трезвенником. Она взяла майора под руку и повела по коридору.

— Эти гении иногда перебарщивают, но, если не позволять им немного расслабляться — начинают бунтовать, — Кроберг пыталась отвлечь внимание майора от Ольги. — Надеюсь, в ваш отчет это не попадет.

— Я все понимаю, — Саврасов улыбнулся. — Меня не интересует как работают ваши подчиненные, не беспокойтесь.

Они шли быстрым шагом. Кроберг вкратце рассказывала о функционировании лаборатории. О том, что это крупнейшее хранилище штамма «белой язвы». И что главной задачей лаборатории является изучение и противодействие болезни. Кроберг пыталась быть многословной, но по существу говорила немного. Она искусно приправляла рассказ некоторыми секретами, чтобы ее слова уж слишком не казались пустыми.

Саврасова мало интересовал рассказ профессорши. Он внимательно запоминал путь, по которому она ведет его. Его цепкий взгляд находил спрятанные видеокамеры, датчики слежения. В своем блокноте он делал пометки о расположении охранных систем, дверей. По коридору ходили охранники, с которыми Саврасов пожелал перекинуться несколькими

фразами. В какой-то момент Кроберг недовольно высказалась о блокноте майора. Пережиток старого и очень обременительный инструмент. Саврасова тешило то, что профессорша нервничает. Раз так, то он мог рассчитывать на ее ошибки.

Они спустились на первый уровень лаборатории. Саврасов начал откровенно скучать. Кроберг ставила именно на это. Она подробно останавливалась у каждого хранилища, мини-лаборатории. А если замечала в коридоре заведующего или маститого профессора, то начинался новый рассказ о работе подразделений. Но первый уровень заканчивался, и вскоре предстояло спуститься еще ниже. Кроберг оттягивала этот момент. Они пятнадцать минут простояли «за колпаком» рассматривая через прозрачный купол лабораторию внизу. Профессорша рассказывала о том, какие потрясающие открытия были сделаны в главной операционной.

— Конечно, кому-то все это покажется варварством. Но мы еще не нарушили здесь ни одного закона: ни федерального, ни морального, — улыбнулась Кроберг.

— Странно слышать от ученого о моральных законах, — Саврасов смотрел через купол вниз.

— Я не удивлена вашему сарказму. Министерство своими постулатами установило достаточно определенные границы дозволенного. И каждый ученый обязан их придерживаться. Скажу даже больше: не будь этих постулатов, мы все равно бы работали на благо людей. Мы, ученые, отстаиваем свою мораль, основанную на человеколюбии, — настаивала Кроберг.

— Да, вы, верно подметили: у каждого своя мораль, — Саврасов посмотрел на нее, — пойдете вниз. Здесь я увидел достаточно.

Кроберг хотела отвести майора еще в пару лабораторий. Но взгляд фсбэшника говорил о том, что он больше не поведется на ее болтовню. Они направились к лифту. От него тянуло теплом. Когда двери открылись, на Кроберг с майором обрушилась волна спертого горячего воздуха.

— Надеюсь, мы спускаемся не в ад? — Саврасов расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

— С утра было холодно даже. Сбой в системе вентиляции, — спокойно произнесла Кроберг. Но внутри нее разгоралась злоба, — в наше время найти ученых оказалось куда проще, чем толковых техников, — она нажала на кнопку и лифт начал спускаться.

Воздух на втором уровне был неподвижен. Саврасову даже показалось, что в коридорах висит прозрачная дымка. Он несколько раз проморгал. В голове пронеслась мысль о том, что зря он приехал сюда. Больше всего он ненавидел духоту. Мертвый, недвижимый воздух душил его мысли. Мимо них прошли два техника. Кроберг тут же окрикнула их.

— Почему так душно? Вы что совсем не умеете работать?! — внутренний жар Кроберг вырывался наружу.

— Профессор, делаем все, что в наших силах. Не можем понять в чем именно сбой.

— Мозгов не хватает?! — прикрикнула Кроберг.

— По всей видимости, у программы контроля над микроклиматом идет программный сбой. Она не может выровнять температуру. Датчики вообще показывают, что все в порядке, — техник показывал на маленьком мониторе показатели, ставя прибор щитом между собой и начальством.

— В порядке? — Кроберг чуть не вцепилась в этот прибор. Уж очень ей хотелось разбить его о стену, но оглянувшись на майора, сбавила пыл. — Идите, разбирайтесь.

Кроберг бросила недовольный взгляд на Саврасова. Он как незванный гость, его ждали, но не приглашали. Ее осекло то, что майор пристально смотрел на нее. Елена скорчила недовольную мину на лице и пошла вперед. Саврасов понял, что гостеприимство на этом закончено. Впрочем, ему было все равно, чай и конфеты он все равно не любил.

— У меня скоро совещание с руководителями отделов, — Кроберг быстро шла по коридору в направлении к палатам. — Хватит цирка, я покажу вам два места, из-за которых вы, очевидно, здесь.

Саврасов молчал. Он радовался, что духота стянула свой пояс не только на его голове. Они довольно быстро прошли два малых хранилища ДНК. Кроберг без утайки сообщила, что в основном в них содержатся два вида ДНК: искусственно модифицированные и мутировавшие естественным путем, примерно треть из них — это ДНК больных «белой язвой». Впереди показалась дверь в стационар. Кроберг, перед тем как ввести пароль, предупредила майора:

— Все пациенты находятся в крайне тяжелом состоянии, — она ввела код, — их семь человек. Все они в стадии перерождения...

— Перерождения? — уточнил Саврасов. Ему не терпелось войти, но Кроберг медлила.

— Если вам так интересна «белая язва» — загляните в энциклопедию, — любопытство майора раздражало ее словно жужжание кровососа. — Все они находятся в искусственной коме. Если захотите с ними переговорить, то их придется пробудить. Но только поговорить с ними, вам все равно не удастся — перерождение процесс болезненный и, боюсь, кроме воплей вам ничего разобрать не удастся.

Кроберг ввела последнюю цифру и дверь открылась. Они вошли в стационарное отделение. Елена указала на 16 палат по обеим сторонам коридора. Но Саврасова сразу привлекла дальняя дверь. Кроберг заметила это.

— Это спецпалаты для наших объектов, — спокойно заявила она, — вы спрашивали про них, когда мы встретились в Химграде, — Саврасов кивнул два раза. Он хорошо помнил о том, что один из объектов был до сих пор жив. — Сейчас там находится всего один объект, единственный. Он был перевезен обратно к нам каким-то чудом, за день до взрыва центра. Пойдемте, — Кроберг видела, что Саврасова интересуется лишь одна дверь. И раз уж это позволит поскорее избавиться от непрошеного визитера, она повела его сразу в палату Каро.

Она открыла дверь. В палате было очень жарко. Удушливый воздух и синий свет ламп. Каро лежал плотно забинтованным, опутанный проводами датчиков. Саврасов сделал пару шагов в его сторону.

— Вот он, — Кроберг указывала рукой, — наше детище, вершина нашей инженерии — «Объект № 3», — она подошла к Каро. — «Объект № 3» зачат в пробирке, в которую поместили яйцеклетку женщины, скончавшейся от «белой язвы». Однако еще на раннем этапе его развития в цепочку его ДНК были внесены необходимые изменения для того, чтобы он остался набором необходимых органов, свойственных человеку. Нам не нужен был человек для пыток, лишь его точная копия.

— Почему он забинтован? — Саврасов подошел с обратной стороны, внимательно оглядывал тело объекта. У него не было вырезов под глаза. Бинты были плотно обмотаны так, что кто бы ни лежал на кровати, он не был похож на что-то человеческое. Тело скорее напоминало овальный дышащий пузырь.

— Потому что у него идет процесс отторжения кожи, который начался и у объектов

семь и девять. Они, как вы помните, погибли вместе со всеми учеными в биологическом центре. И, к сожалению, эти регенерационные бинты единственное, что сдерживает распространение неизвестной инфекции. Они механически препятствуют отторжению эпидермиса. Моники «белой язвы» таким образом, успевают образовать новые клеточные связи, и кожа не отпадает. Но стоит нам снять бинты, даже для перевязки, происходит немедленное отторжение их от мешка, — Кроберг запнулась, — простите, внутренний сленг, с объекта начинает слезать кожа.

Кроберг смолкла. Она терпеливо ждала, пока Саврасов утолит свое любопытство и насмотрится. Майор осмотрел приборы. Ничего не понимая в показателях, он кивнул в сторону Кроберг и направился к выходу.

— Заглянем еще в криохранилища, — остановила профессорша. — Там хранится штамм чистой монии и ее производные.

Они вышли из палаты Каро. После пребывания в ней в коридоре казалось прохладнее. Саврасов подошел к стене и облокотился об нее.

— Вам нехорошо? — Кроберг обошла его и наклонила голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Душно, не переношу духоту, — устало произнес майор.

— Да, ужасно... — Кроберг попыталась взять Саврасова за руку, но тот отдернул ее.

— В криохранилище, думаю, будет попрохладнее, — он взял волю в кулак и смело пошел к двери. Кроберг ухмыльнулась и быстрым шагом опередила его, чтобы ввести пароль.

В криохранилище можно было попасть двумя способами: из главной операционной и из коридора. Кроберг повела Саврасова путем через операционную. Позже она задаст себе вопрос: зачем она так поступила? Но сейчас сработала привычка. Дверью в коридоре пользовались очень редко. Кроберг так и не сможет вспомнить, когда в последний раз входила в хранилище из коридора. Они прошли по коридору до перекрестка и свернули направо. Свет в операционной включился, как только Кроберг ввела свой код.

Саврасов окинул взглядом большое помещение. Сейчас оно было почти пусто. Некоторые приборы стояли вдоль стен. Зеленые датчики светили очень тускло, почти незаметно. Майор посмотрел на прозрачный купол сверху. В голове закралась мысль, что этот купол невероятно огромен. Да и зачем ему тут вообще быть, если лаборатория Деревни не обучающее заведение. «Наверняка затея Винбурга», — подходящее объяснение не заставило себя долго ждать. Думал, так Саврасов небезосновательно: Винбург очень любил наблюдать со стороны. Выглядывая из-за спин, он никогда не занимал первые места. Глядя на купол, Саврасов представлял себе, как чиновник стоит там и наблюдает за ним. От таких мыслей ему стало не по себе. Нужно было переключить внимание.

Майор осмотрелся по сторонам. В операционной была идеальная чистота. Здесь хорошо ощущалась патологическая к ней страсть. Саврасов одобрительно кивнул. Хоть что-то ему здесь нравилось.

— Нам сюда, — Кроберг показала на дверь в небольшой тамбур.

Они зашли в него. Кроберг нажала на панели управления пару кнопок, чтобы запустить систему обеззараживания. Через несколько секунд открылась противоположная дверь в криохранилище. В нем было не так холодно, как надеялся Саврасов, но дышать было легче. Они были в маленьком помещении.

— Это операционный зал криохранилища, — поясняла Кроберг, — здесь готовятся материалы для операций и исследований. Дальше, — Елена указала на следующую дверь, —

лаборатория хранилища. Там проводятся основные операции с биоматериалами. Оттуда уже ведет ход в непосредственное хранилище.

Саврасов изъявил желание пройти дальше. Кроберг быстро подошла к двери и открыла ее. Лаборатория была в три раза больше операционного зала. Вдоль стен стояли компьютеризированные и механизированные столы. В правой стене находилось узкое прямоугольное окно во всю стену до двери, из которого было видно само криохранилище. Это было огромное помещение. По площади оно превосходило главный операционный зал и глубоко уходило вниз. Внутри почти на всю высоту хранилища располагались девять белых колонн. Это были холодильные установки. В самом их низу находились подъемные механизмы.

— Хранилище полностью автоматизировано и способно осуществлять контроль над хранящимися материалами самостоятельно, — объясняла Кроберг. — Однако есть возможность для участия в этом процессе человека. Там очень холодно, но некоторое время персоналу там выдержать можно.

— Хотел бы я оказаться на минуту другую там, — с жадной жаждой холода произнес Саврасов. Клубы ледяного пара, стекающего по колоннам, манили к себе.

— Я вас понимаю, — Кроберг произнесла это без какого-либо лукавства. Духота душила ее также, как и этого федерального жука, стоящего перед ней. — Но, боюсь, без защитного костюма вы замерзнете там на тридцать второй секунде... — Саврасов посмотрел на профессоршу, — были инциденты, — пояснила Елена свои точные данные.

Саврасов отошел от окна. Окинул взглядом лабораторию. Он был доволен экскурсией. Достаточно информации. Майор вздохнул. Кроберг заметила это. В этом вздохе было что-то личное, что заставило ее прищуриться.

— Я увидел достаточно, — тихо произнес Саврасов, готовясь к выходу. — Не хочется покидать самое комфортное место в вашей лаборатории, но думаю, на улице мне будет лучше, — майор направился к двери.

— А вы не поговорите с вашим подозреваемым? — в ее голосе чувствовалось удивление.

Саврасов обернулся, набирая воздух, чтобы ответить. Но ответу помешала темно-оранжевая папка, плотно набитая бумагами. Она лежала на столе, за спиной у Кроберг. Идеально прибранная лаборатория и словно нарочно забытая папка. Елена поймала сфокусированный взгляд майора. Но пока она поняла, на что он смотрит, Саврасов уже обошел ее и оказался рядом с кипой. Кроберг резко обернулась. Беглый взгляд и она уже знала, по цвету, чья это папка. Ее сканирующий взор быстро остановился на коротком и емком заголовке: электрохимические процессы организма Каро.

— Каро? — Саврасов посмотрел на Кроберг. Она на мгновение ступевалась. Ее взгляд просел. На миг огонь злости затушил неловкий порыв ветра, но вскоре пламя вновь вспыхнуло.

— Криво Антропоморфный Резистентный Организм, — выдала давно отрепетированную расшифровку, — это аббревиатура. Так мы называем в отчетах «объект 3».

— Называете или зовете? — Саврасов прищурил правый глаз и, немножко вздернул правый уголок рта.

— Ваши инсинуации нелепы, майор, — фыркнула Кроберг.

— А что оно значит?

— Что? — негодуяще выдала Елена.

— Аббревиатура? Почему «крио», он разве замороженный?

— Был им на ранней стадии развития. Тогда он был набором клеток в полумороженном состоянии. Еще придержитесь к антропоморфности.

— С этим мне более-менее ясно. Что в этой папке? — майор протянул руку к торчащим листам.

— Это личные записи профессора Кема, который он ведет и везде таскает с собой, — Кроберг придавила пальцем торчащую бумажку.

— А где же сам профессор?

— Очевидно, он забыл ее здесь.

— Это тот профессор, который немного загулял?

— Именно так. Вы еще что-то хотели увидеть?

— А много ли у вас таких вот загуливающих профессоров? — Саврасов проигнорировал вопрос.

— Это вы к чему? — процедила Кроберг.

— Загулявший профессор так и глупостей наделать может. Например, открыть ворота или написать письмо не тем людям, не на тот адрес.

— Служба безопасности отслеживает всю почту. А профессор Кем — человек с... чудинкой. Я уже говорила, что порой нам приходится с этим мириться. Гении — они такие.

— Мне ли не знать, как работает соционика, — ухмыльнулся своим мыслям майор.

— Вы еще что-то хотели увидеть?

— Моего подозреваемого, пожалуй. Спасибо что напомнили, — Саврасов застегнул воротник рубашки и, поправляя халат, направился к выходу.

Кроберг схватила папку. Она поджимала губы и прикрыла глаза, чтобы спрятать бурлящее негодование. Через секунду она готова была смотреть на майора. Они покинули криохранилище и стали пробираться сквозь душную пелену воздуха к лифту. Все это время Кроберг крепко держала оранжевую папку. Ей хотелось впиться ногтями в нее, представляя, что это лицо профессора Кема. Они прошли через предоперационную и быстро вышли к лифтовому холлу. На счастье Саврасова — лифт их ждал. И вскоре они поднялись над сухим фронтом.

— Я провожу вас в мой кабинет, — Кроберг посмотрела на часы, — туда к вам приведут вашего подозреваемого. Думаю, в палатах вам было бы не комфортно, — Елена повернулась и одарила Саврасова змеиной улыбкой. Майор ухмыльнулся, обрадовавшись тому факту, что она хотя бы не шипит.

— Спасибо за беспокойство, — Саврасов зашел в кабинет.

— У меня через пять минут совещание. Когда закончите допрос меня можете не дожидаться, — Кроберг нажала на кнопку и дверь закрылась.

Глава 12. Враг

Елена нисколько не лукавила, говоря о предстоящем собрании. Но если несколько минут назад для нее это был рутинный сбор глав отделов, то сейчас ее руку жгла оранжевым пламенем пухлая папка с бумагами. Настоящие листы белой бумаги, которую так обожал профессор Кем. В зале уже находились четверо заведующих: это был глава хирургического отделения Олег Карцев, главный иммунолог Александр Ростов, главный нейрохирург Серов Антон Львович и кардиолог Лемов Константин Молович. Рядом с ними стояла Ольга Арно. Как только в ее поле зрения попала Кроберг, она быстро подошла к начальнице, обратив внимание на папку в ее руке.

— Я как раз хотела сообщить о том, что профессор Кем не сдал свой отчет...

— Он у меня в руке, — Кроберг бурлила как вулкан.

Ольга смекнула, что сейчас лучше ни о чем не спрашивать. Нужно выждать, пока давление не спадет. Роль открытого жерла ей не прельщала. Кроберг приказала своей новой ассистентке привести Кира на встречу к фсбэшнику в ее кабинет. После допроса ей следует проводить непрошенного майора до дверей лаборатории. Давая указание Ольге, Кроберг заметила довольную физиономию Карцева. Он сидел стервятником и наблюдал за злостью своей начальницы. Кроберг поймала себя на мысли, что она как энергобатарейка подпитывает Карцева. Ей хотелось поморщиться от отвращения. Ольга спешно покинула кабинет. Кроберг окинула еще четырех вошедших заведующих и скривилась. Она увидела Сергея Мельева, первого ассистента профессора Кема. Светловолосого коротко стриженного ассистента выдающегося профессора. На его лице едва проклевывалась щетина, это в его-то почти тридцать. Самого же именитого ученого по-прежнему не было. Все уселись. Мельев сел на традиционное место своего шефа. Кроберг демонстративно подождала пока все рассядутся прежде чем изрыгнуть первую порцию жара.

— Как это понимать? — она пристально смотрела на заместителя Кема.

— С самого утра профессора никто не видел, — Сергей говорил тихо, но без опаски. — Звонили: и домой и на телефон, объявляли по интерлинку — бесполезно.

— Вот ведь смешно, — Кроберг смотрела на оранжевую папку перед собой, — этого недотепы здесь нет, но подгадить мне он все-таки сумел, — Елена брезгливо стучала кончиками пальцев по столу.

На минуточку в зале повисло молчание. Кроберг то открывала, то закрывала папку. Она смотрела на заведующих — те переглядывались. О том, куда делся вдруг профессор Кем, действительно никто не знал.

— Давайте по порядку, — вздохнула Кроберг. Она передала через Ростова Мельеву папку профессора Кема, намекая тем самым, что он будет отчитываться вместо своего шефа. Сергей к этому был готов и принялся читать последние записи, периодически приглаживая волосы. Отчет он хорошо знал, но, увидев новые данные, принялся с интересом их изучать. — Хватит скалиться, — Елена посмотрела на Карцева, — нам с вами еще очень долго трудиться вместе. Твой майоришка пришел не по мою душу.

Заведующие дружно посмотрели на посаженного в лужу Карцева. Первым взял слово профессор Ростов. Кроберг не отрывала взгляда от хирурга. Она хотела насладиться

моментом, когда Карцев никак не может сообразить, какой вывод сделать: уверенно ли Кроберг блефует, или же говорит правду?

— Переливание помогло, — Ростов тщательно подбирал про себя фразу, чтобы отвлечь внимание всех от самолюбивого хирурга и разрядить обстановку, — удивительно, но АТ-циты от этого новенького демонстрируют феноменальную адаптивность к организму Каро. Его иммунная система не отторгла перелитую кровь, что положительно сказалось на ее состоянии. Нам удалось подтвердить факт остановки отмирания тканей. Кроме того, пошел обратный процесс. Судя по данным приборов и визуальному осмотру, монии начали активную экспансию в мертвые конечности. Рано судить о степени оживления мертвых клеток, но это уже очевидный скачок, — Ростов рукоплескал и был счастлив как студент на сданной сессии. Заведующие одобрительно кивали головами. Кто-то даже похлопывал Ростова по плечу. — Этого погорельца нам послала сама судьба. Такое ощущение, что все это время кровь этого парня ждала своего часа.

— Вы осматривали новенького, — Кроберг смотрела на Ростова, — что можете о нем сказать?

— Да что о нем можно говорить, — иммунолог потерял стройных ряд своих слов, — мужчина под тридцать. Состояние при поступлении приемлемо критическое, учитывая в какой болтанке он побывал. Судя по белым участкам кожи, в организме в избытке присутствуют монии. Это, кстати, потом подтвердилось...

— Хватит говорить мне о том, что я знаю... — Кроберг вновь прервала Ростова.

— Что можно сказать? — Ростов посмотрел на молчаливых коллег, пытаясь выстроить спотыкающиеся слова. — До переливания он не представлял абсолютно никакой ценности, — Кроберг усмехнулась. Профессор подумал, что ей чем-то не понравились его слова, но это было не так. Елена услышала то, что сама себе сказала в день первого знакомства с Киrom. — Однако в этом парне есть что-то странное. В нем сидит чистая мония, но он не входит в фазу перерождения. Почему? — Ростов посмотрел на всех.

— Многие в Деревне не перерождаются, застряв на пятой стадии, — отмахнулся Мельев.

— Эх, молодость, — улыбнулся Ростов, — многие это верно. Но иммунная система у таких больных медленно угасает. И если им повезет, они умрут от остановки сердца, а не от распада клеток, которые поедает бактерии через пять-десять лет. У нашего погорельца с иммунной системой все в полном порядке. Однако монии продолжают распространяться. У меня возникает странная мысль: ощущение, что будто его поместили в контейнер с бактериями монии на пятой стадии. И теперь организм, по своим симптомам, догоняет этот уровень развития монии.

— Его вроде доставили из БиоНИЦ, — вмешался анестезиолог, — там ведь настоящий смертельный бульон был.

— Такой расклад можно было бы предположить, — Ростов лукаво посмотрел на Васанова, — заразился язвой при взрыве хранилищ со штаммами. Да вот только загвоздка в том, что чистой монией нельзя заразиться через воздух.

— Я думала об этом, — рассуждала Кроберг, — мония удивительна... А это значит, что нашего погорельца заразили искусственно. Но в БиоНИЦ проводились испытания только на наших объектах, — Елена посмотрела на всех. Лишь Мельев читал отчет Кема, все остальные смотрела на нее, — а чей же он объект?

— Может, федералы правы, и он террорист? — предположил Карцев. — Один из

химбагов, кто привел в действие взрывные устройства? Слухи о том, что эти подпольные химики испытывают все на себе, ходят давно.

Кроберг вздохнула.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Меня устраивает тот факт, что новичок у нас и его кровь спасла Каро жизнь, — Кроберг отстукивала пальцем в такт словам. — Террорист он или нет, это конечно щекочет немного нервы, учитывая... — она вспомнила слова Саврасова о происках радикальных террористических групп. — Как бы то ни было: за этим малым нужно пристально следить. Наличие чистой монии в его крови нам на руку. И если он окажется террористом, то более такого богатства у нас не будет. Его сначала затаскают по этапам, а потом, скорее всего, казнят. Поэтому пока он здесь, с нами, нужно выкачать из него всю АТ-плазму и бережно сохранить в криохранилище.

— А если он все же не террорист? — Карцев с прищуром посмотрел на Кроберг.

— АТ-плазма, если верить в теорию о догонялках, в которые организм новичка играет с монией, вскоре перестанет быть такой чистой, — Елена посмотрела на Ростова и медленно, демонстративно безразлично, перевела взгляд на Карцева. Олег ждал продолжения, но Кроберг более ничего не сказала. Она отвела взгляд от Карцева и, обращаясь ко всем, добавила. — Наш приоритет это Каро. Каро и только. Нет никаких девочек, к которым вы, может, испытываете жалость. Нет никаких подозреваемых, о чьей судьбе нужно заботиться. У нас был, есть и остается Каро! — Кроберг заглянула каждому заведующему в глаза, чтобы убедиться в их лояльности. — Если ни у кого сомнений больше нет... продолжаем, — Кроберг посмотрела на Ростова.

Профессор опомнился. Он схватился за планшет, лежавший перед ним. В голове он ругал себя за неразбериху в нем. Он быстро перелистывал информацию и вскоре необходимая страница была перед ним.

— Несмотря на весь позитив от переливания, мы по-прежнему не можем с уверенностью сказать о том, что у Каро началось перерождение иммунной системы, — Ростов оторвался от изображения с данными и с осторожностью глянул на Кроберг.

— Но ведь, перелитая АТ-плазма не отторглась, — Кроберг была спокойна, — разве количество АТ-цитов не увеличилось?

— Это удивительно: их количество удвоилось, а количество лейкоцитов стремится к нулю. Но перелитые АТ-циты никак не участвуют в работе иммунной системы. Они просто есть, просто числятся. Поэтому мы не можем сказать о том, что иммунная система Каро перезапустилась. Ей, очевидно, нужен толчок.

— Я поняла на что вы намекаете. Нам спустили сверху предупреждение за подписью министра Терена. К июлю он желает получить от нас резюме по иммунной системе «объекта 3», — заведующие переглянулись между собой. Ростов бегал взглядом, пытаясь, как кролик зарыться куда-нибудь. Его коллеги ждали такого же подвоха и для себя. Кроберг увидела это. — Да, мои хорошие, для вас в этом предупреждении тоже есть короткие, но емкие абзацы. Но первый вывод, согласно предоставленным нашим отчетам, мы должны будем сделать именно по иммунной системе. Далее, профессор Дубов со своими клетками, Карцев, Шеремет, Мииртаев, Шепелев. Серов с Лемовым как всегда в пролете. А вот Кема и бумаге вообще нет, — на последнем Кроберг широко улыбнулась. — Видимо министра не особо волнуют экстраспособности моего мальчика, — Кроберг посмотрела на Карцева.

— По своей части могу сказать, что «объект 3» полностью готов к дальнейшим

испытаниям, — Карцев понял, что Елена ждет от него доклада. — Пересаженные органы приживаются идеально и очень быстро. Угрозы отторжения нет. Жалко, что мы не смогли заполучить второе сердце объекта, но те образцы, которые мы изъяли из других органов, дают все основания полагать, что ассимиляция моники достигла своего пика. У отрезанных образцов сохранены регенеративные функции. Более того, будучи оторванными от эгоцитарной цепной системы, моники в образцах стремятся создать некий образ эгоцитарного узла. Все кровеносные сосуды спаиваются в местах разрезов, а в других начинают расти, чтобы образовать некое подобие замкнутой микросистемы. Образующиеся локальные псевдоэгоцитарные узлы подают электрические импульсы тканям на сокращение. Таким образом, кровь продолжает циркулировать и образцы не умирают...

— То есть вы хотите сказать, что взятые образцы органов до сих пор живы? — доктор Васанов наклонился к столу и удивленно смотрел на Карцева.

— Сам не верю, что говорю это — да, — Кроберг смотрела на Карцева. Его вздернутые брови и прорезающаяся сквозь хмурость улыбка, напоминали счастливого мальчика, совершившего очередное открытие. — Еще два года назад мы по обыкновению наблюдали за естественными процессами отмирания тканей, а сейчас я говорю о том, что образцы органов не желают умирать. Именно так — не желают. В мониках содержится пока непонятный нам код самосохранения. Причем они понимают, каким-то образом, в каких условиях находятся и предпринимают соответствующие меры для сохранения. Но и это еще не все. Отрезанная нога и рука объекта до сих пор трансплантабельны, — Карцев заметил некоторый скепсис на лицах коллег, — они не в морозильниках, господа. Они в сохранных контейнерах на базовом режиме выживания. Если в отрезанных образцах органов нет своих эгоцитарных узлов, то в ноге и руке их множество.

— Мы сумели отделить лишь крупные из них во время операции и пересадили в мертвые части тела, что достались Каро, — Серов решил поддержать Карцева. — Именно эти нейроцентры позволяют им жить.

— Если хотите это и есть примитивный интеллект, в котором очень сильно развита функция самосохранения. Шермет это подтвердит, — Карцев перебил коллегу, не желая разделять с ним открытие. Кроберг посмотрела на нейрохирурга. Серов одобрительно кивал. — Все эти данные позволяют нам делать выводы о том, что тканевое перерождение полностью подтвердилось. От Каро можно отрезать по кусочку и растить новые объекты. Вот идеальный материал для клонирования, который мы долгие годы пытаемся заполучить.

— Мы тесно работаем с командой Олега, — вступил щуплый Шепелев. Он по обыкновению сильно клонил свою сверкающую лысую голову на левую сторону и говорил с прищуром. — Факт такой жизнестойкости позволяет нам сконцентрировать свои поиски на нужном сегменте ДНК объекта, — Шепелев задумался, он пытался быстро взвесить стоит ли говорить о Каро как об объекте или же называть его по имени. — Мы взяли новые образцы ДНК из отрезанных образцов, руки, ноги и эгоцитарного центра в мозгу Каро, — Шепелев был доволен собой. Он заметил во взгляде Кроберг крупную одабрения, — эти образцы сводят на нет всю нашу трехлетнюю работу, — Шепелев хихикнул, — удивительно да? Мы три проклятых года бились над расшифровкой мутировавших частей ДНК и когда мы подошли к тому, что можем их читать — они снова мутируют. Что это? — Шепелев оглядел всех. — Это перерождение ДНК! Да, именно перерождение, а не случайная мутация. В какой-то момент организму потребовались функции, которых у него не было. И моники, простите, протомоники, те, что заставляют мутировать ДНК, запускают процесс

преобразования всей цепочки: они убирают ненужные связи, делают их рудиментарными, а другие наоборот образуют. Мы уже сейчас можем сказать, что именно мутация в противодействии снотворным препаратам помешала вам погрузить Каро в сон на операционном столе, — Шепелев посмотрел на Васанова.

— Вы так быстро это узнали? — не мог поверить анестезиолог.

— Мы поражены, но да. Мы быстро это узнали по одной простой причине: мы смотрели на связь, отвечающую за клеточное восстановление, но вместо нее обнаружили связь, отвечающую за защиту организма. Раньше они были в разных местах! — Шепелев слегка ударил по столу. — Более того, в перемещенных связях, отвечающих за защиту, содержится множество данных по всевозможным анестезийным препаратам. Там даже присутствуют те, что мы даже не использовали на Каро. Через год мы уже не сможем «отключать» ни мышечные, ни костные ткани. Чем больше мы оперативно вмешиваемся в организм, тем сильнее заставляем монию обороняться. Год от года на нашем пути возникают все новые непреодолимые препятствия, и поделаться с этим мы ничего не можем.

— Как это все поразительно, — Ростов откинулся на спинку стула, поглаживая густые волосы.

— Если протомонии так старательно меняют ДНК, то почему бы нам не заняться тем же? — предложила Кроберг.

— Вы рассуждаете, что предлагаете? — Шепелев нахмурился как туча. — Мы же как дети на пульте ядерного щита. А давайте поиграем, — туча чернела на глазах, — вы рассуждаете, что говорите? Нам не известен принцип изменения ДНК Каро, нам неизвестно, теперь неизвестно, как устроена его новая цепочка, а про ДНК протомоний так и говорить нечего. Их структура крайне сложна. Полученные образцы еще в далеком 2208 до сих пор не расшифрованы суперкомпьютером. Вы рассуждаете, что вы говорите?!

— Но ведь вы взяли новые образцы протомоний? — Кроберг сохраняла змеиную выдержку. Но в глазах ее сверкала гроза, передразнивая блики на отполированной голове Шепелева.

— А как же, — подтвердил он.

— И что вы можете сказать о них? Протомонии изменились?

Шепелев пытался разгадать к чему ведет змея, извивающаяся перед ним.

— Она осталась неизменной, — профессор ответил твердо, но он чувствовал, что эти слова сейчас обратятся против него.

— Значит все, что сейчас происходит с ДНК Каро: вся эта информация содержится в ДНК протомоний. Она не берется из неоткуда. Если мы меняем что-то в ДНК Каро, скажем убираем какую-то связь — протомонии вновь ее создадут.

— Это недоказуемо, — Шепелев попал в капкан. Он понял это, но не мог не сопротивляться.

— Но это логично, — отрезала Кроберг. — Терена не интересуют столь глубинные исследования. Но, основываясь именно на них, мы сможем через два месяца предоставить ему вывод о перерождении иммунной системы Каро или ее отсутствия. И, думаю, ни для кого не секрет, что от нас ждут больше первое, чем второе, — Кроберг смотрела на заведующих взглядом поглощающим и гипнотизирующим. Подобно змее, она шипела и закручивала не одно кольцо вокруг их шей.

— А вы не бойтесь, что наше вмешательство в его ДНК изменит Каро? — Шепелев предпринял последнюю попытку. Этот вопрос вызвал непроизвольную улыбку у Кроберг.

Она так внезапно появилась на лице Елены, что смутила ее саму.

— Если бы я боялась всего того, что делаю с ним, то я бы не ввела подавители в самый центр его эгоцитарной системы.

Кроберг одержала победу. Хотя все прекрасно понимали, что противостояния не было. Елена была слишком крупным зверем и с ней тягаться, значит, надорвать свою спину. Кроберг добродушно смотрела на Шепелева. Она подалась немного вперед, в глазах ее сверкали разряды тока. Но Шепелев нырнул взглядом в бумаги. Кроберг едва слышно фыркнула.

— Именно! — вдруг воскликнул Мельев, прервав прицеливание Кроберг в следующую жертву. Сидевший рядом Карцев вздрогнул и, досадуя, больно хлопнул молодого коллегу по плечу.

Сергей тут же сообразил, что прослушал многое, о чем говорилось в последние минуты за столом. Но последняя фраза Кроберг крючком вытащила его из увлекательного раздумья над бумагами.

— Простите, — на лице Мельева появился легкий румянец. — Мы с профессором сидели всю ночь и после, рассуждали, собирали данные, — Сергей быстро схватился за цепочку рассуждений, стараясь рассказать предысторию как можно быстро, чтобы добраться до сути, — мы обобщали, складывали и прикидывали. У нас на руках были данные постоянного мониторинга с датчиков наблюдения в реальном времени. По ним, мы могли судить о степени развития микроволновых способностей Каро. Данных было огромное количество, и все они говорили лишь об одном. Что организм Каро не переставая излучает микроимпульсы. Благо наши приборы способны были их уловить. Это мы всегда делали. Вы видели наши отчеты. Уже пять лет мы не наблюдали никаких пиков активности. В какой-то момент стало казаться, что они угасают с перерождением организма. Но три года назад, не без помощи профессора Кроберг, мы поняли, что Каро занимается тренингом. Он учится контролировать свои способности. Мы успокоились, то есть все шло как по маслу. Он рассказывал нам что делает и как, мы сравнивали это все с показаниями приборов — все сходилось. Однако за последние два года скорость импульсов Каро увеличилась, не их сила, но частота излучения. В лабораторных испытаниях нам так и не удалось понять какой из этого можно было сделать вывод. В присутствии Каро всем становилось очень комфортно. Вы должны понять. Это связано с микроволновым воздействием. Оно было гармоничным и вступало в резонанс с организмами, заставляя нас чувствовать себя комфортно. Это действовало на подсознательном уровне, как безусловный рефлекс. Однако, во время операции, мы все стали свидетелями необычного явления. Микроволновое излучение стало оказывать резко негативное воздействие. Произошел выброс образовавшейся микроволновой энергии. Это произошло спонтанно, резко и эффектно, — у Мельева светились глаза, он захлебывался от слов и даже волосы на голове наэлектризованно взъерошились. — В операционном листе не было никакой информации о том, что вы ввели в эгоцитарный центр подавитель. Этого не было и в наших обсуждениях, в наших данных. Но было другое: бешеный скачок, сильное излучение во время операции. Одновременно с резкими пиками активности следуют плавные угасания. Мы с профессором рассудили, что это попытки Каро унять растущую электрохимическую активность. Но раз за разом она брала верх. Она все больше накапливалась в нем. Очевиден тот факт, что непогруженный в сон Каро не мог справиться с болью, и это мешало ему контролировать накапливающийся в результате сильнейшего стресса энергетический потенциал...

— То есть если бы он не чувствовал боль, он бы совладал с собой? — уточнила Кроберг.

— Именно. Все наверняка видели, что датчики на стенах просто зашкаливали. Некоторые даже не выдержали. А данных было столько, что подвисала система. Это невообразимо! — Мельев всплеснул руками. — Но в целом все могло бы закончиться гораздо лучше, если бы не то что вы сказали, — Мельев уставился на Кроберг. — Вы ввели подавитель в самый центр его миндалевидного тела, то есть в то, что раньше им было и стало эгоцитарным центром. Это был спусковой крючок, прокол горящей спичкой гелиевого шарика. Но мы не знали этого, мы не присутствовали в операционной, а получали предварительные данные там у себя. И они свидетельствовали о том, что эгоцитарная система организма испытывает колоссальную перегрузку. Выделялось ужасающее количество тепла. В организме были запущены неизвестные нам процессы, которые не только разогревали организм, но и нагнетали энергетический потенциал и без того перегруженного энергией организма. Все это время Каро был как пружина, которую сжимали и сжимали, но в какой-то момент сила давления ослабла и пружина выстрелила! Произошло то, что произошло: организм Каро буквально выстрелил, взорвался электромагнитным излучением. Судя по регистраторам, произошел непонятный химический выброс. Но вскоре он рассеялся, а наши датчики вне операционной не смогли уловить что-либо. Видимо ничего не просочилось. Но куда тогда исчезло? — Мельев увидел, что все погружаются в раздумья, и он воскликнул. — Нет-нет, не об этом нужно думать, а о том, что случилось дальше. После этого выброса все прекратилось. Вы понимаете? Мы даже приборы перепроверили, соединения, вызвали дежурного техника — все было в норме. Но данных больше не поступало. Никаких вообще. словно перерубили провод. Потом, после операции, мы пытались получить какие-либо данные по излучению, но тщетно. В смысле, мы регистрировали жизненные показатели, обычные низкоуровневые реакции человеческого организма. Но как прежде, микроволновая активность прекратилась. Вы понимаете? Ее нет, — ассистент смолк на хриплом слове. Он взял в руки стакан с водой

Кроберг анализировала услышанное. Она вспоминала операцию, прокручивая последние часы: смотрела ли она на датчики? И действительно, они не регистрировали никакой активности. Она посмотрела на Мельева.

— Я думала он в коме. Все приборы говорят об этом, — Кроберг оправдывалась сама перед собой.

— Мы подумали также. Мол, парень в коме, чего же от него ждать. Какое там излучение, когда его мозг отключен, — Сергей поставил пустой стакан. — Но мы все ошиблись и даже наши приборы. Нервная система Каро давно уже состоит из двух взаимосвязанных систем: центральной нервной системы и эгоцитарного симбионта. Раньше ни одна из них не могла существовать без другой. Но теперь все изменилось. Мозг Каро в коме, а вот эгоцитарная система, этот могучий симбионт из моний вполне себя бодро чувствует.

— И вы ждали совещания, чтобы сказать мне об этом?! — прикрикнула Кроберг.

— Профессор Кем направлялся сегодня к вам, он должен был все вам рассказать, — Мельев слегка отодвинулся от стола, — я только что сам об этом узнал. Эти выводы профессор Кем добавил сам, без меня.

— Что еще он хотел мне сказать? — на лицах заведующих читалась тревога. Они взглядами торопили ассистента, чтобы он скорее продолжил.

— Профессор наверняка, как и я, задался вопросом о том, почему же тогда эгоцитарная

система не излучает ничего. Ведь, такого не может быть, — в голосе Мельева чувствовалась предательская дрожь. — И это правда — этого не может быть. Лишь в состоянии комы излучения мозга почти равны нулю. А если брать за основу раздельное поведение, то эгоцитарная система должна была продолжать излучать, несмотря на то, что мозг находится в коме. На последнем листе записи сделаны от руки. В них профессор говорит о том, что «объект 3» излучает резко-агрессивную нановолновую электрохимическую энергию, которую он уловил своим прибором. Он всегда был с ним, во всех переездах. По суждению профессора, эти волны способны оказывать влияние на окружающих, на их мышление.

— Сознательно? — спросил Карцев.

— Нет, то есть об этом не говорится, — Мельев уткнулся в папку и вынул последний лист, — несколько слов о том, что мозг пока еще сохраняет функции мыслительного центра, а эгоцитарная система контролирует основные инстинкты, такие как самосохранение. Но чтобы проверить это, профессор направился в криохранилище, где и хотел выяснить, излучают ли отрезанные образцы те же волны.

Кроберг смотрела на раскрытую папку, лежащую перед Мельевым. В уме складывались кусочки целой картины. Раздалось пиликанье от двери. В зал совещаний вошла Ольга. Кроберг прищурилась: глаза и нос Арно были красными, щеки мокрыми, она еле стояла на ногах. Покачиваясь, она сделала несколько шагов. Между всхлипываниями Ольга произносила лишь одно ясное слово:

— Кем... профес... Кем...

— В криохранилище? — у Кроберг пошли мурашки от своего предположения. А холод заструился, когда Ольга кивнула в подтверждение.

К ней подошел Карцев. Он обнял ее за плечи. Пытаясь привести ее в чувство, он довел ее до ближайшего стула у стола и помог сесть.

— Его нашла служба охраны во время обхода, — тяжелые слезы набухали на глазах Ольги, — десять минут назад, — Арно руками прикрыла лицо.

Кроберг вскочила с места. Она ураганом промчалась к выходу. Карцев за ней. Остальные подсели ближе к Ольге. Хлюпя носом, она рассказывала им то что знала.

Кроберг очень скоро оказалась на втором уровне лаборатории. На входе в криохранилище ее встретил начальник охраны Мамонтов. Он разговаривал с подчиненными. В двух шагах стояли техники. С появлением Кроберг воздух вокруг стал потрескиваться от напряжения.

— Где он? — Елена рвалась к двери, ведущей в криоблок.

— Остынь, начальница, ему уже не поможешь, — Мамонтов встал между Кроберг и дверью. Она посмотрела на него так, будто прошлась по его лицу сапогом. Мамонтов почувствовал яростный напор Кроберг. Он отошел в сторону и проследовал за ней. Она остановилась у длинного окна в лаборатории. В голове у нее вертелись сомнения: он мог быть там, когда она пришла сюда с майором из ФСБ. Она посмотрела на стол, с которого ранее со злостью схватила папку. И ответ пришел сам.

— Одного не могу понять, почему он пошел туда без защитного костюма? — Мамонтов провел ладонью по вспотевшей шее. Кроберг посмотрела на главного охранника. Заевшийся и уставший, в глазах его не было ничего кроме безразличия.

— Ты меня спрашиваешь? — с оскалом зверя спросила Кроберг. — Внутри хранилища есть камеры. Твои идиоты что, совсем слепые: не увидели как туда входит человек без защитного костюма?! — Елена готова была выцарапать Мамонтову глаза.

— Даже если бы они увидели, его уже нельзя было спасти, — спокойно ответил начальник охраны, поправляя ремень на брюках.

— Фсбэшник еще здесь? — Кроберг повернулась в сторону окна.

— Он буквально десять минут назад отчалил, — Мамонтов помялся. Ему было неудобно в лаборатории. Его донимала жажда, а духота давила на легкие. Он смотрел Елене в спину и не решался просить ее выйти отсюда, чтобы последовать за ней. — Это нам уже не удастся замять... — Кроберг обернулась. Она хотела возразить. С ее губ почти слетела какая-то фраза, но вместо этого она спросила:

— Где он? — вновь спросила Кроберг.

— За второй колонной, — указал Мамонтов, — отсюда ты его не увидишь. Он... его руки намертво вмерзли в металл. Он, видимо, хотел подняться наверх — что-то искал.

— Его нужно достать оттуда... — приказала Кроберг.

— Как? Если не размораживать хранилище, то этого сумасшедшего нужно будет выносить по частям — Мамонтов посмотрел исподлобья.

— На размораживание хранилища нужно более двух суток, умник, — Кроберг не отрывалась от окна. — Доставайте так, — Мамонтов кивнул головой. — У профессора с собой должен был быть некий прибор. Найдите его, и извлеките в целости, — Кроберг резко дернулась с места и пошла к выходу. Мамонтов ликовал. Он шел позади нее, на пару шагов отставая. Кроберг повернула налево, чтобы сократить путь до лифтового холла. Мамонтов остановился рядом с небольшой группой сотрудников. Среди них были два крупных санитара. Начальник охраны начал объяснять им ситуацию и что именно им придется разрезать тело профессора Кема, примерзшего к металлическим поручням.

Кроберг вышла в коридор. Ей впервые за все это время было легко дышать. Ничто не сдавливало и не душило. Елена посмотрела направо, в сторону, где находился стационар. Ей хотелось понять природу происходящего с Каро. Но перед ней стояла непреодолимая невидимая стена. Ее она боялась преодолеть, так как не знала, что за ней может скрываться. Она поморщилась. Двери лифта открылись и приглашали войти. Кроберг мысленно ударила себя по щекам. Она кинула последний взгляд вдоль по коридору. До слуха доносился какой-то непонятный шелестящий звук. Елена прислушалась. Это был шепот. Она осеклась, понимая, что вокруг никого нет. На лице ее повис немой страх. С силой впихнув себя в лифт, она нажала на кнопку подъема. Двери быстро закрылись.

Кроберг пролетела мимо сотрудников, огибая их как кустарники в лесу. Быстро ввела код от двери и скрылась в кабинете. Елена стояла, опершись с обратной стороны двери. Она ловила себя на мысли, что это нерационально, невозможно и это ей показалось. Ей ужасно сильно захотелось воды. Она посмотрела на свой рабочий стол. На нем стоял графин с водой. Дверь издала пиликающий звук. Кроберг шархнула в сторону. На пороге стояла Ольга. Она уже не рыдала, но ее лицо было изрядно потрепано потоками слез. В руках у нее были две синие папки. Кроберг опомнилась и прошла к столу. Она налила себе стакан воды. Руки дрожали. Допив до дна, профессорша со злостью поставила стакан на стол и вновь посмотрела на поникшую Ольгу. Она по-прежнему стояла в дверях.

— Что ты стоишь? — с хрипом произнесла Кроберг.

Ольга очнулась. Она подняла голову и переступила через порог. Ассистентка старалась не поднимать глаз. Она не торопливо подошла к начальнице и протянула ей одну из папок.

— Что это? — Кроберг нахмурилась. Она не хотела брать папку.

— Это отчет технической службы о том, что с охлаждающей системой все в полном

порядке, — безразличным голосом ответила Ольга.

— Вызови ко мне Мельева, — Кроберг не взяла папку. Она обошла стол и села в свое кресло, — пусть захватит отчет Кема.

Ольга посмотрела на Кроберг и быстро повернулась к выходу. Заведующие еще находились в зале совещаний. Они ожидали возвращения Кроберг. Однако вошедшая ассистентка известила, что совещание, по-видимому, закончено и все могут быть свободны. Сергей Мельев пересматривал бумаги в оранжевой папке. В хмурых складках его лба тенились несколько тревожных вопросов. Ольге не хотелось мешать его раздумьям. Наверняка он думает о гибели своего шефа. Но образ Кроберг стоял перед ней призраком. Ольга кашлянула и, подойдя поближе, коснулась плеча Сергея. Мельеву пришлось быстро всплывать из бездны мыслей. Он посмотрел встревоженными глазами на Ольгу. Кивнул чему-то своему. Арно не успела даже ничего сказать, как Сергей вскочил с места, собрал выпавшие бумаги со стола и направился к выходу. Через пять минут он уже был в кабинете Кроберг. Она все также сидела за своим столом. В ее руке была ручка — она что-то подписывала.

— Я отдала распоряжение о Вашем назначении на место профессора Кема, — Кроберг не отрывалась от бумаг. Мельев от такой неожиданности плюхнулся на стул перед столом. — Пока мы не будем это обнародовать и это останется между нами. Некоторое время о смерти профессора должны знать только в лаборатории. Я как раз подписываю приказы о «внутреннем молчании».

Мельев прижал оранжевую папку с отчетом к груди. Положение о «внутреннем молчании» вводилось очень редко. Имея статус особого автономного объекта, Кроберг имела право ввести на вверенной ей территории особое положение, при котором сотрудникам лаборатории запрещалось покидать территорию спецрезервации до семи дней. Кроме того, запрещались любые контакты с внешним миром: телефонные звонки, общение по интернету и прочее.

Кроберг нажала на пояском интерлинке кнопку вызова Ольги.

— Для вас это впервые, я понимаю, но все же это необходимо, — в кабинет вошла Арно. — Вот тебе мои приказы об установлении «внутреннего молчания», — Кроберг протянула бумаги Ольге. Ассистентка посмотрела на них, округлив глаза. — Внимательно прочитай сама для начала, немедленно извести начальника охраны, потом всех остальных, — Кроберг специально уточнила порядок действия, так как Ольга была новичком и ей не доводилось вводить режим молчания. Видя некоторое замешательство на ее лице, Кроберг строго добавила — Действуй!

Ольга вздрогнула и, бросив неловкий взгляд на Мельева, поспешила удалиться. Сергей проводил взглядом спешащую ассистентку. Но Кроберг вернула его в реальность. Грозная львица, пожиравшая львов на обед и тихий... кто? Кто был он, Сергей Мельев рядом с грозной Кроберг? Умный молодой ассистент, которому посчастливилось занять места почившего вдруг наставника? Казалось, что даже светлые короткие волосы на голове дрожали от свалившейся сверху ответственности.

— Доктор Мельев, мы с вами не дети, а поэтому я не буду ходить вокруг да около. Дела обстоят очень серьезные, — Кроберг поймала удивленный взгляд Мельева, услышавшего подобное обращение к себе. Хотя этот молодой ученый и был причислен соционикой к одаренным, ему не доводилось слышать столь уважительное «доктор» в свой адрес. Наверное не стоило так к нему, не хватало чтобы ему это затуманило мысли. — У нас

меньше чем за двое суток два трупа и, согласно вашим выводам, в этом виноват мой Каро, — Кроберг оперлась на стол и пристально смотрела на Мельева. — Учитывая его важность для науки и тот факт, что мы почти добились от моний полного перерождения, мы должны предпринять максимум усилий для сохранения Каро. Для этого нам необходимо понять природу этих смертей, из-за чего они произошли конкретно.

Сергей не поддался на тщеславную докторскую сдобу и не потерял стройности рассуждений. Кроберг нельзя подвести. Он пригладил растрепавшиеся волосы и четко ответил:

— Согласно выводам профессора Кема и тем немногим данным что мы имеем после операции, — Мельев расправил плечи и положил перед собой папку, — можно сказать, что симбионт монии излучает некую форму электрохимической нановолновой энергии, которая воздействует на все живые организмы в некотором радиусе.

— Он это делает специально?

— Об этом сложно судить, но учитывая разделение функций центральной нервной системы и симбионта можно заключить, что это воздействие происходит на подсознательном уровне. Скажем, если организм Каро испытывает холод, то и вокруг будет холодно. В том смысле, что всем вокруг будет так казаться.

Кроберг прокручивала в голове весь прошедший день. Как ее бросало в холод и жар. Она вспомнила, что ее ассистентка сообщила ей о том, что техники не смогли наладить систему охлаждения из-за ее исправности.

— Вы считаете, что это могло произойти из-за подавителя, который я ввела? — Кроберг кинула взгляд на папку в руках Мельева.

— Об этом очень сложно судить, — Сергей осторожно подбирал слова. — Введенный препарат — это агрессивный стимулятор, который привел к стрессовому состоянию эгоцитарной системы. Это я могу утверждать уверенно. Данных у нас достаточно.

— Но все же косвенно можно обвинить подавитель?

— Это кажется логичным.

Кроберг слегка кивнула. Она отвела взгляд в сторону. Ее очень интересовало то, что мог подавитель сотворить с мозгом Каро. Она вспомнила слова профессора Ростова, когда тот нелестно высказался о ее растворе. Это было за несколько дней до операции, когда она только готовила компоненты и окончательно не приняла решения о введении. Риск был велик, а прогноза по точному воздействию подавителя никто из ученых тогда не дал. Но в ее мыслях не было сожаления. Наоборот, то что сейчас происходило с ее крестником и пугало и интриговало ее.

— Нужно понять, как это контролировать, — произнесла она, глядя на книжную полку. Ее взгляд остановился из множеств книг на той, что была в темно-синей обложке. Это была лекция неопсихолога Адама Фершана. Им высказывалась теория обновления человеческого сознания через стимулирование мозговой подконтрольной мутации. Многие считали доктора Фершана безумцем. Его идеи о том, что общество можно программировать через операции на мозге, вызвали резкое отторжение научного сообщества. Кроберг тоже считала Адама Фершана недалеким и глупым ученым, но лишь потому, что он высказал свои предложения вслух. — Чтобы начать контролировать необычные способности Каро нужно для начала их измерить, просчитать и спрограммировать дальнейший ход их развития, — Кроберг посмотрела на Мельева. Он был очень резвым на ум и уже понял к чему она ведет.

— Если бы у нас был прибор профессора, мы бы поняли каким образом у него

получилось уловить нановолновое излучение симбионта...

— Почему наши собственные приборы на это не способны?

— Очевидно потому, что это новый вид излучения, который не известен науке, — уверенно произнес новоиспеченный глава отдела.

Кроберг пристально смотрела в глаза Мельеву.

— Но Кем смог его уловить?

— Вы не хуже меня знаете масштаб практического мышления профессора, — напомнил было Сергей. — Но даже Кем говорит в записях лишь об улавливании. Практическое применение или контроль этого излучения пока за пределами наших возможностей из-за недостатка данных.

— Да, эту потерю мы не скоро восполним, — где-то внутри Кроберг от безысходности скулил ее волк науки.

Мельев придвинулся ближе к столу и положил раскрытую папку так, чтобы Елена хорошо видела чертежи и выводы Кема.

— Профессор Кем всегда предполагал, что в эгоцитарной системе Каро скрыт очень большой потенциал и что при должной тренировке его можно раскрыть.

— Или при должной стимуляции, — добавила Кроберг.

— Видимо так, — Мельев кивнул.

Елена скорчила снисходительную улыбку. Этот молодец не вызывает у нее никакого отторжения. Даже наоборот: с ним хочется работать.

— Очень хорошо, что вы, доктор, быстро включаетесь в работу, — Кроберг посмотрела на электронный календарь, встроенный в стол. — Через месяц Каро необходимо отправить в орбитальную лабораторию Министерства для последних испытаний. Это, как мы верим, станет необходимым импульсом к завершающей стадии перерождения Каро, и мы получим чистый идеальный организм монии. Не будет уже симбионта. Однако учитывая сегодняшнее открытие, вам, Мельев, необходимо как можно скорее найти способ сдерживания агрессивной активности симбионта Каро. Вам понятно?

— Да.

— Любые средства, все что необходимо. Сделайте так, чтобы Каро был безопасен для обитателей космической станции, и она не рухнула на какой-нибудь город из-за того, что кому-то стало жарко или холодно, — Кроберг слегка улыбнулась.

— Я понял вас, профессор. Для начала, думаю, будет целесообразным вывести весь персонал со второго уровня лаборатории, — Мельев сделал небольшую паузу. Но Кроберг кивала головой, и он продолжил, — пока мы не разберемся в том, что происходит с Каро, приближаться и быть рядом с ним опасно.

— Вы уверены в том, что на других уровнях будет безопаснее?

— Холод и жара чувствовались лишь на втором уровне. Пациентов в стационаре предлагаю оставить.

Кроберг сверкнула глазами.

— Нужно понаблюдать как будет сказываться влияние на них.

— Согласна, — Елена улыбнулась. Ей нравился ход мыслей Мельева. — Скоро снотворное перестанет действовать и с ними можно будет работать активнее.

— Второе, что важно предпринять исходя из... — Мельев пытался подобрать более мягкие слова, — неожиданного воздействия симбионта Каро — создать гармонический контур вокруг него.

Елена замерла в пространстве. Странно было услышать эти два слова — гармонический контур, от Мельева. Но почему же? Он ученик своего учителя и все говорило в пользу того, что учеником он был гениальным. Так почему она, — бывалый ученый, так поразились? О гармоническом контуре она услышала от профессора Кема через месяц его работы здесь, в лаборатории. Несмотря на дела давно минувших лет, она мгновенно вспомнила тот вечер и ту их встречу. Эта идея граничила с фантастикой еще больше, чем предположения Кем об экстравозможностях эгоцитарной системы больных «белой язвой».

— Профессор посвятил меня в эту свою теорию относительно недавно. После того, как мы уловили возросшую активность излучения Каро.

Вот что удивило Кроберг. Она не ожидала, что Кем поделится своими мыслями о гармоническом контуре с кем-то кроме нее. Почему он доверил свои мысли юнцу, а не снова вызвал ее к себе? И что больше всего скребло, так это то, что она никак не могла вспомнить в чем именно заключался принцип работы контура. Единственное что она могла вытащить из складок памяти — это метод воздействия на мыслительные волны эгоцитарной системы.

— Полагаю у вас есть способ практической реализации идеи Кема?

Мельев замялся.

— Продолжайте, — не выдавая своего внутреннего негодования произнесла Кроберг.

— Дело в том, что профессор полагал наличие некоторой возможности заставить эгоцитарную систему работать в нужном нам волновом диапазоне.

— В этом была суть его контура?

— В этом был смысл. Но наличие нановолнового спектра было обнаружено только что. Опытные образцы гармонического контура не работали так как нам было нужно.

— Но вы считаете, что найдете способ заставить его работать?

— Он всегда был... — тихо произнес Сергей.

— Поясните.

— В тот день, когда профессор Кем поделился со мной идеей о гармоническом контуре, я высказал предположение, что воздействовать надо не на волновое воздействие, а на весь организм и не через создание противоположного спектра, но лишь созданием гармонических колебаний.

— Но Кем отверг эту идею? Почему? — Кроберг сдвинула брови, ощущая, что нащупала верное направление.

— Потому что он считал, что управлять нужно не организмом, а эгоцитарной системой. Ведь у него не было данных, которые мы открыли сегодня.

— Но ведь симбионт это и есть эгоцитарная система, именно она излучает агрессию.

— Которой мы не способны управлять... — Мельев выстраивал мысли, чтоб его речь не сбилась. Он чувствовал, что Кроберг зацепилась за его идею. Оставалось не подвести ее. — Это как поток реки. Мы не можем им управлять напрямую, но вполне можем выстроить берега таким образом, чтоб течение потока или, в данном случае, наводнение не причиняло вреда.

— И ты знаешь, как этого добиться? — у Елены загорелись глаза.

— Да. Я предлагаю изменить способ создания гармонического контура. Профессор пытался воздействовать на частное, но наша цель утихомирить весь организм, а не взять под контроль диапазон излучения. На практике это означает создание вокруг Каро берегов, которые будут излучать гармонические колебания стремящиеся к нулю. Да, мы не будем управлять нановолнами, но мы снизим степень волнового излучения в целом, что в свою

очередь приведет к затуханию нановолн. Так мы успокоим организм.

Полминуты Кроберг обдумывала слова молодого ученого. Ах, как ей хотелось ухватиться за эту соломинку. Но внутренний червь грыз ее.

— Вы уверены, что это сработает?

— Я и вы знаем о том, что привести разбушевавшееся волновое излучение через гармоническое воздействие на него не сложная задача. А поможет ли это успокоить симбионт Каро? Хм, это теория, основанная на принципах затухания нановолн.

— И это все что у нас есть... — констатировала Елена.

— Во всяком случае пострадаю только я.

Кроберг поняла, что Мельев только что вызвался добровольцем, который будет размещать вокруг Каро приборы гармонического контура. Быстро взвесив все за и против, она молча кивнула.

Кроберг убедилась в том, что Мельев знает, как действовать. В своем безоглядном стремлении к практическим испытаниям, он напомнил ей саму себя. В ходе беседы на ее лице не раз еще появлялась одобрительная улыбка. Елена заостряла внимание на том, как Сергей говорит о смерти профессора Кема, как рассуждает о влиянии излучения на организмы. Его глаза искрились, а в теле были заметны небольшие подергивания, возникающие от большого нетерпения ринуться в бой. Его сдерживали лишь беседа с Кроберг и отсутствие непонятого прибора профессора Кема.

Кроберг сообщили о том, что тело профессора частично извлекли. Но главное — найден прибор, о котором упоминала госпожа профессор. Кроберг отпустила рвущегося Мельева и тот ракетой направился на второй уровень лаборатории.

В коридоре было приятно прохладно. Сергей посмотрел в ту сторону, где находился стационар; прислушался. Он проследовал коротким путем через предоперационный зал. В криоблоке находились два охранника, они находились в операционном зале. Пройдя дальше в лабораторию, Мельев увидел на столах под прозрачным куполом мертвенно-синие останки профессора, покрытые слоем наледи. Сергей быстро отвернулся. Он посмотрел сквозь окно. Внутри хранилища работали два санитары в защитных костюмах. Он видел, как они ходят между колоннами и о чем-то разговаривают. Самого же тела и то, что санитары разрезали нижнюю его часть, пытаясь отделить тело профессора от ступеней, Мельев не видел.

Сергей отвернулся от окна и, стараясь не смотреть на неприкрытые останки, подошел к рядом стоящему столу. На нем лежал небольшой прибор. Он напоминал портативную игровую консоль продолговатой формы, только кнопки на нем были куда менее изящными и большими. На верхней его части располагался большой монитор. Он занимал почти две трети поверхности прибора. Мельев взял прибор со стола. Он был еще очень холодным, но терпеть можно было. Сергей перевернул его, повертел в руках и быстро обнаружил, что прибор питается от аккумулятора и у него даже имеется слот под микрофлешку для записи информации. После нажатия на кнопку извлечения, из прорези с боку показалась узенькая, но длинная, как спичка флешка. У Сергея блеснуло в глазах. Он взял прибор с собой и направился в лабораторию. Но, не успев выйти, поймал себя на мысли, что второй уровень временно перекрывается. Мельев посмотрел на флешку и аккуратно задвинул ее пальцем обратно. Пока персонал занят перемещением бумаг на верхние уровни, он намеревался зайти в лабораторию Кема и снять показания с носителя, если они там имеются.

Мельев вышел с главного входа центральной операционной и, дойдя до главного

перекрестка, свернул направо. Лаборатория Кема была недалеко, впрочем, как и стационар. Они были соседями. Но Сергей не желал впускать рвущуюся в сердце сумятицу и уверенно шел в лабораторию. По громкой связи зачитывали приказ Кроберг о введении «внутреннего молчания» и о том, что второй уровень лаборатории временно изолируется. До трех часов дня все должны покинуть свои рабочие места. Сергей зашагал быстрее. Показалась дверь лаборатории. Быстро набрав код доступа, Мельев стремительно влетел внутрь.

Пройдя по недлинному коридору, утыканному множеством сканирующих датчиков, Сергей уперся в полупрозрачные двери. Они открылись сами, распознав посетителя. Лаборатория профессора Кема была одной из самых больших, но, несмотря на это, трудилось в ней всего два человека. Это было продолговатое, овальной формы помещение, поделенное надвое прозрачной бронированной стеной. В центре располагались две колонны до потолка, соединенных узкими мостиками. По этим перемычкам проходили толстые кабели, в которых текла жидкость для охлаждения. Эти колонны были мозгом лаборатории Кема и частично мозгом всей резервации. Одна колонна стояла перед прозрачной стеной, другая за ней. Колонны светились светло-синими огнями и ежеминутно регистрировали состояние абсолютно всех больных «белой язвой» в Деревне.

Мельев сел за свой стол, включил приборную панель и положил устройство Кема перед собой. Нажав на кнопку выброса флешки, Сергей достал ее и поместил в считывающее гнездо на рабочей панели. На экране стали открываться графики, файлы с записями, диаграммы и таблицы. Они в хаотичном порядке то выскакивали на экран, то закрывались. Через несколько минут Мельев стал понимать, что на флеш-карте содержится масса старой информации. Часть ее хранилась еще со студенческих времен профессора Кема. Из-за повреждения флеш-карты данные извлекались непоследовательно. Из коридора донесся скрежет. По звуку это напоминало падение тележки. Сергей вскочил со своего места. Он посмотрел на дверь из коридора. Но там никого не было видно. Мельев посмотрел на стену лаборатории. За ней, в полутора метрах, находился стационар. Сергей схватил прибор со стола и вытащил аккумулятор. Его нельзя было уже использовать из-за повреждений, вызванных в криохранилище. На счастье, это был стандартный аккумулятор, и Сергей подошел к шкафу, где хранились сменные элементы питания. Среди них он нашел необходимую модель и быстро вставил. Аппарат подал признаки жизни: монитор засветился бледным белым светом, появилась надпись «загрузка». Сергей вспомнил, что флешка все еще в панели управления. Он подбежал к столу, закрыл все приложения и начал копировать все данные с флеш-носителя. Прибор запиликал: экран окрасился ровным зеленым цветом. На мониторе мелькнуло сообщение о том, что в прибор не вставлена карта памяти. Сергей убрал сообщение. Экран разделился на четыре равные полосы. Это были диаграммные регистраторы. На экране мелькали беглые сообщения о том, что идет настройка. Периодически появлялась надпись «не подключен усилитель», «не подключены внешние ловители». Мельеву ничего не оставалось как игнорировать эти сообщения. Он сел за стол, держа прибор перед собой. Через несколько минут аппарат завершил настройку, и регистраторы начали фиксировать данные. На экранах начали появляться разные линии. Некоторые походили на кардиограмму, другие на показания сейсмографа. Но все они были слабо выраженными. Сергей встал и начал ходить вдоль стены. Но датчик фиксировал одни и те же данные. Графики линий были практически неизменны. Сергей осмотрел еще раз аппарат. Если сообщения говорили правду, то ловители и усилитель должны были куда-то втыкаться. Ощупывая руками боковые панели, Мельев обнаружил некоторые углубления. Он

взял с ближайшего стола ножницы, пытаясь поддеть, как ему казалось крышку. Но у него ничего не вышло. Сергей с досадой убрал ножницы. Ему не хотелось нечаянно сломать прибор, который может быть уникальным. Нужно разобраться, прежде чем тыкать в щели ножницами. В голове Мельева возникла мысль сходить в криохранилище и спросить о том, не было ли при профессоре еще каких-то приборов или необычных предметов. Но в тот же миг по телу прошла волна отвращения из-за того, что нужно будет опять столкнуться с останками профессора на столах. Тогда Сергей набрал номер начальника безопасности.

Мамонтов был не в настроении. Но, учитывая происходящее, он постарался как можно безразличнее ответить на запрос Мельева. Тот, в свою очередь, задал лишь один вопрос. На который начальник охраны с уверенностью сообщил, что в пиджаке профессора лежал лишь один прибор. В карманах больше ничего не было, ни ручек, ни каких-либо мелочей. Сергей поблагодарил Мамонтова и, повесив трубку, погрузился в раздумья.

Если верить словам профессора в отчетах, то он использовал этот прибор. Другого они не нашли при нем. Сергей хлопнул ладонью по столу. Как же тогда профессор получил достаточные данные, чтобы понять, что симбионт Каро излучает электрохимические волны. Сергей смотрел на прибор. Но его внимание отвлекла надпись на мониторе. Копирование данных с флеш-карты завершилось. Мельев подъехал на стуле к своему рабочему столу, вынул флешку и вставил в аппарат. На экране тут же возникла надпись: усилитель иницируется. Удивлению Сергея не было предела. Флеш-накопитель играл роль усилителя? Он вспомнил своего бывшего начальника и ответ сразу пришел на ум. Зная об одержимости внутренними рассуждениями профессора, можно ожидать, что простую открывалку он может наречь интегратором доступа или ключом к блоку хранения. Для профессора эта флешка была усилителем, и он так и назвал ее, когда писал программу. Но, вместе с тем, Сергей знал, что даже в самом нелепом названии Кем вкладывал смысл. И несмотря на то, что этот продолговатый кусочек микросхем был флеш-картой, он наверняка имел и иное воздействие на прибор.

На мониторе появилась надпись о том, что усилитель иницирован. Следом предупреждение о том, что уловитель по-прежнему не установлен. Надписи исчезли, а прибор заметно нагрелся и немного кряхтел. Диаграммы вырисовывались гораздо четче и более полно. Попеременно всплывали дополнительные окна-сообщения с дополнительной расшифровкой пиков активности. Через пару минут Сергей вздохнул. На его лице появилось разочарование. Прибор регистрировал стандартные данные мозговой активности в четырех фазах излучения. Мельев чесал голову, как он не заметил этого раньше. Он положил прибор перед собой. Сергей смотрел на кнопки, выстроенные в стройный ряд. На каждой кнопке были какие-то зарубки, они напоминали начальные отметины. Но одна из кнопок отличалась. На ней было три зарубки.

Сергей понял, что прибор профессора Кема таит в себе скрытые подсказки. Они были оставлены самим профессором. Он это делал для себя. Он всегда оставлял пометки везде, где только можно. И прибор, родом из его студенчества не был исключением. Сергей поочередно повернул круглые рукоятки так, чтобы метки на них совпали с метками на панели. Прибор реагировал: на экране менялись окна регистраторов, сменялись каналы сканирования. Дойдя до регулятора с тремя метками, Сергей остановился. В глубине его немного сверлило опасение что он сделает что-то не так. Но Сергей вновь ухватился за любопытство, когда прибор стал регистрировать сильное альфа-возмущение.

Это был не Каро. Его симбионт излучает, если профессор не ошибся, в нано режиме.

Мельев не стал заострять внимание на альфа-активность, и повернул переключатель с тремя метками. Экран погас. Сергей вскрикнул. Он перещелкнул регулятор в прежнее положение. На мониторы бледными всполохами стали появляться изображения регистраторов. Сергей облегченно выдохнул. Но нужно было продолжать. Убедив себя в том, что все так должно и быть, Сергей вновь повернул переключатель. Экран погас. Сергей осмотрел прибор. Не мог же он выключиться.

Спустя секунду прибор несколько раз провибрировал. Мельев присмотрелся к экрану. Он был черным, но были видны маленькие изогнутые полосы, появляющиеся в разных местах. Это какой-то режим сканирования. Мельев встал, прошел вдоль стены. Но всполохов больше не становилось. Тогда Сергей переключиться регулятор на следующую метку. Экран приобрел слабый зеленый оттенок. Белые всполохи стали видны четче и их было больше. Можно было судить даже об их траектории. Они возникали группами в одном месте, исчезали, потом мелкими пучками проявлялись ниже на экране. Сергей повернул переключатель к третьей отметке. Экран стал насыщенно зеленого цвета. Белые всполохи, казавшиеся разрозненными в предыдущих режимах, теперь были цельными. Они сливались в линии в виде волн и следовали одна за другой. Они периодически закрашивали часть экрана. Сергей хмурился. Он не мог понять, что перед ним. Он инстинктивно нажал пальцем на экран. Прибор закричал. Изображение замерло. Аппарат гудел. Сергей положил его на стол, опасаясь, что прибор перегревается. Но через минуту в точке прикосновения образовался кружок. Из него выпало контекстное меню, в котором сверху вниз показывались данные. Сергей сообразил, что, нажав на точку на экране, отдал команду прибору сделать анализ собранного участка излучения. В приведенной выборке данных говорилось о силе, длине и предполагаемом типе волнового излучения. И чем дальше Сергей читал, тем больше поражался. В глазах его сверкали искры, а мысли готовы были устроить фейерверк. Он видел то, что видел незадолго до смерти его шеф. Но в отличие от него, он не сделает той глупости и не сойдет с ума.

Мельев смотрел на стену, представляя, что за ней лежит в коме Каро, а его симбионт пытается справиться с болью, излучая неизвестные волны. Сергей окинул взглядом лабораторию. Подойдя к своему столу, он нажал на нем несколько кнопок и из стола показался плоский, меньше ладони жесткий диск. Туда он скопировал данные с флеш-карты. После этого Сергей нажал на кнопку выключения оборудования и с довольным лицом направился к выходу.

IV. КОСМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ. Глава 13.

Прибытие

Глава 13. Прибытие

Кроберг подписывала последние документы на отправление. Она была несказанно рада, что этот жуткий месяц, наконец-то закончится. Елена с нетерпением ждала момента, когда она сможет открыть второй уровень лаборатории. Туда ворвется жизнь, которую запер Каро, сам того не желая. По утверждению доктора Мельева, симбионт Каро не подавал агрессивных признаков уже целую неделю. Установленный гармонический контур с легкой руки Сергея был назван «миротоком». Он не безосновательно считал, что сумел-таки умиротворить непокорный симбионт. А раз он все еще ходит на своих двоих, то и называть контур он будет по-своему, чтобы все знали, что именно он заставил его работать.

Организм объекта медленно шел на поправку. Излучение слабело с каждым новым днем, что дало Мельеву шанс доработать систему и сделать ее компактной. В конце концов он превратил ее в подобие гибкой медной проволоки спиралью опоясывающей забинтованного Каро. Она была подключена к трем небольшим шкатулкам, регистрирующим и генерирующим колебания. Мельеву удалось создать для Каро иллюзию близкого по излучению существа, действующего на него убаюкивающе.

Кроберг ликовала. Мельев стал ее открытием. И она с уверенностью готовила Каро к решающему испытанию. Однако несколько профессоров осмелились высказаться о поспешности Кроберг. Они полагали, что транспортировка находящегося в коме Каро, может негативно сказаться на состоянии всей центральной нервной системы. Она слышала их голоса и считала их доводы верными. Но внимать им Кроберг не желала. В ее планы входило полное перерождение Каро. И она готова была принести любую жертву на алтаре науки.

В кабинет вошла Ольга. Она была взволнована. Несколько дней назад, когда Кроберг на совещании с главами отделов вынесла решение об отправке Каро на орбитальные испытания, Арно попросилась в сопровождающие. Елена тогда посмеялась и при всех назвала Ольгу вздорной и самоуверенной выскочкой. Кроберг не упустила шанс напомнить своей ассистентке, что ее потолком является роль помощника. Ольга стойко выдержала нападки профессорши, но отступить было не в ее правилах. В голове у нее теплился план, как добиться того, чтобы Кроберг отправила ее сопровождающей на космическую станцию Министерства науки.

— Пришло сообщение из ФСБ о том, что майор Саврасов не сможет приехать на отправление, — Ольга дошла до середины кабинета и остановилась.

— Еще одна прекрасная новость, — Кроберг встала из-за стола и направилась к выходу. Она ждала Ольгу, чтобы вместе спуститься в гараж для осмотра трейлера, на котором будет перевозиться Каро до космопорта. Кроберг так делала всегда, она считала своим долгом тщательно проверить контейнер, приборы и устроить допрос с пристрастием сопровождающему персоналу. И сегодняшний день для нее не был исключением. Они вышли из кабинета и не торопясь направились по коридору в сторону гаража.

Вокруг высокого белого трейлера суетился персонал. Техники завершали подключение

оборудования. Санитары и лаборантки занесли документацию и вещи. В группу сопровождения сохранной капсулы с Каро входили десять сотрудников. На них ложилась ответственность за стабильное состояние объекта. Одним из десяти всегда была Кроберг. Умершего профессора Кема, который должен был наблюдать Каро и на космической станции, заменил доктор Мельев. И он не упускал возможности продемонстрировать свою безмерную радость по этому поводу. Сергей всячески акцентировал, что он самый молодой ученый допущенный на сверхсекретную научную базу в космосе. Ему нравилось чувствовать на себе взгляды и ощущать зависть.

С появлением в гараже Кроберг, персонал забегал вдвое быстрее. Лаборантки резво раскладывали все электронные папки по местам. Техники старались не смотреть на появившегося ястреба в белых брюках. Кроберг, прищурившись, осмотрела огромное помещение и остановила взгляд на трейлере. Она не любила большую технику и в частности ничего не понимала в машинах, тем более в грузовых. Но этот белый монстр ей нравился. Он для нее словно спящий зверь в своей клетке. Его пробуждают два раза в год, чтобы отвезти и привезти Каро. Всегда чистое и гордое чудовище на колесах. С кучей приборов для поддержания жизнедеятельности. По своему потенциалу этот трейлер мог заменить небольшую больницу в маленьком городе. Но служил лишь для самого важного пациента — для «объекта 3» — Каро. Кроберг медленно обходила трейлер, внимательно всматриваясь в его корпус, подмечая небольшие трещинки и облупившуюся краску. Она даже подошла к массивным колесам, чтобы почувствовать их запах. Кроберг улыбнулась своим мыслям и направилась к лестнице, выставленной с открытого борта трейлера. Елена медленно поднялась, поглощая взглядом открывавшуюся ей картину.

Просторное помещение со столом, из-под которого торчали шевелящиеся ноги техника. Вмонтированные приборные панели вдоль стен. Рядом располагались раскладывающиеся кресла, которые могли стать кроватью. Стол автоматически разбирался и убирался в пол. Кроберг прошла вперед. Слева, за толстой прозрачной стеной находился стол с саркофагом. Это была сохранная капсула. Сейчас она была пуста. Вокруг нее ходили три техника — они занимались проверкой капсулы и всех систем жизнеобеспечения. Немного дальше располагалась компактная лаборатория. Ее приборы сейчас также проверялись на функциональность. Мозг трейлера находился ближе к кабине, справа от Кроберг. Эта была достаточно маленькая комнатка, в которой мог поместиться лишь один специалист. Ольга стояла за спиной начальницы. Она впервые так близко видела трейлер, в котором путешествует Каро. Широко открытыми глазами она смотрела на отделку помещений: без излишеств, но с эстетичным вкусом. Трейлер восхищал снаружи и заставлял трепетать ум от своей начинки. Ольга сделала несмелый шаг следом за Кроберг и увидела сохранную капсулу, в которой вскоре будет лежать Каро. От нахлынувших мыслей затрепетало сердце. Ольга поморщилась. Она представила, как Каро будет находиться в этом холодном трейлере. Пусть он без сознания, но тут нет ничего, что согревало бы его. Ольга смотрела, как Кроберг властно разговаривает с персоналом. Дотошная, она была осведомлена о функциональности всех приборов не хуже техников. Профессорша за многие годы успела изучить не только как все здесь работает, но и как технически устроено. Она знала каждую деталь, каждое слабое место этого механизированного электронного организма. Но техники были готовы к допросу с пристрастием. Они его, как экзамен, проходят ежегодно. Ольга терпеливо ждала, когда Кроберг насладится моментом. Когда та убедится, что все в порядке, ассистентка собиралась снова напомнить о себе.

Досмотр трейлера и опрос обслуживающего персонала занял у Кроберг около часа. Ольга, как и полагается служивой на привязи, не отходила от нее ни на шаг. В конце осмотра Елена даже сделала добродушный реверанс в сторону помощницы.

— Ты очень хорошо организовала работу по подготовке, — Кроберг посмотрела на ассистентку, не скрывая улыбки. Она была довольна и чувствовала себя как матерый возница, управляющий квадригой. Все идет по графику, все знают свою работу. В какой-то миг в голову Кроберг закралась мысль о том, что Ольга лучше справляется со своими обязанностями, чем предыдущая Марина. Профессорша кинула искрящийся взгляд на Ольгу и направилась в лабораторию. Кроберг планировала навестить Каро перед тем, как его поместят в сохранную капсулу. — Что у меня по планам?

— Все вовремя, — Ольга уткнулась в электронные записи. — Проверка всех систем продлится еще минут сорок. Минут через, — Арно запнулась, глядя на поминутное расписание, — то есть, если вы дадите добро, то Каро можно поместить в сохранную капсулу. Это займет около сорока минут. К этому времени, проверка трейлера будет завершена, и капсулу с Каро можно будет грузить, — Кроберг спустилась по трапу вниз и одобрительно посмотрела на Ольгу: профессорше нравилось то, что все так четко спланировано.

— А если пойдет что-то не так? — решила придраться Елена.

— Я предусмотрела на это целый час, если что-то выбьется из графика, — Ольга давно ждала этот вопрос и с радостью отбилась от него.

— Час? — удивилась Кроберг.

— Да, по моим расчетам мы закончим со всеми делами к полудню, — Ольга улыбнулась. — Мы можем дождаться часа и выехать, либо отправляться сразу в космопорт.

— Мы?

— Да, профессор, я все еще настаиваю на том, чтобы вы включили меня в команду по сопровождению Каро на космической станции, — решительно выдала Ольга.

Кроберг посмотрела на свою ассистентку, немного вздернув брови. Они, молча, пошли по коридору. Арно как на иголках ожидала ответа начальницы, глядя ей в затылок. Елена была немного удивлена напористости ассистентки. Не часто ей приходилось сталкиваться с тем, что пресмыкающиеся задирают на нее голову. От этого в общий мыслительный хоровод проникали гневные нотки. На лице профессорши мельком вспыхивала едва заметная ухмылочка. Ольга не могла видеть ее лица, но ощущала, как Кроберг подбирает наиболее хлесткое выражение. В молчании они вошли в первый холл и остановились у лифта.

— М-да, ты не Марина, — Кроберг нажала на кнопку и двери лифта открылись. Кроберг вошла внутрь. Ольга последовала за ней, но профессорша, не оглядываясь, безразлично произнесла, — я поеду одна, — Елена нажала на кнопку и двери захлопнулись.

Ольга сжала губы. Она топнула ногой и ударила по двери лифта кулаком. Но через мгновение опомнилась и наклонила голову вперед, чтобы убедиться, не услышала ли Кроберг.

Елене были безразличны душевные терзания ассистентки. Она не держала ее в своих мыслях. Спустившись на второй уровень лаборатории, Кроберг с удовлетворением ощутила легкую прохладу. Она вдохнула прозрачный воздух и, оглядывая холл, вышла из лифта. Елена шла размеренным шагом и ждала пока ей кто-нибудь не попадется, чтобы заглянуть ему в глаза. На лице Кроберг прорезалась улыбка: она представляла, как раз за разом все прятали от нее глаза, будто нашкодившие дети. Воздух нес ее вперед. И, казалось, будто ноги ступают

по мягкому ковру, а не отбивают четкий ритм. Елена смаковала прохладу коридора. До стационара она дошла быстро, хоть и не торопилась.

Внутри было людно. Кроберг официально не объявляла об отмене запрета на посещение второго уровня. Но именно она приказала медперсоналу снять последние данные с пациентов стационарного блока. Кроберг намеревалась взглянуть на них перед отъездом, если у нее будет время. В противном случае она готова была взять их в дорогу. Пройдя немного вперед, Кроберг остановилась, чтобы понаблюдать за общим копошением. Молодые и не очень санитарки бегали из палаты в палату, подмечая, что за ними наблюдает коршун. Они здоровались и быстро отводили взгляд. Елена улыбалась. Затравленные и послушные зверьки в белых халатах, взволновано носились по коридору — суетливые мышки. Но, через минуту она ущипнула себя, чтобы очнуться от театрально-санитарного действия и направилась в палату к Каро.

— Вышли! — скомандовала Кроберг, хотя голос ее был по-весеннему звонким, но все же бескомпромиссным.

Кроберг заблокировала дверь. Она посмотрела в потолок. Камеры слежения были включены. Елена поджала губы. Выдохнув, она подошла к кровати. Каро лежал в капсуле. По-прежнему полностью покрыт несколькими слоями дышащих бинтовых повязок, самый верхний из которых едва скрывал провод «миротока». Огромное количество приборов, расположенных вокруг, непреступной стеной давили на его хрупкое худощавое тельце. Он был без сознания. Дыхание ровное, но редкое.

— Здравствуй, — сердце Кроберг неожиданно забилось очень быстро. От неожиданности она поднесла руку к груди. Елена посмотрела на новые приборы, которые установил доктор Мельев: они молчали. — Мы не виделись почти месяц, мой родной, — она делала паузы, пытаясь совладать с нахлынувшим волнением. — Ты, наверное, уже знаешь, что сегодня тебе предстоит твое ежегодное путешествие в космос. Я помню, как ты его любишь. Когда ты был маленьким, ты даже спотыкался от того, что постоянно смотрел в небо. И днем и ночью, — Кроберг улыбнулась. Она вспомнила, как в возрасте десяти лет Каро рассек себе бровь. Тогда у него был пик любви к звездам и Каро часами мог стоять на месте, задрав голову вверх. На слова о том, что днем звезды не видны он не реагировал — продолжал смотреть без усталости. И однажды, когда он неспешно перебирал ножками по дороге, столкнулся с автомобилем. — Это я сейчас смеюсь. Но тогда была поднята тревога. Ведь у тебя пошла кровь, а многие санитары были на улице. Да и ветер был в сторону города. Хотя для ветряных турбин это было хорошим испытанием, — Елена стояла у изголовья и смотрела на забинтованное лицо крестника. Она всматривалась в прожилки бинта, осматривая его причудливые узоры. Их образовывали особые микроволокна, которые содержали вещества, способствующие кровотоку и правильному дыханию кожи. В случае с Каро, они подпитывали его огромным числом поливитаминов, создавая вокруг него кокон жизни. — Как мне бы хотелось, чтобы ты видел сейчас все своими глазами! Тебе бы понравилось. Трейлер, в котором тебя повезут. Он такой белый и просторный. Космопорт. Ты ведь там очень хотел побывать. И ты столько раз был там, но еще ни разу не видел его своими глазами. Но нам этого и не нужно, — Кроберг отгоняла от себя ненужную сентиментальность. Она провела рукой по краю кровати, едва не касаясь руки Каро. — Главное — твое перерождение. И это путешествие его завершит. Готовься, дорогой мой, последнее тяжелое испытание перед твоим совершенством. Хотя ты и так уникален, но скоро ты будешь превосходством. И мы посмотрим всем в глаза и скажем, что ты — будущее

человечества, — Елена закрыла глаза и воскликнула. — Да! Много лет испытаний, тысячи дней титанических усилий. И мы наконец-то на финише, — Кроберг наклонилась к уху Каро, — еще чуть-чуть и твои братья смогут дышать самостоятельно. Ты нужен им, — Елена улыбнулась, но тут же постаралась скрыть это от Каро. Она пару раз кивнула и направилась к выходу. — Постарайся.

Кроберг направилась в свою личную лабораторию. Она посмотрела на часы: без десяти одиннадцать. Елена поймала себя на мысли, что не отдала Ольге распоряжений о том, что Каро можно помещать в сохранную капсулу. Войдя в лабораторию, она связалась по интерлинку с Ольгой.

— Почему Каро до сих пор не в капсуле? — безразлично спросила она, удаляясь от стационара.

— Санитары с капсулой уже в палате, профессор. Я попросила охрану сообщить мне о вашем уходе. Капсула уже ждала в соседнем помещении, — уверенно рапортовала Ольга.

Кроберг отключила связь. «Предусмотрительная девка», — с легким налетом недовольства подумала профессорша.

Вернувшись в кабинет, Елена приступила к копированию файлов с компьютера. Кроберг ввела на рабочей панели пароль и на мониторе высветились незакрытые файлы, с которыми она работала утром. Часть из них была письмами Винбурга с запросами о ходе испытаний над «объектом 3». Чиновника также интересовали частые визиты майора из ФСБ. Будучи в зависимости от настроения Винбурга, Кроберг подробнейшим образом отвечала на каждое письмо. В одном из последних, она напомнила ему о том, что ее подопечному вскоре предстоит отправка в космос. Винбург с воодушевлением воспринял эту новость и подтвердил, что досмотр в космопорте пройдет по ежегодному плану.

Елена закрыла переписку. Скопировала на свой гаджет данные об испытаниях. На мониторе загорелся зеленый кружок, извещающий о новом сообщении. Кроберг открыла файл. Это было предварительное расписание испытаний Каро, которые ему предстоят в орбитальной лаборатории. Его составила Ольга по материалам, присланным со станции. Кроберг не стала смотреть его — она просто перенесла его на портативное устройство. Подобные расписания она всегда меняла в дороге. Убедившись, что ничего из файлов не забыла, Елена выключила панель и направилась к шкафам с одеждой.

Кроберг быстро сменила рабочую одежду на темные обтягивающие джинсы, блузку и короткий пиджак. На шею она намотала красный шарф, теплое пальто взяла в руки. Волосы собраны в конский хвост. Все остальные вещи ждали ее в трейлере. Об этом с утра позаботилась Ольга. Елена посмотрела на часы: десять минут двенадцатого. Она вышла из кабинета и направилась в гараж.

Техники уже проводили последнюю диагностику систем трейлера. Все они жужжали пчелами снаружи. В грузовике уже обустроивались две медсестры, которые всегда ездили в сопровождении до космопорта. Помимо них, в сопровождении участвуют трое санитаров. Они сейчас находятся в стационаре и помещают Каро в сохранную капсулу. Из других обязательных, но незначительных, как всегда выражалась Кроберг, в эскорт входили два охранника. Они всегда находились внутри трейлера. Еще двое в кабине рядом с водителем. Ответственность за безопасность сохранности лежала на Мамонтове. Он, несмотря на все свои сопротивления, всегда был частью сопровождения. Во время многочасовой поездки, он всегда вешал на лицо маску обьевшегося лимонами, и сидел в углу на стуле. Непосредственно на космическую станцию вместе с Каро отправится сама Кроберг. В этот

раз с собой она решила взять Мельева. Выбивать для него разрешение в Министерстве она начала еще три недели назад. Она не жалела усилий, несмотря на то, что их потребовалось немало. И в какой-то момент ей пришлось обратиться к Винбургу. Хотя всячески пыталась избежать этого, потому что знала, что если кто-то попадает под его взор, то это поводок на оставшуюся жизнь. Но Мельев ей был нужен. Другого варианта она не видела и сообщила о Сергее чиновнику.

В гараже было людно. Всем было интересно посмотреть на то, как Каро отправится в путь. Источник их бед. Многие желали, чтобы этот путь для него оказался последним. Раздался гул двигателя. Водитель вылез из кабины, чтобы послушать шум мотора. Он был в идеальном состоянии. Его тихий гул разносился волнами по обширному пространству гаража. Провожаящие зеваки воодушевились. Кто-то даже подумал, что сохранную капсулу уже погрузили. Но водитель, заслышав подобные речи, не преминул отпустить язвительную шуточку в адрес особо болтливых санитаров.

В дверях показался доктор Мельев. Он был одет в теплое черное пальто, темно-синие брюки и широкополую шляпу. В руках у него был небольшой чемоданчик. Увидев расплывающееся довольством лицо Мельева, санитары не могли сдерживать смешков. Но Сергей не заметил этого. Он беззаботно спустился вниз и направился в трейлер. Внутри, помимо двух медсестер, уже находился начальник охраны Мамонтов. Мельев поздоровался с ним. Хихиканье двух девушек уже нельзя было не заметить. Сергей невольно нахмурил одну бровь. Потом поднял взгляд вверх, глядя на свою шляпу.

— А мне нравится, — с задором произнес он. — Куда можно положить чемодан? — Сергей смотрел на Мамонтова, стоявшего на выходе из трейлера.

Мамонтов наклонился назад: «Эй!», — рявкнул он на медсестер-пересмешниц. Девушки осеклись и уставились как дрессированные на Мамонтова. От поставленного голоса дернулся и не ожидавший трубного гласа Мельев. Начальник охраны кивнул в сторону его скарба. Одна из медсестер, зрелая брюнетка с тонкими ногами, резвым шагом направилась к Сергею. Она попыталась взять его чемодан, но Сергей отдернул руку.

— Вы просто покажите куда и я сам положу, — настаивал он.

Медсестра прикусила пухленькие губки и тихим голосом попросила Мельева проследовать за ней. Она старалась не смотреть на Мамонтова, опасаясь дурного взгляда. Шкафчик Мельева был в нескольких шагах от того места где они стояли. Медсестра показала Сергею как он открывается и что внутри находится сменная роба.

— Спасибо, — Мельев широко улыбнулся. Ему нравилось, что девушка так испугана. — Меня от него аж трясет, — Сергей пытался сочинить шутку про начальника охраны. Но на языке кроме мусора ничего не было. — Как вас зовут? — нашел он выход.

— Мария, — медсестра подняла глаза.

— Сергей, — не снимая улыбки, сиял Мельев.

Мамонтов шумно хмыкнул. Медсестричка вздрогнула и поспешила вернуться на рабочее место. Мельев поедаящим взглядом посмотрел вслед, гарцующей от испуга, Марии. Переведя взгляд на Мамонтова, Сергей заметил, что тот выпрямился и прицельно смотрит вперед. Вокруг стояла тишина. Даже мерный гул двигателя было едва слышно. Мельев подошел к дверному проему и увидел Кроберг. Она стояла в окружении профессоров, которые вышли проводить ее. Елена беседовала с ними, давая последние наставления и указания. Весь остальной персонал молча смотрел на них. Лишь звонкий голос Кроберг и поддакивания ученых мужей. Никто из них не желал портить счастливый момент и все

соблюдали неписаное правило счастливого молчаливого прощания. Позади толпы профессоров стояла хмурая Ольга. Она смотрела на трейлер и часто на электронный планшет, на котором у нее был открыт список сопровождающих Каро. Она продолжала держать последнюю нить надежды, что Кроберг одумается и возьмет ее с собой на космическую станцию. Она даже чемодан собрала. Он находился в ее комнате. Вот-вот она скажет о замене, вот-вот она посмотрит на нее и примет ее доводы. Ведь никто кроме нее не знает, как правильно нужно ухаживать за Каро. Ольга медленно пробиралась мимо коллег профессорши, стараясь попасться ей на глаза.

— Постой, — вдруг раздался тихий хрипловатый голос. Ольга почувствовала, как кто-то схватил ее за локоть. Она посмотрела направо. Это был профессор Ростов. — Тебе все равно не попасть в сопровождение. Смирись. Если ты сейчас испортишь Кроберг ее милый отъезд — она пройдетя по тебе катком, — профессор смотрел на нее родительским взглядом. Он отпустил ее руку. — Смирись, девочка.

Ольга поникла. Ей хотелось спрятаться от Ростова. Если он знал о ее желании попасть в сопровождение, значит об этом судачит вся лаборатория. Над ней за глаза потешаются. Ей всегда было плевать на чье-либо мнение, но именно сейчас почему-то это не работало. Она вжалась в себя, обняла руками, спрятавшись за чьей-то спиной.

Кроберг так и не вспомнила о своей ассистентке. Она похлопала Карцева по щеке и, ехидно улыбнувшись, добавила:

— Радуйся, пока есть время, — Карцев, морщась, отдернул в сторону лицо.

Никто не понял этого реверанса в сторону хирурга. Но мысль о том, что по возвращении у него начнется жаркое время, дошла до многих. Кроберг проследовала к трейлеру. В глаза ей светили яркие прожекторы. Она прищурилась, посмотрела по сторонам. Вокруг было слишком светло. «Надо что-то с этим сделать», — мысль отразилась от белых стальных стен и растворилась в молчаливой толпе. Она взошла на ступеньки у дверей в трейлер. Поздоровалась с Мамонтовым, кивнула Мельеву и грозовой тучей посмотрела на медсестер.

— Все готово?

— Да, профессор, — прошептала Мария, вытирая руки о халат. — Нам уже сообщили, что капсула Каро будет здесь через десять минут. Мы готовы.

Кроберг едва заметно кивнула головой и проследовала к своему шкафу. Она аккуратно сложила шарф и повесила пальто, долго его поправляя, перед тем как захлопнуть дверцу. После чего она взглянула на часы, висящие на стене со стороны водителя: без пятнадцати час. Кроберг одобрительно кивнула. Она вспомнила про Ольгу, даже сделала попытку найти ее в толпе персонала. Но в гаражном лобби показались санитары, сопровождающие капсулу, следом из дверного проема показалась серая капсула. Под ее прозрачным куполом было видно перебинтованное тело Каро. Кроберг схватила халат из шкафа, накинула и прошла к задним дверям трейлера.

Все внимательно наблюдали за процессом погрузки: поднимали головы, вставали на цыпочки, пытаясь получше разглядеть. Пятеро санитаров, сопровождающих капсулу, аккуратно везли капсулу к трейлеру мимо толпы профессоров. Как только капсула приблизилась к ним, ученые тут же поспешили отойти подальше от процессии. Некоторые даже спешно спустились к основной массе любопытных. Через минуту капсула была у задних дверей грузовика. Кроберг была уже там. Она вышла навстречу: посмотрела на Каро, потом на датчики и указала рукой в сторону дверей. Санитары осторожно пересекли едва заметный порожек и вкатили капсулу вовнутрь. Двое парней-санитаров остались снаружи —

они закрывали двери. Трое других подвезли каталку к центральному столу. Отрепетированные нажатия на панели управления и стол засиял огнями. Медсестры сообщили о том, что готовы к подключению. Санитары отсоединили держатели капсулы, плотнее подвинули каталку, зафиксировали тормоза на колесах и стали медленно перетаскивать капсулу на стол. Кроберг стояла в шаге от них и внимательно смотрела на приборные панели. Датчики не фиксировали каких-либо волновых излучений. Елена наклонилась в сторону, чтобы увидеть Мельева, стоявшего впереди. Сергей по-прежнему был рядом с Мамонтовым. Начальник охраны общался по внутренней связи с охранниками. Сергей пристально наблюдал за тем, как санитары подключают капсулу к столу.

— Мельев! — громко позвала Кроберг.

Сергей очнулся и стал искать профессоршу. Она вышла из-за спины санитара. Но Мельев не понял ее вопросительного взгляда.

— Что с датчиками?

Сергей дернулся с места и поспешил к приборной панели. Он ввел свой код доступа.

— Минутку, профессор, — он очень быстро нажимал на кнопки управления, — программу должны были установить... — Сергей посмотрел на стол, на котором уже находилась капсула. Раздались восемь звонких щелчков и один глухой: держатели зафиксировали капсулу.

— Датчики! — в голосе Кроберг чувствовалось раздражение.

Мельев уставился в монитор. Пальцы шустрили по кнопкам туда-сюда. И через несколько секунд Сергей выдохнул.

— Готово. Программа активирована, датчики в нужном диапазоне, — он довольными глазами посмотрел на Кроберг.

— И? — не унималась она.

— Минимальное излучение нановолн. Объект, — Сергей запнулся, по спине прошел холодок, — «Мироток» функционирует исправно. Каро по-прежнему в коме. Полностью.

Кроберг этого было достаточно. Она посмотрела на санитаров. В отличие от Мельева, они уже понимали ее немые вопросы.

— Капсула закреплена, — произнес один из них, — транспортировка из палаты прошла штатно. Состояние пациента стабильное, — один из санитаров убирал в специальный бокс каталку, другой вбивал необходимую информацию в базу сети.

Кроберг уставилась на Марию. Но медсестра была готова к этому взгляду.

— Капсула успешно подключена к внутренней системе жизнеобеспечения. Каро по нашим показаниям находится в коме. Переподключение никак не сказалось на его состоянии.

Кроберг кивнула. Она подошла к изголовью капсулы. Еще один взгляд на забинтованное лицо Каро. Она провела по куполу рукой и направилась к «голове» трейлера.

— Мы готовы к отправке, — Елена посмотрела на время: ровно час. Она улыбнулась и бросила взгляд на Мамонтова.

— Ты улыбаешься, — скорчил кислое лицо начальник охраны, — не к добру это.

Мамонтов приказал отправляться. Он нажал на кнопку управления трапом: лестница начала задвигаться в корпус грузовика. Двери медленно закрывались, пока не издали шипящий звук и глухо задраились.

— Устраивайся, — Кроберг указала Мельеву на его стул. Он стоял рядом с боксом, похожим на книжный шкаф. Только вместо книг на полках находились электронные

планшеты с данными.

Двигатель загудел. По стенам пробежала дрожь. Санитары уселись вместе с медсестрами рядом с отсеком, где находилась капсула с Каро. Трейлер плавно тронулся с места.

Мамонтов взял со столика свой планшет и уселся в дальнее угловое кресло. Он намеревался провести все оставшееся время почитывая книги и не обращая внимания на окружающих. Он кинул сигнальный взгляд Кроберг, извещая о своем решении, и включил планшет. Елена усмехнулась. Она взяла с полки электронные журналы и пухлую стопку бумаг с отчетами. Они были ее чтивом на ближайшие 120 километров. Мельев посмотрел по сторонам. Медсестры о чем-то беседовали между собой. Один из санитаров, на компактном столике заполнял какие-то бумаги. Двое других также нашли тему для разговора. Через несколько минут статичного сидения в кресле, Сергей поймал себя на мысли, что он ведет себя как пассажир самолета в первые 10 минут полета: сидит на месте, не встает. Хотя привязных ремней у кресел не было, как и светящихся надписей, призывающих их пристегнуть. Мельеву очень хотелось подойти к главной приборной панели. Что он и сделал через две минуты. Он встал из кресла, потягивая руки, в качестве оправдания за желание подняться с места. Увидев, что никому нет до него дела, он проследовал к панели. В поездке Мельев намеревался еще раз проверить свои прогнозы по наноизлучению симбионта Каро во время предстоящий испытаний.

— Возьмите кресло, доктор, — снисходительно произнесла Кроберг, не отрываясь от отчетов.

Мельев обернулся. Сначала он посмотрел на Кроберг — она ли произнесла последнюю фразу или нет. Потом он посмотрел на свое кресло. Нахмурившись, он представил, как будет его двигать к приборной панели.

— Спасибо, я постою...

— Оно двигается, — раздался участливый голос Марии. Она наблюдала за Сергеем. — Смотрите, — она быстро встала и прошла мимо него к его креслу. Сбоку на подлокотнике была небольшая панель с кнопками. Медсестра показала ему, какие из них отвечают за движение. — Кресло не двигается само. Просто нажимаете эту кнопку и можете перемещать кресло в любую сторону. Они на магнитах, — Мария улыбнулась, заставив Сергея покраснеть и отвести взгляд в сторону.

— Спасибо.

Мария кинула взгляд за спину Мельева. Кроберг сидела за отчетами. Но Мария, будучи постоянной сопровождающей, прекрасно знала, что профессорша всегда все видит. Одарив Мельева светом искр из глаз, Мария поспешила вернуться на свое место.

Сергей сел в кресло. Нащупал кнопку и, сделав небольшое усилие, легко проехал на полметра вперед. От неожиданности он отпустил кнопку, и магниты резко затормозили кресло. Санитары снисходительно смотрели на новичка-водителя кресла, Мария вместе с другой медсестрой хихикала, не скрываясь. Сергей улыбнулся в ответ и снова нажал на кнопку.

Огромная туша грузовика медленно проползла по главной, мокрой от дождя, улице. Сегодня в Деревне никто не гулял. Мало кто любил режущие холодные капли. Но был один взгляд, упорно смотрящий на приближающийся грузовик. Таш стоял на пятой улице и видел, как трейлер вырывается с центральной площади, сверкает фарами и приближается к

главным воротам. С шумом грузовик проехал мимо него, обдав холодным воздухом. У сторожки грузовик остановился. Охрана сверила данные и открыла ворота.

Трейлер мчался по дороге через редкий лес. Это был внутренний буфер — зона, граничащая непосредственно с Деревней. В ней было мало растительности. В основном тут росли деревья, чьи семена ветром донесло сюда или специально были посажены по приказу Кроберг. Во внутреннем буфере находилась первая линия атмосферного контроля. Сто двадцать огромных ветродувов курганами располагались вокруг Деревни. Их включали, когда в Деревне кто-то из больных ранился до крови. Задачей огромных вентиляторов было нагнетание огромной массы воздуха вокруг Деревни, не давая вирусу, потенциально оказавшемуся в воздухе, выйти из области. Скоро грузовик подъехал к внутренней границе буфера. Это вторая, срединная, стена высотой в тридцать метров. Она была выполнена из шипастого микросплава, который за счет наличия миллионов микролезвий, при соприкосновении прорезал и цеплял любой материал. Стена была под напряжением, убивающим в секунду. Вдоль нее, охрана периметра то и дело находила трупы животных, осмелившихся неосторожно приблизиться к смертельной преграде. Через каждые пять метров на опорных столбах были установлены магнитные и импульсные излучатели. Опоры выглядели, словно стволы деревьев: они были утыканы датчиками, уловителями и радарам. На первый взгляд камер наблюдения не было. Но на самом деле они были повсюду, в том числе и на деревьях.

Трейлер проехал через ворота охраны и въехал в лесополосу. Это была внешняя зона или внешний буфер. Он был старательно засажен деревьями, чтобы стать естественным продолжением Дарьиного леса, находящегося в шести километрах отсюда. Природная красота, по задумкам создателей резервации, должна была не только создать образ заботы о жителях, зараженных «белой язвой», но и надежно преградить путь искателям правды. С правой стороны деревья были особенно высокими и плотной черной стеной тянулись к небу. Это была красная зона. Для наблюдений издали она представлялась наиболее неудобной. Из-за густой растительности невозможно было разглядеть что-либо нужное. Взору предстал лишь густой неприступный лес, горделиво охраняющий свой покой. Слева располагалась так называемая зеленая зона. Обширная площадь с более редкой посадкой деревьев и другой растительности. В ней было много средних и низких по высоте деревьев. Они были неказистыми и уродливыми, нечета высоким гордым древам напротив. Лет пять назад на Деревню обрушился сильный ураган. Он прошелся по предлесью губительной силой, оставив свое клеймо. Дорога струной прорезала голый лес, идеальная почти без поворотов. В зеленой зоне было много построенных поселений. Все они были муляжами. Ширмой реальной жизни зараженных. Самые близкие из домов находились в полусотне метров от дороги. За голыми черными стволами деревьев хорошо было видно крыши и дым, выходящий из каминных труб. Желтый свет в домах насмешкой светил и днем и ночью. В окнах даже можно было разглядеть прохаживающиеся тени. Безлюдные лжецы жизни. Таких поселений в зеленой зоне было семь. Еще одно находилось в красной зоне. Несмотря на свой призрачный статус, среди картонных домов были и настоящие. Их населяли люди из крови и плоти. Это были сотрудники резервации. В основном это были охранники. Но были и санитары, и даже медсестры, пожелавшие поселиться в лесу, подальше от холодной лаборатории. Дома были вполне комфортны и имели по две-три комнаты. Однако работники не считали их элитным жильем, несмотря на то, что они были куда комфортнее,

чем коморки в лаборатории. В большинстве своем, в камуфляжных деревнях проживали люди Мамонтова. Одну половину он нанимал из вышедших в отставку солдат, другую формировал из наемников разного рода. Общей чертой у них была страсть к безделью и картам. Работы в резервации было немного, и она была не очень сложной.

Автопоезд подъезжал к внешнему периметру карантинной зоны. К единственным воротам в двадцатиметровой по высоте стене, растянувшейся на несколько десятков километров. Это было ничем не примечательное, серого цвета ограждение. Стандартное сооружение, предупреждающее о том, что за ней находится территория, принадлежащая Министерству науки. Это значит, что на ней действует особый режим, позволяющий применить любую силу к нарушителю. Министерство надежно хранило свои тайны. Стена-ограждение была сделана из композитной стали с деревянными вставками, на которых был нанесен герб Министерства: двуглавый серебряный орел, держащий две пальмовые ветви в когтях. На его груди, в центре герба, располагался свиток Семи постулатов. Когда-то давно на свитке был изображен Георгий Победоносец, разящий Змия. Но в эпоху больших реформ Министерства было решено нанести на свиток семь постулатов, которых должно придерживаться Министерство в своей деятельности. Самый популярный из них гласит: истина — наука, наука — истина.

Двери ворот отворились. Они были автоматизированы. Рядом не было ни наблюдательных вышек, ни каких-либо свидетельств особой охраны объекта. Через два километра трейлер выехал на скоростное шоссе, ведущее в город. Сидящий в своем кресле Мамонтов вскоре погрузился в сон. Он любил скоростные магистрали — они были идеальными... для мирных сновидений. Трейлер мчался к намеченной цели — Ладожский космодром. Он находился в ста двадцати километрах от резервации, на искусственных островах Ладожского озера в административных границах города Шлиссельбург, который являлся частью третьего агломеративного округа Петрополиса. Кроберг называла его «зловонным муравейником» и редко бывала в нем. В ней была сильна любовь к историческому Санкт-Петербургу, который почти был утерян; она видела его лишь по старым фотографиям. Панорама города, как и тихие спальные районы, ей напоминали о разрушенном доме. Елена часто просматривала кадры хроники. В своей квартире, в одном из элитарных районов Петрополиса, у нее была собрана большая коллекция объемных проекций городских улиц. Когда ей хотелось побыть одной, запереться в себе — она включала проекторы и отправлялась бродить по историческим улицам любимого города. Солнце тогда было другим, иным был запах улиц. Елена закрывала глаза и вдыхала аромат давно ушедшей эпохи. Она не жила в то время, но очень ярко представляла, как должен был пахнуть тогда воздух. Именно поэтому она не любила бывать в Петрополисе. Даже ее уютная квартира в богатом районе не манила к себе. Чем реже она видела кишачий муравейник, тем лучше было ее настроение.

Кроберг смотрела на увлеченного Мельева. На ее лице скользнула улыбка от того, что Мария уже несколько минут не отрывала от него взгляда. Сергей не замечал этого. «Очередная жертва», — сказала себе Кроберг. Мария была старше Мельева на пятнадцать лет. Однако внешне она выглядела как сочная тридцатилетняя женщина. Мельев оценил ее при первой встрече как свою ровесницу. С Марией Кроберг работает больше десяти лет. Познакомились они в клинике красоты «Цора», в ее отделении в старом Санкт-Петербурге. Уже тогда Мария показалась ей хорошей исполнительницей. Таких Кроберг любила. И тот факт, что она цепляется за молодость также, как и Елена добавил ей бонусов для будущего

трудоустройства. Через неделю знакомства, Кроберг пригласила Марию на деловой ужин. На нем она рассказала о том, чем занимается и что является видным ученым, которому остро необходимы исполнительные и молчаливые сотрудники. Мария полностью отвечала вкусам Кроберг. Уже через час ужин перестал быть деловым, когда они провели вместе ночь. Через три дня Мария пришла устраиваться на работу в резервацию. Кроберг позволила ей выбрать место, где она будет жить, пока будет длиться ее вахта. Мария выбрала отдельный дом в поселении в лесу. Как выяснилось, она любила уединение. И факт большой концентрации тестостерона в таких поселениях играл не последнюю роль.

Кроберг продолжала незаметно кидать взгляд на Мельева. Он выглядел как технократичный шаман у приборной панели. «Юнец», — пронеслось у нее в голове. Он так обрадовался, когда Кроберг сообщила ему о том, что она берет его с собой на космическую станцию. Как истинный мальчишка, Сергей начал тараторить о том, что он всегда желал увидеть воочию космодром. Ему было не важно какой: главное, что он его увидит. Ладожский космодром был самым новым космическим портом. Заложен он был менее пятидесяти лет назад и возводился около девяти лет. По задумкам федерального правительства, новый северный космодром должен был стать большими торговыми воротами в будущем. Ни одна из европейских стран не обладала в этих широтах площадками для вывода торговых грузов в космос. Одновременно с принятием решения о строительстве нового Ладожского космодрома был принят масштабный план по развитию и объединению населенных пунктов в агломерацию Петрополис. Перешеек между Ладожским озером и Финским заливом соединили высокоскоростными пассажирскими и торговыми путями. Они были проложены с расчетом на полную автономию от инфраструктуры Петрополиса, которая выступала лишь страховочным вариантом на случай непредвиденных ситуаций.

Понадобилось полвека, чтобы Петрополис из проекта воплотился в жизнь. И стал архитектурным памятником бесконечному желанию обогащения. Население Петрополиса насчитывало более сорока пяти миллионов жителей. Среди них было огромное количество приезжих рабочих. Они трудились на тысячах заводов, расположенных на окраинах полиса. Многие глобальные корпорации желали расположить свои конвейеры поближе к крупным космопортам. Ладожский космодром очень удачно подходил для этого. За какие-то пятнадцать лет он воплотил в себе глобальные торговые мечты Федерации. И вскоре его пришлось расширить в три раза, так как к торговым грузам прибавились и военные. Так космопорт стал еще и северным аванпостом космических войск Славяно-Азиатского Союза, несмотря на протесты ряда стран. И чтобы не нагнетать обстановку по этому поводу, федеральное правительство не концентрировало свои космические войска в космопорте, держа на дежурстве лишь один полк истребителей. Однако все понимали, что несмотря на умеренность военного присутствия, Россия могла сконцентрировать в порту огромный военный кулак менее чем за сутки.

В Ладожском космопорте, как и во всех остальных семи подобных портах, находился специальный терминал Министерства науки. Он всегда был готов к выполнению важных задач. Впрочем, они не были редкостью. И космические суда никогда долго не простаивали в ангарах. Из всех именитых ученых, кто попадал на страницы научных журналов, Кроберг была самым частым гостем на орбитальной научной станции. Официальная причина ежегодных полетов была простой — контроль над авторскими исследованиями регенеративных функций человека. На космическую станцию попасть было не просто, даже самым влиятельным людям. Но для Кроберг это никогда не было проблемой. Даже ее недруг

и формальный начальник профессор Данилевский, ни разу не ступал на металлические подмости станции, в то время как Елена с завидным энтузиазмом стремилась туда. В этом, конечно, ей помог протекторат нынешнего министра науки Терена. Их знакомство идет еще со студенческой скамьи: они были учениками одного потока. Однако Кроберг во многом не разделяла взглядов своего однокашника, но это не помешало ей получить разрешение на испытания в космической лаборатории.

Терена очень интересовала работа Кроберг. Прежде всего, из-за его состояния. Девять лет назад министр стал жертвой теракта, организованного химическими батальонами в Новой Москве. Дерзкая вылазка, имевшая своей целью устранение первого лица федеральной науки, удалась отчасти. Терен полностью лишился кожного покрова, но на удивление, не утратил работоспособных функций.

В БиоНИЦ за несколько лет до этого был изобретен препарат Дермафорт. Его главной особенностью было создание на месте ожогов биосинтетической кожной мембраны. После происшествия с министром, Дермафорт был в экстренном порядке усовершенствован. Идея исходила от Кроберг, — идеальный случай, чтобы пролоббировать исследования своих ученых. Она синтезировала Дермафорт с лишеной к самовоспроизведению цепочкой мониин. Это позволило сделать мембрану, которая образовывается на обожженном участке, более стойкой и долговечной. Сильно ослабленные цепочки мониин позволяли всей структуре быть жизнестойкой и почти полностью заменять кожу. Однако даже в таком усовершенствованном виде Дермафорт обладал одним недостатком — он был временным заменителем кожи. Спустя время министр Терен был вынужден снимать искусственный мембранный нарост Дермафорта и ложиться в сохранныю капсулу.

Грузовик прибавил ходу. Поток движения усилился. Кроберг чувствовала, как трейлер стремительно набирает скорость. Она вздохнула и откинулась в кресле. В голове у нее крутились мысли о подорванном БиоНИЦ. «Почему именно сейчас?», — Кроберг задавала себе риторический вопрос. Она вспоминала своих коллег, с которым по большей части не ладила. Сразу возник образ профессора Данилевского — одного из бриллиантов русской науки. Кроберг поморщилась. Она признавала гений Данилевского, но даже после его гибели под завалами биологического центра, не могла побороть к нему ненависть. Он всегда стоял у нее на пути. Верил в ее потенциал, но считал ее идеи опасными. Кроберг посмотрела вглубь трейлера. Медсестры снимали показания с сохранной капсулы. «Мое чудо», — про себя повторила Кроберг. Маленьким комком он попал к ней в руки, был на краю смерти, но она вытащила его из пропасти. Вырвала из рук костлявой, из рук Данилевского — у всех, кто имел малейшие виды на него!

Это произошло в 2204 году. Самое массовое заражение «белой язвой» в новейшей истории России, приведшее к колоссальным жертвам. В этом же году Кроберг впервые взяла на руки трепыхающийся комочек с ручками и глазами полными красных слез. Елена хорошо помнила тот день. Каждая минута отпечаталась в ее памяти и ни один год не смог затереть их. Она вместе с ведущими биовирусологами находилась на большом совещании в БиоНИЦ. Эту встречу инициировал профессор Кирилл Иванович Данилевский, он был главой лаборатории микровирусов. На совете он собирался поднять вопрос о возможной пандемии новой вирусной болезни — гриппона. Его еще называли сыном вируса гриппа. Он был более адаптивным, агрессивным и в половине случаев приводил к летальному исходу. Лекарств, способных полностью излечивать его, не было и считалось, что создать его невозможно в силу быстрой мутации гриппона. Кроберг прекрасно помнила, как не желала идти на

совещание. Она открыто называла его пустым и бесперспективным. Будучи в подчинении у Данилевского, она не имела права пропустить совещание, хоть и занималась тогда более опасной болезнью, которая и не проявляла себя, но была обнаружена в некоторых уголках страны. Кипя от ярости, Кроберг прибыла в БиоНИЦ. Она сразу наткнулась на Винбурга. Он стоял в огромном фойе и с неизменной улыбкой разговаривал по телефону. Кроберг давно знала его и видела, что сейчас на лице министерского чиновника висела отнюдь не довольная усмешка. Он был чем-то сильно озабочен и ответы, что звучали по телефону, ему не нравились. Тогда Кроберг не стала тревожить его своим появлением и обошла его за несколько метров, присоединившись к своим коллегам, обсуждавшим появление функционера из министерской логи. Как узнала Кроберг, на присутствии Винбурга настоял сам Данилевский. Это всем казалось очень странным и крайне интригующим, учитывая тот факт, что Данилевский и Винбург были заклятыми врагами.

Заседание началось ровно в восемь утра. Данилевский был его ведущим. Он начал говорить издалека: о гриппе, приводил данные анализов, схемы, подтверждающие его родство с гриппом. Все это было известно всему ученому свету. Но вот дальше Данилевский произнес то, ради чего он и собрал всех: гриппон не природная мутация гриппа, а искусственное творение человека. В зале поднялся гул. Ученые вскакивали со своих мест и подбегали к Данилевскому, пытаясь посмотреть на его бумаги. Но вскоре этот балаган, как оценила происходящее Кроберг, был прерван. В зал совещаний вбежала секретарь Ожина Антона Исаевича, директора БиоНИЦ. Она очень долго что-то говорила своему шефу на ухо. При этом на лице главного ученого очень явно рисовались морщины ужаса. Они черными складками прорезали его лицо. Отстранив помощницу, директор включил свой микрофон и громко скомандовал: «Молчать, всем!». Криков от Антона Исаевича никогда никто не слышал, поэтому эти слова стали для всех громом среди ясного неба.

— Господа, у нас эпидемия, — дальше дрожь в голосе начала захлестывать бывалого ученого. Он сообщил о том, что в пригороде Екатеринодара началась непонятная эпидемия и что она очень быстро распространяется.

Кроберг хорошо помнит взгляд директора: растерянный, ищущий укрытие. Он посмотрел на нее и сообщил о том, что, по всей видимости, это «белая язва» и что Кроберг и ее команде надлежит немедленно вылететь в зону заражения. Остальные будут готовить палаты для приема больных, если таковые будут.

К горлу Елены подступил большой ком. Она стояла и не могла ничего ответить. Кивнув головой, Кроберг махнула Ростову, который сопровождал ее, и несколькими ученым рангом поменьше из ее команды, и направилась к выходу. Тогда она впервые увидела лицо майора Саврасова. Он сидел в тени на дальних рядах и что-то записывал в маленький блокнот, но услышав о происшествии, тоже направился к выходу. Кроберг тогда не придавала этой встрече значения. Ей предстоял перелет за полторы тысячи километром от Петрополиса.

Подготовка к вылету заняла около сорока минут. Все облачились в защитные костюмы. В девять часов двадцать минут девять ученых во главе с ней были на борту. Там она узнала, что на выезде из небольшого города Соколинов бор на федеральной трассе произошла массовая авария, в которую попал школьный автобус. На нем второклашки направлялись на экскурсию в детский музей Екатеринодара. Больше всего досталось именно автобусу с детьми. К месту происшествия быстро вылетели врачи скорой помощи. Однако через тридцать минут двое из них скончались, распавшись на отдельные фрагменты. На месте

происшествия началась паника. Были подняты по тревоге войска биозащиты Екатеринодара. Они оцепили территорию и удерживают людей внутри нее. Люди продолжают гибнуть. Предположительно распространение идет от кого-то из детей.

Кроберг была взволнована. У нее дрожали руки, и она никак не могла заставить себя усидеть в кресле. Елена не могла поверить, что наискучнейшее собрание высоколобых ученых подарило ей такой невероятный шанс. Чем ближе вертолет БиоНИЦ приближался к месту заражения, тем нетерпеливее становилась Кроберг. Она ходила по салону и инструктировала коллег, напоминая им о высокой вирулентности вируса. Елена также передала через пилотов на землю сообщение о том, что необходимо срочно подготовить ветрогенераторы самой высокой мощности, чтобы не дать воздуху с мониями распространиться на Екатеринодар. Вертолет издалека облетел место происшествия. Все, кто был в салоне, смотрели через иллюминаторы: школьный синий автобус лежал на боку с вырванным двигателем из передней части. В нескольких метрах от него, уткнувшись в кювет, находился трейлер с раскуроченной кабиной. По обеим сторонам находилось около полусотни смятых автомобилей. Шоссе было скоростным и многие просто не успели затормозить. По прикидкам Кроберг, смертельно пострадавших немного. Раненые находились на удалении от места происшествия. Кто был на ногах пытались уйти, но им мешали военные в защитных масках.

Вертолет приземлился за сто метров от оцепления из солдат. Кроберг, выйдя из вертолета, сразу посмотрела на ближайшие деревья. Зеленые кроны мирно дремали в утреннем жарко разливающимся солнце. Вирусологи побежали к автобусу, захватив портативные чемоданчики. «Оба водителя на месте», — уточнил кто-то за спиной. Кроберг приказала всем рассредоточиться и найти источник «белой язвы». Девять ученых-вирусологов как желтые муравьи разбежались в разные стороны. Прежде всего, они осмотрели останки двух погибших врачей. Они находились в десяти метрах от автобуса, прикрытые изоляционной пленкой. Несколько вирусологов направилось к пострадавшим. Те сразу накинулись на них с криками и просьбами. Ученых стеной огородили военные. К автобусу направилась Кроберг, с собой она взяла Ростова. Пробираясь через ограждения шоссе, Кроберг видела разбитые окна автобуса. На их краях много крови. Подбежав ближе, она услышала детские стоны и плач. Войдя, в лежащий на боку автобус, ученые увидели детей: испачканных, покрытых кровью и осколками стекла. Некоторые лежали в неестественных позах друг на друге. Многие рыдали. Кто-то дергал за руку женщину, лежащую среди кресел. Кроберг и Ростов аккуратно пробирались через смятые и вывернутые кресла, осторожно ступая между лежащими бездыханными маленькими телами. Плачущие, стонущие дети смотрели на двух взрослых как на пришельцев. Кто-то начинал реветь еще больше, кто-то замолкал в еще большем страхе. Кроберг и Ростов останавливались возле каждого ребенка, живого и мертвого, осматривали руки и ноги. Тех, у кого не находились белые отметены Ростов выводил наружу и усаживал возле автобуса. По связи он позвал себе на помощь военных в масках, чтобы те перенесли детей в медицинский бокс, развернутый в периметре оцепления. Кроберг пробиралась вглубь автобуса. «Тише», — повторяла она вслух, пытаясь успокоить ревущих от боли и страха детей. Чем дальше она пробиралась, тем меньше становилось шансов на то, что она найдет того, кто является источником заражения. Но она чувствовала, что вирус здесь и что он спрятался от нее. Чутье не подвело ее. Она обнаружила ребенка, на вид семи лет, с небольшими белыми пятнами на ступнях. Он был еще жив. Кроберг позвала Ростова. Он был занят выжившими. Елена крикнула на него,

напомнив, зачем они здесь и потребовала, чтобы он немедленно подошел к ней. Ростов подчинился. Зараженный ребенок находился под креслом, они осторожно извлекли его. Это был мальчик в зеленых шортах и синей рубашке-гавайке. Из ноги и руки сильно сочилась кровь. Ростов вытащил ребенка наружу. К этому времени к автобусу подбежали несколько вирусологов из команды Кроберг. Они готовили сохранную капсулу. Через пять минут Кроберг нашла еще двух детей: девочку и мальчика, у которых были белые отметины язвы. Девочка с рваными ранами на ногах и руках. Ее сиреневое платье было сильно изорвано и пропитано кровью. Мальчику повезло меньше. Он был на грани смерти, с переломами рук и ног. Огромный кусок стекла вонзился в его хрупкое тельце чуть выше поясницы. Кроберг поняла, что у него задет позвоночник. Из длинной резаной раны на груди лилась черная кровь. Это был последний ребенок в автобусе. Кроберг присела рядом. Она медленно обхватывала его надломанное тело, стараясь не касаться большого осколка стекла, торчавшего у него в спине. Он всхлипнул и внезапно схватил ее за руку. Елена опешила и чуть не оступилась. Она посмотрела на его испачканное и изувеченное болью лицо. Его глаза были мутны от крови, но Кроберг видела его зеленые тускнеющие глаза. Мальчик смотрел на нее и сильнее сжимал пальцы.

Кроберг выбралась с ребенком на руках из автобуса. Передала его коллегам. Встал вопрос, как поместить мальчика в сохранную капсулу. Осколок стекла сильно мешал. Кроберг закричала, обвиняя подчиненных в полной некомпетентности. Она приказала немедленно, здесь и сейчас, обрезать стекло и поместить ребенка в капсулу. Елена подошла к двум другим детям. Они уже лежали в капсулах. Жизненные показатели были крайне низкими, но стабильно держались. Ругая коллег за медлительность, Кроберг посмотрела на третьего ребенка, которого вытащила сама. Все это время он смотрел на нее. Он был не в силах держать голову, она свисала с руки врача очень неудобно, но глазами мальчик следил за Еленой. Кроберг закрыла глаза. Ей стало дурно. Она сделала шаг в сторону и увидела, как двое солдат в масках несут портативный операционный бокс. Через несколько минут возле автобуса была раскрыта изолированная палатка, где врачи аккуратно скалывали стекло, чтобы мальчика можно было поместить в сохранную капсулу. Спустя пять минут ребенок потерял сознание. Кроберг все это время гладившая его по волосам, торопила врачей. Вскоре работа была сделана. Мальчика поместили в капсулу и троих детей погрузили в вертолет. Направляясь к нему, Кроберг подошла к главной военной палатке. Она сообщила о том, что у троих детей выявлены признаки заболевания «белой язвой». У остальных пострадавших внешних признаков заболевания нет. Однако всех их необходимо немедленно изолировать, поместить в закрытые костюмы и направить в спецрезервацию на обследование и выявление возможного заражения. Начальник оцепления отдал соответствующее распоряжение. После чего он сообщил, что в Екатеринодаре нет мобильных ветрогенераторов, способных создать воздушную стену. Кроберг посоветовала не волноваться и надеяться, что 15 погибших от «белой язвы» будут единственными, так как источник локализован и все пострадавшие находятся в зоне оцепления. Но уже через полминуты, бледнея, военный сообщил, что несколько детей были увезены вертолетом в Екатеринодар. Кроберг стиснула зубы. Ей хотелось поколотить начальника за то, что эту важную информацию ей не сообщили раньше. Но справившись с нахлынувшими эмоциями, Елена приказала пятерым, подчиненным ей вирусологам, отправляться в Екатеринодар для принятия мер по локализации возможного очага заражения. Сама же она вместе с остальными погрузилась в вертолет, который полетел обратно в БиоНИЦ.

Будучи на полпути в Петрополис, Кроберг узнала, что на борту медицинского вертолета, перевозившего раненых детей в Екатеринодар, обнаружили распавшееся тело одного из санитаров. Детей определили в карантин госпиталя имени Торопова, как и всех, кто был на воздушном судне. Узнав об этом, Данилевский приказал Кроберг развернуть борт и направляться для локализации вируса в Екатеринодар. Но Кроберг убедила его в том, что отправленных ею вирусологов достаточно. И что их приоритетом сейчас являются дети-переносчики.

К двенадцати часам дня Екатеринодарский госпиталь был взят под карантин военными биозащиты. Из больницы никого не выпускали. Вокруг было поставлено оцепление. Специалисты брали пробы воздуха. Но мнии было крайне сложно обнаружить. Осложнялось все тем, что в то время ученые не предполагали высокую патогенность этого вируса. И Смерть красноречивой свидетельницей заговорила первой. Через час после выставленного оцепления, в госпитале стали гибнуть люди. Они умирали так быстро и мучительно, что от ужаса и страха многие люди пытались вырваться из здания. Даже выпрыгивали из окон. Вирусологи трубили тревогу. Начинается эпидемия. О происходящем в госпитале сообщили на самый верх. Войска биозащиты приступили к полной изоляции больницы. Она подразумевала полное покрытие здания слоем изоляционной пленки. Пленкой она называлась для простоты, на самом деле это был химический гель, заполняющий все трещины, выемки, создавая внутри непроницаемую оболочку. Здание госпиталя запаивалось в прямом смысле слова. Находившимся внутри, запрещалось открывать окна и двери. Водопровод и канализацию перекрыли. Но никакой запрет не мог остановить безумия, которое охватывало людей, поддавшихся страху.

Оболочка, которой военные покрывали здание, могла быть просто разорвана створкой открывающегося окна. Как бы то ни было, но через пять часов усилий в соседнем квартале была зафиксирована смерть от «белой язвы». В городе началась паника. В западном округе было объявлено чрезвычайное положение. В срочном порядке в город вводились дополнительные войска биозащиты. К десяти часам вечера число жертв не поддавалось подсчетам. Никто не решался входить в зараженные районы, которых с каждым часом становилось все больше. Тела погибших ошметками и кусками лежали на улицах, распространяя вирус дальше. Улицы обрабатывались препаратами. В городе расставлялись распылители. Как могли и как умели биозащитники сдерживали невидимого врага. Несмотря на то, что чрезвычайное положение было объявлено лишь на западе Екатеринодара, люди готовились к массовому бегству. Многие покидали кварталы, граничащие с оцепленными районами города. Близилась ночь и страх овладевал городом, который уже не мог уснуть. Все ждали. Ждали, когда что-то произойдет.

К трем часам ночи, в режиме строжайшей секретности, по приказу федеральных властей Екатеринодар был полностью взят в кольцо блокады. Все передвижения скрывались от горожан и населения страны, чтобы не вызывать панику и массовое бегство. К городу были стянуты до двухсот тысяч военнослужащих, военная техника, переброшены все имеющиеся химические и биологические системы сдерживания. Лишь через час, когда город был полностью взят в кольцо, на его окраинах жители стали замечать странные передвижения. Смысла скрывать уже не было, и власти сообщили о том, что на севере города была зафиксирована смерть человека, предположительно от «белой язвы». В связи с этим Екатеринодар был объявлен зоной эпидемиологической опасности первой степени и взят в биоблокаду. Для города это стало приговором. Но власти успокаивали горожан, что

предпринимают все усилия для сдерживания эпидемии. И это было так. Терять город с двухмиллионным населением было недопустимо. И самым страшным из вопросов был: что же будут делать власти, когда подует ветер? Сейчас в городе стояла безветренная жаркая погода, но сколько продлится эта милость природы, никто в городе не знал. Синоптики делали прогнозы о том, что спасительная духота продлится еще как минимум два дня. Но к городу подступает фронт дождя, который гонит холодный северный ветер.

На улицах погруженного в ночной сумрак города, разворачивались пункты биозащиты. Но все усилия вирусологов сводились на нет. Раздача личных приборов защиты, фильтрации воздуха не помогали. Люди гибли, и с каждым часом их становилось на тысячу больше. Солдаты сжигали погибших в больших кострищах, собирая останки по улицам. В этом им помогала часть горожан. Но были те, кто пытался прорвать блокаду города и уехать. Без кровопролития не обошлось. Дабы исключить любую возможность прорыва биоблокады, вокруг города было расставлено минное ограждение.

С рассветом Екатеринодар напоминал город мертвых из царства богини смерти. Костры продолжали гореть на улицах города. Бригады вирусологов и врачей входили в город лишь под усиленной охранной военных. Власти с ужасом ждали приближения дождевого фронта и бились в бесплодных попытках одолеть вирус. На специальном заседании было принято опасное решение: вмешаться в климатический процесс и изменить направление движения холодного фронта, чтобы он не достиг Екатеринодара. Часть ученых забила тревогу: нельзя вмешиваться в климат и тем более менять воздушные потоки. Последствия могли стать катастрофическими для сотен миллионов. Другие ученые были менее категоричны: они признавали опасность затеи, но указывали на недопустимость распространения зараженного воздуха на юг.

Министерство науки санкционировало использование экспериментальных спутников и системы астероидной защиты на орбитальной станции Сокол-2. В воздух были подняты 172 самолета с реагентами. По плану предполагалось создание условий для возникновения встречного циклона, который бы столкнулся с холодным фронтом, идущим на Екатеринодар, и изменил его траекторию. Спутниковая астероидная защита должна была нагреть поверхность земли, а самолеты распылить реагенты, создав концентрацию заряженных частиц воздуха. Все замерли в ожидании.

На третий день проведения операции по вмешательству в климатический процесс стало ясно, что оно возымело действие, но не то, на которое рассчитывали. Воздушные потоки обходили Екатеринодар вокруг и закручивались над городом душащей воронкой из тяжелых дождевых облаков. Эксперимент был признан частично удавшимся. На пятый день, на город обрушился прямой ливень. Он поливал дома и улицы с неистовой аномальной силой. Огромные массы облаков затягивало измененными воздушными потоками в огромную воронку над Екатеринодаром. Они, словно огромные канаты пропитанные водой, скручивались и изливали ее на город. Ливень продолжался шесть дней. Он затопил город до третьего этажа и окрестности. Жители не смогли прорвать блокаду, чтобы вырваться из города, но это легко сделала дождевая вода, смывшая ее.

Все время, пока шел дождь, вирусологи фиксировали снижение смертности от болезни. Вирус каким-то образом выпустил город из своих объятий. И вскоре, смерти от «белой язвы» прекратились. Через неделю Екатеринодар напоминал котел остывшего бульона с плавающими останками тел и грудой мусора. Вирус отступил. Медленно отступала и вода. Город подсчитывал убитых и ущерб. 25 июля навсегда вошло в память людей как начало

великой трагедии, когда в одночасье из жизни ушли 45 тысяч человек. Начались большие и громкие расследования. Общество интересовалось, откуда взялась непонятная болезнь и куда она пропала. Самой жуткой версией излечения называлось применение в Екатеринодаре «вирусной вырубки» населения города. Однако федеральные власти назвали эти предположения дикими и отвергли все предположения в применении холеряны в зараженном городе.

Кроберг посмотрела в сторону Мамонтова. На ее лице скользнула брезгливая ухмылка: как он может вот так всегда засыпать? Ей не нравился его стиль работы, но она доверяла ему. Елена посмотрела на разложенные отчеты и данные анализов. Она размышляла: не случись трагедии в Екатеринодаре, получила бы она возможность исследования Каро теми методами, которыми воспользовалась? Кроберг откинулась на спинку кресла. Когда она увидела семилетнего Каро, она сразу поняла, что это ее чудо. Он хватался за жизнь, держась за ее руку. Он желал видеть ее, когда искал ее глазами. Он спорил с жизнью, хотя она сломала его как хрупкую спичку. Он почти не чувствовал боли — это Елена поняла еще в автобусе, когда взяла его на руки. Ей показалось это важным. «Уникальный мальчик», — подумала она тогда. «Он должен жить», — тогда Елена и не предполагала, на что была готова, чтобы исполнить эти слова.

В БиоНИЦ были готовы к прибытию важных пациентов. Кроберг очень подробно инструктировала наземные службы о состоянии больных. Когда вертолет коснулся посадочной площадки исследовательского центра, Кроберг почувствовала, как внутри у нее все вибрирует от волнения. Она уже знала, что ей предстоит сражаться и противником ей назначена весомая фигура профессора Данилевского. Елена сжала кулаки, посмотрела на сохранные капсулы, внутри которых за жизнь цеплялись трое детей, и вышла навстречу спешащим санитарам. Через каких-то пятнадцать минут капсулы развезли по трем операционным. Шестой операционный этаж брался под карантин. Лифты останавливались только после введения кода доступа. Двери на этаж блокировались. Все участники операций облачились в желтые защитные костюмы. Профессор Данилевский оперировал девочку, его коллега — профессор Сармонт оперировал мальчика, которого извлекли первым. Кроберг вызвалась оперировать спасенного третьим. На детей сразу завели ДНК досье, каждому ребенку был присвоен условный номер. Девочка — «объект один», мальчик Сармонта — «объект два», и мальчик, над которым нависла Кроберг — «объект номер три». Согласно правилам приоритета, каждому присвоили степень выживаемости. У «объекта три» был самый низкий показатель выживаемости. Из троих он пострадал больше. Многочисленные переломы рук и ног, невосстановимая травма позвоночника. Все это усугублялось травмами внутренних органов и большой кровопотерей. Данилевский поначалу запретил Кроберг заниматься третьим ребенком, так как спасти его не имеет смысла, тогда как у первого и второго объектов шансов на выживание были высоки. И Данилевский настаивал, чтобы она ассистировала ему. Но перед глазами Кроберг стояли зеленые глаза, замутненные кровью. Он — особенный, и она знала это. Внутреннее чутье подсказывало ей, что этот ребенок не просто так цепляется за жизнь. Он другой. И отчего-то смерть медлила с подписанием акта о принятии новой души.

Кроберг собрала свою команду. Она звонила им находясь еще в вертолете. И все они прибыли в БиоНИЦ. Когда же они увидели, в каком состоянии находится ребенок, у многих появился ученый скепсис. Но Кроберг не желала видеть этого у них на лицах. Она властно

хлестнула словом и приказала выложиться на все сто процентов. Этот ребенок представлялся важным объектом для изучения. Прежде всего, потому, что он выжил. И скоро уверенность Кроберг передалась всем остальным. Особенно когда стало ясно, что организм потерял почти четыре литра крови. Для Елены это был козырь в убеждении. Сначала нужно было убрать основную угрозу жизни.

С кровотечением и травмами органов разобрались быстро. Осколок стекла, перерезавший позвоночник, извлекли. Над ребенком работало восемь хирургов. Одновременно ему переливали кровь, но организм отторгал ее, как и пришиваемые обратно руки и ноги. Начавшееся заражение сводило на нет любые попытки залатать тело. Кроберг злилась. Она пинала ногой металлические столики и кричала. Практически все действия врачей организм мальчика отторгал. Но он оставался жив. Система жизнеобеспечения три раза фиксировала остановку сердца. И каждый раз врачи запускали его снова.

Оперируя поврежденные органы, хирурги заметили обширное поражение «белой язвой». Бело-красные жилы, словно нити, пронизывали все его ткани и входили даже в костную структуру. Кроберг тогда сделала предположение, что они не могут соединить кости по причине их мутации. Взяв на анализ костную ткань, врачи быстро пришли к выводу, что она совершенно им непонятна. Каким-то образом сломанные конечности стали невосприимчивы к сращиванию. Кровяные сосуды, нервные окончания выглядят так словно это чужие руки. Хирурги не знали, как сшивать их и чем дольше они медлили, тем сильнее становилось различие конечностей. Кроберг приняла решение сшивать руки и ноги как есть. Притягивать нервные окончания, сращивать сосуды как получится. По предположению Кроберг организм мальчика подобен организму ящерицы, которая сама обрубает себе хвост и его уже не присоединить.

Почти одновременно запищали несколько приборов. Аппаратура зафиксировала потерю биологической активности органов. У мальчика отказывали почки и поврежденная печень. Иммунная система была на нуле. Крови не хватало для переноса кислорода: организм задыхался и умирал от удушья. Одновременно с этим приборы фиксировали странную активность мозга. Сделать томографию сейчас не представлялось возможным, что невероятно бесило Кроберг. Санитары по ее приказу фиксировали любые изменения, записывали на карты памяти. После шести часов операции врачи вдруг заметили, что белых роговых выступлений на коже стало в несколько раз больше. Тело ребенка заметно побелело. Анализы крови показывали резкое возрастание АТ-цитов и увеличение текучести крови. Объем легких уменьшился в полтора раза, часть их отмирала на глазах врачей. На десятый час Кроберг решила сделать перерыв. Она чувствовала чей-то сверлящий взгляд. Подняв глаза, Елена увидела, что сверху за ее действиями следит Данилевский и другие. Они были в защитных костюмах. Кроберг отвела взгляд. Ассистенты зашивали мальчика. Кроберг с коллегами стояла в метре от операционного стола. Они рассуждали о том, что можно предпринять для его спасения. Кто-то говорил о том, что через десять часов он все равно умрет, так как органы у него отказывают один за другим. Другие желали посмотреть насколько живучий организм у ребенка. Пока все были погружены в обсуждения, ассистенты закончили с развернутыми анализами. Выяснилось, что в тканях «объекта три» содержится огромное количество клеток чистой монии. Судя по составу и способу их организации, они присутствуют в них с рождения. После того как об этом объявили, ученые начали спорить, что чистая мония не вызывает эпидемии, попав в воздух. Данилевский предположил, что у каждого из детей свой тип монии. По имеющимся сейчас данным, монии детей имеют ряд

схожих параметров, но и некоторые отличия. В частности, у девочки монии имею более разветвленную сеть распространения. Они как корневая система сплетаются в мелкие нити по всему телу. Похожая ситуация у «объекта два». Его отличием было локализация нитей. У «объекта три» вообще не было нитей лишь огромное количество чистых моний.

Кроберг посмотрела наверх и спросила: «Как ваши?». Данилевский с довольным видом ответил, что девочка и мальчик успешно прооперированны. Кровопотери у них были небольшими. Органы почти не повреждены. «Идеальные перспективные пациенты», — закончил Данилевский. Кроберг поняла к чему клонит ее шеф. «Объект три» подтверждал свой приоритет по выживаемости. Но Елена настаивала на том, что его нужно спасти. Она указывала на его живучесть, на странную костную структуру, на строение клеток и непонятную возможность жить с одним литром крови. Но Данилевский был неумолим. Он признавал необычность мальчика, впрочем, как и двух других детей. Но одновременно с необычностью никто не знает, как спасти ему жизнь. Монии слишком мало изучены и то, что они видят на операционном столе никому не понятно. «То, что непонятно нужно исследовать мертвым», — закончил Данилевский и направился к выходу. Костюм начинал душить его, что делало его раздражительным.

Кроберг была повержена. Она стояла над маленьким телом и видела, как сильно и часто бьется его маленькое сердце. Елена помотала головой. Всем было ясно — она не будет его отключать. Пусть Данилевскому наплевать, но это ее ребенок и она решит когда его отключить! Она убедила коллег в том, что если они не могут обеспечить мальчику операционное лечение, то хотя бы дадут ему шанс выкарабкаться самому. Если ему дано прожить еще десять часов пока не откажут все его органы — пусть будет так. Мальчика оставили в операционной. Кроберг организовала дежурство. Сама она заходила к своему маленькому пациенту каждые полчаса. Она гладила его по голове. Вместе с медсестрами обтирала его тело от крови, одновременно слушая сообщения об эпидемии в Екатеринодаре. И сердце ее сжималось больше от того, что перед ней лежит удивительное чудо, которое медленно, как свеча, угасает. Кроберг с особой скрупулезностью исследовала структуру свернувшихся кровеносных телец. Тщательный анализ показал необычную деформацию красных кровяных клеток. Кроберг клонила голову над столом. Она всем своим естеством желала спасти мальчика, но ей не хватало знаний сделать это. Она чувствовала себя как ребенок перед конструктором, который видит впервые: непонятные детали или уже известные, но почему-то выполняющие иную функцию нежели всегда. Кроберг стукнула по столу, испугав дежуривших медсестер. Через пару минут из коридора донесся шум. Елена велела узнать, что там происходит. Вернувшаяся медсестра взволнованно сообщила, что прооперированным мальчику и девочке стало хуже — их везут в операционные. На лице Кроберг появилась мучительная улыбка. Она решила посмотреть на тех детей, который Данилевский считал лучшими.

Объекты «один» и «два» находились в одной операционной. Ими занимались Данилевский и Сармонт со своими командами. Кроберг стояла наверху и с другими учеными наблюдала через купол за другой борьбой, за другие жизни. Елена спрашивала у коллег про кровь девочки и мальчика. Кроберг передали копии анализов: они были похожи. У всех троих одинаковое сходство по составу крови. Кроберг, чувствуя, что вот-вот нащупает нить, попросила показать ей строение клеток крови объектов «один» и «два». Тем временем, внизу, Данилевский расписывался в собственном бессилии. Нервные системы девочки и мальчика умирали. Те органы, что были успешно прооперированы несколько часов назад,

переставали работать. Центральная нервная система, словно за неуплату, отключалась. Кроберг принесли результаты строения кровяных клеток. В этот момент ее словно прострелило молнией. Она нажала на кнопку связи с операционной и произнесла: «Хватит их убивать!». Данилевский, не понимая ее, посмотрел вверх. Но Кроберг уже не было. Через минуту она вошла в операционную. На ее лице висела маска победителя. Данилевский прищурился. Кроберг поделилась своей догадкой:

— Организмы этих детей, несмотря на некоторые отличия в строении моний работают по одному принципу, не считаете?

— Что ты имеешь в виду? — интересовался Сармонт.

— Тот факт, что мы никак не можем удачно прооперировать тело «объекта три», говорит нам о том, что оно работает по-другому. Его организм отличается от нашего принципом своей работы. И мы не знаем как его собрать заново...

— И что?! — не выдержал Данилевский.

— А то, что если мы не знаем как работает организм «объекта три», мы понятия не имеем как работают и эти, — Кроберг указала на мальчика и девочку. — Вы перелили им кровь, собрали поврежденные органы, сшили сосуды, а верно ли вы поступили?

— Ты намекаешь на то, что мы совершили ошибку, зашив их? — не понимал Сармонт.

— Вы не изучили их. Мы понятия не имеем, как их лечить и своим вмешательством вы убили их, — Кроберг кивнула в сторону приборов сигнализирующих об отказе органов.

Данилевский выругался. Он облокотился на стол и провел рукой по лицевой маске.

— Ты так страстно веришь в свои слова...

— Я не верю, я знаю. И если вы отключите свои эмоции и поразмыслите, то поймете, что я права.

— В твоих словах есть логика... — Данилевский не желал сдаваться.

— О какой логике идет речь? Вы хотите сказать, что мы не знаем как зашивать ткани и сращивать конечности? — Сармонт вспыхнул.

— Много ли вы прооперировали больных «белой язвой»? — Кроберг сжимала кулаки.

— Мы заражали мониями десятки спортсменов и не тебе тыкать мне о непонимании принципов «белой язвы».

— Именно мне, — Кроберг улыбалась змеиной улыбкой.

— Хватит, — прервал Данилевский, предвидя во что может вылиться перепалка. — Заражать мониями и быть модифицированным ими как эти дети не одно и то же.

— Отдайте мне их, — твердо произнесла Кроберг.

— Что? — Данилевский решил, что он не так понял эти слова. Но в мыслях он уже начал разгадывать их истинный смысл.

— Мой объект борется за жизнь, так, как ваши не борются, — Кроберг походила на львицу. Она четко выговаривала каждое слово. Она скалилась будто не человек, но зверь, готовящийся кинуться на врага.

— Твой ребенок труп уже давным-давно. Эти дети не умирают! — парировал Сармонт.

— Труп не борется со смертью 18 часов подряд, — грозно возразила Кроберг. — Вот результаты анализов их крови и строения клеток. Они идентичны. Их мутация одинаковая. Мне нужны их органы, кровь и руки для пересадки, чтобы мой ребенок жил.

Данилевский смотрел на нее и не понимал: то ли она сошла сума от того, что не могла спасти мальчика, то ли действительно верит в то что говорит.

— Вскоре центральная нервная система превратит их в овощи, — настаивала

Кроберг, — без нервных импульсов монии умрут. Для исследований они будут нам не нужны. Но у нас еще есть другой ребенок. Ты лучше меня знаешь, что сейчас творится в Екатеринодаре. Нам нельзя потерять его. Признай свою ошибку: мой ребенок имеет шансы на выживание выше.

Сармонт смотрел на Данилевского. На лице их шефа было смятение. Тень брезгливости и отвращения была на нем.

— Они тоже имеют шансы на жизнь, но ты хочешь их отобрать, — Данилевский использовал последний аргумент, но он сам не верил в него. — Ты хочешь разрезать их на кусочки. Ты понимаешь, о чем ты говоришь? Ты уговариваешь меня убить их в угоду твоей одержимости «белой язвой».

— Не надо вешать на меня свои грехи. Детей убили вы — поставив на них цифру один и два. Их убила ваша поспешность и самолюбие. Тому ребенку нужны детали, которые есть только у них. А нам нужен объект для исследований. Моя цель — дать ему жизнь, — Кроберг сделала шаг вперед. Данилевский не сопротивлялся. Елена посмотрела вверх, где стояли члены ее команды. Кивком головы она скомандовала: «Вниз!». Санитары и врачи бегом ворвались в операционную.

Уходя из операционной, Данилевский бросил последний взгляд на Кроберг. Он не верил тому, что видел, не мог поверить, что молча согласился с ее планом. Но Елена не заметила этого, она командовала людьми, напоминая им о том, как именно нужно сделать разрезы, чтобы руки и ноги подошли для ее мальчика. Она взяла у медсестры данные о состоянии органов. Данилевский направлялся к себе в кабинет, когда Кроберг отдала приказ об извлечении органов. У девочки она взяла легкие, почки и руки; у мальчика желудок, печень и ноги.

Кроберг открыла глаза. Перед ней стоял Мамонтов. Он тряс ее за плечо, улыбаясь тому, что великая и стойкая профессорша уснула-таки по дороге. Мамонтова это сильно позабавило, учитывая все то количество раз, когда Елена выговаривала ему за его спячку.

— Мы прибыли, соня, — Мамонтов расплывался в ехидной улыбке.

Кроберг поморгала несколько раз. Яркий свет слепил ее. Она не могла поверить, что заснула. Но лицо Мамонтова было красноречивее любых сомнений. Елена встала из кресла. Санитары с медсестрами крутились возле сохранной капсулы. Рядом с ними находился Мельев. Он стоял у приборной панели капсулы и что-то вводил. Кроберг сжалась, по телу пробежала дрожь. В трейлере стало холоднее. Она посмотрела на Мамонтова.

— Мы в министерских доках, — ответил на немой вопрос начальник охраны, — сейчас уже въезжаем.

Кроберг кивнула. Она подошла к шкафу и вытащила теплое пальто. Трейлер дернулся с места. Елена только заметила, что Мамонтов был уже в теплой синей куртке. В руках у него находился небольшой кейс. Скоро трейлер стал сбавлять ход. Он приближался к ангарам. Кроберг проследовала к сохранной капсуле. Медсестры сообщили о состоянии Каро: все было в порядке, дорогу он перенес хорошо. Встретив взгляд Кроберг, Мельев уже понял, что от него тоже ждут рапорта.

— Всплесков излучения не было. Симбионт по-прежнему в гармоничной коме.

Кроберг провела рукой по прозрачному куполу у изголовья и прошла к заднему выходу. Следом за ней, тяжелыми шагами прошел Мамонтов.

— Вы бы оделись, доктор, — он легонько ударил по плечу Мельева. — Тут не

резервация, околете. В здание мы попадем не скоро, — Мамонтов встал рядом с Кроберг.

Мельев увидел, что санитары и медсестры вытащили из своих личных шкафов теплую верхнюю одежду. Сергей быстро подошел к своему шкафу. Раздался глухой металлический стук у задних дверей. Яркая вспышка света ослепила Мельева. Холодные плети воздуха ворвались внутрь. Сергей спешно накидывал теплое пальто. Лютый холод цеплялся за кожу острыми крючками. Мельеву не терпелось поскорее выйти наружу. Мысленно он корил себя за нерасторопность, а мог бы уже стоять рядом с Кроберг у дверей грузовика. Сейчас пробраться ближе к выходу уже не представлялось возможным. Санитары отсоединяли капсулу. Медсестры возились с чемоданами. Двери полностью открылись. Из корпуса трейлера спустился пологий трап. Снаружи стояли трое. Мельеву было плохо их видно. Они были в белых куртках. Возглавлявший тройку встречавших громко поприветствовал спускающуюся Кроберг. Это был мужчина среднего роста. Несмотря на радостный тон, в голосе слышалась сила, противостоящая воющему ветру. Впрочем, телу выдержки явно не хватало. Под ударами морозных плетей он ежился и вжимал голову в плечи. Что выглядело очень забавно из-за весьма крупной меховой шапки.

Кроберг и Мамонтов приветствовали встречающих, уделив особое внимание человеку в меховой шапке. У них завязался разговор. Судя по движениям Кроберг, она была довольна встрече. Вскоре к ним подошел еще один крупного телосложения мужчина, одетый в черную теплую куртку и с теплой шапкой на голове, едва прикрывающей уши. Мельев подходил ближе. Санитары поставили сохранную капсулу на колеса и медленно выкатывали ее. Сергей заметил, что Кроберг почти никак не реагирует на подошедшего мужчину. Она даже не поздоровалась с ним. Мамонтов же напротив сканирующе смотрел на гостя.

Мельев спустился следом за капсулой. Холодный ветер безжалостно хлестал по щекам. Сергей, подумав о своей шляпе, забытой в ящике, наткнулся на тяжелый взгляд человека в черной куртке. Впрочем, она бы ему здесь не помогла. Кроберг скомандовала санитарам направляться внутрь ангара. Мужчина в меховой шапке приглашал Елену и Мамонтова пройти до ангара рядом с ним. Следом за ними пошли все остальные. Сергей осмотрелся. Вокруг трейлера стояло оцепление из солдат. Все они были в синевато-белых куртках и защитных масках. Мужчина в черной куртке шел аккуратно за спиной Кроберг, рядом с Мельевым. Это был капитан ФСБ Бобров. Он поздоровался с Сергеем, крепко пожав ему руку. Мельев не знал, как ему вести себя. Капитан чувствовал нависшую куполом нервозность. Он широко улыбнулся и непринужденно завел беседу с Сергеем о космопорте.

Мельев посмотрел вверх. Он поймал себя на мысли, что совершенно забыл окинуть взглядом комплекс порта. Но было уже поздно. Они зашли под козырек ангара и перед Сергеем предстал черный с белыми линиями шаттл. От неожиданности Сергей замер. Большой исполин издавал приятный гул. Вокруг него черными муравьями сновал персонал порта. С левого борта был подан высокий трап с лифтом. Справа, по транспортной ленте в шаттл грузились ящики и контейнеры. Санитары, сопровождающие сохранную капсулу, погрузились в лифт и стали подниматься вверх. Бобров все это время, не без интереса, наблюдал за пораженным Мельевым. Но вскоре капитан заметил необычную фигуру, показавшуюся у бокового входа в ангар. Кроберг и Мамонтов переглянулись, они увидели, как высокий человек в плотном длинном пальто цвета синей стали и фуражке спускается по лестнице вниз и направляется к ним.

— Меня уведомили, что погрузка пройдет в прежнем режиме, — Кроберг недовольно смотрела на распорядителя министерских доков, того кто был в большой меховой шапке.

— Я не успел сообщить, — распорядитель попытался казаться как можно спокойным, — с вами, профессор, хочет встретиться адъютант командующего космическим флотом. Все произошло в последний момент.

— Как это удобно — сужать поле для маневра, — тихо процедил Мамонтов.

— И посылать таких красавцев, — хмыкнула профессорша.

— Птичка выпорхнула из клетки? — проскрипел Мамонтов.

Елена в отместку наступила на ботинок начальника охраны.

Офицер довольно быстро подошел. Он был статен и держал осанку.

— Адъютант адмирала Савла Антонов, — офицер приложил правую руку к фуражке. Кроберг улыбнулась. Она вдохнула поток воздуха, дошедший от офицера. «Какой интересный аромат», — пронеслось мельком в ее голове. Это был не вычурный запах ярких мужских духов, а холодный аромат зрелого мужчины с нотками ухаживания за собой. Чистая бритая кожа, идеально подстриженные волосы, выглядывающие ровной линией из-под фуражки. Адъютант не красовался, но держал себя монолитным стрижнем, с серьезными, немного угловатыми, чертами лица. Кроберг в тайне хотела, чтобы на его лице появился хоть намек на улыбку, когда он еще раз посмотрит на нее. Но офицер был стойким.

— Чем обязаны интересу со стороны космических войск? — голос Мамонтова был с нотами недоверия.

— Министр Терен напрямую обратился к командующему флотом об оказании дополнительных мер безопасности, — адъютант посмотрел на капитана ФСБ.

— Поэтому нас решили встретить оцеплением? — улыбнулась Кроберг.

— Нет, мадам, — Кроберг смутило такое обращение, — к оцеплению мы не имеем никакого отношения.

— Это я распорядился, — раздался голос Боброва с задних рядов. Кроберг на четверте повернула голову, но не взглянула на капитана. Она устремила все свое внимание на адъютанта, ласкающего не только взор, но и слух.

— Адмирал выслушал министра Терена, однако решение о сопровождении шаттла нашими истребителями и пехотинцами на борту будет принято после моего отчета.

— Вот как? — Кроберг вздернула брови. — Я бы с удовольствием побеседовала с вами, адъютант, но на темы далекие от науки и военных, — офицер слегка помялся. — Мне не нужно сопровождение. Можете передать своему адмиралу, чтобы не беспокоился.

— Но это личная просьба министра.

— И вы здесь на посылках ее выполняете. Если адмирал — командующий космическими войсками желает ее удовлетворить, то к чему беседы? Просто удовлетворите ее, — Кроберг взяла под руку Мамонтова и готовилась уйти. — Мы всегда летали без военных. К чему вдруг предосторожности? Если существует реальная угроза, то вас, наверное, здесь бы не было, как и этого разговора. Однако я вижу вас, вы — меня. Так уж ли было необходимо забивать голову Терену мыслями о безопасности нашего перелета?

— Очевидно было. Не только я являюсь вашим гостем, — адъютант кивнул в сторону фсбэшника. — И думаю, внимание со стороны друзей министра Терена никогда не помешает.

— Это лишь нестандартная ситуация стандартной процедуры обеспечения охраны объекта, — мило улыбнулась Елена. — Вы вечно бороздите звездную пыль и не знаете о происшествиях на Земле грешников.

— Почему же? Адмирал внимательно следит...

— За нами? — недовольно влез Мамонтов.

— За событиями, — медленно добавил Антонов. — Именно поэтому адмирал не был против личной просьбы министра.

Елена осеклась, недовольно посмотрев на начальника охраны.

— Личной просьбы, личной беседы, — Елена свела брови, но импланты красоты успешно скрывали морщинки на лбу. — Слишком много личного во всем этом.

— Кому как ни вам об этом говорить, — парировал адъютант.

— Каждый стоит на своем, а я на своем. Я осведомлена о проводимых военными учеными исследованиях, как и о запросах в министерство.

— Разве все ученые играют не в одну игру, предложенную Министерством?

— Игра одна. Форя у всех разная. Поэтому я повторяюсь, что сопровождение нам не нужно.

— Думаю это решать не нам, — отмахнулся адъютант.

— Но почему-то именно я решаю: быть эскорту на борту или нет, — Кроберг сверкнула глазками и довольная направилась к шаттлу.

Распорядитель порта нервно кивнул адъютанту, извинился, и побежал догонять профессоршу. Бобров улыбнулся каким-то своим мыслям и тоже направился к трапу. Антонов сложил руки за спину и проводил процессию тяжелым взглядом. Но в нем не было досады, как того хотелось думать Кроберг. Пусть ученую мадам опьяняет чувство победного завершения разговора со служивым какого-то адмирала. Таким женщинам всегда хочется быть сверху. Антонов сдержал улыбку, провожая взглядом Кроберг и Мамонтова.

Поднимаясь на лифте, Елена смотрела на адъютанта пожирающим взглядом. Ей хотелось запомнить эту высокую фигуру, крепко стоящую под порывами ветра. Ах, как жаль, что она не могла прочесть мыслей этого молодого офицера. И если бы не соглядатай ФСБ она бы распустила язычок с адъютантиком. Но Бобров был тут как тут. Он не спеша подошел к лифту вместе с Мельевым. Елена сморщила лоб и, резко отдернув руку от Мамонтова, вошла в шаттл.

Она проследовала в медицинский отсек, который каждый раз оборудовали для перевозки Каро. Санитары сообщили об успешном подключении сохранной капсулы к системам жизнеобеспечения отсека. Медсестры уже разложили чемоданы по полкам и сообщили о состоянии Каро. Кроберг внимательно осмотрела отсек. Вскоре к ней подошел распорядитель доков и капитан шаттла. К началу разговора подоспел Бобров, из-за чего Кроберг захотелось прочистить горло. Для нее он был подобен кому, который так и хотелось вытащить щипцами. Капитан сообщил о готовности шаттла. Как и всегда отсек будет задраен и изолирован так, чтобы все перегрузки для пациента были идеальны. Бобров едва заметно прищурился. Мамонтов следил за его реакцией. Санитары и медсестры попрощались с Кроберг и начальником охраны и направились к выходу.

Сергей стоял у бортиков трапа и разглядывал обшивку шаттла. Его плавные изгибы, уходящие далеко вперед, синеватая верхушка. И огромные буквы имени шаттла: «Наследник-С». Мельев поднес руку к корпусу. Он ощущал, как он поверхности исходит какое-то излучение. Из проема двери появилась Мария. Она кокетливо улыбнулась, схватила его за руку и пожелала мягкого полета. Нежным голоском медсестра посоветовала ничего не есть и не пить, так как это его первый полет. Сергей улыбнулся и кивнул головой. Лифт направился вниз. Изнутри раздался громкий голос Кроберг, зовущий Сергея по имени. Мельев смазал улыбку с лица и поспешил внутрь.

— Вот и доктор Мельев, он специалист по волновым излучениям. Они входят в нашу работу над объектом, — Кроберг говорила быстро, желая поскорее отделаться от фсбэшника. — Начальник охраны с нами не летит. На станции достаточно защитников. Вы можете осмотреть корабль и убедиться, что на его борту нет террористов. У вас все ко мне?

— Да, пожалуй, — Бобров улыбнулся. Он обратился к капитану шаттла с просьбой провести его по отсекам корабля. Через минуту они скрылись из виду.

Кроберг проводила их сверлящим взглядом

— Что ты стоишь? — прикрикнула она на Мельева. — Каро там! — она указала на отсек. Сергей дернулся с места и поспешил интегрировать программу в охранную систему шаттла. Уже через секунду Кроберг посмотрела в коридор: никого не было кроме пилотов, готовящих шаттл к полету. Елена выдохнула.

— Успокойся, — произнес Мамонтов. — Он тут просто для галочки.

— Раньше этой галочки не было! — отбила подачу Кроберг и, шипя мыслями, проследовала в салон, где к ней подошел один из пилотов шаттла.

Он попросил снять верхнюю одежду и переодеться в защитный костюм. Пилот показал как пройти в специальную комнату, где она сможет уединиться. Кроберг выдавила из себя благодарную улыбку. Она постоянно летала с этой командой пилотов и уже приучила их не реагировать на ее эмоциональные выпады. Убедившись, что разгневанная Кроберг вошла в нужную дверь, пилот проследовал к входному коридору, где стоял Мамонтов.

— Я могу что-нибудь для вас сделать?

— Нет, эта поездка меня уже достала. Удачи, — Мамонтов хлопнул по плечу пилота и направился к выходу.

Через полчаса Бобров закончил с осмотром и тоже покинул шаттл. Все было готово. Мельев облачился в защитный костюм, под которым находился стандартный полюсный комбинезон. Пилоты провели инструктаж с Мельевым и на всякий случай вкололи ему успокоитель. После чего он занял свое место в кресле в следующем ряду. Сергей чувствовал, как вокруг Кроберг заряжается воздух и не решился о чем-либо спрашивать. Кроберг сидела с закрытыми глазами. Она попросила пилотов дать ей снотворное, чтобы многочасовой перелет превратился в секунды. Мельев же решил отказаться. Как и подобает новичку, он желал прочувствовать свой первый в жизни полет в космос.

Шаттл начал движение. Техника выводила его на взлетную полосу. Через пятнадцать минут он уже стремительно набирал скорость. Мельев ликовал. Защитный костюм немного сковывал. Хотя по отзывам космопехотинцев эта версия была одной из лучших. Как пояснили пилоты: «полет абсолютно безопасен, но предосторожность никогда не бывает лишней». Шаттл гудел. Сергея еще никогда так не вжимало в кресло. На его лице сверкала сияющая улыбка: он наконец-то летит в космос. Все вокруг дребезжало. Это было похоже на взлет самолета, только скорость была раза в два стремительней, и уже через десять секунд шаттл оторвался от земли и начал набирать высоту. Дрожь шаттла прекратилась. Лишь приятный уху тихий гул двигателей. На минуту в салоне стало холодно, но пилоты включили отопление. По громкой связи Мельеву еще раз предложили снотворное, напомнив, что полет займет 16 часов. Но Сергей отказался. «Можно ли будет по салону гулять?», — лишь спросил он. Пилоты посмеялись: «Летать можно».

Покинув атмосферу Земли, пилоты неожиданно натолкнулись на не спрогнозированное скопление мусора. Чтобы обогнуть его без угрозы для обшивки, пришлось потратить лишних

два часа. Но даже эта вынужденная задержка, почти никак не отразилась на настроении пилотов и Сергея. Как только невесомость подхватила его, он отцепил привязные ремни и с нескрываемым восторгом промчался между рядами кресел в сторону кабины пилотов. Пилоты не возражали. Редко им попадались такие веселые пассажиры. Да и Мельев с искренним благоговением расспрашивал офицеров о разных мелочах. Рутинка отошла на второй план и военные летчики раскрылись навстречу добродушности Сергея, который удивлялся если не всему, то многому. Он многое знал о технологиях, применяемых в космическом флоте, но видеть это своими глазами оказалось просто восхитительным. Ему не терпелось ощутить действие полюсных нитей магнетиков, которыми был пронизан его темно-синий комбинезон, ставший неким подобием второй кожи. Он абсолютно не сковывал движений и практически не ощущался. По заверениям пилотов вскоре он совсем забудет о нем, так как коже очень хорошо дышится через материал. Но все же трудности с ним возникнут. Точнее с тем, что тело, не привыкшее к магнитной полярности, будет чувствовать себя некомфортно. Это, как если бы к телу привязали веревки и кто-то пытался тянуть за них в разные стороны.

Искусственная гравитация когда-то была большой проблемой для космических путешествий. Когда вокруг тебя все парит, да и сам ты подвешен как пылинка в воздухе — далеко от земли не улетишь. Безопасность и комфортное восприятие среды — два слона, на которых стояли исследователи многих стран, разыскивая возможность создания искусственной гравитации. Самым перспективным довольно скоро были признаны магнитные ботинки. Хотя прототипы вызывали больше смеха и скепсиса, ученые-энтузиасты не сдавались. Но революция пришла с изобретением полюсного излучения менее 100 лет назад. Оно заключалось в создании особого полярного тока заряженных частиц, который можно было направить в требуемом направлении. В случае с крейсерами и станциями полярный ток был направлен сверху вниз. Очень грубо полюсный ток имитировал магнитное поле массивных космических объектов, создавая вектор притяжения для малых предметов. Именно поэтому полюсный ток стали называть еще и магнитным из-за способа воздействия на частицы. После успеха в создании вектора притяжения осталось дело за малым. Вскоре изобрели магнетик. Эти сверхтонкие нити изготавливались специально для применения в зоне воздействия полюсного тока. Нити вшивались в костюмы, перчатки, предметы обихода и быта — все что предназначалось для космоса имело в наличие нити магнетики. Попадая в поле действия полюсного тока, предмет, пронизанный магнетиками, ориентировался в пространстве, как если бы металл попал в магнитное поле. Только без создания массивных электромагнитов. Воздействие, оказываемое на объект со всех сторон, позволило людям комфортно ощущать себя в вертикальном положении и пользоваться при этом предметами быта.

Мельев сиял ярче солнечных бликов. Разговор с пилотами доставлял удовольствие всем участникам. Военные поразились насколько живым собеседником оказался ученый доктор. Да еще и знающий представление о последнем вооружении поставленном недавно на флагман космического флота «Славный». Сергей похвастался своим братом, работающим в аэрокосмическом институте во Владивостоке. От него он знает, что в последних разработках использовали активное вещество из легендарного темного реактора «Таран». Об использовании его потенциала сильно настаивали китайские военные партнеры. Два военно-космических ведомства бурлили и лишь назначение на пост адмирала космического флота Геора Савла вывели этот вопрос из тупика. Сергей рассказал о том, как проводились

испытания, о которых ему мог рассказать брат и что потенциал у материи темных ядер просто колоссальный.

Разговор прервало сообщение с космической станции. Говорил диспетчер — требовал авторизации. Пилоты сообщили Сергею о том, что они выходят на стыковку. Мельев очень хотел посмотреть как выглядит станция. Один из пилотов открыл для доктора обзорный иллюминатор по левому борту. Сергей затаил дыхание. Шаттл облетал станцию. Она состояла из четырех основных огромных отсеков, представлявших собой кольцевые блоки, соединенные четырьмя цилиндрическими переходами. Самый большой круговой сектор-А был в центре. На нем располагалась основная часть систем жизнеобеспечения, оранжерея, большие лаборатории и отсеки для экипажа станции. Два средних концентрических сектора находились сверху и снизу. Условно верхний лабораторный отсек В находился на высоте чуть больше ста метров от центрального кольца и был предназначен исключительно для биологических испытаний. Между кольцами А и В находились хранилища и оранжереи. И в них содержались и выращивались не только цветы. Отсек С, или нижнее кольцо было исключительно техническим и находилось на расстоянии около 150 метров. Там располагалась диспетчерская, грузовой отсек, казармы охраны и четыре стыковочных рукава. Четвертое кольцо — D, находилось в стороне от центрального кольца на одной высоте. В нем располагались лаборатории, арендованные военным министерством. Сектор D соединялся массивными переходами, идущими как сверху, так и снизу. Каждое из массивных колец обладало своим солнечным оперением. В момент, когда станция полностью раскрывала все панели, она напоминала исполинский белый цветок и ярко светилась на ночном небе.

Технически станция была мирной и не обладала вооружением. На ней даже не везде была проведена модернизация по внедрению пластин с магнетиками. Министерство посчитало не столь необходимым оснащать ими технические переходы и лифтовые шахты. Для поддержания внутренней безопасности на станции расквартирован персонал охраны частного ведомства. Жизнь на станции была неспешной. Дела ученых были строго засекречены и зачастую, живущие в блоке В, могли не знать кто трудится в блоке D. Это происходило не потому, что ученым запрещалось общаться, но из-за их нелюдимости. Очень многие гениальные умы, отбравшиеся сюда для работы, подбирались с тем расчетом, что они не будут страдать от отсутствия общения. Работали все на станции по вахтовому методу. Для некоторых эта вахта не превышала трех месяцев. Для других же она длилась полгода. Жили ученые каждый в своем блоке. Но были у них и общие сборы. Самым главным поводом для этого был День ученого. Для всех сотрудников, в центральном кольце устраивался грандиозный праздник. Однако для непосвященного это больше напоминало съезд умников, хвастающихся своими достижениями. Даже охране было место на этом празднике. Зачастую в этот день коллеги-ученые зло подшучивали друг над другом, но все заканчивалось мирно. Главным на станции был ее управляющий: военный ученый, профессор Ниров Евгений Сергеевич. Ему же подчинялись силовики.

В первых минутах восемнадцатого часа полета, шаттл «Наследник-С» причалил ко второму швартовочному рукаву. У Сергея подступил комок к горлу. Ему не терпелось выйти из шаттла. Кроберг медленно пришла в себя. Она поправила волосы, связав их в крепкий узел. Пока выравнивалось давление, пилоты напомнили сияющему Мельеву о том, что защитный костюм можно снимать. Сергей было подумал что они шутят — ведь полюсный комбинезон так сильно облегал, что он не ощущал себя в нем одетым. Но пилоты стояли на

своём. Защитный костюм должен остаться на шаттле. На станции им выдадут рабочую одежду. Делать было нечего. Сергей подбадривал своего внутреннего первооткрывателя, чтобы тот загасил возникшую вдруг стеснительность. Прием-прием! Ты только что совершил перелет на самую секретную станцию Министерства науки.

Кроберг сидела как ни в чем не бывало в кресле, привязанная ремнями. Она знала, что пилоты забыли упомянуть о важной детали. До открытия шлюзов еще пятнадцать минут и перед выходом они должны будут пройти процедуру обеззараживания, которая отнимет еще пять. «Каро», — вспомнила она, окончательно отойдя ото сна. Она отцепила ремни и активировала магнитные ботинки: на сенсорной перчатке располагались встроенные кнопки управления.

— Хватит рассказывать о жизни на станции, — пробурчала она, проходя мимо двух пилотов и Мельева, — покажите ему, как ходить в комбезе.

Кроберг медленно проследовала в отсек, где находился Каро. Она подлетела к капсуле. Каро едва заметно дышал. Привязные ремни не давали ему парить, удерживая в одном положении. Кроберг посмотрела на показания приборов: немного изменились. Она помнила их все. Ведь они не менялись более семи дней подряд. Елена не стала делать преждевременных выводов. В мыслях она прокрутила самую разумную догадку о влиянии перелета и нажала на кнопку на панели управления. На экране появился датчик Мельева, который он интегрировал на Земле.

— Мельев! — громко позвала она.

Сергей, хватаясь за стены, широкими шагами вошел в отсек.

— Что случилось, профессор?

— Твой прибор в порядке? — она ткнула пальцем в монитор.

На нем хаотично появлялись точки. Они были разрознены и беспорядочно двигались по монитору. Мельев нажал несколько кнопок, переведя прибор в разные режимы. Но точки были на всех, только с разной интенсивностью.

— Странно что-то, — тихо под нос пробурчал Сергей.

Кроберг, хмурясь, посмотрела на молодого доктора. В голове возникла идея о том, что она его задушит, если он окажется глупее здешних безголосых гениев.

— А что там с симбионтом? — рассуждал Мельев. — Хм... в коме. «Мироток» стабильный, но определенно вокруг Каро начало что-то происходить, — Сергей посмотрел на Кроберг. — Прибор фиксирует новое излучение. Определенно это не наш симбионт, в смысле не симбионт Каро. Мне не хватает данных. Прибор фиксирует излучение лишь от объекта... от Каро. Мне нужны датчики не только на капсуле, но и по всему отсеку, в который поместят его. Тогда я смогу точно сказать, что это такое. Сейчас мне не хватает данных.

— Будут тебе повсюду датчики, — Кроберг стремительно вышла из отсека: ей нужно было еще снять с себя защитный костюм.

Как и предполагала Кроберг, стыковочный отсек распахнул свои двери через двадцать минут. Елену и Сергея встречал начальник стыковочного шлюза.

В шаттл прошли двое санитаров: один из них был ярко рыжий, другой шатен, у обоих идеально прилизанные волосы, чтобы не трепыхались. Оба высокие, шатен явно следил за своей фигурой. Тогда как медноголовый был доволен имеющимся крепким торсом. Они были в серых, плотно прилегающих, костюмах и направлялись в отсек с сохранной капсулой. Сергея немного качало. Он не мог привыкнуть, что его тянет то в одну, то в другую сторону.

— В первый раз? — догадался главный по шлюзу. Мельев кивнул.

Кроберг распорядилась, чтобы Каро немедленно доставили в изоляционный отсек. Мельеву она приказала сопровождать капсулу и как можно быстрее настроить датчики отсека для улавливания излучений. Сама же она собиралась к управляющей станции. Она хотела убедить его в интеграции подпрограммы Мельева в общую систему станции. Однако сама она в это верила с трудом. Кроберг зашла в один из четырех лифтов. Сергей дождался, когда санитары вывезут капсулу и последовал рядом с ней, держась за нее правой рукой.

— Расслабься, приятель, — произнес санитар с медными волосами, толкавший капсулу сзади. Сергей обернулся. — Весь секрет в том, чтобы расслабиться. Прекрати контролировать мышцы. — Сергей расправил плечи. Ему очень хотелось расслабиться, но как только он делал это, его вело в сторону. Санитар смеялся. — Не бойся ты, никуда ты не упадешь, — они остановились возле лифта. Санитар подошел к Сергею. — Давай, расслабься, — он держал руки у плеч Сергея. Одной ногой он поправил его ноги, так чтобы они стояли уверенно твердо. — Ну? — командовал санитар. Мельев решил подавить в себе стеснение и начал расслабляться. Он расправил плечи, отпустил мышцы рук и ног. Его немного повело влево. Санитар отвел левую руку, потом легонько дотронулся пальцем плеча, давая почувствовать рамки. И тело начало искать баланс. Сергею казалось, что он резко отклоняется направо. Он немного сжал плечи. — Расслабь, — санитар положил ладони на лопатки и шею Сергея, словно делая массаж. Двери лифта открылись. — Ступай и почувствуй мои ладони, — напарник рыжего неодобрительно посмотрел на коллегу — ему одному пришлось завозить в лифт капсулу. Мельеву было неловко ощущать горячие ладони санитара на спине, но желание поскорее справиться с костюмом было сильнее, и он повиновался. В лифт он зашел почти не шатаясь. Санитар незаметно убрал руки от спины, но говорил так, будто держит их. Рыжий успел помочь напарнику завести капсулу, после чего нажал на кнопку. — Ну как? Держишься? — Сергей понял, что голос санитара доносится с боку, а рук его он давно не чувствует. Мельев обернулся. Его почти не шатало. Во всяком случае это было не так заметно. — Антон, — представился рыжий. На его лице сияла добрая улыбка.

— Сергей, — он чувствовал, как горят щеки, что заставило улыбку Антона светиться.

Раздался сигнал капсулы. Мельев подошел к панели. Через секунду звуковое предупреждение повторилось. Сергей нажимал на кнопки. Он морщил лоб, пытаясь разобраться в показаниях. Тревожный сигнал повторился.

— Что случилось? — поинтересовался Антон.

— Не пойму. Какая-то ошибка, наверное, падает уровень кислорода...

Рыжий подошел к панели. Он потеснил Мельева. Быстро нажал на некоторые кнопки. На экране появилось больше данных.

— Он задыхается! — подтвердил санитар.

Сигнал капсулы звучал быстрее.

— Дыхательные пути...

— Нет, в капсуле недостаточно кислорода! — перебил Антон.

— Почему? — второй санитар переполошился. — Что-то с капсулой? Может повреждена? — сделал он предположение?

— Не знаю! — рыжий запустил процесс быстрого сканирования. Через несколько секунд самодиагностика капсулы завершилась. — Все в порядке. Воздух поступает, но датчики показывают, что его внутри почти нет. Капсула тревожно звенела, издавая

бесконечное количество сигналов. Мельев смотрел на Каро через прозрачный купол. Тело объекта резко дергалось, но ремни сдерживали конвульсии. Стараясь не мешать санитарам Сергей вбил несколько команд в свой прибор — данные свидетельствовали о коме симбионта.

— Может, откроем капсулу? — предложил Сергей.

— Нельзя, — резко возразил Антон. — Протокол безопасности запрещает. Он не прошел обеззараживание, и кто знает, может у него под повязками сочится кровь.

— Сколько еще ехать? — Мельев смотрел на дергавшегося Каро.

Но рыжий не ответил. Он подошел к панели связи и вызвал дежурную бригаду блока А. Он быстро обрисовал ситуацию, и сообщил, что через два уровня остановит второй лифт на первом этаже блока и что необходимо поднести кислородные баллоны. За это время они должны подготовить изоляционный отсек, для того, чтобы там открыть капсулу. Прозрачный саркофаг продолжал надрывно пищать. Цифры на маленьком экране над дверью лифта не спеша менялись. Мельев смотрел на Каро. Его тело хотело вырваться из тесных объятий ремней. Некоторые замки сильно расшатались и вот-вот грозили расцепиться. Сергей посмотрел на цифры сверху. Уже почти, уже почти приехали! Раздался глухой стук по стеклу. Но лишь Сергей увидел, как рука Каро раскрытой ладонью уперлась в прозрачный купол капсулы. Раздался сигнал открытия дверей. У выхода их ждали трое санитаров с кислородными баллонами.

— Какой отсек? — спросил рыжий. Ему ответили: А27. — Черт, далеко. Подключайте баллоны на ходу. Положите их на нижние полки. Берите шланги, подключайте!

Сергей бежал следом. Он смотрел на капсулу. В голове проносились мысли: «Показалось или нет, показалось или...». И снова рука — ладонь. Каро еще раз ударил по стеклу. Мельев смотрел по сторонам. На дверях следовали номера: А16, А17... еще так далеко. Один баллон подключили. В капсулу начал поступать кислород. Но этого не хватало. Звуковой сигнал изливался из скрытых динамиков, отражаясь от холодных серых стен коридора. Вскоре подключили второй баллон. Санитары почти довели капсулу до отсека. За поворотом показались бегущие медсестры. Одна из них, завидев приближающихся санитаров с сохранной капсулой, растерянно запричитала: «Еще не готов, еще ничего не готово!». Но рыжий оттолкнул ее, и санитары вбежали внутрь.

— Все наружу, — скомандовал Антон.

Он нажал несколько кнопок на панели и запустил автоматическое раскрытие купола капсулы. Санитары и медсестры выбежали из отсека. Антон захлопнул дверь и ввел на приборной доске код изоляции отсека. Периметр двери окрасился в ровный оранжевый цвет.

— Как мы узнаем, что он выжил? — спросил Мельев.

Антон искал ответ. Но к капсуле не успели подключить ни одних из приборов.

— К охране надо идти, — произнес шатен.

Они устремились в ту сторону откуда пришли. В большом холле, аккуратно напротив лифтов, за прозрачными стеклами, располагался пост охраны сектора. Вдоль них располагался большой пульт управления с широкими мониторами чуть выше. Появление взбудораженного Антона и неизвестного новичка, которому плохо давались резкие движения, немало удивило старшего по смене. Он сидел за пультом и пытался уловить смысл в сумбуре льющей речи лаборанта и Мельева. И, не обладая терпением, он в конце концов выставил вперед ладонь, призывая взволнованных мужей утихомириться. И стоило внезапной тишине воцариться в помещении, как Антон увидел на мониторе изображение,

окрашенное оранжевой рамкой. Заметив остановившийся взгляд санитара, Мельев обратил внимание на то, что несколько охранников все это время пристально смотрели на тот же монитор. Оранжевая рамка периодически мигала, извещая об изоляции отсека, из которого передавалось изображение, а в углу экрана значилось — отсек А27.

Глава 14. Столкновение

В коридоре раздавался звук босых шагов. Нечастые, тяжелые шлепки отражались от стен. Каро медленно брел по холодному полу. На нем были белые широкие штаны и рубашка с длинными рукавами. Бинты были сняты. Бледное лицо было перетянато фиолетово-синими шрамами. Впалые глаза уставлены вперед. Большие синяки под ними спускались до щек. Вместо губ тонкие темно-синие сомкнутые полоски. Уши от мочек до середины срослись с головой, больше похожей на разбитый сосуд, стянутый кожей. Несколько костных пластин заметно приподнялись и несильно торчали в стороны. Тонким, впалым от худобы носом он глубоко вдыхал воздух и медленно выдыхал. Тонкие серовато-белые пальцы выдавали истощенные руки и ноги. Длинные ногти на ногах касались пола. На руках они были сильно изогнуты и деформированы. Каро едва заметно пошатывался и был больше похож на высохший сучок, который вот-вот упадет под напором воздуха.

Позади, метрах в десяти, следом за Каро шел Мельев. В одной руке он держал прибор профессора Кема, который уже уверенно называл своим из-за модификаций, добавленных в него. В другой руке — штатный регистратор из лаборатории. Сергей смотрел на приборы и поглядывал вперед, сохраняя дистанцию. По комлинку, закрепленному на голове, Мельев переговаривался с санитаром. Это был рыжий Антон. Он шел впереди Каро и держался примерно на том же расстоянии в десять метров. В руках санитара был лабораторный прибор, в который Сергей интегрировал программу анализа нановолн. Но, по сравнению с модифицированным прибором профессора Кема, он работал неточно. Мельев хотел понять странное поведение нового наноизлучения, которое он уловил еще в шаттле, когда они прибыли. Управляющий станцией запретил интегрировать программу в общую систему, и таким пешим способом Мельев пытался понять, как двигаются новые волны. Кроберг разрешила Каро небольшую прогулку по коридору блока В, куда его перевезли. Сергей заверил ее, что симбиот не проявляет агрессивной активности и что от Каро не исходит никаких наноизлучений. Лишь стандартный набор биологических импульсов центральной нервной системы. Для Кроберг этого было достаточно. Мельев был очень рад выйти из лабораторного отсека и пройтись. Находиться внутри, рядом с Каро, ему было не по себе. Его кидало то в жар, то в холод. Сергей постоянно смотрел на прибор и понимал, что мотыляет его из-за страха, а не из-за нановолн. В помощь Сергею вызвался Антон. Мельев был рад ему, но сдержал бурные эмоции. Так они прогуливались уже около часа.

Каро двигался с постоянной скоростью, словно робот запрограммированный лишь медленно передвигать ногами. Мутный стеклянный взгляд, рассеянно смотрящий куда-то вдаль. До миллиметра повторяющиеся движения, с наклоном головы влево и ровным дыханием. Все подчинялось внутреннему заторможенному ритму. Он даже моргал раз в несколько минут. Но Мельев не думал об этом. Его волновали новые волны. Он грезил очередным открытием, желая утвердить себя в качестве гениального ученого в глазах старцев из лаборатории Деревни. По прошествии часа, данных для сравнения было достаточно. Они были идентичны тем, что были получены в лаборатории, в которой недавно Сергей был наедине с Каро. У неизвестных частиц был одинаковый почерк: они двигались с одинаковой скоростью и уловить их можно было лишь рядом с Каро. Чем дальше от объекта находился прибор, тем менее четкими были получаемые данные.

Комлинк у Мельева на голове издал несколько щелчков, после чего в ухе раздался безэмоциональный голос Кроберг: «Ну как он?».

— Гуляем, — пожал плечами Сергей. — Состояние такое же.

— Понятно, нужно приступать к испытаниям...

— Профессор, — перебил Мельев. — Он опять остановился.

— Ты на поясной рации?

— Комлинк в ухе, — уточнил Сергей.

Кроберг молчала почти минуту. Каро не двигался.

— Стоит? — спросила спустя время она.

— Да. Уверен, что он слышит ваш голос. Как и в прошлый раз.

— Сколько еще тебе нужно времени?

— Вообще-то я уже закончил. Данных достаточно, нужно их проанализировать.

— Хорошо. Я спущусь сейчас.

Сергей опасливо смотрел на Каро. Тот по-прежнему стоял. Кроберг уже отключилась, но Каро как будто замер в ожидании продолжения разговора.

— Ну что там? — раздался голос Антона по другому каналу.

Сергей очнулся от раздумий.

— Кроберг заберет его. Они хотят начать испытания.

— Хорошая новость, — не скрывая радости, поделился рыжий. — А то ходим как няньки.

— Не няньки, — резко возразил Сергей. — Мы проводим эксперимент.

— Как этот чудила гуляет по коридору.

— Ты же сам вызвался...

— Я полагал, что мы займемся чем-нибудь поинтереснее.

Сергей улыбнулся мечтательно, обводя взглядом коридор. Позади него никого не было. Ну конечно, разве кто-нибудь осмелится показаться пока объект шлепает босыми ногами, как приведение.

— Вот тут ты просчитался, — игриво заметил Мельев. — Я здесь, чтобы наблюдать за объектом. И скоро я совершу очередное...

— Вот черт, — недовольно выпалил Антон.

— Что такое?!

— Опять кровь носом пошла.

Мельев посмотрел на прибор. Он быстро переключил каналы, посмотрел на другой. Все было, как и прежде, — никаких колебаний.

— У меня последнее время часто бежит кровь, — вновь раздался голос Антона. — Знаешь, что я тебе скажу? Мне, в общем-то, не особо хочется участвовать в этих испытаниях.

— Ты уж определись...

— Да нет, ты не понял. То, что мы делаем сейчас, это действительно пустяки. То, что будет дальше. Я от прошлого года не могу отойти.

— Что все так страшно?

— А у вас в резервации разве не так? — скептически спросил Антон.

— Ну, если честно, я даже не знаю. Я же никогда не присутствовал в операционной. Мы с профессором всегда в своей лаборатории сидели. Считывали данные.

— Белоручка значит.

— Наверное и так можно сказать.

— А я вот его видел, когда он на операционном столе лежал со вскрытой грудной клеткой. Ему пересаживали часть органов, выращенных здесь.

— Картина, наверное, не очень?

— Собственно, в раскрытой грудной клетке нет ничего страшного. Делают же операции на сердце, в конце концов. Но они как будто специально испытывают его на прочность. И сейчас, когда я вижу его через год. Он... — рыжий внезапно смолк.

Антон смотрел на лицо Каро. На его худые ступни, одна крупнее другой.

— Что он? — интересовался Сергей.

— Как ты попал в резервацию? — Антон словно и не заметил вопроса.

— При чем тут это?

— Да так... Резервация, во всяком случае то, что я слышал и видел здесь, достаточно тяжелое место. А ты вот весь такой...

— Какой «такой»?

— Белоручка ты, — звуки в комлинке выдали негромкий смешок рыжего.

— Я — профессионал, — не зная, что еще сказать, выдал Сергей.

— Так ты себя утешаешь? — уколол Антон.

— Говорю, как есть, — Сергей не распознал сарказма.

— Везет тебе...

— Я люблю свою работу и делаю ее достойно...

— Черт! — вскрикнул Антон.

Сергей посмотрел вперед. Каро пропал из поля видимости. Мельев дернулся с места и побежал вперед.

Каро стоял далеко впереди, рядом с Антоном. Рыжий, как ошпаренный, отпрыгнул от него и вжался в стену. Мельев подбежал к ним и медленно обошел Каро.

— Каро, это я — Сергей, не бойся меня. Я друг, — проговорил он, после чего подошел к дрожащему Антону. — Он что-то сделал?

— Да в общем-то... — усмехался рыжий, пытаясь совладать с дрожью во всем теле, — ... так незаметно и тихо подкрался.

— Я тоже отвлекся и не заметил.

— Он специально?

— Не думаю, — Мельев снова уткнулся в приборы. — Все говорит о том, что сейчас он ни на что специальное не способен.

В коридоре послышался голос Кроберг. Судя по всему, она общалась с кем-то по комлинку, но быстро завершила беседу, выйдя прямо на крестника. Было слышно, как она жадно глотает воздух. Подойдя ближе, Елена заметила испуг на лице Антона и озабоченность Мельева.

— Все в порядке здесь? — сдерживая учащенное дыхание поинтересовалась она.

Те лишь утвердительно закивали.

— Я пошла с верной стороны, это замечательно, а то пришлось бы долго обходить с обратной, — Елена прислушалась, слегка наклонила голову к Каро. — Пошли, дорогой.

Казалось, будто Каро не понимал того что она сказала ему. Он стоял недвижим, не подавая никаких признаков понимания обращения к нему. Кроберг терпеливо ждала. В отличие от наблюдавших за ней Мельева и Антона она знала Каро. Нужно было лишь подождать. Так и произошло, Каро медленно сделал шаг; перенес вес тела на ногу — второй шаг. Елена медленно шла рядом. Ей хотелось обнять его, но она боялась того, что может

последовать. Профессорша кинула начальствующий взгляд на Мельева. Он понял, что она ждет от него выводов по излучению. Каро и Кроберг медленно зашагали по направлению к холлу, откуда пришла Елена. Там им предстояло сесть на лифт и подняться на третий уровень блока В, где и должны были пройти намеченные испытания.

В отличие от лаборатории в резервации, у Кроберг здесь было строго ограниченное время. Стандартного разрешения в тридцать дней пребывания на станции всегда хватало. Но в этот раз в ее мыслях было много сомнений. Елена опасалась, что ей не хватит месячного срока. Перерождение иммунной системы не предполагалось проводить с опасением на попытку самоубийства кого-то на станции. Елена шла по коридору, внимательно вслушиваясь в глубокое и спокойное дыхание Каро. Ближе к холлу на пути чаще попадались на глаза санитары и врачи. Завидев Кроберг с бледным призраком, они резко останавливались, разворачивались и скрывались из виду. Елена презренно смотрела им вслед. Про себя она называла их: «Трусливая мошкара». В этот момент ей очень захотелось очутиться среди своих коллег в Деревне. Она вспоминала о том, что там-то работают действительно злые гении, не боящиеся странного парня в медицинской одежде. Но были между трусливо убегающими, несколько опасных взглядов. Кроберг заметила их за высокими столиками небольшого кафе в холле. Это были старшие исследователи: профессора, врачи разных мастей и званий. Они не отводили взгляда от медленной парочки, наоборот: сканировали глазами Каро, подмечали мельчайшие детали его движения и внешнего состояния. Кроберг пристально посмотрела каждому в глаза. Она слегка поморщилась. Ей вдруг захотелось накрыть Каро, спрятать его от поедających взглядов ученых. До лифта было еще метров десять. Один из ученых, тот что был с небольшой бородой и сияющей лысиной, поймал пристальный взгляд Кроберг. Он в знак приветствия немного наклонил голову. Мужчина был ей знаком, но она никак не могла вспомнить, кто он и где видела его. Елена перебирала в голове всех ученых мужей, стараясь вспомнить его по лысине. Но не находила похожего на него: рост выше среднего, сильные руки, широкая грудь, крупная шея, — в ее памяти не нашлось совпадений. Кроберг отбросила размышления о лысом, подойдя к лифту. Она нажала на кнопку — двери сразу открылись. Елена с облегчением выдохнула. Первым, не спеша, вошел Каро, за ним Кроберг. Она не стала оборачиваться, но затылком чувствовала сверлящий взгляд лысого.

Двери закрылись. Елена нажала на кнопку быстрого подъема. Часы на руке неумолимо твердили об опоздании на двадцать минут. Но Кроберг успокаивала себя тем, что делать выговоры ей здесь некому. Лифт очень быстро открылся на третьем уровне блока В. Людей в небольшом лобби было больше. Персонал, увидев в лифте Кроберг с объектом, приободрился. Сидевшие на диванах и в креслах, тут же вскочили на ноги и направились в лаборатории. Многих из них Кроберг очень хорошо знала. Хотя она успела подметить четыре новых мужских лица. Их Елена не видела прежде. Судя по биркам на их халатах, они были генными инженерами. Кроберг-профессионал с недоверием отнеслась к их присутствию. Она чувствовала, что за ней ходит тень Винбурга. Учитывая его сильный интерес к генной инженерии, Елена предположила, что это он направил их сюда. Кроберг-женщина, напротив, подметила, что все новенькие не старше 45 лет и довольно милостивы на вид и неплохо сложены. У одного из них было даже слишком молодое лицо. Елена посмотрела ему в глаза и увидела его возраст, но идеальная маска лица утверждала, что ему тридцать. И ученые мужи не гнушаются пользоваться услугами клиник красоты. Кроберг на мгновение зажмурила глаза, отгоняя мысли о мужчинах. Она посмотрела на Каро.

«Держись молодцом», — хвалила она его про себя. Осмотрев всех в лобби и удостоверившись, что многие настроены на плодотворную работу, Кроберг медленно свернула в сторону главной вирусологической лаборатории.

Здесь Каро предстояло пройти первое из пяти главных испытаний. Ученые-вирусологи намеревались поочередно ввести в организм самые опасные штаммы бушующих на земле вирусов. В их числе значился гриппон. Главной целью для ученых было наблюдение за тем, как моники излечивают организм. Каждый год повторялось одно и то же. Каро прибывал на станцию, ему делались смертельные инъекции болезней — он успешно противостоял им. Однако из года в год механизм действия иммунной системы отличался. Подобно тому, как мутировали вирусы после применения антибиотиков, изменялся механизм поведения лейкоцитов. В самую первую свою поездку на станцию, Каро был заражен измененной в лабораторных условиях холерой. Ей присвоили созвучное название по имени доктора вирусологии Анастасии Холерианы. Кроберг тогда поддалась возникшему импульсу и вколола ему жизнестойкий и мутировавший штамм болезни. Две недели Каро пролежал, мучаясь от невыносимых болей. Но к исходу третьей семидневки, организм полностью излечился.

Выживаемость от холерианы составляла всего двенадцать процентов. Ее разработали для ведения военных операций по зачистке территорий. Вирус был не жизнестойким на воздухе и умирал в течение 3 часов. Смерть наступала в течение двадцати часов, стоило вирусу попасть в организм. Идеальное средство для избавления от опасного контингента. Кроме того, холериану использовали для локализации эпидемий. Вирус намеренно распространялся среди безнадежно больных. Тяжелые симптомы лишали жертв какой-либо возможности для передвижения. В свое время профессор Данилевский назвал этот способ уродливым и мерзким, однако признавал, что иногда приходится идти на невыносимые жертвы. Официально холериану применяли лишь трижды. Все случаи за пределами России. Когда же Кроберг решила испытать иммунную систему юного Каро, уже тогда демонстрирующую крайнюю агрессивность, ученые неожиданно получили противовирусное средство от холерианы. Открытие было неожиданным, учитывая, что до того дня не существовало способа вылечить человека от холерианы и смерть неминуемо забирала его. Однако дальше определенного круга лиц, эта информация не пошла. Ее причислили к федеральной тайне.

После того случая, вирусные испытания над Каро уже были чем-то естественным. С каждым годом его иммунитет становился крепче. Некоторые вводимые болезни организм Каро вообще не воспринимал. Штаммы умирали внутри него через час-два. Среди вирусологов даже возникло шутливое выражение: «Удиви Каро». Но если вирусные испытания в большинстве своем были рядовыми и галочными, то среди них были и те, которые наносили Каро очень серьезный вред. Одним из них был гриппон. Этот агрессивный вирус был несовместим с «белой язвой». Они взаимно исключали существование друг друга. Об этом знали еще до того, когда впервые ввели штамм гриппона в кровь Каро. В этом случае Кроберг была крайне осторожна. Вирусологи, как могли, ослабили штамм. Это и спасло его в тот раз. Ученые пристально наблюдали за тем, как организм борется. В какой-то момент стал вопрос о прекращении мук и отключении Каро от поддержания жизни. Единственным кто мешал этому была Кроберг. Она сидела возле кровати крестника в защитном костюме и держала его за руку. Елена никогда не отпускала его и каждый раз, когда кто-то высказывался за отключение Каро, она выстреливала как

огнемет. Каро тогда выкарабкался. И каждый год он делал это. Трюк повторялся. Скорость излечения ускорялась со временем. Ученые прилагали большие усилия чтобы всячески модифицировать гриппон, имитируя его природные свойства. Он подвергался прямому космическому излучению. В открытых хранилищах в космосе находились тысячи мутировавших штаммов, существующих без воздуха, в экстремальных условиях. Каро справлялся со всеми. Но, несмотря на успехи в излечении Каро, ученых не радовали практические результаты. Они намеревались с его помощью получить лекарство, как это происходило с холерией и другими болезнями. Но в случае с гриппоном, воспроизвести механизм лечения без моний не удавалось. Было очевидно, что чистые монии Каро — это ключ к излечению от опасной болезни. Но в их сложной ДНК не мог разобраться даже сверхкомпьютер.

На состоявшейся ранее встрече с Кроберг, управляющий станцией акцентировал ее внимание на том, что впервые Каро прибыл будучи в коме. Следом за ним об этом заявляли и другие ученые. Они разводили руками не понимая, на что рассчитывала Кроберг, привозя на станцию объект в настолько удрученном состоянии. Но Елена жестко и настойчиво гнула палку в сторону продолжения ежегодных испытаний. «Он на грани перерождения иммунной системы! — кричала она в кабинете управляющего Нирова. — Количество АТ-цитов мы увеличили в два раза. Лейкоцитов у него практически не осталось. Я здесь, чтобы их полностью убить». По мнению Кроберг, именно наличие лейкоцитов, последних свидетелей старой иммунной системы, сдерживает перерождение. Елена умела добиваться своей цели. Она всегда могла найти ключевую фразу в споре: «Никто, кроме меня, не несет прямой ответственности за «объект 3», и я буду делать с ним все, что нужно для наилучшего результата!». Ниров отступил. Он лишь желал удостовериться, что Кроберг полностью контролирует ситуацию.

— Я слышал, что в твоей лаборатории погибли два человека, — управляющий не мог не задать этот вопрос. Он желал демонстративно топорным способом, ковырнуть Кроберг: может она что-то скрывает.

— Мои трупы на моей территории, — Кроберг встала со стула. — И это моя проблема, никак не касающаяся тебя.

На той встрече Кроберг так и не сообщила Нирову о том, что у центральной системы Каро имеется непредсказуемый брат-близнец в виде симбионта, состоящий из эгоцитарной цепочки. Внимание Нирова было слишком пристальным. Пугать его еще и тем, что Каро непредсказуем, она не желала.

Кроберг стояла у изголовья Каро. Он лежал на универсальной операционной кровати, которая сама могла уложить пациента и, если необходимо, стать операционным столом. Каро был очень слаб. Когда они вошли в отсек и подошли к кровати, Кроберг не смогла заставить его забраться на нее. Он, не двигаясь, стоял рядом с ней, глядя далеко вперед. Санитары включили кровать в режим укладывания стоячего пациента. Каро нужно было лишь развернуть спиной. Санитары с опаской, один держась пальцами за плечи, другой переставлял ему ноги, повернули Каро. Кроберг во время этого процесса заглянула в глаза крестника, желая понять, почувствовал ли Каро прикосновения санитаров. Но зрачки очень плохо просматривались на потемневшей радужке. Щурясь и вглядываясь, Кроберг решила, что они так и остались неизменно большими.

В отсек вошли два вирусолога в защитных костюмах. Они прицепили страховочные пояса к висящим сверху карабинам. Отсек был снабжен аварийным сбросным механизмом.

Случись какая опасная ситуация, все что было внутри, менее чем за пятнадцать секунд выбрасывалось в космос. Кроберг справилась с желанием погладить Каро по голове и направилась к выходу. Через минуту вышли санитары. Двери задраились, наличники окрасились оранжевым светом — отсек был полностью изолирован. Кроберг прислонилась лбом к двери и закрыла глаза. Она простояла так с минуту. Ей хотелось спать или хотя бы присесть. Услышав сзади шаги, она быстро отошла от отсека и направилась на пост наблюдения. По дороге ей пришла мысль о Мельеве. Он должен был уже проанализировать данные. Но наблюдение за Каро было важнее. Тем более, случись что-то выходящее из ряда вон, Сергей бы уже бежал к ней с прибором в руке.

До поста Кроберг дошла быстро и с удивлением обнаружила там чуть ли не всех ученых блока В. Их было так много, что некоторые даже не стремились попасть внутрь. Они сидели на диванах и в креслах, придвинутых ближе к наблюдательному посту и слушали, как один из мужчин комментирует происходящее. Появление Кроберг почти никто не заметил. Она подошла к раскрытым дверям. Внутри непродохнуться. Пройти было сложно. Уткнувшись в чью-то спину, Кроберг рассвирепела.

— Расступитесь, идиоты! — она ударила под колено впереди стоящего высокого мужчину.

Не ожидая такого подвоха, врач присел, схватив коллегу за руку. Злобный взгляд Кроберг, которая была почти на две головы ниже, он заметил не сразу, но быстро узнал его. Недовольный окрик профессорши услышали и охранники за пультом управления. Они резво встали со своих мест и попросили всех расступиться. Хотя этого уже не требовалось. Персонал коридором из своих тел разошелся перед Кроберг. Стреляя негодующим взглядом, Елена прошла вовнутрь. Охранник пригласил ее сесть на его место. Она хорошо знала систему управления панелью. Все, кто был непосредственно приписан к проводимым исследованиям, наблюдали за происходящим отсюда. Охранники же занимали эти кресла из-за их особой комфортности. Добравшись до мониторов и сев в кресло, Кроберг быстро переключила свое внимание на картинку из изолированного отсека. Елена поморщилась, ей было недостаточно общей картины. Она приказала двум другим охранникам встать со своих мест и вообще выйти из помещения: «Это вам не футбол». На их место она посадила двух врачей-вирусологов, которые должны были выполнять следующий этап испытания. Каждый из них по указке Кроберг следил за своей частью картинки. Елена навела одну из камер на лицо Каро. Ей хотелось видеть изменения. Неожиданно толпа наблюдавших ученых охнула: Каро достаточно сильно дернулся. Кроберг тут же посмотрела на глаза. Но зрачки было видно не четко. Нажав на кнопку связи с отсеком:

— Что случилось? Почему он дернулся?

— Пришлось сделать надрез в паху. У него там уже нет кожи, — вирусолог, сделавший надрез, посмотрел на одну из камер на потолке. Кроберг помнила, что область кожи в паху была единственной, где еще не появились плотные белые образования.

— Раньше он достаточно спокойно реагировал на разрезы, — уточняла Кроберг. — Проверьте параметры чувствительности. Что ЦНС?

Вирусолог смотрел на приборы.

— Все в пределах нормы. Небольшой скачок, видимо от пореза.

Кроберг отвела в сторону голову и передала через наблюдавших, чтобы доктор Мельев взял свой прибор и снял показания у дверей отсека.

— Посмотрите на его глаза, — попросила Кроберг.

— Взгляд устремлен прямо, не двигается. Зрачки сильно расширены. Моргает.

— Наблюдайте за зрачками, когда введете вирус.

Вирусолог в отсеке кивнул. Они почти подготовили катетер и шприц для введения. Кроберг посмотрела на входную дверь. Она думала о Мельеве.

— Начинаем вводить штамм гриппона типа В1R1К, — объявил вирусолог.

«Смотрите на глаза», — тихо произнесла Кроберг, но не включила кнопку связи.

Все затаили дыхание. Вирусологи переключали некоторые камеры, чтобы лучше видеть приборы. Непосредственно за визуальным процессом следили два оптических глаза: один показывал глаза, другой общий вид.

— Готово, — известил вирусолог. — Штамм введен. Начинаем наблюдать.

Врачи отошли от стола к приборам. Показания были неизменными. Кто-то сзади хихикнул: «Удиви Каро». Кроберг словно замороженная, как и десятки других продолжала смотреть. Но прошла минута, вторая. Один из коллег вирусологов посмотрел на Кроберг.

— В1R1К самый агрессивный, — произнес он. — Неужели он его просто проглотил?

Кроберг не реагировала на слова. Ученые перешептывались. Прошло больше пяти минут. Ничего не происходило. Данные фиксировались без изменений. На исходе десятой минуты обещанный фейерверк так и не случился. Один из приборов подал короткий сигнал. И снова повисла тишина.

— Есть изменения, — произнес один из вирусологов. Все ждали подробностей. Кроберг держала палец на кнопке связи и вот-вот готова была нажать на нее. — Отбой. Это ерунда...

— Что такое? — не дождалась она.

— Адреналин подскочил вверх.

— Что с глазами?

Вирусолог наклонился над головой Каро.

— Ерунда какая-то, — она смотрел с разных сторон, менял наклон головы. — У него зрачки то расширяются, то сужаются. Становятся то узкими, то продолговатыми. Жуткое зрелище.

— Что-нибудь еще? — спросила Елена.

— Пока все нормально. Что вы там, на Земле, сотворили с ним, что самый ядовитый вирус прошел незамеченным? — вирусолог смотрел в камеру.

— У него АТ-цитов вдвое выше нормы для больных язвой, — напомнила Кроберг.

Раздался сигнал прибора.

— Да? — подхватил другой вирусолог, следивший за приборами. — Сейчас уже нет. Их количество стало уменьшаться.

— Уверены?

— Да. Матричное сканирование показывает, что их количество снижается.

— Вот мы и нашли куда ударил гриппон, — тихо произнесла Кроберг.

— Похоже, с перерождением иммунитета вы поторопились профессор, — высказался вирусолог. Он подошел к катетеру и, воткнув шприц, взял анализ крови.

Все, кто был рядом с Кроберг, посмотрели на нее. Она промолчала. Ее взгляд, не отрываясь, следил за изображением глаз. Но зрачки были плохо видны.

— Профессор, вы видите там? — вдруг спросил вирусолог. На одном из экранов появились первые результаты анализа крови.

Кроберг посмотрела в монитор.

— Гриппон начал разрушать монию, и они гибнут, — пояснил вирусолог.

— Что?! — поразились Кроберг. Впрочем, расширились не только ее глаза. — Перепроверьте! — Приказала она.

Но через две минуты результаты подтвердились. Еще через десять минут, во взятой на анализ крови, не осталось живых моний.

— Проверьте ее еще раз, — настояла Кроберг.

— Анализы показали, что моний в образце крови нет. Через две минуты мы возьмем новый образец.

— Выполняйте! — прикрикнула Кроберг. Она ударила кулаком по столу, напугав рядом сидящего врача.

Вирусологи подчинились. Они взяли из пробирки с первым отбором крови пробу и разместили под микроскопом. Через минуту врач подтвердил прежний приговор — все монии погибли.

— А вирус? — вдруг спросила она.

Вирусолог бросил удивленный взгляд в камеру. Но Кроберг не стала уточнять. Врач нажал несколько кнопок — на мониторе появились обновленные данные.

— Мертв, — не веря увиденным результатам, констатировал он.

Врачи за спиной Кроберг бурно обсуждали. Кроберг разговаривала с коллегами, сидящими в креслах.

— Вы специально модифицировали этот штамм для поражения моний? — спросила Кроберг, нажав кнопку связи.

— Нет, профессор. Разве такое возможно? — оправдывался вирусолог. — У монии крайне стойкий защитный механизм и, чтобы его взломать, нужно взломать их нуклеиновые цепочки. Сами что думаете?

— А вы?

— Может новый штамм питается мониями? Только ими? Съедает их все и без пищи умирает, — предполагал вирусолог, когда его прервали ожившие приборы.

Кроберг переключила мониторы. Уровень лейкоцитов снизился до критического. Количество гемоглобина увеличилось, а АТ-цитов резко уменьшалось.

— Иммуитет не справляется, но непонятно, при чем тут гемоглобин? — не понимал вирусолог.

— Берите кровь, — напомнила Кроберг. — Что с глазами?

Второй вирусолог подошел к голове.

— Они белеют. Вы видите это? — Кроберг переключила камеру. Глаза Каро мутнели. — У него поднялась температура, — приборы издавали сигналы, — приборы зафиксировали кровотечение. Но давление крови растет. Ничего не понимаю.

Кроберг смотрела как вирусолог закладывает пробу крови в микроскоп. Результатов с замирением сердца ждали все.

— Готово, — глядя то в микроскоп, то на монитор говорил вирусолог. — Вы видите?

Но на мониторе отображались старые данные.

— У нас все по-прежнему, — ответила Кроберг, глядя на монитор, отображающий данные. На нем появилась рябь. На нескольких рядом, небольшие помехи. К горлу Елены подступил ком. — У вас все в порядке? — спросила она.

— Да, — в динамиках слышался небольшой треск, — вы видите данные?

— Нет! — громко и четко ответила Кроберг. — Что у вас происходит?

— В образце крови уже присутствуют мертвые монии, но и мертвый вирус тоже есть.

Количество железа резко возросло. Гемоглобин вытянутый, неправильной формы.

— Температура 41, - вмешался второй вирусолог, — и повышается. Сообщения о кровотоке продолжают поступать. Но матричное сканирование не выявляет зону поражения. Кровяное давление растет. Дыхание стало очень глубоким. Насыщение кислородом растет.

В лобби и по всему блоку зазвенел сигнал тревоги! Персонал, испугавшись, посмотрел вверх. Под потолком зажглись красные лампы. По системе общей связи раздался голос дежурного диспетчера. Говорил он спокойно, но понять его мешали помехи. Кроберг не обращала внимания на сигнал тревоги, продолжая сверлить взглядом мониторы. На некоторых картинка застыла, по некоторым бегали полосы помех, на других — черные пятна.

— Внимание! Это не учебная тревога. Всему персоналу станции немедленно проследовать в предписанные жилые отсеки. Немедленно проследовать в ближайшие жилые отсеки и перейти в режим изоляции.

Ученые, медсестры, все кто был в лобби и внутри поста, без энтузиазма дослушали сообщение. Учения на станции проводились регулярно и некоторых они порядком достали. Но сообщение вновь повторилось. «Это не учебная тревога!», — сквозь помехи из динамиков доносился голос экстренного оповещения. Люди дернулись с места и быстро направились к выходу. Лишь Кроберг не шелохнулась. Она продолжала смотреть на мониторы, нажимая на кнопку связи:

— Эй, вы меня слышите там?

— Д-да, — с помехами донесся голос вирусолога.

— Что у вас там? У вас все в порядке?! — Кричала Кроберг. Ей мешала сирена и повторяющееся сообщение диспетчера. Сигнал тревоги звучал и внутри отсека Каро. Кроберг почти ничего не слышала, что говорят вирусологи.

— АТ-циты снижаются, — разобрала она, — вирус полностью распространился... гибнут...

Кроберг посмотрела через стекло в лобби и вокруг. Она была одна. Никого вокруг не было. Но топот и гул от толпы разбегающихся был слышен хорошо. Она привстала, опершись руками о стол. По рукам пробежала дрожь. Стол, приборные панели вибрировали, как и все вокруг.

— Вы там? — она нажала на кнопку связи. Но в ответ раздался лишь треск.

Вибрация усиливалась. Кроберг медленно отошла от окон. Стекла едва заметно прогибались в разные стороны. Разбиться они могли только от сильнейшего удара, но чем черт не шутит. Кресла, стулья, столы и диваны перемещались по полу от сильной вибрации. Со стороны кофейни донесся звонкий грохот: падали приборы и посуда. Сообщение диспетчера уже почти невозможно было разобрать. Сильный треск и помехи полностью заглушали слова. Откуда-то донесся гул. Кроберг посмотрела в направлении коридора, где находился отсек Каро. Но шум шел откуда-то из глубин станции. Словно ее сжимали огромными тисками, она стонала и выла от боли.

Елена уперлась в заднюю стену, вздрогнув от неожиданности. Шум усиливался. Он стал походить на рев и скрежет. От сильных вибраций ходуном ходила мебель. Резко гул усилился в десятки раз. Пол словно выдернули из-под ног. Стены содрогнулись. Раздался чудовищный грохот, и звуки рвущегося металла причиняли нестерпимую боль ушам. Кроберг лежала между стеной и наехавшим диваном, сжимая ладонями уши. Все вокруг дергалось. И

грохотало. Из коридора доносился металлический скрип. Стекла трещали и сильно прогибались наружу. Кроберг закрыла глаза и накрыла голову руками. Но в полумраке становилось еще страшнее. Она открыла глаза, но не убрала руки. Через щели между пальцами она видела, как трясутся стены, и подпрыгивает половое покрытие. С потолков посыпалась отделка. Как вдруг скрежет резко стих, оставив Елену наедине с нарастающим гулом. Дрожь продолжала трясти стены и потолки. Елена приподняла голову. Станцию потрянуло. Кроберг снова накрыла голову руками и подальше заползла в угол, образованный диваном и стеной. Раздался мощный хлопок, словно что-то взорвалось. Елена вскрикнула. Ее подкинуло, стены содрогнулись. Вибрация сошла на нет. Но откуда-то из центра станции доносился непонятный чавкающий гул. Елена привстала на коленках и поглядела, что творится в лобби. С потолков свисала плитка из стальной сетки. Красные огни по-прежнему сверкали, сирена звучала с помехами. Ее внимание привлекла дверь лифта. Через прогнувшуюся створку сочился белый дым.

Елена боязливо выползла из своего угла. Прислушалась. Гул медленно затихал. Она встала на ноги, цепляясь руками за перевернутую мебель. Из лифта пошел черный дым. Он поднимался к потолку. Через несколько секунд из частично обрушившегося потолочного покрытия, над входом в лифт, высунулась какая-то трубка. Послышался шипящий звук. Поднимавшийся дым засасывало в вентиляцию. Кроберг огляделась. Она посмотрела на мониторы. На них отображалась большая застывшая картинка общего плана из отсека Каро. Последнее что удалось запечатлеть камерам: это прячущиеся под стол врачи. Кроберг подбежала к приборной панели. Схватила на ходу упавший стул. Подъехала к кнопке связи и нажала на нее.

— Вы меня слышите? — дрожащим голосом спросила она.

В ответ молчание. Ничего кроме треска. Система не реагировала на нажатие приборных кнопок.

— Вы меня слышите? — голос ее дрогнул.

Кроберг осматривала приборную панель. На ней не горела ни одна лампочка. Она нажала для проверки на кнопку перезагрузки, но реакции не последовало. Система сохраняла мертвецкое молчание, как и все вокруг. Елена подняла голову и огляделась. Вокруг было очень тихо. Гнетущая тишина душила даже шипящий звук работающих насосов, затягивающих проникающий в отсек дым.

Кроберг боязливо встала из-за стола. Посмотрела вдоль коридора. Там, в мрачной дали, находился отсек с Каро. Тревожный красный свет, мерцая, смешивался с мраком. Елена посмотрела на кнопку связи, потом на застывшее изображение на мониторе. Она дернулась — изображение вдруг исчезло. Все панели вырубались. Елена сделала глубокий вдох, пытаясь справиться с частым дыханием. Выдохнула. Еще вдох. Выдох. И смело зашагала вперед, к выходу из помещения. Она отодвинула мешавшее ей кресло и вышла в лобби. Проходя рядом с лифтом, она услышала какое-то царпанье. Шум доносился из шахты. Елена наклонилась в ее сторону. Непонятный звук становился громче. Он шел снизу и все быстрее и быстрее, кто-то карабкался вверх. Кроберг попятилась назад. Бум! В дверь с большой силой что-то врезалось. Елена вскрикнула и побежала обратно на пост. В дверь лифта что-то ударило, словно молотом. Кроберг добежала до угла, где пряталась. В дверь с яростью били тяжелым предметом. И чем сильнее створка прогибалась, тем чаще раздавались удары. Раздался скрип и скрежет. «Открывают», — догадалась Кроберг, не выглядывая из-за укрытия. Она спрашивала себя, почему прячется и от кого. Понимая

нелепость своего поведения, Елена медленно приподнялась, чтобы посмотреть, кто пытался выбраться из шахты лифта. Она выглянула из-за спинки дивана, но ей было видно только пульт. Скрежет усиливался. Последовал громкий металлический удар! В лобби послышались металлические шаги. «Двое, несколько», — анализировала Кроберг. Она медленно поднимала голову, чтобы выглянуть из-за панели. Но полет барного стула остудил ее любопытство. Он пролетел мимо окон охранного поста. Тяжелые металлические шаги небрежно пробирались через небольшие завалы к коридору. Кроберг слышала, как они расталкивают преграды, небрежно отпихивая их. Елена поползла к дальнему краю дивана, чтобы увидеть дверной проем. Она медленно высунула голову. В нескольких метрах от поста наблюдения стояли три темные фигуры среднего роста. Как будто бы в накидках. Они удалялись вглубь коридора. Елена подалась вперед, чтобы разглядеть получше. Но через секунду окаменела, заметив желтые большие глаза, смотрящие в ее сторону. Неизвестный неуверенно шагнул к посту охраны. Елена боялась шелохнуться, дрожащим шепотом повторяя про себя: «Ты меня не видишь, ты меня не видишь...». Внутри все сжималось с каждой секундой. Желтоглазый медленно покачивался из стороны в сторону и с осторожностью приближался к посту. Лицо Кроберг краснело — она боялась дышать. Ее бледно-синие губы дрожали, а глаза предательски отражали красный свет ламп под потолком. Из коридора донесся не то вопль, не то крик. Желтоглазый резко развернулся. Он одернул свой плащ и скрылся за поворотом коридора. Елена жадно вдохнула и, быстро перебирая руками и ногами, заползла обратно в угол. По щекам ее потекли слезы. По всему телу била сильная дрожь. Она обняла себя руками и вжалась в стену.

Через минуту из глубины коридора послышался рык и стали доноситься железные удары. Еще удар, опять! Очень часто, сильно! Они ломали стены «или дверь», — пронеслось в голове Елены. С каждым новым ударом она вжималась сильнее в стену. Ей казалось, что это шаги желтоглазого, подбирающегося к ней. Она закрыла уши ладонями, пытаясь заглушить грохот молотильщиков. И вдруг удары прекратились. Неизвестные выругались, кричали что-то непонятное и сильно злились. Кроберг убрала руки от головы и услышала быстрые шаги. Они бежали. Кроберг ногами ерзала по полу, вдавливая себя глубже и глубже. «Заметят!.. Заметят!», — повторяла она из раза в раз. И слезы отчаяния градом сыпались из глаз. Но неизвестные быстро пронеслись мимо поста и с шумом спустились в шахту. Грохот быстро удалялся, пока окончательно не стих. Кроберг сидела и боялась вслушиваться. Она рыдала и никак не могла справиться с нахлынувшими эмоциями. Она уткнула голову в колени и во мраке над ней висели большие желтые глаза. И чем дольше она думала о них, тем сильнее становились ее всхлипы. Ей не хватало воздуха. Слезы стекали обильным потоком. Вокруг стало тихо. Но Елена не знала об этом. Она ждала, когда желтоглазый подойдет к ней. Сильнее сжимала колени и прятала в них лицо. Елена продолжала громко рыдать. Будто прорвавшая плотина и давно дремавший водяной вулкан. Елена не сдерживалась, она не могла. Ей хотелось, чтобы эти глаза настигли ее. Чтобы все это прекратилось: дрожь в теле, дерганье рук и желтый всепоглощающий омут, стоявший перед глазами, исчез. Ее внутренности горели. Она чувствовала, как ее кто-то хватает и дергает за нити, привязанные к рукам. Ее мутило от желтого света вокруг. Она медленно завалилась на бок. Ей хотелось выплюнуть из себя гадкую слизь и вырвать скопившуюся грязь. Внутри все болело и съеживалось. Ребра тискалами сдавливали легкие, мешая дышать. Она захлебывалась. В глазах потемнело. Она рухнула на пол. Ее вырвало. Мрак проглотил ее.

Глава 15. Возвращение

Яркий клинок вспорол плотное брюхо мрака. Он разлился слепящим молочным светом повсюду. Елена морщилась. Она пыталась отмахнуться от него, сдвинуть непонятную пелену словно занавес. Но она не видела рук перед собой. Елена помотала головой по сторонам, вверх-вниз, но рук не было. Она чувствовала их, но не видела. От резких движений ее мутило, она откинулась назад, но не чувствовала затылком ничего. Она закричала, падая в молочную пропасть. «Куда я попала? Почему? Кто ты?», — вертелось у нее в голове. Елена пыталась ухватиться. Но ничего не было видно, кроме света. Она закричала. Ее что-то коснулось. Она смолкла; ощупала. Это была рука. «Влад?», — тихо произнесла она.

Серебряный свет ударил ей в глаза. Глазам стало больно. Она закрыла их, и молочное пятно собралось в темное покрывало. Елена медленно приоткрыла веки. Перед ней кто-то стоял. Она смотрела перед собой и пыталась сфокусировать взгляд.

— Ты? — удивленно спросила Елена.

— Как меня зовут? — вдруг произнес он.

— Евгений, — не понимая глупого вопроса, ответила она.

— Ну, с памятью хорошо все... вроде, — сторбленная фигура лысоватого Евгения Нирова сидела у больничной кровати Кроберг.

— Где я? — Елена боялась повернуть голову.

— В больничном отсеке блока В, — устало ответил Ниров.

Его лицо не выражало никаких эмоций. Морщины — свидетели множества потерь, неподвижно хранили обреченность своего хозяина.

— Нехорошо, — Кроберг поморщилась и закрыла рукой лицо.

— У тебя сильное отравление. Мы не можем определить, что это за токсин. Ты надыхалась дымом, вероятно.

Кроберг убрала с лица руку. Она смотрела непонимающим взглядом на управляющего станцией. Его голос был немного странным и отражался от стен тихим эхом.

— Ты помнишь, что произошло?

Елена слегка помотала головой из стороны в сторону.

— Да, — ответила она, противореча самой себе. Ниров молчал. Елена поняла, что он ждет продолжения. — Все содрогнулось, что-то взорвалось...

— Хорошо, — прервал управляющий, — в том смысле, что у тебя с головой все хорошо.

— Состояние?

— Твое? — уточнил Ниров. — Удовлетворительное. Отравление токсичными парами. Оклемаешься. Тебя нашли на полу, на наблюдательном посту. Скажи: ты предупреждение по громкой связи не слышала? Или ты оглохла? Все заняли свои места, а эта лежит среди диванов и кресел, — управляющий пожал плечами.

— Я должна была убедиться в безопасности... — в голову, словно вспышкой молнии, пришла мысль, — Каро! Где он? — Кроберг резко подняла голову, но ей стало дурно.

— Успокойся, — Ниров легонько похлопал ее по руке. — Его ищут.

— Что значит?..

Слова Кроберг прервал вошедший военный. Он подошел к управляющему и что-то сказал на ухо.

— Ну вот, — Ниров кивнул головой, отпуская офицера, — нашли уже.

— Где он?

— В космосе, — Ниров обернулся назад и рукой отослал охранника за дверь. — Около 12 часов назад на станцию совершили нападение.

— Взрывы?

— Да, их челнок врезался в центральное кольцо. Самоубийцы, — Ниров ударил кулаком по коленке. На мгновение его лицо прорезала гримаса отвращения и гнева, — Мы заметили приближение. Сначала подумали астероид, потом грешили на обломок. После, выяснили, что это был корабль. Они протаранили станцию.

— Что с Каро?

— Мы пока не знаем, — Ниров пожал плечами. — Налетчики малым отрядом пробрались по шахте лифта сюда, в блок В. Их целью был твой малый. Очевидно, когда они стали взламывать дверь, медики внутри нажали на эвакуационный сброс. Это когда отсек становится спасательной капсулой. Мы уверены в том, что они сами сделали это, так как автоматическая система спасения не была задействована. Лишь они отделились от станции. У капсулы есть небольшой запас живучести. Но, отстыковка произошла около 12 часов назад. А их там трое.

— Он жив? — настойчиво спросила Кроберг.

— Знаешь, у меня помимо твоего доходяги там еще два хороших врача! — пазухи носа управляющего приподнялись и морщины складками собрались возле рта.

— Меня не волнуют твои люди, меня интересует мой, — прошипела Елена.

Желваки Нирова отбивали чечетку, сдерживая бурлящее негодование.

— Их маяк включился лишь недавно. Обычно это происходит сразу, — он смотрел на Кроберг напомиравшую выжидающую раненую птицу. — В общем, местоположение найдено. Скоро капсулу доставят на корабль. А там уже всех к нам. Если будет кого к нам везти.

Кроберг сжала ладони в кулаки. Ниров ничего не сказал. Он медленно встал и, сутулясь, подошел к иллюминатору. На небольшом удалении от станции сверкал огнями военный крейсер. Вокруг станции красными огнями горели выпущенные бакены-маяки. Управляющий посмотрел на Кроберг.

— Ты ни о чем не забыла мне рассказать? — он говорил так, словно что-то уже знает.

Кроберг перевела взгляд в сторону Нирова.

— Что ты имеешь в виду? — она действительно не понимала. Елена много чего недоговаривала, и этот вопрос был самым нелепым. Она поморщилась от мыслей: если он хочет ее прижать за что-то, то почему бы не спросить в лоб?!

— Твоя личность всегда была окутана флером всепреодолимости и невероятной удачливости, — Ниров смотрел через иллюминатор, — успешная, пробивная Кроберг. Все следили за твоими открытиями и ненавидели. Редко таким дерзким, как ты, удастся добиться такого положения. Когда ты попала под крыло Данилевского я, даже было подумал, что вот он — твой закат. Ведь этот скряга не любил, не переносил таких, как ты. Тех, кто руководствуется принципом: я — танк и мне плевать на тех, кто подо мной.

Кроберг устала смотреть искоса на Нирова и отвернула голову. Из всех сил она пыталась сдержать слова сжатыми губами. Территория была не ее, и Елена не мешала управляющему выдать свою злость.

— Но вдруг появляется Винбург, — Ниров громко усмехнулся, — этот таракан. Знаешь,

а ведь ему столько раз отрубали голову, но он всегда выживал. Тебе поручают резервацию и ты — главная по изучению «белой язвы» в стране.

— Сколько слов и ни одного прямого...

— Вопросы? — перебил Ниров. — Мой путь к этой должности не был добровольным, вот и петляю во всем. Раньше ты не была столь, — управляющий подбирал нужное слово, — ... озабоченной. Ты всегда была погружена в свою работу. Отдавалась ей как истинная любовница: со всей страстью и похотью, — Кроберг закатила и прикрыла глаза. — Но сейчас ты другая. Ты похожа на дикарку, на зверя, у которого нет иных мыслей, кроме как защита своей добычи. Но ведь он не добыча, — Ниров смотрел на Кроберг. — Он твой крестник. Собственно, почему крестник? Всегда это интересовало.

Кроберг уставилась на него, слегка вздернув брови.

— Ты серьезно? — спросила его, до конца не веря в риторичность вопроса. — Я думала тех, кто работает на станции не волнует ничего, кроме своих открытий.

— И тебя тоже, — поддел Ниров. — Но ты называешь его крестником и стоишь за него, ни как за открытие или «объект 3». Ты создала вокруг него территорию своего хищного покровительства. И любой, кто угрожает ему или несет опасность, — твой враг. Поэтому все самое опасное проделываешь с ним сама. Признайся, ведь никто не знает истинного положения дел с «объектом 3»? Пока он играет возложенную на него роль, никто не задает вопросов, — Ниров пожал плечами. Он глубоко вздохнул и отошел от иллюминатора в центр комнаты. Кроберг про себя радовалась, что наконец ей можно нормально взглянуть на него. Ее брови сдвинулись вниз, она поняла к чему ведет управляющий. Рассматривая стену, он продолжил. — Нет вопросов — нет проблем. Удобно очень. О твоих ошибках никто не говорит. О твоих тайнах никто не спрашивает. И ты молчишь. Ведь удобно же, — Ниров дошел до двери; потянулся к двери, потом развернулся и медленно направился к иллюминатору. — За несколько минут до того, как в нас врезался корабль нападавших, наши приборы зафиксировали электромагнитное излучение. Оно было не то чтобы сильным, но очень уж мешало работе приборов. Источник его находился где-то здесь, в кольце В. Точнее, к сожалению, уже не определить. Самое удивительное, что у корабля нападавших была точно такая же сигнатура электромагнитного излучения. Естественно мы отвлеклись на непонятный объект, ведь он быстро приближался к нам. Удивительно, да?

— Ты спрашиваешь вирусолога об электромагнитном излучении? Или об удивительном чуде нападения? — язвила Кроберг.

— Чудо? — Ниров ядовито улыбнулся. — Интересное слово. Удивительно то, что излучение в блоке В было похоже на сигнал, — управляющий остановился перед взглядом Кроберг и, не отрываясь, смотрел ей в глаза. — Ты точно ничего не забыла мне сказать?

— Ты обвиняешь меня в том, что я каким-то образом подала сигнал нападавшим?

— Ты? Нет. Но тот факт, что высадившийся отряд взламывал двери отсека, где в тот момент проходил опыт над твоим объектом, заставляет задуматься.

— Ты прав, — Кроберг несколько раз резко кивнула, — это «объект 3» вдруг встал и начал светить фонариком в иллюминатор.

— Они интересовались объектом, который привезла ты, — резко выпалил Ниров.

— Может и так, — Елена сбавила обороты, — но в отсеке были и твои люди.

— Все они были проверены годами! — восторженно воскликнул Ниров. Он сделал выпад в сторону Кроберг.

— В БиоНИЦ тоже работали люди, находившиеся под колпаком. Однако, по мнению

федералов, бомбы были заложены в том числе и на станции под комплексом, — напомнила Кроберг. — Я видела те же помехи на мониторах. Все видели их. С десятков людей были в комнате и видели, как начались помехи, и я не могла докричаться до отсека. Что ты хочешь от меня, Ниров? Меня предупреждали на Земле о том, что за работой резервации следят химбаты и чистокровные. Это я должна была тебе сказать?

— Химбаты? — вдумываясь, переспросил Ниров.

— Очнись! Мы в космосе, химбаты и чистокровные внизу, на Земле, — Кроберг всплеснула руками. — Какое отношение они имеют к станции?

— Может никакого, — Ниров развел руками, — а может они обзавелись кораблем и решили украсть твою игрушку, — управляющий задрал голову кверху. Он устало выдохнул и безразлично посмотрел на Кроберг, словно осуждая себя за сказанные слова. Ниров сильно сутулился, будто бы сверху на него что-то давило. — Этого разговора не было, — он подошел к двери, но не спешил нажимать на кнопку открытия, желая остаться здесь. — Я просто хотел понять врешь ты мне или...

— Сообщите мне, когда привезут Каро.

— Ты сама сначала встань на ноги, — Ниров бросил последний уставший взгляд и открыл дверь. — Черт знает что.

Кроберг осталась одна. В голове все еще сильно штормило. Любое резкое движение вызывало приступ светобоязни и тошноты. Она сильно ударила рукой по кровати. Нет ничего хуже бездействия! Елена вспомнила о Каро; она держалась за слова Нирова о том, что отсек наши. Она решила, что к тому времени когда его доставят обратно на станцию, ей нужно непременно встать. Елена закрыла глаза. В голову лезли без очереди мысли о случившемся, о том, что в отсеке были плохие условия для выживания, полу откровенный разговор с Нировым. В этот раз он предстал перед ней раненым зверем. У него не было травм, но ему было тяжело находиться здесь и сейчас. Кроберг виделась с управляющим максимум два раза в год и никогда она не вдавалась в подробности его жизни. Как и все вокруг — он был ей не интересен. Так она думала и о себе в его глазах. Закрытый, напичканный идеями о существовании жизни в космосе. Увлеченная натура, как и подобает гениальному ученому. Но все же его исполнительность и приспособленчество сыграло с ним злую шутку. Будучи гениальным ученым, он еще был и военным. Входил в плеяду самых амбициозных военных разработчиков биологического усовершенствования солдат. На каком-то жизненном перекрестке с ним случилось то, что случается со всеми выдающимися представителями человеческой расы. Выбор. Приходится делать выбор пути, по которому ты поведешь свое развитие. Этим перекрестком судеб стало применение холерианы в марсианской колонии Эдемия. В ту пору он возглавлял группу военных ученых в большом поселении на красной планете.

Через биологических открытий привела к катастрофическим последствиям, когда ими заинтересовались биотеррористы. В результате теракта были заражены десятки людей. Дабы спасти колонию от вымирания, Ниров санкционировал применение холерианы. После наведения порядка в Эдемии, он ждал что его уберут, понизят или отправят куда-нибудь еще. Но прошел целый год и прошение о переводе он написал сам. Однако командование решило иначе. Ниров идеально подходил на роль козла отпущения, привязанного к одному пастбищу. Безупречный исполнитель, как ни крути, который не погнушался применить самый непопулярный из вариантов для выживания. Ниров ждал. Находиться в колонии, где каждый знал, чего им стоило выживание, было невыносимо. Ощущение того, что на тебя с

осуждением смотрят сотни пар глаз и ни одного, в котором бы читалась благодарность за спасенную жизнь, никогда не покидало его. Слишком много жертв и не все они были необходимыми. Но Ниров был из тех, кто всегда твердо стоит на ногах и не бежит от последствий. И все это время он держал глухую оборону. С ним общались только потому, что нужно общаться с начальником. Но чем дольше он оставался во главе колонии, тем большим штатом заместителей себя окружал. Ему не хотелось видеть людей и слышать их мысли. Находясь в авангарде колонизации Марса, будучи главой самой развитой колонии, Ниров умудрился уйти в тень — стать затворником. Управлять из тесного мрачного угла мыслей было проще. Никто не видел, как его съедает отвращение к самому себе. Как развивается в нем страх перед беспорядками и болезнями. Но конец его заключения в Эдемии все же наступил. На шестом году после трагедии, его перевели на главную космическую станцию Министерства науки. Где его затворничество и патологический контроль над всем происходящим были как нельзя кстати.

Кроберг повернула голову в сторону иллюминатора. Ей было плохо его видно, а что творится за ним, она не представляла. Но мысли ее рвались туда, где сейчас находился Каро. К медицинскому отсеку, который где-то летал в темном безвоздушном пространстве. Его нашли, а значит, Каро спасен.

К квадратному боксу, медленно вращающемуся вокруг себя, подлетел буксир. Это был длинный черный корабль с полусферическими выступами под брюхом. Это были механические руки. Они могли трансформироваться и хвататься за любую поверхность. Снизу, из пушки-захвата, выстрелил снаряд с тянущимся тросом, еще один захват выстрелил из другой пушки. Это были магнитные присоски. Они успешно закрепились на поверхности отсека. В единственном иллюминаторе, который находился на наружной стене, ничего не было видно. Освещения внутри не было. Тросы потянули отсек к буксиру. Механические руки разошлись в стороны. Буксир направлялся к большому крейсеру, чьи габаритные огни виднелись в непроглядной дали черного космоса. Медленно и осторожно железные руки корабля обхватили крохотный металлический бокс, перевернув его в правильное положение. Пилоты буксира задействовали тепловое сканирование. Корабль был уже рядом с крейсером-исполином, молчаливо наблюдающим за приближением трудолюбивого жука. Швартовочный отсек распахнулся и буксир влетел в ангар. Внешние ворота быстро захлопнулись. Через десять минут открылась одна из массивных ставней ангара. Через образовавшийся проход к буксиру направился немногочисленный технический персонал. Все они были в защитных костюмах. Пилоты корабля уже опустили отсек на палубу. К одной из его стен подъехал двуногий погрузчик. Приказа о вскрытии не поступало. Через две минуты в ангаре появилась команда врачей, одетых в защитные костюмы. Они везли с собой трое носилок. После того как все были в сборе, ставня начала закрываться. Ангар был изолирован. Поступил приказ о вскрытии. Роботизированный погрузчик подъехал ближе к металлическому боксу. Из его правой руки показался мощный лазерный резак. Управлявший им рабочий приступил к вскрытию отсека. Все затаили дыхание. Что же там внутри: мертвые или чудом выжившие? Когда система безопасности зафиксировала первый сквозной надрез корпуса отсека, на стенах ангара загорелись желтые лампочки, предупреждающие о повышенной опасности. Через увеличивающийся разрез корпуса внутрь с громким писком затягивался воздух. Через три минуты рабочий завершил квадратный разрез в одной из стен отсека. Поддерживая магнитными клешнями кусок металла, робот быстрым толчком назад извлек толстую пластину. Сгрудившиеся сотрудники устремили

взгляды в образовавшуюся ровную квадратную брешь. Погрузчик отъехал в сторону. Медики ожидали, когда им позволят заглянуть внутрь. Двое вооруженных космопехотинца вошли первыми. Они включили фонари и осторожно заглянули в отсек. Осмотрев помещение, она дали сигнал врачам: можно приближаться — опасности нет. Перед тем как медики вошли в отсек, солдаты кинули три лампы, засиявшие холодным светом, как только ударились о поверхность.

Среди беспорядка приборов, летающих повсюду обломков, медики быстро нашли своих коллег в желтых защитных костюмах. Они лежали на полу — магнетик работал исправно, попав в магнитное поле крейсера. Масок на лицах не было. Они медленно перемещались в невесомости с остальным переломанным хламом. Вирусологи не подавали признаков жизни. Подошедшие врачи поспешили подключить датчики диагностики к портам, располагавшимся на пояском утолщении защитных костюмов. Приборы запищали. Вшитая в костюмы сеть сообщала об отсутствии пульса и примерное время смерти. Нарушения кожных покровов диагностика не показала — тела безопасны. Врачи подали сигнал космопехам и потащили тела ученых к выходу. Каро нашли не сразу. Его сжавшееся в комок тело, было придавлено угловым столом. Стоило приподнять столешницу, как бессознательное тело начало медленно приподниматься, получив легкий импульс движения. Врачи слегка опешили, увидев тело неестественно белого человека. К тому, что на пациенте не окажется браслетов-магнетиков они не были готовы. Парящие свободно одежды позволяли увидеть истощенные, не симметричные конечности. Работая слажено, медики аккуратно перевернули Каро и развернули его на спину, придавливая к полу. Его изрезанное шрамами лицо предстало в синеватом свете. Один из медиков резко отпрянул в сторону, ударившись обо что-то. Второй, тот, что был хладнокровнее, прощупал пульс пациента — его не было. Врач прищурился. Он положил ладонь на грудь Каро, другую на плечо.

— Что такое? — не понимал медик действий своего напарника.

— Какая-то вибрация. Ты чувствуешь? — смельчак кивнул коллеге, чтобы тот коснулся другой части тела. Врач подвинулся ближе к бездыханному телу и положил руки на ноги. Глаза его немного округлились.

Они вытащили Каро и положили на каталку, закрепив тело ремнями. Медики снаружи внимательно осматривали тело Каро на наличие травм и порезов. Другие врачи, осматривающие вирусологов, уже передавали сообщение о смерти своих коллег. Не обнаружив порезов, врачи вздохнули. Оставалось дожидаться анализа воздуха от системы безопасности и ставни откроются. Система безопасности быстро справилась с задачей. Оранжевые лампочки потухли. Мужским голосом система объявила об отсутствии каких-либо вирусов в воздухе. Все ставни ангара распахнулись. Персонал радостно воспринял эту новость скидыванием защитных масок.

Покрытые белой тканью, тела вирусологов быстро повезли в морг, где их должны были упаковать. Каталку с Каро повезли в соседний ангар: медикам, принявшим Каро, приказали немедленно подготовить спасенный объект к транспортировке на космическую станцию. Пассажирский челнок с гербом военно-космических сил уже ожидал. Врачи быстро завезли каталку внутрь, пристегнули Каро к ней, закрепили и изолировали отсек. Ставни ангара быстро захлопнулись, и челнок вылетел в открывшиеся внешние ворота. На борту не было никого кроме двух пилотов. И, несмотря на указания, исходившие со станции о контроле за состоянием «объекта 3» во время перелета, они не горели желанием выходить и проверять его. Полет продолжался 15 минут. Вокруг станции летали несколько истребителей. На

равном удалении, образуя кольцо блокады, дежурили три крейсера космического флота России. Челноку был организован зеленый коридор в сопровождении четырех истребителей.

Через полчаса, проведя все необходимые процедуры, Каро разместили в больничном отсеке блока В. У входа приставили двух вооруженных солдат космических войск. На саму станцию был высажен полк космической пехоты. Ими командовал полковник Стратов. Произошедшее нападение привлекло пристальное внимание президента, и он ввел режим чрезвычайного положения на шесть дней. Главнокомандующий флота адмирал Савл рапортовал о взятии ситуации под контроль космическими войсками. Несмотря на сопротивление и заверения министра Терена о том, что прямого вмешательства со стороны военных не требуется, президент занял позицию командующего флотилиями. Министру пришлось уступить. Космические войска взяли станцию в блокаду и высадили свои отряды. Управляющий Ниров не мог препятствовать обыскам и допросам, которые начали несколько часов назад следователи Федеральной службы военной безопасности. Ему одному лишь разрешено передвижение по станции, а также тем ученым, от работы которых зависели текущие и неотложные исследования. Однако всех их от дверей до дверей сопровождали пехотинцы, что невероятно злило ученых-исследователей. Всем же остальным было запрещено покидать жилые отсеки. На допрос их вызывали группами.

Кроберг настояла, чтобы ей вкололи успокаивающие и иммунные активаторы. Ей было тяжело вставать, но от медсестер, осматривавших ее, она узнала, что Каро уже на станции и его везут в больничный отсек. Елена через тридцать минут, после введения стимуляторов, смогла встать с койки. Она, слегка пошатываясь, подошла к двери. Открыв ее, она увидела перед собой широкую спину высокорослого пехотинца, который немедленно развернулся.

— Извините, мадам, но вам запрещено покидать пределы отсека, — осматривая Кроберг в больничном халате, хладнокровно выдал солдат. Кроберг скривила лицо. Слово «мадам» резало ей слух. Елена фыркнула и сделала шаг вперед, ожидая, что солдат отойдет. Но он не шелохнулся, и она уперлась ему грудь. Резкий запах пота ударил ей в нос. Она поморщилась и подняла голову. Каменная идеально бритая физиономия еще что-то говорила.

— Я не шучу.

Кроберг сделала два шага назад.

— Хорошо. Можете тогда передать управляющему станцией, что мне необходимо увидеть «объект 3». Я знаю, что его доставили на станцию, — Кроберг немного повело в сторону.

— Передам, — безразлично произнес солдат и закрыл дверь. Кроберг сжала кулаки и челюсть. Она потянулась к кнопке готовая закричать, но, сделав шаг, услышала, что солдат передает ее просьбу по связи. Кроберг уткнулась лбом в дверь и выдохнула. Через пару минут, она поковыляла к ближайшему стулу у стены. Про себя она подбадривала, что стимуляторы скоро начнут действовать в полную силу и ее перестанет кидать в стороны.

Сидя на стуле, Кроберг ловила каждый звук за дверью, надеясь, что услышит, как провозят каталку с Каро. Но Елена не знала, что находится на первом уровне блока В, тогда как Каро доставят на третий. Вслушиваясь и раздумывая, она просидела около получаса. Солдат два раза стукнул в дверь, после чего вошел в отсек. Он сразу заметил ее на стуле рядом с дверью.

— Полковник Стратов разрешил ваше перемещение, но только в пределах кольца В, — у Кроберг внутри все затрепетало, — в моем сопровождении.

— Если вам это интересно, — отмахнулась Елена и вскочила со стула. Если этот солдат будет хвостом бродить за ней всюду, то это сейчас было для нее самым незначительным препятствием. Елена сделала шаг вперед. Ноги были ватные, но ее перестало качать из стороны в сторону. Она запахнула халат поплотнее, нацепила шлепанцы и, ничего не говоря, направилась к выходу. Солдат пропустил ее вперед и последовал за ней.

Кроберг осмотрелась. Она поняла, что находится на первом уровне блока и направилась направо по коридору к холлу, где находился лифт. Войдя в просторный зал, где любили подолгу сидеть ученые и наблюдать в большие обзорные иллюминаторы за звездами, Кроберг увидела вместо них отряд из десяти солдат. Они сидели на диванах и о чем-то шумно разговаривали. Завидев Кроберг, они вскочили, но следом появился высокий пехотинец. Они поприветствовали друг друга и уселись обратно. Елена подошла к лифту, двери которого не были повреждены, и нажала на кнопку вызова.

Попав в лобби третьего уровня, она увидела знакомую обстановку. Обломки были почти разобраны и аккуратно сложены в стороне. Мебель стояла беспорядочно, но не валялась. Рваный потолок. Подходя к посту наблюдения, она увидела сидевших там солдат. Ее они быстро приметили. Кроберг сложила руки и вошла на пост. Солдаты осмотрели явление в тапках, за чьей спиной стоял каменный камуфляжный голем.

— Мне нужно знать, доставили ли на этот уровень «объект 3», — уверенно спросила Кроберг.

Сидевший за пультом управления командир отделения, не вставая, ответил ей:

— Да, в отсеке С17.

— Спасибо, — в ответ командир кивнул головой.

Елена, повернувшись, уперлась в солдата. Сзади раздались смешки. Здоровяк отошел в сторону. Елена демонстративно недовольно выдохнула и пошла по направлению к указанному отсеку. Она уже знала, что отсеки с 15 по 20 являются частью большой лечебной лаборатории. Внутри наверняка кроме солдат есть дежурные врачи. Елена ускорила и скоро на горизонте показалась нужная ей дверь, у которой стояли двое солдат. Подойдя к ним, она натолкнулась на вопросительные взгляды. Здоровяк за спиной трубно огласил, что ей разрешено. Елена радовалась, что ей не пришлось разговаривать с ними. Она потянулась к кнопке открытия, но караульный опередил ее и дверь уже распахнулась. Кроберг вошла. Дверь захлопнулась. Елена повернула голову назад и обнаружила, что ее «хвост» остался в коридоре. Довольная этим фактом она прошла вперед.

— Вы? — раздался не менее радостный вопрос.

Кроберг узнала этот голос, еще не увидев его хозяина. Это был Дмитрий Панов — глава биоинженерного отдела станции, еще пара слов и мягкая картавость польется из его уст.

— Вы здесь? — слегка нахмурившись, спросила она. Немного полноватый ученый показался из-за перегородки, за которой находился операционный отдел. В голове она прикидывала варианты, которые могли привести биоинженера Панова в блок вирусологии.

— Ха, мы оба удивлены, — смеялся ученый, интенсивно размахивая руками. — Не надо думать. Зачем вы думаете? Ох, как же вы нехорошо выглядите, — Панов схватился за сердце, подойдя ближе.

Они находились в операторской, где размещалось все управление этой лаборатории. От нее вправо шел коридор к остальным отсекам.

— Мы это сейчас исправим, — покачиваясь из стороны в сторону, словно груша на воде, Панов подошел к шкафам и вынул штаны, рубаху, врачебный халат и легкую обувь. —

Держите, коллега. Костюм не даю, так как с этим вы справитесь быстрее, — Дмитрий кинул все принадлежности Кроберг и, удаляясь в коридор, добавил. — Только побыстрее с этим. Нам еще к «объекту» 3 нужно.

Кроберг быстро скинула с себя халат и принялась облачаться в более подходящую одежду. Через минуту она быстрым шагом проследовала в коридор за Пановым. Он терпеливо ждал ее у отсека С17.

— Чудно, — всплеснул он руками и открыл дверь в отсек.

Внутри находился врач. Кроберг не сразу поняла, кто это. Но когда тот обернулся на картавые позывные Панова, Елена узнала в нем того самого лысого бородача, который пристально смотрел на нее, многими часами ранее.

— Вы не знакомы? — удивился Панов. — Ах, ну к черту весь этот этикет. Елена это Валентин Вербас. Валентин, это Елена Кроберг.

— Я знаю, — сухо ответил мужчина.

Ни она, ни он не протянули друг другу руки, лишь пересеклись взглядами. Кроберг обошла его и подошла к койке, на которой лежал Каро. Он был без рубахи, в одних немного испачканных штанах. К его телу были подключены многочисленные датчики, провода, катетеры. Стоило наклонить голову и увидеть, как его тело едва парило над кроватью, удерживаемое привязными ремнями. Кожа его была серовато-белого цвета, глаза закрыты. Елена смотрела на него и сразу отметила, что ни живот, ни грудь не поднимаются. Она посмотрела на приборы. Столько данных. И столько невероятного.

— Похоже, вы не ожидали увидеть такие показания? — с интересом спросил Вербас.

— Что с ним? — она не спросила, но произнесла мысли вслух.

— Ваше пресловутое перерождение, я полагаю.

Елена посмотрела на Валентина. Он говорил так, словно проверял ее. Панов улыбался и стоял с обратной стороны койки. Кроберг потянулась к прибору, регистрирующему дыхание.

— Не трудитесь, — опередил Вербас, — с прибором все в порядке. «Объект 3» не дышит привычным для нас способом.

— Сердце? — на глаза попались показания о пульсе. Они были равны нулю. — Он жив?

— Жив. Удивительно, но жив. Его стабильно держит эгоцитарная система, — начал объяснять Валентин. Он вздохнул, словно бы его кто-то принуждал к этому разговору. — К нам его доставили бездыханным, без пульса. Врачи готовы были причислить его к мертвым, как двух вирусологов, что были с ним, — Кроберг посмотрела на Вербаса. Но вскоре подошла к приборам. Она находила подтверждение словам Валентина в данных приборов. — Однако врачей настораживало то, что тело вибрирует. Даже сейчас, — Кроберг подошла ближе к Каро и положила руку ему на ногу. Едва уловимая дрожь волнами поднималась изнутри. — Мы доставили его сюда. Подключили. Никаких однозначных показаний. Судя по одним — он мертв, по другим — живой. Мозг его в коме, не глубокой. Учитывая данные ваших исследований, мы предположили, что его эгоцитарная система каким-то образом поддерживает в нем жизнь.

— Удивительно, правда? — Панов горящими глазами смотрел то на Валентина, то на Кроберг.

— Электрохимические реакции моний, — пояснила Кроберг. — Они стимулируют жизнедеятельность в его клетках и органах.

— Да, заставляют циркулировать кровь благодаря сокращению сосудов.

Кроберг улыбнулась.

— Дублирующая система на случай, когда основная в отключке, — интерпретировал Панов. — Господа, вы понимаете, что это значит?

— Как вы фиксируете деятельность эгоцитарной системы? — этот вопрос Елена попыталась сделать как можно более обыкновенным.

— Обычным, — Валентин слегка прищурился. — Что в этом сложного? После нападения, у нас помех с улавливанием электронных импульсов нет.

— Вы не знаете где мой помощник, с которым я прибыла? — Елена посмотрела на Панова.

— Честно говоря, я не видел его после того, как началась заварушка, — Панов был рад, что Кроберг напрямую обратилась к нему. — Но я уверен, что он в жилых отсеках. Сейчас все там.

— А что с гриппоном? — переключилась она. — Ему ввели модифицированный штамм перед нападением. Каково состояние иммунной системы?

— Анализы показали наличие неизвестных ранее антител. Я проанализировал результаты и выяснил, что это антитела к модифицированному гриппону.

— Он ему не поддавался, — изумлялся Панов, словно впервые об этом слышал.

— Неужели она переродилась? — осторожно предположила Кроберг. Она посмотрела на монитор, регистрирующий состояние иммунной системы. И уже через несколько мгновений ее поражению не было предела.

— Переродилась мягко сказано, — Валентин смотрел на Каро. — Его иммунитет более не основывается на старых и добрых человеческих «цитах». Их просто нет. Есть только АТ-циты и бесконечные их вариации. Они во многом схожи с известными нам лейкоцитами, лимфоцитами и другими, но они совершеннее, — после этого слова Кроберг посмотрела на Валентина. Ей казалось, что она должна знать о нем больше, чем помнит. Она пыталась незаметно покопаться в шкафах памяти, но никаких намеков на информацию об этом ученом. Лишь эхо фантомов. Елена различала в его голосе некую обиду, но вместе с тем, он воодушевленно говорил о странностях иммунной системы Каро. — Скажите, вы на это рассчитывали, говоря о перерождении в своих отчетах?

— Примерно, — осторожничала Елена. — Мы уже давно знаем, что иммунная система больных «белой язвой» основывается не на лейкоцитах. Они мутируют вместе с другими иммунными клетками и становятся АТ-цитами. Однако до сегодняшнего момента, мы полагали, что их будет не больше лейкоцитов. У всех зараженных регистрировалось примерно одинаковое количество АТ-цитов. Но 15 тысяч? — Кроберг смотрела на приборы. — И это только базовые клетки.

— Удивительно, согласен. Но количество АТ-цитов непостоянно. Я брал у него анализы четыре раза и каждый раз их количество менялось.

— В каких границах? — Елена слегка прищурилась

— От тысячи до пяти.

— И все же это гораздо больше того «золотого» стандарта, который был нами принят.

— Вы совершили прорыв, — Валентин лукаво посмотрел в глаза Елены.

— Это плоды. Прорыв был многими годами ранее.

— Но все же вы понятия не имели, что «объект 3» может жить без воздуха?

— Что вы имеете ввиду? — Кроберг нахмурилась

— Вы посмотрите насколько сильно его дыхание, — Вербас указал на один из мониторов. — Он потребляет кислорода как пять человек вместе взятые. Его легкие не

вздымаются, но в них поставляется кислород каким-то иным способом. Естественно, что в отсеке, где находились трое, очень скоро закончился кислород, — голос Валентина стал резким и жестким. — Те двое ученых просто задохнулись. А он выжил, несмотря на то что не было воздуха. Эгоцитарная система отключила центральную нервную систему, погрузила организм в некое подобие анабиотического сна. И каким-то образом он выжил.

— Удивительно, — тихо произнесла Кроберг, не ведая, что пронесла зажженную спичку рядом с кожей Валентина.

— С интересной стороны вы рассматриваете гибель двух ученых.

Кроберг готова была оскалиться, подобно волчице. Все ее тело моментально напряглось, готовясь к прыжку.

— Вы не в себе?! — брезгливо смотрела она на Вербаса. — Если да, то можете выйти вон. «Объект 3» — не ваша головная боль. Им занимаюсь я. Вы свободны.

— Зачем же горячиться, — трепетал Панов. — Валентин, успокойся, как ты ведешь себя? Елена извини его. Сегодня много чего произошло, — он с укором смотрел на Вербаса. — Тебе лучше вернуться ко всем остальным.

Панов был настроен решительно. Все мысли Валентина пропечатались морщинами на лбу и глубокими каньонами складок на переносице. Его давящий взор перешел на Кроберг. Но она стояла перед ним нерушимым столпом. Этот молчаливый поединок она не собиралась проигрывать. Достаточно было того, что она продолжала рыться в памяти, бесплодно пытаясь найти информацию о Вербасе. Чем дольше он смотрел на нее, тем сильнее усиливалась дрожь в конечностях. Но Валентин отступил. Он хлопнул Панова по плечу и поторопился скрыться в коридоре. Кроберг проводила его жаром разгорающейся ненависти. У нее даже возникла робкая мысль о том, чтобы он напоследок обернулся. Откуда у нее такая уверенность, что она должна его помнить? Должна? Что в его лице и взгляде такого невыносимо цепляющего? Елена на минуту закатила глаза в приступе злости. Но ее распаленные мысли перебили запищавшие разноголосые датчики.

— Ого, — припрыгнул Панов, — наш мальчик готов очнуться. Как и предсказывал Валентин.

Кроберг кинула скользкий взгляд по закрывшейся двери. «Кто он?», — вопрос разбился о ее поверхность. Трепещущий Панов приковал ее внимание. Словно намеренно он был здесь, чтобы она не пропустила самое главное. Елена посмотрела на приборы: пульс медленно поднимался, началась активность мозга и легких — Каро медленно выходил из анабиозного состояния. Внимание Елены привлекло его лицо. Оно корчилось, словно от боли. Кроберг смотрела на приборы. Каро лихорадило. Температура тела резко повысилась с 28 до 37 градусов.

— Смотри, что он делает? — Панов рукой указывал на руки Каро. Его пальцы напоминали сломанные ветви дерева, они прижимались к телу и медленно, цепляясь за кожу, поднимались все выше. Кроберг смотрела на приборы, стараясь не упустить важных изменений. Пульс приближался к норме, мозг выходил из комы. Елена посмотрела на руки и увидела, как пальцы стремятся к двум катетерам, установленным в паховой области. Она поняла, что они причиняли ему боль.

— Она атакует катетеры, — догадалась Кроберг и начала вытаскивать их. Панов не до конца понял, о чем она, но начал помогать ей со вторым. — У него усилилась агрессивность АТ-цитов, они атакуют инородный предмет.

Когда катетеры были извлечены. Руки резко опали, как срубленные ветви дерева. Елена

обработала разрезы. Она дотронулась до лба Каро — горячий. Датчики показывали 38 и поднимается. Пульс выше 80 ударов и поднимается. Кроберг выжидала. Она сверкающими глазами посмотрела на Панова. Ей нравилась его сумасшедшинка в глазах. Ученый с воодушевлением смотрел на пробуждение, но в то же время перед ним лежал непонятный организм, который внушал благоговейный страх. Однако не настолько сильный, чтобы отказаться от созерцания удивительной картины. Кроберг старалась успокоить усиливающееся волнение. Показатели быстро шли вверх, пульс 95, давление возросло. Грудная клетка стала медленно и высоко подниматься. Температура почти 39. Каро дернулся. Он немного выгнулся, широко открыл рот и громко вдохнул. Каро словно тонул, но вырывался из мокрых объятий волн. Он жадно глотал воздух, упираясь руками в кровать. И когда его глаза медленно распахнулись, Кроберг, словно безумная мать припала к изголовью кровати. Она смотрела в его глаза, широко улыбаясь и восхищаясь. «Пошевели», — она повторяла это слово как мантру. «Пошевели», — она хотела, чтобы Каро осмотрелся, дернул зрачками. Приборы внезапно смолкли, Кроберг оглянулась. Пульс остановился на 97 ударах, температура — 41,1. Мозг вышел из комы. Давление повышенное, но приборы рассчитали норму организма и перестали тревожно звать к вниманию. Кроберг поднесла руку к лицу, пытаясь спрятать удивление и сияющую радость. «Очнулся, он очнулся!», — проносилось в ее мыслях. Она повернулась к нему и увидела, что он смотрит на нее. Елена сделала два шага назад и в сторону. Каро не сводил с нее глаз. Елена приблизилась к Каро и, неожиданно для себя, взяла его за руку.

— Ты меня слышишь? — с надеждой в сияющих глазах, она смотрела на него.

Каро закрыл глаза и через секунду открыл. «Это да», — расшифровала Кроберг.

— Почему ты не говоришь? — спросила Елена, но быстро сообразила, что вопрос нужно построить иначе. — Ты не можешь говорить? — она ждала ответа. Его не было. — Ты... тебе больно говорить? — Каро закрыл глаза и открыл через секунду.

— Мы позже посмотрим на его связки, — успокаивал Панов.

— Я поняла, дорогой. Но ты очнулся и это хорошо, — она гладила его по руке. — Ты поправляешься. Ты же мое чудо, удивительное мое создание. Мне столько нужно тебе рассказать.

— И столько еще сделать, — радостно добавил Панов.

— Да, мой мальчик. Ты не представляешь себе на пороге чего мы оказались, — она сияла глазами. Она пела. Вместо слов лились мелодичные звуки. Ей казалось, что во Вселенной нет счастливее человека, чем она. Кроберг смотрела на него и купалась в его взгляде, таком спокойном и безразличном.

— У тебя что-нибудь болит? — спросила она. Каро не отреагировал. — Это хорошо. У тебя переродилась иммунная система. Ты совершенно здоров.

— Только тело вот поправится, наберешь веса немного и в гости к нам в отдел, — искрился Панов потирая руки. Он даже подпрыгнул на одной ноге, пытаясь привлечь внимание Каро. Но его безмятежный и немой взгляд поглощал Кроберг.

— Такой сильный, — Елена поднесла руку к лицу крестника. Она дотронулась указательным пальцем до одного из шрамов и посмотрела в глаза Каро. Такой же невозмутимый. Она медленно, едва касаясь шрама, провела по нему вниз. Ее рот немного приоткрылся. Елена убрала руку, потирая пальцы. Зрачки Каро сильно расширились. В свете освещения они чуть заметно подергивались. Но Кроберг не видела этого. Она впитывала пальцами необычное ощущение от соприкосновения к тому, что сделала сама. — Жаль, что

здесь нет моего помощника.

— А зачем он вам? Ведь есть я? — широко улыбнулся Панов, приставив руку к груди. — Я же лучше.

— Да, Дмитрий Карлович, а зачем вы здесь? — Кроберг подошла к ногам Каро. Она наклонилась и задрала штанину. Имплантированная нога все еще была заметно темнее родной.

— Вот поэтому, — Панов постучал пальцами по обнаженной ноге.

— Биоинженерные испытания начнутся только через две недели, — Елена не понимала воодушевленности Карловича.

— Ах, душа моя, — в голосе Панова что-то изменилось. В нем появилась елейная нотка превосходства. — Вы же ничего не знаете. Планы Министерства относительно «объекта 3» немного скорректировались, — на лице Кроберг появилась хмурая тень. — Когда у Терена и президента нашего возник спор о том вводить или не вводить режим ЧП на станции, наш министр выглядел неубедительно, так как планово находился в сохранной капсуле. И мы имеем то, что имеем. Солдафоны гуляют по нашим коридорам, а ученые сидят как крысы в коробках, — Панов демонстративно поморщился и поерзал, словно бы его пробирал холод. — Было совещание. Его сам Терен созывал. Это было так волнительно. В общем, он решил, что с этого момента получение жизнестойкого кожного покрова приоритетнее, — с каждым новым словом лицо Кроберг чернело. Она сжимала и жевала губы, стискивая пальцы на спинке кровати. — В связи с этим, по рекомендации господина Винбурга, я назначен ведущим по проекту «Крио Антропоморфного Резистентного Организма». И у меня есть полный доступ к вашим исследованиям.

— Почему мне никто не сообщил об этом? — прорычала Кроберг.

— Вас на совещании не было. Вы были без сознания, — Панов молитвенно сложил ладони. — Но скажу вам сразу, меня не очень интересуют ваши игры с вирусами. Я даже отчеты читать не буду по ним. Боже, там же столько данных! Это пока я буду разбираться пройдет год, а время у нас ограничено. Поэтому я тут, — Панов хихикнул, и снова постучал пальцами по пришитой ноге. — Способности «объекта 3» ассимилировать в себе конечности и не просто ассимилировать, но делать их своей точной копией — приоритет. Это сейчас она отличается, — он поглаживал пальцами ногу и смотрел на нее как замороженный, — но через год она станет такой же, как и та что рядышком. Он просто чудо. Вы ведь так его называете?

Но Кроберг не желала принимать то, что он говорит. Она ловила себя на желании проснуться. Не может быть! «Я его потеряла?!», — этот вопрос оглушал ее, заставляя подергиваться голову и бил ярким светом по глазам, заставляя щуриться.

— Он мой! — бросила она.

— Вы заблуждаетесь, — миловидно порхал Панов.

— Я свяжусь с Винбургом, — Кроберг сказала это уверенно. И Панов знал, что, скорее всего, Елена так и поступит.

— Для чего? Чтобы он вернул вас во главу проекта? — Панов ухватился за отогнутую штанину на ноге Каро и медленно начал спускать ее. Он смотрел на Кроберг невинным взглядом, участвующего друга, который причиняет боль, но не от удовольствия, но по необходимости. — И знаете, что будет? Он скажет, что вы умничка и проделали колоссальную работу. Но, приоритеты изменились. Да перестаньте, душенька, — Панов нарисовал отцовскую поучающую ухмылку, — вы действительно думали, что вечно будете

возглавлять проект? Бросьте. Мы с вами работаем под конкретный заказ. И сейчас он яснее ясного. Когда я добьюсь определенных успехов, я более чем уверен, что Винбург, или кто-то еще, вновь вернет проект вам. Если на это будет необходимость.

— Что вы намерены делать?

— Ну вот, это уже другой вопрос, — Панов отошел от кровати и, широко размахивая руками, радостно делился предстоящим. — Прежде всего, вы добились перерождения его иммунитета. Это замечательно. Однако перерождение его кожных покровов произошло гораздо раньше. Нужно было начать большие испытания еще года три назад. Ну что же, вы вирусолог вот и нянчились со штаммами. Но все что ни делается все к лучшему, — посмеялся Панов, — и его окрепший иммунитет поможет ему выжить в дальнейших испытаниях. Министр как можно скорее ждет от нас прорыва в воссоздании кожи. Через два дня мы возьмем образцы его кожного покрова и попробуем его клонировать. Одновременно мы будем наблюдать за процессом регенерации. Вы уже снимали с него кожу? — Панов резко повернулся и посмотрел горящим взглядом на Кроберг. — Как она ведет себя? Как восстанавливается? Как образуются новые соединения? Отрезанный кусок живет также долго сколько и органы, руки?

— Нет, мы не проводили таких обширных испытаний над эпидермисом, — обреченно констатировала Кроберг. Она наклонила голову и смотрела на плюющего слюной Панова исподлобья.

— Вот это плохо, — Панов нахмурился. — Чем вы там все эти годы занимались? Мне придется делать все с нуля? Кошмар!

— Раны на коже заживают в течение нескольких часов. Снимать с него кожу мы не додумались.

— Мы устраним эту досадную оплошность. Я видел, как вы относитесь к нему, — Панов с прищуром посмотрел на Кроберг. — Радуйтесь, у вас есть этот и завтрашний день, чтобы побыть вместе, — Панов вздохнул и направился к выходу. У самой двери он обернулся. — Когда один ученый очень долго пестует свой проект, это вредит. Проявляются нездоровые эмоции.

Кроберг готова была вколотить в закрывающуюся дверь стальные колья, лишь бы она больше не открылась. Она облокотилась на спинку кровати; закрыла глаза. Злость и беспомощность волнами подкатывали к горлу. Елена представляла, как она стискивает пальцы на глотке Панова. Червяк! Мелкий, гадкий червяк! Она медленно сползла вдоль спинки на пол. У нее устали ноги. Она ругала себя за свою молчаливость: за то, что ничего не смогла сказать этому слизню, запихнуть его слова ему в глотку, чтобы сбить пену с его уверенности. Хотя, когда на твоей стороне Винбург и ты — хороший лизоблюд, это окрыляет. «Петух напыщенный», — усмехнулась Кроберг. Один из приборов издал протяжный сигнал. Кроберг повернула голову в сторону мониторов. Но ей не хотелось вставать. Она решила подождать — возможно сигнал перестанет звучать. Через секунду-другую аппаратура смолкла. Елена посмотрела на дверь. В голове возникла мысль: «Хорошо, что здесь не было простачка Мельева». Не хватало, чтобы он разболтал всем об излучении Каро и порхал тут со своим прибором. И раз самого Мельева сюда не допустили, то либо Панов не придавал значение молодому ученому, либо они до него еще не добрались. Чего Кроберг хотела бы избежать. Но в нынешней ситуации молодой спец по излучениям будет под пристальным вниманием. Кроберг подняла голову над толпой мыслей. Ее взгляд сверлил дверь, а в голове уже зрел план, нарисовавший на ее лице недобрую улыбку. Она собралась с

силами и встала с пола. Нужно действовать аккуратно и не привлекать повышенного внимания. Панов решил, что изящно отодвинул ее? Ха! Кроберг усмехнулась своим мыслям. Выйдя в коридор и дойдя до операторной, она увидела Валентина. Он сидел за столом с приборами и делал какие-то анализы. Елена быстро проследовала к выходу. Что же, они хотят, чтобы ее не было рядом — так она и поступит.

На лице космопехотинца, ожидавшего ее, сияло удовлетворение — его наконец-то забирают с парковки. Елена направлялась к жилым блокам В. Они находились на первом уровне. Она поймала себя на мысли, что еще не была у себя в каюте с момента прибытия. Но ее больше интересовал Мельев. Она не могла вспомнить, интересовалась ли его судьбой у кого-нибудь. К ней заходил начальник станции, наверное, он ей что-то говорил про ее сотрудника. «Не хватало, чтобы этот умник погиб во время нападения», — огрызнулась Елена. Она шла напористым темпом, что доставляло радости пехотинцу. Если уж быть хвостом, то резвым.

В жилых отсеках было многолюдно. Кроберг даже растерялась. Ей еще не приходилось видеть стольких ученых в таких тесных условиях. Кроберг в штанах, кедах и с накинутым халатом вызвала большой интерес у выдавших виды ученого света. Елена посмотрела направо, потом налево: куда же его могли поселить? Обычно на станции не так много свободных кают. Кроберг плюнула на догадки и, остановив первого встречного сотрудника, спросила о новеньком. Но ни этот, ни другой, третий, не видели его. Елена топнула ногой со злости. «Где же ты? Припал, наверное, со страху к какой-нибудь груди», — злобночала Елена. Ответ нашелся быстро. Кроберг вспомнила, что в последнее время видела его с каким-то рыжеволосым. Увидев группу санитаров за игральным столом, она поспешила к ним.

Ей повезло. Рыжих на станции было немного, особенно известных. Кроберг узнала имя — Антон и что его каюта находится на втором этаже жилых отсеков под номером А215. Пыхтя как паровоз, Кроберг проследовала к лестнице. Она была недалеко. Но вот до каюты Антона нужно было пройти не один десяток метров. Кроберг желала немедленно увидеть Мельева и это расстояние она готова была преодолеть даже вплавь. Елена постучала в дверь с номером А215. Внутри было тихо. Она занесла руку, чтобы постучать сильнее, но дверь открылась. Перед ней стоял рыжий санитар в пижамных штанах, с помятым лицом, и растрепанными волосами. Бессонная ночь?

— Ты Антон? — Кроберг поморщилась, боясь застать Мельева в неудобном положении. Но она тут же осеклась. Почему она непременно должна застать Мельева в неудобностях? Глупость какая.

— Да. А ты? — протирая глаза, спросил рыжий, но через пару секунд он вздрогнул, разглядев перед собой Кроберг. — Ой, простите.

— Мельев у тебя?

— Кто?

— Сергей, с которым я прилетела сюда?

— Ах, ну да, — он открыл дверь шире. Медноголовый даже не думал стесняться наготы торса. Даже напротив, ему нравилось стоять полуголым перед именитой злыдней. — То есть нет, его забрали.

— Куда?! — выстрелила Кроберг.

— На допрос.

— Давно?

— Около двадцати минут. Вы быстро меня разбудили, — с досадой произнес он. Очевидно он прилег лишь совсем недавно и сильно жалел о расставании со сном.

Кроберг рванулась с места, как гонщик. Она шла вдоль широких перил, борясь с желанием спрыгнуть вниз. Выпустив пар на резком повороте, она резко спустилась по лестнице. Вылетев, как пуля из двери, ошпаренная профессорша застала врасплох пехоту. Солдат не ожидал, что она так скоро выбежит и присел у дверей. Кроберг долетела на ногах до лифта и, нажав на кнопку вызова, поняла, что не знает куда идти. Она резко повернулась к пехоте.

— Скажи на милость, где проводятся допросы персонала? — протараторила она.

— В центральном кольце. Всех туда отводят. А зачем вам?

— Тебе действительно интересно?

— Мне не интересно без толку бегать по станции за вами. Может я смогу чем-то облегчить ваши и мои страдания?

Он начинал ей нравиться.

— Хм, я ищу своего личного помощника, Сергей Мельев его зовут. Очень мне нужен. Мне сказали, что его вызвали на допрос.

— Так зачем нам зря идти к следователям? Я попрошу ребят узнать на какой стадии допрос. Может его уже отпустили.

Кроберг с интересом посмотрела на бравого пехотинца, оказавшегося вдруг таким полезным. Солдат прошел в наблюдательный пункт. Перекинулся парой слов с сидящим за пультом управления. Через пять минут пехотинец вышел с довольным лицом.

— Вашего помощника уже отпустили.

— И где он?

— Очевидно, скоро будет здесь, путь не близкий. Передвигаться по станции все еще запрещено, его в составе группы доведут до жилых блоков.

И даже почти не напряглась. Хоть в чем-то удача ее поддержала. Впрочем, так ли это на самом деле, будет ясно после разговора с Мельевым. Что он наболтал на допросе еще предстояло выяснить.

— Хорошо, — сверкнула глазами Кроберг. — Я подожду его в жилых отсеках.

Кроберг проследовала в обратном направлении. Пехотинец за ней. У открытой двери Елена повернулась к солдату.

— Спасибо, — бросила она как можно учтивее и вошла вовнутрь.

Елена постучала в каюту Антона. Надеюсь, что Сергей успел вернуться; рыжий быстро распахнул дверь. Кроберг не желала ничего объяснять и просто вошла, отстранив санитара от двери. Опешив от такой напористости, Антон плюхнулся на кровать, стоявшую справа. Кроберг осмотрела каюту: длинная и узкая, с ребристыми стенами синего цвета. Она была в три раза меньше чем апартаменты, которые всегда предоставлялись ей. Справа и слева вдоль стен стояли две кровати. Одна из них была застелена, та, на которой сидел Антон, прикрыта покрывалом. У изголовий находились тумбочки. Под иллюминатором у дальней стены стоял письменный стол на всю ширину стены, с выдвигаемыми ящиками. Рядом с ним два стула. Справа и слева от входа стояли два шкафа.

— Мельев скоро должен вернуться. И хорошо бы мне его подождать здесь, — Кроберг прошла к застеленной кровати и села напротив Антона.

Санитар был одет в обычный рабочий костюм. Он потирал ладони и смотрел в пол. Кроберг больше ничего не сказала. Она смотрела на понурившего голову Антона и

размышляла о допросе Мельева. В голове у нее крутились мысли о Панове: лишь бы его не было на допросе. Елена прикидывала в голове примерное время начала допроса, чтобы убедиться в этом. Ее мысли прервал звук входной двери. Кроберг посмотрела на открывающуюся створку. В каюту вошел Мельев. На нем был стандартный обтягивающий комплект из плотных штанов и водолазки синего цвета, покрытые рисунком в мелкий ромбик они подчеркивали его худобу. Волосы, прилизаны гелем, чтобы не выглядеть одуванчиком, от этого они переливались бликами от ламп освещения будто стеклянные. На ногах легкая обувь темно-синего цвета без шнурков. Адаптивная и удобная, она стала ярким примером того, как изобретение ученых и для ученых просочилось в широкие массы. Увидев сидящую на кровати Кроберг, он оторопел. Испугавшиеся зрачки забегали туда-сюда, пытаясь смотреть и на Антона, и на профессоршу, от которой веяло усталым недовольством.

— Вы? — с языка неловко слетел вопрос. Сергей перевел взгляд на Антона. Тот робко выдавливал из себя улыбку, стараясь не смотреть на Кроберг.

— Нам нужно поговорить, — Елена взглянула на медноголового. — Наедине, — сухо добавила она. Рыжий посмотрел на нее и вскочил с кровати, как с горячей плиты. Пролетая мимо Мельева, он тихо произнес: «Держись».

— Почему здесь? — Сергей подошел к кровати Антона и замер.

— Потому что тут нет свидетелей. Присядь, — кивнула Кроберг в сторону кровати. Раньше бы ее усладил вид трепещущего Сергея, но сейчас его мальчишечья нерешительность резала глаза.

Мельев сел на кровать рыжего так, чтобы как можно дальше находиться от Елены.

— Мы с тобой не виделись давно, — Кроберг смотрела ему прямо в глаза.

— Мне сказали, что Вы в лазарете...

— На допросе? — уточнила Кроберг. В ответ Мельев кивнул.

— Я была некоторое время без сознания. Сейчас, как видишь, все в полном порядке. Произошли события, которые повлияли на жизнь станции, — Кроберг смолкла. Она вслушивалась в шум за дверью. И заговорила тише. — До появления во всей этой чехарде налетчиков, мы проводили испытания над Каро. Мне помнится, что я приказала тебе направиться к двери отсека, где был мой крестник, со своим прибором.

— Я так и сделал, — Мельев кивал головой. — Мне передали ваши слова и я, не мешкая, направился к отсеку.

— Молодец, — Кроберг улыбнулась, но быстро смазала эмоцию с лица. — И?

— Я совсем недолго был перед отсеком, прежде чем зазвенела сирена и все побежали в жилые отсеки, — Сергей видел, как на напряженное лицо Кроберг спустилась хмурая маска. Мельев поспешил продолжить, — но я не сразу ушел. Мой прибор, то есть прибор профессора Кема, был постоянно со мной. Я шел в сторону отсека и наблюдал как прибор регистрирует все те же непонятные волны. Данные, собранные ранее во время прогулки с Каро по коридору, я проанализировал, — Мельев вскочил с кровати и подошел к своей. Поглядывая на Елену, он потянулся к подушке. Из-под нее он вытащил небольшой кейс. Это был личный зашифрованный хранилище данных. После того, как Мельев набрал код, из правого бока выскочил прозрачный планшет. Сергей включил его и, усаживаясь на кровать Антона, протянул девайс Кроберг. На нем были схематично изображены волнообразные линии.

— Это ни о чем мне не говорит, — Елена уставилась на Мельева.

— Там, в самом низу, сравнение. У меня с собой имеются данные по нановолновому излучению симбионта Каро. Это ценный источник информации, учитывая, что более мы не

регистрировали подобного излучения...

— Тут написано, что волны вокруг схожи с излучением симбионта Каро, — Кроберг читала отчет Мельева. — Это одни и те же волны?

— И да и нет. Они обладают похожими характеристиками, например, длиной. Однако, это не те наноизлучения, что испускал симбионт. Их частота была гораздо меньшей — интервал излучения. Причем эти волны были повсюду, как радио или любые другие волновые излучения.

— Может это помехи? — Кроберг намеренно попыталась сбить темп речи Сергея.

— Нет, какие помехи, профессор? Этот прибор настроен на регистрацию нановолнового редкого спектра. И с того момента, как мы прибыли на станцию, он регистрировал его повсюду. Это было похоже на перманентный сонар, излучение было постоянным. Но вот что удивительно, когда я подходил к Каро, эти нановолны вели себя странно — они притягивались к нему. Это как, если бы звуковая волна сонара отразилась от цели и на подводной лодке узнали о наличии объекта. Понимаете, — Мельев рукой указывал на планшет. — Перелистните страницу, — Елена сделала отмашку пальцем. На экране сменилась картинка. На ней был схематично изображен Каро, от которого исходят волны. — Когда Каро попал в поле действия этих неизвестных волн, его симбионт стал посылать в ответ очень похожие, в том же диапазоне волны. Пик излучения пришелся на момент испытания. Когда я подходил к дверям отсека, то прибор буквально сходил с ума. Такое излучение напугало меня. Я измерил пульс, даже лоб потрогал. Мне не казалось, что вокруг жарко или холодно. Все было нормально, понимаете?

— Ты хочешь сказать, что эти ответные волны не действовали на подсознание человека?

— Скорее всего. Хотя если бы нам удалось побеседовать с врачами, бывшими рядом.

— Это невозможно — они мертвы.

Мельев округлил глаза. Кроберг заметила, как его мысли начинают погружаться в пучину.

— Успокойся. Они погибли от нехватки кислорода. Операция по спасению длилась слишком долго. Думаю, ты прав, и эти волны не оказывали на людей никакого влияния, учитывая отсутствие массового психоза перед эвакуацией. Что-нибудь еще?

— Пожалуй, нет. Потом зазвенела сирена. Я стоял до последнего, пока меня не потащил сюда Антон. Ведь я толком не запомнил, где находятся каюты.

— Не надо оправданий, — Кроберг смотрела на планшет. — Кому ты сказал об этом?

— Только вам.

— Но ты был на допросе.

— И что? — не понимая намеков, выдал Сергей. — Меня спрашивали о том, где я был и чем был занят. Я сказал, что анализировал данные электромагнитного излучения станции.

— Зачем?

— Мне же необходимо было проводить замеры, а для этого нужно было вычистить сигнатуру излучения станции из основных показателей.

— То есть, ты ничего не сказал о нановолнах симбионта? — поразилась Кроберг.

— Они не спрашивали. Их интересовало, мог ли Каро каким-то образом подать сигнал террористам. Но я сразу сказал, что его состояние было тяжелым и прибор, который бы излучал такой сигнал, в него не вшивали.

На лице Кроберг появилась ухмылка. Мельев открывался ей с другой стороны. Не так уж

он был и прост.

— И ты действительно это им все наплел?

— Да, — улыбнулся Сергей. — Я же не соврал. Сказал все, как есть. Должен был сказать что-то иное?

— И ты был убедителен? — Кроберг хитро прищурила один глаз.

— Достаточно сказать лишь часть правды, чтобы все остальное ею показалось, — Мельев посмотрел в сторону двери и тихо добавил, — я понимаю, что симбионт Каро мог излучать подобные волны. Но в тот момент он излучал другие, похожие, но все же не одни и те же. Я правильно все сделал?

Кроберг медленно кивнула. На лице Мельева красовалась довольная улыбочка. Елена выключила планшет и вернула его Сергею.

— У нас небольшие изменения в работе над Каро. Министр Терен приказал углубить исследования по эпидермальной инженерии. Ему нужна новая кожа, — Мельев нахмурился, прикидывая чем это им грозит. — Через два дня Каро переведут в лабораторию биоинженерии, — Кроберг встала с кровати и медленно прошла к двери.

— И все? — Мельев вскочил с кровати. — Вы вот так его отдадите?

— Отдам? — Кроберг прищурилась. Она была удивлена реакции Сергея, покачивая головой из стороны в сторону. — Лишь отдаю на время. Им дан зеленый свет и повлиять на это решение я не могу.

— Пусть влияет кто-то другой? — осторожно спросил Сергей.

— Нам приказано не вмешиваться, — Кроберг вздохнула так, будто только что поставила на пол тяжелые мешки. — Отдыхаем. Пока что. Расшифруй показания приборов. Сделай полный анализ данных. В общем, занимайся тем, чем должен был, но без нашего подопечного.

Она открыла дверь. Рядом, справа, стоял Антон.

Кроберг кинула взгляд на рыжего санитара и неспешным шагом направилась к выходу из жилого сектора. Теперь была пора поражаться Антону. Он смотрел вслед идущей вразвалочку профессорше и не мог поверить, что женщина-ракета никуда не спешит.

У нее гудели ноги. Спускаясь по лестнице, она мечтала об одном — сесть. Ее тело отчаянно требовало передышки. Она доковыляла до ближайшего места отдыха, где располагались полукругом кресла и диваны белого цвета в окружении синтетических растений и плюхнулась в мягкое, показавшееся нежным, кресло. И ей стало хорошо. Тело потихоньку начало расслабляться. Елена поймала себя на мысли, что впервые за столько лет работы ей не надо было никуда бежать. Она стремилась на станцию, но именно здесь ей было суждено отдохнуть. Панов не был ей врагом. Он никогда не мешал ее работе. Во всяком случае открыто и напрямую. У них были разные области деятельности. А уровень неприязни между ними был недостаточным, чтобы вставлять друг другу палки в колеса. Но все же Панов был из тех неудобных препятствий, с которыми приходилось считаться. И единственно верным решением было терпение. Это препятствие само сметет себя под собственным весом. Нужно было лишь подождать. Кроберг хотела дать ему полностью насладиться внезапно обрушившимся величием.

«Неосторожно карабкаясь можно свернуть себе шею», — Елена вспомнила слова Валентайна Ферша, выдающегося немецкого ученого, ставшего для нее первым опасным учителем. С ним она проходила боевое крещение, когда по соглашению между Россией и Германией, ее и несколько других молодых ученых-вирусологов направили в Гамбург. Там

она и познакомилась со светилом немецкой вирусологии — профессором Фершем. Он был невысокого роста, но очень хорошо сложен. Самой знаменитой его чертой было то, что в кармане его халата всегда лежало небольшое зеркальце. Он использовал его в словесных спорах с практикантами, особо резвыми коллегами и теми, кто так или иначе занижал его значимость. В моменты, когда разумные доводы заходили в тупик, профессор Ферш вытаскивал зеркальце и демонстрировал его оппоненту: «Кого вы видите? — говорил он вдруг спокойным голосом. После чего он поворачивал зеркальце к себе и, глядя в него, добавлял, — а я вот, профессора Ферша». На этом спор заканчивался, и самолюбивый ученый выходил из разговора. Кроберг видела это зеркальце шесть раз. Три раза он демонстрировал ей, что она равным счетом ничего собой не представляет. Но когда он, после трех лет совместной работы, вытащил зеркальце в четвертый раз, Елена пригрозила что разобьет его. После этого Ферш произнес: «Я вижу выскочку, которая хочет открытий». С этого началось их плотное взаимодействие. Группа вирусологов из России помогала немецким коллегам в локализации эпидемии. Кроберг должна была остаться в университете в Гамбурге. И даже не изъявляла желания выехать на передовую. Но профессор Ферш вновь вытащил и показал ей зеркальце: «Передо мной книжный червь или ученый?». Кроберг была избрана немцем в свои ученики. И Кроберг следовала за ним повсюду. Она даже незаметно стала копировать его манеру общения. Работая с ним над поиском вакцины от свирепствовавшей болезни, Кроберг продемонстрировала на что готова пойти ради успеха. Фершу нравилась напористость его ученицы. Шестой раз он показал ей зеркальце перед своей смертью. Он был не в состоянии что-либо говорить, но Елена поняла его и без слов. Семь лет она проработала под его началом. И он стал тем, кто открыл ей существование неблагородного пути борьбы за свой гениальный ум. Покидая Германию, она благодарила судьбу и решила стать продолжательницей школы профессора Ферша. Через год Кроберг предложили видную должность в Краснодарском противовирусном центре. Еще несколько лет Елене понадобилось на то, чтобы полностью изменить у людей представление о школе Ферша. Она отказалась от его гуманистических идей, оставив лишь нацеленность на результат. Ферша она уже почти не вспоминала и вскоре упрятала глубоко воспоминания о том, кем он был в ее жизни. В Краснодаре ее заметил Винбург. Тогда он еще не был министерским чиновником. Их работы пересекались, и Кроберг оказала посильную помощь в структурировании штамма вируса, который бы смог прекратить процесс мутации искусственной человеческой печени.

Перед ней стоял Винбург. Удав в человеческом облики. Когда-то она даже жалела, что познакомилась с ним. Но он стал вторым человеком, кто подтолкнул ее к великому открытию. И сейчас он решил, что сможет отодвинуть ее. На лице Елены появилась ехидная улыбочка. Она терпеливо выжидала, когда Панов, ставший ведущей фигурой в этой игре, сделает свой уверенный, но катастрофический ход. Он был настолько фанатичен в своей исполнительности, что ни за что не упустит шанс продемонстрировать свою исключительную работоспособность. Он был на хорошем счету в Министерстве, так как обеспечивал результат. Но у него было много ошибок в работе, из-за которых Винбург часто делал ему выговор. Однажды это навлекло гнев Терена на Винбурга. Чиновник был готов раздавить Панова, но преданный лакей еще никому не мешал. Винбург сохранил за Пановым должность. И вот теперь, когда Терен приказал в кратчайшие сроки предоставить результат, Винбург дернул за веревочку, на которой был привязан послушный Панов. Идеальный исполнитель. Министру нужен был очередной прорыв и Винбург верил, что его сможет

предоставить Панов. И для того чтобы в очередной раз продемонстрировать свою нужность высокому начальству и значимость перед всеми остальными учеными на станции, Панов приступил к выполнению поставленной задачи. Кроберг усмехнулась, она поняла, что сыграла в этом свою определенную роль. Растрогавшись тогда в палате у Каро перед лицом Панова, она вознесла его значимость до небес. Прежде всего, в его собственных глазах. От экстаза своего превосходства он готов был растечься. А раз так, он дерзновенно отметет любые выводы Кроберг в работе над Каро.

Через два дня Каро перевезут в кольцо D, на второй уровень, где располагались основные испытательные боксы. Многие из ученых опасались Каро и поспешили подать прошения об освобождении от участия. Но Панов был убедителен. Его лучающаяся физиономия была страшнее перспектив заразиться «белой язвой». Хотя некоторые все же «удачно» заболели и не были в числе счастливиц, когда Панов дал отмашку испытаниям.

Каждый день он составлял подробный отчет о проделанном. Он связывался лично с Винбургом и сообщал о том, что было сделано за день. При этом он всегда упоминал Кроберг и ее недосмотр за кожным потенциалом «объекта З». Винбург не был дураком и хорошо видел снующий язык Панова возле своей задней части. Резни между учеными он желал меньше всего и поэтому каждый раз жестко осекал свою марионетку. Панов повиновался. Он забывал о Кроберг каждый раз, как только заканчивался разговор с хозяином. Панов возвращался в лабораторию, где ученые снимали слой за слоем кожу с Каро.

Больше всего досталось спине. Там был самый толстый слой эпидермиса. При взаимодействии с иглой или острым предметом, кожа становилась еще плотнее. В местах соприкосновения увеличивался приток моний, и участок становился белее. Появлялись признаки ороговения. Так организм защищал себя от ран и порезов. Но защитить кожу от лазерного ножа, монии были не в состоянии. Каро лежал на операционном столе. Он медленно поворачивал голову в одну сторону и глазами искал среди лиц ученых в защитных костюмах и масках, знакомые глаза Кроберг. Каро поворачивал голову в другую сторону, но не мог найти знакомых лиц. Он не узнавал тех, кто вокруг него и не понимал, что с ним делают, пока его не перевернули на живот. Несмотря на данные отчетов о том, что ни одно снотворное не сможет погрузить его в сон, врачи сделали тщетную попытку. Увидев, что Каро остается бодрствующим, Панов приказал срезать верхний слой длинными полосами вдоль позвоночника, по бокам и на пояснице. Эту же процедуру предстояло повторить на ногах, руках и груди. Панов взглянул на Каро, и на его лице засияла улыбка. Шрамы выглядели очень хорошо, участки кожи на лице приживались очень быстро. Но Панов намеревался идти дальше. Сначала он решил понаблюдать в каких местах и каким образом у Каро будет образовываться новая кожа и будет ли вообще. После этого он намеревался пересадить ему кожу здорового человека.

Перед тем как с Каро срезали первый участок, Панов проверил его голосовые связки. Они действительно были деформированы и пока не могли издавать сколько-нибудь внятных звуков. Панов помнил о том, что несколькими днями ранее обещал подправить их. Однако слышать вой или крик объекта во время процедур, ему очень не хотелось. Каро лежал на животе. Отрешенным взглядом смотрел, как суетятся врачи. Они готовили приборы, проверяли инструменты и обрабатывали ему спину. Каро моргнул, и плотная белая ткань закрыла его лицо. Это сделал один из врачей, увидевший взгляд Каро, блуждающий и смотрящий насквозь.

Первая слеза скатилась на блестящий стол, когда кусок кожи начали подцеплять зажимом. Каро дернулся, но зажимы и держатели крепко цеплялись в кожу дополнительными шипами. Это была задумка Панова, чтобы объект не шевелился. Каро закрыл глаза, но каплям веки не помеха. Обжигающими струйками они стекали по щекам и носу, вдоль шрамов, оставляя белый след на заживающей коже. Он дернулся. Как не пытался, сдержаться ему не удавалось. Боль разрывала его, и он скулил, как раненый зверь. Он снова открыл глаза. Ему показалось, что он услышал знакомый женский голос. Зрачки его бегали вверх и вниз, пытаясь разглядеть через просвечивающую ткань вошедшую женщину. Но, пронизывающая иглами, боль вновь вонзилась в тело. Глаза зажмурились сами. Вошедшая женщина произнесла несколько коротких фраз и Каро понял, что это не Кроберг. Она брала на анализы участки срезанной кожи и уносила их в соседнюю комнату. Каро хотел впасть в бессознание. Чтобы ему сделали настолько больно, и он отключился на время операции. Он всхлипывал и глотал слезы, молча вымаливая о страшной боли. Операция продлилась три часа. После чего Каро оставили лежать на животе с открытыми надрезами. Панов не стал закрывать их, ему нужен был чистый эксперимент. Он желал видеть, как организм «этого чуда», как он его назвал, справится с такими повреждениями.

После проведенной операции, у Панова было что сообщить Винбургу. Он с радостью рапортовал об отмирании некоторых участков кожи. Но те, что были помещены в сохранные капсулы, проявляют жизнестойкость и обладают повышенной трансплантабельностью. В отличие от органов и частей тела, которые закупориваются, образуя замкнутый недоорганизм, кожа ведет себя иначе. Она ликвидирует кровопотерю на линиях среза, но не образует спайки, оставляя их открытыми, образуя миллионы новых отростков для соединения с местом, откуда участок кожи был взят. Панов особо отметил, что существует необходимость в получении разрешения на проведение трансплантации кожи «объекта 3» на пораженный участок незараженного человека. Винбург промолчал, но по его взгляду Панов понял, что его идея понравилась чиновнику.

Еще через семь дней Панов доложит спецпредставителю Министерства о том, что кожа на теле объекта подает признаки восстановления. Образовываются новые связи. Ученые подсчитали, что через восемь месяцев кожа нарастет вновь. Особенно радостно Панов сообщил о том, что пересаженная кожа здорового человека успешно приживается. Однако моники проникают в ее ткани, и вскоре ее будет не отличить от остальной поверхности. Винбург видел результаты: он читал отчеты и регулярно разговаривал с Пановым. Но, по истечении второй недели, сделал непрозрачный намек на то, что все эти испытания не приближают биоинженерию к созданию идеальной кожи.

Панов нервничал. Над изучением функции воспроизведения кожи работали десятки человек. Но все они, так или иначе, упирались в то, что без моники в клетках живучесть кожи была равна нулю, а, значит, вырастить ее как орган невозможно. Тогда Панов решил сосредоточить работу над ослаблением моники. Если ее нельзя вывести из клетки, то ее надо было модифицировать. Для Каро это означало новые срезы кожи. Его состояние стало ухудшаться. За две недели давление в крови снизилось, упала температура тела. Ночами он стал задыхаться, так как уменьшилась площадь функциональной кожи, служившей ему дополнительным органом дыхания.

На исходе третьей недели, обессиливший от непрерывной работы, Панов пришел в палату к Каро. Забинтованный он лежал с кислородной трубкой, которая была вставлена ему в рот. Панов стоял в защитном костюме возле двери, сжимая и разжимая плечи. За много

часов работы это был редкий случай, когда он встал со стула. Тело ныло и требовало отдыха. У него впали глаза, он осунулся, сильно небрит. Его плотная фигура стала еще шире и едва влезала в защитный костюм. Это сильно злило Панова и, заметив устремленный на него взгляд объекта, со злостью посмотрел на Каро.

— Чудо, — прохрипел Панов. В горле у него было сухо. Он вспомнил, что встал из-за стола, чтобы налить себе воды. Но анализатор, резким внезапным писком известил об очередном провале теста. — Почему у нее идут открытия, а мне с тобой так не везет?

Каро смотрел на него, медленно моргая. Он с жадностью вдыхал воздух, идущий по трубке. Ему хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть тучную фигуру недоброжелателя.

— Ты не знаешь, — Панов усмехнулся, увидев, что Каро закрыл глаза. — У нас осталось семь дней. Семь чертовых дней, перед тем как тебя вернут на Землю, — Каро приоткрыл веки. Панов стоял рядом с ним. — Знаешь, что это значит? Это значит, что если я не пойму, как воспроизвести твою кожу, то мне придется тоже лететь в твою Деревню. — Панов ударил по кровати кулаком.

Один из приборов издал протяжный писк. Панов обошел койку. Это был показатель адреналина.

— Ха, — рассмеялся Панов. Он развернулся к Каро, — да ты меня боишься, малец? Ну так расскажи мне свою главную тайну. Или ты там трясешься весь? — Панов изо всех сил ударил Каро по перебинтованной груди. — Что?! — закричал Панов и резко потянулся к нагрудному карману, где лежали хирургические инструменты. Он крепко держал в руках скальпель и пыхтел как паровоз, глядя на дверь. — Что?! — он заорал во всю глотку размахнулся и воткнул острие в грудь Каро. Острое тонкое лезвие беззвучно вошло в тело.

Приборы запищали. Каро пытался ухватиться за руку Панова. Тот смотрел на приборы и улыбался широкой улыбкой. Воздух сухими всхлипами вырывался из Каро, он бился как рыба, выброшенная на берег. В палату ворвались два врача в защитных костюмах. Оторопев от увиденного, они потерялись в своих действиях. Один выставил руки вперед, и стал подходить ближе.

— Что?! — Панов прокричал, глядя на коллег. Он вынул скальпель из груди Каро и вонзил его себе в горло.

Врачи ринулись со всех ног. Один к Каро, другой к Панову. Вся грудь объекта была в крови, но она сочилась очень медленно, ему не хватало воздуха. Врач вытащил перекусанную трубку из горла Каро и начал вставлять новую. У Панова сильным напором хлестала кровь. Он лежал на полу и дергался. Его глаза бегали из стороны в сторону, второй рукой он мотал в воздухе, желая ухватиться за что-нибудь. Вскоре в палату вошли еще врачи. Панов потерял сознание.

Перед Кроберг копошилась толпа из врачей, медсестер и санитаров. Они сновали туда-сюда, словно серые муравьи. Но впервые Елену не раздражало это броуновское движение. Она окунала в этот сумбур свои мысли, уютно устроившись в кресле. Ноги благодарили ее за отдых. Елена вытянула их вперед и сложила руки на груди, погружаясь в легкую дрему. Здесь и сейчас, в холле жилых отсеков, ей было безмерно хорошо. И она наслаждалась этим.

Через три недели она присутствовала присутствовать на похоронах Дмитрия Панова, которого сочтут слетевшим с катушек ученым. Его разложившееся от моний тело, сожгут в крематории станции. Министерство запретит возвращать его останки на Землю. Оставшимся родным не передадут даже его пепел.

V. ПОБЕГ. Глава 16. Мозаика

Таш бесцельно брел по узкой колее. Некоторые называли ее кругом Каро. Он протоптал его своими постоянными стремительными пробежками. Несколько раз в неделю он проносился за домами девятого круга. Тогда прутья двадцатиметрового металлического забора сливались и становились невидимыми. Казалось, что от деревьев ничего не отделяет. Достаточно свернуть и ты вмиг окажешься рядом с ними. Таш медленно шагал, пиная мерзлые камни. Его голова была опущена, а взгляд устремлен в холодную землю. Руки мешали ему — беспомощные беспокойные конечности! Он то складывал их за спиной, то засовывал в карман. В мыслях его уже отгремела буря, вызванная добровольным возвращением Каро на растерзание Кроберг. Когда он ушел, Таш еще долго сидел и злился на Каро за то, что тот сам себя преподносит на блюде. Сколько раз они шепотом спорили, стараясь не выдавать своих слов. Таш требовал от Каро, чтобы они приступили к выполнению плана немедленно. Имеющиеся у них силы позволят прорваться через любые ограждения, говорил деревенский глава. Но Каро был непреклонен. Таш усмехнулся своим мыслям: «Миротворец». Он произнес это слово с издевкой, со злостью. Бессилие — был его удел. В тот день Таш не отважился пойти за Каро и смотреть ему в след. Хотя так он поступал всегда, начиная с первого дня, как попал сюда и познакомился с ним. Он испугался. Последний взгляд Каро холодом коснулся его сердца и глубокой впадиной на его лбу прорезалась еще одна морщина.

«Дерзкий пацан», — прокричал он десять лет назад, когда Каро предложил ему помощь. Каро был совсем молод, а Таш — напуган. Ему было страшно, равно как и сейчас. И, как любой загнанный зверь, кидался на того, кто больше всего желал ему помочь. От воспоминаний темень на лице Таша, сгустилась еще пуще. Он отбивался от того животного, гадкого, отравляющего мозг, первобытного страха.

Ташу долго удавалось скрывать факт своего заражения. Он жил успешной и скучной жизнью. Стараясь сохранять в целостности свою кожу, он тратил огромные средства на иммунные стимуляторы. Из Японии ему привозили дорогие мази, которыми он покрывал все свое тело, чтобы избежать мелких порезов. Таш был белым воротничком с бледной, идеально гладкой кожей. Крема и мази препятствовали естественному загару, даже когда он находился днями на солнце. В комод у Таша были сотни пар телесных носков. Их почти не было видно, даже при близком рассмотрении. Он был очень осторожен с людьми и никого не пускал в свою жизнь. Его называли самым скучным из богачей. Несмотря на неплохое состояние, он не был главой большой корпорации, но с любовью трудился в транспортной компании. Он входил в десятку успешных топ-менеджеров и считался идеальным кандидатом на любые посты. Но Таш всегда был на одном месте. Он создал вокруг комфортную среду, окружив себя проверенными людьми. Он ходил в строго определенные места, где проводил досуг и отдыхал. Таш сам создал для себя незаметный колпак, который не замечали многие. Несколько раз он отказывался от перевода в Новую Москву, так как боялся больших муравейников. Его откровенно не понимали, но он был идеальным сотрудником, а кому-то неплохим другом. Из года в год все шло как нельзя лучше. Но короткий штиль хорош, когда приходит на смену буре. Безветрие жизни у Таша продолжалось больше десяти лет.

— Поговорить не хочешь? — воспоминания Таша прервала Сата. Она стояла перед ним, преграждая путь. Таш посмотрел на нее исподлобья. Она была одета в теплые серые штаны и осеннюю куртку темно-синего цвета. «Опять у кого-то выменяла», — зацепилась мысль старосты. Из-под куртки небрежно торчал белый край рубахи, в которой она обычно расхаживала в доме.

— Я думаю, — ответил он. Ему было жалко и этих сказанных слов.

Староста обошел ее и продолжил путь по протоптанной тропе.

Но девушка не намерена была просто так отступить. Сата горестно усмехнулась. Таш, как всегда, предпочитал решать все сам. Она развернулась, быстро поравнялась с ним и, копируя его микрошажки, пошла рядом.

Таш не реагировал, но где-то глубоко в душе он был признателен ей за прерванные воспоминания. Погружаться в них было чревато последствиями. Сата посматривала на старосту и молча брела рядом. Терпеливая. В этом была большая заслуга Каро. Но самым важным в этом случае был верный подход к Ташу, которому научил ее наставник. На вид староста был очень грозен и монолитен. Его слава, вскоре после того, как Кроберг сделала его главным в Деревне, быстро опередила его. Таш вел себя со всеми одинаково жестко. Его правило было простым — соблюдать правила Кроберг. Недовольных и особо ретивых он выявлял быстро. Ведь некоторые из-за глупой бравады даже не делали попыток затаиться или как-то скрывать свое нежелание находиться в резервации. С такими разговор был коротким. По докладу Таша, санитары прибывали в нужный дом и вкалывали дозу транквилизаторов. Они делали это на протяжении нескольких месяцев, после чего человек превращался в ходячий овощ. Кроберг была довольна тем, как яростно Таш выискивает потенциальных бунтовщиков. И спустя несколько долгих месяцев, деревенские опустили руки. Раньше жители лелеяли надежду на то, что их чаяния услышат. И их услышала Кроберг, и послала им вполне внятное послание в лице ручного Цербера.

Деяния Таша создали вокруг него ореол тишины и таящегося страха. Одни ненавидели его, другие почитали в стремлении угодить. Не все в Деревне считали, что им нужно спасение. Многие среди зараженных были бездомными и пребывание, пусть и за железным забором, было для них жизнью. Но что бы в итоге не думали о Таше ни те ни другие, их мысли сходились на Каро. Он был для большинства, по меньшей мере, странным. Некоторым он казался мессией, другим — дьяволом, искушающим их. Но Каро общался и проживал с Ташем в одном доме. Те, кто любил Каро, не могли понять, почему же староста не вызывает у него отрицательных эмоций. И отчего он всегда отзывался о нем с теплотой. Те, кто недолюбливал Каро и его странности, считали марионеткой в руках Кроберг и что Каро на самом деле управляет Ташем. Деревенские давно привыкли к такому положению дел. Когда Таш и Каро появлялись вместе или их видели мирно беседующими, это никого не тревожило. Жизнь в Деревне была слишком прямолинейна, чтобы долго разыскивать в ней тайные повороты.

Сата продолжала идти рядом со старостой. Она помнила слова Каро о том, что вытягивать из Таша что-нибудь против его воли не имело смысла. Можно было с трудом за что-то уцепиться и постараться вытянуть желаемое, но на деле все сводилось к бесполезному разговору или даже ссоре. Таш умело придумывал на ходу любые отговорки и небылицы, изворачивался как уж, чтобы избегать разговоров, которых он в данный момент не желал. Визита Саты после ухода Каро, староста ожидал. У нее как всегда будут вопросы, переживания, которыми она опять и опять попытается поделиться. Он поднял голову и

посмотрел на спускающиеся тучи. Чернеющие, как вываленная в грязи вата. Уродливые. Глубоко вдохнув, Таш произнес:

— Холодно скоро будет.

— Каро предсказал это, — Сата посмотрела на старосту.

— Каро много чего предсказывал, — грозный взгляд старосты уставился на девушку, — и то, что он в этом году не вернется в лабораторию тоже предсказывал.

— Он на это надеялся, — произнесла Сата с горечью. Таш почувствовал это.

— Надежда — пыль. Это был не идеальный план, в который закралась ошибка. Ошибка стоящая нам стольких усилий.

— Мне не нужно использовать свои возможности чтобы понять, что ты злишься, но не на Каро.

— Как все хорошо шло... — тяжелые веки сомкнулись, едва подрагивая.

Он вспоминал разговоры с Каро о том, что они так близко подобралась к свободе. И в какой-то момент выдавший жизнь Таш начинал теряться — не иллюзия ли это. Но Каро всегда возвращал его в реальность. Ведь жизнь в Деревне далеко не мираж, и они вот-вот с ней распрощаются.

— Вот и распрощались, — Таш исподлобья смотрел на безмятежно стоявшие голые деревья далеко за изгородью. Как и деревенские их ничто не могло укрыть от надвигающегося холодного фронта.

— Я чувствую настроение всех. И они ждут твоей реакции, — Сата пыталась вернуть старосту в нужное русло. — Каро до последнего верил и надеялся. И нам...

— Он надеялся на то, что у людей есть грань дозволенного, — перебил Таш. — Надеялся на себя, на то что мы успеем, — Таш так сильно сжал кулак, что его костяшки «раскалились» добела.

— У Каро на бирке стоит цифра 3, - Сата смотрела перед собой, — но ведь здесь нет никого у кого была бы 1 и 2. Где все те люди, которые носили на себе номера до 129?

Таш посмотрел на Сату. На ту, что посмела напомнить ему о том, что Каро здесь с самого основания. Этой хрупкой девочке, с тельцем осины, легко удавалось противостоять старосте. Но все же ее голос дрогнул.

— У него на груди чертова цифра 3. Но он сохранил надежду, а ты нет, — Сата не повернула головы. Она не хотела видеть сверлящего взгляда старосты. Это щит, за которым он прятался, которым нападал. — Для меня Каро значит не меньше, чем для тебя. Пусть не то же самое, но не меньше.

— Мы все делали вместе. Что же делать нам сейчас?

Таш отвернулся от Саты. Они продолжили путь в молчании. С соседних улиц доносились детские голоса. Ребяшня бегала между домами. Было слышно, как двое из них приближаются. Таш остановился, чтобы встретить их. Ему хотелось знать, кто из них столь безрассуден, что выбегает за пределы девятого круга. Сата напряглась. Она боялась, что сказанное ею может срикошетить на детей. Через пару мгновений из проулка между домами, позади Таши и Саты, выбежали мальчик с девочкой. Это были Таня и Коля, одного возраста, хотя малышка была повыше. Девочка тащила за собой юного кавалера, держа в другой изрисованный альбомный лист. Увидев перед собой старосту, дети осеклись. Таня отпустила руку Коли и забежала ему за спину. Сата смотрела на лицо Таши. В любую секунду она готова была встать между ним и детьми.

— Что вы тут делаете? Вам запрещено играть здесь, — с высока огласил Таш.

Дети ощущали мощь надвигающейся бури и только сильнее прижимались друг к другу и боялись произнести даже звук.

— Что у тебя в руке? — Таш сделал два шага к детям. Таня и Коля стояли как вкопанные. Пытаясь хоть как-то уклониться от напиральной воли Таша, дети как деревья на ветру клонились назад.

Староста присел на корточки и медленно вытянул из зажатых пальцев Тани рваный рисунок. Он был ему знаком. Так рисовал Каро. С их помощью он учил детей читать и выискивать знаки. Но Таш знал, что этот рисунок больше чем измазанный краской листок бумаги. О некоторых символах ему рассказывал Каро. Немного. Пунктиры были похожи на пути следования. Некоторые символы совпадали с расположением камер. Таш посмотрел на датчики на стенах домов. Они были неактивны. Сата заметила немые рассуждения старосты и тоже посмотрела на дома.

— И давно вы здесь бегаете? — тихо спросил Таш.

Мальчик кивал головой, а трясущаяся Таня мотала ею из стороны в сторону так сильно, что казалось она вот-вот оторвется от тоненькой шейки.

— Дети, не бойтесь, скажите правду, — вмешалась Сата. Ей казалось, что Таш с каким-то умыслом задал этот вопрос.

— Мы ищем подсказку... к ребусу, она появляется только в это время, — протараторил маленький Коля. Определенно он был не робкого десятка, хоть и жался к девочке в поисках поддержки.

Таш еще раз посмотрел на рисунок. Потом опять на датчики слежения.

— И как поиски?

— Мы не можем найти, хотя обыскали уже много домов, — с претензией высказалась Таня. Дерзкая, как одна моя знакомая, хмыкнул про себя Таш.

— А как же она выглядит, эта ваша подсказка?

Дети пожали плечами.

— Не знаем. Кусок листа оторван. Но мы знаем, что она где-то возле этих домов.

— Сегодня вы здесь уже не будете играть, — Таш сложил листок и протянул мальчику. Коля медленно потянул руку к рисунку и взял его. — Бегите, играйте на улицах.

Дети не верили, что староста отпускает их просто так. Мальчик еще стоял на месте, когда Таня, попятившись назад, дернула его за волосы. Коля встрепенулся, и они вместе шмыгнули в проулок между домами.

— Что случилось? — подождав немного, поинтересовалась Сата. Она видела, что датчики на домах приковывают все внимание Таша.

— Не может быть, — не веря своей догадке, произнес Таш, — все это время Каро не просто рисовал детям рисунки. Он шифровал в них план побега.

— Ты уверен? — Сата подошла ближе, испугавшись слов старосты перед самыми датчиками. Она оглянулась на них, но они по-прежнему оставались не активны.

— На рисунке девочки указан путь между домами, ведущий вдоль подземных коммуникаций под ними. Дорога выводила их сюда, как раз в то самое место, где не работают датчики слежения, — пояснил пораженный Таш. — Каро рассказывал мне, что в Деревне из-за распространяемых им направленных импульсов регулярно происходят сбои датчиков. Он несколько лет пробовал разные способы, чтобы их отключение оставалось незаметным для охраны, — Сата заворожено слушала старосту, постоянно поглядывая на темно-зеленые полосы датчиков. — И у него получилось, черт! Больше всего вероятности

отключить датчики в местах, где под землей проходят коммуникации. Они создают электромагнитные помехи. Вероятно, Каро удалось убедить службу охраны, что это помехи виноваты в отключении датчиков слежения.

Таш заглянул за дом справа и слева. Датчики не работали. Он повернулся к Сате, желая что-то сказать.

— Молчи, — вдруг сказала Сата и зашагала вдоль домов.

Таш понял — включились датчики. Он обернулся. По интенсивности их свечения он понял, что они не зафиксировали ничего подозрительного. Он был один, Сата шла в нескольких метрах от него. Староста остался стоять возле дома, разглядывая небо. Но в мыслях его был Каро. Таш отчетливо помнил, как тот сидел часами и рисовал одну картину за другой. Он оборачивал найденные лазейки в обертку, чтобы никто не мог понять и догадаться, что на самом деле под ней скрывается. На лбу старосты прорезались недовольные морщины. Таш вынырнул из размышлений. Вокруг было очень тихо. Он бросил последний взгляд на вершину забора. «Очень высокий и опасный», — пронеслось у него в мыслях. Таш развернулся и пошел в обратном направлении, к главной дороге. Ему хотелось поскорее вернуться в дом, чтобы увидеть надоедливую Сату. Он знал, что она непременно зайдет к нему.

Таш не медлил. Он прошел сквозь улицы по проулкам между домами, максимально сокращая расстояние. Ему не хотелось попадаться никому на глаза, особенно тем, кого он регулярно посещал в ходе своих неспешных прогулок. В этот день ему повезло. До дома он добрался никем не замеченным. Поднимаясь на веранду, Таш впервые поймал себя на мысли о том, что ему хотелось увидеть Сату внутри. Она всегда много говорила и, как он всегда отмечал, мало по существу. И терпел староста ее потому, что она создавала эффект хаоса вокруг себя. Во время бесед, которых никто не должен был слышать, это ее свойство как нельзя кстати находило применение.

Таш открыл дверь. Внутри никого не было. Войдя внутрь, ему пришла мысль о том, что разговору с Сатой может помешать новенький. Таш нахмурился. Он смотрел на кровать Кира и обдумывал способ его нейтрализации. В дверь постучали. «Сата», — догадался Таш. Он поспешил открыть дверь.

— Простите, — это была Маргарита. Молодая рыжеволосая женщина 30 лет. Руками у плеч она держала наспех накинутую легкую голубую куртку. Под ней проглядывалась обычная бледно-зеленая широкая рубаша, заправленная небрежно в такого же цвета штаны. На ногах лишь шлепки. Она жила со своей матерью, в четвертом круге. Марго переминалась с ноги на ногу и прятала глаза.

— Что тебе надо? — недовольно спросил староста.

— Моей маме очень плохо, — не поднимая глаз, ответила Марго.

— Ты знаешь, что с ней?

— Позавчера ее забирали санитары на процедуры...

— Смотри на меня, — перебил Таш.

Девушка сжалась и тряслась как осиновый лист. Она медленно подняла голову и глазами полными слез посмотрела на главу Деревни.

— Ты сама-то себя хорошо чувствуешь?

Маргарита быстро закивала в ответ.

— Я очень переживаю за маму. Когда ее привезли, они сказали, что у нее началась деградация. Что это такое, не пойму. Санитары не объяснили, — Таш задумался, но лишь на

несколько секунд. Диагноз «деградация моний» ему не раз приходилось слышать. Он сделал несколько больших шагов и оказался у своей тумбочки. Покопавшись в верхнем ящике, он достал автошприц и две ампулы.

— Идем, — он стремительно вылетел из дома, небрежно отстранив с пути девушку.

Маргарита побежала за ним. Определенно, шлепки для этого не самая удобная обувь. Быстрыми шажочками она пыталась идти с той же скоростью, но Таш делал огромные шаги и скоро отдалился от ее.

— Ты со своей матерью прибыли сюда не так давно? — ему пришлось повысить голос, чтобы отстающая Марго слышала его.

— Третий месяц всего... — не успела она договорить, как уткнулась в грудь старосты.

Таш резко развернулся. Он отстранил в сторону Маргариту и, нагнувшись, посмотрел на ее зеленую бирку: 3456.МАРГО.4.3455.3.DD. Взглянув в растерянные глаза девушки, Таш повернулся и поспешил к ней в дом. Таш вспоминал, что за последние несколько месяцев к ним в Деревню попали лишь трое: Маргарита, ее мать — Екатерина Валерьевна Семиовская и в этом месяце Кир. Кробрберг рассказала Ташу о том, что Марго вместе с матерью определили в резервацию, когда после очередного планового осмотра Екатерины Валерьевны, у нее обнаружили следы «белой язвы». Мать Марго была и без этого смертельно больна. Однако наличие перерождающихся моний у нее и ее дочери оказалось полной неожиданностью. Был объявлен карантин. Прибывшая группа из резервации упаковала их в сохранные капсулы и увезла с собой в Деревню. Зеленый цвет бирки говорил о том, что объекты не представляют никакого интереса с практической точки зрения. Они не обладали никаким электрохимическим потенциалом. Находились на ранней стадии развития болезни. Больше всего Таша пугали две последние латинские буквы «DD». Они означали деградацию моний: утрате ими контроля над мутацией организма и постепенному отмиранию. Проблема заключалась в том, что мутационные процессы в теле продолжали происходить из-за наличия в нем моний, но происходило это беспорядочно, что вредило функционалу организма. Быстро умирающие клетки моний выделяли ядовитый фермент — АТ-морте. В обычном случае отмирание происходит постепенно и АТ-морте производит омолаживающий эффект на клетки, убивая старые и непрочные. В случае с Маргаритой и ее матерью отмирание моний было массовым. Количество ядовитых клеток АТ-мортов было очень велико, и они просто поедали организм изнутри.

Таш вошел в дом, где жили Марго с мамой. Екатерина Валерьевна лежала на кровати и держалась обеими руками за голову. Влетевший в дверь староста напугал ее. Она попыталась встать с кровати, но голова, словно кусок железа, рухнула на подушку.

— Лежите, — Таш подошел к кровати. В дом вошла Маргарита.

Увидев дочь, Екатерина поняла, кому обязана визитом «высокого» гостя. Екатерина Валерьевна пыталась успокоиться. Она тяжело дышала. Голова грозила взорваться.

— Набери холодной воды в графин и принеси сюда. Скоро твоей маме очень захочется пить, — Таш поместил ампулу в автошприц и, приставив его к шее, ввел прозрачную жидкость. Екатерина вскрикнула. Маргарита отскочила от раковины, держа в руках графин с водой. — Давай нам воду скорее и побольше набери. — Таш поместил в шприц вторую ампулу. Его губы едва заметно шевелились — он отсчитывал секунды. После чего снова вколол полупрозрачный препарат.

Екатерина Валерьевна вцепилась руками в свою голову, держа ее как мяч. Она корчилась на кровати от боли, раскалывающей ее череп. Будто что-то изнутри пытается

вырваться наружу. Она начала стонать, ногами колотить кровать и вдыхать частыми порциями воздух. Маргарита набрала воду и замерла у стола. Она никак не решалась подойти ближе. Вид матери, корчащейся от боли сковал ее ужасом. Таш протянул руку к девушке, требуя графин с водой.

— Очнись! — крикнул он.

Маргарита дернулась. Таш смотрел на графин с водой, словно это он жаждал воды. Девушка сделала пару быстрых шагов, после чего староста вырвал у нее из рук сосуд. Запустив руку под голову ворочающейся Екатерине, Таш приподнял ей голову и приставил ко рту узкое горлышко графина. Наклонив его, он вливал воду. Екатерина сопротивлялась. Она не понимала, что с ней делают.

— Пей... это вода, — пытаюсь сдержать злость, произнес староста.

До Екатерины дошли его слова. Она открыла рот и позволила Ташу влить ей первую порцию холодной воды. Она закашлялась и попыталась отстраниться от вливаемой воды. Но Таш был неумолим, он держал ей голову одной рукой так, что она оказалась зажатой в локтевом сгибе. Маргарита не знала, как ей быть. Она металась по комнате, не решаясь вмешаться в происходящее. Услышав захлебывающийся кашель мамы, она закричала:

— Что вы делаете?!

— Заткнись и не ори, — Таш был бескомпромиссен.

Маргарита не получила ответа, ей оставалось довериться ему. Старосте, которого боялись все с кем она успела здесь познакомиться. Марго слышала захлебывающийся кашель матери, как она сплевывает воду и жалела, что поддалась отчаянию и понеслась к старосте. Но ей посоветовали. Конечно, беги дура к старосте, сказали соседи. Также бескомпромиссно. Словно они знали что-то, чего не знает она.

Таш крепко держал голову ее матери. Взгляд его был напряжен и сфокусирован на лице Екатерины. Через минуту сопротивления она обхватила графин обеими руками и уже сама держала его. Екатерина Валерьевна пила воду так, словно не чувствовала ее вкуса многие месяцы. Она с жадностью глотала живительную жидкость. Ее ноги уже не бились о кровать. Допив воду до конца, она ослабила хватку и выронила графин. Стекланный сосуд покатился вниз и аккуратно упал на ногу Ташу. Екатерина потеряла сознание. Староста бережно положил ее голову на подушку.

— Успокойся, — он присел на кровать Маргариты, стоявшую у него за спиной. На лице девушки застыл немой ужас. По щекам стекали слезы. Она смотрела то на недвижимую мать, то на него. — Она просто без сознания. Успокойся.

Марго зажмурилась и закрыла рукой лицо. Она села на мамину кровать, тихонько всхлипывая. Таш смотрел на нее, раздумывая над словами, которые предстояло озвучить. Он провел ладонью по лбу. Хотя это Марго следовало убрать со слаб нелепо торчащие и спадающие локоны. Давно ли она их мыла? По чернеющему медному цвету Таш предположил, что может и недели две назад.

— Маргарита, твоя мама умирает, — девушка открыла лицо и покрасневшими глазами посмотрела на старосту.

— Я знаю, — она несильно кивнула несколько раз.

— Ты не поняла, девочка. Она умрет совсем скоро.

— Но нам сказали, что мы умрем через два-три года, когда мы поступили сюда.

— Они многим так говорят. Деграция моний у твоей матери в активной фазе и прогноз о сроках жизни только что снизился до нескольких месяцев.

Маргариту начало трясти. Она обняла себя, пытаясь утихомирить тело. Но оно не слушалось. Ее не слушались руки, голос дрожал. Вот-вот и она сорвется в истерику.

— К этому нельзя подготовиться — Таш смотрел на хрупкую девушку с грязными волосами и опухшим лицом. Он старался не стать тем, кто раздавит ее словами, как стеклянный графин букашку на столе.

— К тому что она умрет? Нет, — Марго посмотрела на безмятежное бледное лицо матери. На нем впервые за последние три дня не отображались спазмы боли, и она спокойно дышала. — К тому что умру я? Я не знаю, — Таш смотрел не понимая. — За последнее время столько всего ужасного. Ведь там, за изгородью у меня остался муж, — на ее глазах наворачивались тяжелые слезы. — И вдруг в один момент все рушится. Гибнет брат. Потом узнаем, что мы какие-то перерождающиеся, а теперь еще и это. Я не могу этого всего принять. Это ведь не на самом деле, — Маргарита широко раскрытыми глазами смотрела на старосту. — Дикость. Невозможно! И я должна согласиться с тем, что мы умрем?

— Все умирают.

— Вот так? Это невозможно! Все это... Это место, это чудовищное место, — Марго смотрела по сторонам, — кажется не реальным. Как человек может додуматься до такого?

— Мне нечего вам сказать, чтобы облегчить вашу участь, — сухо произнес Таш.

Давно уже он не видел истерик обреченных. Тех, кто еще не свыкся с этой мыслью.

— Почему бы им не дать нам чего-нибудь смертельного? Просто уснуть и не проснуться, — Марго посмотрела на старосту.

Таш догадался, о чем она просит его. Он перевел взгляд на датчики на стенах и понурил голову.

— Все мы здесь со своей целью, милая, — скрипучим голосом произносил он. — Вот и смерть твоей матери тоже послужит своей. В лаборатории нужен смертельно опасный фермент, который образовывается из-за деградации «белой язвы». Этот процесс достаточно редкий и фермент очень ценится. Вам не дадут никаких обезболивающих, чтобы фермент был чище.

— Даже сейчас мы для них всего лишь скот? — комком из горла выдавила она.

— Не сейчас... Всегда.

— А что вы ей дали?

— Это адреналин. В этом состоянии мозг, получив большую его дозу, отключается. А вода, чтобы утолить жажду из-за воздействия большой дозы на отравленный мозг.

— Спасибо, — слово едва слышно растворилось в воздухе.

Таш подошел к изголовью кровати Екатерины.

— Она пробудет в таком состоянии часов восемь, может меньше. Она не умрет сегодня... и завтра. У нее как минимум есть еще три месяца, — Марго посмотрела вслед уходящему старосте.

— Три месяца такой жизни? — она указала рукой на Екатерину.

Таш остановился у окна. Он вытащил из автошприца пустую ампулу и поставил ее на узкий подоконник.

— Могу дать вам совет, — староста обернулся и посмотрел на Маргариту. Ее слезы высохли на щеках, но глаза все еще были ими полны. — Если хотите облегчить страдания вашей матери. Колите ей глюкозу: шесть ампул в день. Глюкоза питает мозг, но в данном случае она станет катализатором для яда. Это заберет ее жизнь гораздо раньше.

Маргариту передернуло. Она не верила в то что добровольно слушает рецепт

«долголетия». Ей стало тошно от того, что где-то в глубине, слова седовласого зацепились за нее. Она накрыла рукой, кривящийся от ужаса рот.

— Вы можете попросить дополнительные ампулы у соседей. Их выдают всем вместо витаминов, — Таш закрыл за собой дверь и медленно спустился.

Он вдохнул прохладный воздух. Вечер накрывал дома. Сейчас как никогда Ташу хотелось вырваться и бежать. Бежать, не оглядываясь. И наблюдать, как дома-копии скрываются за горизонтом. Серые стены страданий и слез до омерзения были противны. Они были покрыты влагой. Мелкие капельки стекали вниз, врезаясь друг в друга и булькая падали в лужу. Пахло дождем и влажной землей. Таш повернул в сторону дома и сделал первый шаг, когда ему на руку упала первая капля, слетевшая с края неба. Таш поднес руку к лицу, чтобы посмотреть на мокрого вестника весны. Прозрачная капля дрожала под порывами ветра, но крепко держалась за место. Таш посмотрел вперед. И медленно зашагал. Во рту был гадкий привкус чего-то очень горького и противного. И сколько ни сглатывай, гадость не уходила. Темнело на глазах. Хмурые тучи перекатывались друг через друга. Таш не любил этот серый мрак, когда тяжелые уродливые облака спускались так низко, что сливались с домами. Железное небо придавливало их к остывшей земле с нарастающей силой, так, что дома вместе с людьми становились тонкой прослойкой. Еще одна капля разбилась о лицо. Таш посмотрел на скалящиеся тучи. Начинался дождь. Он ускорил шаг. Ему хотелось как можно быстрее очутиться дома.

Тучи кружились хороводом над одинаковыми крышами. Сегодня у них был бал. Они несли в себе влагу, и она начала изливаться еще на подступах к Деревне. Тяжелыми частыми каплями жителей извещали о приближении наказания. Оно как стеклянные плети будет хлестать и сковывать холодом. Ведь небеса знали, что это единственное, чего жители не переносили. Сильный промозглый ливень тысячами хрустальных игл, вонзался в кожу. Деревенские спешно разбежались по домам. Дождь усиливался. И скоро плотной стеной обрушился на улицы.

Таш издали увидел, что на веранде его дома стоит Сата. Он радовался ее появлению. И пока он подходил, староста уже думал о том, почему девушка не ждет его в доме. Впрочем, ответа ждать долго не пришлось. Через окно Таш увидел, что на кровати сидит Кир. Лицо старосты тут же стало мрачнее туч над Деревней. Он указал Сате на стул на крыльце. Сам староста вошел в дом.

— Давно ты здесь?

Вид мокрого соседа напугал Кира.

— Недавно пришел, — сдавленно произнес он. — Капли дождя уж сильно бьют по коже.

— Так мы его ощущаем, — отрешенно пояснил Таш. Он прошел в ванную комнату.

— Как там Каро? — робко спросил Кир.

Но Таш не отозвался. Из ванной доносилась возня. Через пару минут Таш вышел с тазом в руках.

— Этого никто не знает, — Таш вышел из дома на веранду.

Он прошел к перилам мимо Саты, сидевшей на стуле. Высунувшись наружу под дождь, он положил на крышу навеса таз дном вверх, немного выдвинув его за край. Тяжелые капли забарабанили по железному днищу. Сата улыбаясь, смотрела на мокрого старосту.

— Так будет спокойнее, — он сел рядом на стул, смахивая с головы и рук капли. Таш говорил шепотом, чтобы его голос терялся в тарабанящем ритме, который отбивал дождь по

тазу.

Сата немного повернула голову к окну, и по ее взгляду Таш понял, что она намекает на Кира. Он встал со стула и посмотрел через окно в комнату. Кира не было. Дверь в ванную комнату была закрыта. В щель под дверью виднелся свет.

— Головешка замерз. В душе отогревается, — догадался Таш и сел на стул. Можно было вздохнуть с облегчением. Одной проблемой меньше.

— Много же воды израсходует, — снисходительно улыбнулась Сата.

— Как бы этот новенький не стал нашей занозой.

— Ты решил не отказываться от плана? — во взгляде Саты читался укор.

— Прекрати, — отбился Таш, — я никогда не отказывался от него. Мне просто нужно было собраться с мыслями

— Я понимаю, — Сата понурила голову.

— Ни черта ты не понимаешь, — резко отрезал он.

В памяти Саты всплыли слова Каро о том, что «голову склоняют лишь на плахе». Так он говорил, когда кому-то из деревенских предстояла тяжелая операция или испытания.

— Что сегодня было, с датчиками? — она отгоняла хмурые мысли словами о деле.

— Я не совсем уверен, — Таш смотрел на стену дома. — Каро говорил, что в Деревне существует какая-то нерешенная проблема с образованием избыточных электромагнитных потенциалов. Они образуются преимущественно в местах, где под землей проложены коммуникации, идущие в лабораторию. Это происходит, прежде всего, из-за таких как мы.

— наших способностей?

— Именно.

— Но мы ведь ими не пользуемся. Прячемся.

— Не все скрываются, потому что не все хотят и не все могут контролировать себя. К тому же, даже не пользуясь нашей силой, мы каждую секунду излучаем электрохимические волны. Они повсюду. Их притягивает к узловым местам в тоннелях коммуникаций. Когда затевали резервацию, предполагалось, что тут будут лечить больных.

— И как это может нам помочь? — Сата потерла руками плечи.

— Сегодня мы увидели, что датчики отключились сами по себе и охрана на это не отреагировала. Но самое важное, что Каро знал о том, что датчики в том месте отключаются в определенном временном интервале. Это он зашифровал в рисунке той девочки.

— Тани? Да, — вспоминала Сата. — Но зачем было подвергать детей риску, отправляя в авантюру с поиском каких-то символов? Я раньше думала, что он с ними просто играет.

— Столько лет живешь, а до сих пор считаешь, что Каро святой добряк? Он живет здесь дольше всех и ни с кем не играет в игры, — жестко ответил Таш. — Придумывая план побега, Каро хотел захватить с собой как можно больше людей, прежде всего, детей. Именно поэтому он придумал эту игру с тайными знаками. Они учатся пролезать там, где сложно, учатся искать то, что скрыто от глаз. И следовать тому, что написано на бумаге. Больше чем уверен, все тропы они уже знают наизусть. К тому же, дети — это прекрасное прикрытие, узнать к примеру, засекут ли их появление датчики. Если засекут, значит, они работают. Если нет — он сделал правильный вывод о том, что мы имеем брешь в системе слежения.

— И ты веришь, что это нам поможет? Один дом с неработающими датчиками еще не план побега. Нам нужно что-то конкретное.

— Весь план знал только Каро. Только он мог противостоять сывороткам, развязывающим язык. Он — ключ ко всему. Я знаю лишь малую часть. Да и знай я больше,

без Каро нам не выбраться все равно. Пробрить изгородь не такая сложная задача. Лес — это проблема.

— Так что: нам сидеть и ждать возвращения Каро?

— Было бы глупо. Каким он вернется, предугадать сложно. Год назад я очень долго возился с восстановлением его памяти. Рисунки помогли.

Тяжелые капли дождя громко стучали по тазу, заглушая тихие слова заговорщиков. Сата вдыхала холодный воздух и морщилась от неопределенности. Она видела, как Таш раздумывая, подбирает нужные слова.

— Нам придется солировать. План нужно доработать. Изменить. Зная малую крупицу о бреши в системе слежения, нужно найти другие подсказки.

— Ты о рисунках?

Таш кивнул.

— Все там. Нужно их расшифровать. Понять мысли Каро, разгадать его план и действовать. Мы все подготовим и когда он вернется...

— Мы выступим? — несмелая улыбка появилась на лице Саты.

— В точку. Сможешь найти все пазлы?

— Будет немного сложно, учитывая их количество. Да и с детьми... не надо было отдавать тот рисунок детям.

— Может и не надо было. А может там были еще уязвимые места, которые дети невольно проверят, — железный взгляд старосты уставился на Сату.

— Девочек возьму на подмогу. Выясним у кого из детей есть рисунки.

— Ты должна четко для себя уяснить. Сейчас мы ходим по лезвию. У нас нет прикрытия, которое нам давал Каро. И если кто-то из нас попадется — прахом пойдет весь план.

— Мог этого и не говорить. Как будто раньше было проще?

— Раньше был Каро. И с изгородью должен был справиться он. И реагенты из оранжереи Анна раскладывала для него. И лес изучал он.

— Думаешь, мы справимся?

— У нас нет выбора. Я отказываться не собираюсь. С изгородью постараемся справиться сами.

— Я рада это слышать.

— Тебе нужно идти. Ночь наступает.

Сата встала со стула. Она с одобрением посмотрела на Таша. Ей удалось получить ответы на свои вопросы, и она готова была ринуться в бой. Сата сбегала по ступенькам и побежала в сторону своего дома. Таш провожал ее взглядом, пока она не скрылась за поворотом. Он достал таз с крыши, поставил на стул и, отряхнувшись, вошел в дом.

Из ванной комнаты доносился сильный плеск воды. Из-под двери пробивался пар. Таш прошел к шкафам возле стены, рядом с входной дверью. Он открыл отдел с полками, где лежали несколько чистых штанов. Просунув руку между ними, он вытащил из глубины шкафа слегка потемневший лист с рваными краями. Таш развернул его. Синими и красными красками на них было изображено солнце, уходящее за горизонт. Лишь часть картины. Оторванная и темная от грязи, смазанная от воды. Она всегда была при нем. Он нашел ее однажды, лежащую на земле, когда шел в дом. Начинался дождь и мелкие капли смывали краску. Таш поднял оборванный листок, стряхнул и быстро засунул под рубаху. Таш поднес листок к носу, чтобы вдохнуть его запах. Эта был крохотный кусочек Каро. Небрежно

оторванный, он грел руку старосты, будто и не бумажка это вовсе, а остывающий уголек. Таш услышал, как в ванной скрипнул кран, и стало тихо. Он сложил пополам бумагу и сунул ее обратно между вещами на полке. Обернувшись, Таш увидел Кира в дверях ванной комнаты в сером банном халате.

— Много тратишь воды, — сурово выдал староста.

— Очень холодно, — сжался Кир, словно ребенок.

— Привыкнешь. Дождь это единственное, что мы плохо переносим. Долгожители почти не обращают на это внимания.

— Таш... — нерешительно начал Кир. — Почему забрали Каро? Это моя вина?

В глазах Таша сверкнула молния. Он выдохнул, пытаясь сбавить градус обрушившихся эмоций. Кусая губы, староста прошел мимо Кира на кухню.

— Нет, не из-за тебя, — Таш открыл холодильник и достал оттуда белую жидкость в прозрачной рифленой бутылке, похожую на молоко.

— Но его забрали, после того как я сказал ему о встрече с Эльзой и Павлом. На нем не было лица, — Кир смотрел на Таша щенячьим взглядом.

Таш видел, что его начинает трясти.

— Оденься. В шкафу есть теплые ветровки. Я поставлю чай и поболтаем.

Кир не сразу понял, что староста сделал широкий жест. Таш кивнул, подтверждая свои слова. Кир направился к шкафу. Он взял штаны, рубаху, и ветровку. Скинув халат, он стал быстро облачаться. Таш увидел, что кожа Кира стала заметно светлее. На нем было больше светлых полос моний, а обгоревшая кожа стала в некоторых местах сереть. Кир оделся. Накинув ветровку, он направился на кухню. На квадратном столике стояли две чашки и графин с белой жидкостью. Чайник на электрической панели уже почти закипал на другом столе, стоявшем вдоль стены. Там же стояла необходимая кухонная техника. Кир сел на стул возле стола. Таш посмотрел на него вопросительным взглядом, но звук отключившегося чайника отвлек его. Староста снял его с панели и, подойдя к столу, разлил кипяток по кружкам. В них уже находилась какая-то трава по запаху напоминающая чай. Быстро поставив чайник на стол у стены, Таш потянулся к графину с белой жидкостью. Он налил немного в кружку Кира.

— Я не пью с молоком, — вдруг выдал Кир.

— Ты это помнил или только что пришло в голову? — Таш с прищуром посмотрел на Кира.

— Я не знаю: может и вспомнил, а может я так ощущаю, — потерянный взгляд соседа убедил Таша в его искренности. Староста сделал большой глоток из горла графина.

— Ладно, успокойся. Это не молоко, — сказал Таш, вытирая рот. Взболтав жидкость, он подошел к холодильнику и поставил графин обратно. — Этот раствор поможет твоим внутренним органам согреться, — он сел за стол и обхватил кружку ладонями. Из нее поднимался густой пар, но Таш словно специально взял ее так, чтобы Кир увидел это.

— Тут все так странно, — глядя на то, как староста дует на горячий чай, произнес Кир.

— Есть немного, — староста сделал хлюпающий глоток.

Кир посмотрел на свою чашку. Он попытался дотронуться пальцами до нее. Таш следил за Киром. Его изуродованные пальцы-веточки очень контрастировали с белой кружкой. Кир заметил, как староста рассматривает его обрубки и отдернул ладонь.

— Почему Каро не возвращается из лаборатории? — Кир быстро проговорил вопрос, чтобы Таш отвлекся от его рук. — Я думал, что они лишь берут анализы и отпускают.

— Мы не увидим Каро в ближайшие пару месяцев, — Таш сделал глоток и поставил кружку на стол.

Староста смотрел на Кира и никак не мог принять решение. Кто сидит перед ним: засланный или горе-неудачник?

— В этом виноват я? — Кир с тревогой смотрел на старосту.

— Я уже сказал, что нет, — Таш вздохнул, провел пальцем по краю кружки. В его голове созрела идея. — Как и все, Каро регулярно посещает лабораторию. Там у него берут кое-какие анализы. Но в отличие от нас с тобой, от наших соседей по улице, от всех нас, он уникален. Каждый год, в день его рождения, его забирают на обширное обследование. Ученые считают, что он ключ к лечению «белой язвы». И что он способен, вернее... Они полагают, что в его теле можно найти необходимые знания для лечения нашей болезни.

— Ты говоришь так будто они ставят над ним эксперименты.

Таш промолчал. Он глазами указал соседу на его стынувший чай. Кир осторожно дотронулся до кружки несколькими пальцами. Ташу уже были не интересны уродства его рук. Кир пытался расслабиться. Он схватил кружку двумя ладонями и едва пригубил чай. Вкус был терпким и горьковатым, но приятный жар, растекающийся следом за первым глотком, склонил Кира сделать еще парочку.

— Зачем ты вообще ходил к ночным? — Таш перевел тему.

— Хотел посмотреть, что там.

— И они увезли Эльзу и Павла у тебя на глазах?

Кир кивнул. Перед глазами стояла жуткая картина: отрешенный взгляд Павла и последние слова его жены.

— Когда санитары посадили Эльзу в машину, она произнесла, что все мы здесь смертники.

Таш взял кружку. Поднеся ее ко рту, он закрыл глаза. Он хорошо знал и Павла, и Эльзу. Но друзьями их назвать нельзя было. Они не ладили из-за деятельности старосты, но каждый из них сохранял друг к другу уважение. То, что обычно бывает не у врагов, но противников. Таш вздохнул. Он пригубил чай и взглянул на Кира.

— И что ты сделал потом?

— Я испугался, — Кир пожал плечами. — Мне было так страшно. Все вокруг начали разбегаться по домам. Стояли на крыльцах и просто смотрели. А я? Почему-то мне стало не по себе. У меня даже подкашивались ноги, когда я бежал сюда, — Кир смотрел на старосту, пытаясь понять свои собственные чувства, испытанные тогда. Но ответа не было. Давящий взгляд Таша, постоянно наполненный злостью, стоял стеной перед ним.

— Так всегда бывает, когда впервые видишь, как кого-то увозят в последний путь.

— В последний?!

— Ты пей, — Таш сделал несколько глотков. — Остынет чай, и его уже будет невозможно пить.

Кир слушался. Чем теплее становился чай, тем горше был вкус. Кир сделал большой глоток. Он чувствовал себя отвратительно: слова старосты не укладывались у него в голове. Он смотрел то на него, то в глубину своих мыслей, вспоминая как прибежал ночью, как его встретил Каро — его злой взгляд.

— Мне все же интересно, что такого могло между вами произойти, чтобы Эльзу и Павла отправили в последнюю ссылку?

— Меня не покидает ощущение, что как только я появился здесь, у всех начались

проблемы.

— Может ты и прав, — ухмыльнулся Таш. — Но мой тебе совет: не бери в голову. Забудь, что здесь ты что-то значишь. Твое существование ограничено весьма осязаемым железным периметром. Ты тень для лабораторных и не существуешь для всех остальных. А раз так: то кому ты можешь причинить проблемы? — Таш поставил пустую кружку на стол и поднялся.

Кир проводил взглядом сидящего старосту до кровати. Расправив ее, Таш стал устраиваться. Кир посмотрел в кружку. В мутной жиже показались длинные полоски чайных листьев. Горьковатый вкус чая даже нравился Киру. Он сделал последний глоток. Как вдруг ощутил, что в спину ему вонзили что-то острое и широкое. Кир попытался закричать, но у него перехватило дыхание. Клинок медленно поворачивался. За что?! Мысли стремились к торчащему в спине ножу. Боль раздирала под лопаткой и стремительно расползалась по спине. Кир хотел повернуться, но боль прострелила его еще раз. Он умрет! Мысли о том, что он умрет сейчас, истекая кровью, иглами вонзались в мозг. Он умрет, и никто не узнает, что это сделал его сосед. А сосед ли? Кир, преодолевая колющую боль, медленно повернул голову в сторону, откуда последовал подлый удар. Но рядом никого не было. Кир ошарашено глядел на кровать старосты и видел, как тот корчится от боли, широко раскрывая рот, пытаясь вдохнуть и кричать. Таш кряхтел и выгибался корпусом. Он был на краю, но руки не слушались его. Таш сдавленно ахнул и рухнул на пол. Что это? Но Кир не мог думать дальше. Мысли меркли перед болью, вонзившейся в голову. Она обручем сжала его череп, заставляя сгибаться, пока он не упал. В хаосе боли, между поворотами невидимого клинка внутри тела он слышал хриплый, сухой шепот седовласого старосты.

— Каро... они с ним... Ка-ро...

Глава 17. Заговорщики

Таш стоял на крыльце дома и смотрел, как просыпается Деревня. На часах было десять утра, но улицы были пусты. Никто не спешил встречать новый день весны. Таш посмотрел вверх. Тучи сегодня ведут себя странно. Несутся мимо и даже не желают задерживаться над домами-копиями. Словно откуда-то зная, что сегодня ночью с Каро приключилось нечто страшное в лаборатории и им не хочется становиться немymi свидетелями. Староста проснулся тридцать минут назад. Сегодня он спал всего два часа. После непонятного и пугающего приступа ночью, он долго не мог заснуть. С содроганием Таш размышлял о произошедшем перед сном. И каждый раз он делал один единственный вывод: «Каро». О нем он подумал в первую минуту во время приступа. И мысли о нем висели на сердце тяжелым камнем, сдавливая его и порождая все новые и новые волны страха перед неведомым.

Мокрые от ночного ливня улицы, лужи под домами и свежий, по-весеннему прохладный, ветер. Это то, чего так ждали все. Первое настоящее обьятие весны. Таш посмотрел на небо, на быстро проносящиеся тучи. Беглецы, скрывающиеся с места преступления. Или наоборот: они как покорное стадо, гонимое Солнцем, что яростно пригревает сверху. Но на улицах все еще никого не было. Даже соседи, обычно ранние пташки, не выходят на веранду, чтобы сесть на стул с газетой из прошлого. Ташу становилось не по себе. Влажный воздух, оставленный свидетелем ночного буйства дождя, проникал в легкие. Таш не чувствовал усталости. Казалось, что у него даже достаточно сил на пробежку вдоль девятой улицы. Он спустился с крыльца и пошел по направлению к главной дороге. Ему надоело ждать пробуждения соседей. И, чтобы облегчить ожидание, решил пройтись. Может Сата уже проснулась, и они смогут начать собирать рисунки. Таш вздохнул. Только сейчас он представил, что это возможно будет одна из самых сложных задач.

Очень часто староста был свидетелем того как Каро отдает в руки ребенка очередной рисунок. При этом он предупреждал, чтобы дети никому не отдавали листок с загадкой, а хранили его как великую тайну. Каро создавал для детей мир приключений с секретами, которые стерегли служители. Чаще всего этими служителями были санитары. Некоторые даже подыгрывали Каро, те с кем у него были хорошие отношения. Таш пнул камень с досады. Меньше всего он любил беседовать с детьми. В таких случаях его терпения едва хватало на десяток минут. Учитывая любовь и преданность ребят Каро, легким делом собирание рисунков просто не могло быть.

Услышав возню в доме, Таш остановился. Табличка с цифрой 570 молчаливо говорила, что это берлога, в которой жил Шак. Впрочем, на его бирке значилось имя Шакирд, данное при рождении. Подождав пару минут, Таш увидел главу дома в окне. Еще через минуту Шак показался на крыльце. Он вышел в окровавленной футболке. Таш тут же влетел на крыльцо.

— Что случилось? — грозно спросил староста.

— Доброе утро, Таш, — Шак выглядел измотанным. Он грузно плюхнулся на стул, как после тяжелой смены.

Давно староста не видел Шакирда таким выжатым. Осунувшийся, сутулый великан чуть не раздавил хлипкий стул.

— Откуда кровь? — не унимался Таш.

— Ох ты черт, — Шак посмотрел на футболку и увидел пятна крови. — Сегодня ночью у Сашки был приступ. Какой-то спазм в голове. Ей вдруг стало очень больно. Из носа пошла кровь, да так сильно.

— Как она? — Таш подошел к окну и заглянул внутрь.

В полумраке дома, в кровати спала двенадцатилетняя Саша — названная дочь Шака. Рядом стояла пустая постель ее матери.

— Где Надя?

— В душ пошла. Мы еле-еле проснулись, — Шак потряс головой пытаюсь прийти в себя, — жуткая ночь.

— Вы тоже что-то почувствовали сегодня ночью?

Шак вопросительно посмотрел на старосту.

— Ты сказал, что у дочки был спазм в голове, — пояснил Таш.

— Не понимаю тебя. Жутко душно было, не хватало воздуха, но это от волнения за Сашу, — Шак нахмурился, — к чему это ты?

— Не бери в голову. Главное, что все сейчас хорошо, — староста хлопнул Шака по плечу. — Если санитары не приедут сами, я пошлю за ними. — Таш направился к лестнице, но крепкая рука ухватила его за локоть.

Шакирд смотрел на Таша со злобой. И если бы не бессонная и мучительная ночь, то он уже стоял бы на ногах и тряс седовласого.

— Ты что-то имеешь против? — мирно произнес Таш.

У Шакирда хватило сил лишь на кивок. Он отпустил руку. Препираться не было смысла.

Желание побыстрее увидеть Сату только укрепилось. Каро многому ее обучал, и у нее была очень хорошая чувствительность к излучениям. Староста ускорил шаг. Он проходил мимо домов. Во многих все еще дремала крепким мучительным сном жизнь. Никакого оживления. Даже дети, которые всегда стремились рано вылететь из гнезда и окунуться в прохладу утра, тревожно спали в кроватях! Немногие решались выйти на крыльцо. Помятые лица, сонный взгляд в никуда. Ленивая походка подводила их к перилам, у которых они стояли как чучела без эмоций. Впереди Таш увидел Неила Торпа, он жил в 559 доме. Таш сбавил ход. Он внимательно смотрел на вялые движения старика, который, словно ходячий мешок с костями, вывалился из кузова грузовика. Неил подошел к перилам и небрежно облокотился. Ташу страстно хотелось, чтобы их взгляды пересеклись. Торпа ненавидел старосту, и каждый раз норовил ошпарить его своим едким взглядом. Нередки были их словесные перепалки о том, что Ташу следовало бы давно попросить построить на площади комфортную двухэтажную будку и носить ошейник вместо бирки. Таш поравнялся с Неилом и заглянул ему в глаза. Торпа посмотрел на Таша, заставив его брови сдвинуться. Оба противника смотрели друг на друга, но между ними не было искры, как не было в них и ненависти. Таш видел лишь пустоту и безликий штиль. Перед ним был не ярый спорщик и враг, но усталый 50 летний старик с жеваным лицом и вялыми руками, свисающими с перил словно рваные плети. Он сильно горбился. Казалось, что ему хотелось сесть, но он продолжал стоять из-за отсутствия сил двигаться. Ни отвращения к старосте, ни злости, ни тлеющего страха перед палачом. В глазах Торпа была усталость семи лет проживания в этом доме. Таш мотнул головой, пытаюсь очнуться. Он понял, что простоял перед Неилом не одну минуту. В голове вновь застрекотала мысль о Сате. Староста дернулся с места и быстрым шагом, не обращая внимания на сонные дома, дошел до 550 дома.

Таш быстро поднялся по ступенькам. Заглянув в окно, он увидел пустую расправленную кровать, принадлежавшую Сате. Ее соседи спали, укрывшись с головой. Староста медленно отворил дверь. Он надеялся, что Сата в ванной комнате. Он тихо прошел мимо кроватей к закрытой двери в душевую. Подходя ближе, он уже видел, что из-под двери не бьет свет и не слышно плеска воды. Но убедиться стоило. Он заглянул внутрь, — никого. Выйдя на веранду, осмотрелся. Улица по-прежнему спала. Староста спустился и пошел к главной дороге. Сата могла быть где угодно. Значит, есть время сходить к лаборатории.

Ташу хотелось узнать хоть что-нибудь о судьбе Каро. В груди медленно ширилась пустота. Староста не спеша шел вперед. Свернув на главную улицу, он увидел белое здание лаборатории, накрытое серой пылью тумана. Пустая дорога. Вчера здесь, в это время, на разный лад звучали голоса деревенских и крики детей, снующих туда-сюда. Пустота в груди расширялась, перехватывая дыхание. Таш задышал так, словно только что пробежал круг по Деревне. Влажные ладони холодели на воздухе. Деревенеющие ноги то и дело норовили оступиться. Эмоции сужали поле видимости и нутро содрогалось страхом перед неизвестностью. «Каро...», — он повторял снова и снова, цепляясь за него, как за канат, не давая увязнуть в болоте мыслей.

Таш вышел на центральную площадь. На фонарных столбах по периметру все еще горело освещение. Обычно оно отключалось автоматикой в восемь часов утра. Таш сжал кулаки и направился к лаборатории. В утренней тишине стук по металлической двери грохотом разнесся по округе. Таш огляделся. Никого не заинтересовало происходящее на площади. Внутри никто не реагировал. Таш еще громче постучал по двери. Прислушался. Посмотрел налево, затем направо — где находились обзорные камеры. Поддавшись отчаянью, Таш пнул дверь. «Дыра» в груди заполнялась злостью. Ему нужен был ответ! Хоть какой-нибудь. Через минуту, недовольно заскрипели засовы. Дверь лаборатории открыл рослый охранник.

— Чего тебе? — злобно рыкнул он, глядя маленькими зоркими глазами.

«Хоть кто-то не сонный», — пронеслось в голове старосты.

— С деревенскими что-то происходит, — Таш на ходу придумал причину, по которой ему нужно было попасть внутрь, — мне нужно поговорить с профессором Кроберг.

Охранник недовольно хмыкнул. Он знал, что перед ним Таш — послушный пес профессорши. Ему хотелось захлопнуть перед ним дверь, послав его подальше.

— Все спят, — хрипло буркнул охранник, — говори, если что-то важное или вали к матери.

— С деревенскими что-то не так. Я совершал обход и обнаружил кровотечение у одного из детей. Это произошло ночью.

— Система слежения не обнаружила содержания моний в воздухе, значит, ничего страшного.

— Нужно проконтролировать, — мягко настаивал Таш.

— А контролировать все равно некому, — усмехнулся бугай — Они недавно закончили только.

Взгляд Таша забегал. Рой мыслей сбивал его.

— А что с объектом? — Таш произнес это как можно отрешеннее.

— Да черт знает этого беса. Сказали — не жилец.

Таш готов был вспыхнуть! Его зрачки сузились. Взорвавшаяся пустота в груди выдавливала воздух из легких через раздувающиеся ноздри. Ему хотелось закричать, но слова

нетерпеливо толкались, спотыкались и комом застревали в глотке.

— Что ж, передайте Кробрерг про деревенских и пусть санитары делают свою работу, — находясь на грани, выдавил Таш.

— Слушаюсь, — оскалился охранник.

Дверь захлопнулась с громким металлическим гулом. Таш попятился назад. В голове громовыми раскатами бушевали мысли. «Не жилец?!», — произносил Таш. «Да что он может знать?!», — староста пытался не дать обрушившейся лавине домыслов задушить его. Подойдя к мачте освещения, Таш присел на ее основание. Он сложил руки в замок и подпер им подбородок. Закрыв глаза, он старался успокоиться. «Нужно подождать», — проговаривал староста. Но в голове лавиной за лавиной сходили пласты мыслей, все сильнее укрывавшие разум от света. Таш топнул ногой, хлопнув по небольшой лужице. Грязные капли запачкали штанины. Староста смотрел на закрытую дверь. Туда, куда устремлялись все его мысли.

— Он жив, — за спиной старосты раздался хрупкий женский голос.

Таш резко встал и обернулся. В двух метрах от него стояла трясущаяся от холода Сата.

— Я почувствовала его излучение, — добавила она дрожащим голосом.

— Как? Каро запретил...

— Я не пользовалась, — Сата подошла ближе к Ташу.

Он опомнился и, подойдя к ней, обнял. Стоять не стали. Нужно было соблюдать осторожность. И они зашагали вдоль улицы.

— Все получилось случайно, — объясняла она, — проснулась рано утром. Снился ужасный сон про Каро. Мучилась всю ночь. Хотел принять душ, чтобы успокоиться. Но потом я поняла, что это был не сон, — Сата посмотрела на старосту. И Таш заметил, что ее глаза воспалены, а лицо припухло. — Я поняла, что улавливаю что-то, идущее от лаборатории. Потом выбежала из дома... И чем ближе я была к лаборатории, тем сильнее были ощущения страха и тревоги. У меня потекли слезы, словно я вижу, как передо мной избивают какое-то животное, а я просто стою, — голос Саты начала захлебываться. Слезы быстро наполнили ее глаза и норовили вот-вот прорваться за ограждения, — ... стою и пошевелиться даже не могу. Они режут и режут, рвут его на куски несмотря на вой. До сих пор слышу этот вой. Таш, это был Каро. Понимаешь?! Этим зверем был Каро, — Таш посмотрел на Сату. Она уткнулась ему в грудь, пытаясь заглушить всхлипы. — Ему было так больно! Я ведь всегда его чувствовала — его незримое присутствие повсюду. Но сегодня я не узнала его. Это был он, но другой... затравленный. Я могу поклясться, что слышала его крик. Но так не кричат, — Сата смолкла. — Потом произошло непонятное. Меня словно кулаком в грудь ударили. Я задыхалась, голова гудела и ощущение, будто изнутри что-то вырывается наружу. А потом резко стихло. Вакуум, тишина. Я посмотрела на датчики: они взбесились, то сверкали, то гасли. Они что-то с ним сделали, Таш, — Сата посмотрела на него и впервые не увидела на нем маски непоколебимой уверенности, — Они сделали с ним что-то ужасное.

Таш обнял Сату за плечи одной рукой, держа в другой ее маленькие ладони. Они проходили мимо улиц, не обращая внимания на то, что жизнь брала свое. Деревенские медленно вырывались из цепких когтей ночных кошмаров. Дойдя до восьмого круга, Таш и Сата остановились. Они стояли прижавшись друг к другу. Так было теплее. Их взгляды были устремлены на ворота, находившиеся в ста метрах от них. Они смотрели на небольшое здание охраны, на мелькающие образы людей в окнах. Охранники редко выходили из сторожки, предпочитая наблюдать за происходящим через мониторы и с помощью датчиков

наблюдений. Лишь новеньких они посылали делать, якобы необходимые, обходы. В такие моменты перед мониторами собиралась вся смена. Часа такого шоу хватало на полгода обсуждений и воспоминаний: как трясущийся и шарахающийся от каждого зараженного, охранник-новичок патрулировал улицы Деревни. Таш посмотрел на Сату. Ее слезы почти просохли, но в глазах по-прежнему читалась тревога. Сата смотрела за ворота. Оттуда начинается самый опасный отрезок пути к свободе. Она старалась ободрить себя мыслями о том, что по-прежнему является частью плана. Сата сжала кулак, мысленно возвращаясь к тому, что испытала сегодня ночью. И в сердце ее разгорался огонь.

— Нам надо собрать рисунки, — произнесла она, прервав размышления старосты.

Таш кивнул. Он ощутил, как Сата рвется вперед. Всего несколько минут назад она напоминала напуганную налетевшим ураганом девочку. Таш натянул на лицо маску старосты и отстранился от Саты. Ее глаза еще были красными от недавних слез. Совсем ненадолго в его мыслях закралось опасение, что ненависть к мучителям Каро и злость к ним могут превратить эту хрупкую девушку в уродливое создание. Но Таш оттолкнул эти мысли в след уходящей Сате. И без них было над чем подумать. Староста бросил взгляд на сторожку. Сейчас она больше напоминала огромную клетку со сторожевыми собаками, которые привыкли к тишине и размеренности. Охранять спокойную отару, отрешенную и безропотную — что может быть лучше?! Таш развернулся и направился к дому Шакирда, к самому проблемному участнику их плана. Возможно он уже пришел в себя. И если санитары забрали девочку, то разговор будет мордобитным.

Близился полдень. Призраки мучительной ночи отступили. С улиц доносились детские голоса. Впервые за долгие годы эти беззаботные звонкие крики не раздражали старосту. Он ловил каждый громкий возглас, редкий смех — дыхание пробудившейся Деревни. Таш остановился возле дома Шака. Он слышал, как внутри бурлит жизнь. Трубный бас главы семейства смешивался с тонким голоском юной Сашы. Удивлению старосты не было предела. Девочка была в хорошем настроении, а значит, можно рассчитывать на мягкий нрав здоровяка. Но что-то в лаборатории явно пошло не так, раз санитары не спешат забрать девочку с кровотечением. Это значит, что с Каро действительно произошло что-то из ряда вон выходящее. Таш поднялся на крыльцо и, постучав, открыл дверь.

— Можно?

— Конечно, проходи, — на лице Шака не было и следа мучительного пробуждения.

Маленькая Саша сидела на коленке великана и задорно болтала ножками. Ей очень нравилось ощущать всю огромность Шакирда и прижиматься к его ладони, которая запросто обхватывала ее всю. Саша была одета в синие штанишки и рубашку с длинными рукавами. Вошедший староста сквозняком смахнул улыбку с детского лица. На кухне он увидел Надю — она занималась приготовлением чая. Услышав голос старосты, она обернулась. Тень тревоги появилась на лице хозяйки дома. Шакирд предупредил ее о возможном приезде санитаров. Но их не было, и визит старосты ее напугал. Таш перевел взгляд на Шакирда, но великан лишь виновато отвел глаза.

— Мы можем побеседовать? — староста стоял у двери.

Шак кивнул и, пощекотав Сашу, пересадил ее на кровать. Таш вышел из дома, следом за ним Шакирд.

— Пора подышать свежим воздухом, — глядя на прогуливающих соседей, произнес Таш.

— Вот оно что, — обреченно произнес Шакирд, узнав условные слова к началу

действий.

Таш всем своим видом показывал, что не ожидал подобной реакции от самого близкого союзника.

— А ты на что рассчитывал? — недоумевая, спросил староста. — На санитаров? Если они еще ее не забрали, то уже не приедут, — на Шака эти слова не оказали никакого действия. Таш нахмурился. Очевидно, его друг уже сделал такой же вывод и не ждал санитарного подвоха. А, значит, тревожный взгляд Нади говорил совсем о другом.

«Вот оно что?», — пронеслись слова Шака в голове старосты. Но что стоит за этими словами? О чем эта глыба на ножках думает? Ведь единственное что его всегда беспокоило... Шакирд клонил голову к дому. За его могучей спиной раздавался щебет крохи Саши и редкие слова Нади.

— Вот оно что, — Таш озлобленно повторил слова друга.

Шак не смотрел на старосту. Ему очень не хотелось нечаянно разжечь в нем пламя.

— Решил, что внезапный отпуск тренера дал тебе время на передышку? — Таш оборачивал и маскировал истинный смысл ложными словами. — Решил, что все заморожено? Что праздник можно отложить до лучших времен?

Шакирд чувствовал, как об него бьются не слова, но вбиваются гвозди.

— На два месяца хотя бы, — тихо оправдывался он.

— Умилительно, — Таш сверкнул глазами. — Отсрочку себе решил дать? Как удачно все для тебя складывается. Томящаяся правда, которую снова можно ей не говорить. Два месяца свободы. Их нет у тебя и никогда не было. Что будет потом, Шак? Ты вообще собирался ей говорить? Или так, по-английски решил уйти: тихонько на цыпочках? Нас здесь не должно быть, — Таш произнес последние слова едва слышно.

Но злость бурлила в нем. И вид нерешительного Шакирда лишь подливал масло в огонь. Огромная туша мяса боялась взглянуть ему в глаза. Но нужно сдержаться. Староста «поправил» маску на лице и продолжил сверлить взглядом Шакирда.

— Ты безрассуден. Каким нужно быть дураком, чтобы раз за разом откладывая с ней разговор? Ты о чем-нибудь думаешь кроме себя? Ты думаешь о последствиях?..

— Тебя это волнует?! Нет! Так зачем спрашивать меня об этом? — полу криком выпалил Шак.

Голоса в доме тут же стихли.

— Ты прав — меня это не волнует. Но ты идешь на праздник с нами.

— Я об этом не забыл. Я не отказывался. Даже и не думал. А вот ты уже списываешь меня со счетов? Ты пришел сюда чтобы сообщить мне о грядущем празднике. Спасибо. Я понял. Буду действовать, как и было условлено, если ты не скажешь мне иного.

— Я очень надеюсь, что ни тебе, ни нам, никто не помешает.

Таш спустился с крыльца.

— Как и прежде: моим действиям ничто не мешает, меня ничто не останавливает. Говорил это раньше и повторяю сейчас.

— И ты в это веришь? — Таш наклонил голову назад и посмотрел в окно дома, откуда доносился детский голосок.

Шакирд проигнорировал вопрос. Ему не хотелось противостоять Ташу.

— Будем действовать как обычно, — староста оглядел улицу, — встречи, посиделки и фейерверк.

— Ты уверен, что мы справимся?

— Глядя на тебя, мне хочется верить, что ты со всем справишься.

— Как ловко все у тебя выходит. Всегда молчаливый, но едкий на словцо староста Деревни, вдруг распалился из-за моей нерешительности. Выходит, по-твоему, я теперь слабое звено? — огрызнулся Шак.

— Ты всегда им был. Из-за нее. Из-за них обеих... Мы зависим друг от друга. Но из-за тебя еще и от твоих женщин, — Таш продолжал смотреть на улицу, контролируя каждого, кто попадался ему на глаза.

— Хватит, Ташир. Вы меня порядком достали тыкать мне в глаза моими женщинами. Начиная с того дня, когда мы с ней сошлись. Это была моя воля! Точка! Все остальное это мои постельные проблемы. Я справлюсь, — пытаюсь верить своим словам, парировал Шак.

— Ты уже не справился. И смирись с тем, что ты уже сделал выбор, — Таш искоса посмотрел на друга.

Шак понурил голову.

— У нас достаточно времени, — добавил Таш. — Но вместе с тем это может погубить вас. Не забывай про тренировки, Шак. И копи силу. Скоро она понадобится.

— Теперь я ваш ключик от всех дверей?

— Твоя сила — да. И тебе придется потрудиться, чтобы разогнать себя настолько, чтобы это не бросилось в глаза, но позволило вытащить нас.

— Главное не мандражировать, — без энтузиазма улыбнулся Шак.

Взгляд Шакирда был страдальческим. Таш всегда знал о страхах друга, но в этих делах он был ему не помощник. И сейчас, в довесок ко всему, в глазах Шакирда был страх. Он боялся: стоит ли продолжать их затею без Каро. Ведь риск быть обнаруженными столь велик.

Таш отвернулся. Ворох недобрых мыслей давил на мозг. Но нужно было заскочить еще к одним соседям. Путь его лежал к 567 дому, в котором проживали Максим и Анна.

Медленно шагая по улице, Таш останавливался возле домов и заглядывал в окна. Он наблюдал за тем, что делают полусонные жители. Таш пытался отвлечься от склочной встречи с Шакирдом. Пройдя несколько метров, староста понял, что толком не обсудил с другом план. Единственное на что хватило у него терпения — сказать, чтобы тот следил за тренировками. Пожалуй, этого для Шака сейчас достаточно, успокаивал себя Таш. Он ругал себя за излишнюю эмоциональность. Впервые не сдержался и назвал друга немощным дураком. Но Шакирд сам загнал себя в этот угол — он виноват во всем сам.

Староста увидел Максима, сидящего на пне возле крыльца. На его лице красовалась радостная беззаботность. Таш ухмыльнулся — улыбка вся Деревни был в своем репертуаре.

— Кого я вижу, — Максим наигранно лыбился, — обычно вашу персону носит где-то в центре нашей райской окружности.

— Как спалось, Макс? — Таш остановился перед ним.

— Снилось будто я — гигантская лошадь, очнувшись почему-то под водой. И еще что Аня снова лысая. Жуть полная. Я в тот раз еле пережил это, учитывая, что нас все время пугали.

— Не слушай его, — на громкий возглас благоверного, в окно выглянула Аня.

Ее лицо было спокойным и свежим. Она доброжелательно смотрела на старосту, ощущая, как он напряжен.

— Как твои дела? — Таш смотрел на Аню, пытаюсь понять плохо ли она спала этой

ночью.

— Как мне кажется, сегодня все плохо спали, — она развела руки в стороны.

— Неужели твоя лысина приснилась не только мне? — насмеялся Максим.

— Уймись болтун, — фыркнула Аня.

— Подышать свежим воздухом не хотите?

На секунду-другую повисла пауза.

— А как же именинник? — озабоченно спросила она.

— Без него. Пока что без него, — уточнил Таш.

— Будет сложно, — задумалась Анна.

— Придется много потрудиться, — подметил Макс.

— Пройдитесь. Я, пожалуй, дома останусь, а вы уж сами там как-нибудь, — Анна прервала молчание.

— Ты как всегда меня бросаешь, — Максим поднялся на ноги, — я поделюсь с тобой, как было хорошо на прогулке.

— Боюсь, я устану слушать, — Анна скрылась из окна.

Таш зашагал вперед, Максим рядом.

— Вечеринка для Каро остается в силе, — произнес Таш. — Нужно чтобы Аня помогла Сате с рисунками. Она что-то там планирует вместе с детьми.

— Женщины. И ты им доверяешь такую важную задачу как рисунки? — шутовал Макс.

— Думаю, они справятся...

— Да они краску израсходуют за два часа, — перебил Максим.

— Главное, чтобы с фейерверком было все в порядке.

— Вот за это не беспокойся, — твердо заявил Макс. — У Ани в оранжерее все семена как на подбор и листочки исключительно сочные, — он закатил глаза, вспоминая дурманящий аромат белого напитка, называемого среди деревенских «фейерверк».

— Смотрите не переборщите, алхимики. У нас много времени и торопиться не стоит, — Таш осадил напирательный пыл Максима.

— Хорошо, шеф. Буду осторожен. Только вот Анне это не понравится.

— Что именно?

— Ей и так не хватает реагентов. А теперь видимо забором займемся мы сами?

— Придется. Во всяком случае, его нужно ослабить гораздо сильнее.

— Возни будет много.

Таш кивнул.

— А тебе пора за свою работу.

— Эх, сегодня дивный день, — громко вздохнул Максим, — легкие так и раскрываются.

Жаль только, солнца нет.

— Всему свое время.

— Слушай, — Максим огляделся, — прикроешь меня?

— Опять за свое? Вы же только помирились? — поразился Таш.

— Свежий воздух, первый весенний дождь.

— А я могу тебе помешать? — безразлично ответил староста.

— Тогда я пошел, — улыбка озорника украсила лицо Максима, и он юркнул в переулок между домами.

— Марии привет, — крикнул вслед Таш.

Максим обернулся, словно ошаренный и зло посмотрел на старосту, на чьем лице

сияла коварная ухмылочка. Таш проводил взглядом сутулую фигуру Максима до поворота. Староста был рад тому, как он отреагировал на призыв к действию. Макс всегда был легким на подъем. Был душой компании среди друзей за забором, остался таким и здесь. Хотя его шуточки мало кто понимал. Но Максима не могла остановить такая незадача. Он был шутком и его второе «я» чувствовало, что в Деревне не хватает искры и ею он страстно желал быть. Не оптимист и никогда не вдавался в пространные рассуждения о жизни. Он ее высмеивал, подшучивал над ней и выставял полной дурой. Для Таша Макс был как радио, которое включалось само по себе и порой не знало, когда выключиться. Некоторым подобная манера поведения казалось нелепой. В большинстве случаев так оно и было, но именно голос Максима, как ни чей другой мог звонко разрезать сгустившуюся тишину.

Таш сразу заметил Максима, когда тот прибыл в Деревню. Слишком выпячивал этот молодец свою уникальность. Ему было страшно здесь, но свой страх он одел в яркие крикливые одежды. Многим, кто узнавал Максима ближе казалось, что он как вечная батарейка полон энергии и готов улыбаться, шутить и смеяться всегда. Лишь Анне знала его с обратной стороны. О них знал и Каро. Он же первый и расхохотался над шуткой новичка Максима. Ташу же никогда не нравилась его клоунада. Но, за несколько лет он нашел ее полезной. Максим очень ловко выстраивал общение с персоналом лаборатории и находил общий язык с охраной. Эта способность стала решающей, когда Таш согласился с Каро и они посвятили его в тайну побега из Деревни.

Каро неоднократно использовал способность Максима отвлекать охрану. Несколько раз ему получалось вытянуть охранников из сторожки, давая возможность Каро использовать силу излучения для проверки своей теории об уязвимости датчиков слежения. В разных точках Деревни Каро проверял степень надежности системы по обнаружению излучения. Случались провалы: вместо найденных уязвимостей, Каро своими действиями поднимал тревогу, и охрана со всех ног бежала к месту, где сработали датчики. Каро ловили и запирали в лаборатории на неделю. После того, как ученые убеждались, что это лишь произвольный выброс излучения, они отпускали Каро обратно в Деревню. Так продолжалось несколько лет. Таш хорошо помнил то время. Когда услышав звук сирены и топот ботинок охраны, он выбежал на улицу и искал Каро. И сейчас он был как никогда уверен в том, что делает все правильно. Он завидовал Сате с ее способностью улавливать чужую энергию. Она могла почувствовать Каро. Ему же оставалось только думать о нем. И о том, что все делает правильно — как это задумал Каро.

Из не оповещенных оставалась только 38-летняя Мария. В Деревне она уже девятый год. В план побега ее посвятил Каро на одном из занятий по энергетическому сдерживанию, которое он проводил вместе с Эльзой. Перерождение Марии находилось в самом расцвете, на седьмом этапе развития. Цвет бирки, как и у большинства диверсантов, был красный — она умела заряжать предметы электрическим потенциалом, а также лишать его. Сейчас к ней направляется Максим. Для большинства это был визит гуляки к своей любовнице. Эту легенду придумала девушка Максима. Охрана из чувства солидарности иногда даже прикрывала его, когда Анна стучала в дверь сторожки, требуя найти «этого козла». Такие выпады всегда были частью ширмы для отвода глаз от основного действия, разворачивавшегося почти рядом. За десятки лет жизни в Деревне, Каро знал повадки всех работающих здесь. Изменения в штате персонала резервации происходили редко. И Каро изящно ставил перед ними спектакли из жизни деревенских.

Таш был доволен. Решимость друзей передавалась ему, и он чувствовал, как

наполняются силой его руки. «Дыра» в груди медленно затягивалась. Смотря в сторону лаборатории, он чувствовал, как дергается его сердце. Но он закрывал глаза и брал волю в кулак. На горизонте оставалась одна проблема — Кир, и что-то подсказывало Ташу, что это проблема может стать отнюдь не маленькой. Он чувствовал в нем угрозу больше чем в охранниках и лаборантах.

Со стороны главной дороги послышался звук резкого торможения. Электромобиль свернул на улицу пятого круга. По сильному гулу двигателя было понятно: санитары спешат и быстро приближаются. Таш направился навстречу к несущемуся автомобилю, который вскоре показался. Санитары пронеслись мимо старосты, и через два метра электромобиль остановился у его дома. Таш побежал в дом. Санитары ворвались внутрь и схватили спящего Кира. В дом вошел Таш.

— Что вы делаете?

— Приказ Кроберг: его и девчонку срочно в лабораторию, — проговорил один из санитаров.

Кир брыкался во сне. Он упирался ногами и вырывался, что-то бормотал. Санитары потрясли его и сильно ударили по лицу. «Кнут, не надо...», — вдруг выдал Кир и очнулся. Санитары поволокли его к машине. Таш через секунду сообразил, что санитары упомянули какую-то девочку.

— Кого еще? — кричал он им вслед. — Что за девчонка?!

— 2245.Таня, — ответил санитар, разворачивая машину, после чего вдавил педаль в пол и помчался в сторону главной дороги.

Таня жила на восьмом круге в 854 доме. Таш бежал по переулкам. Зачем и почему, он не знал, но что-то его тащило к ее дому. Скоро до ушей донесся удаляющийся звук электромобиля. Таш сокращал расстояние, огибая дома. Послышался крик. Таш замер. Это был не детский, но женский голос. Санитары ворвались в дом. Совсем рядом раздавались детские голоса. Таш пошел на них. Между домами он увидел пробегающих детей, среди них была маленькая Таня, любимица Каро.

— Эй! — раздался окрик санитаров.

Дети замерли.

— Ты, 2245 — иди сюда, — злобно приказал санитар.

Но Таня не подчинилась. Она отскочила от ребят и ее маленькие ножки понесли свою хозяйку в противоположную сторону. Через дом девчушка свернула в переулок и врезалась в старосту. Увидеть его она ожидала меньше всего и от неожиданности вскрикнула. Деревенский голова часто вызывал подобную реакцию. Таш крепко держал ее. Он присел и смотря ей прямо в глаза.

— Послушай меня девочка, — он говорил шепотом. — Не надо бежать. От них не убежишь, не сейчас. Будешь бежать, они все равно тебя поймут, и будет хуже, — Таш не ослабил хватку. Ему не хотелось быть сейчас для нее старостой — пособником охраны. Но и другом ее он не желал становиться. Нужно было избежать боли. Боль — единственное что ожидает эту кроху, если она не одумается. — Они умеют делать больно верно? Не надо им давать повода разозлиться. Ведь Каро говорил тебе об этом?

Он чувствовал, как дрожит ее маленькое тельце, как сопит нос, вдыхая воздух. Несколько раз Таня порывалась дернуться и вырваться из цепких рук старосты. Но его взгляд останавливал ее. Он смотрел на нее иначе: Таш понимал ее и его голос, теплый обволакивающий, умирал ее взбесившиеся мысли. Таня кивнула несколько раз и сделала

шаг назад.

— Молодец. Теперь иди.

Таня медленно вышла из переулка. Каро был прав, и староста напомнил ей об этом. Санитар тяжелыми шагами, подобно валуну пронесся мимо, унеся ее с собой. Он свернул в переулок и вышел на восьмой круг. К нему подъехал второй на электромобиле. Они уселись, и машина рванула в сторону главной дороги. Таш вышел из переулка и посмотрел вслед удаляющейся Тане. В голове с новой силой свирепствовали мысли. Таш сопел как турбина, разогреваясь от того, что он ничего не знает. Он проклинал себя за беспомощность и с ненавистью взирал на бессмысленную суету вокруг. На безликие дома, жителей с пустотой в глазах — все вызывало отвращение. Таш поморщился. На языке ощущался гадкий привкус. Сжав руки в кулаки, он нырнул в проулок.

Через час Таш встретился с Сатой. Она рассказала ему о том, что уже собрала семь рисунков. В этом ей очень помогла Мария. Сейчас она продолжает обход домов, где живут дети, и пытается осторожно выведать у них информацию о рисунках Каро. Однако многие дети не идут на контакт. Как только Сата или Мария заговаривали о листах с цветными картинками, дети замыкались: они складывали руки, смешно надували щеки и прятали глаза. Каро научил детей осторожности и скрытности. Он опасался, что рисунками могут заинтересоваться охранники или кто-нибудь из лаборатории. Поэтому для некоторых детей он сочинил легенду, по которой тайну рисунков раскрывать было нельзя. Тем более нельзя было говорить о них со взрослыми, если это не разрешено секретным посланием. Для тех же детей, кто уже не верил в волшебство и приключения, Каро пояснял, что эта информация ни в коем случае не должна попасть к старосте.

Таш прервал рассказ Саты. Он смотрел на нее и понимал, что она не в курсе приключившегося с ее маленькой подружкой Таней. Староста не медлил, скрывать от нее эту неприятность смысла не было.

— Как увезли? — встрепелась насадкой Сата. — У нее плановое обследование только через четыре дня!

— Успокойся, — Таш посмотрел на датчики. — Махание руками делу не поможет, как и эмоциональный шторм. Успокойся.

Сата посмотрела на датчики, засиявшие светло зеленым. Она закрыла рот рукой и топнула.

— Поделаться с этим мы ничего не можем. Остается ждать.

Сата кивала с алеющей злобой в глазах. Она убрала руку ото рта.

— Лучше займись делом, — напомнил Таш.

Степным шагом он прошел мимо Саты. Выполняя обязанности старосты, он подошел к одному из жителей, и стал о чем-то с ним разговаривать. Сата посмотрела на хладнокровного Таша. Сейчас он казался ей таким надменным, когда его расчетливый взгляд считывал собеседника. Идеальный заговорщик со стандартным набором масок, среди которых не было настоящей. Ее он разбил давным-давно. Еще до того, как Сата узнала Таша. Для него это был самый верный способ не попасться.

Оставшееся время до вечера Мария с Сатой занимались разговорами и уговорами детей. С наступлением сумерек на столе в доме старосты по-прежнему лежали семь рисунков. Собрать больше не удалось. Таш мысленно пометил этот день в календаре как успешный. Семь листов с псевдоробусами — хороший улов, учитывая относительную легкость, с которой дети отдали их. Однако работы предстояло немало. Перед сном к Ташу заскочила

Мария. На ней была просторная ветровка серого цвета с красной биркой, под ней футболка без рукавов с такой же биркой, серые широкие штаны и легкие кроссовки, от которых она рада была избавиться.

— Наконец-то у меня появилось время заскочить к тебе, — она устало села на кровать Кира, по-кошачьи вытягивая ноги. — Находилась я. Если бы не хорошая погода...

— Вы молодцы, — Таш близко подошел к Марии. Ее голова была на уровне его талии. На ее лице появилась игривая улыбочка.

— А ты, я гляжу, полон сил? — Мария игриво наклонила голову вправо.

— Ты же знаешь... — Таш положил руки ей на плечи и стал медленно поглаживать их, — я всегда тебе рад.

Мария подалась навстречу. Она коснулась кончиком носа футболки в районе живота и вдохнула. Таш провел рукой по ее волосам. Другой рукой он силой отстранил Марию назад и сам стал наклоняться за ней. Она лежала под ним. Таш целовал ей шею и ласкал тело. Руки Марии скользнули под его футболку. Извиваясь змеей, она принимала его касания, поглаживания и сдавливания ее тела.

— Электромагнитное поле вокруг моего дома сильно ослабло, — Мария прижалась к нему и прошептала на ухо.

Они перевернулись. Мария сидела на Таше выгибая дугой спину, позволяя его рукам гладить ее бедра. Через минуту она снова прижалась к нему.

— В других местах то же самое, — шептала она, выдавая слова за чувственные вздохи.

— Сегодня в Деревне что-то произошло, — тихо произнес Таш, сильнее прижимая Марию к телу.

Он отстранил ее и быстро снял футболку, швырнув ее куда-то на пол. Мари кокетливо улыбнулась. Она хорошо знала его рельефное тело, покрытое шрамами и прошитое белыми нитями моний, диагонально спускающимися по торсу и сплетающимися друг с другом ниже талии. Мария жадно тянула к нему руки желая обнять горячее жесткое тело. Таш грубо отбросил ее руки в стороны и начал стягивать с нее ветровку. Он крепко схватил Марию и поднял ее с кровати. Ноги и руки ее вцепились в Таша как в ствол дерева.

— И это «что-то» повредило все датчики, — она укусила его за мочку уха.

Таш издал короткий глухой стон и, развернувшись, бросил Марию на кровать. Она улыбалась и закатывала глаза. Таш лег сверху и схватил одной рукой за грудь, задрав ее тонкую футболочку.

— Ты в этом уверена? — шептал он.

— Еще бы. Я даже попробовала кое-что, — она ерзала под ним как ящерица, вцепляясь пальцами в его почти белую спину, — датчики не засекли.

— Почему же охрана не реагирует?

— Видимо они этого не знают, — они сомкнули долгим поцелуем губы.

— Интересно это надолго? — отстранился Таш снимая ее футболку и, осыпая ее кожу поцелуями, начал спускаться вниз к соскам.

— Мы это узнаем, — дрожащим от наслаждения голосом выдохнула Мари.

Они вцепились друг в друга и жаркими объятиями разогревали вокруг воздух. Становилось душно и даже прохлада ночи, идущая от окна, не могла остудить этих двоих. Мари изгибалась в руках Таша. Ее тело, словно волна, вздымалось над кроватью. Он крепкими руками сжимал ее бедра, дерзко ласкал и кусал ее грудь. Мария любила его грубость. Ей нравилось ощущать каменные, шершавые прикосновения к своей коже, она

любила все, что делал с ней Таш и любила его всем сердцем.

— Где я сегодня не была, — шептала она пьянящим голосом, — везде одно и то же. С датчиками что-то произошло.

— Будем надеяться, что это надолго, — Таш положил ладонь ей на горло и немного сдавив, прижался к ней сзади. Другой рукой он ласкал налитые кровью соски, заставляя их становиться все чувствительнее. Его горячее дыхание обжигало ей затылок. Жар тела окутывал ее всю. Она водила рукой вверх и вниз по его ногам, забираясь под штаны.

— Смотри, — прищуриль глаза Мари смотрела на дальнюю стену, — они молчат.

Таш незаметно бросил взгляд на датчики. Они горели тусклым, едва видимым зеленым. Таш вдохнул запах тела Марии и закатил от удовольствия глаза.

— На Сату они реагировали, — возразил он.

— Значит, они реагируют не на все, — Мария смотрела на него вождедея и поедая его властный взгляд.

— Завтра парням нужно будет проверить пару лазеек, — прошептал дурманящим голосом Таш. Мария вскрикнула и вцепилась руками в его ноги.

— Но сначала я их проверю.

— Удача на нашей стороне, — Таш извивался за спиной Марии, прижимаясь пахом к ее выгнутой попке. — И мы должны использовать ее.

— А если Каро не вернут в дом? Сколько система обнаружения будет еще провисать?

— Не говори глупостей, — Таш развернул Мари к себе. — Если мы и выберемся за ограду, в лесу нас ждут еще две стены и буферная зона.

— Я просто волнуюсь, — Мария прижалась к Ташу.

— Не нужно спешить, — он держал ее ниже талии и посмотрел трезвым взглядом. — У нас достаточно времени, — его сердце колотилось как заведенный механизм, тело испариной покрывал пот, но глаза источали иней и холод.

Мари прижалась к его паху и крепко обняла его. Она поняла, что все закончилось толком не начавшись. Он всегда мог ее обмануть, предлагая нырнуть в пучину яростного желания, предлагая помечать, что их понесет бурным потоком. Но Таш лишь играл. И Мария вспомнила об этом. Она зажмурилась и покрепче прижалась к нему, желая сохранить быстро улетающее тепло между их обнаженными телами. Она глубоко вдыхала воздух, снова и снова чувствуя терпкий аромат его кожи. Они медленно легли на кровать и смотрели друг на друга. Мари наслаждалась его лицом, каждой белой морщинкой, которые лишь подчеркивали его манящую мужественность. Они изгибались и сплетались в крупные полосы, спускающиеся вдоль шеи. Таш смотрел ей в глаза, но видел завтрашний день. Когда Максим и Шак вместе с ней будут прощупывать вдруг возникшие, слабые места системы слежения. За его спиной, на кухне, лежали семь рисунков. Дети рассказали Сате и Мари о том, что нашли по ним и Таш почти расшифровал их все. Но эти рисунки не были связаны. Для полной картины не хватало других.

Глава 18. Помощник

Засветло Таша разбудил стук в дверь. Всегда чутко спавший староста тут же вскочил с кровати. В доме было холодно и влажно. Он схватил лежащую на полу футболку и быстро натянул ее. Через окно с улицы проникал густой туман. За открытой дверью стояла Сата. Она была чем-то взволнована.

— Что? — не проснувшийся голосом спросил Таш.

— Поздно ночью они привезли обратно Таню.

Таш провел ладонью по лицу и уставился на гостью.

— Она что-нибудь рассказала? — Таш не выдавал живого интереса.

— Нет. По словам ее соседки, она была очень слаба и быстро уснула. Что-то бормотала про Каро, но ничего понятного.

— И зачем ты тогда пришла? — Таш недовольно вздохнул. Сата растерялась, не зная, что ответить. — Мне недостаточно знать о том, что она мирно сопит у себя в кровати. Как только она проснется и сможет говорить, пусть дадут мне знать.

Сата наклонила голову в сторону и увидела за спиной Таша Мари. Она все также мирно спала в его кровати. От неожиданности Сата вздрогнула и уставилась на старосту. Он сверлил ее недовольным взглядом.

— Любопытство — грех, — спокойно утвердил Таш.

— Я нечаянно, извини, — девушка тщетно пыталась сгладить возникшую неловкость.

— Свободна, — приказным тоном произнес Таш, продолжая смотреть Сате прямо в глаза.

Она попятилась назад, ругая себя за любопытство. Развернувшись, Сата спрыгнула с крыльца. Таш закрыл дверь. Он посмотрел на кровать Кира: пустая и не заправленная со вчерашнего дня. Часы на стене показывали начало седьмого часа. В мыслях Таш выругался на неугомонную Сату, разбудившую его из-за пустяка. Сон был прерван. Подобно скорому поезду, он умчался в даль и запрыгнуть в его последний вагон не представлялось возможным. Таш прошел на кухню. Сев за стол, он начал перебирать рисунки. Но мысли о погорелом соседе не покидали его. «Почему его не возвращают?», — староста смотрел на дальнюю кровать. Вопросы без ответов нервировали. От напряжения у него подергивалась нога, а руки безвольно переключивали рисунки с места на место. Их тусклые в утреннем сумраке краски лишь распаляли недовольство старосты. Он смотрел на них и ругал Каро за скрытность. За то, что он даже ему ничего толком не рассказал про план побега. Знания Таша находились в пределах изгороди, но до настоящей свободы было очень далеко. Им предстояло пройти еще две буферные зоны, значившимися красными — усиленно охраняемыми. Каро знал, как справиться с камерами слежения на деревьях и обойти патрули в лесу, но не поделился этой информацией с Ташем. Блуждающий по комнате взгляд вновь упал на пустую кровать Кира. Таш поморщился от еще одной непонятной тайны. Только в ней он не хотел разбираться. Она была той занозой, которую долго не рассматривают, а просто удаляют. Сейчас Таш даже радовался тому, что погорельца не было. Кира увезли, и его обгорелая физиономия не мелькает перед ним. Можно было расслабиться и спокойно думать о происходящем. Но тревожные мысли вернули размышления старосты к визиту беспокойной Саты... и Тане. Ее ведь тоже забрали вместе с Киrom. И это несовпадение.

Санитары были крайне небрежны. Обычно с детьми они ведут себя более-менее учтиво. Что же произошло сейчас? Таш подошел к окну и нырнул взглядом в сине-молочную дымку, перекатывающуюся мимо дома.

Староста вспоминал историю болезни Тани. Чем она могла так сильно заинтересовать лабораторных крыс? Таш стукнул кулаком по подоконнику. Он вспомнил, что Таня была одной из тех, кто обладал исключительным составом крови. АТ-циты в ее составе обладали редким для них свойством адаптивности к условиям, что предполагало возможность переливания любому из живущих в Деревне. Таш вспомнил, сколько раз у нее брали плазму. Таких как она называют «красными детьми»: их организм крепок и молод, выработка АТ-плазмы крайне быстрая, а по составу считается самой сбалансированной по микроэлементам. Для «красных детей» это одновременно и спасение и проклятие. С одной стороны, их пичкали гораздо меньшими дозами лекарств и меньше проводили опытов, чтобы как можно дольше сохранить баланс АТ-плазмы. С другой стороны, это делало их частыми гостями в лаборатории, где нередко у них отбирали до половины всей крови, а потом отвозили в дома для восстановления. Живые кровеносящие плоды. Как и любому культивируемому растению, им полагался особый уход. И этот уход был их проклятием. В домах, где жили «красные дети», было особенно холодно. В них устанавливали дополнительную систему охлаждения. Так как АТ-плазма быстрее вырабатывается в холоде. Питались они исключительно клетчаткой и ничем более. Два раза в месяц всем «красным детям» делались уколы феромона норадренола — гормон агрессии, выведенный в лаборатории из норадреналина. Невероятно болезненный укол, приводил к тому, что организм начинал выделять клетки т-грессоры, которые начинали поедать все вокруг. Это делалось в расчете на то, чтобы АТ-плазма обновлялась с удвоенной скоростью, для восстановления иммунного баланса. После процедур детей возвращали по домам, где последствия иммунной атаки они переживали вместе с опекунами. Не всем детям «повезло» быть в Деревне с родителями, но Каро приложил большие усилия для того, чтобы Кроберг позволила желающим взять под крыло обездоленных детей.

Таш вышел из мрачного тумана мыслей. Скоро рассвет. И рассеется туман или нет, но староста навестит малышку Таню. Она должна будет очнуться к обеду. Это значит, что Таш сможет с ней побеседовать. И он всячески отгонял мысли об обратном. А если Кира тоже вернут сегодня в дом — разговор предстоит и с ним. Но об этой необходимости Таш старался не думать. Слишком гнетущей была эта необходимость из-за всепоглощающего беспокойства за Каро. Не хватало еще перед этим подгорелым выпячивать свою тревогу.

Занималось утро. Холод ночи медленно мутировал в утреннюю прохладу. Но туман не давал слабину. Он лениво противостоял свету и крепче цеплялся за дома. Жители начинали просыпаться. Вскоре послышался скрип дверей и первые жаворонки, лениво вываливались на крыльцо вдохнуть утренней прохлады.

Таш не стал будить Марию. Ее время просыпаться еще не подошло. Она мирно сопела укрытая почти с головой тонким одеялом. Спокойный сон, быть может не скоро она сможет выспаться в кровати того, кто ей мил. Таш тихо закрыл входную дверь и отправился на традиционную прогулку. Он был рад густой пелене тумана. Она позволяла ему идти медленно и не заглядывать в дома. Так было проще думать. Туман продержится плотной завесой до самого обеда. Надежды на то, что Таня проснется к этому времени, не оправдаются. Самая ценная из «красных детей» пролежит в кровати вплоть до самого вечера.

Чтобы скоротать мучительные часы ожидания ответов на свои вопросы, Таш направился к Шаку. Вместе с ним они приступили к первому этапу реализации их плана. Им предстояло найти те датчики, что были отмечены на расшифрованных рисунках Каро. Все они находились в зеленой зоне. В этой части Деревни жили наименее опасные и неперспективные язвенники с точки зрения Кроберг. Их перерождение остановилось на пятой стадии. Для них это означало спокойную жизнь и минимальный интерес со стороны лаборатории. Они проходили плановые осмотры два раза в полугодие для подтверждения их состояния и, как правило, на этом мучения заканчивались. Зачем Каро понадобилось зашифровывать в рисунках именно эти датчики, было не понятно. Однако если он так задумал, то необходимо было выяснить что к чему.

Шак обследовал датчики третьего круга на домах с 340 по 375. Таш ходил на четвертом круге возле домов с 415 по 426. По рисункам выходило, что где-то среди этих домов должен был находиться некий артефакт в виде монограммы с семью углами. Было понятно, что это — условный знак, которым помечен один из домов. Согласно расшифровке: артефакт, который искал Шак, указывал на способ отключить датчики. Монограмма на рисунке у Таши скрывала способ, как усилить действие датчиков и спровоцировать их на сигнал тревоги. Пока на улице стоял густой туман, Шак и Таш внимательно осматривали каждый дом. Дети рассказали, что большинство тайных знаков находилось под домами. Туман для таких поисков был как нельзя кстати.

Спустя два часа розысков Таш и Шак нашли нужные дома: 353 и 424. Под 353 домом, Шак увидел монограмму с семью углами. Она напоминала ломаную линию с изгибами в семи точках. Одна из этих точек была крупнее, чем другие. Линия указывала на один из углов дома, в сторону подпорки. К ней был прикреплен кожух, покрывающий провода, идущие в дом. Они соединяли его с единой системой резервации. Приглядевшись к кожуху, Шак увидел, что он поврежден. Его что-то или кто-то надрезал. Отогнув неровный край, Шакирд увидел семь проводов разного цвета. На монограмме самой большой точкой была пятая, если считать со стороны подпорной сваи. Шак вытащил из кармана рисунок: изображение артефакта было желтого цвета. Среди идущих в ряд проводов, был один желтый. Он был пятым справа. Шак вылез из-под дома. Выпачканный в земле — ему нужно было быстро сменить одежду. Согласно договоренности с Ташем, он должен был встретиться с ним в доме старосты. Ташу повезло больше. Он нашел свой артефакт быстрее и уже ждал появления Шакирда.

Туман рассеялся. Тусклый свет нерешительно сочился через облака. Деревня бодрствовала. Дети сновали между домами. Около тридцати человек занимались на площади упражнениями. Они были также разбиты на группы и делали все так, как их учил Каро-учитель. Долгие месяцы тренировок только благоприятствовали этому. Хотя без молодого наставника сегодня было куда меньше смеха и улыбок. Никто не подбадривал их и не поддерживал. В полном молчании, деревенские выполняли движения, заученные до автоматизма. Но, несмотря на хорошую память, упражнения получались далеко не у всех. Ведь гораздо удобнее, когда перед тобой знающий мастер, который подскажет как лучше и на что обратить внимание. К тому же, никто никогда не знал, какой стиль тренировки приготовил Каро на этот раз. У него было несколько схем занятий, и каждую он чередовал согласно лишь своим умозаключениям. Через полчаса число ярких физкультурников стало уменьшаться.

Около шести вечера проснулась Таня. Таш, довольный результатом их с Шакирдом

«открытий», вскоре прибыл к ней с визитом. Они вышли на веранду. Опекуны Татьяны находились в доме. Староста старался быть как можно мягче. Страх девочки перед ним чувствовался очень явно. Она не смотрела на него. Сжалась как ежик и боялась даже поднять голову, бурча под нос ответы на его вопросы. Она рассказала ему о том, что видела Каро на операционном столе. Ее голос дрожал как на морозе. Она медленно покачивалась на стуле в такт своему рассказу о том, что ощущала, будучи в операционной. Упомянула она и Кира.

— Вы с ним были?

— Да, рядом с Каро. Все вокруг были странными, — Таня смотрела себе под ноги, — они вели себя необычно. Особенно женщина, которая была рядом.

— А зачем там был Кир?

— Они делали с ним то, что и со мной. Он был рядом сколько мог. В коридоре схватил меня на руки и сильно прижал.

— Он пытался тебя защитить?

— Наверное. Санитары были очень страшными. Хуже обычного. Все было страшно. Но Кир был рядом.

Таш задумался. Неожиданный поворот в отношении Кира. Он усмехнулся своим мыслям.

— А ты не знаешь, почему он до сих пор не вернулся? — староста решил попытать удачи.

— Она сказала, что ему придется задержаться, — Таня с осторожностью, косо взглянула на старосту, — помощница Кроберг, она не мне это сказала. Я услышала, как она говорит с медсестрой.

— Ты молодец, девочка. Ты храбро держалась там, в лаборатории, — Таш слегка похлопал ее по спине. Но ощутив, как она дернулась, понял, что делать этого не стоило.

Он вернул ее опекунам и направился домой. Для полноты картины нужен был Кир. И сейчас, Таш готов был его выслушать. Но это произошло лишь на следующий день. В семь часов вечера, возле дома старосты остановился санитарный электромобиль. Кир слез с заднего сиденья машины. Не успел он сделать шаг, как санитар нажал на педаль газа и электромобиль рванул с места. Но Кир словно и не заметил этого. Он стоял слегка пошатываясь, с опущенными плечами и руками-веревками, болтающимися по обеим сторонам тела. Наконец-то дома. Хотя... Что такое дом? Место, к которому он был причислен, где спал и ел невкусную пищу. Место, где с веранды на него взирали улыбчивые глаза Саты и хмурый злобыня Таш. Но даже так, он рад был видеть их. Все лучше безразличных масок персонала лаборатории, которые высасывали из тебя всю радость и надежду, что ты когда-нибудь выйдешь из палаты. Сата вскочила со стула и спустилась к Киру. Она подхватила его и повела в дом. Будучи у порога, Кир ощутил, что староста не просто чем-то недоволен, он сверлит его глазами. Сата довела Кира до кровати. Она хотела уложить его, но он отказался.

— Я два дня лежал, не вставая, — измученно улыбнулся он.

Сата понимала его. Сейчас у него ныло все тело. Она направилась на кухню, где хотела приготовить энергетический напиток из «фейерверка». Это поможет ему встряхнуться. В дом вошел Таш. Кир убрал с лица улыбку и отвел взгляд.

— Рассказывай, — староста сел на свою кровать напротив Кира.

Кир почувствовал в голосе Таша сильную заинтересованность. Хоть он и выглядел

сурово, но неприязни не было. Кир попытался совладать с трепетом внутри и обуздать накатывающуюся дрожь в голосе. Он начал с момента, когда за ним приехали санитары. Ему снился непонятный сон. Он был в странном месте, знакомом, но чужом. Кир настаивал, что это были не фантазии разума, а какие-то воспоминания. Он подробно рассказал, что видел в надежде на то, что это покажется знакомым старосте. Но Таш лишь отрицательно мотал головой. Он никогда не слушал музыку, о которой говорил Кир. Не был он и на улицах, названия которых всплывали в разговоре. Кир понурил голову. Тщетная попытка хоть что-то понять из своего сна провалилась. Тогда он рассказал, что у него и у Тани брали кровь для Каро. Кир рассказал, что его самого он не видел, лишь его перебинтованное тело. Оно было покрыто тканью полностью. Кровь нужна была для Каро, чтобы спасти ему жизнь. Как потом подтвердила ассистентка Кроберг Ольга, Каро находился на грани смерти. Но они вовремя нашли способ помочь ему. Однако дальше голос Кира поник.

— Моя кровь оказалась уникальной, — дрожь вдруг вырвалась из-под контроля.

Сата подала ему прозрачный стакан с белым напитком. Она посоветовала ему выпить его залпом, но на втором глотке Кир закашлял. Волнение накрывало его, и он поставил напиток на тумбочку.

— Что это значит? — спросила Сата.

Она села рядом со старостой.

— Она идеально подходит для Каро. Я точно не помню, что говорила Ольга. Но моя кровь — чистая. Чище чем у «красных детей». Такую редко встретишь, сказала она.

— Это так, — поникшим голосом подтвердила Сата, а взгляд ее сильно пугал Кира.

— Они сказали, что будут каждую неделю брать у меня кровь, — Кир посмотрел на старосту, пытаясь получить хоть какую-то поддержку. — Это ужасно и больно. Ольга сказала, что они будут брать кровь регулярно.

— Боюсь, она тебе немного наврала, — с издевкой произнес Таш.

— О чем?

— Чистая кровь действительно редкость. Но тех, кто обладает ей, называют обреченными, — Таш пристально смотрел на Кира, подмечая каждое изменение на его лице. — Если твоя кровь и вправду чище чем у «красных детей», то тебе осталось жить не более трех месяцев. Потому что твои мии перерождаются и вскоре кровь твоя станет ничем не лучше моей или ее.

Словно обвал в горах, эти слова с грохотом обрушились на Кира. Он не был готов к такому. Да и можно ли подготовиться?! Кир вспоминал разговор с Ольгой. Ее безразличный и пустой взгляд. Так это не усталость и не рутинка. Она смотрела на него как на смертника. Кир мотал головой, он не мог согласиться с услышанным. Так не должно быть, не может быть, чтобы староста говорил правду! Ведь он всегда смотрел на него со злобой, непонятной, предосудительной. С чего ему сейчас говорить правду? Ложь и коварство — чтобы поиздеваться над тем, кого он ненавидит. Кир со злобой уставился на старосту. Он желал обрушить на него то же что и он — бескомпромиссную холодную ненависть. Но на свою злость он лишь получал жалость. Таш не отступал перед напором, но он и не вступал с ней в схватку. Кир вскрикнул и схватился руками за голову.

— Его нужно взять, — произнесла едва слышно Сата.

Таш резко повернул голову в ее сторону. Как смела она произнести это?!

— Подумай, — настаивала она.

Она кивнула в сторону Кира, показывая, что он сейчас не воспринимает ее слова. И

тайна осталась не раскрытой. Кир был погребен под словами старосты; еще чуть-чуть и тяжесть их переломит ему хребет.

Таш смотрел на Сату. Ее напористость не знала границ. Она совершенно не боялась его и даже не притворялась, что не считает его слово последним. Таш унял огонь негодования и задумался над ее словами. Сата не глупа, да и Кир действительно может оказаться полезным. Таш взглянул на сокрушающегося погорельца. Способен ли он осилить груз тайны? Он, конечно же, согласится. Любой, оказавшийся на его месте, согласился бы участвовать. Но одно дело сказать «да», и совершенно другое — нести на плечах этот груз. Таш стукнул кулаком по кровати. Он никак не мог решиться. Зыбко все. Пусть Кир не подсадной и действительно такой же зараженный, как и все в Деревне. Но, староста никак не мог отделаться от чувства опасности, исходящей от него.

— Нам нужен ацелин, — не выдержала Сата, озвучив аргумент, который перевешивал если не все, то многое.

Таш готов был вцепиться ей в горло и зажать рот руками. Он прекрасно знал, что без Каро им не достать раствор ацелина. А Кир может стать хорошим добытчиком, так как в следующие несколько недель будет регулярно бывать в процедурной лаборатории. Но он не хотел соглашаться с этим.

— Таш?

— Умолкни! — староста вскочил с кровати.

Кир поднял голову и с испугом смотрел на осуждающий взгляд Саты. Она смотрела вслед Ташу. Он остановился возле окна. Его мысли роились в голове, пытаясь отыскать вескую причину, чтобы не вовлекать Кира в их заговор. И чем дольше он стоял и смотрел на прохаживающих жителей, тем отчетливее понимал, что избежать этого невозможно.

— Ты, — Таш обернулся.

Кир вздрогнул. Староста подошел к нему и тихо добавил:

— Пойдем, подышим.

Таш перевел взгляд на Сату, ее он также приглашал.

Староста подошел к своей тумбочке и достал из шкафчика два рисунка. Кир подумал было, что староста шутит. Но Сата разъяснила, что прогулка поможет избежать активного внимания датчиков. Таш вышел первым. Пока Кир и Сата неспешно спускались по ступенькам, Таш заскочил в дом к Шаку. Он передал ему рисунки. Один из них предназначался для Максима. Завтра им предстояло найти еще пару артефактов, оставленных Каро.

Вернувшись на улицу, Таш увидел, что Кир под руку с Сатой идут по улице по направлению от главной дороги. Глубоко вздохнув и выстроив мысли, староста спустился с крыльца и последовал за ними. Вскоре он поравнялся с Киром.

— Скажу тебе честно, Кир, — староста говорил тихо, периодически посматривая на прогуливающихся.

В такт ему заговорила Сата, делая вид, что увлеченно о чем-то рассказывает.

— Мне приходится тебе это говорить, потому что я загнан в угол.

Кир напрягся. Тараторящая Сата пугала его не меньше чем суровый вид старосты. Сначала он подумал, что девушка специально перебивает Таша. Однако немного погодя, Кир сообразил, что Сата намеренно вплетает свои громкие слова в их неслышный разговор. Кир старался не отставать от старосты.

— Как оказалось, мы можем друг другу помочь, — Таш смотрел на Кира, пытаясь

понять: не зря ли он затеял этот разговор. — У нас, у всех, незавидная судьба: с одной стороны общество, которое нас отвергло, с другой эта резервация, где мы подопытные кролики. Нас здесь лечат — они говорят всем, но только мы знаем, что это не так. И думаю, ты уже понял, что Деревня — это лимб для живых. Мы все давно уже превратились в ходячие трупы, в которых поддерживают жизнь. И отсюда выхода нет, если не считать смерть выходом. И здесь чаще умирают не от старости.

— Неужели всем наплевать на нас? — Кир смотрел по сторонам.

Мирный день утихал. Свет уступал вечернему сумраку. Воздух становился холоднее. Это дыхание ночи. Она была уже совсем рядом и пробиралась через лес.

— Я уже здесь больше восьми лет, — Таш усмехнулся, — да что я. Хочешь представить весь ужас происходящего — подумай о Каро. Он здесь с 204 года, с самого основания резервации. Он первый, кто попал сюда.

— Сколько же ему лет? — поразился Кир.

— Двадцать пять. Восемнадцать из них он живет здесь.

Кир подсчитывал в уме возраст, когда Каро попал в Деревню.

— В семь лет?

— Да. Его школа, университет — вся жизнь прошла здесь. И именно он руководит нашей группой.

— У вас есть план? — Кир догадывался.

Таш слегка кивнул головой. Кир посмотрел на замолчавшую Сату.

— А он смысленый, я была сразу за него, — Сата крепче сжала руку Кира.

— Скажешь тоже, — стусевался он, — я хотел сбежать отсюда в первый же день.

— Но Каро тебя спас, — Таш закончил фразу.

Сата вновь начала говорить. Она размахивала руками в такт своих слов и иногда одергивала Кира, чтобы он подыгрывал ей.

— Теперь у меня есть к тебе вопрос. Готов ли ты рискнуть и присоединиться к нам, к тем, кто желает вырваться отсюда?

— Ты еще спрашиваешь? — усмехнулся Кир. — Из меня высасывают кровь как сок по трубочке. Если вы собираетесь бежать до того, как они угробят меня — я сделаю все, что от меня требуется.

— Похвально. Но работа предстоит тяжкая. И главное — держать язык за зубами.

— А мы успеем?

— Я понимаю твои опасения. Стандартная процедура обескровливания занимает около десяти недель. Мы же рассчитываем смыться отсюда через восемь.

— Впритык, — сердце Кира сжалось.

— Понимаю. Но мы не можем уйти без Каро. Он тот, кто сможет проложить путь через лес.

Кир промолчал. Он ответил на пару вопросов притворной беседы с Сатой. Поприветствовал нескольких деревенских. Холодеющий воздух сжал в кулак Кира, и он дрогнул. Сата потерла его плечо, стараясь согреть. Вдруг ее рука замерла над углублением в коже. Она ощупала пальцами и вопросительно посмотрела на Кира. Но он не заметил ее взгляда и обратился к Ташу.

— Несколько часов назад я встречался с агентом из ФСБ.

— Они по-прежнему думают, что ты — террорист?

— Наверное. В первую нашу встречу он спрашивал меня только о взрыве. Но в

последний раз он больше интересовался жизнью здесь. Спрашивал про Кроберг, какая она, про работу персонала, что они со мной делают.

— Странно, — Сата не удержалась от комментария.

— Что именно? — не понимал Кир.

— Твой агент: никто не интересуется жизнью в Деревне, — пояснила она.

— Да, вы говорили. Я поэтому и упомянул его. Может он не просто интересуется?

— В смысле? — Таш косо посмотрел на Кира. — Ты думаешь, он хочет нам помочь?

Выясняет здесь все, разнюхивает? Или даже лучше: он ведет секретное расследование и его цель — спасти всех нас.

Кир отвел взгляд от издевок старосты.

— Не обращай внимания, — Сата пыталась немного затупить шипы Таша, — ты слишком мало здесь побыл. Мы тоже так думали. Каждый из нас в свое время. Надежда на то, что этот пришедший агент или проверяющий беседует с тобой с тайным умыслом.

— Держи с ним рот на замке, — грозно произнес Таш, — в Деревне нет места надеждам. А те, кто хватается за них, раньше срока понимают, что это билет на скорый поезд до смерти. Все, кто искал помощи у федералов, бывавших здесь, — мертвы. Запомни: все, что происходит здесь — не выходит за пределы Деревни. Я еще раз тебя спрашиваю: ты готов взять на себя эту ношу?

— Я ответил уже — да.

Таш кивнул. Взгляд Кира подтверждал твердость его слов. На секунду тревога ослабила тиски, сжимающие разум старосты. На лице Саты сияла довольная ухмылочка. Она была рада за себя. Уговорила несгибаемого Таша рассказать все Киру. Она верила, этот погорелец не зря попал к ним. И именно он сможет достать для них билет на волю. Всеми силами она сдерживала страх, что Каро может не вернуться. И верила — заставляла себя верить, но не надеялась. Эту роскошь она себе не позволяла. Во всяком случае, Сата не признавалась даже самой себе, что Каро — ее надежда. Но она понимала — после двух месяцев тяжелых опытов, Каро наверняка будет не в лучшем состоянии. Помня его провалы в памяти по прошлому году, она знала, что Таш столкнется с неизбежной проблемой ее восстановления. Пусть сейчас у них достаточно дней для финальной подготовки. Но перед последним аккордом запаса времени почти не будет. Когда-то Каро говорил ей о том, что он не сможет всегда их защищать. Когда-нибудь Кроберг добьется своего, и он потеряет себя. Сата слушала его, но никогда не впускала эти мысли глубоко. Но два дня назад она почувствовала то, что испытывает ее друг и учитель. Импульс продолжался не долго, но и его хватило, чтобы принять неотвратимость грядущего и совершенно по-другому осмыслить слова Каро: «Она все равно своего добьется. Она всегда добивается того чего хочет. И я буду другим. Не смогу защитить вас». Именно это сидело в ней. Эти слова заставляли ее спорить с Ташем, склоняя чашу весов в сторону Кира. Сейчас он был самым ценным из тех, кто готовил побег. У Кира была реальная возможность заполучить ацелин. Этот препарат использовался для активации жизненных показателей организма. Это был адреналин для больных «белой язвой». Однако, используя его с некоторыми ингредиентами энергетика «фейерверк», который употребляют почти все деревенские, можно было создать сильнодействующее паралитическое облако.

Кир был готов. Он страстно желал как можно скорее попасть в лабораторию. Семь дней пролетели быстро. И, полный сил, он сел в электромобиль к санитарам, приехавшим за ним.

Процедурная встретила прохладой синеватых стерильных стен со множеством шкафчиков и боксов, встроенных в них. Закрытые, они больше походили на бледные, выгоревшие на солнце, соты. Небольшое помещение прямоугольником, по площади чуть больше спальни и кухни в доме, где проживал Кир. Внутри лаборатории его уже ждала Ольга Арно. «В защитном костюме, конечно же», — отчего-то фыркнул про себя невольник. Она стояла к нему спиной у приборного стола, стоявшего у стены напротив. Кир огляделся, стол буквой «П» вдоль стен занимал половину процедурной и доходил почти до двери. На нем размещалось несколько боксов с компактно расставленными в них приборами. Все, как и положено в лаборатории всемогущей Кроберг стояло ровно и по своему порядку. Механические руки выставили боксы с инвентарем еще до прихода пациента. В центре второй половины процедурной стояло серого цвета роботизированное кресло. Усыпанное датчиками, маленькими мониторами, трубкам и танкерами, с двумя роботизированными манипуляторами по бокам, оно больше напоминало кресло какого-нибудь космического исследовательского корабля. Только это кресло было идеально чистым и даже поблескивало в свете ярких потолочных ламп.

Санитары усадили его в кресло и поспешили выйти. Кир привык к их подталкиваниям и дерганью. Что с них взять? Не обремененные сложной работой, в обязанности которых не входило проявление учтивости. Кир не сопротивлялся. Даже когда один из здоровых лбов больно припечатал его голову к жесткому подголовнику. Нужно стерпеть, повторял он, — нужно выдержать. Дверь заблокировалась. Кир поразился с какой скоростью эти переростки могут иногда двигаться. Он продолжал разглядывать лабораторию. Ольга стояла к нему спиной у приборного стола. В ее руках звенели колбочки и инструменты, плакали от нажатий кнопки: она была занята подготовкой к работе. Кир старался не привлекать внимание. Он собирался уличить удобный момент, пока внимание лаборантки приковано к рабочему столу.

Сата, как могла, проинструктировала его о том, как выглядят ампулы ацелина. Их ярко-синяя бирка, как маячок, всегда привлекает к себе внимание. Но все они понимали, что эта информация никак не поможет ему разыскать их, если они будут не на виду. И даже если они окажутся в поле зрения остаются всевидящие датчики. Кир пробежался взглядом по стенам. Но не смог определить, где сокрыты вездесущие бледно-зеленый линии. Вот было бы здорово, если это единственное место где их нет. Кир нервно хохотнул и осекся, опасаясь привлечь внимание лаборантки. Но тело подчинялось не мыслям, но рефлексам — правая нога досадую тихо топнула пяткой — искомым ампул нигде не было. Не хватало только рыскать по шкафам. Если тут все-таки есть датчики, то охрана наверняка обратит на это внимание. А там и до вмешательства недалеко.

— Кир! — прикрикнула Ольга.

Он очнулся. Девушка стояла перед ним со шприцом для забора крови.

— С тобой все в порядке? — она смотрела ему в глаза. — С предыдущего раза у тебя не было галлюцинаций?

Кир смотрел на нее. В его глазах блеснула алая искра. Добродушный голосок Ольги лишь подливал масла в огонь.

— Как будто вам до этого есть дело? — огрызнулся он.

Ольга потупила взгляд. Она смазала локтевой сгиб спиртом и поднесла шприц. Но укола не последовало.

— Да, вы правы. Мой вопрос, наверное, отдает издевкой, — сникшим голосом

произнесла Ольга. — Какое лицемерие: быть палачом, но интересоваться вашим самочувствием.

Кир смотрел на Ольгу. Под стеклом защитной маски лицо лаборантки выглядело кукольным. Ее кожа, желтоватая из-за стекла, без морщин. Идеальное и сосредоточенное. Словно не женщина перед ним, а кибернетическая кукла-ассистент в больнице. Но все же симпатичная, с прямыми чертами лица. Наверняка ей повезло с родителями, думалось Киру. Только красивая и чуткая мать может дать дочери такие добрые глаза. Ольга их прятала, но нет-нет да пересекалась с пристальным взглядом своего пациента. Даже странно, что девушка с таким добродушием в глазах могла здесь сработаться.

— Вчера я просила профессора Кроберг дать мне другую работу и освободить от обязанности проводить забор крови. Но, как мне кажется, именно потому она и оставила меня здесь. Поймите меня правильно, я спросила о самочувствии не потому что мне хотелось поиздеваться, — так Ольга извинилась.

Упрямая сила взгляда вдруг растворилась и Кир отвел глаза. Он не ожидал, что Ольга вот так прямо выпалит ему это. Невольница, как и он? Нет! Это ее работа. Она стояла рядом с ним с готовым шприцом и антисептическим диском в другой руке. Ольга снова потеряла место для укола.

— Мне надо взять кровь на анализ. Если все в порядке, то я... поставлю катетер, и мы приступим, — Ольга с осторожностью взглянула в глаза Кира, ожидая реакции.

Он кивнул. Робкая улыбка на миг коснулась уголков губ Ольги. Она была рада, что Кир успокоился. Во всяком случае она похвалила себя за свою прямооту. Ей очень хотелось, чтобы Кир понял ее. Хотя, чем дольше она смотрела на его сгоревшую кожу, тем противнее становилась сама себе. Она вколола иглу и набрала два кубика крови.

— Я хочу вас спросить о Каро.

Ольга обработала рану микроприжигателем. Вопрос застал ее врасплох.

— Если это возможно? — молящий взгляд зрачков из опалённых глазниц обезоружил Ольгу.

Отходя к приборному столу, Арно кивнула. Хотя сама не поняла зачем.

— Как он себя чувствует?

— Ваша кровь и той девочки помогла ему, — Ольга делала анализ крови.

— С ним ведь все будет хорошо?

— Почему вы так беспокоитесь о нем? — Ольга обернулась и посмотрела на Кира.

— Он — первый, кого я встретил здесь, — Кир не прятал глаза и старался говорить искренне, — и в первый день спас мне жизнь, когда я чуть не кинулся на изгородь.

Кир непроизвольно дернулся.

— У него была очень тяжела операция, но он поправится. Идет на поправку.

— Передайте ему, что о нем многие беспокоятся.

— Он в коме, — Ольга завершила анализы, — но как очнется, я передам обязательно.

В ее руках был катетер. Она подошла к Киру и начала обрабатывать руки.

— С кровью по-прежнему все хорошо? — вяло улыбнулся он.

Ольга промолчала. Она вставила в обе руки катетеры и подсоединяла шланги.

— А можно как-нибудь избежать неприятных ощущений после забора?

Ольга подсоединила шланги к центрифуге.

— К сожалению, сильная слабость, тошнота и острое недомогание — обычные симптомы после обильного забора крови, — Арно проверила соединения.

Она тянула с нажатием кнопки на центрифуге, будто бы у нее был выбор.

— Я попытался, — Кир откинулся на спинку и закрыл глаза, кресло приняло полулежачую форму.

Раздался щелчок кнопки. Центрифуга начала медленно раскручиваться. Ольга открыла зажимы на катетерах и по шлангам потекла густая багровая кровь с белыми прожилками. Она быстро стекала в центрифугу, где в стремительном вихре разделялась на несколько фракций. Через пятнадцать минут Кир начал ощущать слабость в конечностях. Его тело прижимало к креслу, будто он находился внутри той самой центрифуги.

Ольга старалась не тревожить своего погорелого пациента и, хотя ходила на цыпочках, Кир слышал ее осторожные движения. Хоть кто-то в этой лаборатории относится к больным как к больным! Кир начинал «плыть». Тело теряло ощущение реальности. Все становилось ватным, обволакивающим — гадостное чувство из взбитых мыслей. Шорох шагов сливался с усиливающимся белым шумом. Руки и ноги куда-то проваливались. Несколько раз Кир вздрагивал — его тело пыталось понять: падает оно или по-прежнему лежит в кресле. Нужно было открыть глаза и осмотреться, но навалившаяся усталость свинцовыми пальцами накрыла лицо. Пустота разрасталась, поглощая внутренности и заставляя сердце биться медленнее.

Звук отражался от стен неразличимым эхом. Оно смешивалось в шелестящий шум и раздавалось то справа, то слева. Кир не почувствовал, как двое санитаров подняли его с кресла и повели к выходу. Ольга закончила процедуру и поспешила удалиться. Кира усадили в электромобиль, рядом сел санитар. Вскоре Кир был в доме. Таш с Максимом помогли ему добраться до кровати. Прислонившись к Киру, Таш почувствовал что в кармане его штанов что-то лежит. Уложив Кира на постель, староста ощупал его карман и вытащил из него ампулу с ярко-синей биркой. Это был ацелин. Староста посмотрел на Максима, сжимая в кулаке ампулу. Макс понял по довольному взгляду, что у новичка получилось достать препарат. «Отдыхай», — Таш был очень доволен.

Кир проспал двадцать часов. Каждые два часа его навещала Сата. Таш рассказал ей о том, что ему удалось достать нужный препарат. В разговоре староста был теплее обычного. Таким способом он благодарил Сату за ее упорство в вовлечении в их общее дело Кира. По температуре и давлению Сата поняла, что ему очень плохо. Второй забор крови сказывается гораздо хуже. Организму уже тяжелее справиться с последствиями такого варварства. И стоило намекнуть Ташу, что неплохо бы сцедить хоть немного ацелина соседу, тот тут же напялил шипастую маску на довольную физиономию. Староста был непреклонен. Лишь раз он напомнил, для чего нужны ампулы ацелина. И что их количество никак не должно быть меньше восьми штук. Сата это знала. Это ведь был тот запасной вариант, который она сама поддерживала и ради чего настояла на привлечении Кира.

Очнувшись через несколько часов, Кир увидел перед собой лучащееся лицо Саты. Она сияла улыбкой и готова была плясать от радости. Увидев, что он очнулся, она подскочила к нему и начала тормозить. Ей не терпелось поблагодарить его и сказать какой он храбрый, что сумел стащить ампулу. Но дергания Саты громким гулом отзывались в голове Кира. Он морщился и Сата быстро сообразила, что слегка перестаралась с восхищением.

— Ой! Прости, пожалуйста, — она отпрянула от него и села рядышком на кровати. — Просто... Я так рада!

Из окна по глазам бил яркий свет. Кир сильно морщился. В животе было пусто. Голод всегда просыпается раньше.

— Мне бы поесть, — пробормотал он сухими губами, — и попить.

Он попытался наклониться, чтобы встать, но резкое головокружение повело его в сторону, и Кир завалился обратно на подушку.

— Стой-стой, — Сата схватила его за плечи и придавила к кровати, — тебе нужно лежать. У тебя голова сейчас не знает где ноги, где руки. Я сама уже все приготовила давно и сейчас накормлю тебя. — Сата посмотрела на Кира, ожидая от него какой-либо реакции в подтверждение, что он все понял.

Кир кивнул, и на его лице прорезалась робкая улыбка.

— Ну, вот и хорошо, — Сата вскочила и вприпрыжку побежала на кухню, — Таш не любит, когда я хозяйничаю здесь. Но сам-то он готовит просто отвратительно. Честное слово, он даже бутерброд не сможет сделать.

Кир осмотрелся. Старосты в доме не было. В ослабившем силу свете он признал полдень или немногим позже. На кухне Сата уже все расставила на подносе и несла к нему еду. Она поставила поднос на тумбочку и села на кровать у изголовья.

— Тебе придется немного приподняться.

Кир зажмурился. С закрытыми глазами его не так сильно мутило и кидало в стороны. Усевшись поудобнее, он с благодарностью посмотрел на Сату. Она уже держала прозрачный небьющийся стакан с водой. Кир вцепился в стакан обеими руками. Жажда когтями вцепилась в глотку. Вода... как же они живительна! Облизывая мокрые губы, он еще долго смаковал бы ее «сладкий» вкус, если бы не увидел перед собой большую ложку, в которой находилось что-то пюреобразное оранжевого цвета.

— Не смущайся, — Сата поняла его вопросительный взгляд, — это витаминное пюре и тут много клетчатки. Тебе это необходимо для быстрого восполнения крови. Конечно это не ацелин, который поднял бы тебя за полчаса на ноги, но хоть что-то.

Сата ловко перехватила стакан и поднесла ложку с питательной пищей ближе. Кир понюхал оранжевое пюре — ничем не пахнет. На вид, правда, необычное. Но есть хотелось, и он приоткрыл рот. А через секунду он улыбался — пюре оказалось очень даже съедобным. Немного недосоленным, но вкусным. Уже давно он так с аппетитом ничего не ел. Сата радовалась, что ему нравится ее стряпня. Доедая остатки пюре, Кир уже посматривал, что еще приготовила его заботливая нянечка. И выбирать было из чего. На подносе еще был стакан молока, творожная масса щедро сдобренная хлопьями, богатыми клетчаткой, и фрукты. В основном это «ржавые» яблоки — модифицированные из классических, в них было большое содержание железа.

— Расскажи, как тебе удалось найти ампулу? — Сата приготовилась услышать очень увлекательный рассказ.

— Ампулу? В каком смысле достать? — не понял Кир.

Он догадался, о чем говорит Сата, но не разумел почему.

— Ацелин, — шепотом произнесла она. — Ты что не помнишь, как его достал?

— Нет, — Кир задумался, он боялся, что у него очередной провал в памяти, — я ничего не доставал. Я помню все, — он сказал это и для себя самого, — как я был в лаборатории, и Ольга брала у меня кровь. Мы беседовали. Я не мог, то есть у меня даже не было возможности нормально там все осмотреть.

— Откуда же у тебя оказалась ампула?

— Может, — Кир прокручивал разговор с Ольгой. — Во время разговора я намекнул на то, что восстановление после переливания очень болезненны. В общем-то и все.

— Надавил на жалость? — подхватили кормилица.

— Не то чтобы. Скорее от безысходности. И в мыслях не было... — Кир задумался. Неужели это Ольга? Но кто же кроме нее это мог быть? — Там... В общем я не справился на самом деле. Их не было на столах. У меня не было возможности. И вот сказал, что действительно после переливания хреново.

— И все? — удивилась Сата. — А ты умеешь влиять на женщин, головешка.

На ее лице красовалась довольная улыбка. Воришка оказался изобретателен. Ольга растаяла при виде измученных выгоревших глаз Кира. Сата готова была рассмеяться от шальных мыслей. Но в дом вошел Таш, и она сдержала вольный порыв.

— Ты очнулся, — староста прошел к своей тумбочке и положил туда несколько новых рисунков. — Ты молодец.

Сату прорвало. Она хихикнула, но поймав себя, отвернулась от старосты. Кир готов был провалиться, ожидая, что Таш не погладит его за незаслуженные дифирамбы. Но с признанием его опередила Сата.

— Он не стащил ампулу, — она говорила, проглатывая звуки. — Это все Арно. Она сама положила ему. Кир даже не знал об этом.

— Это так? — с тревогой спросил Таш.

Кир не отважился произнести. Он лишь робко кивнул.

— Что? — Сата не понимала угрюмого старосту. — Все ведь здорово получилось.

— Подумай, девочка, — хлыстал словами Таш, — если Арно дала ему ампулу, то, наверное, увидев в каком дерьмовом он состоянии, ей станет понятно, что он не вколол себе препарат.

— Ну, а как было ему их достать? — Сате хотелось крикнуть, но датчики, чей бледный свет всегда был с ними, сбивал весь ее пыл.

— У него что вместе с кожей и мозги выгорели? — сквозь зубы процедил Таш. — А теперь нам предстоит решать новую проблему.

Староста обладал той грубой особенностью — разрушать прекрасную действительность, создаваемую другими. Улыбка смазалась с лица Саты. Она поняла, что ситуация серьезная. Радость от недавней удачи может стать причиной краха всего плана побега. Арно задастся вопросом: почему Кир не использовал панацею, которая быстро поставила бы его на ноги? Дальше, как по крошкам, не сложно будет добраться до истинной причины. Неиспользованная ампула должна где-то быть. Арно сообщит начальнику охраны. Она найдет способ выкрутиться и объяснить причину, по которой дала препарат больному. Но если даже она не будет привлекать охрану, то просто-напросто не даст больше ацелина и, что хуже — будет пристально следить за Киром.

— Нужно как-то обмануть Арно, — рассуждала Сата.

— Идеи? — Таш сидел на кровати и буравил взглядом недавнюю хохмячку.

— До следующей процедуры неделя. За это время нам нужно напичкать Кира поливитаминами, клетчаткой...

— И фейерверком, — перебил Таш.

Он понял задумку Саты. И она была на верном пути. Витаминов у жителей было в огромном количестве. В каждом доме находились ампулы с глюкозой, которая служила питанием для мозга. Каждый из деревенских периодически колол ее себе, чувствуя недомогание. Ингредиенты энергетического напитка помогут разогнать обмен веществ и окажут бодрящее действие. Эффект будет недолгим, но достаточным, чтобы ввести в

заблуждение Арно.

Все следующие шесть дней Таш с командой выменивали для Кира необходимые препараты, витамины, которые были на руках у жителей. Сата готовила еду с высоким содержанием клетчатки. Никогда Кир не чувствовал себя таким нужным и важным. На четвертый день он даже осилил длительную прогулку по пятому кольцу. Кампанию ему составила Сата. Она расспрашивала его о том, что он уже вспомнил. Но здесь Киру говорить было практически не о чем. Из всего что он помнил, были непонятные кусочки изображений. Ему часто снятся две женщины. Но он не видит их лиц и не знает, как их зовут. Являются ли они его воспоминанием или же воображением травмированного мозга он не мог понять. Куда важнее и ценнее для Кира было то, что происходило с ним здесь и сейчас. Он с нежностью в глазах смотрел на Сату. Она была полна энергии и заряжала оптимизмом всех вокруг. Ее многие любили в Деревне, заметил Кир. Несколько мужчин даже подбивали клинья к ней. Кира это смешило и радовало одновременно. За столько дней он впервые почувствовал, что находится в нужном месте и в нужное время. Даже серые однообразные дома не были такими уж унылыми. Дни становились теплее, а это значит, что скоро у солнца хватит сил, чтобы окончательно прорваться через пелену облаков. Земля будет впитывать тепло как губка и начнет согревать Деревню ночами, в которых все еще властвовал призрак умершей зимы. Она продолжала хранить в себе пронизывающий холод и даже сковывала лужи после дождя тонкой наледью. Настырная и упрямая зима все еще лелеяла надежду на свой финальный аккорд.

Чем ближе был очередной визит в лабораторию, тем дерганнее становился Кир. Он пугался шорохов и взглядов. Ему казалось, что вот-вот из-за угла покажется электромобиль. Даже Таш как-то странно себя вел сегодня. Он несколько раз пытался заговорить о чем-то, но переводил разговор на другую тему, либо просто уходил. Борясь с бессонницей лежа в кровати, Кир никак не мог отделаться от мысли, что он что-то или кого-то забыл. И это ощущение было иным, чем общее беспмятство. В его голове крылось что-то важное и это важное связано с семьей. Он надеялся, что где-то у него есть родные, но почему-то думая о них, ему становилось тревожно. Кир посмотрел на спящего старосту. Вот уж кто никогда не страдает бессонницей! Киру взгрустнулось от таких мыслей. Неужели чтобы крепко спать, нужно быть таким как Таш — непрошибаемым и безразличным?! Староста заворочался. На секунду Кир подумал, что каким-то образом Таш услышал его мысли. За последнее время он многое узнал о язвенниках. И главное то, что некоторые из них могут обладать каким-то даром. Сначала это воспринимаешь как магию. И в это верить совсем не хочется. Но чем больше общаешься и слушаешь, понимаешь, что все здесь не что иное, как страшное доказательство человеческого гения. Кир старался отогнать мысли об ученых. Но они были ему интересны. Их работа казалась ему проявлением некоего великого научного разума. Ему нравилась эта идея. И он помнил это из своей прежней жизни. Но сейчас он видел науку с другой стороны. Десятки ученых, просветленных голов в лаборатории, и ни одни из них не вызывает ни трепетания сердца ни уважения. Разве что страх, который сдавливал все внутренности и мешал дышать. Кир ненавидел это чувство. Оно слишком хорошо было ему знакомо. Потеряв однажды маму с сестрой, он понял, что в этом мире он остался один. Кир хорошо помнил это чувство страха, когда на тебя обрушивается пустота и хаос, оттого что их некому больше сдерживать. На глазах Кира выступили градины слез. Перед глазами стояла выписка из истории болезни, подписанная главным санитарным врачом Екатеринодара. Как и тогда, он захлебывался от страха и не мог понять, почему это произошло с ним. И через

слезы он снова и снова читал диагноз. Он не смог сдержать нахлынувших чувств. Слезы скатывались по щекам и падали на одеяло. Кир вспомнил, что у него когда-то была семья.

Глава 19. Другой

Сата шла по ночной улице. Слабый дождь тихо стучал по крышам. Ей были неприятны покалывания капель, но они были отличным средством отвлечения от тяжелых мыслей. Последние дни из-за них почти не спится. Над деревней проплывала туча со множеством просветов, словно разорванная грязная мешковина. Через нее проглядывалась темная синь неба, если приглядеться. Бледные звезды по ту сторону рваного одеяла, мерцали тысячами жемчужин на дне бездны. Величайший из океанов без интереса взирал на серые одинаковые дома. Редкий случай, когда на Деревню обрушивается такая красота. И ценнее она от того, что ее никто не видит. Сате стоило порадоваться своей бессоннице — она выгнала ее на улицу. И даже кусающийся каплями дождь не мог омрачить красоту далекой звездной россыпи.

На слабых потоках ветра до слуха доносилось кряхтение старых тополей. Скоро из набухших почек начнут проклевываться первые мелкие листочки. Сате представлялось, как она гуляет меж высоких исполинов и смотрит вверх, туда, где высокая крона касается облаков. Иногда ее посещало странное ощущение отрешенной реальности: жить в центре леса, но не быть в нем. Впереди, на главной улице, ярко горели прожекторы. В их свете нити дождя сверкали лезвиями. Сата остановилась. Приблизиться к ним не хотелось. Их яркий искусственный свет застилал взгляд от ночной сини и заслонял свечение небесных жемчужин. Она свернула в переулок и пошла в сторону изгороди. Там лучше всего был слышен гул мрачного леса и ярче искры томящихся звезд.

Сата вышла из переулка. Перед ней была только «дырявая» сетка изгороди. За ней далекий лесной мрак и тихий шепот дождя. Воздух наполнился густым запахом влажной земли и терпким ароматом древесной коры. Сата развела руки в стороны, желая впитать живительную энергию, идущую от просыпающихся деревьев. Она посмотрела по сторонам. Как вдруг увидела в двадцати метрах от себя человеческую фигуру. Сату передернуло от неожиданности. Человек, одетый в светлые штаны и рубаху, стоял недвижим. Капли дождя закручивались причудливым танцем вокруг него. Любопытство, что пес на поводке, всегда тянет вперед. Сата медленно направилась к нему.

Это был мужчина, невысокого роста, голова приподнята и без волос. Казалось, что его взгляд устремлен куда-то вверх, сквозь мрак ночи и выше над кроной леса к звездному свету. Чем ближе Сата подходила к нему, тем отчетливее видела, что ни одна капля дождя не касается его. Они сталкиваются с невидимым зонтом и стекают вокруг по спирали к земле. Черты неизвестного ей были знакомы: средний рост со стройной осанкой ни на сантиметр не сгорбленной, плавный подбородок и высокий лоб. Но было в нем много незнакомого. Обращенная к ней половина лица, покрыта уродливыми глубокими шрамами. Они то синели в бледном свете далекой луны, представляя обозрению затянущуюся коркой кожу, то чернели от набегающей тучи. Сата не могла его узнать, но загалдевшие от волнения мысли подсказывали ей, что видит его не в первый раз. Их отделяло всего несколько шагов, когда ее пронзила током самая громкая из догадок. Сата замерла как вкопанная. Невидимый удар молнии ошеломил ее. Перед ней стоял Каро. Она не могла пошевелиться. Открывшая рот от неожиданного открытия, ей хотелось закричать: «Это не он! Я ошиблась»... Это уродливое бледно-синюшное лицо не может принадлежать Каро. Они просто похожи.

Смиренно взирающий не обращал внимания на Сату. Его интересовало лишь небо. Сата прикрыла рот ладонью, опасаясь обронить нечаянный стон. Глаза быстро наполнялись слезами. Это был Каро, и она узнала его, но по-прежнему не могла пошевелиться и подойти ближе.

День за днем она представляла, как встретит его по возвращении. Долгожданная встреча с самым дорогим человеком. Что может быть лучше?! Не было дня, чтобы она не думала о Каро. О том, как обнимет его, как прижмется к теплой груди. Он, конечно же, будет растерян, но засмеется как всегда и улыбнется широкой улыбкой. Но ее счастье не могло вырваться, из груди и взлететь. В глазах лишь страх за Каро, специально оставленного мокнуть. Капли дождя сорвали слезы с глаз и потянули их тонкой струйкой вниз по щекам. Сата крепче сжимала ладонью рот, чтобы не всхлипнуть. Она терялась в мыслях и не находила для себя оправдания: почему не бежит к нему. Ведь он тоже хотел бы ее обнять. Они так давно не виделись, но почему же он не посмотрит на нее?

Закрыв на мгновение глаза, она собралась с мыслями и медленно приблизилась к нему. Каро внезапно повернул голову и взглянул на нее. Сата обмерла! Ее раскрыли, будто она подкрадывалась. Его глаза недвижимы. Он смотрел на нее не отводя глаз. Словно не человек — недвижим, не выказывая интереса, но просто сканируя ее мысли, проникая глубоко. Сате стало не по себе. Взгляд Каро был тяжелым и давящим. Она ощутила непонятное излучение, исходящее от него. Оно было ей знакомо. Ровно такое же, только в сотни раз сильнее, она почувствовала около двух месяцев назад, когда над Каро в лаборатории проводили опыт. Сата догадалась, что Каро считывает ее, изучает новый объект. Девушка затаила дыхание, ей очень захотелось, чтобы она ошиблась в суждениях, что неверно поняла исходящий поток энергии от Каро. Как она может быть «новым» и к тому же... «объектом»? Ее передернуло от холода.

— Мне сказали, что я живу где-то здесь, — тихо обратился к ней Каро, — где-то мой дом. Мне разрешили вернуться. Но я не знаю где он.

Его голос был едва слышен за шелестом дождя. Сата не смогла больше сдерживаться. Она горестно всхлипнула, и слезы хлынули из ее глаз. Каро не помнит ни ее, ни место где находится — ничего. Осознание это донеслось до нее оглушающим громом. Ее сердце заколотилось под напором вырвавшихся чувств. Ей не хватало воздуха.

— Что же они с тобой сделали? — Сата подошла совсем близко, к самому краю невидимой преграды, по которой стекали танцующие капли дождя.

Сата подняла руку и опасливо дотронулась до прозрачной оболочки. Как вдруг незримый колпак содрогнулся, покрылся рябью. И невидимый зонт стал расширяться. Сата не сразу сообразила, что произошло. Ей на мгновение показалось, что дождь резко закончился, будто его выключили. Холодные влажные иголки больше не впивались ей в кожу и не царапали лицо. Но взглянув вверх, Сата увидела, что дождь все еще протекал из черного неба. Его капли врезаются в невидимую преграду и стекают по спирали к земле. Ей стало страшно — раньше она и думать не могла о чем-то подобном. Но возникшее из неоткуда тепло медленно накрыло ее покрывалом. Ей было комфортно рядом со своим учителем.

— Ты знаешь где мой дом? — произнес Каро, продолжая смотреть Сате в глаза.

Она кивнула. Голос не слушался ее, и она не смогла сказать даже простого «да». Сата протянула руку в направлении его дома. Каро перевел взгляд на мрачные переулки. Осторожным кивком Сата приглашала Каро следовать за ней. Она хотела, как можно

быстрее довести его до дома. Ей казалось, что встреча с Ташем положительно на него повлияет. Она вела его по переулку между домами. Каро шел медленно. Он аккуратно ставил ноги, шевеля пальцами ступней, зарывая их в мокрую землю. Сата держалась в двух шагах от него, стараясь не приближаться близко к краю прозрачного колпака. Позади раздался плеск. Это Каро наступил на лужу и замер. Он стоял как загипнотизированный, всматриваясь в черное зеркало воды.

— Пойдем, — тихо позвала Сата.

Каро посмотрел на нее. Ему понадобилось не много времени, чтобы вспомнить — он идет домой. Лужа с ее уродливым отражением тут же осталась позади — Каро шел следом за Сатой. Через десять минут неспешного хода, Сата вывела его на пятую улицу. 566 дом был справа, через один. Сата подвела Каро к ступенькам крыльца. Она поднялась первой и открыла дверь. Каро не мешкал: он смотрел внутрь дома, через дверной проем. Войдя, он остановился на пороге; огляделся: Кир спал, накрывшись с головы до ног одеялом, Таш поднял голову с подушки и, протирая глаза, смотрел то на Сату, то на вошедшего с ней гостя. Пораженный такой же молнией, что ранее Сата, Таш вскочил с кровати. Он почти сразу узнал Каро. Кого же еще могла вдруг привести любительница поболтать?! Но когда пелена дремы окончательно спала, Таш увидел его лицо. Лицо незнакомца. Лишь слабо узнаваемые черты, нос и бесконечно усталые глаза говорили о том, что ночной гость это Каро: самый важный человек в жизни Таша.

Каро перевел взгляд со старосты на пустую кровать. И направился к ней. Не расправляя, он присел. Его лицо не выказывало никаких эмоций. Каро лег на спину и уставился в потолок. Его дыхание было ровным. Таш не решался подойти ближе. Сата стояла у входной двери, пытаясь выглянуть из-за старосты. Каро продолжал глядеть вверх. Датчики на стенах быстро «разогрелись», озаряя комнату ярким зеленым светом. Сата испуганно огляделась по сторонам, отойдя от двери. Но уже через пару секунд датчики внезапно погасли. Каро закрыл глаза.

В оставшиеся часы ночи Сата рассказала Ташу о том, где она нашла Каро и чему стала невольным свидетелем. Они разговаривали до рассвета. И лишь разгорающийся свет утра, мягко льющегося через окно, прервал их. Таш и Сата смотрели на Каро. Он был абсолютно недвижим. Всю ночь пролежал в одной позе. И если бы не слабое движение грудной клетки, можно было подумать, что он мертв. В свежем утреннем свете, его лицо представало в новых, мрачных красках. Сине-фиолетовые шрамы на лице, впалые глаза на осунувшемся лице с обнажившимися острыми скулами, уши, отчего-то частично сросшиеся с кожей головы, — заставили екнуть не только сердце Саты. Таш стоял рядом с кроватью Каро. Он смотрел на него и пытался представить через что ему пришлось пройти. Но староста понимал, что не мог вообразить и половины того, что творилось в лаборатории.

Наступал новый день. Вскоре все в Деревне узнают о возвращении самого знаменитого жителя. Многие придут к его дому, чтобы увидеть. Но эта встреча никого не обрадует.

Таш с небольшой стопкой изрисованных красками листов сидел перед спящим Каро. Эта была часть большой коллекции рисунков, которая хранилась у старосты в прикроватной тумбочке.

Их сосед Кир проснулся около двух часов назад. Радость от возвращения человека спасшего его жизнь была непродолжительной. Ее быстро затерла новость о том, что Каро вернулся странным и без памяти. Таш, впрочем, успокоил, что уже сталкивался с этим. Кробрерг и раньше предпринимала попытки заблокировать память крестника. Иногда ей это

частично удавалось. Но каждый раз Таш пробуждал в Каро воспоминания и возвращал его в прежнее состояние. И сейчас он был уверен в своих силах. Однако его невероятно злила трусость окружающих: тех, кто видел внешний вид Каро. Прежде всего, это были Анна и Максим. Они пришли первыми. Но Таш тут же зарычал, словно зверь, защищая свое дитя. Анна смотрела на Каро и погружалась в зыбучее состояние уныния. Максим постарался сгладить эффект от увиденного. Но шутки рассыпались, как и уверенность в их общем деле. Таш смотрел на них и распался с каждой минутой. В конечном счете, он выставил их за дверь, посоветовав распускать слюни в другом месте. Ему были противны их неуверенные слова, извинения, их взгляды, с которыми они хоронили Каро. Он выгнал их и готов был выгнать Кира, но тот быстро понял переживания Таша и постарался не смотреть на Каро с жалостью. Соседу было позволено остаться, тем более что его слабость не дала бы ему просто так выйти и потеряться где-нибудь среди улиц на несколько часов.

На исходе обеденного времени, Каро открыл глаза. Он сразу повернул голову в сторону, где на кровати сидел Таш. Пустой, отстраненный взгляд говорил о том, что Каро не узнает его.

— Здравствуй, — Таш сделал первый осторожный шаг. — Ты помнишь, как меня зовут?

— Я не помню, — ответил спустя некоторое время Каро, — но я тебя чувствую. Я чувствую, — он повернул голову в сторону кухни.

За обеденным столом сидел Кир. Он не заметил, как очнулся Каро, но ощутил его взгляд, будто жар от открывшейся рядом духовки.

— Ты помнишь где находишься? Что-нибудь?

Каро присел на кровати и посмотрел на Таша.

— Ее лишь. Тебя не помню. Знаю, но не помню.

— Кого ее?

— Она всегда рядом, когда мне больно, — Каро нахмурил взгляд.

Таш понял — речь идет о Кроберг.

— Как ты себя чувствуешь?

— Больно от мыслей. Много их. Повсюду, — Каро закрыл глаза.

Он поморщился, ощущая вокруг себя сотни излучений. С улицы доносился нарастающий гомон. Таш отложил в сторону рисунки и подошел к окну. Перед их домом толпились около тридцати человек. Увидев в окне старосту, толпа немного стихла. Кто-то выкрикнул: «Каро вернулся?», «Как он?».

— Какого черта вы здесь собрались? — рыкнул Таш.

Он намеревался поступить с ними не лучше, чем с мухами, жужжащими над головой. Деревенские негодовали.

— Когда нужно будет, Каро сам к вам выйдет. Разошлись!

Таш смотрел испепеляющим взглядом на растерявшихся жителей. Впрочем, от цербера Кроберг ничего другого они не ожидали. Однако Каро всегда выходил к ним, чтобы успокоить. Но в этот раз их встретил оскал пса, дразнить которого никто не желал. Большинство любопытных быстро расходились. Но нашлись и те, кто решил лишь скрыться из прямой видимости. Отойдя на почтительное расстояние, они разошлись по переулкам и принялись перемывать старосте косточки. Смерив редющую толпу презрительным взглядом, Таш отвернулся от окна.

Он посмотрел на датчики на стенах. По-прежнему не горели. На ум пришли скверные мысли об охранниках и их бездействии. Каро ощущал толпу людей, но датчики по какой-то

причине не уловили его излучение. Еще одна слепая зона? Вряд ли. Каро выпустили, а значит, за ним следят весьма пристально. Обычная процедура для всех, кто покидает лабораторию после испытаний и на слепую зону отреагировали немедля. Тогда что случилось с чувствительностью датчиков? Не снизили же их намеренно?

Каро смотрел в пустоту перед собой. Погружен в какие-то раздумья? Или пытается отгородиться от множества людей? Ему ничего не было нужно, он не замечал того, что Таш смотрит на него и Кир, сидящий за столом, то и дело бросает косые взгляды. Каро не видел этого, сейчас его не было здесь. Таш подошел к своей кровати, взял рисунки и встал напротив взгляда Каро. Но ничего не происходило. Каро продолжал смотреть в пустоту. Будь в его голове процессор, то можно было смело сказать, что сейчас он в режиме ожидания. Таш понурил голову. И перед его взглядом предстали грязные голые ступни Каро. Они сильно отличались друг от друга. Таш протянул руку к ноге, что была крупнее. Нерешительно он коснулся ее. Холодная, как у мертвяка. В ту же секунду у Таши закружилась голова. Виски прострелила боль, и староста резко пошатнулся в сторону, напугав Кира. Но Таш справился и устоял. Он бросил испуганный взгляд на Каро. Но тот даже не шелохнулся. Пустой взор рассеивался в пространстве перед ним. Таш потряс головой, пытаясь прийти в чувство. Сердце хотело вырваться из груди. Он несколько раз глубоко вздохнул, но оно лишь быстрее разгонялось. Таш отбросил рисунки на кровать Каро и поспешил к двери. Кир сидел за столом, опасаясь шевельнуться. Таш вывалился на улицу, жадно вдыхая воздух. Стоявшие в нескольких метрах деревенские, ожидающие появления Каро, спрятались в переулках. Мытарства старосты заметила Надя. Она кликнула Шака, и тот выскочил на улицу. Он подоспел как раз вовремя, перед тем как Таш стал заваливаться на спину. Шак взял старосту под плечо и потащил к себе в дом. С крыльца он приказал Наде взять малышку Сашу и прогуляться. Войдя внутрь, Шак дотащил Таши до ближайшей кровати. Староста смотрел в потолок. Его глаза бегали из стороны в сторону. Крепко вцепившись в руку друга, Таш пытался справиться с приступом. Он смотрел в глаза Шака и держался за его взгляд, как тонущий держится за спасательный круг. Сердце начало постепенно сбавлять бешеный темп ударов. Дыхание приходило в норму. Таш медленно расслаблялся. Страх, вцепившийся в горло, улетучивался. За окном по-прежнему светил погожий день. Пелена серых облаков застилала солнце, но не мешала теплу испарять улики ночного дождя. Таш приподнялся, но тут же натолкнулся на яростное сопротивление Шака. Крепкими руками он прижал старосту к кровати, настаивая на отдыхе. Но Таш и не думал подчиняться. Он отцепил от себя рукастые тиски и сел.

— Какого черта? — негодовал Шак.

— Каро вернулся, — дыхание почти пришло в норму, но хрипоту все еще было слышно.

— Об этом говорят уже все. Только не говори, что переволновался. На тебя это не похоже.

— Да нет, — Таш усмехнулся, — здесь все куда интереснее, — он уткнулся в ладони, сбрасывая последние остатки напряжения.

— Ты о чем?

— Боюсь, если я поделюсь с тобой своими догадками, то ты покинешь нашу дружную команду.

— Что-то с Каро?

Таш отстранил руки от лица и посмотрел на Шака. Великан, впрочем, не выдавал признаков к отступлению. Его участливый взгляд и добрые глаза хорошо передавали

внутреннюю тревогу. Но не за себя или их план, но за того, кто был ему учителем.

— Как я и опасался — Каро вернулся другим. Он ничего не помнит.

— Понятно, — великан нахмурил лоб и поджал губы, — но ты ведь был к этому готов?

— Да. Но не к тому, что произошло сейчас.

— Так что же, черт подери тебя, произошло?!

— Его энергетический уровень зашкаливает. Он агрессивен, — проматывая случившееся, удивлялся Таш. — Как будто на тебя мчится поезд, а ты привязан к рельсам — страшно до одури.

— Ты ли это говоришь? — не веря ушам, спросил Шак.

— Он другой, Шак. Иной.

— Насколько... иной?

— Взгляни на меня и получишь ответ. Я всего лишь дотронулся до него и смотри... дрожу как мальчишка от грохота грома.

— Так эта сука добилась своего, — с трудом переваривая услышанное, выдал Шак.

Староста смолчал. Каждый из них боялся окончательно признать очевидное.

— Может да, а может нет, — Таш прервал затянувшуюся тишину.

— Справишься в этот раз? — пробасил великан.

Седой молчал. Утвердительное «да» было заготовлено заранее. Но от чего-то оно не слетало с языка.

— Значит ли это, что от планов праздничной встречи придется отказаться? — не дождавшись ответа прошипел Шак.

— Это значит, что нам нужно немного времени, — Таш не взглянул на друга.

— А оно у нас есть?

Таш слегка наклонил голову в сторону здоровяка. Его напряжение бросалось в глаза. У старосты был однозначный ответ — нет. У них не было в запасе ни месяца, ни более времени. Бесконечно играть с охраной на слепых датчиках им явно не хватит опыта и знаний. Эффект слепых зон был не предсказуем и лишь Каро мог знать, как долго он еще продержится. Таш ощущал взгляд Шака и понимал, какого ответа он ждет от него.

— Все остается в силе, — уверенно произнес Таш и ему хотелось верить в это, — Каро все вспомнит, как и раньше, — но голос его дрогнул и Шак это почувствовал.

В повисшей тишине каждый из них думал об одном и том же — о побеге. В мыслях Шака была маленькая Саша. В его ушах звенел ее голосок. Она играла с другими детьми на улице. Побег мог подарить ей шанс на жизнь, но мог и забрать ее в одночасье. А можно остаться здесь. Ведь она ничего не видела, не знает какого это жить за забором. Деревня почти все дает ей. Лишь красок меньше. Стоит ли риск того? Имеет ли он право решать за нее и ее мать?

Шак ушел в ванную комнату. Он стоял перед зеркалом над раковиной и смотрел на свою огрубевшую широкую физиономию. Но видел он бегающую Сашу и слышал ее колокольчик-голосок между домами. Шак повернул кран холодной воды. Ополоснув лицо и шею, он вышел в комнату. Таш сидел на кровати вполоборота к окну.

— Может все так и должно быть? — произнес Шак, прервав тяжелые размышления старосты.

Таш молчал.

— Ты не думал о том, что Каро все так и задумал? Чтобы мы сами отпраздновали, без него.

— Мы? А как же он? — Таш сверлил Шака взглядом.

— Не кипятись, староста, — великан сел на кровать напротив него, — мне кажется, он все это спланировал для нас. Потому что знал, что не успеет, не сможет быть на празднике. Кому как ни ему знать, что готовила ему Кроберг?

Таш смотрел на Шакирда, борясь с желанием обрушиться на него с кулаками. Но в словах друга были его собственные мысли.

— Пусть все идет как идет, — процедил Таш.

— Ты же знаешь: у каждого своя роль. Провала быть не должно.

— Вот и делай свою работу, — староста сверкнул глазами. — У тебя своих неразрешенных проблем хватает. Праздник может с успехом состояться без Нади и Саши. Но не смей даже думать о том, что Каро не получит приглашения.

Шак отступил, потупив взгляд. Слова Таша больно полоснули по нему, но он стерпел.

Таш вышел на улицу. Вокруг почти никого не было. Ожидавшие появления на веранде Каро, разбежались еще при виде задыхающегося старосты. Хотя какое-то облегчение для Таша. Лишние глаза и уши сейчас были некстати. Неспешным шагом, в компании хмурых размышлений, он подошел к дому. Закрытая дверь. Зияющее пустотой окно. Тихая улица. Неужели его вид был настолько пугающим, что всех как ветром сдуло? Таш сел на ступеньку крыльца. Впрочем, все к лучшему. Видеть вопросительные рожи соседских было невмоготу. Усталость всегда идет обруку с паническим страхом. Вот бы Каро так же напугал охрану, когда они побегут! Осталось найти кнопку, управляющую его способностями. И способ защититься от них. Таш глубоко вздохнул. Сжал кулаки и поднялся по ступенькам в дом. Кир сидел на кровати, накрывшись двумя тонкими одеялами, и с тревогой смотрел на вошедшего старосту. Кровать Каро пустовала. Может в ванной комнате? Но вместо этого, Таш резко выдал:

— Где он?

— Вышел. Минут пять назад, — облегченно ответил Кир.

Так вот почему возле дома царил тишь. Они просто последовали за ним. Таш выскочил из дома как ошпаренный. Он спустился по ступенькам и не мог решить, куда ему пойти: направо или налево. Что там рассказывала Сата, о месте где нашла Каро? Таш рванул с места в переулок. По пути попадались растерянные жители. Хотя старосте они больше казались напуганными. Кто-то держался за руки, кого-то успокаивали сразу двое, пытаясь совладать с горькими слезами. Таш не медлил. Он проносился мимо не задерживаясь. Впереди показалась изгородь. Таш выбежал за девятый круг; огляделся — Каро стоял в двадцати метрах на том месте, где ночью его нашла Сата. Рядом никого. Взгляд Каро был устремлен вдаль. Словно бы он что-то увидел. Таш посмотрел за изгородь, но ничего кроме покачивающихся деревьев там не было. Таш с опаской подходил ближе. И чем меньше между ними было расстояние, тем теплее становилось вокруг. Остановившись в метре от Каро, Таш не мог игнорировать окутавшее его невидимое теплое одеяло.

— Каро? — тихо произнес староста.

Таш было протянул руку вперед, но быстро вспомнилось утреннее происшествие. Опасаясь повторения, он опустил руку.

— Это я — Таш.

Староста приблизился еще на шаг и встал перед лицом Каро. Но его взгляд не дрогнул — по-прежнему смотрел в глубину серого леса. Таш всматривался в новое лицо Каро. Как невидимая весна присутствовала повсюду, так и его лицо все еще сохраняло черты скул и

подбородка прежнего Каро. Таш с радостью подмечал это. Но они были обтянуты совершенно другой оболочкой. Чужой, но отчего-то знакомой. Каро медленно перевел взгляд на старосту. Таш вздрогнул. Лицо Каро улыбалось прозрачной улыбкой. Таш стоял пронзенный в самое сердце. Оно билось сильнее, разгоняя кровь и разогревая мысли.

— Домой, — произнес Каро.

Таш закивал. На его лице то появлялась улыбка, то испугавшись, исчезала.

— Пойдем, — староста пошел вдоль изгороди к главной дороге.

Ташу хотелось подольше прогуляться с Каро. Нужно было показать деревенским что их учитель жив и снова с ними. К тому же это даст лишний повод забить фон для системы слежения. Но самым важным было ощущение того, что Каро наконец-то рядом. Пусть он молчалив и смотрит в никуда. Главное — он здесь.

Они медленно дошли до главной улицы. Возле ворот стояли три охранника. Таш заметил, что они внимательно следят за Каро. Таш свернул на главную дорогу, Каро следовал за ним. Впереди прохаживались деревенские. Они замечали идущего старосту в компании худого лысого паренька. Стоило Ташу и Каро приблизиться, как все разбежались: кто по домам, кто нырял в переулок. В какой-то момент Таш огляделся: в зоне видимости не было никого. День стоял погожий, но без видимого солнца. День в самом расцвете. Но казалось, что жители об этом забыли. Таш смотрел по сторонам. Он понимал, что деревенские убегают не от страха перед внешним видом Каро. Они не раз видели его лицо, обезображенное шрамами. Дело было в другом. Но стоило Ташу взглянуть на Каро, все тревоги отступали. Они шли рядом как когда-то давно. Словно бы ничего не произошло. И все вокруг было второстепенным. Все вокруг было ненужным.

Таш довел Каро до дома. Даже на пятой улице, которая всегда была самой оживленной, им никто не встретился. Ни в окнах домов, ни на верандах также никого не было. Ощущение распространяющегося вакуума медленно овладевало всем мысленным пространством. «От кого вы прячетесь?», — размышлял Таш. Он открыл дверь в дом. Кира не было. Над его кроватью светилась панель с оповещением. Его забрали на процедуры. Зайдя в дом, Каро сам прошел до кровати. Он улегся на спину и, посмотрев на Таша, закрыл глаза.

Староста был спокоен. Каро наконец-то в безопасности под его крылом и неусыпным оком. Можно было сосредоточиться на плане побега. Проходя мимо кровати Каро, Таш заметил торчащие рисунки из-под его подушки. Он обрадовался. И новым огоньком в нем появилась хрупкая надежда на то, что Каро помнит. Староста прокрутил в памяти момент, когда Каро слегка улыбнулся ему. Таш на несколько секунд прикрыл глаза, смакуя это мгновение. Датчики на стенах горели едва заметным зеленым светом. Фыркнув про себя, Таш достал из тумбочки два листа с рисунками. Сейчас необходимо было навестить Марию и Сату. Они должны были пройти там, где стоял Каро. У Таша появилась идея, что Каро никто не оставлял там. Он сам направился туда. Мария, используя свой дар, должна была отключить ближайшие датчики, а Сата исследовать территорию на чье-либо присутствие. Таш посчитал, что если Каро второй раз потянуло в то же самое место перед изгородью, то стоит отнестись к этому с должным интересом.

Первой к месту встречи пришла Сата. Мария опаздывала. Она, впрочем, никогда не отличалась пунктуальностью. Хотя и старалась делать все в точности, как требовал Таш. Чтобы не стать подозрительной фигурой на экранах мониторов в сторожке охраны, Сата села в позу медитации, как это делал Каро и Эльза в их дни занятий по духовному развитию. Так что свою уединенность за девятым кругом Сата могла списать на желание отрешиться от

деревенского шума и следовать учению своих наставников. Не прошло и десяти минут, как появилась Мари.

— Сата извини, я опоздала, — Мария была сильно взволнована.

— Что случилось? — Сата открыла глаза и встала с земли.

— Не поверишь: обходила дом старосты.

— Ты тоже чувствуешь себя странно рядом с ним? — с грустью спросила Сата.

До последнего она надеялась, что это ее выдумки, что с ней злую шутку играет стресс.

— Хочется бежать оттуда, скрыться. Как будто кто-то пристально смотрит и от этого жутко, — Мария поморщилась. — Ты думаешь это из-за Каро?

— Я не хочу думать об этом, Мари, — Сата отвела взгляд, — давай лучше делом займемся.

Мария с досадой посмотрела на подругу. Ей так хотелось поделиться своими опасениями хоть с кем-нибудь. Но взгляд Саты был однозначен: она боялась этого разговора.

Мария встала за спиной у Саты, лицом к домам. Закрыв глаза, она начала впитывать излучения вокруг. Медленно, сантиметр за сантиметром, Мари расширяла область своего энергетического поглощения. Она чувствовала, как датчики на стенах домов излучают слабый поток энергии. Как они передают данные по проводам в центр обработки, находившийся в здании лаборатории. Мари видела, что датчики работают не верно. Их что-то подавляет. Она видела это не раз — это было влияние Каро. Давно он изменил принцип уловителей, сделав так, чтобы они игнорировали часть частот. Благодаря этому некоторым из деревенских было проще скрывать свой потенциал. А сам Каро мог без опаски погружаться в медитацию и раскрываться, словно бутон цветка.

— Готово, — не открывая глаз, произнесла Мария. Она полностью контролировала излучение в небольшом радиусе.

Сата приступила к сканированию местности за оградой. Излучаемую ею энергию фиксировали датчики, но исходящие импульсы от них поглощала Мари. Сата развела руки в стороны. Это помогало ей увеличивать радиус сканирования местности. Она вздохнула, глаза ее были немного прикрыты, взгляд устремлен далеко вперед, за изгородь. Сата смотрела туда, где начинался лес. Она медленно поворачивала голову, охватывая огромную территорию. Сата видела убегающих от ее взора зайцев и улетающих ворон. Редкие олени неторопливо прогуливались между деревьями. Сата никогда не понимала для чего их сюда переселили. Они поднимали головы, пытаясь высмотреть невидимого наблюдателя. Но, в отличие от зайцев, не убегали. И убедившись в своей безопасности, спокойно опускали головы к земле в поисках чего-нибудь съестного среди опавших веток. А их на земле было даже слишком много. Судя по месту слома — они были повалены недавно. Сата оглядела небольшую опушку. Она выглядела так, будто бы над ней пронесся ураган. Массивные ветви были оторваны и изломаны. Место больше напоминало поле сражения. Сата заглянула дальше. Ей показалось, что на одном из деревьев она увидела след от огня. Один из высоких тополей был сильно опален. Верхняя граница пламени была неровной. Сата посмотрел вниз. Возле дерева лежала электрическая дубинка, одна из тех, которыми пользуются охранники карантинной зоны. Вокруг покаленного дерева было множество разных следов. Некоторые из них заметно крупнее остальных. Приглядевшись к самой земле, у ствола дерева, Сата заметила оплавленный резиновый ошметок. «Подошва», — пронеслось у нее в голове. Сата отпрянула от дерева. Она внимательно осмотрела опаленный ствол и поняла, что ожег по контуру напоминает человека. Сердце Саты екнуло. К горлу подступил ком, спасший ее от

вскрика. Ее глаза широко распахнулись, а руки опали словно подкошенные ветви. Мари погасила свое электромагнитное поле и открыла глаза, намереваясь пожурить Сату за слишком сильный всплеск, который она едва сумела погасить. Но Сата сидела бледная как простыня.

— Что произошло? — Мария наклонилась к подруге.

Взяв ее за руку, она почувствовала, как сильно дрожит ее тело.

— Что с тобой? — Мари немного повысила голос.

— По-моему я видела останки человека, — растеряно произнесла Сата.

— Уверена? — тихо спросила Мария.

Сата промычала и кивнула головой.

— Давай-ка уйдем отсюда, — Мари потянула Сату за руку и повела ее в переулок. —

Что ты видела?

Они вышли на девятую улицу. Мари осмотрелась. Людей больше обычного. Весна приближалась и многие вдыхали ее теплый аромат. Но среди прогуливающихся было много тех, кто жил в четвертом, пятом и шестом кругах. Девушки пошли вдоль домов по направлению от главной дороги.

— В лесу все было как обычно, — Сата немного пришла в себя от увиденного, но полностью подавить дрожь в голосе была не в силах, — в том смысле, что ничего подозрительного. Но на одной опушке, что в самой глубине, я увидела обожженное дерево. Следы огня на нем по форме человека напоминают и горстка пепла внизу. Рядом лежали ботинки и электродубинка охранника.

— Ты уверена?

— Да, черт возьми! Я же не сошла с ума и у меня не галлюцинации.

— Тише.

— Но разве это не странно? — задумалась Сата.

— Что именно?

— Если там был охранник, то почему в Деревне не усилили охрану? — Сата смотрела на подругу с укоризной.

— Может они не знают? — Мари выдала самое первое что пришло в голову и задумалась.

— Нужно сообщить Ташу. Возможно от охраны ему что-то довелось услышать.

— Сомневаюсь, что это прояснит ситуацию, — размышляла Мария. — А давно он там?

— Кто? — Сата потерялась в собственных мыслях.

— Тот, которого сожгли.

Но Сата не нашлась с ответом. Ее взор затуманился, когда она поняла, что смотрит на место убийства. И что самое ужасное — ей отчего-то казалось, что человек... охранник был сожжен заживо.

— А это тут причем?

— После возвращения Каро санитары перестали забирать людей в лабораторию, — оглядываясь, констатировала Мари. — А уж охрана так и вообще ведет себя незаметно. Сидят в своей конуре и носа не кажут.

— Думаешь это из-за Каро? — больше всего Сата боялась утвердительного ответа.

— А может из-за того, что в лесу случилось.

— Но если они знают про охранника, то почему оставили улики?

Мари не ответила, ждала уточнения.

— Пепел, дубинка, — пояснила Сата.

— Хм, тогда выходит, что ни охрана, ни в лаборатории не в курсе. А из этого можно сделать два вывода. Первый: охранник погиб недавно, его еще не хватились. И второе: охрана и «лабораторные крысы» не суются к нам, чтобы посмотреть, что сделает с нами Каро.

— Ты соображаешь, что говоришь? — Сата резко дернула Марию за руку.

Но та не удивилась реакции подруги. Сата, как никто из их круга, почитала Каро и даже думать не желала о том, что с ним может произойти что-то непоправимое. Ведь он всегда возвращался сам не свой и, что бы ни делала с ним Кроберг, он с упорством гнул свое — возвращал себе и память и рассудок.

— Говорю, что на ум пришло, — спокойно ответила Мари. Она не хотела провоцировать Сату, но своим спокойствием только подлила масла в огонь. — Ты разве сама не видишь в каком состоянии наш мученик?

— Не называй его так, — процедила сквозь зубы Сата.

— Все мы здесь мученики, — Мари устало смотрела ввысь, пытаясь утопить взгляд в облаках.

— Каро со всем справится. Так было всегда, так будет и сейчас, — подруги отстранились друг от друга. Невидимая граница прошла между ними.

— Я не говорила, что он не выкарабкается. Он всегда был и будет крепче всех нас. Но разве ты не видела его? Не ощущаешь, даже сейчас, его присутствие? И его ярость, боль и... ненависть, — Мария замерла посреди улицы. Вокруг никого. Лишь две женские фигуры: она и Саты. — Разве не чувствуешь?

— Я чувствую лишь боль, — отмахнулась Сата, стараясь не смотреть в сторону, где за плавным изгибом улицы находился дом старосты.

А Мария только туда и смотрела. Цепкий взгляд ее темных карих глаз будто приковался к чему-то.

— ... всепоглощающая боль и за руку ее держит ненависть... — тихо добавила она. — Все мы здесь — эксперимент. Но вчера он вышел на новый уровень. Они сидят и пялятся в мониторы, — Мари посмотрела на стену дома. Ровная зеленая полоска датчиков, как прищур глаз сканировала улицу. — Смотрят на нас, что станет с нами. Хотя вернее, что он сделает с нами.

— Прекрати, — Сата встала перед подругой, закрывая ей обзор улицы.

Они были одного роста. Сата и Мария. Их не связывала крепкая сестринская дружба или чисто женская, о которой всегда говорят будто ее не существует. Они были почти соседками и почти хорошими друзьями. Их связывал Каро и план побега. Они всегда с удовольствием общались друг с другом. Но все же теплоты меж ними не было никогда. Лишь дружба невольников, которые волею судьбы знают друг о друге многое, но не связаны этим до конца.

— Не надо говорить о нем, как о монстре, — Сата гневливо сверлила взглядом Марию. Изю всех сил она пыталась проделать дыру в ее спокойном миловидном личике, которое так часто липло к старосте и Максусу. Пусть это была ее работа — быть ширмой и яркой пленительницей взглядов охраны и лаборантов. Не сильно-то она сопротивлялась этой роли! Быть на короткой ноге со старостой, да и Максимом вертеть. Хотя тут можно и усомниться, кто кого еще вертит.

— Успокойся, Сата, я не имела этого ввиду, — Мари протянула к подруге руку, но та

отмахнулась от нее.

— Имела и сказала. Он не в себе, но он не чудовище. И никогда им не станет, что бы она с ним не делала, что бы вы о нем не думали, — лицо Саты исказилось злобой. Глубокие лобные морщины столпились над бровями. Ноздри, словно два маленьких паруса, жадно надувались воздухом, а пухленькие губки давно превратились в две тонкие полоски, тесно прижимаемые друг к другу. — Хоть кто-нибудь из вас подумал о том каково ему сейчас? Хоть кто-нибудь думал о том, как ему можно помочь?

— Мне не нравится, как ты со мной разговариваешь, — Мария обняла себя, но быстро сообразила, что пасует и резко изобразила, что поправляет рукава. После чего попыталась обойти спорщицу. Ее бросило в холод — Мари не ожидала такой реакции от подруги. И не хватало еще, чтобы перед ней дрогнул голос. Это для юной спорщицы все равно что попутный ветер для яхты. Вон как распушилась. Нужно избежать дальнейшего нагнетания. И нет ничего лучше, как просто уйти. Но искры уже обратились огнем. И молчание — лишь ветер, который раздувал его сильнее.

— Вы только это и умеете, — процедила сквозь зубы Сата, проходящей мимо Марии, — уходите, когда вам в лицо говорят неудобные вещи.

Мари устояла перед жарким потоком. Но то был пожар в груди у Саты, а не костер в лагере у леса. Молодая и резвая девушка быстро нагнала подругу.

— Тебе не нравится мой тон? Простите что раню ваше такое большое сердце, в котором так много места для двоих, но так мало, чтобы посчитать Каро каким-то уродом, которого выпустили поиграть с нами.

Мари держалась. Она ускорила, пытаясь сбить пламя, настигающее ее.

— Это вы уроды... мы уроды, что позволяем им эти мерзости с нами. Мы — монстры, а не он. Бежать хочешь? Плохо тебе тут? Вертеться на двух палках не плохо? А что ты делала, когда этот монстр защитил тебя от третьей фазы исследований?

— Замолчи-замолчи-замолчи, — Мария зажала руками уши.

Сата сделала два мощных шага и снова оказалась перед ней. Она вцепилась ей в руки и отдернула их.

— Тогда он не был для тебя монстром? — ревела Сата. — Тогда он ни для кого не был монстром, да? Ни когда тебя вытащил из лаборатории, ни когда меня спас, он всех здесь спасает каждый гребаный день, — Сата уже не говорила. Через слово ее голос срывался на рык. Из глаз на пылающие щеки падали градины слез. Ей хотелось вытрясти из Марии дух, чтобы она подавилась своими мыслями.

— Я так не думаю, — хлинула Мария. — Отпусти меня, дура, ты делаешь мне больно.

Зажатая Сатой, Мари резко дернулась и высвободившейся рукой хлестнула по лицу обидчицу. И тут же, испугавшись, отпрянула от нее. Сата схватилась за щеку руками. Удар получился знатным. Хотя больше неожиданным для обеих.

— Дура, я всего лишь сказала, что они его изменили. И на этот раз сильно, — голос Марии трепетал. Она держалась одной рукой за другую, противясь желанию сбежать. — И ты еще большая идиотка, если не видишь этого. И то, что Каро сделал для меня или тебя не может этого изменить. И не тебе упрекать меня, — Мария хотела сказать «в неблагодарности», но пролетевший у самого ее лица черный жук оборвал ее. Она отшатнулась, размахивая руками.

— Он страдает, и вам не понять насколько сильно. Никто из вас, даже Таш... Вы лишь дрожите перед ним каждый раз, — Сата сжимала и разжимала кулаки. Ей мешали

растрепавшиеся волосы, а правую щеку саднила пощечина, задевшая губу, отчего та немного кровила. — Никто и пальца не пошевелил, чтобы ему помочь. Никто не посчитал нужным что-то сделать. Кто из вас... кто попытался его остановить? — Сата кричала во весь голос. Огонь вырвался наружу. — «Он вернется» говорили вы. «Он со всем справится» молитесь ночами. Он должен помочь... Кому? Кому он должен?! Вам? Вам, куче человеческих отбросов, которые не способны даже организовать без него? Мы что-нибудь можем без упования на него? Мы — ничто! Мы — трусы. Дрожащие твари и сволочи, лишь ожидающие, что придет их всемогущий спаситель.

— Ты не в себе, Сата, — Мария вздрогнула, слышав знакомое жужжание. — Откуда их столько? — невольно вырвалось у нее. Она смотрела на еще одного жука, пролетевшего между ними.

— Это Каро, Мария. Это Каро управляет весной и заставляет насекомых просыпаться. Они все летят сюда потому, что он знает, как ты их боишься.

— Не думала я, что ты можешь быть такой злой, — Мария сжалась, она делала робкие шаги назад. Как никогда ей хотелось вернуться к себе в дом. Она смотрела на разъяренную Сату и не могла поверить в то, что всегда спокойная девушка способна так преобразиться.

— Разве не заглянешь к любимому старосте? Ведь только он способен тебя утешить?

— Замолчи, пожалуйста.

— Вы только ноете, стонете, да трахаетесь. А до Каро никому и дела нет.

— То, что ты тогда видела в доме, — Мария закрыла глаза. Ах, как же предательски колотится сердце! И почему оно не горит злобой как у Саты, а трясется и обливается горечью?! Не хватало, чтобы какое-нибудь насекомое цапнуло ее. Она всегда не любила их. Без них определенно было бы лучше. Во всяком случае сейчас. — Ты суешь свой нос туда, куда не следует. И не твоего ума, с кем я сплю и кто в моей постели, — тяжелая слеза с легкостью перемахнула через край.

— Главное — чтобы не монстр, — ткнула Сата.

— Заткнись! — вырвалось у Марии. Она встрепенулась. Резко резанула воздух руками. — Меня достало, что вы считаете меня отбросом! Достало, что я для вас второй сорт! Да кто ты такая, чтобы судить меня? Это мое тело, мои решения. И ни тебе судить меня, гадина! Ты понятия не имеешь, что я чувствую! И тебе ли не знать зачем все это?! Тебе ли не знать? Как ты можешь говорить такое мне в глаза?!

Мария кричала. Она не могла остановить потока слов и вопросов, на которые она вряд ли получит ответы. Ее прорвало. Как плотину, в которую обрушился беспощадный ливень. Ее понесло на Сату. Ей не хотелось больше прикрываться. Не хотелось сидеть в глухой обороне, выслушивая обидные и необоснованные обвинения. Она решила напасть. И у нее получилось бы, если бы в самый яркий момент ей в рот и глотку не залетел нечаянно пролетающий рядом жук, который поразился случившемуся не меньше, чем оружие друг на друга женщины.

Марию затрясло от дикого кашля. Организм пытался исторгнуть наружу острое, копошащееся нечто из дыхательного горла. Мари охватил страх. Она сжала руками глотку, пальцами пыталась извлечь изо рта насекомое.

Сату словно окатили ледяной водой. Ее вулкан в недрах груди выдохнул, и она рванула к дергающейся подруге. Она не понимала, что происходит. Лишь непонятные обрывки слов и поток слюны. Скоро Мари потеряла равновесие и завалилась на подругу. Сата с ужасом смотрела на спазмы Марии и синеющие губы. Что-то мешало ей дышать! Она закричала.

Сата кричала во все горло, пытаясь докричаться до санитаров. Почему система не подает сигнал тревоги? Где все? Сата попыталась сделать искусственное дыхание, но ощутила, что воздух не проходит. Мария дергалась, руками пытаясь разодрать себе горло.

Сата надела на нее коленями, пытаясь держать подругу ровнее и заглянула, как могла, ей в рот. Но ничего не увидела. Что, вашу мать, с ней происходит?! Она била ее в грудь, прощупывала горло. Вновь и вновь вдыхала ей в рот. Но Мария не реагировала. Ее конвульсии становились слабее, губы налились синюшным. Сата завывала. Она ничего не могла сделать. Никто не спешил ей на помощь. Даже тот, кто стоял в двадцати метрах. Сата заметила его не сразу. В отчаянии она бросилась к незнакомцу, пытаясь сфокусировать мутный от слез взгляд. И, сделав несколько шагов, обмерла. Посреди улицы стоял Каро.

На нем были лишь серые штаны. Босые ступни разных размеров. Он стоял с отталкивающей бледно-серой кожей. С глубокой тенью на глазах, несмотря на светлое время дня. Сата увидела широкие линии фиолетовых шрамов, тянущихся по рукам, идущих от шеи вниз по груди и спускающихся по торсу вниз. Перед ней стоял Каро, но видела она костлявого манекена обтянутого кожей, сшитой из разных кусков: ни пупка, ни сосков. Был ли это человек? Сата протянула руку, указывая на Марию — ей нужна помощь. Почему он стоит, если пришел помочь? Ведь он услышал ее? Она так громко кричала, но на обезлюдевшей улице ее услышал лишь он. Ее единственная надежда. Но он не думал шевелиться. Даже штанин на его тонких ногах не касался ветер. Он испугался его также, как и Сата, осознав, что его взгляд прикован к Марии. Он смотрел на то, как она задыхается, как медленно двигаются ее пальцы у горла, как ее грудь, вздымаясь толчками, пытается получить хоть глоток воздуха.

— За что?.. — не она произнесла это вслух, но ее губы. Сата мотала головой от ужаса, смотря на синеющую Марию. Но поток льющихся слов, наполненных холодной ненавистью и простым, непостижимым желанием убить, она остановить не могла. До нее доносилось кряхтение слов Каро, но его темно-серые полосы губ не размыкались. Его слова, как копошащиеся мошки под рубахой, врывались в голову и скреблись, царапались и расталкивали мысли, противостоящие им.

— Потому что мы заслужили это, — сквозь град горячих слез, прорыдала Сата.

Она вертела головой. Сжимала руками уши, не желая слышать этого.

— Уйди... — заскулила она. Ведь он не монстр. Он не чудовище.

Сата рухнула на землю. Она слышала шаркающие шаги. Каро медленно приближался к ним. «Мы заслужили это», — шевелила она губами. Но лишь хриплые стоны, тонущие в слезах, слетали с них. «Мы заслужили это», — она посмотрела на того, кто заслонил от нее небо.

Мертвое серое лицо. И черные глаза. Перед ней стоял ее спаситель. Ее надежда и учитель. Она видела тонкую исполосованную фигурку Каро, но смотрел на нее лишь безмолвный ходячий мертвец. «Мы заслужили это», — Сата закрыла глаза и почувствовала, как на ее горле резко стянули прохладный кожаный ошейник. Она слышала чей-то голос. Мужской и очень низкий. Знакомый до боли, но не к ней взывал он. Голос не принадлежал Каро, но она ощущала, что знает его очень хорошо. Он звучал мягче обычного, нежнее даже. Боль пронзала ее, мешая вслушиваться. Земля холодила. Тело задергалось в судороге, пытаясь сопротивляться и дышать. Но Сата с усилием распластала руки в пыли улицы и не смыкая глаз ждала, когда померкнет свет. Все так и должно быть. Жаль лишь, что этот голос она больше никогда не услышит. Он такой грубый, но в тех словах... в них столько

нежности. «Виновата», — содрогаясь телом произнесла Сата. Пусть все закончится от рук того, кто однажды ее спас. Наверное это и к лучшему, пронеслось у нее в голове перед тем, как нить сознания едва не оборвалась, и она ощутила две хлесткие пощечины.

Холодным напором воздух устремился в легкие. Свет дня вспышкой прорезал удушливый мрак. Сата жадно вдыхала пыль. Ее грудь никак не могла надышаться. Она резко поворачивала голову в стороны, пытаясь оглядеться. Перед ней на корточках Максим. Он держал ее за руку поддерживая спину. В двух метрах от них, в грязи улицы, рыдала Мария. Она лежала на боку, пытаясь сдержать поток слез рукой. Она больше не задыхается? Сата посмотрела на Макса. Ей хотелось говорить, но связки и глотка тотчас отозвались саднящей болью.

— С ней... — через боль хрипела Сата. Она была не из тех, кому можно что-то запретить. Вот и режущая боль в горле не могла остановить ее, — ... как она?

Макс бросил беглый взгляд на любовницу.

— Истерика у нее. Нормально все, если так можно сказать. Живая, в общем.

Сата услышала, что хотела. Нужно вставать и идти к подруге. Не дело ей так валяться. Не хватало, чтобы приехавшие санитары уволокли ее в лабораторию. Максим помог Сате подняться. Он ощущал через тонкую ткань ее кофты, как содрогается ее тело. Поддерживая ее, они поковыляли к Марии.

Усевшись рядом, Сата бросила взгляд вдоль улицы. Почти никого, если не считать нескольких торчащих голов из переулка. Издалека доносились глухие голоса деревенских. Что это было? — спросила она себя голосом Макса.

— Если бы я знала, — Сата заставила себя посмотреть на ревущую Марию. Нужно было поднять ее и увести с улицы. Разбираться с последствиями лучше под крышей дома.

— Это ведь Каро? — голос Макса напряжен и глух. Он соблюдал осторожность и говорил тихо.

Сата только заметила, что его лицо покрыто испариной и напряжено. Белки глаз красные, а зрачки дергаются, словно от большой дозы «фейерверка». Ответа, впрочем, девушка не дала. Достаточно было кивнуть. Сата видела в красных глазах Макса, что для него это не стало открытием. Они вместе ухватились за Марию и приподняли ее на ноги.

— Я не могу. Он... не могу... — слезы душили, воздуха было мало, а свет, померкнувший недавно, теперь снова резал глаза. Мария держалась за Макса и Сату, как тонущий держится за бревно, — ...мон... монстр.

Сата обняла подругу и крепко сжала.

— Все прошло, милая, — срывающимся дрожащим голосом шептала ей Сата. — Все кончилось.

Но Марию было не унять. Макс смотрел на прижимающихся друг к другу девушек. Мари дрожала осиновым листом под напором страшного ветра. Она крепко вцепилась в Сату, как дитя за мать, опасаясь остаться без нее.

На улице показался Таш. Он виновато смотрел на троицу своих друзей. Мария безутешно рыдала на плече у Саты. Макс стоял рядом. Измученный, сутулящийся и усталый. Никогда он не видел на его лице тени. Ни разу еще гримаса боли и тревоги не оставляла такой глубокий след на лице деревенского весельчака.

— Что произошло? — Таш неслышно подошел к ним.

Напряженный взгляд Максима блуждал, пытаясь зацепиться то за Марию, то за Сату.

— Я услышал крик. Мария кричала, — Макс не поднимал взгляда. Он прокручивал в

памяти тот ужас, что испытал совсем недавно. — Но я не мог приблизиться. Меня держали... кто-то держал. Впитать не смог. Закрыться не смог. И бежать... Все смешалось. Попробовал преодолеть, так меня будто ножом полоснули по голове, — сбивчиво протараторил он.

— Сейчас все в порядке, — Таш положил руку Максу на плечо. — Нужно отвести ее домой, — скупо произнес староста. — Я отведу Сату.

Максим смотрел на Таша, будто слова старосты доходили до него с задержкой. Через секунду-две он медленно кивнул. Ему хотелось уйти с улицы немедленно. На них направлены датчики и камеры. Нужно увести Марию. И кому как не ему это сделать?

Макс вклинился между подругами и подхватил рыдающую любовницу. Он кивнул по привычке, прижал к себе обессиленную Марию и повел ее в переулок.

— Все идет по плану, — произнес староста, глядя вслед ковыляющим Макс и Марии.

Сата горестно зажмурила глаза. Ей не хотелось видеть растерянного лица Таша. Если оно вообще таким может быть. Не хотелось видеть, как Макс уводит Марию. Ей нужно было вытравить из себя ощущение беспомощности, тошнотворного страха и ужаса, который она только что испытала. Открыв глаза, она увидела Таша направляющегося к своему дому. А как же проводить? Ей не хотелось оставаться на улице одной, и она поспешила следом за ним. Ждать от Таша иного, даже сейчас, было глупо. Проводить Сату, в его интерпретации означало, что он идет впереди, она плетется сзади.

Внутри нее дергал за крючки страх. Ей казалось, что между домами в тени увидит бледно-серого Каро. И он будет все также смотреть на нее своим безразличным, прямым взглядом. Она боится его! Сату бросило в жар от осознания этого. Ее затрясло. Как же так? Что же, черт возьми, они сделали с ним такого, что он обратился против своих друзей, против нее? Ведь он — ее воздух. Так не должно быть, негодовала она. Пусть они изменили его, надругались над ним и пробудили в нем монстра... Сата жалостливо всхлипнула. Так пусть же он пожрет тех, кто его создал! Она стиснула зубы и внезапно уткнулась в спину остановившегося старосты.

— С тобой все в порядке? — староста развернулся и, взяв Сату за плечи, ощутил как сильно она дрожит. Ей было страшно. И он знал из-за кого. Сата прочитала это в его глазах. И было в них еще что-то. Стыд? Но такой сухарь ничего не стыдится. Она махнула головой, отгоняя слишком смелое предположение. Нужно идти домой и побыстрее, как Мария. Только в отличие от Марии, у Саты не было здесь никого, в чью грудь она могла бы сейчас уткнуться. Раньше она запросто могла припасть к дружескому плечу Каро. Но несколько минут назад все перевернулось. Почему? Почему во всем мы должны быть проигравшими?

— Я не хочу домой, — Сата отстранилась от рук старосты и направилась в сторону его дома.

— Тебе нужно отдохнуть. Ты не в себе, — Таш нежно дотронулся до ее плеча.

Откуда у старосты такие манеры?

Сата не нашлась что возразить. Она действительно не в себе, но и отступить было не в ее правилах.

— Где был ты? — внезапно спросила она. И опять этот взгляд. Таш потупил взор и отпустил руку.

— Я был в доме, когда с вами это произошло. С ним, — уточнил староста. — Мы разговаривали. Было все хорошо. Даже отлично, — Таш заметил вопросительный взгляд Саты, — это я говорил, не он, конечно же.

— Пойдем, я хочу его увидеть, — тонким голоском шепнула Сата. Она протянула руку к старосте. Он подхватил дрожащую ладонь девушки. И они зашагали вперед.

— Что ты задумала? — осторожно спросил Таш, не переставая дивиться тому, что не он ее, а она его ведет к Каро.

— Пока ничего. Что может задумать девушка, идущая к человеку, который ментально ее чуть не задушил? — но голос предательски выдавал ее. Внутри она сопротивлялась своему решению.

Сата рассчитывала хотя бы на удивленный взгляд. Но староста даже ухом не повел. Погруженный в свои размышления, он медленно шел рядом. Они не спешили. Каждый собирался с мыслями, пока Таш не заговорил:

— Мне наконец-то удалось привлечь его внимание. Он вернулся совсем другим. Мои старые методы не работали, — на улице по-прежнему никого не было, но издали доносились голоса жителей. Сата была спокойна, зная, что находится в этой, а не в придуманной реальности.

— Значит, рисунки не помогли?

— Не знаю что на него подействовало. Наверное, все понемногу.

Сата не стала допытываться, что скрывалось за этим «все понемногу». Таш не из тех людей, на которых можно надавить. Он говорил и ей не хотелось мешать.

— В общем, я общался с ним. Говорил ему о том, что так давно хотел сказать... В общем... достучался до него. И это было здорово. Я слышал, что на улицу вернулись люди. Их веселые голоса и крики детей. Не думал, что меня что-то может так радовать. Теплый день, яркое солнце, — Таш с горечью выдохнул. — А потом я услышал крик Марии. Так кричат лишь те, кого ломают и пытаются. Черт возьми, я ведь не сразу понял что происходит. Я выглянул в окно и никого не увидел. Понимаешь? Не было ни яркого солнца, ни погожего дня, ни людей снующих и радостно галдящих. Но я смотрел на улицу и слышал их голоса, — Таш посмотрел на Сату, затаившую дыхание. — Мария кричала где-то совсем рядом. Но стоило мне отойти от окна, и я снова у кровати Каро в погожий день, когда все вокруг цветет и все счастливы... Наверное это чудо, что у Марии нашлись силы так орать. Стоило мне сосредоточиться на ней, и иллюзия исчезла. Каро смотрел в пустоту отрешенным взглядом. Он не смотрел на меня, он смотрел... на вас, — староста на секунду закрыл глаза. — Даже сейчас я вижу то, что видел он.

— Ты видел... что он делал?

— Видел, — Таш хлопнул ее по руке.

— Думаю, он намеренно показал мне что делает с вами.

— Но для чего?

— Черт его знает... — выдохнул староста. — Но я молил его так, как никого не молил, — Сата крепче сжала его руку. — Не знаю, сколько прошло времени, но мои слова его задело. Гори оно все, никогда бы не подумал, что смогу говорить с ним так.

— Но это помогло?

— Думаю, что это и помогло. Он вдруг посмотрел на меня. Взгляд отсутствующий, совсем чужой. Будто не было утренних часов общения. Будто мы... — Таш отвернул голову и остановился.

Они стояли возле его дома. Сата невольно замерла, словно перед стайей дворовых собак.

— В конце он улыбнулся. Просто улыбнулся... В этом не было чувств или каких-то эмоций. Это как немое общение. Он ответил на мольбу и отпустил вас. Я услышал голос

Макса. Он пронесся мимо дома в вашу сторону. А я боялся выйти. После того, что он мне показал, я просто...

Таш посмотрел на нее недовольным взглядом. Он отстранился от нее и подошел к крыльцу.

— Он намеренно отгородил тебя от нас, ото всех, — подытожила Сата.

Она посмотрела на датчики. Спокойное, едва заметное зеленоватое свечение, не регистрировало ничего подозрительного. Таш поймал ее взгляд, но не стал ничего говорить.

— Он нападает на всех, кроме меня, — обреченно ответил Таш. — Создает вокруг иллюзию спокойствия. Втягивает меня и держит, — оправдывался староста, — если бы не крик, я бы так ничего и не понял.

— Если бы не ты, мы были бы уже мертвы, — Сата закрыла лицо руками. — Раньше этого не было. Он ни разу не возвращался таким злобным. Ты видел ее глаза: ошалелые, наполненные ужасом? Что же он мог с ней сделать?

— Это теперь всегда будет с ней, — вынес сухой приговор Таш.

— Думаешь, он это намеренно?

— Надеюсь, что нет, — Таш сел на верхнюю ступеньку, приглашая тоже самое сделать Сате. Их разговор должен был быть тихим.

Сату уговаривать было не нужно. Она с большим облегчением присела на ступеньку и вытянула ноги вниз. Ее тело тут же отозвалось сладкой истомой облегчения.

— Он как раненный зверь, который кидается на всех, кто рядом. Когда ты его привела, и я коснулся его ноги он обрушился на меня с такой чудовищной силой, что я пулей вылетел из дома.

— Нужно быть крайне осторожными. Я не ощущаю сейчас каких-либо сильных эманаций. Лишь тревожное присутствие, — Сата несколько раз глубоко вздохнула. — Он не может справиться со злобой, как не может заставить утихнуть боль, которую испытывает. Но он создал для тебя защиту, но при этом напал на нас.

— Первый раз почувствовал, — напомнил Таш.

— Но то первый раз. И, значит, он вспомнил тебя. И вспомнит нас.

— Вас с ним связывает много меньше, чем меня с ним, — нахмурился староста.

Смелая девчонка и трезво мыслит. Но она даже не представляет, через что ему пришлось пройти, чтобы заполучить доверие Каро.

— А то я не знаю, — хмыкнула Сата. — Но именно это позволило тебе стать его... — она терялась в словах, — ты для него... Нет. Не для него, для нас ты — проводник. Он оградит тебя, а ты оградишь нас.

Таш продолжал хмуриться.

— Чего смотришь? Я все же не просто так ношу красную бирку и знаю, о чем говорю. Благодаря Каро. Ты покажешь ему, что мы не враги для него. Что мы такие же как ты — друг. Или по крайней мере те, кто не причинит ему вреда. Тебе нужно полностью заняться им. Иначе мы не сможем отметить праздник через две недели. Каждый из нас знает, что делать. А твоя забота — Каро.

— Хочешь попробовать сейчас? — беззлобно, но с напором спросил Таш.

— Что? — растерялась Сата. Грозный староста шутит или же серьезно?

— Хочешь снова стать для него другом? — Таш кивнул в сторону двери и поднялся на ноги.

— Ты издеваешься?

— А разве не затем ты сюда пришла? Десять минут назад он душил тебя и смотрел на то, как твой самый жуткий страх стал реальностью... но ты пришла сюда.

Сата медлила. Староста вошел в дом и оставил дверь открытой. Вот так вот просто. Чего же она хотела? Сата не могла решиться. Она обняла себя за колени и боялась сделать следующий шаг. И даже излучение Каро, которое она улавливала, не вселяло в нее уверенности. Одно дело идти сюда и твердить себе, что она должна посмотреть на Каро и увидеть в нем монстра вне иллюзий, и совсем другое, когда Таш открыл перед тобой дверь и пригласил войти.

Она услышала тихий голос Таша. Седовласый староста о чем-то говорил с Каро или это он ей что-то говорил? Нет, вряд ли. Не будет он кричать через всю комнату. Таш наверняка готовит Каро к ее приходу. Сата не больно треснула себя кулаком по лбу. Как мало потребовалось времени, чтобы стать трусихой! Нервный смехок вырвался наружу. Времени может и прошло мало, но то, что она пережила, не пожелала бы и врагу. Ведь на ее глазах не только убивали ее подругу, но и тот, кого она ценила и кем дорожила, оказался затравленным чудовищем. Может и правда, что его специально держат среди нас, чтобы увидеть, как он с нами расправится?! Может и правда... Сата огляделась по сторонам. Никого нет. Далекие голоса стали намного громче. Жители отваживались подходить ближе. Их страх либо притупился, либо Каро стал меньше излучать угрозу. «Не мы должны бояться», — проговорили ее губы. Она пробудила в себе воспоминания того дня, когда ощутила боль, которую испытал Каро на операционном столе лаборатории. Все началось тогда. И все начнет исправляться сейчас. Стиснув кулаки и зубы, она решительно встала на ноги.

— Я не враг тебе, — едва слышно шепнула она и вошла в дом.

Каро сидел на своей кровати, неестественно ровно опираясь на спинку с подушкой. Он был одет в светло-серую рубашку и того же цвета штаны. Лицо его никак не изменилось с последнего момента их встречи. Но не было на нем и зловещей тени. Лишь впалые и усталые до бесконечности глаза, внимательно следящие за движениями Таша. Присутствие Саты он будто бы и не замечал. Она медленно вошла в дом и остановилась за пустой кроватью Кира.

— Это Сата, — староста указал рукой на девушку.

По ее коже пробежали мурашки. Она напряглась и старалась не моргать. Каро сейчас посмотрит на нее. Но он не сразу отреагировал на жест старосты. Немного погодя, резко повернул голову и холодно посмотрел на Сату. Она поморщилась и закрыла глаза, чтобы точнее уловить поток энергии, идущий от Каро. Эту чувствовала только Сата. И она помнила его уроки. Знала, что читать другого человека нужно осторожно. Иначе чувствительные датчики тебя заметят. Не нужно давать страху еще одно оружие против себя. Она чувствовала взгляд Каро и ощущала, что воздух вокруг нее начал сгущаться и становится липким.

— Она твой друг, — Таш старался говорить мягко. Мягкий тембр тут же эхом отозвался в голове Саты. Она узнала его голос. — Вспомни ее. Ты помнишь, как первый раз встретил ее, когда она прибыла в Деревню?

Перед Сатой промелькнул этот далекий страшный день, когда ее впервые привезли в сияющую белым жемчугом лабораторию. Тогда еще в ней теплилась надежда, что ее вылечат и отпустят. Ведь это спецрезервация, где борются с болезнью. Сата усмехнулась своей давней наивности. И ощутила, как усмехнулся кто-то еще. Она открыла глаза. На нее смотрел Каро, но уже с некоторым интересом.

— Он не помнит меня, — произнесла Сата с досадой, но секунду спустя облегченно добавила, — но он... воспринимает меня и не нападает. Он сдерживается из-за тебя?

— Скорее из-за интереса к тебе, — Таш тоже отметил изменения во взгляде Каро. — Она не навредит тебе. Сата — мой друг. Мы друзья. И не вредим друг другу. Она, — Таш указал на Сату рукой, — твой друг. Ты не помнишь ее. Но ты знаешь ее. И знаешь, как она выглядит.

Сата поняла к чему клонит староста. Каро знал ее биоэнергетический портрет. Он помог ей когда-то его написать. И раз он не видит в ней знакомое лицо воочию, значит, надо предложить ему посмотреть на нее по-другому.

После сказанного, Каро потупил взгляд. Таш уже видел такое состояние: Каро ушел в себя.

— Во всяком случае, пока ты рядом, я могу быть в безопасности, — с тревогой подметила Сата. Но Таш не был столь оптимистичен. После того, что он видел глазами Каро он готов был к любому безумию. Отчаянный шаг надломленных людей. И пусть Сата никогда не осознает всю опасность их отчаянной попытки, но Таш был готов к тому, что Каро просто довершит, то что не смог на улице.

С улицы донеслись голоса деревенских. Сата устремилась к окну. Часть соседей возвращается в свои дома. Она посмотрела на датчики в доме — их не видно. Полоски бледные и не подают признаков жизни.

— Невероятно, — глядя на улицу, с надеждой произнесла Сата.

— Не спеши с выводами, — осадил ее подошедший Таш, — Каро годами учил тебя настраиваться на него. Ты особенная. С другими может так не получиться.

— У нас есть ты, — вздохнула Сата.

Ее глаза налились слезами, и она поспешила укрыть лицо руками. Она не чувствовала ничьего присутствия. Не ощущала, что со всех сторон на нее смотрят злые глаза и перешептываются в тени углов и переулков. Сата не ощущала ничего, кроме присутствия старосты и молчаливого Каро на кровати. От него исходило мерное гудение и вибрация. Как от тихого генератора, работающего в холостом режиме.

— Надеюсь, ни у кого не хватит ума передумать перед самым финишем? — староста же вновь накиннул прежнюю маску.

— Всем страшно, — смахивая слезы с лица, бросила Сата. — Никто не ожидал, что Каро вернется настолько другим. — Но поддержки в глазах Таша не было. Лишь немой укор. — Конечно, мы понимали, что у него будут проблемы с памятью. Но не до такой же степени! Тебе ли не понять их?

— Я не собираюсь никого из вас понимать. Вы все знали на что шли, и чего это может стоить.

— Не слишком ли ты крут? Ты также зависишь от нас, как и мы от тебя. Но даже ты должен признать: то, что стало с Каро накладывает свой отпечаток. Сможет ли он... выполнить что намеревался?

— Он помнит меня.

— Хорошая новость, — хмыкнула Сата.

— К чему ты ведешь?

— Каро хотел устроить праздник для всех, а теперь, что будет с ними?

Таш насупился. Миротворица Сата, возвращенная великим благодетелем Каро, во всей красе продемонстрировала свои красные белки глаз, из которых недавно лились горячие слезы.

Упертая, но надломленная, стоило ли ей об этом напомнить?

— А разве ты еще не поняла, что праздник будет только в кругу своих? — твердо объявил Таш.

— Когда я должна была это понять?

Таш глубоко вздохнул. Не нужно говорить ей то, что у него вертелось на языке.

— Каро хотел, чтобы с нами были и дети, — осторожно напомнила Сата.

— Он хотел... — Таш отмахнулся от нее и развернулся спиной к окну. — Как ты предлагаешь это проверить? Мы не сможем устроить настолько большое представление, чтобы успеть дать шанс всем.

— Я... — Сата терялась в тяжелых мыслях. — Но я надеюсь...

— Глупо. Вы все держитесь за пустоту. Надеетесь. Зачем? Для чего? У нас главная цель — выбраться, — Таш украдкой поглядывал на Каро. — А ты думаешь о детях, о том, что с ними будет, нужно ли их взять? Подобные мысли ведут к риску, а мы и так висим на волоске. Или ты сегодня еще этого не поняла? В день, когда все случится — каждый окажется перед выбором. И лучше, чтобы он уже был сделан сейчас.

— Я понимаю, о чем ты. Но... даже Таню?

— А что особенного в ней?

— Каро любит ее, — Сата теряла всякую надежду достучаться до Таша.

— Каро любил, — грозно прошипел он, — он всех любил. И ты правильно заметила, что я — ваш проводник. И в этот поход отправятся только те, кто его готовит.

— Ты так решил?

— А ты Шакирда спроси, — ехидно улыбнулся Таш, — кого он готов взять? А Аня, Максим, они готовы кого-нибудь с собой взять? А ты только во мне видишь бесчувственную сволочь. Хм, хватит беспокоиться о тех, кто может утянуть нас на дно. Я не возьму с собой никого, кто может стать обузой. Надеюсь, ты понимаешь.

Сата хотела возразить. Но староста, как всегда, знал куда бить.

— Ты готов каждого из нас бросить в костер, лишь бы самому оказаться на свободе, — усмехнулась Сата.

— У каждого из нас, в этом болоте, своя роль, милая. Кто-то отчаянно борется с самим собой, пытаясь не быть свиньей, которую ведут на убой. Кто-то живет как планктон и не сильно отклоняется от своей кровати. Все они — подопытные и они плавают в этой жиже, создавая иллюзию жизни. Каждый играет свою роль. И есть мы — несколько человек, пожелавших остаться неизвестными, но мы тоже решили играть свою роль в этом спектакле без счастливого конца. Но всех нас связал один человек — он. Один единственный и неповторимый абсолют, которого держатся все, живущие в этой клоаке. И выдерни его из наших жизней, вскоре все сойдут с ума. Разве ты не видишь, как все здесь стало разлагаться? Как люди перестали делать то, что им говорил их бог? Они ведут себя как стадо, у которого больше нет пастуха. Им не хватает воли, чтобы сопротивляться самим себе и не быть планктоном, который так нужен в лабораторных испытаниях. Они теряют свой голос. Они сливаются в один общий серый фарш. Даже те, кого мы с тобой видим чаще: друзья, соратники в общем деле — вы стали жертвами того, что в вашей жизни потухло солнце. Ты тоже лишилась своего бога, но все еще пытаешься служить ему. Все вы пришли к нему в храм, дабы узреть его силу. Но вас покарали за ропот, за желание увидеть. Потому что он перестал быть для вас учителем, другом, братом, богом! Каро изменился. И вместе с ним тут изменится все. Наконец-то Кробрерг поймет отчего же у нее никак не получалось перетереть

всех в жерновах лаборатории. Великий эксперимент по уничтожению человеческого «я» завершен. Потому что у нее получилось сломать единственного, в кого мы верили. Того, кто связал всех нас своей волей. Ни мы стремились друг к другу. Нас здесь много, но мы одни. И только он нас делал друзьями. Открыл нас друг другу. Нет его — нет нас. И я готов отказаться от каждого из вас, потому что мне на вас плевать. Ты это прекрасно знаешь. И раз уж моя связь с ним сохранилась, то я не дам использовать его как спасителя для всех, как ярмарочного пророка, за которым пойдут все. Сейчас моя цель — вытащить его. Для этого я сделаю все. В том числе, брошу вас в костер, если понадобится.

— Ты всегда считал нас обузой? — хрипя спросила Сата. Она переваривала слова Таша и изо всех сил пыталась не сломиться под их натиском.

— Я не считал вас обузой, лишь необходимыми участниками нашего развеселого праздника. Обузой вы можете стать, если начнете противиться моим решениям.

— О, теперь никто им противится не станет.

— Да. Потому что я — не ваш спаситель. Это Каро пытался угодить всем, понять, принять и помочь. Но каждый из нас помогает лишь себе. И когда ты это поймешь и перестанешь цепляться за то чего нет, ты будешь действовать эффективнее.

Сата смотрела на старосту и не переставала поражаться. Вот кто здесь был настоящими монстром! И она — всего лишь игрушка в его планах. Фигура на доске.

— Тебе нужно закрепить связь с Каро.

— На что способен Каро, я теперь хорошо представляю, — Сата смахнула с глаз накотившуюся слезу. — А вот чего ждать от тебя, я понятия не имею. Ты одержим. И это теперь меня пугает.

Таш проглотил ее слова. Ему они были не интересны. Он прошел к своей тумбочке и достал стопку листов.

— У меня не получилось уговорить его смотреть на них, — перебирая расписанные листы озвучил Таш. — Но, возможно, это от того, что не было рядом тебя, — он протянул их ей.

Сата попыталась справиться с кипящими эмоциями. Ей не хотелось подходить к Каро, будучи в таком состоянии. Нужно собраться. И быть такой же ловкой как Таш, который мастерски переключался с одного состояния на другое.

Стараясь не делать резких движений, Сата обошла кровать и подошла к старосте. Она взяла рисунки и посмотрела на Каро, сидевшего с поникшей головой. Он расслабленно откинулся на подушку и казалось дремлет.

— Я помню, как мы в прошлом году стимулировали его воспоминания этими рисунками, — она рассматривала изрисованные детскими ручками листки с причудливыми формами животных и природы. Попадались среди них и нарисованные уверенной мастерской рукой животные. Это была рука Каро. И дети пытались скопировать животное. — У меня другая идея.

Таш отвлекся от листков и с интересом посмотрел на Сату. Что еще могло родиться в этой буйной женской голове?

— У меня догадка по поводу того, почему ты не смог стимулировать рисунками его память.

— Удиви.

— Если предположить худшее, то Кроберг смогла повредить клетки памяти настолько, что воспоминаний о прошлом у него не осталось. Тогда сколько ни показывай ему их, он не

вспомнит.

— Он рисовал их не для того, чтобы закодировать воспоминания, — возразил Таш и приготовился к тому, что идея Саты будет очередной тратой его времени. — Он изображал на листах свои эмоции, которые всегда вытаскивали наружу его настоящего.

Сата прищурилась и брезгливо ухмыльнулась, передразнивая старосту. Она прекрасно знала о сокрытой сути рисунков.

— Именно поэтому они не работают. Все эмоции, которые воздействовали бы на его память, заблокированы болью и злостью. И ты их ощутил не хуже меня или Марии, когда наблюдал, затем как он... — она осеклась, так как находилась рядом с Каро и испугалась, что пробудит в нем жажду мщения. Таш удостоверился, что Каро никак не отреагировал на мелькнувший страх Саты, снова вцепился в нее взглядом.

— И твое предложение состоит...

— В том, чтобы перенаправить боль и злость. Расчистить дорогу к его памяти. Сделать что-то, что снимет боль и выпустит злобу.

Таш прищурил правый глаз. Смекнув, к чему клонит Сата. Миролюбивость девушки вдруг оказалась преувеличенной и очень даже мстительной.

— Ты хочешь сделать из него оружие? — он с укоризной взглянул на смелую Сату. Но девушка взгляда не отвела.

— Злоба и боль подтачивают его. И каким бы ты хорошим проводником ни был, они как река переполнят любые твои заслоны рано или поздно. И смоеет не тебя, но нас, — но, подумав, лукаво добавила, — а может и тебя зацепит.

— Натравить его на них, значит?

— Это ты всех натравливаешь. Я предлагаю дать объяснение тому, что он чувствует. Он должен вспомнить тех, кто за это ответственен. И вспомнить тех, кого он защищал.

— Защитница всегда защитница...

— Ты мне доходчиво объяснил, что защищать всех себе дороже, — отмахнулась она. — Но, если мы попытаемся направить его боль в другое русло, то мы обезопасим себя и окружающих. Надеюсь, это тебе не кажется нелогичным?

Староста промолчал. Придавать уверенности Сате, ему не хотелось. Но ее идея не лишена смысла. Особенно, если в результате Каро удушит Кроберг в порыве нежных и трепетных воспоминаний. Староста кивнул. Нужно было попробовать. Люди успокоятся и Каро будет меньше привлекать внимание.

— А ты осилишь?

— Мы осилим, — поправила Сата.

На том и порешили. Сдержат решимость Саты Таш уже не смог. Он ощущал, как нуждается в ней и как ему легко направлять Каро, когда она рядом. Если бы не желание всем помочь, которым заразил ее его сосед, Сата могла быть идеальным орудием во время побега. А так приходится ограничиваться ее лаконичным: «Мы лишь перенаправляем его отрицательные эмоции». На время им пришлось отложить рисунки. Проку от них было мало или почти никакого. Куда важнее было завладеть вниманием Каро, приблизиться к потокам боли и злобы, которые текли, огибая их двоих. Тяжелая и кропотливая работа, которая отнимет у них несколько драгоценных дней.

Глава 20. Я помню

Кир держал руки вытянутыми вперед. Они сильно дрожали. Изо всех сил он пытался удержать их параллельно. В лабораторию вошла Ольга в желтом защитном костюме, как всегда. Увидев ее, Кир улыбнулся и сел в кресло. Подойдя к нему, Ольга улыбнулась в ответ.

— Как ты себя чувствуешь? — свет ламп сверкнул бликом по защитной маске.

— Не очень, — улыбка сошла с его лица. — Дрожу, как осинный лист. Все вокруг говорят о потеплении, но я этого не чувствую. Постоянно хочется спать и есть. Но от еды тошнит.

Ольга кивала. Она поджала губы и отошла к приборному столу. Включив приборы и монитор, она проверяла результаты анализов. Кир наклонился в кресле, чтобы лучше видеть лицо Ольги. Скрыть свои опасения у Арно не получилось. Даже через маску было хорошо видно, как поник взгляд лаборантки.

— Все плохо, да?

Ольга обернулась. Добродушная физиономия Кира, обтянутая красно-белой тканью кожи, смотрела прямо на нее. Арно замялась. Она никак не могла озвучить то, что должна была сказать.

— Все плохо, — Кир сам утвердил себе приговор.

Ольга взяла со стола автошприц. Из выдвижного ящика она достала препарат. Заправляя ампулу в устройство, она подошла с правой стороны кресла.

— Раньше я думала, что работа здесь даст мне хорошую путевку наверх, — Ольга медленно протирала место на шее для укола. — А сейчас я с уверенностью готова сказать, что была полной дурой, веря в это.

Кир смотрел перед собой, готовясь к проникновению длинной иглы. Но Ольга продолжала проводить антисептическим диском по шее вверх и вниз, не спеша делать укол.

— Твои дни на этом свете подходят к концу, — небрежно вывалила она давно известную истину.

У Кира от удивления даже челюсть приотвисла. Внешне Ольга была спокойна, слегка заторможена разве что. Но все же волнение и омерзение к самой себе ясно читалось на ее лице.

— Да, этому я хорошо научилась здесь. Говорить людям о том, что они скоро умрут, — Ольга рукой повернула голову Кира, приставила шприц и нажала кнопку введения. — Скоро тебе станет легче.

Ольга вернулась к столу. Она взяла со стола другой шприц — для забора крови.

— Как только препарат растворится... — не оборачиваясь начала она.

— Ты приступишь к забору крови, — Кир договорил за нее. — Все нормально.

Ольга отшвырнула шприц на стол. Он с дребезгом врезался в приборную панель.

— Ни черта не нормально! Я уподобилась ей, — Ольга боялась обернуться и посмотреть Киру в глаза.

— Это твоя работа, — Кир пожал плечами.

— А это твоя жизнь.

— Если бы у меня был выбор, — он смотрел на ее изгибы и видел, как она дышит, слышал, как скрипит ткань костюма от сжимаемых кулаков.

— И у меня, — Ольга развернулась и посмотрела на Кира широко раскрытыми глазами. — Но я не могу тебя спасти, как бы мне этого не хотелось. Сегодня я возьму у тебя кровь. Тебе станет еще хуже. И через неделю все повторится. И сегодняшняя забор крови может стать твоим предпоследним, — она заставила себя смотреть ему в глаза.

Она хотела запомнить его взгляд: его ненависть к ней и ко всем, кто работает в лаборатории. Ей нужно было видеть его страх, чтобы он являлся ей в кошмарах. Она хотела видеть мольбу о спасении, чтобы отвергнуть ее и презирать потом себя за это. Сейчас она была над ним, чтобы потом в ночных кошмарах быть на самом дне. Но в глазах Кира не было ничего кроме жалости. Арно стояла перед ним, покрытая плотным слоем желтого композитного защитного костюма. С прозрачным шлемом-маской на голове. Защищенная от любых случайностей и порезов. Но она стояла перед ним намеренно хрупкая и незащищенная, обнаженная перед смертником, которого убивала своей рукой. Кир смотрел на ее мягкое лицо. Не красавица, но такое лицо тяжело забыть, однажды приметив. Будь он на той стороне забора, то непременно счел бы ее премилой. Она не питала к себе сладких чувств, не стремилась к власти над некоторыми мужчинами и определенно не желала облегчать себе участь, разговаривая с Киrom. Он ощутил в ее внезапном эмоциональном порыве потребность нанести себе еще одну рану. Ритуал должен быть исполнен идеально, чтобы каждый последующий день приближал ее к выходу из чистилища.

— Я смирился, — соврал Кир.

— И я, — тихо призналась она.

Развернувшись, Ольга схватила со стола другой автошприц и взяла у Кира еще несколько кубиков крови. Лекарство начинало действовать. Тело переставало быть ватным. Кир, проверяя, пошевелил руками и ногами. Все как будто возвращалось в норму. Кир был рад вновь ощутить полный контроль над собой. Ему захотелось встать и пройтись. Он вскочил на ноги, немного пошатываясь. Ольга испугалась прыткости Кира, но улыбка на его лице успокаивала. Он сделал шаг, потом другой; начал обходить вокруг кресла. Ноги крепили с каждой секундой, он чувствовал их упругую силу. Голова не кружилась. Кир закрыл глаза. Он ходил вокруг кресла, иногда придерживаясь одной рукой и смакуя возвращающуюся бодрость тела.

— Я уволюсь, — вдруг произнесла Ольга.

Кир замер. Как ему следовало реагировать? Не в меру эмоциональна сегодня его душегубица.

— Я не могу больше здесь работать и терпеть все это. Я боюсь своего отношения к смерти.

— Можно тебя попросить? — Кир завершил обход кресла и сел в него.

Ольга кивнула.

— Задержись здесь еще ненадолго. Хотя бы до моего последнего визита, — она поморщилась, не понимая к чему он. — Если ты действительно решила уйти отсюда — это здорово. Но с тобой мне будет не так страшно.

Ольга сжала в руке катетер и подошла к Киру. Она посмотрела в глаза своего милосердного пациента, который не захотел ее возненавидеть, как многие другие. Установив катетеры, она вновь взяла кубик крови. Препарат для поддержания организма, который она ввела минутами ранее, полностью растворился. Ольга присоединила гибкие тонкие шланги к катетерам. Установила машину для забора крови на таймер и нажала на старт. Она передвинула стул от стола поближе к машине забора крови и села рядом. Они

долго смотрели друг на друга. Густая, красная с белыми нитями, кровь спускалась по шлангам вниз в наполнитель. Оттуда в центрифугу, где разделялась на фракции.

— Ты знаешь, я очень плохо сплю, — хилым голосом произнесла Ольга. Она стояла у приборной панели, глядя как на экранах замелькали единицы измерения забора крови. — Хотя это не должно быть новостью. Смешно, меня никогда не волновало то, что здесь происходит. Нет, сначала были кошмары, но они быстро прошли, — в процедурной лаборатории было тихо. Лишь мерный гул центрифуги и жужжание насосов, качающих кровь. Ольга посмотрела на сидящего в полном умиротворении Кира. — Позавчера в электронной почте я нашла призыв к расправе над теми, кто лечит больных «язвой». Очередные угрозы, очередной шум больных дегенератов, которых отсеяла соционика. Карать тех, кто хоть как-то причастен к лечению белых прокаженных, — Ольга усмехнулась. — Это «Малая кровь» конечно же. Они любят спамить в почтовые ящики врачей и ученых. Правда я думала, что мои данные засекречены. Оказалось, нет, если даже спам-щит не отфильтровал эту ересь. Зачем я тебе это говорю?! — Арно проверила показания приборов на мониторе кресла. — Если бы ты знал, как я боюсь. Знаешь, я даже подумала, когда прочитала письмо: если бы они знали, что мы вас не лечим, — Ольга нервно хихикнула. Показания немного не дотягивали до нормы. Она ускорила забор крови и посмотрела на пациента. Кир все также спокойно принимал свою судьбу и казалось даже не слушал ее. — Раньше я была уверена в том, что не существует никакой расплаты за наши поступки. Карма, энергетика... Все это чушь, не в наше время. Все это неопсихология с ее древней философией, из-за которой столько споров. Какая может быть карма для ученого? «Развитие невозможно без совершенства». А мы здесь стремимся к нему, как никто другой. Мы ведь такие вещи тут делали и делаем. И что? Где она — расплата? Я всегда была уверена в своей непогрешимости, в том, что иду верным путем. А как же иначе?! — ее глаза вспыхнули. — Разве мы здесь не служим во благо людей? Мы ведь столько открытий делаем. Каждый день что-то новое, фундаментальное. Когда открыли существование моники, наука перестала быть прежней. Это как второе дыхание. Пелена в глазах и лишь вдалеке твоя цель, мишень. О цене речь не идет. Ведь ты действуешь во благо, а ученый связан лишь одной этической нормой — служить обществу. Так причем тут карма?! — Ольга обращалась к невозмутимому Киру. Ей так хотелось, чтобы он ответил ей, возразил. Ей так хотелось рассказать о своих сомнениях и вырвать их из головы. Но перед ней сидел смертник. Обгорелый человек. Страшный как сама смерть, в чьи объятия он скоро направится. Разве с ним есть о чем спорить? Она отвернула взгляд от жалостливых глаз пациента и уставилась в монитор на приборной панели. — Но после взрыва БиоНИЦ я начала сомневаться. И дело не в том, что это и есть наша расплата за поступки. Ощущение такое, что мы кому-то чертовски насолили, и за нами начали охоту. Мне страшно. Но я понимаю, что мы это заслужили. Я вот сейчас тебя убиваю, — Ольга смотрела на датчики забора крови. Оставалось примерно пять минут до конца, — а ты даже не смотришь на меня с ненавистью. Редко кто смотрит. Как мне хочется все взять и обрубить. Чтобы все просто выключилось, — Ольга вздохнула. Ее глаза устало сомкнулись сами собой, словно это у нее брали кровь.

— Когда я попал сюда, мне было очень страшно, — Кир отвел взгляд. Слова полились сами. — Да мне и сейчас страшно. Просто, я не помню жизнь без страха. Наверное, это меня спасает. Я ведь словно родился взрослым, вот таким, — усталый взгляд прошелся по участку обгоревшей розово-белесой кожи. — И вдруг передо мной неведомые мне законы, порядки и Деревня. Если так посудить, то я самый счастливый из всех здесь живущих. Так что смерть

меня не пугает — потому что я не помню, что такое бояться смерти. Не помню, есть ли за что мне держаться и о чем жалеть. И мне все равно закончится это сейчас или через неделю, — Кир закрыл глаза. Он снова почувствовал головокружение.

Прибор пропищал об окончании забора крови. Ольга поспешила отсоединить шланг и вытащить катетеры из рук Кира. Она подошла к столу, вставила ампулу в автошприц и вколола препарат ему в руку. От неожиданности он дернулся.

— А это как всегда, — Ольга протянула ему руку, незаметно зажав между пальцами ампулу.

— Спасибо, — Кир немного опешил от такой открытости.

— Я же собираюсь увольняться, — безразлично пояснила Арно.

Кир сделал вид, что пожал ей руку и перехватил ампулу. После, он неприметно спрячет ее в пояс штанов.

— Полежи минут десять, и я вызову санитаров, — Ольга занялась центрифугой.

Она закончила разделять кровь на составляющие. Арно отсоединяла наполненные герметичные контейнеры и складывала их в портативный чемоданчик. Кир наблюдал за ней. В нем сейчас боролись два чувства: согласиться с мнением Таша и воспользоваться Ольгой как живым щитом, либо рискнуть и стащить препараты для усыпления охраны. Кир посмотрел по сторонам на стены — повсюду датчики. «Большой риск», — резюмировал он и погрузился в нелегкие раздумья. Кир даже не заметил, как пролетели десять минут. Его за руку тряс санитар. Кир очнулся, огляделся. Ольги нигде не было. Ему стало обидно, ведь она знает о грубости этих плечистых каменных амбалов. Санитар сверлил его взглядом. Кир быстро встал с кресла. Благо препарат действовал, и он был в состоянии контролировать ноги и руки. Усталости почти не было, лишь немного кружилась голова. Санитар указал на дверь, и они направились к выходу.

Проезжая по улице, Кир смотрел на купающихся в весенней неге жителей. Их, как никогда, было много. В весеннем ровном свете, они вальяжно прохаживались между домами. Некоторые собирались компаниями и о чем-то негромко беседовали, а кому-то было прекрасно расположиться возле дома наслаждаясь теплом дня. Привыкшие к холоду обитатели Деревни уже считали этот день самым жарким из тех, что были. На какой-то момент этот день обратился перед Киром деревенской идиллией. Но стоило небольшому порыву ветра пронестись мимо, как его вновь кинуло в дрожь. И он затрясся листом под холодным дождем.

Электромобиль остановился возле дома старосты. Таш сидел на веранде и читал газету. Кир быстро слез с машины и вошел в дом. Он подошел к шкафу с полками и вытащил ветровку. Сейчас она казалась ему самой теплой. Он оделся и залез под одеяло.

Таш проводил санитаров. Дождавшись, когда они скроются из виду, староста вошел в дом.

— Как ты? — Таш видел, как трясется под одеялом Кир.

Он высунул голову из-под него, как кролик из норы.

— Не считая того, что через неделю я — труп, все очень даже хорошо, — Кир лежал на боку и глядел на старосту.

Таш прошел к своей кровати и сел напротив Кира. Он понимал, что к этому все идет. Много повидав в Деревне, это обстоятельство никак не тревожило его. Но, то, как это озвучил Кир, его удивило.

— Ольга дала мне ампулу, — Кир заерзал руками под одеялом.

Высунув руку, он протянул ампулу старосте. Таш взял стекляшку и положил ее в верхний ящик прикроватной тумбы.

— Увы, это последняя, — Кир укутался плотнее, — больше у меня не будет возможности таскать их.

Таш кивнул.

— Я очень надеюсь, что наши планы на следующую неделю не изменились, — Кир пристально посмотрел на старосту.

— У нас четыре ампулы. Нужно хотя бы еще две, — рассуждал Таш, — в противном случае нам не обойтись без «живого щита».

Кир вздохнул. Дрожь новой волной накрыла его. Он непроизвольно съежился. Ноющие ноги устали быть в согнутом виде. Кир перевернулся на спину и, несмотря на дрожь и желание сжаться, вытянул ноги.

— Думаю, для этого хорошо подойдет Ольга, — Кир повернул голову, чтобы увидеть лицо Таша.

И староста оправдал его надежды. Он смотрел на Кира с недоверчивым прищуром.

— Что так вдруг?

— У меня неделя, Таш.

— Как быстро принципы меняются, когда в приоритете сохранить свою жизнь, — староста лукаво улыбнулся.

Кир отвернулся. Он смотрел в потолок, занятый своими мыслями. Он злился от нескончаемой и бесконтрольной дрожи по всему телу. Циничность Таша не облегчала, лишь затягивала еще одну веревку на шее.

— Меньше думай о тех, кем жертвуешь, — Таш открыл тумбочку и достал пять рисунков из толстой стопки листов. — Больше думай о том, что нас ждет в лесу.

— Я боюсь, что Каро так ничего и не вспомнит, — Кир не отрывал взгляда от потолка.

— Главное — он мне доверяет, и он сделает все, как нужно, — Таш посмотрел на рисунки в руках, — но рассчитывать мы должны на себя.

— У нас получится?

— У нас уже получилось проложить себе дорогу из слепых зон и ослабить изгородь. Сейчас отдыхай.

Таш направился к выходу. Но Кир остановил его.

— Что такое «малая кровь»?

Таш остановился возле задней спинки кровати Кира.

— Наверное, я знаю... знал, но не помню.

Староста не сразу сообразил, что Кир говорить не о крови. Во всяком случае не в прямом смысле.

— «Малая кровь», — повторил Таш пробуждая воспоминания из прошлой жизни. — Их еще называют малокровки. Это... радикально настроенная группировка отверженных соционикой отщепенцев. Их под свое крыло взяла более крупная группировка «Чистая кровь», чаще их называют чистокровками. Малокровки устраивают менее кровавые выходы и поэтому во многом их не замечают. В некоторых частях страны они даже официально зарегистрированы. А вот Чистокровки это чистой воды выродки, которые не просто разделяют людей на чистых и нечистых, но и устраивают периодически кровавые вылазки. Говорили, что много раньше они выступали за расовую чистоту и отвергали кровосмешение. Главный их принцип — в твоей ДНК не должно присутствовать ни единого намека на

другую расу. Но это было очень давно. Сейчас мы живем в этом мире, — Таш развел руки, намекая на Деревню. — Да и признаки рас в наше время затерты так, что невозможно принадлежать какой-то одной. И чистокровки изменились, как и все вокруг. Теперь, чтобы считаться «чистым», нужно обладать набором определенных генных качеств: иметь родственников одной расы до пятого колена, не быть носителем генетических вирусов, не иметь мутаций в ДНК, отказаться от друзей с мутагенами в крови, принять на веру Чистоточник — это такой свод генных правил, — Таш с прищуром смотрел на Кира. — Почему ты спросил? Ты где-то услышал о них? — в голосе старосты послышался слабый хрип.

— Арно упомянула, что они узнали о ее работе с белыми прокаженными. Она выглядела очень встревоженной, когда говорила о них.

— Так нас называют все кровники, — Таш погрузился в раздумья. — Странно, мне казалось, что информация о работающих в резервации находится в тайне. Она уверена что это были чистокровки?

— «Малая кровь», — поправил Кир. — Она тоже считала, что ее данные спрятаны. Но видимо, нет.

— Только этого нам не хватало, — на старосту нахлынуло волна тревоги. — Если это действительно малокровки, то, по большей части, бояться нечего. А если нет, и это чистокровки? Наверняка усилят охрану резервации: больше патрулей, больше человек на смене.

— Они действительно так опасны?

— После эпидемии в Екатеринодаре, кровники объявили своим приоритетом поиск всех белых прокаженных и их уничтожение. Определенная часть населения их даже поддерживает. Когда в прессе появилась информация об имеющихся спецрезервациях для больных «белой язвой», можешь представить себе реакцию лидеров чистокровок?

— Но они ведь не найдут Деревню? Она ведь спрятана надежно.

— Спрятана. Но с чего тогда Арно тебе рассказала про угрозы в свой адрес? — возразил Таш. Он перебирал рисунки. — Отдыхай. Тебе нужно набраться сил для решающего рывка. Новость о малокровках неприятна, но будем надеяться, что это их очередная громкая выходка, не более.

Таш вышел из дома. Ему нужно было передать рисунки всем участникам. Первый на очереди был Шак, он был ближе всех. Таш сообщил о том, что побег состоится на этой неделе, через пять дней. Шак кивнул и после того, как староста покинул его дом, он направился проверять «окна», созданные им. Навестив Анну с Максимом, Таш предупредил их о возможном усилении патрулей. Им стоило осторожно выяснить так ли это. Вручая рисунок Марии, Таш попросил ее проверить изгородь и датчики на ней, есть ли изменения. Сейчас было важно понять: как новость о кровниках скажется на охране Деревни и скажется ли вообще. Встретившись со всеми, Таш вместе с Сатой, прогулочным шагом направились по траектории побега.

Староста рассказал о том, что Кир согласился использовать Арно в качестве «живого щита». Это значит, что в решающий день Кир передаст через него просьбу о том, чтобы Ольга пришла к нему в дом. Она, конечно же, кинется на помощь к Киру. Ольга возьмет с собой три ампулы с ацелином, чтобы вколоть ему. Это ее способ скинуть несколько камней с чувства вины, которое она волочит за собой будто груженую телегу. Когда Ольга войдет в дом старосты, она увидит Кира, лежащего на полу. Ему не придется сильно притворяться, к

тому времени его состояние ухудшится настолько, что его игра станет правдой. Ольга заправит ампулу в автошприц, который достанет из медицинской сумки, но укол получит сама. Кир воспользуется автошприцем из верхнего ящика тумбочки старосты и введет ей ацелин, который она в тайне давала ему. Раствор подействует не сразу. Ольга шарахнется в сторону и громко прокричит: «Нападение!». Кодовое слово, уловив которое, система слежения должна поднять тревогу. Но возле дома старосты будут стоять Мария и Аня. Они создадут вокруг себя слепую зону, заставив датчики сбоить. Охрана не обратит на это внимание, так как это станет для них привычным случаем, когда накопившийся электромагнитный потенциал негативно сказывается на работе системы. Увидев, что датчики не окрасились тревожным красным и не услышав сигнал тревоги, Ольга попытается выбежать из дома. В дверях ее остановит Шак. Он оттолкнет ее назад и повалит на кровать. Через пару минут лекарство начнет действовать. На здорового человека оно оказывает губительное влияние, погружая его в полунаркотическое состояние, при котором человек не способен оказывать никакого физического и психологического сопротивления. После этого заговорщики направятся к изгороди. Сата предпримет последнюю попытку убедить Таша взять с собой кроме Тани еще несколько детей. Анна и Мария будут глушить датчики. Для системы безопасности их группа будет невидимой. Под предводительством Таша, друзья быстро дойдут до того места в изгороди, где с помощью кустарных химикатов были ослаблены железные прутья. К этому времени в точку выхода подойдет Шакирд. Он будет один. Таш попросит Каро разогнуть прутья, чтобы он смог выбраться наружу. Каро с легкостью сделает это. И, как только изгородь разомкнется, охрана заметит разрыв электрической цепи в периметре. Они не сразу поймут в чем дело. Сначала пошлют патруль и только потом все станет ясно. Поднимется тревога. Датчики окрасятся в кровавый цвет, зазвучит громкая сирена. Но, благодаря отрицательному полю Каро, Анны и Марии датчики в лесу будут на время выходить из строя. Таш будет верить, что все идет как нельзя лучше: Каро внимает его словам, контакт с экстраспособностями девушек идеальный. Но вот чего он не будет знать, так это того, что охрана все равно будет их видеть. Беглецов будут отслеживать по передвижению слепой зоны, которая гасит датчики. И уже совсем скоро будут подняты все отряды экстренного реагирования карантинной зоны. Около тридцати охранников из Деревни и больше сотни со стороны внешнего периметра, вооруженных огнеметами, возьмут беглецов в пылающее кольцо.

Сата жадно хватала ртом воздух. Одной рукой она вцепилась в Таша, другой пыталась удержать равновесие. Испугавшись внезапного приступа у девушки, староста держал ее, не давая упасть. Дрожь электрическими разрядами пробивала все тело. Таш терялся в догадках. Минуту назад она слово оцепенела. Замерла как статуя и вдруг стала задыхаться. В ее глазах он видел оранжевый отблеск. Будто возле нее пылал яркий огонь. Таш пытался докричаться до нее, но Сата не воспринимала его голос, как и то что происходит с ней. Она теряла контроль над телом и заваливалась на бок. Таш бережно подхватил ее. Он смотрел на датчики: они светились слабым зеленым. Со стоном из ее рта вырвались обрывки непонятных слов. И когда послышалось: «Каро», Таш не на шутку испугался. Неужели это опять он?

— Каро... показал мне... — напряженный взгляд Саты смотрел вверх.

Она с силой сжимала руку Таша, но ничего не сказала больше.

К ним подбежал кто-то из деревенских. Таш велел мужчинам взять ее на руки и отнести домой. Спротивляться словам старосты было не принято, и двое немолодых мужчин взяли

Сату под руки. Таш посмотрел на датчики на домах. Потухли. Значит, это не опасно — простой обморок. И Таш догадывался из-за чего. Он послушал ее дыхание, нащупал пульс — ничего необычного. Отпустив мужчин с их живой обузой, Таш направился в дом. Он почти бежал, так быстро передвигал ногами. Редко кто видел спешащего старосту, тем более спешащего к себе домой. Таш ожидал очередного буйства Каро, когда до его слуха дойдут крики людей — новых мучеников видений. Староста бежал, проносясь мимо домов, мимо подопытных. Он даже не замечал, что с ними все в порядке. Они не мучаются и спокойно гуляют по улице и даже возле его дома. Ворвавшись внутрь, он увидел спящего Каро. Он лежал как обычно на спине, недвижим и едва заметно дышал. Через кровать сопел на боку Кир. На первый взгляд все было идеально: тишина и безмятежность. Таш выглянул в окно. Обычный деревенский день: редкие гуляющие с угрюмо опущенными лицами, ленивой походкой идущие куда ноги несут. Хмурое небо, медленно наливающееся свинцом. Тишина и уныние. Не похоже на иллюзию, которую мог создать для него Каро. Но один важный вопрос настойчиво сверлил голову старосты: что же случилось с Сатой?

Таш вышел на крыльцо. Буря мыслей одолевала его. Максим с Марией должны были проводить проверку слепых зон. Анна прятать медикаменты в одежды. Мысли о них мешали думать. Что же делать? Нужно было решать. Время еще есть и старосту это немного успокаивало. Скоро Сата очнется и развеет его тревоги. Женские страхи — она просто не справилась с давлением. А если не страхи? Таш мучил себя опасными вопросами. И ответы на них были неприятными. Он знал лишь одно: как поступит с Сатой, если она не очнется к моменту их исхода.

Таш посмотрел в дом через окно. Перед его взором под теплым одеялом дремал Кир. Без ацелина ему тяжело давались дни. И он предпочитал проводить их во снах, чтобы накопить силы и быть готовым к побегу. Счастливый человек, думалось Ташу. Но мысли старосты прервал звук мотора, послышавшийся со стороны главной дороги. Приближался электромобиль. Таш заглянул в дом и увидел, что над кроватью Кира появилось табло с извещением о заборе крови. Глаза старосты забежали из стороны в сторону. «Невозможно!», — громом отозвалось в голове. Но электромобиль приближался. Таш схватился за голову. Он подбежал к спящему Киру и начал его будить. Но он никак не хотел просыпаться. Таш тряс его и даже ударил по щеке.

— За тобой едут, — произнес он.

Кир не сразу понял смысл бьющихся о него слов. Но вскоре на его лице появился ужас и страх загнанной жертвы.

— Тяни время, — Таш держал его за руки, — тяни время, постарайся, чтобы выпустили, и чтобы тебя сопровождала Арно, — староста на ходу придумывал запасной план, — без санитаров. Слышишь? Убеди ее проводить тебя до дома, убеди не брать всю кровь. Бей на жалость. Играй на ее чувстве вины.

Электромобиль затормозил. Санитар медленно поднялся по ступеням и вошел в дом. Кир сжимал одеяло руками как ребенок, вызвав улыбку у санитаря.

— Пошли, — санитар стянул резким рывком одеяло.

Кира подташнивало. Утренний свет, пробивающийся через тонкий слой облаков, ярко бил в глаза. Он попытался встать на ноги, но его повело в сторону. Подошедший санитар схватил его за руку и сильным рывком притянул дохляка к себе. Его ноги немного путались и нетвердо ступали по пыльной земле. Санитар усадил Кира на заднее сиденье, после чего сел рядом. Машина тронулась. Тряска была невыносимой: тошнота усиливалась, начала

кружиться голова. Кир наклонился вперед и спрятал лицо за ладонями, облокотившись на колени. Он с содроганием вспоминал, что в гараже, куда заедет электромобиль, горят ярким убийственным светом прожекторы. Непроизвольный стон вырвался наружу. Кира мутило от одной мысли о тошнотворном свете. Он был таким же слепящим как свет в клубе, где он встретился с Кнутом. Кир поднял голову. Его сердце бешено колотилось. Он что-то вспомнил! Это было не просто место, а человек по имени Кнут. «Странное имя, — подумал Кир, — может прозвище?». Он перебирал среди мелких хрупких обломков всплывающей памяти все лица, всех кого знал. Киру что-то подсказывало — это имя кого-то важного. И этот кто-то наверняка все знает о нем.

Электромобиль въехал в гараж. Кир зажмурился. Свет был просто невыносимым, заставляя щуриться, как после недели недосыпа. Кир шел рядом с санитаром, который держал его за руку. Ноги то и дело спотыкались о невидимые камни, что злило крепьша и заставляло его идти медленнее. Когда они вошли в коридор, Кир с облегчением распахнул глаза. Режущий свет растворился в приятном коридорном полумраке. Кир смотрел под ноги, стараясь контролировать вялую походку.

Санитар привел Кира в процедурную лабораторию. Внутри их уже ожидали Ольга с коллегой Инной. «Почему она здесь?», — пронеслось в голове Кира. Он не поднимал головы, продолжая смотреть в серый пол, чтобы о его мыслях никто не догадался. Раздался знакомый женский голос. Это была Ольга. Как и всегда — в защитном костюме. Кир не сопротивлялся своему желанию увидеть ее. Ольга же, напротив, не проявила и тени обычной учтивости и никак не отреагировала в ответ на усталую улыбку Кира. Ничего кроме отвращения у помощницы Ольги, Инны, это вымученное кривляние тонких губ не вызвало. Ольга указала на кресло. Немного хмурая и отрешенная. Санитар повел Кира к нему и аккуратно усадил его.

— Можешь идти, — Ольга стояла за столом и готовила растворы.

От усталости во всем теле, Кир даже не шевельнулся. Как усадил его санитар, так он и замер в этой позе. Он следил за резковатыми движениями Ольги, понимая, что не представляет, как ему уговорить ее выйти из лаборатории. Да и как вообще сейчас можно было о чем-то говорить, когда он спиной ощущает взгляд другой лаборантки. Мысли о том, что кто-то догадывается о побеге, медленно проникали в подкорку. И чем дольше он думал о провале всей их затеи, тем больше находил причин, по которым в процедурной находится вторая лаборантка. Это не может быть правдой. Все ведь не может закончиться вот так?! Дыра в груди, перехватывающая дыхание, с каждой секундой становилась все больше.

Ольга стояла к нему полубоком и не спешила поворачиваться. Ей не хотелось видеть измученного взгляда своего пациента, и как можно дольше она тянула с подготовкой раствора. Но вечно так не могло продолжаться. Через несколько минут она набрала раствор в ампулу автошприца и направилась к Киру. Она подошла к нему, не обращая внимания на его вопросительный взгляд. Ольга протерла спиртом место укола и вколола раствор. Кир даже не шелохнулся. Он почувствовал боль от укола, но она была куда слабее его немощности, которая с жадностью расслаблялась в кресле.

— Как жаль, что вы не смотрите на меня, — вяло произнес Кир, глядя на Ольгу искоса.

Ему нужно было, чтобы она поняла его молящую просьбу глазами о приватном разговоре. Чтобы отослала коллегу куда-нибудь по вымышленному предлогу, ведь ему нужна ее помощь. Помощь, которую только она способна оказать.

Ольга остановилась на полпути к столу, держа автошприц двумя руками.

— Скоро тебе станет лучше. Этот раствор вернет тебе силы, — она развернулась, но в глаза ему не смотрела.

— На время, — обреченно выдохнул Кир. Ничего не выходило.

Ольга подняла взгляд и посмотрела на него. Она кивнула. Зачем? Поняла ли она его просьбу? Но Кир зажмурился и съежился: препарат начал действовать. Эти ощущения Кир ненавидел больше всего. Ощущения такие, будто изнутри что-то больно щипается и дергается. Он сжал пальцы в кулак. Ему хотелось оставаться в полном сознании, чтобы думать и искать лазейку. Но неприятные ощущения сковывали разум.

— Если будет сильно жечь — скажи, я вколю обезболивающее, — участливо произнесла Ольга.

— Нормально все, — Кир вжимался в кресло. Все его тело изнутри разогревалось и медленно вскипало. — Словно я снова в клубе, и мы экспериментируем с «кипятком». — Кир начал ерзать. Он открыл глаза и удивленно посмотрел на Ольгу. В его памяти неяркой вспышкой возник образ из прошлого.

— Ты еще что-то вспомнил? — ее брови приподнялись. Она быстро схватила со стола записывающее устройство и подошла к Киру. Стоявшая позади Инна не без интереса наблюдала за быстрой реакцией коллеги.

— Вроде бы, — неуверенно подтвердил он.

— Не будем спешить, — успокаивала Ольга, — по порядку. Как обычно: уточняющий вопрос — развернутый ответ, — Кир кивнул в знак согласия.

— Ты сказал, что ощущения от препарата тебе знакомы...

— Да. Ну, почти, — Кир рылся в памяти и подбирал верные слова, — я почему-то вспомнил как мы с другом пробовали легкий наркотик.

— «Кипяток»? — на лице Ольги мелькнула ухмылка.

— Мы его так называли, наверное, — сомневаясь, ответил Кир.

— Его все так называют. Он будто подогревает тебя изнутри. Все жилы кипели, — делилась опытом Ольга. — А что за клуб? Ты упомянул что вы «кипяток» в клубе пробовали.

— Клуб... — Кир смолк. Ему не хотелось произносить его название.

Ольга увидела на его лице сомнение. И догадаться о том, что он помнит название было не сложно. Будь сегодня другой день, она позволила бы ему сохранить эту тайну. Но Ольга дала себе слово сегодня быть как можно отрешеннее и беспристрастнее.

— «Невь-8», — выпалил Кир перед непреклонным взглядом Арно.

Сказав это, Кир ощутил, как по затылку прошелся взгляд лаборантки за спиной. Ольга нахмурилась. Об этом клубе наслышаны были многие. Как знали и то, что далеко не каждый мог в него попасть. Опасное место, где снимались самые ядовитые сливки.

— Ты помнишь только название клуба? — спросила Ольга с надеждой, что сейчас Кир кивнет в подтверждение.

Но Кир медленно мотал головой. Он помнил гораздо больше и от этого на его лице разливался страх. Он закрыл глаза, не веря воспоминаниям, надеясь, что это лишь плод его воображения. Проматывая их, словно кинолентку, ему хотелось удостовериться, что это действительно правда.

— Кир? — Ольга дотронулась до его руки.

Он одернул ее от испуга.

— Это клуб моего друга, — набравшись смелости, ответил Кир. — Иначе как бы я туда попал.

— Друга? — Ольга прищурилась. — Кто же он?

Его глаза дрожали. Он знал, что сказал уже достаточно, чтобы по ниточке вытянуть из него остальное. Молчать было бесполезно. Он сам подписал себе приговор. Таш с остальными напрасно будут ждать его теперь.

— Тот, кто взорвал БиоНИЦ, — по щеке Кира скатилась слеза. Он откинул голову назад, понимая, что оказался тем, кто так нужен был майору ФСБ. — Я — подрывник.

Опешившая от таких откровений, Ольга пятилась назад, пока не уперлась в стол. Она держала в руках записывающий девайс и смотрела, то на Кира, то на Инну. Вторая лаборантка ошарашенным взглядом смотрела на Ольгу. Она медленно встала из-за стола и вдоль стены, осторожничая, прошла к двери. В голове Ольги промелькнула мысль, что эту информацию надо сохранить в тайне. Но открывавшаяся дверь и вылетевшая пулей лаборантка развеяли эту призрачную надежду. Ольга лишь помотала головой. В ее голове не могло уложиться сказанное Киром. Она всегда хвалила себя за то, что видела людей насквозь.

— В это очень... сложно поверить, — Ольга подошла к Киру и, наклонившись, положила руку ему на ладонь. — Я чувствую, что ты хороший человек. Ты не можешь быть террористом, который взорвал исследовательский центр.

— Но это я, — Кир выдернул руку, — и я помню, как мы с ним обсуждали это.

— Невозможно... — Ольга качала головой. — Не может быть. Этого просто не может быть. Чтобы взорвать БиоНИЦ нужно быть просто криминальным гением...

— А Кнут и есть гений, — Кир перебил ее. Он понурил голову и закрыл глаза.

Ольга хотела отбить и этот аргумент. Но она видела, что Кир верит в то, что говорит. И это бросило на его стянутое красновато-белой кожей лицо тень мучения и осознания того, что он совершил. Похоже не быть ей сегодня безучастной. Она протянула к нему руку в порыве жалости. Но перед ее лицом возникли обломки БиоНИЦ, которые она видела по телевизору. Она вспомнила всех своих подруг и друзей, работавших там, пришедших на работу перед самым взрывом. Со многими Ольга училась в одном институте и все они проходили практику в БиоНИЦ. И их лица, одно за другим, вылетали со страниц затертой памяти и отдаляли ее от пациента. Ольга глубоко вдохнула. На нее нахлынули воспоминания, как никогда прежде. Она отвела взгляд от Кира, пытаясь справиться с чувствами, в которых начинала путаться. Одна ее часть корила ее за то, что она позволила возрастить к нему жалость, зная, что он может оказаться причастным к подрыву исследовательского центра. Другая ее часть продолжала сострадать ему, зная, что Кроберг давным-давно написала для него смертельный сценарий. И сейчас, своим неожиданным признанием, Кир приблизился к финишу жизни на сто шагов. Оставалось лишь донести его громкие слова до Кроберг и ниточку, что держала его среди живых, обрежут мгновенно.

Через двадцать минут в лаборатории появился Мамонтов. За его спиной были два охранника, возвышавшихся над своим шефом более чем на голову. Все без защитных костюмов. Наверняка Инна сообщила, что забор крови еще не начинался.

Грузная фигура Мамонтова, увенчанная крупной с короткой стрижкой седеющих волос, головой царственно замерла в дверном проеме. За плечами стояли два рослых охранника в темно-синей форме. Бегло стрельнув глазами по лаборатории, Мамонт ввалился с сопровождением внутрь. Кир съезжился в кресле. Троица занимала огромное пространство вокруг себя, пробуждая лишь самые тревожные мысли. Мамонтов с кирпичным лицом подошел к вжавшемуся в спинку кресла пациенту и зыркнул ему в глаза. Взмокшее, рыхлое

лицо начальника охраны источало жар. Застывшие большие карие глаза иглами вонзались в тщедушного паренька. Громко хмыкнув, он отошел на два шага от кресла и приказал двум своим молодцам выйти за дверь. Затем он внимательно просканировал взглядом Ольгу и увидел в ее руках записывающее устройство. Не двигаясь с места, Мамонтов протянул руку. Ольга медленно подошла к начальнику охраны и передала девайс. Мамонтов повертел кусочек пластмассы в широкой ладони и указал другой рукой Ольге на выход. Арно растерянно посмотрела на Кира. Перед закатом своей жизни его ждал мучительный разговор с самым гадким из хранителей человеческих жизней.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Странно, но ты не похож на террориста, — наконец захрипел Мамонтов. Он прокашлялся. И, обтирая лицо ладонью, вперил взгляд в Кира.

— Я тоже так думал, — промямлил Кир.

Мамонтов прищурился и слегка развернул голову левым ухом к пациенту.

— И как же ты взорвал центр? — демонстративно громко пробасил он.

Кир мялся. И чем дольше он подбирал ответ, тем шире казалась фигура начальника охраны.

— Этого я не помню, — просипел больной.

Мамонтов зло усмехнулся. Он прошелся вперед-назад и, немного наклонив голову, с прищуром уставился на Кира.

— И кто же ты у нас? — Кир не понял вопроса. — К какой группировке принадлежишь?

— Не знаю, не помню, — быстро ответил Кир.

— Ха! — наигранно поразился начальник охраны. — Как интересно. Слушай, мальй, ты простак или все же дурак? Что ты еще помнишь?

— Только имя главного... — Мамонтов приподнял брови, скорчив вопросительную мину. — Его зовут Кнут.

— Так ты химбат, — в хриплом шепоте слышалось отвращение.

До Мамонтова доходили некоторые слухи о человеке по имени Кнут. И почти половина из них была выдумкой. Имя Кнута знакомо каждому блюстителю порядка. Во времена работы в криминальном отделе полиции Петрополиса, он долго гонялся за призраком под именем Кнут. Но кроме прозвища никто ничего не знал о нем. Даже когда Мамонтов пересекся с капитаном Бобровым из ФСБ, расследуя кровавую разборку на заброшенном заводе, он не узнал ничего нового о личности Кнута. Хотя тот факт, что им заинтересовалась федеральная служба, наводил на определенные выводы. Все преступления, в которых косвенно светилось имя Кнута, были так или иначе связаны с химической и биологической промышленностью. Спустя время, Бобров рассказал Мамонтову о том, что ФСБ разрабатывает версию, по которой некто Кнут является главарем химических батальонов Петрополиса. По другой версии Кнут — это структура управления, в которую входит несколько криминальных авторитетов. Любая попытка выяснить больше, сталкивалась с сильным желанием умереть. Расследования убийств и преступлений, где были замешаны химбаты, напоминали хождение по лабиринту. Каждый раз, когда в деле значилось прозвище Кнут — следователи умоляли отстранить их от дела. Они шли на все лишь бы застопорить расследование, направляли его по ложным следам, душили отписками, пока их не отстраняли за малую эффективность. Это был минус в личном деле, но жизнь была дороже.

Начальник охраны подошел к Киру и схватил его за грудки, приподняв из кресла.

Тонкое, как веточка, тело Кира легко потянулось наверх.

— Кнут — это человек? — прорычал Мамонтов, тряся Кира как куклу.

— Да, — испуганно ответил Кир.

— Ты помнишь его? Как его зовут? Где он живет? — злобствовал Мамонт.

— Не знаю, не помню, — голос Кира сильно дрожал, наблюдая как надуваются жилы на краснеющем лбу начальника. — Клуб... мы виделись в клубе.

— В каком? — прокричал Мамонтов.

— «Невь-8».

— Все? — начальник сильно тряхнул Кира. Страх сковывал его так, что в ответ он лишь кивнул.

Мамонтов швырнул Кира обратно в кресло. Его ошалелые глаза бегали туда-сюда. Он ходил перед креслом, поглаживая пальцем подбородок. Мамонтов пыхтел как паровоз, а его округлившиеся глаза больше походили на два прожектора. Наконец начальник охраны собрался с мыслями. Громко топая, он подошел к двери; открыл ее и громогласно позвал двух охранников. Мамонтов приказал им быть в лаборатории до особых указаний. Сам же он направился к Кроберг. В голове у него волчком крутилась мысль о том, что Кроберг приговорила Кира. И если раньше Мамонтову было на это плевать, то сейчас этот обгорелый подрывник нужен был ему живым.

Начальник охраны шел по коридору как слон в узком ущелье. Быстро перебирая ногами и гудя от вороха мыслей, атакующих мозг. Мамонт не вписывался в повороты. Он врезался в углы и людей, клеймя их крепким словцом. Он спешил в кабинет к Кроберг. Дойдя до него, он стукнул по двери кулаком. Бурча себе что-то под нос, он ввел код доступа. Сильно задев плечом косяк, начальник ввалился в кабинет.

Кроберг и Мельев сидели в креслах за журнальным столом. Он был полностью завален кипой бумаг, диаграммами и несколькими планшетами.

— Как это понимать? — Кроберг прервала беседу с Мельевым, и с отвращением посмотрела на вспотевшего и запыхавшегося Мамонтова.

Начальник охраны выпрямился. Он с минуту пытался отдышаться и утихомирить дыхание. Кроберг терпеливо наблюдала, как двуногая каменная глыба медленно подходит к ним, осторожно перенося вес с одной ноги на другую, потирая лоб.

— Нужно поговорить об этом горелом, — у Мамонта пересохло в горле.

— А я должна? — Кроберг поражалась наглости начальника охраны.

— Должна... — Мамонтов пытался справиться с сухостью в горле, высасывая слюну.

У Елены от удивления вздернулись брови. На лице сверкнула ухмылка.

— Сергей, извините. Видимо нам лучше продолжить немногим позже. Очевидно у нас что-то опять приключилось.

Мельев встал из кресла. Он хотел было собрать бумаги, но Кроберг дала понять, что в этом нет необходимости, и их разговор прерывается ненадолго. После того как дверь за Мельевым захлопнулась, Мамонтов рухнул в кресло напротив Елены и расплылся в удовольствии.

— Что это все значит? — требовала сатисфакции профессорша.

— Погорелец вспомнил о том, что он террорист, — Мамонтов развалился в кресле.

Повисла пауза. Кроберг поочередно театрально показала на идеальном лице смущение, потом удивление и наконец, со всем наигранным спокойствием она спросила:

— Меня это касается как?

Мамонтов кашлянул.

— Я знаю, что ты его в расход, но я побеседовал с ним и выяснил, что он не просто какой-то бомбист, — резко и напористо он выплевывал слова, — он химбат, мать его. Долбанный химбат, взорвавший исследовательский центр. У него есть очень важная информация, которая важна будет не только федералам, но и лично мне, — Мамонтов сделал акцент на последнем слове.

Кроберг думала. Она смотрела на Мамонтова и понимала, что по пустяку он бы не обратился к ней. Его бывшая работа в органах следствия, всегда ходила за ним призраком.

— Мамонт, — Кроберг наклонилась вперед, — я бы могла спросить тебя: чем так интересен этот малый? Но мне достаточно того, что он интересен не только для тебя. Федералы, говоришь, могут заинтересоваться им? Мне плевать кто он. Мне нужна его кровь. И раз уж он оказался клиентом спецслужб, то я могу лишиться его. Это недопустимо. Этот майор будет здесь с очередным визитом через три дня. И мне абсолютно не нужно чтобы они беседовали.

— Но он может знать, то, что выведет меня на главаря...

— Я не хочу слышать! — грубо перебила Елена. — Не надо втягивать меня в свои старые войнушки. Ты прекрасно меня слышал: через три дня агент ФСБ будет здесь. И их беседа не состоится. Точка. — Мамонтов свирепел. Но Кроберг готова была кинуть ему кость. — Прочисти мозг. Два дня он еще будет дышать. У тебя будет достаточно времени, чтобы выбить из него все что тебе нужно. Беседуй с ним столько сколько хочешь. Пока есть время, — Кроберг взяла со стола планшет с календарным планом и откинулась в кресле.

— Но он ничего не помнит больше. Что мне дадут эти два дня?

— Не забывайся, Мамонт. Ты действительно хочешь, чтобы я пожертвовала ценным продуктом на твои расследования? Разве ты все еще следователь?

— А разве нам стоит мешать федеральному расследованию?

— Мы не мешаем. Мы убираем за соционикой то, что она оставила после своей работы. У тебя есть время. Два дня. Разве для бывшего следока это не подарок? Используй его мудро.

Эту фразу Мамонтов воспринял как издевку. Единственный раз в жизни он попросил ее об услуге, и она отказала ему. Фыркнув, он стукнул кулаком по подлокотнику и направился к выходу. «Благодушная» Кроберг дала ему два дня и пусть такой срок был издевкой, но он не желал терять ни одного часа. Направляясь обратно в лабораторию, где находился Кир, Мамонтов не знал, как будет выбивать из него информацию. Одно дело допрашивать того, кто скрывает, другое — у кого амнезия.

Следующие два дня стали настоящим адом для Кира. Кроберг разрешила Мамонтову использовать химические препараты для придания разговорам дополнительного эффекта. Сначала Мамонт обрадовался этой новости, посчитав, что таким образом Кроберг хочет загладить свою вину перед ним. Но вскоре Ольга Арно развеяла это заблуждение. Она сообщила, что все препараты, которые могли бы ему помочь, негативно скажутся на составе крови и не выведутся из организма за два дня. Мамонтов лишь расхохотался. Он был вне себя, но поделаться ничего было нельзя. Он стоял перед Киrom с тремя охранниками и не знал, с чего ему начать. Метод пыток, столь близкий и понятный ему, превратился в обычную беседу. Мамонтов злобно шипел, проклиная все вокруг. Издевка судьбы — перед ним сидел человек, способный вручить ему Кнута, но у него гребанная амнезия.

Допрос с пристрастием длился более 40 часов. Уставал Мамонтов, приступал один из охранников, потом второй, третий. Киру не разрешали спать, мешали сосредоточиться на

чем-то другом, кроме цели их углубленной беседы. Нужно было зажать его в тиски так, чтобы память кремом вытекала наружу.

— Я никогда не думал, что, попав сюда, получу шанс узнать кто такой или что такое «Кнут», — рассуждал начальник охраны. — Не пыльная работенка: сиди в офисе, собирай на себе пыль. Но вдруг ты. Как гром. Кто бы мог подумать! Узнай я раньше... — Мамонтов громко ударил по ладони кулаком, — эх, мои ребята умеют выбивать. Но твоя память заперта.

Мамонтов расхаживал перед Киром, кидая на него мимолетные взгляды. Его грузная фигура напоминала огромный, перетянутый веревками мешок с зерном. Но движения начальника были точными, в чем-то даже плавными. Он был уверен, что к нему в руки попала нужная ниточка, и Мамонтов медленно тянул за нее.

— Я пришел сюда добровольно. Кробрерг сама пригласила меня. Из жалости конечно. Хотя может ли такая как она испытывать к кому-то жалость? Желание выгоды — да. Это двигало ей и ничто другое. Ведь я тогда добровольно ушел из отдела по расследованию убийств. Был светилом и грозой таких как ты. Хотя ты — обычный террорист и тобой следовало заняться другому гению. Но тобой, такими как ты, руководит некая личность или группа людей — верхушка химбатов. Они стоят за чередой преступлений, которые я когда-то расследовал. Мне стоило огромных усилий чтобы найти доказательство их причастности. Главной проблемой было то, что химбаты очень тонко подходят к своей работе. Гении-химики, отвергнутые системой федерального отбора, их не так просто поймать. Да что там поймать, даже доказать что они существуют. Ведь соционика непогрешима и ее агенты повсюду. Но также как им пришлось признать существование химбатов, они признали, что это разветвленная сеть по всей стране и действуют они по единой указке. Хотя о последнем судить сложно. Они слишком хорошо скрываются и действуют непредсказуемо, и порой опрометчиво. Даже я не нашел доказательств, что химбаты Петрополиса имеют хоть какое-то отношение к похожим преступлениям в Приморье. Да я и не уходил в дебри их сети, юрисдикция будь она не ладна, знаешь ли. Главное было найти местную верхушку.

Они выставляли убийства за несчастные случаи. Классика! Но идеально исполненная. Никто не сомневался. Почти никто. Но я чувствую, когда меня водят за нос. Моя одержимость всегда помогала мне. Ведь не зря у меня имеется статус «эксперт по убийствам с фанатичным рвением». И я видел то, что не видели остолопы из биотеррора. Они радовались каждому несчастному случаю. Зачем поднимать лишний раз жопу, правда? Несчастный случай — закрыть дело. Где-то что-то шарахнуло, несчастный случай — дело закрыть. А люди гибли. Но для биотеррора это случайность. Подумаешь, парочку неудачников зацепило. Потери в пределах допустимого риска. Но я не остолоп. Да и жопа у меня была поменьше в те времена и двигался я по следу, который всегда выводил меня на сцену с ширмой из «случайных» обстоятельств. Нюх у меня на такую падаль. Вижу убийство. Но химбаты прятались умело.

Мне повезло: тогда у меня еще был статус. Мой доступ позволял мне зарываться глубже. Но мне была нужна помощь. Я не очень разобрался в экономических подоплеках. Но во всех несчастных случаях и обычных самоубийствах, так или иначе, были замешаны большие суммы денег.

Был у меня друг, которого я попросил помочь мне с этим делом. Звали его Павел Золтов... Мы были очень дружны. Идеальная команда — это когда есть идеальный друг. Он работал в отделе финпреступлений. Я, конечно же, поделился с ним своей головной болью

об идеальных несчастных случаях. Он был не обязан мне помогать, но знал, что я не успокоюсь. Фанатики ведь никогда не унимаются. И он копнул глубже в финансовые дела убитых. По моей версии возможен был передел сфер влияния в химическом бизнесе северо-запада России. Правда убирались не то чтобы шишки, но весьма значимые игроки. И что ты думаешь? — Мамонтов презрительно смотрел на своего узника.

На лице Кира не было ничего, кроме усталости. Запертый в душной лаборатории, с приглушенной вентиляцией, он был прикован ремнями к креслу, которое стало почти родным. Всегда в одной позе. Всегда кто-то говорит. Почти без питья и никакой еды, отчего живот то и дело сводило судорогой. В голове лишь шум. Тело уже не сопротивляется. Оно просто лежит в кресле. Экскурс в прошлое Мамонтова стал для него передышкой — никто не кричит. Каменная глыба начальника охраны сидела на стуле перед ним. Духота стояла невыносимая. Рубашка охранника была наполовину расстегнута и почти полностью пропитана потом. Впрочем, зловония они не ощущали. Привыкли уже. По лицу Мамонта стекали струйки пота, и он часто смахивал их рукой, продолжая говорить, глядя в пустоту.

— Через два месяца упорной работы, Золтов заметил обычные, на первый взгляд, совпадения. Все убитые в разное время были связаны с западной корпорацией «Гидрогениум». Некоторые занимали видные посты в обанкротившейся фирме СевКорп, которая принадлежала «Гидрогениуму», — Мамонтов смолк на мгновение.

Он заметил легкую перемену в лице Кира.

— Глядите-ка, тебе кажется знакомы эти названия? А что в твоём мозгу произойдет, когда я произнесу БИОТЕХ? Что это говорит тебе?

Начальник охраны выжидал. Он наблюдал за тем, как Кир обдумывает его слова и мотает головой из стороны в сторону.

— БИОТЕХ долгое время вел борьбу за СевКорп. Используя влияние в Европе, он желала склонить английских акционеров «Гидрогениума» продать СевКорп. Стремясь владеть львиной долей всех химических заводов России, БИОТЕХ готова была потратить огромные суммы на выкуп СевКорпа. Однако, вдруг отступилась от своих планов, когда выяснилось, что состояние СевКорпа крайне плачевное. Технический аудит, проведенный независимыми экспертами, показал, что заводы СевКорпа требуют колоссальных инвестиций. БИОТЕХ отказалась от приобретения черной дыры, объявив о строительстве новых заводов. Видишь, как все складно звучит? Я сотни раз читал отчеты Павла. Так много раз, что теперь вся эта муть слетает с моих уст как будто я в этом разбираюсь. На самом деле, до этого аудита считалось, что заводы СевКорпа являются самым лакомым кусочком. Поэтому «Гидрогениум» не желал терять часть российской химической индустрии. После аудита вмешался Финпол. Были подозрения об искусственном банкротстве СевКорпа. Однако все следы уходили за границу. Хотя их было не много, и они были столь неочевидными, что за их раскрутку никто не брался. Финпол подтвердил плачевное состояние СевКорпа. Никаких махинаций не было. А если и были, то со стороны «Гидрогениума», который довел до краха одну из жемчужин химиндустрии России и хотел продать ее подороже. После банкротства СевКорпа заводы закрывают. И их так и не приобрела БИОТЕХ. Присутствие «Гидрогениума» в России свелось практически на нет. А спустя время умирают несколько человек. Все они были свидетелями битвы за СевКорп и его судьбы.

В старых отчетах Золтов обнаружил еще одну странность. Ею была фамилия ученого — Валентор И. Странно, но он давно числился в списке мертвых. Но самое удивительное, что я

сам расследовал дело об убийстве. Странное убийство без трупа. Мы поймали преступника на месте. Он даже сам сознался, что во время ограбления не рассчитал силу и убил мужика. Растяпа от устроенного им месива потерял сознание. Так мы его взяли. Однако тела в квартире не было. Лишь хреново море крови и куски вырванного мяса. Экспертиза подтвердила, что это все принадлежит Валентору Ивану. Странное сочетание старославянского имени и европейской фамилии. Поэтому я и запомнил. Тело так и не нашли. По документам оказалось, что Валентор числился экспертом в «Гидрогениуме» и был отправлен в командировку в Россию, где нашел свою смерть. От «Гидрогениума», очевидно, веяло чем-то темным. Но здесь моя зона ответственности сталкивалась с нежеланием моих коллег бодаться с заграничными мудозвонами. Все следы, что мы нашли с Павлом, вели за границу. Идеально, не так ли? Да. Да именно так. Нас хотели увести и нас увели.

Конечно же «Гидрогениум» боролся за наш рынок. И ему очень не хотелось терять столько заводов. Но им пришлось смириться с тем, что СевКорп в итоге не достался никому. Его заводы закрыты. И лакомый кусочек вдруг перестал привлекать к себе внимание. БИОТЕХ строит новую долину ядов. Все довольны. «Гидрогениум» уходит из России. А что заводы? По версии Павла... несмотря на банкротство — заводы СевКорпа представляют стратегическую ценность. Оборудование, запечатанные склады с реагентами, территория. Кому в итоге досталось все это? И тут меня осенило. В отчаянной борьбе двух гигантов: «Гидрогениума» и БИОТЕХа был третий. Не особо крупный и поэтому незаметный. Был тот кому было выгодно падение СевКорпа, потому что он прибирал его к своим рукам. И лучше всего на эту роль подходили химбаты.

Мамонтов злобно посмотрел на Кира. В тишине комнаты было слышно, как скрепят его стиснутые зубы.

— В день, когда мы по косвенным догадкам вышли на причастие химбатов к банкротству СевКорпа и возможное существование могущественной верхушки под названием «Кнут», Павла не стало.

Мамонт сжал кулак. Его тело напряжено, взгляд сверлит Кира. Гору заплывших жиром мышц держит на стуле лишь воля. Лицо Мамонта несколько раз «прострелило» дернувшейся мышцей и желваки заиграли тенями в бледном освещении.

— Мой друг умер через пять дней, после той нашей встречи. Остановилось сердце. Все считали, что у него было крепкое здоровье. А я не считал, я знал, что он был в идеальной форме. Говорили его сгубило желание выглядеть идеально. Да, он много времени уделял своей фигуре. Но он не идиот, чтобы колоть себе муто. Если кто колет себе муто, у того член отвисает. А мы с ним по девкам бегали на пару да наперегонки. Не сходится. И мое чутье говорило, что не сходится. Нужно было поступить как все, завалить это расследование... Но Павел знал, что я фанатик своего дела. А когда всплывает «Кнут» — тонет кто-то другой. Страх — идеальный инструмент борьбы. И химбаты идеально им пользовались. Его щупальца были на каждом из нас, кто копал под химбатов. В конце концов мы всего лишь полицейские. Так начался мой крах. Жажда мести.

— Вы думаете Кнут каким-то образом причастен? — Кир едва ворочал языком. От слабости он не мог даже сидеть прямо и постепенно съехал на бок.

— Я не думаю. Я знаю это. Как знал всегда. Но меня подвело отчаяние. Смерть Павла... А ты сидишь тряпкой передо мной. И мое желание вытрясти из твоей головы нужные мне сведения натывается на желание Кроберг высосать из тебя кровь, — Мамонтов вскочил на

ноги, пригвоздив взглядом Кира. — Мне нельзя расколоть тебе башку, а ей можно все. И у меня нет времени. Ты — разгадка! Ублюдок! Сидишь, мямлишь тут, уродливый кусок говна. Изуродованный кусок мяса, жалкое подобие мужчины. Но я не могу вытрясти из тебя то, что мне нужно. И ведь смерть твоя не сделает мне одолжения.

Мамонтов вылетел из лаборатории. Ему хотелось вдохнуть свежего воздуха. Он направился в гараж. Охранники открыли ему дверь, и он вышел на площадь Деревни. Мамонт никогда не выходил на улицу без особой надобности. И все эти случаи можно посчитать по пальцам двух рук. Но сейчас это было не важно. Он стоял на площади и смотрел на проплывающие тонким саваном серые облака. Через мелкие просветы голубело небо. Мамонт жадно и сильно вдохнул прохладный воздух. Он свежей волной вливался в легкие и наполнял их весной. Он закрыл глаза и подумал о том, что так и не смог воспользоваться шансом и выбить из этого скелета нужную ему информацию. В памяти возник затертый образ Павла Золтова. Старинного и верного друга. Больше в процедурную лабораторию Мамонтов не вернулся.

Мучительные и пустые, два дня пыточных бесед подошли к концу. Кира начали готовить к последнему переливанию. В лабораторию вошли две медсестры и два санитары. Они были одеты в защитные костюмы. Однако увидев, в каком состоянии находился Кир, они поняли, что грубой силы тут не понадобится. Он просто не мог сопротивляться. Кир закрыл глаза. До последнего он ждал, что в лабораторию войдет Ольга. В мыслях он перебирал способы, как обратиться к ней с просьбой сделать забор у него дома. Перед ним бледной помехой была изгородь, перед которой вскоре окажутся его друзья. Таш наверняка придумает как обойтись без него — без живого щита.

Кир смотрел на медсестер. Они готовили растворы. Один из санитаров включил режим блокировки двери. Другая медсестра готовила руки пациента для катетеров и отвязала его от ремней. От введения толстой иглы в правую руку, Кира бросило в дрожь. Он корчился так, словно его начинают резать. Медсестра попросила санитаров быть рядом. Не успели они подойти, как Кир неожиданно сполз с кресла и рухнул на пол. Один из санитаров подбежал к нему и стал поднимать. Кир начал дергаться. Из последних сил он выворачивал руки, стараясь вырваться из санитарских тисков. Подошел второй здоровяк. Они заломили ему руки назад и начали усаживать. Кир извивался. Он стал упираться ногами в кресло. Поймав удачный момент, он попытался укунить руку санитаря. От неожиданности тот выдернул руку и неловко отпихнул Кира. Не ожидая этого, второй крепыш не удержал ретивого пациента, и он опрокинулся на кресло и упал спиной на пол. Испуганный санитар проверил костюм на целостность. Выругавшись, он пнул лежащего Кира по левому плечу. Лаборантка резким рывком отдернула амбала, прокричав что-то об опасности кровотечения. Кир закричал от боли, будто множество стеклянных осколков пронзили его и впивались под кожу. Он схватился рукой за плечо, по которому прошлась нога санитаря. Он коснулся углубления в коже и взвыл. Санитары схватили его за руки. И стали снова усаживать его в кресло.

— Простите, — из глаза Кира потекли слезы.

На этот раз он не сопротивлялся: дал усадить себя в кресло. Санитары привязали его руки к подлокотникам. И пригрозили, что выбьют ему зубы, если он что-нибудь в этом роде повторит. Хотя исполнить это они вряд ли смогли бы на практике. Проверив ремни, санитары отошли назад, сев на стулья. Медсестра подошла к левой руке и приготовилась вставлять второй катетер.

— Кир ты будешь спокоен? — поинтересовалась она.

— Нет, — медсестра насторожилась, — меня зовут Кирилл.

Ошалев от этого признания, он растеряно посмотрел на девушку. Но та не стала обращать на его слова внимания. Она смазала руку и готова была ввести катетер.

— Стойте, — умолял Кирилл. — Я вспомнил все!

— Профессор Кроберг уже поняла кто вы и отдала четкий приказ...

— Я не террорист! — крикнул он, пытаясь выдернуть руки из ремней.

Девушка отшатнулась от ретивого пациента и громко позвала санитаров. Парни через две секунды оказались у его кресла, готовые скрутить неугомонному руки.

— Нет, прошу вас, стойте, мне нужно увидеть профессора Кроберг.

Но санитары не слушали. Они схватили его за руки и плотно прижали к спинке кресла.

— Не надо, — Кирилл перестал дергаться. Он знал, что это будет ошибкой. Единственное, что могло остановить его мучителей, это как можно быстрее озвучить что ему вспомнилось, — я не террорист. Я ученый, работал в БиоНИЦ с профессором Данилевским.

Медсестра еще раз смазала на руке место укола. Ей было все равно. У нее была четко поставленная задача и она не хотела растягивать это сомнительное удовольствие.

— Сообщите Кроберг обо мне, — упорствовал Кир. Он старался говорить ровным голосом, насколько позволяло его состояние. Но дрожь и слабость организма лишь придавали ему неуверенности. Если их не остановила фамилия Данилевского, то что их остановит? Что может остановить тех, кто вознамерился убить его? Лишь то, что заставит их задуматься. — У меня есть важная информация. Готовится побег, они скоро сбегут у вас из-под носа!

Рука девушки с инструментом замерла в сантиметре от руки Кирилла. Санитары переглянулись и посмотрели на свою жертву.

— Хорошая попытка, — произнес один из санитаров, — коли давай, — приказал он медсестре.

Но девушка медлила. Она посмотрела в глаза Кира и убрала руку в сторону.

— Если говорит правду, то об этом нужно сообщить Кроберг и Мамонтову.

— А если врет? — настаивал тот же санитар.

— Побег готовит Таш — староста. С ним еще пять человек, — Кир был убедителен.

Санитары медленно отошли от кресла. Обменявшись кивками, один из них вышел из лаборатории, другой остался возле двери. Медсестра отложила катетер на стол и через панель управления приостановила запланированную операцию по забору крови. Кирилл удовлетворенно вздохнул. Его дрожащее тело выпрямилось в кресле. Он тяжело дышал, но на лице появилась улыбка облегчения. Он смотрел на дверь лаборатории жестким взглядом. Теперь он не террорист и он это точно знал. Бояться нечего. Теперь ему есть что сказать не только Мамонтову, но всемогущей Кроберг.

Сегодня Кирилл проснулся очень рано. Зимнее солнце не поспевало за молодым и энергичным вирусологом. Он поставил будильник на пять тридцать, но проснулся гораздо раньше. Волнение с каждой минутой заливало его новой холодной волной, и он не мог больше просто лежать и ворочаться на кровати. На часах без минуты пять. «Хватит лежать», — и его нога ступила на холодный пол. Кирилл усмехнулся, глядя в пол. Ему вспомнилось, какие мысли убаюкивали его разум, когда он ложился спать.

— Сегодня я с тобой уж попрощаюсь, — сказал он, выдерживая тон победителя.

Кирилл поправил растрепанные волосы и направился в ванную.

В отражении зеркала на него глядели уставшие глаза, завязшие в темных кругах. В последнее время тревожные сны стали частыми гостями в его голове. Немного отросшие каштановые волосы, небрежно уложенные сном. Пора было идти к парикмахеру. В противном случае, скоро на укрощение растрепанной шевелюры будет уходить непозволительно много времени. Четырехдневная щетина скрывала плавный, немного женственный изгиб подбородка. Отсутствие выдающихся мужских скул, которыми обычно гордились парни, всегда расстраивало его. Одно время Кирилл грезил обратиться в клинику красоты, где ему подправили бы черты лица, сделав их более мужественными. Но вместе с тем, Кирилл всегда утешал себя тем, что его темно-карие глаза и идеальный нос вкупе с высоким лбом делали его очень привлекательным. Ему не хотелось лишаться этого и, вскоре, он смирился с отсутствием угловатых скул. Высокий, среднего плеча — он всегда был удостоен внимания женских сверкающих глаз. Только сейчас все портила излишне длинная щетина, которая больше походила на брезгливую недобороденку. Впрочем, несмотря на желание вырваться поскорей из холодной ванной, Кирилл решительно вынес щетине приговор — сбрить.

Кирилл работает в Биологическом научно-исследовательском центре имени Н. Ласара, старшим сотрудником лаборатории по исследованию особо опасных заболеваний. Еще в университете он продемонстрировал агрессивное рвение в исследовании вируса нулевого иммунитета, носителем которого была его мама — Екатерина Семиовская. ВиНИ, как его называли, всегда появлялся неожиданно и на последней стадии развития приводил к возникновению синдрома отмирания клеток организма — СОКО. Несмотря на множество исследований и изобретение купирующих лекарств, ВиНИ не удавалось остановить. Он обладал большой адаптивностью и быстро находил способ противостоять лекарствам, которые ограничивали его деятельность в организме и снова «выключал» клетки. Самым большим риском в борьбе с ВиНИ являлось то, что после перерождения, он становился более агрессивным. А рубеж, когда проявится СОКО мог быть пересечен неожиданно, что негативно сказывалось на лечении пациента. Всего же у ВиНИ было четыре основных вида. И три из них приводили к развитию синдрома отмирания, большинство от которого умирали на второй стадии. Примерно 15 процентов заболевших доживало до третьей и лишь пять процентов переходили в самую жуткую четвертую стадию, при которой пациенты сохраняли только лишь сознание и работоспособность мозга. Их цинично называли «говорящими овощами». Большинство просили об эвтаназии. Ведь речь о выздоровлении уже не шла. Тело вернуть к жизни было невозможно. Оно доживало последние месяцы. Министерство науки

предписывало поддерживать жизнь таким пациентам до последнего, так как больных СОКО в четвертой стадии было не много, а данные о вирусе нужно было как-то получать. Конечно же, это предписание было негласным. Однако исследовательская наука была прежде всего. И когда кто-то из врачей из жалости отключал таких больных от аппаратов жизнеобеспечения, то тайным арбитром всегда выступало Министерство науки. Наказание было жестоким — прекращение медицинской практики до конца жизни. Министерство здравоохранения во многом подчинялось Министерству науки. Что делало открытую конфронтацию маловероятной. Провинившихся врачей всегда подводили к плахе, установленной с научной точностью.

Кирилл прекрасно знал, что ждет его маму. Сейчас она находилась в приграничном состоянии и вскоре может развиться синдром отмирания. В институте он поставил перед собой главную цель — найти союзника в исследовании вируса нулевого иммунитета. Ему стоило больших усилий заинтересовать своего научного руководителя Владимира Долматова в перспективности своей работы. И одаренность Кирилла сыграла в этом не последнюю роль. Долматов видел в новом студенте свое отражение: замкнутый, не умеющий завязывать нужные знакомства, но идущий на пролом любой стены. И что самое удивительное: ни одно препятствие не останавливало Кирилла. Ведь его главным мотиватором была больная мама. На втором курсе Долматов внял доводам упорного студента, и они принялись вместе изучать ВиНИ.

Кирилл знал вирус как положено истинному противнику знать своего врага. С двенадцати лет, он со старшей сестрой наблюдал за медленным угасанием матери. Он вел дневники, читал литературу. Окончив школу в шестнадцать лет, он пошел на подготовительные курсы в Екатеринодарский институт вирусологии. Он выбрал его. Осталось учебному заведению выбрать Кирилла. Как довольно часто происходит, таких как Кирилл, быстро заметили. И даже отсутствие денег на обучение не стало для него преградой. Его ум был нужен институту и его взяли на бюджетное место.

На третьем курсе Кириллом заинтересовался военный исследовательский институт. Коллекторы предложили одаренному третьекурснику перейти к ним и заняться военными разработками. Однако Кирилл отказался. Он не мог оставить исследования ВиНИ. Даже когда коллекторы из военного института пообещали не препятствовать его работе с вирусом нулевого иммунитета, Кирилл не согласился. С Долматовым они почти три года изучали ВиНИ и добились хороших результатов. Бросать исследования и лишать себя важного союзника в лице научного руководителя Кирилл не желал. К тому же он считал невозможным изучение особо опасных заболеваний под покровительством военных. Хотя потом он пожалеет, что отказался от щедрого предложения людей в погонах. Кирилл остался в своем Екатеринодарском институте и вместе со своим профессором Владимиром Долматовым продолжил исследования.

Близился шестой, завершающий год обучения. Реальность рисовала перед Кириллом необходимость перевода исследований на более высокий уровень. В какой-то момент его гению стало тесно в провинциальном институте. Все чаще Кирилл задумывался о Петрополисе — столице биологической инженерии. Но посылаемые запросы в крупные исследовательские центры не приносили ожидаемых результатов. Все до одного медицинские институты отвечали одинаково: «недостаточно практических данных», «бесперспективность исследований» и гранта никто не давал. Но Кирилл был непреклонен. Он верил в то, что лекарство от ВиНИ можно найти. Довлатов предложил Кириллу остаться

в стенах родного института и работать с ним, преподавать. Обдумывая, по сути щедрое предложение научного руководителя, Кирилл пришел к выводу, что его исследования застрянут на теоретическом уровне, останься он в родном городе. Большая тень вопроса нависла над перспективами продолжения карьеры. Мать и сестра — Маргарита, немногочисленные знакомые, уговаривали поумерить пыл и заняться тем, что у него уже в руках. Но Кирилл желал большего. Он знал себе цену и цену своей работе. Для него было немыслимо прозябать где-то в захолустье: изучать тараканов, лягушек и преподавать студентам основы вирусологии, когда он шагнул на сотни шагов дальше. Он выбрал свой путь. За пару месяцев до окончания института он провел последний опыт над вирусом ВиНИ. Кирилл даже забыл о выпускном дне и вручении дипломов. Когда прозвучало его имя, никто не вышел к трибуне. Вместо него документ получил профессор Долматов.

Кирилл сидел в своей студенческой комнате, когда к нему вошел его научный руководитель. В руках своего, уже бывшего студента, он увидел листок. Ему знаком был герб на конверте. Письмо было из Биологического исследовательского института в Химграде. Кирилл объяснил, что три дня назад послал им результаты последнего теста с ВиНИ и сегодня получил ответ. Его пригласили на учебу в БиоНИЦ, однако учитывая ее дороговизну, ему предлагалось место младшего научного сотрудника в лаборатории микровирусов профессора Данилевского. Исследование ВиНИ было признано перспективным и Кириллу предложили практически претворить в жизнь свои выводы по вирусу. Так Кирилл стал работать простым лаборантом в Биологическом научно-исследовательском институте в Химграде — в одном из самых почитаемых наукоградов под Петрополисом.

Спустя год обучения и работы в БиоНИЦ, Кирилл не смог сильно продвинуться вперед в исследованиях ВиНИ. Оглядываясь назад, он с отвращением осознавал, что основной его работой стало препарирование жаб и грызунов, зараженных ВиНИ и другими менее интересными вирусами. Ценой за это было одиночество и тишина. В родном городе осталась пара друзей, которые идеально выполняли свою функцию и терпели своенравие Кирилла, дома остались мама и сестра. Все это Кирилл променял на шанс успешной работы. На то что он, как умел, продемонстрирует себя, покажет с наилучшей стороны и его обязательно заметят. Он сможет выбить еще один год бесплатной учебы и сможет работать над исследованиями ВиНИ.

Если с обучением из года в год обстояло все более или менее стабильно, то все его серьезные начинания на практике наталкивались на глухую стену. Никто не воспринимал всерьез сначала первокурсника, потом и третьекурсника. Пять лет он оставался в роли дипломированного «разнорабочего» лаборатории. К концу пятого года работы и учебы, Кирилл оказался перед выбором: бросать учебу и работать младшим помощником, получая гроши и влачить на них бедственное существование, или же возвратиться в Екатеринбург и возобновить исследования там. Такая мысль посещала его все чаще.

Кирилл не понимал, зачем он в БиоНИЦ и для чего его пригласили сюда, если не дают возможности продвинуться в исследованиях. Все оказалось не так, как он того ждал. Он считал себя выдающимся ученым, ведь в Химграде иных не было. А что дома? Дома, конечно же, будет легче. Там мама и сестра, они так усердно зовут обратно. Маргарита очень удачно вышла замуж. Она в каждом телефонном разговоре звала младшего брата домой, обещая, что поможет и финансово, и с работой. Но каждый раз Кирилл напоминал ей о цели своей работы. Это же он говорил и себе. К тому же мама и сестра понимали, что если Кирилл вернется домой, то им больше не видать дорогих лекарств, которые он привозит из

Химграда. Работая в БиоНИЦ, Кирилл имел большие льготы на самые дорогие препараты. Среди них были и передовые разработки в области купирования ВиНИ. Кирилл ездил домой два раза в год: весной и осенью. С собой он обязательно привозил лекарства: несколько десятков ампул, порошков и микроинъекций.

Гостил он у сестры. В ее большой квартире хватало места и для него, и их матери. Кирилл внимательно наблюдал за состоянием мамы. Семь дней, которые он был у родных, он сам колол ей инъекции. Он приучил и сестру, и мать вести подробный дневник течения болезни. В электронных блокнотах было огромное количество информации. Екатерина Валерьевна послушно выполняла указания сына. Он всегда ласков с ней. Он входил в ее комнату каждый раз с улыбкой. Первой в дверях появлялась рука с пакетом. Тряся его, Кирилл произносил из-за двери: «Колокольчики-укольчики приехали». Екатерина Валерьевна не могла сдержать радостного смеха. Она вставала с кровати и бежала к двери. В комнату входил Кирилл с сияющей улыбкой. После чего он раскладывал лекарства по порядку в шкафчики и ящички. Екатерина Валерьевна особенно любила овальные ампулы с оранжевыми бирками. Это был ее любимый цвет, и она всегда смотрела на них без страха и подолгу рассматривала, когда Кирилл или Маргарита доставали их во время уколов.

По возвращении в Химград, Кирилл привозил с собой несколько проб крови, волос и кожи своей матери. Он больше напоминал не сына, съездившего домой отдохнуть, а врача, посещавшего пациента. В БиоНИЦ Кирилл внимательно изучал образцы. Он смотрел, насколько ВиНИ изменился и как приспособился к лекарствам. И каждый раз результаты тестов были удручающими: вирус ускорял темпы своей мутации и вскоре двух визитов домой будет уже недостаточно. Но чаще ездить он не мог, а пересылать лекарства посылками было запрещено. Находясь дома в Химграде, Кирилл просил скидывать все наблюдения ему на электронную почту. Это было необходимо для корректировки исследований ВиНИ и изменения дозировки лекарств.

Через две недели Кириллу снова предстояло отправляться домой. Показатели, пересылаемые сестрой, были стабильными. Вирус успешно купировался. Хотя еще четыре года назад, врачи предсказали ей развитие синдрома отмирания, который начнется с кожного покрова. Но этого не происходило. И в том была заслуга лекарств, привозимых Кириллом. Прошло пять лет, и все чего он добился это должность извозчика. Он поставлял зелья да снадобья. И больше ничего. Медленные шаги в работе над лекарством от ВиНИ и отчеты, и анализы, которые присылали из дома, все чаще подводили Кирилла к выводу о том, что подавление вируса скоро прекратится. Он чувствовал, что уткнулся в невидимую стену, которую неспособен пробить. И это заставляло его чувствовать себя ничтожеством. Он надеялся на лучшее, продолжая ощущать себя отбросом научного мира.

Такую жизнь Кирилл ненавидел и презирал. Каждый раз, возвращаясь домой, он с ненавистью смотрел на свою халупу и ее холодный пол. В этой квартирке все было ему противно: разваливающаяся кровать, единственная тумбочка, покосившийся деревянный шкаф, дверцы которого не закрывались. Они скрипели каждый раз, стоило к ним прикоснуться слабому сквозняку. Даже сам себе Кирилл становился противен, стоило ему войти в эту конуру. Единственное что он любил — это окно. В него он часто смотрел по вечерам, когда приходил с работы. Далеко на горизонте сияла его мечта — Петрополис. Каждую ночь город накидывал огромную мантию из сотен тысяч драгоценных камней, святящихся в ночи. Кирилл смотрел и представлял себя надевающего эту мантию. Он когда-нибудь войдет в этот город и скажет: «Я твой хозяин!» Но сейчас лишь голые стены

окружали его. Он сделал свой выбор — остался в маленьком научном городе для того, чтобы спасти близкого и дорогого человека. Ему было здесь душно, но именно БиоНИЦ мог помочь ему в этом и стать дорогой на Олимп. В зачатке у Кирилла были деньги лишь на ближайший месяц. В течение шести месяцев он может учиться, не вспоминая об оплате, но потом из деканата придет извещение об оплате последнего курса. Судьба играет с ним. То дает надежду, то снова ее отбирает, словно леденец у малыша. Только, в отличие от ребенка, Кирилл не рыдал. Он даже удивлялся себе порой, но еще ни разу слезы не уронили чести немого страдальца.

Кирилл стоял и смотрел в окно. Туда, куда зовут его мечты. Там, в самом центре маленького ученого города, среди самых ярких и притягательных огней, проходил научный съезд, на который съехались все крупные мужи научного мира. Там: куча фотографов, толпа журналистов от крупных научных изданий, деньги инвесторов, — все, что так желал Кирилл. И все это он собирался получить в самое ближайшее время. У него были годы исследований и работы. Некоторые ученые, профессора, ее даже хвалили и удивлялись, почему Данилевский не продвигает Кирилла. У него в распоряжении шесть месяцев. Он не просто должен был что-то сделать, но и придумать как ему быть. Кирилл бросил последний взгляд на горизонт и стал укладываться в кровать, стараясь ее не раскачивать, чтобы она не развалилась, как два дня назад. Он натянул на себя одеяло. Укрылся с головой и закрыл глаза. Нужно выспаться. Завтра ответственный день. «Завтра ты купишь себе билет в будущее», — приободрял себя Кирилл. Хотя эти слова были столь знакомы ему, что они стали для него ночной традицией, так часто он их себе повторял.

И сегодня Кириллу нельзя было опаздывать. Он хотел прийти раньше всех. Взглянув на себя в последний раз в зеркало, Кирилл вышел вон.

На часах было шесть часов утра. По расчетам Кирилла, в институте кроме вахтера и охраны никого не должно быть. Он подошел к стеклянным дверям массивного фасада института и, постучав три раза, стал ждать. Через минуту к двери подошел охранник-вахтер. Он спросонья протер глаза и посмотрел сонным взглядом на того, кто потревожил его покой. Дверь пропищала и распахнулась.

— Кирилл? — вахтер узнал младшего сотрудника.

— Доброе утро Анатолий Сергеевич, извините, я сегодня рано, — учтиво поздоровался Кирилл.

Анатолий Сергеевич давно работал в БиоНИЦ. Сначала он был простым охранником потом стал главой отдела безопасности центра. Когда же возраст стал давать о себе знать, Анатолий Сергеевич попросился на работу менее сложную и ответственную. А так как его любили и знали многие в руководстве, ему пошли навстречу и дали право выбирать. Он выбрал быть охранником на вахте. Многие не могли понять, как начальнику отдела безопасности пришло в голову сесть на место вахтера. Однако многие с этим примирились, узнав, что это понижение Анатолий Сергеевич выбрал для себя сам.

— Решил все же доработать? — поинтересовался вахтер.

— Надумал, пока Кирилл Иванович не пришел.

— Ну, давай, проходи. У меня еще полчаса было, а ты тут...

— Простите еще раз...

— Да ладно... — Анатолий Сергеевич осмотрел Кирилла. У Кирилла в руках был небольшой кейс. — Порядок знаешь... — Иди уж. А то этот ирод с тебя не слезет, — покровительственно добавил старый охранник.

Кирилл довольно кивнул и прошел внутрь, мимо высоких вертикальных парных колон по три справа и слева. С улицы они были почти неприметными. Служили они первой линией внутренней обороны. Они считывали посетителя: сканировали и просвечивали.

Кирилла встретил холод просторного, в четыре этажа высотой, главного холла. Покрытый синим мрамором пол всегда жадно впитывал тепло и никак не мог согреться. Даже в самую жаркую погоду внутри главного холла стояла приятная прохлада. И огромные панорамные панели фасада никак не помогали редкому солнцу Химграда с обогревом. И если летом это было скорее плюсом, то зимой тепла в просторном и пафосном парадном холле было всегда мало.

По правую руку от входящих, на почтительном удалении, за толстым стеклом, находилось помещение охраны. Где до недавнего времени досматривал сны вахтер Анатолий Сергеевич. В рабочее время за окном и главным пультом всегда находятся два охранника. Напротив, слева от Кирилла, находилась небольшая автогардеробная. Она была предназначена для редких гражданских визитеров. Обычно это были чьи-то родственники или посетители, которым запрещалось перемещаться в верхней одежде. Почти в центре холла стоял полукругом пост регистрации посетителей. От него вправо и влево через равные промежутки тянулись невысокие колонны высотой до пояса, напоминавшие те что у входа. Они зрительно делили холл на две неравные части и больше напоминали границу, переходя через которую ты попадаешь в другой, научный мир.

Справа и слева находились большие зоны для приветствия гостей. Правая отличалась тем, что плавно перетекала в уютное кафе. Что было немного удивительным, ведь уют и ученость — редкие соседи. Левая гостевая зона выходила окнами на красивый зимний сад. Между иссиня-черными диванчиками и креслами как-то незаметно вписывались все те же колонны, которые вообще были повсюду, стоило лишь обратить на них внимание. Через час с небольшим здесь будет неспешно работать персонал и охрана, лениво бдящая за размеренным течением жизни в прославленном биоцентре.

В противоположной к выходу стене находились четыре лифта. Их изящно обрамлял огромный белый барельеф, расплзшийся на всю огромную стену. На нем были изображены выдающиеся русские ученые-биохимики. Всего фигур было 27. В руках семи из них находились семь постулатов Министерства науки, ставшие догматами российской современной науки. Они сложились из практики видных ученых-первооткрывателей и были приняты и утверждены более ста двадцати лет назад. У каждого постулата есть своя история. У некоторых настолько кровавая, что возникало много споров о включении такого подхода в главный документ Министерства. Но как бы то ни было, сформированные много десятилетий назад семь постулатов звучат так: истина — наука, наука — истина; развитие невозможно без совершенства; пути познания и их цели не связаны моралью; ученый связан лишь одной этической нормой — служением обществу; научное доказательство — закон Федерации; научное исследование, поиски и опыты не могут ограничиваться; науке не следует быть статичной, ее надлежит развивать, продвигать и дополнять, являя эволюцию существования человечества.

Над фигурами ученых изображались расшифрованные цепочки ДНК и множество моментов из научных открытий. Венчали барельеф три одинаковых по размеру герба. Центральным среди них был золотой двуглавый орел Российской Федерации, справа находился двуглавый серебряный орел со свитком постулатов науки в когтях, слева — герб Биологического института, на котором была изображена голова человека и выходящая из нее

цепочка ДНК. Кирилл любил этот барельеф. Он уделял любованию им несколько минут по утрам, когда приходил на работу. Сидящие сверху золотой и серебряный орлы всегда пленили взгляд. Они грозно и повелевающе, зорко осматривали каждого вошедшего в холл. «Как будет жалко, если он разобьется», — Кирилл поймал себя на этой неожиданной и странной мысли. Он помотал головой, отгоняя дурное.

— Кир, ты чего? — вахтер хлопнул Кирилла по плечу.

Тот аж вздрогнул, словно очнувшись ото сна, и отпрянул от охранника как от огня. Кейс глухо шлепнулся на мраморный пол, запустив эхо вдоль стен.

— Ты чего это?! — Анатолий Сергеевич сам перепугался.

Кирилл пришел в себя.

— Не проснулся еще что ли? — успокаивал сердце Анатолий Сергеевич.

— Наверно, засыпаю на ходу... — произнес неуверенно Кирилл и поспешил поднять с пола кейс.

Кирилл стер со лба испарину. Он ухватился за слова вахтера и решил, что заснул. Не может же ни с того ни с сего привидеться, что барельеф на стене треснул. Кирилл осмотрел чемоданчик. Вроде и не падал.

— Надо спать побольше, — сделал вывод Кирилл и направился в левый коридор, в который были вмурованы все те же охранные колонны. Он остановился у входа в коридор. Поднял голову и посмотрел куда-то в потолок. Там была видеокамера. Обычному глазу она не заметна и мало кто знает, что она там есть. Кирилл помахал рукой, словно кого-то приветствуя, и вошел. Свернул направо и только вперед. Прибавив ходу, Кирилл быстро проносился мимо кабинетов. Перед следующим поворотом он остановился. Прислушался. Ничего не слышно. Он повернул и пошел дальше. Пока, наконец, не вышел в небольшой холл, где находились три лифта, которыми пользовался исключительно персонал. Кирилл подошел к одному из них и только собирался нажать на кнопку вызова, как его что-то остановило. Он убрал палец от кнопки и стал подниматься по лестнице, что была справа. Он взглянул на часы. Десять минут восьмого. Через час сорок минут начнут подходить сотрудники института. Кирилл поспешил. Он бежал по лестнице, отсчитывая этаж за этажом, пока не оказался на шестом. Приводя дыхание в норму, Кирилл вслушивался: нет ли кого за дверью. Он вошел в холл и спокойным шагом проследовал вперед по левому коридору от лестницы.

Кирилл дошел до двери с номером 640 и табличкой «Лаборатория микровирусов». Он ввел свой код на панели электронного замка и дверь шипя открылась. Кирилл вошел в лабораторию. Освещение уже было включено. Он подошел к большому приборному столу, нажал несколько кнопок. Лабораторию заполнил тихий монотонный звук. На противоположной стене от большого стола стали открываться ставни. Недавно монолитная, непроницаемая стена оказалась прозрачной. За ней находилось помещение раза в три превосходящее то, где находился Кирилл. Это была сама лаборатория, где проводились все исследования микровирусов. В прозрачной стене была одна единственная дверь в шлюз-кабину, где могло поместиться до десяти человек. Из шлюза, еще одна дверь, в саму лабораторию. Точнее в центральную ее часть. В самую дальнюю лабораторию, где работали с самыми опасными микростаммами вирусов, преграждала еще одна прозрачная стена. В которой тоже был небольшой тамбур, но уже для двоих человек.

Кирилл посмотрел на часы. Уже скоро начнут приходить сотрудники. Нужно поторапливаться. Кейс небрежно шлепнулся на рабочий стол. Кирилл зашел в небольшую

гардеробную, где снял верхнюю одежду и накинул белый халат. Взял из своего стола электронный блокнот и подошел к двери шлюза в лабораторию. Ввел свой код. Дверь открылась. Из отверстий в стенах Кирилла обдал белый пар. Раздался звуковой сигнал, дверь, окрасившись в прозрачный зеленый, открылась. Кирилл поспешил к рабочему месту.

На приборном столе он подключил свой электронный блокнот. Записи с него показывались на большом мониторе рядом. Это были данные наблюдения, сделанные его матерью и результаты предыдущих анализов, которые прислала Маргарита. Кирилл ввел команды на панели и из стены показались механические руки робота-ассистента. Из столов появились полузакрытые и закрытые боксы. Руки-помощники быстро расставляли мензурки, колбочки, реактивы с бактериями и инструменты, необходимые для работы. Кирилл нажал еще несколько кнопок. Из стола поднялась центрифуга. Нажатием еще нескольких кнопок, Кирилл отдал указание роботу-ассистенту делать другую работу, в соседнем полузакрытом боксе. Кирилл же надел перчатки и защитную маску, после чего поместил пробирку с надписью «ВиНИ I.E.V.C.» в шлюз манипуляционного бокса. И не теряя ни секунды сунул руки в рукава камеры и вытащил пробирку с вирусом нулевого иммунитета, взятого у матери. В другую руку он взял микропипетку, еще несколько пипеток находились перед ним на штативах. С их помощью Кирилл разделил жидкость со штаммом ВиНИ по разным пробиркам. В этом ему помогала еще одна пара механических рук. Вместе они разливали жидкости и расставляли пробирки по порядку. Робот-ассистент перехватывал из рук Кирилла пробирку, вместо нее отдавал свою. Их движения больше напоминали тщательно отрепетированный танец живых и механических рук, что порхали над столом, передавая и расставляя нужные предметы и инструменты. Они как одно бионическое целое — человек и машина думали об одном, понимали микродвижения друг друга и делали одно общее дело.

Добавив в каждую дополнительный реагент, Кирилл поместил пробирки в центрифугу. Как только барабан останавливался, он вытаскивал пробирку и оценивающе смотрел на абсолютно прозрачную смесь жидкостей. Пробы образцов он помещал под электронный микроскоп и смотрел на монитор. После делал экспресс-анализы составов жидкостей, остановив выбор на одной из них. Кирилл вытащил из центрифуги нужную пробирку. Он наклеил на нее белый стикер и написал: «ВиНИ II». Вирус искусственно перешел во вторую стадию.

Кирилл нажал несколько кнопок на пульте, и механические руки взяли пробирку и поместили ее в вакуумный бокс. Кирилл наблюдал за пробиркой и за тем, что будет с препаратом, при этом он медленно повышал температуру в боксе. Но ничего не происходило. Кирилл посмотрел на часы. На лбу выступила испарина. Нужно было активировать вирус. Для этого он приказал механическим рукам ввести в жидкость штамм «патологии б». Стоило новому вирусу оказаться в питательной среде, как началось противостояние. Внутри жидкости появились первые признаки теплового воздействия. Кирилл посмотрел на время, потом на датчик температуры. На узком прямоугольном электронном мониторе, прикрепленном внизу бокса, зелеными цифрами высвечивалось число — плюс 256 градусов по Цельсию. Кирилл был сильно удивлен. Эта цифра его напугала, как и то, что происходило с вирусами. Он оставил температуру на этом уровне и продолжил наблюдать. Кирилл снова посмотрел на часы. Стрелки не стоят на месте, в отличие от него. Он начинал злиться. Больше ничего не происходило. Терпение таяло, словно лед под ярким солнцем.

Вдруг система бокса подала звуковой сигнал. И на маленьком экране высветилась

формула вещества и ее графическое изображение. Рядом с формулой высветилась стрелка перехода, означающая, что вещество меняет свой состав. После стрелки начали высвечиваться символы новой формулы. Пока на экране не показалась вся сложная структура нового вещества. А рядом с новой формулой красными буквами было написано «регенерация завершена». Пораженный прочитанным, Кирилл не мог выдать из себя ничего, кроме: «Что за черт?». Он не мог понять, почему система выдала именно такое заключение. «Регенерация?», — как такое возможно.

Из формулы выходило, что ВиНИ перестал существовать, на его месте образовалось новое соединение. Но куда делся сам вирус? Кирилл посмотрел на жидкость в пробирке. Она переливалась неким прозрачным светом и сияла, словно расплавленный бриллиант. Будто сотни граней алмаза постоянно хаотично перемешиваются внутри пробирки, неспешными волнами гуляя по всему объему вещества, то неожиданно сливаясь в одно однородное вещество, преломляющее свет словно призма. Кирилл приказал механическим рукам взять вещество на анализ. Не вынимая пробирку из бокса, механические руки микропипеткой сделали забор пробы. Часть поместили под микроскоп, другую отправили на анализ. На мониторе отображалась микроклеточная структура жидкости. Но вместо вируса нулевого иммунитета находился совершенно иной, невиданный до этого, вирус. На лице Кирилла появилась легкая улыбка. В воздухе повеяло надеждой на то, что ВиНИ все же подвержен уничтожению. Но сначала надо выяснить, что за вирус находится под микроскопом. Кирилл еще раз посмотрел на экран над боксом. Надпись «регенерация» приковывала к себе. Кирилл направил в бокс исходную пробу ВиНИ своей матери. Механические руки с помощью микропипетки добавили вирус нулевого иммунитета в пробу к новому регенерированному веществу. Глядя на монитор, Кирилл продолжал наблюдать за тем, что будет происходить. ВиНИ, попав в чужеродную среду, начал немедленно атаковать клетки в новой жидкости. Его агрессивность была поразительна. За несколько секунд он полностью поглотил все клетки, превратив их в своих клонов. Кирилл был разочарован. У него получилось непонятное вещество. Может даже новый вирус, но это было не важно, если его поглотил ВиНИ, да еще и с такой жадностью. Кирилл приказал механическим помощникам уничтожить образцы. Но сохранить новое вещество в запаянной ампуле — он займется им позже.

Кирилл бросил последний взгляд на монитор. Но вдруг его взгляд зацепился за странное поведение вируса ВиНИ. Отменив предыдущий приказ, Кирилл наблюдал. Вирус пожирал сам себя и нападал на клонов. Беспорядочно делясь, он начал еще быстрее разрушаться. Пока, наконец, из ВиНИ не появился вирус, точно похожий на тот, что был в новом веществе. Кирилл осторожничал в мыслях. Он решил еще раз проанализировать жидкость. Через несколько секунд на мониторе появилась надпись: «вируса нулевого иммунитета не обнаружено». Победа? Осторожно радовался он. Неужели... Кирилл смотрел на монитор боясь поверить. Неужели получилось?! Как же хотелось воскликнуть! На его глазах был уничтожен вирус ВиНИ! Нужно было понять, что это за регенерированное вещество Кирилл посмотрел на пробирку, где оно находилось, но вместо прозрачной жидкости увидел мутное вещество с небольшим осадком. Кирилл испугался. Что произошло? Поместив вещество под микроскоп, он увидел, что в ней нет ни одного вируса. Лишь непонятные клеточные останки. Раствор выпал в осадок, нового элемента больше нет. Механические руки вновь поместили пробу с мертвым ВиНИ. Она тоже темнела. Тело неизвестного вируса подергивалось и извивалось. Словно его что-то испепеляло до тех пор, пока он полностью не

разрушился. Мысли ударились в панику. Что произошло?! Что это все значит?! Кирилл пытался взять себя в руки. Новый образец вируса, получился из ВиНИ II и его скрещивания («патологией б» при температуре 256 градусов по Цельсию. Однако система не определила его как вирус. Наоборот, она использовала слово «регенерация». Что это может означать? Из вируса нулевого иммунитета и «патологии б» получилась новая клетка? «Позитивный вирус...», — проговорил Кирилл. Недолговечный вирус, судя по продолжительности жизни. Или же что-то привело к его гибели. Как бы ни было, но именно этот новый вирус убил ВиНИ.

Кирилл потирал голову — результаты воодушевляющие. За многие месяцы микрошагов в исследовании, он наконец-то получил какой-то результат. И это заслуживает отдельного внимания. Осталось провести испытания на человеческих клетках, посмотреть на агрессивность нового вируса — действительно ли он может быть позитивным. Кирилл с упоением произнес эти три слова. Ведь о подобном мечтали многие ученые. Поколения гениев-вирусологов пытались получить в своих опытах штамм позитивного вируса, способного адаптироваться к любому агрессору. Теоретически этот позитивный штамм поглощал в себя смертельный вирус и обращал его же действие против него. Генетическая ловушка для любого вируса. Проблема была в том, что в одном вирусе должны были быть совмещены десятки тысяч генетических вариаций, позволяющих идентифицировать вирус-неприятель. Но то, что увидел Кирилл, было куда лучше. Его кандидат на звание позитивного вируса содержал лишь две принципиальные основы ДНК вирусов — ВиНИ II («патологии б»). И это позволило сделать из них нечто, что убило ВиНИ.

Надпись на мониторе над боксом сообщила, что вирусов внутри не обнаружено. Кирилл улыбнулся. Он нажал несколько кнопок, и механическая рука вынула из бокса пробирку с темным осадком. Кирилл выхватил пробирку из рук робота и, ахнув от неожиданности, уронил пробирку на пол. Она была все еще горячей. По полу разлетелись кусочки пробирки, покрытые остатками выпавшего в осадок вещества. Кирилл вздрогнул. Он схватил дрожащей рукой пинцет со стола и поднял самый большой осколок пробирки. Медленно стекающий темный осадок испаряясь образовывал матовую корочку на стекле. Кирилл посмотрел на часы. Времени нет. Осталось лишь совсем ничего — на уборку. Он был взбудоражен и в то же время сильно подавлен. Его воодушевляло, что ему удалось получить новое вещество. Но и произошедшее с пробиркой пугало не меньше.

Кирилл осторожно собрал все видимые осколки и поместил их в утилькамеру. Все остальное уберут чистильщики. На панели управления он запустил программу отчистки и обеззараживания. Кирилл снял перчатки и маску и положил в специальную урну — ими тоже займутся роботы-помощники. После чего поспешил на выход.

Он зашел в кабину, его обдало паром. Но дверь не открылась. Она была подсвечена красным. Кирилл посмотрел на панель у потолка. На электронном табло светилась надпись «нет действия». Кирилл не мог ничего понять. Нет действия, значит, анализатор уловил неизвестный биоматериал и стандартное обеззараживание не помогло. «Но как оно могло попасть на меня?», — кричал про себя Кирилл. «Пробирка!», — пронеслось в голове. И сразу завертелись дурные мысли. Кирилл посмотрел на часы — вот-вот начнут заступать на рабочие места сотрудники. А он в шлюзе с красной дверью. Его запрут как заразившегося. Изолируют и наверняка выгонят с работы и учебы. Слабость и холод пробежали галопом по всему телу. Он мгновенно покрылся испариной, страх начал овладевать им. Нет черт подери! Так не должно закончиться. «Если в пробирке получилось новое вещество, которое попало

на меня, — рассуждал Кирилл, пытаясь окончательно не впасть в глубокую панику, — то откуда система знает, что я заражен чем-то? Она не знает, не может знать!» Кирилл подошел к пульту на стене. И стал что-то вводить. На экране под потолком вместе со звуковым сигналом высветилась надпись: «Обнаружено постороннее вещество». Кирилл пнул стену. «Гадство! Но ведь лаборатория не подняла тревогу?», — дрожащим шепотом произнес он. Не прошло и секунды, как взбудораженные мысли уцепились за подсказку. Кирилл на мгновение задумался, и уже снова что-то набирал на командной панели. На экране высветилось: «Выполняется». Из боковых отверстий шлюза Кирилла снова обдало паром, но уже с синеватым оттенком. Он поднял руки и вертелся в аэрозольной смеси больше минуты, пока не раздался звуковой сигнал. На экране высветилось «посторонних веществ не обнаружено». Дверь окрасилась в прозрачный зеленый и открылась.

Кирилл выбежал из кабины словно ошпаренный. Его душил страх, сковывали навалившиеся мысли, а кровь предательски била в ушах. Оставалось лишь несколько минут до официального начала рабочего дня. Кирилл опомнился. В лаборатории за прозрачной стеной гудели чистильщики. Система защиты обрабатывала лабораторию. Подойдя к своему рабочему месту, Кирилл включил компьютер, запустил программу и принялся обрабатывать полученные роботами-ассистентами результаты. За то время, пока он трудился над своим веществом, механические помощники выполняли поручение, данное ему главным.

Профессор Кирилл Иванович Данилевский — руководитель лаборатории микровирусов, поручил младшему научному персоналу подготовить материалы для исследования «патологии б» — сравнительно нового опасного вируса, возникшего на основе мутировавшего вируса гриппа, а точнее его модифицированного аналога, который получил название — гриппон. Кирилл специально подгадал выполнение последних трех опытов, включая сегодняшний, к началу работы над «патологией б». Он рассчитал, что если немного изменит алгоритм выполнения мутации, то сможет сохранить три штамма «патологии» для своих опытов. Более того, ему нужно было ослабить агрессивность опасного вируса, что он и делал на глазах у всех, но в тайне от коллег.

Каждый младший сотрудник лаборатории занимался своей работой. Срок исполнения — пять дней. Однако гениальный Кирилл, благодаря своим ухищрениям, смог уложиться за три. Этим он собирался привлечь внимание руководителя лаборатории Кирилла Ивановича Данилевского. И Кирилл привлек его внимание, но не то, которое бы ему хотелось. Кирилл Иванович, со всей присущей ему надменностью, заявил о том, что не удовлетворен работой Кирилла и что впредь он должен подходить к выполнению поставленных задач более скрупулезно. Кириллу сделали официальный выговор за его поспешность. Хотя, на самом деле, все было не только в его гонке за результат.

Поручая младшим научным сотрудникам подготовку базы для исследований, руководство лаборатории намеревалось проследить за всем процессом видоизменения вируса гриппа. Предполагалось, что этим вирусом заразят несколько подопытных животных. При этом отбирая каждый раз на анализ кровь, испражнения, а также кожу. Ученые собирались изучить весь полученный материал и приступить к более важной процедуре уже на более высоком уровне доступа. Ученые намеревались произвести мутацию вируса гриппа в гриппон в «домашних», лабораторных условиях. Ведь до этого ни одному исследовательскому институту не удавалось проследить всю цепочку мутаций гриппа. И спешка в этом деле никому не нужна была.

Кирилл схитрил, опередил всех коллег, однако благодарности не последовало. После

выговора, ему оставалось лишь надеяться на то, что у других сотрудников получатся точно такие же результаты мутации. В противном случае его инициатива с форсированием, будет признана диверсией и его просто-напросто уволят. А чтобы Кирилл не скучал оставшиеся дни до пятницы, профессор Данилевский дал ему еще одно поручение для субботнего дня X, когда в институт съедутся крупнейшие вирусологи для проведения сложнейшего процесса мутации вируса гриппа. За оставшиеся два дня Кирилл должен был приготовить восемьсот унций концентрата вещества под кодовым названием «Н7». Этот стандартный концентрат нужен был в блоке Т, с самым высоким уровнем доступа. Заканчивать именно эту работу Кирилл поручил роботам, вместо того чтобы делать ее самому.

Сейчас Кирилл выводил на бумагу и передавал на электронные носители данные о получении концентрата. Как всегда бывает в особо сложных процессах, данная информация нужна в самый ответственный момент.

Предпоследний день перед выходными. И его Кирилл не собирался портить. Он не собирался никому ничего доказывать, выполняя свою работу в два раза быстрее остальных. На сегодняшний день его волновало одно — вещество, которое он сегодня получил. В течение дня он намеревался собрать больше информации о том, что могло привести к таким новообразованиям, которые синтезировались в пробирке. В дверь лаборатории постучались. Вернее будет сказать, дверь издала два коротких и один протяжный звук. Это был условный сигнал для Кирилла, что к нему пришли. Кирилл подошел к двери, ввел свой код.

За дверью стояла девушка в форме охранника. Это была Елана Нартова — командир одного из подразделений охраны института, по совместительству девушка Кирилла. Это был их условный сигнал. Когда Кирилл или Елана хотели увидеть друг друга, они нажимали на панели у двери определенные кнопки — два раза быстро и один протяжно. Это пицание сливалось в первые три ноты их любимой мелодии. Так они вызывали друг друга с рабочих мест.

Кирилл вышел из лаборатории и неожиданно обнял Елану, не обращая внимания на камеры слежения. Елана слегка оторопела от такой внезапной эмоциональности. Сдержанный Кирилл такого себе еще не позволял. Она почувствовала его тяжелое дыхание и то, как сильно бьется его сердце.

— С тобой все в порядке? — Елана посмотрела Кириллу в глаза.

Он ничего не ответил, только сильнее обнял любимую.

— Сегодня я провел опыт, который скоро сделает меня большим ученым... — не выпуская Елану из объятий, произнес позже Кирилл.

— И мне скоро не нужно будет условно стучаться к тебе, — с улыбкой произнесла Елана, намекая на свое скорое повышение. Тогда ей будут доступны все коды, всех дверей в институте.

— Я не о повышении говорю, — слова Еланы срикошетили от него, будто она о его повышении намекала, — я скоро стану знаменитым.

— Кир... — Елана с укоризной посмотрела на Кирилла. — Не все так просто, ты простой лаборант...

— Я знаю, но сегодня я... В общем, не важно. Просто верь мне.

В коридоре послышался звук лифта. Кирилл крепко поцеловал Елану и, набрав код двери, скрылся за ней. Елана не знала, как реагировать. Улыбаться или расстраиваться, радоваться за Кирилла или печалиться, что он снова начинает затуманивать себе голову призрачными высотами, с которых опять может сорваться?

Если что и могло произойти в этом мире экстраординарного, так это знакомство Еланы с Кириллом и их взаимная любовь. Елана не считалась красивой по современным канонам идеальной куколки с набором мутагенов. Среднего росточка, но решительная и заметная. Прекрасной в глазах других ее делали натуральные скулы и подбородок уголком. Грубоватые впрочем, в чем-то мужские даже, но она пленяла ими немало мужчин. В ней была заложена настоящая славянская крупная статья, обрамленная длинными черными волосами, за которые ее ненавидели соперницы. А искрящиеся волшебством глаза, манили к себе живым оттенком бледно зеленого. Никаких имплантатов роговицы и бионики цвета, делающего цвет глаз неестественно ярким. Ее называли идеалом поборники натурального женского тела. Но моделькой она не была. Крупные плечи, но прибранная фигурка с приятными изгибами стабильно манила взгляды обоих полов. Для истинных ценителей внешней красоты, Елана была моделью ушедшей чистоты женского тела. Впрочем, так говорили лишь когда она стояла на одном месте и была одета в платье. Когда же она начинала двигаться, то ее мужская походка, грубые неряшливые жесты выдавали засевшего глубоко внутри мужчину. При этом она могла позволить себе носить изящные туфли на тонком каблуке, но не шпильки. Она уверенно чувствовала себя в платье, ощущая свое сексуальное превосходство над слепленными из разных имплантатов женщинами и власть над мужчинами. Но подобных дефиле было не так чтобы много, просто куда милее туфель ей были берцы и брюки. И чем тяжелей на ней была одежда, тем сильнее она себя чувствовала.

В каком-то роде ее семья потомственных военных была знаменита тем, что на протяжении целого ряда поколений в их семье не рождались девочки. А когда родилась Елана, это вдруг стало событием не только для семьи. Елана могла выбрать красивую жизнь в оттенках розового. Несколько приглашений от агентств натуральной чистоты ее семья отвергла, когда их девочка была еще в школе. Делать из нее особенную родители не стали. Умная не по годам и будучи отцовского характера, она долгое время ничем не отличалась от своих троих братьев. Последняя по рождению, она всегда была равной им во всем и не раз доказывала это ввязываясь в драки и на равных неся ответственность за них. Поэтому ее выбор стал очевиден и в какой-то степени предсказуем, даже несмотря на возникший в семье раскол. Она поступила в Высшую академию витязей — самое престижное военное заведение Федерации. Причем Елана выбрала не какую-либо высокоинтеллектуальную специальность, которая требовала наличия очков, сутулой осанки и вечно блуждающего в мыслях взгляда. Она решила стать силовиком, выбрав факультет Синих Витязей. Его в свое время закончили и ее старшие братья. Академия ею была окончена с отличием. Ее заслуги перед заведением отметили даже кураторы из министерства обороны. Ей на мундир приколоты почетную медаль за исключительные боевые качества. Это было ее призванием. По рождению она была призвана хранить очаг, но выбрала взять в руки меч. Елана получила звание лейтенанта Синих Витязей и ей были открыты пути самосовершенствования и водружения своей карьеры на новые высоты. Чем Елана не замедлила заняться.

К концу учебы ей и троим ее сокурсникам предложили на выбор места распределения. Молодые курсанты могли отказаться от щедрых предложений государства, но за всю историю Академии витязей ни один курсант не сделал этого. Елана не была исключением. После поступления в Академию Елана нацелила мечту на службу в Ладожском космопорте. Выжить в этом вареве могли лишь цепкие и особо стойкие к перепадам политических температур и новых веяний современного этапа человеческого развития. Елана считала себя именно такой. Это был предел ее мечтаний.

Когда ей и ее друзьям предложили вписать желаемое место дальнейшей службы, она гордо взяла листок и вписала свое имя напротив строки «Ладожский космический порт». Ей не терпелось попасть в самый новый космодром России, который больше напоминал город. О чем может только мечтать человек службы внутренней безопасности?! Однако судьба распорядилась иначе. Рассмотрев желание лейтенантов-выпускников, военное ведомство определило Елану на службу в охрану Биологического центра в Химграде. Оставшись на службе, она не имела права отказаться. Это был крах ее мечты, но начало другой жизни. Она была верна заветам своей семьи и воспринимала любое препятствие как испытание прочности характера. И, стиснув зубы, Елана приставила ладонь к виску, приняла документ об окончании Академии и направление на службу.

Знакомство Еланы с Кириллом произошло не в БиоНИЦ. Оно просто не могло там произойти. Сферы деятельности Кирилла и Еланы были далеки не только по своей сути, но разделены физически. Елана работала в западной части исследовательского центра, а Кирилл в северной. 1875 метров — такова была длина пути от одного пропускного пункта до другого, между которыми находится сердце института — Большая исследовательская лаборатория. Туда стремились все сотрудники института. Или, по крайней мере, те кто желал продвинуться по службе и знать больше. Кирилл и Елана были из тех, кто хотел большего. Но все же встреча, которая повернула их души друг к другу, а сердца зажгла единым пламенем, произошла вне стен исследовательского центра.

Сегодняшний день для Кирилла выдался более чем обычным. Профессор Данилевский даже не обратил на него своего сурового внимания. Он ограничился лишь отстраненным взглядом, когда брал из рук Кирилла отчет о приготовлении концентрата. Кирилла это ничуть не смутило. Профессор всегда был сильно занят или строил из себя очень занятого. И чтобы ни было на этот раз, Кирилл понял, что день выдастся скучным и вялым, как и все дни младшего сотрудника. Рутинная работа всегда отнимает силы. Ее Кирилл ненавидел больше всего. Ее не надо было обдумывать, ломать голову, выводить формулы, решать возникающие задачи. Но это была его работа. Он выбрал ее сам. «В конце концов, ты идешь к своей мечте», — раз за разом утешал себя Кирилл.

Любимое место работы, к которому он стремился, где желал достичь высот. Он всегда представлял сколько здесь работает гениев. И быть равным им, а потом превзойти. Это было обязательным пунктом. Но сейчас его окружают лишь лаборанты. Обычные, ничем не примечательные серые мыши в белых халатах. Они сидят за своими приборными столами и упорно трудятся на благо лаборатории. Кирилл смотрел на них и невольно сравнивал их с собой. Равны ли они ему: насколько горят их глаза и сколько в них амбиций? Ему не нравилось, что среди его коллег в лаборатории много девушек. Он называл их пренебрежительно «туфельками», несмотря на то, что абсолютное большинство женщин носили обычные мокасины. Рабочая обувь была куда удобнее.

Кирилл мало общался с коллегами. Лишь когда это было необходимо, он вспоминал, что кроме него здесь работают еще семь лаборантов. Хотя со всеми у него были доверительные профессиональные отношения, один из лаборантов продемонстрировал Кириллу откровенное пренебрежение. Им был Константин Хавеев — неофициальная правая рука и заместитель профессора Данилевского. В институте он работает уже восьмой год. И, в отличие от Кирилла, за спиной у него была докторская степень и расположение начальства. Хавеева уважали и коллеги, хотя вспыльчивость его нравилась не всем.

Кирилл старался не замечать выпады Хавеева в свою сторону. Благо общались они

нечасто. Когда же их связывала общая цель, то каждый из них демонстрировал профессионализм. Для Константина Кирилл был надоедливой мошкой, вдруг залетевшей в окно. Хотя на самом деле его злила самоуверенность коллеги, которую Кирилл всегда с радостью выставлял напоказ, желая поразить Данилевского.

День медленно тянулся к концу. Мысли о произошедшем отходили на второй план. Однообразные и неторопливые движения рук, пальцев, глаз — все усыпляло. Кирилл знал лишь одно лекарство от этого — терпение. Он ждал конца рабочего дня, когда он придет домой и сядет за бумаги. Там он действительно сможет заняться настоящим делом.

Часы показали шесть часов вечера. Кирилл с облегчением вздохнул. Можно идти домой. Он неожиданно поймал себя на мысли, что забыл сходить на обед. Кирилл стоял и смотрел на большой циферблат под потолком, над столом руководителя группы. И мысль о том, что он не только забыл об обеденном перерыве, но и о том, что его, как всегда, ждала Елана за их столиком в кафетерии, пилила его совесть. Кирилл виновато потупил глаза. Он бросил последний взгляд на лабораторию за стеклянной стеной и оковы совести треснули по швам. «Это ради тебя», — этой мыслью он умирал мечущуюся совесть, которая звала его на встречу с Еланой у центрального входа.

Кирилл спустился на лифте вместе с коллегами в общий холл. В центре находились четыре широкие лестницы, ведущие вниз, на подземные уровни. На первом подземном этаже находились пропускные пункты и четыре эскалатора, которые доставляли сотрудников института прямо в метро. Все было продумано так, что два раза в день поезда метро с дополнительными вагонами, проходя свой обычный путь, забирают еще и сотрудников института. В тоннелях метро открываются пути в институтскую подземку и поезда, делая крюк, становятся служебными. Утром и вечером в три захода, поезда привозят и увозят сотрудников института. В каждом вагоне, который перевозит сотрудников, находятся по два сотрудника безопасности. Само же метро полностью закрыто от тоннеля стеной с дверями для вагонов. Сам же перрон метро принимает поезда только с одной стороны и рассчитан на одновременный прием двадцати вагонов в длину, однако обычно количество вагонов не превышает десяти.

Метро хорошо охраняется, так как считается самым уязвимым местом всего комплекса. В моменты, когда прибывают или уезжают сотрудники, внимание службы охраны особенно сконцентрировано. Экстремистские группировки неоднократно делали попытки проникнуть в институт через этот, как они считали, слабый участок. Однако вскоре стало ясно, что несмотря на кажущуюся уязвимость метро, укрепление его силовыми структурами, всевозможными датчиками, да и просто толстыми стенами, разработанными специально для подобных станций, делает его самой неприступной задней дверью.

Решив отправиться домой на метро, Кириллу придется сделать ненужный крюк: выйти за несколько километров от дома и шагать до квартиры пешком, либо садиться на автобус. И все эти ухищрения только для того, чтобы избежать встречи с Еланой. Сейчас в голове Кирилла ей не было места. Он не хотел отодвигать момент, когда засядет за свой стол и начнет анализ утреннего опыта. Он ждал этого очень долго: делал расчеты на бумаге, просчитывал ходы и варианты в уме. И сегодня утром у него что-то получилось. Он почти получил билет в высший мир. И Кирилл не собирался от этого отказываться. В его голове не было и мысли о том, что он обидит своим поступком Елану, когда она устанет ждать. Когда она в последний раз посмотрит на здание, в поисках света в окне, с надеждой на то, что Кирилл задержался. На глаза навернутся слезы. Ведь все снова повторяется. Кирилл вновь

ухватился за соломинку. И его не заботят чужие страдания и обиды. Лишь его опыт, который он готовил целых три месяца. По большому счету из-за этого опыта Кирилл остался в Химграде. Он возлагает большие надежды на него. Все должно получиться и ему наконец-то выдадут пропуск в большую науку. На карту поставлено все. И главное из этого всего — жизнь близкого человека. Мысли об этом служили ему щитом, когда он запрещал себе растрчивать свое внимание на других людей. На горизонте вновь мерцает его звезда и упорный труд вскоре возвысит его.

Уже в вагоне поезда Кирилл стал обдумывать сегодняшний опыт. На дверном стекле он пальцем выводил невидимые формулы. Он был полностью погружен в мысли. Это сейчас — самое главное и он не заметил, как доехал до конечной станции, проехав свою остановку. Делать было нечего. Злиться на свою увлеченность сил не было. Нужно было как можно быстрее попасть домой. Кирилл знал этот район. Не раз он, задумавшись или задремав, доезжал до самого конца, где его приводил в чувства сотрудник станции. Выйдя на поверхность, Кирилл дошел до остановки, благо она была в десяти метрах от метро. На удивление, автобуса ждали многие. Обычно малолюдная в это время, остановка была просто забита людьми. Вылавливая обрывки слов, Кирилл понял, что где-то в трех кварталах демонстранты перекрыли дорогу. Кто-то считал, что это опять ученики-атахиды, последователи нового духовного учения. Другие клялись, что видели на дороге малокровок — полулегализованное общественно-политическое крыло чистокровников. Хотя Национальный центр всячески отрицал связь с группировками из «Чистой крови». Чьи бы слова не были правдой в общем гуле недовольства, но участь Кирилла они не облегчали. Чтобы совладать с накачивающейся злостью, он пошел по тротуару по направлению к дому. Стоять на одном месте, среди таких же недовольных, было губительно для его мыслей. А так, дорога располагала к размышлениям.

Через полтора часа Кирилл зашел домой. Половину пути он прошел пешком, отчего гудели ноги. Заперев за собой дверь, Кирилл прислонился к стене в тесной прихожей и закрыл глаза. Он отдыхал и думал. Думал о том, как начать раскладывать утренний опыт, и отдыхал от бредового дня. Так всегда бывает: безделье и однотонная работа изматывает и утомляет хуже любого насыщенного действия. И вечерняя прогулка: если люди на остановке и были правы насчет демонстрантов, то это первая крупная акция протеста в Химграде за всю его историю. Кто бы ни перекрыл уличное движение: малокровки или ученики просветленного, это было слишком странным для тихого наукограда.

Кирилл стоял в прихожей. Серая и промозглая, как и все в этой халупе. Обрыдлое место обитания и притеснения. Тело просило лишь об одном: завалиться на кровать и отключиться. Но у Кирилла были дела. Нельзя позволять отдыху взять над собой верх, когда на горизонте показалась твоя мечта. Постояв несколько минут у стены, Кирилл прошел в комнату, одновременно служившей и спальней, и гостиной. Не спеша переоделся, при этом обдумывая и повторяя опыт в голове. Наконец он уселся за стол справа от кровати. Достал из выдвижного ящика большую кипу бумаг и разложил их по своему установленному порядку — на пять кучек. Все готово. Ручки и карандаши параллельно друг другу лежали на листе чистой бумаги перед Кириллом. И он принялся расписывать все, что произошло в лаборатории утром.

Порядок на столе с ровными стопками бумаг быстро перерос в упорядоченный хаос, в котором мог разобраться только Кирилл. Его рука быстро передвигалась по листку, выводя все новые и новые формулы, линии, длинные предложения пометок. Подчас он выводил

одну формулу единой цепочкой, на нескольких листах.

Через час, на полу вокруг Кирилла было небольшое полукруглое поле из десятков листов бумаги. Кирилл аккуратно раскладывал все записи по порядку и в строгой последовательности, выкладывая нечто вроде большого полотна из маленьких кусочков. Кирилл часто обращался к ним, поднимал с пола и подставлял к точно такой же мозаике на столе. Через два часа полотно из кусочков заполнило всю комнату уже двойным слоем. А сам Кирилл аккуратно передвигался по белому бумажному «ковру», рассуждая и обдумывая новые ходы. Раздался треск; лампочка ярко вспыхнула и погасла. Кирилл оказался в темноте. Лишь тусклый свет из окна рассеивал мрак комнаты. Кирилл стоял не двигаясь. Какими бы надежными не были современные лампочки, старая проводка угробит все. Кирилл вспоминал куда сунул запасные, благо они были дешевыми. Но внезапно в тишине темно-синего мрака раздалось урчание. Кирилл вспомнил, что совсем ничего не ел. Мысли о месте, где хранились лампочки, пришли следом. Вкрутив новую, Кирилл отправился на крохотную кухоньку сразу за прикроватной стеной. Впрочем, полноценной кухней ее назвать было сложно. Больше это походило на длинный чулан с кухонной утварью. Вернулся он быстро. С чашкой чая и тарелкой, нагруженной восьмью легкими бутербродами. Кирилл бросил взгляд на стол, но на нем не было и островка свободного места — бумаги были везде. Тогда Кирилл решил отужинать на кровати. Тем более что все бумаги, лежащие на полу и на столе, будут доступны его тяготеющему взору. И мысли займутся делом, пока тело подпитывает себя.

Кирилл не заметил, как лег на подушку, дожевывая последний бутерброд. Он снова и снова возвращался к своим записям. Что же могло произойти такого, что вещество могло выпасть в осадок? Кирилл никак не мог выдавить из себя ответ и все больше злился на свою беспомощность. И снова треск! Лампочка вспыхнув навеки угасла. Прав был управляющий — проводку нужно проверить.

Свет от окна проникал до середины комнаты, освещая белый покров из бумаг. Легкий сквозняк, гуляющий по полу, тревожил уголки листов и поднимал над ними крохотные пылинки. словно живые, невесомой взвесью они парили над полом. Постоянные спутники Кирилла — сквозняк и пыль. Он смотрел словно замороженный. То на пыль, танцующую над бумагами на полу, то на записи. И среди этого множества исписанных листов, что стали невольной сценой, Кирилла привлекла одна единственная формула, на которой сходились все его думы. Формула, не имеющая продолжения. Формула, заводившая его в тупик.

— Не может быть... — произнес он скрипящим шепотом.

Именно! Кирилл нашел выход.

— Воздух, — уже чуть громче проговорил Кирилл. — Опыт проводился... и формулы я выводил без... а что если... то тогда...

Кирилл пытался справиться с нахлынувшим волнением и не упустить волосок, за который ухватился. Он наклонился к столу, ухватился за первый чистый лист. Дотянулся до карандаша. И лежа на животе, стал выводить.

— Если к изначальной формуле, — рассуждал он, — добавить кислород...

На листе мгновенно выводились новые цепочки формул. Кирилл, не слезая с кровати, подобрал несколько бумаг с пола и, подставляя к ним новые цепочки, выводил новые формулы. Скоро чистых листов на столе не осталось, и Кирилл остановился.

— Ему нужно дышать, — с волнением глядя на листок в руках, проговорил он.

Кирилл нахмурился, глядя на последний лист — запастись надо лучше, закончились в самый важный момент. Но формула уже писалась в уме. И он просчитывал возможное

действие нового вещества на живые клетки. И чем дальше уходили его мысли, тем радостнее становилось его лицо. Он шел по верному пути, и он это чувствовал. Как вдруг! Его взгляд стал мучительно напряженным. Его терзало острое желание приступить к опыту над биоматериалами, что регулярно привозил от мамы.

Кирилл обдумывал: сможет ли он найти нужный предлог, чтобы прийти в лабораторию в неурочное время? Тем более что за этим строго следят. Может в субботу? Кирилл изо всех сил старался отыскать способ. Завтра в институте большой слет биоинженеров. Будет усилена безопасность. Как сегодня утром, не получится прийти в лабораторию, да и вечером задержаться не выйдет. Но ведь двери института все равно открыты для его сотрудников. Нужно попытаться прийти в субботу. Кирилл посмотрел на время. Три часа сорок две минуты. Он соскочил на пол, быстро собрал все разложенные бумаги в одну кучу и лег спать.

На улице светило яркое зимнее солнце. Природа, недавно очнувшаяся ото сна, играла с городом: его улицами и декоративными каналами, зазывая народ бросить свои будничные дела и присоединится к ней. Жизнь была ключом, но не в Кирилле. Он совсем забросил себя. Его мысли были заняты лишь работой — исследованием, которое не желало становиться пропуском в мир большой науки. Что говорить о весеннем ласкающем солнце, когда в жизни все идет наперекосяк? Прошла почти неделя с того самого, первого удачного опыта, в котором у Кирилла получилось вещество. Формула которого пугала и настораживала. Но вместе с тем давала возможность строить амбициозные планы, в достижении которых Кирилл постоянно терпел крах. Через неделю по планам он должен был поехать домой. Но с чем ему ехать, он не знал. Окажись рядом колодец Кирилл непременно бросился бы в него. Чтобы умереть? Нет, чтобы спрятаться ото всех. Еще один день для неудачника. День — черная дыра. Вязкий, как болото, и пустой, как тишина. Лаборатория сегодня будет для всех исследований закрыта — распоряжение профессора Данилевского. Лаборанты будут заниматься бумажной работой, которую Кирилл ненавидел больше, чем свою жалкую жизнь.

— Что-то ты сегодня поздно, — решил пошутить охранник, отметив приход Кирилла на двадцать минут позже обычного. Но шутка увязла в напряженном взгляде молодого лаборанта.

В лаборатории уже сидели две «туфельки». Они готовились к рутинному дню с бумагами. Кирилл, сонно поздоровавшись, сел за свое рабочее место. Фронт работы известен. Но на фронт идти не хотелось. Подошли остальные лаборанты, не хватало лишь Хавеева. Кириллу было лень даже позлорадствовать на тему опоздания правой руки профессора. Через пять минут начнется рабочий день, и каторга станет реальностью. Вдруг скучную тишину прервал запрещающий сигнал двери. Кто-то ввел неправильный код, и система ответила отказом. Но через несколько секунд она открылась, и в лабораторию влетел ураганом профессор Данилевский. Он подбежал к своему столу. Сел на стул и стал открывать ящики стола.

— Кирилл! — неожиданно обратился профессор. — Собирайся! Достань подтверждение по анализу первой стадии мутации гриппона. Одевайся и поедешь со мной.

Профессор проговорил все так быстро, что Кирилл не сразу приступил к действиям. Впрочем, опешившим был не только он один. Кирилл быстро опомнился и не теряя даром времени стал перекидывать отчеты на электронные носители. Это были данные о том, что опыт был проведен с учетом предъявляемых параметров, и при его выполнении не было допущено никаких огрехов. Только он закончил с последним документом, как профессор Данилевский пулей вылетел из лаборатории. Кирилл, слегка оторопев от прыти старого

профессора, схватил куртку, в охапку бумаги и побежал за шефом, оставив в ступоре весь коллектив.

Данилевский ждал лифта. Двери открылись. Он и подоспевший Кирилл вошли в кабину. Профессор нажал кнопку первого этажа. Кирилл пытался справиться с курткой, несколькими планшетами и двумя папками с бумаги. Их было сложно отделить, не уронив чего-нибудь. Раздался звон. Лифт спустился на первый этаж. Профессор, изрядно поднабравшись сил в лифте, также продемонстрировал молодецкий дух, совершая марафонский забег через холл к выходу. За ним еле поспевающий лаборант, на ходу пытающийся надеть куртку.

У лестницы стояла черная машина. Профессор открыл дверь и сел в нее. Кирилл, справившись с курткой, остановился у машины. О, как жестока жизнь. «Данилевскому лишь был нужен носильщик», — пронеслось в голове лаборанта. Конечно, ведь эту кипу никто кроме Кирилла не способен удержать.

— Чего стоишь?! — из открывшегося окна машины показалось гневное лицо Данилевского. — Залезай!

Не думая, а следуя инстинкту подчинения, Кирилл обежал машину и сел на заднее сидение, рядом с профессором.

— Трогай! — приказал профессор водителю, и машина сорвалась с места.

На переднем пассажирском сидел кто-то с короткой стрижкой. Хотя лица не было видно, но серьги и тонкий аромат духов говорили о женщине.

— Вот профессор, я нашла... — девушка обернулась, держа в руках какую-то бумагу.

Профессор схватил документ и уткнулся в него.

— Ольга, — девушка протянула руку Кириллу.

На вид ей было чуть меньше 30 лет, шатенка. Ее худенькая ладонь крепко сжала руку Кирилла. Но через мгновение на ее лице появилась задумчивая озабоченность, и Ольга отдернула руку.

— Кирилл, — представился он.

Но девушке его имя уже было не интересно. Она была погружена в размышления и не слышала его имени, хотя это ей и не нужно было. Ольга его знала. Кирилл же напротив первый раз увидел Ольгу. Сначала он предположил, что она работает в другом блоке БиоНИЦ, однако отмел эту мысль, т. к. в этом случае она вряд ли сидела в этой машине.

— Ну конечно! — профессор был зол как никогда. — Они пропустили эти данные, и теперь Данилевский во всем виноват! Они не захотели думать мозгами, а Данилевский должен отвечать. Они пропустили, они вывели не тот результат! Дегенераты... — рвал и метал профессор. — Что сказала Кроберг о состоянии объектов?

— С ними все в порядке, профессор, — повернув голову назад, ответила Ольга.

— Тогда какого черта они поднимают тревогу? — негодовал Данилевский.

Кирилл, слушая все это, никак не мог взять в толк — причем тут он. И если брать во внимание слова профессора, то явно пахнет жареным. И он, как лаборант, играет тут не последнюю роль, раз Данилевский прихватил его с собой. Кирилл тут же вспомнил недавний выговор за ускорение мутации. Наверняка, что-то из-за этого получилось не так и вот он-то и станет «козлом отпущения». На душе потянуло сквозняком и бросило в жар. Под натиском тревожных мыслей Кирилл просидел всю дорогу, не проронив ни слова.

Дорога была долгой. В окне проносились редкие леса и пригороды: Кирилл понял, что они направляются в Петрополис. Вскоре их машина пересекла границу мегалополиса.

Малоэтажная застройка быстро разрослась до небоскребов. Впрочем, они не были очень высокими и значительно уступали московским. Однако новый имперский стиль — неопайр — главенствовал в большинстве кварталов. Изящные монументальные громады не превышали высоты в двадцать пять этажей. У некоторых имелись высокие шпилевидные крыши, на десятки метров уходящие в небеса. Их машина проносилась по Новомартовскому шоссе мимо «Зеленого пика». Это изогнутое здание в виде паруса, устремляющегося ввысь. Оно было зеленовато-болотного цвета и венчалось высоким 15-метровым шпилем, состоявшим из семи жил. «Зеленый пик» окружали здания в похожей цветовой гамме. Из-за этого район получил прозвище «болото». Но, несмотря на неблагозвучное название, он считался одним из престижных. Машина свернула на Зеленый проспект. Кирилл понял, что они направляются в Министерство науки.

Вскоре машина остановилась в парковочном кармане на площади перед министерским зданием, но Данилевский не спешил выходить. Кирилл очнулся, его насторожила возникшая тишина.

— Кирилл, — голос профессора звучал спокойно с отеческими нотками, — когда они начнут тебя спрашивать про опыт, про то ускорение мутации, не лукавь, не жмись в себе. Расскажи, как все было.

— Хорошо профессор, — автоматом выдал лаборант.

— Весь процесс, конечно, им знать не обязательно, — лукаво добавил Данилевский.

— Конечно, — согласился Кирилл.

Он смекнул, что им, очевидно предстоит встреча с высшим руководством ученого света России, членом которого был Данилевский. Однако настроение профессора не могло не тревожить.

Трое: профессор Данилевский, за ним Ольга, следом Кирилл с папками и бумагами вышли из машины. Кирилл впервые был так близко от здания Министерства науки. Комплекс министерства с воздуха напоминал спящего дракона, а три самых высоких, фасадных, корпуса символизировали три его головы. В отделке парадной стороны здания был использован коричневый гранит и композитное стекло, выполняющее функции солнечных батарей. Комплекс был спроектирован так, чтобы пережить прямое попадание нескольких бомб и даже способен был перенести последствия ядерного взрыва. Под самим зданием располагалось девять этажей. Некоторые использовались как законсервированные бункеры, другие — как склады и хранилища. Впрочем, любоваться ансамблем здания Кириллу было некогда Данилевский и Ольга уже вошли в министерство. В огромном холле их ждали. Невысокий мужчина, одетый в строгий костюм, подбежал к профессору.

— Слава богу, вы здесь. Они уже приступили к вашему линчеванию и, если еще промедлить, они отрубят голову и вам, и мне, — мужчина был крайне взволнован.

Данилевский фыркнул.

— А ты как всегда отсиживался? — Данилевский презрительно осмотрел вспотевшее лицо встречающего.

— Я человек небольшой и еще хочу здесь поработать.

— Такие тараканы как ты, живут долго, — успокоил его профессор.

— Я тебе вообще-то продлеваю тут карьеру, не забыл?

— Ладно, соловей, сочтемся.

Услышав прозвище «соловей», Кирилл догадался, кто был перед ним. В Министерстве был один соловей — Владимир Соловейко, руководитель аппарата биологического

департамента. По совместительству — хороший знакомый Данилевского. Через Соловьевку Данилевский не раз проводил в биодепартамент свои идеи и даже вызывал на ковер своего давнего противника Винбурга.

Дорогу Данилевский хорошо знал. Путь их лежал в главный зал совещаний на шестом этаже. Данилевский с сопровождением проследовал к лифту. Встретивший их мужчина шел рядом. Он часто посматривал на Ольгу, при этом морщился. Между ними явно было что-то недоброжелательное, и Кирилл это отчетливо ощущал. До зала они добрались быстро.

Данилевский отпихнул дверь. Она громко ударилась об ограничитель на полу. В зале совещаний повисла гробовая тишина. В дверях стоял профессор, рядом с ним человек в костюме, сзади Ольга и Кирилл, который осторожно выглядывал из-за спины шефа. Большой круглый зал с синими креслами был заполнен на треть. Ряды посадочных мест и столов располагались ступенчато и устремлялись вниз к центру зала. Кирилл мельком успел заметить, что все ученые в костюмах. А собственно почему они должны быть в халатах? Кирилл мысленно одернул себя, — нашел о чем думать.

Все самые важные персоны сидели за круглым столом в центре зала. Профессор и его спутники под пристальными взглядами ученых спустились к своим местам. Данилевский сел на единственное пустующее место за столом. Оно было специально оставлено для него. Его спутники на стульях позади.

— Добро пожаловать, Кирилл Иванович, — полный профессор с густой седой шевелюрой, напротив Данилевского, кряхтя и кашляя, приветствовал коллегу.

— Прошу прощения за опоздание. Я был вынужден взять с собой дополнительные документы, чтобы...

— Чтобы оправдаться, — перебил Данилевского худощавый профессор в черных круглых очках. Его лысина, затянутая сетью бледно голубоватых тонких сосудов, была покрыта двумя лишними слоями глянцевого лоска, что придавало ей вид пластиковой неживой головы манекена в магазине.

— Чтобы моя голова осталась при мне, — вспыхнул Данилевский.

— О своей голове печетесь, уважаемый, — профессор в черных очках не унимался, — но полетят головы многих из нас, если вы не объясните нам, как вам удалось обойти целую цепь мутаций гриппа и превратить его не просто в гриппон, а создать прото-организм «белой язвы»?

Для Кирилла эти слова стали громом среди ясного неба. Мгновенно его окутала волна чувств. Его бросило в жар, но тут же из пекла в озноб. Его передернуло. Сидевшая рядом Ольга, заметила сильное волнение Кирилла. На его лбу появилась испарина, заиграли желваки. Трясущиеся ладони сжали друг друга. А глаза метались из стороны в сторону, словно перелистывая перед собой книгу, пытаясь вспомнить и понять, что он натворил, ускоряя процесс мутации.

— Не горячитесь, — вмешался лысый профессор с двумя родимыми симметричными пятнами. Результат каких-то имплантатов, с которыми он любил экспериментировать в молодости. — Конечно, вторичная мутация гриппона напоминает вирус «белая язва», но «белая язва» это совершенно другое. Вопрос в том, как вышло, что гриппон, в своем предполагаемом мутагенезе стал близок к «белой язве»?

— Близок? — цеплялся профессор с черными очками.

— Профессор Кор, — попытался осадить коллегу профессор Рубский, председатель совета. Статный мужчина 50-лет, единственный из присутствующих державший прямую

осанку. Его широкая спина и крупные руки больше подходили для какого-нибудь вышибалы. Но в кресле сидел один из великих грызунов науки. Один из самых ухоженных надо полагать: от тужель, до идеальной укладки смоляных волос.

Однако профессор Кор не унимался. Он так резко сотрясал головой, что казалось его микро очки просто слетят с тонкого кончика носа.

— Не лишайте меня слова, господа. Я один из первых заявлял во всеуслышание, что Данилевский плюет на законы и наши постановления. Не удивлюсь, если это чудесное превращение гриппона — результат халатности. И это не первый подобный случай. Халатность! Стоит ли напоминать о произошедшем много лет в Екатеринодаре?

— Профессор Кор, все же успокойтесь. Ваши опусы нелепы и преждевременны, — настаивал председатель, подкрепив свои слова массивным кулаком, которым слегка ударил по столу.

Данилевский молчал.

— Кирилл Иванович, — обратился глава совета к Данилевскому спокойным низким басом, заставлявшим вибрировать спинки кресел, — мы сидим уже больше часа. И догадки у нас, как вы понимаете, самые разные. Нами была проведена дополнительная экспертиза. Несколько независимых друг от друга ученых групп, невероятное количество тестов только за прошедшие сутки. И никак, понимаете, никак ученым не удалось получить гриппон, роднящийся с «белой язвой». Вы осознаете, что влечет за собой обнародование этой информации?

— Для меня, коллеги, — несколько дёргано начал Данилевский, — родство нашего гриппона с «белой язвой» такой же сюрприз. Я привез дополнительные документы, которые прольют свет. И надеюсь, разредят обстановку.

Данилевский повернулся назад.

— Константин, передай документы.

Кирилл только сейчас заметил, что за Ольгой сидел Хавеев. В глубине Кирилл надеялся, что Данилевский взял его с собой как выдающегося сотрудника. А на самом деле он привел его на убой, как виновника неправильной мутации.

Константин выхватил у Кирилла электронные документы и быстрым шагом направился к пульту управления. Через несколько минут копии отчетов появились перед глазами у каждого профессора. Совет погрузился в раздумья.

— Простите, — из полумрака задних рядов раздался голос.

За столом, возле пульта управления, сидел человек. Лицо его было еле видимо, но зеленые глаза ярко горели во мраке.

— Но почему же эти документы не были предоставлены раньше?

Данилевский занервничал.

— Видите ли, рутинная работа доставляет массу мелкой работы, — отвечал профессор. — Возможно, они затерялись в потоке бумаг и просто не были замечены.

— Бумага вещь достаточно часто теряющаяся, а как быть с электронным отчетом об опыте? В нем этих данных тоже нет, — не унимался зеленоглазый.

Не все ученые сверлили взглядами Данилевского. Примерно половина из них пыталась разглядеть, кто скрывается за темной фигурой с зелеными глазами. Кто-то посматривал на председателя Рубского, желая получить ответ на свой вопрос. Но глава совета словно и не замечал их вопрошающих взглядов. Ученые недовольно шептались. Кто-то решил помешать им получит удовольствие от линчевания Данилевского. Тем более, когда такой крепыш, как

он, теряется с ответом. И чем больше Данилевский медлил, тем сильнее злоба скребла пальцами по его шее. Точно к стене прижали. Ложное чувство вины овладевало им. И все это видели.

— Поймите правильно, профессор, — зеленые глаза пристально смотрели на Данилевского, — эти документы нигде не значатся. Их нет, но вот вы их откуда-то берете...

Данилевский смотрел то на человека во мраке зала, то на своих коллег, недовольных то ли допросом, то ли его заминкой, то на бумаги, которые лежали перед ним. Ответа не было. Он не знал, что говорить.

— Это моя вина! — вскочил со своего места Кирилл. Свет над ним автоматически зажегся.

Все посмотрели на него. Зеленоглазый уставился прямо на него. Кирилл вздрогнул.

— Я пере... перепутал до... документы. Я не указал процесс второй стадии...

— Кто вы? — зеленые глаза не отрывались от новой цели.

— Кирилл Семиовский, младший сотрудник в лаборатории профессора Данилевского.

— Но простите, — вмешался профессор Рубский, — вторая стадия полностью описана в отчете. Молодой человек не путайте нас.

— Вторая стадия моего ускорения, а не... не мутации гриппа в гриппон, — пояснил Кирилл.

Кирилл посмотрел на профессора. Гневный взгляд Данилевского жаром брал в кольцо.

— Простите, я виноват, — произнес Кирилл, глядя на своего профессора.

— Вы нас окончательно запутали, — произнес рыжеволосый профессор Талматов.

Его Кирилл знал не понаслышке. Они были оба родом из одного города. И однажды, учась еще в школе, Кирилл записался слушателем на мастер-класс по биохимии, руководителем которого был профессор Талматов.

— Кирилл хочет сказать, — начал объяснять Данилевский, — что он, участвуя в работе по приготовлению базы для исследования мутации гриппона, применил свою собственную методику ее приготовления. А именно: он ускорил ее процесс изготовления. На первый взгляд ничего страшного. Однако, скорее всего, именно это привело к тому что мы получили гриппон, родственный «язве», а не «патологии б».

— Профессор Данилевский, — вновь заговорили зеленые глаза. — Вы действительно считаете, что младший научный сотрудник способен повлиять на такой сложный процесс мутации гриппа?

— Кирилл достаточно образован. Кроме того, он... одарен, — Данилевский сверлил глазами Кирилла.

— Я... я побоялся указать в отчете данные ускорения, — дрожащим голосом объяснял Кирилл.

— Тогда почему они появились сейчас? — задал вопрос профессор Рубский.

— Их я сделал для себя. А когда сегодня собирал все документы, когда это попросил профессор...

— Вы взяли и их на всякий случай, — быстро договорил человек с зелеными глазами. — Достаточно волокиты. Думаю, профессорам будет интересно, как вам удалось сроднить два вируса, — а это уже абсолютная наглость, которая заставила обернуться на гостя во мраке всех, кроме председателя.

Но интерес взял вверх. Тем более говорящий взгляд Рубского говорил сам за себя. Профессоры повиновались. Словно по приказу они отвлеклись и от зеленоглазого и от

Данилевского. Град вопросов обрушился на голову Кирилла. Профессоров интересовало все. Часть из них интересовалась, как именно молодому сотруднику удалось вывести столь тяжелые для понимания формулы. Другая часть ученых мужей давила конкретными вопросами по вирусу. Всех их объединяло одно чувство — страх. Каждый раз, когда задавался очередной вопрос, профессора надеялись, что Кирилл ошибется. Что связь гриппона и «белой язвы» окажется роковым совпадением — результатом ошибки в выводе формул или ошибка в проведении опыта. Но Кирилл не ошибался. На любой из вопросов он отвечал четко и полно. Дрожи в голосе не было и следа. С каждым новым вопросом Кирилл становился более уверенным, он знал ответ на все, что интересовало ученый совет. Предположение об опасной близости двух вирусов все чаще повисало в гнетущей тишине. Профессоры напряженно обдумывали ответы Кирилла. Почти шепотом, словно прячась от чего-то, они переговаривались между собой. Тут же на листах бумаги они рисовали формулы, цепочки, делали выводы. И только Кирилл возвышался над всеми. Он стоял возле своего стула и взирал, как от его ответов старые, опытные ученые склоняют к столу головы. Как они, смотрящие на него свысока, сейчас гнут под его словами спины. На его лице даже проскользнула легкая улыбка. Как же не улыбаться? Он так долго мечтал о свете большой науки. А сейчас сама большая наука тускнеет на его фоне. Кирилл медленно, как и полагается королю положения, окинул зал взглядом... и запнулся о зеленые глаза у пульта управления.

Человек из сумрака вернул взметнувшегося Кирилла на землю. Словно дернул за цепь, прикованную к ноге и придавил взглядом зеленых огоньков. Завороженный, не в силах отвести глаз, Кирилл смотрел на зеленые огоньки во мраке. Огоньки, читающие его мысли.

После ученого совета в Министерстве науки, Кирилл вместе с профессором Данилевским отправились обратно в лабораторию. Профессор оставил Константина в Министерстве, на всякий случай. Ольга выполнила свое предназначение и вернулась к своим обязанностям в резервацию. Кириллу и Данилевскому было поручено приступить к исследованию гриппона и «белой язвы». Лаборатория микровирусов переводилась на полуосадный режим. Теперь за каждым движением всех сотрудников будут следить сверху.

По возвращении в институт, Данилевского встретил почтительный высокий человек в черном костюме. Это был Александр Винбург, присланный во главе наблюдательной группы из Министерства. Он мило улыбался, но вместе с тем не скрывал, что его добродушие фальшиво, чем вызывал неприязнь Данилевского. Кирилл сразу почувствовал, как воздух вокруг сгустился и моментально превратился во взрывоопасную газовую смесь. Достаточно было искры, чтобы профессор вспыхнул. И она не заставила себя долго ждать.

— Профессор, вы уже вернулись? — лицемерная ухмылка тут же заговорила, — Вам должно быть уже сообщили, что теперь ваша лаборатория берется под особый контроль?

Человек не представился. «Скорее всего, они знакомы», — пролетела мысль у Кирилла. Профессор изо всех сил пытался не реагировать.

— Рад сообщить, что отныне мы будем работать в тесном сотрудничестве. Совет постановил, что пока известная всем информация о родстве не будет передаваться наверх. Мы же не хотим, чтобы началась паника среди «белых рубашек».

— Контроль со стороны абсолютно не нужен, — профессор сдерживал себя как мог. — Мы проведем опыты и без вас...

— Без нас это конечно. Мы ведь прекрасно знаем, что не ради процесса мутации я здесь. Но ради того, чтобы результаты мутации не отклонились от цели.

— Вы меня в чем-то подозреваете? — Данилевский зло посмотрел на человека в костюмчике.

На секунду наглую ухмылку смазало с лица чиновника. Но она незамедлительно украсила его физиономию вновь.

— Как можно. Вы все неправильно понимаете. Научный мир взорвется, если родство двух самых опасных вирусов подтвердится, впрочем, взорвется не только мир ученых. И вы прекрасно это осознаете.

— Не смейте говорить мне, что я не понимаю всей важности нашей работы! — профессор повысил голос, заставив обернуться на них нескольких человек в холле.

Кирилл сжался. Вот-вот грянет буря.

— Тогда вы понимаете зачем я здесь. И это не проверка вашей лояльности, а страховка на правильный результат.

— Что значит «правильный»?!

— Что вы не станете фальсифицировать результаты опытов, — чиновник надменно ухмыльнулся и взглянул на Кирилла за спиной профессора.

— Господин Винбург как всегда всех по себе мерит. Напрасно. От ответственности бегать никто не будет.

— Что вам известно об ответственности? Вы ведь непогрешимый гений и всегда

идеально выполняете свою работу. Вы — непрошибаемый танк науки, которому все нипочем...

— Что за игры? — скривился Данилевский.

— Бросьте. Скоро мы все узнаем, насколько вы всемогущи. С одной стороны, возможное родство, которое нужно доказать. С другой — возможная ошибка, в которой вам придется признаться перед советом. Смешно то, что и в том и другом случае вы будете выглядеть самым неподобающим образом.

— Вы слишком много на себя берете. Вы лишь наблюдатель, о юрисдикции которого мне еще предстоит узнать.

— Для чего же мне еще быть здесь? Или вас задело, что совет не сообщил вам лично о моем назначении? Быть может, вы потеряли свой статус ученого-небожителя?

Данилевский смотрел на Винбурга с дикой ненавистью. Кирилл не видел его взгляда, но чувствовал, как с каждым выдохом воздух вокруг профессора раскаляется. От удушающего жара и слов чиновника становилось только страшнее. Будто он нарочно подливает масло в разгорающееся пламя. Но сам при этом держится в стороне. И все же самую сочную фразу чиновник припас напоследок. Смакуя, как изумительный десерт, он четко проговаривал каждое слово.

— Если родство вирусов не подтвердится, вас сочтут неспособным руководить лабораторией, в которой любой лаборант способен испортить столь важный эксперимент. Кроме прочего, я возложу на вас ответственность за срыв самых масштабных за последние десять лет исследований гриппона. Это еще не все...

Винбург прервал вырывающуюся реплику Данилевского выставленным вверх пальцем.

— Во-вторых, если все произойдет с точностью до наоборот и родство опасных вирусов нашего времени подтвердится, на совете будет поднят вопрос о вашей компетентности как ученого не сумевшего открыть его. За вас это сделал простой лаборант, который возможно является гением. И вашим долгом как мастера науки было доложить о нераскрытом таланте в Институт соционики. Ваш долг дать Министерству самые лучшие кадры, а не гробить их.

— Перед агентами соционики я ответил два года назад, господин Винбург. И мой статус дает мне всяческое право заткнуть ваш рот и чей-либо другой. Мое право определено нормами. Не вам меня пугать. Насколько я знаю, вы были лишены статуса мастера науки в тот же год, когда я свой продлил.

— Но так я и не работаю в сфере практической науки. Моя работа стала куда изящней. Я внимательно слежу за вами, профессор. Мой долг сообщить в соционику о ваших огрехах. Мы ведь все заботимся о величии Федерации, — Винбург широко улыбнулся.

Довольству чиновника не было предела. Он во всех красках демонстрировал это Данилевскому. Профессор жаждал продолжения спарринга. Но Винбург лишил его удовольствия и, подрезав его на полуслове, ушел в сторону правого лифта.

— Мы еще встретимся, — попрощался чиновник.

Профессор проводил его пылающим взглядом, ругая про себя весь свет. Чиновник спиной чувствовал обжигающий взор Данилевского. И сейчас его улыбка была искренней. Войдя в лифт, он развернулся, желая еще раз взглянуть профессору в глаза, но подоспевшие сотрудники института закрыли от него лакомую жертву.

Вскоре чиновник оказался в кабинете директора центра — Ожина Антона Исаевича. Войдя в просторный кабинет, отделанный теплым деревом, он увидел сидящего в кресле перед директорским столом майора Саврасова. Ожин сидел, наклонившись к столу. В

тонких пальцах он сжимал несколько электронных листов, которые быстро очутились в руках майора. Он ловко положил их в черную папку. Приметив чиновника, майор прикрыл ее руками и аккуратно заправил все выпирающие уголки. Взгляд Винбурга скользнул по папке и устремился к директору. Ожин решил идти в атаку первым — ему не хотелось, чтобы Винбург задал вопрос о майоре.

— Ну и что? Как он отреагировал? — поглаживая белесый затылок поинтересовался глава БиоНИЦ.

— Да, собственно, ничего особенного. Все прошло достаточно предсказуемо, — чиновник прошел в кабинет и остановился возле большой схемы молекулярного соединения на стене.

— Он разозлился? — уже зная ответ, спросил директор.

— Антон Исаевич, вы проработали с Данилевским больше пятнадцать лет, и вы знаете его как никто другой. Конечно, он разозлился. Данилевский никогда не питал уважения к чиновникам вроде меня.

— Я говорил вам, что не следует его встречать, — директор понурил голову. — Я пригласил бы его сюда и все объяснил сам.

— Антон Исаевич, довольно, — оборвал Винбург. — Я прекрасно понимаю, вы — друзья, но Данилевский человек себе на уме. Единственный способ заставить его работать так, как необходимо нам — это загнать его в рамки дозволенного.

— Кому «нам»? — вмешался майор.

Чиновник неодобрительно посмотрел в сторону офицера, который даже не обернулся, чтобы задать вопрос.

— Министерству науки, — ответил чиновник.

Он оторвался от созерцания формул на стене и стал медленно подходить к столу.

— Я вот все же никак не уразумею. Зачем Федеральной службе безопасности столь пристально интересоваться деятельностью БиоНИЦ? — Винбург подошел к столу и взглянул в лицо офицеру. — Наводит на странные размышления. Я сказал бы даже — опасные и мрачные.

Саврасов не шелохнулся. Лишь слегка усмехнулся, бросив небрежный взгляд на чиновника.

— А вам это и не надо знать, господин Винбург, — безразлично произнес майор. — Вы, как мне представляется, здесь по своему вопросу, а я по своему. У нас разные сферы деятельности и давайте не будем их сближать.

— Их сблизили вы, прибыв сюда, — чиновник не отцеплялся. — И все же. Господин директор, мне передали что на неделе вас навещал адъютант адмирала Савла, — Винбург лукаво посмотрел на Антона Исаевича. — А теперь я сам вижу, что вас еще и федеральные агенты беспокоят. Много таинственных встреч. Интересно, есть ли между ними связь?

— Все в этом мире взаимосвязано, — Саврасов достал из кармана блокнот. — И в том, что я здесь, нет ничего странного. Будь вы осведомленнее в делах, вы бы поняли это.

Чиновник фыркнул.

— Надеюсь, Антон Исаевич, все будет хорошо, — майор встал. — Мы еще увидимся. Всего доброго.

В кабинете остались двое. Директор сидел погруженный в свои мысли, почти не обращая внимания на лукавый вид Винбурга. Хотя его, в последнее время, сильно тревожат появления министерских чинов в центре. Затылком Антон Исаевич чувствовал, как над ним

заносится тяжелый рубящий меч. Он смотрел на Винбурга, пытаясь понять, не он ли держит его. Но Винбург притворно участливо улыбался. Впрочем, Антон Исаевич не мог понять: то ли чиновник искренне улыбается, то ли от задумчивости, а улыбка на лице висит по привычке. Антон Исаевич пытался сменить полярность тревожных дум. Ведь может оказаться и Винбург прибыл в БиоНИЦ чтобы лишний раз попасться на глаза своему залятому коллеге Данилевскому. Директор центра был хорошо осведомлен о конфликте чиновника и профессора. Их неприязнь длится очень долго. Оставалось надеяться на это. Уж очень Антону Исаевичу хотелось сохранить свое место. Директор улыбнулся чиновнику и предложил присесть. Министерского посланника нужно было умаслить и отвлечь внимание и от визита адъютанта, и от майора. Самой идеальной отвлекающей мишенью был Данилевский.

— Мне хотелось бы до конца прояснить сложившуюся ситуацию, — Винбург начал издали. — Произошедшее на совете открытие показало нам, что в биологическом центре назрела необходимость некоторых изменений.

— О каких изменениях идет речь? — глаз директора дернулся. Морщинки на лице замерли, ожидая что вскоре к ним присоединятся новые.

— Под крышей столь уважаемого учреждения процветает культ звездности профессора Данилевского.

Ожин откинулся в кресле, немного выдохнув.

— Вы зря расслабляетесь, — Винбург очень хорошо чувствовал людей и их страх перед ним. — Вина профессора в этом лишь отчасти. Он как крепкое семя, брошенное в плодородную почву. И солнце светит круглый год, и поливают здесь лишь его. Но вы, директор этого садоводства, почему-то плохо реагируете на жалобы других.

— Здесь вы ошибаетесь: на Данилевского жалоб не было.

— Ошибаетесь вы. Жалобы были, но не на Данилевского.

Антон Исаевич нахмурился. Он заерзал в кресле и наклонился к столу, держа руки сцепленными.

— Все прекрасно понимают, что жаловаться на Данилевского все равно что плевать против ветра. Поэтому особо дальновидные ваши сотрудники понимают в чем суть их проблем. Ваша безоговорочная поддержка Данилевского не находит поддержки у подчиненных, — Винбург украшал себя сдержанной улыбкой.

— Хотелось бы узнать, кому именно я не угодил...

— Вы опять ошибаетесь, Антон Исаевич, — доброжелательно поправил чиновник, сцепив на небольшом животе руки. — Сотрудники центра не имеют лично к вам никаких претензий, лишь к вашим методам взаимодействия с местной звездой — Данилевским.

Ожин отвел взгляд от Винбурга.

— Вот скажем, стычка вашего ученого друга с профессором Кором, которая имело место чуть меньше месяца назад. Ведь тогда вы заняли сторону Данилевского.

— Он мой сотрудник. По-вашему, я должен был отдать его на растерзание?

— Мы не на гладиаторских боях. И ученые должны сами защищать свои открытия и утверждения, а не прятаться за административный ресурс своих влиятельных друзей. Конечно же, Кор отступил. Ваш вес в науке, в Министерстве, еще весьма ощутим. Однако в тот раз вы прекрасно понимали, что стычка Данилевского и Кора как две капли воды была похожа на то, как Данилевский в свое время давил небезызвестную нам Елену Кроберг, — Винбург не сводил глаз с Ожина, продолжая незаметно забрасывать на него петлю за петлей.

— Госпожа Кроберг его ученица. Думаю, каждому учителю будет обидно, если против него будут идти его воспитанники.

— Заметьте, гениальные воспитанники...

— Вы придираетесь к словам, — Ожин сделал первую попытку скинуть с себя одну из петель. — То, что произошло между Данилевским и Кроберг, всего лишь вопрос этических норм и нежелание ученика прогнуться под учителем.

— Но сор был вынесен из избы.

— И если бы не ваше вмешательство, то на него и не обратили бы внимания, — сопротивлялся директор.

— Если бы я не вмешался... У нашей науки не было бы сейчас такой богатой базы исследований над «белой язвой», как и спецрезерваций и программы по клонированию. Которая, кстати, благодаря исследованиям моих вскоре выйдет на новую ступень развития. И биоинженерия заиграет новыми красками. Если бы я не спас Кроберг от удара Данилевского, то кто знает, когда бы появился следующий гениальный исследователь «белой язвы».

— И все же сравнивать Кора и Кроберг...

— Я говорю о том, что Данилевский непрошибаемый бронепоезд, который вы всячески защищаете.

Директор уставился в стол, стараясь не подставляться под напор Винбурга.

— Вы считаете, что зря придираюсь? А ведь далеко за примером ходить не надо. Возьмем сегодняшнее заседание ученого совета. Что вы можете сказать про господина Семиовского?

— Кого? — нахмурился Ожин.

— Я так и думал. Ведь зачем директору помнить фамилию одного из тысяч лаборантов центра?! Семиовский — тот лаборант, у которого получилось, непонятно каким образом, вывести родственник с «белой язвой» гриппон. Вы считаете это нормальным, что подобный гениальный ум оказался раскрыт лишь сейчас? Интересно, сколько таких гениев работает с Данилевским и сколько из них он давит своим эго?

— Я понял, о ком вы говорите. Даже вы должны понимать, что это родство может быть результатом ошибки.

— Ошибки? Все возможно. Но такие ошибки случаются тогда, когда ученик вынужден работать втайне от своего учителя. И причины этого вам известны, — Винбург всплеснул руками.

— Вы драматизируете.

— Это мы скоро узнаем, — ехидная улыбка сверкнула в глаза Ожину. — У Данилевского вот уже второй год нет помощника. Вы даже здесь потворствуете ему. Мол, замкнутый гений — пусть работает, как хочет. Но наставничество введено для того, чтобы именитые учителя возвращали новых смышленьшей, а не от скуки ради.

Директор догадался к чему ведет Винбург. Антон Исаевич уже представлял, как будет сообщать эту новость Данилевскому.

— Поэтому, моя настоятельная рекомендация вам — назначить Семиовского, как ответственного за родство гриппона и «белой язвы», помощником профессора Данилевского. Пусть работают вместе. И вместе ответят за любой из результатов. А мы проверим, насколько вы способны быть непредвзятым к своему ученому другу, — широкая улыбка на лице Винбурга поставила точку.

Антон Исаевич не раз предупреждал старого друга о том, чтобы он был осторожнее с Винбургом. Нельзя заигрывать с удавом. Таким был министерский муж. Неспешным и расчетливым. Он мог долго обхаживать свою цель, пряча, маскируя реальное положение дел. Жертва даже и не осознавала, что вокруг нее свито уже не одно кольцо, готовое стянуться на хрупкой шее. Из мертвой хватки Винбурга без потерь еще никому не удавалось вырваться.

Ожин потирал шею, глядя на белозубое лицемерное добродушие чиновника. Предложенные условия сделки были очевидны. И Антон Исаевич осознавал все последствия. Винбург был вхож в кабинет министра науки Терена. И поговаривали, что тот всерьез воспринимает его, как приемника. Не желая огорчать своего всемогущего начальника, Винбург всячески демонстрировал качество своей работы. На самом деле его от Данилевского отличало лишь сфера научной деятельности. Чиновник любил открывать новые таланты и записывать их в свои активы и играть исключительно в сфере научной политики. Данилевский же открывать таланты не умел, но они липли к нему сами, записываясь в его ученики. Раскрыться бутоном в тени гениального ученого жаждали многие, но мало кто из них понимал, что в тени цвести очень сложно. Но если пробьешься и раскроешь свой потенциал, то место в пантеоне светил науки тебе обеспечено.

Ожин согласился с Винбургом и распорядился подготовить документы о назначении Семиовского помощником профессора Данилевского. Громкая новость вскоре облетит весь БиоНИЦ и заставит содрогнуться стены лаборатории микровирусов от негодования его главы. Ставя подпись под распоряжением, Данилевский принимал новые правила игры. На кону стояла его профессиональная репутация, которая вдруг перестала быть непотопляемой. Свет белозубой улыбки Винбурга ярко светил в глаза, а это значит, что недооценивать его — смерти подобно. Выбора не было. Сейчас, отказ исполнять приказ Ожина — подыгрывание Винбургу. Чего тот, конечно же, ждал. Нужно было прогнуться. И сосредоточиться на более важной проблеме.

Сейчас необходимо выяснить природу родства гриппона и «белой язвы». Ошибка или закономерность? Данилевский отчасти признал инициативу своего нового помощника с ускорением правильной. Она подвела ученых к вопросу о родстве двух опасных вирусов человечества. Тяготила ли профессора мысль о том, что не он обнаружил эту связь? Конечно же. Кем был Кирилл? Простой студентка, зеленая поросль.

Глава 23. Инъекция

В течение трех дней, до понедельника, лаборатория Данилевского должна выдать подтверждающие или опровергающие результаты родства двух вирусов. По официальной информации лаборатория микровирусов БиоНИЦ занималась исследованием «патологии б». Широкий круг научных изданий внимательно следил за работой исследовательского центра, и скоро последуют резонные вопросы. Объявления первых результатов ждали через две недели. Время шло. Команде Данилевского необходимо было совместить два крупных исследования и не по одному из них не ударить в грязь лицом. Не уложиться в срок Данилевский не имел право. Хотя приоритет в исследовании гриппона и «белой язвы» был наивысшим.

Обстоятельства вынудили профессора Данилевского согласиться на повышение Кирилла до помощника руководителя лаборатории микровирусов. Кирилл получал право доступа к третьей лаборатории микровирусов и к главному хранилищу. Он был вне себя от радости, став вторым человеком в лаборатории. Подходя к ее двери, он представлял, как все удивятся и будут ему завидовать. Он желал, чтобы они ненавидели его за прыткость, ум и гениальность. Кирилл уже не вспоминал, что несколько часов назад трясся перед ученым советом. Теперь, как никогда, он был уверен в себе.

Кирилл вошел в лабораторию с гордо поднятой головой. Он ждал реакции, но ее не последовало. Кроме него и профессора в лаборатории никого не было. Обеденное время — большинство сотрудников спустилось в кафетерий. В Кирилла будто водой плеснули. Он помотал головой, стряхивая невидимые капли и направился к шкафу с защитными костюмами, возле которого уже стоял Данилевский. У новоиспеченного помощника появился прекрасный шанс проявить себя и он, во что бы то ни стало, намеревался воспользоваться им.

Профессор с Кириллом находились в самой дальней лаборатории и вдвоем занимались гриппоном. Оба в защитных комбинезонах, в которых проведут оставшиеся рабочие часы. Изредка кто-то из них переходил во вторую. Но и это вызывало у сотрудников лаборатории живой интерес.

Чаще прочих на Кирилла искоса поглядывал Хавеев. Ему очень хотелось отвесить несколько уничижительных реплик в его адрес. Но близость Данилевского как намордник действовала на него. Можно было скалиться, но не гавкать. Константин не мог просто так смириться с тем, что молодой неоперившийся лаборант обошел его — доктора наук.

Время пролетело быстро. К концу рабочего дня темпы работы не сбавляли только два научных сотрудника. И оба они находились в лаборатории микровирусов. Данилевский не останавливал процесс, а Кирилл и думать забыл, что у него есть другая жизнь, вне стен лаборатории. Он целиком и полностью погрузился в исследования. Когда же усталость окончательно сковала Данилевского, была уже почти полночь.

— Ну что же, Кирилл, — заговорил профессор, — я рад, что ты не посрамился.

— С-спасибо, — не ожидав похвалы, Кирилл стушевался.

— Заработались... — Данилевский посмотрел на часы.

Кирилл молчал.

— Что ж... Кир. Тебе далеко ехать, как я знаю. И мне далеко. Предлагаю остаться здесь,

в центре. Места есть...

Кирилл не знал, как реагировать. Про спальные этажи в центральном блоке институтского комплекса ходили легенды. Одна из них гласила, что номера там не уступают элитным гостиницам города. Однако проверить это простому сотруднику почти никогда не удавалось. Разрешение на размещение там получали только иногородние ученые, высокопоставленные гости центра.

Не дождавшись ответа, профессор вошел в шлюз. Кирилл опомнился и крикнул вслед: «Хорошо!». Профессор услышал, но дверь кабины уже захлопнулась. Данилевский кивнул головой. В кабине началась обработка. Через несколько секунд профессор освободил кабину. Настала очередь Кирилла. Он не медлил — профессор решил подождать его. Кирилл проследовал в шлюз. Его обдало химическим паром. Лазеры просканировали его. Кирилл потянулся к кнопке выхода. Но дверь не открылась. Кабина окрасилась в красный цвет. Система безопасности вывела на табло красными буквами: «Обнаружено постороннее вещество». Профессор насторожился. Он подошел к шлюзу. Кирилл тут же взмок. Трясущимися руками он нажал на панели несколько кнопок и процедура обеззараживания повторилась. Пар на этот раз был синего оттенка. Кабина окрасилась в зеленый. Дверь открылась.

— Что случилось? — профессор был обеспокоен не меньше помощника.

— Не знаю, — Кирилл был бледен как смерть.

— С вирусами работал предельно внимательно? — допытывался Данилевский.

— Да, профессор.

— Хорошо. Система тебя выпустила, значит, все в порядке, — заключил Данилевский. — Успокойся. Ничего страшного.

Но Кирилл испугался больше не того, что система безопасности не выпустила его, а того, что это произошло во второй раз. Страх перешел в немую тревогу, ноющую в груди.

На улице стояла непроглядная темень. Лишь тусклые фонари, изогнутые кверху, слабым светом рассеивали мрак институтских площадей. Данилевский повел Кирилла на парковку электромобилей, которые по обычаю разъезжали по территории всего центра. Кирилл глубоко вдохнул. Свежий влажный воздух, гонимый легким ветерком, выдавал идущий где-то дождь. Профессор и Кирилл сели на припаркованный на стоянке электромобиль и направились к спальному блоку. Профессор попросил помощника сесть за руль, так как сам засыпал на ходу. Дорогу Кирилл знал. Профессор почти сразу задремал.

Кирилл же думал о своем опыте. Мысль о красной двери в шлюзовой кабине лаборатории вернула его к записям, что недавно были разложены по полу в его квартире. Целый день он не вспоминал об этом. Как же он мог забыть о своем опыте? Судьба-злодейка не преминула одернуть его, стоило ему запомнить. Кирилл посматривал на дремлющего профессора, а сам размышлял над тем, как ему провести опыт. Ведь он был близок к созданию вируса нулевого иммунитета. Нужно найти время для опыта. Завтра, несмотря на субботу, лаборатория будет занята гриппом и «белой язвой». Данилевский будет всегда рядом, к тому же чиновник из министерства незримым призраком будет витать в БиоНИЦ.

Тем временем они подъехали к главному блоку. Кирилл припарковался, нажал на кнопку и двигатель отключился. На удивление профессор тут же проснулся. Он молча вышел из электромобиля. В вестибюле их встретил охранник. Кирилл был здесь впервые. Холл был залит теплым оранжевым светом. Вдоль стен стояли флаштоки всех крупных научных исследовательских центров под управлением Министерства. Ресепшен находился слева. Там

сейчас никого не было. На рабочем месте был только охранник, вышедший к ним. Обстановка в вестибюле располагала к расслаблению. Мягкие кресла и диваны, прозрачные журнальные столики и расставленные горшки с высокими деревьями. Из светильников на стенах мягко струился свет. Главная же люстра под потолком, расплзающаяся лианами с лампочками, не тревожила усталый взгляд и была отключена. Лицо дежурного охранника показалось Кириллу излишне упитанным, каким-то небрежным и заплывшим. Профессор не был настроен на какой-либо разговор и поэтому ограничился дежурным приветствием и парой фраз-распоряжений насчет Кирилла. Охранник кивнул: Данилевскому было позволена такая вольность — если он считал нужным, он мог разрешить кому-нибудь из своих сотрудников воспользоваться спальным блоком.

— Надеюсь, крыс из Министерства не на моем этаже поселили? — Данилевский уже собрался уходить, но вспомнил про присланных чиновников.

— Да бог с вами, Кирилл Иванович, они уехали два часа назад. Закончили с бумагами и вернулись восвояси.

Данилевскому явно полегчало. Он даже слегка улыбнулся. Охранник вручил Кириллу ключи от номера с позолоченным брелоком. Еще один рубеж взят. Кирилл осекся и успел окликнуть удаляющегося шефа:

— Профессор, вы не против, если я встану пораньше и приготовлю все для следующего опыта?

Не останавливаясь, профессор сухо ответил:

— Хочешь — готовь. Я буду в лаборатории к девяти, — произнес он и скрылся за дверью лифта.

Кирилл поблагодарил охранника за ключи. Оглядев фойе, обнаружил два лифта и два коридора.

— Тебе надо на пятый этаж, голубчик, — вахтер заметил замешательство Кирилла, — поднимешься, сразу направо. Найдешь.

Охранник зевнул и медленно удалился в сторону ресепшена, где находилась дверь в комнату. Кирилл остался один. Часы на стене между лифтами показывали — тридцать две минуты первого[ТС1]. Кирилл огляделся по сторонам и остановился на двери, за которой скрылся охранник.

Через две минуты Кирилл уже заводил двигатель электромобиля. До девяти часов, когда профессор Данилевский прибудет в лабораторию, у Кирилла есть несколько часов для осуществления задуманного. Все словно нарочно сложилось именно так: его повысили несколько часов назад и теперь он имеет доступ к лаборатории в любое время — никто не спросит с него. Да и разгуливать ночью по территории института простым лаборантом было бы сложно. Плюс ко всему — министерской комиссии, во главе с тем лукавым чиновником, уже нет, и охрана снова перейдет на обычный вялотекущий режим службы. Все как нельзя идеально!

Кирилл остановился возле лабораторного корпуса. Еще раз посмотрел на часы. Все нормально. На максимальной скорости доехал за пять минут.

— Стоять! — раздался женский голос, не дав Кириллу отойти от парковки.

— Елана?

— А что тут удивительного? — она была не в духе. — Я тоже здесь работаю. Не забыл? Или нет, дай угадаю — целую неделю мы толком не виделись с тобой. Пара фраз, объятия для галочки. Я вообще для тебя кто? И сегодня о твоём повышении я случайно узнаю от

Анатолия Сергеевича, а не от тебя. И ты теперь не желаешь со мной даже общаться?

— Милая, да ты что. Просто поздно уже. А ты еще на работе, — Кирилл поспешил крепко обнять возлюбленную.

— Сегодня моя смена готовить систему к утренней проверке, — уткнувшись в грудь любимого, бормотала Елана.

— Прости меня, — он целовал ее в лоб, — прости, я так заработался. За всю неделю прости. Я — одержимый. Всю неделю все шло не так. Мне нужно было тебе все рассказать. Но, мне трудно. Ты же знаешь, когда я скатываюсь вниз, то перед лицом всегда мама. Я не могу с этим справиться. Простишь? — Кирилл посмотрел жалостливым взглядом на любимую. — А сегодня, сегодня меня готовы были растерзать на совете в Министерстве науки, — Кирилл светящимися глазами посмотрел на Елану. Он наконец-то нашел кому выговориться.

— В Министерстве? — удивилась Елана.

— Да! Представляешь? Я им показал, что я не просто лаборант. И меня повысили, — он крепко ее обнял.

— Это, конечно, хорошо. А как же я? Как же мы? Ты совсем забыл про меня, — жалобно скулила Елана.

— Прости... Нас с Данилевским обязали провести за три дня сложный опыт. Сейчас я очень занят.

Кирилл не выпускал Елану из объятий. На миг он расслабился и забылся. Они стояли на улице и крепко обнимались. От удовольствия снова видеть любимого Елана зажмурила глаза. Кирилл гладил ее по спине. Его часы сверкнули, отражая свет фонаря.

— Мне надо идти, — Кирилл отстранился.

— Куда? Так поздно? — обиженные глаза смотрели на Кирилла.

— Данилевский попросил приготовить реагенты...

Кирилл попытался улыбнуться, но вместо улыбки на лице возникла корявая тонкая нить губ. Он редко улыбался. Это всегда происходило спонтанно, когда никто не ждал и не видел. Иногда во время прогулок с Еланой, когда они гуляли вдоль городских каналов.

Елана готова была расплакаться. Глаза быстро наливались слезами.

— Ты опять уходишь? — дрожащий голос не в силах был что-либо изменить.

— Опыт очень важен для нас, — не оборачиваясь, сухо ответил Кирилл.

Он подошел к двери. Ввел личный код.

— А я? — последняя попытка остановить любимого.

Кирилл уже скрылся за дверью. Но его тянуло обратно. В его теле торчал крючок, который больно одергивал назад. Кирилл подошел к лифту, собираясь с мыслями. Он повернул голову в сторону входных дверей... и нажал на кнопку вызова кабины. Мысли об опыте взяли верх.

Вскоре Кирилл уже был в лаборатории. Не теряя ни минуты времени, он приступил к работе. Для начала Кирилл приготовил для себя биологически активный концентрат, который он выпил залпом. Эта смесь не даст ему заснуть всю ночь. Ночное дежурство обещает быть долгим. Он посмотрел на лабораторные часы и со злостью стукнул кулаком по столу: на это у него ушло десять минут. Кирилл достал из своего личного шкафчика мамины биоматериалы и направился в шиюзовую камеру.

Время полетело. Сперва Кирилл работал во второй лаборатории, где механические руки помогали ему по мере необходимости. Он решил не спешить заходить в третью. Ему не

хотелось надевать защитный костюм, а здесь достаточно было халата, перчаток и защитной маски. Но страх, как термит грыз его изнутри.

За прошедшую неделю Кирилл несколько раз повторял свой опыт. Уже без бумаг и электронных записей он знал, что за чем делать. Как и всегда Кирилл все старательно фиксировал. Но вдруг его желудок издал жалобный стон. Кирилл только теперь вспомнил, что за весь день почти ничего не ел. Очередное достижение. Они с профессором как приехали, так за все время проведения опытов ни разу не выходили из лаборатории, чтобы подкрепиться. Живот урчал не на шутку. Жалобные просьбы сменились настойчивым требованием пищи. Кирилл сдался. Он помнил, что биоактивный концентрат, который он выпил, ускоряет пищеварительные процессы. А если вспомнить, что во рту не было ни крошки, то скоро он просто рухнет в обморок.

Кирилл с опаской вошел в кабину. Его обдало паром. Дверь окрасилась в нежный зеленый. Все чисто. Выйдя в главное помещение, Кирилл направился в подсобку, где стоял холодильник и стол, наверняка там есть чем перекусить. Отыскав молоко и шесть небольших булочек, Кирилл принялся удовлетворять требования желудка. Через пятнадцать минут от ужина не осталось и следа. Можно продолжать работу.

Предыдущие эксперименты позволили ему определиться с тем, что опыты над ВиНИ нужно проводить с присутствием кислорода. Результаты испытаний над вирусами в вакууме делало их не жизнестойкими, хотя теория казалась перспективной. Но стоило добавить кислород, объекты повели себя иначе. ВиНИ стал более агрессивным и мутировал во вторую стадию быстрее. Соединив ВиНИ II с «патологией б» Кирилл через час получил тот самый гибридный вирус, который показывал все признаки штамма позитивного вируса. Тот же результат, что он видел в течение всей прошедшей недели. Гибридный вирусный организм, который уничтожал ВиНИ в экспериментальном образце, но при этом погибал сам.

Кириллу удалось проанализировать осадок, остающийся после разрушения гибридного позитивного вируса. Радоваться было нечему. Осадок распространялся по кровотоку, повреждая сосуды изнутри и вызывая образования множества бляшек. Все лабораторные крысы, на которых он испытывал действие осадка, умирали через несколько часов. Но умирали они также и от самого штамма позитивного вируса. Хотя здесь все было закономерно. Одним из родителей штамма была «патология б», она была смертельной для животных в 99 % случаях, так как была прямой мутацией от гриппона — человеческого вируса, носителем которого животные не были. «Патология» могла стать новой головной болью для научных умов, стань она крайне заразной. Но на счастье вирусологов «патология б» относилась хоть и к опасным вирусам, но к редким и слабо распространяющимся в следствии изначально нестабильной клеточной структуры.

Перед Кириллом лежала емкость для образцов, в которой лежали волосы, частички кожи, которые он привез с собой из дома. Биообразцов осталось очень мало. За предыдущие дни он израсходовал почти все. Воздействие штамма позитивного вируса было минимальным. Он не только не убивал вирус нулевого иммунитета в человеческих клетках, но и в некоторых случаях приводил к их разрушению.

Всю предыдущую неделю Кирилл ходил по замкнутому кругу. Он успешно регенерировал новое гибридное соединение вирусов, которое не становилось панацеей. И вот сегодня он готов был пойти еще дальше. Главное — набраться смелости. Он ударил себя по щекам. Глаза горели, руки начинали трястись. Кирилл расхаживал по лаборатории: взад-вперед, кругами, стоял, уставившись в одну точку — он пытался преодолеть свой внутренний

барьер. Кирилл посмотрел на часы. Время неумолимо бежало вперед. Он в сотый раз раскладывал в уме опыт на этапы. Кирилл ходил по лаборатории, описывая руками по воздуху все то, что он делал и вспоминал записи. Он брал со стола колбочки, пробирки и пипетки: разделял растворы и соединял их. И вскоре уже знал, что мешало его позитивному вирусу быть в действительности таковым. Ответ был у него перед глазами. Он смотрел сквозь прозрачную стену на стол, который был небрежно завален бумагами. Это было его рабочее место. Сверху кипы бумаг лежал электронный планшет, а на нем отображался отчет по встрече в Министерстве науки, где главной темой была «белая язва».

Словно намагниченные, глаза приковались к изображению на планшете. Перед Кириллом проплывали его записи, его пометки на клочках бумаги и моделирование цепочек ДНК вирусов на электронном табло. Они кадрами на огромной скорости проносились перед ним, а в центре застывшая формула «белой язвы». Под натиском мыслей глаза прищурились. Где-то повисла нить развязки клубка. Кирилл оторвал взгляд от электронного девайса на столе и оглядел лабораторию. Механические руки в боксе ждали команды. На столах расставленные пробирки хранили драгоценные растворы с вирусами. В голове же Кирилла проносилось слово «родство».

Как удивительно все же устроен мозг! Он способен в секунду совершить сложнейшие вычисления, но при этом забыть о том, что «белая язва» и гриппон — родственники. На Кирилла обрушилась лавина мыслей. Он направился в пропускную камеру. Выйдя в общий зал, он поспешил к шкафу с защитными костюмами. Работать предстояло в дальней лаборатории. Застегнув последние липкие замки, Кирилл воссиял улыбкой победителя. Он почувствовал, как руки наливаются силой и как схватил удачу за шею. По-другому и быть не могло!

Кирилл подошел к пульта управления во второй лаборатории, приказал механическим рукам готовить очередную порцию штамма позитивного вируса. С собой в третью лабораторию он взял биообразцы своей матери. Набрав код доступа к панели управления, Кирилл включил закрытый бокс. На задней его стенке находилась дверца в хранилище ампул с вирусами. На приборной панели Кирилл сверился с каталогом и ввел необходимую комбинацию. Из хранилища появился механический держатель с ампулой раствора, в котором содержались чистые монии. Механическая рука взяла ампулу и, разрезав ее сверху, ввела внутрь микропипетку. Тем временем из второй лаборатории механические руки доставили пробирку с раствором штамма позитивного вируса. Кирилл поместил пробирку в буфер. Вторая механическая рука вытащила ее и разместила на рабочей поверхности бокса. Приказав начать смешивание, Кирилл скрестил пальцы на руках.

Повинуясь сигналам пульта управления, руки-помощники разделили вещество из пробирки на три равные части. Отделив унцию от общей массы «белой язвы» механическая рука соединила ее с веществом в первой пробирке. «Белая язва» стала проникать в полупрозрачное вещество. Началась реакция — в пробирке появились пузырьки. Они медленно всплывали на поверхность, выделяя темно-серый пар. Кирилл ждал, что будет дальше. Уже через секунду пузырьков стало в два раза больше, спустя секунд тридцать вся жидкость «кипела», выделяя темно-серый пар. Кирилл взглянул на дисплей панели управления. Температура вещества не увеличилась. Несколько нажатий кнопок и анализатор состава воздуха выдаст данные по выделяемому газу. Но не успел Кирилл ввести команду, как выделение газа прекратилось. А через полминуты на экране высветилось: «Посторонних газов нет». Не может быть! Пузырьки в жидкости лениво перекатывались друг через друга.

Вещество изменило свою структуру и приобрело вязкость. Кирилл внимательно наблюдал за происходящим, пока автоматика регистрировала с датчиков в боксе малейшие изменения. Ни капли пота на лбу, ни учащенного сердцебиения, — Кирилл был полностью сосредоточен. Датчики зафиксировали падение активности реакции. Кирилл приказал нагреть пробирку до температуры 36,6 градусов. И реакция возобновилась. Механизированная рука сделала забор пробы и поместила ее под электронный микроскоп. Кирилл уставился в монитор. Моники, будучи в несколько раз меньше по размеру, атаковали позитивный вирус. Однако видимых деформационных процессов не наблюдалось. Вирус лишь изредка подергивался. Вскоре в капле раствора не осталось моний. Все они были внутри позитивного вируса. Пора добавить к раствору вирус нулевого иммунитета и посмотреть на результат.

Механическая рука сделала забор микропипеткой и добавила малую часть раствора с вирусом из крови Екатерины Валерьевны. И в ту же секунду ВиНИ начал атаковать позитивный вирус и беспорядочно делиться. Вскоре в одной маленькой капле не было ничего, кроме ВиНИ. Но уже через минуту вирус нулевого иммунитета стал разрушаться. Словно из коконов из него появлялись маленькие усатые клетки. Анализ подтвердил, что эти усатые малыши — монии. Однако они сильно отличались от своей характерной структуры. Требовался более глубокий анализ. На это ушло около часа. На мониторе отображались монии, подвергшиеся быстрой мутации. Кирилла охватило волнение. В одночасье ему представилось, что он получил лекарство от самой страшной болезни из всех существующих.

Кирилл боялся развить мысль дальше. Слишком опасна она была и способна увлечь туда, где стирается грань понимания: что верно, а что нет. На мониторе отображался раствор, в капле которого мирно сосуществовали штамм позитивного вируса и монии вокруг. «А что будет дальше?», — пронеслось у него в голове. Время еще есть — почему бы не подтвердить или не опровергнуть свою догадку?!

Кирилл приступил к детальному анализу. Он смешал всю жидкость штамма с позитивным вирусом с ВиНИ, потом с мониями. Отделив небольшую часть от общего раствора, он отдал команду запаять ее в капсулу. Оставшуюся часть Кирилл собирался разобрать на составляющие.

Через час работы он понял, что получившийся состав после взаимодействия моний и штамма позитивного вируса лишь промежуточное состояние. В структуре моний не хватало некоторых комплементарных связей. Если это и была «белая язва», то она была крайне ослаблена и лишена всяческой агрессивности. Монии в растворе были не опаснее амебы в капле воды. Чтобы понять, что действительно представляет собой полученный гибридный штамм, нужно было завершить мутацию моний и позитивного вируса. Кирилл предположил, что их можно объединить в симбиоз. И если это действительно получится, то можно будет говорить о создании полноценного лекарства от «белой язвы». А для этого необходимо ввести новый реагент, способный завершить мутацию. Кирилл раскладывал гибридный штамм на составляющие, проводил экспресс-тесты для выяснения морфологических, физических свойств препарата. Но система не могла определить полный спектр свойств штамма и выдавала стандартный набор заключений: «обнаружено неизвестное соединение», «обнаружены поврежденные монии». Кирилл злился. Неужели все впустую? Все сводилось лишь к одному — чего-то не хватает.

Кирилл стоял у панели управления и просматривал на другом мониторе различные

сведения о вирусах, формулах. Ему нужно было заняться чем-то, так Кирилл искал зацепку, способную его натолкнуть на разгадку. Он просматривал формулы, которые компьютер находил по заданным параметрам. Кирилл тут же в уме проводил опыт, раскладывал его, смешивал вещества и на мысленных листах бумаги выводил результаты. Он искал выход из тупика. Искал усиленно и настойчиво. Пока, наконец, выход не был найден. Ему нужен был наркотик, вернее синтетическое вещество, открытое учеными около 70 лет назад для борьбы с некоторыми патогенными вирусами. Однако у этого вещества был большой недостаток — он вызывал привыкание, а дальнейшее употребление приводило к галлюцинациям и быстрой деградации нервной системы. Это было то, что нужно.

Синтетическое вещество было названо по фамилиям двух ученых, открывших его — «Сал-Аманд-6». На черном рынке его прозвали просто — «саламандра». Она была крайне агрессивной и очень эффективной для активации мутагенных процессов. Это могло решить проблему с мутацией моний. Но, несмотря на найденное решение, Кириллу от этого легче не стало. «Сал-Аманд-6» нельзя было просто так получить. Однако Кирилл знал и другой способ достать «саламандру», гораздо неприятнее, но с меньшим количеством вопросов.

Раздался сигнал радиорубки. Охрана проводила, обещанную Еланой, проверку системы безопасности. Кирилл опомнился. Он посмотрел на часы на стене. Стрелки безразлично показывали ровно шесть часов. Любоваться результатом труда было некогда. Ведь еще нужно было приготовить лекарство для мамы. Кирилл запаниковал. Он не успеет. Подбежав к панели управления, он приказал механическим помощникам начать уборку. Оставалось три часа до прихода профессора. Кирилл бегло перебирал по панели пальцами и резво жал на кнопки. Механические руки суетились. На дисплее появлялись дополнительные данные и главное... формула вещества! Компьютер, наконец решил, что это за вещество и вывел длинную цепочку формулы.

Кирилл направил данные на свой электронный блокнот. Он изучит их после. Отключив монитор, он приказал механическим рукам запаять полученное вещество в ампулу. Через несколько минут рука-помощник держала маленькую запаянную капсулу чуть больше сантиметра длиной и трех миллиметров в диаметре. Кирилл насупился — вещества было очень мало. Но этого должно было хватить на следующий этап исследований. Если он окажется прав, то больше ему не придется проводить опыты поздно ночью.

— Теперь ты не испаришься, — глядя на маленькую капсулу, улыбнулся Кирилл.

Механическая рука поместила капсулу в буфер. После обработки капсулы, бокс открылся. Но Кирилл не спешил за долгожданным зельем. Он отдавал последние указания помощникам уничтожить все следы ночной работы. Кирилл завершил копирование данных на планшет и удалил все сведения с основного компьютера лаборатории. Оставалось одно — решить, что делать с капсулой. Система безопасности не даст вынести предмет из лаборатории и двери кабины не откроются. Кирилл стоял в раздумье, посматривая на часы: 06:30

— Черт! — выругался Кирилл.

Оставлять капсулу нельзя, вынести не получится — система сканирует человека перед выходом. Положи он капсулу в рот — система обнаружит инородный объект. «Как быть?», — думал Кирилл. Он носился по лаборатории, пытаясь найти решение. Стоп! Порядок действий выстраивался в ряд. Он подбежал к шкафу с дополнительным инвентарем. С одной полки он взял марлевый диск, портативный регенатор, похожий на толстый клеевой стик, с другой — шприц-пистолет. Быстро поменяв калибр, он подбежал к буферу. Вытащил

капсулу и замер...

Кирилл смотрел на нее, пожирая глазами ее хрупкую оболочку. Такая маленькая, но такая смертельная. Ключ в будущее. Еще чуть-чуть и будет сделан прорыв в микровирусологии. И Кирилл станет первым среди равных. В этой капсуле заключен труд многих месяцев работы в институте. Все что так жаждал получить. Шанс, один из миллиона. Лестница в небо, путь в учебники по вирусологии. Все это у него в руках, в такой маленькой капсуле.

— Что же я делаю? — Кирилл посмотрел на шприц.

В коридорах раздался сигнал оповещения системы охраны.

— Я не могу тебя потерять, — вернулся к прежним мыслям Кирилл и зарядил капсулу в «пистолет».

Кивнув своим мыслям, он зашёл в пропускной шлюз. Кирилла обдало паром. Еще несколько секунд и система выдала ожидаемое: «Обеззараживание завершено» и следом «В камере присутствуют посторонние объекты». И дверь окрасилась красным. Кирилл выдохнул — действовать нужно осторожно без суеты. Он сложил инструменты в угол на полу. Не совершая резких движений расстегнул воротник, соединяющий защитный шлем с остальным костюмом. Не снимая его, отлепил кнопки так, чтобы высвободить левое предплечье. Чертовски неудобно делать это в тесной кабине. Становилось душно, но все идет именно так как задумано: капсула дополнительно обеззаражена и полностью безопасна — не считая ее содержимого. Кирилл протер плечо антисептическим диском и приставил к левому предплечью. Выдохнул и нажал на курок.

От боли Кирилл едва не вскрикнул. Он представлял этот процесс куда менее болезненным. Осмотр места укола подтвердил, что капсула вошла достаточно глубоко. Нужно промокнуть от крови и закупорить регенатором. Прозрачный гель из показавшегося кончика на конце стика, покрыл небольшую алую дырочку в коже. Биогель на основе выведенного синтетического коллагена заполнит рану и ускорит регенерацию кожи. Процесс неприятный по ощущениям, но спасительный.

Гель твердел быстро и приобретал матовый оттенок. Вскоре его будет почти не отличить от самой кожи даже по тактильным ощущениям. Лишь белые края по окружности будут выдавать искусственную закупорку раны в небольшой выпуклости на коже.

Кирилл натянул защитный костюм и внимательно проверил все застёжки. Можно возвращать инструменты обратно в третью лабораторию. Осторожно, чтобы не помешать чистильщикам он разложил все по полкам и вернулся в шлюз. Вперед!

Выйдя во вторую лабораторию, Кирилл поспешил к панели управления. Все как по маслу. В течение минуты на столе появились необходимые реагенты, порошки, ампулы с растворами и несколько пластмассовых этажерок с разноцветными таблетками. Механические руки разместили на столе 32 пробирки. Вытащив из памяти блокнота рецептуру лекарства, Кирилл нажал на кнопку «выполнить» и механические руки приступили к смешиванию реагентов в пробирках. Постепенно наполняя их, помощники размещали пробирки в смесителях и поочередно смешивали растворы. Кирилл тем временем рассчитывал очередную дозу порошка из смеси разных лекарств. Он смотрел на последние результаты анализов, присланных сестрой, и аккуратно взвешивал порошки и таблетки. После чего разделял их на неравные порции. Когда же все пробирки прошли через смесители, Кирилл пересыпал в них порошок. На горелках вместе с механическими помощниками он контролировал процесс реакции, после чего снова направлял их в

смеситель. Лекарство было готово.

Кирилл посмотрел на часы. Прошло полтора часа. Нужно было запаять растворы в ампулы и очень быстро, пока оно не начало испаряться. Поместив все 32 пробирки в бокс, он отдал команду — разделить раствор по герметичным капсулам. Процесс долгий, учитывая их количество. Пока роботы всю старались, Кирилл вышел в общий зал, снял с себя костюм и повесил его обратно в шкаф. В спешке он собрал все бумаги в одну кучу, расчистил стол и достал оранжевый маркер. Вскоре из бокса стали показаться первые запаянные ампулы. На каждой из них был наклеен информационный бумажный стикер указывающий состав и дозировку раствора. Каждая ампула, по сути, содержала разный раствор, но на одной основе.

Кирилл поставил все капсулы на стол и принялся окрашивать белые бирки оранжевым маркером. Это был любимый мамин цвет. Докрашивая последние ампулы, Кирилл поймал себя на мысли, что никак не может избавиться от мутации моний. Неужели полученный позитивный вирус привел к мутации моний? Такое представить себе можно лишь в самых смелых теоретических предположениях. Что и делал Кирилл. Он прокручивал в голове ночной опыт и понимал, что его вирус смог изменить структуру моний. Однако Кирилл вновь осадил себя. Он слишком мало знал о мониях «белой язвы» чтобы быть полностью уверенным в том, что монии действительно мутировали.

Ровно в девять часов в лабораторию вошел профессор Данилевский. Он был пунктуален. Ни сказав ни слова, он прошел к своему месту. Кирилл сидел за своим столом и заканчивал бумажную работу. Через десять минут в лабораторию вошел Винбург.

— Доброе утро профессор, — чиновник остановился в дверях.

— Откуда у вас код? — настройка Данилевского тут же направилось в кювет.

— Ваш директор, Антон Исаевич, любезно предоставил мне ключ от лаборатории, — ухмылка так и блистала на лице чиновника. — Я просто хотел убедиться, что вы приступили к работе.

— Как видите, мы оба здесь, можете быть спокойны, — выпроваживал Данилевский министерского засланца.

— Да, я вижу, что вы четко следуете распоряжению директора. Я рад видеть, что господин Семиовский ассистирует вам. Когда видишь двух гениев за работой, сомневаться не приходится в верном результате. Но вы правы — я здесь лишний. И не беспокойтесь, вам мешать я не намерен. Просто мне необходимо сообщить вам, что министр Терен пригласил вас на личную встречу.

Данилевский замер. Винбург сиял «добродушной» улыбкой. Кирилл, оторвал голову от бумажной работы и смотрел на профессора.

— Чем обязан столь высокой чести? — спустя минуту ответил профессор.

— Люди моего порядка не задают лишних вопросов. Вот и вам я советую... прийти сегодня в Министерство к двум часам дня. Министр будет у себя в кабинете. Думаю, вы понимаете, что время у него ограничено, — чиновник выдержал секундную паузу. — До встречи, — и вышел вон.

Данилевский сидел задумавшись. Предложение чиновника застало профессора врасплох. Министр науки Российской Федерации — Терен Максим Сергеевич, вот уже год не встречался ни с кем лично и не ездил на совещания с президентом. Состояние его кожного покрова резко ухудшилось в последнее время, и даже революционный дермафорт перестал помогать. Из месяца в месяц биокожа хуже адаптировалась к телу Терена. Проводя

очередное обследование, врачи строго запретили надевать биожу в течение года. Но, несмотря на необходимость проводить большую часть жизни в сохранной капсуле, это не мешает ему выполнять должностные обязанности. Президент России чтит и уважает его. Хотя ему не раз предлагали отправить больного министра в отставку и найти кого-нибудь мобильнее. Однако глава России не спешил с этим решением. Фигура Терена была столь монументальной, сколь колоссальным было его влияние на отечественную науку. Однако через месяц, когда Терен очнулся в больнице после комы, он сам подал прошение об отставке. Тогда президент счел этот поступок поспешным и предложил подождать. Лишиться жесткого и креативного министра науки было не с руки. Благодаря Терену наука России укрепилась на сегодняшних высотах. Министра уважали и считали одним из ярчайших функционеров научного мира. Он умело сочетал в себе ученого и управленца. И такого симбиоза нельзя было лишиться.

Данилевский видел Терена всего трижды. Это было больше трех лет назад. Сегодняшнее приглашение не могло не быть молнией среди ясного неба. Одновременно с возникшим волнением, Данилевский остро чувствовал что-то неладное. И оттого, что разъяснений сверху как всегда не поступило, становилось все больше противно от этой неясности, которая провоцировала его нервозность. Профессор окончательно потерял покой. Он сидел за столом, перебирая старые отчеты. Просматривал файлы опытов и, конечно же, внимательно изучал вчерашние. Со всем этим он даже и не заметил, что Кирилл так и не подготовил все к сегодняшним опытам. К десяти профессор вместе с Кириллом приступил к работе. За время усердной задумчивости Данилевского, Кирилл успел провести всю подготовительную работу. Все бланки были заполнены, а данные по сегодняшним опытам были введены в компьютер.

Но совместная работа продолжалась не долго. В половине первого за Данилевским прислали машину из Министерства. Данилевский и Кирилл вышли из лаборатории. Кирилл сел за свое рабочее место. Нужно было ввести полученные данные в электронные бланки, которые он приготовил еще утром. Данилевский качивал работу за своим столом. Вносил свои данные в компьютер, пополнял записями электронный журнал. Когда же все было сделано, он подошел к вешалке: повесил халат, надел свой темно-зеленый пиджак, который жутко ему не походил. Уходя, он остановился перед дверью.

— Кирилл, на сегодня ты свободен, — профессор сурово смотрел на своего помощника.

— А как же опыты? Мы же их не доделали? — возразил Кирилл.

Вдруг суровость взгляда профессора куда-то рассеялась.

— Закончишь работу, закроешь лабораторию... на сегодня все, — не объяснив ничего, профессор вышел из лаборатории.

Последний взгляд профессора не понравился Кириллу. Тяжелый и очень усталый. Еще ни разу профессор не был столь приземленным. Кирилл сидел и размышлял. Данилевский был каким-то другим. На все результаты тестов и опытов он реагировал с большим участием, волнением даже. «Неужели его так расстроили слова чиновника?», — терялся в догадках помощник. Он посмотрел на часы — без пятнадцати час. Надо заканчивать работу. Кирилла повело в сторону. Действие энергетика, который он принял днем, заканчивалось и его резко тянуло в сон. К тому же нужно было и позавтракать, хотя вернее будет сказать — пообедать. Кирилл смотрел за прозрачные стены лаборатории. Его тянуло туда. Нужно было выяснить, что за вещество получилось у него и что же происходит с монями под воздействием позитивного вируса. Но конечности наполнялись свинцом.

Последние минуты заполнения бланков показались бесконечностью. Кирилл уже не различал, что именно пишет. Он чувствовал себя Гулливером, которого канатами тянут к столу. Изо всех сил он пытался выстоять. Отложив в сторону последний бланк, Кирилл встал из-за стола. На главной панели управления, на столе профессора, он нажал на кнопку завершения работы, надел легкую куртку и вышел из лаборатории. Нужно было как можно быстрее попасть в кровать. Ключ с позолоченным брелоком от комнаты в спальном блоке все еще был у него. Туда Кирилл и направился. В коридорах почти никого не было и состояние помощника профессора заметили разве что камеры слежения. Еле усадив себя за руль электромобиля, Кирилл нажал на педаль газа. Свежий воздух немного бодрил. Доехав до спального блока, Кирилл посидел несколько минут в машине, чтобы надышаться ветром. Этих сил должно было с лихвой хватить на путь до кровати. Впрочем, как именно он дошел до нее, Кирилл уже не вспомнит. Как и не будет помнить подозрительного взгляда персонала блока. Он дошел до своего номера и вставил электронный ключ. Дверь распахнулась. Кровать была прямо перед ним, всего в паре метров. Это было самым прекрасным на тот момент в его жизни. Кирилл рухнул на кровать и его мозг скомандовал отключение.

За уходящим солнцем пришел вечер. Необычно теплый мартовский день бескомпромиссно отступил. Свет померк быстро. Небеса накрыло плотным покрывалом серых туч. Ранняя весна напоминала о своем изменчивом характере. Неделю назад только сошел снег, но за городом все еще властвовали призраки ушедшей зимы. Они, как немые партизаны, скрывались в заснеженных грязных холмах. В город они не совались. Город охраняли и чистили регулярно. Зима порядком всем надоела — слякотная она выдалась в этом году. Редкий снег и частый дождь могли испортить самую фееричную зимнюю сказку. Ночь пришла в город быстро.

Кирилл проснулся около десяти часов. Голова была ясной, тело ломило — оно пролежало в одной позе несколько часов. Желудок агитировал на поиски хоть какой-нибудь пищи. В комнате не видно ни зги. Из окна сочилось бледное зеленое сияние от университетских фонарей. Кирилл вспомнил, что он в спальном блоке. Место, куда хотели попасть многие и провести здесь хотя бы одну ночь. Кирилл подошел к стене и включил свет. Яркое освещение больно ударило в глаза. Но уже скоро Кирилл свыкся с бьющим сверху светом и, приоткрыв глаза, осмотрел комнату.

Удивлению его не было предела. Его номер был полной противоположностью представлениям младшего персонала о фешенебельном спальном блоке. Обычный однокомнатный номер с совмещенной уборной. Комната была поделена на две условные зоны: спальную и рабочую, в которой находился стол, бар и холодильник. Пара шкафов, три кресла и два деревянных стула рядом с журнальным столиком. Кирилл усмехнулся. Хотя мысль о том, что ему дали «бедный» вариант из-за невысокого статуса, все равно промелькнула. Живот со злостью проорчал. Нужно было что-нибудь съесть.

Кирилл прошел к холодильнику. Ничего. Он был пуст. Да и откуда там взяться еде? Кирилл сел на кровать. Он размышлял о том, где можно было достать что-нибудь съестное. Мысль о круглосуточном магазине в квартале от БиоНИЦ пришла быстро. Направившись к выходу, Кирилл прошел мимо зеркала на стене. Он увидел свое отражение. Сильно помятое лицо и куртка. На голове взъерошенные волосы стояли непонятной ветвистой фигурой. Кирилл зашел в ванную комнату. Снял с себя верхнюю одежду, свитер и футболку. Он посмотрел на левое предплечье, на место, куда вколол капсулу с веществом. Ранка

затянулась, и о чужеродном предмете напоминал лишь едва заметный бугорок. Кирилл провел по нему рукой — колкая боль побежала в разные стороны. Ополоснув лицо, он замер. Узкое худое лицо. Даже едва различимы скулы стали проступать через кожу. Сильно впалые глаза. Опять небритый. Проводя рукой по жесткой щетине, Кирилл продолжал думать об опыте. Нужно довести его до конца. Необходима «саламандра». Кирилл смочил и причесал волосы. Он так и не сходил к парикмахеру. Через десять минут он уже направлялся к главному выходу. Еда уже стояла на втором месте.

Кирилл вышел из БиоНИЦ, погруженный в угрюмые мысли. Они привели его к набережной Белого канала. Это был самый широкий канал в Химграде. Кирилл смотрел на противоположный берег, где в ярких огнях прожекторов сиял концертный зал, увенчанный массивными шпилями. Его выпуклые стены, словно скопление громадных мыльных пузырей, преломляли свет в радугу. Легкость пузырчатого дизайна переходила в массивные гладкие вертикали, устремляющиеся вверх. Холодный воздух помогал думать. Судьба играла с ним и снова попыталась загнать его в очередной тупик. На этот раз она воздвигла перед ним преграду куда серьезнее. Но быть может это не препятствие, но предупреждение? Может, стоит остановиться? Разные мысли мешались в голове. Преграда или предупреждение, — синонимы загадки. Ее надо было решить. Кирилл не собирался отступать. Напротив, он готов поступить для себя самым необычным образом и попросить о помощи человека, к которому бы пошел только в самом крайнем случае. Другого выхода Кирилл не видел. Он выпрямился, продолжая смотреть на гордо возвышающийся центральный шпиль концертного зала. За последнее время произошло слишком много событий, чтобы останавливаться на достигнутом. Продолжать просто необходимо. Недавно простой лаборант, сегодня помощник профессора, а завтра... профессор Семиовский Кирилл. «Тезке придется подвинуться», — язвил он. Кирилл бросил последний взгляд на сияющее здание и направился вдоль берега к станции метро имени Н. Ласара.

Путь Кирилл держал на Васильевский остров, на берег Финского залива. Почти на самом берегу недалеко от гостиницы «Прибалтийской» стоял один из престижных клубов старого Санкт-Петербурга — «Невь-8». Клубный комплекс включал в себя: непосредственно сам клуб, где молодежь проводила свой ночной досуг и элитный ресторан, где уютная обстановка позволяла отдохнуть и приятно потратить деньги. В клубе Кирилл намеревался разыскать своего давнего знакомого, который мог бы ему помочь с получением «саламандры». Этот знакомый, впрочем, не из тех, в чьем обществе Кириллу хотелось бы находиться. Однако цель важнее неприязни.

Кирилл смотрел в окно полупустого вагона, отъезжающего со станции имени Н. Ласара. Это радовало. Но долго сидеть Кириллу не пришлось: он уступил свое место вошедшей беременной даме. Еще через несколько станций вагон забился до отказа. Кирилл любил смотреть в окна поезда. Пусть там ничего не видно. Черная стена мрака. Но его всегда притягивала темнота заброшенных старых тоннелей, которые только что прорыли, и строители прокладывают новые пути. В этой почти непроглядной мгле было что-то притягательное. Что-то манило к себе каждый раз, когда Кирилл заходил в вагон поезда. Его состав, словно луч солнца, врвался в глухой мрак и на мгновение освещал небольшие участки мрачных подземелий, а потом уносился вновь, забирая с собой свет и бурлящую жизнь. Но Кирилл смотрел дальше. Его взгляд приковывали глубины, где света не было вообще. Устремляясь в пустоту мрака, Кирилл ждал, что он увидит что-то, разглядит в темноте не только свое отражение, но и свет, там в глубине.

Невдалеке возник бледный огонек. Слабый желтоватый отсвет фонарей освещал пространство вокруг себя — это строители. Черные балки, доски, рельсы, какие-то вагоны. Они не строят, они проводят профилактические работы — догадался Кирилл. Но ничего кроме бледного света фонарей не было. Словно там и не было никого. Но вот вдали показалась чья-то тень. И вмиг мрак тоннелей, окружающий небольшую полосу света, рассеялся. Появилась вторая тень. Рабочие заступали на вечернюю вахту. Вторая тень намного больше первой. Не просто большая, она увеличивалась. Игра тусклого света и теней? Но ведет себя как-то странно. Кирилл поворачивал голову в сторону уходящей полосы света, стараясь как можно дольше не терять из виду тоннель с огоньками. Он видел, как вторая тень будто пляшет на свету. Она внезапно сжалась, тут же увеличилась и обрушилась на первую. Свет тусклых фонарей замерцал и внезапно померк. Холодок пробежал по спине Кирилла. Он развернулся в салон вагона: видел ли он это на самом деле или просто разыгралось воображение? Но больше он в окно не смотрел.

К десяти вечера Кирилл был уже на Приморской. На автобусе добрался до гостиницы «Прибалтийская». Оттуда до клуба рукой подать. Кирилл шел вдоль берега, пряча голову от пронизывающего ветра в воротник. До клуба оставалось меньше километра. Чем ближе он был, тем медленнее шел. Вдали виднелись яркие огни заведения. Они манили к себе ночных тусовщиков-мотыльков, жаждущих оторваться в самом модном клубе старого города. Кирилл остановился. Он смотрел на очередь из желающих войти; строгая охрана пропускали лишь немногих. Несмотря на холод, страждущих попасть в «Невь-8» было хоть отбавляй. Кирилл помотал головой: как столько людей могут стремиться в этот гадюшник — место, о котором ходят столько отвратительных слухов. Кирилл мешкал. Про себя он усмехнулся, ведь сам стремится туда. Может и у них есть повод. Большинство из тех, кто стоял в очереди так или иначе были зависимы от легкого наркотика, который прозвали «кипятком». Кирилл не шел, он волочил ноги. Сердце вдруг стало колотить так, будто пытается вырваться из груди. Горло ответило резкой болью, как только Кирилл попытался сглотнуть. Рукой он дотронулся до того места куда вживил капсулу. Тяжело вздохнул и быстрым шагом пошел в клуб.

— Стой! — широкоплечий охранник вытянул руку.

Кирилл не поднимая головы, остановился.

— В очередь!

— У меня важная встреча, — пробормотал Кирилл.

Охранник задумался, еле слышимые слова медленно доходили до высоко сидящей головы здорового бугая. Кирилл подался вперед. Охранник задержал его рукой.

— Экий ты приткий, — он наклонил голову, чтобы взглянуть в лицо настойчивого посетителя.

— Мне нужен Кнут, — Кирилл вдруг посмотрел на охранника злыми глазами.

Бугай напрягся. Даже на лице его перекаченные мышцы съежились в комок, губы сжались, правый глаз дернулся. Кирилл приготовился к удару. Но охранник лишь внимательно смотрел на него.

— Я узнал тебя, — кулаки охранника чесались, но он сдерживался. Недобро прищурив глаза, он смотрел на Кирилла.

— Он мне нужен.

— И что? Ты думаешь вот так можно прийти сюда и войти?

— Мне, правда, нужно...

— А кто сказал, что это нужно ему? Убирайся пока кости целы.

Кирилл оглянулся по сторонам. Толпа молодежи, ожидающая своей очереди, наблюдала за перепалкой. Кирилл то сжимал, то разжимал руки в кулаки. То и дело поглаживал лоб, то пряча руку в карман. Сердце бешено стучало. Вот-вот задрожит голос.

— Мы с ним друзья, он со мной...

Не успел Кирилл договорить, как на него обрушился каменный кулак охранника. Толпа загудела и завизжала. Кто-то застрекотал едким смехом. Так то, лезть без очереди. Кирилл оперся на руку. Сильно шатаясь, он попытался встать. На правой стороне лица сиял красный след от кулака. Кирилл провел рукой по месту удара — крови не было. И снова подошел к охраннику.

— Я должен увидеть Кнута.

Охранник демонстративно оглядел лицо Кирилла, почесывая пальцами приготовленный правый кулак.

— Убирайся, — лишь процедил охранник, запуская очередных посетителей.

Но Кирилл не унимался.

— У него есть реагент...

Охранник не дал ему договорить. Он сделал резкий выпад вперед, схватив его за грудки. Кирилл сжался.

— Миша! — прокричал охранник, не отрывая злобного взгляда от Кирилла.

Позади отозвались. Но Кирилл не видел ничего, кроме огромной физиономии охранника, заслонившего собой весь окружающий мир.

— Пстой за меня, — он приподнял Кирилла и потащил на другую сторону дороги. Он поставил его на землю и, не отпуская, произнес:

— Ты что же, выродок, считаешь себя каким-то особенным, что ли? — охранник сильно потряхнул Кирилла. — Можешь вот так заявиться и орать на всю улицу? Тебе жить надоело?

Охранник отбросил его в сторону деревянной лавочки. Тело, словно игрушечное, рухнуло на ее край. Охранник подождал, когда корчащийся Кирилл сползет на землю, и, подойдя, присел рядом с его головой.

— Придешь еще раз — сломаю пополам, а Кнута скажу, что так и было, — охранник поднялся и со всей силы пнул Кирилла по левому предплечью.

Острая боль вонзилась в тело, прорезая, словно острый нож сжавшиеся ткани и проникая все глубже. Кирилл взвыл. Но был не в силах пошевелиться. Лежа на земле, он смотрел вслед уходящему охраннику. Перейдя дорогу, тот скрылся за дверьми клуба. И больше не вышел. Кирилл лежал еще минут тридцать. Несмотря на утихшую боль, он продолжал корчиться возле лавочки. Ругая себя на чем свет стоит, свою опрометчивость и дурость.

Спустя время он все же встал и сел на лавочку. Он ждал, когда избивший его охранник появится из-за дверей. Непонятная и глупая мысль тлела внутри, что, увидев его, бугай сжалится и впустит внутрь. Но ни через пять, ни через тридцать минут охранник не появился. Окончательно продрогнув, Кирилл медленно поковылял до ближайшей остановки. Тело жутко ныло от глухой боли. Где-то в плече по-прежнему было ощущение, что в тело вонзили что-то острое. Каждому движению мышц сопутствовала острая колющая боль. Кирилл дошел до остановки. Успел на подъехавший ночной автобус. Расположившись у окна, Кирилл погрузился в сон.

Очнулся он уже на конечной. Его разбудила хлесткая пощечина коротко стриженной немолодой женщины. Одета она была в ту же серую форму с синими полоскам, что и

водитель.

Что-то нечленораздельное вырвалось наружу — язык не слушался; как не пытался Кирилл, но вся речь комкалась и путалась. Он попытался встать, но дальше, как облокотиться на руку, дело не пошло. Женщина что-то гневно приговаривала, но Кирилл не мог разобрать ни слова. Грозная дамочка была словно в тумане, расплываясь как отражение в воде. Терпение у нее кончилось примерно через минуту. Она позвала водителя на выручку — разобраться с пьяным пассажиром. Водитель не церемонясь залез Кириллу во внутренний карман куртки надеясь отыскать электронный проездной, которого не оказалось. Недовольно хмыкнув, он принялся обшаривать карманы брюк пока не вытащил скомканные купюры. Потом, схватив Кирилла покрепче, выволок из автобуса, пытаясь дотащить его до ближайшей лавочки. Все это время дамочка предрекала Кириллу смерть в тюрьме и сокрушалась, как еще всех пьяниц не выловили. Но неожиданно даже для водителя, привыкшего к тараторящей сменщице, она замолкла.

— М... М...Мааакс, — протянула жалобно она.

Водитель изо всех сил пытался не споткнуться о волочащиеся ноги Кирилла. Не в силах что-либо ответить, он только промычал в ответ.

— Брось его...

Водитель пытел. Слова лишь добавляли нервозности, отчего он только злился.

— У него... там...

— Что там?! — прикрикнул водитель. Он остановился. Тащить почти бесчувственного Кирилла было неудобно. Водитель повернул голову назад и повернулся всем телом вполоборота. В четырех шагах стояла его напарница с перекошенным от ужаса лицом. Вытянутой рукой она указывала на Кирилла. Водитель мешкал. Пытаясь не уронить немощного, он наклонил голову вниз, и стал осматривать справа, слева. Тряхнул руками, взял Кирилла поудобнее и... оцепенел. Под вытащившейся из брюк рубашкой на правом боку Кирилла были белые пигментные пятна. Похожие на толстые нити, они шли вдоль всего бока. Водитель напряженно сглотнул, на лбу моментально выступила испарина.

— Это же, — сменщица готова была впасть в истерику.

Она все держала вытянутой руку. Другой закрывала себе рот, кривящийся от проникшего в ее разум ужаса. И обрывистым голосом все повторяла:

— Это... это же... белая... яз...

— Заткнись! — буркнул водитель.

Он бросил Кирилла там, где стоял и, схватив за вытянутую руку напуганную женщину, поволок в автобус. Через секунду грузный железный исполин рванул с места.

Кирилл смотрел на небо. В далекую темную глубину мутной синевы, затянутой грязной дымкой. Изо всех сил он пытался встать на ноги. Но ни руки, ни ноги не слушались его. Каждый раз он снова оказывался на лопатках. Медленно он перевернулся на бок. Перед ним в пяти метрах лавочка. Единственная опора. Он медленно пополз к ней. Спустя пять вечных минут Кирилл попытался забраться на нее. Понадобилось несколько тщетных попыток, пока ему не удалось хоть как-то, полусидя-полулежа оказаться на деревянной поверхности.

Глаза сильно болели, впрочем, как и все тело. Кирилл пытался разглядеть, где он находится. Но глаза видели лишь неразборчивые смазанные образы. Словно по еще невысохшей картине провели тряпкой. Кирилл моргал, часто и настырно, пытаясь убрать размытое панно. Пока вдали он не увидел знакомые очертания. Высокие фонари, силуэты зданий, информационные электронные табло. Подсвеченный забор из красного гранита.

Высокое здание с парадной лестницей, возвышающийся перед ним сквер, в котором горели изящные фонари. Поморгав еще, он окончательно убедился в том, что перед ним Биологический научно-исследовательский институт. Он приехал к себе на работу. Дорогу сюда Кирилл не помнил.

В это время, кроме охраны, в БиоНИЦ никого не было. Все выглядело безжизненным и опустошенным. Возле исследовательского центра горожане не любили гулять, считая его не самым живописным местом. Небольшая площадь, перед ним. В центре находился маленький сквер, который был местом неформальных встреч для тех, кто причислял себя к ученой братии. В дни больших слетов, мрачная площадь кишела людьми в белых халатах. Сейчас же высокое здание, служившее административным блоком, словно спящий охранник с высокой башни, смотрело на площадь, на все что перед ним происходило. Легкая дремота высокой глыбы охранника только пугала. Кажется, что он вот-вот проснется и увидит тебя. Перед его многочисленными остроконечными пиками, полукруглой архитектурой, чувство подавленности и страха быть взятым в кольцо особенно обострялись. Пустые глазницы верхних, глубоко посаженных окон, заставляли то и дело смотреть наверх, словно чувствуя на себе чей-то взгляд. А подсвеченные зеленым, первые этажи сверкали окнами, преломляя падающий свет так, что вместо обычного зеркального, получалось расплывающееся пугающее во мраке ночи изображение.

Кириллу безумно нравилось, как выглядел снаружи исследовательский центр. Как он завораживает и пугает своим видом. Слово старый замок с дурной славой, он светится призрачным светом, устрашая каждого, кто смотрел на него. И сейчас набираясь сил, он сидел на лавочке и благодарил судьбу за то, что она привела его именно сюда. Он сидел на противоположной стороне площади. И кроме него никого не было. Никто не мог помешать ему любоваться. Он чувствовал себя с каждой минутой все лучше: толи от того, что он не старался двигаться лишней раз, толи от того что, смотрел на самое совершенное архитектурное сооружение. Боль мягко отступала. Постепенно возвращались ощущения окружающей среды. Холодный ветер мелкими колющими иголками дотрагивался до рук и лица. Все приходило в норму. Пока, наконец, Кирилл машинально не поднял руку, чтобы отмахнуться от надоедливой мошки, кружащей перед лицом. Кирилл глубоко вдохнул. Холодный воздух расправил сжавшиеся от былой боли легкие. Проведя ладонями по лицу, Кирилл ничего не почувствовал. Несколько мгновений он вспоминал, куда именно охранник ударил его кулаком. Он ощупал все лицо, но никаких болевых ощущений, будто и не били его вовсе. Кирилл немного поежился на месте, на предмет наличия повреждений. Все было замечательно. Ни затекших мест, ни тем более болевых ощущений. Глаза стали закрываться. Неожиданно накатила усталость. Кирилл посмотрел на часы, но их на руке не оказалось. Думать об этом усталость не позволяла. Нужно было срочно ложиться спать. Кирилл посмотрел в сторону БиоНИЦ и неуверенно поднялся на ноги. Покачнувшись, он сделал шаг. Все нормально — ноги крепко держат его. Хотя с ориентацией в пространстве еще предстоит подружиться. Кирилла повело в сторону. Но он успел податься назад и рухнул на лавочку. Нужно еще немножко посидеть. Через минуту-другую Кирилл, пошатываясь, побрел к главному входу в исследовательский центр. Кирилл нажал белую кнопку на панели справа от двери. Однако чувства его подводили. Кнопка убегала от него.

— Кирилл? — откуда-то справа раздался знакомый голос охранника.

Кирилл обернулся на звук. Мысли мешались. Он никак не мог вспомнить знакомое лицо подошедшего мужчины. Охранник же, напротив, узнал и подхватил беспомощного

путешественника. Кирилл пытался проморгаться, он заметил на форме охранника нагрудный значок с тремя большими цифрами — 777.

— Счастливчик, — пробормотал Кирилл.

— Ты ужасно выглядишь, — сокрушался охранник. — Бледный как стена.

— Нет, — возразил Кирилл. Он сопротивлялся усилиям охранника отвести его куда-то. — В спальный...

— Я отвезу тебя домой, успокойся, — охранник был настойчив.

Кирилл только и смог, что пробурчать что-то невразумительное. Он ощупал свои карманы и в боковом почувствовал бугорок. Запустив руку, он вытащил оттуда электронный ключ, но без брелока. Охранник добродушно сообщил, что эту потерю придется оплатить из зарплаты. Он довел Кирилла до машины и как можно аккуратнее уложил его на заднее сиденье.

Глава 24. Выбор

Город спал. Ночь накрыла его сухим холодным одеялом. Ни ветерка, ни малейшего движения воздуха. Не было ничего, что могло потревожить уснувшие районы. Гладь каналов отражала в своей темноте огни гранитных берегов, затягивая в свою темную глубину свет, исходящий от фонарей, не выпуская обратно. Свет города тускнел. На город шел крадучись туман. Проходя тихо между домами, под арками и мостами, вдоль узких каналов, он захватывал власть над ночным городом, сжимая своих липкие объятия. Скоро воздух остановится и туман займет осажденный город. Липкая влажность проникала везде: пробиралась в каждую щель, заходила в каждый дом, через открытые окна и форточки. Невидимыми тисками туман сжимал городу легкие. Кое-где над плотным белым покровом еще возвышались самые высокие здания и шпили, коих в городе было множество. Но и эти стройные пикинеры вскоре скроются. Туман поглотит все. Тяжелый влажный воздух всей своей тяжестью давил на город.

Наступило утро, и город увидел все то, что натворила ночь. От ночного тумана осталась лишь еле видимая дымка, паутиной опутавшая улицы города. На нескольких проспектах города и улицах, на зданиях, дорогах и памятниках зияли огромные черные парные выбоины, по виду напоминавшие царапины. Больше всего "повезло" старым уютным дворикам, вокруг исследовательского центра. Длинные выбоины "украшали" фасады каждого дома, не обошли вандалы стороной и деревья, чьи изрубленные ветви валялись вокруг. Разные по глубине и длине, царапины, казалось, были везде. По всему городу работали выездные следственные бригады. Они пытались найти по горячим следам ночных вандалов, изуродовавших часть города за одну ночь. День предвещал быть напряженным.

Зданию Биологического исследовательского центра также досталось. Северная сторона пострадала особенно сильно. Один и тот же почерк. В некоторых местах прутья ограды были просто разорваны. словно они были не из металла, а из веревок. На площади перед институтом попадались черные нити царапин, достигающие в длину до двух, а иногда и более метров.

Кирилл проснулся в своей кровати. Мысли неконтролируемым вихрем крутились в голове. Он никак не мог сообразить — каким образом он оказался в своей квартире. Ведь он точно помнил, что хотел вернуться в БиоНИЦ и переночевать там. Впрочем, чувствовал он себя свежо и бодренько. Никаких болевых ощущений, головокружений или других признаков недомогания. словно и не происходило вчера ничего. Подойдя к зеркалу в ванной, Кирилл с удивлением обнаружил, что на его лице в довесок к отсутствующим болевым ощущениям нет ни единого намека на синяк. «Приснилось?», — засомневался Кирилл. Но картина мощного удара охранника клуба яркой вспышкой возникла перед глазами. Кроме мыслей о невероятном везении, в голове Кирилла ничего не возникло. Вернувшись в комнату, он обнаружил на тумбочке у кровати записку: «Зайдешь ко мне, драчун» и подпись — Петр. Кирилл улыбнулся. Вот как он попал в квартиру! Охранник со знакомым голосом был одним из немногочисленных хороших знакомых в его жизни и, пожалуй, единственным почти-другом в Химграде. Петр работал в институте уже пять лет и был старше Кирилла на четыре года. Они познакомились в первый день работы Кирилла в исследовательском центре. На удивление, сдружились быстро. Кирилл был неразговорчив, а Петр лишнего не спрашивал.

Они общались лишь на объединяющие их темы — космос и хоккей. В институте их дороги пересекались редко, поэтому услуг по работе оказывать они друг другу не могли. Возможно поэтому они до сих пор держат друг друга в списках друзей. Кирилл, по сути своей, ни о ком не думал и быстро растерял возникшую к нему симпатию окружающих, когда заявил о себе, как об одиночнике во всех сферах жизнедеятельности. Петр же редко кого просил о чем-либо. Заговорить даже о маленьком одолжении для него было весьма мучительно. Он либо добивался нужного сам, либо подолгу мучил себя, пытаясь подобрать слова для просьбы. Так они и общаются, Петр и Кирилл, — не спрашивая и не прося ничего у других, изредка помогая друг другу. Кирилл оделся и вышел из дома.

На площади перед БиоНИЦ было поставлено оцепление. Прямо на дороге был установлен изоляционный карантинный купол. Охранник, стоявший у входа на территорию исследовательского центра, потребовал удостоверение сотрудника. Кирилл смотрел на купол, пытаясь разглядеть, что там происходит. Но охранник одернул его, жестко приказав проходить дальше и не задерживаться. Кирилл подумал о времени и посмотрел на часы. Он как раз успевает зайти в кафетерий и взять что-нибудь поесть.

В лабораторию Кирилл пришел первым. В руке он держал пакет с завтраком на вынос. Не теряя времени, Кирилл приступил к поеданию утреннего пайка, состоящего из: большого стакана кофе, двух сдобных булочек и сочного бутерброда. Через полчаса влетел Данилевский. От неожиданности Кирилл чуть не подавился. Данилевский был мрачен, как осенняя туча. Он, молча, прошел к своему месту, взял какие-то бумаги и вышел.

В течение часа Данилевский не появлялся. Без точных указаний Кирилл решил не соваться в дальнюю лабораторию. Он занялся приготовлением инструментов и реагентов. Работа не пыльная, даже нудная. Механические руки-помощники справились бы с ней за несколько минут. Но Кириллу нужно было убить время. Когда пришел профессор, он не увидел. Лишь когда Данилевский вошел к нему во вторую лабораторию, Кирилл дернулся от испуга.

За прошедший час настроение Данилевского не улучшилось. Он словно затаившаяся буря, полная избыточной энергии. Не сказав ни слова, профессор прошел мимо Кирилла во вторую кабину, ведущую в дальнюю лабораторию. Кирилл посмотрел ему вслед. Без защитного костюма в третью лабораторию заходить нельзя было. Войдя в первую лабораторию, Данилевский направился к пульта управления. Как ни хотел Кирилл знать, чем он там занимается, шансов узнать было мало. Войти и посмотреть — означало бы верную отставку с должности помощника профессора. А взять и прямо спросить, элементарно не хватало смелости. Да и в конце концов, у каждого своя работа. Не успел Кирилл закончить рассуждения, как из кабины вышел Данилевский. Кирилл решил не оглядываться.

— Что ты делал в лаборатории так поздно? — металлический голос профессора в ту же секунду положил Кирилла на лопатки.

Он обернулся.

— Ты не ночевал в спальном блоке, значит, ты всю ночь провел в лаборатории. Чем ты здесь занимался? — Данилевский бескомпромиссно смотрел на подчиненного.

Кирилл вжал голову в плечи.

— Я... хотел... — Кирилл рылся в голове в поисках спасительного ответа. — Просто, я подумал, что... чтобы не терять день. Вы же ушли...

Данилевский смотрел на Кирилла так, будто читал все его мысли. Смотрел на них и

знал, что каждое сказанное им слово будет ложью.

— Вот я и решил, — продолжал тихо оправдываться Кирилл, — что сам поработаю над вирусом. И... задержался...

— И что же ты делал? — Данилевский как стена — огромный и непробиваемый.

— Делал? Унции выводил...

— Где результаты? — перебил профессор.

— Что? — Кирилл почувствовал, что его зажимают.

— Где унции? Выводы, результаты? — Данилевский чувствовал ложь в каждом неуверенном слове Кирилла. — Если ты работал, как говоришь, то где результаты? Должны быть какие-то результаты. Сейчас ты приготовил лишь инструменты, а где же реагенты, о которых ты мне только что сказал? Где унции вируса, над которым ты работал?

Кирилл дотронулся рукой до левого предплечья, куда вколол капсулу. И душа его сорвалась в бездну, над которой она висела все это время. Колющей волной по телу пробежал холод.

— Молчишь?! — профессор выходил из себя. — Хватит врать! Посчитал себя вправе хозяйничать? Возомнил себя помощником профессора? Тебя поставили моим помощником против моей воли! Что, нечего сказать в оправдание?

Кирилл наклонился к столу. Он прижимал пальцы к руке, пытаясь нащупать бугорок от капсулы. Но его нет! Профессор схватил его за плечо и повернул к себе.

— Смотри на меня, — шипел Данилевский. — Ты считаешь себя гением? Чушь! Да, ты умен. Умнее многих из нас. Но гений ума твоего ничто с твоим пороком. Делаешь то, что хочешь и когда хочешь. Решил, что, став вторым лицом в лаборатории, можешь беспрепятственно делать, что придет в голову? У меня за спиной? Знаешь сколько таких как ты я видел? Десятки! Все вы из одного теста — не останавливаетесь, когда видите границу. Не останавливаетесь ни перед чем, чтобы доказать свою уникальность, — Данилевский свирепел.

Кирилл никак не мог нащупать бугорок. Его просто нет. Нет и все! Он тут же вспомнил, как его повалили возле клуба на землю, как он ударился о лавочку и как охранник... пнул его и... раздавил капсулу!

Кирилл стал задыхаться. Легкие жадно поглощали кислород, желая еще и еще.

— Давно надо было думать, — Данилевский ликовал, наблюдая за мучениями помощника. — Тебе нужно усвоить этот урок раз и навсегда. В этой лаборатории все происходит по моему велению и хотению. Ни ты, ни кто-либо другой не может распоряжаться здесь. И если ты так рвешься наверх, то сначала научись смиренно принимать удары судьбы. Уроки жизни даются не просто так. И я тебе преподам урок — я снова понижаю тебя. С сегодняшнего дня ты снова лаборант.

Кирилл смотрел дикими, полными ужаса глазами на профессора, жадно глотая ртом воздух.

— Выйди вон! Я не желаю тебя сейчас видеть, — процедил Данилевский.

Последние слова стали оглушающим громом внезапно грянувшей бури. Его словно подняли в воздух и скинули вниз. Кирилл вошел в кабину, держась за левую руку. Голова гудела, словно находилась под звенящим колоколом. Раздавленная капсула, слова профессора — все перемешалось. Огромный комок ужасающих мыслей, звучащих как приговор. Кирилл вышел из лаборатории в пустой коридор. Разом для него рухнул мир, который только стал строиться вокруг. Жизнь лопнула, как маленькая капсула от удара

ногой. Кирилл спустился в главный холл. Он бежал прочь от этого места. Бежал прочь от мыслей, роем гудящих в голове. Бежал, не разбирая дороги, сталкиваясь с людьми. Отталкиваясь, он хотел вырваться из окружения. Кто-то попытался его окликнуть, в голове лишь прогремел очередной удар колокола. Это был голос Винбурга, который курировал проводимые исследования. Кирилл налетел на него, в тот момент, когда чиновник входил в институт.

Кирилл выбежал на улицу. Пасмурное небо, холодный ветер и глубокие глазницы фасада обрушились с осуждением. Невидимые тиски сжимали грудь и голову. Все вокруг меркло, свет быстро угасал. Все стало вдруг таким далеким и пустым. В один миг все превратилось в ничто. Кирилл брел по площади, избегая людей, шарахаясь от них, словно от прокаженных. Он шел, не зная куда. Ноги ступали сами собой, уводя прочь от исследовательского центра. Мимо сквера, вдоль по улице. Пока его не остановил человек в форме.

— Дальше нельзя, — офицер встал перед Кириллом.

Но Кирилл ничего не видел. Он, отмахиваясь, прошел мимо препятствия.

— Ты куда?! — офицер резко обернулся и схватил Кирилла за воротник.

Кирилл стал вырываться. Офицер распалился не на шутку. Он пытался удержать вырывающегося гражданина.

— Нельзя... сказано же, — в борьбе вырывалось у офицера.

Но Кирилл не слушал. Для него не человек хватал его за плечи, а вирус, что беспрепятственно гулял по сосудам. Кирилл вырвался. Он побежал вдоль улицы, держась руками за голову. Не успел он набрать скорости, как его что-то ударило сзади по ногам. Офицер запустил резиновую дубинку понизу. Кирилл упал. Подняться ему не дали двое в форме. Офицер, бросивший дубинку, прижимал коленом Кирилла к мостовой.

— Ты что же, — сквозь одышку отчитывал он беглеца, — гад такой. Не видишь что ли? Проход закрыт, улица перекрыта... заражение...

Кирилл перестал брыкаться и посмотрел перед собой. Широкая улица была блокирована военными машинами и множеством солдат. Дальше, в метрах двадцати от машин, над всеми возвышался высокий прозрачный купол, шириной во всю улицу и высотой почти в два этажа. Внутри купола стоял автобус, врезавшийся в фонарный столб. Водительская дверь была открыта, рядом лежал труп человека. В шатре находилось четыре человека. Все они были одеты в герметичные белые костюмы. Двое ходили мимо тела человека. Двое других крутились внутри автобуса.

— Вставай, — охранник с силой дернул вверх.

— Оставьте его, — раздался голос позади.

Охранник развернулся вместе с Кириллом. Навстречу к ним шел Винбург. В правой руке он держал удостоверение, протягивая его охраннику.

— Он пытался проникнуть за периметр, — охранник не хотел отпускать нарушителя, не поквитавшись с ним за причиненные хлопоты.

— Я видел, спасибо, — чиновник ухмыльнулся, — теперь он — моя проблема.

Охраннику ничего не оставалось, как повиноваться. Винбург подошел ближе.

— Я, кажется, не представился вам, — чиновник протянул руку. — Меня зовут Александр Винбург.

Кирилл непонимающе смотрел на чиновника и его вытянутую руку.

— Вы не узнали меня? — Винбург убрал руку. — Мы встречались в исследовательском

центре...

— Я узнал вас, господин Винбург, — заговорил Кирилл.

— Что с вами случилось?

— Ничего, — поворачиваясь к прозрачному куполу, ответил Кирилл.

Винбург заметил живой интерес Кирилла к происшествию. Легкий прищур глаз выдавал лукавые мысли.

— Что там произошло? — Кирилл сделал несколько шагов вперед, пытаясь разглядеть из-за спин людей в защитных костюмах, тело человека возле автобуса.

— Водитель автобуса, — Винбург понял вопросительный взгляд молодого ученого.

Кирилл дернулся в сторону. Чиновник стоял справа от него, и смотрел в сторону купола.

— Жуткая история, как говорят, — не отрывая взгляда от купола, продолжил Винбург. — Больной водитель врезался в столб. Ужасно... какая-то ужасная болезнь. Очень похожа на «белую язву», — улыбаясь, произнес последние слова чиновник и повернулся к Кириллу.

Кирилла эта улыбка ставила в тупик и одновременно ужасала. Кто перед ним? Что за человек этот Александр Винбург из Министерства науки, который с улыбкой на лице говорит о смертельной болезни?

— Вам не кажется странным, — миловидно произносил Винбург, — что стоило исследовательскому центру заняться исследованием родства гриппона и «белой язвы», как от нее, предположительно, погибает этот несчастный? И где? Прямо под стенами центра! — чиновник снова широко улыбнулся.

Кирилл промолчал. Он смотрел на автобус, который был похож на тот, что довез его сюда. Притихший ужас снова волной окатил все тело.

— Я больше там не работаю, я больше не помощник, — неожиданно для себя с обидой буркнул Кирилл.

— Не работаете? — Винбург подмечал каждую деталь. И тон, с которым Кирилл произнес последние слова стали поводом зацепиться. — А что случилось? Мне казалось было принято решение, чтобы вы ассистировали профессору Данилевскому. Вы что-то натворили?

Кирилл косил глаза на чиновника. Улыбка Винбурга тут же смазалась.

— Или вы что-то узнали? И профессор вас... Мне знаком это взгляд. Я видел такое выражение лица достаточно часто, так как в прошлом много работал с профессором Данилевским. Этот гений, как слон, как трактор проходил по всем молодым студентам и тем, кого он считал ниже себя, — миловидно рассуждал чиновник.

— Нет! — обрубил догадки Кирилл.

Он посмотрел на массивное здание БиоНИЦ. Огромное, такое высокое, а он снова внизу. Барахтающийся и беспомощный. Оскорбленный и униженный профессором. Бежит прочь от смысла своей жизни. Кирилл внутри себя метался, загнанным зверем. Но клеткой для него были его воля и совесть.

— Я вывел формулу... — начал вдруг Кирилл, не отрывая взгляда от здания БиоНИЦ. Чиновник был весь во внимании, — ... новую формулу вещества. Профессор ее отверг, как ошибочную.

— И посчитал вас не нужным, — утвердительно произнес чиновник.

Кирилл несколько раз кивнул головой. На лице чиновника засияла злобная улыбка. Он услышал то, что хотел. Кирилл виновато опустил голову.

— Что ж Кирилл, думаю, мы сумеем решить возникшую проблему.

Кирилл недоверчиво посмотрел на чиновника. Маска Винбурга с ехидной улыбкой куда-то исчезла. Злобная, отвратительная и гадкая физиономия смотрела на него.

— А чтобы решить ее, мне нужно знать, что именно произошло между вами и профессором.

Кирилл задумался. Внутри кольнуло, и Кирилл машинально дотронулся до предплечья, где была капсула. Единственное что сейчас волновало его — зараза, гуляющая по его телу. Мысли о ее смертельности, гремели в голове петардами. Сколько еще времени до конца?! Единственная важная сейчас цель — обследовать себя, сделать анализы и как можно быстрее изготовить лекарство.

— Я не готов вам предоставить материал, — начал Кирилл, — так как вывел нужную нам формулу недавно, когда задержался в лаборатории. Свои выводы я показал профессору, но он... — Кирилл замялся, путаясь в собственных мыслях.

— Профессор посчитал, что вы слишком молоды, чтобы придумать то, что придумали? — чиновник сам предлагал ответ.

— Возможно. Порок, — вспомнил он гневные слова профессора.

— Порок?

— Так сказал профессор, — без энтузиазма ответил Кирилл, глядя на чиновника глазами затравленного щенка.

— Молодость не порок, порок — трусливая старость, — сказал Винбург сам себе, словно вспомнив что-то из своего прошлого. — А что за формулу вы вывели?

— А... — Кирилл был не готов раскрывать то, что сидело внутри него. — Я... просчитал дальнейший ход мутации и по моим предположениям гриппон и «белая язва» не просто роднятся, — Кирилл посмотрел в сторону лежавшего тела водителя, — а являются одним и тем же в разных вариантах.

— Ты что, спятил?! — чиновник вдруг вспыхнул.

— Вы же сами хотели узнать, — пропищал Кирилл.

— Прости, — Винбург осадил самого себя. — Вы уверены в своих словах?

Кирилл только открыл рот, чтобы ответить, но Винбург опередил:

— Подумайте хорошенько. Если то, что вы говорите — правда и Данилевский препятствует вам, его ждут большие неприятности.

— Профессор выгнал меня, — после паузы отвечал Кирилл, — потому что я провел в его отсутствие опыт, в котором все и прояснилось.

— Он видел результаты опыта? — тут же прозвучал вопрос. Кирилл медлил с ответом. — Видел или нет?

— Он находился в первой лаборатории и просматривал файлы компьютера... сразу после моего вчерашнего опыта.

Винбург задумался. Кирилл видел замешательство чиновника. Как хотелось Кириллу проникнуть в его мысли, узнать, о чем он сейчас думает! Но Винбург думал не о Кирилле, как тот предполагал. Думы чиновника вились возле другого человека, которого он ненавидел больше всего на свете. Неуверенность Кирилла злила Винбурга. Ниточка, за которую можно было дернуть, то появлялась, то сама собой рвалась. Винбург выжидал. Думал, как ему поступить.

В груди Кирилла заходило сердце. И только Богу известно от чего. То ли вирус проникший, то ли собственная ложь о профессоре, а может вялая реакция чиновника. Нужно

было выкручиваться. Закончить опыт и вывести формулу лекарства, пока есть время, и вирус в теле не убил его.

— Опыт я не закончил, — Кирилл решил прервать паузу, — мне нужно время.

— Вы что-то скрываете, — Винбург прищурил глаза.

— Опыт не завершен, мне нужно время и место, где я завершил бы его.

— Что вы скрываете? Или вы признаетесь, или профессор прав. Поймите, если вы не скажете, мне тяжело будет противостоять ему. Данилевский, как вам известно, противник не из легких. А если у меня нет, скажем, козырей на руках — уверенности в выигрыше, то как я смогу ему противостоять?

— Поймите, все не однозначно, — Кирилл не хотел говорить про лекарство. — Формула может быть ошибочна. Я могу сказать вам, к чему я стремлюсь, но может статься, что я ошибся. И вы обвините меня в обмане.

Чиновник на секунду задумался.

— Это наука. Иногда мы просчитываем все верно, а иногда все идет совершенно не так как хотелось бы. Доверьтесь мне, и я сделаю все, чтобы ваши предположения подтвердились.

Винбург улыбнулся. Фальшивое добродушие манило к себе легкостью и открытостью. Сейчас Винбург ничего не скрывал. Он открыто предлагал Кириллу сотрудничество.

— Средство против вируса нулевого иммунитета, — тихо произнес Кирилл.

— Вы серьезно?

Кирилл кивнул несколько раз. Чиновник улыбнулся и хотел о чем-то сказать, но Кирилл опередил его.

— Это еще не все.

— Еще сюрпризы?

— Во время своих опытов я, как мне думается, смог разработать гибрид позитивного вируса, — Винбург прищурился. Неужели этот юнец с дрожащим голосом говорил правду? — не верилось чиновнику.

— Во всяком случае, новый полученный вирус ведет себя именно так, как теоретически должен вести себя позитивный вирус. Благодаря ему я обнаружил некоторые скрытые свойства моний. Они подвержены контролируемой мутации при помощи моего гибрида. Из этого выходит, что можно получить лекарство от «белой язвы».

Винбург оглянулся. Он посмотрел в сторону прозрачного купола, где по-прежнему суетились вирусологи. Кирилл молчал, но взгляда не отводил.

— Как интригует, — улыбнулся Винбург, не отводя глаз от купола.

Чиновник медленно перевел взгляд на Кирилла. Винбург пытался понять: кто перед ним — ловкач-фантазер или гениальный ученый? И чем дольше он вглядывался в его лицо, тем яснее виделся страх Кирилла. Его трясет и бросает в озноб. Но это сейчас. Когда же он говорил о своем гибридном вирусе, то в его взгляде не было ничего, кроме веры в свою правоту.

— Хорошо, господин Семиовский, — Винбург протянул руку. — Думаю, я знаю, чем смогу вам помочь. Предлагаю нам вместе направиться к директору центра.

Кирилл напрягся. Ему не хотелось попадаться на глаза Антону Исаевичу.

— Что же вы ступевались? Если все то, что вы мне здесь рассказали — истина, то вы действительно можете стать тем гением, о котором столько говорят в Министерстве.

Глаза Кирилла сверкнули. Как ему хотелось, чтобы сказанное чиновником было

правдой! Но почему бы и нет?! «Ведь я блистал», — упивался Кирилл.

— Ну что же, господин Семиовский, пойдете? — Кирилл сделал шаг. Винбург улыбнулся. — По дороге расскажите мне подробнее о ваших опытах. Все же, мне хотелось бы убедиться, что вы не водите меня за нос.

До кабинета Антона Исаевича, директора БиоНИЦ, они шли не спеша. Кирилл старался быть максимально откровенным, но при этом не сболтнуть чего-нибудь лишнего. Но провести Винбурга было достаточно сложно. Он всегда чувствовал, что от него что-то прячут, что-то не показывают. И сейчас чиновник видел в глазах молодого протеже тщетные попытки укрыть истинные причины его откровения. На счастье Кирилла, Винбурга это сейчас не особо волновало. Министерскому ревнителю было достаточно фактов и подробного рассказа о том, как помощник профессора проводил опыты. Рассказывая об этом, Кирилл не врал.

Войдя в приемную, Винбург оставил протеже ожидать его. Сам он кивнул секретарше и вошел в кабинет. Женщина 35 лет даже не попыталась остановить министерского чиновника. По предыдущему опыту она знала, что подобное чревато. К тому же, Антон Исаевич знал подобные повороты в поведении Винбурга и никогда не злился на нее. У самых дверей чиновник столкнулся с выходящим майором Саврасовым. Улыбку Винбурга словно сдуло сильным сквозняком. Встреча с агентом была столь неожиданной, что чиновник замялся на входе, держась за дверь. Кирилл заметил это, но он не видел на кого так уставился Винбург. Чиновник невольно сделал шаг назад, затем повернул голову и бросил скользкий взгляд на Кирилла. Но напор майора заставил быстро перевести взгляд на него. Саврасов не намеревался задерживаться. Винбург вошел в кабинет, через секунду Кирилл увидел выходящего из кабинета высокого мужчину с зелеными глазами. Кирилл сразу же узнал его. Именно его пристальный взгляд из полумрака он видел несколько дней назад на заседании в Министерстве науки. Саврасов бросил внимательный взгляд на Кирилла, после чего вопросительно посмотрел на секретаршу. Женщина тут же расцвела. Она миловидно улыбнулась статному майору в плаще. Недовольно глянув на Кирилла, она не упустила возможности колко добавить: что чиновник зачем-то пришел с молодым помощником Данилевского.

— Здравствуйте. Майор Саврасов — глава биобезопасности ФСБ, — подходя ближе, представился он.

Обрывки фразы долетели до Винбурга. И чиновник заторопился. Ему не хотелось оставлять Кирилла наедине с федеральной ищейкой, тем более такой породистой, как Саврасов. Чиновник прошел к столу директора, поймав на себе его недовольный взгляд. Но через мгновение, Антон Исаевич спрятал его в недра стола.

— У меня к вам важное дело, — Винбург остановился рядом со стулом, но не сел. — Правда ли, что профессор Данилевский отказался от помощи своего помощника Семиовского Кирилла?

Антон Исаевич поморщился. Данилевский не докладывал ему о подобных решениях. Но лицо Винбурга светилось уверенностью.

— Как вижу, вы не в курсе, — ехидничал чиновник.

— С чего вы взяли? — неуверенно спросил директор.

— Он сидит в приемной. А знаете где я его встретил?

Антон Исаевич чувствовал, как на его шею накинули еще одну петлю. Но улыбчивый палач продолжал.

— На площади перед исследовательским центром. На нем лица не было. Шел куда не знает, — Винбург сверкал глазами. — Знакомый эффект Данилевского? Эта его способность говорить по душам.

— Я не в курсе произошедшего. Думаю, у профессора были причины...

— Вот именно — вы не в курсе. Данилевский снова и снова служит вам верную службу. А вы будете защищать его?

— Думаю нужно выслушать его сначала.

— Постановление ученого совета при Министерстве содержит четкие указания. И не Данилевскому отменять их.

— Так быть может у профессора были причины?

— Причины, идущие вразрез с постановлением ученого совета? Настолько серьезные, что он даже не сообщил вам? — улыбался Винбург, зная, что у Ожина нет в рукаве козырей.

— Хорошо, мы вернем помощнику его работу. Но вы понимаете, что ничего хорошего из этого не выйдет? Данилевский будет...

— Будет презирать и ненавидеть. Знакомо! Но вы не просто приставите Семиовского к Данилевскому, но дадите разрешение на его собственные исследования.

— Что вы имеете в виду? — негодовал директор.

— Семиовский пришел работать сюда, чтобы вывести средство для противодействия вирусу нулевого иммунитета, так? И у него это почти получилось.

— Это невозможно. Это Семиовский вам сказал?

— Да сказал, он и вам это говорил. Он всем это говорил! Но ни один из вас не желал слушать его, — Винбург всплеснул руками. — Этот просчет еще будет разбираться в Министерстве. И уж поверьте, я знаю, о чем говорю, — чиновник спиной отходил к двери. — Я позову Семиовского, выслушайте его.

Винбург тихо приоткрыл дверь. В приемной он услышал настойчивый голос Саврасова, вторил ему робкий голосок Кирилла. Майор как всегда в своем репертуаре. Чиновник недовольно поморщился. Глупый мальчишка может что-то ляпнуть. Винбург вслушался в их разговор. И как только речь зашла о работе над «белой язвой» он громко произнес:

— Простите, — чиновник, не закрывая дверь, вышел из кабинета, — любые разговоры на тему опытов, проводимых с «белой язвой», должны совершаться в моем присутствии.

— Не знал, что это государственная тайна, — Саврасов недовольным взглядом прошелся по улыбчивой физиономии Винбурга.

— Не государственная, но тайна, — улыбаясь, парировал чиновник. — В интересах проводимых исследований, попрошу вас не вмешиваться. Так как разглашение может нанести вред.

— Кому? Вам лично? Институту? Министерству науки? А может, господину Семиовскому? — цеплял майор.

— Считаю разговор окончен. Господин Семиовский, вам предстоит разговор с директором, пройдемте, — приказывал чиновник.

— За последнее время мы с вами, господин Винбург, что-то часто сталкиваемся. Совпадение или закономерность? — майор пытался помешать чиновнику.

— Ваши замечания неуместны, агент, — Винбург рукой приказывал Кириллу войти в кабинет.

— Но мы разговариваем... — настаивал Саврасов.

— Это допрос? — Винбург был непреклонен.

— Нет. Мы просто беседуем. И в интересах следствия нам лучше закончить разговор, — ответил майор.

— В интересах моей работы, порученной мне Министерством, важно присутствие Кирилла Семиовского в кабинете директора, — Винбургу начинал надоедать этот словесный поединок.

— И все же, я попросил бы вас...

— У вас нет полномочий мешать моей работе! — отрезал чиновник и направился к открытой двери вместе с Кириллом.

Майору оставалось лишь проводить их взглядом. Винбург положил правую руку на плечо Кирилла, подтверждая свою власть над ним. Саврасов медленно перевел взгляд на дверь, обдумывая поведения Винбурга. Майор кивнул в знак прощания секретарше и быстрыми шагами проследовал к выходу.

Через стеклянный фасад в холл проникало много света. Внутри было светло, как на улице. Но даже это не делало БиоНИЦ приветливее. Майор чувствовал себя как в зоопарке, в котором вместо животных пасутся высоколобые упыри. Прочная связь Винбурга с этим местом лишней раз подкрепляла ощущения Саврасова. Нужен был свежий воздух.

Оцепление вокруг места происшествия стало меньше. Количество людей из спецподразделения поубавилось. Это была идея Саврасова. Он считал, лучшим способом показать всю опасность произошедшего — уменьшить давление силовиков. Кроме журналистов, рядом с зоной карантина не было никого. Несколько жилых домов располагались поблизости и многие наблюдали за площадью из своих окон. Все боялись повторения екатеринодарской эпидемии. Предвидя панику, власти объявляли по общественным каналам о том, что угрозы распространения вируса нет. И вскоре, как в подтверждение этого, часть оцепления была снята. Майор спустился по ступеням вниз.

— Саврас, — тут же раздался громкий крик.

Со стороны командной машины к майору приближался капитан Бобров, неся на лице счастливую улыбку.

— Какого черта ты здесь? — грубил Саврасов.

— Вот тебе и теплый прием, — отшутился Бобров.

Майор не отреагировал, продолжая хмуро глядеть на капитана.

— Что, неприятная встреча с Винбургом уже состоялась? — догадался Бобров. — Уж, как всегда, скользкий?

— Ничего, дай срок и Винбурга я вызову на допрос. Что ты здесь делаешь?

— Недалеко отсюда, рядом с концертным залом произошло убийство, похожее на те, что произошли в районах Петрополиса.

— Что за убийства? — Саврасов посмотрел на друга.

— В нескольких районах города обнаружили трупы людей. Вернее, то, что от них осталось, — Бобров не отрывал взгляда от места заражения. — Ты представь, практически в одно время были убиты шесть человек, но самое главное, как... Сгорели. Кроме пепла и клочков одежды ничего не осталось. Первую жертву мы обнаружили в пять утра, возле станции Болотово. Через полчаса второй, третий и так далее. Это не суицид — жертвы отчаянно сопротивлялись.

— И никто ничего не слышал? — удивился Саврасов.

— В том и загвоздка. Слышать — слышали, видеть — видели, а рассказать не могут. У свидетелей глубокий шок. Некоторые до сих пор находятся в оцепенении, некоторые не

приходят в сознание. Врачи делают неутешительные прогнозы на их дальнейшее выздоровление, а для меня это означает полное отсутствие свидетелей. На удивление, но самая стойкая из всех оказалась маленькая девочка девяти лет. Она все время что-то шепчет, какие-то непонятные слова. Ты бы ее видел — глаза полные ужаса и слезы по щекам. Ее что-то сильно перепугало. Сейчас с ней работают специалисты — пытаются понять, что она шепчет.

— Ты сказал, что первую жертву нашли в пять утра. О времени убийства говорить рано, но ясно, что глубокой ночью, но как тогда маленькая девочка стала свидетельницей? Или мы перестали следить за тем, уснули наши дети или нет?

— Ты не поверишь, — Бобров посмотрел на Саврасова, — но ее нашел сосед сидящей на лавочке в двадцати метрах от места преступления.

— Черт знает что, — усмехнулся Саврасов. — Интересно, почему убийцы не тронули девочку? Она ведь прямой свидетель.

— Может, пожалели из-за возраста... а может из-за «белой язвы», которой она больна.

— Так это она? — спокойно ответил майор.

Бобров удивился спокойности друга. Он рассчитывал на другую реакцию.

— А я думал удивить великого Савраса. Но ты так спокоен?

— Девочку нашли, и она уже в резервации, — сухо добавил майор.

— Саврас, ее нашли в Петрополисе. Я думал, все больные давным-давно заперты в поселениях.

— Не говори глупостей, Бобер, — майор отмахнулся от капитана, — никто не знает, как язва вообще появляется и по какому признаку. Как можно запереть то, о чем не знаешь?! Большинство из тех, кто заражен, живут себе мирно в резервациях и не представляют никакой опасности.

— А может она из резервации? Сбежала, например?

— Невозможно.

— Так ли?

— Резервации хорошо охраняются. Их месторасположение никому не известно.

— Даже тебе? — съязвил Бобров.

Майор недовольно посмотрел на друга. Уж очень не хотелось ему, чтобы Бобров стал еще одной занозой в его заднице.

— От чего умер тот водитель? — Бобров кивнул в сторону зараженного места.

— Это выясняют, — уклончиво ответил Саврасов.

— Выясняют? Здесь десятки журналистов, камеры и много еще чего. Уже сейчас в прессу просочились слухи о том, что «белая язва» в Химграде.

— Что ты от меня хочешь? — грозно произнес Саврасов.

— Признай, что в руки террористов попала «белая язва» и они проводят испытания на наших улицах.

Повисла пауза. В словах старого друга был страх, который раздувался прессой в обществе. Все боялись белой заразы. И любой карантин означал, что она могла вновь появиться. И лишь потому, что перед ним стоял его друг, Саврасов посмотрел на него слегка улыбнувшись.

— Не думал, что поддашься панике, дружище.

— Я еще решаю: поддаться ей или нет. Поэтому я спрашиваю тебя, — немного отвел взгляд Бобров.

— Все слишком зыбко. То, что произошло здесь, не «белая язва». Это я тебе говорю точно. Но, скажу честно, то от чего умер этот бедняга очень похоже на «язву». И обнародование этой информации губительно. Журналисты поднимут шумиху, да и люди ударятся в панику. Но я говорю тебе — это не «белая язва». Иначе половина жителей города уже разлагалась бы, — Саврасов не отводил взгляда от друга, пытаясь достучаться до него. — Что произошло здесь вчера с этим водителем мне неизвестно, никому неизвестно. К работе привлечены лучшие вирусологи, так что будь спокоен.

— Я слышал, что в Петрополисе, на Васильевском острове такой же случай?

— Да, точь-в-точь. Это не «белая язва».

— Я понял уже. Что ж, пойду, навещу директора этого биогадюшника, — Бобров оглядел фасад исследовательского центра.

— А тебе туда зачем? — удивился Саврасов.

— Тот убитый, которого сожгли рядом с концертным залом, работал здесь. В пепле мы нашли оплавленный значок охраны, — Бобров достал из внутреннего кармана пакет, в котором лежал кусок металла, на поверхности которого можно было различить часть герба БиоНИЦ и большие цифры — 777.

— Ну что же, удачи, — Саврасов похлопал Боброва по плечу.

— И все же, — Бобров остановился на лестнице и немного обернувшись, добавил напоследок, — Тебя бы не послали сюда будь это обычный вирус.

Капитан Бобров столкнулся со знакомым ему чиновником на подходе в приемную директора БиоНИЦ. Винбург даже не обратил на него внимания. Капитан облегченно выдохнул: общаться со змеей ему не хотелось.

— Директор, как я и предполагал, восстановил тебя, — Александр Винбург был весьма доволен разговором Кирилла с Антоном Исаевичем. — Это уже от меня: ты будешь ассистировать Данилевскому, но с одним условием. Если ты сможешь вывести то, о чем упомянул, я сумею в обход Антона Исаевича поставить тебя главным в этих исследованиях.

Кирилл остановился.

— Вы это серьезно? — он не верил своим ушам.

— В четверг состоится заседание, на которое я тебя возьму с собой. Там ты продемонстрируешь ученым свои умозаключения и, если сможешь, какие-нибудь доказательства. Потрудись сегодня.

— Но... — Кирилл попытался что-то возразить.

В голове его востребовалась мысль о поездке домой, запланированной на четверг. Очередная порция лекарств для мамы не должна была опоздать.

— Никаких «но»! — отрезал Винбург. — Я заставил твоего директора дать заявку на твое участие в совете, это дорогого стоит.

— А вдруг ничего не получится? — скулил Кирилл.

— Должно получиться. Не так давно ты с блеском отвечал на выпады ученых, а теперь в кусты?!

Кирилл виновато опустил голову.

— Если ты сумеешь убедить совет в своей правоте, как меня сегодня, — тебе обеспечена собственная лаборатория. Ты это осознаешь? — Винбург бросил самую желанную наживку.

Кирилл посмотрел на чиновника. Широкая улыбка ехидно висела на лице Винбурга.

— Уж не знаю, какие мысли в твоей голове, Кирилл, но я пошел бы на все, чтобы мне

дали такой шанс.

Кирилл молчал. Чиновник был доволен. Взгляд Кирилла был красноречивее любых его еле слышных слов.

— Четверг — ваш день, господин Семиовский. Министерство науки должно услышать ученое мнение и увидеть вашу работу. Ваше будущее в ваших руках.

Винбург протянул руку. Кирилл посмотрел на нее и пожал. Чиновник одобрительно кивнул.

Кирилл сделал свой выбор. Все начинало складываться как нельзя лучше. А о том, чтобы его продвигал чиновник из Министерства науки, даже не мечталось. И сейчас не важно, какие цели преследует Винбург. Главное — он дал Кириллу шанс.

Они шли по коридору и у лифтов разошлись. Винбург крепко пожал руку Кириллу и отправился в Министерство. Оставшись один, он глянул на трясущиеся ладони. Винбург наверняка воспринял это как волнение. Кирилл спрятал их в карман. Он чувствовал, как дрожь усиливается и уже норовит распространиться по всему телу. В конечностях какое-то странное покалывание, но голова не болит, как обычно это бывает при «белой язве». Страх медленно овладевал им. Гуляющий внутри него вирус неторопливо давал о себе знать. Делая его кожу бледнее. Но пока это было незаметно.

Нужно прекращать думать о заразе внутри, иначе начнутся вопросы. Необходимо представить что-то другое. Отвлекающее... Елана. Ее нежный образ возник так неожиданно, что Кирилл невольно вздрогнул. Первый человек, который протянул ему когда-то руку. Человек, который любил его всем сердцем. Кирилл стал прокручивать в голове последние несколько дней. Он пытался найти в них Елану, ту, что отдала ему свое сердце. Но в глубинах памяти он увидел ее лишь раз: когда она, чуть не рыдая, встретила его поздно ночью на парковке электрокаров. В голове пронеслись мгновения объятий, подаренные Елане лишь для того, чтобы она успокоилась. И Кирилл, воспользовавшись ее секундным умиротворением, мог ускользнуть от жара ее чувств. Кирилл закрыл ладонями лицо. «А что теперь?», — сверлом прокручивалась в его голове мысль. Вирус губит его изнутри. Водитель погиб из-за него. Сейчас Еланой рисковать нельзя. Решение может быть только одно — не встречаться с ней.

Через десять минут Кирилл был в лаборатории. Кроме профессора Данилевского, во второй лаборатории, на своих местах были еще трое лаборантов. Он вызвал их специально, чтобы успеть завершить работу над «патологией б» к завтрашнему дню. Но они вынуждены были уйти через некоторое время. Сегодня начальник охраны проводил допросы сотрудников. Кирилл переоделся и вошел во вторую лабораторию. Выйдя из кабины, Кирилл не знал, с чего начать. Профессор не обращал на него внимания. Занимался ли он тем, что поручил ученый совет или совершенно другим?! Кирилл вздохнул.

— Чего стоишь? — неожиданно раздался сухой голос профессора.

Кирилл не знал, что ответить.

— А ты, действительно, гений, — профессор повернулся к Кириллу. — Никто бы и не догадался, что гриппон и «белая язва» имеют одного и того же родителя.

— Это произошло случайно, — оправдывался Кирилл.

— Только ум гения готов к случайностям, способен увидеть невидимое многими, — профессор был напряжен, но голос был ровным и даже доброжелательным. — Вот и мы, старые дурни, не сумели разглядеть.

— Вирус-хамелеон...

— Да! — перебил Данилевский. — Самое страшное что может произойти с миром, так это рождение на свет вируса-хамелеона. Мы можем выслеживать его, изобретать лекарства, противоядия, придумывать сложное лечение, а он, почувствовав угрозу, просто меняет свою структуру. И вот тебе «белая язва», поражающая людей и убивающая их меньше чем за час, и вот гриппон убивающий, за несколько недель.

Данилевский повернулся к столу — поменял несколько пробирок местами и продолжил не оборачиваясь.

— Но ведь и ты, — профессор обернулся, — ты тоже хамелеон.

— Простите? — Кирилл не понимал к чему клонит профессор.

— А разве нет? С виду забитый своими же собственными мыслями молодой парень без какого-либо намека на великое будущее и вдруг — отъявленный лжец, готовый переступить через любого.

— Вы ошибаетесь, профессор, — попытался оправдаться Кирилл, но Данилевский резко и грубо оборвал его.

— Да брось ты! Тщедушный и беспринципный человечиска, успокаивающий себя мыслями о великом будущем! — профессор взорвался. — Ответь мне, сколько человек ты собирался погубить, прежде чем взойдешь на вершину своих мечтаний? Решил изобрести вакцину, способную вылечить «белую язву»?! — глумился профессор. — Этим ты занимался здесь в мое отсутствие?

Кирилл, округлив глаза, смотрел на профессора.

— Это моя лаборатория. И я отвечаю за то, что находится в ее пределах.

Кирилл бросил взгляд на стеклянный бокс в первой лаборатории.

— Ты верно думаешь. Может ты и гений в вирусологии и химии. В уме просчитываешь формулы, видишь гораздо дальше профессоров. Но вот ума как скрыть свои проделки тебе не хватило. Ты оставил шприц, которым ты ввел себе под кожу капсулу, возле бокса.

Не может быть! Он ведь точно помнил, что положил все на место. Или хотел помнить? Его раскрыли. И кто? Человек, выгнавший его из лаборатории! Опешившими глазами, Кирилл смотрел на шкаф с лабораторными предметами.

— Удивлен? — профессор возвышался над пораженным Кириллом. — Когда я увидел шприц, все прояснилось само собой. Тебя спасло то, что меня пригласил министр. Но потом, в мое отсутствие, ты продолжил.

— Поэтому вы меня выгнали?

— Я выгнал тебя из-за того, что ты хочешь сделать.

— Найти средство борьбы с ВиНИ или «белой язвой»? Что здесь плохого? У меня есть идеи, а здесь есть инструменты для их воплощения. Я могу помочь тысячам, — начал защищаться Кирилл.

— «Я»! Все время — «я» и только! А кто просил тебя им помогать? Ты спрашивал кого-нибудь, нужно ли им лекарство от «белой язвы»? Благодаря тебе лаборатория не смогла завершить работу к понедельнику. Министерство науки сдавливают на моей шее руки. И тут ты влезает с Винбургом! Как ты посмел рассказать ему о своих выдумках?

— Это только мой опыт...

— Да кому они нужны твои опыты! — закричал Данилевский.

Повисла пауза. Кирилл смотрел молящими глазами на профессора. Все что он пытался донести до начальника, наталкивалось на глухую стену.

— Винбург добился, чтобы ты мне снова ассистировал, хорошо, — профессор сменил

перчатки на новые. — Я смогу тебя осмотреть. Куда ты сделал инъекцию?

Профессор сделал шаг к Кириллу, но тот отшатнулся.

— Зачем это? — голос Кирилла начинал дрожать.

— Ты что, дурак? Нужно осмотреть место куда вколол. Единственное что ты удалил в компьютере так это результат последнего теста. Я не знаю, что ты туда вколол, но осторожность не помешает.

Профессор медленно подходил к Кириллу.

— Куда ты ее вколол?

— В левую руку, но это не важно, — Кирилл снова отпрянул.

— Прекрати ломаться как пацан, боящийся уколов. Я просто осмотрю, — злобно приказал Данилевский.

— Она глубоко сидит ее не видно, — протараторил Кирилл.

Профессор остановился. Он расставлял мысли в ряд. Развернувшись к столу с пробирками, он схватил ампулу и шприц.

— На этот случай я уже приготовил это, — профессор продемонстрировал два кубика жидкости в ампуле. Данилевский вставил ее в маленький автошприц. — Это вещество заставит твои мышцы вытолкнуть капсулу, и мы осторожно извлечем ее. Потом просканируем, чтобы узнать какое там вещество. Ты же все равно не скажешь?

Кирилл только сглотнул. Сердце сильно билось. И без того трясущиеся руки еще и жутко потели. Кирилл всеми силами пытался найти выход. Нужные слова были где-то среди зараженных клеток мозга. Профессор подошел к помощнику. Поднял рукав его халата до плеча. Тряхнув шприцом, вколол. Кирилл зажмурил глаза. В голове градом шумели мысли. Что же будет? Кирилл дернулся — профессор начал вводить вещество. Скорчившееся, мокрое от пота лицо, сжатые в кулаки ладони — Кирилл не знал, что делать. Все кончено — капсула не покажется, возникнут вопросы — профессор все поймет! Об этом узнают все! Его обвинят в преступной халатности!

Кирилл резко опустил левую руку вниз, правой ударил по шприцу, и оттолкнул профессора в сторону. Данилевский попытался ухватиться за что-нибудь, но подкосившиеся ноги лишили его равновесия. Профессор рухнул на пол. Кирилл от страха сделал шаг назад. В груди профессора торчал автошприц, выбитый Кириллом. Профессор вынул его и, матерясь как сапожник, поднялся на ноги. Кирилл стоял на месте, пораженный своими действиями. Гневные слова профессора не доходили до него. Взгляд Кирилла был прикован к шприцу, который сжимал профессор. На самом острие иглы висела маленькая дрожащая багровая капля. Профессор, не останавливаясь, проклинал Кирилла и его трусость. Кирилл смотрел на иголку. Капля содрогнулась в последний раз и медленно стекла вниз.

— Что ты творишь?! — наконец выдал, что-то вразумительное Данилевский. — Спятил, что ли?!

Кирилл стоял полуживой, полуошарашенный.

— Что? Хочешь стать выдающимся ученым? Присвоить себе все лавры, создав никчемное лекарство?

— Я докажу, — несмело проговорил Кирилл.

— Чего? — профессор не расслышал.

— В четверг заседание совета и я все докажу. Докажу, что прав.

— Ах, вот оно что? — Данилевский положил шприц на стол. Поправил одежду. Вытер взмокшее лицо. — Решил, что выступишь на совете. А кто тебе даст слово? — вопрос

смазался сухим хрипением. Данилевский прокашлялся.

— Александр Винбург, — как можно спокойнее произнес Кирилл.

Гнев вновь взял верх над профессором. Жар и злоба обрушились из его глаз на Кирилла.

— Лизоблюд, — профессор стал часто дышать. — Решил подмазаться к этой сволочи и решить все свои проблемы?

Профессор снова вытер лоб. Громко прокашлялся. Частое дыхание стало быстро перерастать в одышку. Кирилл выпрямился, спустил с плеча рукав.

— Ты думаешь, все тебе сойдет с рук? Ты дурак Семиовский, ведь я тоже буду завтра на совете, — профессор качнулся, одышка усиливалась.левой рукой Данилевский держался за стол, правой за грудь. — Выступить он там решил. Мы посмотрим, что скажут господа ученые, узнав, что ты проводишь за их спинами свои опыты.

Кирилл смиренно стоял перед профессором. Из всех сил стараясь быть спокойным.

— Вакцину он вывел, ее нельзя выводить... — профессор водил рукой по груди, горлу. Он дышал все чаще. — Ты думаешь, — взгляд профессора бегал по сторонам, словно что-то разыскивая, — что вылечишь их своей вакциной, — ноги подкосились и, не удержавшись, Данилевский упал на колени.

Он посмотрел на свою руку. И не понимал, что с ним происходит. Руки бледные. Горло пересохло, все тело жутко ломит, а из груди, словно что-то хочет вырваться. Легкие жадно глотают воздух. Сердце на огромной скорости перекачивает кровь, мышцы сжимаются и разжимаются; все тело покрылось испариной. Профессор упал на спину. Взгляд упал на Кирилла, стоявшего словно на вершине горы и молча взирающего, как его шеф корчится от боли.

— Одумайся, — хрипел профессор, — нет ее, болезни — это не болезнь... — Данилевский из последних сил ловил ртом воздух, — создавать лекарство нельзя...

Профессор протянул к Кириллу руку. Но тот медленно развернулся и подошел к пропускной кабине.

— Постой... — молил профессор.

Кирилл прошел обработку и вышел в главное помещение. Профессор из последних сил полз к стеклянной стене, повторяя рвущимся голосом лишь слабо различимые звуки. Кирилл подошел к двери ввел код. Обернулся. Профессор лежал возле прозрачной стены, уставившись прямо в глаза своего помощника. Кирилл медлил. Посмотрев еще раз на профессора, он вышел в коридор. Проходя мимо коллег, он размышлял о том, куда бы ему следовало направиться. Свет с потолка отгонял малейшую тень на его вспотевшем лице.

В лабораторию он вернулся примерно через час, расправившись с плотным поздним обедом. В руках он держал два пакета с едой. В коридоре толпились охранники. Санитары в синих халатах бегали по коридору, входя и выходя из лаборатории. Подходя к ней, Кирилл увидел стоящего в дверях Анатолия Серова — начальника охраны БиоНИЦ. Он был среднего роста и крепко сложен для своих сорока с небольшим лет. Круглое лицо всегда вызывало насмешки за глаза, а короткая стрижка с проступавшей сединой дала начало прозвищу: «седой колобок». Кирилл ускорил шаг.

— Наконец-то, Кирилл, — Серов даже не повернулся.

Его напряженный взгляд оглядывал помещение лаборатории.

— Где вы были, молодой человек?

— А что случилось? — как ни в чем не бывало, спросил Кирилл. — Я отлучился в буфет, мы проголодались, и я решил чего-нибудь купить.

— Что ж, — Серов взглянул недоверчивым взглядом на Кирилла и его пакет с едой, — придется тебе есть одному.

Кирилл тяжело сглотнул. Серов взглядом предложил заглянуть в лабораторию. Сжимая пакет с едой, Кирилл наклонился всем телом. За прозрачной стеной суетились поднятые по тревоге вирусологи. Все они были в защитных костюмах. Они брали пробы с пола, столов и стульев — везде, куда падал их взгляд.

— Вы ожидали увидеть что-то другое? — начальник охраны прищурил левый глаз.

— Я ничего не понимаю. Что здесь произошло? — вопрошающим взглядом смотрел на начальника охраны Кирилл.

Серов молчал, продолжая пристально смотреть на Кирилла.

— Скажите, Кирилл, а где был профессор перед тем как вы ушли в буфет?

— В лаборатории, — не задумываясь, ответил Кирилл.

— А поточнее. Что он делал, где стоял?

— А что случилось? Где профессор?

— Вы думаете, что с ним что-то случилось? — подозрительно спросил Серов.

— Я... я не знаю. Я вас спрашиваю. Когда я уходил профессор занимался своими делами, а я...

— Какими делами? — не унимался начальник охраны.

— Он проводил опыт, — у Кирилла начало трясти руки.

Серов сразу заметил, как бумажный пакет с едой резко дернулся. Кирилл тут же убрал руки за спину.

— Я не знаю какой опыт проводил профессор, он мне не докладывает о своих действиях, — ответил Кирилл, чуть повысив голос. — Вы можете сказать, где профессор?

— Боюсь огорчить вас, но профессор умер.

Кирилл выдохнул и опустил глаза вниз. Серов внимательно следил за поведением Кирилла. Он не отрывал от него глаз и ловил каждое мелкое движение рук, ног, мышц лица.

— Кирилл? — Серов прервал паузу.

— Он решил взять все на себя, — не поднимая головы, произнес Кирилл.

Серов прислушался.

— Он сказал, что нашел выход и хочет поработать, но обещал подождать, — Кирилл посмотрел на Серова.

— Его нашел ваш коллега, Константин Хавеев, — Серов кивнул в сторону лаборатории, — он и вызвал группу быстрого реагирования. Вошедшая группа констатировала смерть от неизвестной болезни. Пока ничего не известно — проводят обследование тела.

— Как?! — поразился Кирилл.

— Это вы мне скажите «как»? Вы начали говорить что-то о профессоре...

— Я ничего толком не знаю. Мы работали над опытами, потом он выгнал меня, а сегодня профессор сказал, что хочет испытать мое вещество, то есть мой вариант. Испробовать его.

— Что за вариант такой, что после него гибнут люди? — злобно спросил Серов.

— Мы работали над гриппоном и «белой язвой» по заданию сверху, и я не имею права распространяться. Я могу сообщить эту информацию только директору.

— Что же, это не так сложно устроить. Антон Исаевич уже в курсе произошедшего. Думаю, вскоре он захочет вас увидеть. Вам пока следует побыть в зоне отдыха. Лаборатория

сегодня работать не будет.

— Но как же так? — с досадой выплеснул Кирилл.

Серову не понравился тон, с которым лаборант выразил свое недовольство.

— Мы же должны работать. И так потеряно много времени, — причитал Кирилл.

— Хватит! — оборвал Серов. — Лабораторию обследуют вирусологи на предмет заражения. А после... Впрочем, это не ваше дело, господин Семиовский. Оставайтесь в зоне отдыха: вскоре с вами захотят побеседовать.

Серов вошел в лабораторию. Кирилл же повиновался приказу. Мимо него проносились охранники, лаборанты в защитных костюмах, незнакомые лица. Находясь в полузабытье, Кирилл прокручивал разговор с Серовым, пытаясь придумать продолжение своему оправданию и алиби. С самых первых дней пребывания в институте Кирилл усвоил одну важную истину — начальника охраны БиоНИЦ водить за нос не стоило.

Еще до того, как приступить к работе в исследовательском центре, Кирилл встретился с Серовым. Начальник охраны всегда встречался с новыми сотрудниками, проводил душевные разговоры тет-а-тет. При первой же беседе Кирилл, по своей наивности, проявлявшейся тогда особенно часто, поведал Серову свою мечту — стать великим ученым. Он просветил его какими путями мечты должны были прийти в реальность. В разговоре с начальником охраны Кирилл старался быть как можно более искренним, стараясь задобрить и расположить его к себе. Но у Кирилла все получилось с точностью до наоборот.

Серов был тем человеком, которого среди мажоров называют серым кардиналом — неявный, ничем не выделяющийся среди прочих, он обладал самой безграничной властью в биологическом центре. От его слов зависела судьба многих. И мало кто знал, что начальник охраны помимо прочего является агентом Института соционики, которые работали тайно в большом количестве во всех стратегических и не очень учреждениях. Они могли быть поваром в столовой или же официантом, могли сидеть в секретарях или занимать более престижную должность. Все они — идеальные исполнители и ищейки, выдрессированные для обличения любых умственных отклонений. На плечи агентов Института соционики возлагал работу по розыску одаренных граждан Федерации и вовлечению их в общую программу по работе с гениями. Машина соционики работала как идеальный механизм, внедряя своих кротов во все сферы деятельности и контролируя настроение общества.

О том, что Серов вместе с охранными функциями выполняет иные, в БиоНИЦ знал только один человек — Антон Исаевич. Ему Серов открылся лишь спустя год после своего внедрения. Подобное происходило в редких случаях. И зачастую требовало вмешательства высокого руководства из Министерства. Как бы то ни было, но Серов был рад раскрыться директору центра о своей тайной деятельности. Во-первых, это позволяло ускорить процесс принятия решений по тем или иным кандидатам; во-вторых, Серову было приятно входить в кабинет Ожина и ощущать его трепет. И чем старше становился директор, тем боязливее был его взгляд.

Серов завершал работу в лаборатории микровирусов. Последние приказы и можно приступить к выполнению второй части. Он направился в кабинет директора.

Новость о кончине профессора Данилевского разнеслась по БиоНИЦ с молниеносной скоростью. Несмотря на распоряжение Серова пресекать все разговоры на этот счет до особого распоряжения, до его слуха доносился шепот сотрудников в коридорах. Они замолкали, стоило им завидеть грозную фигуру начальника охраны, и спешили скрыться с его глаз.

Войдя в приемную Ожина, он обнаружил там нескольких коллег Данилевского. Они негромко беседовали. Вошедшего Серова ученые не испугались. Наоборот попытались окружить его расспросами. Но начальник охраны грубо уклонился от расспрашиваний и, кивнув секретарше, вошел в кабинет директора.

Ожин стоял возле окна, выходящего на площадь перед центром. Увидев круглое лицо Серова в дверях, он дернулся от неожиданности. Начальник охраны ждал приглашения войти. Антон Исаевич кивнул и вернулся обратно к созерцанию жизни через окно.

— Чертовщина какая-то, — подойдя к Ожину, обреченно выдал начальник охраны. — Череда непонятных событий и как венец — смерть.

— Две смерти, — хрипло поправил Антон Исаевич.

— Ах, да: охранник, Петр Савелов. К сожалению, техника пока не удается подчинить систему слежения. Она по-прежнему все равно отключается по всему комплексу.

— Ну хоть что-нибудь на них есть? — с глухой злостью спросил Ожин.

— Мало чего. Первый разговор с помощником Данилевского соответствует обрывкам записи. Хотя их настолько мало, что по ним невозможно ничего сказать, — досадовал Серов.

— Как так получилось, что идеальная система защиты БиоНИЦ вдруг дала такой грандиозный сбой? Вы — начальник охраны. Так какого черта здесь происходит? У нас под носом умирают двое наших сотрудников. Один за пределами, другой на своем рабочем месте. И никаких записей? Я должен это проглотить?

— Камерами у концертного зала не мы ведаем. А в остальном: выходит не такая уж и идеальная система защиты.

— Это какой-то бред, — мотая головой, Ожин отошел к своему столу. Грузно усевшись в коричневое кресло, Антон Исаевич откинулся на спинку и начал массировать глаза ладонями. — Одна напасть за другой. Сначала родство, потом Винбург, теперь труп, потом Данилевский.

— Того что вы небрежно назвали просто трупом, зовут Петр. И у него очень влиятельный отец, — Серов подливал масла в разливающееся по лицу директора отчаяние.

— Я помню это, — злобно произнес Ожин, заставив дернуться съежившиеся складками морщины.

— Что будем делать с Семиовским? — многозначительно спросил Серов.

— А что с ним такое? Допрашивайте! Мне учить вас как работать? — негодовал директор. — Не хватало мне думать о ваших ошибках. Вы упустили его и позволили Винбургу подобраться к нему. Теперь расхлебывайте.

— Грубо.

— Я никогда не вмешивался в вашу деятельность. И вы не вмешивайте меня.

— Однако вы позволили Винбургу устроить небольшую революцию Данилевскому и сходить конем.

— А вы хотели, чтобы я возразил ему?

— Как минимум. Вы знали, что Семиовский не рекомендован мною к раскрытию своего потенциала. И мои действия по нему были санкционированы соционикой.

Серов прошел к мягкому креслу у журнального столика.

— Если я буду помнить о всех ваших рекомендациях по всем нашим сотрудникам... Не я здесь агент. Это ваша работа следить за гениями, — здесь Ожин слабины не давал. — Как же это произошло?

Серов смотрел в стену. Сейчас он хорошо помнил тот день, когда впервые встретил Кирилла. И как подобает начальнику охраны, провел с ним свое собеседование. Все считали, что проходят некий тест на отсутствие криминальных связей. Но на самом деле Серов проводил первичное тестирование кандидатов по программе соционики.

— Этот мальчишка все время считал, что у него на дороге стоит Данилевский. Ходил перед ним павлином, показывал свои таланты, но именно вы запрещали всякие восходящие движения в его отношении, — недовольно высказался Антон Исаевич.

— Вы на что-то намекаете? Если считаете, что подобные терки Семиовского и профессора могли привести к возникновению непреодолимого желания убить, то скажите.

Директор сверлил глазами Серова. Начальник охраны не желал сходить с тропы противостояния и продолжил:

— Психологический портрет, составляемый соционикой объемен и полон. Мы все проходим несколько этапов негласных тестов. По их результатам: Семиовский не способен на убийство. Однако он мелочен, самолюбив и жесток, что очевидно скажется на всей его дальнейшей работе. Жажда признания и патологическое желание быть лучше каждого, разовьет в нем деспота-ученого, которого будет невозможно контролировать. В процессе работы он легко теряет связь с реальностью и в критические моменты способен переступить границу дозволенного.

— То есть убить?

— В его профиле стоит четкий ответ на этот вопрос. Он опасен как ученый, из-за деятельности которого могут произойти события, влекущие за собой гибель людей. Он надежен только до определенной черты.

— А если ему выгодна чья-то смерть?

— Вы так злитесь из-за смерти друга, что готовы обвинить еще не созревшего ученого с манией величия в его гибели? Поостерегитесь с такими выводами.

— Я уже не знаю, что думать. Но теперь Семиовского будет тяжело задвинуть, если им заинтересовался Винбург. А им он заинтересовался весьма основательно.

— М-да, это как раз-таки проблема, — Серов тяжело вздохнул.

— Неужели нельзя просто приказать? — предложил Ожин.

— Если б Данилевский был жив — можно было. Но сейчас Семиовский единственный кто имеет хоть какое-то представление о работе, которую они выполняли. В соционике укажут на невозможность запрещения деятельности Семиовского. Даже нет смысла отправлять запрос.

— Как удобно для вас, — усмехнулся Ожин.

— Не понял...

— Семиовский просочился через ваш фильтр. Гений, который не должен быть раскрыт, вот-вот зацветет. Вы просто не будете сообщать об этом в Институт.

Серов встал с кресла и, сложив руки за спиной, решительно посмотрел на директора.

— За свои ошибки я отвечу. Но Винбург сумел обойти меня только лишь потому, что вы позволили ему убедительно сыграть, воспользовавшись их с Данилевским враждой. Никто непогрешим, господин Ожин.

Взаимная неприязнь Винбурга и Данилевского длилась долгие годы. И началась она задолго до того, как Данилевский получил приглашение от Министерства науки работать в БиоНИЦ. Данилевский получил свою первую государственную премию в тридцать пять лет, за найденное лекарство от «рака Мотеро», названного так по месту первого заражения и

большим сходством по генезу с саркомой легких. На деле же «рак Мотеро» — микроклеточное инфекционное заболевание, локализующееся преимущественно в легких. Достаточно агрессивное, чтобы заставить всемирную организацию здравоохранения заговорить об эпидемии, на ранней стадии ее открытия. Данилевский нашел способ лечения «Мотеро» благодаря кропотливой семилетней работе в государственной лаборатории в Краснодаре. За что и удостоился награды.

Параллельно с Данилевским, вел исследования и другой ученый — Александр Винбург. Первое их знакомство произошло на заседании ученого совета в Министерстве, который рассматривал проблему «рака Мотеро». Данилевский предложил долгий путь изучений. Винбург настаивал на более быстром пути практики на живых людях. Жаркие споры длились два года. Власть не могла определиться, какой из двух вариантов является приемлемым. Согласиться с Данилевским означало несколько лет ожиданий, которые не гарантировали успеха, тогда как «Мотеро» забирал каждый год десятки тысяч жизней. Принять вариант Винбурга открывало дорогу испытаниям на людях, зараженных «Мотеро». В таком случае результат был виден сразу и ожидания сводились к минимуму. Но точка в спорах была поставлена внезапно. Одна из террористических группировок, обладающая биологическим оружием сделала вылазку в Омске. Результатом этого стало массовое заражение «Мотеро», по роковой случайности среди них было много детей.

Напряжение в обществе мгновенно достигло взрывоопасного уровня. Если раньше общественность не проявляла живого интереса к судьбе заболевших, и готова была ждать неизвестности в исследованиях, то сейчас смерть стиснула свои костлявые пальцы на каждом ребенке, заболевшем «раком Мотеро». Нужны были результаты и срочно. Инфекция убивала за семь месяцев. Властям опасно было тянуть с решением по вопросу болезни. Чаша весов склонилась в сторону Винбурга.

Воодушевленный победой над Данилевским, Винбург рьяно принялся искать лекарство против «Мотеро». После четырех месяцев испытаний на людях, Винбург был на грани открытия. Время истекало. На Винбурга каждый месяц давили сверху. Всем был нужен результат. За период работы Винбурга над лекарством погибло четыреста сорок два человека. Официальная причина — «рак Мотеро». Но сколько из них реально погибло от инфекции, а сколько от испытаний Винбурга, никто никогда не узнает. Через шесть месяцев работы над лекарством, Александр Винбург нашел панацею, как ему казалось.

Маленькие пациенты шли на поправку. Правительство получило то, что хотело. В обществе громко звучали слова благодарности. Препарат Винбурга немедленно стал производиться в огромных количествах и отправляться за границу. Но случилось страшное. Треть детей, принявших «панацею» Винбурга, скончалась через три месяца. Шок был ужасным! Ступор правительства спровоцировал массовое недовольство в обществе и привел к открытому противостоянию. Пресса трубила чуть ли не о гражданском неповиновении! Инфекция распространялась с невероятной скоростью. Правительство отбивалось от нападков со всех сторон, тогда как ученые во главе с Винбургом искали причину смерти детей, принявших лекарство. Ответ пришел также неожиданно.

Проиграв Винбургу битву за исследования, Данилевский все же не отступил от попыток реализовать свой вариант. Он нашел спонсоров, которые предоставили ему лабораторию и ученый стал творить. Для него и его исследований найденная «панацея Винбурга» была ничем иным, как угрозой закрытия всех работ. Но ученый не сдавался. Он убедил инвесторов, что за препаратом его оппонента еще нужно проследить, а потом рубить сплеча.

Массовая гибель детей спустя три месяца, повергла в шок и Данилевского. Но именно он нашел причину их смерти.

Министерство науки, узнав о параллельных исследованиях Данилевского, обратилось к нему с предложением работы в исследовательском центре. Данилевский согласился. Причина столь щедрого предложения была в том, что Данилевский направил официальное письмо министру науки о том, что он знает о причине гибели детей и о том, что он желает работать именно в его Министерстве, а не в подчинении у министерства здравоохранения, которое все больше напоминало один из департаментов Науки.

На пресс-конференции Министерства науки, приглашенный профессор Данилевский обнародовал свои умозаключения по поводу произошедшего. Главной причиной гибели детей стал вирус гриппон, проникший в организм детей. Но получив дозу лекарств Винбурга, дети оказались беззащитны перед гриппоном. Так Данилевский выполнил условия своего назначения заведующим лабораторией микровирусов. Он упомянул на пресс-конференции вирус, из-за которого погибло столько детей, но не упомянул главную деталь. А именно: произошедшую мутацию гриппона, которая произошла под влиянием «панацеи Винбурга», став самым непредсказуемым вирусным заболеванием — «патологией б».

Винбург получил неприятный выговор за ошибки в работе. Однако его исследования не были свернуты. Его идея быстрого получения лекарства доминировала. Но исследования Данилевского получили открытое официальное одобрение, тогда как работу Винбурга отодвинули на второй план. Препарат Винбурга, действия которого заканчивалось через пять-семь месяцев, должен был стать промежуточным звеном в огромной многолетней работе Данилевского. В довесок, Винбургу было поручено разработать комплексное лечение для усиления иммунитета больных, ослабленных его «панацеей».

Неприязнь Винбурга к Данилевскому росла с каждым днем. А через семь лет, когда Данилевскому достались все лавры победителя, ненависть взяла верх над ученым. Данилевский пришел в БиоНИЦ, а Винбург уже работал на Министерство.

И вот спустя столько лет появляется Кирилл — жалящий меч в руках Винбурга. Прекрасный шанс уничтожить своего давнего противника. Возникшее равнодушие в соционике в отношении Кирилла, позволило Винбургу полуоткрыто продвигать молодого вирусолога по карьерной лестнице. На завтрашнем ученом совете, который организовывался для прояснения ситуации с «белой язвой», Винбург предоставит слово Кириллу, чтобы на глазах у всех унизить профессора.

Но планам чиновника не суждено было сбыться. Произошедшее сегодня в городе и в БиоНИЦ, почти невозможно заключить в какие-либо рамки роковых случайностей или закономерностей. Смерть видного государственного ученого Данилевского привлечет нежелательное внимание прессы. Тем более что за исследованиями «патологии б» следят журналисты. Отсутствие главного фигуранта в этих исследованиях — профессора Данилевского, сразу же вызовет огромное количество вопросов. Смерть его громко аукнется для всей страны.

Хмурое небо чернело на глазах. Рыхлые тяжелые тучи ползли над городом. К исходу дня небеса излились холодным ливнем. словно пытаясь смыть грязь со стен, оттереть со зданий черные царапины. Ветер завывал и невидимыми громадами врезался в дома. Дождь лил до самой ночи, не переставая. Приход весны был испорчен окончательно. Из-за ливня были остановлены все работы на месте происшествия перед институтом. Солдаты, находившиеся там, укрепили купол. Ученые-вирусологи находились в здании БиоНИЦ, в спальном блоке.

Кроме них в исследовательском центре находился и его директор Антон Исаевич. Для него смерть друга оказалась настоящим ударом. Он стоял у окна. Тяжелые капли дождя били в стекло, размазывая картину за окном. В голове сплошная чехарда. Мысли беспорядочно копошились, доставляя ноющую боль. А дождь все шел. Живой как никогда, но безразличный к чувствам людей. Он изливался тяжелыми каплями, словно обозлившись на город. Никогда за многие годы Антон Исаевич не хотел так напиться, как сейчас. Взять бутылку водки и осушить ее, чтобы все мысли утонули в едком пойле. Но старый директор лишь вздыхал. Ему нужна была свежая голова, крепкие руки и твердый шаг.

Через четыре дня на совете Кириллу дадут слово, и он выступит с каким-то невероятным предложением. Антон Исаевич не отрывался от окна. Он смотрел, как по стеклу сплошным потоком стекают тяжелые, набухающие капли дождя. Вдали, еле различимые фигуры солдат, пытающиеся совладать с порывами ветра и укрепить купол. Антон Исаевич ждал... когда нахлынет усталость, и он наконец-то заснет и вскоре наступит новый день, и начнется этот проклятый ученый совет.

Винбург сам хлопочет за Кирилла. То, что чиновник преследует собственные цели, Антон Исаевич понял давно. Только не знал он одного, а именно: что готовит Кирилл для совета. А, значит, не знает к чему готовиться. Все идет как нельзя плохо. Разговор с Кириллом не разрешил ни одной проблемы, а только усугубил их. По версии Кирилла выходит, что профессор сам вколол себе инъекцию, чтобы на себе проверить ее действие. «Врет ли Кирилл или нет? — размышлял Антон Исаевич. — Мог Данилевский сделать себе инъекцию? Великий ученый и на тебе, сделать укол непроверенного препарата. И какого черта он этим занимался, когда Министерство дало другое задание?..» И даже система слежения в лаборатории ничем не могла помочь. Она в тот день не работала из-за повреждений нескольких коммуникационных узлов, сделавших БиоНИЦ уязвимым. «Кирилл сказал, что объявит о своем варианте исследований на заседании совета, — Антон Исаевич вновь погрузился в раздумья. — Но что он собирается сообщить совету такого, что не пожелал сообщить мне? Зря я отговорил майора от допроса Кирилла. Сейчас бы мы все знали и знали к чему готовиться. Винбург ведет игру и этот юнец — главная фигура без сомнений».

Дождь усилился. Антон Исаевич подошел к своему столу. Медленно стянув со стола часы, циферблат которых овивали два дракона. Стрелки показывали ровно десять часов сорок пять минут. В голове всплыли давно забытые воспоминания. Антон Исаевич вспомнил, как шесть лет назад его друг, Кирилл Иванович Данилевский, пришел к нему с поникшей головой и безмерно пустыми глазами. Было понятно, что что-то произошло. Ответ не заставил себя долго ждать. Данилевский резкими движениями расстегнул рубашку и сдернул ее с себя. Антон Исаевич обомлел. На груди своего друга он видел белые пигментные пятна, уходящие по правому боку вниз. Данилевский ущипнул себя за запястье. На том месте остался небольшой неестественный бугорок кожи. Профессор смотрел в глаза другу и, ухватившись за кожу, силой дернул вниз. Тонкая, хамелеон-перчатка разорвалась и слетела с ладони, обнажая белые вкрапления и полосы на коже.

Антон Исаевич пришел в себя. Перед ним были часы, в которых он видел свое отражение. Он зажмурил глаза от нахлынувших чувств. И швырнул часы в окно. Крепкое стекло выдержало. Его было не разбить. Сегодняшнюю ночь Антон Исаевич проведет в своем кабинете на диване. Утром верная секретарша обнаружит его и накроет спящего босса одеялом, запрет дверь и цербером будет охранять его покой.

Глава 25. Лекарство

Кирилл быстрым шагом шел на работу. Его подгоняли вперед мысли о том, что он теперь главный в лаборатории. Ночью ему домой позвонил Александр Винбург и сообщил о том, что лаборатория микровирусов переходит под прямой контроль директора исследовательского центра, но старшим в ней назначат его. Кирилл ликовал. Он не мог представить, что все мечты так лихо начнут сбываться. И стоило лишь убрать небольшое препятствие... На его лице появилась хмурая тень. Он вспомнил лицо профессора, перед тем как ушел из лаборатории. «Это случайность, я не хотел его смерти», — убаюкивал он совесть. Проходя мимо пропускных ворот на территорию, Кирилл посмотрел на площадь перед исследовательским центром. В оцеплении стояло всего десять человек. Тента и автобуса уже не было. Движение восстановлено. Кирилл поднимался по ступеням. Его ждала новая должность — старший научный сотрудник. И она давала ему в руки всю формальность власти. Хотя голос Винбурга, когда тот сообщал ему о перестановках в лаборатории микровирусов, звучал подавлено и даже устало. Кирилл отогнал эти мысли и вошел в здание.

Возле лаборатории микровирусов его ждал начальник охраны БиоНИЦ. Он злыми глазами смотрел на приближающегося Кирилла, пытаясь сбавить внутри себя давление в паровом котле. Кирилл радостно поприветствовал Серова.

— Лаборатория в вашем распоряжении, господин Семиовский, — процедил он сквозь зубы. — Только не забывайте, что за вашей работой внимательно наблюдают.

Кирилл почувствовал, как от начальника охраны веет жаром. Будто бы он болен и у него высокая температура. Стоять рядом с ним было не безопасно. Кирилл убрал с лица улыбку, опасаясь перехода раздражительности Серова в новую фазу.

— Сотрудники лаборатории вам не подчиняются. Уясните это. Они могут ассистировать вам в рамках министерской работы, но не забывайте — у них своя работа.

Кирилл кивнул. Он ввел свой код доступа. Через открывшуюся дверь он увидел, что некоторые из лаборантов уже пришли на работу. Кирилл вошел. Дверь наконец-то захлопнулась, став защитной стеной между ним и начальником охраны. Трое лаборантов стояли возле одного из столов. Увидев Кирилла, они дружно приветствовали его взглядами. Но в них не было пресмыкания и почтения, как обычно бывало с приходом в лабораторию Данилевского. Коллеги смотрели на Кирилла с недоверием, но как равные. Перед ними по-прежнему стоял все тот же младший сотрудник, которым Кирилл был последние пять лет. Они даже не сдвинулись с места. Да и с чего вдруг им разбежаться по рабочим местам?

Кирилл поздоровался и прошел к рабочему столу Данилевского. На панели управления он ввел свой код доступа, и матовая стена второй лаборатории стала прозрачной. В ней зажегся свет, рабочие места и панели управления на столах стали поочередно включаться. Лаборанты переглянулись. Понимая, что у Кирилла есть доступ к управлению всей лабораторией микровирусов, им ничего не оставалось как признать его главенство. Кирилл вводил параметры предстоящих опытов и украдкой поглядывал на коллег. Они, переглядываясь, расходились по своим местам.

— Ребят, — прервал молчание Кирилл, — так уж получилось: нам нужно закончить два больших опыта.

В это время дверь в лабораторию открылась. На пороге стояли еще две лаборантки.

Увидев Кирилла за главным столом, они быстро сообразили, что к чему и проворно посеменили на свои места.

— Повторюсь для опоздавших, — голос Кирилла немного подрагивал, — нам нужно закончить тесты над «патологией б», начатые еще профессором. Сегодня вы будете заниматься именно этим.

— А с чего это тебя поставили за панель управления? — резко спросил Константин Хавеев.

— Ты верно подметил — меня поставили за панель управления, но не более, — Кирилл быстро оглядел коллег. — Главным меня над вами никто не делал. Я вами не командую. У меня своя работа, у вас — своя. Но прошу заметить, что я по-прежнему второй человек после профессора, — Кирилл смотрел в глаза Константину.

Кого и придется сломить, так это его. Главный враг после Данилевского. Он многих знал в исследовательском центре и, как говорят, к нему очень положительно относится директор Антон Исаевич.

— Ты над нами не главный, то и не можешь указывать чем нам заниматься, — язвил Хавеев.

Некоторые из лаборантов неодобрительно посмотрели на него. Никому не хотелось в такое время разжигать пламя противостояния.

— Как хочешь, — Кирилл пожал плечами. — Можете ничего не делать. Только пока не назначили нового руководителя лаборатории, мы все в прямом подчинении у директора. А мы не закончили с «патологией б». Сейчас это приоритет.

— Ты, наверное, решил, что тебе дадут возглавить лабораторию? Не забывай: ты лишь выскочка без званий и регалий, даже не кандидат в доктора и тем более не мастер науки. Ни одного серьезного научного труда, ни серьезного исследования. Тебя ни за что не поставят во главе лаборатории.

— А ты думаешь, поставят тебя?

— Третья докторская меня поставит.

— Можешь ей утереться, доктор. Только почему-то доктор занимается бумажками, а лаборант, вроде меня, возглавляет работу, порученную ему ученым советом, — ехидно огрызнулся Кирилл. — Каждому по способностям, да? И все мы знаем, что случаи присвоения звания мастера науки лаборантам в истории были.

Кирилл вышел из-за стола и направился к шкафам с защитными костюмами. Он спиной ощущал взгляд Константина и наслаждался этим. В отличие от него, Кирилл готов был еще подождать. Ведь он знает то, чего просто не могут знать его коллеги в лаборатории. Его ждет совет ученых-вирусологов, на котором он намеревался представить доказательства своего ума. И его гений будет признан на самом высоком уровне, и Антону Исаевичу ничего не останется, как назначить его управляющим лабораторией микровирусов. Кирилл верил в это. В его мыслях эхом отдавались слова Александра Винбурга. И он цеплялся за них как за лестницу, устремленную в небо. Вскоре все его старания окупятся. Столько лет разработок. Оставалось лишь представить убедительные доказательства того, что его штамм действительно содержит позитивный вирус, который способен стать базой для разработки лекарства от «белой язвы». Надевая костюм, Кирилл только сейчас обратил внимание, как сильно болят его пальцы. Они плохо гнулись и ему никак не удавалось сжать их в кулак. При любой попытке с силой согнуть их Кирилл зажимал зубы от резкой боли. Он медленно и неуклюже влез в костюм. Ему казалось, что все смотрят на него, от чего начинал паниковать

и теряться в складках рукавов. На лбу появилась испарина, струйки пота стекали по спине еще больше раздражая. Застегнув последнюю липкую застежку, он подошел к первой пропускной камере.

Кирилл ввел персональный код на панели управления и активировал план работ на сегодня. Его коллеги должны были сегодня-завтра завершить все тесты по «патологии б» и сдать отчеты. Вторая лаборатория предоставлялась им. Сам же Кирилл целый день намеревался провести в третьей. Он посмотрел через прозрачную стену: лаборанты уже приступили к своей работе. Кто-то вносил последние данные в компьютер перед тем как направиться к шлюзу, кто-то уже вытащил защитную маску и перчатки, готовясь к кропотливой работе. Константин сидел, зарывшись в бумаги. Перед ним лежал электронный планшет, на котором был подписан последний документ профессором Данилевским.

С профессором Константин познакомился около девяти лет назад, когда их дороги пересеклись в исследованиях «рака Мотеро». Уже тогда Данилевский был легендой, хотя и овеванной ореолом непошибаемого характера. Но именно под его крыло стремились неоперившиеся ученые. Потому что каждый, проработавший с ним три года, получал золотой билет на свои исследования. Данилевский всегда замечал талант и крепко цеплялся за него. Хотя были и те, кто говорил скорее об удушающих объятиях знатного ученого. Как бы то ни было, но Константину нравилось работать с Данилевским. Благодаря профессору, он был на хорошем счету и неофициально исполнял роль его заместителя, когда тот задерживался или пропадал на совещаниях, с которых возвращался в дурном настроении. В какой-то мере Константин боготворил своего наставника, хотя никогда не получал от него больше, чем кто-либо другой. И даже когда прошли три года и Данилевский, как прочили ученые, не повысил Константина, он продолжил свое существование в его тени. И с жадностью ловил падающие с его стола крохи.

Кирилл с помощью приказов через панель управления раскладывал на столах в третьей лаборатории необходимые реагенты. Боковым зрением, он контролировал передвижения лаборантов. Затылком он ощущал, что на него смотрят, пытаются проконтролировать, что именно он делает. В какой-то момент Кирилл пожалел, что во всеуслышание сообщил о том, что работает над министерским заказом. Всякий раз, когда он поворачивал голову в сторону второй лаборатории, он видел, что лаборанты работают, уткнувшись в микроскопы и пробирки. Монотонная работа шла своим чередом и никак не могла коснуться гениальных порывов Кирилла. Даже Константин сидел в общем зале и был погружен в писанину. Сегодня он редко заглядывал во вторую лабораторию. Ему хотелось находиться как можно дальше от самодовольства, исходящего от Кирилла, и он взял на себя ведение отчетов о проделываемых опытах.

Кирилл пытался взять себя в руки. Прошло уже больше часа, а он так толком и не приступил к активной работе. Ему нужно было взять у себя кровь, чтобы начать ее исследование. Прошло уже столько времени, а он до сих пор не знает, что внутри него поселилось. Он посматривал на коллег. Прозрачные стены лишали всякой надежды на скрытость. Кирилл опасался и медлил. Он стоял за панелью и проводил теоретические анализы того, во что мог мутировать вирус, когда попал к нему в организм. В голове все мешалось. Он злился. Руки трясло. Попытавшись сжать пальцы в кулак, Кирилл сморщился от боли. Суставы плохо гнулись. И ему так и не удалось это сделать. Он встряхнулся — тело отозвалось волной коликов. Едва сдержавшись от внезапного крика, Кирилл посмотрел на лаборантов. Они по-прежнему работали, не обращая на него никакого внимания. Тихо

топнув ногой, Кирилл попытался справиться с волнением. Он нажал на несколько кнопок на панели. Механические руки в закрытом боксе приступили к размещению реагентов по пробиркам. Кирилл определился с приоритетностью задач. Он посмотрел на часы: до обеда осталось чуть меньше двух часов. Решение было очевидным — анализы нужно отложить, пока он не останется один.

Определившись с одним пунктом, он принялся за другой. Нужно подготовить базу для ученого совета. Кирилл приступил к синтезированию позитивным вирусом. Сегодня он занимался только им. День был отдан ему. Необходимо было стабилизировать его состояние и выяснить пределы его адаптивности. Способен ли он быть истинным позитивным вирусом и комплементарно цеплять все остальные или же его действие ограничивалось лишь вирусом нулевого иммунитета и мониями?

Погруженный в работу, Кирилл очень скоро потерял счет времени. Позитивный вирус демонстрировал удивительную жизнестойкость и выдерживал любые деструктивные испытания. Однако скоро подтвердилось, что вирус позитивен лишь к тем вирусам, которые стали основой для его мутации. В данном случае это был ВиНИ. Кирилл повторил слияние позитивного вируса с мониями, но произошло неожиданное: они полностью поглотили его. Кирилл был в ужасе! «Очевидно, что-то не так сделал», — он пытался найти оправдание. Все же получалось в предыдущие дни, что случилось сейчас? Кирилл не сдавался. Он дотронулся до левого плеча, где раньше была капсула. В его теле гулял именно симбиоз моний с позитивным вирусом. Он добавлял к штамму позитивного вируса пробы моний, взятых у разных людей. Результат был одним и тем же — монии поглощали позитивный вирус. «Невозможно!», — кричал про себя Кирилл. Он вывел на экран записи по предыдущим опытам. Перепроверяя все свои шаги, он пытался найти ошибку в сегодняшних действиях, но все было верно. Просто в этот раз монии вели себя совершенно иначе. Загадка, на которую Кирилл не мог отыскать ответа. Оставалось задействовать генетику. Взглянуть так глубоко, как это может позволить техника. ДНК анализ будет готов максимум через час. Кирилл взглянул на часы: обед начался тридцать минут назад. В лаборатории кроме него никого не было.

Кирилл вышел во вторую лабораторию. Он как можно быстрее пытался снять защитный костюм. Но от резких движений суставы рук и пальцев отзывались резкой болью. Он все еще не мог полностью сгибать пальцы и раздевался медленно, оголяя левую руку. С помощью микрошприца он взял кровь, отстриг пучок волос, соскреб немного ороговевшей кожи, после чего попытался вновь втиснуться в костюм, не причиняя себе сильной боли. До конца обеда оставалось двадцать минут. Кирилл надеялся на то, что лаборанты досидят до конца, так как сегодня не было над ними руки с кнутом и довлеющего взгляда. В третьей лаборатории он поместил в анализатор свою кровь и отдал команду сделать полный анализ. Кирилл надеялся увидеть то, чего не показывали обычный экспресс-анализы. Перед этим внес маленькую алуку каплю под мощный электронный микроскоп.

На большом экране появилось увеличенное изображение. Кирилл внимательно смотрел и не мог понять: судя по визуальной картинке, все было в норме. Форма клеток, консистенция и их движения. Кирилл увеличил в несколько раз изображение. Рядом с белыми округлыми клетками лейкоцитов плели свою сеть монии. Они быстро делились и сплетались вокруг красной клетки эритроцита, похожей на плюшку, непрерывной цепочкой. Каждая клетка оказывалась в сетчатом мешке, который затягивался непрозрачной мембраной, полностью обволакивая клетку. Часы показывали без десяти час. Кирилл

поместил под электронный микроскоп свой волос. Многократное увеличение среза показало очень слабое проникновение моний. То же он увидел и в клетках кожи. Кирилл сделал вывод, что процесс видоизменения клеток идет достаточно медленно. Но симптомы в его теле говорили о том, что на организм оказывается резко негативное воздействие. И если это не монии, которые только осваиваются в его организме, то что же еще?

Анализатор крови издал протяжный сигнал, и на мониторе высветилась картинка со шкалами. Судя по анализу, кровь Кирилла претерпевала значительное изменение. Ее структура сильно изменялась. Уровень «рабочих» лейкоцитов стремительно падал, тогда как количество активных АТ-цитов начало расти. Вот оно! Именно это он и искал.

Открытие, сделанное учеными больше полувека назад — микроскопические клетки неправильной формы — АТ-циты. Их поначалу недальновидно окрестили «клеточным мусором». Однако позже сформировалась гипотеза о том, что АТ-циты на самом деле пребывают в «спящем» состоянии. После проведенных исследований ученые обнаружили небольшое количество «спящих» АТ-цитов у каждого обследованного человека. Это позволило микробиологам предположить, что АТ-циты содержатся у всего населения планеты, но определение точного количества «дремлющих» АТ-цитов представлялось нецелесообразным. Ученые долгое время не могли сформировать полную картину о функциональных способностях открытых клеток. В какой-то момент предположение о «клеточном мусоре» вновь возобладало, пока не была открыта мония — микроклеточная прото-бактерия, которая пробуждала «спящие» АТ-циты: они незначительно увеличивались в размерах, начинали двигаться и делиться. Наличие «недремлющих» АТ-цитов в крови однозначно свидетельствовало о заражении организма «белой язвой».

Кирилл не паниковал. Он смотрел на состав крови, оценивая всю картину в целом. Бояться за свою судьбу он будет позже. С «белой язвой» он еще разберется.

Помимо моний, в крови содержался вирус нулевого иммунитета и, что самое поразительное — обнаружился неизвестный вирус. Система вывела его формулу — это был позитивный вирус. Кирилла передернуло. Он никак не рассчитывал на то, что в его крови будет ВиНИ, ведь он предполагал, что нашел вакцину от него и позитивный вирус должен был его убить. Однако через пару минут, когда в лабораторию вошли девушки-лаборантки, Кирилл вернул мысли в твердое русло.

ВиНИ обнаружен в его крови, но симптомы, которые демонстрирует его тело, не относятся к проявлениям воздействия вируса нулевого иммунитета. Кирилл сделал дополнительный забор ВиНИ из своей крови. Вирус не жизнеспособен. Он обладал набором вредоносных инструментов, но не обладал путями их передачи. Он был лишен средств для влияния на окружающие клетки и был полностью законсервирован в тонком слое мембраны. Кирилл предположил, что это может быть в следствии воздействия позитивного вируса. Так оно и было! Сделав анализ взятой крови через час, Кирилл обнаружил, что содержание позитивного вируса в разы увеличилось, впрочем, как и моний с АТ-цитами. Система однозначно выдавала поглощение организма «белой язвой». Перспективы были ясны. Кирилл нахмурился. Он размышлял.

Полученная гибридная смесь от взаимодействия позитивного вируса и моний, содержащая в себе код ВиНИ могла стать хорошей основой для вакцины от вируса нулевого иммунитета. Винбургу ведь он так и сказал, что нашел его. Но на самом деле до этого было еще далеко. Кирилл съезжился от мыслей — как бы не пришлось ему признавать свою поспешность. Он верил, что в состоянии ускорить процесс испытания. Полученный симбиоз

позитивного вируса и моний успешно разрушил вирус нулевого иммунитета, взятого из крови его матери. «Мама», — от этого слова щемило в груди. Она ждет сына, а ее вирус ожидает очередной порции блокаторов. Кирилл подошел к панели управления во второй лаборатории. В голове его бушевал настоящий ураган. Он вспомнил, что в четверг он должен был улетать домой, чтобы привезти уколы. Забыл! Кирилл со злостью сжал кулаки, но тут же дернулся от резкой боли и заскулил, не стерпев. Но стена лаборатории сохранила его секрет.

Кирилл подумал о четверговом заседании ученого совета в Министерстве и Александре Винбурге, который держал для него дверь открытой. Как же так? Снова проделки судьбы и распутье. Кирилл подошел к стене и посмотрел на свой рабочий стол в общем зале, в одном из ящичков которого лежали 32 ампулы, с оранжевыми бирками. Очередная порция блокаторов. Очередная отсрочка. Сколько ему еще удастся сдерживать агрессию ВиНИ?! «Нужно действовать», — Кирилл приподнял голову. В его голове зрел дерзкий план. Мысль, как повергнуть вирус раз и навсегда. Ведь он нашел средство, против которого ВиНИ бессилён.

Кирилл сел за стол с панелью управления и вывел на экран подробные анализы крови матери. Ему нужно было подтверждение того, что в ее крови также содержатся пробудившиеся АТ-циты. Так и есть! «Сын своей матери», — довольно произнес Кирилл. В его крови тоже находилось малое количество «дремлющих» АТ-цитов. Нужно было рискнуть. Нужно было адаптировать лекарства, которые он постоянно готовил для матери с новым штаммом. «Я ведь жив», — убеждал себя Кирилл. Он думал о «белой язве», которой заразится его мать. Монии будут делиться в ее крови, также, как и в его. Кирилл посмотрел на анализы крови. «Если «белая язва» не убила меня, то и ее она не убьет. Она тоже носитель, ведь поэтому у нее АТ-циты», — Кирилл уже не мог свернуть с намеченного пути. В его глазах горел победный огонь, который застил ему путь. Но он шел уверенно и твердо ставя шаг. Он приказал роботам приготовить слабую сыворотку из того лекарства, что уже приготовил для мамы. Осталось добавить туда позитивный вирус. Но Кирилл никак не мог сегодня его получить. Он отмахнулся от пробирок в закрытом боксе, в которых лежал осадком мертвый позитивный вирус. Кирилл нашел другой способ вновь получить его. Он собирался синтезировать его из своей крови.

Механизированные руки заканчивали работу по приготовлению промежуточной сыворотки. Кирилл увлеченно проводил необходимые тесты и анализы крови для извлечения жизнестойкого позитивного вируса. Погруженный с головой в работу, он не заметил, как рабочий день подошел к концу, как все лаборанты завершили свою работу и покинули лабораторию. Кирилл делал то, что у него получается лучше всего — погружаться в работу и быть в одиночестве.

Когда охранники начали вечерний обход, Кирилл вынырнул из пучины анализов и кропотливой работы. Испугавшись отсутствия всех, он было забил тревогу. Но посмотрев на часы, понял, что все в порядке. Пустой желудок сердито намекнул о необходимости поесть. Кирилл уже не удивлялся, как продержался без еды столько часов. Он окинул взглядом рабочий стол. И его окатило волной удовлетворения от проделанной работы. Рядом со смесителями стояли 32 пробирки с раствором под лекарство. В закрытом боксе роботы заканчивали процесс последнего деления, и через несколько минут в пробирке будет содержаться чистый позитивный вирус. Можно и поесть.

Кирилл вышел в общий зал. Стянул маску и глубоко вдохнул. Сухой воздух здесь казался ему самым свежим. Он направился в коморку, где стоял холодильник с едой. Открыв его,

Кирилл с досадой увидел, что он пуст. Лишь в дверце стояла просроченная баночка энергетика, которую из лени никто не желал выкинуть. Ничего не оставалось. Идти сейчас в буфет Кирилл не желал, ему хотелось поскорее изготовить лекарство. Он схватил энергетик и, открывая, направился к своему рабочему месту.

Усевшись на стул, он залпом допил напиток и направил банку в мусорную корзину. Кирилл открыл третий выдвижной ящик стола и начал доставать ампулы с оранжевыми бирками. Он ставил их на стол, одновременно рыская взглядом по округе, вспомнив, что у одной из лаборанток в столе всегда были небольшие бумажные пакеты из кафетерия. Достав из самого нижнего ящика серый пакет, он подошел к своему открытому ящику, в котором лежала последняя ампула. Он достал ее и бросил в пакет. Приставив его к самому краю стола, Кирилл сгреб остальные ампулы. Надев защитную маску, он зашел во вторую лабораторию и направился к дальней стене, в которой находился закрытый люк. Это был утилизатор. Нажав на кнопку активации, крышка открылась, и из стены выехал стальной бокс. Кирилл бросил внутрь бумажный пакет с ампулами, поблескивающими прозрачным раствором и оранжевыми бирками. Нажатие на кнопку и бокс задвинулся обратно, плотно задраившись. Раздался глухой звук. Жернова размалывали в порошок стекло.

На мониторе на панели управления Кирилл заметил зеленый сигнал. Роботы закончили разделять вирусы. Кирилл надел на голову защитную маску комбинезона и вошел в камеру. Его взгляд был напряжен. Он достал из буфера пробирку. Предстояло еще провести небольшой экспресс-тест на агрессивную среду и выяснить, как поведет себя вирус в приготовленной сыворотке. По расчетам Кирилла раствор должен был выполнять функцию жидкого инкубатора для позитивного вируса. Это и подтвердилось через час после начала тестирования. Кирилл отдал приказ механическим рукам смешать растворы в смесителях и готовить жидкость для спайки в ампулах. Этот процесс уже проходил во второй лаборатории. Но Кирилл туда даже не вышел. Механизмы все сделают и без него.

— Все будет хорошо, — произнес он, глядя через прозрачную стену на бокс, в котором появлялись после спайки капсулы с раствором. — Нужно закрасить...

Кирилл подумал об оранжевом маркере. Любимый цвет мамы. «Нужно закрасить», — повторил он про себя. Он сидел на стуле и сжимал руками колени, чувствуя небольшое покалывание в пальцах. Все должно получиться, расчеты верны. Иначе и не может быть. «Возможно это особенность моего организма», — рассуждал Кирилл о том, что в его крови обнаружился ВиНИ лишенный агрессивности. Он посмотрел на монитор, на котором значились результаты крови. В голове он прокручивал слайд с изображением моний в его крови. «Я носитель, — Кирилл перевел взгляд на бокс с ампулами. Их становилось все больше. «Нет другого объяснения, что монии ведут себя именно так в моей крови. Я определенно заражен «белой язвой». Но я живу, я жив. Вывод один, конечно, я — носитель.

Когда в организм попал раствор с видоизмененными мониями, это спровоцировало мое перерождение. Спровоцирует и мамино». Кирилл медленно покачивался в такт своим мыслям. От них его холодило, будто стоял он на морозе. Ему хотелось вытереть влажный лоб, но ладонь уперлась в защитную маску. В голове он обдумывал способ, как излечить «белую язву». У него еще есть время. «Белая язва», предполагал он, будет также вяло развиваться в организме его матери. За это время он найдет ключ к принудительной мутации моний и сможет провести ее так, как нужно ему. «Саламандра», — с содроганием подумал он о наркотике. Необходимо дожать позитивный вирус и разобраться почему сегодня монии его разрушали.

Как только процесс изготовления ампул завершился, Кирилл вышел во вторую лабораторию. Он переложил их в оставшийся бумажный пакет и направился к выходу в общий зал. Поставив пакет на стол и сняв защитную маску, он достал из верхнего ящика оранжевый маркер и закинул в пакет. Раскрашиванием можно заняться и дома.

Усевшись за стол, Кирилл достал клавиатуру и открыл почтовую программу. Нужно было написать о том, что у него не получится приехать в четверг и лично привезти лекарства, так как ему необходимо присутствовать на важном совещании в Министерстве науки, куда его пригласили. Кирилл вкратце рассказал о последних событиях, о том, что ему доверили проведение важного опыта. О смерти Данилевского он упомянул вскользь, добавив, что сильно сожалеет о потере такого гениального ума. Кирилл предполагал, что мама и сестра очень расстроятся из-за того, что не увидят его и постарался смягчить словами свое отсутствие, пообещав, как только закончит с опытами, обязательно приедет. Однако лечение, из-за его отсутствия прерывать нельзя. Нынешнее положение позволяет ему отправить посылкой необходимые лекарства. Кирилл подробно описал, как их нужно принимать и объяснил, что это новая разработка исследовательского центра. Поэтому, как только Маргарита сделает укол, она должна каждые шесть часов брать кровь на анализ в течение суток, после чего выслать пробирки ему.

Кирилл откинулся на спинку. Часы показывали десятый час. Он смотрел на бумажный пакет с ампулами и думал над тем, каким способом их отправить. Посылку нужно было доставить меньше чем за сутки, а на такое способна лишь экспресс-почта, на которую у Кирилла не было денег. Хотя он мог отдать последние деньги, но тогда у него почти ничего не оставалось. Кирилл кивнул своим мыслям. Альтернатив здесь не было. На сайте почтовой службы он заполнил необходимый бланк, на котором с удовольствием вписал свою должность — и.о. главы лаборатории микровирусов. Пока лишь И.О., но уже это давало ему привилегию на пересылку редкого лекарства. Как же на душе было сладко от этого! Нужно было идти домой. Кирилл медленно, через боль, снял защитный костюм и аккуратно повесил его в шкаф. Система защиты проверит его и проведет обеззараживание. На главной панели управления, на профессорском столе, он активировал программу завершения работы и направился к выходу. Мониями и их мутациями он намеревался заняться завтра. Без «саламандры» ему не обойтись.

Глава 26. Бывший друг

Кирилл стоял под крышей остановки, рядом с клубом «Невь-8». Крупные капли дождя барабанили по ней словно отряд барабанщиков на параде. Привычной длинной очереди не было. Кому захочется стоять под ледяным душем? Кирилл пришел сюда ради встречи. Один раз его уже прогнали. Кирилл вынул трясущиеся руки из карманов сильно затертой синей куртки. На ладонях бледнели длинные белые полосы. Он поднес их ближе к лицу, чтобы еще раз взглянуть на «язвы», появившиеся к вечеру. Кирилл уже не боялся. В нем не было страха перед этими полосками. Он знал, что они проявятся и, прежде всего, на руках. Кирилл достал из кармана черные перчатки, приготовленные заранее. Пытаясь совладать дрожью в руках, он внезапно для себя вспомнил Елану. Для него прошла вечность с того момента, как охранник раздавил капсулу в его руке и еще одна с того последнего мига, когда он видел возлюбленную. Кирилл надел левую перчатку. И снова он поднес руку к глазам. С жалостью он смотрел на нее, тонкую черную веточку, трясущуюся на ветру и дрожащую от холода. Как долго он не касался любимой? Как мало мыслей о ней в его голове. Он почти забыл ее. Ее лицо и нежность кожи, ее горячее тело и голос. В голове правили другие мысли.

После работы он забежал на несколько минут домой, лишь для того чтобы оставить бумажный пакет на столе да взять пару бутербродов в дорогу. Тогда-то он и заметил белые пятна на коже. Задержавшись в ванной, Кирилл сбрил хлипкую бороденку, чтобы выглядеть более презентабельно. Нужно было произвести впечатление уверенного человека. Глядя на свое отражение, он думал о вакцине. Осталось совсем недолго и у него будет живое доказательство ее эффективности. Его сестра — Маргарита, как всегда исполнительная, все сделает верно. Введет маме вещество из ампулы и через несколько часов возьмет первый анализ крови. Кирилл хотел быть рядом. Но то, что он остался в Химграде, даже лучше, если что-то пойдет не так, то в лаборатории он сможет скорректировать лечение. «Все будет хорошо», — тихо убеждал он себя.

Сейчас ему нужно было одно — встретиться с Кнутом. Кирилл надел вторую перчатку и, оглянувшись по сторонам, направился к входу в клуб. На этот раз охраны не было. Кирилл потянул за ручку и вошел. Из клуба доносились тяжелые басы танцевальных ритмов. Но в фойе было очень тихо и мрачно.

В фиолетовом полумраке появился охранник.

— Ты куда?

Кирилл сглотнул.

— Мне нужно... — он не мог подобрать нужные слова.

Грозная фигура охранника закрывала весь обзор.

— Ну? — охранник тяжело положил руку на плечо онемевшему посетителю.

— Я хочу увидеть Кнута, — промямлил Кирилл, — если он здесь, — добавил потом, сам не зная для чего.

Охранник напрягся. Он сильнее сжал пальцы на плече непрошенного гостя. Кирилл сморщился. Охранник, по рации в ухе, сообщил, что здесь интересуются Кнутом. Кирилл приготовился к мордобою. Тяжеловес ехидно улыбался белоснежной улыбкой, светящейся в ультрафиолете и крепче, сжимал пальцы на плече Кирилла. Через пару минут послышались шаги и из глубины полумрака показался знакомый широкоплечий силуэт охранника,

опробовавшего на Кирилле свои кулаки и ноги.

— Больно ты настойчивый, — пожимая кулаки, произнес он.

— Вот он хочет видеть Кнута, — первый охранник отпустил плечо Кирилла и тут же хлопнул по нему в пол силы, заставив его покоситься влево.

Здоровяк ослабился. Кирилл стоял ни жив ни мертв — двоих охранников он не переживет.

— Идем, — вдруг произнес подошедший охранник.

Кирилл не знал, что и делать. Перед ним все так же стояла огромная фигура бугая, скалящегося фиолетово-белой улыбкой, мешающая войти в клуб. Второй переросток скрылся в полумраке.

— Да иди же, — ухмыляясь охранник подтолкнул Кирилла в сторону коридора, откуда сам вышел.

Кирилл побрел во мраке, почти не разбирая дороги. Звук доносящейся музыки усиливался. Она играет совсем рядом. Впереди, кроме фиолетового мрака, не видно ни зги. Но тяжелый жар белозубого охранника Кирилл чувствовал ясно. В двух метрах мрак прорезал яркий мерцающий луч света. Здоровяк, идущий впереди, откинул плотную бархатную занавесу.

В сопровождении двух охранников, Кирилл оказался за барной стойкой клуба. Несмотря на непогоду, клуб содрогался от танцев и оглушающей музыки. Здесь жизнь бурлила и кипела страстью десятков разгоряченных тел. Кирилл шел мимо полуголых барменов и барменш, обслуживающих посетителей. Они виртуозно подбрасывали и перекидывали между собой бутылки и бокалы, тарелки — все, что было у них под рукой, одновременно, показывая и демонстрируя всем свои идеальные тела, покрытые сетью светящихся разноцветных полос. Девушки сливались в жарких поцелуях, продолжая смешивать коктейли и забавляя подвыпивших зрителей.

Кирилл был здесь лишь однажды. Ему так хотелось попасть сюда, но у него не было ни денег, ни смелости стоять в очереди. Пока его тайное желание — оторваться на всю катушку, не заметил его университетский друг. Он достал Кириллу клубную карту и повел его с собой. Это было настоящим шоком. Такого удовольствия он не получал еще никогда! Впрочем, шок испытал и друг Кирилла, когда закомплексованный, зажатый гений-ботаник начал клеиться к прекрасной длинноволосой брюнетке на танцполе. Окружающие ждали всего: что она пошлет его, унизит или еще что-нибудь в таком духе. Но то ли в Кирилле говорил «кипяток», то ли от стресса, но он поступил так, как никто не поступал ради нее до этого дня.

Когда ди-джей поставил танцевальный хит, Кирилл занял своим зажигательным танцем центр танцпола и, обращаясь через танец к прекрасной брюнетке, он привлек сначала ее внимание. А спустя несколько минут, они оба в жарком танце под бурные завывания толпы двигались в ритм музыки. Когда же огонь тел на танцполе был завершен, уставшие танцоры сели за барную стойку. Пораженный прыткостью Кирилла, его друг, улыбаясь и восхищаясь, подошел к веселой парочке. Раздался смех! Оказалось, что Кирилл забыл спросить, как зовут прекрасную незнакомку и представиться самому. За них это сделал друг Кирилла. Прекрасной девушкой с длинными черными волосами была Елана.

Кирилл очнулся от воспоминаний. Один из охранников, что шел позади, небрежно толкнул его в спину, призывая пройти через темно-фиолетовые занавесы. Кирилл оказался в коридоре. На этот раз он был освещен, тусклым оранжевым светом. Скоро показались

ступени лестницы. Через несколько секунд Кирилл снова оказался в общем зале, только на втором этаже, где сидели особо важные гости. Кирилл посмотрел вниз. Никогда он еще не был выше простого народа настолько, чтобы смотреть на него сверху вниз. Но мысли не пошли дальше. Кирилл осекся, почувствовав на себе взгляд того, с кем так настойчиво добивался встречи.

Вдали, у самой стены, увешанной декоративными лампами и расписанными в стиле неоромантизм с подсветкой, плавно меняющей оттенки, сидел Кнут. По левую руку от него сидела какая-то девица с розовыми волосами, извивающаяся как змея и недвусмысленно поглаживающая его ногу. Рядом сидели два здоровенных мужика в черно-белых футболках, сияющих в ультрафиолете. Кирилл, ведомый охранником, медленно шел к цели.

Кнут был одет в очень дорогой темно-синий костюм. Деловой, но с молодежными линиями, он делал своего хозяина выразительным и креативным. Подчеркивал достоинства фигуры и скрывал лишнее. Его голова немного вытянутая, без волос, со шрамами на макушке, слегка повернута к танцполу. Лицо, немного бледное, подсвеченное клубным светом, не выказывало никаких эмоций. Аккуратные черты лица с жесткими штрихами скулы. Широко открытые глаза внимательно смотрели на танцующих, будто выбирая цель. Тонкие губы невидимой нитью скрывались в матовом свете лица, размыкаясь лишь для того чтобы пригубить бокал с черным напитком.

Кнут сидел в королевской позе, но при этом был полностью расслаблен. Он наслаждался моментом: тем, что люди вокруг, за столиками, в красных креслах, едва заметно подсаживаются ближе к главному монаршему столу. Они невольно пододвигались в креслах, откидывались на спинки, чтобы быть ближе к тому, кто правил этим балом. Кнут же демонстративно не обращал на это никакого внимания. Кирилл почувствовал, как боковым зрением владелец клуба наблюдает за ним, как медленно холодные мысли щупальцами своими дотрагиваются до его ушей и проникают в мозг. Кирилл вздрогнул — Кнут медленно повернул голову и взглянул на него.

Охранник довел Кирилла до столика и тут же исчез. Хозяин клуба наклонился к извивающейся рядом девице и что-то шепнул. Розововолосая широко улыбнулась и, поцеловав Кнута в шею, ушла вместе с двумя бугаями, сидевшими рядом за столом.

Кирилл смотрел на Кнута. Король не отрывал заинтригованный взгляд от Кирилла, стоящего перед ним в тонкой куртке, почти истлевшей от времени, с беспокойными руками в черных перчатках. Кнут внимательно оглядел давнего знакомого: от старых ботинок, износившихся и потрепанных влагой и грязью, до воротника розовой рубашки. Раздраженная кожа на подбородке, два небольших пореза на щеке говорили о спешке во время бритья. Кнут усмехнулся чему-то своему и снова посмотрел в глаза бывшего друга.

— Столько лет не виделась, и вдруг ты приходишь... — Кнут был заинтригован, но выказывал явное пренебрежение. — И как твои дела? — спросил он снисходительным тоном, приглашая присесть.

Кирилл сел напротив Кнута, сжимаясь с каждой минутой все сильнее.

— Как твои планы о богатой карьере большого ученого? — добавил Кнут с толикой иронии.

Кирилл потупил взгляд.

— Судя по лицу... — Кнут демонстративно оглядел Кирилла, — ...и внешнему виду, твои планы так и остались в мечтах, — насмешливо заключил Кнут.

— А судя по твоему костюмчику, твои дела не хромают, — Кирилл попытался съязвить.

— Хотелось бы поменьше проблем... Но сейчас ведь не обо мне речь.

Кнут смотрел на Кирилла. Втайне, он был удивлен внезапной храбрости бывшего друга. Охранник, который избил его, в тот же вечер сообщил Кнуту о том, что к нему приходил некий старый знакомый. В близком окружении Кнута о личности Семиовского Кирилла знали все. Когда-то он мог приходить сюда в любой день, и двери перед ним никто не смел закрыть. Кирилл был единственным другом и соратником льва на клубном престоле. Но это продолжалось недолго. И Кнут был поражен, когда несколько минут назад ему сообщили, что Кирилл стоит в фойе и снова хочет встретиться с ним.

— Я рад, что с тобой все в порядке... — прервал паузу Кирилл, нерешительной фразой.

Кнут взял бокал с оставшимся черным напитком.

— Только не надо, — Кнут осушил бокал и щелкнул пальцами охраннику, показав пустой бокал. — Не ради светской беседы ты приходишь сюда в первый раз и, стерпев побои, пришел во второй. Что привело тебя?

— Я представлял... столько раз, — подошедшая официантка в белом светящемся платье, изрезанном прозрачными полосками, прервала Кирилла.

Она налила Кнуту бокал красного вина.

— А ваш друг? — поинтересовалась девушка.

Кирилл осторожно посмотрел на Кнута. Тот не реагировал.

— Тоже самое, — тихо произнес Кирилл.

Официантка взяла со стола нетронутый бокал и наполнила его.

— Ты все также пьешь это вино? — Кнут пригубил бокал. — Хотя, наверное, это не совсем так. В последний раз ты его пил лет девять назад?

— Именно так я и представлял себе нашу встречу, — Кирилл осторожно взял бокал.

Кнуту надоела нерешительность Кирилла, она переставала забавлять его.

— Пей уже, да наберись храбрости.

Кирилл выпил половину бокала и зажал рот кулаком.

— Сомневаюсь я, что в представлениях твоих мы были врагами, — сухо добавил Кнут и поставил свой бокал на стол.

— Жизнь вносит свои коррективы, да? — Кирилл пытался вернуть разговор в мирное русло.

— Хватит Кирилл, — Кнут снял маску доброжелательности. — Этот разговор не есть беседа двух друзей. И ты сам знаешь, что он не может быть таковым.

— Я думал...

— Скажи, что нужно тебе, и я скажу — получишь ли ты это, — перебил Кнут. — Что тебя привело ко мне? Ведь наш последний разговор не блистал светом дружбы и понимания, — Кнут сменил тон на грубый.

Охранники, услышав в голосе босса гневные нотки, тут же обернулись в его сторону. Кирилл сжался. Он чувствовал, как несколько решительных, давящих взглядов устремились на него.

— На что ты рассчитывал? Что ты придешь сюда, и я проникнусь моментами нашего общего прошлого? Что растаю и забуду его?

— Прошлое надо отпускать, — проговорил Кирилл.

— Не тебе говорить об отпущении грехов, — Кнут взял бокал и сделал два глотка. — Ты говоришь, представлял нашу встречу? А хочешь знать сколько раз я представлял, как ты подыхаешь от собственной спеси и напыщенности?

— Все давно прошло...

— Не тебе решать, что прошло, а что нет, — Кнут швырнул бокал на пол, но голоса он не повысил.

Трое хорошо сложенных фигуристых парней в миг оказались возле стола босса. Музыка гудела. Танцпол живым морем плескался внизу. Лишь несколько гостей на втором этаже заметили перепалку за главным столом. Любопытство влекло их как можно внимательнее вслушаться в происходящее за королевским столиком. Но чувство самосохранения отвело их головы от трона. Тревожить Кнута любопытным взглядом не хотелось никому.

Кирилл не ожидал такого поворота. Он испуганными глазами оглядел охранников и молил Бога, чтобы они ушли. Кнут успокоил своих церберов движением руки. Он не желал причинять вред Кириллу. В ту же секунду амбалы исчезли с глаз.

— Забавный ты человек. Изучая вирусы, химию, понимая все их сложные процессы, ты так и не уяснил, что человек куда сложнее. Можно ударить раз — по правой, другой — по левой щеке и он смолчит. Ведь его обязывает дружба. Но если ты перешагнешь через него...

— Елана выбрала меня! — твердо заявил Кирилл. — Тебе же сразу стало понятно по ее глазам кого она любит.

Кнут рассмеялся. К столику подошла та же официантка с новым бокалом и бутылкой того же вина. Кнут протянул руку к бутылке и отпустил девушку. Он налил себе полный бокал и сделал пару глотков.

— Елана полюбила... но думаю так и не поняла кого. Достоянейшая из людей — ей должна была достаться участь лучшая чем ты! Ты приспособленец, Кирилл, самый худший из этого вида людей, — Кнут смотрел Кириллу в глаза, помолчав, добавил. — Что тебя привело ко мне?

— Мои мечты... — резко произнес Кирилл.

Он посмотрел на Кнута как подобает врагу.

— Сверлишь, — усмехнулся Кнут. — Молодец, — они смотрели друг другу в глаза, — хоть это не потерял.

— Мне нужен препарат... который поможет мне...

— Осуществить мечты? — хмыкнул Кнут. — Только не говори, что подсел на иголку. Сейчас не 2100-й. Сейчас это не лечат.

Кирилл не выдержал и кулаком ударил по столу. Он слишком через многое переступил, чтобы выслушивать пустые слова Кнута. Кнут наконец-то увидел гнев соперника. Хотя ровней себе Кирилла никогда не считал.

— Мне нужен химический препарат. Для моих, — Кирилл запнулся, — для института.

— Какой? — Кнут был серьезен. Он почуял что-то не ладное, что-то паленое в воздухе, слишком жгучее для своей шкуры.

— «Саламандра»...

На лице Кнута появилась легкая ухмылка. Он взял бокал и выпил вино залпом. Вытирая рот рукавом пиджака, Кнут не переставал смотреть в глаза Кириллу. В тайне от самого себя он надеялся, что он пошутил. Эдакая издевка. Упомянул об этом препарате лишь для дешевых понтов. Кнут медленно поставил пустой бокал на стол, выигрывая время на обдумывание ответа, и произнес:

— Надеюсь, ты достаточно умен, чтобы не шутить на такие темы?

— Я знаю, что его можно достать, — Кирилл вытер ладонью лоб.

— Да, на черном рынке много продавцов...

— Я обратился к тебе.

— Потому что слишком труслив, чтобы идти по сложному пути? — юродствовал Кнут.

Кирилл пыхтел, но сдерживал гнев.

— Мне нужно...

— Словом «нужно» не объяснить причину, для которой тебе так необходим «Сал-Аманд б». Есть много того, для чего идеально подходит «саламандра». Так для чего тебе она нужна?

Кирилл пытался совладать с собой. Кнут цеплялся, это было видно. Строит из себя гения науки. Он всегда был таким и чем дольше они дружили, тем жестче становился. Но Кирилл на чужой территории и правила писаны не им.

— Я опыт провожу, — Кирилл не стал водить Кнута за нос.

— Продолжай.

— Мне нужны составляющие «Сал-Аманд б», чтобы мои исследования увенчались успехом. Эти исследования очень важны для меня.

— Они нужны тебе, чтобы пробиться наверх?

Немного подумав, Кирилл ответил:

— И это тоже.

— И ты решил, что я тебе помогу?!

— У меня есть деньги...

— Недостаточно! — резко отрезал Кнут. — С чего ты решил, что я тебе помогу?! Деньги?! Сколько ты скопил? Десять? Двадцать? А может все сто тысяч?! У тебя нет тех денег, за которые ты мог бы купить этот препарат.

— Я дам тебе все! Мне нужно!

— Что бы там ни было, этого не хватит для покрытия расходов. Ты знаешь сколько стоят услуги, чтобы выкрасть этот препарат?

— Выкрасть? — усмехнулся Кирилл. — Да я больше чем уверен, что он есть у тебя в твоей лаборатории.

— Длина твоего языка не мешает тебе жить? — прошипел Кнут.

— Два года назад, на Александровском мосту, произошла авария, — начал Кирилл.

— Достаточно, Кир! — отрезал Кнут. — Решил шантажировать меня. Что же. Воля твоя, как и жалкая жизнь. А мне наскучил этот разговор, и я не желаю тебя видеть... убирайся.

Кирилл ошарашено смотрел на Кнута, не ожидав такого внезапного поворота. Задуманные слова, отрепетированные речи — все шло к псу под хвост. Кнут знал каждое слово, которое Кирилл хотел сказать. Кирилл за последнее время привык, что его знаниями и фактами многие поражаются. Но Кнут был другим. Он видел Кирилла насквозь.

— Я не это имел в виду, — Кирилл сделал попытку выкрутить ситуацию.

— Ты пришел сюда с единственной целью — получить «саламандру», — прямо, без каких-либо чувств говорил Кнут, — рассчитывал пробудить во мне воспоминания былой дружбы. Считал, что тень нашего светлого прошлого, в котором Елана играла важную роль, обеспечит тебе пропуск в твои мечты. А когда не получилось просто получить то, что захотел, решил припомнить мне мои планы на Александровском мосту.

— Ты все не так понял.

— Достаточно, — не унимался Кнут.

— Я не хотел тебя шантажировать. Я просто... мне нужна «саламандра», — еще раз Кирилл пытался достучаться до Кнута.

— Тщеславие не привело тебя к цели, как видишь. И я не приведу.

— У меня есть идеи, чтобы сделать вакцину, — Кирилл почти умолял.

Кнут кивнул головой охранникам. И в ту же секунду они появились из полумрака и уже держали Кирилла за руки.

— Не надо, прошу тебя, — Кирилл пытался выкрутиться, но охранники цепко держали добычу.

— Я тебя тоже просил когда-то.

Охранники подняли Кирилла и стали оттаскивать от столика.

— Прошу, не за себя. Вакцина! Вакцина для мамы! — бросил вдруг Кирилл.

Взгляд Кнута застыл. Охранники замерли. Кирилл, находясь в тисках охраны, пустился во все тяжкие.

— Нам поручили выяснить, в чем заключается родство гриппона и... «белой язвы». Я нашел способ получить вакцину от «белой язвы».

Идеально выдрессированные охранники не ждали приказов. Они ослабили хватку и усадили Кирилла на свое место.

— Причем здесь Екатерина Валерьевна? — в словах слышался какой-то звериный рык.

— Она болеет... «белой язвой».

Кнут не мог понять к чему клонит Кирилл. Что больше в его словах: лжет ли он или говорит правду? Со студенчества Кнут хорошо знал семейство Семиовских. К Екатерине Валерьевне он всегда относился с почти сыновьим трепетом, так как у него самого не было родителей. В один из бледно-серых дней он сидел у парадного, одинокий с затравленным взглядом. И мать Кирилла, увидев его, пригласила отужинать. Она не раз замечала его в компании сына и многое от него слышала. Екатерина Валерьевна просто, взяла его за руку и повела в дом. Иначе было нельзя. Ее материнская нестигаемая мощь подоспела в самый нужный момент.

Кнут не забывал тех, кто просто так был добр к нему. Для него мать Кирилла стала образцом добродетели, и где-то в глубине он завидовал своему студенческому другу. После того ужина Кнут стал частым гостем в их доме. Он подолгу разговаривал с Екатериной, с жадностью слушал ее голос. И когда наступил закат дружбы с Кириллом, разорвалась связь и с его семьей. Но в Кнута все еще были живы те теплые воспоминания.

— Как она заразилась? — сухо спросил Кнут.

— Она носитель. Всегда им была.

— Она не говорила об этом, — Кнут вспоминал их долгие разговоры по душам.

Екатерина Валерьевна очень часто рассказывала о своем муже, умершем еще до рождения Кирилла, от гриппона. Кнута казалось, что ближе нее у него никого нет. Она рассказывала о своей жизни и о том, как познакомилась с супругом, как боялась рожать второго ребенка. Врачи опасались, что гриппон мог передаться в спящем состоянии ребенку от отца.

— О таком ведь не говорят. Я сам узнал об этом недавно, после последних анализов, — Кирилл пожал плечами и потянулся за бокалом. — ВиНИ позволил нам держать ее под домашним присмотром. Осмотры у врача раз в полгода. Но ты сам понимаешь, что так долго продолжаться не может. «Язва» стала проявляться только сейчас. А ей скоро предстоит плановое обследование. И тогда ее отправят в резервацию.

Кнут внимательно слушал своего заклятого друга. Его память о Екатерине Валерьевне — единственное, что удерживало Кирилла от провала переговоров. Кнут распускал

невидимые сети мыслей, раздувая и концентрируя их узлами. Он думал, пытаюсь прочесть сидящего напротив Кирилла.

— Я... подошел вплотную к созданию лекарства от «белой язвы», — Кирилл пытался быть победителем, говоря об этом. — Я создал симбиоз вирусов, но никак не могу добиться нужной мне мутации. Моники слишком своиравные создания и плохо поддаются мутации. Поэтому мне нужна «саламандра». Я уверен, что она способна стать хорошим катализатором.

Кнут молчал. Он чувствовал, что не все гладко в короткой истории Кирилла. Но вот что именно? Кнут взял бутылку вина и стал разглядывать этикетку, обдумывая слова Кирилла.

— И ты ее вылечишь?

— Кого? — замялся Кирилл. — Маму? Конечно.

— Я про «белую язву».

— Конечно! — сдержанно воскликнул Кирилл. — Я на пороге большого открытия. Величайшая зараза современности и я в шаге от того, чтобы от нее избавиться.

— Еще один великий ученый, — Кнут поставил бутылку на стол и пальцами описывал круг в воздухе. — Еще один крестовый поход против больных «белой язвой».

Кирилл нахмурился. По лицу Кнута было тяжело прочесть его эмоции, а плавные движения пальцев в воздухе лишь нагнетали обстановку.

— «Саламандра» — запрещенный наркотик. Ты это знаешь. Официально его уже не производят. Ты это знаешь. И, несмотря на то, что ты работаешь в самой гениальной биологической клоаке страны, ты не можешь просто так получить «саламандру». Ведь она хранится только в главном биохимическом хранилище Министерства. И это ты знаешь, — Кнут продолжал рассуждать, расчесывая воздух длинными пальцами, на которых было множество следов от порезов. — Составляющие «саламандры» были изучены и разложены на отдельные элементы, которые находятся под наблюдением биохимических служб контроля. И ты знаешь, что, запросив составляющие «Сал-Аманд-6», ты поднимешь шумиху. Но она тебе не нужна. Ведь последуют вопросы, на которые ты должен будешь ответить.

Кирилл ощутил, как сердце начинает разгоняться. Он жадно вдыхал воздух предчувствуя скорую развязку. Мурашки холодом сбегали вниз от шеи до поясницы. Кирилл смотрел на Кнута и понимал, что сидит добычей перед львом, который еще недостаточно сильно проголодался. Маленькая антилопа, жмущаяся к земле между лап чудовища. Она сама пришла к нему и склонила голову. И стоило Кириллу чуть выше задрать подбородок — лев сдвинул лапы ближе.

— И что же ты им ответишь? — Кнут взял секундную паузу, демонстративно подняв глаза кверху. — Что «саламандра» способна катализировать процесс мутации твоего вируса-симбионта. Это, в свою очередь, приведет к быстрому появлению на свет вакцины от «белой язвы». Но ведь дело в том, что от «белой язвы» вакцины нет, — Кнут стукнул пальцем по столу на последнем слове.

— Так все думают, — Кирилл пытался направить Кнута по нужному пути. — Но я докажу, что это не так. Что тебе стоит просто поверить мне?

Кнут широко улыбнулся. Белозубая улыбка сверкнула в полумраке, заставив Кирилла отвести взгляд.

— «Саламандра» не способна заставить монии мутировать. Поверь, юный гений, я о ней знаю куда больше тебя, — отрезал Кнут. — Если бы этот наркотик мог кого-то излечить, его бы заперли за семью замками в криохранилище. Но на что действительно годится

«саламандра», так это стать катализатором. Это у нее всегда получалось. Для того она и была изобретена — ускорение химических процессов. Скорость — ее главное свойство. Ты куда-то спешишь?

Кирилл весь трясся. И злоба, и беспомощность играли в нем, как шампанское.

— Вопрос: куда? — подытожил Кнут.

— Просто помоги мне, — Кирилл ударил по столу кулаком, вспыхнув, словно спичка в чистом кислороде.

Уже через секунду-другую он от страха сморщил лицо. Он боялся поднять глаза и посмотреть на Кнута, почуяв, что вот-вот грянет буря. Но Кнут лишь малость улыбнулся. Он железной хваткой сжимал бутылку вина, пока на ней не появилась длинная трещина, издавшая пискливый треск.

— Ты врешь, — фиолетовый прожектор всполохом прошелся по бледному лицу Кнута, осветив лысину, покрытую выпуклостями костных пластин. — Я не могу понять твоих мотивов, по которым ты пришел сюда. Но твои методы опасны. Мне наскучил этот разговор, — Кнут подал знак своим охранникам. — Тебе лучше забыть о нашей встрече.

Кирилл терял последний шанс. Охранники вынырнули из цветастого мрака и схватили Кирилла под плечи. Он сопротивлялся и цеплялся за стол.

— Дай мне «саламандру» — взвыл Кирилл.

Кнут не смотрел на него. Он поставил бутылку на стол и погрузился в мысли. Кирилл брыкался и извивался как уж.

— Она мне нужна!

— Я проверю твои слова о матери, — хладнокровно произнес Кнут, — если ты прав, то ее лечением займусь я.

— Гад! — Кирилл дергался.

Он не понимал, что сделал не так. Он старался быть честным, настолько, насколько позволяет ему осадок их распавшейся дружбы. Но Кнут в своей надменности никогда не знал границ. Кирилл топал ногами, цеплялся за крепкие руки охранников, вопя что-то непонятное. Посетители смотрели на упряма в тисках охраны, но никто не сочувствовал ему. В их глазах сверкал свет прожекторов и пламя от сигарет. Они кидали в него подожженные купюры, благодаря за шоу и, улыбаясь, аплодировали тщетным попыткам вырваться.

— Возьми все, что хочешь! — вопил он, споря с ревом толпы. — Все, что есть, хоть душу вытряси. Дай мне «саламандру»!

Кнут поднял голову и посмотрел на Кирилла. Одежда беспорядочно свисала с него. Розовая рубашка вылезала из-под куртки. Волосы в беспорядке торчали в разные стороны. Злобное, перекошенное лицо, в приступе жалости смотрело бешеными опухшими глазами на врага. Мелкая слеза печально съехала к подбородку, оплакивая то ли себя, то ли Кирилла. Кнут впервые видел его таким. Он подошел к нему, направляясь в закрытую часть клуба.

— Мне твоя душа ни к чему. Я ведь ими не торгую, лишь телами. Но и здесь мне нечего с тебя взять, — Кнут направился к двери на третий этаж, возле которой стоял охранник.

— Ненавижу! — завопил Кирилл.

Кирилл продолжил реветь, стараясь перекрыть шум танцпола и визги гостей за столами. Его тошнило от них, его тошнило от злости к этому месту. Кирилл продолжал орать и лишь когда его втоптали в темный коридор и поволокли по лестнице вниз, он повис на руках охранников. Они дотащили его до выхода и вытряхнули на улицу, под дождь. На

счастье Кирилла он уже почти закончился. Кирилл медленно переворачивался на бок, пытаясь совладать с дикой болью в теле от удара о землю. Она несколькими иглами вонзилась под ребра. Кряхтя и сплевывая на мокрый черный асфальт слюну, Кирилл пытался подняться. Он выл от игл, замирая на несколько секунд в нелепом положении. Через несколько мучительных минут он стоял, покачиваясь перед зданием клуба с яркой вывеской «Невь-8». Кирилл осмотрел куртку и джинсы: мокрые и грязные. Нужно было идти домой, пока дождь не хлынул с новой силой.

Кирилл брел по парку, пытаясь совладать с мыслями и чувствами, разрывающими грудь. Он ненавидел все, что сейчас вокруг него. Но больше всего — Кнута. Как он мог сделать с ним то, что он сделал? Как он мог не внять его мольбам о помощи?! Он же знает, знает через что ему нужно было переступить! Что нужно было растоптать, чтобы прийти и просить у него помощи. Мысли оглушали Кирилла, словно трубы неумелого ансамбля. Неистово они бились в его голове, толкаясь и ширясь, не давая, разуму взять их под контроль.

Ночь душила. Холодными мокрыми руками она подступала к самому горлу и медленно сдавливала, причиняя острую боль и высушивая горло. Кирилл пытался справиться с собой. Он смотрел по сторонам, на черное небо. Поворачивался из стороны в сторону, пытаясь ухватить живительный влажный воздух реки. Но вокруг все одно — мысли о пропасти. Будто он жертва какого-то эксперимента. Кирилл оступился и упал в лужу. Иглы боли глубже вошли в тело, заставив заскулить побитой собачонкой. «Надежды?», — он повторил про себя, глядя в отражение на темной глади воды. Он попытался было рассмеяться с отчаянья, но лишь хрип вырывался из пересохшего горла и в груди сильно закололо. Даже в злобе, борясь с самим собой, он не мог уже скинуть маску пафоса перед миром. Кирилл накренился влево и упал на бок, рядом с лужей. Его глаза, полные желчи, смотрели в черное небо, закрытое тяжелыми тучами. Там должны были сбываться мечты. Но лишь медные, из-за сияющих улиц, листы облаков внимали его гневу. Словно покорные советчики они окутывали и погружали Кирилла в самые черные глубины его мыслей. Одним махом он готов был все разорвать, нажать на красную кнопку — взорвать! Весь этот мир, город, люди — не желали признавать в нем личность, гений которой желал показаться.

Кирилл закашлялся. Он встал с земли и поплелся к ближайшей лавочке. Ноги не слушались его. И, не доходя Кирилл упал рядом с лавочкой на колени. Зацепившись руками за нее, он вскарабкался и развалившись, устремил взгляд на водную гладь. Он тяжело дышал. А рука тянулась к огням, отражающимся в воде. И глаза его горели пламенем! И ненавидели они весь мир, что стоял над ними и не желал делиться.

VII. Месть. Глава 27. Старое метро

Наступило утро. Но облегчения не было. Улицы города утопали в тумане. Темные облака жадно пропускали свет, превращая его в оседающую белую пыль. Кнут стоял возле большого окна своей квартиры. Он был в серых штанах, без футболки. Его бледная кожа подстать цвету тумана: бледно-серая. Широкие плечи и тонкая шея держали длинную голову, покрытую шрамами и костными выступами. Мощная грудь, на которой отсутствовали соски, медленно вздымалась, поглощая воздух. Живот без пупка стойко сохранял спокойствие. В комнате царил холод, но Кнут его почти не ощущал. Незрелая апрельская весна еще держала всех в своих холодных объятиях.

Кнут наблюдал за прохожими и машинами, сливающимися с серым туманом. Их образы на мгновение возникали из клубов влаги и также стремительно расплывались, уносясь прочь. Горожане спешили по делам. Они больше походили на призраков в серой мгле, которые ищут куда бы приткнуться. Они, укрывшиеся высокими воротниками плащей и пальто, проносились мимо друг друга. Некоторые спускали на глаза шапки, стараясь не замечать перед собой никого. Кто-то прятал половину лица за черными очками, надетыми не по погоде. А кто-то ходил с платком на голове, оставлявшим лишь небольшую щель для глаз. И лишь один из них стоял не двигаясь. Во всем черном, он словно остров, окутанный туманом, мимо которого проносились люди, обходя его и стараясь не подходить слишком близко. Кнут заметил незнакомца, странного вестника неизвестно чего. Плотный туман был его союзником. Его лицо было скрыто тенью, но голова поднята вверх. Кнут предчувствием своим знал, что черный взгляд прохожего был направлен именно на него.

— Ты уже встал? — в комнату на цыпочках вошла стройная, коротко стриженная брюнетка, немногим старше тридцати. Она была в легком полупрозрачном халатике до колен и направлялась к большой кровати у стены.

Кнут не обернулся. Он знал — это была Таша. Кроме него и сестры в их большой квартире никого не было.

— Как ты можешь в такую холодину стоять раздетым? — она залезла в его кровать и накрылась плотным, с мраморным принтом, одеялом. На ее лице не было и следа сна — она давно проснулась. Таша смотрела на недвижимую фигуру брата, ожидая от него хоть какой-то реакции. Но Кнут не ответил. Он продолжал замороженно смотреть на стоявшую темную фигуру, размываемую туманом.

— Что там? — вопрошала Таша, не желая мириться с безразличием Кнута.

Ее одолевало любопытство. Она ерзала на простыне; наклонилась слегка в сторону, пытаясь хоть немного увидеть лицо брата. Но у нее ничего не получалось. Она ухватилась за одеяло и тихо сползла с кровати. Накинув его на плечи и укутавшись потеплее, Таша на носочках побрела к Кнуту. Ей очень хотелось подойти поближе и громко что-нибудь прокричать. Но напряженный взгляд брата быстро сместил акценты. Она осторожно обняла его, накрывая его холодное тело одеялом. Таша наклонила голову ему на плечо.

Она была ниже его на полголовы, и каждый раз использовала удобный случай, чтобы прилечь на его массивных плечах, забываясь на миг и вдыхая холодный аромат источаемый его телом. Он ей никогда не нравился, так как всегда напоминал ей о ее ошибках.

Таша крепче обняла неподвижного Кнута и глубоко вдохнула. Она смотрела немного в

сторону и размышляла о давно минувшем. Ее золото-карие глаза сияли в неподвижном сером свете — чистые и незамутненные, как и ее лик, не выдающий никакой тревоги. На ее лице не было ни одной морщинки или маленькой складочки от легкой улыбки. Идеальное лицо куклы — притягательное, но искусственное.

— Что беспокоит моего братика на этот раз? — не отрываясь от созерцания пустоты, миловидно прошептала она.

В повисшей паузе, Таша вновь ожидала реакции брата. Но и на этот раз ее не было. Слегка нахмутив левую бровь, сестра вышла из-за занавеса серого света.

— Кого ты там увидел? — она посмотрела в окно.

Тень прохожего растворялась в тумане. Будто и не человек это был, но призрак. Влажная пелена тумана унесла прочь черного наблюдателя и старательно стерла любое доказательство его существования. Кнут с сестрой стояли, не говоря ни слова. Только она прижалась к нему крепче, да укутала в одеяло получше.

— Кто на этот раз? — безо всякой иронии спросила она.

— Впервые его вижу...

Сестра смерила на брата суровым взглядом.

— Мне поставить Марса в известность? — напряженно спросила Таша.

— Думаю, он уже в курсе.

— Я все же сама с ним поговорю, — настояла она. — Может не стоит идти на встречу?

Кнут отстранился от сестры и направился к шкафу; достал белую рубашку и повернулся к сестре.

— Таша, мы об этом уже говорили, — бескомпромиссно отрезал Кнут.

— За тобой следят и меня это напрягает, — Таша обернулась. — Ты играешь в опасные игры.

— Мой выбор не должен тебя беспокоить.

— Но я волнуюсь за тебя, — Таша попыталась подойти.

Но Кнут остановил ее взглядом. Он застегнул последнюю пуговицу на высоком воротнике.

— К этому все шло.

— Я знаю, но...

— ...ты волнуешься за меня, — Кнут фальшиво улыбнулся, — я знаю.

Таша повернулась к окну.

— Когда я посвящала свою жизнь тебе, я не думала, что ты пойдешь по моим стопам, — с сожалением произносила она. — Прячала половину себя, скрывала всех своих знакомых. Кого ты видел? Да никого. Только Марса, разве что... И все равно ты стал тем, кем стал.

Кнут неслышно подошел к сестре и обнял ее. Таша едва вздрогнула. Она дотронулась до отражения брата в окне.

— Так говоришь, будто прощаешься со мной.

— Дурак, — с досадой выдала она. — Я говорила тебе, Лера слишком опасна. Она сильно подвержена влиянию чувств.

— До сих пор мы находили с ней общий язык.

— Удивляюсь как, — Таша посмотрела на брата. — Я не буду отговаривать тебя. Ты уже вырос из того возраста, когда я делала выбор за тебя.

Таша отошла от него и вернулась на кровать.

— Но совета моего послушай.

Кнут облокотился на окно и сложил руки.

— С Лерой я знаюсь давно. Ты еще не родился, а мы уже грызлись с ней из-за сфер влияния. Наши мужья скоро отошли в мир иной не без наших усилий, как ты знаешь. И у нее есть на меня зуб. Ты сказал, что вчера она сама предложила тебе встретиться с Валентором, а это странно.

— Да, странно, — согласился Кнут. — Но это выгодно и мне, и ей. Больше, конечно же, ей. Но и я получу то, что так долго желал.

— Ты мой брат и она об этом вспомнит. Я ее слишком хорошо знаю. Она ни за что не упустит шанс придавить хвост тому, кто мне дорог.

— Если она поддастся чувствам и попытается предать меня...

— Я не хочу знать, что дальше будет, — перебила она. — Зачем ты ходил к Елане?

Кнут не смог скрыть удивления, услышав вопрос и с укоризной посмотрел на сестру:

— А я думал ты отошла от дел?

Но та лишь невинно пожала плечами.

— Я надеюсь, что не из-за нее ты принял это решение? — Ташу уже было не остановить.

— Ты опять за свое? — Кнут брызнул взглядом.

— Пойми, если ты пойдешь на поводу у чувств...

— Я желал увидеть ее — не более, — отрезал Кнут. — Несколько дней назад один наш общий знакомый напомнил о себе. Вот я и решил поглядеть, как она.

— Что за знакомый?

— Семиовский Кирилл. Он приходил зачем-то в клуб — меня разыскивал. Охрана не пустила его.

— Семиовский? — задумчиво переспросила Таша.

Кнут посмотрел на сестру. Ему не верилось в то, что Таша, будучи злопамятной, забыла самое большое разочарование в его жизни. Ее глаза говорили об обратном.

— Лаборатория, в которой он работает, занимается исследованием гриппона и «белой язвы». На недавнем заседании, в Министерстве, Кирилл предположил, что вирусы каким-то образом связаны.

— Да, я что-то слышала об этом, но не думала, что твой однокашник окажется столь прозорливым в этом вопросе.

— Хм, — Кнут злобно улыбнулся сам себе, — благо далеко его идеи не успеют уйти.

Таша обреченно вздохнула. Она поправила одеяло и добавила:

— Будь осторожен с Лерой.

Кнут был одет в темно-синий костюм-двойку. Высокий ворот рубашки стильно обрамлял его тонкую шею. Брат кинул прощальный взгляд на сестру и вышел вон.

Таша осталась в одиночестве. Ее мысли роем кружили над последними словами брата. Ей — королеве интуиции, непременно нужно было понять, зачем Кириллу понадобилось приходить в «Невь-8» и искать встречи с Кнутом. Она была живой свидетельницей разрыва всяческих отношений между когда-то лучшими друзьями. И под ее пристальным взором Кнут проживал тот день, когда Елана выбрала Кирилла. Тогда, Таша готова была утешить брата. Она готовилась к худшему, ожидая эмоционального извержения, несмотря на то, что после возвращения у Кнута были проблемы по части чувств. И Таша ошиблась. Кнут пережил любовный разлад легко. Будто и не было сердечной раны. Но его сестре не стало от этого легче. Полное отсутствие эмоциональной привязанности говорило о необратимом

изменении Кнута. Такая эмоциональная крепость брата всегда пугала Ташу, но глубоко внутри она продолжала верить, что в нем еще могут проснуться эмоции.

Однако именно их отсутствие помогло когда-то молодому Кнуту завоевать себе место под солнцем. С невероятным усилием и остервенением он добивался авторитета. Жизнь лишила его билета в сияющее общество, но и к тому моменту, когда они раздавались, Кнут в нем не нуждался. Верить в сказки он перестал в одиннадцать лет, когда лишился родителей и дома. Он добровольно выкинул себя на улицу, где началась его большая трансформация. Не без помощи мастеров окружавшего его мира, он смог стать тем, кем стал. Будучи химиком по призванию, он был и лидером по гению своему. Жесткой хваткой, непревзойденной хитростью он обошел всех своих конкурентов. Заставляя, подчиняться одних и уничтожая, не без удовольствия, других. И уже в двадцать восемь лет Кнута по праву называли самым опасным лидером химического теневого бизнеса. Неординарные способности помогали ему контролировать свое ближайшее окружение. И то, что вскоре тень руки Кнута нависнет и над биологическим сумраком России, было делом времени.

Разумеется, одну из главных ролей в этом деле играла его сестра. Могущественная жена гения химической и биологической индустрии. Авторитетная и самостоятельная, она много боролась за то, чтобы ее не считали тенью мужа. Она помогала Кнуту во всем, так как считала себя виновной в его несчастьях в детстве. Когда погибли их родители, ее не оказалось рядом и одиннадцать лет своей жизни Кнут провел за бортом человеческой жизни. Но Таша не была ягненком или ангелом. Она никогда не скрывала своего крутого нрава и желания управлять. Когда был убит ее муж, она сразу же взяла в свои руки бразды правления семейной корпорацией БИОТЕХ. Многие ее обвиняли тогда в малодушии и желании денег. Но только Кнуту было известно, как она любила своего мужа. И именно поэтому, она не могла позволить развалиться его империи, которую он принял от своего отца и поднял на новые высоты. Когда Таша возглавила корпорацию, у нее сразу появилось огромное количество недругов. Кто-то из них ставил ей в вину ее возраст — 42 года, слишком юный для управления империей БИОТЕХ. А факт того, что Таша выглядела почти на десять лет моложе, благодаря лицевым имплантатам и мутагенам, делало ее уязвимой, перед нападениями. Ее выставляли в глазах акционеров и инвесторов самовлюбленной и помешанной на красоте дамочкой-вертихвосткой. К сожалению, без крови не обошлось. Таша желала доказать всем несогласным что она достойна сидеть в кресле стоимостью сотни миллиардов. Она умело использовала Кнута как ручного цербера, убирая и наказывая тех, кто не желал подчиняться. Она поглотила тех, кто пожелал остаться под щитом БИОТЕХа и растоптала не признавших ее авторитета. Спустя три года финансовых войн которые громким театральным представлением шли на мировой арене и тайных постановок с кроваво красным оттенком, Таша заняла место среди семи мировых лидеров биохимической индустрии. Насладившись достигнутым, Таша вскоре потеряла интерес к дальнейшей борьбе.

Но Кнут не остыл. Ему был не интересен внешний мир, во всяком случае, пока он не входил в зону его интересов. Он намеревался сосредоточить все свое внимание на российском биохимическом рынке. Кнут желал, чтобы БИОТЕХ стал лидером национального рынка и убедил в этом сестру. Хотя здесь особых проблем не было. Таша наслаждалась тем, что у нее есть брат и готова была сделать все что угодно ради него. Кнут не мог играть в открытую. О его существовании знали немногие. Тем более никому не было известно о его первой роли во всех делах БИОТЕХа. Это устраивало Кнута. Он не люби.

лишнего внимания и часто наказывал тех, кто стремился узнать о нем. Тех, кто видел и одновременно знал Кнута, можно было посчитать по пальцам двух рук.

Среди «избранных», кто удостоивался личной встречей с Кнутом, была Лера Вебер — давняя знакомая Таши. Лера на пять лет моложе ее. Когда-то близкие подруги. Однако вступление Таши в права владения империей покойного мужа натолкнулось на нежелание подчиняться мужа Леры. По сути же, он тактически верно избрал момент для удара в спину и приложил немало усилий для дробления БИОТЕХа. Так что фундамент дружбы достаточно быстро треснул.

Таша не доверяла Лере, считая ее импульсивной, руководствующейся только чувствами. Но, несмотря на это, Лера добилась больших успехов, не без помощи многочисленных любовников, которых она с такой радостью ставила во главе своих дел. Некоторые из ее пассий наивно полагали, что эта спесивая дамочка пуста как пробка, но Лера держала все под контролем. Хоть и видится ее поведение неадекватным со стороны.

К десяти утра Кнут прибыл в Великопетровский парк, расположенный на юге Петрополиса. Он занимает площадь более пяти квадратных километров и по форме напоминает деформированный эллипс. Во всем Петрополисе этот парк был самым новым и технически совершенным. Умная система полива, освещения и ухода за растениями. Его ландшафт был спроектирован так, чтобы талая вода стекала к специальным желобам-арыкам. Журчащие потоки струились весной по всему парку, наполняя его прекрасным водяным пением.

На стоянке у западного входа в парк уже стояли две черные машины. В это время в парке особенно мало людей. Будничные часы превращали его в осколок тишины и умиротворения. Одетый в теплое серое пальто, Кнут вышел из машины. Стоило ему выпрямиться, как к его шее тут же прилипла Лера. На этот раз ее волосы были очень длинными и темно фиолетовыми. Она была в белых сапожках и синих облегающих джинсах с длинными прямоугольными зеркальными вставками. На ней была синяя куртка с пышным мехом. Она безумолку хохотала и липла к уху Кнута, приподнимаясь на носках. Из первой, от выхода, машины вышел лысый, крупного телосложения двухметровый бородач в короткой кожаной куртке. Он возвышался над Кнутом на полголовы. Увидев его, Лера тут же отлипла от Кнута и, подбежав к здоровяку, взяла его под руку. По сравнению с ним, она была совсем крохотная, не выше локтя. Каменная физиономия мужика не реагировала на противный щebet справа. Лера трещала не переставая, подводя здоровяка к Кнуту.

— Ты просто душка, — пролепетала Лера и посмотрела лисьими глазами на Кнута. — Знакомьтесь мальчики.

— Кнут, — протянул руку первым.

— Валя, — пробасил амбал, осматривая деформированную бледную лысину нового знакомого.

Кнут слегка дернулся от накатившего смеха. Амбал крепче сжал руку. Но Кнут уже не мог сдерживаться. Он в открытую рассмеялся. Лера была в шоке. За последние три минуты она не просто замолкла, она сжалась, как черепаха внутри панциря. Амбал сверлил взглядом смеющегося худосочного прощельгу перед ним. Кнут выпрямился и резко смолк, словно бы ничего не было. Он посмотрел на краснеющую физиономию здоровяка. Лера видела это, отчего еще больше вжимала голову в плечи — прощай сделка. Вместо удачного соглашения — две избитые морды. Но не успела она додумать, как здоровенный амбал схватился за живот и стал неистово хохотать. Лера была готова растаять и расплыться по асфальту.

Спустя пару минут троица вошла в парк.

— Ты уж извини меня, что я так, — произнес Кнут.

— Будет, поржали и хватит. Я и сам понимаю, что мой вид и имя не вяжутся. Но знаешь, когда я вижу, что кто-то сдерживается, проглатывает смех от страха, что я его морду как яйцо раздавлю, меня это жутко бесит.

Тут Лера отлипла от Валентина и прильнула к Кнуту, вспомнив, что недавно она сделала то, что выводит из себя здоровяка. Они шли по аллее парка. Снег на холмах почти растаял. Лишь небольшие белые островки все еще лежали там и тут. Солнце никак не могло вырваться из-за бесконечного покрывала облаков и плохо грело. Людей в парке было очень мало. Даже любители помедитировать в это тихое время все еще не решались расстилать свои коврики на промерзлой земле.

— А ты ничего, — погладил густую, но не длинную бороду Валентин, — меня даже поначалу расстроил твой щуплый вид. А ты мне прямо в лицо. Да, смел, уважаю. Ну да ладно. Будет. Лерочка тут говорила, что ты ищешь того, кто мог бы привезти товар в Россию.

— Да, Кнут, не только говорил, — Лера резво подпрыгнула на носочках и, чмокнув Кнута в щеку, игриво хихикнула.

— Раньше я и сам бы произвел его у себя. Но, увы, возникают трудности со сроками, — Кнут посмотрел в сторону.

— Вашей организацией интересуются многие спецслужбы. И я удивился, когда среди них оказался даже космический флот.

— Флот? — удивился Кнут.

— Наверное, они тоже что-то от вас хотят.

— Вот видишь, дорогой, — Лера тянулась к уху Кнута, — я всеми силами пыталась устроить вашу встречу.

— Ты молодец, Лерочка, — Кнут поцеловал ее в щеку. — Меня удивляет, что вы согласились приехать, учитывая ваше положение.

— Лера рассказала мне о ваших попытках, ввезти товар в Россию. Конечно, моя фамилия заставляет меня быть осторожным. Однако прошлое с БИОТЕХ оставило у меня положительные впечатления. В конце концов, вы тот, кто внушает мне доверие. Я не согласен с вашими методами, но именно вы являетесь сдерживающим фактором для многих владеющих химическим и биологическим оружием.

— Сколько лести, — усмехнулся Кнут.

— Есть немного, — буркнул Валентин.

— И все же мне интересно, почему? — Кнут пристально смотрел на Валентина. — Вы подвергаете себя колоссальному риску, разговаривая со мной.

— Не забывайте — я официально мертв. И не только вы умеете пользоваться даром убеждения, — Валентин сверкнул синими глазами. — У нас разные техники, но цель одна — скрыть свое существование.

— Вы не отвечаете на мой вопрос.

— Я здесь из-за ваших целей.

Кнут не понимал. Но ответ не заставил себя долго ждать.

— Я рассказала большому котенку о твоих планах, о тех что знаю, — промурлыкала Лера.

Кнут недобро посмотрел на нее. Словно провинившийся зверек, она закрыла лицо руками.

— Не злитесь на нее. В конце концов, благодаря ей я здесь.

Кнут задумался. Но Валентин продолжил.

— Думаю, можно уже обсудить детали, если вы не против.

Кнут был в замешательстве.

— Подумайте только, — Валентин не ослабевал натиск. — Вы вынашивали этот план целый год, но из-за действия властей лишились огромного сектора рынка. И вот он — шанс. Прекрасная возможность реализовать задуманное. Может стоит попробовать?

— И все же мне интересно: почему вы здесь?

— Ну, котик, что ты заладил, — заскулила Лера. — Я все ноги отбила, чтобы найти лазейку и Валя приехал в Россию, а ты становишься в позу.

— Я понимаю вашу осторожность. Все же редко кому удается скрываться так долго. Насколько я понимаю, вы по-прежнему неуловимый химбат?

— Мы же с вами не о моих методах скрытной работы приехали говорить.

— Нет, конечно. Мы здесь, — Валентин раскинул руки, оглядывая серый угрюмый парк — чтобы проникнуться красотой этого восхитительного места. Знаете, а зеленые в Европе в невероятном восторге от него. Идеальный пример умелого сосуществования с природой. К тому же обладающее потрясающей энергетикой, которая сближает близкие интересы далеких людей.

— Вы очень складно говорите. Не похоже на ученого, — уколол Кнут.

— Ученый я внутри. Официально мне пришлось распрощаться с этим званием давным-давно. Тогда я был раза в два меньше, да и линзы носил, чтобы лучше видеть. Знаете, не признавал хирургическую коррективку, на которой настаивало руководство.

— Видимо сильно давили на вас, что вы сбежали из страны, — шутливо выдал Кнут.

— Верно подмечено. Все из-за линз, — улыбнулся Валентин. — Поймите меня правильно: приехав сюда, я преследую одну цель — наживу. И эта нажива настолько крупная, что я согласился залезть в петлю, которую вы с Лерой накинули на мою шею.

— О чем ты, дорогой? — она состроила невинные глазки.

— Умоляю. На выходе из парка меня ждут две машины и одна из них — катафалк.

— Мне приятно общаться с таким неглупым человеком, — прищурился Кнут.

— Скорее жадным, — поправила Лера.

— Да нет. Деньги играют свою роль. Но таких как вы: знающих о большом риске и способных уцелеть — мало, — высказался Кнут. — Прямо военная выправка.

— Умение жить двойной жизнью, — Валентин сверкнул лукавым взглядом.

Кнут резко остановился. Он улыбнулся и, немного прищурившись, вдруг предложил:

— Бывали ли вы в Старом метро, мистер Валентор?

Услышав свое настоящее имя у Валентина дернулся глаз. Лера, начавшая было радоваться скорой поездке в катакомбы, вдруг стихла, осознав, что Кнут знает о ее клиенте куда больше чем она. Амбал сжимал кулаки: что еще известно этому тощему дельцу? Гнетущая пауза затягивалась.

— Бросьте, неужели вы думали, что я не наведу о вас справки?

— Но я же тебе сама все о нем рассказала, — с обидой пробубнила Лера.

Кнут лишь снисходительно глянул на фиолетовую поделницу.

— Едем?

— Едем, — согласился Валентор.

Лера наконец выдохнула и крепко обняла Кнута, глядя на Валентина искрящимися,

полными обмана и хитрости, глазами. Здоровяку лишь оставалось принять факт, что Кнут будет диктовать свои условия. Хотя кто кому нужен? Валентор еще поборется за выгодные условия. Оставалось попасть в самую скрытую часть Петрополиса, о которой слышали все, но попасть туда могли не многие.

Запретный город, клоака, дыра — как только не называли заброшенные станции метрополитена, ставшие приютом для самого разного рода людей. Чаще эти тоннели именуют просто — Старым метро, подразумевая не только закрытые и законсервированные тоннели метрополитена, которые давно не эксплуатируются, но и бесконечные жилые районы отбросов общества. Старое метро имеет сотни выходов, нанесенных на карты, но еще больше тех, что скрыты ото всех. Мало кто прошел Старое метро от начала до конца. Как нет тех, кто вышел, не получив разрешения на выход. По протяженности и площади старые тоннели значительно меньше, чем совершенно новые ветки метрополитена. В некоторых местах поезда по-прежнему следуют по тоннелям, проложенным еще в XX веке, но спустя два века это скорее редкое исключение. В основном под Петрополисом проходит новая сеть метрополитена, частично связанная со старой.

В Старом метро свои законы, свой скрытый мир и свои правители. Но по сравнению с протяженностью тоннелей, даже он кажется крохотным. Известная протяженность старых тоннелей около 440 километров. Это считая те пути, которые непосредственно эксплуатировались. Однако количество технических, заброшенных и зараженных тоннелей увеличивает эту цифру. Идеальное место, чтобы ненадолго спрятаться и навсегда потеряться.

В вечерних сумерках три черные машины подъехали к заброшенной станции метро Скорино на юго-восточной окраине Петрополиса. Первым из своей машины вышел Кнут. Он громко хлопнул два раза у входа на станцию. Через секунду липучая Лера держала его за талию и прижималась к груди. Валентин вышел из машины последним. Он огляделся. Тяжелый мрак сгущающихся сумерек окружал, поглощая далекий свет районов города.

Они стояли перед старым полуобвалившимся фасадом станции, на давно не знавшей ремонта дороге. Когда-то здесь бурлила жизнь, и люди плотным потоком проходили через эти резные деревянные двери, покосившиеся от времени. Когда-то, но не сейчас. После произошедших здесь терактов, метро было закрыто из-за заражения. Все подземные тоннели, ведущие сюда, были замурованы, а сама станция накрыта саркофагом. Постепенно город ушел отсюда. Оставив здешние окраины на заселение самыми необеспеченными горожанами. Они влачат свое жалкое существование в разваливающихся домах, которые находятся в километре отсюда. Никто не желал селиться ближе. Заражение через несколько лет сошло на нет, но город не пожелал возвращаться сюда. В памяти до сих пор живо воспоминание о многочисленных жертвах и ужасе, надолго поселившимся в сердцах людей. Когда же саркофаг был снят — дорога на станцию была открыта всем желающим. Бродяги, бомжи, преступники разных мастей быстро облюбовали ее. Власти смотрели на это сквозь пальцы. Бельмом на глазу станция не была, лишь незаметным прыщем на заднице и угрозу не представляла. Да и разыскивать осевших в метро было проще.

Когда же Кнуту понадобился собственный вход в Старое метро, он установил контроль над станцией Скорино. Он желал, во что бы то ни стало, проникнуть в сумрачный город и установить там свою тeneвую столицу. В этом ему, конечно же, помогала ресурсами Таша. Хотя Кнут редко обращался к сестре за помощью. Ее имя не должно было связываться с деятельностью его тайной организации. Однако внутри станции находилась стена,

утыканная датчиками, которая отвечала за консервацию тоннелей. Поэтому без помощи сестры и ее связей с технологическими бюро не обошлось.

Благодаря изощренности и большим усилиям, у Кнута получилось завладеть своим входом в Старое метро. Конечно же, о происходящем на станции Скорина стали интересоваться правоохранители. Они несколько раз наведывались с проверкой. Но Кнут был готов к этому. Полицейские ничего, кроме обычных отбросов на станции не обнаружили. Хотя активность и притяжение к этому месту вызывали подозрение, Скорина официально так и не была объявлена закрытой зоной. Датчики свидетельствовали о целостности запечатывающей стены, и силовики не желали нагнетать обстановку в бомжацком гнезде.

Кнут хлопнул руками не просто так. Он подавал условный знак сигнальным, которые извещали главного на станции о его прибытии. Кнут подошел к деревянным дверям. Упершись поудобней, он откинул одну из них в сторону, и вошел внутрь. Пища от удовольствия, за ним во мрак вошла Лера. Валентин заерзал, глядя как его спутники ныряют в черную пустоту. Он засунул руки в карманы куртки. Темень за распахнутой дверью была еще гуще, чем мрак вокруг. Вздохнув от безысходности, он последовал внутрь.

Попав в холодную вязкую черноту, Валентин замер. Он не видел ничего. Медленно пробираясь вперед микрошажочками, он опасался споткнуться. Через несколько минут его взгляд уловил в нескольких метрах от него едва заметный оранжевый отблеск на полу. «Должно быть костер», — догадался Валентин. Зашагав уверенней, за колонной он увидел бродяг, сидящих возле огня в бочке, вывернутой наружу подобно ржавым лепесткам. Их было человек десять. За их спинами в пляшущих тенях у стен сидели другие. Валентин огляделся: вокруг было много людей. Некоторые спали, другие общались, но стоило Валентину приблизиться к ним, они пристально смотрели на холеного огромного гостя, нерешительно идущего непонятно куда. Валентин посмотрел налево, за другой колонной стояла еще одна бочка с горящим огнем. Вокруг нее было много спящих. В нескольких метрах от них стояли самодельные палатки с едва уловимым свечением внутри. Возле стен, рядом с палатками, из деревянных досок были сооружены несколько столиков, за которыми сидели и беседовали небритые грязные мужики. В руках у них были жестяные мятые кружки. Еще дальше, за колонной, Валентин увидел три бочки, пристроенные друг к другу так, что огонь в них горел одним ровным пламенем. Его света хватало на небольшую площадь вокруг. В воздухе струился слабый запах жаренного. Валентин поморщился: терпкий, зловонный для непривыкшего человека, запах распространялся по всему первому этажу.

— Надеюсь, ноги у вас крепкие, — глядя на Валю, усмехнулся Кнут.

Валентин резко повернулся в сторону знакомого голоса. В десяти метрах у эскалатора стоял Кнут. Наконец-то он увидел в этом оранжево-грязном мраке знакомое лицо. Рядом стояла Лера. Она топнула ногой и замерла в позе рассерженной девочки.

— Пешком я не стану спускаться!

Валентин подошел к эскалатору и глянул вниз. Прохладный поток воздуха поднимался из темной глубины.

— Правда завораживает? — произнес Кнут.

Черный как ночь, тоннель едва заметно светился россыпью огоньков на стенах.

— Это кристаллы фосфора, — пояснил Кнут, заметив вопрос на лице Валентина. — Когда произошел взрыв, они разлетелись по всему тоннелю. Соединившись с химическим

реагентом, он приобрел это свойство. От трения с воздухом он светится.

— К черту кристаллы! — вопила Лера. — Я не стану спускаться пешком!

Раздался звук моторов. По обеим сторонам центрального эскалатора зажглись тусклые фонари, и он заработал.

— Неужели ты думала, что я позволю твоим ножкам перетруждаться? — улыбнулся Кнут.

Лера промычала с досады.

— Я не люблю, когда надо мной подшучивают, — буркнула она и встала на ступеньку эскалатора.

Валентин коснулся бороды и одобрительно посмотрел на Кнута. Было видно, что и он купился на шутку. Кнута это только радовало. Движением руки он пригласил Валентина проследовать за Лерой. Они стали спускаться. Через пять минут они были на нижнем уровне метро.

Повсюду горели тусклые лампы. Их было так много, что свет плотно стелился меж высоких массивных колонн, державших купольный свод. У самого эскалатора на стуле сидел щуплый парнишка. Увидев нахмуренную дамочку, спускающуюся по эскалатору, он вскочил с места и подбежал к ней.

— Вас уже ждут, — улыбнулся он маленькими черными глазками.

— Отвали, глиста, — рявкнула Лера и прошла мимо него.

Следом спустился Валентин. Паренек медленно поднял голову и обомлел, увидев здоровенный шкаф на двух ногах. Из-за спины здоровяка показался Кнут. Он хлопнул паренька по плечу.

— Спокойно, Свист, смотри не наложи.

Кнут приглашал Валентина идти следом. Огромная подземная станция завораживала Валентина. Громадный резной, с мозаикой, свод утопал в полумраке. Его не способны были осветить десятки потускневших ламп, вмонтированных в него. Они, как и потолок, были покрыты толстым слоем сажи, пыли и копоти. Громадный купол поддерживали двадцатиметровые колонны, с которых глядели резные скульптуры-горгулий. В минувшие времена их называли падшими ангелами, сосланными в подземелья поддерживать подземный свод. Несмотря на потрепанность взрывом и уродливые следы сажи, скульптуры еще хранили в себе остатки былого великолепия. Тусклое освещение ламп, и множество уродливых застывших теней добавляли унылости этому месту.

— Когда я впервые оказался здесь, то подумал: почему террористы выбрали именно это место? — рассуждал Кнут, посматривая на небольшие дощатые домики вокруг.

Валентин и Кнут шли рядом.

— Жертвы, — ответил Валентин.

Они проходили мимо кибиток и шалашей, в которых семьями жили отщепенцы общества и просто одиночки. В отличие от жалких построек верхнего уровня, эти домики были крепче сложены и стояли один за другим.

— Станция большая, наверняка она была крупным транспортным узлом, — Валентин продолжил свою мысль. — Вот они и решили продемонстрировать себя, забрав как можно больше жизней с собой.

Дальше стояли уже целые дома. Построенные из камня и ломанного кирпича. Они уже походили на добротные хибары. Некоторые даже со вторым этажом. Отделаны железными листами с дырами, напоминавшими окна.

— Так подумал и я... Но стоило копнуть глубже и настоящий мотив предстал в правильном свете, — Кнут заинтриговывал. — Подземный город, о котором знают все, но который невозможно добровольно найти, начинается здесь, — Кнут посмотрел на Валентина.

— Здесь?! — поразился здоровяк.

— Я тоже удивился, — откровенничал Кнут. — Город изгоев и отбросов в Старом метро благополучно существовал здесь до того, как власти решили построить эту станцию.

— А разве эта не старая ветка метро?

— Старая, — подтвердил Кнут. — И она проходила здесь, когда города еще не было. Но пожирающий Петрополис очень быстро дошел и сюда. Здесь создается один из густонаселенных районов — один из рабочих центров, который должен был разгрузить старый мегалополис. И вот, власти решают сделать здесь узловой центр. Вкладывают кучу денег. Реконструируют пути, тоннели. Но они даже не представляли, что всего в нескольких сотнях метрах отсюда начинается город Старого метро.

— Так вот, значит, в чем причина теракта? — понял Валентин. — Владельцы города решили спрятать вход.

— Без жертв не обошлось, — вздохнул Кнут. — Народ, как всегда, стал лишь удобным средством.

Они подошли к стене, разделявшей платформу станции надвое. Это был обычный вал из камней, железных листов и деревянных досок, составленных высотой в три метра. В проходе стены их встретил здешний управляющий. Он был одет в черные запачканные брюки, вязаную кофту с высоким воротником, на руках — спортивные перчатки. Стоя рядом с Кнутом он сильно горбился, хотя был одного роста с ним и старался улыбаться. Видя его кривозубую ухмылку, Лера всегда отпускала ядовитые шуточки и с отвращением отворачивалась. На голове управляющего была кепка, но волос из-под нее видно не было.

— Босс, вы так неожиданно, — улыбаясь, произнес встречавший, настороженно поглядывая на Валентина.

— Приготовь тачку — мы едем в город.

Встречающий тут же побежал исполнять. Откуда ни возьмись, взялась Лера.

— Мальчики, вы что-то долго, — она хмуро посмотрела на Кнута и демонстративно прильнула к Валентину.

На этой стороне платформы света было больше. Повсюду горели грязные светильники, небольшие чаши с огнем на шестах. По центру платформы широкий проход, обставленный с двух сторон корявыми двухэтажными постройками. Это были дома и залы для сборищ. В самом конце платформы, упираясь в стену станции, стояла трехэтажная халупа. Это был дом, где жил управляющий с подельниками. Там находился и здешний бар с борделем, и игровые залы, где устраивались различные бои людей и животных. На третьем, самом маленьком по площади этаже, были четыре комнаты. В одной жил глава станции. Одна комната была общей и самой большой, две остальных жилые.

— Предлагаю пойти в бар, пока мы ждем тачку, — кокетничала Лера.

— Согласен, — одобрил Кнут.

— Ты же угостишь нас своим особым коктейлем, — обращаясь к Кнуту, мило улыбнулась Лера. — Мне нужно что-нибудь выпить, иначе эта вонь меня доконает.

Они направились в главное здание. Их встретило мерцающее освещение танцпола. В десяти метрах от них резвились разгоряченные отморозки. Слева от входа находился вход в

игровое крыло. Справа барная стойка и вход в правое крыло, где находилось помещение с менее резвыми посетителями и более податливыми девочками. Лера повела всех именно туда. Места им уже были приготовлены: на столе стояла выпивка и несколько закрытых бутылок, бананы, лимон и какой-то белый порошок. На диванчиках, ожидая своих клиентов, сидели четыре полуголые девицы для Кнута и Валентина и два полуобнаженных парня для Леры.

Удивлению Валентора не было предела. Он никак не мог свыкнуться с тем, что его окружает. Ощущение брезгливости ко всему здешнему и одновременно удивление к созданному здесь миру переплетались вокруг обнаженных тел девушек. Уродливое место, с тошнотворным запахом и едким ароматом какой-то химии в воздухе.

Усаживаясь за стол, Лера передала Валентина в умелые руки двух девушек, а сама отдалась на растерзание ласкам вконец распустившихся удальцов. Еще две принялись ласкать Кнута. Но стоило одной из них поцеловать его в щеку, как тот отстранил ее от себя.

— Пойдите лучше пошустрите на нем, — безразлично приказал Кнут.

Девочки ретировались и принялись окружать лаской гостя. Лера расплывалась от удовольствия. Валентин нехотя поддавался на ласки распутных девиц, норовивших поиграть с завитками его бороды. Его не оставляло ощущение нечистоты и гадкости. Одной рукой он крепко держался за куртку, другой пытался неуверенно отстраниться от горячих тел девушек, источавших манящий дурман. И вскоре он начал действовать. Валентор даже не заметил, как они стянули с него куртку и начали расстегивать пуговицы на рубашке.

— Может, угостите? — попросил Валентин, пытаясь не утонуть в настойчивых ласках.

Кнут с интересом наблюдал, как девочки склоняют могучего амбала к разврату, как он сопротивляется, но сдает позиции. Схватив со стола бутылки, Кнут принялся их смешивать в шейкере.

— Машина подойдет минут через пятнадцать, — продолжая смотреть на копошение тел, сообщил Кнут. — Надеюсь, вы не сильно торопитесь?

— Жизнь не кажется столь утомительной, когда девы тешат ласками мужчину, — утопая в жарких поцелуях, отмахнулся Валентин.

— Скажите, Валентор, в ваши планы входит нарушение закона? — продолжая готовить коктейль, спрашивал Кнут.

— Ну, я же приехал в Россию?

— Насколько я знаю, вы ничего не нарушали. Быть мертвым никому не запретишь.

— Только боюсь вот неуплаченных налогов мне не простят, — усмехнулся бородач. Его рубаха была полностью расстегнута, обнажая подтянутую, но не накачанную фигуру.

— Вы все время уходите от ответа. Меня это раздражает, — бескомпромиссно произнес Кнут.

— А мне наоборот нравится ваша прямота, — Валентин хватал девушек за груди и старался увернуться от конфетных губ, мешающих говорить.

— Не так интенсивно, — приказал Кнут.

Девушки сбавили пыл.

— В мои планы входит эта встреча. По ее итогам я и решу: дать то что тебе нужно или нет, — Валентин перешел на «ты». — В том и другом случае я нарушаю закон, так как производство такого количества «пыльцы» неправомерно.

— А ты правда сможешь организовать доставку и не попасться?

Валентин улыбнулся чему-то своему.

— Это зависит от моего старания, а старания мои от желания рискнуть. Товар уже погружен и ждет отправки. Если я сделаю звонок уже завтра, то он прибудет в Петрополис уже через три дня.

Кнут закончил взбалтывать коктейль. Он открыл крышку, вдохнул пьяный аромат и разлил напиток в три бокала. Один из искусителей Леры взял со стола бокал и стал подносить его к хозяйке. Но решив поиграть с ней, как он делал это раньше, потянул его к своим губам. Лера мгновенно выбила из его рук бокал и со всей силы ударила удалыца по лицу.

— Не смей пить его, тварь! — взвизгнула она.

Сдерживая обиду и гнев, парень опустил голову.

— Дрань! Из-за тебя я разлила коктейль! — пищала Лера.

Кнут моментально отреагировал.

— Держи мой, милая, — он протянул ей свой бокал.

Лера нежно обхватила его пальчиками и послала воздушный поцелуй Кнуту. Она мгновенно сменила гнев на милость и поцеловала врасос обиженного паренька. Сделав два глотка, она протянула бокал ему. Но тот лишь понурил голову.

— Молодец, сученыш, — улыбаясь змеиной улыбкой, произнесла она, — хоть что-то понял. А теперь пошел вон! — снова закричала она.

Парень вылетел из-за стола. Сделав большой глоток напитка, Лера увлеклась вторым красавцем.

— Ты уверен в том, что твой план сработает? — вдруг спросил Валентин.

— Неожиданный вопрос.

— Интересуюсь. На ту ли лошадь собираюсь поставить, — почувствовав неладный взгляд Кнута, Валя замялся.

— Ты получишь деньги, Лерочка — процент, — Кнут кивнул фиолетововолосой бестии, — все довольны.

— Но ведь будут жертвы.

— Когда ты уезжал из страны в прошлый раз, тебя это не беспокоило, — Лера обиженно посмотрела на Валентина.

— Представь себе самый смертельный и опасный вирус, который ты только знаешь, — Кнут смотрел в глаза Валентину. — Представь, что этот вирус гуляет по планете и убивает, косит тысячи людей. Представь на минуту, что ты можешь остановить его.

— Все мы потеряли родных и близких, друзей и знакомых из-за болезней нашего века. Но что делать, это жизнь, — поникшим голосом ответил Валентин.

— Жизнь не настолько поэтична, чтобы все происходящее сваливать на провидение судьбы, — возразил Кнут. — А теперь представь, что половина из существующих вирусов, разгуливающих по планете, создана руками человека.

Валентин жестом осадил девиц и сел поближе к столу, давая им понять, что больше не нуждается в их ласках.

— На что ты намекаешь?

— Я говорю тебе о мотивации. Любой план неосуществим без должной мотивации. Половина вирусов нашего мира создана не природой, но человеком.

— Ты о каком-то конкретно вирусе говоришь?

— К примеру, гриппон, «патология б».

— Я видел результаты исследований, участвовал во многих из них. Эти вирусы

естественны. Ты заблуждаешься. Их выживаемость говорит в пользу их природного происхождения, — Валентин не желал верить.

— И ты еще меня обвиняешь в заблуждениях? Но я подхватываю твои рассуждения. Природа воплощает в себе смысл жизни — ее бесконечное течение. Да только вот гриппон — болезнь небытия. Даже сам вирус умирает, после того как заразил клетку. Смерть в нем запрограммирована... человеком.

— У природы полно дьявольских сюрпризов.

— И все они излечимы, — парировал Кнут. — Ни один вирус не устоял под натиском человеческого гения. А знаешь почему?

Валентин молчал.

— Потому что перед учеными стояла задача — вылечить «рак Мотеро» и его вылечили, — Кнут оглядел посетителей.

— Продолжая твою мысль, можно подумать, что гриппон не лечат, потому что нет такой цели, — недовольно предположил Валентин.

— Именно.

Валентин задумался. Он выпил коктейль до дна и посмотрел Кнуту в глаза.

— Жизнь в вечном страхе. Легче управлять людьми, когда им есть чего бояться.

— В чем смысл?

— Оружие, — пояснил Кнут. — Выгодно убивать без особых разрушений.

— А как же тысячи смертей?

— В большинстве случаев — это результат просчетов. Как, например, гриппон. Найдя лекарство от одной болезни, мы выпустили еще страшнее на волю. Но и этот факт обращен в рычаг управления. Вам нужно подправить общественное мнение? Или убрать несогласных? Хм, удобно, не правда ли? Это как вырубка леса под застройку чего-то нового.

— Только не говори, что ты один из тех, кто мстит властям за смерть мамочки и папочки, — язвил Валентин.

— Нет. По счастью меня минуло это горе. Мои родители погибли в аварии.

— Тогда объясни же, что ты собираешься взорвать?

— Видимо это одно из условий, которое выдвигает тебе твоя совесть.

Валентин развел руки и, пригладив бороду, откинулся на спинку дивана.

— Я не зря сказал в самом начале о возможности расправиться с вирусом. Только говорил я не просто о каком-то вирусе. Я о том виде речь, что есть место, где все эти вирусы родились. Место, где их выдумали и выпустили на волю. И я хочу уничтожить его.

Кнут замолчал. Валентин погрузился в раздумья. К столику подошел человек, тот который встретил их у стены. Он шепнул Кнуту что-то на ухо и тут же удалился.

— Машина ждет.

Кнут встал с дивана и протянул руку Лере. Та, поцеловав в губы сладкого ухажера, ухватилась за руку Кнута и словно нарочно упала ему на грудь.

— Ну что, милый, — она посмотрела на Валентина. — Предложение стоящее, не правда ли? Все так, как я и говорила.

— Так как? — спросил Кнут.

Валентин встал. Он поправлял галстук и костюм.

— А как собираешься привести в действие свое устройство?

— О, это надо видеть, — Кнут широко улыбнулся и, приглашая Валентина идти следом, пошел в сторону входа в бордель.

В дальнем конце коридора располагалась комната одной из блудниц. В ней находилась хорошо скрытая дверь в потайное помещение. В нем обычно проходили скрытые собрания. Из тайной комнаты выходили еще две двери. Одна из них вела в коридор, который выходил на станцию. Вторая дверь закрывала вход в узкий проход, который вел непосредственно к защитной стене, установленной властями города. Коридор разветвлялся с каждым новым поворотом на прорытые пещеры — все они вели в никуда, путали и пугали тех, кто незвано желал проникнуть в самое охраняемое место. Кнут по памяти знал куда идти. Через десять минут они вышли в тоннель метро. Холодный и спертый поток воздуха ударил в лицо. Кнут спрыгнул вниз первым, помог Лере. Тяжелой глыбой приземлился на ноги Валентин. Он осматривал тоннель. Фонари машины, слепленной из старого, но прочного каркаса, обшитого несколькими кусками железа, освещали лишь несколько метров впереди. Два фонаря на заднем бампере светили неярко.

— Прощу садиться, — приглашал Кнут, усаживаясь за руль. Увлеченность Валентина видом обратной стороны стены забавляла его. — Мы находимся за защитным барьером, запечатывающим тоннели.

— Суровая тачка, — Валентин окинул заинтригованным взглядом хлипкую на вид колымагу с большими колесами.

— Так и асфальта тут не стелили.

Валентин сел на место рядом с водителем. Лера тут же обняла его со спины. Двигатель взревел, и машина медленно тронулась с места, прорезая темноту светом фар.

Валентин глядел по сторонам. Но света едва хватало лишь на то, чтобы оценить примерную ширину тоннеля. По нему спокойно могли разъехаться две машины. Не успела их колымага проехать и ста метров, как путь им преградил каменный завал. Валентин уставился на огромные валуны, освещенные фарами: неужели Кнут не предвидел этого и поездке конец? Ничего не происходило. Их водитель сидел в полном спокойствии и казалось не замечал вопросительных взглядов гостя.

Наконец, где-то за завалом раздался рев двигателя. И валуны стали медленно разъезжаться в стороны, ведомые двумя самосвалами. Все было продуманно. Здоровые куски породы были надежно закреплены на огромных машинах так, что в крошечной темноте отличить реальный завал от искусственного было невозможно.

Валентин попытался заглянуть за обратную сторону импровизированных каменных створ, когда машина проезжала мимо них. Но света хватило лишь на то, чтобы оценить огромный размер большеколесных монстров, управляемых неизвестно кем. Валентин осек себя. Он только сейчас начал осознавать, что Старое метро не просто злчное место, в котором обитают отбросы человеческого мира, но и секретное убежище, которое надежно хранит себя и наверняка защищает.

Еще один завал притормозил их через двести метров. Невидимые привратники уже разводили в стороны створки из вагонов, стоило машине приблизиться к импровизированному пропускному пункту. Проехав последний кордон, Кнут увеличил скорость. И уже через несколько поворотов, тоннель стал расширяться и незаметно влился в одну из пещер с низким сводом. Но Валентин мог видеть вдали лишь слабые огоньки редких костров и зеленоватое свечение.

— Это «Гниль», — брезгливо кинул Кнут.

Валентин хотел было утолить свое любопытство, но ударившее в нос плесневелое зловоние и смрад разложения ответили на все вопросы.

— Они там что, сдохли все разом? — гневно выпалила Лера, пряча лицо в меха куртки.

— Воды поднялись. Нечистоты со всех пещер сходятся здесь, — Кнута словно и не беспокоила тошнотворная вонь.

— И там живут люди? — Валентин вглядывался вдаль сияющую слабыми пляшущими огоньками.

— А они приспособились, — загадочной пояснил Кнут и свернул налево в узкий развилистый тоннель.

Зловоние здесь ощущалось не так сильно. Но к общему аромату гадких запахов добавилось что-то едкое, щиплющее ноздри. Через два поворота машина въехала в «Ступени». Кнут не стал вдаваться в подробности здешней жизни. Из его слов следовало, что это пористая пещера из нескольких широких полугротов, соединенных естественными каменными мостами. Каждый грот ступенчато располагался над другим. Впрочем, Валентину оставалось лишь верить ему на слово. Тусклый свет выхватывал из мрака лишь тусклые линии и неясные образы, складывавшиеся под влиянием слов Кнута-экскурсовода.

Машина медленно следовала по самому широкому мосту, соединявшему две противоположные ступени пещеры. Валентин лишь успевал оглядываться, пытаясь подмечать детали. Повсюду горели неяркие костры и факелы, где-то даже виднелись лампы. Значит, здесь есть генераторы! В центре пористой пещеры находилась огромная изогнутая колонна. Не меньше двадцати метров толщины в самой узкой части, неровная и зубастая. Проезжая мимо нее Валентин не мог не поразиться искусной работе доморощенных каменщиков, сумевших выдолбить на поверхности колонны наблюдательные посты, мостики и переходы. А плеск воды подсказал, что по одной из ее сторон стекает ручьем вода. Ее было почти не видно, но проезжая мимо, можно было ощутить ее прохладу. Очевидно, где-то внизу находится подземное озеро.

Съехав с моста, машина оказалась на территории одной из ступеней. Бледный оранжевый свет стелился по земле. Его было достаточно, чтобы увидеть множество палаток и кибиток, между которыми сидели и ходили люди. Не успел Валентин подумать о количестве живущих здесь, как Кнут повел машину по склону вниз — все дальше и глубже от поверхности земли. Воздух становился холоднее. Его тяжелые спертые порывы били по лицу то горячими, то холодными комками.

Машина въехала в утробу огромной пещеры, которую поддерживали десятки конусообразных массивных колонн, подпирающих вечный мрак свода. Тысячи далеких огней замерцали в дали, отражаясь от черного зеркала. Что это?! Валентин не мог поверить глазам. На дне протекала черная как смоль река, в которой отражались сотни огней, рассыпанных по стенам пещеры. Валентин смотрел вниз. Он и подумать не мог, что здесь живет такое огромное количество человек. Кнут вел машину по пологому склону, медленно погружаясь в сияющую пустоту подземного мира. Лера начала жаловаться на заложенные уши. Валентин не сразу обратил на это внимание. Слишком сильно он был поглощён созерцанием пустоты утробы земли.

Двигатель недовольно закряхтел на повороте. Кнут направил машину в сторону, где за пролетом из рухнувших массивных сталагмитов показался залитый светом костров и ламп грот. Здесь бурлила жизнь. До нее можно было даже дотронуться. Десятки домов из глины и камня, картонные шалаши и простые матрацы, служащие лежаками для тех, кто не нашел здесь себе подходящего ночлега. Но самих костров было не так много, как ожидал Валентин. Самая широкая дорога, по которой ехала их машина была освещена лучше прочих.

Она разделяла небольшое гротовое поселение на две части. Кнут вел машину неспешным ходом, не обращая внимания на неприветливые взгляды идущих бледных людей и редких животных. Завидев железную колыхающуюся, некоторые спешили спрятаться, другие смотрели с настороженностью — здесь царил свой закон и самоходные машины имелись у тех, кто эти законы устанавливал.

Медленно на Валентина навалилась невидимая тяжесть. С непривычки ему не хватало воздуха. Он глубоко задышал и тряс головой, пытаясь прийти в себя.

— Сейчас станет легче, — Кнут заметил недомогание гостя и прибавил ходу.

Светящиеся огни грота остались позади. Огромная пещера снова сузилась до тоннеля с плохо укатанным грунтом. Валунуны камней и булыжников мешали плавному ходу машины. Качка жуткая. Лера крепко вцепилась в мощные плечи Валентина. Через несколько метров дышать и правда стало легче. Они свернули в шахты с мокрыми стенами, на которых искрился отраженный свет фар. Воздух здесь был заметно холоднее, заставив крепкого Валентина пару раз вздрогнуть. Кнут внимательно вглядывался в черноту пространства. Он убавил яркость фар, чтобы свет не застилал обзор. Остановившись на развилке, Кнут объявил:

— Держитесь крепче.

Лера, повинувшись команде, тут же отлипла от здоровяка и ухватилась руками за поручень. Валентин посмотрел на Кнута, крепко сжимающего руль. Очевидно он не шутит. Взгляд сосредоточен и направлен в темноту, сгустившуюся перед ними. Здоровяк уперся одной рукой в панель, и последовав примеру Леры, взялся другой рукой за поручень справа. Дождавшись, когда все усядутся, Кнут вдавил педаль и машина рванула с места в правый тоннель. Через несколько метров тачка резко понеслась вниз. Уклон увеличивался. Ничего не видно! Казалось, что они вот-вот перевернутся, подпрыгивая на валунах и ухабах. Лера визжала от удовольствия, крепко держась за поручень. Кнут улыбался — он любил этот участок, который возник из-за обрушения тоннеля вниз. Земля, размытая грунтовыми водами, просела под резким углом, проломив потолок нижних шахт. Валентин сидел в напряжении. Ему, здоровяку, не пристало бояться каких-то кувырканий, но всепоглощающая тьма катакомб лишала его ориентиров и заставляла нервничать. Как можно видеть в этой крошечной тьме? Наверняка у Кнута бионические имплантаты зрачков. Иначе быть не может! Даже если дорога тебе известна, невозможно вот так нестись вниз, под уклон, почти не сбавляя ходу.

Наконец машина съехала на горизонтальный участок дороги. Кнут увеличил яркость фар. Теперь можно было разглядеть черные стены пещер и тоннелей. Они ехали прямо по тоннелю без развилки и поворотов. Через несколько сотен метров Кнут притормозил — поворот налево. Еще сотня метров — большая пещера с тремя выходящими тоннелями. Один был наполовину завален, два остальных почти в идеальном состоянии. Хотя Валентин слабо представлял, как должны выглядеть природные пещеры. Во всяком случае они выглядели вполне естественными. Правда дорога на этом участке была на удивление ровной. За ней следили явно лучше. Кнут остановился в центре пещеры.

— Приехали, — объявил он.

Кнут вышел из машины, следом Валентин и Лера. Здоровяк огляделся вокруг. Насколько позволяло зрение — вокруг ничего не было. Не теряя времени, Кнут направился к засыпанному входу в тоннель. Лера следом, за ней Валентин. Не успели они дойти до тоннеля, как из него высунулась чья-то худая физиономия. Через минуту между валунами

пролез высокий шуплый паренек, бритый наголо, с непропорционально крупными руками и плечами. Это был один из сигнальных, выполнявший функцию привратника. Имени его никто не знал, но Кнут его звал Молотом. На вид ему было не больше двадцати, одетый в рваную футболку и спортивные штаны. На ногах массивные армейские ботинки. Кнут когда-то поручил ему следить за тем, чтобы ни у кого из посторонних не возникло желания пролезть через завалы. Молот отчитался перед Кнутом за сегодняшний день. Лера по-прежнему висела на своем любимом здоровяке Валентине, начиная ему надоедать своим непрекращающимся щебетанием и попытками залезть пальцем ему в бороду. Кнут позвал за собой остальных. Валентин, нахмурившись, оглядел узкий проход между глыбами, в которых только Молот и мог протиснуться. Но у Кнута был иной способ, как войти не испачкавшись.

Молот встал перед самыми большими валунами, сваленным один на другой, и уперся в них руками. Валентин готов был расхохотаться, увидев, как дохленький паренек упирается ногами в небольшой выступ в земле и пристраивается поудобнее возле валуна вдвое выше него. Подойдя поближе, Валентин увидел крупные руки дохляка и ужаснулся. Через мгновение шуплый паренек отодвигал каменную глыбу в сторону, заставив Валентина открыть рот от удивления. Отодвинув один валун, паренек принялся за второй. Через минуту проход был свободен. Молот с удовлетворением смотрел на босса. На мальчишеском лице сигнального сияла желтая улыбка, в которой не хватало пары зубов. Но малой был доволен, что его силу в очередной раз увидел Кнут.

— Молодец, — кивнул босс и первым вошел в тоннель.

Следом — улыбающаяся Лера, не забывая погладить руку старательному привратнику. Последним мимо Молота прошел Валентин. Он со всем присущим ему почтением похлопал паренька по плечу. От такой похвалы Молот готов был запрыгать на месте. Он поразил самого широкого амбала, которого когда-либо видел!

— Как такое возможно? — отойдя от входа на несколько метров, спросил Валентин.

— Этого паренька я подобрал когда-то на улице... ободранного и искалеченного.

Кнут со спутниками пробирались по темному тоннелю, направляясь к свету вдалеке. Через пару минут, тусклый свет, исходивший от фар машины, скрылся за сдвинутыми на место валунами.

— У него были переломаны обе руки, сухожилия и мышцы порваны, потеря крови — продолжал объяснять Кнут. — В больницу я его не повез, так как он был из тех, кто жил за линией. Да там по близости и не было подходящих. Я взял его с собой в катакомбы. Конечно, из жалости, но был и свой умысел, — Кнут неожиданно остановился и обернулся назад.

Он ждал реакции Валентина. Но лицо здоровяка оставалось спокойным. Его не интересовал умысел Кнута, ему была интересна богатырская сила парня, весившего на вид не больше 50 килограммов.

— Давно я придумал и изготовил препарат, который должен был резко увеличивать мышечную силу. Нужны были испытания. На счастье других, мне попался именно Молот. На нем-то я и испытал препарат. Мне нужно-то было всего лишь проверить, как усилится структура его мышечной ткани. Он идеально подходил на роль подопытного — через пару часов должен был умереть. Но паренек оказался невероятно живучим. К моему удивлению он выжил. Его мышцы и сухожилия не просто срослись — они обновились на клеточном уровне. Препарат помог ему срастить ткани и пережить саму смерть. Честно сказать, такого я не ожидал. Правда кости слабоваты были. Но тут пришлось пофантазировать, чтобы его

скелет мог выдержать на себе новые ткани. Пришлось усилить спину имплантатами...

— И как он чувствует себя?

— А как бы ты чувствовал себя, если тебе каждые 10–12 часов нужно было бы вкалывать этот препарат и спать всего два часа в сутки? Как выяснилось, препарат вызывает абсолютное привыкание и заставляет организм вырабатывать огромное количество энергии, которую надо куда-то девать. Метаболизм повышается не в два, а в шесть раз. Он сильный, грозный, уродливый, но девки любят его неутомимость. Да собственно им довольны все. Но и стареет он в шесть раз быстрее обычного. Пройдет еще года три и он выгорит.

Кнут смолк. Лера и Валентин поравнялись с ним. Они вошли в просторный грот оснащенный самым передовым оборудованием научного мира. Внизу кипела работа. Несколько десятков людей в разномастной одежде сновали по узким коридорам из пещеры в пещеру, как муравьи.

Кнут свернул направо. Через пару метров показалась длинная пологая лестница вниз. Валентин устал поражаться тому, что увидел за последние несколько часов. Огромная пещера, набитая робототехникой, боксами для исследований. Это больше напоминало секретный комплекс биохимического назначения. Без лоска и красоты, стеклянных пуленепробиваемых дверей, разодетой охраны в форме. Но это самая настоящая база — сокрытая и тайная.

Спустившись, Валентин стал замечать и тут, и там неприметных охранников с обрезам и автоматами. Все они одеты были в коричневые и черные спортивные костюмы без рукавов. Мощные жилистые руки со вздутыми зеленоватыми венами, угрожающе смотрелись на фоне темной одежды. Кнут вел гостей в самый центр грота. Там, в самом большом зале, отделенном от остальных непрозрачными пластиковыми стенками, на большом механизированном столе лежали три полутораметровых цилиндра. Они были открыты. Суесящиеся вокруг них люди могли с легкостью сойти за ученых, лаборантов, если бы были в белых халатах и имели менее отпугивающий вид из-за причесок и жутких татуировок.

Кнут остановился возле стола. Валентин рядом. Лера поспешила присесть на кресло в углу. Она быстро сняла туфли и стала причитать по поводу долгой и плохой дороги. Но ни Кнут, ни Валентин не обращали на нее никакого внимания.

— Это то, что я думаю? — с глазами ребенка, которому дали любимую игрушку, Валентин смотрел на цилиндры.

— Они решат проблему... — прозрачно ответил Кнут.

— Я представлял себе их меньше, — Валентин посмотрел на Кнута. — Да и три штуки. Не много?

— Сомневаюсь, что ты вообще представлял себе что-либо подобное, — усмехнулся Кнут. — Размер здесь играет важную роль, так как две трети объема занимают химические реагенты, которые локализуют заражение после взрыва. А три штуки... — Кнут посмотрел на Леру.

Она соскочила с кресла, кое-как обулась и подбежала к столу.

— Валя, не волнуйся, — улыбалась она, предвкушая заключение сделки. — Все продуманно. Этих девочек, — проводя ноготком по одному из цилиндров, — он поместит куда надо и как надо глубоко и потом бац! — Лера ударила со всей силы по цилиндру.

Цилиндр звонко отозвался под кулаком, испугав всех вокруг. Лишь Кнут не шелохнулся. За несколько лет знакомства с Лерой он привык к ее выходкам. Лера хохотала.

Валентин провел рукой по бороде.

Где-то в глубине земли раздался глухой грохот. Нарастающий гул приближался к гроту. Три человека почти мгновенно сообразили и, побежав к пульту управления, одновременно нажали на красные кнопки. Грот содрогнулся! С потолка посыпалась земля. Отколовшиеся камни падали вниз. Подминая под собой компьютеры, столы, стулья, аппаратуру. Оглушив всех звонким грохотом, камни падали на возникший щит над столом, где лежали три цилиндра. Люди прятались в укрепленные углубления в стенах. Лера материлась на чем свет стоит, пытаясь вырваться из крепких объятий Валентина, придавившего ее к стене. Когда дрожь сошла на нет и камнепад прекратился, все принялись за осмотр повреждений. Кнут отдавал распоряжения. Лера, освободившись от крепких тисков Вали, отряхнулась и как будто ничего не произошло, поцеловала Валентина в щеку.

— И часто у вас такое бывает? — с недовольством спросил Валентин, стряхивая с плеч землю.

Кнут закончил с указаниями и повернулся к Валентину.

— Не часто, но бывает.

— А если бы с бомбами произошло что-нибудь?! — Валентин смотрел на два огромных камня лежавшие среди прочих на щите, закрывшем стол.

— Вот и я думаю: какого черта там произошло? — Кнут подозвал к себе главного из охраны.

— Отправь лазутчиков во все стороны, я хочу знать, что произошло, — Кнут был сдержанно грозен, произошедшее выходило за рамки нормальных толчков. — Подгоните к запасному выходу машину и начинайте грузить цилиндры.

Кнут повернулся к столу и, громко свистнув, объявил:

— Соберите оставшиеся части, подключайте приборы в режим ожидания и грузите цилиндры в машину!

— Что-то серьезное? — Валентин хлопнул Кнута по плечу.

— Думаю, ничего серьезного. Возможно произошло обрушение нижних тоннелей. А там склады с топливом. Осторожность не помешает.

Люди засуетились. Лера занервничала.

— Кнут, показывай ему, и поехали из этой клоаки, — растеряв былой задор и веселье, прорычала она.

— Показать что? — поинтересовался Валентин.

Кнут подошел к шкафу возле стены и достал оттуда маленькую металлическую коробку.

— Вы хотите увидеть, зачем именно нужна мне «пыльца»? — учтиво спросил Кнут. Пройдемте, — Кнут приглашал Валентина в пещеру, где проводились испытания.

Большая пещера испытаний находилась в двадцати метрах от грота, где проводились исследования. Кнут в сопровождении Валентина и Леры поднялся на второй этаж. Естественная пустота, созданная природой. Она идеально подошла для испытаний взрывчатых веществ. Мощные стены с большим содержанием железа служили надежной защитой от происходящего здесь.

Кнут попросил Валентина и Леру остановиться у входа, где стоял прозрачный бронированный экран, установленный здесь специально для наблюдения за происходящим внутри. Кнут прошел вглубь пещеры — вынул из металлической коробки небольшой шар с проводами и электронное устройство. Он положил шар в небольшое углубление — маленький кратер, образовавшийся от предыдущих взрывов — подсоединил два провода к шару и электронному устройству. Вернувшись к остальным, Кнут объяснил.

— Этот шар — маленькая копия тех цилиндров с двадцатью граммами «пыльцы».

Кнут продемонстрировал маленький пульт с двумя кнопками.

— Смотрите, — и он нажал кнопку.

Раздался взрыв. Пещеру осветила тусклая вспышка, и из расплавившегося шарика вырвалось серое облако с белыми прожилками, нитями, пронизывающими его. Через секунду нити накалились добела и, пронзая облако, осветили всю пещеру. Когда же свет стал медленно угасать, в воздухе осталась мелкая взвесь мерцающего вещества стремящееся куполообразное состояние. Кнут посмотрел на Валентина.

— И как? — задала вопрос Лера.

Валентин посмотрел в глаза Кнута.

— Боюсь представить себе масштаб, когда взорвутся все три цилиндра.

Не успел он договорить, как стены содрогнулись от жуткого грохота. Пещера вибрировала. Оглушающая волна режущего звука сбила с ног. Лера визжала от боли, схватившись за уши. Валентин, раздосадованный неловкостью своего падения, изо всех сил пытался встать на ноги. Кнута уже не было рядом. Он быстро вскочил на ноги и побежал обратно в грот. Валентин за ним.

Главная пещера лежала в руинах и завалах. Потолок осыпался. Все вокруг содрогалось от микротолчков. Стены с глухим треском покрывались трещинами. Люди бежали в панике к запасному выходу. Кнут не понимал, что происходит, пытаясь определить откуда исходил взрыв. Как вдруг из тоннеля, по которому они пришли, донесся вой. Кнут сорвался с места, Валентин следом за ним. Только они вошли в проход, как к ним на встречу выбежали окровавленные лазутчики, посланные на разведку.

— Там, у входа, — трясущейся рукой один из лазутчиков указывал назад, — Молот не пропускает их.

У Кнута полыхнули глаза.

— Почему я их не чувствую?

— В каком смысле?.. — уточнил переполошенный Валентин. Но его вопрос растворился в воздухе.

— Вооружаемся!

Подбегая к шкафу с оружием, Кнут повернулся к одному из охранников:

— Яр! — позвал он самого главного с красными руками. — Десять с тобой и живо за мной!

Яр сорвался с места и через несколько секунд отряд бойцов бежал вдоль коридора за Кнутом и Валентином. Пещера содрогалась от мелких взрывов. Чем ближе они были к входу, тем громче и яснее была слышна схватка. Проход был открыт. В ярких и медленно угасающих вспышках Кнут увидел Молота: он дрался с кем-то. Кнут проверил автомат и с криком отряд высыпался в пещеру.

Перед ними, извиваясь черными клубами дыма, стояло трое существ с большими желтыми глазами. Не задумываясь, те и другие кинулись друг на друга. Раздались выстрелы! Пули сыпались градом. Странные существа ревели от боли, но не останавливались.

— Осторожно! — прокричал Валентин, заметив что-то у одного из желтоглазых существ в руке.

Существо, бегущее последним, замахнулось в сторону обороняющихся и выпустило какой-то сгусток, больше напоминающий черный ком. Отряд бросился врассыпную. Комок врезался в стену. Яркая вспышка ослепила всех, яркое облако бледно-красного пламени

вырвалось наружу, разорвав тела двоих охранников. Существа с неистовой яростью разбивали плотные ряды охранников. За раз погибло еще три охранника. Их тела перерезало огромным черным лезвием. Кнут и Валентин с трудом отбивались и отстреливались от нападков существ. Из прохода в грот донесся истерический крик Леры. Босиком она бежала по холодной земле и то ли от холода, то ли от того что спотыкалась, материлась и кричала во все горло. Она стремительно выбежала из прохода и кинула в одного из черных созданий гранату.

Пещера содрогнулась. Оглушающий грохот железным эхом отражался от стен. Всех раскидало в разные стороны. Яркий обжигающий свет озарил пещеру, ударной волной у охранников и Валентина вырвало из рук автоматы. Их затягивало в пылающую сферу на месте развешенного взрывом существа. Грохот усиливался. Огненная сфера вспыхнула и взорвалась. Жаркое пламя пронеслось в нескольких сантиметрах от глаз Кнута. Стены пещеры стали рушиться. Широкие трещины разрывали каменные стены — огромные глыбы падали со всех сторон.

— Что ты кинула?! — прокричал Кнут.

— Я откуда знаю? — проорала Лера. — Зато они сдохли, — оправдывалась она.

Валентин огляделся. Никого, кроме своих. Он с досадой посмотрел на свой новый костюм: опален и порван. Со злостью Валентин сорвал рваные рукава. И даже не обратил никакого внимания на тлеющую бороду.

— Ты как? — Кнут подошел к раненному Молоту.

— Простите босс, — Молот слегка пошатывался, но крепко стоял на ногах.

— Кто это был, черт возьми? — Валентин подошел к Кнуту.

В одном из тоннелей раздались выстрелы. Все напряглись. Последовали взрывы. Кто-то или что-то приближалось к пещере. Кнут и Валентин стояли рядом. Лера робко выглядывала из-за валуна. Все приготовились.

— Не стреляйте, — раздался знакомый мужской голос.

Из тоннеля вышел смуглый мужчина старше полувека. Ростом он был выше среднего, крупный, но уступал могучести Валентина и огромным ручищам Молота. Одет он был в черные брюки с высокими ботинками и теплую жилетку поверх темно-синей водолазки.

— Марс? — удивился Кнут.

Следом за ним вышли еще шестеро охранников, одетых также в темное.

— Что ты здесь делаешь? — недовольно спросил Кнут.

— Да! Тебя ведь не приглашали! — Лера вылезла наружу.

— Нас послала Таша проследить за Лерой, — покачивая автоматом, объяснялся Марс.

— За кем вы следили? — пискляво вспылила Лера.

— Мы зашли с другой стороны. И если бы не мы, целый отряд вылез бы из этого тоннеля, — за спиной Марса, вооруженные охранники недобро посматривали на Леру и крупногабаритного Валентина.

— Мы с трудом убили троих, а вы целый отряд? — Валентин поражался невозмутимости Марса.

— Не знал, что Лера стала нанимать крепких парней, с которыми Кнут не мог бы справиться, — неожиданно для всех пояснил Марс.

Кнут и Валентин тут же обернулись назад. Остальные направили автоматы на Леру.

— Почему в тоннеле были твои люди, милая? — Кнут готов был взорваться, чувствуя предательство.

— Я? Мои? — лепетала обвиняемая.

— Эта стерва хотела обойти пещеру и захватить бомбы... — бескомпромиссно твердил Марс.

— Заткнись! — перебила Лера. — Выскочка, тебе слово не давали. Вечно встречаешь! Все шло как по маслу. Я обещала забрать у этой гадины все, что она любит! — Лера испепеляла взглядом Марса, нарушившего его планы.

— Значит эти три твари тоже твои? — задал вопрос Валентин, разминая кулаки от злости.

— С тобой все в порядке? — Кнут подошел к Марсу.

Они хорошо знали друг друга и всецело доверяли. Марс вынул из ножен на поясе длинный кинжал и вручил безоружному боссу.

Раздался взрыв. Пещера качнулась.

— Эта гадина еще что-то устроила! — гневно произнес Марс.

— Почему сразу я? — невинным голосом оправдывалась Лера.

— Отвечай, кто были эти твари? — Кнут не сводил злых глаз с Леры.

Донесся еще один взрыв. Пещера гудела. Ударная волна прошла по тоннелям с оглушающей силой.

— Лера! — крикнул Кнут.

— Да не дура же я, чтобы взрывать пещеру с бомбами! — оправдывалась она.

Из тоннелей послышался режущий вой и он приближался. Все оглянулись. Кто-то явно не скрывал своего присутствия.

— Если это не ее люди, то о ком вы говорите? — Марс встал рядом с Кнутом.

Все, у кого было оружие, заняли оборону перед входом в грот. Остальные, готовясь к рукопашке, сзади. Валентин, разминая кулаки, стоял рядом с Кнутом, держащим на изготовке длинный кинжал.

— Эти твари очень сильны. Мы не знаем, кто это и что это, — успел сказать несколько слов Кнут и из тоннелей один за другим показались черные существа.

Раздались выстрелы. Желтоглазые нападали. Строй обороняющихся редел.

— Яр! — прокричал Кнут. — Узнай, что с бомбами!

Охранник подчинился. Лера, недолго думая, направилась за ним.

Пещеру осветила вспышка. Взрыва не было. Отвлекающий маневр. Не успел Кнут продрать глаза, как желтоглазые были в нескольких сантиметрах от него. Он почувствовал, как что-то резко дернуло его назад. Кнут упал. Валентин отпустил его воротник и со всей силы нанес удар кулаком по черной физиономии существа. Завывая от боли, оно рухнуло на землю. Марс опешил от напора нападавших, но вскоре внутренний боец сжал кулаки и охранник начал бегло отстреливаться, подмечая особо ретивых охотников.

Но защитников становилось все меньше. Несколько желтоглазых резко обошли двоих охранников, пришедших с Марсом, и, перепрыгнув через них, полезли в проход. Валентин бился в рукопашную с двумя черными, ловко отбиваясь и уклоняясь от нападений и ударов. Он увидел, что двое гадов собираются войти в проход, но не мог ничего сделать. Как вдруг со страшным грохотом, подмяв кулачищами одного из черных созданий, перед самым входом в проход, приземлился Молот. Руки его были багрово-красные, глаза налитые кровью и злобой. Он, не раздумывая, схватил железной хваткой второго гада и, вложив всю мощь, впечатал его в стену.

Заканчивались патроны. Некоторые охранники уже сражались в рукопашную. Но

желтоглазых гадов становилось все больше. Силы не равны. Охранники гибли. Кнут прыгал и уклонялся, бил и рассекал длинным кинжалом, но существа не думали сдаваться. Наоборот, они усиливали натиск с каждой минутой.

— Отходим в грот! — приказал Кнут.

Марс с двумя охранниками, прикрывал отход Кнута и Валентина. Существа выли от раздиравшей их ярости, с бешеной силой они кидались на Валентина, оказывавшего жестокое сопротивление. Одним ударом он оглушал одно из существ. Израненный, окровавленный он медленно ретировался. Кнут сновал рядом, прикрывая и защищаясь. Двое охранников стояли рядом с Молотом и из последних сил противостояли нападкам слева и справа. Молот стоял перед входом и железными руками сшибал каждого черного гада, пытающегося проникнуть в тоннель.

Наконец Кнут и оставшиеся в живых подошли вплотную ко входу. Из прохода в плотные ряды черных гадов полетела граната. Защищавшиеся только и успели что пригнуться.

Пещера содрогнулась от взрыва. Ударная волна, отражаясь от раскаляющихся стен, разметала всех по сторонам. Ревущие от адского пламени существа, превратились в пыль, — граната угодила точно в цель. Из прохода, откуда она вылетела, раздался знакомый истерический хохот Леры.

Кнут и Валентин поднимались на ноги. Рядом с ними скрючившись стоял Марс и Молот. В нескольких метрах стояли, покачиваясь, уцелевшие желтоглазые. Они рассматривали тех, кто дерзнул им сопротивляться с такой отчаянной силой.

Кнут и остальные не двигались. Патронов не было. Из полезного оружия кулаки да автоматы в качестве дубинок. Перед ними стоял отряд непонятных гадов с широко открытыми желтыми глазами.

— Кнут! — из прохода показался Яр. — Цилиндры погружены на грузовик, ждем вас и уезжаем.

Из толпы гадов донесся странный гавкающий звук. Толпа существ содрогнулась и понеслась вперед. Никто не успел ничего сообразить, как мощным хватом Молота все оказались втиснутыми в узкий проход тоннеля.

— Двигайте! — лишь произнес Молот и встал поперек входа, уперев руки и ноги в стены.

Существа добежали до входа и стали истязать Молота. Опешившая от происходящего, горстка уцелевших пятилась назад. Молот изо всех сил надавил на стены и, крича от боли, стал заваливать вход. Существа почти пролезли. Они бились с каменным телом Молота как дикие неистовые звери. Они, во что бы то ни стало, вознамерились проникнуть в тоннель, прежде чем он обрушится. Молот неистово закричал. Кнут, не веря своим глазам, увидел, как существо с желтыми сверкающими глазами, держа Молота за руку, испепеляет его заживо. Молот издал последний адский крик и, схватившись за неподдающийся бульжник истлевающей рукой, обрушил вход. Тоннель задрожал. Все бежали к выходу. По стенам поползли огромные трещины. Треск и грохот вырывался из-под падающих глыб. Когда обвал прекратился, Кнут остановился на середине тоннеля и обернулся. Валентин, положил тяжелую ладонь ему на плечо.

— Пойдем, он поступил верно.

Кнут смотрел на побитого могучего Валентина. Горло его было сильно изранено. Борода опалена и разодрана, местами просто выдрана. Кто-то из гадов уловил момент. Широкие длинные раны кроваво зияли по всему его телу.

— Кнут, — Марс выглянул из-за спины Валентина, — надо идти.

Босс глянул на Марса. Где только не побывал он за свою нелегкую жизнь! И сейчас по-прежнему держится молодцом, несмотря на множество порезов на руках. Валентин стоял, покосившись на правый бок. Ему досталось сильнее, истерзанный острыми когтями, но по-прежнему грозный. И только сейчас Кнут почувствовал, что все его тело ноет от боли. Правая рука покрыта несколькими рядам широких рваных полос, оставленных черными существами. Левая сторона лица превратилась в кровавое месиво. Рваные куски одежды, пропитанные кровью, клочками свисали с рук, прилипая к ногам. Кнут кивнул Марсу. Сейчас он был родным для него человеком, потому что так относилась к нему Таша. Надо идти... Кнут похлопал его по плечу, и они спокойным шагом направились в грот. Но не успели они пройти и трех шагов, как тоннель со страшной силой дернуло. Жуткий рев доносился со стороны завала. Вся пещера содрогалась так, словно по ней били огромным молотом. Кнут и Валентин переглянулись. Удары крепки. Ноги понесли сами.

Попав в грот, они, не останавливаясь, пронеслись по второму этажу. Пробегая пещеру для испытаний, Кнут заметил, что она завалена. Они добежали до прохода в следующую пещеру, в которой находился запасной выезд. Но вместо грузовика — десять трупов, среди которых мертвый Яр.

— Лера! — Марс была вне себя. — Эта тварь все же подгадила!

Валентин осматривал пещеру, Кнут — тела. Через полминуты картина произошедшего стала ясна. Большинство тел было покрыто рваными ранами, точно такими же, как и те, что были на Валентине и Марсе. Четкие следы от грузовика вели вверх по широкому тоннелю. Делать нечего, нужно бежать! Из грота доносились сильные взрывы. Рев и вой становились все громче. Все ближе и ближе! Существа грызлись меж собой и рушили все подряд. Они уже почти здесь. Марс оглянулся.

Они показались в проходе. Быстрые стремительные, они готовы были ворваться в пещеру! Внезапно под потолком просвистела ракета. Оставив дымовой шлейф за собой, она взорвалась, прямо над входом в пещеру. Расколовшийся свод обваливался над проходом, подминая под себя прорвавшихся черных гадов.

Кнут, Валентин и Марс смотрели на рушащиеся глыбы и сгущающийся мрак поглощал слабое пламя. В тридцати метрах от них, посреди тоннеля, стоял грузовик, груженный цилиндрами. Возле него стояли вооруженный охранник с ракетницей в руках и Лера. кокетливо поглаживающая его накаченные мускулы. И если бы не безумная улыбка, она с легкостью сошла бы за спасительницу с фиолетовыми волосами.

Глава 28. Договор

Кнут смотрел в окно машины. Взгляд блуждал между пустыми переулками. Что-то незримое ощущалось вокруг, душащее город. Плотный недвижимый воздух стоял над Петрополисом, не давая ветру с залива далеко проникнуть в город. Небо давило свинцом. Даже на берегах прохлада не дарила свежести, лишь ощущение мокрых цепей, сжимающих грудь. Свободное дыхание сжалось до крошечных размеров, словно затравленный человек в углу. И ждет он только худшего. Ждет, когда учинят над ним расправу.

Таша сидела рядом. Она подобрала их во дворе заброшенного дома на окраине Петрополиса. Уходя от желтоглазых, Кнуту с компанией не удалось добраться до намеченной ранее точки. Поэтому Марс задействовал запасной вариант, выполнять который взялась Таша. Стоило ей узнать о произошедшем в Старом метро — удержать ее дома было невозможно.

Она с тревогой смотрела на раны, покрывающие лицо и тело Кнута, пытаясь найти правильные слова, которые заставили бы брата принять помощь врача. Таша уже обо всем договорилась.

Марс сидел впереди, рядом с водителем. Напротив Кнута и его сестры — Валентин. Лера сидела слева от него, у самого окна. Она, как и Кнут, смотрела на улицы города. Но если Кнут успокаивал созерцанием тлеющий внутри гнев беспомощности, то Лера прятала глаза, опасаясь взглянуть в салон и встретиться с Ташей. Валентин сидел как никогда спокойно. Хотя бегающие под закрытыми веками зрачки выдавали внутреннее напряжение. Ему, как и всем уцелевшим, нужен был простор для умиротворения и осознания того, что произошло в катакомбах.

Таша оторвала взгляд от брата и оглядела остальных. На Валентине глаз долго не задержался, все жгучее внимание сфокусировалось на Лере.

— Тебе есть, что сказать? — хрипло спросила Таша.

Ее короткие черные волосы короной стояли на голове. Злой прищур глаз превращал ее в волчицу, смотрящую на свою жертву. Если бы не присутствие Кнута, Таша уже вцепилась бы в хрупкую шейку Леры и с удовольствием переломила ее.

Лера резко обернулась. Нервными движениями пальцев она пыталась поправить истрепавшиеся фиолетовые локоны. Ощущение налипшей грязи и пыли не давало покоя. Ее преследовало зловоние плесневелых тоннелей, вьевшееся в кожу. Она в чужой машине, где нет ее запасов ароматизаторов и парфюма. Разве что вылить на себя половину бутылки виски из мобильного бара. Просить же Ташу поделиться чем-нибудь из сумочки было... опасно и не в ее правилах.

Лера не любила открыто противостоять Таше. Ее попытки участвовать в прямом диалоге почти всегда были неэффективными и слабавольными, из-за чего любой разговор между ними превращался в простую словесную перепалку. Лера крыла чем могла и как умела, превращаясь в глазах окружающих из кошки в обычную панельную девку, спорящую с мамкой. Лере остро не хватало выдержки, которая отступала под натиском визжащей злости. В словесных битвах с Ташей та проигрывала всегда. Даже в мимике. Используя тактику «тявкающей Моськи» Лера пыталась зацепить Ташу, ужалить, причинить боль, но каждый раз перед ней было холодное лицо, напичканное имплантатами, не выражавшее

чувств, мертвое даже. Лера знала секрет идеального лица Таши, но как часто с ней бывало: в перепалке про это забывалось, и она пускалась во все тяжкие, с удивлением натываясь на невозмутимое лицо соперницы. Лера никогда не знала, задела она свою бывшую подругу или нет, что злило ее чрезвычайно сильно.

— А что ты хочешь услышать? — с легкой издевкой ответила Лера.

— Твои люди находились в пещерах втайне от всех, не наши, — бескомпромиссно разила Таша.

— А ты повсюду видишь заговоры? — Лера резко дернула головой в сторону Кнута. Но он даже ухом не повел. Его мысли были не здесь.

— Ты хотела украсть бомбу!

— Ты что спятила? — взвыла Лера.

— Ты увезла ее и убила наших людей, — раздался хриплый голос Марса.

— Ты еще тут. Ты тоже со своими шестерками на моих напал, — пищала Лера.

— Тогда зачем твои люди сидели в засаде?! — подхватила Таша.

— Они охраняли меня...

— Не слишком ли много людей для охраны такой цацы? — ерничал Марс, зализывая раны.

— Уйми шавку, — прорычала Лера.

— Это ты гавкаешь. Хватит юлить. Твоя охрана осталась в машинах у ворот Старого метро! — рывкнула Таша.

— Может она говорит правду? — в нарастающую перепалку вмешался Валентин, не открывая глаз. Его изодранная борода печально сотрясалась при каждом слове.

— Что? — Таша запнулась от неожиданности.

Марс также не ждал вмешательства и с удивлением повернул голову к Валентину.

— Если бы она собиралась уехать с бомбами, почему она вернулась за нами?

Таша молчала. Вмешательство здоровяка ей казалось крайне бестактным. Его сомкнутые глаза лишь распалили недовольство. Каков наглец!

— Но она уехала, — Таша грозно смотрела на Валентина, но это было бесполезно — его глаза по-прежнему были закрыты.

— Но вернулась ведь, — взвизгула Лера, заставив поморщиться сидевшего рядом Валентина.

Машина резко остановилась. Валентин открыл глаза и вцепился руками в подлокотники. Таша и Лера напряженно смотрели друг на друга. Кнут открыл окно и осторожно выглянул на улицу.

Перед ними стояло еще пять машин. Им всем преградила путь полицейский автомобиль. Возле него стояли четыре офицера. Скоро на перекрестке показалась толпа людей с транспарантами и плакатами. Они шли плотной колонной скандируя: «Чистая кровь — чистый мир!».

— Что произошло в этом славном городе за наше отсутствие? — произнес Валентин.

Никто не ответил. Но это волновало всех. Таша опустила окно машины, вслушиваясь в речевки толпы, проходящей перекресток.

— Малокровки? — предположила она.

— Не слишком ли они агрессивно настроены? — Валентин сидел вполборота к водителю.

Через пару минут к перекрестку подъехали еще две машины полиции. К четверем

офицерам присоединились еще восемь. Они стояли в нескольких метрах от колонны демонстрантов и что-то обсуждали. Вскоре мимо машин на дороге пронесся черный автомобиль. Он остановился рядом с полицейскими и из него вышли два человека, одетых в черные короткие пальто. Они поспешили к полицейским, после чего принялись что-то обсуждать, резко жестикулируя.

— Агенты? — вздрогнула Лера.

Люди в пальто начали обходить машины. Они подошли к первой со стороны водителя и попросили предъявить документы и его пассажиров.

— Час от часу не легче, — изрекла Таша.

— Надо что-то делать, — проскулила Лера.

Таша взглядом спрашивала брата.

— Думаю, — сухо ответил Кнут.

— Да, неудобно получится, — с иронией заметил Валентин, поглаживая бороденку.

— Неудобно?! — зашипела Лера. — Это будет катастрофа! Надо было ехать другой дорогой. Другой!

— Да заткнись ты! — гневно выдала Таша. — Лучше думай, как выкрутиться.

— С чего бы эта проверка? Нас ищут? — спрашивал Валентин.

— Может и не нас, — рассуждала Таша, — но наша компания определенно вызовет у них массу вопросов.

— Видок не важный, — едва слышно произнес Кнут, аккуратно выглядывая из окна.

— Похоже снова волнения. И мы попали в самый эпицентр, — размышлял Марс. — Нужно срочно думать, как выбраться.

— План Б для плана Б? — нервно прощелбетала Лера.

Со стороны Таши прошел человек, одетый в белый балахон и бритый наголо. По кругу на его голове была нанесена татуировка. Что именно на ней изображено, Таша не успела рассмотреть. В руках мужчина нес вертикальный белый стяг с острой верхушкой. Таша прислушалась: мужчина что-то бормотал еле слышимое. Валентин посмотрел на Ташу, ожидая, что и на этот раз она догадалась, что за странный монашек прошел мимо них и остановился в двух метрах.

Агенты проверяли пассажиров второй машины. Мимо Кнута, по тротуару прошла небольшая группа людей, одетых в белые и серые одежды. Большинство из них — мужчины, несколько женщин. Все они также были бриты наголо. Впереди них шел флагоносец с белым знаменем. Они остановились, поравнявшись с мужчиной, пришедшим первым. Один из агентов подошел к остановившейся группе людей.

— По-моему, проблема решилась сама собой, — Кнут окинул взглядом салон машины.

— Что атахидам понадобилось здесь? — Таша, наконец, ответила на немой вопрос Валентина. Но от этого не стало легче.

— Кто это?

— Последователи новой бионической философии об энергии, — пояснила Таша.

— Что-то мне подсказывает, что эти группы демонстрантов из разных лагерей?

— Из враждующих, — уточнила Таша, — но до открытых столкновений не доходило пока...

По тротуарам с обеих сторон дороги шли люди с небольшими транспарантами и флагами. Таша разглядела, что на большинстве стягов были изображены две полусферы — символ учения бионика Атахида Зи Ландры. Второй офицер оторвался от проверки

документов, увидев, что учеников-атахидов становится все больше. Он подозвал к себе полицейских.

Атахиды по обеим сторонам дороги прибывали. В один голос они произносили непонятные слова. Их головы были наклонены к земле, а глаза едва открыты. Это был их путь — не глаза вели их, но знание о бионическое силе.

— Так, дела идут нехорошо, — вдруг произнес Кнут.

Он заметил, что второй агент, стоящий в окружении офицеров полиции, взял рацию и стал с кем-то связываться. Внезапно из толпы митингующих в сторону людей с полусферами полетела бутылка. Агенты и офицеры напряглись. Двое полицейских направились в сторону толпы митингующих, от которой отделился молодой парень, ругающийся на чем свет стоит. Люди с транспарантами стояли все так же негромко произнося понятные только для них слова. Офицеры разговаривали с парнем, пытаясь урезонить его, но слова их были лишь камнями, брошенными в бурную реку. Резкая жестикуляция в сторону людей с транспарантами привлекала все больше внимания толпы митингующих. К бунтующему парню подошел агент. В ту же минуту из толпы вышли еще трое крепких мужчин. Они встали рядом с парнем и грубо вмешались в разговор.

Агенту и офицерам полиции не удавалось сдерживать натиск бушующих эмоций и, под словесным напором препеирающихся они медленно отходили назад. Одновременно, как по приказу, бурный поток замедлил свой ход, а потом и вовсе стал уплотняться на перекрестке. Бритоголовые монахи в знак добрых намерений складывали руки в молитве и не отрывая взгляда от земли, продолжали произносить непонятные слова. Второй агент настойчивее и громче что-то требовал по рации.

Уже через минуту происходящее больше напоминало спор двух команд болельщиков, разделенных несколькими метрами асфальта. Оставалось нажать на спусковой крючок. Из толпы митингующих, в сторону молящихся полетели несколько камней. Быстро посоветовавшись, агенты подбегали к машинам и просили пассажиров как можно быстрее покинуть их. К сдерживающим толпу офицерам поспешили еще шестеро. Они сцепились руками и, призывая к спокойствию, стали живым щитом между митингующими и молящимися людьми, прося их всех разойтись. Тем временем, агент подбежал к машине Таши. Он постучал в дверь водителя и резко ее открыл. Опешивший от неожиданности водитель хлопал глазами, опасаясь реакции агента и своих господ.

— Уходите отсюда! — командовал агент. — В машине еще кто-нибудь есть?! — и он заглянул в салон, где его глазам предстала интересная картина. Теперь уже агент не знал, что делать. Слегка растерявшись, он застыл на месте, но мгновение спустя он схватился за рацию. Как вдруг! Кнут резко выскочил из машины и оглушил офицера чем-то тяжелым. Второй агент, увидев это, почти мгновенно достал пистолет, но камень, запущенный из толпы, пробил ему висок. Офицер рухнул на землю. Толпа издала дикий рев и приливная волна митингующих смела офицеров полиции.

— Бежим! — приказал Кнут. Все, кто сидел в машине высыпались на улицу и рванули в сторону ближайшего переулка.

— Зачем ты это сделал?! — визжала кое-как бегущая на каблуках Лера. — Они арестуют тебя, потом меня!

— А ты думаешь, кто-нибудь из них отсюда выберется? — злобно фыркнул Кнут.

Лера обернулась назад и увидела, что люди на перекрестке перемешались в массовой драке друг с другом. Под натиском толпы раздавался звон стекла и скрежетали машины;

крики людей, чьи тела сминали враждующие стороны, разносились по улицам. Словно дикие звери, митингующие, с неистовой яростью набрасывались на монахов, которые продолжали молиться и кланяться. Кто-то из атахидов бросался в самое пекло драки. Несмотря на меньшинство, они с неистовой яростью и нечеловеческой силой атаковали противника. Праведники, пять минут назад стоявшие с транспарантами и смиренно молившиеся, одним ударом отбрасывали противника на несколько метров. Несколькими неуловимыми движениями они ломали противникам конечности, пронзали тела острыми наконечниками своих транспарантов. Битва кипела — животная ярость пожирала все на своем пути! Белые и серые одеяния атахидов вскоре пропитались грязью, кровью и мочой.

Кнут резко свернул на небольшую улочку, его спутники едва поспевали за ним.

— Марс! — кричал Кнут. — Нужна машина!

Марс быстро соображал.

— Ювелирка! На Марии Чарской! — прокричал он.

Впереди, по главной дороге, стройными рядами шел отряд быстрого реагирования. За спиной раздался крик. Валентин обернулся. Разъяренная толпа бежала следом за ними.

Кнут вспомнил про старый отходной путь спрятанный в ювелирном магазине на улице Марии Чарской, одной из выдающихся оперных див нового времени. Нужно лишь преодолеть пару коротких улочек и они у цели. Марс, как всегда предложил самый оптимальный путь отхода. Кнут махнул рукой в сторону улицы, на которой находился магазин.

Толпа приближалась. Им были уже не интересны беглецы, свернувшие в переулок. Их целью был отряд спецподразделения полиции, вышедший к ним на встречу. Стройные ряды ОБР меняли порядок, выставляя на встречу толпе ростовые прозрачные щиты, из которых торчали стволы с оглушающими снарядами.

Кнут с Валентином первыми ворвались в магазин. Опешивший было охранник, узнал в потрепанном, изодранном мулате Марса и отступил. Завидев фасад ювелирного магазина, Таша наконец сообразила — это обходной путь, который был заложен еще при ее муже. Забежавшая последней, Лера успела коснуться крепкого пресса охранника через рубашку. Задержавшись в проеме открывшейся потайной двери, она кокетливо обернулась и помахала ручкой.

Кнут со спутниками бежали по темному коридору. Бледные лампы под потолком едва освещали путь. Вел отряд беглецов Марс, он отлично помнил путь и быстро сворачивал на поворотах. Следом за ним бежала Таша — однажды ей чуть не представилась возможность воспользоваться этим путем для спасения своей жизни. Это было время, когда могила ее мужа еще не остыла, а на нее уже совершили покушение. Произошло это во время переговоров в этом самом магазине. И если бы не потайная дверь — лежать бы Таше рядом со своим мужем.

Следом за сестрой, не отступая ни на шаг, бежал Кнут. Валентин своими широкими плечами задевал стены, и на особо резких поворотах ему приходилось маневрировать. Последней, не разбирая дороги и ничего толком не видя, кроме массивной спины Вали, семенила злющая Лера. Каждый раз, на поворотах, худенькая дамочка умудрялась врезаться в стены. Матерясь и проклиная все на свете, она бежала, пытаясь не отстать. Скоро в коридор ворвался яркий свет. Марс открыл дверь черного входа на другом конце здания. Куда ни глянь, везде горели машины. Жуткий запах гари заставлял морщиться. Крики бушующей толпы доносились отовсюду.

— Там, в переулке, — Марс указал рукой на скрытый тенью домов закуток. — Машина отступления на стоянке через квартал.

В переулке на стене здания находилась пожарная лестница.

— Через крышу по пожарному ходу проберемся на многоуровневую парковку, — объяснял Марс.

Кнут кивнул головой и первым полез на лестницу. За ним остальные. Лера взвыла, понимая, что сейчас ей предстоит карабкаться по стальным ступеням. Но приближающиеся крики толпы заставили ее ножки зашустрить по асфальту, а затем и чумазные ручки вцепиться в перекладины лестницы.

Вскоре они поднялись на крышу. Их путь лежал через проход на соседнее высотное здание. Через него они окажутся на пятом этаже парковки, где их ждет машина, оставленная специально для экстренных случаев. Клубы дыма вращались живыми извивающимися черными колоннами в свинцовые небо. Совсем рядом раздались выстрелы. Вой сирен, истощный лай собак и рев толпы доносились отовсюду.

Раздался взрыв! Здание тряхнуло с невероятной силой, сбив всех с ног. Огромные куски камней, метала и дерева падали градом. Кнут вскочил на ноги, схватил за руку сестру — поднял ее. Марс держал дверь на технический этаж открытой.

Валентин пришел в себя, встал на ноги, схватил перепуганную Леру и перекинул ее через плечо. Бежали быстро. Лишь один раз Таша обернулась. В нескольких километрах от них, с черно-серых, перекачивающихся волнами туч, на землю медленно спускался столб черного густого дыма, похожий на смерч. Раздались выстрелы, крик толпы стал казаться диким воем стаи. Кто-то позвал ее по имени. Из открытой двери показалась изрезанная рука, схватившая ее. Но Таша не могла оторвать глаз от столба дыма. Страхом прикованная, она смотрела, как несколько сгустков, словно по дымящейся трубе, спускались вниз. Эхо снова отозвалось ее именем, и рука изо всех сил потянула Ташу. Дверь захлопнулась.

Через двадцать минут они вошли на пятый этаж высотной автостоянки, где была припаркована машина на экстренные случаи с тонированными стеклами. Марс хотел было открыть дверь перед Кнутом, но тот приказал ему садиться за руль. Лера попыталась возмутиться перед закрытой дверью, но за спиной у нее раздался режущий голос Таши. Дернувшись как испуганный кролик, Лера открыла дверь и юркнула в норку.

Марс тронулся с места, и машина направилась к подземным этажам стоянки. Из которых вел длинный тоннель протяженностью в километр. Он аккуратно проходил под улицами и кварталами объятами беспорядками. Впереди был Большой проспект, на который они выехали через несколько минут. Здесь было тихо. Даже запаха гари не чувствовалось. Лишь вдалеке виднелись столбы черного дыма и смог, окутавший район.

Таша не смотрела в окно. Она старательно затирала в мыслях картины увиденного с крыши: это просто стресс и шок от происходящего — сюр и не более того. Страх потерять Кнута и Лера... конечно же, как же без этой нахальной суки?! Ведь все что произошло дурного в ее жизни, начиная со смерти мужа, так или иначе происходило при участии Леры. Таша откинулась на спинку сидения, стараясь думать о доме. Об их большой квартире и тишине, царившей в ней.

Через два часа Кнут и Таша были дома. Отличившегося храбростью Валентина, они пригласили к себе, Леру же они оставили в ее любимой гостинице «Валор», недалеко от центра Петрополиса. О доме она не хотела и слышать. Впрочем, физически она не пострадала. И единственное, чего ей не хватало, это душистой и горячей ванны в обществе

двух пар мужских рук. Ведь только они могли залечить образовавшиеся душевные раны.

Близилась ночь. Спрятанный от неба тучами, город быстро погружался во мрак. Даже миллионы уличных фонарей не могли справиться с наступающей темнотой. Она, словно черная вата, затыкала все улицы, обволакивала фонарные столбы и сверкающие вывески. От бывшего хаоса не осталось и следа. Городские службы дрессированно выполняли свою работу. Ничего не должно было напоминать об уличных столкновениях. Достаточно того, что вездесущая пресса уже завтра выйдет с громкими и кровавыми заголовками о погибших.

Кнут стоял напротив большого зеркала в ванной. Его слабо рельефный, матового цвета торс был покрыт многочисленными ссадинами и багрово-красными царапинами. На груди красовался давно затянувшийся шрам. Других ран на теле Кнута не было. Он еще раз внимательно оглядел себя в зеркале — бледный призрак с шершавой кожей, без каких-либо изъянов и множеством мелких царапин. Идеально слепленное тело манекена без сосков отражалось в зеркале, с одной лишь оговоркой — оно умело двигаться, думать и мстить. Кнут знал эмоции ненависти и как ими пользоваться, но все же он смотрел на себя без отвращения. Он ухмыльнулся чему-то своему и потянулся за свежей белой рубашкой, заранее приготовленной и висевшей на вешалке. Идеально отглаженная, с высоким воротником, скрывающим тонкую шею.

В Малую гостиную Кнут спустился самым последним. Таша уже заканчивала поливать свои любимые фиалки и петунии. Хотя в любимчиках значились и все остальные многочисленные растения, из-за которых Кнут прозвал эту гостиную «зеленой». Их было так много и в таком разнообразии, что больше комната была похожа не на уютный уголок зимнего сада, а на беспорядочный склад растений. Таша любила цветы. И любила покупать новые гибридные сорта.

Валентин, одетый в чистую серую футболку и темные брюки, стоял возле книжных полок и не без интереса изучал многочисленные книжные собрания. Одежду на могучего богатыря нашли не сразу, но на счастье в комнате Марса, который иногда ночевал здесь, нашлась подходящая.

— Я поражен, — восхищался гость, перебирая книгу за книгой.

— Кнут просто помешан на всей этой ерунде, — сухо выдала Таша, даже не обернувшись.

Для нее эта тема давно получила ярлык надоедливой и приевшейся. Хотя ее не поднимали с тех пор, как они в последний раз приглашали в дом гостей.

— Из-за бредовых идей в них, — продолжила Таша, говоря о книгах, — у Кнута повышенное чувство справедливости.

— Справедливости? — Валентин взял еще одну книгу. — «Посвященным о запретном. Управляем энергией внутри нас» — прочитал он название.

— Хоть я никогда не запрещала ему читать подобную литературу, но была против нее. Для меня — это дурь. Она промывает мозги и хуже любого наркотика.

— Ты так говоришь о своем брате?

— Я о тех, кому эти книжки голову забивают.

— К счастью я избежал этой участи, — в разговор вмешался Кнут, стоявший у лестницы, на второй этаж гостиной.

Таша посмотрела на брата.

— Все в порядке, — понял немой вопрос Кнут.

Валентин съезжился, словно его застали родители за неблагоприятным поступком.

— Нет, можешь их почитать, — Кнута забавляло то, как Валентин шустро ставит книги обратно. — Даже могу посоветовать обратить внимание и на следующую серию. Проследить, так сказать, за эволюцией мысли автора: от энергии внутри нас, до помещения этой энергии в нас через бионические имплантаты.

Одна из книг глухо шлепнулась на пол, раскрывшись на странице с изображением непонятных символов. Все они обладали чертами того, что был на флагах молящихся на улицах города, но полностью идентичного ему, впрочем, не было. Валентин поднял книгу и еще раз взглянул на ее название «Путь открытого разума» за авторством Атахиды Зи Ландры. Он пролистал несколько страниц. Вчитался в несколько абзацев, которые заставили его губы сжаться в гримасе отвращения. На последней странице предстал герб с флагов учеников-атахидов. Под изображением сфер красивым, но сложно читаемым шрифтом было выведено: «Путь единения».

— Что общего между теми праведниками и этой книгой? — спросил Валентин.

Кнут молча подошел к книжному стеллажу, бегло окинул взором книги и достал толстый том в жестком, багрового цвета, переплете. На обложке темно-синими чернилами, едва читалось название «Правь Вселенной внутри себя».

Валентин ничего не понял. Кнут направился к барной стойке у дальней стены, напротив книжных полок.

— Тебе у нас долго гостить, времени разобраться что к чему у тебя будет предостаточно.

— В каком смысле? — уточнил Валентин.

— Считай это любезностью, — Кнут обернулся, продолжая спиной продвигаться к стойке. — У нас давно не было гостей. Так что располагайся — гостевая комната в твоём распоряжении.

Валентин снова посмотрел на книги в руках.

— И все же, в чем связь между праведниками и всем этим? — снова задал вопрос Валентин.

— За то время, что тебя здесь не было, в России получили широкое распространение несколько философских учений, — не без удовольствия пояснял Кнут, — а объединяет их всех культ разума — так его называет официальная церковь, а властям они известны как общество «Бионического сопряжения разумов». Однако чаще их называют учениками-атахидами, так как являются последователями учения философа Атахиды Зи Ландры, — Кнут достал синий martini, бокал и лед. — Ты что-нибудь будешь?

— Пожалуй, водки. Ее ведь не окончательно запретили?

Кнут улыбнулся чему-то своему.

— Твоя сестра назвала Зи Ландру биоником...

— Это он себя так называет, — в разговор вмешалась Таша.

— Зи Ландра напичкал себя множеством мутагенов и бионическими имплантатами, — пояснил Кнут, — а в последних своих проповедях утверждает, что прошел полное бионическое перерождение клеток мозга.

— Я что-то слышал об этом, — хмурился Валентин. — Новый бионический мессия... Что-то читал по этому поводу.

— А те придурки, что напали... на праведников, как ты их назвал, всесторонние радикалы, так я их называю, — с отвращением отвесила Таша. — Это псевдогражданское объединение, готовое пасть в руки и левых, и правых, туда где им теплее кажется. Сейчас

они защищают свое право «на чистую кровь». Бред, конечно.

Кнут подошел к сестре и вручил ей бокал мартини со льдом.

— Ученики Зи Ландры, я так понимаю, любят изменять свое тело всякими имплантатами. Радикалы — считают это не правильным. Хм, и за это они яростно вцепились друг другу в глотки? — Валентин смотрел то на Ташу, то на Кнута.

— Ну не поделили они между собой чего-то, нам-то разница от этого? — Кнут налил Валентину стопку и пустил по барной стойке.

Валентин, не удовлетворившись ответом Кнута, посмотрел на Ташу.

— А давно в России за другие взгляды громят друг другу черепа при свете дня? И где, черт возьми, ваша полиция? Тут войны кланов какие-то! — Валентин подошел к стойке и осушил стопку.

— У них, — Таша начала объяснять, — стычки происходят чуть ли не каждую неделю. Отморозки из радикалов часто совершают налеты на приходы праведников. В этот раз кто-то в мэрии просчитался и поставил два митинга впритык друг к другу. А может радикалы свернули не туда. В этом городе всегда было полно всякого рода движений и зачастую они не ладили друг с другом. Хотя, я согласна, сегодня они перешли границы, — Таша пригубила бокал синего мартини и мило улыбнулась Валентину.

Тот взглянул на книги.

— Марс занялся усилением охраны наших объектов, — Таша посмотрела на Кнута.

— Ты бы дала ему сначала перевести дух.

— А то ты его не знаешь? — отмахнулась Таша. — Ему не хватило хватки в метро: ринулся защищать наши владения.

— Думаю, вряд ли стоит ожидать продолжения сегодняшнего, — заключил Кнут. — Придуркам нужно было поиграть мускулами, но они получили отпор. Хм, кто бы мог подумать, что эти праведники станут защищать себя.

— Да еще как! — изумлялся Валентин. — Я видел, как один из этих святош дрался с невероятной силой, хотя был раза в три меньше меня! Это все бионика?

— У святош есть собственная боевая школа, — добавил Кнут. — Но, определенно без имплантатов тут не обошлось. Другое дело, что до сегодняшнего дня они не демонстрировали свои способности.

— И все-таки это странно, — не сдавался Валентин.

— Это потому, что ты не живешь в России, — Таша протянула пустой бокал в сторону брата. Кнут взял бокал и вернулся к стойке. Достав чистый, он налил еще мартини и вручил его сестре. — Спасибо, милый. Здесь давно все свихнулись на новом эволюционном скачке человечества.

— Бионическое имплантирование распространено повсеместно, но чтобы так агрессивно... — поразился Валентин.

— Главное то, что мы вовремя выбрались из этой заварушки, — подытожил Кнут.

— Я почитаю их на досуге, — Валентин направился к креслу у журнального столика. — А информацию по беспорядкам все же пробью через свои каналы.

— У тебя есть свои каналы? — Таша колко посмотрела на гостя.

— Думаю лучше будет сначала заняться нашими общими делами, — Кнут достал стакан и демонстративно громко поставил на стойку.

— Ничего не имею против, но безопасность важнее всего, — парировал Валентин.

— Твое право, здоровяк, — улыбнулась Таша. — Но что касается наших праведных дел,

то позволь, братик, я выскажу тебе свое резюмирующее: я ведь тебя предупредила, — Таша сияла ехидной улыбкой.

— Насчет Леры? Ерунда.

— У нее почти получилось.

— Что? Убить меня или украсть бомбы?

— Ты опять за свое? Она устроила твою встречу с Валентором, она знала, что вы поедете в Старое метро. У нее было достаточно времени, чтобы подготовить неожиданную встречу.

— Валя, как ты думаешь: ты заодно с Лерой? — Кнут неожиданно перевел стрелки на Валентина. Тот оторвался от книг и с недоверием посмотрел на Кнута.

— Не понимаю твоего юмора Кнут, дело серьезное, — сухо поддержал Валентин.

Кнута это забавляло, но он продолжил парировать:

— Если предположить, что Лера причастна к этому, то возникает резонный вопрос: а в чем смысл?

— Ты ищешь смысл или пытаешься оправдать ее? — Таша не уступала.

— А ты уже вынесла ей приговор?

— Не отвечай вопросом на вопрос, Кнут!

— Лера тебя действительно достала. Прямо пылаешь...

— Здесь нет ничего смешного. Сегодня на моих глазах тебя чуть не убили! Здесь нет ничего смешного! — Таша не на шутку распалялась.

— Таша...

— Перестань Кнут! — отрезала она.

— Хорошо, ладно... Во-первых, меня не пытались убить, а пытались захватить бомбы.

— И тебя это успокаивает?! — Таша была в недоумении.

— Если честно, то да. Они охотились за бомбами, а раз так, то Лера здесь ни при чем. Зачем они ей?

— А факт того, что рядом с тобой человек, который все время ищет способ тебя убрать, уже не беспокоит? Я поражаюсь, с какой легкостью ты об этом говоришь!

— Меня поражает другое — что это были за твари в метро? Это сейчас действительно важно.

Таша понурила голову.

— Сестренка, все будет хорошо. Я знаю, что Лера твой и мой враг, но она и мой партнер. На что способна Лера, мне известно. И именно поэтому я не отпущу ее от себя.

— Ты все держишь под контролем?

— Именно так. Беспокоиться о Лере мне некогда. Да и серьезных причин подозревать ее в предательстве пока нет.

— А то, что она сбежала с грузовиком из грота? Разве это не достаточное основание, чтобы ее отлучить? — Таша ухватила за последнюю соломинку.

— Инквизиторша, — ухмыльнулся Кнут. — Лера, конечно, уехала с грузовиком и бомбами, но она вернулась.

— Ты ее оправдываешь! Ты боишься признать, что она воткнула тебе нож в спину и совершила проступок у тебя за спиной, который ты не смог предугадать?

— Что заставило Леру уехать с грузовиком, мы не знаем. Те твари или ее больной мозг, сжигаемый ненавистью к тебе — мы не знаем. Я не хочу утверждать того, в чем не уверен. Знаю одно — Лере сейчас не выгодно мое падение. Может она и собиралась прикарманить

бомбы, да в последний момент подумала: что это она с ними будет делать? Да и смерть моя от этих тварей вдруг так ее напугала, что она вернулась и спасла нас.

— Вот видишь...

— Я вижу, что за моими бомбами кто-то охотится. И мне жутко хочется знать, кто? Кто так ловок, что сумел пробраться в Старое метро, не дав себя обнаружить?

— Мне донесли, что федералы готовят какой-то сюрприз для химических боссов, — Валентин подал голос.

— А вы осведомлены о действиях силовых структур, — Кнут удивился не тому, что сказал Валентин, а тому, что он об этом знает.

Валентин замялся.

— Предлог, по которому я приехал в Россию, заставляет быть особенно осторожным. Я связался со своими друзьями здесь и навел справки...

— Ах, эти ваши... каналы. Я думала, что, убегая из России, враги народа сжигают за собой все мосты? — перебила Таша.

Валентин злобно посмотрел на нее.

— Мосты — да, но черный ход всегда оставить можно.

— Таша, хватит, — полуприказным тоном одернул сестру Кнут. — Мы знаем, что федеральные власти готовят большую операцию против химбатов. И их лидеры — главная цель. Более того, они разрабатывают эту операцию вот уже два года.

— А ты спокоен... — Валентин усмехнулся. — Мне ли не знать, что значит жить под колпаком.

— Мой брат всегда слишком спокоен, — с досадой произнесла Таша.

— Я спокоен потому, что они не знают кого ловить. Им не известны ни устройство, ни функции, ни имена главарей химбатов. За два года, кроме шестерок, они не поймали никого ценного. Куда им до меня?! Рано еще! Спасибо за версию, Валентин, но она меня не устраивает, — Кнут отмахнулся. Он уже думал о ней сидя в грузовике, увозившем их из Старого метро, и отмел ее.

— От чего так? За тобой охотятся... — Валентин пытался настоять на своем.

— И не только федералы, как мы видели, — Кнут с пренебрежением посмотрел на Валентина. — Я еще не выжил из ума и мои глаза видели что и твои. Если эти твари были переодетыми людьми...

— Зачем людьми? — перебил Валентин. — Всем известно, что Россия — самая большая лаборатория генной инженерии. Вот ведь смешно! Больше всего именно Россия выступает против всей этой мутагенной дряни, но именно сама она ее и производит.

— Так то народ против, а Федерации наруку эта массовая сознательность. Ей ведь так легко управлять, — Кнут обдумывал слова Валентина.

— Тебе понравилась моя версия, не так ли? — Валентин готов был праздновать победу.

— Боюсь снова тебя расстроить. Если я не знаю о том, что власти производят мутантов — их не существует, — злобно произнес Кнут.

— А, может, ты просто не все контролируешь? — упирался Валентин.

Кнут не ответил. Он подошел к журнальному столику, на котором находился небольшой белый аппарат. Пара легких нажатий и из аппарата высунулся маленький девайс с-образной формы, который Кнут надел на ухо. В ту же секунду Таша загородила собой брата, встав перед Валентином.

— Не желаете ли чаю? — она улыбнулась идеальной улыбкой без каких-либо морщин,

которые, обычно, так изящно подчеркивают красоту женского лица.

Валентин не стал делать попыток услышать разговор Кнута и встал из кресла.

— С удовольствием, — улыбнулся он.

Таша указала на дверь в коридор, приглашая пройти в другую комнату. Валентин подчинился. Выходя из гостиной, Таша плавным движением руки нажала на одну из кнопок на стене, отвечающую за звуконепроницаемость, и плотно закрыла дверь.

— Какой чай предпочитаете? — любезно поинтересовалась она, взяв лидерство и ведя гостя за собой.

— А у вас он разный? — съязвил Валентин.

— Изысков Индии и чопорности Англии вы здесь не найдете, но вкусный и ароматный чай для вас я сделаю, — ответила Таша.

— Простите, я не в том смысле, — Валентин сообразил, что сказал что-то не так, — я хотел сказать, что ты... э-э, вы... э-э, — Валентин мялся словно школьник.

— Ты удивился, что я умею заваривать чай? — Таша резко остановилась и обернулась.

— Да, — от неожиданности выдал Валентин.

Таша улыбнулась.

— Мы пришли, — она повернулась к затемненной стене и раздвинула двери.

Это была уютная чайная комната, в пастельных уютных тонах, без новомодного кича, специально для гостей, уставших от шума и суеты. Здесь было все что необходимо для отдыха: мягкие кресла и диваны, изящно изогнутые кушетки, на которых время летит незаметно, но королем здесь был камин. Возле него стояли два кресла, на которых частенько сидели Кнут и Таша, предаваясь долгим рассуждениям.

Таша зажгла свет и сразу же убавила его яркость. Помещение окрасилось в нежный, ласкающий глаз, оттенок. Легкий полумрак комнаты тепло принимал гостей. Таша предложила Валентину разжечь камин, а сама направилась через гостиную на кухню. В последнее время она редко готовила чай, как того требовал семейный обычай. От традиций всегда отвлекал хоровод мыслей и переживаний. Но почему-то сейчас ей захотелось заварить чай. Не успела она поставить чашки на стол, как из гостиной донесся голос Валентина, а потом он и сам показался в дверном проеме. На смущенном лице читалось недовольство сложившейся ситуации:

— Прости, а как его зажигать? Там нет кнопки.

Таша улыбнулась.

— Кнут — любитель разжигать огонь по старинке. Там, справа от камина замаскированная под стену дверца шкафа, в нем лежат дрова.

Валентин быстро удалился, так как улыбка Таши хоть и была изысканно красивой, но подтверждала его оплошность. Когда же Таша вышла с чашками горячего чая, она увидела, что Кнут сам разжигает камин, а Валентин виновато стоит рядом. В эту минуту вся холеная суровость и грубость Валентина вдруг куда-то делась. Здоровенный амбал с детским интересом наблюдает, как Кнут складывает дрова в камин, поправляет их, разводит огонь.

— Что же ты не сказал, что уже поговорил по телефону? Я и тебе бы налила чая, — Таша поставила чашки на столик, рядом с которым стояла кушетка и два мягких стула, по удобству больше походивших на кресла.

— Я выпью молока, — Кнут оторвался от любимого камина и пошел к барной стойке, не обращая внимания на удивленный взгляд Валентина.

Таша уже удобно расположилась на кушетке в полулежачей позе.

— Ты не перестаешь меня удивлять, — изумлялся Валентин. — В этом секрет твоего спокойствия?

Кнут не сразу понял, о чем говорил Валентин, его мысли сейчас были далеки от бытовых тем.

— Оно полезнее, — сухо, даже немного грубо, ответил Кнут.

— Может быть, может быть. Но все же вернемся к нашим баранам. Твой план, Кнут, неожиданно натолкнулся на преграду, которая хочет и может тебе помешать, — Валентин сел в одно из кресел рядом с камином и стал наблюдать, как занимается пламя меж поленьев, — а учитывая, что планы твои носят чуть ли не глобальный характер, то риск возрастает.

— К чему ты клонишь? Отказаться захотел?

— Думаю, если бы я отказался, то завтра мой труп нашли в моей гостинице, а причину смерти так и не сумели бы установить. Современные яды убивают, не оставляя следов. Я бы сказал... нежно, — Валентин рассмеялся. Момент двухлетней давности, вдруг так ясно возник у него в голове, что от избытка чувств он не смог сдержаться. — Думаю, мы прояснили ситуацию?

— Разумеется, — Кнут допил из стакана и потянулся за новой порцией молока. — Так к чему ты клонишь?

— К тому: а не стоит ли попридержать коней? Залечь, притаиться — сам же сказал, что федералы рыщут вокруг. Да еще и эти твари. Тяжело будет вести игру на два фронта.

— Промедление смерти подобно, так говорят, — ответил Кнут.

— Кто спешит... — начала Таша.

— Тот в капкан угодит, — парировал Кнут. — Довольно!

Компромисса Кнут не искал. Он взял стакан с молоком и прошел ко второму креслу, рядом с Валентином.

— Товар для моих бомб должен быть доставлен через три дня, — медленно попивая молоко, Кнут смотрел на огонь.

— Плюс-минус? — уточнял Валентин.

— Никаких погрешностей. Три дня — максимум, который у вас есть!

— Придется поднапрячься...

— Уж изволь. Первая часть суммы уже отправлена на предоставленные счета. Ее достаточно, чтобы полностью оплатить вагон с «пыльцой» и твои билеты. Вторую часть переведут, как только товар прибудет, и я проверю его качество. Учитывая гостеприимство моей сестры — твое пребывание в России окажется максимально приятным.

— Что ж, — ухмыльнулся Валентин, — мне нравится, что ты не откладываешь дела в долгий ящик. Товар будет отправлен как можно скорее, — Валентин полез в карман штанов и достал прозрачный телефон.

— Тут не ловит, — раздался хрустальный голос Таши.

Валентин подумал, что это шутка. Но лицо Кнута было невозмутимо.

— Это же деловой центр?

— Предосторожность, — Таша улыбнулась и сделала последний глоток остывающего чая, — на столике слева — телефон. Воспользуйтесь им.

— Видимо гостить у вас мне придется до самого отлета?

Валентин замялся. Он перевел взгляд на огонь, но почувствовал, как в него пристально всматривается Кнут. Тяжелый взгляд темных глаз на бледно-сером лице был неприятен и

тяжел. Валентин встал из кресла и направился к телефону. Выбора у него не было. С правилами этой игры он согласился сам.

Глава 29. Последний танец с гамбитом

Кнут создал для своего гостя самые комфортные условия, которые только может оказать малознакомый человек. В душе Валентин радовался, что спит на огромной кровати, на чистых отглаженных простынях, пахнущих лепестками каких-то цветов. Но на поверку выходило, что он всего-навсего пленник. Кнут ясно дал ему понять, что его отсутствие крайне нежелательно. Впрочем, Валентин и сам это прекрасно понимал. Таша распорядилась, чтобы их гостю доставили вещи из его гостиницы. Сама она взяла небольшой отпуск, чтобы поработать эти дни дома. Валентин радовался, что его заточение будет скрашено долгими беседами с прекрасной дамой.

Кнут не появлялся дома вот уже четвертый день. Но для него это было нормой. Ему было достаточно мира за дверью фешенебельной квартиры. И чем холоднее и темнее в нем было, тем комфортнее Кнут себя чувствовал. Хотя никогда не скрывал, что любил отсыпаться на своей удобной кровати и поутру надевать на тело холодную, отглаженную рубашку с высоким воротником. Он вдыхал ее аромат и носил ее, притворяясь обычным человеком.

Оставались считанные дни до осуществления первой части его плана. В одном из гротов Старого метро Кнут с тремя безликими помощниками выбирал места, где должны быть спрятаны цилиндры. После произошедшего в катакомбах химбатов, Кнут приказал обработать грузовики и цилиндры биореагентом, скрывающим их химический след. Осматривая разрушенные тоннели и место схватки, Кнут понял, как эти монстры обнаружили их. Его сыскари нашли в пещерах несколько странных сломанных приспособлений, отдаленно напоминавших дыхательные маски. Покопавшись в их устройстве, Кнут обнаружил множественную систему фильтрации, интегрированную в микросхемы и узлы связи. Эти твари использовали совершенно иной способ поиска и, очевидно, он работал превосходно. Но кто или что они? Ответов не было. Кнут приказал отвезти один из цилиндров в Ломоносовский район и схоронить грузовик на подземных складах под Черными озерами, другой отвезти в хранилище под старым царским парком в Павловском районе, третий грузовик спрятать под стадионом в Великопетровском парке. Все три места были оборудованы необходимым минимумом для завершения комплектации бомб. До срока оставалось шесть дней.

За Биологическим центром круглосуточно следили 18 наблюдающих химбатов. Они менялись, переодевались, прятались, — Кнут был великолепным дрессировщиком. Его глазами были попрошайки, прокаженные и бомжи. Даже одетый в спортивный костюм горожанин на утренней прогулке мог оказаться его агентом. Кнут пристально следил за поведением федеральных служб. Каждый день ему доносили о состоянии дел в Химграде. За последний месяц в наукоград было стянуто два дополнительных батальона спецреагирования ФСБ. Все они прибыли в город в штатском и на разном транспорте. Но это не помогло им скрыться от зорких глаз смотрящих. Их выдавало то, что отряды поселили преимущественно в одном районе. Кнут предполагал, что их могут использовать для блокирования периметра вокруг города. Несмотря на то, что имеющихся подразделений в Химграде не достаточно для его полной осады, перекрыть въездные трассы они могли.

Допустить это, значит позволить занести топор над всей операцией. Нужен был отвлекающий маневр. Повышенное внимание чистокровок к Химграду и просачивающиеся слухи о готовящихся терактах где-то в Петрополисе сильно мешали. Но именно их Кнут и собирался использовать для создания дымовой завесы. Удар должен быть взвешенным, чтобы не нанести фатального вреда химбатам, но достаточно убедительным, чтобы не вызвать подозрений. И Кнут выбрал идеальный для этого объект — водонасосная станция в Красных борах на юго-востоке Петрополиса.

Кнут стоял перед высоким зеркалом, наклоненным на каменную стену. Поправляя темно-синий воротник с едва заметным узором, он смотрел на свое отражение и представлял цепочку предстоящих событий. Совсем рядом снуют его люди. Они заняты последними приготовлениями к захвату станции в Красных борах. Оставалось дело за малым — Кнут отправлялся на свидание. Он накинул на себя короткое синее пальто и направился к главному тоннелю, где его ждала машина. Последние отряды химбатов, участвующих в операции, занимали свои позиции на дальних подступах к водонасосной станции. Они продвигались под землей. Около года назад Кнут приказал прорыть дополнительные тоннели с выходами на поверхность в районе станции. Они были очень узкими, но достаточно широкими для самого крупного человека в отряде. Химбаты выходили на исходные позиции. В половине пятого вечера Кнут постучался в дверь с номером 277.

Открыла Елана. Она была одета в черно-белое вечернее платье до колен. В ее прямые черные волосы были вплетены серебряные струйки дождя — старомодное, но все еще красивое украшение. Она была почти без макияжа — всегда не любила его. Ее естественный румянец горел даже в бледном свете коридорного освещения. Кнут улыбнулся. Ему хотелось, чтобы сердце его съезжилось и жалостно начало биться в своей сумке, как когда-то при первой их встрече. Но оно молчало. Лишь бледные воспоминания о былых чувствах. Кнут протянул бледную руку; Елана ухватила за нее.

— Такая горячая, — неожиданно для себя произнесла она.

— Я нагрел ее для тебя, — Кнут сказал чистую правду, но Елана подумала, что это милая шутка-отговорка.

— Я почему-то боялась, что ты не придешь, — Елана вышла за порог квартиры и оказалась очень близко к Кнуту. На плечи она накинула болеро с серебряными застежками.

Она была на голову ниже него и упиралась прямо в грудь. Хорошо. Так его костные черепные пластины будут меньше всего заметны для нее. Вызывать жалость или отвращение не входило в его планы. Кнут не шевелился. Он хотел, чтобы Елана почувствовала его аромат, услышала, как бьется его сердце, которое он разогнал по случаю. Елана посмотрела в глаза Кнуту, но встретив прямой пожирающий взгляд, опустила голову, почти коснувшись лбом его груди. Кнут сделал шаг назад, выпуская Елану на свободу.

— Ведь я прислал письмо, — Кнут встал боком, предлагая взять его под руку. Впрочем, пусть она видит с кем идет. Удлиненный деформированный череп хорошо было видно с этой позиции. Елана кротко улыбнулась, увидев его голову. Для нее это не стало сюрпризом. Она уже видела его таким. И давно определилась, как себя вести.

— Которое стало для меня полной неожиданностью, — Елана закрыла дверь, положила ключ в клатч и взяла Кнута под руку.

— И я рад что ты согласилась.

— А если бы нет? — Елана игриво поглядывала на кавалера.

— Тогда бы я простоял под твоей дверью весь вечер и ночь и, сжавившись, тебе

пришлось бы меня впустить.

— А если бы меня не было дома?

— Тогда я выглядел бы дураком, умоляющим дверь впустить меня.

Елана улыбнулась. Она сдержала смешинку, ощутив неприятное чувство сжимающихся стен.

Они повернули к лестнице и спустились на первый этаж. Пожилой швейцар проводил их учтивым взглядом, пройдясь по бледному кавалеру с лысым уродливым черепом подозрительным взором. Кнут заметил это. В ту же секунду мужчина схватился за висок, будто в него ударили чем-то острым, и отпрянул назад. У парадной их ждала машина, покрытая глубокой трехмерной изумрудной краской. Во время движения кажется, что верхний слой становится прозрачным, а нижние слои двигаются и искрятся. Кнут открыл дверь и помог сесть Елане. Обходя машину сзади, он осмотрел улицу и, прикрыв глаза, вслушался в ее дыхание. Слежки не было — все шло, как и планировал Кнут. Федеральные агенты идут по следу, оставленному специально для них. Машина дернулась с места, унося двоих в сгущающиеся сумерки.

— Ты ведь даже не сомневался, что я поеду? — Елана держалась руками за сиденье, положив сумочку на колени. Она заметно волновалась.

Внутри нее боролись две силы, одна из которых твердила ей об ошибке сегодняшнего вечера; другая — что она вольна поступать так, как ей хочется. Она давно не виделась с ним. Но он всегда оставался в ее памяти высоким галантным джентльменом, пусть и с нелегкой жизнью за плечами. Она считала его другом, попавшим в переplet, которому иногда требуется ее эмоциональная поддержка. Часть Еланы ощущала, что за ним идет холодный след, но то было ее неокрепшее чутье силовика. Сейчас же оно, как и ее женственность, находилось в плену его дурманящего аромата, смешанного с дорогим парфюмом. И она готова была таять как мороженное, поднесенное слишком близко к огню.

— Я знал, что ты не откажешься, — не сводя глаз с дороги, ответил он.

— Как всегда самоуверен.

— Нет, — Кнут посмотрел ей в глаза, — просто хорошо тебя знаю.

Елана не смогла сдержать улыбку. Слова, сказанные им, грели ее. Она чувствовала, что находится в заботливых и крепких руках. В тайне от самой себя, Елана всегда надеялась, что Кнут где-то рядом, что он следит за ней. Иногда она даже оборачивалась на улице, почувствовав жаркий взгляд на своей шее. Это должно быть он, — кому еще я всегда нужна как не ему? Но каждый раз на улице никого кроме обычных прохожих не было. Она продолжала свой путь, веря в то, что находится под защитой высокого мужчины с бледной кожей.

Елана с интересом рассматривала прохожих. Их машина стояла на перекрестке, пропуская поток транспорта, сливающихся в цветную реку. Ей было приятно ловить любопытные взгляды, прикованные к их машине. Она всегда представляла, как идет по улице с Кириллом, и он держит ее за руку, а все прохожие оборачиваются на них или просто смотрят с интересом. Она как девочка еще крепче сжимала бы руку своего единственного и благодарила Бога за такую возможность. Елана вздрогнула! Широкая ладонь Кнута коснулась ее руки. Его бледно-серое лицо сияло в закатных лучах догорающего дня. Деформированная макушка головы была скрыта приятной оранжевой дымкой.

Кнут смотрел на нее серыми глазами, представляя свою жизнь иначе. Он грел ее холодную ладонь своей, прокручивая воспоминания и желания, которые когда-то бушевали.

И стоило погрузиться в мысли немного глубже, как в его холодных глазах отразилась нечаянная нежность. Раздались сигналы машин! Недовольные ожиданием водители торопили карету «влюбленных». Кнут улыбнулся и положил руку на руль. Машина понеслась вперед. Скоро они выехали на автостраду, ведущую в Петрополис.

— Так далеко? — удивилась Елана планам Кнута.

— В Химграде скучно, — отмахиваясь, ответил он.

— Правда? И чего же там нет, что есть в Петрополисе?

— Нас, — уверенно констатировал Кнут. — У нас большая культурная программа. И город ботаников нам не поможет ее реализовать, — Кнут надавил педаль, позволяя машине влиться в общий скоростной поток. После чего нажал на кнопку на руле управления, передав главенство системе контроля за траекторией движения. На сверхскоростной трассе лучше не рисковать. Дорожная и контрольная системы машины обеспечивают полную безопасность.

Елана расслабилась. Ей нравилось, что ее везут в этот большой муравейник, который так многие ненавидели. Ведь она обожала его! Огни мегагорода манили ее как светлячка, но она была очень привязана к Химграду. С одной стороны работой, которая не была пределом ее мечтаний, но выполняла ее старательно и идеально. С другой — ее держал Кирилл, которого она готова была превозносить выше своих желаний: жить в Петрополисе и работать в космопорте. Хотя в последнее время она уже не была уверена: держат ли ее отношения с Кириллом или то, что она цепляется за них. Елана посмотрела на сосредоточенного Кнута. Ей надоело смотреть на золотые бусины фонарных столбов, уходящих к пылающему горизонту. «О чем же ты думаешь?», — ей так хотелось это знать. Что у него в голове, в этой странной высококобой коробке? Она надеялась, что мысли о ней. Но почему в голове столь загадочного для нее человека должна быть непременно она — девушка, у которой есть парень? Елана хмыкнула.

— Ты давно хотела попасть в оперу, — заговорил Кнут.

— Не может быть? — Елана делала несмелое предположение, ей хотелось прокричать, но вдруг все-таки ошиблась.

— Я подумал, сегодня последний день, когда маэстро Геаргон дает представление и почему бы не пригласить тебя. Пошел в кассу Мариинской оперы, и ты не поверишь — два билета осталось, — на лице Кнута красовалась озорная играющая улыбочка.

— Что ты говоришь! — смеялась Елана; она, конечно же, не верила, — как удачно и не говори.

Кнут бросил быстрый взгляд на светящуюся Елану.

— Удивительно, — она была поглощена в нахлынувшие волнительные эмоции, — ты спланировал эту встречу так давно? Как это все необычно.

Елана отдавалась эмоциям. Она впервые посетит Мариинский оперный дворец — историческую и самую прекрасную из всех оперных сцен Петрополиса. Она знала, что достать билеты на представление туда просто невозможно для обычного человека. Все упирается не только в цену, но и время — билеты, как правило, распродаются на шесть месяцев вперед. Поэтому поход туда был действительно событием, к которому нужно было подготовиться заранее.

— Это потрясающе, — Елана не могла поверить в реальность свалившегося на нее счастья.

Она, словно ребенок в мыльной пене хлопала в ладоши и ловила невидимые пузыри. Приближающиеся огни мегамуравейника стали вдруг еще желаннее и ярче.

— А мы не опоздаем? — спохватилась она, вспоминая о пробках на дорогах.

— Нет, — улыбнулся Кнут, — у нас на все хватит времени.

Елана откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Она представляла, как входит в легендарный театр. Кто она такая, трепетала Елана, чтобы вдруг вот так, порхая, боясь даже коснуться дорогих полов, войти в главный оперный храм? Душа ее готова была вырваться из тела и быстрее всех машин рвануть напрямик к Мариинскому.

— Спасибо тебе, — Елана смотрела на Кнута как на ангела.

— Я рад, что тебе моя идея понравилась.

— Да ты шутишь? Это восхитительная идея! Теперь я понимаю зачем нужно было вечернее платье.

— Ну, хорошо, что оно у тебя нашлось, — пошутил Кнут.

Елана играючи ударила его по плечу.

— Что у витязей нет личной жизни, думаешь? Мы все солдафоны и ходим лишь по пивнушкам да в дешевые клубы?

— Да, — улыбнулся Кнут.

Елана смеялась.

— Эй, посмотри на меня. Потому что я еду в Мариинский театр, — хихикнула Елана.

Кнут подтверждал свой непредсказуемый темперамент. Он всегда удивлял и любил наблюдать за тем как люди, не ожидавшие от него определенных поступков, тонут в эмоциях. Не считая строгости во внешнем виде и чрезмерно тяжелого взгляда, Кнут остался тем же, каким Елана всегда его помнила. Рядом с ним она чувствовала себя в безопасности, ощущала его тепло, заботливо огораживающее от холодной весны, но не мешающее ею наслаждаться. Он, как заботливый ее хранитель, всегда возникал в самый подходящий момент, когда ей в очередной раз предстояло броситься в омут чувств. И сейчас, когда она отдавалась обрушившейся на нее всепоглощающей невесомости, она не понимала, как крепко застряла в эмоциональном болоте. Мерзком и гадком. Неужели она превратилась в человека любящего страдания? В прошлом она гордилась тем, что с такой легкостью преодолевает одно препятствие за другим. Что стойко стоит на своем, продолжая любить и доказывать свою любовь. Но все чаще она стала ловить себя на мысли, что это всепоглощающее терпение, жажда преодолевать, оставляет гадостный осадок... будто тебя используют. Или это ты идешь на все, чтобы страдать. Чтобы ощутить, как маскирующееся под любовь чувство сдавливает легкие и касается самого сердца. Ведь ты любишь и по-прежнему любима. Или все это иллюзия и пустота... И развеять ее, что разрубить узел — отказаться от ощущения нужности и наполненности.

Машина ворвалась в Петрополис стремительно. Елана любила сидеть рядом с водителем. Проносющаяся картина доставляла наивысшее удовольствие. Жадно выхватывая самые красивые здания и витрины, Елана не замечала ни серости лиц прохожих, ни нависшей над готовящимися к ночной жизни улицами пелены гримасничающих облаков. Она, подобно электрону, на огромной скорости неслась по трассе, теряясь среди сияющих стекол и бетона.

Ей попадались на глаза гуляющие парочки. В какой-то момент Елане показалось, что на одной из улиц влюблены были все. Какие-то уличные артисты давали представление, окруженные толпой зрителей. Ей так хотелось задержаться здесь, послушать, о чем же они поют. Вдруг с ее стороны открылась дверь. Она сначала испугалась, что на полном ходу вывалится. Но машина стояла на месте. Елана не заметила, как Кнут остановил автомобиль.

вышел и открыл перед ней дверь машины. Она запищала от радости. Кавалер протянул ей руку. Ухватившись, Елана выпорхнула из машины и, подпрыгивая, побежала вперед к артистам.

— А мы не опоздаем? — опомнившись, произнесла она.

Кнут помотал головой. Он следил за временем и мог подарить ей еще одну неожиданную минуту радости. Елана пробиралась сквозь толпу поближе к артистам. Кнут стоял неподалеку. Даже на расстоянии он ясно ощущал, что она чувствует, как поет внутри и смеется. Он слышал ее мысли и в них было все, но не было в них Кирилла. На лице появилась незваная ухмылка, которую он смазал, как только из толпы к нему вышла Елана.

— Мы точно не опоздаем? — радуясь, спросила она.

— Со временем все в порядке. Ты готова ехать?

Елана покружилась на месте и улыбаясь кивнула. Без умолку она болтала до самой Театральной площади. Выступление артистов, крики восторженной толпы — столько эмоций. В какой-то момент она стихла, почувствовав, что стала похожа на радио без рекламы и песен. Совесть помявшись, она посмотрела на Кнута. Он выглядел счастливым. Во всяком случае, ей очень хотелось в это верить.

— Мне кажется, что ты так хорошо меня чувствуешь и понимаешь, что это как-то противоестественно, — тающим голосом поделилась она.

— Думаю, близкие люди всегда понимают друг друга.

— Наверное, но порой мне тебя так сложно расшифровать.

— Ну, в этом не твоя вина, — Кнут улыбнулся Елане и коснулся ее обнаженного плеча.

Их изумрудная остановилась на перекрестке в паре кварталов от Театральной площади.

— Зачем все это? — Елана посмотрела на руку Кнута.

Догадавшись, что заставил ее чувствовать себя неловко, он убрал руку.

— Не беспокойся это не ухаживание.

Елана откинула голову на подголовник, продолжая смотреть на Кнута. Она думала о тех днях, когда он еще пытался завоевать ее сердце. Ровным строем они проносились мимо ее глаз. Тогда он был жизнерадостным и полным надежд, как бездонный океан. Он цеплялся за дружбу с Кириллом и всегда светился, когда она была рядом. Тогда он любил ее и не скрывал этого. И когда она выбрала не его — он продолжал хранить Елану в своем сердце. Ей это, конечно же, льстило. Но потом она поняла, что причиняет ему много страданий. Несбыточные надежды, которые она дарила, нужно было развеять. Они остались друзьями, но мужской дружбе пришел конец.

Когда именно это произошло, Елана не смогла вспомнить. Это произошло вдруг, резко. Кнут пропал, исчез из поля зрения. Ушел из института. Многим тогда от этого стало легче, но не ей. Елана чувствовала свою вину. И долго мучилась, считая, что лишила Кнута будущего. И в первый ее кризис с Кириллом появился он — Кнут с жестким взглядом, но ласковый и галантный. Тогда она впервые ощутила присутствие за его спиной чего-то мрачного. Да и он не скрывал этого от нее — просто всего не говорил. Тогда Елана впервые предположила, что разрыв с Кириллом произошел не из-за нее. Но главное — он остался ее другом. После Кнут пропал. На несколько лет. И каждый раз появляясь, он дарил ей частичку своего тепла, украшал для нее жизнь огнями, соперничавшими своим волшебством со звездами на небосклоне.

Они свернули на улицу Глинки. От Мариинского театра их отделял всего один квартал — один перекресток. Ярко освещенная площадь горделиво встречала прибывающих. Елана

смотрела вперед как замороженная. Сердце билось в груди словно мотылек, бьющийся о стекло. Елана положила руку на грудь — она так близка к своей мечте. Свет фонарей осветил ее лицо, заставив сверкнуть на глазах восторженные слезинки.

Они остановились на парковке и, не дожидаясь пока Кнут обойдет машину, Елана выпорхнула из нее, поспешив прижаться к нему. Кнут был доволен. Его счастливая спутница светилась улыбкой и едва сдерживала довольный писк. На удивление, но Кнута все это грело.

— Ты готова стать сияющей жемчужиной этого дворца? — Кнут нежно обнял ее.

— Да-да-да, — шепотом тараторила она. Елана взяла его под руку и попыталась собраться, чтобы не выглядеть нелепой девчонкой.

Мариинский широко распахнул свои двери. Кнут с Еланой прошли по красной дорожке, как и полагалось почетным гостям. Приятным обволакивающим теплом блистательных ценителей встречало двухуровневое фойе. Яркий свет лился отовсюду: с потолка из огромных кристалльных люстр, с подсвеченных стен из оникса. Мраморный пол отражал свет и умножал его сияние. Каждый входящий ощущал себя плывущим по волнам из света. Елана оглянулась: стеклянный фасад здания манил к себе взгляд, захватывая дух каждого, кто впервые попадал сюда. Он был огромен и легок одновременно. Елана растворялась — свет поглощал ее. Она ощущала дыхание здания, его вибрацию и ее сердце начинало биться в унисон с сердцем дворца.

Кнут повел Елану в зрительный зал — близилось начало представления. По пути в ложу Елана разглядывала отделку и убранство театра. Она поражалась с какой роскошью и трепетным отношением все было сделано. Елана попыталась даже найти изъян в светильнике на стене, но все в нем было безупречно. Сделанный на совесть и столь же аккуратно закрепленный на стене он переливался светом, роняя преломляющиеся лучи на лицо Еланы. Ей хотелось взлететь, стать неосязаемой и летать по коридорам, проникая сквозь стены, потолки. Она обернулась и увидела довольную ухмылку Кнута. Он действительно был доволен. Через несколько метров они вошли в дверь на бельэтаж в Буковый зал, названный так из-за цвета и присутствия в отделке облицовочных панелей из этого дерева. Елана хотела закричать от удовольствия, но сдержалась. Она как дитя вертелась в кресле и смотрела по сторонам. Кнут достал электронный девайс. На его экране светилось сообщение от неизвестного абонента: «Павел выехал. Скоро будет». Прочитав сообщение, Кнут удалил его. Отряды химватов приближались к водоочистой станции. Кнут улыбнулся, увидев, что Елана смотрит на него.

— Не волнуйся, моя работа не отвлечет нас от представления, — Кнут показал ей экран прибора и нажал на кнопку. — Видишь? Выключил. Не люблю смешивать работу и отдых, но ей плевать на него.

В мыслях Еланы не было претензий, но она была рада услышать эти слова от друга. Хотя, что-то ей подсказывало, что Кнут не жалуется оперу. Уж слишком сосредоточенный вид говорил о том, что он равнодушен к этому высококультурному мероприятию. Но сегодняшний вечер должен быть просто идеальным и незачем разрушать его думами непонятного характера. В конце концов, Кнут дарил это представление ей, а, значит, все замечательно. Зал наполнился неспешными зрителями, предвкушающими зрелище. Погас свет, Елана затаила дыхание. Лишь глухой стук сердца заполнял обрушившуюся тишину.

Кнут вслушивался в биение сердца Еланы. Он смотрел на нее, немного повернув голову. Ему нравилось, как она выглядит. Ее волосы с вплетенным украшением казались такими

необычными и притягательными. Он улыбнулся мыслям: как мало красивого он видел так близко, что можно прикоснуться и сжать в руках. Да так сильно, что можно навредить. Кнут закрывал глаза и чувствовал, как трепетно стучит сердце единственного человека, которому он когда-то готов был отдать свое. Чтобы немного отвлечься, Кнут перевел думы на соседней по ложе.

Он читал их и чувствовал их эмоции. Рядом с ним сидела состоятельная пара лет 38–40. Они были частыми гостями в Мариинском, но ходили сюда только из-за его статуса. Им было наплевать на происходящее на сцене. Больше их интересовало, что происходит в ложах: кто в них сидит и во что одет. Где-то среди гостей был тот, ради кого они пришли сюда, ради кого показывали свои возможности. Позади них сидела пожилая пара: мужчине было лет 60, женщина, по-видимому, была его ровесницей, но на вид старше. Они не были столь уж богаты, чтобы позволить себе поход в такое дорогое место. Но копили деньги и с удовольствием готовились к такому большому событию. Они даже покупали наряды перед посещением представлений. Они наслаждались происходящим на сцене и ловили каждый звук и жест артистов. Кнут понурил голову. Мысли состоятельной парочки вызывали у него отвращение. Они обсуждали всех, кто попадался им на глаза. Устав от этого, Кнут вернулся к Елане.

Он смотрел на нее и ему абсолютно не хотелось знать, о чем она думает. По ее лицу было видно, как ей хорошо и что она наслаждается каждым мгновением присутствия здесь. Кнут закрыл глаза. Он слушал пение и заглушал свои собственные мысли. Елана была права в своих догадках, что Кнут не любит оперу, но он ценил ее силу в способности заглушить его разум тогда, когда у него нет на это сил. Здесь он отдыхал и наслаждался. Не без удовольствия закрывая глаза, он отключался от потока бесконечной информации, перегружающей мозг. Словно в постели с оперой, где чистый человеческий голос, исполненный силы, пронизывал его насквозь.

Время в опере пролетело очень быстро. Единственный антракт на радость Еланы пролетел незаметно и представление, которое разыгрывалось у нее перед глазами, с новой силой обрушилось на нее. Время скоротечно. Представление завершилось. Елана была в восторге: она пересказывала понравившиеся моменты, то и дело, хватая Кнута за руку. Опера наяву отличалась от того, что рисовал ее мозг после просмотров десятков записей. Пока Елана благоговейно рассказывала о прекрасных часах, Кнут включил экран монитора своего девайса. И получил следующее сообщение: «Мама рада твоему приезду и надеется, что ты останешься надолго» — отряды химбатов вышли на расчетные позиции и ждут, когда им откроют двери. Кнут взял Елану за руку и направился к выходу.

— Я очень рад, что тебе понравилось.

Они вышли на улицу. Холодный воздух ревниво щипал за кожу. Елана заерзала, но спасительное пальто Кнута бережно накрыло ее.

— А как же ты? — посмотрела она благодарным взглядом.

— Этот холод для меня не страшен, — уверенно сказал Кнут и повел ее к машине.

На радость Еланы в салоне было уже тепло. Кнут предусмотрительно включил двигатель за несколько минут до выхода из оперы. Положив на заднее сиденье пальто, Елана с улыбкой встретила садящегося в машину Кнута.

— Этот вечер надолго мне запомнится, — смакуя представление, произнесла она.

— О чем ты? — удивленно посмотрел Кнут. — Он еще не закончился.

— Как? — улыбнулась Елена.

Она была уже готова снять туфли и в расслабленном состоянии провести обратный путь до дома.

— Сейчас мы поедем в самое необычное место в Петрополисе, — Кнут нажал на педали и начал разворачиваться.

— Куда же?

— Скоро ты сама все увидишь, — улыбался Кнут. — Маленькая подсказка: сейчас там жарко и светло.

Машина выехала на улицу Глинки и направилась к Большому проспекту. Это был самый быстрый способ выехать из старой части Петрополиса. Всю дорогу Елана делала предположения. Загадочность Кнута только распалила в ней желание узнать о пункте назначения раньше, чем они доберутся. Но Кнут был не умолим. Он лишь делал намеки да незначительные подсказки, мучая и потешаясь над Еланой. Она смотрела на дорогу, пытаясь узнать район, в котором находится. Ей нужны были подсказки. В этой части города было много высотных зданий. Здесь действовала поправка на высотное строительство, которое снимала любые ограничения на этажность. Елана всматривалась в витрины, площади, пытаясь узнать достопримечательности. И скоро она поняла, где они находятся.

— Красные боры! — воскликнула она.

Кнут сдался. Он раскрыл путь назначения — Красные холмы, парковый комплекс в районе Красных боров. Однако, к его удивлению, Елана не знала, что там находится.

— Ты не следишь за новостями? — потешался Кнут.

К своему наслаждению он нашел дополнительный повод для шуток над солдафонами, которые ничего вокруг себя не замечают. Елана отбивалась как могла. При этом пытаясь выяснить, что ее ждет на Красных холмах. Она прокручивала в голове все, что знала о них. Но ничего выдающегося, кроме как одно из популярных мест отдыха горожан, в мыслях не возникало. Елана от обиды стукнула Кнута по плечу. Но этого наказания было для него явно недостаточно. Елана обижено надула губки и уставилась в сторону. Но стоило Кнуту свернуть на Монастырскую улицу, служившую парадной Холмов, Елана засияла улыбкой и прокричала:

— Фестиваль огня?!

— Ну, наконец-то! А всего-то стоило увидеть танцующие огоньки на горизонте.

Кнут вышел из машины, достал пальто и открыл дверь Елане. Она стала плотно укутываться.

— Не застегивайся, — Кнут вел ее в парк, — там тепло, поверь мне.

Неподалеку виднелось множество палаток и строений. Повсюду горели огни. Они извивались в некоем подобии танца, словно маленькие огненные змейки, пытающиеся вырваться на волю из призрачной темницы. Фестиваль огня — это ярмарка, на которой самые отчаянные и экстремальные огнепоклонники демонстрировали свою ловкость и бесстрашие в покорении стихии огня. Подходя ко входу на ярмарку, Елана сильно пожалела, что не обулась во что-нибудь подходящее. Кнут взял ее за руку и повел к одной из торгующих палаток. Это был обувной закуток, где торговали огнеупорными, как рекламировалось, сандалиями. Елана не могла поверить, что здесь нашлась обувь, да еще и та, что ей понравится. Переодевшись в алые ботиночки на низком каблучке, Елана была вне себя от счастья. Они начали проходить вглубь огромной ярмарки. Повсюду горело дрессированное пламя. По улочкам между посетителями прохаживали огнепоклонники и даже целые группы. Они готовились к своим выступлениям, завоеывая любовь публики еще на подходах

к главному состязанию.

— Я проголодалась, — кокетливо заявила Елана.

— Если честно, то я тоже, — Кнут огляделся.

Он помнил, что где-то здесь должен быть чудесный ресторанный уголок с несколькими закусочными.

— Вон указатели, — увидела Елана.

Ведомые направляющими стрелочками, они вскоре вышли на площадку с закусочными. Столики под открытым небом. Дождя сегодня не предвидится и зонтики были сложены, давая больше простора для наблюдения за танцующими огнями, пролетающими над головами. Отовсюду лилась ритмичная музыка. Рядом с рестораниками располагалась большая площадь, на которой ожидалось главное представление — состязание в покорении огня. Сейчас там разминались выступающие. Но уже через несколько минут огненный император — главный церемониймейстер, эпатажно вышедший на передний план, «прогнал» неуклюжих пожирателей и глотателей огненного пойла. «Время высекать ногами искры!», — прокричал, завершая свою речь, император. И за выстрелами из огненных пушек загрохотал зажигательный ритм. Толпа жаждущих потрясти телом рванула на танцпол, на который вышли восемь огненных девушек, одетых в едва прикрывающие тела оранжево-красные платица.

Кнут и Елана сидели за столиком рестораника «Не обожгись», где к горячим блюдам подавали особо острые соусы. Увлечшись едой, Елана впервые за несколько часов, не считая просмотра оперы, молчала. Она смешливо двигала носом, стараясь не набивать полный рот, несмотря на голод. Кнут ел не торопясь. Он незаметно посмотрел на небольшую башенку с часами и указателями, стоявшую рядом с рестораниками. Принесли напитки.

— Скажите, до главного состязания еще далеко? — поинтересовался Кнут.

— Представление уже скоро начнется, — улыбнулся парень официант, посмотрев на прекрасную Елану, потом на Кнута.

Кнут поймал брезгливый взгляд юноши, но не стал напрягаться и читать его мысли. Образ красавицы и чудовища не покидал его самого ни на секунду.

— Я думала сегодня гала-концерт только будет, — дожевывая последний кусочек, Елана потянулась за стаканом с чистой водой.

— Концерт будет завтра, а сегодня финалисты будут разыгрывать огненный кубок, — Кнут посмотрел в сторону площади, на которой бесновалась толпа. Танцпол был подсвечен красным, а на обуви, что продавалась на ярмарке, была специальная подошва, которая высекала искры.

— Хочешь тряхнуть? — Елана отвлекла Кнута от главной площади.

— Стариной? — улыбнулся он, смазывая взгляд настигнутого врасплох.

Елана рассмеялась.

— Да, пойдём, — она сделала пару глотков и поставила стакан на стол.

— Я не против, — Кнут встал из-за стола и жестом подозвал официанта, который их обслуживал.

Он протянул ему крупную купюру в оплату за ужин и попросил, чтобы этот столик оставили за ним — он еще вернется. Официант, прикинув размер чаевых в остатке, раскланялся и помчался за барную стойку, где нашел потрепанную табличку: «Резерв». «Следи», — Кнут пальцем указал на пальто, лежащее на третьем стуле, и направился к танцполу. Елана не продвигалась вглубь людского моря, ожидая, когда к ней подойдет ее

высокий кавалер.

В огненных всполохах все казалось оранжевым и таким горячим. Елана извивалась как ручной огонь на ладони, разгораясь с каждой минутой. Кнут прокручивал в памяти их дни в его клубе. Тогда он не был его владельцем, но его связи позволяли ему приводить с собой кого угодно и когда угодно. Елана не растеряла былого мастерства и танцевала как настоящее пламя, рвущееся к небесам, высекая искры из-под ног. Кнут в своем костюме выглядел немного не к месту. Слишком строгий, слишком официальный. Но перед ним была та, с которой его связывали приятные воспоминания. В нем не было сомнений и стеснения — он танцевал вместе с ней. Ему хотелось быть с ней и зажечь!

В его пронзительных серых глазах отражалось пламя, вырывавшееся языками ввысь по периметру площади. От Кнута исходил жар, разогревающий воздух и всех, кто был рядом. С ним Елана чувствовала себя раскрепощенной и желаннее. Она чувствовала, что между ними проскакивают не только искры. В ее глазах отражался он, страстно прижимающий ее. В его глазах сверкала оранжевым всполохом она — трепещущая и мечущаяся от нахлынувших чувств и бурных эмоций. Они отдавались танцу импульсивно и в такт ударных, что разгоняли их кровь. Горячие пальцы, влажные ладони и обжигающее учащенное дыхание — Елана горела факелом. От нее веяло жаром, она сверкала тысячами искр. В черных волосах ее было не серебро, но язычки огня.

Они прижимались и ласкали тела друг друга. Кнут ощущал, как маняще вибрирует ее кожа. Как пульсируют ее запястья, когда он держится за них и крепко сжимает. Капельки пота стекали по ее шее. Губы в желании разомкнулись. Они переливались оранжевым блеском, маня к себе. Ее глаза искали его. В груди, жадно вдыхавшей кислород, колотилось красное сердце. Кнут обнял ее за талию и с силой прижал к себе. Ей хотелось чувствовать его, и она вцепилась ему в спину. Он смотрел в ее расширенные зрачки, ощущал руками, как сильно она взмокла. Елана читала его вожеление, горячее дыхание у самого лица. Он разомкнул губы; наклонился и она поцеловала его.

Толпа ревела, превращаясь в огненное море. Искры летели в разные стороны. Ритм музыки высекал послушное пламя. И все это замерло в секунду близости и яркого поцелуя. Кнут крепко сжимал ее хрупкое тело и целовал ее так, как всегда желал. Он ласкал ее так, как представлял когда-то давно. Ее обжигали его губы, она чувствовала его язык и насколько он влажен. Она отдавалась ему вся, стискивая свои пальцы на его спине. Перед ней проносилось все то, о чем он думал в те дни, когда был готов ради нее на все. И все горело огнем! Перед ней горело дикое пламя, с которым она сливалась в поцелуе. Ей хотелось дышать, но она не могла, она не готова была отпустить его — дать ему отстраниться, отойти на шаг, чтобы все это превратилось в сон — прошедший вечер. Из глаз Еланы побежала слеза. Она крепко прижималась к нему. Произнося в мыслях одну лишь фразу: «Ну почему не он?». Шальная вспышка и плеть холодного воздуха резанула по их бушующему костру. Кнут открыл глаза и медленно отстранился. Она гладила его по щеке, вглядывалась в его пронзительные глаза, желая коснуться его губ еще разок.

— Пойдем, — сухо произнес Кнут. Он отпустил ее и медленно направился сквозь толпу к их столику.

Очнувшись от чувственного сна, Елана ощутила вкус горечи на губах. И зачем она только вспомнила о нем?! Оставалось лишь с сожалением смотреть сквозь беснующуюся толпу, борясь с отвращением, поднимающимся откуда-то из глубины. Ей нужно было вырваться с танцпола, уйти, сбежать поскорее! Кнута она уже не видела. «Иди же!», —

подстегнула Елана сама себя и вышла из толпы.

Брошенная, она подошла к столику, прижимая руки к телу. Прохладный воздух неприятно касался разогретой кожи. Елана понурила голову, чувствуя за собой вину. Будто ляпнула что-то в самый неподходящий момент, но ведь она молчала! Кнут недобро смотрел на нее, отчего желание сбежать только усилилось.

— Садись, — не приветливо произнес Кнут.

За спиной Еланы, на площади, раздался голос императора фестиваля. Он приказал музыке стихнуть и внимать ему. Приближалась торжественная часть. Елана не обращала на это никакого внимания. Она лишь с удивлением смотрела на Кнута. Все тот же сосредоточенный взгляд, но на этот раз никакого намека на тепло припрятанное для нее. Кнут протянул ей пальто.

— Может мы... — она хотела предложить отправиться домой.

— Накинь, мы еще задержимся.

Елана чувствовала что-то неладное. Она не могла понять причины изменения настроения ее кавалера. Накидывая пальто, она виновато понурила голову. Краем глаза она увидела, что Кнут заказал еще еды и напитки. Елане было все равно, ей хотелось уйти. Огненный фестиваль вдруг перестал быть радостным. Она ненавидела себя за слабость, за поцелуй. Ей было страшно от того, что он ей понравился. Желание провалиться сквозь землю овладевало ей, но почему-то именно Кнут удерживал ее от полного отчаяния. Он вел себя так, как будто ничего не произошло. Безэмоциональный голос, сосредоточенный стальной взгляд. Он ожидал заказ и наблюдал за подготовкой выступлений на площади. Официант принес напитки. Три высоких стакана — один напротив пустующего стула.

— Ты кого-то ждешь? — спросила она.

— Мы ждем, — не отрывая взгляда от центральной площади, где устанавливали ярусные сидения, — твоего отца.

Елана не ожидала такого ответа. Она нахмурилась и посмотрела назад. Знакомых лиц не было. Уставившись на Кнута, она никак не могла понять: это дурная шутка или он говорит серьезно. Своего отца она не видела почти год. Общались они редко, встречались еще меньше. И всегда при свидетелях: либо вместе с братьями, либо тетей; всегда одинаковый набор фраз: «да», «нет», «не хочу» и обязательный кивок вместо приветствия.

— Ты назначил ему встречу?

— Нет, но он вот-вот должен появиться, — не отрываясь от разрастающейся толпы зрителей, ответил Кнут.

— Это шутка?

— А вот и он, — Кнут встал со своего места и подошел к Елане. — Пройдем, здесь мне без твоей помощи не обойтись.

— Что ты задумал? — Елана не думала подчиняться. — Я не собираюсь с ним встречаться.

— Встань, — приказал Кнут железным голосом.

Елана подчинилась, сама не понимая, как вышла из-за стола. Он схватил ее руку каменной хваткой и повел за собой. Елана высматривала в толпе отца, но людей было слишком много и ее взгляд беспомощно блуждал между ними. Кнут же видел его — он шел быстро, огибая зрителей, приближаясь к крупному мужчине чуть выше среднего роста, лет пятидесяти, с густой черной шевелюрой. Одет он был по-простому: брюки, легкая куртка в синюю клетку нараспашку и тонкий зеленый свитер под ней. Он стоял с молодой, около

тридцати, дамой. Ухоженная и даже привлекательная. Впрочем, не красавица, единственным достоинством которой был округлый зад в широких бежевых штанах, не худенькая, с пышными формами, которые так и просились наружу из узенькой блузки, а распахнутая легкая курточка была даже слишком легкой, несмотря на фестивальную теплую обстановку. Однако Кнуту она приглянулась цветом своих волос, покрашенных термальной краской в пламенный цвет по случаю фестиваля. Вскоре Елана увидела отца.

— Константин Игоревич Нартов? — Кнут возник словно из неоткуда.

Елану он крепко держал позади себя на вытянутой руке. Расчет был верен: Елана не захотела даже поздороваться. Отец не заметил ее, и она не стала раскрывать своего присутствия.

— Вы кто? — мужчина с удивлением повернулся к бледному незнакомцу, чей вид заставил проглотить пару следующих слов.

— Вы меня не знаете, — спокойно ответил Кнут. — Но обстоятельства заставляют нас познакомиться ближе, — Елана дернулась, пытаясь вырваться.

— Молодой человек, вы не путаете ничего? — Константин Игоревич вздернул одну бровь и внимательно осмотрел странного бледного мужчину.

— Вовсе нет. Видите ли, мне необходима ваша помощь.

Толпа взревела — на площади показались главные участники — огнепоклонники.

— В чем? — Константину хотелось посмотреть выступление, но его внимание не могло переключиться от возникшего надоедливого препятствия. Этот незнакомец знает его по имени. Бледен как смерть, держит себя уверенно и разит взглядом, как копьём пронзает. Нартов стиснул зубы.

— Дело в том, что мне крайне необходимо попасть на водоочистную станцию, где вы работаете начальником охраны.

— Да что ты говоришь? — не до конца веря в происходящее, брезгливо улыбнулся Нартов.

— Именно так. Меня ждут важные и весьма неотложные дела на вашей станции. Время — деньги, — Кнут посмотрел на башню с часами. — Я прошу вас открыть пропускные пункты моим людям, чтобы они беспрепятственно вошли на территорию, — Кнут заметил, что отец Еланы намеревался перебить его, но он не позволил, — и чтобы вас достаточно мотивировать предлагаю вам взглянуть на того, кто стоит у меня за спиной, — Кнут сделал шаг в сторону.

Константин увидел дочь. Елану трясло от обиды. Неужели это происходит с ней? Кнут силой удерживает ее и заставляет смотреть на отца! И где вся ее злость, где упрямство и непокорность? На глазах толпились слезы.

— Ублюдок, — Нартов оправдал свою славу и ринулся на обидчика дочери.

Но Кнут резко дернул за руку Елану, да так сильно, что чуть не вывихнул сустав. Она оказалась между ним и отцом. Второй рукой он схватил ее шею. На указательном и среднем пальце у него были надеты стальные режущие когти.

— И не поднимайте шума, — невозмутимо произнес Кнут, сжимая пальцы на хрупкой шейке своей партнерши по зажигательным танцам. — Отошлите свою молодую жену, не говоря ей лишнего. Прошу поверить мне: если она что-нибудь сообщит полиции, то что-нибудь случится с вашей дочерью и, конечно же, с вами.

Кнут посмотрел на Нартова, ожидая, когда тот подчинится.

— Или мне и ее пригласить к нам за столик? — Кнут посмотрел на жену Константина,

не заметившую суеты рядом с ней. Удивительная чуткость, усмехался он.

Женщина увлеченно следила за представлением, приподнимаясь на цыпочках, чтобы разглядеть происходящее на арене.

— Мы будем вон за тем столиком, — Кнут указал рукой на единственное пустующее место. — И еще одно. Чтобы вы поняли, что со мной опасно шутить...

Кнут прищурил глаза и улыбнулся. Нартов заскулил, прижимая к вискам руки. В его голове проносились картины, которые Кнут показывал ему, одновременно вызывая дикую боль. Жена Константина поспешила к мужу на помощь, но он лишь гневно отмахнулся от нее. Посмотрев сквозь толпу, он пытался найти негодяя схватившего его дочь. Но людей стало слишком много.

Елана попыталась вырваться. Она рванула на Кнута, рассчитывая, что внезапность поможет ей вырвать руку из тисков пальцев. Но стоило ей попробовать ухватиться и вывернуть руку, как все предплечье прострелила адская режущая боль. Елана взвыла и опала, цепляясь за Кнута. Как он это делает?

— Зачем ты так?! — скулила она.

Его пальцы подобно когтям впивались в ее руку и самое обидное — казалось, он даже не заметил ее попытки вырваться.

— Заткнись, — будто камнем ударил, произнес Кнут. Он не останавливался.

— Неужели это ты? — Елана пыталась очнуться.

— Слова слабого человека, а ты должна быть сильной, — Кнут продолжал вести ее к столику.

— Зачем ты это делаешь?

— Ты все прекрасно слышала, не будь дурой.

— Отец не станет тебе помогать, — не унималась она.

— О, еще как станет. Ты даже не представляешь насколько ты ему дорога. Присаживайся, — Кнут отодвинул стул и наклонил голову к ее уху. — Не делай глупостей, прошу. Все пройдет спокойно. В моих планах нет твоей смерти, если только ты не сделаешь глупости... Присаживайся.

Кнут указал рукой на стул. Елана подчинилась. Она всхлипывала, поглаживая ноющую руку и ругала себя за капающие слезы. Кнут позвал официанта. Словно надрессированный, парень тут же стоял рядом.

— Уберите еду. Мне обновите напиток, пожалуй, чего-нибудь покрепче, но не сильно.

Через несколько минут из толпы вышел Константин. Горящим взглядом он искал столик, на который указал Кнут. Но все они были похожи и чем дольше взгляд блуждал, тем больше злился Константин. Кнут поднял руку вверх, привлекая внимание Нартова.

— Прощу. Мы вас ждали.

Константин грузно сел на стул, глядя на дочь. Она никогда не видела отца таким напуганным. Ему хотелось ей что-то сказать, но он не решался.

— Видишь, Елана, ты настолько запугала отца своей глупой детской ненавистью, что даже перед угрозой твоей жизни он не может слова проронить, — с явным недовольством высказался Кнут.

— Тебя это не касается, — Елана злобно посмотрела на того, кто недавно целовал ее в губы.

— Что вам нужно? — Нартов посмотрел на Кнута.

— Да что с вами, люди? — насмехался Кнут. — Я вам уже озвучил свою просьбу.

— Вы всерьез думаете, что вы сможете просто так войти на станцию? Даже если я дам ключи доступа...

— Мне не нужны ключи доступа. Если мои люди подойдут и начнут вводить пароль, то охрана поднимет тревогу. Вы держите меня за идиота?

Кнут посмотрел на Елану и покачал головой. Она вскочила со стула и побежала в сторону толпы. Константин ошарашено посмотрел на Кнута. Замахнувшись, он попытался ударить его, но Кнут ловко увернулся. Несколько быстрых движений и он схватил Нартова за шею и воткнул в него один из когтей. Пытаясь вырваться, Константин провоцировал более глубокое проникновение. Он смотрел на людей вокруг и не понимал, почему они не обращают на потасовку никакого внимания. Подошел официант.

— Ваш коктейль, — сказал он бесцветным голосом.

Константину стало страшно. Кнут применил болевой захват и усилив давление на коготь, попытался усадить его. Нартов подчинился. Усевшись на свой стул, Кнут посмотрел в ту сторону, куда убежала Елана.

— А вот и наша беглянка, — спокойно произнес он.

Елану вели под руки две крупные девушки. Они были одеты в костюмы участников шоу. Не доводя ее до столика, одна из девушек шепнула Елане что-то на ухо, и ее отпустили. Константин хотел было встать, но грозный взгляд Кнута пресек эту попытку. Елана дошла до своего места. Нартов и Кнут увидели, что справа, вдоль уха, у нее бежит ручеек крови. Елана села за стол и с ненавистью посмотрела на Кнута. Константин протянул руку к дочери, но она не взяла ее.

— Этого можно было избежать, — Кнут смотрел на рану. — Последнее предупреждение, специально для ретивых: если ты еще раз попробуешь убежать, то я отрежу твоему отцу что-нибудь, что не нужно ему для разговоров. Посмотрим, насколько ваша дочь ненавидит вас.

Елана посмотрела на отца. Из раны на его шее сочилась кровь.

— Итак. Доступ на водонасосную станцию, — Кнут пригубил стакан. — Мне нужно чтобы вы позвонили дежурному и сообщили ему о том, что через несколько минут должна будет подъехать ремонтная бригада. Что да почему — придумайте, сообразите — указ сверху.

Нартов злобно посмотрел на Кнута.

— Тебе это так с рук не сойдет.

— В ад уже никто не верит, а со спецслужбами у меня уже назначена встреча, — Кнут сделал несколько глотков. — Вы звонить-то будете?

Константин стукнул по столу. Он взял стакан и выпил коктейль залпом. Поморщившись от крепости напитка, он с силой поставил пустой стакан на стол.

— Они же их всех убьют, — сопротивлялся он.

— Я облегчу ваш груз предательства. В мои планы входит только захват насосной станции. Если там будут одни трупы, что помешает властям отобрать ее обратно?

— Вам понадобится живой щит, — сообразил Нартов.

— Я не сею мертвых, но использую живых людей — это гораздо эффективнее, — Кнут допил свой коктейль. — Звоните же.

— А если перестрелка? Кто-то может пострадать. У них же семьи!

— Прикажите им собраться в одном месте, — Кнут пожал плечами, — тогда моим людям будет проще обезвредить их. Такая забота об их семьях вас устраивает?

Константин ничего не ответил. Он достал из внутреннего кармана куртки телефон. Набирая номер, он смотрел на дочь. Елана тряслась от холода. Кровь возле уха потемнела. Рана была несерьезная. Кнут достал свой электронный аппарат и напечатал текстовое сообщение: «Через 15 минут приедет отец». Отослав послание, Кнут вслушивался в разговор Константина с дежурным. Он сообщил ему о бригаде ремонтников, которые должны вот-вот подъехать. Очевидно дежурный позволил себе некую вольность, и Нартов наорал на подчиненного, что ему хватает нервов от внезапных звонков начальства и он не намерен слушать чьи-либо причитания. Нартов смолк. Он обдумывал, как же ему поступить.

— Среди рабочих будет скаут из ОО... Да, подтвердилось... В этот раз получилось. Парням нужно быть вместе. Собери кто не спит в раздевалке что ли, так проще, — Константин повесил трубку.

— Особый отряд? — искренне удивился Кнут. — Они и среди охранников набор ведут? Но Нартов не ответил. Лишь сверлил глазами Кнута пытаясь проделать в его неправильном черепе дырку.

— Что ж, замечательно, — Кнут набрал сообщение с дополнительными инструкциями и нажал «отправить».

— Ты надеешься скрыться? — процедил Нартов.

— Давайте вы не будете сейчас со мной общаться? — Кнут был учтив, но холоден. — Иначе сболтнете чего-нибудь лишнего, что выдаст ваши планы, а мне бы так не хотелось вас убивать. Вы — отец, которого почти всю сознательную жизнь ненавидит эта особа. Вместо того чтобы что-то спрашивать у меня вы лучше постарайтесь найти подход к ней. А ты? — Кнут перевел взгляд на Елану, полностью подчинившуюся ему. — Твоя ненависть за мать превратила тебя в странное подобие слепца. Живешь чужой болью — это ты хорошо умеешь делать. Даже успешно вытеснила ею отцовскую любовь. Перед тобой отец, которого ты ненавидишь. Клялась, что убила бы его. Но вот тебе дан прекрасный шанс, но ты сидишь. Страдаешь, но недвижима как статуя. Пообщайтесь, родственники. А мне помолчать хочется — планов много — думать надо.

Кнут погрузился в мысли, поставив на стол маленький цилиндр не больше тюбика губной помады. Отец и дочь смотрели друг на друга не отрываясь. Ни у кого из них не было смелости первым начать разговор. Из глаз Еланы медленно стекали горячие слезы. Она смотрела на отца и жалость съедала ее. Из его шеи продолжала сочиться кровь. У нее раскалывалась голова и ее подташнивало от того, что видела предателя в облике друга и друга в облике предателя. Ей хотелось кинуться к отцу, прижаться к его груди. Вдруг это все окажется сном. Ведь не может ее ангел-хранитель оказаться простым бандитом, использовавшим ее. Но такого не могло произойти. Елана сидела за столиком рядом с чудовищем, мирно закрывшем глаза, наперед знающем, что ни она ни ее отец никуда не денутся. Его мягкий и нежный крючок, на который она попала, так сильно распорол ей грудь, что было больно даже дышать.

Константин медленно протянул по столу вторую руку к дочери. Он смотрел ей в глаза, пытаясь вселить в нее уверенность, не дать отчаянию в ее глазах спуститься в сердце. Он смотрел на нее и молил о прощении за то, что причинил, за горе, что испытала ее мать. Отец смотрел на дочь, желая прижать ее к крепкой груди и спрятать от монстра, поймавшего их в ловушку. Елана вцепилась в его ладони. Она крепко сжала отцовские руки. По щекам у обоих потекли слезы. В голове мутилось сознание. Все вокруг плыло. Елана посмотрела на Кнута и с ужасом обнаружила, что его рядом не было. Константин смотрел на пустой стул. В

расплывающихся образах к ним подплыл официант. Он что-то говорил, но ни Елана, ни Константин не могли разобрать. Голова резко потяжелела. Огонь, пылающий повсюду, густо перемешивался с ночным небом, словно краски на палитре. Голоса официанта уже не было слышно. Чернота опустилась на землю, поглощая все вокруг.

Через тридцать минут Кнут въехал на своей машине в главные ворота насосной станции. В его багажнике была шестнадцатилитровая емкость с реагентом. Отряды химбатов осадили главное здание и полностью контролировали все подходы. Встречал Кнута его помощник.

— Трое убитых значит? — Кнут всегда хорошо читал мысли своих ребят.

— Они...

— Схватились за оружие, знаю.

— Дежурные инженеры вместе с остальными охранниками в блоке для персонала, без сознания, — оставалось лишь добавить Марку, помощнику Кнута по организации нападения. Хотя и это его босс наверняка уже знает.

Кнут приказал достать бочку из его багажника. Он отправился в очистной блок. Там уже вовсю трудились инженеры химбатов. Они заканчивали подключать восемь емкостей с реагентами к трубопроводной системе, идущей после системы фильтров. Увидев хорошо сделанную работу, Кнут похвалил всех.

— Что же, давайте заражать этих людей, — он приказал открыть клапаны.

Датчики на емкостях сигнализировали о впрыскивании растворов в трубопровод. Кнут посмотрел на настенные часы: почти час ночи.

— Идем даже с небольшим опережением, — Кнут направился к выходу из цеха. — Следите за расходом реагента. Скорость подачи во всех емкостях должны быть одинаковой.

Кнут направился в директорский кабинет, с ним шел его помощник и еще один боец. Подойдя к приемной, Марк с подручным взломали дверь. Свет зажегся автоматически. Сигнализация не сработала, так как вся охранная система была отключена. Кабинет директора оказался небольшим, но обставленным со вкусом. Справа от входа стоял стол для совещаний. У дальней стены, по центру, рабочий. Кнут прошел к нему. Расположившись в директорском кресле, он кинул тяжелый взгляд в окно, снаружи которого были установлены автоматические заслонки. Подъехав на стуле к окну, через приоткрытые узкие ставни он увидел двор перед станцией. «Хороший вид», — подумал Кнут. Часы показывали пять минут второго ночи. Кнут вернулся к столу и взял с небольшой управляющей панели трубку телефона.

— Сообщи всем, — обратился он к Марку, — скоро подъедет полиция. Следите за периметром. С Терником и Равэлем, принимайте командование. Погаси свет и иди.

Помощник удалился в приемную, закрыв за собой дверь. Кнут набрал несложный номер экстренной службы и сообщил принявшему звонок оператору о том, что насосная станция Красных боров отныне является собственностью химических батальонов. Разговор был коротким. Кнут положил трубку, откинул кресло в режим «полулежа» и, развернувшись к окну, закрыл глаза. Так, даже через закрытые веки он увидит мерцание мигалок и услышит, если полиция опять будет столь глупа, сирены.

Во мраке мыслей проносился сегодняшний вечер. Он прокручивал его с самого начала: от не улыбкавшего швейцара, встретившего его, до приезда на фестиваль огня. Прекрасные часы с девушкой, которой он когда-то считал себя достойным. Когда-то он жаждал ее внимания и был готов быть ей вечным другом, лишь бы она чувствовала себя хорошо. Но

время бежит и люди меняются. Кнут изменился настолько, что растерял способность чувствовать где грань, за которой начинаются страдания. О них он знал многое. Что означает боль и какой она бывает на вкус. Однако год от года все тоньше была его связь с миром. Все реже он прибегал к воспоминаниям о былых эмоциях. Ему становилось это ненужным.

Через пять минут после звонка в полицию по всему административному блоку затрезвонили телефоны. Власти пытались выяснить: ложным ли был звонок? Но им никто не отвечал. Через двадцать минут к станции подъехала патрульная машина с проверкой. Подойдя к пропускному пункту, полицейский увидел в сторожке кровь. Пройдя чуть дальше — в глаза бросилась тень. Из открывшегося окна на втором этаже что-то упало. Полицейский поднял голову и увидел нескольких человек в окнах с автоматами.

Вскоре помощник доложил о прибытии первой патрульной. Кнут посмотрел на своего приближенного довольным взглядом. Подойдя к окну, он увидел, как вдали между домами замелькало множество красно-синих огней.

— Господин Саврасов, до скорой встречи, — сказал Кнут самому себе и улыбнулся.

Дверь в кабинет резко распахнулась. Внутри вбежал один из солдат химбатов и, наставив на Кнута оружие, произнес:

— Ты арестован, ублюдок, — он снял маску.

— Странно, что ты этого не сделал, когда был у меня за спиной.

— Ты залил в трубу какой-то яд, — боец медленно подходил к столу, за которым стоял Кнут.

— И это вынудило тебя раскрыть себя раньше времени? — Кнут вышел из-за стола.

— У тебя есть антидот, я знаю, быстро заливай его в систему фильтрации, — вспотевшее лицо подставного бойца блестело в тусклом свете уличных фонарей.

— Его если и заливать, то не в систему фильтрации — она убьет антидот.

— Куда-нибудь заливай, — «крот» подошел вплотную к Кнуту, держа пистолет у его головы.

— Ну, стреляй же, — Кнут поднял руки, сохраняя каменное спокойствие.

Офицер часто моргал. У него в голове раздавались щелчки и что-то сверлило его мозг. Он мотал головой, пытаясь сосредоточиться.

— Сколько вас? — спросил Кнут, опуская руки.

— Заткнись! Вливай антидот в трубу. Немедленно!

— Знаешь, почему ты ответишь на мой вопрос? — Кнут не обратил внимания на слова офицера. — Потому что каждому из моих людей делают укол, берут анализы на наличие химических маяков. Одновременно с этим, каждому бойцу в кровь вводится моя RN-мония, с моим подтипом. Знаешь, что это значит? Это дает мне постоянную возможность слышать ваши мысли, — Кнут улыбнулся, наблюдая за муками бойца, — но это еще не все. Монию с моим подтипом поддаются моему контролю на расстоянии. Я сомневаюсь, что ты что-то понимаешь в микробиологии вирусов, но мония — подобна им и она отлично умеет делиться. Она не агрессивна, но поселяется в каждой клеточке организма, изменяя ее в зависимости от того, кто ты: инженер, солдат или просто раб в доме любви. Ты видимо перестал колоть инъекции, предназначенные для бойцов. Видишь ли, эти инъекции дают возможность мускулам развить большую силу. Смешно, но даже мозг работает лучше. Но вот прекращая принимать препарат — ты вызываешь ломку: тебя начинает трясти, в голове непонятные шумы, свет даже тусклый в ночное время причиняет боль. Ко всему этому еще и

чрезмерная агрессивность, и импульсивность. В некоторых случаях ломка смертельна.

— Хватит болтать... — пыхтел «крот».

— Я спрошу еще раз: сколько вас и откуда начнется операция?

— Нас десять... нет! — офицер сопротивлялся, он снял пистолет с предохранителя, — атака с зап... Нет! — он сжимал пальцами рот, пытаясь бороться, но у него ничего не выходило: звуки вырывались сами, — ... с запада чер-ез... — офицер приставил пистолет к виску и нажал на курок.

Кнут только и успел что наклониться и отвернуться. Кровь запачкала его спину и все что было рядом. На выстрел сбежались бойцы.

— Ломка — это смерть, — недовольно констатировал Кнут, перешагивая через труп. — У нас гости из федералов. Приготовьте прием в западной части станции. Марк они на тебе. Откуда точно, — Кнут обернулся на кровоточащее тело, — «крот» не успел сказать. Все как планировали, антидот спрячьте под люком в очистном цехе.

Кнут оценил находчивость федеральных агентов — так близко подобраться к нему. Наверняка майор Саврасов постарался. Сам рисковать не стал, послал хорошего и умелого «крота». Жаль, конечно, что он решил не дышать. Талантливые оперативники на вес золота, размышлял Кнут, мог бы пригодиться после перевоспитания. Главарь химбатов недовольно вздохнул, потерь еще будет много. А жаль, столько материала пропадает. С этим нужно что-то решать. Это отмороzków на выхлопе терять не жалко. Кнут смотрел из окна административного здания во внутренний двор. А вот штурмовики спецподразделений на улице не валяются. С этими потерями нужно что-то делать. Такие бойцы нужны самому!

С западной части периметра донеслись выстрелы. Марк вступил в бой. Агенты не перестают радовать своей возросшей прытью. Впрочем, ума пригнать сюда армию у них не хватит. Кнут наблюдал через окно, как черные точки резво перемещаются между техническими строениями, трубами и медленно оттесняют отряд Марка. Отличный был помощник. Впрочем, Терник и Равэль также значились в списках выдающихся экспериментов Кнута. Идеальные бойцы с сильными лидерскими и умственными качествами. Не зря он доверял им самые сложные задачи. Ходячие вычислительные центры. Преданные, Кнут усмехнулся. Как же иначе. Он глянул на свое отражение в стекле, поражаясь, что еще способен усмехаться. Впрочем, это ненадолго.

Кнут направился к лестнице. Нужно было спуститься на первый этаж, дальше в техническое помещение, из которого ведет тоннель в цокольный этаж насосного цеха. Он ощущал, как волнуются его бойцы, засевшие в административном блоке и во внутреннем дворе. Как перепроверяют оружие, как сжимают кулаки. Их тела вибрируют из-за дополнительной дозы активаторов, вскрывающих запасенные в их клетках килоджоули энергии и адреналин. Если отряды особого реагирования полиции не подспеют вовремя, то бойцы Терника и Равэля перебьют всех федеральных агентов. А этого допускать нежелательно. Но на эту жертву Кнут готов был пойти. Главное найти одного единственного, на ком он поставил метку.

Федеральные агенты прорвались во внутренний двор станции. Терник их встретил во всеоружии. Машины с сиренами специальных подразделений полиции подъезжали к парадному входу. Как раз вовремя. А то вся слава досталась бы резвым и опасным агентам ФСБ. Равэль наверняка заждался. Любитель засад и ловушек. Химбаты вгрызались в наступающего врага. Бой стремительно приобрел опасный для силовиков размах. Они не ожидали встретить усиленное сопротивление.

Кнут медленно шел по подземному тоннелю. Он вслушивался в сердцебиение бойцов. Считывал их ритмы и «видел» их глазами картину на поверхности — ему нужно было найти того, на ком стоит его старая метка. Откуда-то раздался слабый голос Марка. Его подстрелили. Вскоре схватят. Кнут остановился возле двери в подземный этаж насосной. Голос Марка едва было слышно, но мутной картинке его глаза было достаточно — меченный совсем рядом. Кнут ощутил почти забытое излучение мыслей. Напористое и структурированное. Улыбнувшись пустоте и кивнув в сторону долгожданного гостя, он вошел в цокольный этаж.

Двери на верхних этажах заблокированы. И там никого нет. Тепловые сканеры ничего не покажут. Направление главного удара будет не здесь. Но пора бы и поспешить. Главное послание было передано. Кнут и несколько химбатов стояли возле старого коллектора, который значился демонтированным. Но как оказалось, всего лишь был залит цементом. К радости Кнута не так основательно, как надо было. Тоннельщики химбатов уже успели его расчистить. Сверху прогремел направленный взрыв. Очевидно агенты направляются сюда. Саврасов оказался проворнее, чем ожидал Кнут. Приятно, когда люди еще способны удивлять. Но к тому времени, как он и его люди доберутся сюда, Кнута с бойцами уже не будет. Лишь заваленный обломками старый коллектор, который подорвет за собой идущий последним химбат.

Глава 30. Меченный

Таша поставила большую кружку с горячим чаем на маленький столик у книжного стеллажа. Валентин оторвался от созерцания старых книг и с радостью обхватил кружку обеими руками. Они находились в личной гостиной, которую Таша называла Мягкой, аккуратно перед входом в личную опочивальню. Мягкой же Таша ее считала за изящность изгибов мебели из белого дуба, выполненных знаменитым дизайнером-резчиком Константином Могра. Впрочем, его именитость никогда особо не волновало ее. Мягкая гостиная была тем местом, где она не пускала пыль в глаза, но принимала желанных посетителей. Таша намеренно оставила много больших пустых пространств. Только самое необходимое: два уютных кресла по сторонам небольшого чайного столика с прозрачной столешницей в центре небольшой комнаты. Справа и слева, под окнами, расположились две кушетки с изогнутыми спинками, переходящими нежными изгибами в подлокотники. Рядом с правой кушеткой вдоль стены располагались два комода в том же стиле. У левой кушетки горделиво возвышались книжные шкафы и бар с прозрачными дверцами, заполненный наполовину. По шершавой матовой стене расползлся темно-синий с золотыми бусинами градиент рисунка. На ней же небольшие репродукции с зимними пейзажами в тонких рамах из черного бука.

Таша смотрела, как могучий амбал, сжавшись, греет руки о кружку горячего чая. Без бороды он не был таким уж грозным, каким он увиделся ей при первой встрече. Хотя, Таша слегка прищурила глаза, его скуластое квадратное лицо с маленькими глазами абсолютно не нуждалось в бороде. В мужской скальной харизме недостатка не было. И ей было приятно, до трепета в сердце, наблюдать, как этот волевой мужчина в кубе, закрывает от удовольствия глаза и вдыхает ароматный пар. Легкая вольная улыбка вдруг мелькнула на ее лице. Валентин посмотрел в глаза хозяйке дома.

— Без дела руки мерзнут, — улыбнулся он.

Таша расцвела. Но кукольное лицо мешало выразить всю палитру когда-то лучезарной улыбки. Валентин производил впечатление неуклюжего медведя, при виде которого сжимались все кресла. Родился в России, но, как и многие уже так сильно ассимилировал в себе азиатские гены, что чистым русским его назвать было нельзя. Можно было надеяться на живучую цепкость национальных привычек, но он слишком долго находился вдали от дома.

— Я вижу вы наслаждаетесь тем, что здесь находится, — начала Таша.

На ней было легкое синее платье, ниспадающее единым полотном с плеч, на ногах домашние туфли, лишь для того, чтобы не оголять некрасивые пальцы. Уложенная высокая прическа, неяркий макияж, покрашенные прозрачным лаком ногти, искрящиеся даже в тусклом свете.

— В смысле? — Валентин немного стушевался.

— В нашем доме... Я имею в виду, что вы ко всему так трепетно относитесь. Словно бы эти вещи были родом из вашего прошлого, — Таша сидела в широком кресле в пол-оборота, подливая себе чай в маленькую чашку.

— Теперь понял, — улыбнулся здоровяк, — эти вещи действительно из моего прошлого. Они пахнут по-другому, совсем не по-европейски.

— Мне казалось, что вы пробыли там не так уж и долго, чтобы забыть, что такое

Россия, — удивлялась Таша.

— Одно дело, когда ты живешь за границей под своим именем и другое, когда ты натягиваешь на себя чужую кожу, — вдумчиво объяснял Валентин. — Я ведь убежал из России, понимая, что мне придется расстаться не только со своим прошлым, но и с самим собой — с тем, кем я являлся. Мне пришлось научиться жить по-новому. В моем возрасте это оказалось не так легко.

— Привычки? — теплая улыбка украсила лицо Таши.

— Я бы сказал, черты национального самоопределения. А нашего брата определяют довольно-таки легко и быстро. И работа над акцентом — это только вершина работы над цельным образом, за которым ты будешь вынужден скрываться всю свою жизнь. И не важно под кого косить, под француза, немца... русский остается в костях.

— Но вы справились?

— Я просто хотел выжить.

— И чем же вы пожертвовали?

— Взгляните на меня, — Валентин развел руки — Во мне не осталось почти ничего своего. Лишь кости. Наукой заниматься мне было запрещено. Но, честно говоря, я не смог отказать себе хоть изредка с ней соприкоснуться, хотя и косвенно. Бросить любимое дело сложнее, чем бросить любимую женщину.

— Как и тот мир, к которому принадлежит мой брат, — печально добавила Таша.

В темном зеркале чая дрожала ее копия, задумчивая и малость напряженная, вздрагивающая от каждого ее слова. Валентин, напротив, ощущал себя расслабленным рядом с радушной хозяйкой. Ему давно не было так приятно на душе. И на какой-то миг мысли о сделке, о причинах, приведших его в Россию, почти отошли на второй план. И ему казалось, что он видит в ее взгляде тоже самое. Одинокая властительница БИОТЕХ — огромной империи, колоссальной корпорации, но женщина, одаривающая его простым вниманием. Украдкой поглядывающая на него, отслеживающая каждое движение. Сколько лет она не оставалась наедине с мужчиной в теплой располагающей обстановке?

— Мир, в котором живет ваш брат, никого не отпускает. Раз оказавшись в нем гостем, остаешься пленником навсегда.

— К сожалению, — Таша пригубила кружку, скрывая свое волнение.

— Почему вас все называют Таша? Полное имя...

— Не смейте, — игриво умоляла она, — я его терпеть не могу, сколько себя помню. Когда стала совершеннолетней, сменила его на Ташу.

— Такая стойкая неприязнь?

— Увы. На то и даны нам наши 18 лет, когда мы вольны выбирать себе свой путь.

В коридоре послышались шаги. Таша прислушалась и глянула на дверь. Знакомый размер шага и сила поступи успокоили ее. Она всегда боялась, что после очередной операции вместо брата услышит торопливый шаг и в дверном проеме покажется смуглое лицо Марса, который глядя ей в глаза, сообщит новость, к которой она тысячи раз готовила себя.

— Вот вы где, — Кнут остановился в дверях.

Он был слегка потрепан. Мятый испачканный костюм. Но довольное лицо.

— Оказалось, что не только мне здесь рады, — легкая смешинка коснулась уголков рта Кнута.

— Оказалось, — улыбаясь, Таша смотрела на Валентина.

— А ты не перестаешь удивлять, господин Валентор. Ну да не буду мешать вам. Пойду, переоденусь и лягу отдыхать.

— Тяжелая ночь? — поинтересовался Валентин.

— Многообещающая.

Кнут направился к себе в комнату. Следом за ним, не выдержав, последовала Таша. Она извинилась перед Валентином и пообещала вскоре вернуться после беседы с братом. Кнут обычно отводил на сон не больше четырех часов. Но даже этого малого времени Таша не готова была ждать.

Войдя в комнату Кнута, она оглянулась в коридор и прислушалась — осторожность, ее конек; затем тихо закрыла за собой. Дверь в большую ванную находилась в дальней стороне комнаты залитой синим полумраком, отчего здесь было очень холодно, а скудная мебель напоминала скальные выступы тоннелей Старого метро. Таша постучала в дверь. Кнут лишь снял рубашку.

— Я не удивлен, — снисходительно смотрел он на сестру.

— Я просила не читать мои мысли, — нахмурилась Таша.

— С тобой этого и не нужно делать. К тому же ты не всегда поддаешься чтению.

— Как лестно, — кокетничала она.

— Ты какая-то другая, — Кнут рассматривал ее. — Веселая...

— Брось. Я очень рада, что ты вернулся. Как все прошло?

— Как я и задумывал, — Кнут расстегнул ремень на брюках и стянул их, оставшись в черных трусах.

— Твой майор был там? — с укоризной спросила она.

— Я же сказал — все как планировал.

— А не боишься просчитаться? — Таша заводила старую пластинку.

— Почему же. Провал я тоже спланировал, — Кнут посмотрел на себя в зеркало. — Но что бы сегодня ни произошло — я взорву исследовательский центр. Для этого у меня есть все. Осталось запутать главного соперника.

— Может ты не будешь с ним встречаться?

— Я должен, — Кнут снял нижнее белье и кинул его в корзину.

Таша отвернулась, скрывая набухающие слезы на глазах.

— Сама ведь видишь, — Кнут стоял перед сестрой в чем мать родила, но не было на его теле ничего, что бы говорило о его половой принадлежности: худощавое широкоплечее тело манекена без сосков и гениталий, — причин у меня достаточно.

Таша посмотрела на брата. Она подошла к нему и крепко обняла. От него веяло грязью, тоннельной затхлостью и бензином. Но холод его тела вселял спокойствие. Если он по-прежнему хладнокровен, значит, все в порядке. Его разум чист и равнодушен — пусть даже слишком.

— Раз ты выдержал испытание Еланой и вернулся домой один, значит, я могу быть до конца уверена в твоей стойкости, — не отрываясь от брата, произнесла Таша.

— Я ее поцеловал, — поджав губы, Кнут словно пробовал их на вкус.

Таша отстранилась от брата и с прищуром посмотрела на него.

— Мне нужно было почувствовать: каково это? Одно дело — память, — анализировал он, — другое — ощутить вкус желающей тебя женщины.

— И как она? — удивлению Таши не было предела.

— Была напугана, — вспоминал Кнут, — потом ненавидела меня.

— Если бы со мной так поступили. Я могу ее понять, но мне плевать на нее и всегда было, — Таша отошла к двери.

— Скоро она будет рада своему отравлению, — Кнут вспоминал, как поставил распылитель на стол в ресторанчике. — А ты зря времени не теряла. Вижу, ты прониклась к нему? — Кнут решил отплатить колкостью на излишнее любопытство сестры.

От неожиданности у Таши ком подступил к горлу. Кнут заметил, как его матерая сестра-начальница ступевалась и его это забавляло.

— Думаю, тебе не надо объяснять, что отношения, завязавшиеся в критических ситуациях, недолговечны?

Таша не могла поверить, что Кнут об этом говорит, но больше всего ее возмущало, что она так реагирует на его слова.

— Я просто хочу понять — какую цель преследует Валентин? Зачем он прибыл в Россию? Ведь мы о нем практически ничего не знаем, — оправдывалась Таша.

— Ты продолжаешь видеть повсюду заговоры и предателей?

— Я пытаюсь тебя обезопасить. Ты слишком увлечен своей идеей фикс и можешь не заметить опасности.

— Ты напрасно стараешься. Больше ошибок прошлого я не совершу.

— Валентин возник как-то уж очень кстати. Тебе нужен реагент, который ты искал так долго и вот появляется человек, который может его дать — это ли не странно?

— Странно не то, что он может дать, что я хочу. Странной выглядит его связь с федералами.

— Что ты сказал? — ком в горле, холодея, рухнул куда-то на дно желудка. Таша решила, что ослышалась.

Кнут торжествовал. Пришедшая увещевать его, Таша была ввергнута в шок. Ее растерянный взгляд блуждал, цепляясь за воздух.

— Наш большой друг Валентин — федеральный «крот».

Все слова, заранее приготовленные Ташей, рассыпались в ту же секунду. Но Кнута это состояние сестры только забавляло.

— А чего ты удивляешься? Ты же, вроде, минуту назад говорила о том, что он какой-то странный.

Таша не реагировала на колкости брата.

— Могучая Таша не смогла раскусить внезапного гостя. Эмоции стелют перед твоим взором уютный пикник на поляне? — отрезвляюще строго произнес Кнут. — Чего задумалась-то?

— А причем здесь Лера? — выдала Таша.

— А причем здесь Лера? — на автомате повторил Кнут. — Мы не о ней. Ее, очевидно, всего лишь использовали. Вот дура, как она будет злиться, когда обо всем узнает!

— Хватить шутки шутить, пора сворачиваться, — Таша выглянула из ванной и посмотрела на дверь в комнату.

— Это единственное, что ты смогла придумать?

— Я звоню Марсу, и мы немедленно уезжаем из Петрополиса, — приказывала Таша.

Она не шутила. Напористый и решительный взгляд возводил невидимый щит от брата.

— Экая ты быстрая. Прокололась со здоровяком и теперь тащишь меня в убежище? — фыркнул Кнут.

— Это не игрушки, Кнут! Федералы впервые так близко подобрались к тебе. И теперь у

них достаточно улик, чтобы подцепить тебя, — настаивала она.

— У федералов еще ничего нет, — Кнут показал сестре что злится.

Ее слова раздражали его. Всегда мыслящая далеко вперед, Таша вела себя как застигнутая врасплох девчонка.

— Единственная их ниточка ко мне — это Валентор, — холодно пояснял Кнут, мечущейся из стороны в сторону сестре, — он их слепая путеводная звезда — маяк, который подаст сигнал лишь выйдя из дома. Им повезло. Лишь на это они уповают.

— А если бы я захотела с ним прогуляться? — шепотом спросила Таша, прокручивая свои желания, приходившие ей в голову.

— Тебя бы не выпустила охрана, — Таша пораженно посмотрела на Кнута, — что так смотришь? Я оставил тебя с ним, чтобы ты просканировала его, а ты впала в чувственные дурачества.

— Прекрати, — ей было стыдно за себя, но слышать это еще и от Кнута, просто невыносимо.

— Не забывай, что стоит на кону, — процедил сквозь зубы Кнут.

Таша виновато потупила взгляд. Она прислонилась к стене и прикрыла глаза. Ее истязали мысли о том, что она впервые за столько лет позволила себе взглянуть на мужчину иначе, чем на потенциальную угрозу.

— Значит, они все знают, — обреченно произнесла Таша.

— Что я — твой брат? — уточнил Кнут. — Перестань предаваться панике. Валентор еще не успел ничего передать. Хотел бы, но не может. Подходящего случая все никак не представится. Мне даже все это представляется таким забавным. У «крота» столько данных: катакомбы в Старом метро, бомбы, и, наконец, личность тайного главаря химбатов, даже моя связь с Лерой — все у него в руках. Но поделиться информацией он никак не может. Забавно все это. И угадывая твой вопрос: да, я специально пошел на этот риск. Ведь только федералы, в конце концов, могли мне дать то, что мне так необходимо.

— Они проследят за вагоном.

— Могут, и проследят... до того пункта, куда разрешено.

— Ты убьешь его? — с потаенным страхом просила Таша.

— Необходимости в этом нет. Мы поступим иначе, — в серых глазах Кнута сверкнул дьявольский блеск. — Что толку от дохлого? Угости-ка нашего гостя моим особым коктейлем. Начни обрабатывать его: медленно, с женской аккуратностью и фантазией. Будет хорошо, если вы переспите.

Таша возмущено отпрянула от стены и негодуя посмотрела на брата.

— Ваша близость заставит его поверить в то, что он ведущий в этой игре, — Кнут словно бы и не увидел ошарашенного взгляда сестры. — Начни давать ему препараты и не выпускай из дома. Ты же умеешь играть с мужчинами, а химия через несколько недель превратит его в послушного пса.

Таша стояла словно облитая ледяной водой. Кнут терпеливо ждал от нее решения. Она медлила, понимая, что у нее нет выбора. Хотя, на самом деле, другой вариант нравился ей куда больше — подмешать Валентину в чай смертельную дозу и смотреть, как он засыпает последним сном. Но Кнут озвучил иной путь, и она чувствовала, как он настаивает на нем. Он никогда не использовал свое влияние на нее и не принуждал делать ничего, что было бы ей противно и гадко. Но ее брат изменился. И она видела это. Кнут стоял голым возле комода и всматривался в нее. «Читает ли он меня?», — испуганно подумала Таша. Она

отвернулась от него. Ей стало вдруг страшно оттого, что пророческие слова Кнута о том, что он становится зверем, начинают сбываться. Неужели другого пути нет?! Таша уставилась в пол, борясь с эмоциями, цепями сдавившими ее горло. Они мешали ей строить линию защиты. Немой не переспорит болтуна. И силы противостоять не было. Таша поморщилась от того, что ей придется сделать с Валентином.

— Лучше смерть, чем такое, — не поднимая глаз, произнесла она.

— Рано или поздно, но не сейчас, — сухо подытожил Кнут.

— Не буду больше мешать, — Таша набралась храбрости и посмотрела на брата. — Ты готовишься к встрече со своим майором?

Ее голос подрагивал. Кнут кивнул.

— Он опасный человек. Тебе следует быть осторожным. Пусть тебя это и не заставит изменить решение, но я против того чтобы ты шел на встречу с ним. Он спас тебя однажды, но после сегодняшнего, он почувствует себя преданным. И ты не можешь его читать. Подумай над моими опасениями.

Кнут кивнул, чтобы успокоить сестру. Таша вышла из ванной. Ей хотелось, как можно скорее вырваться оттуда. Она отчаянно нуждалась в свежем воздухе, в котором не будет тошнотворной тоннельной вони. Таша закрыла дверь комнаты, оставив Кнута в одиночестве.

И Кнут думал, но не о ее словах. Главное место в его мыслях отводилось майору Саврасову. Будет ли он на том же месте? Захочет ли увидеть его или же сделает собственные выводы? Вопросы за вопросами.

Кнут включил воду погорячее и залез в большую ванну. Закрыв глаза, он вслушивался в плеск воды, почти не ощущая обжигающей температуры. Горячая вода немного покалывала его кожу, заставляя подкожные рецепторы чувствовать нарастающее напряжение. Кнут не сомневался в том, что Таша поступит так, как он попросил ее. Несмотря на то, что ей будет противно и гадко — она сделает все правильно. Валентин был слишком ценным источником информации. К тому же связи в Европе могли подарить Кнуту желаемый выход за границу, когда это будет необходимо. Но он еще не определился с тем, что его самого ждет после «большого дня».

Кнут анализировал, прокручивал разговор с сестрой. В ее взгляде было что-то, что заставило его вспомнить о боли, которую родные причиняют самым близким людям. Он понимал, что сегодня был крайне груб и жесток. Но на это были причины — Таша провинилась. Она упустила из виду угрозу, исходящую от Валентина, дала волю эмоциям. Но Кнут не хотел себя оправдывать. Он понимал к чему все идет. Сценарий своего падения он просчитал давно и четко шел ко дню, когда сможет оборвать его, не достигнув пика своей трансформации.

Пять лет назад Кнут жалел о том, что с каждым месяцем его человечность испаряется, как вода на солнце. Сейчас он не испытывал ничего. Ему было легко от того, что его не связывает эмоциональная привязанность к внешнему миру. Он жил по принципу: нравится — делаю, нет — решаю проблему. Автоматизм мышления, скорость принятия решений и прямота действий. Он становился биомашинной, для которой цель — единственное, что он видел перед собой. Кнут помнил любовь к сестре. Он бережно хранил в памяти тот день, когда она наконец нашла его и прижала к себе. Ее слезы обжигали его кожу, он был страшно напуган. Сейчас это лишь тлеющие воспоминания. Его разум старательно выбрасывал ненужные вещи, освобождая место для новых способностей. Совсем немного времени на отдых. Это единственное от чего ему, возможно, никогда не избавиться.

Кнут чувствовал, что майор уже рядом. Он слышал, как бьется его сердце, улавливал исходящую от него энергию. Свернув в сторону набережной Фонтанки, Кнут шел по Гороховой улице. Впереди виднелась Семеновская площадь с ее неповторимым пирожковым запахом. Кнут слышал, как тяжело дышит майор, он о чем-то напряженно думал, размышлял, поглядывая на лица прохожих и посетителей ресторанчиков уютно разбросанных тут. Кнут приближался. Майор задумчивым шагом обходил прохожих. Он был в темном коричневом недлинном пальто с невысоким воротником. Старомодные джинсовые брюки и удобные ботинки с глубоким протектором. Бегать в них легко.

Кнут уперся взглядом в затылок Саврасову, приветствуя его. Майор замер. Ему хотелось было обрадоваться, услышав знакомый тембр голоса у себя в голове, но то был голос из прошлого, которое майор пытался исправить. Саврасов сделал шаг и свернул налево вдоль Фонтанки. Его лицо стало мрачнее тучи, брови нависли над глазами. Казалось, что он ускоряет шаг, пытаясь сбежать. Ему не хотелось возвращаться в прошлое, не хотелось слышать в голове то, что он почти забыл. Но голос Кнута выкинуть из памяти невозможно.

Саврасов поприветствовал его, не размыкая напряженных губ. Он не набирал скорость, позволяя Кнуту нагнать его. «Вы хотели меня видеть?», — Кнут не спеша настигал майора.

«Ты всегда знаешь, когда я хочу тебя увидеть», — ответил Саврасов. Хватит бежать! Он остановился и облокотился на ограждение.

— Видимо мы хотим одно и то же, майор, — Кнут остановился рядом и также наклонился на железную ограду.

Саврасов посмотрел на своего спутника. Одет в короткую куртку с высоким воротом. Бледное безмолвное лицо, смотрящее вперед. Майор поймал себя на мысли, что ему не хотелось бы встретиться с ним взглядом, и поспешил отвести глаза.

— Вы хотели меня о чем-то спросить, — напомнил Кнут.

— Ты был на очистных сооружениях? — сухо спросил Саврасов.

— Да.

— Но ты там не работаешь?

— Работал, но не в штате.

Саврасов посмотрел на него, почувствовав издевку.

— Кнут — это ты?

— Вы слышали меня на очистной станции среди толпы, очевидно, не самых честных правил, и пазлы начали складываться, — нарочно витиевато рассуждал Кнут, — но вот сложив их, вы все равно пришли к выводу, что в картине не хватает нескольких важных частей. Но у вас есть точка отсчета — я и конечный пункт — очистные сооружения в Красных борах. Все остальное можно и додумать — не так ли? — Кнут повернул голову к майору.

— Так значит это ты, — тихо рассуждая, Саврасов смотрел на реку. — За химбатами стоишь ты.

— Вы прекрасно знаете, кто я.

— Но как такое возможно? — майор смотрел на Кнута и не желал верить. — Я ведь спас тебя...

— И если бы я помнил, что такое чувство благодарности, то наверняка поблагодарил вас.

— Кнут — это ты, — на лице Саврасова мельком появилась отчаянная ухмылка. — Господи, в кого ты превратился, — майор резко отошел от ограды и отвел руку к кобуре.

— Нет-нет-нет, — Кнут резко развернулся, опираясь на ограждение спиной, — Маленькая поправка: я не превращался — меня превратили. Уберите руку, майор, — грозно приказал Кнут.

Саврасов дернул головой вниз, будто ее попытались сдавить огромными тисками.

— Вы для меня всегда были человеком чести. Не хотелось бы расставаться с этим образом.

— Мне абсолютно начхать на твое мнение, — майор держался одной рукой за голову. — Химбаты повинны в стольких смертях и за всем этим стоишь ты?

— Вы уже вынесли мне приговор. Зачем спрашивать?

— Я спас тебя, — обреченно произнес Саврасов.

Кнут ушел из его головы, и майор расслабился. Он посмотрел по сторонам, на снующих прохожих, пытаясь обуздать рушащиеся пласты мыслей.

— Сожалеете?

— Наверное, стоило бы, — Саврасов злобно посмотрел на Кнута. — Как ты мог? Неужели после того что ты прошел там ты не научился ценить чужие жизни? Я думал, что даю тебе шанс на новую жизнь. Но в итоге, этот шанс я отобрал у многих?

— Шанс жить, как вы выразились, отобрал я. Вы тут ни причем. Химбаты появились в тот самый момент, когда мы с вами инсценировали мою смерть. Когда во время штурма дома, в котором я укрывался, погибли несколько бойцов. Вы не могли знать этого. Вы поступили так, как считали нужным.

— Тогда я впервые услышал твой голос, в моей голове.

— Ваша предрасположенность слышать предопределило будущее многих. Но не думаю, что, поняв кто я, вам следует взваливать на себя ношу вины за всех тех, кто погиб от деятельности химбатов.

Саврасов развернулся к реке. На его лице появилась ухмылка.

— Что такое? — Кнуту стало интересно.

— Прочти, — удивленно отмахнулся майор.

— Я не хочу читать ваши мысли, мне приятно слышать, как вы их говорите.

Саврасов посмотрел на искренний взгляд Кнута. Но он тут же поймал себя на том, что Кнут слишком хорошо умел играть.

— Я подумал, что уже много лет никто не может понять и разузнать, кто же стоит за химбатами, кто ими управляет. А ответ-то у меня был не то, что под носом, — Саврасов горько ухмыльнулся.

— Вашей вины тут нет, майор. Встречались мы с вами редко. И вы знаете, как хорошо я прячу от людей их собственные мысли.

— В чужих мозгах копать ты умеешь, — Саврасов недовольно потер ладони.

— Меня таким сделали, — Кнут повернул голову в сторону площади, где собиралась толпа демонстрантов, — хотя ученые так и не сумели оценить весь мой потенциал.

— Потенциал, — майор сжал кулаки. — И тебя не мучает совесть...

Саврасов оборвал себя на полуслове. Он произнес это на автомате, но, вспомнив о безэмоциональности Кнута, его вопрос нелепо плюхнулся в реку.

— Зачем ты здесь? — выпрямился Саврасов. — Зачем эта встреча?

— Вы хотели меня увидеть.

— Да — хотел; увидел. Что теперь? — майор с отвращением смотрел на Кнута. — Какую игру ты ведешь со мной?

— Вы не поверите мне, майор, но до сегодняшнего дня вас не было в моих планах. И я не играю с вами. Вы слишком близко подобрались к химбатам и даже почти сорвали мой план в Красных борах.

— За это ты еще ответишь...

— Вы не поймаете меня. Но я понимаю, что чувство досады сейчас в вас сильно. Я пришел сюда ради таких как я.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился майор.

— Когда-то вы обмолвились, что не допустите, чтобы из-за генной индустрии страдали люди, — Кнут видел, как Саврасов пытается вспомнить.

Он быстро отматывал в памяти тринадцать лет. Дотянуться до событий давно ушедших дней было не сложно. Саврасов часто вспоминал о том, как будучи лейтенантом, участвовал в операции по поимке беглого зараженного из резервации. Тогда, тринадцать лет назад, он входил в группу, которая выслеживала беглеца. Саврасов быстро обнаружил след молодого Кнута. Он же и загнал его в угол, в одинокую хижину, откуда не было выхода. На штурм пошел первый отряд из десяти человек. Все они погибли от заражения «белой язвой» несмотря на то, что были в защитных костюмах. Такова была официальная версия. Все это произошло на глазах у Саврасова, но его отчет не попал в главные выводы по итогам операции, как и разговор с измученным и напуганным Кнутом, сидевшим среди трупов.

— Я думал, что офицеры держат свое слово, — уколол Кнут.

— К чему ты клонишь?

— Вы ведь помните нашу с вами первую встречу? — Кнут прокручивал в памяти тот жуткий день. Когда среди деревьев он услышал стук сердца майора.

Потом он услышал голос: тихий, но уверенный, напуганный немного. Кнут общался с тем, кого не видел, с тем, кто готов был услышать его.

— Это имеет отношение к делу? — Саврасов прервал воспоминания Кнута.

— Имеет.

— Да, помню. Тогда я увидел нечто, что рад бы забыть, да не забывается.

— Вы прилагали большие усилия для того, чтобы проникнуть в генную промышленность страны и хоть как-то внедрить в нее своих людей. Вы всегда заявляли, что биохимическая инженерия не должна стоять на человеческих останках.

— Я надеялся, что ты был последней жертвой Винбурга.

— Странно слышать о надежде от человека вашего положения.

Саврасов отвел взгляд.

— И вы не справились с тем, что так ненавидите, — Кнут многозначительно покачал головой. — И вы ошиблись: я был детищем не Винбурга — он лишь один из винтиков моего создателя. Система этой страны позволила мне появиться на свет. И поняв в какой-то момент, что противостоите Министерству науки — вы сложили руки. Я вас не виню, — Кнут ответил на немую претензию майора, — с Министерством практически невозможно тягаться.

— Мои усилия не пропали даром, — возразил майор. — ФСБ регулярно проводит проверки и следит за ситуацией в биоинженерной промышленности. Особых нарушений нет, — Саврасов постарался сказать это как можно увереннее, но на последних словах запнулся, скатившись к сухому стандартному отчету.

Кнут улыбнулся:

— Ваши проверки. Это так напрягло некоторых функционеров в Министерстве и

корпорациях, что против вас даже начали целую кампанию. И вас ведь почти устранили. Но вы цепкий. Ваш талант противостояния и обходных маневров сослужили вам службу.

— Но ты все равно тут и говоришь мне о моих недочетах? — Саврасов не мог понять к чему клонит Кнут.

— Вы надеялись, что на мне опыты закончились. Но знаете ли вы, что в спецрезервации под Петрополисом продолжают испытания на живых людях? На людях, которые выставляются перед обществом как особо заразные больные «белой язвой»?

— Опыты над людьми ограничены поисками вакцины от болезни, — Саврасова давно терзали сомнения о происходящем за тройным периметром спецрезервации, но что-то отчаянно сопротивлялось в нем, и он не желал верить в правдивость слов Кнута.

— Как благородно: поиски вакцины от смертельной заразы, — фыркнул Кнут. — А что если «белая язва» не болезнь? Вы когда-нибудь задумывались над этим?

— Ты несешь чушь.

— Но вы не умерли тогда, тринадцать лет назад, когда без защитной маски прикоснулись ко мне? Она была повреждена, — Кнут смотрел на реку, в спокойном течении которой проносилась его жизнь в Деревне. — Вы ведь поняли это уже после, когда сняли ее в штабе...

— Нет... — отмахивался Саврасов.

— Но вы отмели мысль о том, что такое может быть: что монии находящиеся в воздухе не убили вас как тех бойцов, вошедших в комнату до вас.

— От «белой язвы» гибнут тысячи людей. И не смей говорить, что это не болезнь, — вспыхнул Саврасов. — Горы трупов в Екатеринодаре это галлюцинации что ли?! Или они разложились от насморка?

Майор отошел от ограды. Ему нужно было остыть. Градус кипения рядом с Кнутом быстро достигал критической отметки. Прохаживаясь среди людей, майор собирался с мыслями. Он смотрел в спину Кнуту, и его злило, что он даже не смотрит на него. Уперся взглядом в реку и несет несусветную чушь. Немного успокоившись и расставив мысли в ряд, Саврасов вернулся к Кнуту.

— Я здесь не для того, чтобы рассказывать вам о природе моний, — продолжил Кнут. — Но то, что вы называете «белой язвой» по сути своей является мутацией, агрессивной. Ее целью является изменение человеческого организма, доведение его до совершенно иных биологических форм. Вы можете верить или нет. Но монии, точнее протомонии, содержатся в каждом из нас. Что-то провоцирует их перерождение. От этого появляется белое ороговение кожи и в теле происходят изменения. Некоторые умирают, другие живут.

— Как ты? — злобно перебил Саврасов.

— Да, к сожалению. Я живу, но я не испытываю по этому поводу радости. Меня волнует лишь резервация — Деревня и то, что в ней происходит.

— И что же по-твоему там творится?! — пренебрежительно спросил майор.

— Я ведь не первый объект для испытаний...

— Ты рассказывал, — отмахивался Саврасов.

— Но не о том, что объект под номером один остался в лабораториях Деревни, когда я оттуда бежал, — Саврасов нахмурился, — и более того — он до сих пор там и над ним, как самым совершенным из всех подопытных, ставятся самые изощренные опыты. Как вам такое, майор?

Саврасов не верил. Он пытался найти в глазах Кнута хоть что-нибудь, что поможет ему укрепиться в этом суждении. Но Кнут смотрел на майора не моргая. В его глазах были лишь ненависть и злоба. Саврасов отпрянул — нечто похожее он видел в тот день, когда впервые увидел Кнута.

— Если это так? Почему ты не сказал мне об этом раньше?

— Я вспомнил все подробности о жизни в Деревне лишь несколько лет назад. Мой мозг лишил меня возможности помнить о том, кого они называли Каро. Я попал в Деревню подростком, он же находился там задолго до моего появления.

— В это сложно поверить, — потерянный взгляд Саврасова блуждал среди людей. Он заглядывал им в глаза, пытаясь не потерять нить реальности. Почему то, что говорит Кнут вызывает у него рвотный рефлекс?

— Страна, которую вы защищаете, предстала перед вами в другом свете?

Саврасов посмотрел в глаза Кнута. Его холодный взгляд снова блуждал где-то над поверхностью воды. Он говорил о вещах, переворачивавших вокруг все с отторгающей легкостью. Майор схватился за голову. Он думал о капкане, который Кнут мог расставить для него — мог ли он попасть в него?

— И ты мстишь людям за то, что они сотворили с вами?

— Лишь тем, кто ответственен за резервацию и дела, творящиеся там, — Кнут кинул быстрый взгляд на майора.

— А в Красных борах? Кому ты мстил там?! Зараженная вода — сотни тысяч людей, — жестко вставил Саврасов. — Народным мстителем себя возомнил? Что бы они не сделали там, в Деревне, твои дела — не оправдание! — лютовал Саврасов.

— Отпустите глупую злость и взгляните на ситуацию иначе.

— Например?

— Посетите исследовательский центр в Химграде. Сейчас там находится «объект 3», — Кнут увидел вопрос майора. — Я знаю об этом.

Глаза Кнута сверкнули в свете фонаря, зажегшегося на изгороди. Он выпрямился и, поправив куртку, застегнул верхнюю пуговицу. Майор понял, что Кнут собирается уходить и встал у него на пути.

— Это все, что ты хотел мне сказать?

— Я знаю, что вы не поверите мне, майор Саврасов. Но вы мне нужны на этой стороне. Съездите в БиоНИЦ. И ваши мысли, прояснятся, — Кнут сделал легкий поклон головой и обойдя майора, прогулочным шагом пошел вдоль Фонтанки.

— Так значит вот твоя цель?

Кнут остановился, но не оборачивался. На его лице, на мгновение появилась довольная улыбка.

— Какого ответа вы ждете от меня? — Кнут кивнул головой, приглашая майора пройти.

Саврасов немедленно присоединился.

— На мгновение вы посчитали меня монстром. Возможно, вы правы. Таким как я уготован один путь — смерть. И чем раньше она придет, тем меньше жертв я заберу с собой. Но вы не правы, считая меня бездушным.

— Что ж, я сделаю поправку, — ерничал Саврасов. — Только тысячи зараженных в Красных борах свидетельствуют против тебя.

— Но вы ведь нашли контейнер?

— Какой еще контейнер?

— Ваши люди недостаточно хорошо работают, майор. Я разочарован, — Кнут внимательно впитывал излучение Саврасова.

— Не юли! Ты еще какой-то сюрприз заготовил? — майор остановился и ухватил Кнута за руку.

— Да, — безразлично улыбнувшись, ответил он. — В очистном цехе в пол замурована цистерна. Это антидот, который полностью обеззаразит воду.

— Это шутка?

— Я не шучу с ядами.

— А жители?

— Если вы вольете антидот в течение суток и эту воду выпьют жители района, то эффект заражения будет минимальным.

Саврасов полез в карман за телефоном.

— Я не советую вам делать этот звонок.

— Еще один сюрприз? — злился Саврасов.

— На сей раз совет. Если вы позвоните, то мой антидот отвезут на исследование в БиоНИЦ. Там его будут изучать на предмет опасности. Учитывая, что они до сих пор не смогли расшифровать формулу яда, который я использовал, они не смогут подтвердить действие антидота. Все это затянется на несколько дней, что усугубит положение жителей.

— Ты это задумал с самого начала?! Красные боры — это маневр.

— Я не желаю смерти тем, кто не вовлечен в систему культивирования смерти. Жители — лишь средство, но убивать их у меня нет желания, — Кнут кивнул и пошел вдоль канала.

— Ты только что дал мне ключ к их спасению, но я не могу им воспользоваться. Это ты называешь — я не хотел их смерти?

Кто-то из прохожих озадаченно посмотрел в их сторону.

— Мой яд не смертелен. Он лишь покалечит.

— Мне должно быть легче? — лютовал Саврасов.

— Да, — честно ответил Кнут. — Яд не агрессивен и у вас есть время влить антидот. Ваши люди дежурят на водоочистой станции.

Майор смотрел на Кнута, понимая, к чему он клонит.

— Если бы я знал, что это будет не так, то не сделал бы того, что сделал. Вы располагаете возможностью влить антидот. И запустить циркуляцию воды.

— И кто же мне позволит это сделать?

— Вот вам и доказательство неспособности системы сохранить жизнь своим гражданам. Она создана для контроля, но не для спасения. В ваших руках то, что может спасти тысячи жизней. Но официально вам не дадут разрешения ни использовать антидот, ни запустить водоочистную станцию. Они будут наблюдать, как моя зараза поедает людей. Это позволит министерству внутренних дел назвать нас новыми врагами Федерации и усилить контроль над гражданами. Идеально. И именно вы будете знать, чем пришлось пожертвовать.

— Ублюдок, — Саврасов сверлил глазами Кнута. — Ты загнал меня в угол!

— Нет, я дал вам возможность взглянуть на систему с иной стороны: на чем основывается ее успешность и функциональность. Я чувствую, что вы уже знаете, как поступить. И знаю, что у вас все получится. Иначе я не поступил бы так.

— Если твой финт в Красных борах не был направлен на тотальное отравление, то куда

именно ты нацелился? — рассуждал майор.

— Вы уже знаете ответ на свой вопрос. Вы уже произносили его.

Саврасов листал мысли. Он не мог упустить того, о чем так явно говорил Кнут. И чем ближе он подбирался к разгадке, тем страшнее ему становилось.

— И ты думаешь — я не остановлю тебя? — майор был поражен своей догадке.

Буря негодования всколыхнула в нем эмоции. Он одновременно поражался наглости Кнута, заявившегося перед ним и с такой легкостью рассуждающего о жизни людей и ужасался планам человека, которого когда-то спас.

— Я не позволю тебе этого сделать.

— Если бы у вас были на это силы, то меня бы здесь не было, — снисходительно ответил Кнут.

— Решил, что отвлек внимание? Ты действительно гений. Соционика не досчиталась тебя, — злобничал майор. — Все решили, что схваченные химбаты на станции принадлежат верхушке. А ведь ты просто пожертвовал ими. Как же рьяно эти глупцы принялись свежевать их, — поражался Саврасов.

— Но вы ведь знали, что они ошиблись.

— Лишь потому что ты там был. Ты играешь со мной! И ты решил устроить эту встречу, а я подыгрываю, — майор злился на себя. — Я тебе этого не позволю.

— Вы ведь ничего не знаете...

— Я объявлю район вокруг БиоНИЦ закрытой зоной, и твои выродки не подберутся к нему и на пять километров, — голос Саврасов был тверд, но майор ждал следующего хода Кнута.

— Я уважаю вас, — Кнут остановился и повернулся к майору. — Я взорву исследовательский центр, потому что именно он является родоначальником половины из существующих вирусов. Я взорву его, потому что там реализуются идеи управления и подчинения народа через страх. Я взорву его, потому что там воспитываются молодые гении, ставящие науку выше сохранения человеческой жизни. Я взорву его, потому что в его стенах проводят испытания на людях и сейчас там находится один из них, которого они называют «объектом 3». И если вы вмешаетесь, как об этом говорите, то погибните вы, ваши люди и город, потому что я выпущу все хранящиеся вирусы наружу. Моя цель не шантажировать вас, но уменьшить количество жертв. И я не желаю, чтобы вы пострадали.

Саврасов смотрел на Кнута и с ужасом для себя понимал, что его цели и причины, по которым он это делает, находят в нем отклик. Максим отвергал это, боясь проникнуться его ядовитыми идеалами. Он вспоминал, что сейчас в районе Красных боров яд Кнута медленно проникает в жителей и губит их жизни. Майор ненавидел его за этот разговор. И себя презирал за то, что позволил заманить себя в ловушку.

— В центре работают тысячи людей. И не тебе решать — умрут они или нет, — Саврасов с отвращением смотрел на Кнута.

— У вас есть день, у вас есть ночь. Мне будет жаль потерять вас. Так сложилось, что именно я решил, что все, кто работает в центре — умрут.

Кнут застегнул куртку, поправил воротник и влился в поток людей, идущих в другую сторону. Он удалялся от места встречи и с наслаждением вдыхал влажный воздух реки. Кнут затерялся в толпе. Он смотрел на людей, пытаясь проникнуть к ним в головы. Некоторые легко впускали его, другие были крепки и походили на крепости разума. Кнут возвращался к автомобилю. У него в запасе были целые сутки, чтобы проверить грузовики,

цилиндрические бомбы и готовность водителей. Самым сложным будет — проникнуть в метро под исследовательским центром. Самая разрушительная бомба будет находиться именно там. Но у Кнута уже был план, как доставить туда цилиндр с адской смесью.

Оставался день на то, чтобы майор Саврасов смог принять окончательное решение. Кнут старался быть убедительным и откровенным. Он сел в машину, разглядывая прохожих, безмятежно гуляющих вдоль улиц. Такие спокойные и умиротворенные — наслаждаются дыханием ранней весны. Но близился вечер и слабого весеннего вздоха было мало для теплых сумерек. Кнут не знал, как поступит Саврасов: закроет ли область вокруг БиоНИИ установив зону повышенной опасности, или же сыграет на руку Кнуту. Каким бы ни было решение майора — от своих планов главарь химбатов не откажется.

VIII. Чудовище. Глава 31. Сделка

Кирилл медленно шел по пятой улице, приближаясь к дому, в котором жил. Вдали из-за плавного поворота показалась знакомая крупная фигура Шака. Рядом с ним стояли Максим и Анна. Они о чем-то напряженно беседовали, постоянно оглядываясь по сторонам. Через минуту-другую идущего по дороге Кира заметила Анна. Она помахала ему рукой. Следом обернулся Шак. Максим, увидев Кирилла, побежал в дом старосты. Через несколько секунд на крыльце появился Таш, сверливший соседа взглядом. Кирилл сжал кулаки. Он не колебался, ноги твердо ступали по пыльной дороге. Лекарства, которые ему вкололи, сняли все негативные последствия от забора крови. Кирилл посмотрел на старосту и кивнул, давая понять, что все хорошо. Еще несколько шагов и он оказался рядом с крыльцом, с которого сурово взирал Таш. Что больше в этом взгляде: сомнения или удивления? Санитары увозили Кира совершенно в другом состоянии.

— Зачем тебя увозили? — с прищуром спросил староста.

Кирилл остановился на второй ступеньке.

— Взяли кровь, — как ни в чем не бывало ответил Кир.

— И ты стоишь на ногах? — придирался Таш.

— И как видишь, еще и чувствую себя лучше прежнего, — уверенно парировал Кирилл.

Таш демонстративно осмотрел Кирилла.

— Во время процедуры я вспомнил, что я не террорист. И ничего общего с взрывом не имею, — Кирилл замолчал, ожидая реакции.

Он посмотрел на стоящих внизу соседей. Анна с интересом смотрела на Кира, Максим в нетерпении мялся с ноги на ногу. Пора бы ринуться в самую гущу. Лишь Шак своей хмурой сосредоточенностью копировал старосту. Он медленно переводил взгляд с одной стороны дороги на другую, высматривая возможное появление санитаров.

— Я рассказал все что знал о взорванном исследовательском центре. И у Кроберг появились какие-то планы на меня.

— Планы? Чтобы Кроберг поменяла свои планы? — недоверчиво уточнял Таш.

Кирилл потупил взгляд.

— Мне помогла Ольга, — тихо добавил Кир. — Она убедила Кроберг в том, что до следующего визита федерального агента я должен остаться в живых. Он поговорит со мной, поймет, что я не террорист и у него не будет больше поводов возвращаться сюда. По-моему, он им очень мешает.

Таш обдумывал сказанное. Он метнул взгляд на Шака в поисках оценки слов Кира. Но Шак лишь пожал плечами. Анна не поняла переглядываний старосты с Шакирдом. Промедление заставляло ее нервничать, и она отвернулась в недовольстве, закатив глаза.

— Что-нибудь еще? — уточнил староста.

— Ольга поможет нам бежать, — осторожно добавил Кирилл.

— В каком смысле? — Таш рванулся к нему.

— Через полчаса я встречаюсь с ней на площади. Я ей ничего не сказал о побеге, — успокаивал Кирилл. — Я попросил ее достать для меня пару ампул ацелина. Она согласилась. Передать в лаборатории у нее не получилось. Тогда мы условились, что она передаст их на площади возле оранжереи... Это единственное на что она согласилась. Она

передаст ацелин там, и только там мы сможем ее схватить.

— На виду у работающих камер?! — лютовал Таш.

— А что мне было делать? Умолять или силой тащить сюда?

— Таш, в самом деле, — вмешалась Анна, — итак прошло три часа. Время тикает, нервы у всех на пределе. Нужно решаться.

Староста злобно опалил взглядом Аню, но за нее заступился Макс. Он встал перед ней и взором седовласого. Таш посмотрел на Шака — он по-прежнему не мог ему ничем помочь. Все на пределе. Ожидание — балансировка на натянутых нервах, — способно сгубить даже самого терпеливого человека.

— Надо решить: как нам ее захватить, — обдумывал Таш.

— Ее надо заманить в переулок, — предположил Макс, — в тот, где магнитный потенциал больше всего. Девчонки ослепят датчики, и мы сможем вколоть девахе ацелин.

— Только вот как ее заманить в переулок? — резонно уточнил Кирилл.

— Я заманю, — ответил Таш. — Аня симулирует приступ. Я позову ее на помощь. Если повезет, она пойдет сама, а не побежит за санитарями.

— Если я буду там, то пойдет сама, — убедительно добавил Кирилл.

Староста посмотрел через окно в дом. Каро сидел на кровати, не отводя взгляда от Таша. Его за руку держала Мари. Она что-то ему рассказывала. Мария надеялась пробудить в нем скрытые воспоминания. Она то и дело вспыхивала смехом, натываясь в памяти на забавные случаи. Перед Каро лежало множество его рисунков, которые он подарил детям. Но он на них даже не смотрел. Его взгляд был направлен на единственное знакомое ему лицо и это был Таш.

— Так и поступим, — утвердил староста. — Шак и Максим — остаются здесь. Мари пусть сидит с Каро. Когда вернется Сата — объясните ей все. Я, Аня и Кир идем на площадь. Ждите нашего возвращения. Как только увидите нас — выдвигайтесь.

Кирилл спустился на улицу, следом за ним Таш. Он хлопнул по плечу Шака и взял Анну за руку. Четверка заговорщиков нырнула в переулок, следуя за Киром. Он быстрым шагом шел впереди. Нужно было торопиться — время поджимало. Удача могла изменить им в любой момент. Внезапно Кир остановился. Он замер перед входом на площадь. Таш застыл у него за спиной.

— Появилась? — шептал он.

— Нет, — Кирилл осмотрел видимую часть площади.

Ольги не было.

— Еще не время, — шептала Анна. — Тут нельзя стоять. Таш, пойдем, встанем на улице. Пусть Кир тут стоит.

Староста недовольно вздохнул. Он посмотрел на стену дома — датчики горели бледно зеленым. Они могли выдать их. Таш повернул назад. Анна с облегчением вышла с обратной стороны на вторую улицу. Староста следом. Перед самым выходом он повернулся, чтобы посмотреть на Кира, но его в переулке уже не было.

Вдруг что-то острое вонзилось ему в шею! Таш дернулся, пытаясь понять, в чем дело. Он дотронулся до шеи и почувствовал, что в ней торчит что-то. Аня вскрикнула, но возглас был грубо прерван. Таш успел обернуться и увидеть, как ее схватили два охранника. Он плохо видел — пелена расплывающейся завесы в глазах туманила взор. Таш пытался проморгаться. Ему хотелось ринуться к ней, но ноги, словно приклеенные, не двинулись с места. Со спины донесся глухой топот тяжелых ботинок. Староста не успел обернуться и ощутил, как его

сковывают каменной хваткой руки в форме. В нескольких метрах стоит знакомая грузная фигура начальника охраны. Его фамилию Таш никак не мог вспомнить. Все вокруг кружилось. Охранники трясли его и тащили куда-то. Таш искал глазами Кира. Нужно кричать, чтобы он услышал и бежал к остальным! Но вместо внятных слов изо рта вырывалось обреченное мычание. Веки тяжелели и тянулись сомкнуться. Сопротивляться сил больше не было. Таш обмяк в руках у охранников.

К Мамонтову подошел довольный Кирилл. Начальник охраны одобрительно кивнул в его сторону.

— Ты был прав, — Мамонтов презрительно смотрел на Кирилла, — Каро не стал сопротивляться своему задержанию.

— Значит, профессор все-таки справилась? — самоуверенно спросил Кирилл.

— Поменьше эго, — осадил Мамонтов. — То, что Кроберг может влиять на эмоции Каро, мы знали и без тебя.

— Точнее — она знала, — поправил Кирилл.

— Послушай, Головешка, — рычал Мамонт, — ты вроде забылся, где ты находишься и кем ты тут являешься?

Кирилл улыбнулся. Он увидел за спиной Мамонтова Кроберг. Елена шла рядом, держа под руку Каро. Следом за ними охранники вели заговорщиков. Профессорша, не останавливаясь, прошла мимо спорящих. Кирилл решил не гневить судьбу и последовал за ней, уйдя из-под кулака зреющего недовольства начальника. Охранники с пленниками остановились перед Мамонтовым. Он со всем присущим ему отвращением осмотрел заговорщиков: медленно прошел от одного к другому и остановился возле самого крупного — Шака.

— Не-у-дач-ники, — смакуя процедил Мамонтов. — В ледяной карцер их.

Охранники повели задержанных. Посмотрев направо, они увидели причитающую Анну в тисках охранника и Таша, беспомощно висевшего на цепке рук двух амбалов. Шакирд дернулся, но осек себя. Он пыхтел как паровоз, но послушно следовал в открытые двери лаборатории. Мария, увидев состояние Таша, попыталась вырваться. Ей хотелось узнать дышит ли он. Но жесткие пальцы одного из мужчин стальной хваткой вцепились ей в шею. Мария вскрикнула от боли.

— Эй! Не увлекайтесь! — это был Макс.

Его вели последним. И в ту же секунду схлопотал удар электрошокером. Его сильно дернуло, и он потерял сознание.

— Максим! — Аня вырывалась из рук.

— Если не хочешь, чтобы с парнем что-нибудь случилось, — злобствовал Мамонтов, — найди мне объект по имени Сата.

— Я не знаю где она, — захлебываясь в слезах ответила Аня.

— Может и не знаешь, а может врешь. Она использует темные пятна в системе слежения, — грузная фигура Мамонтова надвигалась на трясущуюся Аню, — и ты сможешь ее найти, гораздо быстрее. Идите!

Мамонтов крикнул на охранников. Двое молодцов встряхнули Аню, заставив ее крепко встать на ноги.

— Чем быстрее ты найдешь Сату, тем быстрее твоих друзей переведут в обычный карцер, — сказал напоследок Мамонтов.

Охранники вместе с Аней скрылись за поворотом. Мамонтов кивнул амбалам,

державшим Таша, и они вместе направились в здание лаборатории, на второй уровень. В карцер, который представлял собой два квадратных по форме помещения, в которых нет ничего кроме стен, пола и потолка. В двух углах располагались два сливных отверстия, для естественных нужд.

Чуть больше десяти лет назад на месте карцера располагалась одна из лабораторий. Ее часто занимал профессор Данилевский, приезжая проводить в Деревне свои исследования. Однако скоро он потерял интерес к резервации и появлялся здесь редко. Негативные настроения в Деревне среди жителей в ту пору заставили Кроберг и Мамонтова задуматься о мерах давления на них. Поэтому малую лабораторию было решено переоборудовать в карцер.

Из помещения убрали абсолютно все. Провели канализацию, наладили систему климат-контроля, которая могла превратить стальной бокс в морозильник или печь. Если ретивость арестованного не шла на убыль, к нему применялась система трех плетей. Холодные пытки включали в себя образование в камере конденсата и резкого его охлаждения. Больные «язвой» плохо переносят влажный холод. Если это не помогало, в кубе включали ледяной дождь, который сильно раздражал кожные рецепторы. Третьей плетью были перепады температур: от крайне холодной до жары. Обычно до третьей плети дело никогда не доходило.

Мамонтов спустился с двумя своими подчиненными, тащившими Таша на руках, на второй уровень. Несостоявшиеся беглецы уже ютились в кубе.

— Семь лет тиши и долбанного спокойствия, — глядя, как охранники закидывают седого, но крепкого старосту внутрь, наигранно причитал Мамонтов, — а тут раз и сразу семь человек. Прямо аншлаг. Наслаждайтесь теплым обществом друг друга, потому что скоро здесь станет не жарко.

Начальник охраны захлопнул дверь и через интерком приказал включить режим ледяного карцера. Двое из его бойцов, те что недавно вели под руки Таша, улыбаясь, представляли, как задержанные будут охлаждаться. Они отпускали гадкие шуточки, пока вдруг не натолкнулись на сверлящий взгляд начальника. Мамонтов с брезгливостью смотрел на двух идиотов, ничего не желающих в своей жизни, кроме как потешаться над теми, кто оказался слабее.

— Чего лыбитеесь? — гаркнул он. — Зубов слишком много — не помещаются во рту? Пошли на свои места!

Ошалев от такой оплеухи, охранники быстро ретировались. Мамонтов гневно смерил взглядом температурный датчик рядом с дверью и вышел в коридор. Возле двери стояли двое охранников, которым он строго запретил подходить к двери куба. Сам же он намеревался посетить Кроберг.

Мамонтов не медлил. Ему не нравилось, что новоиспеченный внештатный сотрудник крутится возле нее. Начальник охраны раздувал внутри себя огонь. Он считал, что Елена слишком внимательно слушает Кирилла. Его идеи даже Мамонтову, далекому от науки, казались слишком мерзкими.

Кирилл сидел в кабинете Кроберг. Она распорядилась чтобы ему принесли одежду персонала. Кирилл со слабо скрываемым удовольствием натянул светлые штаны и футболку, и накинул халат синего цвета.

— Вы же понимаете, что, несмотря на то, что вы являетесь сотрудником БиоНИЦ, вы уже не выйдете отсюда? — Кроберг не отводила от него глаз, сидя за своим столом.

Рядом с ней стоял охранник, внимательно наблюдавший за Кириллом.

— Я понимаю. Вы считаете, что я могу быть опасен для окружающих, — Кирилл старался быть спокойным. — Но я надеюсь, что мой поступок хоть как-то склонил чашу весов в мою сторону?

Кроберг усмехнулась.

— На вас наши одежды.

— Думаю, я могу быть полезным не только как манекен, — с лукавством он посмотрел на охранника.

— Возможно. Вы ведь сдали своих бывших друзей ради получения билета в лабораторию? — Кроберг раскусила желание Кирилла, но она еще не знала для чего ему столь необходимо возобновить работу. — Вы упомянули, что работали с профессором Данилевским. Над чем вы работали?

— Вы так и не вспомнили меня? — Кирилл смотрел в глаза профессорше.

Елена покачала головой. Она немного нахмурила лоб, пытаясь пробудить воспоминания о помощниках умершего профессора. Но ни на одного из них Кирилл не походил: ни рост, ни телосложение, ни голос.

— Вы должны были присутствовать на Ученом совете в Министерстве науки, когда пытались распять профессора Данилевского. Примерно за две недели до взрыва БиоНИЦ может больше — в датах я еще пока путаюсь.

— Так вы были там? — Кроберг рылась в памяти, но никак не могла вспомнить. — Я присутствовала на том совете, но вы не могли меня видеть, — Кроберг начала вспоминать, — вы пришли с профессором гораздо позже. А я с другими коллегами сидела в тени. Свет горел только над центральным столом.

— Но вы ведь там были?

— Разумеется, — Кроберг еще раз прокрутила момент, когда над головой Кирилла на том заседании зажегся свет. — Так это вы — тот молодой лаборант, из-за действий которого удалось установить родство гриппона и «белой язвы»?

— Приятно познакомиться еще раз, — Кирилл довольно ухмыльнулся.

Кроберг откинулась в кресле.

— Уберите самодовольство с лица, — бескомпромиссно потребовала профессорша.

Кирилла словно окунули в бочку с холодной водой.

— Вы очнулись здесь. Ваша память вернулась на этой стороне забора, — Елена медленно раскачивалась в кресле. — У вас есть знания, опыт работы на одного из величайших умов России, вы видели то, что многие ученые не знают в силу отсутствия доступа. И вы еще не поняли, что болезни под названием «белая язва» не существует? — на лице Кроберг появилась надменная ухмылка. — Мониин — не болезнь и не вирус. Это мутагенный организм, живущий в нас с момента появления жизни на этой загаженной планете.

Кирилл слушал и не желал верить. Она, наверное, играет с ним, заговаривает, уводит от его цели.

— Тогда почему существует эта резервац... — он не договорил, ответ возник раньше.

Кроберг поджала губы. Неужели она зря дала ему одежду, и это юнец действительно способен дать ей что-то новое в работе?

— Но этого не может быть, — Кирилл искренне не мог поверить в ее слова, — но ведь у меня получилось...

— Что? Получилось, что? Испортить образцы настолько, что старые напуганные ученые подумали, что гриппон и монии родственники каким-то образом?

— И это тоже... Хотя эта фаза действительно вышла случайным образом. О родстве речи не идет — лишь о схожести.

— Родство или схожесть — это ерунда. По одной простой причине: мония — это протоорганизм, а не вирус.

— Но это невозможно! — вскрикнул Кирилл, пытался пробить толстолобость профессорши.

Охранник, стоявший рядом с Еленой, приготовился выхватить из-за пояса электрошокер. Кирилл не обратил на него никакого внимания. Ему нужно было срочно доказать свою правоту.

— Поймите: я не исследовал родство гриппона и «белой язвы». Я искал лекарство от вируса нулевого иммунитета. И я нашел его!

— Это уже больше похоже на слова ученого.

— Я вывел, как мне показалось, позитивный вирус, который способен адаптироваться к условиям, — Кроберг придвинулась к столу. — Я использовал полученный штамм в симбиозе с мониями. И это стало лекарством.

— Смею предположить, что вирус все же в вылеченных клетках остался? — Елена вздернула правую бровь.

— Как вы догадались?

— Таковы монии. Они не пожирают, а изменяют. Это их защитный механизм. Через мутацию опасного для них вируса, они подавляют его. Поэтому вы и подумали, что получили лекарство. На самом деле вы просто скрестили непонятный вирус, — Кроберг усмехнулась, — с мониями и посчитали, что изобрели лекарство он ВиНИ. Теоретически мониями можно лечить все болезни, если бы не высокая смертность от их деятельности в организме. У тех, кто так или иначе положительно переносит перерождение моний, здоровье, можно сказать, идеальное.

— Вы рано списываете мой положительный вирус, — сопротивлялся Кирилл. — Он взаимодействовал с мониями, и они действительно изменили его. Но именно эта мутация позволила мне предположить, что из такого симбиоза можно создать некий биорегулятор для моний. Попросту говоря — создать стабилизатор, способный контролировать степень активности моний в организме.

— И отчего же вы не создали такой чудо-биорегулятор и не заявили во всеуслышание? — Кроберг язвила, но в голове она тщательно раскладывала сказанное Кириллом по полочкам.

Он был не таким уж обреченным мечтателем, желающим во что бы то ни стало добиться положения в научном обществе. Его идеи были близки Елене. Когда-то и она билась над поиском необходимого регулятора жизнедеятельности моний. Однако эти исследования каждый раз заканчивались неудачей. То ли от того, что приоритетом было перерождение Каро, то ли от того, что внутренне она желала наоборот раскрыть потенциал моний, а не ограничивать их. И сейчас перед ней молодой ученый, заявивший, что нашел способ как вывести биорегулятор для самого сложного микроорганизма на Земле.

— Я спрошу — как? Но ты ведь не ответишь? — Кроберг улыбнулась своим мыслям.

— А вы думаете почему я проводил все свои опыты тайно?

— Не скажу, что ход твоих мыслей мне не нравится, — Кроберг встала из кресла и

медленно обходила стол, — но ты должен уяснить раз и навсегда — от моний в организме избавиться нельзя.

— Но можно контролировать, — перебил Кирилл.

Кроберг остановилась перед столом и слегка присела на него. Слова подающего надежды молодого ученого заставили ее улыбнуться.

— Вы чем-то напоминаете меня в мои молодые годы. Такой же неумный искатель, способный пойти на многое, — змеиным голоском произнесла Елена. — И это мне нравится. К тому же, чем черт не шутит? Испытания над Каро завершились. По сути, мы на пути создания идеальных его копий. А это значит, что я могу дать вам шанс, чтобы вы создали то, что называли биорегулятором. Может вы — тот гений, которого ждала наука и ваш стабилизатор откроет нам тайны регулирования деятельности моний? Я не профессор Данилевский. Ваши опыты вы будете проводить не таясь.

Кирилл ликовал. Ему хотелось встать и закричать о том, что ему наконец-то не нужно прятаться. Кроберг могла стать человеком, погубившим его, высосав до капли кровь, но сейчас она давала ему ключ от лаборатории. Вот она — дверь в то будущее, на встречу с которым он так опоздал. И все же он не сиял радостью. В его голове был угол, который он не мог осветить пламенем надежды. Кроберг заметила сомнение в его глазах.

— Что же ты не радуешься?

— Дело в том, — осторожничал Кирилл, — чтобы создать лекарство, то есть биорегулятор, мне нужно очень редкое вещество. Оно должно стать катализатором направленной мутации.

Кроберг быстро пролистывала в памяти все самые редкие вещества. Она смотрела на озабоченный взгляд Кирилла и продолжала листать. Уж очень он был встревожен редкостью необходимого реагента.

— Что же это? — устав рыться в энциклопедии мозга, сдалась Елена.

— Сал-Аманд-6, — четко произнес Кирилл и устремил взгляд на Кроберг.

Но та лишь улыбнулась. Она покрутилась на месте и готова была расхохотаться.

— Вот она — школа Данилевского, — Кроберг лисьим взглядом смотрела на Кирилла. — «Саламандру» в открытом доступе ты конечно не найдешь. Я могла бы сделать официальный запрос в эталонное хранилище, где законсервирована последняя легальная доза этого наркотика. Но я не стану — мне тогда придется заполнять огромное количество документов, да и контроль над «саламандрой» достаточно некомфортен, если ты понимаешь, о чем я.

Кирилл старался не упустить смысла слов Елены. Но почему она высмеяла его, он никак не мог сообразить.

— Видишь ли, очень много наших опытов здесь, в Деревне, требуют использования «саламандры». Она действительно уникальна. Идеальный катализатор. Ее у нас нет, однако опыты идут, — хитрила Кроберг. — Не буду больше тебя мучить. У нас есть заменитель. Мы синтезируем его из тканей жителей.

Кирилл не верил своему счастью. Кроберг выглядела серьезной. Она наигралась и говорила ему то, что он так жаждал услышать. Его опыт будет завершен!

— Это прекрасно, — Кирилл медленно встал из кресла и словно замороженный смотрел на Кроберг.

Елена улыбнулась змеиной улыбкой.

— Сколько тебе нужно дней, чтобы получить биорегулятор? — Кроберг вернула его в

реальность.

— В смысле?

— Здесь у тебя есть все. Наше хранилище вирусов не менее многолико, чем то, что взлетело на воздух вместе с БиоНИЦ. Я даю тебе лабораторию, и даже изолированную комнату, где ты будешь спать. Через сколько ты мне покажешь результат, по которому я пойму — гений ты или болтун?

— Два, максимум три дня, если все пойдет по плану, — голос Кирилла задрожал от волнения.

— Ты, наверное, весь отдаешься работе.

— Когда я могу приступать?

— Этот молодой, — Кроберг повернулась к охраннику и окинула его взглядом, — не молодой человек отведет тебя к моей ассистентке Ольге. Она тебе все покажет и расскажет.

Охранник обошел стол и встал возле Кирилла.

— Небольшой вопрос, — Кроберг взяла со стола прозрачный планшет и включила его. На нем появились две небольшие фотографии двух женщин. — Екатерина Валерьевна и Маргарита Сергеевна Семиовские — твои родственники?

Кроберг держала планшет так, чтобы фотографии женщин было хорошо видно. Она медленно сделала шаг в сторону Кирилла, внимательно наблюдая за его реакцией. Он узнал их. Это были его мама и сестра. Кирилл пытался сглотнуть комок, подступивший к горлу. Он думал над тем, что его мать может оказаться в Деревне, но каким образом сюда попала его сестра и здесь ли они вообще? Он посмотрел на Кроберг и испугался ее прямого взгляда.

— Нет, — как можно спокойнее ответил Кирилл, и в тот же миг ему стало противно за себя.

— Замечательно, — Кроберг смотрела ядовитым взглядом. — Если ты так уверенно отказываешься от родных, то сможешь сам добыть себе заменитель «саламандры».

Не слова, но гром обрушились на него. Кирилл не понимал, как Кроберг поняла, что он лжет.

— Что вы имеете в виду? — с опаской спросил Кирилл.

— Самое идеальное тело, из которого ты сможешь синтезировать катализатор, это Таня — маленький подвижный сундучок с сокровищами. У нее идеальная стадия мутации и тебе не составит труда получить заменитель «саламандры».

— Это причинит ей вред? — замялся Кирилл.

— Разве это имеет какое-то значение?

Кирилл отвел взгляд в сторону. Кроберг разила взглядом в самую цель.

— Чтобы синтезировать катализатор тебе нужно вырезать часть тканей. Больше всего необходимых тебе ферментов содержится в новых образованиях печени, поджелудочной железы и желудка.

— И много тканей нужно для синтеза? Процент выживаемости донора? — Кирилл уперся взглядом в пол, чувствуя, как Кроберг заставляет его смотреть на нее.

— Выживаемость 50 на 50. Все же это очень важные органы.

— Я не хирург...

— Ты и не будешь оперировать. Органы вырежут специалисты. Тебе решать у кого.

Кирилл посмотрел на Кроберг. Ее взгляд сверкал. Она получала удовольствие от наблюдения за его реакцией.

— Есть кто-то еще?

— Ты чем слушал? — Кроберг скорчила недовольное лицо. — Каждый, кто проходит перерождение моний — подходит. Но Таня больше всех. Жаль терять такого ребенка, но детей у нас достаточно. Однако ты можешь поискать похожие показатели по ферментам и у других. У тебя же есть на это время. Ты сам сказал: два, максимум три дня, — Кроберг загоняла Кирилла в угол. — Но дам тебе подсказу. У нас в карцере сидят новые кандидаты на ночную жизнь: короткую, но очень продуктивную, — грозно утверждала Елена. — Если отказываешься от моего предложения, значит, ищи подходящего кандидата из новоприбывших в карцер. Только боюсь одним телом ты там не ограничишься. И, в завершение нашего разговора, если тебе это интересно: твоя мать умерла, сестра — жива. Но и ее время на исходе.

Кирилл спрятал глаза. Кроберг махнула рукой в сторону двери. Ей нужны были результаты. Все что хотела она услышала и сказала. Кирилл повис на ее крючке, и она теперь могла вертеть им как пожелает. Входная дверь пропищала, и в кабинет влетел Мамонтов.

— Сату поймали, — грозно сообщил он.

Мимо него прошел охранник с Кириллом. Мамонтов обратил внимание на его поникшее состояние. И на душе его сразу стало теплее. Он боялся, что Кроберг будет сюсюкаться с ним, но на самом деле она переехала его катком.

Глава 32. Одержимость

Кирилл прятал взгляд от Ольги. Он чувствовал, как она негодует и осуждает его. Они находились в процедурной операционной, на втором уровне. Готовились к операции. На следующий день после разговора с Кириллом, Кроберг дала Ольге указание начать готовить лабораторию к операции. Однако Кирилл еще не определился с кандидатурой: кто ляжет под нож Олега Карцева? Кирилл искоса поглядывал на молчаливую Ольгу, пытаясь понять по ее лицу, о чем она думает. Ему хотелось расспросить ее о том, что ей рассказала Кроберг. Но Кирилл не решался. Каждый раз, когда к горлу наконец-то подкатывало желание что-то произнести, он чувствовал, как земля разверзается под ногами, и он проваливается.

— Тебе нужно определиться, — Ольга прервала тяжелое молчание.

Она также не смотрела на Кирилла. Ей было противно стоять рядом с ним. И инструктировать его, как того хотела Кроберг, она не стала. Кирилл посмотрел на Ольгу с облегчением. Он не почувствовал в ее голосе ненависти к нему.

— По правде я не знаю, как поступить, — робко произнес Кирилл.

Ольга с брезгливостью посмотрела на новоявленного ученого.

— Бедолага, — сверля его взглядом, произнесла она. — Думаю, ты выкрутишься.

Кирилл съежился.

— Зря ты так. Мы ведь в одной команде.

— Именно так, — протянула Ольга, одновременно вынося приговор себе.

Она смотрела на сжавшегося Кирилла и не верила, что несколько дней назад перед ней в кресле сидел обычный, как и все, затравленный, человек. Но что взять с него, если сама она готова была оправить его на смерть, взяв последнюю порцию крови? Ольга поморщилась. Ей стало невыносимо гадко. Она взглянула на руки. Столько раз они касались тех, кто приходил в процедурную и не возвращался в Деревню. Ольга окинула взглядом приборы на стенах и в шкафчиках, замерев при виде своего отражения на поверхности стола. Уродливое лицо, искаженное сталью, глядело на нее, морщась и скалясь от ненависти к самой себе. Арно зажмурилась.

— Я больше не могу, — она посмотрела на Кирилла. — Я ненавижу себя за то, что я в одной команде с такими, как ты. Как это произошло? Когда я потеряла разум?

— Это наша работа, — Кирилл сделал шаг навстречу, но Ольга шарахнулась от него в сторону.

— Через сорок минут операционная будет готова. И сюда привезут ребенка, которого когда-то ты заботливо держал за руку, — на глаза Ольги накатывались градины слез, — и это твоя работа?

— Я еще не решил у кого брать образцы, — оправдывался Кирилл.

— Господи, — воскликнула Ольга, смахнув горькие слезы с глаз, — он еще не решил, — она резко стерла упавшие на щеки капли. — И я ведь, как ты. Как это все противно. Мерзость!

Ольга с отвращением смотрела на свои руки. Она вытирала их о халат, стараясь оттереть. Но чем сильнее она терла их, тем отрешеннее становился ее взгляд. Отчаявшись стереть с них невидимую грязь, Ольга резко перевела взгляд на Кирилла.

— Я не буду, — выдавила она из себя слова. — Не буду! — прокричала Ольга и

выбежала из лаборатории.

Кирилл едва успел отскочить. Арно пронеслась жарким вихрем к двери и, набрав трясущейся рукой код, вывалилась в коридор. У дверей ее встретили дежурившие охранники, испугавшиеся внезапного появления стонущей ассистентки Кроберг. Один из них наклонился к ней, чтобы помочь встать, но Ольга саданула его по руке. Охранники переглянулись и посмотрели в лабораторию.

Кирилл, как и они, ошарашено смотрел на Ольгу. Она с силой терла лицо руками, пытаясь содрать с него едкую налипшую жижу, невидимую остальным. Ее стоны и громкие всхлипывания привлекали внимание персонала в коридоре. Из-за спины уставившихся санитаров, к Ольге подбежала лаборантка. Это была Инна. Арно с такой силой растирала лицо, что оно стало кровоточить. Инна крикнула Кириллу в лаборатории, чтобы он передал ей успокоительное. Но тот лишь беспомощно огляделся, не понимая, откуда ему его взять. Кто-то из любопытных санитаров вбежал в процедурную за препаратом. Увидев стоявшего Кирилла, он поначалу оторопел, но, сообразив, что это тот погорелец, о котором говорили все, направился к шкафчику с успокоительным.

Достав автошприц и вложив ампулу, санитар выбежал из лаборатории и воткнул иглу в шею Ольге. Она закричала и резко заехала ему рукой в грудь. Охранники, стоявшие все это время у двери лаборатории, кинулись к ней и зафиксировали буйные конечности. Через пару минут Ольга начала угасать. Сильное успокоительное начинало действовать.

Инна приказала санитарам отвезти обмякшую Ольгу в стационар. Двое санитаров направились в лабораторию за передвижным столом. Инна ощупала карманы Ольги. Она искала интерлинк, который Арно держала в кармане, а не на руке, как делала это Марина. Найдя устройство, Инна попыталась связаться с Кроберг. Но из его динамиков донеслись глухие щелчки. Попытавшись переключиться в разные режимы, Инна не добилась результатов — интерлинк не работал.

— Я попробую связать вас, — один из охранников предложил свою помощь.

Он нажал на запястье кнопку связи, но ничего кроме похожего треска из динамика не доносилось.

— Придется пешком, — вздохнула Инна.

— Наверное, она повредила интерлинк, — предположил рослый охранник.

— И твой тоже? — усомнился другой. — Что-то с каналом связи...

Недовольная Инна распихивала локтями зевак-санитаров и лаборантов, мешающих ей пройти.

— Уйдите же с дороги! — прикрикнула она, заставляя их сдвинуться с места.

Ей нужно было попасть к Кроберг. Профессор немедленно должна узнать о странностях Ольги.

— Это похоже на Марину, — вдруг донеслось из толпы.

Инна растерянно шарила взглядом по толпе. Кто это сейчас сказал? Кто посмел высказать подобную дурость?

— Она сама себя задушила. Теперь Арно раздирает себе лицо.

Сотрудники переглядывались и шептались, передавая друг другу услышанное. Высказанное одним — быстро подхватили другие. Они с опаской посматривали в коридор, в сторону, где находился стационар. Там сейчас, в своей личной палате, находился Каро.

Охранники оценивали растущее волнение и попытались успокоить взволнованных сотрудников. Но те резонно указали на неработающие комлинки. После этих слов, толпа

спешно начала редеть. Еще одна попытка связаться с главным постом охраны не увенчалась успехом — комлинки продолжали издавать щелкающие звуки помех. Все разбежались. Охранники переглянулись: тот, что был выше направился на пост, оставив напарника присматривать за Кириллом, как того требовал Мамонтов.

Кирилл остался один в лаборатории. Без Ольги определенно было легче. Ее пудовый взгляд мог продавить даже стену. Кирилл посмотрел на приборную панель, на которой высвечивались данные о готовности главной операционной. Ольга так и не ввела его в курс дела. «Придется самому», — утешал он себя как мог. Нужно разобраться что здесь к чему. Кирилл огляделся.

Рядом с дверью в коридор он увидел шкафы. В них должна находиться одежда для операционной. Открыв дверцы, Кирилл обрадовался — он не ошибся. Порыскав немного, он нашел одеяние своего размера. Ему вдруг так захотелось облачиться в защитный костюм, который он видел на врачах в операционной. Кирилл с досадой подумал о том, что он все же один из перерожденных. Это значит, что ему костюм не положен. В отличие от хирургов он ничем не рисковал. Дверь в лабораторию издала сигнал. На пороге показался Олег Карцев — главный хирург. Он был в защитном костюме.

Кирилл встрепенулся. Он еще не успел переодеться, но и хирург не спешил входить. Он стоял у открытой двери, разговаривая с охранником. Кирилл использовал эту заминку, чтобы скорее натянуть рубаху и брюки.

Карцев вошел в лабораторию. Озабоченность по поводу Ольги отошла на другой план — перед ним, упакованный в операционную форму, стоял обгорелый Кирилл. Свежеиспеченный сотрудник лаборатории старался не выдавать своего волнения.

— Я думал, она пошутила, — недовольствовал Карцев.

— Меня зовут Кирилл Семиовский, — он протянул руку, но быстро ее отдернул, сообразив, что этот жест не к месту.

— Вы, значит, были помощником Данилевского? — Карцев оглядывал нелепого персонажа, стоявшего перед ним.

— Да, и я готовлюсь создать биорегулятор для моний, — собрав волю в кулак, твердо заявил Кирилл.

Ему не понравился взгляд Карцева. Он позволял себе лишнего: все его тело, мелкие движения рук, наклон головы, говорили о превосходстве над Кириллом. Но он не желал прогибаться перед каким-то хирургом. Кто был он, думал Кирилл, прикрываясь мыслями как щитом. Он же ассистировал самому Данилевскому и даже Кроберг признала его гениальность. Кирилл начал сверлить взглядом хирурга, показывая ему, что считает его равным в этом зрительном поединке. Карцев ухмыльнулся, встретив сопротивление выскочки.

— Что же, нам нужно готовиться. Девочку уже везут, — Карцев прошел мимо Кирилла и нажал на кнопку у противоположной двери.

Перед глазами Кирилла предстала уже знакомая операционная. Через открытую дверь тянуло прохладой. Кирилл чувствовал, как по ногам побежали мурашки. В чем дело? Это ведь не его будут оперировать, а совсем даже наоборот — он будет давать указания хирургу. Увидев насмешливый взгляд Карцева, смотрящего из операционной, Кирилл нахмурился и стремительным порывом вошел в главное помещение.

— Я вообще-то еще не давал согласия оперировать Таню, — Кирилл старался совладать с дрожью в голосе и говорить твердо.

— Мне сказали резать, и я буду резать, — Карцев поправил шлем-маску на лице, — лучше всего для этого подойдет девочка.

— Но Кроберг разрешила мне выбирать...

Карцев демонстративно расхохотался, напугав входивших в операционную медсестер. Двери приемной лаборатории открылись — санитар катил перед собой каталку, на которой лежала Таня. Ее испуганные широко раскрытые глазки бегали по сторонам, пытаясь найти знакомое лицо. Так учил ее Каро — ищи тех, кого знаешь — они будут добрее.

Санитар остановил каталку параллельно операционному столу. Медсестры подбежали к ней. Таня повернула голову направо и увидела знакомое обгоревшее лицо. Это был Кир. Она улыбнулась, но сморщенный лоб выдавал ее немой вопрос: почему он в одежде врачей? Внезапно в операционной «моргнул» свет. Таня зажмурилась и закрыла лицо дрожащими ручками. Кирилл смотрел на нее, уговаривая себя подойти и взять ее за руку. Таня медленно убрала ладони с лица и посмотрела на Кирилла. Ее широкие доверчивые глазищи дрожали под ярким светом операционных ламп. В ее маленькой головке появился ответ на ее вопрос. Раздался громкий зудящий звук, и свет в операционной погас. Таня вскрикнула.

В крошечной тьме Кирилл сделал несколько быстрых шагов и схватил ее за руку.

— Не бойся, — тихо произнес он.

Но Таня не услышала его. Она вырывалась и кричала, чтобы он ее отпустил. Кириллу пришлось убрать руку.

В операционной сгущалась тишина, прерываемая лишь надрывистым дыханием ребенка. Кто-то из санитаров натолкнулся на тележку, опрокинув ее на пол.

— Осторожнее там, — гаркнул Карцев.

Во мраке кто-то шаркал ногами, стараясь не зацепиться за что-нибудь.

— Разве аварийное питание не должно было уже включиться? — в темноте раздался взволнованный голос одной из медсестер.

— Сейчас включат, — успокаивал Карцев. — Оставайтесь на своих местах. Маски у всех надеты?

— Да, — ответила другая медсестра.

— Прекрасно. Девочка привязана? — строго спросил хирург.

— Нет, — ответили медсестры. — Мы только переложили ее...

— Идиотки, — констатировал Карцев. — Девочка... — он медленно по памяти продвигался к операционному столу.

Кирилл стоял не двигаясь. Он слышал, как хирург приближается к нему, раздвигая рыхлую мглу. Карцев был на правильном пути. Операционный стол разделял их. Раздался глухой удар об опору стола — Карцев уткнулся в нее ногой. Медсестры от неожиданности вздрогнули. Карцев выругался. Он стал осторожно продвигать руку по столу.

— Девочка, — тихо звал он, — будь умницей, подай голос.

Наконец он наткнулся на Танину ногу. Карцев почувствовал, что она сильно дрожит. Нашупав плечи и голову, он положил руку ей на лоб.

— Не бойся, дитя, — Карцев пытался успокоить ее.

Таня что-то невнятно пробормотала в ответ. Девушки осторожно переспрашивали друг друга, пытаясь не нарваться на очередную грубость хирурга. Карцев руками ощущал, что дрожь в теле девочки усиливается.

— Тебе холодно? — спросил хирург.

— Не-ет, — едва слышно ответила Таня прерывистым голоском. — Они тут, — Таня

свернула калачиком, накрыв лицо руками.

— Кто они? — не понимал бреда больного ребенка Карцев.

— Он говорит, — Таню всю колотило, ее голос дрогнул, — он сказал, что они идут.

В приемной лаборатории показался свет. Санитар, стоявший там, прокричал, что это охранники. Следом за первым лучом показался второй. Двое мужчин вошли в главный операционный зал. Осмотрев всех, они осветили операционный стол, на котором комочком лежала Таня.

— Твою же... — замер здоровяк.

— Вскрыли уже? — подхватил второй, понимая, что у них не было масок.

— Нет.

Охранники облегченно выдохнули

— Приказано вывести, — сдавленно сообщил один из них.

— Что случилось?

— Понятия не имеем. Электричество отрубилось, — добавил охранник.

— А то мы не видим, — съязвил Карцев.

— Вопросы задавать будете после. Берите ребенка и следуйте за нами.

Один из охранников стоял у выхода, ожидая, когда все выстроится за ним. Вторым замыкал строй. Карцев растормошил Таню и помог ей спуститься. Прикрикнув на двух прижавшихся к стенке медсестер, он приказал им взять под руки девочку и идти с ней рядом. Кирилл шел предпоследним. Выйдя из лаборатории, охранник свернул налево. Освещая путь, он направился по коридору к центральной лестнице.

Вдали показалось сияние света от фонарей. Идущий первым охранник попытался окликнуть группу впереди. Но вдруг свет вдали погас. Никто не отвечал. Охранник еще раз крикнул, решив, что у них разрядились аккумуляторы. Но ответа так и не последовало. Группа продолжала медленно продвигаться к лестнице. Медсестры переговаривались между собой:

— Они же должны были увидеть нас, — говорила одна.

— ... если у них «сели» батарейки, то мы их скоро нагоним...

— Хватит причитать, — раздался недовольный голос Карцева.

Девушки смолкли. Хирург поравнялся с охранником.

— Куда они пропали? — теряя самообладание, спросил Олег. — Мы ведь давно дошли до места, где их видели.

Напряженный взгляд охранника рыскал среди темных клубов мрака недовольно разбегающихся в стороны от луча фонаря. Служивый словно и не услышал вопроса Карцева.

— Мы лишь видели свет и ничего больше, — резко осадил он хирурга.

Олег смолк. Он посмотрел назад. За ним шли: санитар, его взгляд постоянно упирался то в стены, то в потолок, будто высматривая что-то; перепуганные медсестры, одна держала Таню за правую руку, вторая крепко за левую. Таня шла, зажмурив глаза. Карцев отметил ее ровное дыхание. По сравнению с медсестрами, державшими ее за руки, девочка выглядела полностью отрешенной. За медсестрами шел Кирилл: сложенные руки на груди, опавшие плечи, съежившиеся будто от холода. Его взгляд пересекся с Карцевым. Олег видел в них недовольство и злость. Замыкал отряд второй охранник, часто направлявший свет фонаря назад.

— Странно, — не выдержала томительного молчания одна из девушек.

— Что именно? — недовольно спросил Карцев, намереваясь пресечь новую волну

причитаний.

— На втором уровне мы были не одни, — скатываясь в шепот, озвучила она свою мысль, от которой по коже поползли мурашки. — Такое впечатление, что пришли только за нами.

Карцев на секунду задумался. Он вспоминал — действительно, на втором уровне сегодня было много народу. И чем дальше он отматывал назад картину дня, тем больше понимал, что на этаже видел по меньшей мере около тридцати человек. А после сообщения о предотвращенном массовом побеге, был поднят дополнительный персонал, для подготовки операционных.

— Их, наверное, вывели, — неуверенно предположил Карцев и посмотрел на охранника.

Олег надеялся увидеть подтверждение своих слов. Здоровяк обернулся, но хранил хмурое молчание. Карцев заметил что-то недоброе в его глазах. Охранник замедлил ход.

Впереди по полу расстился туман. Белые клубы полупрозрачного пара медленно расплзались по коридору. Сзади раздался глухой грохот. Медсестры вздрогнули, но сдержались. Они вцепились в Таню, как в спасательный круг. Охранник, идущий сзади, направил луч от фонаря назад. Все обернулись. Но в мутном мраке почти ничего невозможно было разглядеть. Карцев вслушивался в утихающий шум. На ум не приходило ничего, что могло издать этот непонятный грохот.

Из мрака коридора донесся скрипящий жестяной шум. Он быстро приближался! Медсестры медленно отступили к стене, пытаясь справиться с клокочущими эмоциями. Охранники схватились за дубинки. Кирилл смотрел на Таню — она была спокойнее всех, хоть и с зажмуренными глазами. Скрип становился громче и громче, заставляя всех прижиматься друг к другу.

Грохот пронесся над их головами в сторону лестницы. Охранники осветили потолок — ничего, кроме вентиляционного отверстия. Словно там только что проползло нечто и со скрежетом скрылось в недрах здания. Здоровяки встали точно под решеткой шахты, направляя свет фонарей внутрь. Скрежет быстро удалялся. Вскоре все стихло.

Густая темень коридора начинала медленно давить со всех сторон. Охранники перешептывались, посматривая то вперед, то назад. Карцев заметил озабоченный взгляд Кирилла, уставившегося на девочку. Таня стояла, опершись на стену. Внизу, прижавшись к ней, скулили медсестры. Храбрости смотреть вверх у них не было.

— Надо идти, — скомандовал провожатый.

— Может, подождем других, — пропищала одна из медсестер, другая закивала, соглашаясь с ней.

Охранники бросили на них беглый взгляд и, ни слова не говоря, продолжили путь. Медсестры моляще посмотрели на хирурга, потом на мрачное, стянутое красноватым кожаным мешком, лицо Кирилла. Охранники не собирались никого ждать. Девушки поднялись на ноги. Они крепко держали Таню и следовали за санитаром вдоль стен, осторожно ступая по покрову тумана, который прохладой окутывал ноги.

Скоро они оказались в лестничном холле, откуда на верхний уровень поднималась широкая лестница. Стало совсем холодно. Туман, ползающий под ногами, становился все гуще. Один из охранников пошел наверх по серым ступеням. Другие ждали внизу со вторым охранником. Карцев растирал руки, со злостью поглядывая на Кирилла, которому нахлынувший холод казался ничем. Внезапно здание тряхнуло. Не сильно, но толчок

ощутили все. Из коридоров доносился не то грохот, не то скрежет металла. Яростно и с каждым разом все сильнее, что-то стягивало стальные жилы здания. Медсестры ринулись на лестницу. Остальные за ними. Охранник следовал последним, не позволяя тьме сомкнуться за их спинами.

Они бежали без остановки. Маленькая Таня едва успевала передвигать ногами. Медсестры то и дело приподнимали ее, чтобы она не споткнулась и не упала. Грохотание на нижнем уровне стало громче. Бегущий последним охранник остановился на мгновение, чтобы понять, что именно он услышал. До него отчетливо доносились звонкие царапающие шаги по ступеням вниз. Охранник направил луч фонаря вниз. Тени расползались под силой яркой вспышки. Кроме непрекращающегося глухого скрежета ничего не было слышно. Охранник отошел от перил и перепрыгивая ступеньки, побежал следом за всеми. Он не сбавлял темп — бежал, ускоряясь, стараясь быстрее нагнать остальных. Шорох и царапание по деревянным ступеням ускорялись в такт ему. Что-то упорно преследовало его. Охранник бормотал в бреду: это наваждение, это все ему кажется! Он светил перед собой фонариком и понимал, что никак не может догнать тех, кто ушел вперед. Как вдруг что-то ударило его в спину. Он закричал от пронзающей боли и рухнул на холодный пол.

Яркий и больно бьющий по глазам свет царапал зрачки. Пытаясь проморгаться, он прикрыл лицо рукой и попытался встать. К нему подбежали охранники и бережно взяли под руки.

Из-под бровей, слившихся в одну линию, на перепуганного подчиненного уставился Мамонтов. Он сделал несколько шагов к нему навстречу, желая рассмотреть его. С ним было все в порядке. Начальник обошел его со спины — никаких ран не было.

— Темноты испугался? — грозно пробурчал Мамонтов. — Поставить на ноги и к ограде немедленно.

Приказ был отдан. На верхнем этаже бурлила жизнь.

В коридорах, на полу вдоль стен, были расставлены световые капсулы. Их света хватало, чтобы не заблудиться и четко видеть пол. Кирилл шел за Карцевым. Они пробирались сквозь толпу персонала, находившегося повсюду. Множество черных силуэтов, очерченных светом снизу, мелькали словно призраки то там, то здесь. Охранников здесь было мало. Кирилл пытался проследить, куда уведут Таню, но медсестры растворились в толпе, свернув в один из подсвеченных коридоров.

Кирилл почувствовал, как по ногам заструился холодный воздух — выход близко. Следуя за Карцевым, он вскоре оказался в ангаре, куда обычно санитары заезжали на своих электромобилях. Большие ворота были открыты на треть, позволяя свету тающего дня проникать внутрь. Через распахнутые огромные двери в ангар залетал мелкий снег. Кирилл догадался, почему по коридорам гулял холод. Где-то вдалеке послышался раздраженный голос Кроберг. Карцев увидел своих коллег и направился к ним. Ему не хотелось сейчас попадаться под горячую руку гневной Елены. Мимо Кирилла пронесся Мамонтов. В сгущающемся сумраке грузный старикан был особенно неуклюж и распихивал плечами всех, кто попадался ему на пути. Кирилл догадался, куда направляется начальник охраны и, стараясь остаться незамеченным, последовал за ним.

На площади перед зданием лаборатории находилось около тридцати человек персонала. В основном это были профессора и их ассистенты, вышедшие на свежий воздух. Идущий мелкий снег тонким покрывалом накрыл все вокруг. Но лишь немногие стояли в куртках, укутываясь в медицинские халаты. Все ждали, что электричество скоро подадут и они

вернутся на рабочие места. Кирилл огляделся: кроме сотрудников лаборатории на площади никого не было. Деревенских почти не видно. Лишь несколько разрозненных групп, наблюдавших за происходящим на площади с главной дороги.

— Сделай что-нибудь, — Елена гаркнула на подошедшего Мамонтова.

— Я — начальник охраны, а не электрик. Я уже послал ребят на машине к внешнему периметру.

— А если и там нет связи с внешним миром? — Кроберг посмотрела на прислушивающихся к их разговору сотрудников в нескольких метрах от них.

— Сейчас главное — не дать опомниться деревенским, — шепотом добавил Мамонтов. — Изгородь без тока. Что их сдержит?

— Ты слишком мало бываешь среди них, Мамонт, — Кроберг смотрела на темнеющие в сумерках дома. — Они не побегут. Куда им бежать? Отвергнуты всеми, от них отказалось не только общество, но и их семьи. Нет, они не побегут.

— Ты так в этом уверена?

— Те, кто мог устроить бунт и воспользоваться случившимся, на наше счастье сидят в карцере.

— Я послал вниз дополнительных бойцов, — уверенно сообщил Мамонтов.

— Вот и славно. Значит, беспокоиться нам не о чем, — Кроберг смотрела на падающий снег. — Только бы мороз не ударил. Мне нужно удостовериться, что с Каро все в порядке.

— Я выделю охранников, — Мамонтов смотрел на главную дорогу.

Он видел, как в сгустившемся сумраке медленно прохаживаются жители Деревни. Их любопытные взгляды были прикованы к происходящему на площади. Кроберг позвала одного из младших сотрудников лаборатории и велела ему отправиться вместе с санитарями и двумя охранниками на второй уровень лаборатории.

— И все-таки, нужно подготовиться к возможным неповиновениям, — тихо произнес Мамонтов, после того как подчиненный профессорши скрылся за воротами ангара.

— Прекрати сеять панику, — Кроберг заметила, что за ними наблюдает Кирилл. — Похоже, за вами следует темная полоса неудач, господин Семиовский, — громко произнесла Елена.

Кирилл посмотрел на профессоров, стоявших на улице. Они услышали возглас профессорши и с интересом перевели свои взгляды на погорельца, стоявшего в операционной одежде. Кирилл смолчал. Ему хотелось спрятаться за чьей-либо спиной от напирającego недовольства Кроберг, но как назло рядом никого не было. Он попятился назад, пряча взгляд в узких улочках между домами. Как вдруг ему в глаза попался оранжевый отсвет над лесом. Тусклый, мерцающий, свет был похож на закатный всполох.

— Что это за ерунда? — Мамонтов обратил внимание на оранжевое мерцание, отражающееся на тучах.

— Пожар? — неуверенно произнесла Кроберг, глядя на высокий горизонт. — Из-за лесного пожара может отрубиться все электричество?

Елена надеялась, что это так, что ее догадка верна и банальное лесное происшествие — причина всех бед, обрушившихся на резервацию. Мамонтов молчал. Он внимательно смотрел на разрастающееся оранжево-красное сияние и медленно покачал головой.

— Как давно ты отправил людей к внешнему периметру? — вспомнила Елена.

В воздухе распространялся запах гари. Все, кто был на площади, почувствовали его и тоже увидели огненное сияние за лесом.

— Мамонт? — ее голос сорвался фальцетом.

— Они должны были вернуться, если бы наткнулись на пожар, — размышляя, произнес Мамонтов.

— Пошли людей, узнай, что там происходит, — теряя терпение приказала Кроберг.

— Все мои люди стоят у изгороди, — напомнил тот.

— Если пожар, то нам нужно знать куда он движется, — Елена злобно смотрела на него, стараясь не выйти из себя, — чтобы понять: бежать нам отсюда или нет.

Мамонтов увидел на лице Кроберг тень страха. Она испуганно пронеслась от глаз к уголкам рта и скрылась. Мысль о том, что есть хоть какая-то вероятность оставить лабораторию, сжимала тисками ее легкие. Кроберг застегнула халат до верхней пуговицы и сунула руки в карманы.

Мамонтов направился в ангар за электромобилем. Через несколько минут он проехал мимо сотрудников и Елены. Кроберг краем глаз посмотрела на профессоров, столпившихся у входа в ангар. По обрывкам их слов она поняла, что они говорят о возможном пожаре в лесу. В нескольких метрах от них стоял Кирилл. Он продолжал внимательно следить за Кроберг. Елена обернулась и пристально посмотрела на него. Обгорелый манекен, обтянутый в синюю ткань формы — он казался ей омерзительнейшим существом на Земле. Она поморщила нос — запах гари усиливался. Елена направилась в ангар. Внутри стало заметно больше людей. Все они чувствовали витающий в воздухе запах дыма.

Кроберг оглядела галдящую толпу. По привычке она потянулась к комлинку в кармане, но отдернула руку, вспомнив, что все средства связи вышли из строя.

— Ольга! — Елена пыталась перекричать толпу.

Она пробиравалась между санитаров и врачей, пытаясь дозваться Арно. Ей казалось, что на нее никто не обращает внимания. Все поглощены обсуждением происходящего, а не тем что их начальник не может докричаться до своей помощницы. Кроберг бесцеремонно и со знанием дела расталкивала в стороны мешающих ей людей. Она направлялась к коридору, ведущему в лабораторию.

— Ольга! — продолжала она выкрикивать имя ассистентки.

— Госпожа профессор, — раздался слабый женский голосок у Елены за спиной.

Кроберг обернулась. К ней через толпу пробиравалась медсестра. Она держала за руку малышку Таню.

— Она здесь зачем?! — рявкнула Елена.

Девушка сжалась, но Таня даже не вздрогнула от окрика лютующей Кроберг. Малышка смотрела в сторону коридора, будто высматривая что-то или кого-то.

— Девочка была в операционной, когда отключилось электричество, — пояснила медсестра.

— Где Ольга? — Кроберг вспомнила, что та должна была готовить операционную и вводить в курс дела Кирилла. А этот невезучий здесь!

Елена посмотрела на открытые ворота. Она могла все узнать у Кирилла, столь пристально наблюдавшего за ней. Фыркнув, проклиная свою забывчивость, Кроберг злобно посмотрела на медсестру.

— Разве вы не знаете? — удивилась девушка.

Кроберг не понимала, что странного неумега нашла в ее вопросе.

— Не знаю чего?

— Ольге стало плохо еще до операции. Она как будто бы помешалась: кричала что-то

невразумительное и пыталась разодрать себе лицо.

— Где она сейчас? — Кроберг грозно уставилась на девушку.

— Не-не знаю, ее отвезли санитары, — оправдываясь, трепетала медсестра, — скорее всего в стационар. — Но к вам же направилась Инна?

— Что за Инна? — злилась Елена.

— Мельченко. Она была рядом с Ольгой, когда той стало плохо. После того как Арно увезли, Инна отправилась к вам.

— Ты не пугаешь, девочка?

— Нет, профессор. Она точно к вам пошла.

— Нужно уходить, — неожиданно заговорила Таня.

Ее глазки продолжали смотреть в сторону коридора, ведущего во внутреннюю часть лаборатории.

— Ты хочешь домой? — не поняла Кроберг. — Отпусти ее. Пусть идет, — отмахиваясь от ребенка, приказала Елена.

— Каро сказал, нужно идти... — медсестра, не веря ушам, смотрела то на Таню, то на Кроберг.

— Он с тобой говорит? — с опаской спросила Елена.

— Он так сказал, — произнесла девочка, и на ее лице показался страх перед тем, что она видела.

Кроберг повернула голову в сторону коридора. Но ничего кроме слабо освещенных стен и снующих туда-сюда санитаров там не было. Елена начала медленно погружаться в мрачные размышления. Она думала о Каро, о лаборантке Инне и о странном недуге своей помощницы. Очевидно уже бывшей. Она вспомнила, что послала людей на второй уровень лаборатории.

Вдруг со стороны ворот донеслись тревожные крики. Кроберг отвлеклась от размышлений. Толпа сотрудников ринулась в ворота ангара. На площади громко галдели люди.

— Врача! — раздался громогласный рев Мамонтова.

По спине Кроберг пробежал холодок. Она дернулась с места и спешно направилась к воротам. Елена с трудом проталкивалась сквозь столпившихся в узком проходе людей. Она толкала их, пинала ногами и кричала на них.

В сгущающемся мраке у входа в здание лаборатории стоял электромобиль. Вокруг него столпились врачи и любопытствующие. Мамонтова видно не было, но отчетливо был слышен его бас. Кроберг направилась к машине.

Правый бок электромобиля был сильно исцарапан и опален. Лобовое стекло разбито. Одно из колес спущено. На пассажирском сиденье, рядом с водительским, было много крови. Переведя взгляд на толпу врачей, Кроберг увидела охранника, лежавшего на носилках рядом с электромобилем. В метре от группы врачей, среди толпы любопытных Елена увидела второго охранника. Он тоже был ранен, но крепко стоял на ногах. Форма на нем была частично разорвана, на руках кровь. Рядом с ним стоял начальник охраны.

— Мамонт?! — Кроберг направилась к нему. — Что случилось? Ты ранен?

— Не я, но они, — взглядом указывая на своих ребят, взволновано ответил начальник охраны.

— Что произошло с вами? — Елена обратилась к охраннику, стоявшему рядом.

— Начальник послал нас к внешнему периметру...

— Вы были в лесу? — перебила Кроберг.

Охранник кивнул. К нему подошли медсестры. Они начали обрабатывать раны на руках. Кроберг внимательно посмотрела на его окровавленные руки. Рваные раны были серьезными, но боец держался молодцом.

— Что вы видели? Что там произошло? — быстро проговорила Елена.

— Мы въехали в лесополосу и вскоре почувствовали запах гари, — справляясь с болью от манипуляций медсестер, начал рассказывать охранник.

— Елена, ему нужно в лазарет, — настаивал Мамонтов.

— Продолжай, — приказала Кроберг, даже не обратив внимания на начальника охраны.

— Мы ехали по дороге. Дышали как в печи. Воняло гарью и черт еще знает чем. Мы уехали еще светло было. Отъехали за ворота как в ж... Темно стало — глаз выколи. Потом нарвались на огонь. Такого пекла я не видел еще. Свет, дым, вокруг мгла — пламя ревет. Палило так, что жар мы ощущали будто это нас жарят. Огонь повсюду был. Справа, слева — горело все. Хорёк ост... эм... Хорокин по тормозам, в общем. Решали, что дальше делать: может назад деру дать? В пекло лезть не хотелось, знаете ли. В общем ничего мы не решили потому как глядим, а на нас толпа упорышей несется. Они прям из огня выпрыгивали. Толпой налетели. В костюмах, мать их заberi, были... С-сученыши. А в руках огнеметы. Бегут и поливают огнем вокруг себя. Чую, черт белею. Поди разбери их какого лешего они творят. Ну начали сдавать назад. Да не тут-то было... Окружили давно они нас. Начали поливать из огненных пушек. Делать чего? Рванули в лес. Пытались скрыться среди деревьев и выехать снова на дорогу. Ничего не видно. Треск, рев огня, гарь и дым душат — куда ехать? Ни черта не видно было. А эти ублюдки, как красные муравьи, отовсюду лезут. Хорька цапнули, когда мы дерево объезжать стали. Твари... Цапнули и давай долбить его пушками. Я за руль, в общем. Рванул на них. Парочку подавил, кхе-хе. Ублюдыши, думали я деру дам. Как бы не так! Пока они очухивались, распахал их в стороны и потащил Хорокина в машину. Потом рванул обратно. Петлял. Хер леший знает где, но вперся в толпу утырков. Они просто шли. Бряцали пушками. Я догадался, что они идут в одном направлении. Ну и рванул от них. Вперся потом на радость в ворота...

Охранник вдруг смолк, будто кончился в нем заряд или что-то окончательно лопнуло внутри. Он тяжело дышал и вздрагивал от каждого прикосновения медсестер.

— Они идут сюда, — шепотом добавил Мамонтов.

Кроберг посмотрела на него, потом на охранника. Тот кивнул головой, подтверждая слова шефа.

— Кто они такие? — напугано спросила Елена саму себя.

— Ты не хуже меня знаешь, кто любит использовать огнеметы, — жестко ответил Мамонтов.

— Чистокровки, — автоматом проговорили ее губы.

Девушки-медсестры, порхавшие вокруг охранника, испугано посмотрели на начальника охраны.

— Ты бы потише, — взглянув на застывших девушек, осек Мамонтов Елену.

Медсестры, натолкнувшись на суровый взгляд начальника охраны, отвели глаза в сторону. Кроберг прошла вперед, в сторону главной дороги. Она смотрела вдаль, где находились главные ворота, которые обволакивала сгущающаяся темень. Падающий снег плотным слоем покрыл дороги, дома. Его мелкие хлопья проглатывала темнота, гонимая из леса огнем. Запах гари сильно чувствовался в воздухе. Деревенские с тревогой смотрели на

горизонт. Оранжево-красное сияние перемешивалось с черными клубами дыма, поднимающимися к мглистым тучам. Огонь подступал, его за руку вели те, о ком ее предупреждал майор Саврасов.

— Что ты стоишь? — Мамонтов дернул Кроберг за руку.

Елена смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Нужно уходить, — шептал он.

— Куда? Каким образом? — напугано отвечала Кроберг, теряясь в сочащемся кровавом зареве.

Мамонтов сжал сильнее ее руку. Паралич Кроберг действовал ему на нервы.

— В ангаре стоят десять электромобилей, один грузовик и трейлер для твоего любимчика, — оглядываясь по сторонам, цедил сквозь зубы начальник охраны.

— Оставить лабораторию?! — Елена вырвала руку.

— А ты предлагаешь остаться здесь? — прорычал Мамонтов.

— Тут без вариантов, — защищалась Кроберг.

— Что именно «без вариантов»? — Ростов вклинился в разгорающуюся перепалку.

За его спиной стоял Мельев. Мамонтов недовольно оглядел подошедших ученых. Кроберг оглядела поредевшую толпу персонала. На площади стояло не больше пятнадцати человек. Потихоньку все заходили внутрь, пытаясь согреться. Тяжелораненого охранника и его перебинтованного напарника отвели внутрь здания.

— Начальник охраны настаивает, чтобы мы немедленно уехали из Деревни, — сверля взглядом Мамонтова, ответила Кроберг.

— Из-за пожара? — осторожно спросил Мельев, выйдя из-за спины старшего коллеги.

— Нет, черт подери, не из-за пожара! — вспыхнул Мамонтов.

— Что-то серьезное? — нахмурился Ростов.

— Те двое охранников, что приехали с рваными ранами, натолкнулись в лесу на отряды кровников. Это они подожгли лес, — осматривая здание лаборатории и площадь, пояснила Кроберг.

Она смотрела на серые домики, на крыши которых тихо ложился снег. Жители тенями бродили по улицам, не переставая поглядывать в сторону площади. Мамонтов помял лицо пальцами и дернул за руку Кроберг:

— Лена, не глупи! Мы не можем здесь оставаться. Нужно уходить.

— Неужели все так серьезно? — поглядывая то на начальника охраны, то на Кроберг, спросил Мельев.

— Сообрази-ка, парень: за этой изгородью, — Мамонтов рукой указал в сторону забора, — нас окружает еще два защитных периметра. На каждом из них усиленные посты охраны. В лесу расквартированы подразделения защиты. А теперь посмотри выше, — Мамонтов направил руку на зарево, — это тебе о чем-нибудь говорит?

— Вы намекаете на то, что кровники прорвали защитные периметры? — Ростов не мог поверить предположениям начальника охраны.

— А тут уже без намеков вроде все яснее ясного, — отрезал Мамонтов.

— А мы сможем уехать? — взволнованно спросил Мельев.

— То есть, все здесь бросить? — поразился Ростов. — Как можно? Это же годы разработок. Да тут хранилище вирусов...

— Которое сейчас медленно размораживается, — фыркнул Мамонтов. — И в ближайшие сутки электричество не появится. Через сколько ваши драгоценные

биоматериалы начнут гибнуть? — начальник охраны сверлил глазами Ростова, позволившего по своей неосторожности поддержать Кроберг.

— Но так нельзя! Надо вызвать помощь, сообщить, — сопротивлялся профессор.

— Мы можем переждать в лаборатории, — добавила Елена.

— Запереться хочешь? — язвил Мамонтов. — И ты думаешь эти двери или ворота изгороди выдержат их натиск?

Кроберг гневно опалила Мамонтова взглядом. Ростов никогда не видел ее такой. Она была похожа на фурию, на обезумевшую птицу, защищающую свое гнездо.

— А что ты предлагаешь?! — голос ее дрожью выдавал волнение. — Да, у нас есть несколько электромобилей, которые, судя по твоим раненым бойцам, вряд ли смогут укрыть едущих в них людей. Грузовик и трейлер? Сколько в них ты собрался разместить людей: двадцать, тридцать? Остальные поедут на крыше или побегут сзади?!

Мамонтов мотал головой. Он хватался за нее руками и ходил возле Кроберг, как волк, оспаривающий право лидера.

— Ты не хуже меня знаешь на что они способны, — огрызнулся Мамонтов. — Деревенских ты тоже собралась спрятать в лаборатории?

— Те, кто должен быть спасен — уже в лаборатории, — отрезала Кроберг. — У тебя сто человек охраны — делайте свою работу! Мой приказ тебе ясен.

Кроберг повернулась в сторону лаборатории. Следом за ней Ростов, обрадовавшийся стойкости Елены. Мельев смотрел на повергнутого Мамонтова, пыхтящего как котел и не желавшего мириться с ее словами. Ему хотелось вырваться отсюда. Он зыркнул на Мельева и пешком направился к главным воротам.

— Тех, кто в карцере, вы оставите? — интересовался Ростов.

— Пусть сидят под замком, — отряхиваясь от снега, произнесла Кроберг, — главным был и остается Каро.

Мамонтов проходил мимо домов и улиц. Десятки пар глаз с тревогой смотрели на грузную фигуру, идущую по дороге. Многие даже не знали его в лицо — Мамонтов крайне редко покидал здание лаборатории, но незнакомец вступил в перепалку с Кроберг и все внимание жителей было приковано к нему. Он быстрым шагом шел по главной дороге и старался не думать о направленных на него сотнях пар глаз. У каждого деревенского зрел один важный вопрос. Но даже сейчас, когда в воздухе пахло гарью и за дальними верхушками леса сияет яркое оранжевое зарево, никто из жителей не ждал разъяснений. Многие по-прежнему гуляли по улицам, считая этот вечер обычным, лишь немного отличающимся от иных. Пожар пугал, но он всего лишь был разбушевавшимся пламенем, которое пылает где-то очень далеко.

Мамонтов вошел в сторожку возле главных ворот. В ней находилось пять человек. Озабоченное выражение лица шефа насторожило.

— Что-нибудь новое? — уставившись в монитор, спросил Мамонтов.

— Техники не могут найти причины, по которой не включается запасное электропитание. Задействовали все мобильные генераторы. Скорее всего, основной источник питания потерян надолго.

— Черт всех дери... — лютовал Мамонт. — А-а-чтоб ее драли... И как эта идиотка будет отсиживаться? Сообщите всем по периметру, чтобы немедленно отходили к площади, в лабораторию.

— Но ведь связи нет, как мы сообщим? — теряясь в собственных страхах, спросил один

из пяти охранников.

— Ты что идиот? — взорвался Мамонтов. — Пешком! Ноги в руки и побежали! Или хочешь остаться здесь, когда кровники нагрянут с огнеметами? Через пятнадцать минут чтобы все люди были в лаборатории.

Охранники соскочили со своих мест. Но никто не решался первыми выйти из сторожки.

— Что встали как вкопанные? — лютовал начальник. — Бегом!

Бойцы вывалились на улицу. Мамонтов оглядел помещение. Бросил последний взгляд на мертвые мониторы. На душе скребли кошки. Его дико тянуло сорваться и бежать. В очередной раз он прогнулся. Приказ начальства и простое желание выжить. Как в старые добрые времена. Мамонтов чертыхнулся, ничего не меняется: «Сидя на жопе трудно выжить». Небо полыхнуло яркой вспышкой. Мамонт прильнул к смотровому стеклу. С грохотом, дебошир-воздух прорывался сквозь деревья.

Мамонтов выбежал из сторожки. За стеной леса уже виднелось подступающее пламя. Мамонт догадался — кровники добрались до одного из ветрогенераторов, которые располагались вокруг Деревни. Подняв взгляд выше, он увидел, как из-за деревьев поднимаются тонкие языки пламени. Ветра не было, но огонь быстро продвигался к внутреннему кольцу резервации. Его гнали плетями те, для кого чистота крови была превыше всего.

До Мамонта донесся гомон взволнованных голосов. Жители смотрели за изгородь и видели поступь ленивого пламени. Раздался еще один взрыв. В десятках метров от первого — еще один ветрогенератор. Мамонтов оглядел небо вокруг Деревни, насколько хватало взгляда. Оранжево-красное сияние взяло их в кольцо. Лишь в центре еще оставалось темное пятно черных облаков, аккурат над площадью.

Мамонтов вздохнул, делать было нечего, бежать некуда — нужно прятаться. За спиной раздавался грохот падающих деревьев. Скрежет был таким частым, будто через лес пробирался огромный великан. Мамонтов обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на черную полосу леса. Но ее уже не было. Яркое танцующее пламя пробиралось через плотные ряды многолетних деревьев. Они стонали под натиском жарких оранжевых плетей и трещали как огромные поленья в камине.

Из стены струящего огня выпорхнули несколько сгустков дыма. Видевший эту жизнь со всех ее уродливых сторон, начальник охраны попятился назад. Он увидел их ярко-желтые глаза и слышал, как они пробираются через сухой кустарник к изгороди. Ноги понесли Мамонтова к площади. Он пронесся мимо людей, скопившихся на главной дороге, отталкивал их в стороны.

В главные ворота лаборатории забегали охранники со всех концов Деревни. Многие, не дождавись дальнейших распоряжений, покидали посты, как только пламя показалось на границе леса. Очевидно, электрошокер и резиновая дубинка не самые эффективные средства борьбы с огнем. Добежав до ворот, Мамонтов приказал охране встать к рычагам ручного затвора ворот.

— Но еще не все вернулись, — кто-то возразил ему.

— В воротах есть дверь, идиот, — Мамонтов внимательно смотрел вдоль главной дороги, пытаясь разглядеть желтоглазых, вышедших из огня.

Охранники продолжали вбегать в здание. Большие ворота медленно стали закрываться. Ручной механизм неприятно скрипел, оглушая стоявших рядом бойцов.

Толпа деревенских разом ахнула: почти одновременно в разных концах резервации

взорвались несколько ветрогенераторов. Огонь пожараща вывалил из леса свое бездонное оранжевое пузо. Жители медленно отходили к центру Деревни. Кто-то возвращался в дома. Ведь деревьев перед изгородью было немного. Жители полагали, что огонь не перекинется за внутренний периметр.

Створки главных ворот лаборатории медленно сомкнулись. Подбежавшие последними, охранники поначалу опешили. Но вскоре перед ними открылась входная дверь. На улицу вытолкнули Таню. Охранники оттолкнули ее в сторону и вбежали внутрь, захлопнув за собой дверь.

Таня стояла на улице в одних лишь штанишках и футболке с длинными рукавами. Снег оседал на ее трясущихся плечах и голове. На ногах у нее были простые больничные шлепки, которые на нее надели медсестры. Таня смотрела на небо и видела, как ярко-оранжевый цвет быстрыми мазками закрашивает последний темный кусочек над центром Деревни. Едкий запах гари заполнил все вокруг. Она сжалась, ощущая острые коготки холода. Таня смотрела по сторонам, пытаясь увидеть хоть кого-нибудь. На площади почти никого не было. В краснеющем полумраке мелькали редкие тени жителей, быстро пробегающих от дома к дому. Девочка сделала робкий шаг по снегу. У входа в здание его покров был сильно утрамбован и ее ножки почти не проваливались. Она подошла к электромобилю, стоявшему невдалеке, и с опаской выглянула из-за него.

Далеко за изгородью пылал лес. Оранжевые языки обвивали толстые стволы деревьев и облизывали землю. По единственной дороге, делившей лес надвое, шли какие-то люди. У них на головах были прикреплены фонари, а из их рук вырывалось плетью пламя, которым они хлестали лес справа и слева.

Таня вышла из-за машины и ее ноги провалились в небольшой сугроб. Испугавшись, она резко отдернула ногу и попятилась назад. С границы Деревни донесся скрежет изгороди — будто в нее что-то врезалось. Стальные прутья рвались и мялись под чьим-то натиском.

К воротам Деревни, в пьянящем приступе ярости, подбежали несколько человек. Они залезли на железные створки и начали их дергать. Жители домов, находившихся ближе всего к воротам, отступали к площади. Нападавшие перекидывали через изгородь горящие факелы и что-то стеклянное, разбивавшееся на множество мелких огненных осколков и жидкий огонь. Несколько человек поливали дома струями огня через изгородь. Пламя с воем вырывалось из стволов огнеметов и обрушивалось на дома, стоявшие совсем рядом. Раздались крики. Таня побежала к двери в лабораторию.

Возле ворот изгороди столпились десятки людей в огнеупорных костюмах и масках. В их толпе находился тот, кого они беспрекословно слушались. Он что-то громко кричал, указывая в сторону домов за изгородью. Рев толпы разносился над улицами. В безумстве она скандировала и щетинилась всплеском рук, хлыстами огня, дубинками разной масти и с новой яростью обрушивалась на ворота и изгородь.

Жители бежали к площади. С разных концов Деревни доносились жуткие вопли. Таня прислонилась спиной к холодной двери. Крики жителей сливались в ледящий вой. На девятом круге горели несколько домов. Ворота изгороди прогибались под сильным напором. Забор таранили в нескольких местах. Внезапно бешеные вопли толпы донеслись с обратной стороны Деревни. Кровники наступали отовсюду. Люди бежали в разные стороны. Они запирались и баррикадировались в домах, наивно надеясь на их защиту. Кто-то из жителей внезапно издавал истошный крик и также резко смолкал, захлебываясь кровью. Люди бежали к зданию лаборатории со всех сторон. Они стучали по стенам и умоляли вмешаться,

сделать что-нибудь, впустить их внутрь.

Среди них Таня увидела хорошо знакомое лицо. Перекошенная физиономия Комарова уставилась на нее. Страх ломал его изнутри, заставляя съеживаться и изламываться, будто сухое дерево. Ошалелым взглядом он смотрел по сторонам, пытался зацепиться руками за гладкую стену лаборатории. Он что-то бормотал, но почти ничего не было слышно. Как и все, он пытался найти спасение от толпы, ревущей за изгородью.

Деревенские молили открыть им двери. Они скреблись руками и стучали ногами, моля о милосердии. Никто из них не замечал друг друга, они не видели ничего кроме монолитной стены и не слышали ничего кроме криков обезумевшей толпы.

Нападавшие от восторга завывали у главных ворот. Их голоса сливались в дикий хор. Поочередно, двумя железными таранами они били в ворота. С каждым ударом вой толпы становился громче. Створки прогибались. Предвкушение. Удар за ударом, удар за ударом! Лавиной срывался рев толпы кровников. Пока, наконец, победный протяжный крик толпы не возвестил о прорыве. Ворота изгороди скрючившись, распахнулись и вооруженная огненными плетью огнеметов, топорами, дубинками толпа рекой хлынула в Деревню.

Таня скребла оледеневшими пальчиками по двери. В ее голове была та же мольба что и у всех тех, кто в отчаянии бился о стены лаборатории. Ей было страшно. В ее испуганных глазах отражалось пламя, беснующееся над домами. Отовсюду доносилось эхо ревущей толпы. Не такое мощное, но теперь его было слышно отовсюду. Кровники прорывались через изгородь с нескольких сторон. Неконтролируемым потоком они врвались на улицы Деревни.

И вместе с ними были те, кто вел их. Облаченные в черное, в масках с желтыми большими глазницами. Они передвигались быстрее всех, от дома к дому, разыскивая тех, кто был им нужен. Отовсюду раздавались истошные, захлебывающиеся крики. Чистокровные не щадили никого. Они забегали в каждый дом, вытаскивали на улицу жителей, хватали бегущих от них и тащили к тем, у кого в руках были огнеметы. Несколько лидеров нападения командовали мелкими группами. Они приказывали загонять всех в дома и блокировать их там. Огнеметчики медленно продвигались от дома к дому, обливая их пламенем.

Самые проворные из жителей лезли на крыши. Они видели, как со стороны изгороди к центру Деревни идут люди с огнеметами. Люди-тараканы, в защитных масках, снуют между домами, преследуют жителей. Вопли ужаса и страх затопили улицы и душили разум не хуже едкого дыма горящего леса.

Внезапно на одного из огнеметчиков навалился Черный — мальчишка-подросток, которого побаивалась ребятня. Он спрыгнул с крыши дома, на который боец направил ствол оружия. Следом за ним из-под дома вылезли несколько мальчишек. Они вцепились в бойца и пытались стащить с него ранец и маску. Но силы были не равны. С главной улицы на выручку подоспели другие кровники. Она раскидывали пацанов в стороны и жестоко избивали их. Кровь выплескивалась наружу. Черный стоял перед кровником. Его защитная маска была в руках у подростка.

Боец опешил и попятился назад. Но в него вцепились его собратья. Они повалили его на землю и один из них со всей силы саданул неудачнику по черепу. Черный убежать не успел. Его схватили двое. Брыкаясь и пиная их ногами, он нарвался на несколько крепких ударов. После чего всех мальчишек и бывшего бойца подтащили к дому. Четверо кровников направили стволы огнеметов с вырывающимся огоньком на конце на ребят и обрушили на них жаркое пламя.

Нагиск бойцов нарастал. Они сметали с пути любое сопротивление. Многие пытались сражаться. Мужчины и женщины хватали из дома стулья, доски — все, что попадалось под руку и бились с теми, кто пришел убивать их. Но были среди кровников те, против кого ничто не могло спасти.

Черные призраки с желтыми глазами сновали в небольшом количестве там и тут. Они врывались в дома и испепеляли всех, кто там был. Они были сами по себе и переступали через бойцов чистокровных, оказавшихся на пути — желтоглазые разрубали тонкими лезвиями их тела, стремительно проносясь от дома к дому. Безумные кровники даже не оказывали им сопротивления, слишком внезапными были нападения их мрачных союзников.

По щеке Тани стекали слезы. Ей было ужасно холодно и страшно. То справа, то слева ее трепещущей кожи касался вязкий теплый воздух пожарища. Ручонками она колотила в дверь. С ее дрожащих синих губ слетали обрывки слов о помощи. Но ее никто не хотел слышать. Как и ее соседей по улице, которых запирали в домах и не давали вылезти через оконные проемы. В них выстреливали потоком пламени. Их оглушали и собирали в одном месте в кучу, и предавали огню как зараженный скот.

В воздухе пахло горелым мясом, смрадом паленых волос и тряпья. Деревня пылала. Чистокровники продвигались вглубь со всех сторон, не давая шанса никому. Откуда-то справа раздался пронзительный детский плач. Таня повернула в сторону знакомого ревущего голоса, захлебывающегося в слезах. Немеющие губки шепотом проронили знакомое шуточное имя, которым они прозвали мальчишку-плаксу, — Миша-Рева. Его лицо ясно всплыло перед ней, его залитые горячими слезами глаза и обиженное на всех личико. Она редко звала его Ревой, только в моменты, когда Миша уж совсем не знал меры. Его безумный плач резал слух, и рвал картины памяти, всплывавшие в сердцах. И вскоре он смолк навсегда, утонув в беспощадном вареве огня. Таня зажмурила глаза и прикрыла руками лицо. Отовсюду вновь и вновь доносились детские крики. Ей было страшно от того, что ее любимый оранжевый цвет пожирает дома вокруг. Крики людей, одурманенных болью и страхом перед ужасом огня, пожирающего их, — слились в отвратительный гимн смерти.

Таня медленно сползла на корточки и уткнулась в коленки. Спиной она чувствовала, как дрожит здание лаборатории. Как что-то мощное заставляет содрогаться его изнутри. Где-то, совсем рядом, раздался протяжный рык зверя. Таня подняла голову и увидела, что в одном из переулков между домами на нее смотрит непонятное существо в черном плаще и маске с горящими желтыми глазами. От напавшего страха Таня стала задыхаться. Черный охотник осматривал ее, оценивая.

Внутри здания послышался громкий грохот. Таня услышала, как внутри раздаются приглушенные крики. В дверь с обратной стороны били кулаками, пытаясь открыть. Вдруг, желтоглазый охотник дернулся с места — прямо на нее. Таня прижалась к двери всем своим тельцем и зажмурила глаза.

Она почувствовала, как начинает падать. Издав крик, Таня рухнула в распахнувшуюся дверь. Она лежала не шевелясь, с закрытыми глазами. Внутри было очень холодно, холоднее чем снаружи. Звук гнущихся балок, как стон издыхающего железного зверя, больно царапал уши. Затихающий стон людей растворялся у распахнутой двери, не успев вырваться наружу.

Таня приоткрыла глаза и увидела, что лежит на полу в ангаре, рядом с открытой дверью. Сзади к ней кто-то приближался. Она поспешила отползти в темень. Где был желтоглазый она не видела: вошел ли внутрь или остался снаружи. В оранжевом просвете двери показался окровавленный санитар. В проходе он столкнулся с Комаровым, забегающим внутрь.

Санитар выбежал на улицу, отпихивая деревенских. Следом за ним, с безумными глазами выбегали другие. Все перемешались: деревенские, лаборанты с изуродованными телами, охранники. Таня прятала лицо за ладошками каждый раз, когда на глаза попадался кто-нибудь с изодранной рукой, торчащими костями или оголенным черепом вместо уха. В гараже раздались крики. Среди истошных воплей Таня различила лишь гневный вскрик Комарова, который оборвался с жутким хрустом.

В нескольких метрах от распахнутой двери стоял охотник с желтыми глазами. Он высоко приподнимал голову, шумно вдыхая воздух. Деревенские, прилипшие к наружной стене здания, медленно ползли вдоль нее к распахнутой двери. Взоры их были прикованы к неведомому существу в черном. Он хватал выбегающих окровавленных сотрудников лаборатории и быстрыми ударами длинных клинков разрубал их тела на куски. Охотник ждал кого-то другого. И каждый раз, отсекая очередную руку или голову, он злобно харкал и рычал.

Внезапно что-то заставило его заскулить. Он взвыл, словно раненная собака и забился руками и ногами в воздухе. Выбегавший на улицу персонал лаборатории бежал от повисшего в воздухе черного охотника со всех ног. Его крутило и ломало, пока не разорвало на куски.

Таня ощутила, как рядом с ней кто-то стоит; тяжело дышит и от его ног исходит обволакивающее тепло. Она открыла глаза и подняла голову. Во мраке гаража, в слабом свете огненного зарева стоял Каро. Он был без одежды. Его тело покрывала кровь. Вязкая, багрово-черная, со сгустками и налипшей грязью, она обильно стекала по его бледной коже. Красный след тянулся за ним из самой глубины мрака. Таня с испуга чуть не закричала, но что-то подсказало ей, что Каро не ранен. Его взгляд устремлен наружу. Девочка кивнула, глядя ему в глаза. Она медленно поднялась на ноги и встала позади него, взяв его за руку. Но Каро не сжал ее. Он ощутил лишь ее холодную маленькую ладошку в своей, и подошел к двери.

Улицы, объятые пламенем. Бегающие безумцы, выкрикивающие заученные фразы о чистоте человеческого вида. Вопли горящих людей.

Выбежавшие на площадь санитары и охранники бежали прочь от Каро. Но перед ними лишь горящие улицы. Они пытались скрыться и проскользнуть по улочкам, забиваясь под здания. Каро перешагнул порог. Он медленно шел вперед. Таня не отпускала его руку и следовала за ним.

Стоны и плачь жителей у стен лаборатории, привлекли внимание убийц. На площадь выбежали трое бойцов чистокровников. Они схватили нескольких деревенских, попытавшихся убежать. Каро резко повернул голову в их сторону. Таня зажмурилась. Из глоток бойцов хлестала кровь, заполняя защитные маски алой жижей. Их тела вскипали изнутри. Кости трескались, разрывая натянувшуюся кожу и одежду. Бойцы на глазах у своих жертв разлагались на части. Их руки, ноги, кожа, разделялись и разваливались на куски, падая на пленников, стоявших на коленях. Белоснежный покров окрасился в багрово-черные тона.

Спасенные жители, с которых свисала плоть и куски одежды бойцов, с ужасом смотрели на измазанного кровью Каро. Они отползали в сторону. Но Каро не сводил с них глаз. Таня вцепилась в его руку, и тошнотворный звук разрывающихся тел разнесся по площади. Она открыла глаза и увидела останки, разбросанные по снегу.

Каро шел дальше. Таня крепко держала его за руку и шла за ним. Из открытой двери ангара выбежало несколько людей. Все они были в окровавленных одеждах. Почти у всех

зияли рваные раны по всему телу. Каро удалялся. И они закрывали себе рты руками, пытаясь не закричать.

Раздался скрип механизмов ворот. Кто-то открывал створки. Каро не обращал на это внимания. Он прошел мимо электромобиля, направляясь к главной дороге. Он двигался медленно, как будто не зная, что ему делать. Таня оборачивалась назад. В образовавшейся щели ворот она увидела свет фар и услышала гул двигателя. Створки открылись и замерли. Всполохи пожара освещали часть искореженного ангара. Несколько его балок по бокам и на потолке были сильно деформированы. Повсюду лежали разломанные и изувеченные тела, кровь, ошметки и куски человеческого мяса обильно покрывали все вокруг. Таня еще раз посмотрела на Каро и поняла откуда взялась эта черная налипшая грязь.

Грузовик, стоявший рядом с трейлером, был изувечен так, будто по нему стреляли пушечными ядрами. Только снарядами были тела тех, кто был в ангаре. Электромобили были свалены в кучу с останками множества тел и раскурочены будто от взрыва. В трейлер, стоявший дальше всех, залезли несколько обезумевших от страха охранников, санитаров и профессоров. За рулем сидел начальник охраны. Его лицо перекошено ненавистью и испорчено двумя глубокими царапинами. Рядом с ним сидел обезумевший Мельев.

Трейлер дернулся с места, но не смог далеко проехать — на него с потолка рухнула деформированная балка. Мамонтов не сдавался. Впереди он увидел Каро. Он смотрел на него бешеными глазами, налитыми кровью. Он нажимал на педаль газа и пытался выкрутить руль так, чтобы трейлер смог выехать из-под завала.

Медленно трейлер вырывался из стальных объятий. Мамонтов не переставал сверлить взглядом кровавое тело Каро,двигающегося к главной дороге. По улицам сновали кровники и вылавливали жителей. Вдавлив педаль до упора и выкручивая руль, Мамонтов заставил трейлер выехать из-под завала. Как вдруг на трейлер сверху прыгнул черный охотник, следом еще один на кабину. Все они смотрели на Каро. Мамонтов надавил на педаль и трейлер резко дернулся. Существа на крыше недовольно зарычали. Они воткнули железные штыри по бокам и, прыгнув вниз, начали разрывать боковые стенки кузова.

Каро обернулся. Мамонтов не сдавался. Он направил грузовик на Каро, но, не доехав до него двух метров, трейлер подскочил и уперся кабиной в асфальт. Черные охотники переломили его, разрубив на две части. Находившихся в кузове людей, они выкидывали на снег, как мешки. Некоторых они испепеляли сразу, других собирали в кучу. Кто-то попытался сбежать: это была девушка и парень-санитар. Двое охотников настигли их за несколько мгновений и убили на месте.

Мамонтов остервенело долбил по рулю. Он бил его с такой неистовой силой, что его кисти в один из ударов переломились. Мамонтов закричал звериным криком. Его кожа вибрировала. Дикая боль пронзала его всего, растягивая кожу и органы в стороны. Начальник охраны издал неестественный тошнотворный чвак, и его разорвало изнутри.

Мельева накрыло кровавой волной и ошметками тела. Опешив от ужаса, он вывалился из кабины, выворачиваясь наизнанку. Черные охотники тут же схватили его. Каро посмотрел на четырех желтоглазых, стоявших справа и слева от разорванного трейлера. Один из них решил поторговаться с Каро и обменять жизнь пленников, на его. Охотник жестами рук, больше походивших на ветки, показывал, что готов убить их, если Каро не отправится с ними. Еще двое охотников обходили его со спины. Они медленно подкрадывались к нему, обнажая странные по форме приборы в своих руках.

Таня обернулась назад и закричала от страха. Каро дернулся. Он вцепился невидимой

хваткой в охотников за спиной и разорвал их в воздухе. Другие охотники с воем прыгнули на Каро. Пленники начали разбегаться. Мельев пытался подняться на ноги, но падал, скользя на смеси снега, крови и блевотины. Перебирая руками изо всех сил, он отползал в сторону от схватки.

На площади показались первые огнеметчики чистокровок. Недолго думая они начали поливать всех, кого видели на площади, огнем. Каро разорвал охотников на куски. И перевел взгляд на убежавших пленников. Он хватал их и за несколько секунд их останки разлетались по площади. Мельев остолбенел от пожирающего взгляда Каро. Он мгновенно ощутил, как вскипает его тело и закричал. Из его глаз хлынули кровавые слезы, и адская боль ломала его.

Огнеметчики выстрелили пламенем в странного голого человека, покрытого кровью. Но огонь натолкнулся на невидимую преграду и не причинил ему вреда. Каро обернулся к ним и вцепился в их тела, заставляя сжиматься их кости и внутренние органы. Бойцы ревели, харкаясь кровавой слюной и кишками. Кровь выступала через кожу. Каро сдавил их как игрушечных человечков и развеял над площадью. Каро сжал руку Тани и направился в сторону дороги. Мельев пыхтел, истекая кровавыми слезами, сплевывая вязкую черную жижу изо рта. Не нужно останавливаться. Нужно ползти.

Таня смотрела по сторонам. Она почти не боялась того, что видела: огня, пожирающего дома, людей в масках, вылавливающих жителей. На центральной дороге пылали два больших костра. Таня выглядывала из-за Каро и думала о том, сколько же понадобилось мебели для того чтобы разжечь такой огромный костер. Но приближаясь к ним, она увидела, что из горы огня торчат не ножки стульев и столов, но руки людей.

Первое большое кострище, у третьего круга, перегородило им дорогу. Каро смотрел на вздымающийся огонь, на тела, в чью плоть вгрызалось пламя и пепел, поднимающийся столбом. Они стояли на третьей улице, охваченной огнем. А в центре нее — бойцы чистокровки. Некоторые из них держали в своих цепких руках жителей. Они тащили их на костер, но их остановило зрелище странного голого человека с девочкой, держащей его за руку. Свет пламени отражался на бледной, покрытой кровью и ошметками, коже Каро. Шрамы на его лице казались чернее обычного, а глаза, наполненные кровью, замороженно смотрели на костер. Но плененные жители узнали, кто перед ними. Они ощущали его мысли и злобу, идущую от него, и из последних сил пытались скорее вырваться из лап мучителей.

Бойцы чистокровок никак не ожидали, что у прокаженных откроется второе дыхание: они кусались, дергались и вырывались из рук с животной остервенелостью. Перед костром появился один из главарей чистокровок. Его глухой голос злобно прочавкал бойцам схватить бледное чудовище с девчонкой и предать огню. Кровники отпустили своих пленников и рванули на монстра у костра.

В ту же минуту тела, что плавались в огне костра, сдвинулись и приподнялись, будто под ними заворочался демон. Каро слегка наклонил голову и объятые пламенем останки обрушились на тех, кто был рядом. Жидкая плоть и раскаленное месиво накрыли огненной лавиной ошалевших бойцов. Каро пошел дальше, по расчищенному пути.

Оказавшиеся под горящими телами, бойцы выли от боли. Кто-то пытался выбраться, но их тело изменяло им: руки не слушались, ноги не чувствовали земли. Боль изнутри пожирала их, словно множество червей вгрызаясь во внутренности. Кожа отслаивалась, ткани отрывались от костей, а кости трескались и дробились под ударами невидимого молота. Каро шел дальше. Впереди только раскуроченные ворота изгороди.

Крики жителей стали тише. Таня смотрела по сторонам, замечая, что за ними

непрерывно кто-то следует. Она чувствовала на себе взгляды. Между горящими домами мелькали желтые огоньки, перемещающиеся парами.

Вдалеке огромными оранжевыми клубами вздымалось пламя. Жители прятались и бежали куда глаза глядят. Они хотели вырваться из Деревни и направлялись к воротам и дырам в изгороди. Но возле них стояли бойцы чистокровок. Они отлавливали каждого смельчака, отважившегося прорваться через них и кидали в костры, горевшие повсюду, куда ни глянь. Те, кто в страхе выбегал на главную дорогу, по которой медленно шел Каро, погибали в считанные секунды, разлетаясь кусками по округе.

За спиной раздался звон битого стекла и крики, показавшиеся знакомыми. На оранжерею обрушилась ярость кровников. Ее ломали и крушили, поливая огнем. Вырвав из домов балки и металлические куски, они долбили ими по стеклам. Пламя, разгоревшееся внутри жарким дыханием, раскаливало прозрачные стены.

Среди множества криков, смешивающихся в один вой и разделяющихся на дикие вопли, Тане показалось, что она слышит голос Саты, а где-то совсем рядом трубный бас Шакирда. Она пыталась разглядеть среди снующих теней ту, что окажется знакомой. Таня вслушивалась, пытаясь уловить биополе Саты. Но ничего кроме страха и ужаса со всех сторон она не ощущала.

Впереди еще один большой костер, преграждавший им путь. Таня несколько раз моргнула, с ярким оранжево-красным заревом сливался образ человека. Едва различимые очертания. Это была бабушка-соня! Языки пламени отражались от ее кожи, как от зеркала. В ярком свете ее почти не было заметно и даже огнемечики прошли мимо нее. Старушка стояла не шелохнувшись, замороженно глядя на горящие останки своих соседей. Таня попыталась крикнуть ей что-то, но старуха сделала шаг навстречу костру и рухнула в его голодные объятия.

По лицу Тани потекли слезы. Она сильнее прижималась к Каро, и он чувствовал ее страх и отчаяние. Дойдя до костра, он приподнял тела и обрушил останки на тех, кто охранял ворота изгороди. С криками и воплями на него обрушились все огнемечики, стоявшие рядом. Таня зажмурилась и прижалась к ноге Каро. Она чувствовала сильный жар, и яркий оранжевый свет пробивался сквозь закрытые веки. Она сильнее сжимала руку Каро, и ей казалось, что ее сейчас оторвут от него и бросят в ревущее пламя, что кружило над ними. Но рев языков послушного огня стал быстро захлебываться в своем стремлении угодить хозяевам. Таня слышала, как крики людей с огнеметами обрываются. Бойцы захлебывались собственной кровью. Их давящиеся крики были невыносимы и тошнотворны. Они быстро стихали, уступая хлюпающему звуку жижи и глухим ударам останков, разлетавшихся в стороны.

Каро шел дальше. Таня открыла глаза и увидела, что снег вокруг, освещенный сотнями огней, сияет темно-оранжевым вязким цветом. Повсюду куски тел, тряпье одежды и ранцы огнемечиков. Они подходили к воротам. Тане хотелось улыбнуться — она впервые так близко к ним и скоро окажется за границей Деревни. Впервые в жизни она взглянет на нее с той, обратной стороны. Но Таня снова увидела желтые огоньки. Их было много. Они окружали. И скоро обрушились на них.

Каро впервые пошатнулся. На него набросилось что-то невидимое и оглушающее. Черные охотники били с нескольких сторон одновременно. Каро пытался удержать равновесие. Он смотрел по сторонам, пытаясь увидеть, кто на него напал. Но он не видел ничего! Что-то застилало ему зрение. Таня смотрела на охотников и видела, как они сужают

кольцо вокруг них. Она закричала, глядя на одного из них, и Каро вцепился в него невидимой хваткой, проникая через поры внутрь его коричневой кожи и разрезая его на несколько частей. Охотники усилили натиск. Каро отступал. Он смотрел то вправо, то влево, пытаясь ухватиться. Но он лишь царапал нападавших. Охотники наступали. Каро отдернул руку от Тани; сжал кулаки и, закричав во все горло, отбросил всех в стороны. Таня откатилась от него к горящему дому. Близость жаркого пламени выдавило из ее маленькой груди истошный крик. Каро быстрым шагом направился к ней. Малышка отползла от горящего дома и на четвереньках поползла навстречу Каро. Но через мгновение в Каро вцепился охотник.

Таня вскочила на ноги и побежала с кулаками помогать Каро, но ее одернуло назад. Один из охотников, прорывчав, схватил ее своими длинными пальцами и швырнул в сторону изгороди. Хрупкое тельце Тани хрустнуло, ударившись о столб, и рухнуло на заснеженную землю.

Каро ревел от боли и ударов невидимых волн, сгибающих его. Он схватил двоих охотников и попытался разорвать нападавших. Безуспешно! Каро лишь покалечил их, заставив взвыть от адской боли. Но сдаваться рано. Мысленно Каро искал Таню, кричал ей хриплым голосом, но она не отзывалась. Он кричал, но в ответ лишь удары охотников.

Нужна тишина, необходимо сосредоточиться. Каро вслушивался: как трещат стены зданий, как завывает пламя, поглощая улицу за улицей; вдали, на другом конце Деревни, беснуются бойцы чистокровок, стаскивающие людей в новые огромные костры и тихий стук. Слабый и глухой. Каро медленно перевел взгляд в сторону изгороди. Он не видел, где лежала Таня, но оттуда он слышал стихающий звук сердца.

Каро схватил одного из охотников, подошедшего вплотную к нему, заставив его взвыть от боли. Желтоглазый попытался вырваться, замахнулся сверкнувшим металлом. Но в тот же миг раздался хруст костей и черная, как их облачение, кровь полилась из желтых глаз маски. Охотника разорвало на части.

Взревев от ярости, охотники отшвырнули Каро в догорающий дом. Он отбивался от горящих досок, падающих на него, пытался выбраться из дома. Один из желтоглазых выстрелил по дому из своего оружия, разорвав одну из стен. Каро видел через образовавшийся проем приближающиеся к нему желтые глаза. Он пробирался вдоль горящих стен, обжигающих его кожу. Черный охотник вошел в дом. Каро схватил почти сгоревший стул и швырнул им в желтоглазого. Охотник увернулся и потянулся когтистой лапой за Каро. Он схватил его за ногу и поволок по рассыпающемуся полу наружу. Каро цеплялся за пол, пытаясь ухватиться за что-нибудь. Но вдруг его глаза налились багровым цветом. Он почувствовал, как бьется сердце черного охотника. Как быстро стучит его главная мышца. Каро ощущал холодное прикосновение его рук. И он прикоснулся к тому, что было внутри его черепа. Охотник замер у дыры в стене. Пришел его последний миг. Куски его тела разлетелись в стороны.

Перед охотниками стоял Каро, обливаемый черной кровью. Он хватал их одного за другим и разрывал на куски, как тряпичные куклы. Он швырял их друг в друга, переламывал их тела, ударяя со всей мощью об изгородь. Черные охотники стреляли в него невидимыми снарядами, пытаясь сбить с ног и лишить его силы. Их осталось трое, они носились вокруг Каро и атаковали с разных сторон, не давая ему сконцентрироваться. Желтоглазые заманивали его в очередную ловушку. Каро не видел этого. Он пытался схватить охотников, следуя за ними.

Они вели его в гущу людей — туда, где все еще кипела битва кровников с безоружными жителями. Каро разрывал на части всех, кто попадался на пути. Он вертел телами как снарядами и запускал их в охотников. Он сметал на своем пути завалы из трупов, источающих тошнотворный смрад. Каро обрушивал всю ярость на тех, кто приближался к нему и не заметил, как желтоглазые охотники, прицелились в три точки контроля эгоцитарной системы, и ударили волновыми излучателями.

Каро пошатнулся. Он чувствовал, что теряет сознание. Его тело не слушалось его. Он вертел руками по сторонам, пытаясь уцепиться за что-нибудь, но вместо этого поднимал в воздух груды человеческих останков. В его плывущем взгляде мелькали желтые огоньки масок охотников, и он изо всех сил пытался ухватиться за них, но хватался лишь за тела убитых и искалеченных. Он злился и, издав беспомощный крик, рухнул на землю. Останки тел, что кружили кровавым кольцом вокруг, падали на землю, увлекая за собой охотников, угодивших в собственную ловушку. Их хрупкие тела разможило о землю, насадило на острые торчащие обломки балок домов и разорвало в безумном танце останков людей, круживших над Каро.

Пламя лениво поедало дома. Его гнали остатки батальонов чистокровок, добывающих последних сопротивлявшихся. Проще всего, оказалось, расправиться с ночными. Они еще спали в большинстве своем, когда толпы поджигателей ворвались на их улицы.

Поначалу кровники врываются к спящим жителям и тащили их в общий костер. Но вскоре они сообразили, что вся улица спала мертвецким сном. Огнеметчики шли по первому и второму кругу, поливая огнем дома. Когда спавшие в них жители просыпались от гари и жаркого огня, проникшего в дом, бежать было уже некуда — заблокированные двери и окна не давали им возможности вырваться. Тех же, кто благодарил удачу за то, что выбрался наружу, поджидали кровники. Они хватали несчастных и тащили мимо горящих домов в общую топку.

Через час, немногочисленным отрядом, кровники добрались до сердца Деревни — главной лаборатории. Огнеметчики поливали огнем здание, опаливая его и превращая в черный обуглившийся камень. Но пламени не за что было зацепиться. Обходя здание, бойцы обнаружили, что их ряды значительно уменьшились. Главари подсчитывали оставшихся в живых и посылали разведчиков разобраться с происходящим.

Обойдя здание с другой стороны, чистокровки вышли к фасадной его части, увидев открытые створки ворот, разломленный трейлер, залитую кровью и заваленную человеческими останками площадь. Кровавый след тянулся дальше вдоль главной дороги к изгороди. Бойцы с осторожностью продвигались к входу в лабораторию.

Возвращавшиеся разведчики докладывали, что много их братьев лежит изувеченными, много обгоревших и покалеченных. Кто-то убивал их, пока они крушили дома и расправлялись с жителями. Отправленные к воротам бойцы сообщили о том, что выставленная охрана исчезла — повсюду кровь и разорванные тела.

Главарь кровников направил бойцов осмотреть ангар лаборатории. Чистокровки вбежали внутрь и немедленно позвали остальных. Вошедшие бойцы осветили ангар фонарями на своих масках. Груды тел в белых халатах лежали вперемешку с балками, кусками мебели, хламом и машинами. Тошнотворный запах крови и внутренностей плотной невидимой взвесью висел в воздухе. Но маски защищали бойцов от этой мерзости. Несущие балки и перекрытия ангара были сильно повреждены. Крыша в некоторых частях прогнулась, и куски облицовки свисали с потолка.

Каро сидел в переулке, облокотившись на уцелевшую стену дотлевающего здания. У него тряслись руки, на которые ему страшно было смотреть. Повсюду кровь, тлен и мерзкая вонь. Пожар разогревал воздух и душил легкие едким дымом. На руки оседали белые снежинки вперемешку с серым пеплом. Холод обманчивой весны, сменился духотой адского пожара, бушевавшего на улицах Деревни. Стояла мертвая тишина. Лишь рушащиеся стены и треск огня, поедавшего плоть, дерево и камень. Каро не хватало воздуха — он тяжело дышал, пытаясь вздохнуть как можно глубже. Пересохшие губы трескались. Засохшая на коже кровь источала омерзительное зловоние.

Красный от крови, снег блестел в пламени и таял, превращаясь в липкую вязкую жижу. Ее ручейки текли мимо кусков кожи и органов, разбросанных по земле и свисающих с домов. От жара огня кости людей трескались с глухим хрустом, блевотным спазмом отрывающимся в теле. Хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть багровых мазков безумия и оранжево-красных всполохов, устремляющихся на клубях черного дыма к оранжевым облакам. Но Каро не закрывал глаза — он не мог, перед ним стояли женщины и мужчины, санитары, врачи — все, через кого он выбрался из лаборатории. Все, через кого он прошел, разрывая, развеивая и раскалывая их черепа.

Он слышал, как они в ужасе и диком страхе кричат и кидаются в разные стороны, спотыкаясь друг о друга, давят, захлебываются и падают. Все они пытались бежать от него, скрыться от пожирания. Но его злоба была неумолима. Он слышал страх и использовал его против них. Он смотрел им в глаза, заставляя биться о стены и самим разбивать себе головы и резать конечности. Он давил ногами их кишки, шагал по ковру из кусков их тел. Его звал страх — страх девочки, которая звала на помощь у дверей лаборатории. Он крушил на своем пути закрытые двери. Хватал орущих профессоров и охранников и комкал их вместе, сдавливая их, превращая в гигантский ком, которым он крушил стены и тех, кто стоял у него на пути. Он вошел в ангар и увидел, как они прячутся от него. Охранники пытались оглушить его электродубинками. У некоторых оказались резиновые электропули, которыми они сумели вооружиться. Но Каро нельзя было остановить. Охрана стреляла, но не в него. Он проникал к ним в разум, и они палили друг в друга.

Каро смотрел перед собой и понимал, что он не может вспомнить ничего кроме этого. Это место, как будто бы он жил здесь многие годы, но улицы, объятые огнем, были ему не знакомы. Все вокруг призрачно напоминало ему о прошлом, которое он разорвал на отдельные куски.

Невдалеке раздался негромкий грохот. В переулке через два дома кто-то пробирался через завалы, расчищая себе путь. Каро прислушался. Шагов было почти не слышно, они утопали в жиже из снега, крови и пепла. Затаив дыхание, Каро выглянул из своего укрытия. Страх быть замеченным стучал в ушах. Глухие шаги незваного гостя приближались.

У края дома возник человек в черном. Он смотрел вперед, покачиваясь и рассматривая происходящее. Повернув голову вправо, затем налево, где находился Каро, он сверкнул желтыми глазницами. Каро узнал его — это один из тех странных охотников, с которыми он бился.

Охотник не спеша приближался, подолгу осматриваясь и вслушиваясь. Он шумно вдыхал воздух и фыркал, чувствуя тлен и разложение, мешавшие обонянию. Желтоглазый замер на середине улицы и уставился в сторону Каро. Снова и снова вдыхая воздух, охотник медленно шагнул в его сторону. Каро уперся руками о стену, готовясь к рывку. Охотник медленно ступал по кровавому снегу. Его желтые зрачки сузились и стали вытянутыми. Как

вдруг он дернулся с места, цепляясь когтями за разваливающиеся стены, и рванул что есть мочи вперед.

Каро вскочил на ноги и побежал в ближайший переулок. Желтоглазый, со звериным рыком, мчался за ним. Каро проносился мимо горящих стен, стараясь не задевать их, перепрыгивая через обугленные останки тел, он бежал сам не зная куда. Охотник стремительно его догонял. Беглец резко менял направление, пытаясь запутать преследователя. Но ничего не получалось, охотник был проворнее — он стремительно менял курс и, издавая звериный вой, неотрывно следовал за жертвой.

Каро выбежал на площадь. Невдалеке стоял разломленный трейлер, возле которого было несколько бойцов чистокровок. Бежать к ним? Или в другую сторону? Каро рванул в сторону от главной дороги. Бойцы заметили беглеца и с криком рванулись за ним. Желтоглазый по второй улице, следом. И уже скоро поравнялся с Каро, приготовив плеть для захвата.

Вдали послышался рев мотора. Еще кто-то! За ним гнались все.

Каро свернул в переулок на первую улицу и натолкнулся на охотника, почувствовав его холодное дыхание. Желтоглазый выпустил плеть и, насмехаясь над жертвой, оплел его. Каро попытался дернуться, но охотник выбил землю из-под его ног — Каро рухнул на землю. Раздался громкий выстрел! Каро зажмурился, ожидая получить пулю. Но рядом с ним на землю рухнул черный охотник.

Мысль налетала на мысль. Все тело колотило — нужно действовать, нужно распутать ноги! Каро видел, как к нему на большой скорости приближается мотоцикл. Нужно бежать! Каро нырнул в переулок. Мотоциклист, выругавшись, пронесся мимо до ближайшего широкого проулка, где смог развернуться и ехать параллельно с Каро.

За ним бежал отряд кровников. Несколько огнеметчиков стреляли ему в спину залпами огня. Мотоциклист свернул им наперерез и начал косить одного за другим. Внезапно у них за спиной возник еще один мотоциклист. Он достал из бочины байка длинноствольный карабин и начал расстреливать нападавших. Кровники не ожидали сопротивления. В узких переулках их отстреливали как мишени в тире. Они разбегались, почти не оказывая сопротивления.

Ошалевший беглец несся по переулкам. Он слышал, как один из мотоциклистов настигает его. Звук ревущего мотора заполнял все пространство вокруг. Каро свернул на одну из улиц и замер. Мотоциклист стоял в двух метрах от него. Беглец попятился назад, но со спины к нему почти вплотную подъехал другой гонщик. Его оружие было убрано. Он остановился. Каро обернулся к первому мотоциклисту — высокорослый мужчина в короткой черной куртке снял шлем и, показывая невооруженные руки, медленно подходил. Это был Саврасов.

Глава 33. Спасение

Кроберг нервно сжимала руки. Она то и дело потирала ладони, словно пытаясь согреться. В холе было достаточно тепло, но ее кидало в дрожь. Каждый раз, когда коричневая дверь с табличкой «172. Канцелярия» открывалась, она вздрагивала. Ее переживаниям не было предела и чем дольше она ждала, тем всепоглощающе ширилось волнение. Елена посматривала на свой идеальный маникюр, вспоминая забытую привычку грызть ногти. Нужно было пойти самой. Все лучше делать самой. Но ей нельзя демонстрировать заинтересованность выше меры. Выдержка, быть сдержанной — это ее сильная сторона. Прошло еще несколько мучительных минут, прежде чем в открывшейся двери появилась радостная Марина.

— Разрешение получено, — пропищала ассистентка.

Кроберг выхватила папку из ее рук и достала прозрачный электронный лист.

— Завтра заседание. Бумага из церкви помогла, — восторженно чирикала Марина.

Кроберг праздновала победу. Три недели назад она подала прошение о признании за ней права являться опекуном спасенного ею мальчика под Екатеринодаром. Елена поручила Марине собрать все необходимые доказательства, что у ребенка нет родственников и что им никто не интересуется.

Попавший в аварию школьный автобус вез детей из интерната, где воспитывались отказники. Кроберг считала, что факта спасения мальчику жизни будет достаточно, и ей передадут опеку над ним. Однако за два месяца дело не сдвинулось с места. Канцелярия суда не выдавала разрешения на опеку. Причиной была деятельность Кроберг и ее возможная профессиональная заинтересованность. Но она не сдавалась.

— После этого все было лишь формальностью, — сдавленно произнесла Елена.

Она сидела со своим юристом на заседании суда. Рядом с ее столом стоял семилетний мальчик, одетый в больничный балахон.

— Заседание прошло быстро. Я этому была очень рада. Ему хватило выписки из церковной книги о том, что я прихожусь тебе крестной матерью.

Елена попыталась повернуть голову в сторону мальчика. Но резкая боль впиалась ей в шею, и она замерла.

— И у него не возникло вопросов: почему этой бумаги вы не представили сразу, где вы ее взяли? — произнес мальчик, не раскрывая рта. Его усталые глаза уставились на судью рассматривающего документ.

— Мы придумали легенду, по которой бумага всегда была у тебя в рюкзаке и была утеряна во время аварии. На восстановление ушло время. Учитывая ревностное отношение церкви к своей деятельности, судья был на нашей стороне.

— Там есть мое имя? — мальчик смотрел на листок, который держал судья. — Как меня действительно зовут? — настаивал мальчик.

Кроберг всхлипнула. Что-то причиняло ей сильную боль.

— Мы выдумали тебе имя, — через боль ответила она.

— Зачем? Ведь записи в интернате были...

— Мы заплатили, чтобы их уничтожили. Все данные о тебе нужно было стереть, чтобы

следы не привели к нам. Ведь у тебя могли найтись родственники. Или кто-нибудь другой, заинтересованный в тебе. Мы сделали все, чтобы тебя никто не искал.

Боль отступила.

— И какое имя ты указала в бумаге? — не сводя глаз с судьи, настойчиво спрашивал мальчик.

— Александр, — опасаясь еще одного приступа боли, ответила Кроберг.

— Красивое. Но оно не мое?

— Нет, — закричала Елена. — Я не помню! Я действительно не помню.

— Почему?

— Проще исследовать безымянных...

Все остальные слова утонули в громких всхлипываниях и криках. Боль сверлом проделывала в ее голове очередную дырку, заставляя вспоминать. Перед Кроберг проносилось время, когда она впервые за свою жизнь посетила церковь в пригороде Петрополиса. Местный священник затребовал с них очень большую сумму за липовую бумажку. Однако дело того стоило. Если появится упоминание о том, что Александр действительно был крещен, то у нее будет реальный шанс получить полную опеку над ним. И тогда ей ничто не помешает уладить все вопросы с министерством здравоохранения, которое любит совать свой нос в дела исследования вирусов, считая свою роль главенствующей в этой работе.

— Однако ты не лекарство искала, — подросший десятилетний мальчик стоял возле больничной койки, рассматривая самого себя, лежащего на ней. Почти потухший взгляд, бессильные пальцы, поглаживающие стетоскоп, врученный ему Мариной, затерявшейся где-то в размытых слоях памяти. Кроберг стоял рядом.

— Мы уже тогда понимали, что монии это нечто большее, чем просто вирус, — опасливо произнесла Кроберг. — Ты был настоящей находкой, — она несмело повернула голову к стоящему мальчику с бледно-серым лицом и стеклянными глазами, уставленными на свою копию на кровати.

— Чудо, — безразлично произнес он.

— Я дала тебе новое имя, когда поняла насколько ты уникален. Ты был моим чудом. И имя у тебя должно было отличаться от детских безликих прозвищ. Я назвала тебя Каро, потому что ты был загадкой.

— Он воспринимал его как свое название.

— Так было не всегда... — с дрожащих губ Елены слетали хриплые слова. В глотке пересохло и связки царапали друг друга. — До десяти лет все твои монии находились в некоем подобии криостазиса, и мы не могли исследовать их напрямую. И каждый раз, когда мы пытались извлечь их хоть малую часть, твой организм отвечал невероятной вспышкой активности иммунной системы. Он защищался, не давая нам возможности понять механизм своей работы. Ты был человеком, но вместе с тем чем-то большим.

— Чудом...

— Моим чудом.

— Он тебя любил, — Каро смотрел на белозубую улыбку мальчика на кровати. — Хотя уже к тому времени ты истыкала и изрезала его вдоль и поперек. Крохотные укусы. Маленький комарик. Все это не уменьшало его любви. Каждый раз он видел твои глаза и видел в них ту, что вытасила его из автобуса. Единственный, кто подошел к нему, снял боль и прогнал страх. Каждый раз, когда он закрывал глаза, он вспоминал тот день. Каждую ночь

— один и тот же сон. Вот почему он так оживился в лаборатории. Там была ты. А в Деревне никого. Ощущение полного одиночества. Его спасали звезды, которых он ждал, с которыми не хотелось прощаться.

— Ты помнишь, как поранился, когда засмотрелся на небо?..

Ноющая боль вновь нахлынула на нее.

— Ты никогда не любила его! Для тебя он — пластилин, конструктор. И когда твои хирурги добрались до него, ты испытывала невообразимую волну воодушевления. На твоих глазах с его телом срачивались ткани, кости, даже части чужих тел. Ты увлеченно занималась им, истинная крестная мать, которой перепало такое долгожданное дитя. Ты лепила из него совершенство, по своим лекалам.

— Мне было интересно, — всхлипнула в оправдание Елена. — Как твой организм будет вести себя? Как будут реагировать монии? И мы добились их пробуждения.

Всхлипнула она от радости, но тут же смолкла, опасаясь возмездия. Но ничего не последовало.

— Ты так увлеклась его конструированием, что даже не заметила, как от того фальшивого Александра не осталось ничего.

— Я перебрала тебя. Ты был несовершенно. Твои органы не могли функционировать так, как нужно было, — как замороженная, говорила Елена. — Монии уничтожили бы твое тело. Органы выгорали, ткани старились. Тебе нужно было все новое. И я дала тебе все, что нужно было. Все для тебя, чтобы ты жил. И ты перерождался.

— За счет других.

— Никчемных! — возразила она.

— Таких же никчемных как она?

Каро указала на Марину, корчащуюся у его кровати. Она обмотала вокруг своей шеи провода от приборов. Дергаясь и извиваясь на полу, помощница медленно расставалась с жизнью.

— Он хотел умереть, — говорил повзрослевший Каро. — Ему было больно... и страшно от того, что ты можешь еще придумать. Ему хотелось умереть, и он ждал, когда кровь в жилах остановится. Я сдерживал иммунитет, и он медленно угасал. Готовился к последнему вздоху.

— Как ты мог?! — вскрикнула Кроберг.

На ней был белый халат, застегнутый на все пуговицы. Она обняла Каро и гладила его по лысой голове, деформированной от множества операций.

— Как она могла? — он смотрел на бездыханное тело Марины. — Он хотел умереть, а она нашла способ воспрепятствовать этому.

— Зачем? — причитала Елена. — Ну зачем тебе умирать? Ты же мое чудо. В тебе такой потенциал. Ты станешь прародителем следующего вида. Ты — ключ к нашему бессмертию.

— И ты нас любишь?

Елена посмотрела в краснеющие глаза Каро. Он смотрел в ее.

— Ну конечно, — она сжала губы, увидев, как в его глаза лопаются и набухают сосуды. Взяв себя в руки, она прижала его к себе. — Не сомневайся в этом. Все что я делала для тебя — я делала для сына. Я без тебя ничто. Ты мой, а я твоя.

Она крепко обняла его, вдыхая терпкий аромат его тела. Каро сцепил руки у нее за спиной и прижал к себе. Свет вокруг померк. Стены палаты покрылись черной слизью, а пол стал липким и скользким. Елена чувствовала, что стоит в чем-то вязком и теплом. Она

открыла глаза и увидела темный коридор лаборатории. Ее ноги в луже крови, среди останков тел. Абсолютно голый Каро обнимал ее, прижимая все сильнее и сильнее к себе. Елена попыталась отстраниться. Но крепкие руки крестника не давали этого сделать.

— Что ты делаешь? — чувствуя разъедающую боль по всему телу, спросила Кроберг.

Его руки стискивали ее, прижимая к себе со страшной силой. Елена не могла стерпеть и громкий крик оглушил тьму коридора, отражаясь и сталкиваясь, усиливаясь многократно. Она чувствовала, как что-то упирается ей в спину и вдавливают в объятия Каро. Не в силах отлепиться от него, испытывая чудовищное давление, она колотила руками его плечи, голову. Вопя, словно загнанный в угол зверь, она видела, как трескается кожа на ее руках и кровь хлещет через вскрывающиеся раны. Кости в ее теле переламывались под невидимым натиском и крошились на мелкие части. Ее позвоночник переломился в нескольких местах, и Елена обмякла в давящих объятиях. Ее голова покрывалась трещинами как яичная скорлупа. Рыдая кровавыми слезами, Елена молила Каро прекратить. Но с губ ее вместо слов слетали давящееся бульканье и тошнотворные стоны.

Каро глубоко вздохнул и открыл глаза. На его руках висел пропитанный кровью халат. Вся остальная одежда Кроберг лежала среди распавшихся кусков ее тела на полу. Он был полностью покрыт багровой вязкой жижей с кусками кожи и мяса. Глядя на одежду Кроберг, Каро тихо произнес:

— Я тебя тоже люблю.

Он бросил на пол халат и посмотрел налево, в сторону коридора, который вел к карцеру. В полумраке, с редкими всполохами тусклых светильников, залитых кровью, стояла Сата. В полном оцепенении она пыталась справиться с тошнотворными позывами. Все произошло на ее глазах. Она рыскала впотьмах, когда вдруг ощутила близкое присутствие Каро и поспешила ему навстречу.

Сата и Каро стоял друг напротив друга. Их разделял лишь небольшой холл, из которого наверх вела лестница. Каждый ждал ответных действий. Скованная увиденным, Сата не могла сдвинуться с места. И не пошевелилась она, когда Каро сделал шаг в ее сторону. Он смотрел пристально ей в глаза, чувствовал, как бьется ее сердце, ощущал жар, идущий от ее крови, слышал мысли, тонущие в липком страхе. Чем ближе Каро подходил, тем сильнее трясло Сату. Волна за волной она ощущала, как он стискивает на ней свои испачканные в крови Кроберг пальцы.

Две руки выплыли из мрака за спиной у Саты. Одна схватила ее за локоть, другая за плечо. Максим и Аня тащили ее за собой в чрево мрака, подальше от Каро. Увидев друзей, Сата пыталась прийти в себя. Она оглядывалась и понимала, что почти не ощущает злобности Каро. Ей хотелось прокричать: «Остановитесь!», но Максим одернул ее:

— Хватит упираться, дура. Мария пытается поглотить излучение, чтобы он не пошел за нами.

Посмотрев на Макса, Сата поняла, что совершенно растерялась. В кромешной темноте, опираясь руками о стены, они добежали до карцера, где укрывались все остальные.

— Ну как там? — спросила Анна.

Находясь рядом с ней, во мраке видеть было легче.

— Он чрезвычайно силен, — Мари стояла в центре комнаты с закрытыми глазами, — сделай нас невидимыми для него.

— Сразу всех? — Аня сомневалась в своих силах.

— Я поглощу излучение, а ты сделай слепую зону, — быстро проговорила Мари.

Максим потрепал любимую за плечи и пожелал удачи. Все расселись вокруг Ани и Марии. Таша, который все еще был без сознания, подтащили к себе.

Шак посмотрел в сторону Саты. Сгорбленная, измятая годами, — она сидела будто древняя старуха, склонившись над полом. Могучий великан нахмурился. Темень карцера мешала оценить состояние девушки. Он медленно придвинул Сату к себе. Девушка не сопротивлялась и даже позволила ему по-отечески взять ее за руки.

— Ты вся дрожишь, — напрягся он.

— Это из-за Каро, — не думая выпалила она, заставив напрячься всех, кто ее услышал.

— Каро больше нет, — вдруг произнесла Мария. — То, что он излучает — уже не Каро.

Сата сопротивлялась набухающим слезам.

— Что произошло? — не унимался Шак.

— Он убил Кроберг, — голос Саты дрожал, — у меня на глазах.

— Доигралась, значит, — злобно радовался Шакирд.

Сата посмотрела на упивающегося злорадством великана и, хмыкнув, обронила ему на руки слезы. Шак по-отечески обнял ее.

— Он нас ищет, — хмурясь, произнесла Анна.

Она стояла спиной к Марии и пыталась совладать со слепым полем, скрывающим их от взора Каро.

— Он ищет, — Аня вся дрожала, — если он поймет, что я скрываю нас, то он начнет пробивать меня. Я не выстою.

Максим взял ее за руку.

— Говори словами, Макс, — взмолилась Мария. — Мне и так сложно всех вас поглощать.

— Любимая, разгони свою силу. Он ведь учил тебя сдерживаться. Обматывать и тратить потоки энергии на бесконечный замкнутый клубок. Отпусти его. Прекрати сосредотачиваться. Вздохни. Ты же знаешь, как увеличить область тьмы. Тебе надо ускорить метаболизм. Не бойся. Я рядом, но не держу тебя. В моих руках нет цепей, что сковывали тебя. Отпусти себя... Разгоняйся.

Сата смотрела на друзей. Как никогда ей было страшно за них. В ногах у Шакирда лежал беспомощный Таш. Ей так хотелось проникнуть в его разум, чтобы он очнулся. Но сейчас этого нельзя было делать. Риск быть обнаруженными был слишком велик. Эмоциональный всплеск старосты как внезапный вулкан прорвется через слепое поле и маяком укажет на них.

— Может все же приведем его в чувство? — Сата пыталась не впасть в отчаяние. — Он — единственный, кто сможет сдержать Каро и не дать ему убить нас.

— А ты думаешь, он попытается? — не верил Макс.

— А ты взгляни на них? — почти вскрикнула Сата.

— И сколько нам тут сидеть? — нервничал Шак.

Он опасливо поглядывал на дверь, пытаясь представить, как они будут выбираться отсюда.

Из коридора стали доноситься далекие крики людей. Истошные, рваные вопли рекой полились по этажам.

— Что это? — Сата вжалась в могучего Шакирда.

Здание содрогалось от глухих ударов.

Кто-то пробежал мимо их двери, завывая, словно раненый зверь. Удар следовал за

ударом — здание сотрясло. Скрежет металла многократно отражался от стен и замыкался в коридорах.

— Нужно выбирать, — тихо прошептал Шак.

— Ты спятил? — испуганно причитала Сата. — Крики наверху ни о чем не говорят?

— Нужно идти.

— Пусть сначала он уйдет из лаборатории, — настаивала Сата.

— А ты уверена, что он выход ищет? — сомневался Максим, посматривая на Аню.

— Сейчас Каро — зверь, вырвавшийся из клетки. И никому не известно, куда он стремится, — Шакирд подхватил мысль.

Волна криков спустилась сверху. Истошный ор заполнял все пространство.

— Пока он занят ими, можно проскользнуть и выбраться отсюда, — предложил Шак.

— Мы не знаем, что происходит там, — умоляла Сата.

— Чтобы там не происходило, — вмешалась Мария, — вечно прикрывать нас мы не сможем. Нам нужен отдых.

— А если он опять спустится сюда?.. — прислушиваясь к приближающимся шагам, спросил Макс.

По коридору пронеслись несколько человек. Они пытались не вопить, давя крики руками.

— Либо они нас найдут, либо он придет за ними, — настойчиво твердил Шак. — Надс идти.

Шакирд подался к двери, но его остановила Сата.

— И как мы выберемся?

— Если все отключено здесь, значит, отключено везде, — Шакирд отдернул руку. — И чутье подсказывает, что охрана занята сейчас не нами.

Шакирд вышел из поля действия невидимости. Анна открыла глаза. Максим подхватил ее.

Опасаясь худшего, Мария перестала поглощать излучения в комнате. На мгновение все замерли. Сата просканировала пространство вокруг. И очнулась, словно от жуткого кошмара.

— Все гибнут, Каро на верхнем уровне, — дрожащим голосом сообщила Сата. — Нам опасно быть там.

— А ты нам на что? Он не стал разыскивать нас здесь. Мы ему не нужны. Ты будешь держать его в поле своего видения, Аня и Мария прикроют нас.

— Мы справимся, — поддержала Анна.

Максим кивал, соглашаясь с благоверной. Сата смотрела на них. Таш едва слышно дышал. Мнение большинства было очевидным. Никто не желал сидеть на месте. Нужно было держаться друг друга. Лишь Мария робко металась в центре комнаты.

— А как же Таш? — робко встала Мари.

Она рукой указала на старосту, ожидая, что Шакирд сейчас возьмет его на плечи.

— Мы не можем его тащить, — глядя в пол, произнес Шак. — Ты можешь его пробудить?

Сата коснулась рукой головы старосты. Несколько секунд она воздействовала на него и несколько раз ее лобные морщины собирались в тревожную кучку.

— Нет.

Шакирд вышел во мрак коридора. Влияния Анны хватало, чтобы различать стены и пол.

Мари не верила глазам. Верный друг и соратник Таша вот так запросто его бросает. Шак вслушивался в далекие крики и тишину, что была рядом. Никого не было. Заглянув в комнату, он позвал остальных. Мария подбежала к двери.

— И что же? Его вот так бросить? — не верила она в то, что все делают это.

— А ты хочешь с ним остаться? — ядовито спросил Шак.

— Я хочу, чтобы он был с нами.

Сата подошла к открытой двери. Она положила руки на плечи Марии и заглянула в нее.

— Ты беспокоишься о нем. Мы все друг о друге беспокоимся. Без тебя нам не выбраться. Я бы осталась здесь, но все решили по-другому. Мы держимся друг за друга. Подумай, а как бы он поступил, будь ты на его месте? — сухо выводила Сата.

Мари склонила голову. Не замеченная никем слеза глухо разбилась о холодный пол. Беглецы направились в сторону холла.

Шакирд поскользнулся и резко завалился назад, но вынырнувший из темени Максим, успел удержать огромную махину от падения. Проходя мимо огромной лужи крови и нескольких кучек человеческих останков, Шакирд начал догадываться, что могла видеть Сата. Под нескончаемые крики людей, они осторожно поднимались по ступеням. Каждый раз, когда здание трясло, они прижимались к стене. Сата вела их своим зрением, пытаясь избегать взора Каро. В этом ей помогала Аня, следуя за ее видением слепой зоной. Каро бушевал на верхнем этаже лаборатории.

Крики на втором уровне были слышны громче. Визг человеческих воплей пугали и заставляли прижиматься друг к другу.

В холле второго этажа находилось множество человеческих тел. Разорванные, изувеченные они лежали повсюду в общем хаосе с лабораторным оборудованием. Все стены, пол и даже чернеющая высь потолка — залито кровью. Тошнотный запах резко ударил в нос. По лестнице стекала вязкая жижа, вперемешку с волосами и кусками мяса.

На верхнем уровне шла война. Удары огромной силы доносились до слуха. Гнущийся металл, под крепким натиском, издавал режущий стон. Рушились перегородки, заставляя весь комплекс содрогаться.

Выбравшись в лестничный холл верхнего уровня, беглецы ужаснулись. Анна и Мария не смогли справиться с увиденным. Максим подхватил любимую. Шакирд держал Мари. Они перевернули их лицом вниз, не давая захлебнуться рвотой.

В багровом полумраке коридор напоминал узкий тоннель, устланный человеческими телами. Они были повсюду. Сверху, на стенах и на полу. Сломанные руки, выпотрошенные внутренности свисали отовсюду. Еще теплая кровь текла и капала вязкой каплей. Изломанные и изуродованные тела плотным настилом покрывали все вокруг, оставляя лишь малый проход в центре. Перед ними было чрево чудовищного червя, устланное останками поглощённых, перетертых людей.

Продвигаться было почти невозможно. Ноги увязали между останками тел, словно в болоте запруженной комьями грязи. Торчащие пальцы рук цеплялись за одежду. Одно неаккуратное движение и с потолка обваливались целые куски из ребер и органов. Теплый спертый тошнотворный запах заполнял все вокруг. Искореженные двери большинства помещений были вырваны, измяты как картонные. Тусклый свет разбросанных автономных ламп тонул в красной пыли, скудно освещая заваленные телами просторные лаборатории. Множество трупов были скомканы в огромные шары. Слепленные наспех, с огромной силой придавленные друг к другу, они были снарядами для игры в липкие кровавые снежки. Стены

деформированы так, будто в них врезался трактор. Огромные вмятины, заполненные кусками тел и раздавленными приборами. Вонь, заполнявшая каждую щель, дурманила разум, и сводила судорогой желудки. Ноги подкашивались. Шакирд пытался удержать Сату и Мари от падения в рыхлый ковер из человечины. Они медленно продвигались вперед, ступая по оторванным рукам и органам, отодвигая особо крупные куски, стараясь не задеть головы.

— Девочки, придите в себя, — Шакирд тряс Сату, чтобы она не присоединилась к бесчувственной Марии. — Хватит падать в... — захлебываясь вонью прохрипел он.

Сата едва волочила ногами. Стоило Марии открыть глаза, немного прийти в себя, как перед ней вновь оказывалось чрево из трупов. Сата уперлась в Шакирда, повиснув на нем окончательно. Они с Марией словно чучела свисали с его могучих рук, которыми он цеплялся за стены из слоев мяса и органов. Он измазался в крови и кишках, но изо всех сил старался не дать Сате и Марии упасть на ковер, сотканный из тел. Хотя ему самому было тяжело от красных джунглей из человеческих останков. Огибая свисавшие кишки, он боролся с сильным рвотным позывом и отчаянием, проникающим в мысли. Максим брел следом. Стойкий запах сводил его с ума. Нужно держаться. Нужно удержать Аню. Они медленно ковыляли по коридору, пытаясь вырваться из удушающего зловония. Шакирд помнил дорогу наизусть. Он твердо ступал между кусками тел, волоча едва стоявших на ногах подруг. «Главное — не поскользнуться. Главное... не поскользнуться», — повторял он про себя, уравнивая себя девушками. Максим старался не отступать, хотя тащить Аню, пробираясь через куски человеческого мяса было нелегко.

Оказавшись в главном холе, рядом с кабинетом Кроберг, они поняли, что это венец ужаса, постигшего лабораторию. Когда-то просторный холл с кабинетами и лифтом был завален разорванными телами. Лишь узкий проход между трупными завалами вел к нужному коридору.

Шакирд стоял, рядом с ним Максим. Они смотрели друг на друга и понимали, что в этом узком проходе не получится тащить на себе женщин. Их нужно было привести в чувство. Чем дальше они били их по щекам и пытались как-то пробудить, тем больше им казалось, что расколотые головы в стенах еще шевелятся, а оторванные руки тянутся к ним. Тоннель вибрировал и дышал, прогоняя через себя смрад, сводящий с ума.

Наконец Сата пришла в чувство. Ее сознание было хрупко, но она пыталась удержать равновесие. Когда трое на ногах — можно идти дальше. Они ухватились друг за друга. Шакирд вперед, за него пыталась держаться Мария, но больше он ее держал. Следом, пытаясь не отстать, Сата. Но стоило им войти в узкий проход из тел в холле, как ее повело в сторону. Максим, шедший сзади, попытался удержать ее, и подгонял вперед. Так они добрались до следующего поворота.

Оставалось совсем чуть-чуть. Еще несколько преград и трупных шаров, сваленных и раздавленных, и они оказались у входа в гараж. Они остановились возле перил.

Шак всматривался в чрево пустоты, тщетно пытаясь хоть что-то разглядеть. Липкий мрак проглотил все. Разбросанных ламп здесь было мало. Девушки едва держались на ногах. Они выбились из сил и совершенно утратили контроль над собой. И никто из них не понял, что во мраке скрывается зверь, встречи с которым они хотели избежать.

Плотная обжигающая волна обрушилась на них. От сильного чувства жжения в глотке Сата и Мария начали приходить в чувство. Во всем теле покалывало и щипало. Они пытались сопротивляться. Но с каждой секундой их тела нагревались сильнее. Противостоять неведомой силе было невозможно. Сата смотрела вперед, но темень мешала

ей разглядеть и вскоре она поняла, что уже ощущала это. Это был Каро. Он видел их и пожирал их. Мария протянула руки в сторону накатывающих обжигающих волн. Кончики ее пальцев чернели. Но она подошла к перилам:

— Каро, это мы, — Мари попыталась прокричать, но боль сомкнула ее связки.

Она закрыла глаза. Сопrotивляясь боли, Мария попыталась поглотить энергию, обрушившуюся на них. Она тянулась одной рукой к нему, другую пыталась вытянуть в сторону.

Каро ощутил возникшее препятствие. Он чувствовал, как те, кто должен был раствориться — еще живы. Ему противостояли. Каро медленно приближался к ним, усиливая натиск. Чем сильнее он опалял их, тем быстрее Мари старалась поглощать его воздействие. Но боль неумолимо нарастала. Она не справлялась. Волна за волной пожирающая сила обрушивалась на них, превосходя силу Марии с каждым ударом. По ее лицу бежали слезы — она понимала, что не сможет выстоять. Ее руки опалило невидимым пламенем. Они чернели, и кожа слезала с них. Внутренние органы сжимались, а кости трескались под напором чудовищной силы. Каро истреблял их.

— Оставь их, — из глубины коридора раздался скрипучий голос.

Таш пробирался через тела и мгновенно ощутил, как Каро обратил на него свой изничтожающий взор. Старосту шатало из стороны в сторону. Пытаясь удержаться, он цеплялся за стену из кусков тел, но шел вперед. Он чувствовал, как на его друзей обрушил свою силу тот, кого он берег долгие годы. Таш ощущал Каро внутри себя. Как он проникает в него и начинает разрывать его клетки на части. Но он шел к Каро и пытался устоять на ногах.

— Не надо, — сквозь дурман боли пыталась прокричать Мария. — Не подходи к нему.

По ее лицу текли слезы. Она попыталась схватиться за него, остановить. Зачем же он идет?! Почему не останавливается? Зачем он спускается к нему? Остановите же его! Мари споткнулась и едва не падая, ухватилась за перила. Боль ломала ее с каждой секундой.

— Оставь их, — продолжал говорить Таш, преодолевая боль. Он продолжал идти вперед, заслонив собой друзей от взора Каро.

Его седые волосы почернели, обратились пеплом и осыпались. Кожа его покрывалась огромными черными пятнами и отслаивалась от мышц. Он едва передвигал ногами, падая, но пытаясь встать. Каро смотрел на него и почти не обращал внимания на других.

— Они не враги...

Каро смотрел на Таша, поедая глазами. Сосуды лопались в мышцах, Таш истекал кровью, но она превращалась в кровавую пыль. Таш распадался на куски, продолжая смотреть на того, чьей жизнью дорожил больше всего. Он попытался протянуть к нему руку, но его кости начали трещать и крошиться, разламывая тело на несколько частей. Кровь старосты красным облаком летала вокруг Каро. А он все смотрел на распадающиеся части тела Таша, пока от него не остался багровый холмик из рваных органов и расколотого черепа со съехавшей набок челюстью. Каро закрыл глаза. Внезапно его тело завибрировало, кожа стала рыхлой от раскрывшихся пор — оно вдыхало кровавую пыль, витающую вокруг.

Внезапно мрак разрезал луч от распахнувшейся двери.

Каро развернулся, бросив на беглецов последний взгляд и направился к выходу. Шакирд вдыхал свежий воздух вперемешку с вонью вывернутых кишок и их содержимого. Густой запах гари вторгся в смрадные коридоры изувеченной лаборатории. Смешиваясь с запахом крови и вонью отходов, они создавали невыносимое зловоние. Раздались крики. Кто-то

вбегал вовнутрь, и его мгновенно настигала смерть.

Сата смотрела вслед Каро. Она только что видела конец всему, что держало ее разум в равновесии. У всех на глазах ее друг-наставник поглотил Таша — единственного, кого воспринимал и ограждал от ужасов, создаваемых им.

Максим пытался привести женщин в чувство. Красный полумрак прорезал яркий, с оранжевым отливом, свет. Издалека, с другого конца гаража, донеслись быстрые шаги. Кто-то забирался в трейлер. Под скрежет открывающихся ставней неровным гулом взревел двигатель. Яркий свет фар осветил пространство вокруг. И жуткая картина наполнилась новыми подробностями.

Шакирд сполз на пол, пытаясь осознать произошедшее. Максим пытался справиться с дрожью во всем теле. Ему хотелось рухнуть, но он не мог себе этого позволить. Беспомощный вид Ани тревожил его. Сата смотрела на Шакирда, который дружил со старостой дольше всех. Сколько они здесь пережили? Волнения, даже восстание и попытки побега. Они ругались в пух и прах, но всегда держались друг друга. И сейчас, у них на глазах, великий староста превратился в кровавую пыль, а его останки кровавой кучей лежат среди множества других.

Сквозь нарастающий гул раздавались всхлипы Марии. Она держалась за металлические поручни, боясь их отпустить. Она тихо рыдала, оплакивая свои чувства и того, кто был их достоин. Ее подала пустота. Дыханию не хватало воздуха, и она захлебывалась отчаянием. В одиночасье она лишилась опоры, которой Таш всегда был для нее. Она корила себя за малодушие, за то, что поддалась отчаянию и бросила его в карцере. А сейчас Мари принимала наказание созерцанием гибели любимого человека.

Желания двигаться не было. Как и думать о том, что будет дальше. Нет в происходящем ничего реального — все сон, кошмар. Сата сидела на останках, покачиваясь в такт вибрациям работающего двигателя. Оранжевый отсвет из раскрытых дверных ставней, застыл на кабине окровавленного трейлера. Ее мечта выбраться была раздавлена, так же как Кроберг и Таш. Снедаемая отвращением к себе, Сата сидела и не реагировала на крик Ани.

Ее тормозили и призывали встать. Шак и Макс подошли к ставням и выглянули наружу. Ад царил и здесь! Они узрели пожарище. Как горят их дома, как повсюду снуют огнеметчики под нечеловеческие крики жителей. Шакирд сорвался с места и рванул в сторону дома. Максим протянул руку в сторону любимой. Анна заметила страх в его глазах и, закрыв рот руками, побрела к нему.

Сата через их глаза видела разрастающееся алое зарево. Вцепившись в раздавленную Марию, она подошла к Ане и Максиму. На другой стороне площади раздался звон стекла и вопли Шакирда. Они рванули к оранжерее.

Возле нее Шак отбивался от налетчиков. Он хватал их одного за другим и швырял в прозрачные стены цветника, вышибая их. От жара пылающего огня внутри оранжереи лопались стекла. Увидев, что горит ее детище, Аня оторопела. Но уже через несколько мгновений ее порыв кинуться в огонь к деревьям едва сдерживали Максим и Сата.

С двух сторон цветника показались бойцы. В руках некоторых было шоковое оружие, которым они стали стрелять в беглецов. Но из оранжереи, словно глыба с горы, на них обрушился Шакирд. Он ревел как раненый медведь и одним ударом переламывал бойцов пополам. Опешившие огнеметчики не могли поначалу сообразить кто перед ними: зверь или человек. Сила его была настолько огромной, что он отпихивал бойцов как бурдюки с кровью, накалывал их на острые обломки прозрачных стен.

Шакирд ревел, оглядываясь по сторонам. В его голове была одна цель — найти Надю и Сашу. Он бежал, не разбирая дороги. Изорванная одежда, пропитанная кровью, рваные раны от головы до пояса. Он несся вперед как танк, сметая все на своем пути. Шак врывается в толпу огнеметчиков, окруживших дом и сминал их. Руками-молотами он взламывал двери:

— Надя! Саша! — он обезумел.

Перепуганные и забившиеся по углам комнаты, жители вырывались наружу. Шакирд шел к другому дому. Тяжелая поступь его ног ощущалась повсюду. Великан искал своих девочек.

Времени терять было нельзя.

— Нужно спасти детей! — прокричала Сата.

Мария хотела поддержать ее. Но она тряслась так, что сама могла упасть, сделай еще шаг. Ее растерянный взгляд блуждал среди языков пламени. Куда бежать и где искать детей? Как в этом аду можно уцелеть?

Аня и Максим недовольно посмотрели на вдруг ожившую Сату.

— Каждый сам за себя, — Анна схватила Максима за руку и дернула бежать.

Но Макс якорем удержал ее.

— Детей нужно спасти, — бескомпромиссно выдал он.

Цветочницу заколотило. Пытаясь совладать с гневными позывами, Аня схватилась за голову. Нужно бежать пока их не заметили! Но во взгляде Максима не было место былой мягкости. Анна свирепела: как смеет он управлять ею, как смеет возражать?!

Все рванулись вслед за Сатой, тянущей за руку Марию. Она сообразила, что огнеметчики еще не добрались до районов, где проживало больше всего детей. Они бежали по переулкам, отсиживаясь и пропуская бойцов. Стоило огнеметчикам пробежать мимо, как дерганная Анна выбегала за их спинами. Она могла слышать их разговоры. Как бойцы смеются и отпускают шуточки.

Злость бурлила в ней как кипящее масло в казане. Она ощутила насколько текуча в жилах кровь, как она бежит по телу, гонимая адреналином. Стоило ей протянуть руку, как бойцы ощутили жар распирающий изнутри. Кровь быстро разгонялась, заставляя сердце работать с перегрузками. Аня не собиралась сбавляла натиска. В ее силах остановить жизнь в их мерзких жилах. Оставалось принять решение, и она его приняла! Человеческое сердце не может выдержать такого давления крови. Бойцы рухнули на землю замертво.

Пробегая мимо домов, Сата почувствовала всплеск активности Каро. Он был все еще в Деревне, и Таня была рядом с ним. Она жива — в Сате затеплилась уголек надежды, что и другие дети тоже живы. Впереди раздались крики. Сата очнулась и побежала вслед за остальными.

Добежав до дома, где были заперты деревенские, они увидели готовящихся к расправе бойцов. Нужно было действовать. Анна погрузилась в легкий транс и ослепила нападавших. Опешившие от внезапного помутнения в глазах, бойцы начали палить по сторонам, задевая друг друга. Но Максим был ловок. Он пробирался сквозь них и вырывал огнеметы. Следом подоспела Сата, с которой на пару они вырубали безумствующих бойцов.

— Дверь, — указала Сата.

Анна вышла из переулка. Ее всю трясло — в ней бурлила энергия! Сжимая и разжимая кулаки, она быстро приближалась к чистокровкам. Кружила вокруг них как акула вокруг жертвы. Она пинала, оскорбляла и срывала с них маски. Раздавить их! Мария и Сата связали руки огрызающимся бойцам их же ремнями.

— Успокойся, — приговаривала Мари, видя, что Аня начинает воздействовать на бойцов.

— Они сдохнут, — злобно прошипела Аня.

Максим разблокировал дверь и окно. Перепуганные деревенские рванули наружу.

— Стойте, идиоты, — закричал он, пытаясь выцепить из толпы детей.

Мария с Сатой кинулись догонять спасенных. Они хватали их за руки, пытались остановить и докричаться до них. Но, обезумевшие от страха, жители вырывались и бежали прочь. Мари заметила нескольких бойцов вдалеке. Бежать за ошалевшими было бессмысленно. Вернувшись к дому, они увидели, что Макс держит двух девочек и мальчугана. Всем им не больше десяти: немногие, кого успел ухватить в общей панике.

Анна стояла перед мертвыми бойцами. Ее бешенные глаза уставились на Сату. Она не собиралась скрываться от того, что с ними сделала. Из ушей и носа у огнеметчиков текли струйки крови. Анна просто выдавила ее из них.

— Довольна? — тревога овладевала Сатой.

— Они получили по заслугам, — отмахнулась Аня.

— Нужно идти дальше.

— Ты спятила? — встрепелась Аня.

Совсем рядом послышались крики жителей.

— Ты хотела спасти детей. Вот — дети спасены. Теперь уносим ноги, — Аня негодовала.

Ее колотило, словно от мороза. Она подлетела к Сате и, размахивая руками, пыталась заставить ее изменить решение. Всегда спокойная Анна пугала всех, в том числе и Максима. Но он понимал, что виной тому разгоняющиеся мании у нее в крови.

— Могут еще быть, — робко добавила Мария, опасаясь, что Анна подойдет и к ней.

— Аня права, — Макс попытался снизить градус, — с тремя детьми сложно бегать. Нужно найти безопасное место. И это место не в Деревне.

Резонный довод. Сата задумалась. Прижавшиеся друг к другу дети стояли перед ней и со страхом глядели на трупы кровников. Сата не могла решиться.

— Я сваливаю, — дернулась Аня.

Нерешительность Саты ее добила. Она подошла к Максиму и бескомпромиссно посмотрела ему в глаза.

— Без вас будет сложно. Неужели вам их не жаль? — Сата пыталась достучаться.

— Не дави на совесть, — отбивалась Анна. — Главное сейчас — выжить. И хватит строить из себя святую и вечно обо всех заботиться, — быстро тараторила она. — У нас был один добряк уже. С меня хватит этой херни. Нет вашего рая и вечного добра. Сплюнь и забудь, дурочка. Мы сделали так, как ты хотела — вытащили этих. Теперь надо выбираться. И им тоже, — дергающийся палец уставился в сторону детей.

— Тебе надо успокоиться, — Максим на мгновение закрыл глаза, пытаясь замедлить Анну.

— Не смей этого делать! — вспыхнула она, ударив его в грудь. — Каро еще здесь, эти твари охотятся на нас. Кто вас прикроет? Воспитательница или эта мямля?!

Максим был ошарашен, но остановил попытки воздействовать на Аню.

— Давайте пойдем к изгороди, — испуганно произнесла Мария. — Здесь жутко и детей действительно надо увести.

Максим прижимал ребят к себе. Их хрупкие тельца колотила дикая дрожь, и близость к

Ане играла не последнюю роль.

— Сата, нужно выбирать, — поддержал Макс. — Нужно искать выход. Что нас ждет у изгороди, еще вопрос. По пути кого будем находить, будем брать с собой, — поглядывая по сторонам, предложил Макс.

Совсем рядом послышались голоса огнеметчиков. Через секунду ошалелая огненная плеть въедалась в очередной дом. Сата кивнула Максиму. Она сдалась. Все направились в противоположном от бойцов направлении.

Пробираясь по улочкам, они медленно приближались к изгороди. И стоило им выйти за девятый круг, они увидели, что вокруг Деревни пылает лес. Высокая огненная стена с десятков метров вздымалась к алым небесам. Беглецы стояли перед изгородью, понимая, что даже выбравшись наружу, пройти через сплошную стену пламени им не удастся. Они стояли и смотрели, как языки огня закручиваются в вихри. Сата отшатнулась, глядя на пламя. Она вспомнила свое видение, которое незадолго до их провала ей послал Каро. Ей стало страшно и она попятилась назад.

— Нужно попробовать по главной дороге, — осмотрев все внимательно, выдал Макс.

Он видел ужас на лице Саты. И Мария, глядевшая на нее, готова была впасть в панику.

— Эй, — злился он. — Очнитесь! Есть главная дорога. Эти подонки как-то сюда пришли. Может есть шанс выбраться по ней. Но главный выход наверняка охраняется, — посмотрел он на любимую.

— Поэтому не надо меня замедлять, — стиснув зубы, ответила Аня. — Значит, прорываемся.

Боевой настрой любимой ободрял. Пусть она сейчас не в себе, но она как локомотив тащила всех и готова была справиться с любым препятствием. Мария подошла к Максиму и присела поближе к детям. Огромная стена пламени пугала их еще больше. Макс тоже присел. Он совершенно забыл о липнувших к нему ребятах.

— Мы справимся, — тихо произнесла Мария.

— Если я вас вытащил из дома, то и отсюда вытащу. Главное бегите с нами. Держитесь за меня.

— Назад! — вдруг прокричала Сата.

Но было поздно. С двух сторон их окружили желтоглазые. Аня реагировала быстро. Она сжала кулаки и обрушилась на охотников, излучая волну давления.

— За мной! — прокричала Аня.

Макс схватил пацана и девочку, Сата другую и все побежали за Анной. Второй охотник не отставал. Анна приказала Максиму бежать к воротам. Она остановилась, пропуская всех вперед себя. Оказавшись сзади, ей удалось спугнуть второго охотника.

— Сата, сканируй! — кричала она.

С девочкой на руках, Сата пыталась просканировать область вокруг. Но ей нужно было видеть дорогу. И она постоянно открывала глаза, чтобы не упасть.

— Направо, — командовала она.

Все свернули. Но группа огнеметчиков заметила их. Громкие шаги и крики выдали их. Поток пламени лился с разных сторон. Беглецы бежали со всех ног. Аня сосредотачивалась на одном бойце, пыталась его отключить, но ей не хватало времени. На бегу это делать было тяжело.

— Налеву!

Но это была ошибка. Их ждали желтоглазые. Огнеметчики бежали следом. Анна

попыталась спугнуть их, но на сей раз ничего не вышло!

Бойцы совсем рядом. Охотники рванули в их сторону. Сзади полилось пламя. Длинные струи обжигающего огня вот-вот коснутся их. Но вмешались желтоглазые.

Они перепрыгнули их и изрыгая непонятные ругательства, обрушились на кровников. Беглецы не медлили. Они свернули в переулок. Бежали не разбирая дороги. Анна закричала, что главные ворота в другой стороне и нужно поворачивать. Сата попыталась почувствовать желтоглазых и бойцов, чтобы подсказать, где безопасно. Но ей мешали горящие стены по сторонам, она спотыкалась и не могла сосредоточиться. Лишь ненадолго прикрыв глаза, она почувствовала где-то рядом Каро и его страх. Она замерла на мгновение, и неведомая сила сшибла ее с ног. Девочку выбило из ее рук. Всех разметало по сторонам.

Сата попыталась встать. Она лежала среди обломков догорающего дома и груды разорванных, обугленных тел. Смахивая с себя останки, Сата смотрела по сторонам. На другой стороне улицы она увидела Марию. Она лежала в лужи крови без сознания. Сата закрыла глаза.

Каро был в сотне метров от нее, но это был уже не он.

Сата поползла к Марии, но ее начало поднимать в воздух. Она попыталась ухватиться за Марию, но их начало возносить вверх. Вместе с останками тел, поджигателями и желтоглазыми, которые были на соседних улицах. Все они кружились по кругу, высоко над пылающими домами. Сату мотыляло вверх и вниз. Земля наверху, оранжевые облака внизу, огонь повсюду. Расплывающаяся в замыленном взгляде женская фигура, бегущая по дороге в сторону ворот. Похожа на Анну, но где же Максим?

Где-то по кругу вертело и Марию. Сата попыталась найти ее взглядом. На какой-то момент ей показалось, что она совсем рядом — только протяни руку. Как вдруг острая боль пронзила ее, сковала и вырвалась наружу. Сата задышалась. Скорость вращения стремительно увеличивалась, лишая ориентиров и превращая живое тело в безвольную, податливую марионетку. В плотном потоке человеческих останков, проносились желтоглазые, воюющие от боли, огнеметчики, пытающиеся вырваться из адской карусели. Сата сжалась изо всех сил, пытаясь сгруппироваться, но удар каменного кулака был внезапным. Огромная сила разможила всех о землю.

Саврасов впервые убежал. Первый раз в жизни он скрывался и был по другую сторону. За ним охотились его же собственные люди. Они не знали, кто был на мотоциклах, но искали именно его. Он хорошо натаскал их, и его ребята будут грызть землю с остервенением, желая найти того, кто выехал глубокой ночью из резервации. Долго скрываться в своей неофициальной квартире он не мог. Нужно было возвращаться на работу. Саврасов понимал, что его уже наверняка разыскивают. Его телефон выключен и это делает его исчезновение еще более странным.

Майор сидел в кресле и смотрел на закрытую дверь комнаты, где мирно спал Каро. «Кто он?», — задавал Максим себе вопрос голосом Боброва. Давний друг спрашивал его о том же, когда Саврасов обратился к нему за помощью. Ему не хотелось подставлять друга и тем более ввязывать его в авантюру, которая может вылезти боком обоим. Но у Саврасова было слишком мало пространства для маневра. Бобер был единственным человеком, к которому он мог обратиться за помощью в самый неподходящий момент и получить ее. Бобров был себе на уме, со своей философией жизни, где отдельной красной строкой присутствовал пункт помощи Саврасову.

Капитан всегда много задавал вопросов. И в этот раз он усомнился в здравом уме своего друга. Как всегда сомневался в его принципах непоколебимости закона, которому служит. Да — он не идеален, но Саврасов всегда ревностно следовал установленному порядку. И вот несколько часов назад перед Бобровым возник друг, который просил нарушить все мыслимые предписания и правила, и отправиться с тайным визитом в резервацию. Оттуда он намеревался вывезти одного единственного человека. Бобров с пристрастием выслушал доводы друга. И он поверил, когда Саврасов рассказал ему о том, что в лабораториях резервации проводят эксперименты над живыми людьми. Бобров откликнулся. А как же иначе? И пусть затея смахивала на план сумасшедшего, но попробовать спасти замученного учеными ребенка от лап надвигающихся отрядов чистокровок стоило.

Саврасов смотрел на дверь комнаты и понимал, что сегодня он — тот, кого принято называть отрекшимися. И пусть наверху еще не поняли, что их идеальный солдат — майор ФСБ Максим Саврасов переступил черту, но именно таким он ощущал себя. Ему хотелось записать свои мысли в блокнот, но он оставил его дома, чтобы не потерять в резервации. Его душа металась как черная кошка, прячущаяся от людей. И прятался он не один. Все же было в его опрометчивом поступке то, что бесконечно грело его — он спас жизнь парню, который уже и не выглядел как человек. Истерзанный и изможденный он бежал от него и боялся каждого шороха. «Кто же он?», — странное создание, исковерканное руками ученых.

Великие гении трудились в БиоНИЦ, так говорили о них. Очень многие из них были живыми легендами и не только в научном мире. Ученые открывали способы излечения от ужасных болезней, придумывали способы укрепления здоровья, продления жизни и красоты. Саврасов сжал кулаки, он не хотел верить в то, что все эти открытия стоят на жертвах, одна из которых лежала без сознания за закрытой дверью в кровати.

Майор тяжело вздохнул. Необходимо было действовать. Скрывать Каро в этой квартире невозможно. Соседи видели, как он приехал в дом с кем-то босоногим, укутанным в одеяло. Можно предположить, что в неразберихе им повезло, и на выезжающих мотоциклах никто

не заметил бессознательного пассажира. Даже если это так, погоню за ними все равно пошлют. Анализ ситуации в Деревне займет время, но рано или поздно будет установлено, что среди останков погибших и сгоревших тел нет кого-то особенно важного. Творившееся в резервации не могло происходить без покровительства кого-то из Министерства. И этот кто-то будет искать лишь одного — «объект 3». Значит, пустят химищек. Избавиться от биохимического следа было практически невозможно. Обратиться к Кнуту? Но он не явился на встречу после подрыва исследовательского центра. Она не была назначена, но Саврасов надеялся увидеть его. Кнут давно устал от жизни. Ненависть, которую он испытывал к ней и отдельным ее проявлениям могла подвести его к последней черте. Саврасов тер рукой лоб не желая верить, что за рулем одного из грузовиков с бомбой был Кнут.

Химбаты после взрыва БиоНИЦ как сквозь землю провалились: ни одной работающей ячейки, ни слухов, ни данных об их дальнейших планах. Майор усмехнулся: какие могут быть планы у химбатов, если Кнут создал их с одной единственной целью — уничтожить то, что когда-то пробудило в нем чудовище. Даже если предположить, что Кнут жив, что он не стал садиться за баранку грузовика с бомбой, на его поиски уйдет время. Где искать самого таинственного человека, которого не должно существовать? Да и найди его, Саврасов понимал, что подпишет Каро еще один смертный приговор. Ведь для Кнута Каро был собственным отражением — монстром, проклятым и искалеченным созданием, которому прописана одна лишь дорога — смерть.

Майор размышлял. Он ждал ответа на свое послание, отправленное несколько часов назад. Он просил организовать ему встречу с адмиралом космического флота России — адмиралом Савлом. Саврасов надеялся на эту встречу. У него не было других вариантов. Единственный способ скрыть химический след — отправить Каро в космос. Там его искать не будут.

И как, черт возьми, батальоны чистокровных узнали о местонахождении спецрезервации? Саврасову не хватало данных. Борцы за чистоту человеческой ДНК давно рыскали возле БиоНИЦ в надежде отыскать ниточки, ведущие к засекреченному объекту, где жили больные «белой язвой». Майор усмехнулся. «Жили» — это слово вызвало в нем приступ злости и гнева. Перед глазами стояло бесчисленное количество трупов, горящих в домах и на улицах — торжество человеческой дикости и одержимости. Саврасов тасовал в уме информацию, которая была у него. Он сам предупреждал профессоршу Кроберг об опасности крайне агрессивных группировок. «Жива ли она?», — мимолетно пролетел вопрос. Еще одна одержимая. Что отличало ее от тех, кто сжигал несчастных больных как скот, зараженный чумой?! Саврасов отвел взгляд в сторону. Он ощутил на спине чей-то взгляд. Майор прислушался — было тихо. Показалось? Лишь звуки улицы и проезжающих машин. Из комнаты донесся тихий скрип полов, который резко прекратился. Саврасов встал из кресла и медленно направился к двери, вслушиваясь. Подойдя к ней почти вплотную, он положил руку на ручку и напряг слух. Внутри было тихо. Он осторожно дернул за ручку и открыл дверь, отодвинув ее в сторону.

В полумраке комнаты никого не было. Слабый дневной свет проникал из-за плотной завесы на окне, почти не мешая убаюкивающей темноте. Саврасов посмотрел направо, где у стены стояла односпальная кровать. Под одеялом, в той же позе — на спине, лежал Каро. С тех пор как майор положил его и накрыл легким одеялом, он даже не шелхнулся. Саврасов обреченно вздохнул — если Каро не придет в себя, то ему придется оставить его здесь. Машины у майора здесь не было — только мотоцикл. Ловить такси и усаживать

непонятного вида человека, значит, подвергнуть себя и его опасности. Неприятный угол, в котором очутился Максим, вдруг оказался очень тесным. Каро мог прийти в сознание в его отсутствие. Еще хуже, если его найдут ищейки. Саврасов закрыл дверь. Он пожурил себя за излишнюю мнительность, но ничего не мог поделать с ней. Сомнения одолевали его.

Во входную дверь постучали. Саврасов тихо подошел к ней и нажал на кнопку внешней камеры. У порога стояла молодая девушка, одетая в форму разносчика еды. В руках у нее был контейнер с едой.

Саврасов открыл дверь. Посыльная растянула губы широкой улыбкой и протянула белую коробку. Майор перехватил ее и, не успев раскрыть и рта, уже смотрел в спину удаляющейся девушки. В коридоре никого не было. Тихий звук дверей лифта намекал о скором отбытии девушки-курьера.

Саврасов закрыл дверь и начал распаковывать контейнер. Внутри была китайская еда, а среди маленьких запакованных пластиковых коробочек лежала маленькая бумажка. Майор вытащил ее и направился на кухню. Развернув бумажку, он прочитал короткую фразу: «15.00 — Северный проспект, 3111». Саврасов с облегчением выдохнул. Ему назначили встречу.

Опомнившись, майор открыл дверцу духового шкафа. И положил бумажку с посланием на железный противень. Ее нужно было уничтожить. Нажав на быстрый разогрев до максимума, Саврасов стал ждать. Нужно было внять советам Боброва и давно купить свечи с автоподжигом. Бумажка чернела и съеживалась. Но одной проблемой меньше — все же майор не был уверен, что с ним согласятся встретиться. Но раз было дано согласие, значит ли это, что у второй стороны все же есть заинтересованность. Осталось решить в ком именно: в Саврасове или Каро?

Майор выключил разогрев. И, взяв полотенце, достал противень с маленькой кучкой пепла. Убедившись, что бумажка сгорела полностью, Саврасов подошел к раковине и смыл пепел.

Часы на кухне показывали 14.20. Нужно было торопиться — до Северного проспекта было далеко. Саврасов выключил духовку и, схватив куртку в прихожей, вышел из квартиры. Дорога была не близкая. На Северном проспекте под номером 3111 находился департамент Ладожского космопорта по военному снабжению. Саврасов спустился на цокольный этаж, где располагалась парковка. Подойдя к мотоциклу, он увидел на нем черные следы гари и засохшую кровь. Посмотрев по сторонам, Максим достал из сумки, прикрепленной к сиденью, тряпку и принялся быстро оттирать следы ночного приключения. Где-то в дальнем конце слышались шаги. Кто-то выходил из машины и приближался. Саврасов глянул на часы. Копоти было много, но кровь он стер. Осмотрев мотоцикл со всех сторон, он сел на него и завел двигатель.

Выезжая из подземного паркинга, он бросил взгляд на окна квартиры на третьем этаже. Сейчас он думал лишь об одном, чтобы ничего не произошло за время его отсутствия. Саврасов нажал на ручку газа, и мотоцикл помчался по дороге.

До департамента он доехал за тридцать минут. Припарковавшись рядом, Саврасов направился к входу. У парадного стояла охрана из четырех человек. Странно это. Обычно они стоят только внутри. Это никак не может быть связано... «Стоп!», — майор мысленно одернул себя. Не хватало еще паранойи!

Подойдя к ступеням, Саврасов поймал на себе взгляд адъютанта Антонова, вышедшего на улицу. Он был в форме космического флота стального цвета: брюках и кителе. Фуражку и тонкий планшет он держал в одной руке.

— Вы все же счастливчик, — улыбнулся он, увидев поднимающегося Саврасова. — К сожалению, как видите, я ухожу. Нашу встречу придется отложить.

— Мы же договорились, — немного растерянно произнес майор.

— Да, майор, и поверьте, мне неприятно подводить вас, — Антонову было неловко, и он с сожалением смотрел на Саврасова. — Учитывая обстоятельства, — адъютант намекал на безликую почту, которой воспользовался майор, чтобы просить об этой встрече, — я понимаю, что это крайне важно для вас. Но сегодняшние обстоятельства против наших планов.

Адъютант, сделав легкий кивок, продолжил спускаться по лестнице. Саврасов не отставал. Он не мог упустить этот шанс.

— Пока вы идете к машине, мы можем поговорить, — настаивал Максим.

— Вполне, если вам будет достаточно времени.

— Мне лишь нужно узнать: сможете ли вы устроить мне встречу с адмиралом Савлом?

Они шли к темно-синей машине штаба космического флота, припаркованной у тротуара. Адъютант сбавил ход, услышав вопрос майора, и внимательно посмотрел на него.

— Я бы спросил вас: отчего же вы официально не обратитесь ко мне, но понимаю, что тема разговора с адмиралом достаточно щепетильная?

Саврасов кивнул, оглядываясь по сторонам.

— И? — намекнул Антонов.

— Это я хочу обсудить лично с адмиралом, — отрезал Саврасов.

— Боюсь я не вижу причин, чтобы стараться, — хмыкнул адъютант.

— Это проблема, о которой лучше знать немногим, — расплывчато добавил майор.

Он смотрел на сверкающий взгляд адъютанта и не мог решить — стоит ли говорить ему. Или он заставит его выложить все карты, шантажируя встречей со своим шефом.

— Послушайте, майор, — Антонов был доброжелательным, — я не хочу давить на вас. Не хотите — не рассказывайте. Пусть эта тайна останется между вами и моим шефом. Как бы то ни было, но у адмирала Савла сейчас нет физического времени, чтобы с вами встретиться.

— Я не отниму много времени, — настаивал Саврасов.

— Вы его отнимаете у меня, — указывая на то, что они уже дошли до машины.

— Это вопрос жизни. Буквально.

— Вашей? — спокойно спросил Антонов.

— Нет. Есть парень, — Саврасов смолк, увидев проезжавшие по дороге три военных грузовика и шесть зенитных установок.

— Майор, — окликнул адъютант, — я же предупреждаю, что даже рассказав мне причину, по которой вы хотите встретиться с адмиралом, это может вам не помочь. Поймите, у нас нечто происходит в космосе, — тихо проговаривал слова адъютант, — события чрезвычайного характера. Идет мобилизация космических войск. И адмиралу сейчас не до вас. Его осаждают военные, политики и журналисты. Ему не до вас.

Антонову было жаль усилий Саврасова. На лице адъютанта проглядывала усталость и проблемы, с которыми к нему пришел майор, могли добавить головной боли. Но, несмотря на это, Антонов был показательно учтив.

— Что же произошло такого? — нахмурился майор, видя озабоченность на лице Антонова.

— Вы же понимаете, — адъютант намекнул на то, что не может сказать большего.

— Хорошо. Тогда вы... Тогда я с вами разделю свою беду.

— Если можно — в двух словах.

— Вы знаете что-нибудь о спецрезервации для больных «белой язвой»?

— Знаю, — быстро ответил Антонов, в глазах его блеснуло удивление.

— Сегодня ночью на нее напали батальоны чистокровок. Они сожгли все, что там было, включая жителей, — не сводя глаз с Антонова, тихо произнес Саврасов.

— Сожгли? — ужаснулся адъютант.

— Я знаю, потому что видел. Я был сегодня там с одной единственной целью — спасти человека, на котором проводились исследования в лабораториях Деревни.

В глазах адъютанта не было удивления. Саврасов заметил это. Между ними повисла пауза. Максим пытался расшифровать взгляд Антонова, он почувствовал, что адъютант знает больше о спецрезервации «Деревня» нежели пытался продемонстрировать своим видом.

— И у вас получилось? — осторожно спросил Антонов.

— Я вывез из огня одного из тех, над кем ученые проводили свои эксперименты...

— Но ведь он болен «белой язвой», — Антонов лукаво посмотрел на майора.

— Это не дает право резать его на куски.

— Странная история, — Антонов шурясь смотрел на Саврасова. — И что вы хотите от адмирала, майор? — искренне не понимал он.

— Я слышал о том, что адмирал поддерживает в дальних колониях поселения, где живут не вписывающиеся в общество одаренные люди.

— И вы хотите?..

— Я хочу, чтобы этого парня отправили туда.

— Из одной резервации в другую? — хитро протянул адъютант.

— Меня не покидает мысль о том, что вы знаете гораздо больше о Деревне нежели я, — нахмурился Саврасов.

— Скажем так: мне приходится заниматься мониторингом исследований «белой язвы».

— Так вы можете?

— Назначить время конкретно для вашей встречи с адмиралом я не могу, — Антонов подошел к машине и открыл дверь пассажирского места рядом с водителем. — Однако встретиться с ним я вам помогу. Но учтите: у вас будет крайне небольшое окно и его задержать так, как меня, вы не сможете, — адъютант посмотрел на часы. — В девять часов адмирал должен быть в министерстве обороны. В семь — машина вместе с ним должна отъехать от штаба флота в министерство. Будьте там как сейчас здесь. Я предупрежу адмирала о вас, и, если удача будет благоволить вам — ваша беседа состоится.

Антонов протянул руку Саврасову. В глазах адъютанта была надежда. Он был рад что не зря задержался. Максим проводил взглядом отъезжающую машину.

От разговора с помощником адмирала остался непонятный привкус. В его голове возникло еще больше вопросов, которые он даже не желал и не планировал себе задавать. Очевидным было, что Антонов знает гораздо больше, чем показывал. В глубине Саврасова зрела надежда на то, что у него получится обеспечить Каро достойное укрытие. Второй раз в жизни Максим сделал что-то из разряда вон. Что-то, что отличается от его привычного следования по пути служения. В нем по-прежнему были сильны сомнения. Но встреча с адъютантом хотя бы развеяла страхи, которые касались доверия Антонову.

Они были мало знакомы, но и того что связывало их хватило на то, чтобы адъютант не вел с ним подковерной игры и был предельно честен. Это успокаивало Саврасова. Он сел на

мотоцикл. Мимо пронесли несколько грузовиков с военными. Майор вспомнил слова адъютанта о произошедшем в космосе, о мобилизации космических сил. На душе стало хмуро. Груз тяжелых мыслей о былых противостояниях космических держав оживали с новой силой.

Всю обратную дорогу Саврасов не мог отогнать пасмурные мысли. Облака тянулись почти неразрывным полотном над городом. Но их молочная белизна и проталины, пропускали весеннее солнце. Оно жарко обнимало рассеянными руками улицы и дома Петрополиса, отгоняя последних призраков зимы. Сухое и гладкое скоростное шоссе убаюкивало мысли и вело прямо к горизонту, который скрывался за высокими небоскребами, спорившими друг с другом о превосходстве. Над районами летало много наблюдателей. Несколько пролетели над автострадой над головой Саврасова. Они сканировали город и с особым тщанием охраняли его. Мысли о произошедшем в космосе никак не могли улечься и раствориться в общем гуле прямого шоссе.

Светившие справа на лицо, лучи солнца не вызывали радости утвердившейся в городе весны. Саврасов не замечал проблесков светила между облаков. Он не видел изменений вокруг и того, что снег уже давно растаял и город стремительно преобразуется: его яркие стеклянные фасады играют лучами игривого солнца, земля жадно дышит подогреваемым воздухом и впитывает в себя благодать весенней поры. Саврасов увеличивал скорость. Нужно быстро возвращаться в квартиру, где оставил Каро. Его лицо нагревалось от солнечных лучей, но ему хотелось затушить жар, который он чувствовал всем телом. Вырваться из узкого огненного тоннеля, будто он снова на одной из пылающих улиц Деревни. Глухие крики и вопли горящих жителей неслись за ним с воем ветра в ушах.

Подъезжая к дому, Саврасов увидел припаркованный на общей стоянке мотоцикл Боброва. Максим не стал заезжать в подземный гараж и остановился рядом с домом. Поднявшись в квартиру, он застал в ней друга, уставившегося в узкую панель телевизора на стене. У Боброва был ключ от этой квартиры, как и ото всех других, являвшихся конспиративными и зарегистрированными на подставных людей.

— Что-то случилось? — с порога спросил Саврасов.

— Ты это слышал? — Бобров из кресла поприветствовал друга.

Майор тихо подошел к двери комнаты, где лежал Каро.

— Он без сознания, я минут пять назад проверял его.

Но Саврасов все равно открыл дверь и зашел в комнату. Он осторожно подошел к кровати. Дыхание ровное и тихое, почти незаметное; пульс едва прощупывается. Саврасов нахмурился. В голове рисовались мрачные перспективы.

Выйдя из комнаты, Максим вслушался в то, что идет по телевизору. Бобров смотрел выпуск новостей по федеральному каналу. Но ничего о спецрезервации в нем не говорилось, кто бы сомневался. Желудок недовольно заурчал — Саврасов не смог вспомнить, когда в последний раз что-то ел.

— Зачем ты приехал? — закинул вопрос майор, скрываясь на кухне.

— Саврас, ты что телевизор не смотришь? Об этом трубят целый день. Я понимаю, ты скрываешься, но нужно же быть в курсе...

Максим открыл холодильник. Бобров догадался закинуть в него китайскую еду, которая непредусмотрительно осталась на столе. Достав упаковку с фунчозой, Саврасов понюхал ее содержимое — на первый взгляд выглядело достаточно съедобно. Все же профиль безликой почты был не в еде. Взяв вилку, он вышел к Боброву в гостиную и сел во второе кресло у

журнального столика. Поедая, вполне оказавшуюся сносной, лапшу, Саврасов, наконец обратил внимание на телевизор.

Говорящая голова рассказывала о том, что военные спутники на дальних рубежах солнечной системы получили сигнал, идущий из глубокого космоса. Это послание было зарегистрировано почти одновременно несколькими станциями слежения разных стран. Однако официального подтверждения этой информации нет. Военные ведомства отказываются от любых комментариев на эту тему и призывают не сеять панику.

— Как думаешь, это правда?

— Думаю, да, — уплетая китайскую лапшу, ответил Саврасов.

— Ты что-то знаешь? — Бобров уставился на друга.

— Я встретился с адъютантом Савла. Он уклончиво сообщил о каком-то серьезном событии в космосе.

— В городе много военных. Стягивают технику.

— Хоть не война и то хорошо, — поделился опасениями Саврасов.

— Смеешься? Что лучше, еще подумать надо. Воевать друг с другом мы умеем, а что несет в себе этот сигнал?

— Не пори горячку, Бобер, — Максим поставил пустой контейнер с вилкой на журнальный столик. — Ты зачем здесь?

— Приехал проведать тебя, — не отрываясь от телевизора, буркнул Бобров, — когда я уезжал, на тебе лица не было. Да и то, что в квартире находится непонятое чудовище, меня не радует.

— Он человек, — недовольно возразил Саврасов.

Бобров повернул голову и, не понимая претензий, невинно смотрел на Максима.

— Он человек! — повторил майор.

— Хорошо! Человек, — Бобров откинулся на спинку кресла.

— Что-нибудь слышно о резервации?

— Туда стянуты все подразделения. Огромная территория взята под карантин. Руководство рвет и мечет, но на их головы свалилось еще что-то. Никто толком не говорит, что именно, но, наверное, это, — Бобров кивнул в сторону телевизора. — Так что думаю, сюда они еще не скоро доберутся. Но тебя ищут усиленно. Пока неофициально, объявлен в розыск. Думают, что тебя убили или взяли в плен, — Бобров был серьезен. — Слушай, старик, нужно заканчивать играть в спасателей. Избавься от этого... человека. Погубит он тебя.

— Не кипятись, — успокаивал Максим. — Я постараюсь уговорить адмирала помочь мне с его перевозкой.

— В космос? — удивился Бобров. — Ты голову-то поверни к экрану. Если это — правда, то черта с два у тебя что-то получится. Они перекроют орбиту, и куда ты денешь его?

— Ну не отменять же мне встречу?

— Иди. Конечно, иди, — Бобров всплеснул руками. — Только обязательно подумай, куда денешь его, если адмирал откажет тебе.

— Не откажет.

— Ты так уверен в этом?

— Странно, но да, — Саврасов копался в своих мыслях. — Я почему-то уверен, что все должно получиться. Понимаешь, когда нет иного выхода, значит, нужно идти туда куда нужно.

— В космос? — поражался Бобров.

— Ему — да. Либо здесь — смерть.

Бобров сдался. В конце концов, за попытку не бьют. И если адмирал действительно мог убраться в лицо Каро, то почему бы с ним не встретиться.

Саврасов посмотрел на часы. Время позволяло отдохнуть.

— Сколько ты еще будешь здесь? Я хотел подремать, — уставшим голосом спросил Саврасов.

— Я сказал, что мне нужно навестить информатора в этой части города. Все схвачено, — успокоил Бобров. — Во сколько тебя поднять?

— В шесть.

Бобров кивнул. Когда он утром уезжал, что-то подсказывало ему, что Саврасов не сможет уснуть. Это было одной из причин, по которой старый друг Максима приехал сюда. Саврасову нужен был отдых. В последнее время он выглядел каким-то усталым. Почти не спал. Бобров чувствовал, что его друга гложет внутри что-то гадкое и тяжелое. Когда Максим рассказал ему о своем плане спасения Каро из Деревни, Бобров было подумал, что понял, отчего у его друга такое осунувшееся лицо и усталый взгляд. Они вывезли странного бледного человека из огня Деревни, но легче Саврасову от этого не стало. Он продолжал волочить за собой невидимую обузу. Пробриться через броню Максима было сложно. И лишь Боброву это было по силам. Но сейчас совершенно другое. Саврасов не шел на контакт. Отмалчивался, уводил в сторону взгляд. Казалось, что ему все вокруг надоело. Бобров беспокоился за него.

Время бежало быстро. Каждый час Бобров заходил в комнату к Каро и проверял его состояние. Оно было неизменным. В шесть часов вечера Бобров пошел будить Максима. Зайдя к нему в комнату, он обнаружил, что Саврасов стоит возле открытого шкафа с одеждой.

— Знаешь, Бобров, — Максим услышал, как друг вошел в его комнату, — я уйду из ФСБ.

— Ты серьезно или на тебя накатило?

— Мы об этом поговорим, — майор повернулся к другу.

Мятое лицо Максима говорило о том, что он немного поспал. Но усталость в глазах, как и синяки под ними все еще были на месте.

— Мы сегодня много чего увидели, Саврас, — Бобров пытался понять друга, — но не стоит из-за этого...

— Не из-за этого.

— Тогда из-за чего? Что случилось с тобой?

— Я пока не могу тебе всего рассказать, — Саврасов понурил голову. — Я устал защищать не тех, кого хотел бы. Может на меня нахлынуло — ты прав. Но так гадко от того кем я стал, мне еще не было, — Максим захлопнул дверцу шкафа и направился в ванную комнату.

Освежившись на скорую руку, Саврасов оделся, накинул куртку и ненадолго зашел в комнату Каро.

— Тебе нужно уезжать, — обратился он к другу. — Ты и так пробыл здесь достаточно.

— Удачи, — тепло улыбнулся Бобров.

Саврасов мчался на встречу. На дорогах было много машин и немало заторов. Максим успокаивал себя тем, что он выехал заранее и что у него есть достаточно времени. Однако оно летело быстро. И в «пробках» против обыкновения пыталось ускорить свой ход, убежать

от Саврасова, опасаящегося опоздать на встречу. Пока наконец томительные простои не компенсировались широким рядом движения машин. Саврасов проносился между ними и быстро выруливал из заторов.

К штабу космического флота он подъехал без десяти минут восемь. Возле тротуара перед зданием штаба стояло много представительских машин. Повсюду было множество охраны и военных. Рядом со зданием патрули и развернуты зенитные установки, привлекавшие внимание детей и любопытных.

Саврасов остановился в сотне метров от здания штаба и направился к главному входу. Однако его не пустили внутрь, сославшись на особый режим. Майор не стал раскрывать свою личность и отошел в сторону, наблюдая за выходом из здания.

Время шло. Из здания выходили высокопоставленные военные, но не было адмирала с адъютантом. Саврасов смотрел на часы — половина. Время поджимало. Вдруг со спины послышался незнакомый голос. Перед майором стоял молодой лейтенант, державший в руках конверт.

— Здравия желаю! Велено передать

Удивленно глядя на лейтенанта, Саврасов взял конверт. Развернув его, он обнаружил пропуск на свое имя.

— Поспешим, — поторапливал молодой офицер.

Они направились к боковому входу в здание, возле которого тоже стояла охрана. Лейтенант представил майора как поверенного адмирала. Солдат проверил пропуск, и они вошли внутрь здания. По коридорам они прошли к лифтовому холлу и сели в первый открывшийся. Их путь лежал на крышу. Доехали до последнего этажа они без свидетелей. Выйдя на посадочную площадку, лейтенант вдруг остановился.

— Дальше вы сами. Вас попросили ожидать в вертолете, — офицер приложил руку к козырьку и откланялся.

Саврасов проводил взглядом лейтенанта и повернулся к темно-зеленому вертолету. Новая военная серия — без винтов. Максим много читал о ней и даже заочно был влюблен в это чудо военной инженерии. Почти неуязвимая стальная птица. Возле вертолета стояли двое военных в форме. Пилоты сидели в кабине и занимались предполетной подготовкой. Поднимался ветер. С крыши двенадцатиэтажного штаба открывался прекрасный вид на город. Саврасов впервые посетил штаб и его сразу же проводили на крышу. Он огляделся по сторонам. Крыша казалась мало охраняемой. Двигатель вертолета начал разгоняться. Саврасов поспешил к центру взлетной площадки. Подойдя к вертолету, один из караульных открыл дверь в кабину. Майор залез внутрь.

— Это ваше место, — второй пилот вошел в салон и указал на кресло, расположенное спиной к кабине пилотов по левому борту. — Адмирал уже поднимается, так что можете пристегнуться.

До этого момента Саврасов еще надеялся, что ему не придется лететь на резвой железной птице. Максим не любил летать и предпочитал самолетам скоростные поезда. К земле ближе — тревог меньше. Корпус начал немного вибрировать от двигателя, но его шума было почти не слышно. Пилот забрал небольшую сумку синего цвета из салона и скрылся за дверью в кабину управления.

Саврасов посмотрел в большой иллюминатор. Внутри было необычно. Не было слышно порывов ветра, хватающихся за крышу. И гул городского дыхания не пробивался через корпус и стекла. Дверь на крышу, откуда вышел Саврасов с лейтенантом, открылась, и из

полумрака на взлетную площадку вынырнул адъютант Антонов. Следом за ним шли два офицера, обсуждавших с ним что-то очень нервно. За ними на крыше показался грузный капитан космического флота. «Штабист чистой воды», — подумалось Саврасову. Для полевого бойца он был слишком неуклюж и переваливался с ноги на ногу как огромный плюшевый медведь. Только лицо его не было нежным и миролюбивым, хотя не уступало плюшевому в рыхлости. Следом за штабным капитаном показался адмирал Савл. Он был ниже своего адъютанта на пол головы. Не широкоплечий, но крупный, с сильной шеей. Короткая стрижка с седыми рядками волос, придавала суровости его облику. Командующий упрямо держал осанку и был одет в военную форму без шинели. Фуражку он держал в правой руке.

Толстый капитан что-то настойчиво доказывал ему, однако адмирала больше интересовало лицо, которое смотрело на него из вертолета. Савл заметил любопытного майора и остановился в нескольких метрах от железной птицы. Его лицо было серьезным, и даже немного злым. Он что-то немногословно произнес, обращаясь к штабному, и направился на посадку. Караульные приветствовали командующего и открыли дверь вертолета. Первым в салон залез адмирал, следом адъютант. Он отдал последние распоряжения сопровождавшим его офицерам и закрыл за собой дверь.

— Здравствуйте, адмирал, — поздоровался майор.

Вертолет начал взлет.

— Без прелюдий и подхалимства, пожалуйста, — адмирал держался достаточно холодно. — Я знаю кто вы и что у вас ко мне есть какая-то просьба.

Саврасов посмотрел на адъютанта. Но Антонов не поднимал глаза — он внимательно читал электронные документы и делал какие-то пометки на полях цифрового блокнота.

— Времени у меня в обрез, поэтому приступайте — убедите меня в том, что я должен вам помочь, — адмирал смотрел на майора со стальным блеском в глазах.

Саврасов не ожидал такой прямоты. Но перед ним сидел легендарный командующий космическим флотом. Человек, чья сухость была не менее знаменитой.

— Мне нужна ваша помощь, чтобы спасти одному человеку жизнь.

— Кто этот человек?

Майор бросил мимолетный взгляд на адъютанта. «Разве он не сказал ему?», — пронеслось у Максима в голове. Он рассчитывал, что адъютант подготовит своего шефа к встрече и ему не придется тратить время на объяснения.

— Я не люблю пересказчиков, майор, — словно прочитав мысли Саврасова ответил Савл, — поэтому я их не слушаю, даже если это мой адъютант. Мне известно то, что вы хотите перевезти кого-то в колонию на дальних рубежах. Кто он и откуда?

— Это парень из спецрезервации «Деревня». Она была сегодня ночью сожжена дотла. Этот юноша необычен, поэтому я решил обратиться к вам, так как слышал о вашем интересе к такого рода людям.

— О каких именно способностях вы говорите? — спокойно уточнил адмирал.

— У него странная форма нейронной активности.

— Нейрот, биот или псионик? — допытывался Савл.

— Я не знаю, как это точно назвать. Ученым в Деревне виднее, что они с ним сделали.

— Вы в этом уверены? — адмирал делал вид, что не верит его словам.

— В чем именно?

— В том, что объект, который вы спасли — именно тот, над которым ставили

эксперименты?

Саврасов понимал, что адмирал знает о спецрезервации очень многое. Но к чему скрывать?! И сейчас он нарочно так сформулировал свой вопрос? Или случайно выдал себя? За искусной игрой и идеальной маской легкого безразличия вдруг едва заметно сверкнули глаза. И они говорили больше, чем произносили уста.

— Его зовут Ка-ро, — медленно, по слогам, произнес Саврасов, — по бумагам он проходил...

— «Объект 3»? — перебил Савл.

— Так вы знаете о нем? — удивился майор.

— О Криво Антропоморфном Резистентном, или Репликативном, Организме знают все ученые этой страны, у которых имеется соответствующий доступ.

— Но вы не ученый, — Максим не упустил возможности подколоть.

— Я тот, кто контролирует некоторых из них. Вернее, как контролирую — космический флот является заказчиком некоторых исследований. И в одно время «объект 3» попал в поле зрения военных ученых. Вы разочарованы? — адмирал увидел злость в глазах майора.

— Вы так легко об этом говорите. А знали ли вы что они там делали с ним?

— Вы, наверное, знаете о школе одаренных, — Савл проигнорировал вопрос Саврасова, — ее создали в космосе на дальних рубежах в обход резолюций ООН. И вы знаете, что там живут и обучаются люди с необычными способностями нейронной системы. Конечно, вы все знаете, — адмирала немного раздражал взгляд майора, с которым он слушал его, — вы сами искали со мной встречу, чтобы передать мне обузу, которую взяли на себя. Так что не надо на меня смотреть как на соучастника того, что творилось в спецрезервации.

— Но вы ничего не сделали, чтобы спасти его.

— А должен был? — удивленно спросил адмирал. — Каждый из нас делает лишь то, что входит в его сферу деятельности. У каждого свои цели. Вот вы поставили перед собой цель — спасти этого малого из лап кого бы то там ни было. Вы совершили опрометчивый поступок, но вы спасли его — вырвали из лап Министерства науки. Но вот надолго ли? Вы сами знаете, что нет. В организме Каро присутствуют в большом количестве чистые монины — идеальный след для химических ищеек. Его скоро найдут и вернут туда, где ему место: в клетку. И вы не придумали ничего лучше, чем отправить его в космос. Ну конечно же, вы же слышали о школе одаренных нейротомов на дальних рубежах. А знаете ли вы, что там за жизнь? Вы ведь ни разу не были там? И с такой легкостью желаете отправить его туда?

— Я желаю лишь спасти его, — честно ответил Саврасов.

— Жизнь в колониях на дальних рубежах очень тяжелая. Вы понимаете, что обрекаете его жить в опасных условиях, к которым он не готов?

— Вы правы в одном: я обрекаю его на жизнь. Здесь его ничего, кроме смерти, не ждет.

— Но и там он может умереть, — размышлял адмирал, глядя в окно на проносящиеся под ними небоскребы. — Такие, как Каро, должны служить своей стране, а не лежать на операционном столе под лазерными ножами хирургов. Когда-то я отстаивал в Министерстве науки важность передачи «объекта 3» в школу одаренных. Но увы, мои доводы не были услышаны. Желание создавать биоинженерные машины превзошло мое стремление выращивать нейротомов.

— Скажите адмирал, Деревня ведь создавалась не для того чтобы лечить людей, но для экспериментов над ними?

— Забавно, что вы спрашиваете об этом меня, — Савл улыбнулся безысходной улыбкой.

— Ужасно, что вы знаете об этом больше, чем я.

Адмирал не сдержался и усмехнулся.

— Министерства науки и обороны давно соперничают. Более того, в самом министерстве обороны существуют разные взгляды на то, какой должна быть наша армия и флот. Пока побеждает точка зрения биоинженеров, — Савл с досадой смотрел на пронсящие под ними улицы, кишачие тысячами людей. — У каждого свои цели и свои методы.

— Вы ведь знали, что творится в резервации?

Адмирал не ответил. Он смотрел в иллюминатор не без интереса, наслаждаясь закатом.

— Почему же не помешали? — Саврасов сверлил адмирала взглядом праведного гнева.

— Ученые и военные находятся в разных плоскостях, майор. И лучше, когда никто не вмешивается в дела других. Вы вот вмешались и что теперь? Загнали себя в ловушку и, если я не увезу Каро, то кто-то пострадает. Это будет либо он, либо вы и он.

— Так вы поможете? — Саврасов увидел, что они прилетели и заходят на посадку над комплексом зданий министерства обороны.

— «Объект 3» давным-давно должен был оказаться в наших руках, — адмирал посмотрел на своего помощника.

Антонов отключил все планшеты и приготовился выходить. Вертолет мягко приземлился на взлетно-посадочном поле.

— И, майор, вам сейчас не следует возвращаться на ту квартиру, — продвигаясь к выходу, сообщил адмирал. — И вообще вам лучше не показываться там больше. Туда уже посланы люди, чтобы забрать «объект 3». Теперь он не ваша забота.

— Но как вы узнали?

— Было приятно поговорить с вами.

— Адмирал, позвольте последний вопрос? — Саврасов остановил его у самой двери вертолета.

— Последний, — согласился Савл.

— Это правда, то, что в новостях? Слухи о пришельцах.

— Правда, — спокойно ответил командующий.

— Случайный сигнал или враждебный? — встревожено уточнил Саврасов.

— Ни то, ни другое, — слегка улыбнулся адмирал космофлота, — они летят, чтобы установить с нами дипломатические отношения.

Глава 35. В космос

Бобров дожевывал последний бутерброд. Он надел куртку, и в последний раз проведаль Каро. Капитан смотрел на него и завидовал его бессознательности. Столько ужасов и мерзостей, а он лежит, спрятавшись в забвенье. На какой-то момент Боброву захотелось разделить участь спасенного из Деревни. Хороший способ очистить свою голову от всех мыслей. Не видеть и не слышать никого и ничего. Не грызть самого себя из-за происходящего вокруг. Бобров многое повидал за свою долгую карьеру. Но то, что он увидел этой ночью в Деревне, потрясло его до самого основания. Сотни тел убитых — не просто погибших — именно загубленных специально по прихоти в мирное время, когда нет никакого оправдания бесчинству, глупости и сумасшествию. И только он — Каро — выжил.

Из коридора донеслись шаги. Бобров прислушался, и в ту же секунду дверь в квартиру вылетела как картонная. За ней стояли два бойца в масках, державших таран в руках. Внутрь вбежали трое, следом те, что взломали дверь. В одно мгновение они накинулись на Боброва. Капитан никогда не отступал. Отразив первый удар, он пошел в контратаку. Размахивая кулаками, как кувалдами, он пару раз заехал нападавшему по маске. Но силы были не равны. Противостоять разряду тока было невозможно. Бобров рухнул на пол.

Бойцы рассредоточились по квартире. Каро они нашёл быстро. Один из нападавших осмотрел его на предмет повреждений. Удостоверившись, что все в порядке, он приказал забрать его. Широкоплечий солдат схватил Каро и перекинул его через плечо.

Бобров приходил в чувство. Едкий «аромат» проникал глубоко в нос, больно раздражая пазухи. Оглядевшись, капитан обнаружил себя в общем коридоре, напротив открытой двери в квартиру. Он пытался встать на ноги, но тело едва слушалось. Коридор наполнялся стойким запахом гари. Из квартиры-убежища валил черный дым. Через секунду включилась сигнализация.

Бобров огляделся — никого: ни жильцов, ни нападавших. Нужно было уходить. В дверном проеме показался оранжево-красный свет. Преодолевая слабость в ногах, капитан заковылял к лестнице. Спустившись в парадный холл, он увидел, как от дома отъехали два темно-зеленых универсала. И Бобров готов был поспорить, но это были «Кроносы» — самые резвые немецкие фургоны. Они вырулили на дорогу и на всех парах понеслись в сторону Петрополиса.

Капитан сплюнул — расслабился, застали врасплох. Но Бобров был рад, что остался жив. Хотя в этом он благодарил не удачу, но тех, кто пришел за парнем, спасенным из Деревни. Его смерть не входила в их планы, и они оставили ему путь для спасения. Бобров плелся к своему мотоциклу, раздраженно распахивая по сторонам мысли в голове. Скоро сюда нагрянут пожарные, и ему совсем не хотелось, чтобы они застали его здесь. В конце концов, неважно кто забрал бедолагу из Деревни: дело это рук Саврасова и его могущественного собеседника или же кто-то выследил их и забрал принадлежавшее ему. Бобров не хотел думать об этом. Желание избавиться от опасной обузы исполнилось, и можно было быть спокойным за свою безопасность.

Каро находился в первом фургоне. Они объезжали центральные районы Петрополиса, чтобы не светиться перед особо зоркими камерами слежения. В город стягивались войска и

военная техника. На некоторых магистралях были выставлены заграждения и блокпосты, регулирующие транспортные потоки. Над головами проносились военные наблюдатели. Но военные птицы искали не их. Они обеспечивали безопасность и внимательно следили за происходящим на улицах.

Солнце настойчиво светило в глаза, вырываясь из приставучих объятий пелены облаков. Косо посматривая ярким оком на взбудораженный город-муравейник, оно слепило глаза. Водитель идущего первым «Кроноса» резко повернул в сторону, насторожив сидевших сзади бойцов. Но они не могли видеть, что ведущий ушел от столкновения с внезапно вырвавшейся на их полосу легковушкой. И не успел водитель расслабиться, как другая машина попыталась подрезать их с другой стороны.

Глава группы, сидевший рядом с Каро, пересел ближе к водителю. Тот выворачивал руль из стороны в сторону, пытаясь уйти от столкновения со спятившими водителями, лезущими наперерез. «Кронос» кидало из ряда в ряд. С двух сторон об него терлись машины, пытаясь зажать его. Водитель пробовал вырваться из железных объятий. Сзади последовал сильный удар и скрежет металла! Второй универсал не смог уйти от столкновения с большим грузовиком, резко сменившим направление. Видя произошедшее, водитель ведущей машины вдавил педаль до упора, проскакывая вплотную между зажавшими его клешнями.

«Кронос» несся во весь опор. На дороге перед ними творилось безумие. Стоило приблизиться к машинам впереди или пойти на обгон, они резко дергались, их начинало бросать в стороны. Водители легковушек то жали на газ, пытаясь обогнать фургон, то резко тормозили перед ним. Некоторые выворачивали руль и превращались в смертников, тараня «Кронос». Нужно что-то делать! Водитель фургона свернул с трассы на ближайшую объездную дорогу. Преследовавшие их машины, не успев отреагировать на резкий маневр универсала, таранили друг друга, скатывались в кювет — увязали в общем столпотворении.

Фургон на бешеной скорости въехал в жилой массив. Это был Павловский район. Уютный и тихий полуиндустриальный дистрикт, без нагромождения высотных офисных зданий.

— Что это за чертовщина? — оглядываясь по сторонам, спросил главный.

— Лейтенант, смотрите, — обратился к нему водитель.

В полукилометре стоял блокпост, выставленный полицейскими. Они досматривали абсолютно все машины. На подъезде к ним начал образовываться затор.

— Этого еще не хватало, — недовольно фыркнул лейтенант. — Спрятать оружие. Наденьте на парня пиджак и прикройте голову.

Фургон занял очередь на досмотр.

— Зачем ставить пост в Павловском? — не понимал водитель.

— Это полицейские, а не военные, — лейтенант смотрел как офицеры вежливо и настороженно досматривают подъезжающие машины. — Тут что-то другое.

Бойцы тем временем готовились к досмотру. Они прятали свое оружие в потайные боксы под сиденьями. Открыв спинку заднего кресла, один из солдат достал запасной военный костюм. Вместе с напарником они принялись быстро надевать его на Каро. Фургон медленно продвигался к посту. Полицейские заметили странный сильно измятый черный фургон издали. Один из них направился вдоль автомобильной очереди напрямик к нему.

Подойдя со стороны водителя, полицейский постучал в окно. Водитель отпустил стекло на треть. Полицейский представился.

— Извините, у нас план «Перехват» в районе — разыскиваем преступников. Не могли

бы вы показать документы на машину, — осматривая глубокие вмятины, произнес полицейский.

Водитель не спеша вытащил из-под козырька водительские права и техпаспорт. Полицейский попытался заглянуть в салон через полуоткрытое окно. Рядом с водителем он увидел одного из бойцов, одетого в черную военную робу.

— Откуда у вас эти вмятины? — поинтересовался полицейский.

— На автостраде попали в ДТП, — крепко сжимая руль, водитель старался не смотреть в глаза полицейскому.

— Не слышал, чтобы там что-то произошло, — страж порядка внимательно изучал документы.

— Быть может, еще не успели передать, — пожал плечи водитель.

— Откуда и куда направляетесь? — полицейский посмотрел в сторону напарников на посту, которые держали его в поле зрения.

На немой призыв отреагировали два полицейских.

— Мы едем с учений, с Кировского стрельбища, — сохраняя самообладание, ответил водитель.

— Стрельбища? — вздернув брови, переспросил полицейский, поглядывая на приближающихся коллег.

— Мы сотрудники частной охранной фирмы. Сегодня сдавали тест на профпригодность, — водитель смотрел на полицейских, заходящих с другой стороны фургона.

— Откройте двери и багажник, будьте добры, — сурово приказал полицейский, отводя руку к пистолету в кобуре.

— Конечно, — улыбнулся водитель и разблокировал двери.

Полицейские заглянули в салон. Увидев внутри еще четырех в черном, офицеры отошли на шаг от автомобиля:

— Кто вы? — держа руку на пистолете, спрашивал офицер.

— Вам же ясно сказал водитель: мы сотрудники охранной фирмы, — невозмутимо ответил лейтенант.

— Документы, — приказал полицейский.

Второй офицер открыл дверь багажника. Он осмотрел ворох обычных вещей, среди которых не было ничего запрещенного.

— Мы подходим по вашей ориентировке? Вы же проверили документы на машину, водительские права. Причем тут мы? — играл в непонятки лейтенант.

— Повторять не буду, — полицейский наклонил немного голову и увидел спящего человека, откинувшегося на спинку, его лицо частично скрывала падающая тень от кепки.

— Мы очень спешим, офицер, — обратился лейтенант, — можно ли мне выйти и переговорить с вами?

— Вы все выйдете. Фургон на обочину, — приказал полицейский.

Бойцы переглянулись. Делать было нечего. Лейтенант кивнул водителю и тот начал выруливать на край дороги. После того как фургон остановился, из него поочередно вылезли все бойцы. Полицейские держали их на прицеле, к ним на подмогу подошли другие сотрудники с автоматами в руках.

— А этому отдельное приглашение нужно? — грозно спросил полицейский, указывая на спящего бойца.

— Умаялся человек. Хуже всех сегодня сдал нормативы, — пояснил лейтенант, подходя к полицейскому.

— Стой там, где стоишь.

— Офицер, мы сделали, как вы просили. Позвольте объяснить, — настаивал главный среди бойцов.

— Пусть он выйдет! — полицейские переглядывались и держались за оружие.

— Меня зовут Константин Немов, я — лейтенант космического десанта, — немного повысив голос, произнес он. — Вот мой документ.

Лейтенант, демонстрируя открытые ладони, сунул правую руку за футболку и вынул стальные бирки с идентификационными данными.

— Вот мой персональный номер. По нему вы можете пробить обо мне информацию, связавшись со штабом.

— Вы только что сказали, что служите в охранной фирме, — не верил полицейский, наставив на лейтенанта оружие. — Что за человек у вас в машине и почему он не выходит?!

— Офицер, не делайте глупостей. Пусть ваши коллеги позвонят в штаб, по общеизвестному номеру, который вам сообщат по рации. Это же не сложно, — медленно и спокойно настаивал Немов. — Мы постоим тут. Руки поднимем, если надо. Мы торопимся, поэтому прошу сделать звонок как можно быстрее и эта ситуация будет разрешена.

Полицейский кивнул напарнику, чтобы он связался со штабом космических войск. Повисла пауза ожидания. Диспетчер среагировала профессионально и довольно быстро нашла номер штаба космофлота и продиктовала его. Но трубку на другом конце никто не брал.

— Подождите. В городе, сами знаете, неладное творится, — успокаивал Немов.

Полицейский попробовал еще раз набрать номер. Соединение сбрасывалось. Бойцы переглядывались, взглядами обсуждая план на экстренный случай. Немов спокойно смотрел на полицейского с телефоном, показывая всем видом, что им непременно ответят. Еще одна попытка дозвониться.

Через мучительно долгие секунды ожидания на другом конце раздался резкий мужской голос. Полицейский представился и под диктовку лейтенанта Немова сообщил индивидуальный номер военного. Через несколько секунд полицейскому подтвердили, что Немов действительно является лейтенантом космического десанта.

— Простите, — все еще с недоверием произнес полицейский.

— Я прекрасно понимаю вас, офицер, — Немов ближе подошел к полицейскому и заговорил вполголоса. — Эти люди — сотрудники ведомственной охраны министерства обороны. Мы проводили рейд на окраинах города, где была обнаружена аномальная активность. Большого я сказать вам не могу.

— А документы у них есть? — полицейскому хотелось поверить, устав говорил вместо него.

— Только наши бирки, — пояснил Немов.

Полицейский раздумывал. Он смотрел на лейтенанта и оглядывал бойцов, стоявших на обочине рядом с фургоном. Беглый взгляд на помятый фургон, глаза скользнули по салону. Вдруг дернувшись и резко шагнув назад, полицейский вытащил пистолет и направил на лейтенанта. Немов обернулся, чтобы посмотреть, что произошло у него за спиной. Из салона машины на полицейского испуганными глазами смотрел Каро. Слетевшая фуражка обнажила бледно-серую голову со шрамами.

— По какому праву вы перевозите больного «белой язвой»? — жестко спросил полицейский.

— С чего вы взяли? — улыбнулся Немов.

— Марк, вызывай отряд биозащиты — у нас заражение белой... — раздался шелестящий режущий свист; полицейский широко распахнул глаза; мелкие капли крови полицейского брызнули в лицо Немову.

Раздались выстрелы. Полицейские увидели лежащего на асфальте коллегу и начали стрелять по лейтенанту. Немов укрылся за фургоном. Его бойцы не растерялись. Они резко отскочили в разные стороны и напали на полицейских, пытаясь выбить у них оружие.

Немов бегло осмотрел труп полицейского. Из груди сочилась кровь, униформа была покрыта сетью маленьких дырочек, словно что-то прошло через тело насквозь. Справа послышался тот же шелестящий свист. Немов выглянул из-за фургона. Непонятно что убивало полицейских и его людей.

— Всем в машину, — прокричал лейтенант, залезая на водительское место.

Бойцы оторвались от полицейских и начали усаживаться в фургон. По корпусу рикошетили пули, словно мелкие камни. Немов вдавил педаль газа в пол, и фургон дернулся с места. Откуда-то со стороны послышался рык, похожий на звериный. Немов обернулся по сторонам. В дергающейся картинке он увидел лишь три темные фигуры, стоявшие на холме. Рядом с ними были непонятные продолговатые механизмы, похожие на мотоциклы.

— Какого дьявола? — кричал кто-то из бойцов.

Заднее окно разбилось от выстрелов. Осколки разлетелись по всему салону, заставляя всех пригнуться. Каро испугано вжимался в кресло, уставившись взглядом в одну точку.

— К черту вопросы, — отмахнулся Немов, объезжая блокпост полицейских.

Началась паника. Люди разбегались в разные стороны, бросая машины. Некоторые пытались резко развернуться с места и уехать. Машины сталкивались друг с другом, образуя завал. Немов посмотрел по сторонам. Через боковые зеркала он увидел, что все полицейские мертвы.

— Смотрите по сторонам, чтобы не было хвоста, — приказал Немов. — Кто-то явно хочет помешать нам довести его до космопорта.

Солдаты смотрели в окна. По линии экстренной связи, лейтенант запросил срочную эвакуацию в ближайшей точке. Она находилась в десяти кварталах от блокпоста, где произошла перестрелка.

До места встречи они добрались быстро. Несколько раз Немов останавливался, всматриваясь в одну точку. Его не покидало чувство, что за ними идут по пятам, но по какой-то причине преследователи не раскрывают себя. Оглядываясь по сторонам и держа руку на спрятанном оружии, десантники вошли в здание, на котором располагалась посадочная площадка. Вертолет их уже ждал. Немов медлил. Он стоял за парашютом на крыше и смотрел вниз, на место у фонарного столба. Мерещиться ли ему или нет? Всем нутром лейтенант ощущал — за ними продолжают следить, даже сейчас наблюдают за их посадкой в вертолет. Неприятное ощущение загнанной мышки, с которой развлекается невидимый хищник. Немов посмотрел на вертолет готовый взлететь. Все ждали лишь его. Медлить больше нельзя. Машина взмыла в воздух.

Вертолет быстро набирал высоту и уносил десантников с ценным грузом прочь. Лейтенант перевел взгляд на Каро. Он сидел, уткнувшись взглядом в пол. Как затравленный зверек, он чутко воспринимал резкие возгласы десантников и крепче вжимался в кресло. Но

Немов не испытывал к нему жалости. Он смотрел на него как на приказ — задание, которое скоро выполнит. Слишком много сомнений наполняло его, чтобы он еще забивал себя мыслями о странном бесполом создании.

Через сорок минут на горизонте показались огни Ладожского космопорта. Оказавшись на его территории, все вздохнули спокойно — долетели. Каро даже не смотрел в окно, чтобы увидеть красоту комплексов зданий и множества шаттлов, воздушных грузовиков. Каро продолжал сверлить одну точку в полу, обнимая колени руками. Ему не было холодно, но он чувствовал себя предметом, который опять куда-то везут.

В сгущающихся сумерках вертолет приземлился у ангара 71. Встречать десантную группу вышли медики, солдаты и Антонов. Адъютант высматривал в толпе персонала того единственного, ради кого затеялась вся эта операция. Каро стоял рядом с лейтенантом Немовым. Не по размеру большая черная куртка мешком свисала с плеч. Он опасливо смотрел по сторонам и отошел назад, за спину лейтенанта, когда к ним подбежали солдаты и врачи. Адъютант влетел в толпу.

— Все целы? — Антонов предстал перед лейтенантом.

Он оглядел его: потрепан, но в здравии; посмотрел на раненных бойцов. Адъютант нахмурился, пересчитывая десантников. Вернулись не все.

— Вам удалось распознать тех, кто на вас напал? — с напряженностью в голосе спросил он; взгляд его скользнул чуть ниже и устоялся на Каро.

— Нет, — с досадой ответил лейтенант. — Они хорошо прячутся — на них была надета броня-хамелеон.

— Подробности расскажете в штабе.

Антонов подошел к лейтенанту и протянул руку Каро.

— Он вас боится, — Немов попытался отстраниться от паренька.

— Он боится, — адъютант и Каро пристально смотрели друг на друга, — но не меня. Шаттл уже готов. Я забираю его, и мы отправляемся, — торопливо произнес Антонов, хватая за руку Каро.

— Будьте осторожны, господин адъютант. За ним кто-то рьяно охотится, — Немов смотрел вслед удаляющемуся адъютанту и юноше.

Они шли быстрым шагом к ангару, где их ожидал военный шаттл. Антонов крепко сжимал руку Каро. Изредка адъютант поглядывал на своего спутника, будто что-то переспрашивая. Они дошли до лифтового трапа. Поднимаясь над землей к шаттлу, Каро бросил взгляд на вертолетную площадку. На ней все еще стояли бойцы, которые спасли его от охотников. Каро задрал голову вверх, чтобы посмотреть на высокого человека, державшего его за руку. Спокойный, но мысли выдавали его. Случившееся с десантниками сильно тревожило его. С каждым новым витком мыслей Антонов крепче сжимал руку Каро. Посмотрев на часы, он обнаружил, что они уже опаздывают на семь минут. Мысленно фыркнув, Антонов открыл двери лифта, и они направились по мостику к шаттлу. Адъютант славился своей пунктуальностью и строгой исполнительностью — задержка его злила, но он умело скрывал это ото всех.

Войдя внутрь, Антонов первым делом усадил Каро в кресло. Кроме них на шаттле летели еще семь человек. Закрепив Каро, адъютант быстрым шагом направился в кабину пилотов. Люк шаттла захлопнулся.

Каро смотрел по сторонам, пытаясь понять, кто сидит вокруг него. Он чувствовал затылком взгляды людей в военной форме. Они обсуждали его. Каро обернулся назад — ему

хотелось, чтобы они прекратили. Их голоса были слишком громкими.

Шаттл дернулся с места — пилоты выруливали на взлет. Каро повернул голову в сторону иллюминатора. Он сидел через два сидения от него. Скоро в коридоре показался адъютант. Он слышал обрывки разговоров военных, сидящих несколькими рядами дальше от Каро. Его суровый взгляд пресек шепот, но не мысли.

Антонов сел рядом с Каро и пристегнул привязные ремни. Шаттл вырулил на взлетную площадку и начал разбег. Корпус корабля вибрировал и гудел. Антонов закрыл глаза — он всегда так делал, когда ожидал взлета. Через несколько секунд корабль оторвался от земли.

Каро повернул голову к иллюминатору, желая увидеть происходящее внизу. Космопорт сиял в сумерках яркими огнями. Темно-синий мрак сгущающейся ночи заполнял все вокруг. Смотреть с дальнего сидения было неудобно. Шаттл сделал поворот и космопорт скрылся из виду. Началась тряска. Каро оглядывался по сторонам, глядя на корпус и вслушиваясь в его треск. Лица сидящих сзади были спокойны — каждый смотрел в свою сторону. Лишь один внимательно наблюдал за Каро, перехватив его встревоженный взгляд. Каро посмотрел на Антонова. Он все также сидел с закрытыми глазами, и казалось, будто наслаждается взлетом. Каро откинулся на спинку. Он пытался отпустить тревогу. Земля была уже далеко. И все, что было связано с ней, на большой скорости становилось далью, уходило за горизонт. Каро прикрыл глаза. Он хотел выглядеть также как адъютант — спокойно. Шаттл немного трясло из-за воздушных промоин. И каждый раз Каро ощущал, что его держит за руку тот, кого он должен был помнить. Сжимая и разжимая пальцы, он ощущал тепло в руке и ноющую истому тоски. Каро поднимался все выше, перешел границу с космосом, но нерушимая связь с оставшимися на Земле все еще тянула за оставленный в теле крючок.

По громкой связи пилоты сообщили о выходе в космос. Через три минуты будут включены ускорители, и они устремятся в черную пустоту. Где за несколько миллионов километров находился флагман космического флота — тяжелый крейсер «Яростный». Лететь до него еще около часа.

Антонов был рад наконец-то вернуться на флагман. Он неуютно чувствовал себя на Земле и не любил даже короткие посещения планеты. Прежде всего, из-за гравитации — она сильно прижимает. Каждый раз, когда транспортный шаттл приближался к Земле Антонов ощущал себя взрослым ребенком, которого жмет объятиями слишком опекающая мать. Его стихией было бесконечное космическое пространство, корабли и станции. Служить на флагмане — гордости российского космического кораблестроения, придавало не только статус, но и пробуждало скрытые мотивы постоянно быть на этом крейсере. Ощущать его сердцебиение, тонкую, едва уловимую, вибрацию. «Яростный» для него стал вторым домом, который он с радостью ставил на первое место. Ничто не могло огорчить его в этот день.

Он отпустил тревожные мысли и даже не думал о том, что рядом с ним сидит Каро — непонятное создание ученых из Деревни. Антонов не хотел слишком много думать о том, кого он видит впервые и вскоре передаст военным медикам, которые посадят его в другой корабль и отбудут на станцию, скрытую на дальних рубежах. Антонов открыл глаза. Каро мирно дремал в кресле. Солдаты тихо беседовали о чем-то своем. Посмотрев в иллюминатор, адъютант понял, что они все еще не перешли в режим ускорения. Отстегнувшись, Антонов направился в кабину пилотов.

— Что происходит? — недовольно спросил адъютант. — Почему мы на прежней скорости?

— Приборы шалят, — первый пилот развернулся к адъютанту. — Не можем понять, что

происходит. Бортовая система в норме, но на команды не реагирует, или реагирует с задержкой.

Антонов подошел ближе к пилотам, глядя на приборную панель. На мониторах действительно творилось нечто непонятное. Странные шумы и помехи. Одни датчики фиксировали высокое напряжение в сети, другие наоборот говорили, что все в штатном режиме.

— Диагностика что показала? — спросил Антонов.

— Система в полном порядке, но зафиксированы скачки напряжения в некоторых цепях. Они не влияют на работоспособность корабля.

— Тогда почему мы не можем включить ускорение? — не понимал адъютант.

— Датчики фиксируют странную активность защитных систем в кормовой части, — сообщил второй пилот.

— Что именно?

— Точно не могу сказать, но это из-за непонятной электроактивности. Такое ощущение, что в системе вирус, — глядя на показания приборов, предположил второй пилот.

— В бортовой системе? — не веря в это, переспросил Антонов.

— При чем не просто вирус, а целенаправленное блокирование ускорителей.

— Выведи меня в салон, — адъютант приказал включить громкую связь с пассажирским отсеком. — Марков, возьми ребят, и немедленно отправляйтесь на корму. Осмотрите там все палубы и доложите, — Антонов подошел к боковой панели и начал вводить данные.

Он хотел лично удостовериться в том, что пилоты не ошиблись. Догадка одного из пилотов была логичной, но слишком неправдоподобной. Перед полетом шаттл проверяется системами безопасности и техниками. Три степени проверки, каждая сложнее предыдущей и вдруг вирус?! «Либо это саботаж...», — рычал про себя Антонов. Шаттл трянуло. На приборной доске несколько датчиков окрасились красным. Раздался сигнал тревоги!

— Они позади нас; готовятся атаковать! — прокричал первый пилот и накренил корабль резко вниз.

— Кто они? — кричал Антонов, уцепившись за поручень на стене.

— Идентифицировать не удастся, — отвечал второй пилот, — следуют за нами.

— Объявить общую тревогу! Доложить на «Яростный» о нападении и о сбое в ускорителях.

Корабль сильно трянуло. По корпусу прошли несколько ударов. Звук прогибающегося металла эхом отражался от стен.

— Что с барьерами? — спросил Антонов.

— Они бьют в одну точку. Кинетические барьеры держатся, но они проббили щит... — с ужасом в голосе рапортовал второй пилот.

— Так легко? — удивился адъютант. — Выпускайте ловушки, гасители, маневрируй!

Кабина пилотов окрасилась в красный цвет от тревожных датчиков. Антонов направился в пассажирский отсек. Солдат, сидевших с ними, не было. Они отправились осматривать кормовые отсеки. Держась за кресла и пытаясь не упасть, Антонов добрался до ряда, где сидел испуганный Каро. Он смотрел в иллюминатор и в его глазах отражался свет от взрывов и выстрелов орудий шаттла.

Антонов пробрался к иллюминатору. Но в кого именно стреляют турели корабля, не было видно. Шаттл метался, резко менял направление и ускорялся на поворотах, выпуская

мины заграждения. Корпус корабля съеживался. Хлесткие удары рикошетили по обшивке. Во мраке космоса виднелось темное облако, из которого выглядывал острый конус вражеского корабля. С разных сторон он вел огонь по шаттлу.

— Командир, с «Яростного» высылают подкрепление, — по громкой связи сообщил второй пилот.

Антонов вылез из кресла и направился к пилотам. Шаттл резко перевернулся и, ускорившись, нырнул. Пассажирский отсек окрасился синей вспышкой взрыва. Антонова отшвырнуло на кресла как тряпичную игрушку. Он схватился за них и попытался быстро встать на ноги, но оглушающий взрыв сбил его с ног. В отсеке загорелся красный и желтый свет, извещающие о разгерметизации корпуса. Антонов лежал без сознания. Шаттл вертело и кидало, но он продолжал мчаться вперед, на встречу с вылетевшей эскадрой. Раздался женский голос оповещения: «Корпус разгерметизирован. Немедленно проследуйте в спасательные капсулы». Корабль трясло, по нему продолжали стрелять.

Антонов пришел в себя. Его лицо окрашивалось в желтый и красный цвета. Он слышал предупреждение системы безопасности и рев раненого корабля. Адьютант открыл дверь кабины. Первый пилот пытался вывести корабль из-под шквала огня. Взрывы средней мощности раздавались у самого корпуса, но шаттл успешно избегал их, ныряя и выкручиваясь изо всех сил. Увидев вошедшего Антонова, пилот стал докладывать:

— Мы несколько раз попали в него, но он крепкий орешек, — докладывал пилот. — Нас подбили: корпус пробит в нескольких местах, — корабль трясло, мешая говорить, — инженеры и бойцы успешно эвакуировались в спасательных капсулах.

— Они живы? — уточнил Антонов.

— Вражеский корабль не стал гнаться за капсулами. Похоже ему нужны мы...

— Или то, что мы везем, — задумываясь, произнес Антонов.

— Нужно уходить, командир, — выворачивая штурвал, настаивал первый пилот, — они скоро накроют нас или у нас раньше кончится кислород.

Второй пилот посмотрел на адъютанта. На лице Антонова застыло раздумье. В его глазах сверкали красные огни датчиков, сообщавших о катастрофическом сокращении кислорода в кормовых отсеках. Кинетические барьеры на половину разрушены, щиты давно сбиты.

Собравшись с мыслями, Антонов схватил комлинк из настенного шкафчика и вышел в пассажирский отсек. Он твердыми шагами шел к Каро, крепко держась за кресла. Подойдя к нему, он отстегнул привязные ремни и приказал следовать за ним. Но Каро сидел в кресле, крепко вцепившись в подлокотники. Лицо Антонова было невозмутимо, он схватил Каро за руку и стащил его с кресла.

Он вел его за собой к центральной эвакуационной шахте. Антонов увидел на приборных экранах, что она не повреждена и капсулы подготовлены системой для эвакуации. Корабль содрогнулся. Взрыв задел корпус, жестко встряхнув шаттл. Антонова и Каро раскидало в разные стороны.

Адьютант цеплялся за стену и пол, стараясь быстрее встать на ноги. Каро лежал у двери в эвакуационную шахту. Антонов подошел к ней и нажал на кнопку. Дверь открылась. Каро запуганно смотрел на того, кто недавно крепко держал его за руку, сажая в шаттл. В глазах Антонова не было злости, он не желал ему зла, но в его голове была одна единственная мысль, которая твердила ему о спасении.

Каро оперся на руку и протянул вторую адъютанту. Антонов схватился за теплую

бледную ладонь и, потянув на себя — помог Каро подняться. Они смотрели друг другу в глаза, понимая, что один от другого ждет. Со стороны пассажирского отсека донеслись крики пилотов. Они бежали к эвакуационным шахтам. Антонов со злостью глянул на них.

— Воронка перехода — прямо перед нами, — прокричал первый пилот. — Локация не известна. Нас засасывает. Нужно уходить!

— Автопилот долго не продержится, — крикнул второй.

Антонов посмотрел на Каро и медленно отвел его от шахты. Пилоты открыли двери двух других и вошли в спусковые лифты. Следом за ними, в третью шахту вошел Антонов. Через секунду все трое стремительно унеслись вниз.

Каро посмотрел в сторону пассажирского отсека, затем в другую. Отсек был задраен. Система сообщала о переходе в прыжковую петлю и предупреждала о том, что нужно пристегнуться. Каро развернулся в сторону иллюминатора и увидел, как к кораблю приближаются несколько десятков снарядов. Вражеский корабль отчаянно пытался уничтожить двигатели и систему наведения шаттла, чтобы предотвратить скачок.

Раздались взрывы. Огромный красно белый плазменный шар быстро разрастался, поглощая шаттл. Лицо Каро осветило яркой вспышкой. Корабль скрежетал, разваливаясь на куски. Каро не чувствовал под ногами поверхности. Его отшвырнуло в сторону как манекен, погребая под сорванными креслами.

В адском реве и скрежете Каро увидел вражеский корабль. Его конусообразный корпус осветил яркий свет от взрывов. Он был прекрасен и уродлив одновременно. Позади него, вспыхнули синим светом двигатели. Он подошел слишком близко, и его начало утягивать в воронку. Шаттл разваливался на куски. Их затягивало в открывшуюся дыру.

Каро бросил ошалевший взгляд в иллюминатор: на огромной скорости к ним приближался конус вражеского корабля. Раздался взрыв. Шаттл трясло и вертело, засасывая в воронку. Яркая вспышка ослепила глаза. Пронзительный писк ударил в голову.

Больше книг на сайте - Knigolub.net